

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (52)

ОРЕЛ – 2013

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (52)

Редакционно-издательская коллегия:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Белевитина Т.М. (ответственный редактор журнала), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии), Александрова А.П., Алексеев А.П., Зайченкова М.С., Иванов А.Е., Изотов В.П., Исаева Н.И., Капустин А.Я., Колесникова А.Ф., Львова С.И., Минаков С.Т., Михеичева Е.А., Оскотская Э.Р., Пахарь Л.И., Пивень В.Ф., Репин О.А., Седов Е.Н., Серегина Т.В., Тер-Минасова С.Г., Тыртышников Е.Е., Уман А.И., Шабанов Н.К.

Серия «Гуманитарные и социальные науки»

Редакционно-издательская коллегия серии:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Белевитина Т.М. (ответственный редактор журнала), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии), Антонова М.В., Аронова С.А., Бахвалова Т.В., Гелла Т.Н., Изотов В.П., Крючкова Т.Б., Литвин Ф.А., Марковичева Е.В., Минаков С.Т., Михальченко В.Ю., Михеичева Е.А., Назарова Г.Ф., Никифоров В.А., Новиков С.Н., Образцов П.И., Рымшина Т.А., Селютин В.Д., Серегина Т.В., Тюрикова Г.Н., Уман А.И.

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Ученые записки Орловского государственного университета» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим отраслям научных специальностей:

01.00.00 – физико-математические науки; 02.00.00 – химические науки; 03.00.00 – биологические науки; 06.00.00 – сельскохозяйственные науки; 07.00.00 – исторические науки; 08.00.00 – экономические науки; 09.00.00 – фило-софские науки; 10.00.00 – филологические науки; 12.00.00 – юридические науки; 13.00.00 – педагогические науки; 14.00.00 – медицинские науки; 17.00.00 – искусствоведение; 19.00.00 – психологические науки; 25.00.00 – науки о земле.

Учредитель –

ФГБОУ «Орловский государственный университет»
Адрес редакции: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95
Орловский государственный университет
Редакция журнала «Ученые записки ОГУ»
E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENTIFIC NOTES OF OREL STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

Vol.2
No.52

OREL – 2013

SCIENTIFIC NOTES

OF OREL STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

Vol.2 - No.52

Editorial Board:

Avdeyev F.S. (scientific editor-in-chief), Puzankova E.N. (scientific deputy editor-in-chief), Belevitina T.M. (responsible editor), Dudina E.F. (scientific secretary of the editorial board), Alexandrova A.P., Alekseev A.P., Zaichenkova M. S., Ivanov A.E., Izotov V.P., Isayev N. I., Kapustin A.Ya., Kolesnikova A.F. Lvova S.I., Minakov S.T., Mikheicheva E.A., Oskotskya E.R., Pakhar L.I., Piven V. F., Repin O. A., Sedov E.N., Seryogina T.V., Ter-Minasova S.G., Tyrtysnikov E.E., Uman A.I., Shabanov N. K.

Series «Humanities and social science»

Publishing board of the series:

Avdeyev F.S. (scientific editor-in-chief), Puzankova E.N. (scientific deputy editor-in-chief), Belevitina T.M. (responsible editor), Dudina E.F. (scientific secretary of the editorial board), Antonova M.V., Aronova S.A., Bakhvalova T.V., Gella T.N., Izotov V.P., Kryuchkova T.B., Litvin F.A., Marcovicheva E.V., Minakov S.T., Mikhachenko V.Y., Mikheicheva E.A., Nazarova G.F., Nikiforov V. A., Nikiforov V. A., Novikov S.N., Obratsov P.I., Rimshina TA., Selyutin V.D., Seryogina T.V., Tyurikova G.N., Uman A.I.

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science the journal “Scientific Notes of Orel State University” is included in the list of leading reviewed scientific journals and publications, in which the scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences in the following branches of scientific specialties should be published: 01.00.00 – physical and mathematical sciences; 02.00.00 – chemical sciences; 03.00.00 – biological sciences; 06.00.00 – agricultural sciences; 07.00.00 – historical sciences; 08.00.00 – economic sciences; 09.00.00 – philosophical sciences; 10.00.00 – philological sciences; 12.00.00 – science of law sciences ; 13.00.00 – pedagogical sciences; 14.00.00 – medical sciences; 17.00.00 – art criticism; 19.00.00 – psychological sciences; 25.00.00 – sciences about the earth.

The founder –

FSBES “Orel State University”

Editorial Office address: 302026, Orel, Komsomolskaya St., 95

Orel State University

Editorial Office of the magazine “Scientific notes of OSU”

E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

СОДЕРЖАНИЕ

07.00.00 – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

О.М. Аверичева СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ЗЕМСКИХ УЧАСТКОВЫХ НАЧАЛЬНИКОВ(НА МАТЕРИАЛАХ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)	11
М.Дж. Байрамов О СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ СЕЛЬСКОГО ТИПА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ	18
М.В. оглы Джафаров КУФИЧЕСКИЕ МОНЕТЫ, НАЙДЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО РЕГИОНА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (В КОНЦЕ VII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VIII ВЕКОВ)	21
А.Д. Морева СИНГАПУР В 1959-1965 гг.: ПУТЬ К НЕЗАВИСИМОСТИ ЧЕРЕЗ САМОУПРАВЛЯЕМУЮ КОЛОНИЮ И УЧАСТИЕ В МАЛАЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	27
Н.А. Низовцев «ОТЧЕТЫ ИММИГРАЦИОННОЙ КОМИССИИ» США ПОД РУКОВОДСТВОМ УП. ДИЛЛИНГХЕМА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ ИМИГРАЦИИ В КАЛИФОРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.	32
А.Ю. Савосичев ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЬЯКОВ И ПОДЬЯЧИХ XV-XVII вв. В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.	38

08.00.00 – ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Л.В. Лапицкая, Е.В. Стрелец О РАЗВИТИИ МАРКЕТИНГОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ТУРИСТИЧЕСКОГО РЫНКА РЕГИОНА	45
К. С. Мерзликина РОЛЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ МАРКЕТИНГОВОЙ СРЕДЫ КРЕДИТОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ АПК И ЛИЦ, ВЕДУЩИХ ЛПХ	52
Е.В. Петрухина УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ	58
С.П. Строев, А.М. Покровский МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОДЕЛЕЙ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СРЕДСТВ ФИНАНСИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ РИСКА	63
В.И. Тихий, В.Д. Фрейдлина ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ЗАНЯТОСТИ В ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ	67

09.00.00 – ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Ю.В. Горлова ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПЛЮРАЛИЗМА	72
В.В. Ким РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И ПРОФИЛАКТИКА ФАНАТИЗМА	77
С.В. Крюкова, И.В. Микулина ИЗУЧЕНИЕ КАДРОВОГО СОСТАВА РЕДАКЦИЙ ПЕЧАТНЫХ СМИ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ	82
С.В. Кузнецов ОСНОВНОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ВЕКТОР ФИЛОСОФИИ СМЫСЛА В.В. НАЛИМОВА	88
П.П. Мартинкус РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВООБРАЖАЕМОГО РАЗЛИЧИЯ	92
Н.А. Некрасова, З.В. Макашов ДУХОВНОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ	99
О.В. Пчелина ТЕУРГИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО: ТЕМЫ И ВАРИАЦИИ	104
Д.Л. Рыжков МАРКСИЗМ О БУДУЩЕМ ОБЩЕСТВА: К НОВЫМ ФОРМАМ СО СТАРЫМИ ПРОТИВОРЕЧИЯМИ	109
Д. Е. Сюсюкина К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ	114
С.С. Шарапов ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО НОМО FABER	118

10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Л.В. Алешина ОСОБЕННОСТИ МАКРОСТРУКТУРЫ СЛОВАРЯ АВТОРСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ Н.С. ЛЕСКОВА	123
Н.М. Болохонцева К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ СИТУАЦИЙ СКРЫТОГО КОММУНИКАТИВНОГО ДИСКОМФОРТА	129
С.М. Васильченко ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЛОКАТИВОВ С ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИМ ГИПЕРОНИМОМ ЯЩИК В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	133

Е.М. Волков, А.И. Салов ЛИТЕРАТУРА 9/11 О ТРАГЕДИЯХ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ И СЕМЬИ: УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ И НОВАТОРСТВО РОМАНА ДЖ. С. ФОЕРА «ЖУТКО ГРОМКО И ЗАПРЕДЕЛЬНО БЛИЗКО»	145
А.П. Дудко ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ МЕМУАРНО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО НАЧАЛА ВО «ВРЕМЕННОМ» ИВАНА ТИМОФЕЕВА	150
А.Е. Звонарева СКРИПТА ОБЛАСТИ ВЕНЕТО (ИТАЛИЯ) XIII-XIV ВВ.: ДИАТОПИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ	159
С.В. Зеленцова СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ ПЕЙЗАЖА В РАССКАЗАХ И.А. БУНИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДО 1917 ГОДА)	166
И.Л. Золотарев ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ФАНТАСТИКА ТУРГЕНЕВА И МОПАССАНА	173
П.А. Ковалев, М.А. Курсанов СУГГЕСТИВНОЕ И АРГУМЕНТАТИВНОЕ НАЧАЛО В ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА («И СКУЧНО И ГРУСТНО...»)	180
Л.Н. Колесникова РИТОРИКА И РИТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ	187
Е.М. Коньшев БАЙРОНИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ИЗОБРАЖЕНИИ ТУРГЕНЕВА И ДОСТОЕВСКОГО	193
И.В. Лукин ОБЩНОСТЬ ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «ЯМСКАЯ СЛОБОДА» И ЕГО РАССКАЗОВ «МУСОРНЫЙ ВЕТЕР» И «РЕКА ПОТУДАНЬ» В МИФОПОЭТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	199
Е.А. Михеичева, А.В. Лаврушина ХРОНОТОП «БЕРЛИН – РОССИЯ» В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ В.В. НАБОКОВА «ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧОРБА»	205
М.В. Орехова ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, СООТНОСЯЩИЕСЯ С НЕЗНАМЕНАТЕЛЬНЫМИ ЧАСТЯМИ РЕЧИ, В РОМАНАХ Б. ЗАЙЦЕВА	211
О.М. Сергеева К ПРОБЛЕМЕ ДВОЯКОЙ РЕФЛЕКСАЦИИ И.-Е. * ₁ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ	219

12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Л.А. Алексеева СПЕЦИФИКА ДЕТЕРМИНАЦИИ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ	228
А.С. Архипов ПРЕДПОСЫЛКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ ОЦЕНОЧНЫХ НОРМ, СОДЕРЖАЩИХ КРИТЕРИЙ РАЗУМНОСТИ	231
О.Н. Баженов ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВИНОВНЫХ, ОСУЖДЕННЫХ К ШТРАФУ	234
Я.Е. Бочаров ОСНОВЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСИ	237
С.Г. Гонтарь ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РАМКАХ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	239
А.С. Киндеркнехт К ВОПРОСУ О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	242
В.С. Латыпов ИНЫЕ СУБЪЕКТЫ (УЧАСТНИКИ) УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ СПЕЦИАЛИСТА)	247
Г.В. Назаренко ПРАВОМЕРНОЕ И КВАЗИПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ	250
Д.Г. Никулин УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ ВО ВНУТРЕННИХ ВОЙСКАХ МВД РОССИИ	254
И.Р. Султанов СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА И АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	258
В.А. Телегина АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В СИСТЕМЕ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ	263
Е.Ю. Тихалева СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ СТРУКТУР МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	267

13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Н.И. Бочарова, Е.А. Осадчая ВЛИЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ И ФОРМ КОНТРОЛЯ И ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ИХ ПСИХОФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ	274

С.Ю. Бубнова ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИИ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ	282
Ю.Ю. Гриднева ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВИДОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЯЗЫКОВЫХ АСПЕКТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЭКСПРЕССИВНОМУ ПИСЬМЕННУМУ ВЫСКАЗЫВАНИЮ В ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ	286
С.В. Дерепаско ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ПО ОТРАСЛИ «ДИЗАЙН»	291
А.И. Козачок ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА ПРИ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИИ.	294
В.П. Крестьянов МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КИРГИЗИИ И РОССИИ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ.	298
А.И. Лаврищев МНОГОЗНАЧНОСТЬ ПОНЯТИЙ «ТЕРМИН» И «ТЕРМИНОЛОГИЯ»	302
Э.В. Маркин, А.С. Парфенов МОТИВАЦИЯ К ЗАНЯТИЯМ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ У СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ	305
В.С. Макеева, Е.Н. Ковешникова, Т.А. Пеленицина, З.С. Тинькова ПРОФЕССИОГРАММА БАКАЛАВРА ПО РЕКРЕАЦИИ И СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОМУ ТУРИЗМУ	310
П.И. Образцов НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЯ КРИТЕРИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕСТОВ	314
С.В. Першина СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ ЛЮБИТЕЛЬСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО КОЛЛЕКТИВА В ВУЗЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ.	320
В.В. Платонов ОПТИМИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ДИДАКТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ «МАЛАЯ ГРУППА» С ПРИМЕНЕНИЕМ ПОРТАТИВНОГО МУЛЬТИМЕДИЙНОГО КОМПЛЕКТА «МУЛЬТИКЕЙС»	324
В.Н. Сорокоумова ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТРУКТУРЫ ЗНАНИЙ И УМЕНИЙ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ФАКТОР ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К ПРОЦЕССУ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ	329
О.А. Титова ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СТУДЕНТОВ НЕМУЗЫКАЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИГРЕ НА ФОРТЕПИАНО В ВУЗАХ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ	333
Д.А. Хворостов УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ ПРОЕКТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	337
Н.Г. Шумилина РОЛЬ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	341
М.В. Якушев РАМОЧНЫЕ УСЛОВИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	345
19.00.00 – ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
В.О. Колесниченко ЗНАЧЕНИЕ ХАРАКТЕРА В САМОРЕАЛИЗАЦИИ И САМОРЕГУЛЯЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ	353
И.В. Нехорошева ЦЕННОСТИ ЛЮДЕЙ С РАЗЛИЧНОЙ НАВЯЩЕННОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ	360
А.Г. Самохвалова ГЕНЕЗИС ЗАТРУДНЕННОГО ОБЩЕНИЯ В ДЕТСКОМ ВОЗРАСТЕ	367
Л.А. Стахнева ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПРЕДМЕТА СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОГО ТИПА РАЦИОНАЛЬНОСТИ.	372
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ	376
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ	377
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ	378

CONTENT

07.00.00 – HISTORICAL SCIENCES

O.M. Avericheva THE SOCIO-CULTURAL IMAGE OF DISTRICT GOVERNORS IN OREL PROVINCE	11
M.C. Bayramov ABOUT THE MEDIEVAL COUNTRY-TYPE SETTLEMENTS IN AZERBAIJAN	18
M.V. Jafarov KUFIC COINS FOUND IN THE SOUTH-EAST REGION OF THE AZERBAIJAN REPUBLIC (THE END OF VII - THE BEGINNING OF VIII CENTURIES)	21
A.D. Moreva SINGAPORE IN 1959-1965: A WAY TO INDEPENDENCE THROUGH THE SELF-GOVERNING COLONY AND PARTICIPATION IN FEDERATION OF MALAYA	27
N.A. Nizovtsev «THE REPORTS OF THE US IMMIGRATION COMMISSION» UNDER THE HEAD OF Y.P. DILLINGHAM AS A SOURCE FOR THE STUDY OF RUSSIAN IMMIGRATION IN CALIFORNIA IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY	32
A.Yu. Savosichev THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF CLERKS AND ASSISTANT CLERKS OF XV-XVII CENTURIES IN THE SOVIET HISTORIOGRAPHY	38

08.00.00 – ECONOMIC SCIENCES

L.V. Lapitskaya, E.V. Strelets ABOUT MARKETING POTENTIAL OF REGIONAL TOURIST MARKET	45
X.S. Merzlikina THE INSTITUTIONAL FACTORS OF THE REGIONAL MARKETING DEVELOPMENT IN FARMERS' CREDITING	52
E.V. Petrukhina MANAGEMENT OF INNOVATION DEVELOPMENT IN THE CONDITIONS OF INFORMATION ECONOMY	58
S.P. Stroeve, A.M. Pokrovsky METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF FINANCIAL DISTRIBUTION MODELS FOR STATE-FINANCED ORGANIZATIONS IN THE REGION UNDER RISK	63
V. I. Tikhiy, V.D. Freidlina THE CHANGES OF AN EMPLOYMENT STRUCTURE IN OREL	67

09.00.00 – PHILOSOPHICAL SCIENCES

Y.V. Gorlova THE CONCEPT AND THE ESSENCE OF THE SOCIOCULTURAL PLURALISM	72
V.V. Kim THE DEVELOPMENT OF CRITICAL THINKING AND PREVENTION OF FANATI	77
S.V. Kryukova, I.V. Mikulina THE STUDY OF PERSONNEL OF BELGOROD REGION MASS MEDIA EDITORIAL DESKS	82
S.V. Kuznetsov MAIN RESEARCH VECTOR PHILOSOPHY OF SENSE V.V. NALIMOV	88
P.P. Martinkus THE REPRESENTATION OF IMAGINED DISTINCTION	92
N.A. Nekrasova, Z.V. Makatov SPIRITUAL DEVELOPMENT PERSONALITY	99
O.V. Pchelina THEURGIC AESTHETICS BY OF D.S. MEREZHKOVSKY: THEMES AND VARIATIONS	104
D.L. Ryzhkov MARXISM ABOUT THE FUTURE OF THE SOCIETY: TO NEW FORMS WITH OLD CONTRADICTIONS	109
D.E. Sysykina STRUCTURE OF SOCIAL REALITY	114
S.S. Sharapov EXISTENTIAL BASIS OF PRESENT HOMO FABER	118

10.00.00 – PHILOLOGICAL SCIENCES

L.V. Alyoshina THE PECULIARITIES OF MACRO-STRUCTURE OF A LESLOV'S DICTIONARY OF NEOLOGISMS	123
N.M. Bolochontseva THE ISSUE OF THE CLASSIFICATION OF THE SITUATIONS OF LATENT COMMUNICATIVE DISCOMFORT	129
S.M. Vasilchenko FORMAL AND SEMANTIC CONNECTIONS OF THE LOCATIVES UNITED UNDER THELEXICOGRAPHICAL HYPERONYM BOX IN THE ONOMASIOLOGICAL ASPECT	133

E.M. Volkov, A.I. Salov

THE LITERATURE OF 9/11 ABOUT THE INDIVIDUAL AND FAMILY TRAGEDIES: UNIVERSALISM
AND INNOVATION OF THE NOVEL «EXTREMELY LOUD AND INCREDIBLY CLOSE» BY JONATHAN SAFRAN FOER 145

A.P. Dudko

THE FORMS OF EXPRESSING THE AUTOBIOGRAPHICAL MEMOIRS BEGINNING IN «VREMENNİK» BY IVAN TIMOFEEV 150

A.E. Zvonareva

THE EARLY SCRIPTA OF THE VENETO REGION IN ITALY (13TH AND 14TH CENTURIES): THE DIATOPIC VARIATION 159

S.V. Zelentsova

THE FUNCTION OF THE LANDSCAPE IN THE PLOT AND COMPOSITION IN BUNIN'S SHORT STORIES (BASED ON WORKS BEFORE 1917)... 166

I. L. Zolotaryov

TURGENEV AND MAUPASSANT'S EXPERIMENTAL FANTASTIC TALES. 173

P.A. Kovalev, M.A. Kirsanov

SUGGESTIVE AND ARGUMENTATIVE BEGINNING IN PHILOSOPHICAL LYRICS BY M.Y. LERMONTOV («AND BORING AND SAD ...»). 180

L.N. Kolesnikova

RHETORIC AND RHETORICAL PERSONALITY 187

E.M. Konyshov

A ROMANTIC PERSONALITY IN THE WORKS OF TURGENEV AND DOSTOYEVSKY 193

I.V. Lukin

THE SIMILARITY OF THE NOVEL "YAMSKAYA SLOBODA" AND SHORT STORIES "MUSORNY VETER"
AND «"HE RIVER POTUDAN" BY ANDREI PLATONOV. 199

E.A. Mikheicheva, A.V. Lavrushina

CHRONOTOPE "BERLIN – RUSSIA" IN V. NABOKOV'S SHORT STORY COLLECTION "THE RETURN OF CHORB" 205

M.V. Orekhova

PHRASEOLOGICAL UNITS THAT ARE RELEVANT TO FUNCTIONAL PARTS OF SPEECH IN THE NOVELS OF BORIS ZAYTSEV 211

O. M. Sergeeva

SOME THOUGHTS ON THE ISSUE OF THE TWOFOLD REFLEXATION OF PIE *_i IN ANCIENT GREEK 219

12.00.00 – SCIENCE OF LAW SCIENCES

L.A. Alexeeva

SPECIFICS OF DETERMINATION OF TRAFFIC VIOLATIONS AND VEHICLE OPERATION. 228

A.S. Arkhipov

PREREQUISITES FOR USING VALUATION STANDARDS, CONTAINING THE CRITERION OF REASONABLENESS
THE CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION 231

O.N. Bazhenov

PERSONAL CHARACTERISTICS OF OFFENDERS SENTENCED TO A FINE 234

Y.E. Bocharov

BASIS OF THE CIVIL AND LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC SIGNATURE 237

S.G. Gontar

THE PROBLEMS OF COOPERATION OF THE PROSECUTION AND LOCAL AUTHORITIES IN THE LAWMAKING. 239

A.S. Kinderknekht

THE PROBLEM OF LEGAL TERMINOLOGY TRANSLATION. 242

V.S. Latypov

OTHER SUBJECTS (PARTICIPANTS) OF CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS OF RUSSIA IN HISTORICAL ASPECT
(ON THE EXAMPLE OF THE EXPERT). 247

G.V. Nazarenko

LEGAL AND QUASI LEGAL BEHAVIOUR AS A RESULT OF THE DEFORMATION LEGAL CONSCIOUSNESS. 250

D.G. Nikulin

CRIMINAL AND PROCEDURAL ACTIVITY OF BODIES OF INQUIRY IN INTERNAL
TROOPS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA. 254

I.R. Sultanov

THE INTERRELATION OF THE INTERNATIONAL AND THE INTERNAL LAW
AND THE URGENCY OF THE ISSUE IN THE GLOBALIZATION ERA 258

V.A. Telegina

CURRENT ISSUES OF IMPLEMENTING APPELLATE PROCEEDING IN SYSTEM OF THE COURTS OF GENERAL JURISDICTION 263

E.Ju. Tikhaleva

ORGANIZATIONAL IMPROVEMENT OF THE MUNICIPAL UNIT 267

13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES

N.I. Bocharova, E.A. Osadchaya

THE EFFECT OF DIFFERENT TYPES AND FORMS OF CONTROL AND EVALUATION OF THE PROFESSIONAL TRAINING QUALITY
OF BACHELORS OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION ON THEIR PSYCHO-FUNCTIONAL STATE. 274

S.U. Bubnova

THE PRACTICAL ORGANIZATION OF THE QUALITY CONTROL OF THE UNIVERSITY STUDENTS' PROFESSIONAL TRAINING. 282

Y.Y. Gridneva	
THE PROBLEMS OF INTERACTION OF THE MAJOR SKILLS AND LINGUISTIC ASPECTS IN TEACHING UNIVERSITY STUDENTS EXPRESSIVE WRITING	286
S.V. Derepasko	
INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN SHAPING THE SKILLS OF FUTURE TEACHERS OF VOCATIONAL TRAINING IN THE BRANCH "DESIGN"	291
A.I. Kozachok	
THE PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE COMPETENCE APPROACH DURING THE INFORMATION SECURITY SPECIALIST TRAINING	294
V.P. Krestyanov	
THE INTERCULTURAL INTERACTION BETWEEN KYRGYZSTAN AND RUSSIA IN THE SOCIO-CULTURAL SPHERE	298
A.I. Lavrishchev	
POLYSEMY OF THE NOTIONS «TERM» AND «TERMINOLOGY»	302
E.V. Markin, A.S. Parfyonov	
MOTIVATION FOR PHYSICAL EXERCISE AMONG STUDENTS OF PEDAGOGICAL UNIVERSITIES	305
V.S. Makeeva, E.N. Koveschnikova, T.A. Pelenitsina, Z.S. Tinkova	
PROFESSIOGRAMMA OF THE BACHELOR ON THE RECREATION AND TO SPORTS TOURISM	310
P.I. Obratsov	
SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL BASIS OF PROJECTING AND CONSTRUCTING CRITERION-ORIENTED PEDAGOGICAL TESTS	314
S.V. Pershina	
CONCEPTUAL COMPONENTS OF ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL COMPETENCE OF AN AMATEUR THEATER GROUP LEADER IN CULTURE AND ARTS INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION	320
V.V. Platonov	
OPTIMIZATION OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF DIDACTIC-SYSTEM «SMALL GROUP» WITH APPLICATION OF THE PORTABLE MULTIMEDIA COMPLETE SET «MULTICASE»	324
V.N. Sorokoumova	
DEFINING THE KNOWLEDGE AND SKILLS STRUCTURE AS A NECESSARY FACTOR OF STUDENTS' TRAINING TO THE FORMATION PROCESS OF THE PROFESSIONAL COMPETENCE	329
O.A. Titova	
TEACHER SUPPORT OF STUDENTS OF THE NON-MUSIC SPECIALTIES IN THE PROCESS OF TEACHING TO PLAY THE PIANO IN UNIVERSITIES OF CULTURE AND ARTS	333
D.A. Khvorovtsov	
THE CONDITIONS OF FORMING STUDENTS' PROFESSIONAL COMPETENCES IN THE PROCESS OF MASTERING DESIGN TECHNOLOGIES ...	337
N.G. Shumilina	
THE ROLE OF MATHEMATICAL MODELING IN TEACHING UNDERGRADUATE TEACHER EDUCATION	341
M.V. Jakushev	
THE FRAMEWORK CONDITIONS OF FOREIGN LANGUAGE EDUCATION	345
19.00.00 – PSYCHOLOGICAL SCIENCES	
V.O. Kolesnichenko	
THE SIGNIFICANCE OF THE NATURE INTO SELF-REALISATION AND SELF-REGULATION	353
I.V. Nekhorosheva	
THE VALUES OF PEOPLE WITH DIFFERENT MORAL ORIENTATION	360
A.G. Samokhvalova	
GENESIS OF COMMUNICATION DIFFICULTY IN CHILDREN	367
L.A. Stahneva	
APPROACHES TO THE UNDERSTANDING OF THE SUBJECT OF MODERN PSYCHOLOGY IN THE CONTEXT OF POST-NON-CLASSICAL TYPE OF RATIONALITY	372

УДК 94(47).082/.083.5-282.5: + 3(2)53

UDC 94(47).082/.083.5-282.5: + 3(2)53

О.М. АВЕРИЧЕВА

аспирант кафедры истории России Орловского государственного университета
E-mail: avericheva57@gmail.com

O.M. AVERICHEVA

postgraduate student of the Department of Russian History, Orel state university
E-mail: avericheva57@gmail.com

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ЗЕМСКИХ УЧАСТКОВЫХ НАЧАЛЬНИКОВ
(НА МАТЕРИАЛАХ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

THE SOCIO-CULTURAL IMAGE OF DISTRICT GOVERNORS IN OREL PROVINCE

В статье рассматриваются вопросы социокультурного облика земских начальников Орловской губернии. Основное содержание исследования составляет анализ их сословной принадлежности, возраста, вероисповедания, образования, имущественного и семейного положения, а также раннее занимаемых должностей. Автор статьи делает вывод о значимости изучения личного состава института земских начальников для понимания степени эффективности их деятельности.

Ключевые слова: земский начальник, дворянство, местное управление, Орловская губерния.

The article examines the socio-cultural image of district governors in Orel province. The main content of the study is the analysis of their social class, age, religion, education, economic and marital status, as well as their previously held positions. The author concludes that the significance of studying the personnel of the institute of district governors to understand the effectiveness of their activities.

Keywords: district governors, nobility, local governance, Orel province.

Институт земских участковых начальников был учрежден в Российской империи 12 июля 1889 г., а в Орловской губернии был введен 1 июля 1891 г. Как утверждал в своих воспоминаниях С.Ю. Витте, Александр III «был соблазнен мыслью, что вся Россия будет разбита на земские участки, что в каждом участке будет почтенный дворянин, который пользуется в данной местности общим уважением, что этот почтенный дворянин – помещик будет опекать крестьян, судить их и рядить» [2, с. 299]. В этой связи, земский участковый начальник рассматривался не просто как государственный служащий, обязанный четко выполнять поставленные перед ним задачи. Как предполагалось, он должен был быть человеком высокой нравственной и правовой культуры, с внушительным набором деловых качеств.

Наладить взаимоотношения бывшему барину с крестьянским населением было весьма сложно. По мнению одного из земских начальников А.И. Новикова, мужик в барине видел врага и боялся его, в то время как и сам земский начальник того же мужика не знал, относился к нему предвзято, считая негодяем [16, с. 96]. Успех реформы при таких обстоятельствах целиком зависел от личности самого земского начальника. Особенную важность приобретало не только максимальное соответствие предъявляемым законом требованиям, но и наличие управленческого опыта руководства крестьянами. Поэтому

столь важным становится изучение социокультурного облика лиц, обеспечивающих работу рассматриваемого института.

В данной статье сделана попытка воссоздать социокультурный облик земских начальников, включающий не только сословную принадлежность, но и возраст, вероисповедание, образование, имущественное и семейное положение, а также прежде занимаемые должности, если таковые имелись. Нами было выявлено, что за все время существования института в Орловской губернии количество земских начальников было равно 175 лицам. Мы проанализировали данные из выявленных формулярных списков и личных дел 121 земского начальника, что составило 69% от их общего числа. Эти лица занимали свои должности в разное время с 1892 по 1917 гг. На протяжении исследуемого периода кадровый состав земских начальников изменялся. Поэтому его изучение было целесообразно разделить на два этапа. Первый этап, более статичный, когда не происходило частой смены кадров, это период с 1892 г. – время, когда появились первые точные данные о личном составе института земских начальников, по 1905 г. – первый год первой российской революции, которая стала одним из наиболее сложных периодов для всего общества, в том числе и для земских начальников. Второй этап с 1906 г. – время усиления текучести кадров в среде земских начальников, по 1917 г., когда должность

земского начальника была ликвидирована.

В соответствии с «Положением» к кандидатам на должность земского начальника предъявлялся ряд цензов, а именно сословный, возрастной, образовательный, служебный и имущественный. Для выходцев из местного дворянства отсутствие одного ценза с легкостью компенсировалось наличием другого. Таким образом, для представителей дворянской корпорации предоставлялись широкие возможности занятия желаемого места.

Первым и самым важным критерием отбора кандидатов на должность земского участкового начальника была принадлежность к дворянству, желательна местному [20, с. 511]. Такой выбор был не случаен, ведь поместное дворянство всегда было опорой самодержавия. Земский начальник одного из участков Козловского уезда Тамбовской губернии А.И. Новиков, утверждал, «что дворянин воспитан в традициях чести, обычной и специально дворянской» [16, с. 94]. Последнее заявление является спорным, и на него можно ответить словами председателя особой комиссии по составлению проектов реформы местного управления М.С. Каханова, который считал, что «сама по себе принадлежность к дворянству не может еще служить залогом более или менее широкого умственного кругозора, достаточно устойчивого для занятия столь трудной должности» [цит. по 12, с. 82]. Тем не менее, в большинстве губерний Российской империи земские начальники назначались именно из дворян. По данным А.А. Либермана, который первым обратился к исследованию личного состава института земских начальников, в 29 губерниях из 40 подвергнутых рассмотрению, в том числе в Орловской, все назначения происходили из рядов местного дворянства [15, с. 202].

Однако, согласно ст. 15 «Положения», в случае нехватки местных дворян министру внутренних дел разрешалось замещать должности земских начальников другими лицами, имевшими образовательный ценз не ниже среднего учебного заведения [20, с. 511]. Такой пример имел место в Орловской губернии, где в 1907-1908 гг. были утверждены в должности земские начальники, не принадлежавшие к дворянскому сословию, И.М. Яскевич и И.Г. Косиков.

Впрочем, такие замещения были редкостью. П.А. Зайончковский в своей монографии приводит данные Земского отдела Министерства внутренних дел, составленные в 1903 г., по 10 губерниям (Орловская губерния в это число не входила). В них земских начальников недворян было: в Новгородской губернии – 1, в Витебской – 2, Воронежской и Самарской – по 3 в каждой, в Костромской – 7, а в Вологодской – 12 [12, с. 398]. От общего количества земских начальников представители недворянского сословия составляли незначительный процент.

Сословная принадлежность земских начальников Орловской губернии выглядела следующим образом: (119 чел.) 98% принадлежали к дворянству, (2 чел.) 2% были представителями других сословий

(имеется много документальных сведений об этом) [например, 4, 5, 23, 24].

В первые пятнадцать лет существования института земских начальников его состав был исключительно дворянским. Допущение лиц из других сословий в ряды столь узко-сословного учреждения в Орловской губернии произошло дважды в начале XX в. и было вызвано разными причинами. Во-первых, нехваткой кандидатов «нужной» сословной принадлежности. Во-вторых, дефицитом лиц с высшим, и тем более юридическим образованием. В-третьих, в то время, когда данные кандидаты были утверждены на свои должности, эти вакансии в связи с постоянно увеличивающимся количеством обязанностей уже не были столь привлекательными. Хотя претенденты на должность земских начальников все же были, но их количество уже заметно уменьшилось.

Несомненно, столь узкая сословная база института земских начальников была анахронизмом в конце XIX – XX вв. Более того, она вступала в противоречие с объективным развитием общества и даже тормозила его.

Вторым требованием к претендентам на должность было достижение определенного возраста. По «Положению», на должность земских участковых начальников могли быть назначены местные потомственные дворяне не моложе 25 лет [20, с. 511]. Такой порядок сохранялся до начала XX в. Однако затруднения в подборе необходимых кадров для замещения должностей земских начальников заставляли вносить коррективы к данному требованию. В 1904 г. возрастной ценз для временно исполняющих должности земских начальников был понижен до 21 года [21, с. 368-369], что позволило расширить круг претендентов. Так, в марте 1907 г. уволенный в запас корнет 38 Владимирского драгунского полка А.Н. Цуриков в возрасте 24 лет обратился к председателю Карачевского уездного съезда с просьбой определить его на должность кандидата в земские начальники по Карачевскому уезду. Ни уездный, ни губернский предводители дворянства препятствий к назначению на указанную должность не нашли, и с 5 июня А.Н. Цуриков вступил «в исполнение должности земского начальника 2 участка Карачевского уезда» [10, л. 23]. Это назначение было подтверждено губернатором и МВД. Земским отделом МВД по этому поводу была дана следующая рекомендация: «Надлежит определить Цурикова канцелярским чиновником в канцелярию одного из местных губернских присутственных мест ведомства МВД и о времени сего уведомить министерство, которым он и будет затем командирован к временному исполнению обязанностей земского начальника, а по достижению 25 лет утвержден в должности» [10, л. 33]. Это объяснялось тем, что «кандидаты во время исполнения обязанностей земского начальника получают лишь суточное довольствие в размере 3 рублей, тогда как лица, по формальным условиям командированные министерством к исполнению этих обязанностей в ка-

честве канцелярских чиновников, имеют право на получение полного содержания, получаемого земскими начальниками» [10, л. 35].

Возрастной состав земских начальников в Орловской губернии, по имеющимся данным, представлял следующую картину. В период с 1892 г. по 1905 г.: лица от 25 до 40 лет составляли 32 % (23 чел.), от 41-55 лет – 48 % (36 чел.), и старше 55 – 20 % (15 чел.). С 1906 г. до 1917 г. состав земских начальников был представлен так: лица от 21 до 24 лет – 11% (10 чел.), от 25-40 – 37% (34 чел.), от 41-55 – 45% (41 чел.), старше 55 – 7% (6 чел.) [4,5,23,24]. Из представленных данных можно заключить, что в первый период земскими начальниками были люди, рожденные до 1861 г. или немного позже. У них еще были сильны семейные стереотипы поведения дворян-помещиков, которые не знали других «воспитательных приемов, кроме розги и отдачи в солдаты» [16, с. 94]. К началу XX в. ситуация изменилась, состав института земских начальников заметно помолодел. Управление и суд над крестьянами стали осуществлять люди иного типа, не знавшие крепостного права и не желавшие за него реванша. При всем этом мы можем говорить о том, что преобладающая часть земских начальников принадлежала к лицам среднего возраста. Это были зрелые люди, успевшие накопить достаточный жизненный и служебный опыт к началу своей деятельности. Земские начальники преклонного возраста находились в явном меньшинстве среди своих коллег. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других губерниях Центральной России. Например, в Тульской губернии возраст земских начальников был достаточно молодым: из 61 кандидата на эту должность лишь 11 были старше 50 лет [13, с. 83]. В Тамбовской губернии из 76 земских начальников 58 были в возрасте от 25 до 55 лет [1, с. 60].

Третьим требованием для выполнения должностных полномочий было наличие достаточного уровня образования. Это мог быть как законченный курс в одном из высших или средних учебных заведений Российской империи, так и сдача соответствующего экзамена [20, с. 511].

В Орловской губернии образовательный уровень земских начальников до начала XX в. и после был разным. Самым высоким было образование земских начальников так называемого первого призыва. Так, высшее образование имели почти 30 % земских начальников, среднее – 66%, из них военное – 85%, гражданское – 15 %, кроме того, домашнее.

В среднем в период с 1892 по 1905 гг. среднее образование получили 64% (47 чел.) земских начальников, из них военное – 70 % (33 чел.), а гражданское – 30 % (14 чел.), высшее образование получили 28 % (21 чел.); домашнее – 8 % (6 чел.).

С 1906 г. по 1917 г. образовательный уровень земских начальников немного понизился. Среднее образование имели 68% (62 чел.) земских начальников, из них военное – 79% (48 чел.), а гражданское 21% (13 чел.); высшее – 25% (23 чел.); домашнее 5%

(4 чел.), выдержали экзамен – 2% (2 чел.) [4,5,23,24]. Эти цифры вполне соответствовали реалиям того времени.

Исследователь орловского поместного дворянства второй половины XIX – начала XX вв. М.И. Лавицкая объясняет такой уровень образования губернских дворянских чиновников отсутствием возможности получить образование в столицах, в то время как количество местных учебных заведений было недостаточным и не удовлетворяло потребности населения в получении систематического образования [14, с. 79]. Тем не менее, даже такие данные относительно уровня образования смотрятся значительно выгоднее, чем представленные у П.А. Зайончковского и А.А. Либермана. В работе первого историка из 584 (100%) земских начальников у 124 (21,3%) не было среднего образования, а у второго из 2201 (100%) земского начальника, у 392 (17,8 %) не было среднего образования [12, с. 398; 15, с. 203].

На этом фоне образовательный уровень орловских земских начальников был вполне удовлетворительным. Особенно это касалось первых представителей данного института. В то же время преобладавшее в среде земских начальников среднее образование было чаще всего военным, что влияло на стиль поведения и форму общения с крестьянами. Бывшие военные чаще всего не обладали нужными юридическими знаниями, а также другими навыками, столь необходимыми земскому начальнику.

Однако, образовательный ценз не был основополагающим для занятия должности земского начальника. Это подтверждает тот факт, что 25 ноября 1889 г. государственный секретарь А.А. Половцов сделал в своем дневнике следующую запись: «на докладе у государя, в четверг Дурново испросил высочайшее повеление об уничтожении для земских начальников условия об образовательном цензе» [22, с. 236]. На наш взгляд, это не имело принципиального значения. «Положение» было полно всевозможных оговорок, позволяющих назначить на должность земского начальника по образному высказыванию П.А. Зайончковского «любого дворянского Митрофанушку» [12, с. 375].

В ноябре 1908 г. при Земском отделе МВД были открыты специальные четырехнедельные курсы с последующей сдачей экзамена [11, с. 178]. Целью этого мероприятия было улучшение личного состава института земских начальников. К сожалению, определить качество этих занятий не представляется возможным. Однако, земский начальник В. Поливанов, проходивший такого рода подготовку при Земском отделе МВД, оставил следующую заметку по этому поводу: «скажу только, что, просидев неделю, я пришел к твердому убеждению, что здесь занятия мне совершенно бесполезны» [19, с. 102].

Вторая возможность для желающих занять вакантную должность земского начальника, но не имеющих среднего образования: они должны были предварительно состоять в должности кандидата в

земские начальники при губернском присутствии и тоже сдать специальный экзамен.

Немаловажную роль при назначении на должность земского участкового начальника играл опыт предыдущей службы. В первую очередь учитывались следующие должности: мирового посредника, мирового судьи и неперменного члена присутствия по крестьянским делам. В Орловской губернии в первое пятилетие существования института почти половина земских начальников – 48% имела опыт предыдущей службы мировыми посредниками, мировыми судьями или неперменными членами присутствий по крестьянским делам. Из этого числа бывшими мировыми судьями были 65% земских начальников. Это было важным преимуществом, так как они имели опыт подобной службы. Неперменных членов по крестьянским делам было 14%, а лиц, успевших побывать как мировыми судьями, так и мировыми посредниками или неперменными члена присутствий по крестьянским делам оказалось 21%.

В период с 1892-1905 гг. земских начальников, имевших опыт службы в ранее перечисленных должностях, было 42% (31 чел.). Из них 61% (19 чел.) земских начальников были бывшими мировыми судьями, а 39% (12 чел.) – неперменными членами по крестьянским делам или посредниками. Остальные 58% (43 чел.) либо вообще не имели предыдущего опыта службы, либо их предыдущий род деятельности был далек от занимаемой должности. С 1906 г. по 1917 г. необходимый опыт службы имело 37% (34 чел.) земских начальников, из этого числа 53% (18 чел.) – бывших мировых судей и 47% (16 чел.) – неперменных членов по крестьянским делам или посредников. В этот период 63% лиц (57 чел.) не имели значимого опыта для службы земским начальником [4, 5, 23, 24]. Очевиден факт незначительного понижения качественного состава земских начальников.

Согласно «Положению» земские начальники должны были иметь земельное владение на территории губернии или другое недвижимое имущество, которое также могло принадлежать родителям или женам, что, кстати, не было редкостью. Например, земский начальник 1 участка Карачевского уезда И.И. Филимонов, 5 участка Елецкого уезда В.А. Зумбрицкий, 1 участка Севского уезда В.В. Князев и два других земских начальника не имели никакого собственного имущества [4]. В Орловской губернии необходимый минимальный размер владения был определен в 250 дес. Но и такое количество земли не всегда находилось у местных дворян.

В целом, земские начальники Орловской губернии имели разное имущественное положение: с 1892 по 1905 гг. менее 250 дес. земли было у 12 % (9 чел.), от 251 до 500 дес. – 42% (31 чел.), от 501 до 1000 дес. – 36% (27 чел.), свыше 1000 дес. – 10% (7 чел.). С 1906 по 1917 гг. менее 250 дес. земли было у 19% (17 чел.), от 251 до 500 дес. – 62% (56 чел.), от 501 до 1000 дес. – 15% (14 чел.), свыше 1000 дес. – 4 % (4 чел.) [4, 5, 23, 24]. Как мы видим, это были

люди разного достатка. Часть земских начальников служили по имущественному цензу жен и родителей, к тому же эта земля могла находиться под залогом в банке. Однако большая часть земских начальников имела размер земельного владения, превышающий установленный законом минимум. Земские начальники, не обладавшие необходимыми 250 дес. земли, могли служить по какому-либо другому цензу, например, образовательному.

Земскими начальниками в Орловской губернии бывали и землевладельцы из соседних Воронежской, Тульской губерний, а также из Новгородской губернии. Например, земский начальник 2 участка Дмитровского уезда П.Н. Шамшев имел родовое имение в Демянском уезде Новгородской губернии при селе Новоспасском 2400 дес. земли, а служил по имущественному цензу жены, владеющей в Орловской губернии в Дмитровском уезде при селах Гремячи и Толбузов такими же 2400 дес. земли [9, л. 3].

Земский начальник 5 участка Елецкого уезда Хвостов Сергей Алексеевич владел 530 десятин. земли в Елецком уезде Орловской губернии, 180 десятин земли в Тверской губернии и 1270 дес. земли в Воронежской губернии [7, л. 2].

Как и подавляющее большинство служащих административного аппарата, земские начальники были православного вероисповедания [7, л. 2]. Данное положение не являлось исключительным, ведь православные составляли 99,11 % [18, с. 11] населения губернии, что в целом характерно для центрального региона Российской империи.

На должности земских начальников назначались исключительно политически благонадежные кандидаты. Земский отдел МВД до принятия решения о назначении какого-либо лица запрашивал сведения о его служебных и личных качествах по месту прежней службы. Они были оформлены в виде рекомендательных писем. Например, перед утверждением на должность земского начальника 4 участка Орловского уезда Л.И. Пушина с его предыдущего места службы в Главном тюремном управлении запрашивалась подобная информация. В ответе сообщалось, что «названный чиновник отличается хорошими нравственными и служебными качествами» [6, л. 9]. Относительно будущего земского начальника 2 участка Малоархангельского уезда сам губернатор сообщал, что «Апальков, соответствует всем требованиям закона для занятия испрашиваемой для него должности, состоял ранее сего Старшим кандидатом на судебные должности при орловском окружном суде, и, по отзыву председателя последнего, обладал хорошими способностями и безупречными нравственными качествами, служебные обязанности исполнял усердно и добросовестно» [24, л. 605 об].

Подобная информация сохранилась не во всех формулярных списках земских начальников, но если мы обратимся к данным других губерний Российской империи, например к Тамбовской, то там предостав-

ление такого рода сведений являлось неперенным условием назначения, а кандидаты, чья политическая благонадежность не была подтверждена, так и не были назначены на желаемые должности [1, с. 57-58].

В ст. 10 «Положения» были обозначены условия, не позволяющие некоторым претендентам занять должность земского начальника. Во-первых, это относилось к лицам, находившимся под судом и следствием или уже судимым. Во-вторых, к претендентам, исключенным со службы или из дворянских собраний. В-третьих, к кандидатам, находящимся под опекой за расточительство или же объявленными несостоятельными должниками [20, с. 511].

Законом был определен максимальный размер жалования земским начальникам в 2500 руб. в год. В Орловской губернии, получаемое содержание земского начальника было 2200 руб. в год, из них само жалование составляло 1000 руб, и еще по 600 руб. на канцелярские расходы и разъездные. Некоторые исследователи считают, что такое жалование было малопривлекательным для крупного поместного дворянства. Однако, если вспомнить о том, что в Орловской губернии доминировала тенденция к сокращению площадей поместного землевладения [14, с. 49], шел процесс «оскудения» значительной части дворянства и преобладало среднее и мелкое дворянство, то можно сказать, что это жалование для них выглядело вполне достойным и даже могло стать главным источником дохода. Так было, например, у земского начальника 4 участка Дмитровского уезда Г.С. Вишневого. Для него служба была главным источником существования [25, л. 41 об]. Для сравнения: жалование городского судьи составляло те же 2200 руб., но для занятия данной должности требовалось удовлетворение ряда жестких цензов, а главным условием, чтобы стать земским начальником, была принадлежность к дворянскому сословию.

При анализе формулярных списков совершенно невозможно осветить негативную сторону облика земских начальников. В специально выделенной графе о штрафах и взысканиях в формулярных списках всех земских начальников стоит прочерк. Да и об особенностях характера и наличии каких-либо деловых навыков не сообщается. Однако, существуют другие источники, в первую очередь местная пресса, особенно ежедневная губернская газета «Орловский вестник», которая помогла дополнить образ по крайней мере некоторой части земских начальников.

В одном из номеров «Орловского вестника» сообщалось о «подвигах» земского начальника 6 участка Брянского уезда С.В. Жадкевича, который «в прошедшем году на святках ловил за костюмы дам на одном из вечеров в общественном собрании – вновь отличился тем же и теперь. Напившееся крестьянское начальство оскандалилось во всю и заставило говорить о своем подвиге весь город» [17, с. 2]. Автор данной статьи задавался вопросом, как таким личностям доверяют судьбу десятков тысяч крестьян.

И этот случай далеко не единичный, как утверждал корреспондент.

Сохранились материалы о поступке земского начальника 1 участка Малоархангельского уезда Н.Е. Савенкова. На одном из мероприятий, проводимых в саду того же общественного собрания, он много пил, отчего, по показаниям некоторых свидетелей, находился в возбужденном состоянии, ходил по саду без шапки нетвердою походкой, толкая гулящую публику, да и общий отзыв о нем был как о человеке сильно злоупотреблявшим спиртными напитками» [7, л. 33]. Таким образом, мы видим, что этот порок не минул крестьянского начальства. Однако, после этих случаев ни один из указанных земских начальников не был наказан.

Несомненно, не все земские начальники были такими. Среди земских начальников были и люди надежные, ответственные, с участием относящиеся к проблемам крестьян, посвятившие своей службе долгие годы.

Одним из примеров добросовестного отношения к служебным обязанностям был земский начальник 1 участка Брянского уезда потомственный дворянин Орловской губернии Е.П. Киселевич. Помимо высшего юридического образования, полученного в императорском университете им. Св. Владимира, будущий земский начальник имел опыт работы по судебной части, будучи судебным следователем 2 участка Брянского уезда. Кроме того, он был дважды командирован к исполнению должности помощника секретаря 1 и 2 столов уголовного отделения. С 1 мая 1891 г. Е.П. Киселевич был отозван из командировки и 1 июля 1891 г. вступил в исполнение должности земского начальника и прослужил в указанной должности до 1909 г. [5, л. 69].

Назначение на должность земского участкового начальника предполагало обязательное предварительное согласие уездного предводителя дворянства, а затем согласование кандидата губернатором и губернским предводителем дворянства. Обычно процедура выглядела следующим образом: местный дворянин обращался к уездному предводителю дворянства с прошением о его назначении, тогда последний ходатайствовал об этом перед губернатором, который, посоветовавшись с губернским предводителем дворянства, отправлял данные об избранном кандидате в МВД.

Увольнение земского начальника от занимаемой должности обычно происходило только по его собственному желанию. Даже при наличии серьезных упущений по службе или превышении полномочий губернская администрация разными способами затягивала рассмотрение дела, предоставляя земскому начальнику возможность самому подать прошение об отставке или же дожидаться прекращения производства, ссылаясь на высочайший манифест.

Таким образом, в начале 90-х годов XIX в. в Орловской губернии был сформирован корпус земских начальников, призванный навести порядок в

крестьянской среде. Земские начальники прежде всего должны были упорядочить и поставить под контроль деятельность общинного самоуправления и волостных судов, пресечь злоупотребления среди крестьянских должностных лиц, а главное – помочь сельскому населению приспособиться к новым условиям жизни в пореформенной России.

Подводя итог анализу кадрового состава земских начальников Орловской губернии, можно заключить, что он носил преимущественно дворянский характер, что было типично для черноземного центра Российской империи. Исключением стали лишь земские начальники И.М. Яскевич и И.Г. Косиков, которые были назначены из-за нехватки должных кандидатов дворянского происхождения, которая наблюдалась в начале XX в.

Все земские начальники были землевладельцами разного уровня, в большинстве своем имеющие среднее образование, реже высшее и еще реже юридическое. Как писал А.И. Новиков, «чтобы быть земским начальником надо иметь образовательный ценз и сословно-имущественный ценз; если нет людей, удовлетворяющих обоим условиям, то предпочтение дается не образовательному, а сословному цензу, при отсутствии и тех и других, назначаются чиновники без того и другого. Главное условие чтобы быть земским начальником – это принадлежность к потомственному дворянству, второе – образование, и то не высокое» [16, с. 92-93]. Созданные законом условия позволяли занять эту должность практически любому мало-мальски образованному дворянину.

Сами земские начальники некоторыми поступками дискредитировали не только себя, но и нововведенный институт в целом. На новую должность иногда попадали лица, просто не готовые нести ответственность за свои действия, а тем более за целые деревни, что, конечно, вызывало недоверие и отторжение в крестьянской среде.

Но все же были и лица, соответствующие выпол-

нению сложных функций, возложенных на земских начальников. Такие помещики были настоящими коренными жителями в своих местностях, способными объективно оценивать, и главное, знавшие положение дел в деревне, желавшие оказать всевозможную помощь крестьянам. Они понимали, что сегодня могут создать задел для завтрашнего благополучия. Несомненно, именно на таких людей и возлагались надежды при введении «Положения».

Исследование социокультурного облика земских начальников позволило сделать следующие выводы. Во-первых, «Положение» было составлено таким образом, что трактовать указанные в нем статьи приходилось в зависимости от собственного усмотрения. Таким образом, состав нововведенного института в Орловской губернии, как и в других частях центральной России, был преимущественно дворянским [1, с. 56; 13, с. 83]. При этом, члены дворянской корпорации не желали терять контроль над кадровым составом института земских начальников в своих губерниях. Данный факт вызывал критику не только либеральной общественности, а со временем существующие правила обеспокоили и центральное руководство. Так, П.А. Столыпин считал, что существующий порядок назначения земских начальников мешает правильному функционированию государственного местного управления и идет вразрез с развитием общества. Во-вторых, имущественное положение земских начальников было разным, и для части средних и тем более мелких землевладельцев служба земским начальником являлась важной доходной статьей. В-третьих, то, что большая часть земских начальников имела среднее, но военное образование, сказалось как на методах управления, так и в решении текущих дел. В-четвертых, хотя в рядах земских начальников и присутствовали бывшие мировые судьи, тем не менее, их было недостаточно для решения поставленных задач, а именно для постоянного исполнения судебных полномочий.

Библиографический список

1. Бузанова Н. А. Земские начальники Тамбовской губернии: 1889–1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005.
2. Витте С.Ю. Воспоминания Т. I. М., 1960.
3. ГАОО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 134.
4. ГАОО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 194.
5. ГАОО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 9.
6. ГАОО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 139.
7. ГАОО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 169.
8. ГАОО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 173.
9. ГАОО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 182.
10. ГАОО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 188.
11. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
12. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.
13. Звонцова А.В. Институт земских начальников в России в эпоху консервативной стабилизации и реформаторском процессе в 80-е гг. XIX в. - начале XX в.: По материалам Тульской губернии: Дисс.... канд. ист. наук. Тула, 2006
14. Лавицкая М.И. Орловское потомственное дворянство второй половины XIX- начала XX веков. (происхождение, инфраструктура и социально-культурный облик). Орел, 2005.
15. Либерман А.А. Состав института земских начальников // Вопросы истории. 1976. № 8.

16. Новиков А.И. Записки земского начальника. СПб., 1899.
17. Орловский вестник. 8 января 1906 года.
18. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XXIX Орловская губерния. /Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904.
19. Поливанов В. Русская мысль 1917. Кн. 3-4.
20. ПСЗ РИ. СПб., 1891. Собр. 3, Т. IX. № 6196.
21. ПСЗ РИ. СПб., 1904. Собр., 3, Т. XIV. № 24388.
22. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. М., 1966.
23. РГИА. Ф. 1291. Оп. 31. Д. 40.
24. РГИА. Ф. 1291. Оп. 31. Д. 605.
25. РГИА. Ф. 1291. Оп. 32. Д. 11.
26. РГИА. Ф. 1291. Оп. 32. Д. 13.

References

1. Buzanova N.A. Rural chiefs of Tambov Province: 1889-1917: Dissertation, Candidate of History. Tambov, 2005.
 2. Vitte S.Y. Memories T. I. M., 1960.
 3. GAOO. F. 35. Op. 1. D. 134
 4. GAOO. F. 35. Op. 1. D. 194.
 5. GAOO. F. 35. Op. 2. D. 9
 6. GAOO. F. 35. Op. 2. D. 139.
 7. GAOO. F. 35. Op. 2. D. 169
 8. GAOO. F. 35. Op. 2. D. 173
 9. GAOO. F. 35. Op. 2. D. 182
 10. GAOO. F. 35. Op. 2. D. 188
 11. Gurko V.I. Features and silhouettes of the past: the government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary. M., 2000.
 12. Zaionchkovsky P.A. Russian autocracy in the late XIX century. M., 1970.
 13. Zvontsova A.V. The institute of district governors in Russia during the conservative stabilization and the reform process in the 80-ies of XIX century – the beginning of XX century: Based on the province of Tula: Dissertation, Candidate of History. Tula, 2006
 14. Lavitskaya M.I. Orel hereditary nobility of the second half of XIX- the beginning of XX centuries. (Origin, infrastructure and socio-cultural identity). Orel, 2005.
 15. Lieberman A.A. The Institute of district governors // Questions of History. 1976. № 8.
 16. Novikov A.I. Notes of the district governor. St. Petersburg, 1899.
 17. Orel Bulletin. January 8, 1906.
 18. The first general census of the Russian Empire in 1897 T. XXIX Orel. / Under Ed. N.A. Troynitskogo. St. Petersburg, 1904.
 19. Polivanov V. Russian Thought, 1917. Books 3-4.
 20. CCL RI.SPb., 1891. Collected. 3, T. IX. № 6196
 21. CCL RI.SPb., 1904. Coll., 3, T. XIV. № 24388.
 22. Polovtsov A.A. The Diary of the State Secretary A. Polovtsov. M., 1966.
 23. RGIA. F. 1291. Op. 31. D. 40.
 24. RGIA. F. 1291. Op. 31. D. 605
 25. RGIA. F. 1291. Op. 32. D. 11.
 26. RGIA. F. 1291. Op. 32. D. 13.
-
-

УДК 902

UDC 902

М.ДЖ. БАЙРАМОВ

ученый секретарь Ленкоранского государственного
университета
E-mail: mushfig76@mail.ru

M.J. BAYRAMOV

scientific secretary of Lankaran State University
E-mail: mushfig76@mail.ru

О СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ СЕЛЬСКОГО ТИПА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

ABOUT THE MEDIEVAL COUNTRY-TYPE SETTLEMENTS IN AZERBAIJAN

Археологические исследования средневековых поселений азербайджанских деревень показывают, что с топографической точки зрения они представляют собой низменные, приречные, низкогорные и горные сельские типы. Картирование и топография памятников подтверждают, что для урегулирования типов поселений существенное значение имеют влажная земля, вода и подходящий климат.

Ключевые слова: средневековый, поселение сельского типа, топография, культурный слой, керамика.

The archeological investigations of the medieval country-type settlements show that from the topographical point of view Azerbaijan villages consist of low, streamside, lowland, and mountain rural types. Mapping and topography of the monuments affirm that humid land, water and suitable climate condition are very important while settling country-type settlements.

Keywords: medieval, a country type settlement, topography, the cultural layer, ceramics.

В феодальном обществе большая часть населения жила в сельских местностях. Топография средневековых памятников, зафиксированных археологическими изысканиями, свидетельствует, что среди них преобладают поселения сельского типа. Они отличаются друг от друга по территории и месту нахождения.

Топография поселений, а также данные письменных источников свидетельствуют, что при расселении учитывались все факторы, влияющие на развитие населенного пункта: плодородные земли, наличие водных ресурсов, благоприятные природно-климатические условия и т.д. Заслуживают внимания источники средневекового азербайджанского поэта Ахвади о принципах выбора территории для поселения. По его мнению, прежде всего, выбирается хорошая местность, имеющая ориентацию к востоку. Эта местность должна быть обеспечена питьевой водой, местным строительным материалом, посевами и пастбищами. Кроме того, наличие поблизости рек, плодородных земель, летевов и зимовок, а также дорог, связывающих с окрестными городами и селами, имели основополагающее значение. Учитывалась и необходимость защиты данной местности (1, с. 36).

Следует отметить, что на современном этапе поселения сельского типа по степени своей изученности значительно уступают средневековым городищам. Долгое время средневековые поселения сельского типа не привлекали внимания исследователей. Практическое археологическое изучение поселений сельского типа началось со второй половины XX века. Но, к сожалению, до сих пор полностью не раскопано ни одно поселение сельского типа. К

тому же районы сплошного обследования ограничены. Сравнительно хорошо изучены Губа-Хачмаский район, юго-восточные районы Азербайджанской Республики и Нахчыванский край. В других регионах Азербайджанской Республики систематические исследования не проводились. Известны только отдельные памятники сельского типа.

Археологические исследования свидетельствуют, что средневековые поселения сельского типа расположены, в основном, на побережьях рек, плодородных низменностях, хорошо инсолируемых склонах гор и лесных рощах. Поселения сельского типа, расположенные на равнинах, в основном, зафиксированы на невысоких холмах, часто вблизи рек. Иногда рельеф визуально не прослеживается. Так, например, поселения Серкертепе, Ягубоба, Ахтытепе, Дейирмантепе, Гаратепе расположены на возвышенности, а в поселениях Дашбулаг, Гаджыалылы III, Чабанабдаллы рельеф отчетливо не наблюдается. Археологическими раскопками сравнительно хорошо изучены поселения Серкертепе, Гаратепе, Дашбулаг и Гаджыалылы. Из них Серкертепе и Гаратепе являются многослойными памятниками, поселения Дашбулаг и Гаджыалылы – однослойными. Мощность культурного слоя в этих поселениях не превышает 1,5 м. На культурном слое этих памятников обнаружены остатки каменного или турлочного жилища, дворы с хозяйственными ямами, тендирами и очагами. (2; 3; 4; 5). Заслуживает внимания плотность хозяйственных ям для хранения продуктов и тендиров для выпечки хлеба. Так, например, раскопками на поселении Серкертепе и Дашбулаг вскрыты участки, изрезанные хозяйственными ямами для хра-

нения зерна. Эти ямы вырыты очень аккуратно, дно и стенки их тщательно обмазаны (1, с. 91, 3. с...).

Интересен факт обнаружения остатков мастерских на поселении Гаджиалылы III, которое находится на расстоянии 500-600 м к югу-западу от одноименного села Самухского района. Раскопками установлено, что толщина культурного слоя этого поселения составляет 1,2 м. Здесь обнаружены и изучены двор с хозяйственными ямами, тендирами, очагами, а также остатки кузнечной мастерской, производственные отходы и т.д.

Большую часть поселений сельского типа, обнаруженных на территории Азербайджанской Республики, составляют приречные поселения.

К ним можно отнести следующие поселения: Сандыгтапе, Дерезарат, Галагантепе, Гарты, Юрдерлери, Нохурдузу и др. Дерезарат и Сандыгтепе были изучены с помощью археологических раскопок, а остальные памятники – посредством разведочных исследований.

Археологические раскопки с широкими площадями велись на поселении Сандыгтепе, которое расположено в предгорной зоне, на окраине города Губа, на высоком берегу реки Агчай. Благодаря раскопкам установлено, что толщина культурного слоя составляет 2-2,4 м, и верхний слой толщиной 1,5 м принадлежит развитым средним векам, а 0,9-1 м нижнего слоя – ранним средним векам. В верхнем культурном слое были обнаружены и исследованы остатки многокомнатных жилищ. Они состояли из 2-3 комнат и кухни. Жилище возведено из речного камня на гажевом растворе (4. с. 90-91). Исследования верхнего культурного слоя подтвердили факт существования здесь сельской жизни в IX- XIII веках.

Группа поселений сельского типа расположена на склонах гор. Топография этих населенных пунктов свидетельствует, что учитывались особенности рельефа, ландшафт местности. В таких случаях принимались во внимание такие природные явления, как оползни, наводнения и предпочтения отдавались безопасным территориям. Большинство этих поселений расположено на высоких берегах горных рек, на хорошо инсолируемых южных и восточных склонах гор. Для характеристики горных и предгорных средневековых населенных пунктов большое значение имеют поселения: Салтаг, Гыраг Кесаман, Талабы. Испик. Гарты, Мючи, Кохнепир, Гушгона, Газанчы, Кохне Вайхыр, Хурнухур, Гараучгун, Джурухев, Даштепе и др. Широкими археологическими раскопками сравнительно хорошо изучено поселение Гыраг Кесаман. Оно расположено на востоке от одноименного села Агстафинского района и занимает южные и восточные склоны обширного холма, спускающегося террасами в долину Куры. На территории памятника заложены четыре раскопки и три стратиграфического шурфа, общей площадью более 900 кв.м. (8, с. 91). Толщина культурного слоя в центре поселения равна 1м, а по краям 40-60 см. В результате археологических раскопок были обнаружены и ис-

следованы остатки жилых и хозяйственных построек, руины производственных мастерских, тендиры, хозяйственные и бытовые ямы. Заслуживают внимания остатки жилища. Вскрыты два помещения этого комплекса. Одно из них имело хозяйственное назначение, где сохранились остатки тендира и кладовая. Второе помещение было сильно разрушено. Фактически сохранился глинобитный пол, который был покрыт известковым раствором. Стены жилища – из глинобита, но при строительстве широко применялись деревянные конструкции. Легкую деревянную конструкцию имела также тендирхана X века, уничтоженная пожаром. (8, с. 91-92). Большой интерес представляют фрагменты мастерских гончарного и кузнечного производства. Находки из культурного слоя представлены образцами простой и глазурованной керамики, металлическими и стеклянными изделиями, предметами украшений и т.д., которые относятся к VIII-X вв. (8. с. 92.).

В целом, археологические данные свидетельствуют, что поселение Гыраг Кесаман является памятником сельского типа со свободной планировкой, где жизнь протекала в VIII-X вв.

Селища типа внутрилесных немногочисленны. Примером могут послужить следующие поселения сельского типа: Сейидли, Гедимйер, Хурай.

Поселение Сейидли расположено вблизи одноименного села Хачмасского района. Окруженное со всех сторон лесом, это поселение имеет площадь свыше 4 га. Археологические раскопки были проведены на юго-западе и юго-востоке данного памятника. Было установлено, что мощность культурного слоя достигает 1,5 м. В культурном слое обнаружены и изучены строительные остатки, выложенные из речных камней, тендиры и очаги, орудия кузнечного производства. Раскопки дали значительное количество артефактов различного назначения: орудия труда, поливная и неполивная керамика, предметы украшения и т.д..(1. с. 21-22)

Раскопки поселения Сейидли подтверждают тот факт, что на этой территории в VIII веке был основан населенный пункт, который в XI-XIII веках достиг своего максимального размера, а во время монгольского нашествия пережил экономический спад.

Изучение топографии средневековых поселений сельского типа показывает, что села располагались на территориях, пригодных для выращивания сельскохозяйственных культур и развития животноводства. Главными занятиями сельского населения были земледелие и животноводство. Важное значение имело выращивание зерновых культур. Уборка урожая производилась с помощью серпа. Остатки гумна, где обмалачивали хлеб, были обнаружены на окраине поселения Дерезарат (6). Зерно хранили в хозяйственных кюпах и зерновых ямах. Следует отметить, что в хозяйственных ямах, вскрытых на поселении Джуручев, обнаружены обуглевшиеся зерна (1, с. 91).

Наличие богатых зимних и летних пастбищ

стимулировало развитие животноводства, которое обеспечивало население мясными и молочными продуктами. Археологические данные позволяют констатировать, что в сельских поселениях разводились все виды домашних животных. Остеологический материал из поселений сельского типа включает кости крупного рогатого скота, лошадей, овец и коз. В нижних напластованиях культурного слоя Гыраг Кесаман редко встречаются хотя кости свиньи. В верхних напластованиях культурного слоя они отсутствуют. Значительное место в хозяйстве сельского населения было отведено разведению домашних птиц. Об этом свидетельствуют раскопки на поселениях Серкертепе и Гыраг Кесаман, давшие многочисленный костный материал домашних птиц и яичных скорлуп.

Археологические раскопки дали весьма ценную информацию о быте сельского населения. Установлено, что в быту населения широко применялась керамика, реже встречаются металлическая посуда и стеклянные сосуды. Преобладает неполированная керамика, в особенности, хозяйственная и кухонная. В XII в. значительно растет удельный вес глазуро-

ванной керамики. Интересное наблюдение сделано в Серкертепе, где в XII в. глазурованная керамика выросла как количественно, так и качественно.

Украшения, найденные при раскопках поселений сельского типа, немногочисленны. К тому же их ассортимент невелик. В отличие от городищ на поселениях сельского типа украшения из благородных металлов не встречаются. Украшения сельского населения представлены в основном медными и стеклянными браслетами, бусами из пасты и стекла. Изредка встречаются костяные амулеты и пуговицы.

Таким образом, можно заключить, что средневековые поселения сельского типа отличались топографическими особенностями, для них характерна застройка свободной планировкой, а поселения с компактной планировкой встречаются реже. Население занималось земледелием, животноводством, ремеслами, которые были развиты в поселениях Гырай Кесаман и Гаджыалылы. Быт сельского населения сформировался под сильным влиянием ислама, но уровень сельского быта значительно уступал быту горожан.

Библиографический список

1. Достиев Т.М. Средневековые археологические памятники Северо-Восточного Азербайджана (IX-середина XIII в.). Баку, Изд-во Бакинского университета, 1999.
2. Достиев Т.М. Средневековый культурный слой в Серкертепе. История и ее проблемы. Баку, 1997. (на азербайджанском языке)
3. Гусейнов Т.М., Джалилов Б.М. Средневековое поселение Дашбулаг. //Шамкир: археологическое исследование, история и архитектура. Материалы I Республиканской конференции. Баку, 2008. (на азербайджанском языке)
4. Археология Азербайджана. Том VI. Баку, 2008. (на азербайджанском языке)
5. Исмизаде О.Ш. Раскопки на холме Каратепе в Мильской степи. // Материалы и исследования по археологии СССР. Москва-Ленинград, 1965. №125.
6. Халилов Дж.А. Средневековое поселение Дерезерат. Материалы по истории Азербайджана. Труды Азербайджанского Исторического музея. Баку, С.3., 1960. (на азербайджанском языке)
7. Новрузлу А.И., Бахшалиев В.Б. Археологические памятники Джульфинского района; Баку, Элм. 1993. (на азербайджанском языке)
8. Достиев Т.М. Итоги археологического исследования поселения Гыраг Кесаман I в 2004-2005 гг. // Международная научная конференция «Археология, этнография, фольклористика Кавказа». Сб. тез. Тбилиси, 2003.

References

1. Dostiev T.M. The medieval archaeological sites of the North-Eastern Azerbaijan (IX- mid. XIII). Baku, Publishing House of the Baku State University, 1999.
2. Dostiev T.M. The medieval cultural layer in Serkertepe. // Journal of History and its problems. Baku, 1997. (In Azerbaijani)
3. Huseynov T.M., Dzhaliyov B.M. Dashbulag, medieval settlement. // Shamkir: archaeological heritage, history and architecture. Materials I Republican Conference. Baku, 2008. (In Azerbaijani)
4. Archaeology of Azerbaijan. Volume VI. Baku, 2008. (In Azerbaijani)
5. Ismizade O.Sh. Excavations on the hill Karatepe in Mil steppe. // Materials and Research on the Archaeology of the USSR. Moscow-Leningrad, 1965. № 125.
6. Khalilov J.A. Medieval settlement Derezerat. Materials on the history of Azerbaijan. Proceedings of the Azerbaijan History Museum. c.3., Baku, 1960. (In Azerbaijani)
7. Novruzlu A.I. Bakhshaliyev V.B. Archaeological sites Julfa region, Baku, Elm. 1993. (In Azerbaijani)
8. Dostiev T.M. The results of the archaeological research of the settlement Girag Kesaman I in 2004-2005. // International scientific conference "Archaeology, Ethnology, Folklore of the Caucasus." Thesis. Tbilisi, 2003.

УДК 904

UDC 904

М.В. ОГЛЫ ДЖАФАРОВ

диссертант кафедры «История и философия» Ленкоранского государственного университета
E-mail: Mayis1968@mail.ru

M.V. JAFAROV

researcher of the Department of "History and Philosophy"
Lankaran State University, Azerbaijan
E-mail: Mayis1968@mail.ru

**КУФИЧЕСКИЕ МОНЕТЫ, НАЙДЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО РЕГИОНА
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (В КОНЦЕ VII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VIII ВЕКОВ)**

**KUFIC COINS FOUND IN THE SOUTH-EAST REGION OF THE AZERBAIJAN REPUBLIC
(THE END OF VII - THE BEGINNING OF VIII CENTURIES)**

Основным источником изучения денежного обращения в конце VII и в первой половине VIII века, найденном на территории Юго-Восточного региона Азербайджанской Республики, являются отдельные монеты и денежные клады. Исследование различных аспектов этих монет, детальное определение веса и диаметра, даты чеканки дают возможность изучения факторов в религиозных, политико-экономических и социально-культурных сферах жизни данного периода.

Ключевые слова: клад, монета, динар, дирхем, фельс, монетный двор, куфи.

The main source for studying of the money circulation at the end of VII and the first half of the VIII century, found in the South-East region of the Republic of Azerbaijan are the individual coins and cash hoards. The study of the different aspects of these coins, a detailed definition of weight and diameter, date of issue, makes it possible to study the factors in the religious, political, economic and socio-cultural life of the period..

Keywords: treasury, coin, dinar, dirham, phulus, mint, kufic.

Куфические монеты, отчеканенные и обнаруженные на Кавказе, стали предметом исследования в работах члена Российской Императорской Академии, известного востоковеда Х.Д. Френа [26], считающегося основателем восточной мусульманской нумизматики, А.К. Маркова [7], впоследствии – А.С. Савельева [21], Р.Р. Фасмера [25], В. Тизенхаузен [24], Е.А. Пахомова [11-18], А.М. Раджабли [19], И.Л. Джалагани [6], М.А. Сейфаддина [22]. В произведениях указанных авторов куфические монеты, в большом количестве обнаруженные в России и на южном Кавказе, оцениваются как исторический документ материальной культуры, в котором ярко проявились тесные торговые и другие связи Халифата с северными странами, в том числе с Россией в VII–X вв.

26 февраля 2009 г. во время проведения хозяйственных работ жители в селении Шихакарана Ленкоранского района обнаружили 160 серебряных монет. Выяснилось, что двенадцать серебряных дирхем относятся к временам Сасанидского правителя Хосрова I, Омеййадских и Аббасидских халифов. Они хранятся в фонде нумизматики НМИА [1, №11781]. Через несколько дней, когда мы на месте знакомимся с обстоятельствами обнаружения клада, жители деревни передали нам, 11 омеййадских монет (иллюстрация № I, фото 1-4). Нумизматическое исследование захоронения и предварительные анализы дают нам основание делать следующие выводы:

1-4. Омеййады (41-132=661-750) [4, 29], аноним,

Басра, 80 г. хиджры (699 г. от Р. X.), серебро, дирхем, вес = 2,98 г, диаметр= 27 мм.

На лицевой стороне в центре тройного кольца, за которым находятся пять малых толстых кругов, в три строки написано: ¹ مل كى رش ال مدحو / ملل ال ملل ال [3, Мухаммед, 19], а по окружности: اذه بروض ملل مسب نين امث قنس قرص بل اب مردل

На обороте в центре двойного кольца в четыре строки написано:

اوفك مل نكى ملو دلوى ملو دلى مل دمصل ملل دح ملل لوسر دمحم [3, Ихлас, 1-4], внутри двойного кольца: ملو ملك نى دلل ملع مرطلى قحلا نى دوى دمل اب مل سرا ملل نوكرش ملل مرك

[3, Товба, 33], за пределами кольца 5 толстых точек.

Тут следует заметить, что Шихакаранский клад полностью нами не собран, и поэтому хронологические рамки находящихся там монет можно определить лишь приблизительно. Предполагается, что эти захоронения могут охватывать период от правления Сасанидского шаха Хосрова I (531– 579) до Аббасидов (132 – 179 гг. хиджры). Из вышесказанного выясняется, что монеты данного захоронения, помимо денежного оборота использовались и как средство накопления.

Особое значение для изучения имеет клад куфических монет, найденный 26 июля 2010 года во время раскопок в местечке «Сыхбаст» (Сплетенный камень)

1 Нет бога, кроме Аллаха, он един и нет у него сотоварищей.

поблизости от селения Сапнакаран Ленкоранского района. Семьдесят шесть обнаруженных серебряных монет явно имели «хождение по рукам» ещё в древние времена. Они были куплены у владельца антикварного магазина Вагифа Тофиг оглы Тагиева. При ознакомлении с обстоятельствами обнаружения захоронения житель деревни Бахман Абдулгасан оглы Гусейнов предоставил нам множество фрагментов, а также почти целые монеты. Ниже приводим их описание (Иллюстрация. № I, фото 5-14):

5. Омеййады, аноним., Васит, 9... г. хиджры (7... г. от Р. Х.), серебро, дирхем, диаметр = 27 мм, вес = 2,900 г.

На лицевой стороне в центре тройного кольца, за которым находятся пять малых толстых кругов, в три строки написано: $\text{ل كىرش ال مدحو} / \text{للا ال لا ال} / \text{ال}$ [3, Мухаммед, 19], а по окружности: $\text{مسب نو عست} / \text{...} / \text{قنس ىف طساوب مهر دلا اذه برض للا}$

На обороте в центре двойного кольца в четыре строки написано:

$\text{اوفك مل نكى ملو دلوى ملو دلى مل دمصل للا دح للا}$
 لوسر دمحم [3, Ихлас, 1-4], внутри двойного кольца: $\text{ولو ملك نىدلا ىلع مرهظىل قحلا نىدو ىدللاب للسرا للا}$
 نوكرش مل مرك

[3, Товба, 33], за пределами кольца 5 толстых точек.

6-13. Омеййады (41-132=661-750), аноним., Махи, 93 г. хиджры (711 г. от Р. Х.), серебро, дирхем, диаметр = 27 мм, вес = 2,98 г.

На лицевой стороне в центре тройного кольца, за которым находятся пять малых толстых кругов, в три строки написано: $\text{ل كىرش ال مدحو} / \text{للا ال لا ال} / \text{ال}$ [3, Мухаммед, 19], а по окружности: $\text{مسب نو عست} / \text{...} / \text{قنس ىف طساوب مهر دلا اذه برض للا}$

На обороте в центре двойного кольца в четыре строки написано:

$\text{اوفك مل نكى ملو دلوى ملو دلى مل دمصل للا دح للا}$
 لوسر دمحم [3, Ихлас, 1-4], внутри двойного кольца: $\text{ولو ملك نىدلا ىلع مرهظىل قحلا نىدو ىدللاب للسرا للا}$
 نوكرش مل مرك [3, Товба, 33], за пределами кольца 5 толстых точек.

Поскольку отмечена дата чеканки монет, можно точно установить их хронологические рамки. Таким образом, благодаря пятой монете на иллюстрации, отчеканенной в 94-ом году хиджры (712 г. от Р. Х.), устанавливается самая ранняя, а на основании 13 монеты, выпущенной в 108-ом году хиджры (726 г. от Р. Х.), – наиболее поздняя дата захороненияклада.

Несмотря на это, порезанные или раздробленные фрагменты монет из Сапнакаранскогоклада являются спорными, они важны с точки зрения выявления новых фактов финансового хозяйства исследуемого периода. В хронологической последовательности данные обломки монет обнаружены вкладах в Алинабаде [12, № 85, 47], Борадигяхе [13, 1№ 392, 23-24], Нахчиване [14, 2№ 826, стр. 39-42], Дилиорийском районе Республики Грузия [16, 5 № 1607, 47], Мингечевире [15, 3№ 1454, 68], Тбилиси [6, 29-30]. По этому поводу выдвигаются

различные предположения. Основатель азербайджанской нумизматики Е.А. Пахомов отмечает, что обрезки и обломки монет использовались как сырье в ювелирных мастерских [14, 3№ 826, 39-40], а Адам Мец считал, что они были разменной монетой [8, 369]. Присутствие в захоронении медного фелса ставит под сомнение вышеприведенное предположение Адама Меца об использовании обломков монет в качестве мелочи. (иллюстрация № I, фото. 14)

Видный ученый-нумизмат Али Раджабли совершенно справедливо связывает имеющиеся в Сапнакаранскомкладе обрезки куфических монет с широким размахом международной торговли в VII-X вв. по транзитному Волго-Каспийскому пути, перевозкой караванами серебряных монет с мусульманского Востока, в том числе и через «талышский сухопутный мост» [2, 7-9], в северные страны в качестве сырья [19, 54-55].

26 июля 2010 г. житель села Хамармеша Лерикского района Матлаб Ханамир оглы Гумметов при обработке приусадебного участка, нашел четыре серебряные монеты, описанные ниже (иллюстрация № II, фото 15-16).

14-15. Омеййады (41-132=661-750), аноним., Васит, 124 г. хиджры (741 г. от Р. Х.), серебро, дирхем, вес = 2,8 г, диаметр = 27 мм, вес = 2,8 г.

На лицевой стороне в центре тройного кольца, за которым находятся пять малых толстых кругов, в три строки написано: $\text{ل كىرش ال مدحو} / \text{للا ال لا ال} / \text{ال}$ [3, Мухаммед, 19], а по окружности: $\text{مسب نو عست} / \text{...} / \text{قنس ىف طساوب مهر دلا اذه برض للا}$

На обороте в центре двойного кольца в четыре строки написано:

$\text{اوفك مل نكى ملو دلوى ملو دلى مل دمصل للا دح للا}$
 لوسر دمحم [3, Ихлас, 1-4], внутри двойного кольца: $\text{ولو ملك نىدلا ىلع مرهظىل قحلا نىدو ىدللاب للسرا للا}$
 نوكرش مل مرك [3, Товба, 33], за пределами кольца 5 толстых точек.

Как видно из описания кладов, обнаруженные в селах Шихакаран и Сапнакаран Ленкоранского и Хамармеша Лерикского районов серебряные дирхемы, отчеканенные в Басре, Дамаске, Махе, Васите, Мадинат-ас-саламе, в областях Армении и Арран, дошли до нас в малом количестве, а медные фелсы – безымянны и лишь по выбитым датам можно определить, к годам правления какого халифа они относятся. Эта особенность, т. е. обозначение имен халифов на монетах, имеет отношение не только к монетам, чеканенным в Азербайджане, но характерна и для других регионов, входивших в Арабский Халифат. Не случайно имена первых арабских халифов не выбивались на монетах. Поскольку во времена раннего ислама религиозные догмы были неустойчивы, халифы ограничивались написанием на монетах коранических стихов (изречений из корана), года (по мусульманскому летоисчислению) и места выпуска. После прихода к власти Аббасидов в 132 г. хиджры (656 г. от Р. Х.) в чеканке монет произошли изменения, о чем наглядно свидетельствуют найденные 22

июня 2010 г. во время работ на приусадебном участке две серебряные монеты в местечке «Гомиже махала» вблизи села Машхан Астаринского района. Ниже приведены результаты исследования данных монет (иллюстрация № II, фото 17-18).

16-18. Аббасиды, аль-Халид аль-Мехти [4, 32], Мадинагус-салам, 159 г. хиджры (775 г. от Р. Х.), серебро, дирхем, диаметр = 27 мм, вес = 2, 98 г.

На лицевой стороне в центре тройного кольца, за которым находятся пять малых толстых кругов, в три строки написано: *مل كىرش ال مدحو / لال الال دلا ال* [3, Мухаммед, 19], а по окружности:

*مردل اذه برض لال مسب ونوسمخ و عست و تئام قنس
مالسل قنىدمب*

На обороте в центре двойного кольца в четыре строки написано:

*اوفك مل نكى ملو دلو ملو دلى مل دمصل لال دح لال
دل ع مرهظلى قح لال نىدو ىدل اب لسلرا لال لوسر دمحم*
[3, Товба, 33].

Монеты, обнаруженные в Шихарахане и Сапнакаране, выпущены на разных монетных дворах и перевозились из одного города в другой на дальние расстояния, что является ярким подтверждением интенсивности торгово-экономических отношений в Халифате. По количеству монет, представляющих тот или иной монетный двор, можно судить, в каком городе они были средством накопления.

В действовавших в конце VII – начале VIII в. на Южном и Восточном Кавказе монетных дворах: Арминийи, Аррана, Мадинаг-Аррана, Мадан Баджунеуса, Барды, аль-Баба, аль-Езидийи, Балх-аль-Бейда, Джензы, аль-Мутавакилии, Азербайджана [19, 44] чеканилось большое количество серебряных монет для обеспечения денежного оборота. Поскольку юго-восточный регион Азербайджанской Республики активно участвовал в международной торговле с северными странами, эти дирхемы вывозились в Поволжье, Прибалтику и Скандинавию. Подтверждением указанного предположения является то, что местные монеты вкладах составляют 3,1%, а зарубежные – 96,9% [22, 84-85].

О монетах, чеканенных в монетном дворе «Арминийи» и найденных в Сапнакаране и Машхане (иллюстрация. № II, фото 24), в научной литературе высказываются различные, порой противоречащие друг другу мнения. Так, если ранее Х.А. Мушегян соглашался [10, 21] с мыслью Г.И. Джапаридзе, что «отчеканенные в городе Двин дирхемы с надписью «Арминийя» представляют не область Арминию, а собственно Армению» [5, 109], то впоследствии отмечал, что в «Аббасидский» период дирхемы, на которых было выбито «Арминийя», чеканились не только в центральном городе области Арран – Барде, но и в других городах области Арминия» [9, 255]. В связи с этим Е.А. Пахомов, основываясь на монете, на которой было одновременно отчеканено название области и города – «Барда – Арминийя» [11, 41], до-

казал, что данный монетный двор действовал в период Сасанидов и находился в Барде.

Как видно на примере монет, обнаруженных в юго-восточном регионе Азербайджанской Республики – в Борадигяхе [13, 24-25], Банбаши [18, 34-37], Алвады [18, 37-62], Мамуста, Сапнакаран, Хамармеша, Машхан, после перехода власти в Халифате от династии Омеййадов к Аббасидам в типологии монет произошли изменения. Так, например: начиная с третьего аббасидского халифа аль-Мехти (158/775 – 169/785) [4, 32], на монетах наряду с именами халифов, их жен, наследных принцев, министров, финансовых чиновников монетного двора [24, XV – XVII], местных правителей, наместников стали появляться различные слова, знаки и геометрические фигуры. Что было свидетельством проявления междоусобных раздоров, гордыни, высокомерия, желанием власть предержащих быть выше остальных.

Исследования кладов и отдельно найденных в юго-восточном регионе Азербайджана монет конца VII – начале VIII вв. указывают на доминирующую роль монет Халифата в денежном обороте. Это подтверждает факт их присутствия в найденных нами Алвадинском [18, 37-62] и Шихакаранском кладках.

После изучения обнаруженных кладов выяснилось, что в годы правления Аббасидов даже после денежной реформы Абдул Мелика система веса монет не изменилась. Как основная денежная единица, был сохранен серебряный дирхем весом 2, 98 гр., а для мелкой внутригородской торговли чеканились 2-3 граммовые медные фелсы [19, 42-43].

Таким образом, в монетах исследуемого периода, отчеканенных Омеййадскими и Аббасидскими халифами, нашли свое отражение пропаганда мусульманских религиозных ценностей, особенности внедрения в сознание убеждения единобожия, меры по борьбе с искажением в христианстве этого принципа ислама. Надписи на монетах первого периода Аббасидского Халифата свидетельствуют о политических целях правящей династии, ее попытках показать свою наибольшую верность основам ислама. Все вышесказанное указывает на то, что ислам оказывал большое влияние на власть, религия непосредственно регулировала государственную деятельность, и халиф должен был считаться с религиозными канонами и установками. Это нашло отражение в анализируемых нами нумизматических материалах.

Иллюстрация № 1.

1 – Омейяды, село Шыхакеран Ленкоранского района, фото 1-4; Аббасиды, село Сапнакаран Ленкоранского района, фото 5-14.

Иллюстрация № 2.

Фото 17. Ав.

Rev.

Фото 18. Ав.

Rev.

Фото 19. Ав.

Rev.

Фото 20. Ав.

Rev.

Фото 21. Ав.

Rev.

Фото 22. Ав.

Rev.

Фото 23. Ав.

Rev.

Фото 24. Ав.

Rev.

2 – Омейяды, село Хамармеша Лерикского района, фото 15-16; Аббасиды, село Машхан Астаринского района, фото 17-18; село Мамуста Ленкоранского района, рис. 19

Библиографический список

1. Акты фонда нумизматики Национального Музея Истории Азербайджана (№ 11781, 2009, II, 26).
2. *Раджабли А.М.* Топографические особенности кладов монет, обнаруженных в Талыш-Муганской зоне / Проблемы археологии Ленкорано-Астаринской зоны. Ленкоран, 1998, С.7–9.
3. Коран с комментариями на турецком языке. Анкара, 1991.
4. *Босворт К.Э.* Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеологии. М.: Наука, 1971, 324 с.
5. *Джапаридзе Г.И.* Монетные дворы Аббасидского халифата сб. «Очерки по социально-экономической истории Ближнего Востока». Тб., 1968. С.111-112.
6. *Джалагания И.Л.* Топография, куфических монет в Грузии VIII-X вв. Тб., Мацне. № 47, 1974. С. 29-30.
7. *Марков А.К.* Инвентарный каталог мусульманских монет императорского Эрмитажа. СПб, 1896, с. 394-398
8. *Мец А.* Мусульманский ренессанс, М., 1966. С. 369.
9. *Мушегян Х.А.* Денежное обращение в Армении (V в. до н.э. - XIX в. н.э.), Ереван: Ереван: Изд-во АН Арм., ССР, 1973. 184 с.
10. *Мушегян Х.А.* Денежное обращение Двина по нумизматическим данным. Ереван: Изд-во АН Арм., ССР, 1962, 203 с.
11. *Пахомов Е.А.* Монеты Азербайджана. Вып. I, Б.: 1959, 79 с.
12. *Пахомов Е.А.* Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Вып. I, Баку. С.100.
13. *Пахомов Е.А.* Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Вып. II, Баку, 1938. С.99.
14. *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. III, Баку.

1940. С.92.

15. *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, Вып. V, Баку, 1949. С.78.

16. *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. VI, Баку 1955. С.89.

17. *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. VIII, Баку, 1959, С.129.

18. *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. IX, Баку, 1959. С.121.

19. *Раджабли А.* Нумизматика Азербайджана. Б.: Елм ва хайат, 1997. 232 с.

20. *Раджабли А.М.* Уникальный золотой динар из Арана / Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Материалы конференции. Баку: 2005. С. 158

21. *Савельев П.С.* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб, 1847, ССXXXII, 180 с.

22. *Сейфеддини М.А. З.М.Алиев.* Нумизматика Азербайджана. т. II, 1997. С.226.

23. *Сейфеддини М.А. И.А.Бабаев, М.М.Расулова, З.М.Алиев, С.Х.Дадашева.* Нумизматика Азербайджана, т. I, Б.: Элм, 1998. С.187.

24. *Тизенгаузен В.Г.* Монеты Восточного Халифата. С. – П., 1873. С.374 .

25. *Фасмер Р.Р.* Завалинский клад куфмческих монет VIII-X вв. - «Известия ГАИМК», Т. VII, вып. II, Л., 1931.

26. *Ch.M.Fraehn.* Recensio numarum Muhammedanorum Academiae Imp.scient. Petropolitanae. Petropoli, 1826.

References

1. Acts of the Numismatics Fund of the National Museum of History of Azerbaijan (№ 11781, 2009, II, 26).

2. *Rajabli A.M.* Topographic peculiarities of hoards of coins found in the Talysh-Mugan area // Problems of archaeology in Lenkoran-Astara area. Lankaran, 1998, с.7-9.

3. Quran with commentary in Turkish. Ankara, 1991.

4. *Bosworth K.E.* Muslim dynasties. Reference Book of chronology and genealogy. Moscow: Nauka, 1971, 324 p.

5. *Japaridze G.I.* Mints of the Abbasid Caliphate // Collection "Essays on the social and economic history of the Middle East", Tbilisi, 1968, Pp.111-112.

6. *Jalagania I.L.* Topography, Kufic coins in Georgia VIII-X centuries. Tbilisi, Matsne, № 47, 1974. Pp. 29-30.

7. *Markov A.K.* Inventory catalogue of Muslim coins of the Imperial Hermitage. St. Petersburg, 1896, Pp. 394-398.

8. *Metz A.* Muslim Renaissance, Moscow, 1966, p.369.

9. *Musheghyan H.A.* Money circulation in Armenia (V BC - XIX AD), Armenia: Yerevan: Academy of Sciences Press Arm., USSR, 1973, 184 p.

10. *Musheghyan H.A.* Money circulation Dvina by numismatic data. Yerevan: Academy of Sciences Press Arm., USSR, 1962, 203 p.

11. *Pakhomov E.A.* Coins of Azerbaijan. Ed. I, B.: 1959, 79 p.

12. *Pakhomov E.A.* Treasures of Azerbaijan and other republics and regions of the Caucasus, vol. I, Baku, p.100.

13. *Pakhomov E.A.* Treasures of Azerbaijan and other republics and regions of the Caucasus, vol. II, Baku, 1938, p.99.

14. *Pakhomov EA* Coin treasures of Azerbaijan and other republics, territories and regions of the Caucasus, vol. III, Baku. 1940, p.92.

15. *Pakhomov E.A.* Coin treasures of Azerbaijan and other republics, territories and regions of the Caucasus, Ed.V, Baku, 1949, p.78.

16. *Pakhomov E.A.* Coin treasures of Azerbaijan and other republics, territories and regions of the Caucasus, Ed.VI, Baku 1955, p.89.

17. *Pakhomov E.A.* Coin treasures of Azerbaijan and other republics, territories and regions of the Caucasus, Ed.VIII, Baku, 1959, p.129.

18. *Pakhomov E.A.* Coin treasures of Azerbaijan and other republics, territories and regions of the Caucasus, ed. IX, Baku, 1959, p.121.

19. *Rajabli A.* Chronology of Azerbaijan. B.: Elm va Hayat, 1997, 232 p.

20. *Rajabli A.M.* Unique gold dinar of Aran // Archaeology, Ethnology, Folklore of the Caucasus. Conference materials. Baku: 2005, p. 158.

21. *Savelyev P.S.* Muslim numismatics in relation to the Russian history. St. Petersburg, 1847, SCXXXII, 180 p.

22. *Seyfeddin M.A., Aliev Z.M.* Chronology of Azerbaijan. Vol.II, 1997, p.226.

23. *Seyfeddin M.A., Babaev I.A., Rasulova M.M., Aliev Z.M., Dadashova S.H.* Chronology of Azerbaijan, Vol.1, B.: Elm, 1998, p.187.

24. *Tiesenhausen V.G.* Coins of the Eastern Caliphate. St. Petersburg, 1873, с.374.

25. *Fasmer P.P.* Zavalinsky treasure of kufic coins of VIII-X centuries // The News "GAIMK", Vol.VII, Ed. II, L., 1931.

26. *Ch.M.Fraehn.* Recensio numarum Muhammedanorum Academiae Imp.scient. Petropolitanae. Petropoli, 1826.

УДК 94 (5)

UDC 94 (5)

А.Д. МОРЕВА

соискатель кафедры всеобщей истории Калужского
государственного университета им. К.Э. Циолковского
E-mail: ang-moreva@yandex.ru

A.D. MOREVA

researcher of the Department of Universal History,
Tsiolkovsky Kaluga State University
E-mail: ang-moreva@yandex.ru

**СИНГАПУР В 1959-1965 гг.: ПУТЬ К НЕЗАВИСИМОСТИ ЧЕРЕЗ САМОУПРАВЛЯЕМУЮ КОЛОНИЮ
И УЧАСТИЕ В МАЛАЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**SINGAPORE IN 1959-1965: A WAY TO INDEPENDENCE
THROUGH THE SELF-GOVERNING COLONY AND PARTICIPATION IN FEDERATION OF MALAYA**

В статье рассматриваются причины приобретения в 1959 году городом-государством Сингапур частичного самоуправления, а также период пребывания Сингапура в составе Малайской Федерации в 1963-1965 годах.

Ключевые слова: Сингапур, Малайская Федерация, «переходный период», Партия Народного Действия.

The paper considers the reasons for acquiring a partial internal self-government by the city-state of Singapore in 1959 and the period of 1963-1965 when Singapore was a part of Federation of Malaya.

Keywords: Singapore, Federation of Malaya, «the period of transition», People's Action Party.

Во второй половине XX века олицетворением динамического социально-экономического развития новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии стала Республика Сингапур, которая за короткий исторический промежуток прошла огромный путь экономического и общественного развития, сумев превратиться в одну из самых процветающих стран не только Востока, но и мира.

По общепризнанному мнению, граждане Сингапура достигли одной из наивысших в мире планок, определяющих понятие «современный уровень жизни» [3, с.62]. Экономисты считают этот город-государство идеальным местом для ведения бизнеса, а Всемирный банк назвал общественный строй Сингапура «Чудом Восточной Азии» [10].

Несмотря на то, что история Сингапура уходит корнями в средневековье, его родословную обычно начинают с 1819 года, когда представитель Британской Ост-Индской компании сэр Томас Раффлз заключил договор с султаном Джохора об организации в Сингапуре торговой зоны с разрешением иммиграции разных этнических групп. Уже в 1867 году Сингапур стал колонией Британской Империи, приобретая значение важного опорного пункта на пути в Китай.

Менее чем через сто лет, в 1959 году, Сингапур стал самоуправляемой колонией. Окончательная же независимость была получена лишь 9 августа 1965 года. В промежутке между этими годами Сингапур прошел сложный процесс самоопределения, пытаясь добиться права идти собственным путем, а затем несколько лет находился в составе Федерации Малайзия.

Таким образом, период с 1959 по 1965 год имеет

все основания быть названным «переходным» – когда колониальный период в истории страны постепенно сходил на нет, а стратегия дальнейшего развития только начинала закладываться; когда у руководства Сингапура не было возможностей и ресурсов для борьбы с оппозицией, а следовательно, и для проведения последовательной государственной политики.

Данная проблематика рассматривалась как отечественными, так и зарубежными исследователями, но, в целом, период пребывания Сингапура в составе Малайской Федерации не получил должного места в историографии.

Отправной точкой для изменений, произошедших в середине XX века в колониальном Сингапуре, стал подъем демократического антиколониального движения, возникшего на фоне мощной национально-освободительной борьбы народов Юго-Восточной Азии. Это делало несостоятельными расчеты английских колонизаторов на восстановление форм господства, существовавших до Второй мировой войны.

В 1940-е в Сингапуре активизировалась деятельность коммунистической партии Малайзии (КПМ). В 1945 г. КПМ, располагавшая большим влиянием в профсоюзах, молодежных и женских организациях, опубликовала свою программу, в которой отмечалась необходимость предоставления независимости Малайе (включая Сингапур), демократических свобод, равноправия для всех национальностей.

В декабре 1945 г. уже в самом Сингапуре возникла первая политическая партия – Малайский демократический союз (МДС), представлявшая силы радикального национализма. В политическом манифесте партии, в состав которой входили и коммунисты, выдвигался ряд прогрессивных требований:

самоуправление в рамках Британского содружества, расширение представительства в законодательной ассамблее на основе всеобщего избирательного права, предоставление демократических свобод, реформы в системе образования, повышение жизненного уровня народных масс, вхождение Сингапура в Малайский союз [6,с.47].

Э.М. Гуревич, внесшая большой вклад в изучение истории острова, отмечала, что причина возросшей роли левого крыла заключалась в самом характере сингапурского общества с присущим ему преобладанием пролетарских и мелкобуржуазных элементов, отсутствием крестьянства, в его этнических особенностях [6,с.47].

В этих условиях английские колонизаторы пытались любой ценой сохранить Сингапур как важную для Англии в экономическом и стратегическом отношении колонию, хотели расколоть освободительное движение народов Малайи, отделив Сингапур с его левыми организациями от остальной страны. В итоге, 1 апреля 1946 г. Сингапур был объявлен коронной колонией и отделен от Малайи, что вызвало недовольство со стороны различных по своей классовой природе политических сил Сингапура.

Значительную роль в ознакомлении прогрессивных кругов сингапурского общества с передовыми идеями того времени сыграли студенты, получавшие образование в английских университетах [1,с.115]. Уже в октябре 1956 г. Сингапур был охвачен широкими студенческими волнениями, в которых участвовали также рабочие. На их подавление власти бросили войска и полицию. В результате столкновений «погибло 13 человек, 123 раненых, сожжено или разбито 70 машин, 2 школы разрушены до основания, нанесён ущерб двум полицейским участкам. Полиция арестовала тысячу человек...» [11,с.249]. По радио сообщали: «Мы освобождаем рабочих, крестьян, учителей и китайские ассоциации от политической эксплуатации» [11,с.249]. А газета «The Straits Times» вышла с заголовком «Процесс освобождения» [11].

Под влиянием этих событий Лондон был вынужден пойти на введение в Сингапуре частично самоуправления. В соответствии с Конституцией бывшей колонии предоставлялся статус «самоуправляющегося государства», в котором учреждалась выборная законодательная ассамблея, а из её состава формировалось правительство во главе с премьер-министром. Английский губернатор заменялся назначаемым королевой Англии главой государства – малайцем.

В соглашении от мая 1958 г. предусматривалось сохранение в Сингапуре военных баз и предоставление Лондону права на их расширение. Учреждался также совет по делам внутренней безопасности в составе представителей Англии, Малайи и Сингапура. Он занимался всеми делами, связанными с подавлением революционных выступлений. Срок действия конституции автоматически истек в 1963 г. (несмотря на это, английское правительство остав-

ляло за собой право по собственному усмотрению приостанавливать её действие), после чего должен был решаться вопрос о дальнейшей судьбе Сингапура. Таким образом, вплоть до 1963 года политическое устройство города-государства было определено. Он получал почти полное самоуправление при сохранении за Англией вопросов внешней политики и обороны, которыми заведовал верховный комиссар.

Первые выборы на основе новой Конституции состоялись в мае 1959 г. Победу на них одержала Партия народного действия (ПНД), лидер которой Ли Куан Ю стал первым премьер-министром Сингапура. Партия получила 53,4% голосов, что составило 43 из 51 места в Парламенте [11,с.305]. На пресс-конференции Ли Куан Ю отметил: «Вердикт людей – самый главный и решающий. Именно так над ложью берет верх правда, над грязью – чистый свет, над злом – добро» [11,с.305]. Позже он признался, что, действительно, это была победа, но ликовать было нельзя, так как в своем сложном путешествии «Сингапур только садился на корабль» [11,с.306].

Уже с этого момента начинается кропотливая работа по созданию нового государства. Созываются рабочие бригады, облагораживается город, изучаются перспективы развития туризма. Сам же Ли Куан Ю начинает свою продуманную политику по подбору кадров, где при поступлении на должность высшего чиновника он требует английское образование. Объяснялось это тем, что исторически английская культура играла важную роль в Сингапуре, а именно сейчас она стала служить мостом, «соединяющим пропасть между колониальным прошлым и равноправным будущим» [11,с.320]. Важно отметить, что методы и тактика правительства во многом были заимствованы у коммунистов – ставка делалась на энтузиазм граждан, на создание государственной символики [9].

Но, в целом, внутренние разногласия обострились. Безработица превысила уровень в 10%, заработки трудящихся и уровень жизни оставались низкими. Страну сотрясали забастовки, начался отток капиталов. Правительство осуществляло полный контроль над рабочим движением, а профсоюзы стали инструментами государственной политики [8]. Левое крыло ПНД во главе с Лин Ци Сяном требовало проведения радикальных преобразований, национализации, ориентации на КНР. Но Ли Куан Ю предпочитал проводить умеренную политику. Всё более осложняющаяся ситуация в Сингапуре создавала предпосылки для его объединения с Малайской Федерацией.

Исторически Малайя и Сингапур составляли нераздельные части одной страны, и хотя в сложных перипетиях прошлого они оказывались то вместе, то порознь, малайцы привыкли смотреть на остров как на свою исконную территорию. С этой точки зрения не случайным было назначение малайца верховным главой Сингапура при получении им независимости.

Однако фактическое положение в Сингапуре в

рассматриваемый момент далеко не соответствовало этим традиционным представлениям. Подавляющее большинство жителей в нем уже давно составляли китайцы (75%), малайцы – порядка 15%, индийцы – 8%, 2% другие этнические группы [9]. Это обстоятельство порождало среди малайских лидеров Федерации (в первую очередь, премьер-министра Абдул Рахмана) двойственное отношение к идее объединения с Сингапуром.

В начале 60-х годов ситуация изменилась. Открылась возможность включения в состав Малайской Федерации Сабаха, Саравака и Брунея, в результате чего малайцы остались бы большинством населения и после воссоединения с Сингапуром. Учитывая это, правительство Абдул Рахмана стало позитивно относиться к данной идее.

Что касается Сингапура, то для его правящих кругов в первую очередь были важны два фактора. Во-первых, вхождение в Малайскую Федерацию открывало кратчайший путь к полному избавлению Сингапура от английской колониальной опеки, чего собственными силами было трудно достичь. И, во-вторых, возникала опасность серьезного революционного движения со стороны коммунистов. Второй фактор, по мнению Тан Динг Йенга, и послужил причиной для объединения, так как коммунистический Сингапур мог стать беспокойным соседом для Малайзии [2, с. 128]. В аналогичном духе высказывается и Ли Куан Ю: «Нам пришлось вступить в борьбу с коммунистами раньше, чем мы ожидали... Мы решили эту проблему путём слияния с Малайей» [4, с. 648].

Таким образом, представители как Малайзии, так и Сингапура видели возможность борьбы с оппозиционными силами лишь путем объединения. Это стало поводом для того, чтобы коммунисты начали высмеивать руководство Сингапура как «гонимых колониалистов – империалистов» и называть их лакеями и прихвостнями малайских феодалов [4, с. 16].

В этих условиях Ли Куан Ю и премьер-министр Малайзии Абдул Рахман активизировали свои усилия по реализации плана объединения Сингапура с Малайской Федерацией. Основными камнями преткновения стали вопросы создания общего рынка, взимания налогов, а также вопросы о подданстве сингапурских граждан, рожденных вне Сингапура [9, с. 19]. Но уже в ноябре 1961 года было достигнуто соглашение, согласно которому после объединения контроль над внешней политикой, обороной и внутренней безопасностью Сингапура переходил к центральному правительству. В ведении Сингапура оставались финансы, рабочая сила и образование. Ему отводилось 15 мест в федеральном парламенте. Сингапур, оставаясь свободным портом, должен был иметь свое правительство, законодательную ассамблею и верховного главу.

1 сентября 1962 г. правительство провело референдум по вопросу о вхождении Сингапура в

Федерацию. Б.Т. Колосков отмечает, что референдум проходил в обстановке запугивания населения и использования различных махинаций, которые должны были свести на нет усилия противников объединения [2, с. 131]. Накануне референдума было объявлено, что те, кто уклонится от участия, будут лишены гражданства в будущей Федерации. В бюллетенях ставился вопрос об отношении к трем вариантам объединения, согласие или несогласие граждан с вхождением в Федерацию не рассматривалось. Был использован и такой прием, как отнесение испорченных бюллетеней к числу голосов, поданных за объединение. Жесткий нажим на население Сингапура был оказан и правительством Малайской Федерации: Абдул Рахман неоднократно выступал с угрозой перекрыть сообщение по дамбе, связывающей Малайю и Сингапур, если сингапурцы проголосуют против объединения. В случае осуществления этой угрозы Сингапур остался бы без пресной воды. Однако в своих мемуарах Ли Куан Ю не говорит о такого рода действиях и заявляет: «Приговор людей – страшная вещь для политики. Это решающий вердикт. Именно печать народа и его одобрение были важны для слияния с Малайзией» [11, с. 452]. В референдуме участвовало порядка 550 тысяч человек. Из них за объединение Сингапура с Малайской Федерацией проголосовал 71 %, 25% (по другим данным, 23% [9, с. 20]) бросили чистые бюллетени [11, с. 452].

Факт того, что накануне вхождения Сингапура в Федерацию истек срок действия Конституции 1959 года, по которой английские представители ещё оставались в городе-государстве, позволил Ли Куан Ю 31 августа 1963 года провозгласить независимость Сингапура. Тем не менее, в таком статусе Сингапур просуществовал лишь до 16 сентября, когда уже независимое государство вошло в состав Федерации. В этот день Ли Куан Ю провозгласил Сингапур частью Малайзии «и выступил гарантом верности своего народа союзному правительству» [11, с. 504]. В связи с этим Филиппины и Индонезия разорвали дипломатические отношения с Малайзией, называя её «инструментом колониализма и империализма» [11, с. 492].

По истечении небольшого периода времени стало ясно, что объединение Сингапура с Малайей носило искусственный характер и сопровождалось серьезными осложнениями для обеих сторон. Главным источником этих осложнений было столкновение националистических интересов правящих кругов Малайи и Сингапура, их стремление навязать друг другу свою волю.

Сразу же после присоединения Сингапура к Малайзии Объединенная малайская национальная организация (ОМНО) взяла курс на укрепление в Сингапуре своих позиций, чтобы низвести Сингапур на уровень других штатов Федерации, где малайцам принадлежала бы политическая власть. Однако добиться существенных успехов им не удалось. Это наглядно продемонстрировали выборы в Законодательное собрание Сингапура, состоявшие

ся 21 сентября 1963 г. на которых Союзная партия Сингапура, представлявшая собой объединение партии Сингапурский народный союз и местных отделений ОМНО и КАМ, потерпела полное поражение. Она не завоевала ни одного места в Законодательном собрании, тогда как ПНД получила 37 мест из 51 [11, с. 507]. Филип Мур докладывал в Лондон: «Это великая победа и достижение карьеры Ли Куан Ю. Это ещё большая победа, чем в 1959 году, на этот раз он сражался с коммунистами открыто и решительно победил их» [11, с. 508].

В свою очередь ПНД стремилась распространить свое влияние в Малайе, претендуя на положение партии, не только представляющей Сингапур, но и действующей на территории всей Федерации. Со слов Ли Куан Ю, представители Малайзии хотели установления отношений, называемых в малайском языке отношениями между «старшим и младшим братом», подразумевая, что младший брат должен всегда любезно уступать старшему. «Когда дело касалось второстепенных вопросов, мы были готовы в шутку играть роль «младшего брата», но не тогда, когда «младшему брату» приходилось защищать свои законные интересы» [11, с. 234].

Такая политика правящих партий Малайзии и Сингапура всё больше вела к росту подозрительности и недоверия в отношениях малайцев и китайцев, начались массовые расовые столкновения. Так, сингапурский политолог Билвер Сингх сравнил отношения между Сингапуром и Малайзией с «синдромом Холокоста» или ситуацией «враг у ворот» [7].

Ли Куан Ю отмечает: «Мы не могли попасть в Малайю, потому что Тунку не принимал китайцев. Мы поработали над этим вопросом и присоединились к Малайзии. И оказались в ловушке между коммунистическим Сингапуром и Малайзией «для малайцев» [7]. Ловкие и жёсткие методы коммунистов стали незабываемыми уроками политической борьбы. «Уличная борьба с ними походила на рукопашный бой без правил, в котором все приёмы были разрешены, а победитель получал всё. Мы научились не поддаваться нашим противникам, иначе они уничтожили бы нас» [4, с. 109].

Противоречия, разъединявшие Малайскую Федерацию и Сингапур, затрагивали не только общие политические проблемы, но и экономические, финансовые, торговые и иные связи. Постоянные столкновения происходили между двумя сторонами по вопросу о размерах той доли доходов, которую Сингапур должен был выделять федеральному правительству.

Стремясь пресечь всё более нарастающую нестабильность, правящие круги Малайзии и Сингапура решили расторгнуть договор. 7 августа 1965 г. правительства Малайзии и Сингапура подписали соглашение о независимости Сингапура, а 9 августа 1965 г. состоялось формальное отделение Сингапура от Федерации. Ли Куан Ю не скрывал эмоций, с дрожью в голосе и со слезами на глазах объявляя о

подписании сепарационного соглашения и, следовательно, о непросто для страны выборе независимого пути развития. «В 10 часов утра музыку на радио внезапно оборвали. Удивлённым слушателям возвестили торжественное объявление – 90 слов об изменении в жизни людей Сингапура и Малайзии: *«Я, Ли Куан Ю, премьер-министр Сингапура, провозглашаю и объявляю в интересах жителей и правительства Сингапура, что с сегодняшнего дня, 9 августа 1965 года, Сингапур навсегда становится независимым и демократическим государством, построенным на принципах свободы и справедливости, которое всегда будет искать благополучия и счастья для его жителей, и создавать равноправное общество»*. [4, с. 13]

Позднее он так вспоминал этот эпизод в истории страны: «Каждый раз, оглядываясь назад, подписание соглашения ассоциируется с чувством боли и тоски. Всю мою жизнь я верил в слияние и союз двух территорий. Нас объединяет общая география, экономика, родственные связи. Соглашение об отделении разрушило все прежние убеждения и надежды» [4, с. 340].

Комментарии иностранной прессы, последовавшие вслед за провозглашением независимости Сингапура, в один голос предсказывали его гибель. Например, 10 августа 1965 г. газета «Sydney Morning Herald» писала: «Независимый Сингапур не рассматривался в качестве жизнеспособного образования три года назад, ничто в текущей ситуации не предполагает, что он более жизнеспособен сегодня». Один автор сравнил уход Британской империи из своих колоний с упадком Римской империи – когда ретируются «железобетонные» легионы, рушатся закон и порядок, ибо их место занимают варварские орды [5].

Объединение Сингапура с Малайзией было кратковременным. Тем не менее за эти годы сингапурскому руководству удалось оживить экономику страны и укрепить собственные позиции. Правящая Партия народного действия сумела вовлечь в орбиту своего влияния различные социально-политические группы. Поэтому, когда Сингапур вышел из состава Федерации Малайзии, ПНД оказалась наиболее приемлемой для основных социальных сил политической организацией, способной в тяжелых условиях крешению сложнейших задач национально-государственного строительства [6, с. 54].

О значении данного периода в истории Сингапура говорит и Ли Куан Ю: «Наша задача состояла в том, чтобы убедить людей поддержать такие меры, которые могли бы обеспечить выживание Сингапура в качестве жизнеспособного общества, а не в качестве коммунистического или разделённого по этническому признаку города» [4, с. 648]; «Жители Сингапура не были настроены на то, чтобы тащиться назад после того, как они жили два года в составе Малайзии. Люди... готовы были сделать всё, чтобы независимый Сингапур существовал» [11, с. 663].

Ряд исследователей отмечают, что трудно опреде-

лить, являлись ли социализм, эгалитаризм и поддержка слияния с Малайзией реальными устремлениями Ли Куан Ю, или это было сделано только ради получения власти. Но, тем не менее, окончательно закрепив своё влияние, ПНД в дальнейшем никогда не отступала от своих принципов и безжалостно боролась с политическими противниками [12,с.106].

Болезненный 23-месячный опыт близкого сотрудничества с Малайзией привел Сингапур к некоторым положительным для его дальнейшего роста последствиям. Во-первых, мирный выход Сингапура из Федерации заложил традицию мирного решения всех острых проблем сингапурского общества (политических, национальных, религиозных). Во-вторых, был порожден уникальный вариант развития Сингапура как города-государства – фактически без аграрного сектора и без всех проблем, связанных с восточной деревней, а также без односторонней сырьевой направленности экономики. В-третьих, с приобретением независимости усилились позиции китайской буржуазии Сингапура, позволив ей в дальнейшем осуществить экономический рывок. В-четвертых, отделение Сингапура от преимущественно мусульманской Малайзии – важный шаг в плане формирования национальной психологии. И, наконец, с политической точки зрения опыт пребывания в со-

ставе Малайзии позволил сингапурским верхам победить левые силы и обеспечить стране стабильное развитие.

Таким образом, выделение двух этапов в так называемом «переходном» периоде истории Сингапура представляется вполне целесообразным. Первый – 1959-1963 гг. – дал городу-государству опыт самостоятельного управления и указал на трудности, которые самостоятельно решить в тот период оказалось невозможным; второй – 1963-1965 гг. – дал опыт сотрудничества с другим государством под доминированием малайского большинства. Тем не менее, всё вместе это дало бесценные уроки, без которых современный менталитет сингапурцев, нацеленный на независимое и успешное существование, мог бы не сложиться.

Какими бы глубокими не были противоречия между Сингапуром и Малайзией, тесные семейные и дружеские связи всё ещё объединяют два народа. Ли Куан Ю уверен, что «если они не будут проявлять сдержанность, существует риск разрушения гармонии, которая скрепляет многонациональное общество обеих стран. Малайзия в той же степени нуждается в межнациональной терпимости, что и Сингапур» [4,с.243].

Библиографический список

1. Гуревич Э.М. Правящая партия Сингапура: структура, идеология, политика. В кн: Юго-Восточная Азия. История. Современность. Сборник статей. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» 1983
2. Колосков Б.Т. Малайзия вчера и сегодня: (Опыт проблемного исследования истории развивающихся стран). М.: Мысль, 1984: С. 128.
3. Кубышкин А. ВМС Индонезии и Малайзии проводят операцию против морских пиратов. Зарубежное военное обозрение 2005; 4:С. 62.
4. Ли Куан Ю. Сингапурская история: из «третьего мира» – в первый» (1965-2000). М.: МГИМО-Университет МИД России, 2005.
5. Пальтов С. Независимому Сингапуру – 40 лет. Азия и Африка сегодня. 2005; 8: С.27.
6. Сингапур. Справочник. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.
7. Суровые истины во имя движения Сингапура вперед. Электронный ресурс: www.business-gazeta.ru
8. Development of labour organisation in Singapore, 1800–1960. Australian Journal of Politics and History 2001; 47(1):С. 29.
9. Diane K. Mauzy, Milne R.S. Singapore Politics Under the People's Action Party. London and New York: Routledge, 2002.
10. Hill M., Fee L.K. The Politics of Nation Building and Citizenship in Singapore. London and New York, 1995.
11. The Singapore Story. Memoirs of Lee Kuan Yew. Singapore: Times Editions, 1998.
12. Trocki C.A. Singapore. Wealth, power and the culture of control. London and New York: Routledge, 2006:С. 106.

References

1. Gurevich E.M. The Ruling-Party of Singapore: Structure, Ideology, Politics // Southeast Asia. History. Modernity. Moscow: The Main Editorial office of Oriental Literature of “Nauka” Publishing House, 1983.
2. Koloskov B.T. Malaysia Yesterday and Today: (Experience of Problematic Research in History of Developing Countries). Moscow: ‘Mysl’, 1984: 128
3. Kubyshkin A. Indonesian and Malaysian Navy Carry Out an Operation against Sea Pirates // Foreign Military Review 2005; 4:62
4. Lee Kuan Yew. The Singapore Story: 1965 – 2000. From the Third World to first. Moscow: MGIMO-University of Ministry of Foreign Affairs of Russia, 2005
5. Paltov S. The 40 years of Independent Singapore // Asia and Africa Today. 2005; 8:27
6. Singapore. Companion. Moscow: The Main Editorial office of Oriental Literature of “Nauka” Publishing House, 1988.

7. Harsh Truths in the Name of Singapore's Movement Forward // www.business-gazeta.ru
8. Development of labour organisation in Singapore, 1800–1960. Australian Journal of Politics and History 2001; 47(1):29
9. Diane K. Mauzy, Milne R.S. Singapore Politics Under the People's Action Party. London and New York: Routledge, 2002
10. Hill M., Fee L.K. The Politics of Nation Building and Citizenship in Singapore. London and New York, 1995
11. The Singapore Story. Memoirs of Lee Kuan Yew. Singapore: Times Editions, 1998
12. Trocki C.A. Singapore. Wealth, power and the culture of control. London and New York: Routledge, 2006:106

УДК: 94(74/79)

UDC: 94(74/79)

Н.А. НИЗОВЦЕВ

N.A. NIZOVTSSEV

аспирант кафедры всеобщей истории Орловского государственного университета
E-mail: pretorianetc@mail.ru

postgraduate student of the Department of Universal History, Orel state university
E-mail: pretorianetc@mail.ru

**«ОТЧЕТЫ ИММИГРАЦИОННОЙ КОМИССИИ» США ПОД РУКОВОДСТВОМ У.П. ДИЛЛИНГХЕМА
КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ ИМИГРАЦИИ В КАЛИФОРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.**

**«THE REPORTS OF THE US IMMIGRATION COMMISSION» UNDER THE HEAD OF Y.P. DILLINGHAM AS A SOURCE
FOR THE STUDY OF RUSSIAN IMMIGRATION IN CALIFORNIA IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

В статье рассказывается о существовании и деятельности русской диаспоры в Калифорнии в начале XX в. В статье анализируются такие аспекты, как: русские в промышленном производстве (на примере железных дорог), русские в сельском хозяйстве, русские и американская система образования. Работа написана на основе анализа «Отчетов Иммиграционной комиссии» США под председательством У.П. Диллингхема, деятельность которой относилась к 1907гг.

Ключевые слова: Калифорния, Сан-Франциско, русская эмиграция, Иммиграционная комиссия, Лос-Анджелес.

This article tells us about the Russian Diaspora in California in the beginning of the XX century. This article touches upon the following aspects: the Russians in the industry (for example, railways), the Russians in agriculture, the Russians and the American system of education. The paper is written on the base of the analysis of "US Reports of the Immigration commission" under the head of Y.P. Dillingham, which activity refers to the year 1907.

Keywords: California, San–Francisco, Russian emigration, Immigration commission, Los-Angeles.

Историю эмиграции невозможно изучать без использования специальных статистических данных, т.е. без иммиграционной статистики. И дело здесь не только в учете того или иного количества прибывших или убывших эмигрантов в том или ином месте. Статистика показывает тот социально-экономический и общественно-политический фон, в рамках которого протекает жизнь эмигрантов. Зачастую даже недостаток чисто статистических (количественных) данных можно компенсировать иными способами, например, провести корреляцию исследуемой эмигрантской группы с другими эмигрантскими общностями, занимающими аналогичную нишу в общественной жизни принимающей страны.

В данной работе предполагается, используя статистические данные «Отчетов Иммиграционной комиссии» США, проанализировать некоторые аспекты

жизни и деятельности русской эмигрантской общины в Калифорнии в начале XX в. Актуальность работы объясняется недостаточной изученностью означенной проблемы в отечественной историографии.

Вначале несколько слов об источнике. 20 февраля 1907г. была создана специальная комиссия под руководством сенатора У.П. Диллингхема для изучения всех аспектов иммиграционной проблемы в США. В состав комиссии вошли 9 человек (3 сенатора, 3 члена Палаты представителей, 3 человека, назначенных президентом США). Комиссия получила довольно широкие полномочия и финансирование. С целью получения самой объективной информации были созданы специальные подкомиссии, которые могли отправлять людей и делать запросы в самые разные точки США и мира. Комиссия должна была докладывать Конгрессу о результатах своей деятельности. Результатом 4летней работы комиссии Диллингхема

стал обширный отчет в 42 томах об иммиграции в США. В 1911 г. комиссия была распущена, а отчет опубликован. Данный отчет и служит источниковой базой работы. Кроме того, привлечены данные американских цензов, т.е. переписей населения.

Хронологический период, охваченный в работе, включает в себя 1900–1910 гг.

Используя представленный статистический материал, необходимо попытаться проанализировать количественный состав и динамику прироста численности российской эмиграции в Калифорнии. В 1900 г. в Калифорнии проживало 1 485 053 человека, из которых иностранцами являлись 367 240, т.е. 24,7 % населения штата¹. Из этого количества эмигрантов к русским относились 3 421 человек², что составляло в процентном соотношении 0,9 % (0,23 % от общего населения штата). По количеству членов русскую диаспору в Калифорнии можно было сопоставить с финской (2 763), австралийской (2 269), франко-канадской (2 410). Лидерами по этому показателю являлись немцы (72 449), англичане (35 746), ирландцы (44 476), итальянцы (22 777), китайцы (40 262)³. Однако даже заявленная цифра (3 421) не говорит об этой эмиграции как о чисто русской. Свидетельством этого может служить динамика роста численности русской диаспоры в Калифорнии в 1850-1900 гг.: в 1850 г. – 48 человек, в 1860 г. – 260 человек, в 1870 г. – 540 человек, в 1880 г. – 1 013 человек, в 1890 г. – 3 140 человек, в 1900 г. – 3 124 человек⁴. Из приведенных данных явно следует, что, например, число русских по рождению (of russian birth) в Калифорнии за десятилетие с 1880 г. по 1890 г. утроилось (с 1 013 до 3 140), в то время как за период 1890-1900 гг. возросло всего на 281 человека. Вызывает недоумение такой разброс цифр, особенно учитывая, что эмиграция из Российской империи в США в 1881-1890 гг. составила 213 282 человека, а в 1891-1900 гг. – 505 280⁵, т.е. увеличилась более, чем в два раза. Чем был вызван такой всплеск русской эмиграции в Калифорнии в 1880–1890 гг.? Ответ тут один: значительную часть (возможно, даже большую) так называемой «русской» эмиграции составляли люди, не являвшиеся этническими русскими. К сожалению, невозможно установить этнический состав «русской» эмиграции в Калифорнии по причине отсутствия фактических данных. Однако, несомненно, что к числу «русских» могли себя относить некоторые евреи, а также германо-русские (german-russians), т.е. русские немцы, проживавшие в Поволжье со времен Екатерины II и начавшие активно переселяться в США в конце XIX в. в связи с ухудшением положения в России. Так, активное переселение русских немцев в Калифорнию (осо-

бенно в графство Фресно) началось с 1887 г.; к началу 1900-х гг. здесь их было уже несколько тысяч⁶. Сопоставляя эти данные с вышеприведенными, можно прийти к заключению, что в состав русской эмиграции в Калифорнии должен был входить и германо-русский элемент.

В 1910 г. численность населения Калифорнии увеличилась до 2 377 549 человек, т.е. возросла на 37,5 %. В свою очередь, количество эмигрантов возросло до 517 250 человек⁷ (увеличилось на 29 %). Численность русской диаспоры составила 16 610 человек, т.е. по сравнению с 1900 г. увеличилась в 4,8 раза (480 %). Таким образом, удельный вес русских эмигрантов по отношению ко всему эмигрантскому населению штата составил 3,2 % (против 0,9 % в 1900 г.). В количественном контексте русская диаспора занимала одну нишу с шотландской (13 695), датской (14 209), швейцарской (14 209), австрийской (17 165), французской (17 407), португальской (22 539) диаспорами в Калифорнии. Лидерами по-прежнему оставались немцы (76 307), итальянцы (63 613), ирландцы (52 478), англичане (48 763)⁸.

Нетрудно заметить, что численный прирост этих этнических диаспор заметно снизился, за исключением итальянцев. Например, по сравнению с 1900 г. немецкая диаспора приросла на 5 %, ирландская – на 18 %, английская на – 36 %. Все это так называемая «старая» европейская эмиграция. Вместе с тем нельзя говорить, что прирост всей «старой» эмиграции замедлился. Например, прирост шведской диаспоры составил 80 %, норвежской – 97 %, голландской – 127 %. Тем не менее эти показатели нельзя сравнивать с приростом русской диаспоры – 480 % или итальянской – 280 %.

Таким образом, при анализе статистических данных видно, что в период 1900-1910 гг. произошел не только значительный рост абсолютной численности русской диаспоры в Калифорнии, но и увеличение ее удельного соотношения в сравнении с другими иммигрантскими группами (с 0,9 до 3,2 %).

Материалы Иммиграционной комиссии освещают деятельность русской эмиграции в различных проявлениях, однако подробнее следует остановиться на таких аспектах, как: промышленность, сельское хозяйство и образование, так как по этим направлениям имеющаяся информация отличается наибольшей репрезентативностью.

Статистика свидетельствует, что русские переселенцы были задействованы в разных отраслях промышленности и транспорта – на железных дорогах, в строительстве, в табачном производстве, в изготовлении пудры, на консервных заводах, в швейном деле, на лесопилках и пр. К сожалению, нельзя сказать, что представленная статистика дает исчерпывающие ответы на все вопросы о социально-экономической

1 Statistical abstract of the United States, 1916. Washington, 1917. P. 36, 64. (Далее см.: Statistical abstract...).

2 Statistical abstract... 1911, Washington, 1912. P. 63; Reports of the Immigration commission. Emigration

3 Statistical abstract... 1911, Washington, 1912. P. 58-64.

4 Reports... Vol. 4. P. 243.

5 Op. cit. P. 241.

6 Reports... Immigrants in industries. Japanese and others immigrant races in the Pacific coast and Rocky mountain states. Vol. 25. P. 297.

7 Statistical abstract... 1916. P. 64.

8 Op. cit. P. 5863.

жизни переселенцев. В качестве примера – несколько слов для иллюстрации положения русских эмигрантов, работающих на железной дороге (речь идет в том числе и о городских трамвайных линиях).

Привлекать русских для строительства железных дорог начали довольно поздно. Сначала в Калифорнии этим занимались ирландцы, потом их сменили китайцы, затем к ним добавились мексиканцы, японцы, греки⁹. Вообще строительство и обслуживание железнодорожных линий являлось трудоемким делом, которое включало в себя целый спектр занятий: от управления локомотивом до работы путевого обходчика. Всю совокупность специальностей, представленных в отрасли, статистика условно делит на несколько категорий: высший обслуживающий персонал (машинисты, кондуктора), именуемый в «Отчетах» Operating department; обслуживание путей и сооружений (maintenance of way and construction); специалисты, занимающиеся ремонтными работами (shops and power plants), а также электрики и путевые обходчики (lineman)¹⁰.

Величина заработной платы и система ее начисления, продолжительность рабочего дня, этнический состав работников варьировались в зависимости от отрасли и местности. Представленная статистика свидетельствует, что из общего количества русских рабочих в Operating department было занято свыше 14 %, в maintenance of way and construction – свыше 71 %, в shops and power plants – 14 %, что, в целом, отражает общую тенденцию занятости всех эмигрантов в железнодорожном транспорте¹¹. Дело в том, что для работы машинистом или кондуктором требовалось хорошее знание английского языка и наличие образования, поэтому 77,8 % рабочих в этом секторе являлись этническими американцами, а оставшиеся 22,2 % эмигрантами, причем 95 % из них – выходцами из Северной Европы и Канады, т.е. представителями «старой» эмиграции. Аналогичная картина наблюдалась и в ремонтных мастерских, от работников которых требовалось наличие определенной квалификации, что обуславливало преобладание и здесь американцев и выходцев из стран Северной Европы. Тем не менее необходимо отметить, что работа в мастерских отличалась известным разнообразием: от обычной неквалифицированной работы, например, мойки трамваев до более квалифицированного труда, к которому относился ремонт и технический осмотр подвижного состава. Отсюда и этнический контраст зависел от работы, которую выполняли рабочие¹². Совершенно по другому обстояло дело в строительных работах и обслуживании путей и сооружений. Здесь преобладали эмигранты – 84,5 % от общего количества занятых в отрасли рабочих. Соответственно доля американцев составляла всего 15,5 %¹³. Из эми-

грантов же превалировали мексиканцы, греки, итальянцы, славяне, японцы, т.е. представители «новой» эмиграции. Причина такого распределения кроется в самом характере этой работы, которая по большей части являлась тяжелой и неквалифицированной, не требующей специальных навыков и знания английского языка. Немаловажным обстоятельством являлось и то, что наем рабочих в этой отрасли зависел от климатических условий, которые непостоянны в течение года. Таким образом, рабочие этой отрасли не были обеспечены постоянной работой.

Продолжительность рабочего дня зависела от специальности и местности. Самый характерный пример – рабочие Operating department (в «Отчетах» они часто именуются platform men). Эти рабочие часто трудились сверхурочно, и размер их заработной платы зависел от продолжительности дня. В целом, продолжительность рабочего дня в железнодорожной отрасли варьировалась от 7 до 12 часов в день, причем в огромном большинстве случаев преобладал 9–10 часовая рабочая неделя; впрочем, не менее популярной была система, в соответствии с которой рабочие имели один выходной день в декаде, или 3 выходных дня в месяц, которыми они могли воспользоваться как по отдельности в конце каждой декады, так и целиком, в конце месяца.

Ситуация с заработной платой нуждается в более детальном освещении. В силу вышеуказанных особенностей размер оплаты труда в разных отраслях железнодорожного дела существенно отличался. В целом, все рабочие по критерию величины заработной платы делились на 3 группы: американцы и «старые» эмигранты (их зарплата была выше средней), «новые» европейские эмигранты, к которым относились и русские (получали среднюю зарплату), наконец, особняком стояли мексиканцы и японцы с их очень низким уровнем заработка. Например, в управленческом персонале и отчасти в мастерских цехах, где концентрировалась основная масса американских и северо-европейских рабочих, средний размер оплаты труда составлял 2,5–3,5 долл. в день¹⁴. В то время как в строительстве и эксплуатации путей и сообщений заработок 81 % всех занятых рабочих был ниже 2,5 долл. в день, колеблясь в среднем от 2 до 2,5 долл.¹⁵ Таковой была и величина заработной платы большинства русских рабочих. Совсем незавидное положение наблюдалось у мексиканцев и японцев. Так, 75 % мексиканцев и 89 % японцев получали от 1 до 1,25 долл. в день¹⁶.

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что квалифицированный труд оплачивался существенно выше, чем неквалифицированный. Однако квалификация – не единственный критерий, который влиял на величину заработной платы. Другим таким критерием являлся рабочий

9 Reports... Vol. 25. P. 14.

10 Reports... Vol. 25. P. 14.

11 Ibid. P. 58.

12 Ibid. P. 70.

13 Ibid. P. 67.

14 Ibid. P. 66,71.

15 Ibid. P. 69.

16 Ibid. P. 70.

стаж. В этом смысле американский опыт оплаты работы трудящихся представляет интерес. Как правило, заработная плата начинающего рабочего была не очень велика. К слову, начальная ставка тарификации существенно варьировалась не только в разных штатах, но даже в разных регионах в пределах одного штата. Например, в одной местности Калифорнии тарифная ставка составляла 24 цента в час, в другой – 25 центов, в третьей – 27 центов, в четвертой – 30 центов¹⁷. Затем в течение некоторого количества лет происходил плавный рост тарифной ставки, после чего заработная плата стабилизировалась. Скажем, в одной местности популярной была следующая система: в 1-й год – 24 цен./ч; во 2, 3, 4-й гг. – 26 цен./ч; в 5, 6, 7-й гг. – 28 цен./ч; 8-й и последующие годы – 30 цен./ч. В другой местности: 1-й год – 24 цен./ч; 2-й год – 25 цен./ч; 3, 4, 5-й гг. – 26 цен./ч; 6, 7, 8-й гг. – 27 цен./ч; 9, 10, 11-й гг. – 28 цен./ч; 12, 13, 14-й гг. – 29 цен./ч, 15-й и последующие годы – 30 цен./ч¹⁸. То есть существовали разные варианты прироста заработка для трудящихся.

Таким образом, два основных показателя влияли на величину заработной платы – квалификация и стаж работы. Русские эмигранты, как и вся «новая» европейская эмиграция, в этом отношении находились не в лучшем положении, т.к. лишь незначительное число их являлись квалифицированными работниками; в свою очередь, плохое знание английского языка и не очень большой срок пребывания в США не позволяли быстро приобрести необходимую для работы квалификацию. Поэтому основная часть русских рабочих занималась неквалифицированным трудом, получая при этом не очень высокий заработок.

Говоря о русских эмигрантах в сельском хозяйстве Калифорнии, необходимо сразу отметить один парадокс, который, впрочем, был характерен для всей российской эмиграции в США, – большинство русских переселенцев являлись крестьянами, однако на новом месте они, как правило, оседали в городах и находили работу в промышленности, а не в сельском хозяйстве. Основная причина такого феномена заключалась в том, что большинство русских эмигрантов являлись малообеспеченными людьми и на покупку земли в США денег просто не имели. Заработать искомую сумму было легче всего в промышленности, где и оплата труда, и возможность найти подходящую работу были существенно выше. Однако, оказавшись в городе, мигрант сразу попадал в густую сеть социально-экономических отношений, которые с течением времени все глубже затягивали в себя переселенцев. Самый характерный пример – ситуация с русскими молоканами, эмигрировавшими в США в самом начале XX в. Молокане – сплошь крестьянское население – волею судеб почти всей общиной расселились в Лос-Анджелесе, мечтая в будущем накопить достаточно денег для того, чтобы основать земледельческую общину. Эти надежды оказались

трудноосуществимыми, несмотря на неоднократные попытки¹⁹.

Вообще в «Отчетах» очень мало информации относительно того, насколько успешно русские переселенцы занимались сельским хозяйством в Калифорнии. Без сомнения, какая-то часть русских эмигрантов (незначительная) находила себе работу в сельском хозяйстве, некоторые даже приобретали землю и становились фермерами. Однако данные об этом следует черпать из других источников. В частности, очень интересные сведения о калифорнийском сельском хозяйстве приведены в воспоминаниях русских эмигрантов П.А. Дементьева (П. Деменса) и Ф. Крыштофовича²⁰.

Можно назвать разные факторы, препятствовавшие русским успешно заниматься сельским хозяйством. Во-первых, выше уже упоминавшееся безденежье. Земля в Калифорнии стоила дорого. Например, цена акра в штате колебалась от 45 до 175 долл. (1 долл. равнялся 2 рублям)²¹, причем столько стоили целинные земли (raw lands), возделанные участки стоили в 2-3 раза дороже. Во-вторых, климатические и природные условия Калифорнии существенно отличались от российских. Климат в значительной части Калифорнии засушливый, поэтому сельское хозяйство невозможно без ирригации. Сама структура земледелия во многом принципиально отличалась от российской, где традиционно преобладали зерновые культуры. В США к этому времени уже сформировался мощный «зерновой пояс» на Среднем Западе. Калифорния, которая начала активно осваиваться только в последние десятилетия XIX в., должна была приспособливаться к сложившемуся географическому разделению труда. Отсюда существенную роль в местном сельском хозяйстве играли другие культуры, – в первую очередь виноград и цитрусовые, для разведения которых здесь были идеальные условия. Очевидно, русский крестьянин, проживающий ранее в Поволжье или на Кавказе, чаще всего даже не знал, как внешне выглядят апельсины, лимоны, персики. Что же говорить о технологии выращивания? Наконец, еще одним существенным условием являлась конкуренция со стороны эмигрантов других национальностей (японцев, мексиканцев, датчан и др.), которые занимали в структуре сельского хозяйства Калифорнии свою нишу.

Выше уже отмечалось, что «Отчеты» содержат очень мало сведений, характеризующих положение русских в сельском хозяйстве Калифорнии. Вместе

19 См., например: Нитобург Э.Л. Русские в США: история и судьбы 1870-1970 гг. М., 2005. С. 301302; Хисамутдинов А.А. В Новом свете или история русской диаспоры на Тихоокеанском побережье С.Америки и Гавайских островов. Владивосток, 2003. С. 90-96; Reports... Vol. 25. P. 457; Sokoloff L. The Russians in Los-Angeles // Studies in sociology. Vol. III. March 1918. №3. Los-Angeles, 1918. P. 13.

20 Тверской П.А. Американская деревня // Вестник Европы. 1896. №1. С. 176-210; Крыштофович Ф. Сиди дома // Книжки недели. 1898. №8. С. 516.

21 Reports... Japanese and other immigrant races in the Pacific coast and Rocky mountain states (agriculture). Vol. 24. P. 632.

17 Ibid. P. 63-65.

18 Ibid. P. 63.

с тем, источник весьма детально освещает другой аспект, имеющий отношение к русской эмиграции, – роль и значение германо-русской эмиграции для Калифорнии.

Немецкие переселенцы появились в России в 1766-е гг., явившись сюда по приглашению Екатерины II, привлекаемые возможностью получить землю, налоговые льготы, освобождение от воинской службы. Они поселились на Украине, в Поволжье, на юге Урала. Однако в 1871 г. действие привилегий было прекращено русским правительством. Русских немцев отягчили налогами, их принуждали к несению воинской службы. В то же время население росло, а несовершенные методы обработки земли истощали почву. Эти обстоятельства послужили причиной того, что русские немцы начали уезжать в США в поисках лучшей доли. Многие из них поселились в Калифорнии, в графстве Фресно²².

Русские немцы представляли собой достаточно внушительный сегмент в калифорнийском сельском хозяйстве. «Отчеты» свидетельствуют, что к 1910 г. в графстве Фресно их насчитывалось более 4 000 человек²³. Большинство русских немцев, занятых в сельском хозяйстве, являлись неквалифицированными, подсобными рабочими (common laborers), большая часть выполняемых ими работ носила сезонный характер. Поливка, рыхление земли, прополка сорняков, уборка и погрузка готового урожая – вот далеко не полный перечень тех работ, которыми занимались русские немцы. Их труд весьма ценился. Например, в 1909 г. в графстве Фресно на сезонные работы по уборке фруктов было привлечено около 4-5 тысяч сезонных рабочих, из которых 600-800 были русские немцы. Обычный их рабочий день составлял 10 часов, заработная плата – 2 долл. в день²⁴.

Существенной особенностью являлся очень большой процент работающих женщин и детей, особенно в центрах упаковки фруктов. Так, в 1909 г. в упаковочных центрах во Фресно трудились 654 русских немца, из них 465 – женщины. Причем часто труд женщин оплачивался выше, чем аналогичный труд мужчин. Это объяснялось тем, что у женщин преобладающей формой оплаты труда была сдельная, а у мужчин же повременная²⁵.

Статистика свидетельствует, что свыше 90 % русских немцев в Калифорнии являлись крестьянами, поэтому их заветной мечтой была покупка земли. Далеко не всем удалось осуществить свои намерения. Причины этого озвучены выше. Вообще, в отличие от эмигрантов других национальностей, русские становились фермерами гораздо позже. Приобрести землю в собственность сразу было практически невозможно, поэтому приходилось ее сначала арендовать. Далеко не многие на это решались. Тот, кто решался – на долгие годы становился должником.

Например, в графстве Фресно было исследовано 16 фермерских хозяйств, принадлежавших русским немцам, общей площадью в 630 акров. Размеры ферм варьировались от 20 до 60 акров, в среднем составляя немногим более 39 акров. Общая стоимость земли достигала 73 925 долл., что составляло в среднем 117 долл. за один акр. Из этой суммы к 1907 г. было выплачено всего 27 560 долл. (37 %). Следовательно, остальные 46 365 долл. предстояло еще выплатить²⁶.

Основным источником погашения кредитов являлась заработная плата. Большая часть мужчин, женщин, старших детей работали на виноградниках, в упаковочных центрах и еще где-либо, когда дома не было дел. Все заработанные средства складывались, и львиная их доля шла на выплату долгов. Таким образом, вся жизнь и деятельность этих людей была подчинена тяжелому труду, направленному на зарабатывание денег. Отсюда обустройство быта, качество условий жизни стояли для них на втором месте. Так, их жилища почти все были тесными и простыми в построении. Вообще трудно было найти благоустроенный дом, который был бы выкрашен и хорошо меблирован. Женщины, конечно, могли бы сделать больше, чтобы обустроить свое жилище и сделать его более привлекательным, однако, так же как и мужчины, они зарабатывали деньги. Вместе с тем, нельзя сказать, что русские немцы были бедняками. Анализ их благосостояния показывает, что в среднем фермерская семья обладала имуществом на сумму свыше 9 тыс. долл., а встречались семьи, которые обладали 15-20 тыс. долл. и более имущества²⁷.

Таким образом, сельское хозяйство наряду с промышленностью являлись важными секторами экономики, где был представлен труд русских эмигрантов.

Наконец, анализ «Отчетов» был бы неполон без учета школьной статистики, так как русская диаспора в Калифорнии состояла не только из взрослых, но и детей. Этой проблеме в источнике уделено значительное внимание.

Исследование было проведено в 37 крупных городах США. Изучили положение 1 815 217 детей, обучавшихся в общественных школах (из них 60,5 % – дети эмигрантов)²⁸. В частности, были собраны сведения о 6 455 детях русских эмигрантов в США. Так как основная масса русских переселенцев в Калифорнии концентрировалась в 2 крупнейших городах: Сан-Франциско (собраны сведения о 125 русских детях) и Лос-Анджелесе (собраны сведения о 418 русских детях), следовательно, большинство детей русских эмигрантов обучались в школах этих городов. Таким образом, статистика свидетельствует, что доля русских учеников в школах Лос-Анджелеса составляла 1,3 % от общего количества (418 из 33 422), а в Сан-Франциско и того меньше – всего 0,4 % (125 из 33 547)²⁹.

22 Reports... Vol. 24. P. 566.

23 Ibid. P. 297.

24 Ibid. P. 577-578.

25 Ibid. P. 609-610.

26 Ibid. P. 632.

27 Ibid. P. 632.

28 Reports... The children of immigrants in schools. Vol. 29. P. 14.

29 Ibid. P. 11, 13, 19.

Чрезвычайно интересным представляется, на наш взгляд, изучение внутренней структуры русского ученичества. Как известно, американская система дошкольного и школьного образования включает в себя несколько звеньев: детский сад, неполное среднее образование (*elementary school*), которое, в свою очередь, подразделяется на начальные классы (*primary school*) и средние классы (*grammar school*), старшие классы (*high school*). Весь курс американской школьной программы вмещает в себя 12 классов.

В качестве примера проиллюстрируем структуру русского ученичества в школах Лос-Анджелеса. Картина такова: собраны сведения о 418 детях, из них 41 ребенок ходил в детский сад (22 мальчика и 19 девочек), 351 ребенок (174 мальчика и 177 девочек) посещали *primary school*, 25 человек училось в *grammar school* и только 1 в *high school*. Приведенные цифры свидетельствуют, что 93 % от общего количества русских детей заканчивали первые 4 класса школьной программы и только 7 % продолжали дальнейшее обучение. «Отчеты» говорят нам, что из числа исследованных в 1-й класс ходили 169 детей, т.е. 44,8 % детей; во 2-й класс – 118 детей, т.е. 31,2 %; в 3-й класс – 53 ребенка, т.е. 14 %; в 4-й класс – 10 детей, т.е. 2,65 %. Возрастной состав самый разнообразный. Так, в первом классе учились дети в возрасте от 5 до 13 лет, во втором – от 6 до 14, в третьем – от 7 до 14 и т.д.³⁰ Несмотря на то, что в «Отчетах» об этом не говорится, но приведенные цифры наводят на мысли о большой текучести в среде русских учеников. Далеко не каждый из них заканчивал даже *elementary school*. В самом деле, 13-14-летний подросток в русских крестьянских семьях уже считался трудоспособным человеком, способным помогать родителям зарабатывать на жизнь. Русская эмигрантка в Калифорнии Л. Соколова, автор весьма интересного исследования о молоканах, пишет по этому поводу: «К сожалению, русские не позволяют своим детям оставаться в школе дольше того времени, какое требует законодательство. Независимо от того, стремятся ли девушки и юноши к высшему образованию, их забирают из школы и отправляют работать в 15-летнем возрасте. По окончании 8-го класса они не идут учиться дальше»³¹.

Аналогичная картина наблюдалась и в школах Сан-Франциско. Из исследованных 125 человек 106 обучалось в *primary school*, т.е. 84,8 %³².

Естественно, такая обстановка затрудняла процесс обучения. Несмотря на то, что та же Л. Соколова отмечала, что русские дети учатся усердно, демонстрируя показатели лучше, чем у детей эмигрантов других национальностей, однако общая статистика не столь однозначна. Русские ученики не были в чис-

ле самых успешных в школах Лос-Анджелеса, около половины из них испытывали проблемы с успеваемостью³³.

Немаловажным обстоятельством являлось и то, что подавляющая часть детей эмигрантов посещала американские общественные школы, где обучение велось на английском языке – это создавало дополнительные сложности в процессе обучения. Положение значительно облегчилось бы наличием в школах учителей, владеющих русским языком, но в начале XXв. таковые полностью отсутствовали. Статистика свидетельствует, что ни в Лос-Анджелесе, ни в Сан-Франциско не было ни одного русского учителя. Да и вообще учителя-иностранцы в Калифорнии практически отсутствовали: из 1 147 учителей в Лос-Анджелесе только 62 являлись иностранцами; из 1 055 учителей в Сан-Франциско иностранцами были 44³⁴.

Впоследствии, естественно, появились и русскоязычные учителя (таковой была, например, уже упоминавшаяся Л. Соколова), начали организовывать русские школы, но все это уже было после 1910 г.

Итак, «Отчеты» действительно являются весьма важным источником по истории русской эмиграции в Калифорнии в начале XX в., позволяющим осветить многие аспекты общественной жизни русской калифорнийской диаспоры, такие как: структура и численность русских переселенцев, сферы их деятельности, продолжительность рабочего дня и величина заработной платы, проблема школьного образования пр. К сожалению, в отечественной историографии данные «Отчетов» почти не нашли своего отражения. Отчасти такое обстоятельство, безусловно, связано с затрудненностью доступа к самому источнику. Однако в настоящее время коммуникационные возможности сети Internet устранили это затруднение, поэтому каждый специалист или просто интересующийся человек получил свободный доступ к этим ценнейшим документам (Все 42 тома «Отчетов» доступны на сайте: <http://www.archieve.org/>). У автора нет ни малейшего сомнения, что в последующем данные «Отчетов» получат самое пристальное освещение в специальных работах по изучению эмигрантских общин в США.

³⁰ Reports...The children of immigrants in schools. Vol. 31. P. 568603.

³¹ Sokoloff L. The Russians in Los-Angeles // Studies in sociology. Vol. III. March 1918. №3. Los-Angeles, 1918. P. 10

³² Reports...The children of immigrants in schools (General tables). Vol. 33. P. 306336.

³³ Reports...Vol. 31. P. 554.

³⁴ Reports...Vol. 29. P. 135.

Библиографический список

1. Reports of Immigration commission in 42 vol. Washington, 1911. Vol. 4,24,25,29,31,33.
2. Statistical abstract of the United States, 1911. Washington, 1912; Statistical abstract of the United States, 1916. Washington, 1917.
3. Sokoloff L. The Russians in Los-Angeles // Studies in sociology. Vol. III. March 1918. №3. Los-Angelos, 1918.
4. Крыштофович Ф. Сиди дома // Книжки недели. 1898. №8. С. 5-16.
5. Нитобург Э.Л. Русские в США: история и судьбы 1870-1970гг. М., Наука, 2005.
6. Тверской П.А. Американская деревня // Вестник Европы. 1896. №1. С. 176-210.
7. Хисамутдинов А.А. В Новом свете или история русской диаспоры на Тихоокеанском побережье Северной Америки и Гавайских островов. Владивосток, 2003.

References

1. Reports of Immigration commission in 42 vol. Washington, 1911. Vol. 4,24,25,29,31,33.
2. Statistical abstract of the United States, 1911. Washington, 1912; Statistical abstract of the United States, 1916. Washington, 1917.
3. Sokoloff L. The Russians in Los-Angeles // Studies in sociology. Vol. III. March 1918. Number 3. Los-Angelos, 1918.
4. Kryshstofovich F. Stay at home // Books of the week. 1898. № 8. Pp. 5-16.
5. Nitoburg E.L. The Russians in the U.S. history and the fate of the 1870-1970s. Pergamon Press, 2005.
6. Tverskoy P.A. American Village // Bulletin of Europe. 1896. №1. Pp. 176-210.
7. Hisamutdinov A.A. In the New World, or the history of the Russian diaspora in the Pacific coast of North America and Hawaii. Vladivostok, 2003.

УДК 930 (47). 084-282.5

UDC 930 (47). 084-282.5

А.Ю. САВОСИЧЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры религиоведения и теологии Орловского государственного университета
E-mail: sawositchev@mail.ru

A.YU. SAVOSICHEV

candidate of History, Associate Professor of Religious Studies and Theology, Orel State University
E-mail: sawositchev@mail.ru

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЬЯКОВ И ПОДЬЯЧИХ XV-XVII вв. В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

**THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF CLERKS AND ASSISTANT CLERKS
OF XV-XVII CENTURIES IN THE SOVIET HISTORIOGRAPHY**

Статья посвящена анализу исследований российских историков, затрагивавших в своих работах проблему происхождения дьяков и подьячих XV – XVII столетий. В качестве предмета исследования избраны монографии и статьи, вышедшие из печати в советский период. Автор подверг критическому разбору основные исследовательские работы по выбранной теме, проанализировав их источники и методологию. Выделены два направления в историографии проблемы. Представители одного приходят к выводу о том, что дьяки происходили в основной массе из дворянской среды. Другие авторы констатируют происхождение дьяков из непривилигированных сословий. Автор статьи определил причину этих концептуальных разногласий и наметил пути дальнейшей работы над разрешением проблемы происхождения дьяков и подьячих XV – XVII веков.

Ключевые слова: социальное происхождение, дьяки и подьячие, историография, источники, методология.

The article is devoted to the analysis of the Russian historians' researches dealing with the problem of the origin of clerks and assistant clerks in XV – XVII centuries. The monographs and articles published during the Soviet period are selected as an object of the research. The author has subjected to the critical analysis the basic research works on the chosen theme, having analysed their sources and methodology. Two directions in the problem historiography are singled out. The representatives of one of them come to a conclusion that clerks came mainly from nobility. Other authors ascertain that clerks came from unprivileged population. The author of the article has defined the reason of these conceptual disagreements and has planned ways of further work on solving the problem of the origin of clerks and assistant clerks of XV – XVII centuries.

Keywords: social origin, clerks and assistant clerks, historiography, sources, methodology.

Российские учёные, чьё творчество пришлось на Советскую эпоху истории нашей страны, неоднократно обращались к исследованиям формирования и развития приказной системы управления. Оказывались в сфере их внимания и вопросы, связанные с деятельностью главных функционеров приказной системы, – дьяков и подьячих. Однако, вопрос о происхождении дьяков и подьячих не был главным для исследователей приказной системы. Советская историография, опираясь на исследования дореволюционных авторов, прежде всего Н.П. Лихачева, уделяла внимание, главным образом, дьякам и подьячим XVII столетия. Здесь системообразующей стала статья С.К. Богоявленского «Приказные дьяки XVII в.», вошедшая в 1937 г. в первый том «Исторических записок». Безусловный вклад С.К. Богоявленского в исследование проблемы состоит, прежде всего, в том, что он, пожалуй, первым перешел от суммирования впечатлений, возникавших в процессе изучения источников, к подсчетам. Он определил численность дьяков на разных этапах развития приказного аппарата (его предшественники обычно оперировали материалами за одно-два столетия в целом, не пытаясь выделять внутри них каких-либо стадий) и высчитал примерный процент в их среде выходцев из дворян. Вывод С.К. Богоявленского достаточно однозначен: «дьяки набирались в основном из дворянской среды, только отдельные представители более крупного купечества и выходцы из среды духовенства вносили некоторую сословную пестроту в высшую приказную администрацию» [1, с. 225]. Автор констатировал постепенное снижение на протяжении XVII столетия в среде дьяков доли выходцев из дворянства, от почти 90 % в начале столетия до менее чем двух третей в конце [1, с. 224-225].

Выводы С.К. Богоявленского были впоследствии канонизированы и стали точкой зрения всей советской исторической науки в целом. В «Очерках истории СССР», выпущенных в 1955 г. издательством Академии наук, подготовленных ведущими специалистами по истории XVII в. из Института истории, Н.В. Устюгов, автор раздела «Приказы», резюмировал: «Дьяки в большинстве происходили из дворянства – московского и провинциального» [2, с. 379].

В то же время, построения С.К. Богоявленского не могут не вызвать вопросов. Они были сформулированы Н.Ф. Демидовой: «Особую ценность представляют иллюстрирующие положения статьи цифровые подсчёты, хотя некоторым недостатком является отсутствие ссылочного аппарата к ним и объяснения их техники» [3, с. 6]. Иными словами, неизвестно, из каких источников и какими методами получены С.К. Богоявленским данные о доле выходцев из дворянства в среде дьяков исследуемой эпохи. Круг источников автора понятен – фонды Разрядного приказа, Приказных дел старых лет, Посольского приказа РГАДА – но какие конкретные документы использованы, С.К. Богоявленский не указал. Это не имело бы значения, если бы подсчёты исследо-

вателя существенно не разошлись бы с подсчётами Н.Ф. Демидовой. Впрочем, об этом ниже.

Говоря о соотношении подьяческой и дьяческой службы, С.К. Богоявленский констатировал их тесную взаимосвязь, придя к выводу, что из подьячих в дьяки «выдвигались по большей части лица, имевшие большие связи, реже – только зарекомендовавшие себя знатоками приказного дела. Обычно подьячий дворянин имел больше шансов занять дьяческое место, чем не дворянин» [1, с. 223]. В качестве аргумента в подтверждение тезиса о значении происхождения в приказной карьере автор привёл процент выходцев из дворянства в числе дьяков, получивших свой чин, минуя подьячество.

Вслед за Н.П. Лихачевым С.К. Богоявленский отметил, что сыновья дьяков обычно не следовали по стопам отцов, стремясь к чисто дворянской службе. Ещё одним путем интегрирования в дворянскую среду для дьячества были брачно-семейные связи, устанавливая которые дьякам позволяли их влияние при дворе и богатство [1, с. 225-226]. Постановка С.К. Богоявленским вопроса о родственных связях дьяков была безусловным шагом вперед в разработке темы социального происхождения и социальной природы приказной бюрократии. Ранее об этом в очень небольшой работе «Родственные связи княжеских фамилий с семьями дьяков» высказался Н.П. Лихачёв. Однако автор ставил перед собой несколько иные задачи, не относящиеся к исследованию социального происхождения дьяков XVI в.: «Вопрос о родственных связях княжеских и вообще родословных фамилий с дьяками имеет значительный интерес; тщательное исследование его помогло бы и в решении более общего вопроса относительно того, как относилась Московская Русь к так называемым неравным бракам» [4, с. 1].

В 1964 г. вышла книга А.А. Зимина «Опричнина Ивана Грозного». Предмет этого исследования обозначен в названии. Интересующей нас проблемы автор коснулся лишь попутно в связи с рассмотрением вопроса о составе представителей земского собора 1566 г. «Дьяки, как мы видим, по своему социально-экономическому положению происходили, очевидно, из дворянской среды», – заключил А.А. Зимин [5, с. 123]. Персонально указаны как выходцы из дворянства пятеро (Петр Иванович Шестаков Романов; Иван Никифорович Дубенский; Василий Яковлевич Щелкалов; Мясоед Вислово; Петр Иванович Шерефединов) и ещё трое охарактеризованы как происходившие из вотчинников и помещиков разных районов страны (Рахман Житково, Андрей Никитич Батанов и Дмитрий Михайлович Пивов). Зимин опирался на наблюдения П.А. Садикова и С.Б. Веселовского и на прямые указания Тысячной книги и Дворовой тетради [5, с. 335-336].

В 1971 г. увидела свет работа А.А. Зимина «Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в.» Она имела вид справочника, где в алфавитном порядке были приведены биографии всех

дьяков исследованного периода. На сегодняшний день это наиболее полный список великокняжеских и удельных дьяков периода правления Ивана III и Василия III. В заключительной части работы А.А. Зимин обобщил собранный материал. Применительно к вопросу о социальном происхождении дьяков второй половины XV – первой трети XVI в. он в основном согласился с мнением Курбского о «писарях» как выходцах из «простого всенародства». Но общий вывод исследователя весьма осторожен: «К сожалению, с достаточной определённостью говорить, какой социальный слой дал основную массу дьяков, не представляется возможным» [6, с. 284]. Выявив происходивший в первой трети XVI в. процесс складывания дьяческих семей, А.А. Зимин пришел к выводу о том, что дьяческая профессия становилась наследственной, а дьяческий штат приобретал корпоративную устойчивость [6, с. 285].

Статья В.И. Корецкого «Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в.» посвящена сравнительно узкому вопросу, но она интересна в методологическом отношении. Автор выстроил своеобразную «синтетическую» биографию приказного деятеля, связав воедино все известные факты о жизни Ивана Тимофеева. Вывод о социальном происхождении историка и публициста В.И. Корецкий сформулировал весьма сдержанно: «Наличие поместий в Малоярославце у Ивана Тимофеева в конце XVI в., затем перешедших к его сыновьям, а ранее родовых вотчинных владений, потерянных в опричнину, даёт возможность считать, что Иван Тимофеев происходил из среды подмосковных служилых людей». Ниже В.И. Корецкий уточнил, что Иван Тимофеев происходил «из подмосковной служилой мелкоты» [7, с. 146, 147, 159-166]. Естественно, что вывод автора нуждается в уточнении, ибо служилое сословие в исследуемый период было весьма неоднородно в социальном отношении.

А.П. Павлов уделил внимание проблеме социального происхождения дьяков конца XVI – начала XVII вв. в большой статье «Приказы и приказная бюрократия (1584-1605 гг.)». В своих построениях он опирался на заключения Н.П. Лихачева и С.К. Богоявленского: «Исследователи (Н.П. Лихачев, С.К. Богоявленский и др.) убедительно показали, что дьяки отнюдь не были особо худородной, «разночинной» по происхождению группой служилых людей, а в подавляющем своём большинстве происходили из дворянской среды» [8, с. 211]. В подтверждение данного тезиса А.П. Павлов привел, прежде всего, данные Тысячной книги и Дворовой тетради, выявив в тексте этих источников 43 фамилии, представители которых служили в дьяках. А.П. Павлов впервые для решения интересующей нас проблемы использовал данные боярских списков, введенные в научный оборот А.Л. Станиславским. По сведениям этих источников автор определил, что 14 дьяков царя Бориса до перехода на приказную работу служили в выборных дворянах и жильцах [8, с. 211-212].

По мнению А.П. Павлова, происхождение дьяка было важным фактором карьерного роста: «Преимуществами служебного продвижения пользовались дьяки, происходившие из видных дворянских фамилий и служившие прежде в составе двора в качестве выборных дворян и жильцов. Но в отличие от боярской в дьяческой среде фактор «родовитости» был вовсе не обязательным для служебного продвижения» [9, с. 237].

А.П. Павлов, наверное, первым из исследователей не ограничился простой констатацией того, что дьяки были выходцами из дворянской среды. Исходя из очевидного тезиса о неоднородности дворянства, автор попытался определить тот чин в служилой иерархии, который дал наибольшее количество дьяков. А.П. Павлов сравнил данные о карьерах самих дьяков и их детей. Вслед за Н.П. Лихачевым и С.К. Богоявленским он пришел к выводу о том, что сыновья дьяков сравнительно редко выбирали приказную работу. В основном они шли на службу в жильцы и выборные дворяне, а дети наиболее видных дьяков попадали в ряды столичного дворянства. При этом отечество, по мнению А.П. Павлова, не играло здесь определяющей роли. В состав членов Государева двора дети дьяков попадали независимо от происхождения родителей. Общий вывод автора таков: «Таким образом, в социальном плане дьяки конца XVI – начала XVII в. были тесно связаны с теми слоями дворянства, которые занимали промежуточное положение между столичными чинами двора и уездным дворянством, – с жильцами и выборными дворянами» [8, с. 212].

Таким образом, и в советской историографии точка зрения Н.П. Лихачева на социальное происхождение дьяков, подкреплённая авторитетом С.К. Богоявленского, продолжала оставаться господствующей. В то же время стали появляться работы, которые могли посеять в умах исследователей определённые сомнения.

Первой в этом ряду следует назвать статью Е.С. Зевакина «Подьячие Поместного приказа начала XVIII в.», вышедшую в 1941 г. в 11 томе «Исторических записок». В качестве основного источника автор использовал сказки, собранные с подьячих исследованного ведомства по поручению Разрядного приказа. В методологическом отношении это был безусловный шаг вперёд. Пожалуй, впервые после Н.Н. Оглобина вопрос о социальном происхождении подьячих решался на основе обработки достаточно крупного массива делопроизводственных документов. При этом бралось не целое столетие в истории приказа (при таком подходе автор не избегал выборочности анализируемого материала), а делался как был одномоментный срез, позволявший выявить исследуемый предмет во всей его полноте.

Еще интересней выводы Е.С. Зевакина. По социальному происхождению автор разделил подьячих на 12 групп: приказные чины, священнослужители, посадские, дворяне, служилые люди по прибору, неиз-

вестного происхождения, чины дворцовой службы, церковнослужители, дворовые люди, монастырские слуги, иноземцы, неслужилые чины. Это классификация, на наш взгляд, не до конца продумана. В ней дети дьяков попадают в одну группу с детьми приказных сторожей, а дети посадских вместе с детьми купцов гостиной сотни. Однако, в целом, такой метод вполне удачен. В итоге получается, что 25,5 % всех подьячих Поместного приказа в 1706-1709 гг. – это дети подьячих, ещё 21,6 % дети священнослужителей, 10,1 % дети посадских. При этом из оставшихся 42,8 % подавляющее большинство – тоже выходцы из «простого всенародства». Выходцев из дворян всего 7,8 %, дьяков 2,2 %, купцов гостиной сотни 0,4 % [9, с. 280-281]. Невольно напрашивается вопрос: если большинство дьяков начинало службу в подьячих, а среди подьячих процент выходцев из дворянства не составлял и десятой части, то как дьячество в целом могло в основном формироваться из дворянской среды? Впрочем, вопрос этот в нашей историографии так и не был задан. В конце концов, Е.С. Зевакин взял подьячих только одного приказа и уже в начале XVIII в., а не в XVII и, тем более, не в XVI вв.

В 1973 г. отдельную работу, посвященную дьякам XVI в., написал С.О. Шмидт. Вопрос о происхождении дьяков XVI в., по мнению автора, не вполне ясен. В качестве полярных точек зрения исследователь привёл известные мнения Курбского и Н.П. Лихачева. В этой своеобразной «полемике» С.О. Шмидт встал на сторону мятежного князя, приведя в качестве аргумента мнения других его современников: Тимофея Тетерина и Михаила Татищева. Конкретных примеров «демократического» происхождения дьяков XVI в. у автора немного, всего пять (Андрей Васильев, Щелкаловы, Клобуковы, Анфим Селиверстов и Федор Сырков) [10, с. 316-318]. Эти данные, конечно, выглядят бледно на фоне той массы просопографического материала, который был собран сторонниками точки зрения о дворянском происхождении дьяков. В то же время, к главным аргументам С.О. Шмидта нельзя не прислушаться. Высказывания Курбского, Тетерина, Татищева, конечно, суть их частные мнения, но в то же время, они не могут не отражать определённого общественного стереотипа сознания (раз дьяк – значит, непременно человек низкого происхождения), сложившегося под влиянием объективных социальных реалий.

У С.О. Шмидта есть и другие ценные наблюдения и мысли. Он связывает возможный рост в среде дьяков и подьячих доли выходцев из «демократических» слоёв населения с расширением правительственного аппарата и возросшей потребностью в кадрах приказных людей в середине XVI в. Автор указывает на то, что дьячество было одним из способов проникновения в среду дворянства талантливых выходцев из непривилегированных социальных групп. Важным фактором здесь были родственные связи дьяков с «вельможной знатю». В то же время С.О. Шмидт пришёл к выводу, что обычными были семейные

связи дьяческих фамилий между собой. «К середине XVI в. уже выделились такие фамилии, где были дьяками в двух-трех поколениях. Молодые люди из этих семей, как правило, начинали службу подьячими под руководством родственников или свойственников», – заключает автор. Пример, правда, приводится только один: служба в одной чети Федора Рылова и его зятя Дружины Владимирова [10, с. 319-320].

В 1987 г. вышла книга Н.Ф. Демидовой «Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма», где проблеме социального происхождения дьяков и подьячих посвящена практически полностью вторая глава. Анализируя предшествующую историографию, Н.Ф. Демидова указала на два важных методологических аспекта. Во-первых, при анализе формирования корпуса дьяков и, особенно подьячих, необходимо учитывать территориальные и временные особенности процесса. Во-вторых, следует максимально расширить круг используемых источников [3, с. 51]. Исследовательница впервые, наверное, в нашей историографии связала воедино вопросы о социальном происхождении дьяков и подьячих, отметив, что «основным является вопрос о комплектовании подьяческих кадров, тогда как вопрос о комплектовании дьячества производный» [3, с. 52].

Н.Ф. Демидова отдельно проанализировала социальное происхождение столичных и уездных подьячих, разделив последних на территориальные группы. В хронологическом отношении материал поделен на две части: 10-е – 50-е и 60-е – 90-е гг. XVII в. В качестве основного источника автор использовал делопроизводственные материалы приказов. Основной метод определения социального происхождения – анализ прямых указаний источников.

Согласно выводам Н.Ф. Демидовой подьячие московских приказов в основной своей массе были либо потомственными приказными (сыновьями подьячих), либо происходили из духовного звания (сыновья священно- и церковнослужителей). Во второй половине XVII в. столичные учреждения в значительной мере пополнялись за счёт перевода подьячих из уездов. Определенное сожаление вызывает отсутствие в данном разделе работы цифровых подсчётов. Такие данные приведены только на начало XVIII в. и только по одному приказу – Поместному. Хотя, конечно, сложно полагать, что комплектование подьячими Поместного приказа в исследуемый период представляло собой какое-то уникальное явление. Скорее всего, ситуация с подьяческими кадрами в других приказах принципиально не отличалась. На основании уже введенных в научный оборот Е.С. Зевакиным и А.В. Черновым подьяческих сказок, Н.Ф. Демидова определила, что почти две трети (61,7 %) всех подьячих Поместного приказа в начале XVIII в. были выходцами из приказной и духовной среды, ещё 17,7 % дают выходцы из числа служилых людей по прибору, холопов и посадских. Только 14,6 % всей исследуемой совокупности вышли собственно из дворянства, служилых людей по отече-

ству [3, с. 58, 61].

Подьячие местных учреждений разделены на три области: 1). Центральные, северные и частью понизовые районы европейской части страны; 2). Западные и юго-западные районы, возвращенные в состав государства в результате военных действий, а также районы вновь строившихся в середине и второй половине XVII в. южных оборонительных линий; 3). Районы Сибири, пределы которой непрерывно расширялись на протяжении XVII в.

В центре, на севере и в понизовых районах европейской части страны в первой половине XVII в. в подьячие поступали губные, земские и таможенные дьячки и площадные подьячие. Последние в свою очередь формировались из посадских, священников, пушкарских и стрелецких детей, сыновей самих площадных подьячих. В северных и поморских городах среди подьячих местных съезжих изб была значительна доля посадских людей. В приказных избах городов Центра ведущую роль играли потомственные подьячие. По наблюдениям Н.Ф. Демидовой, «наследственные подьяческие группы в городах первой зоны превращались в особые социальные прослойки городского населения, занятого только приказной работой». Во второй половине XVII в. в центре, на севере и в понизовых районах европейской части страны доля выходцев из тяглых сословий в среде местных подьячих постепенно снижается, а роль подьяческих семей растёт.

В западных и юго-западных районах, возвращенных в состав государства в результате военных действий, уездные съезжие избы комплектовались подьячими в основном из числа местных служилых людей по прибору. В городах на южной границе в подьячие набирались преимущественно местные городские дети боярские. К последней четверти XVII в. и здесь складываются устойчивые группы потомственных подьячих [3, с. 68-70].

В сибирских городах подьячие рекрутировались из рядов местных служилых людей по прибору, преимущественно казаков. Значительно реже в подьячие шли дети боярские. Из представителей тяглых сословий в приказные избы попадали представители промышленных людей, формировавшихся, в свою очередь, из посадских людей и, возможно, черносошных крестьян [3, с. 73, 74].

Общий вывод Н.Ф. Демидовой о социальном происхождении подьячих таков: «Если для подьяческого мира Москвы наиболее типичным был приток в приказные выходцев из сложившихся здесь приказных семей, городского дворянства и духовенства, то для съезжих изб в нём наблюдаются существенные территориальные отличия. Для городов Севера и Центра служилые элементы в нём играли второстепенную роль, а на первое место выступали тяглые городские слои. Для приказных изб остальных частей страны ведущими были служилые круги: служилые люди по прибору для западных и сибирских городов; служилые люди по отчеству для южных городов. К

концу века имело место несомненное сглаживание этих различий, более четкое определение и унификация социальной базы комплектования, в которой ведущее место стали занимать приказные семьи» [3, с. 75]. Это заключение могло бы быть практически бесспорным, будь оно снабжено соответствующими подсчётами. Но в силу трудоёмкости такой задачи она может быть решена только на основании комплекса исследований по отдельным городским съезжим избам, а это пока дело будущего.

Анализ социального происхождения дьяков был сделан Н.Ф. Демидовой на основании данных боярских списков и книг. В результате получилось, что в первой половине XVII в. 87,1 % дьяков составляли пожалованные из подьячих; 16,4 % выходцы из дворянства; из гостей и торговых людей 0,9 % из «разночинцев» 1,8 %. Во второй половине того же столетия доля бывших подьячих среди дьяков остаётся практически неизменной – 88,1 %. Выходцев из дворянской среды становится всего 4,3 %. Из гостей и торговых людей 1 %, из «разночинцев» 5,9 % [3, с. 77].

Далее в рассуждениях Н.Ф. Демидовой происходит странный логический сбой. Автор справедливо отмечает, что «приводимые в боярских книгах и списках сведения относительно, так как дают скорее служебную, чем социальную характеристику». «Достаточно вспомнить, что подьячие, на базе которых в основном вырастает дьячество XVII в., являлись пестрой по своему происхождению средой». Вспомнить и обратиться к вышеизложенному материалу о подьячих. Материалу, который показывает, что несмотря на наличие среди подьячих определенной доли выходцев из дворянской среды, тон там задавали потомственные приказные и лица, происходившие из «разночинцев». Вместо этого Н.Ф. Демидова возвращается к цифрам С.К. Богоявленского: «Попытка преодолеть ограниченность сохранившихся документов была сделана в статье С.К. Богоявленского, который положил в основу исследования вопроса о происхождении дьяков источники родословного характера» [3, с. 78]. Остаётся загадкой, что это за особые «источники родословного характера» и как они могут содержать информацию, совершенно отличную от той, которую даёт делопроизводственная документация приказов.

С.К. Богоявленский утверждает, что «если в 1628 г. когда были ещё живы многие из старых дельцов, дьяков несомненно дворянского происхождения было 79 %, то в год смерти царя Михаила таковых дьяков было 66 %» [1, с. 224]. По подсчётам Н.Ф. Демидовой, в 1624-1660 гг. из 110 дьяков, чьё происхождение определимо, 1 пожалован из патриарших дьяков, 88 из подьячих (86 московских, 2 городских), 18 из дворян (стольников, стряпчих, московских дворян, жильцов, городских дворян), 1 из гостей и торговых людей, 2 из дворцовых служителей [3, с. 77]. Если прав С.К. Богоявленский, то дьяков выходцев из дворян должно быть примерно от 87 (79 % от 110) до 72 (66 % от 110) человек. То есть к

18 дьякам выходцам из дворян у Н.Ф. Демидовой необходимо прибавить ещё 69 или 54 человека. Откуда они могут взяться? Явно не из гостей, торговых людей и дворцовых служителей. Из патриарших дьяков или подьячих. Если один бывший патриарший дьяк был выходцем из дворянства, то 53-68 подьячих из 88 должны также происходить из дворян. Это 60-77 %. Такие пропорции явно противоречат выводам самой Н.Ф. Демидовой об источниках формирования столичных и провинциальных подьячих.

По подсчётам С.К. Богоявленского, в 1682 г. среди дьяков было 53 % выходцев из дворянства, 1688 г. – 64 %, «среди назначенных Петром дьяков не менее 60 % несомненных дворян» [1, с. 224-225]. По данным Н.Ф. Демидовой, из дьяков, служивших в приказном аппарате в 1661-1700 г., социальное происхождение определимо у 303. Из этого числа из рядов дворянства происходили 13 человек (4,3 %), двое пожалованы из патриарших дьяков (0,7 %), 267 из подьячих (88,1 %), из гостей и торговых людей трое (1%), 18 (5,9 %) из «разночинцев» (митрополичьих приказных, ямских приказчиков, переводчиков, стрельцов, дворцовых служителей, певчих дьяков, холопов). 53, 60, 64 % от 303 это примерно 161, 182 и 194 чел. Если оба патриарших дьяка суть выходцы из дворянства, то среди подьячих должно происходить из дворян 146, 167 и 179 чел., то есть 55, 63 и 67 %. Такие цифры расходятся в несколько раз с итогами подсчётов С.Е. Зевакина и А.В. Чернова и наблюдениями Н.Ф. Демидовой.

Думается, что вывод напрашивается сам собой: подсчёты С.К. Богоявленского ошибочны, а, основанные на них выводы не верны. Профессионализм автора не вызывает сомнений. Значит дело либо в характере использованных им источников, либо в методике их обработки. Полагаем, что верно последнее. Предположение Н.Ф. Демидовой об особых «источниках родословного характера» не подтверждается. При внимательном прочтении разбираемой работы С.К. Богоявленского видны только те источники, что и у других исследователей. Во-первых, это делопроизводственные материалы приказов: столбцы Разрядного приказа; «Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках» (Т.1, СПб., 1884); Приказные дела старых лет; дела Посольского приказа. Во-вторых, боярские книги и списки. В-третьих, разрядные книги.

Похоже, что суть дела содержится в следующем тезисе С.К. Богоявленского: «Даже при беглом ознакомлении со списками подьячих московских приказов нельзя не заметить множества дворянских фамилий, притом не только из мелкого провинциального дворянства, но и из таких дворянских родов, представители которых постоянно попадают в списки московских чинов» [1, с. 221]. По всей видимости, автор с излишним доверием отнесся к антропонимическим совпадениям, не критически причислив всех однофамильцев-дьяков к родственникам однофамильцев-дворян.

С.К. Богоявленский вполне осознавал несовершенство такого метода, отмечая, что «исследователь стоит перед опасностью слишком довериться фамильному прозвищу». Полагаем, что пренебречь этой «опасностью» автора заставили два обстоятельства. Во-первых, авторитет Н.П. Лихачёва. Если дьяки XVI в. в основной массе своей происходили из дворян, то и дьяки рубежа XVI-XVII вв. (С.К. Богоявленский, напомним, начинает свои подсчёты с дьяков царя Бориса) должны иметь примерно те же источники комплектования. Во-вторых, свою роль сыграла известная память от 7 декабря 1640 г. в Разрядный приказ из Дворца. «Если подьячих нельзя брать из детей духовенства, из торговых и пашенных людей, то какие же остаются сословия, для которых открыт доступ к подьяческой должности? Это – дворяне, дети приказных людей, служилые люди по прибору, т.е. стрельцы, пушкари и пр., казенные мастера и ремесленники и, наконец, гулящие люди. Последние, конечно, совершенно не могли попасть в приказные, служилые по прибору и казённые ремесленники тоже не могли, за немногими исключениями, выделять из своей среды приказных людей. Следовательно, фактически доступ к приказной службе открывался только для дворян и для детей приказных служащих. Но последний разряд был немногочисленен», – делает вывод С.К. Богоявленский [1, с. 221]. Автор, таким образом, сам себе запрограммировал конечный вывод и, естественно, получил искомый результат.

С.К. Богоявленский был отчасти прав только в отношении думных дьяков. По подсчётам Н.Ф. Демидовой, из 17 думных дьяков первой половины XVII в. 6 выходцев из московского дворянства, 2 из городского. Двое из гостей. «Для 7 человек твёрдых данных о их дворянских связях не найдено, однако косвенные свидетельства в пользу этого имеются». Во второй половине столетия 15 из 23 думных дьяков суть потомственные приказные [3, с. 79].

Подводя итог, следует отметить прежде всего, то, что несмотря на наличие целого ряда основательных исследований, вопрос о социальном происхождении дьяков XV-XVII вв. в советской историографии не был окончательно решен.

Проблема кадрового состава приказной бюрократии требует комплексного подхода. Необходимо проанализировать социальное происхождение, брачно-семейные связи, материальное положение и дьяков и подьячих. Пожалуй, все исследователи констатируют тесную взаимосвязь дьяков и подьячих, но в трудах своих основное внимание часто уделяют только дьякам.

К вопросу о социальной среде, породившей дьяков и подьячих, необходимо подходить диалектически. Многие разногласия между исследователями возникают, на наш взгляд, из-за того, что социальное происхождение представителей служилой бюрократии XV-XVII вв. рассматривается как некое статическое явление. Между тем, полтора-два и даже одно

столетие – достаточно длительный срок для социальной эволюции.

Данные о социальном происхождении дьяков и подьячих и об их землевладении следует, по нашему мнению, анализировать с использованием количественных методов. Среди исследователей на этот счёт высказываются разные мнения. Одни авторы принципиально скептически относятся к любым

подсчётам, кроме, пожалуй, тех, что используются в аграрной и вообще экономической истории. Другие же, напротив, считают подсчёты плодотворными.

Работы советских историков наметили основные контуры проблемы социального происхождения дьяков и подьячих для современной российской историографии. Анализ работ этого этапа автор планирует сделать объектом отдельного исследования.

Библиографический список

1. *Богоявленский С.К.* Приказные дьяки XVII в. // Исторические записки. Т.1. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937. С.220-239.
2. *Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.* М.-Л., 1955. 506 с.
3. *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. 228 с.
4. *Лихачев Н.П.* Родственные связи княжеских фамилий с семьями дьяков. СПб., 1900. 6 с.
5. *Зимин А.А.* Опричнина. М.: Территория, 2001. 448 с.
6. *Зимин А.А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV - первой трети XVI вв. // Исторические записки. М.: Наука, 1971. Т.87. С.219-286.
7. *Корецкий В.И.* Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // Археологический ежегодник за 1974 год. М.: Наука, 1975. С.145-167.
8. *Павлов А.П.* Приказы и приказная бюрократия (1584-1605 гг.) // Исторические записки. Т.116. М.: Наука, 1988. С.187-227.
9. *Зевакин Е.С.* Подьячие Поместного приказа начала XVIII в. // Исторические записки. Т.11. М.: Издательство Академии наук СССР, 1941. С.280-282.
10. *Шмидт С.О.* У истоков российского абсолютизма. М.: Прогресс «Культура», 1996. 496 с.

References

1. *Bogoyavlensky S.K.* Mandative clerks of XVII century//Historical notes. V.1. М. - L.: Publishing House of Academy of Sciences of the USSR, 1937. Pp. 220-239.
 2. *The sketches of the USSR history. The feudalism period. XVII century.* М. - L., 1955. 506 p.
 3. *Demidov N.F.* The serving bureaucracy in Russia in XVII century and its role in absolutism formation. М: Science, 1987. 228p.
 4. *Likhachev N.P.* Kinship of princely families with clerks families. St. Petersburg, 1900. 6 p.
 5. *Zimin A.A.* Oprichnina. М: Territory, 2001. 448p.
 6. *Zimin A.A.* Clerk staff in Russia in the second half of XV – the first thirds of XVI centuries // Historical Notes. М: Science, 1971. Volume 87. Pp.219-286.
 7. *Koretsky V. I.* New materials about clerk Ivan Timofeyev, the historian and the publicist of XVII century // Archeology year-book of 1974. М: Science, 1975. Pp.145-167.
 8. *Pavels A.P.* The order and mandative bureaucracy (1584-1605) // Historical Notes. Т.116. М: the Science, 1988. Pp.187-227.
 9. *Zevakin E.S.* Clerks of the local order of the beginning of XVIII century // Historical Notes. V.11. М: Publishing House of Academy of Sciences of the USSR, 1941. Pp.280-282.
 10. *Schmidt C.O.* At the source of the Russian absolutism. М: Progress – “Culture”, 1996. 496p.
-
-

УДК 339.138

Л.В. ЛАПИЦКАЯ

кандидат экономических наук, доцент кафедры
управления Ульяновского государственного универ-
ситета

E-mail: Lapitzkayalv@mail.ru

Е.В. СТРЕЛЕЦ

соискатель учёной степени кандидата экономиче-
ских наук Ульяновского государственного универси-
тета

E-mail: EVStrelets@mail.ru

UDC 339.138

L.V. LAPITSKAYA

candidate of Economy, associate professor
of Management Department, Ulyanovsk State University
E-mail: Lapitzkayalv@mail.ru

E.V. STRELETS

researcher of a scientific degree of Candidate of Economy,
Ulyanovsk State University
E-mail: EVStrelets@mail.ru

О РАЗВИТИИ МАРКЕТИНГОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ТУРИСТИЧЕСКОГО РЫНКА РЕГИОНА

ABOUT MARKETING POTENTIAL OF REGIONAL TOURIST MARKET

С учётом того, что туризм на сегодняшний день представляет собой отрасль перспективную как с точки зрения спроса потребителя, так и быстрого срока окупаемости и незначительных первоначальных вложений, многие инвесторы выбирают в качестве объекта финансирования именно эту сферу экономики. Чтобы достичь успеха в привлечении финансовых потоков, региону необходимо сфокусировать своё внимание на наиболее значимых и перспективных направлениях туристического рынка (сильных сторонах и возможностях), занимаясь их постоянным развитием и совершенствованием, одновременно не упуская из поля зрения те сферы, которые нуждаются в контроле (угрозы), и те области, которые пока препятствуют полноценному развитию рынка (слабые стороны). По результатам проведенного SWOT-анализа в статье построена итоговая сегментационная SWOT-матрица.

Ключевые слова: маркетинговый потенциал, туристический рынок, SWOT-анализ, сегментация рынка, культурно-познавательный сегмент, рекреационный сегмент, санаторно-оздоровительный сегмент рынка.

Considering the fact that nowadays tourism is an attractive industry both from consumer demand and fast capital cost repayment period and low initial investment, investors prefer financing this economy branch. In order to make a success in attracting financial flows, the region has to pay attention to the most important and perspective tourist market directions ("strengths" and "opportunities"), being engaged in their continuing development and improvement, and at the same time not losing sight of the spheres that have to be controlled ("risks") and those areas, that prevent market's development. In this article the final segment SWOT matrix is formed in accordance with the results of SWOT analyses.

Keywords: marketing potential, tourist market, SWOT analysis, market segmentation, cultural cognitive segment, recreational segment, sanatorium healthful market segment.

В современных условиях глобализации мировой экономики, которая характеризуется свободным перемещением материальных и нематериальных ресурсов, «переливанием» инвестиционных капиталов, перед регионами встаёт проблема: как оказаться в выигрыше в условиях жёсткой конкурентной борьбы за инвестиционные ресурсы? Вполне очевидно, что инвестиционные средства будут направлены в ту отрасль, которая будет наиболее привлекательной и рентабельной. С учётом того, что туризм на сегодняшний день представляет собой отрасль перспективную как с точки зрения спроса потребителя, так и быстрого срока окупаемости и незначительных первоначальных вложений, многие инвесторы выбирают в качестве объекта финансирования именно

эту сферу экономики. Вместе с тем, перед регионами снова возникает вопрос, какие действия необходимо предпринять, чтобы именно их регион смог заинтересовать инвестора?

Иными словами, чтобы достичь успеха в привлечении финансовых потоков, региону необходимо сфокусировать своё внимание на наиболее значимых и перспективных направлениях туристического рынка (сильных сторонах и возможностях), занимаясь их постоянным развитием и совершенствованием, одновременно не упуская из поля зрения при этом те сферы, которые нуждаются в контроле (угрозы), и те области, которые пока препятствуют полноценному развитию рынка (слабые стороны). Соответственно, в этой ситуации принятия важнейших стратегиче-

ских решений необходимо обратиться к традиционному методу – SWOT-анализу.

Большинство экспертов, которые применяют в своих исследованиях SWOT-анализ, в качестве основополагающих структурированных критериев их проведения используют традиционные факторы макросреды (экономические, демографические, научно-технические, политические, природные и культурные факторы) [1, с.40] и микросреды (непосредственно потребители туристических услуг – туристы, поставщики, конкуренты, маркетинговые посредники, контактные аудитории) [2, с.26].

Мы в свою очередь считаем, что в SWOT-анализе маркетингового потенциала туристического рынка Ульяновского региона целесообразно использовать сегментационный подход. Реализуя данный подход, можно выделить следующие макросегменты на туристическом рынке Ульяновского региона: санаторно-курортный, рекреационный и культурно-познавательный сегменты.

В целом, общий маркетинговый потенциал туристического рынка можно охарактеризовать следующим образом.

Расположение территории (умеренный пояс, глубинное положение и удаленность от Атлантического океана (примерно на 3 900 км) и от Северного Ледовитого (на 1 800 км), благоприятный температурный режим (самый холодный месяц – январь, средняя температура января -13°C , июля $+19^{\circ}\text{C}$; в июле, в среднем, 5 дней со среднесуточной температурой выше 23°C , в самый жаркий период года – с начала июля по середину августа – температура редко превышает $+27^{\circ}\text{C}$, создает комфортные относительно других регионов Нижней Волги условия пребывания туристов и отдыхающих) может являться для области «сильной стороной» в отношении привлечения туристов. Следует отметить, что по своему климатическому потенциалу Ульяновская область уступает только регионам Черноземья, Кубани и Северного Кавказа.

Анализ сильных сторон в сфере рекреационных ресурсов показал, что область также имеет довольно богатые водные ресурсы: на территории имеются три реки (р. Волга, р. Свияга, р. Черемшан), природный памятник ледникового периода Белое Озеро, а также заповедный пруд Юловский, 2030 рек и ручьев, 1223 озер и 230 прудов.

Немаловажно отметить, что в регионе располагаются особо охраняемые природные территории – национальный парк «Сенгилеевские горы», охранный зона государственного заповедника «Приволжская лесостепь», памятники природы «Ундоровский минеральный источник», «Реликтовые леса», остров «Борок», лесополоса Генко и Акшутский дендропарк.

Анализ территориального положения области опять же демонстрирует все факты сильной стороны для формирования эффективного туристического рынка региона: Ульяновск занимает довольно

выгодное географическое положение на юго-востоке Европейской части России, в Среднем Поволжье, в центре Приволжского федерального округа. Для доставки потенциальных туристов имеются все виды транспорта (железнодорожный, автомобильный, воздушный и водный), через территорию области проходят несколько федеральных автомобильных трасс, железнодорожные пути, имеется два аэропорта, а также самый большой в Российской Федерации мостовой переход через Волгу, что должно напрямую способствовать развитию транзитного и въездного туризма.

Кроме сказанного, исследования показали, что благоприятствует развитию туризма и низкий уровень загрязнения атмосферы, так как в регионе отсутствуют крупные промышленные объекты с повышенными экологическими рисками.

Таким образом, несмотря на серьезный ресурсный туристский потенциал (комфортный умеренный климат, удачное географическое положение, высокая транспортная доступность, богатейшие рекреационные ресурсы) в сфере природно-географических ресурсов, уровень развития туризма в Ульяновской области остаётся на достаточно низком уровне (анализ структуры реализации платных услуг населению Ульяновской области в январе-июле 2012 года показывает, что туристские услуги с объёмом 202,1 млн. руб. составляют всего 1,0 % от общей структуры платных услуг, предоставляемых на территории региона). Как же используются данные потенциальные возможности, и какие преграды их ограничивают в выделенных нами сегментах рынка?

Санаторно-оздоровительный туризм в Ульяновской области на сегодняшний день является наиболее перспективным с точки зрения экономического эффекта. Несмотря на то, что основными целями поездок туристов являются деловые и профессиональные поездки (40,9 % к общей численности размещенных лиц по целям поездок), а цель «лечение и профилактика» составляет всего лишь 18,9%, тем не менее, доля данного сегмента на региональном рынке туристских услуг – 50%, в то время как доход от него составляет около 62% отраслевого дохода

Исследование номерного фонда коллективных средств размещения Ульяновской области за 2011 год также подтверждает сильные стороны санаторно-курортных организаций, которые являются лидером в категории «коэффициент использования наличных мест» (рассчитывается как число ночевоч, деленное на произведение единовременной вместимости и числа дней в году): санаторные оздоровительные лагеря и детские санатории (0,92 и 0,66, соответственно) имеют самые высокие значения среди коллективных средств размещения области.

Всего на территории региона находятся 19 санаторно-курортных организаций. Проведённый анализ показал, что бесспорным преимуществом региона является тот факт, что на территории Ульяновской области находится санаторно-оздоровительный комплекс ОАО «Ульяновсккурорт», активно ис-

пользующий множество целебных и минерально обогащенных источников в санаториях им. Ленина, «Дубки», кемпинге «Чайка» и многих других; а также целебный потенциал природного памятника ледникового периода Белое Озеро в санатории «Прибрежном».

Однако, следует отметить, что серьезной угрозой для санаторно-курортного сегмента Ульяновской области постепенно становится межрегиональная конкуренция. В первую очередь, со стороны ближайших конкурентов. Так, в Самарской области располагаются санатории «Волжский Утёс» и «Сергиевские минеральные воды», предлагающие большое количество оздоровительных программ, в Чувашской республике находятся ОАО Чувашиякурорт, санаторий «Чувашия», специализирующиеся на лечении болезней опорно-двигательного аппарата, органов дыхания и пищеварительной системы. Санатории «Металлург» и «Ува», находящиеся в Удмуртии, оснащены современным оборудованием для профилактики и лечения заболеваний. Не менее серьезная угроза и со стороны более отдаленных, но значимых санаторно-оздоровительных регионов. В частности, знаменитые минеральные источники санаториев городов Кавказских Минеральных вод также регулярно переключают на себя внимание Поволжских потребителей.

Таким образом, для того чтобы повышать привлекательность турпродукта санаторно-оздоровительного сегмента Ульяновской области, а также сохранить уже завоеванную целевую аудиторию, необходима постоянная аналитическая маркетинговая деятельность санаторных организаций. В частности, дополнительной возможностью развития действующих санаторно-курортных организаций ульяновского региона может служить расширение спектра санаторно-оздоровительных услуг. Кроме этого, результаты проведенных маркетинговых исследований показывают отрицательные оценки целевых потребителей в части не столько ядерных туристических программ, предоставляемых сегодня региональными санаториями, сколько периферийных, особенно развлекательных программ. Следовательно, в будущем следует, на наш взгляд, рассмотреть возможности интеграционного взаимодействия данных санаторных объектов с различными туристическими организациями, богато представленными в ульяновском регионе. Например, с находящимся в непосредственной близости от комплекса ОАО «Ульяновсккурорт» ТРЗ «Центр ремёсел», имеющим статус областного приоритетного проекта (в который входят палеонтологический заказник, археопарк, ремесленная слобода, жилой сектор, анимационная усадьба Колобка и другие объекты). Более того, следует иметь в виду, что целевой потребитель санаториев – это потенциально постоянный потребитель (нездоровым людям данные услуги требуются регулярно). Следовательно, необходимо постоянное (почти ежегодное) обновление данных программ.

Рекреационный туризм в Ульяновской области – второй сегмент, выделенный нами в рамках изучения маркетингового потенциала туристического рынка региона.

Исследование количества организаций отдыха за 2011 год показало, что данные средства размещения туристов являются преобладающими по сравнению с санаторно-курортными организациями (59,5% от общего количества коллективных средств специального назначения), что свидетельствует о высоком потенциале развития рекреационного сегмента. Наибольшую долю в структуре организаций отдыха занимают базы отдыха, их количество на конец 2011 года составило 21. Наиболее пользующимися спросом у туристов являются база отдыха «Архангельская слобода», «Лесная быль», «Белый яр», «Чайка».

При этом, анализ располагаемой жилой площади коллективных средств размещения в 2011 году иллюстрирует опять же преимущества для развития рекреационного направления в Ульяновской области: 58,1 % площади номеров распределены между домами отдыха, туристическими базами и базами отдыха.

Учитывая, что большинство средств для размещения туристов в сфере рекреационного туризма находятся на территории Старомайнского залива, имеющего уникальные природные ресурсы, а также возможность захода круизных судов, данный объект может рассматриваться как одна из ключевых точек развития рекреационного туризма в регионе.

Тем не менее, как показывают исследования, на сегодняшний день целевая аудитория слабо заинтересована в турпродукте создаваемого организациями рекреационного туризма. Численность ночёвок туристов в 2011 году составила всего 143 613 единиц, что почти в 4 раза меньше числа ночёвок, установленных в санаторно-курортных организациях.

Считаем, что одной из главных причин такого слабого спроса туристов является тот факт, что в области практически отсутствует индустрия развлечений, не развиты предложения активного отдыха, туристические объекты характеризуются невысоким уровнем комфорта, что свидетельствует о серьёзных слабых сторонах рекреационного сегмента туристского рынка Ульяновска.

В результате проведённого анализа было установлено, что на территории Ульяновской области сосредоточены уникальные объекты, которые могли бы стать центрами туристического притяжения, но в силу неразвитости имеющейся инфраструктуры данные объекты не пользуются спросом у туристов. Таким примером может служить дендропарк под открытым небом, расположенный в самом центре города Ульяновска, который сочетает в себе растительные породы с территорий 15 республик бывшего СССР. Однако ввиду неблагоустроенности на данный момент он не может рассматриваться как привлекательный для потенциальных туристов объект.

Исследование водных ресурсов территории также показало, что в регионе существуют уникальные объ-

екты, которые могли бы сыграть в перспективе важную роль в привлечении туристического потока: так, в мире не существует аналогов двух рек, которые текут в противоположные стороны (такowymi в Ульяновске являются реки Волга и Свияга). При этом, на границе региона с республикой Татарстан находится разлив р. Волга, максимальная ширина которого превышает 40 км. Учитывая, что подобных примеров не существует не только на территории России, но и в Европе, данные объекты могут стать потенциальными центрами притяжения «гостей» города.

При этом, несмотря на то, что географические условия максимально благоприятствуют развитию речных круизных перевозок, данный сегмент туристской индустрии крайне слабо развит в регионе: проведённый анализ туристического потока показал, что высокоплатежеспособные туристы, находящиеся в круизных плаваниях по р. Волге, предпочитают не задерживаться в регионе. Получается, что область, имеющая все возможности для развития круизного туризма, не только не использует данные естественные преимущества для активного развития внутреннего туризма, но и почти не способна «удержать» въездного туриста при работе на приёме проходящих мимо судов с транзитной остановкой в г. Ульяновске.

Высокие потенциальные возможности для развития рекреационного сегмента туристического рынка для наиболее активной части потребителей заключаются в спортивном и экстремальном туризме. Следует отметить, что на территории региона располагается региональный спортивный парк «Симбирский», оснащённый физкультурно-оздоровительным комплексом, многопрофильный спортивный комплекс «Автодром» и крытый комплекс активных и экстремальных видов спорта «МаксиПарк» (где располагаются роллердром, велодром, скейт-парк). В Ульяновске также находится одна из самых продолжительных картинговых трасс в России, что может стать хорошей основой для развития экстремального туризма. Недавно в регионе открылся культурно-оздоровительный парк европейского уровня для активного отдыха «Адреналин» с несколькими видами трасс, где, в том числе, предусмотрена и детская трасса. Таким образом, несмотря на высокий потенциал области в развитии спортивного и экстремального туризма, на сегодняшний день эти направления слабо развиваются в регионе в силу того, что не хватает интересных предложений в этом сегменте туррынка.

Одним из вариантов развития данных сегментов может стать их интеграция, например, путём создания спортивных домов отдыха либо баз отдыха, специализирующихся на экстремальных видах спорта. Данные предложения смогут существенно обновить спектр услуг, предлагаемых организациями отдыха, а также обеспечить материально-техническую основу для развития активного отдыха.

Перейдём к анализу культурно-познавательного сегмента.

В качестве сильной стороны можно отметить,

что в Ульяновской области увеличивается показатель количества музеев. В частности, если взять за основу показатели 2007 года, то число музеев за четырёхлетний период увеличилось на 35,7 % и составило к 2011 году 19. При этом, показатель числа посещений музеев также имеет положительную тенденцию, однако в 2011 году по сравнению с 2010 годом наметилась тенденция к снижению – показатель сократился на 4% и составил 707,2 тыс.чел. (рис.1).

Исследование культурно-исторического потенциала показало, что в регионе появляются новые, привлекательные для туристов проекты («Ульяновск – родина Колобка», «Ульяновск – авиационная столица», «Ульяновск – культурная столица»), однако по-прежнему «ленинская тема» является для туристической отрасли региона на сегодняшний день ключевой, и туристический потенциал данной темы продолжает оставаться высоким. Считаем, что существующая в г. Ульяновск ресурсная база, связанная с именем Ленина, может иметь перспективное направление развития и в будущем, но лишь в случае, если будет проведена коренная модернизация существующего туристического комплекса, посвященного В.И. Ленину.

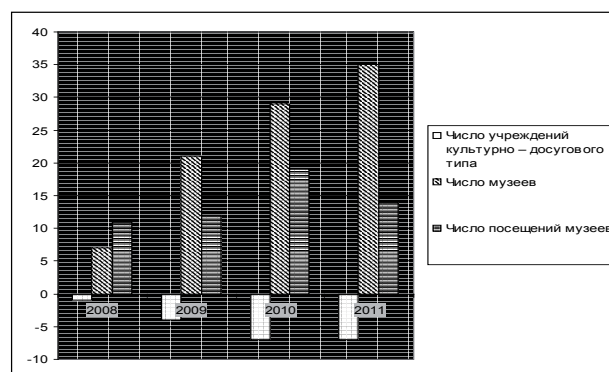

Рис.1 Сравнительные показатели прироста числа музеев, числа посещений музеев и числа учреждений культурно - досугового типа, %.

Считаем, что сильная сторона может являться одновременно и потенциальной угрозой для сбалансированного развития культурно-познавательного сегмента рынка, которая выражается в диспропорции, сохранявшейся на протяжении долгих лет, в распределении внимания и ресурсов между туристическими объектами, связанными с жизнью и деятельностью В.И.Ленина (музей-заповедник «Родина В.И. Ленина», дом-музей В.И.Ленина, музей-мемориал В.И. Ленина) и другими в пользу первых. При этом, следует отметить, что среди известных исторических личностей, кроме В.И.Ленина, с точки зрения просветительского позиционирования областного турпродукта можно выделить историка, Н.М. Карамзина, поэтов А.С. Пушкина, Н.М. Языкова, Д.В. Давыдова и писателя И.А. Гончарова. И, хотя в регионе на сегодняшний день существуют туристические маршруты, направленные на ознакомление туристов с жизнью и творчеством И.А. Гончарова (обзорная автобусная экскурсия «По гончаровским местам»: дом-музей Гончарова, сквер Гончарова

с памятником писателю и гончаровская беседка в Винновской роще), богатый потенциал литературной стороны жизни столицы области даже в этом секторе раскрыт не в полной мере, а в остальных выглядит еще скромнее.

Исследование культурно-познавательного направления в культурно-выставочном сегменте невозможно представить без индустрии гостеприимства встречающей стороны. Одной из основных составляющих индустрии гостеприимства является гостиничное хозяйство – основа материально-технической базы туризма, от эффективности функционирования которой зависит динамика регионального туристического потока. Исследование регионального предложения в сфере гостиничных услуг показало, что в данной сфере наблюдаются отрицательные тенденции: в течение 2011 года прекратили функционировать 2 предприятия, а в январе-марте 2012 года закрылись еще 3 предприятия гостиничного типа. При этом анализ ценовой политики свидетельствует об «удорожании» услуг (стоимость одной ночевки в гостинице по состоянию на 1 квартал 2012 года в среднем по области составила 1572 рубля, что на 28,6% больше, чем в январе-июне 2011 года, а средняя стоимость пребывания в гостинице в январе-июне текущего года достигла 1703 рубля в сутки, что на 13,6 % выше значения в январе-июне 2011 года), что может напрямую повлиять на сокращение туристского спроса.

Одно из нестандартных направлений культурно-познавательного туризма, активно развиваемого в России в последнее время, – религиозный туризм. На территории региона расположены значимые объекты религиозного туризма, характеризующие сильные стороны культурно-познавательного сегмента: Храм Димитрия Солунского (памятник архитектуры XIX в.), Воскресенский храм (неовизантийский стиль, 1914г.), Жадовский мужской монастырь и Михайловский женский монастырь, Всехсвятский храм (мощи святого блаженного Андрея Симбирского), Храмовый комплекс с. Арское. На сегодняшний день в области существует один паломнический маршрут на территории региона: г. Димитровград, Свято-Никольский Кафедральный Собор – мощи преподобноисповедника архимандрита Гавриила Мелекесского г. Ульяновск, Всехсвятский храм – мощи блаженного Андрея Симбирского (по анализу открытых источников, ежегодно по указанному паломническому маршруту совершают поездки не более 15 групп из соседних регионов). В то же время в Храм Димитрия Солунского, расположенный в Барышском районе Ульяновской области, ежегодно приезжают около 4500 человек, в том числе и из других российских регионов.

Считаем, что слабой стороной в данном направлении является тот факт, что в Ульяновской области есть значительные возможности для создания комплексных паломнических маршрутов, которые могут включить в себя не менее пяти объектов туристского

интереса, которые на сегодняшний день не используются. Полагаем, что создание объединённых маршрутов позволит не только равномерно распределить существующий поток туристов, но и создать новый, привлекательный для целевой аудитории региональный турпродукт. При этом, для увеличения спроса необходимо активно использовать маркетинговые коммуникации – размещать рекламу, новостную информацию на сайтах Интернет, привлекать местных исследователей для изучения и создания новых направлений.

Наконец, последние тенденции развития мирового туристического рынка указывают на огромный интерес к этническому направлению в культурно-познавательном туризме. В этой связи, во-первых, стоит отметить, что регион обладает сильной стороной развития туристского рынка, а именно, высоким этнографическим потенциалом благодаря проживанию различных этнических групп на территории региона (татарские, чувашские, мордовинские с сохранившимися бытовыми традициями), что может стать основой для формирования нового направления в сфере формирования регионального турпродукта. Учитывая тот факт, что туристические маршруты с этнографической исследовательской программой пользуются большой популярностью в странах Евросоюза, данное направление туризма обладает довольно высоким международным потенциалом.

Таким образом, высоко оценивая перспективу развития этнографического туризма в Ульяновской области необходимо учитывать возможную угрозу, а именно высокую конкуренцию в данном направлении на межрегиональном уровне. В настоящий момент на этнографические ресурсы делают ставку практически все регионы ПФО, при этом ряд из них (республика Мордовия, Чувашия, Татарстан) находятся в более выигрышном положении. Поэтому для Ульяновской области при развитии данного направления туризма очень важно выбрать правильную стратегию продвижения подобных турпродуктов. Например, делать акцент на сильной стороне, а именно на том, что регион является самым многонациональным на территории федерального округа, создавать маршруты, объединяющие сразу несколько этнических объектов, продавать этнографические программы как сопутствующие основному турпакету региона.

Тем не менее, отвечая на последние тенденции мирового туристического рынка, декларирующего развитие этнографического туризма, на территории области в последнее время активно развивается агротуристический комплекс «Русский Берег», который представляет собой полноценное поселение со своей экономикой и мировоззрением, в состав которого помимо существующей базы отдыха в перспективе войдёт эко-деревня, санаторно-оздоровительный комплекс, семейный парк приключений, этнографический проект «Русская деревня», оборудованная площадка малой авиации и другие объекты. «Русский берег» планируется организаторами как

крупный туристско-рекреационный объект федерального значения.

Нельзя также не отметить в целом среди слабых сторон в сфере культурно-исторических объектов слабое использование современных технологий, отсутствие продуманного ряда сопутствующих товаров (электронные экспозиции, электронная инфраструктура, продвижение новостных, событийных, аналитических, тематических, презентационных, образовательных, информационных ресурсов на интернет-сайтах; воспроизведение мультимедиа-файлов, например, демонстрационных роликов, использование трехмерных объектов и сцен, а также панорамных изображений), что отражается как на интенсивности привлеченного комплексом туристического потока, так и на совокупном объеме оказываемых им платных услуг (так например, эта проблема касается историко-культурного комплекса ГИММЗ «Родина В.И. Ленина»).

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что сегменты религиозного, этнографического, экстремального и событийного туризма пока являются слабой стороной ульяновского рынка туристских услуг. И хотя регион обладает высоким потенциалом в данных областях, на сегодняшний день не проводится каких-либо мероприятий по развитию данных направлений, что в случае дальнейшего «бездействия» может стать угрозой для развития регионального турпродукта в силу высокой конкуренции со стороны соседних регионов.

Также подчеркнем, что как для рекреационного, так и для культурно-познавательного сегментов регионального туристического рынка, серьезной угрозой является не столько межрегиональная конкуренция (как в случае с санаторно-курортным сегментом), сколько глобальная конкуренция, проявляющаяся, в том, что турист, делая выбор между объектами посещения мирового рынка и регионального, на сегодняшний день предпочитает путешествовать за пределами регионального и даже российского туристического рынка. Тенденция вывоза потенциальных финансовых ресурсов в последнее время стала преобладающей как для Ульяновской области, так и для соседних регионов. Исследование числа поездок российских граждан за границу за 2011 год показало, что значение увеличилось по сравнению с 2010г. на 11,2% [3], при этом цель «туризм» является одной из основных составляющих структуры экспорта потенциальных туристов, что свидетельствует о том, что на сегодняшний день российские регионы предлагают слабо привлекательный турпродукт в сравнении с глобальным конкурентом.

На основании проведенного SWOT-анализа потенциала Ульяновской области мы выявили сильные и слабые стороны, а также возможности и угрозы для развития туристского рынка региона.

Построим итоговую сегментационную SWOT-матрицу. В ячейке «сильные стороны» будет содержаться информация о том, какие преимущества необходимо использовать региону для реализации

возможностей развития туристического рынка. В зоне «слабые стороны» будет содержаться информация о том, какие факторы необходимо задействовать, чтобы избежать возможных угроз для региональной туриндустрии. В секторе «возможности» отразим исследования о том, какие преимущества, имеющиеся на региональном туристическом рынке, необходимо задействовать, чтобы преодолеть «угрозы». В поле «угрозы» – информация, которая направлена на минимизацию возможных негативных тенденций для развития регионального туристического рынка.

Результаты проведенного SWOT-анализа туристского потенциала Ульяновской области могут быть использованы как информационная основа для определения ключевых направлений развития экономики региона.

Исследование туристского потенциала позволило установить, что регион обладает достаточно развитой рекреационной базой, о чём свидетельствует исследование общего маркетингового потенциала территории, причем использование сильных преимуществ данной группы может нейтрализовать либо свети к минимуму слабые стороны и угрозы, выявленные в других сегментах.

Предположим, что регион максимально использует сильную сторону рекреационного потенциала территории. Это способствует развитию ряда слабых сторон в секторе «общий маркетинговый потенциал» (недостаточный объем привлекаемых инвестиционных ресурсов), санаторно-курортного сегмента (турпродукт, не привлекательный для целевой аудитории), рекреационного сегмента (неразвитый сектор речных круизных перевозок), культурно-познавательного сегмента (слабая заинтересованность туристов в посещении туристических объектов региона).

Слабая сторона общего маркетингового потенциала, которая заключается в проведении неактивной политики ее развития, игнорирующей возможность использования рекреационного потенциала, нивелируется пристальным вниманием властей региона к возрождению и поддержанию сохранности природных ресурсов, составляющих основу санаторно-курортного сегмента и обеспечивающих приток туристов в область. При этом, в данном случае возможна ликвидация угрозы сохранения диспропорции в сторону «ленинской темы», например, путём разработки нового бренда, связанного с темой круизного туризма, либо на основании применения темы «уникальности» природных ресурсов (двух рек, текущих в противоположные направления), что в том числе приведёт к решению проблемы сокращения туристического потока сегмента культурно-познавательного туризма.

Тем не менее, высокий потенциал, связанный с жизнью В.И. Ленина, целесообразно и дальше использовать, но уже в ином, более современном ракурсе. Для создания конкурентоспособного продукта и привлечения не только российского, но и зарубежного туриста, требуется «вдохнуть новую жизнь» в культурно-исторические объекты, связанные с из-

ИТОГОВАЯ СЕГМЕНТАЦИОННАЯ SWOT-МАТРИЦА

ОБЩИЙ МАРКЕТИНГОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ	
Сильные стороны	Слабые стороны
географическое положение; транспортная доступность; рекреационные ресурсы (водные, лесные ресурсы); климатические особенности	недостаточный объём привлекаемых инвестиционных ресурсов; неактивная политика в отношении использования рекреационных ресурсов региона
Возможности	Угрозы
облагораживание уникальных природных объектов на территории региона; использование водных ресурсов региона для развития речных круизных перевозок.	конкуренция, с которой может столкнуться сегмент в глобальном масштабе, особенно в условиях вступления России в ВТО
Санаторно-курортный сегмент	
Сильные стороны	Слабые стороны
активная динамика развития санаторно-курортных организаций, обеспечивающих наиболее высокий доход среди всех региональных КСР; высокий потенциал развития санаторно-курортных организаций	турпродукт, не привлекательный для целевой аудитории; низкая привлекательность периферийного сектора санаторно-курортных услуг – развлекательного сектора
Возможности	Угрозы
расширение спектра санаторно-оздоровительных услуг; интеграция санаторных объектов с туристическими организациями.	динамично нарастающая межрегиональная конкуренция
Рекреационный сегмент	
Сильные стороны	Слабые стороны
положительная динамика развития организаций отдыха; высокий потенциал для развития экстремальных видов отдыха	отсутствует индустрия развлечений, не развиты предложения активного отдыха; туристические объекты характеризуются невысоким уровнем комфорта; неразвитый сектор речных круизных перевозок.
Возможности	Угрозы
Старомайнский залив как центр развития рекреационного туризма; интеграция спортивного и экстремального туризма; развитие направления речных круизных перевозок	слабые оценки потенциальной целевой и реальной аудитории действующих рекреационных турпродуктов; рост межрегиональной и глобальной конкуренции
Культурно-познавательный сегмент	
Сильные стороны	Слабые стороны
активная положительная динамика развития сегмента; глубокий потенциал «ленинской темы»; качественная ресурсная база для развития религиозного туризма; высокий потенциал для развития этнографического туризма	слабая заинтересованность туристов в посещении туристических объектов региона; сокращение и удорожание гостиничных услуг; пассивное развитие религиозного туризма; несовершенство материально-технической базы, слабое использование современных информационных технологий; неиспользование маркетинговых коммуникаций для привлечения потенциальной целевой аудитории; диспропорция в сторону «ленинской темы» в ущерб развития других потенциально-привлекательных объектов
Возможности	Угрозы
модернизация «ленинской темы»; развитие новых направлений, связанных с известными историческими личностями; развитие новых предложений по турпродукту, связанных с этнографическим туризмом; создание комплексных паломнических маршрутов; мировая тенденция – рост интереса к этническим турмаршрутам	высокая конкуренция в этнографическом и религиозном туризме на межрегиональном уровне; рост глобальной конкуренции; высокая вероятность потенциальных туристов к переключению на турпродукты в других регионах и за пределами России.

вестным деятелем. Так, на сегодняшний день рассматривается возможность создания музея СССР и советской мультипликации в Ульяновске, которые станут конкурировать с такими известными туристическими маршрутами, как Золотое кольцо России и культурно-исторические объекты Санкт-Петербурга. Концепция заключается в интеграции ряда туристских объектов (Парк Дружбы Народов, Ленинский мемориал, Набережная реки Свияга и пр.) и позиционирования данного турпродукта как «музея великой огромной

страны», который будет ориентирован на «международного потребителя». При этом, организаторы планируют создать исследовательский центр или институт изучения СССР, который будет являться базовой научной платформой для музея. Именно в такого рода проектах по созданию конкурентоспособного регионального турпродукта, нацеленного на кардинальное расширение круга целевой аудитории, видится нам возможность укрепления слабых сторон и преодоления угроз, выявленных в рамках данной статьи.

Библиографический список

1. Маркетинг в схемах, рисунках, таблицах: учебное пособие. П.С.Завьялов. М.: ИНФРА-М, 2002. 496 с.
2. Маркетинг в отраслях и сферах деятельности: учебное пособие. Н.А.Нагапетянц. М.: Вузовский учебник, 2007. 272 с.
3. Федеральная служба государственной статистики. Социально-экономическое положение России - 2011 год. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_01/IssWWW.exe/Stg/d01/2-2-5-5.htm

References

1. Marketing in schemes, drawings, tables: manual / P.S. Zavyalov. - M: INFRA-M, 2002. - 496 p.
2. Marketing in branches and fields of activity: manual / N. A. Nagapetyants. - M: High school textbook, 2007. - 272 p
3. Federal State Statistics Service. Economic and social situation of Russia - 2011. [Electronic resource]. - Access mode: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_01/IssWWW.exe/Stg/d01/2-2-5-5.htm

УДК 332.132; 336.774

UDC 332.132; 336.774

К. С. МЕРЗЛИКИНА

аспирант факультета экономики и управления кафедрой менеджмента и маркетинга Орловского государственного университета
E-mail: kfofs@mail.ru

X.S. MERZLIKINA

postgraduate student, Faculty of Economics and Management, Department of Management and Marketing, Orel State University
E-mail: kfofs@mail.ru

РОЛЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ МАРКЕТИНГОВОЙ СРЕДЫ КРЕДИТОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ АПК И ЛИЦ, ВЕДУЩИХ ЛПХ

THE INSTITUTIONAL FACTORS OF THE REGIONAL MARKETING DEVELOPMENT IN FARMERS' CREDITING

В статье рассматривается особенность агрокредитования в разрезе маркетинговых институциональных факторов. Основной идеей является анализ взаимоотношений двух экономических институтов – предприятий АПК, а также лиц, ведущих ЛПХ, и банков. Меняющаяся экономическая среда показывает необходимость изучения формальных и неформальных факторов и правил поведения в подобного рода взаимоотношениях. Кроме того, данные вопросы рассматриваются с позиции конкретного регионального ведения маркетинга агрокредитования.

Ключевые слова: институциональные факторы, предприятия АПК, лица, ведущие ЛПХ, банковское кредитование, агрокредит, маркетинг.

The article considers the peculiarity of agrocredit in the context of institutional marketing factors. The main idea is the interaction between two institutes – farmers and banks. Formal and informal factors in such interaction are important too, because of variable economic environment. These issues are also considered from the perspective of the specific regional agro marketing management.

Keywords: institutional factors, farmers, bank lending, agrocredit, marketing, region.

Россия – страна с большим потенциалом. Огромные просторы дают возможности для ведения сельского хозяйства и выхода на мировые рынки, что последнее время и происходит. На данный момент основу экспорта сельскохозяйственной продукции занимает сырье¹, производимое как крупными предприятиями АПК, так и отдельными лицами, ведущими ЛПХ, хотя последние занимают большую долю на внутреннем рынке.

Значимых событий за ушедший 2012 год было

¹ Официальный сайт информационно агентства «РИА Новости» [Электронный ресурс] // Режим доступа <http://ria.ru/economy/20120713/698515800.html>

сразу два – 130-й юбилей агрокредитования в России и вступление России в ВТО. В связи с последним событием, к которому подготовка шла активно на протяжении нескольких лет², естественными были опасения, касающиеся нескольких отраслей, одной из которых является отрасль сельского хозяйства, ведь наряду с другими, именно она первой может пострадать от притока импортной продукции. Первыми шагами в поддержании слабоустойчивых к меняющейся экономической среде отраслей является госу-

² Официальный сайт международной организации «Всемирная торговая организация» [Электронный ресурс] // Режим доступа <http://www.wto.ru/russia.asp?f=etaps&t=10>

дарственная поддержка в виде субсидий сельскому хозяйству. К примеру, в 2013 году планируется выделить около 173 млрд. руб.³ Данный способ является не единственной финансовой поддержкой отрасли, в гонку с государством вступают и коммерческие банки, активно кредитующие предприятия АПК и лиц, ведущих ЛПХ. Крупнейшим банком является «Россельхозбанк», филиалы которого имеются практически во всех городах России. Данный банк активно поддерживает как крупных, так и мелких производителей сельскохозяйственной продукции.

Важным фактором, способствующим занятию и удержанию на лидирующих позициях банку «Россельхозбанк», является маркетинговая составляющая. Реакция на конъюнктуру рынка крупными компаниями и организациями всегда является замедленной в сравнении с малыми предприятиями, и часто виной этому не столько реакция управляющей группы, сколько донесение ее до региональных филиалов. Кроме того, немаловажной составляющей в сфере банковского кредитования является поддержание на высоком уровне взаимоотношений с ее клиентами, ведь банк в первую очередь оказывает населению услуги, то есть обслуживает потребителей, удовлетворяя их потребности и получает взамен прибыль в виде вознаграждения.

Маркетинговая институциональная среда, формирующаяся вокруг организации, помогает не только налаживать связь с клиентской базой, но и вовремя реагировать на изменения, происходящие в ней.

Изменения маркетинговой институциональной среды и их влияние на деятельность фирм, запросы покупателей, рыночные отношения стали одним из ключевых вопросов в работе предпринимателей. Особенно это актуально для банковских услуг, когда только на одной улице может насчитываться несколько разных банков, и клиент, потратив около часа, может подробно ознакомиться с программами кредитования каждого банка. Объектом исследования являются тенденции маркетинговой институциональной среды, развитие и изменение ее факторов. Таким образом, маркетинговую институциональную среду можно разделить на 2 части: внешняя институциональная среда маркетинга и внутренняя институциональная среда маркетинга.

Внешнюю среду организации, как правило, разделяют на макросреду и микросреду⁴. Макросреда касается всей ситуации в бизнес-среде города (страны, региона), ее характерные особенности влияют на деятельность всех хозяйствующих субъектов независимо от формы собственности и специфики продукции, предлагаемой на рынке. Внешняя маркетинговая институциональная среда отличается значительной подвижностью и, как правило, непод-

властна активному воздействию со стороны отдельной фирмы. К таким глобальным факторам среды как раз можно отнести вступление России в ВТО, ведь деятельность отдельно взятого банка, а тем более его предпочтения или пожелания, не могли никак повлиять на наступление такого события.

Микросреда характеризует параметры и ситуацию деятельности на отдельно взятом рынке, представляющем для организации особый интерес. То есть если банк, такой как «Россельхозбанк», специализируется именно на кредитовании сельхозпроизводителей, то основная сфера его интересов будет находиться именно в отрасли сельского хозяйства, а реформы образования, например, сферу его интересов не затрагивают. Таким образом, даже данные о засевах озимой пшеницы будут предоставлять больший интерес для банка, чем изменение условий поступления абитуриентов в вузы.

К микросреде относятся силы, действующие в сфере, непосредственно примыкающей к ней, которые могут влиять на ее способность обслуживать клиентов:

- сама организация;
- маркетинговые посредники;
- конкуренты;
- покупатели;
- поставщики;
- широкая общественность.

Если разбираться более конкретно в региональной микросреде агрокредитования, то основных конкурентов можно увидеть лишь в крупных банках, так как кредитование сельскохозяйственных предприятий имеет свои характерные черты и риски, на которые согласны далеко не все банки. Поставщиками услуг являются непосредственно сам банк или кредитор, а покупателями или заемщиками – физические и юридические лица.

Основными элементами внутренней маркетинговой институциональной среды организации являются:

- кадровый потенциал организации;
- организационно-управленческие возможности организации;
- проектно-конструкторский потенциал организации;
- производственные возможности организации;
- сбытовой потенциал организации;
- материальные и финансовые возможности организации.

Любые факторы могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние, и в этом случае уже важно понимать, можно ли самой маркетинговой службе в частности и компании в целом их контролировать. По этому принципу факторы можно разделить на контролируемые и неконтролируемые. Для службы маркетинга все остальные подразделения компании и уж тем более руководство не являются контролируемыми (непосредственно), но для всей компании неконтролируемыми являются только

3 Официальный сайт партии «Единая Россия» [Электронный ресурс] // Режим доступа <http://er.ru/news/2012/11/23/pankov-zayavlyaet-ob-uvlichenii-gospodderzhki-selskogo-hozyajstva/>

4 Жуков Б.М., Романов А.А., Басенко В.П. Маркетинг: Учебное пособие. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2012. С. 61 (440)

внешние факторы.

Помимо устоявшихся классических факторов большое влияние на развитие и функционирование банковского кредитования АПК влияет наличие институтов и институциональных связей во всей экономической среде. Институты образуют институциональную структуру общества и экономики. Они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия и влияют на функционирование социально-экономических систем [3, с. 98]. Получается, что с одной стороны, побудительным мотивом может являться необходимость в кредите, в силу расширения производства или перекрытия «финансовой дыры», а с другой стороны, – получение прибыли, за счет процентов, выплаченных за пользование выданными денежными средствами. Таким образом, два разных института – фермерство и банк, встречаются на почве взаимного удовлетворения потребностей каждого из них. Институты по своей сути – это «правила игры» в обществе или созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют отношения между людьми.

В составе институтов выделяют три составляющие⁵:

- формальные правила (конституции, законы, административные акты, официально закрепленные нормы права);
- неформальные ограничения (традиции, обычаи, договоры, соглашения, добровольно взятые на себя нормы поведения, неписанные кодексы чести, достоинства, профессионального самосознания и пр.);
- механизмы принуждения, обеспечивающие соблюдение правил (суды, полиция и т.д.).

Соответственно при кредитовании АПК формальными правилами и будут являться нормативно-правовые акты, определяемые на федеральном уровне, а также заключенный кредитный договор, условия которого не могут противоречить федеральному законодательству [2, с 5-6].

Неформальные ограничения могут проявляться как со стороны банковских институтов, так и со стороны фермерского сообщества. Если у первых чаще всего ими являются более обоснованная банковская политика и кодекс поведения с потребителями, за нарушения которых могут последовать финансово-экономические наказания сотрудников, их преступивших, то со стороны вторых это могут быть даже абсурдные суеверия, такие как здание банка, построенного на месте бывшего кладбища, и более распространенная негативная репутация какого-либо конкретного банка в конкретном регионе.

Соблюдение правил обеих сторон, возникающей институциональной структуры на уровне взаимодействия со стороны двух институтов обеспечивается за счет еще одного крупного института, а именно органов судебной и исполнительной власти.

Для большего понимания взаимодействия фор-

мальных и неформальных институтов в первую очередь стоит разобраться в основных маркетинговых инструментах. Их переложение на банковскую сферу в дальнейшем поможет осознать возможности манипулирования спросом на продукт через продвижение товаров, за счет ряда маркетинговых приемов, однако для этого необходимо знать, в каких случаях и к каким инструментам можно применять формальные и неформальные нормы поведения банковских институтов.

Служба маркетинга решает свои задачи за счет управления четырьмя основными процессами: планированием продукта (товара или услуги), ценообразованием, продвижением и распределением (сбытом). Продукт, его цена, способы продвижения и каналы распределения являются полностью контролируемыми факторами маркетинговой институциональной среды. Эти четыре элемента принято называть элементами комплекса маркетинга и обозначать как «четыре Р» (Джером Маккарти), по первым буквам соответствующих английских слов product, price, promotion и place⁶.

Основные маркетинговые инструменты – product, price, promotion и place имеют свои специфические особенности как в сфере оказания банковских услуг, так и в более узкой спецификации данных услуг, а именно в кредитовании сельского хозяйства.

Продуктом банковского кредитования является в узком смысле сумма денег, выдаваемая банком на условиях срочности, платности, возвратности, дифференцированности, обеспеченности и целевого характера. В более широком смысле продуктом банковского кредитования может являться и сам процесс получения кредита заемщиком, а именно комплексные финансовые и юридические взаимоотношения между банком и его клиентом.

Уже на этапе рассмотрения кредита как продукта банковской деятельности можно вывести особенности именно агрокредита. Во-первых, агрокредитование само подразумевает условие дифференцированности кредита, которое так же можно рассматривать с двух позиций: первая позиция представляет саму дифференциацию кредита внутри банка, то есть существование агрокредитования как отдельного продукта банка, наряду с личным, имущественным кредитованием и прочими. Вторая позиция подразумевает разные направления агрокредитования и деление их, к примеру, по целевому рынку на кредиты малому бизнесу на селе, услуги для крупных клиентов или же кредитование лиц, занимающихся ЛПХ. И если принципы срочности, платности, возвратности и целевого характера являются общими как для агрокредита, так и для прочих кредитных продуктов банка, то обеспеченность кредита является исключительным понятием. Сложности его определения состоят в том, что если кредит выдается не под залог покупаемой техники, по аналогии с

⁵ Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. Т. 1. 1993. Вып. 2. С. 79

⁶ Пичурин И. И. Основы маркетинга. Теория и практика: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 265 (383)

автокредитом, и не под землю, а под залог будущего урожая (данный залог весьма распространен в сфере агрокредитования), то по факту у банка нет материального, осязаемого залога, а есть лишь право требования на нечто, чего в будущем может и не оказаться. Данный фактор является очень важным, так как показывает степень риска в данной сфере кредитования.

Применительно к продукту как маркетинговому инструменту невозможно применить какие-либо неформальные правила его выдачи, так как для его получения потребитель обязан иметь официальный набор документов. Единственно возможным вариантом применения неформального правила может стать возможность выдачи кредита для клиента с не очень хорошей кредитной историей, так как часто принятие решения о выдаче или невыдаче такому лицу кредита остается на совести сотрудников отделения банка, если не прописаны строгие условия для подобной группы клиентов.

Ценой в сфере банковского кредитования является процентная ставка за пользование денежными средствами, выданными заемщику банком на определенный срок. Несмотря на одинаковость понятия цены, в общем для банковского кредитования и в частности для агрокредитования, последнее имеет небольшой специфический аспект. Если сдерживающим ценовым барьером по прочим видам кредитования является, по сути, лишь наличие конкурентов в данном сегменте рынка, то процентная ставка по агрокредитованию зависит во многом от государственных программ и в целом направления деятельности страны по агропромышленному сектору. «Россельхозбанк» является практически неформальным монополистом на рынке оказания услуг по кредитованию сельского хозяйства, но, тем не менее, ставки в данном сегменте являются не самыми высокими. Частично это обусловлено «оберегающей» политикой России по отношению к сектору сельского хозяйства, особенно сейчас, когда рынок стал открыт для импортных компаний как в виде прямых поставок сельскохозяйственной продукции, так и в виде проникновения зарубежных банков.

Процентная ставка является основой существования института банковского кредитования, так как является одним из источников получения прибыли банка. Данный инструмент маркетинга, так же как и продукт, тоже не может быть изменен под воздействием каких-либо неформальных отношений между конкретным сотрудником и клиентом, так как это будет нарушением официального банковского документа. За пренебрежение им может последовать финансово-экономические депремирование или более жесткая мера в виде увольнения работника.

Таким образом, особенности кредитования сельского хозяйства могут быть наглядно продемонстрированы на рисунке ниже.

Распределение кредитного продукта происходит внутри заинтересованных лиц, а именно предприятий АПК и лиц, ведущих ЛПХ. Локально же

распределение по географическому положению обусловлено распространением и концентрацией сельскохозяйственных угодий, и в силу специфики ведения хозяйства основу составляет центральный регион России, где почвенно-климатические условия наиболее благоприятны для животноводства и растениеводства.

Немаловажную роль в локальном распределении отделений банка имеют неформальные отношения институты, возникающие между банками и органами местного самоуправления или непосредственно между конкурирующими банками. Для привлечения клиентов расположение, наряду с репутацией, является важнейшим фактором. Наиболее проходимые места и улицы чаще всего распределяются между крупными банками или банками, имеющими неформальные связи с административными органами города.

Деление целевой аудитории также является весьма интересным аспектом для рассмотрения его с точки зрения неформальных отношений. Часто банки априори разделены на банки, ориентированные на более богатую или более бедную аудиторию. Иногда деление существует среди кредитруемых секторов экономики. Так, к примеру, банк «Россельхозбанк» направлен на аудиторию, непосредственно относящуюся к сфере сельского хозяйства.

Продвижение товара к конечному потребителю в банковском секторе является весьма банальным и схожим по структуре с маркетинговыми стратегиями и тактиками прочих сфер предоставления услуг. Несмотря на то, что определений термина «банковский маркетинг» существует более 30⁷, его конечной целью является привлечение клиентов и деятельность не только по их удержанию, но и по расширению клиентской базы.

Продвижение агрокредитования является уже более узким направлением банковского маркетинга и имеет особенность в виде непосредственной коммуникации с потенциальными клиентами. Так как сфера деятельности всех фермеров находится за пределами не только крупных городов, но и областных населенных пунктов, здесь наиболее важным является коммуникационная политика коммерческого банка, которая представляет собой систему взаимодействия банка с потенциальными потребителями, направленную на побуждение к приобретению банковских услуг⁸.

Отличительной чертой банка «Россельхозбанк» является наличие многолетней успешной истории существования, прочной репутации, известность в России и за ее пределами, однако нет предела совершенству. К примеру, в Орловской области наиболее развито растениеводство, почти 80% земель-

7 Официальный сайт Факультета дистанционных образовательных технологий Оренбургского Государственного Университета [Электронный ресурс] // Режим доступа http://cde.osu.ru/demoversion/course173/t1_1.html

8 Николаева Т. П. Банковский маркетинг: Учебно-методический комплекс. М.: Изд. центр ЕАОИ, 2009. С. 173

ных сельскохозяйственных угодий занимают пашни. Эти данные указывают на то, что наиболее востребованными программами для кредитования будут наиболее рискованные, а именно программы, где залогом является будущий урожай. Исходя из этого возникает необходимость увеличения клиентов категории надежности А. Сделать это можно за счет поощрительных программ. Однако возникает вопрос о донесении сведений о таких программах до конечного потребителя. Учитывая небольшую площадь области и достаточно развитую сеть филиалов в районных центрах, наиболее успешными должны стать заметная наглядная реклама на главных улицах города, а так же буклетирование офисных поме-

щений банков. Последнее может возыметь эффект и за счет так называемого «сарафанного радио», так как доля физических лиц, ведущих ЛПХ и являющихся непосредственным звеном такого метода передачи данных, весьма велика в области. Тем более, что чем меньше населенный пункт, тем ближе между собой знакомы его жители, и здесь широкое распространение получают неформальные правила выбора кредитуемого банка или определенного банковского продукта. В абсолютном выражении сельскохозяйственное производство в области выглядит следующим образом – 110,4 тысяч граждан, 239 сельскохозяйственных организаций и 1341 крестьянское (фермерское) хозяйство.

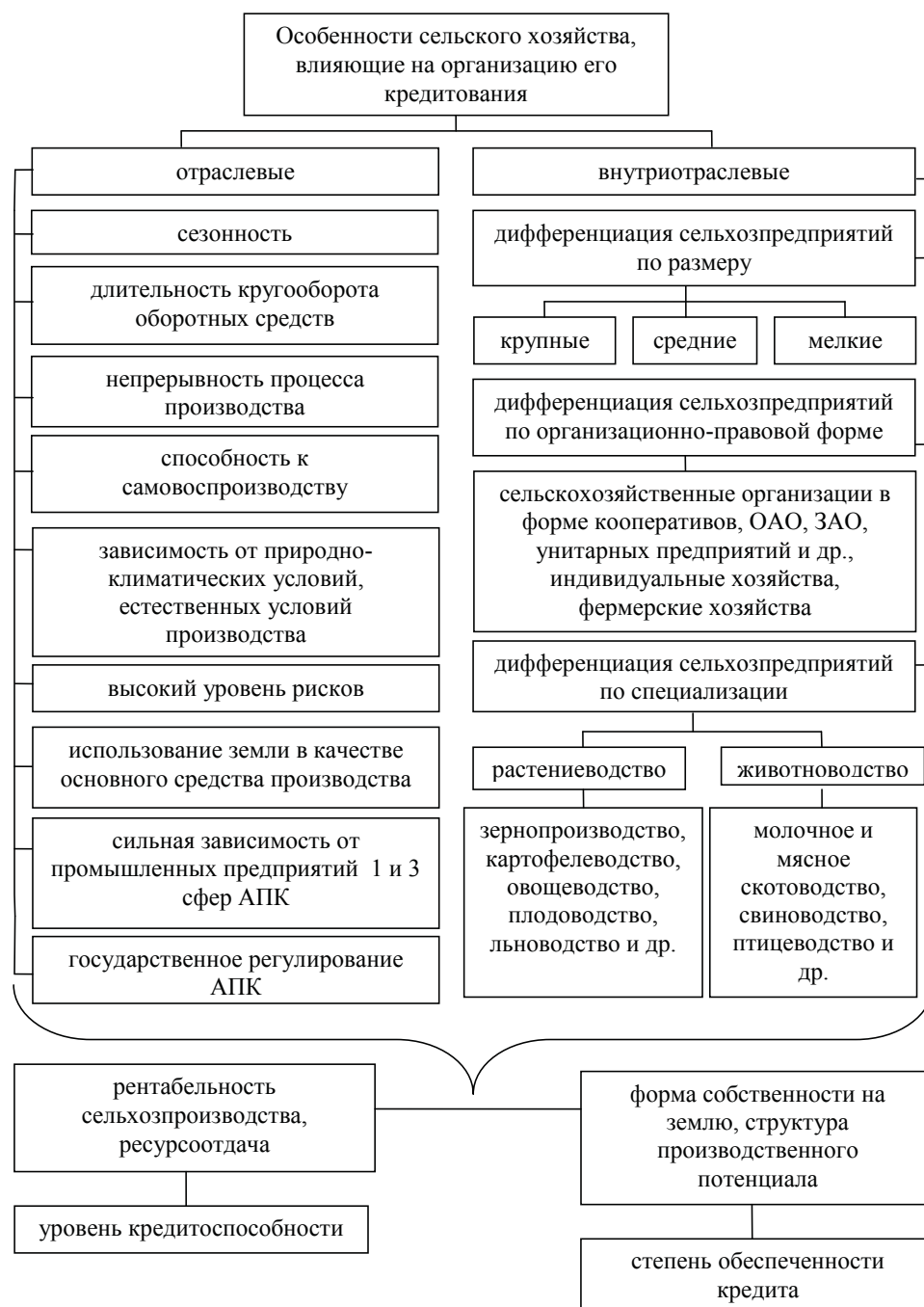

Рис. 1. Специфические особенности сельского хозяйства, влияющие на организацию его кредитования.

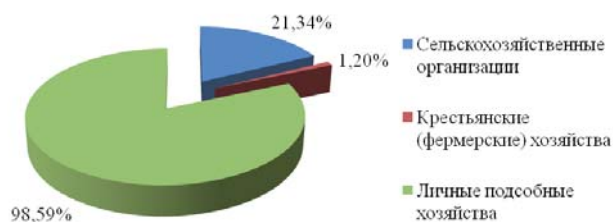

Рис. 2. Процентное соотношение сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств и лиц, ведущих ЛПХ, в общей доле аграрного сектора экономики Орловской области по данным на 2012 год⁹.

Как видно из рисунка 2, доля сельскохозяйственных организаций весьма велика. При работе с такими клиентами стоит учитывать, что большую часть из них составляют лица, имеющие постоянный доступ к современным средствам коммуникации и постоянно ими пользующиеся. Сейчас популярными стали рассылки с предложениями и новостями по электронной почте, которая указывается в анкетах при заполнении заявлений на получение кредитов.

⁹ Портал Орловской области – публичный информационный центр [Электронный ресурс] // Режим доступа <http://orel-region.ru/index.php?head=6&part=73&unit=8&op=8&in=2>

Не стоит отказываться и от sms-оповещений, набирающих популярность среди крупных и мелких предприятий торговли и оказания услуг. Данный вид маркетинга имеет преимущество перед телефонными опросами и оповещениями, так как не отнимает времени у клиентов и сотрудников банка. Кроме того, sms-оповещение позволяет сократить количество кадров в банке, занятых в маркетинговых отделах, и тем самым сократить издержки на оплату их труда.

Таким образом можно сделать вывод, что востребованное в условиях вступления России в ВТО банковское кредитование сельскохозяйственных производителей имеет ряд особенностей в виде залоговой базы и высокого уровня риска. Кроме того, новые рыночные условия побуждают активизировать и новые маркетинговые проекты, особенно актуальные в областях и регионах с повышенной концентрацией сельскохозяйственных угодий. Также важной составляющей является наличие формальных и в особенности неформальных норм поведения, косвенно влияющих на маркетинговую программу банков при работе с целевой аудиторией. Правильная и продуманная маркетинговая политика позволяет банкам оставаться конкурентоспособными и извлекать дополнительную прибыль.

Библиографический список

1. Жуков Б.М., Романов А.А., Басенко В.П. Маркетинг: Учебное пособие. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2012. 440 с.
2. Зайцев А.Г. Влияние государства на процесс формализации институтов маркетинга. Ученые записки 2010; №2: С. 5-9.
3. Зайцев А.Г. Институциональная природа маркетинга и его влияние на устойчивость экономического роста страны. Servis plus 2011; 4. С. 96-101.
4. Николаева Т.П. Банковский маркетинг: Учебно-методический комплекс. М.: Изд. центр ЕАОИ, 2009. 223 с.
5. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. Т. 1. 1993. Вып. 2. 1322 с.
6. Официальный сайт информационно агентства «РИА Новости» [Электронный ресурс] [Сайт] // Режим доступа <http://ria.ru/economy/20120713/698515800.html>, свободный. – Загл. с экрана.
7. Официальный сайт международной организации «Всемирная торговая организация» [Электронный ресурс] [Сайт] // Режим доступа <http://www.wto.ru/russia.asp?f=etaps&t=10>, свободный. – Загл. с экрана.
8. Официальный сайт партии «Единая Россия» [Электронный ресурс] [Сайт] // Режим доступа <http://er.ru/news/2012/11/23/pankov-zayavlyayet-ob-uvlichenii-gospodderzhki-selskogo-hozyajstva>, свободный. – Загл. с экрана.
9. Официальный сайт Факультета дистанционных образовательных технологий Оренбургского государственного университета [Электронный ресурс] [Сайт] // Режим доступа http://cde.osu.ru/demoversion/course173/t1_1.html, свободный. – Загл. с экрана.
10. Пичурин И.И. Основы маркетинга. Теория и практика: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 383 с.
11. Портал Орловской области – публичный информационный центр [Электронный ресурс] [Сайт] // Режим доступа <http://orel-region.ru/index.php?head=6&part=73&unit=8&op=8&in=2>, свободный. – Загл. с экрана.

References

1. Zhukov B.M., Romanov A.A., V.P. Basenko. Marketing: the manual. Moscow: Publishing and Trading Corporation “Dashkov and K”, 2012. 440p.
2. Zaitsev A.G. The influence of the state in the process of formalization of the Institute of Marketing. Proceedings of 2010, 2: 5-9.
3. Zaitsev A.G. The institutional nature of marketing and its impact on the sustainability of the economic growth. Servis plus 2011, 4, 96-101/
4. Nikolaev T.P. Bank marketing: instructional complex. M.: Ed. Center EAOI, 2009. 223 p.
5. Nort D. Institutions and Economic Growth: A Historical Introduction // THESIS. V. 1. 1993. Edition 2. 1322 p.
6. Official site of the Information Agency “RIA Novosti” [electronic resource] [Site] // Access mode <http://ria.ru/>

economy/20120713/698515800.html, free. - Caps. from the screen.

7. Official site of the international organization "World Trade Organization" [electronic resource] [Site] // Access mode <http://www.wto.ru/russia.asp?f=etaps&t=10>, free. - Caps. from the screen.

8. Official site of the party "United Russia" [electronic resource] [Site] // Access mode <http://er.ru/news/2012/11/23/pankov-zayavlyaet-ob-uvlichenii-gospodderzhki-selskogo-hozyajstva>, free. - Caps. from the screen.

9. Official website of the Faculty of distance learning technologies Orenburg State University [electronic resource] [Site] // Access mode http://cde.osu.ru/demoversion/course173/t1_1.html, free. - Caps. from the screen.

10. Pichurin II Principles of Marketing. Theory and practice: a textbook. Moscow: UNITY-DANA, 2012. 383.

11. Portal Orel - public information center [electronic resource] [Site] // Access mode <http://orel-region.ru/index.php?head=6&part=73&unit=8&op=8&in=2>, free. - Caps. from the screen.

УДК 330.342.146

Е.В. ПЕТРУХИНА

кандидат экономических наук, доцент кафедры товароведения, сервиса и торговой инфраструктуры Орловского государственного университета
E-mail: petrukhinelena@yandex.ru

UDC 330.342.146

E.V. PETRUKHINA

candidate of Economy, associate professor of merchandizing, service and trade infrastructure, Orel State University
E-mail: petrukhinelena@yandex.ru.

УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

MANAGEMENT OF INNOVATION DEVELOPMENT IN THE CONDITIONS OF INFORMATION ECONOMY

Современный этап функционирования экономической системы характеризуется как переходный к информационному типу общества, где основным источником развития являются инновации, информация, интеллектуальный фактор, использование которых в качестве ведущего ресурса обеспечивает формирование качественно нового типа общества. В статье анализируется влияние интеллектуально-информационной экономики знаний на управление инновационным развитием территорий.

Ключевые слова: инновационное развитие, информационное общество, экономика знаний, управление инновациями.

The modern stage of economic system is characterized as the transition to the information society type, where the main source of development are innovations, information, intellectual factor, the use of which as a leading resource provides the formation of a qualitatively new type of society. The article analyses the impact of intellectual-information economy of knowledge on the management of the innovative development of the territories.

Keywords: innovative development, information society, economy of knowledge, management of innovation.

Анализируя тенденции мирового развития в начале XXI века, следует отметить, что Россия в рамках новой мирохозяйственной системы характеризуется как страна, в которой функционирование национального хозяйства направлено на создание, применение и распространение новых технологий и инноваций, однако современное состояние российского общества характеризуется недостаточно эффективной, хотя и интенсивной, динамикой глубинных экономических, социальных и политических изменений.

Формирование информационного общества возможно при условии интенсивного развития системы образования, предполагающем становление новой образовательной парадигмы, идущей на смену классической. В основе такой парадигмы должно лежать изменение фундаментальных представлений об ин-

дивиде и его развитии через образование. Ведь современный человек должен не только обладать определенным объемом знаний, но и должен уметь учиться: выявлять источники для решения многообразных, в том числе экономических, проблем, постоянно приобретать дополнительные знания.

Подавляющее большинство исследователей описывают современное общество и соответствующую экономику стран с точки зрения информационной парадигмы развития. При этом не существует четких границ между стадиями формирования и развития социально-экономических систем в рамках информационного общества, как и не существует границ между индустриальной и постиндустриальной (информационной) эпохой. Нет единства и в концепции, формирующей новую парадигму развития челове-

ства, так, в качестве параллельно функционирующих и дополняющих друг друга выделяют: концепцию постиндустриального общества, основоположником которой принято считать американского ученого Д. Белла [1]; концепцию информационного общества, впервые введенную М. Поратом и в дальнейшем развернутую М. Кастельсом [2]; концепцию экономики знаний, пионером которой является Ф. Махлуп [4]; концепцию глобального сетевого общества сформированную Б. Гейтсом [3].

Каждому виду общества присуща собственная структура производительных сил, соответствующая доминирующей сфере производства, при этом каждый новый этап развития общества добавляет к уже существующей структуре ряд составляющих, которые являются основополагающими этого периода развития. К примеру, в аграрном обществе структуру технологического способа производства можно представить следующим образом: физические способности человека, ручные орудия труда, природный фактор. В индустриальном обществе в существующую структуру добавляются машины и электроэнергия. И наконец, в информационном обществе продолжают данную цепочку такие компоненты как знания человека, информационные технологии, информация.

Таким образом, определяющие факторы развития общества трансформируются по мере эволюции человечества: происходит процесс накопления знаний и навыков с переходом на каждый качественно новый этап. Данные трансформации общества не равномерны во времени, если индустриальное общество сменило аграрное через 8-10 тыс. лет, то информационная эра настала уже через 200-300 лет. Это связано с тем, что существование любого общества связано с тремя типами обмена – энергетическим, материальным и информационным. Одновременное наличие всех трех типов присуще всем типам общества: и аграрному, и индустриальному, и постиндустриальному. Однако значимость отдельных типов совершенно различна для каждого из социумов.

Отличительной особенностью постиндустриального общества является то, что в нем определяющая роль принадлежит информационному обмену. Транспортировка информации в отличие от транспортировки вещей и энергии благодаря современным средствам телекоммуникации фактически не требует затрат времени и непосредственного человеческого присутствия. Точнее, эти затраты ничтожно малы. Именно интенсивность информационного обмена обуславливает высокую динамичность развития экономики в условиях постиндустриального общества. Информационный обмен в постиндустриальном обществе является не только самоцелью, а мощным инструментом получения материальных благ и энергии. История его совершенствования совпадает с историей создания и развития знаковых систем – символов, а также техники создания знаков.

Информационный обмен в своем развитии про-

шел четыре неравные по времени фазы: устную, письменную, книжную и компьютерную. Каждая фаза сыграла определенную позитивную роль в процессе развития общества и, соответственно, экономики. Устная фаза обусловлена появлением и совершенствованием речи. Речь интенсифицировалась и повысила результативность общения, привела к развитию коллективного труда.

Письменная фаза информационного обмена способствовала ускорению развития общества благодаря решению проблемы хранения информации, созданию возможности обеспечения связи между прошлым и будущим, а также тому, что появилась альтернатива непосредственному контакту с носителем информации.

Книжная фаза обязана своим появлением изобретению печатного станка в середине XV века и без преувеличения означала революцию в общественном развитии. Возможность многократного тиражирования информации привела к тому, что в процесс информационного обмена оказались втянуты практически все слои населения. Доступность знаний одновременно ускорила и их новое производство, таким образом, темпы социально-экономического развития резко возросли.

Современная, компьютерная фаза информационного обмена, возникшая в последней трети XX века, еще более интенсифицировала прогресс человечества, перевела его на качественно новый уровень. Возможность мгновенной обратной связи, появление глобальных сетей и баз данных способствуют быстрому принятию решений наиболее оптимальным образом.

Наибольший интерес вызывает теория, подчеркивающая особую роль знаний и обозначающая нынешний социум как «экономику знаний». Термин «экономика знаний» был введен в научный оборот австроамериканским ученым Ф. Махлупом [4] в 1962 году. Сейчас этот термин, наряду с термином «экономика, базирующаяся на знаниях», используется для определения типа экономики, в которой знания играют решающую роль, а производство знаний является источником роста. Махлуп выдвинул идею о том, что самой значимой отраслью современной экономики является образование, многосторонность которого проявляется в его связи с производством, наукой, рынком труда, информацией, ее хранением и распространением.

В настоящее время инвестиции в знания растут быстрее, чем инвестиции в основные фонды [7]. Из всего объема знаний, измеренных в физических единицах, которым располагает человечество, 90% получено за последние 30 лет. Это наиболее явные признаки перехода от экономики, базирующейся на использовании природных ресурсов, к экономике, основанной на знаниях. Экономика знаний характеризуется превращением процесса создания и распространения новых знаний в основу создания экономических ценностей. Более того существу-

ет мнение, что экономика знаний является более всеобъемлющим понятием, чем информационная экономика, так как отражает не только процессы, происходящие в отдельных отраслях (так называемых «hi tech»), но экономике в целом. Параллельно с разработкой параметров экономики знаний появилась концепция «общества знания», показывающая, что знания не только способствуют экономическому росту, но и стимулируют структурные изменения в обществе, в образе жизни людей. Можно сказать, что данные две трактовки взаимодополняют друг друга, так как с одной стороны знания имеют информационную природу, а, с другой стороны, любая информация формируется на основании существующих знаний и навыков, что подтверждают фазы развития информационного обмена. В дальнейшем речь будет идти о знаниях как о ключевом факторе развития как общества в целом, так отдельно взятого индивида.

Данное положение подтверждает и тот факт, что в отдельных странах приняты специальные программы, направленные на формирование экономики знаний. Так, в Австралии еще в 2000 году подготовлен специальный правительственный доклад «Открывая будущее», дающий правительственным органам и бизнес-организациям рекомендации по финансированию инновационных направлений деятельности [9].

В Китае экономика знаний официально признана государственной стратегией. Ее приверженцы, которых с каждым днем становится все больше, с присущим этой стране энтузиазмом заучивают новую «цитату»: «Основа экономики знаний – образование. В современном мире движущая сила экономики – конкуренция – все больше сводится к конкуренции знаний» [9].

В ряде стран сегодня регулярно проводятся общенациональные саммиты по проблемам экономики знаний. По доле высокотехнологичных секторов в валовом внутреннем продукте (ВВП) список наиболее передовых стран мира выглядит так: Республика Корея, Швеция, Швейцария, Германия, Япония, США. По объему производства высокотехнологичной продукции страны ЕС заметно опережают США. Россия же по этому показателю занимает пока 12-е место в мире [9].

«Экономику знаний» характеризует в первую очередь постоянный рост доли НИОКР в общих расходах государства и частных фирм (к сожалению, в настоящий момент Россия этим похвастаться не может), а также стабильным ростом капитализации высокотехнологичных фирм. Экономика знаний не существует сама по себе. Она образует фундамент информационного общества и функционирует в его рамках как важнейшая составная часть. Информационные технологии определяют функциональность и степень развития информационного производства, которое является основой информационной экономики. Экономике, основанной на знаниях, соответствует иная, по сравнению с традиционной, и экономическая и социальная структуры, складывается такая

ситуация, что базовым фактором производства начинает выступать информация (знание).

Вопросы определения сущности информации и знания являются дискуссионными. В научной литературе часто встречается смешение данных понятий, замена одного другим. Так информацию чаще всего трактуют как данные, которые организованы и переданы определенным образом. Знание определяют как продукт использования информации и как инструмент для ее интерпретации.

С позиций Ф. Махлупа категории «знание» и «информация» не являются тождественными. «Производство новых знаний не закончено до тех пор, пока они не переданы другому и не являются более достоянием одного человека... Информировать – значит передавать знания, знание может являться результатом информации. Информация... производится с целью вложить знания в ум другого. Любая информация в обычном понимании этого слова есть знание, хотя не всякое знание можно назвать информацией». [4]

Различие информации и знания проявляется в том, что возможность потребления информации не ограничивается количеством участников, географической принадлежностью, областью деятельности. Более того, потребителей информации можно разделить на тех, для кого она является бесполезной, для кого она образует поток данных для принятия решения в будущем, и тех, для кого данная информация станет знанием. Знание можно расценивать как воспринятую и осмысленную информацию. Следовательно, знание – это продукт интеллектуальной деятельности человека, связанной с обработкой и применением имеющейся информации. Данного подхода придерживается П. Друкер «... знание – это способность применять информацию в конкретной сфере деятельности» [5].

Процессом трансформации информации в знание является образование или образовательный процесс, который может подразделяться на самообразование либо осуществляться посредством оказания образовательной услуги. Данная взаимосвязь позволяет выделить основные противоречия между информацией и знанием, проявляющиеся в асимметричности и неопределенности информации, а также в том, что не каждый экономический субъект способен воспроизводить знания в силу недостатка интеллектуального капитала, что приводит к невозможности обеспечивать высокие темпы экономического роста в новой экономике.

Передача знаний в общем случае связана с процессом обучения индивида как с помощью материализованных знаний в данном случае может идти речь о самообразовании, так и с использованием навыков преподавателей. Наиболее оптимальным является использование обеих форм передачи знания. Передача знания в роли экономического ресурса подразумевает его продажу, если на него существует потребительский спрос. Данный процесс иденти-

чен инновационному в случае приобретения патента, лицензии, и речь идет о передаче материально формализованного знания. Если передача подразумевает процесс обучения (персонала, наладка оборудования и т.д.), передача осуществляется посредством обмена навыками, именно обмена, так как данный процесс не может быть односторонним. В случае безвозмездной передачи знания, как правило, происходит процесс идентичный самообразованию, то есть связанный с самостоятельным поиском и изучением информации по интересующему вопросу.

Использование знания как экономического ресурса подразумевает координацию других неключевых факторов производства для создания товаров или оказания услуг, пользующихся спросом на рынке. Знание используется как посредством человеческого ресурса, так и посредством наукоемких технологий. В данном контексте действительно можно говорить о неисчерпаемости данного ресурса, но это не означает отсутствие переменных издержек при его использовании, данные издержки безусловно существуют (заработная плата, продление лицензий) однако они не связаны с приобретением новых знаний. В условиях экономики знаний индивид выступает не просто в качестве конечного потребителя знаний и навыков, но и в роли его генератора, это означает, что в процессе использования знаний формируются новые, которые могут выступать в роли самостоятельных ресурсов (объектом маркетинга наряду с товарами и услугами выступают идеи, более того – данное направление стремительно развивается). Данные тенденции возможны в связи с творческим характером труда, не свойственным предыдущему индустриальному обществу.

Экономика знаний диктует очень динамичные условия функционирования, в которых долгосрочный период может применяться только для отраслей индустриальной и аграрной экономики, несмотря ни на что составляющих базисные основы информационного бум. Инновации являются основной формой превращения знаний в благосостояние и представляют собой ключевую характеристику экономики, основанной на знании. Как показывают исследования экономистов, инновации сегодня – основной источник экономического роста и важнейший фактор конкурентоспособности предприятий, регионов и национальных экономик. Подсчеты экспертов ОЭСР показывают, что экономический рост развитых стран в последние два десятилетия более чем наполовину обусловлен инновациями [9]. Новая экономика требует новых подходов, в связи с чем можно утверждать что движущей силой является не просто информация и знания как таковые, а инновационные знания.

Каждая новая ступень развития общества означает появление у человека каких-либо новых свойств, качеств, функций, ранее ему не присущих. Если рассматривать лишь хозяйственную деятельность человека, то речь должна идти именно о функциях человека в экономике. Последовательный переход от

аграрного к индустриальному и от индустриального к постиндустриальному обществу сопровождался радикальным изменением функциональной роли человека в его экономической деятельности.

Тамбовцев В.Л. отмечал, что «при производстве информации важнейшее средство производства – интеллект – неотделим от субъекта – автора создаваемой информации. Неотделима от субъекта и мысль как состояние его мозга» [8]. Можно сказать, что человек является собственником информационного или интеллектуального капитала. Здесь этот капитал, в отличие от капитала овеществленного, как средство производства неотделим от непосредственного производителя – человека. Интеллектуальный капитал становится важным фактором инноваций и экономического развития, хотя и не отражается в балансе предприятия и не поддается учету традиционными методами.

В настоящее время центральным творческим элементом экономической системы является человек с присущими ему особыми производительными личностными характеристиками и выраженным экономическим интересом. Данная совокупность факторов называется человеческий капитал. Теория человеческого капитала изучает процесс качественного совершенствования людских ресурсов, образуя один из центральных разделов современного анализа предложения труда.

Человеческий капитал представляет собой накопленный запас здоровья, знаний, способностей, опыта, культуры, целесообразно используемые для производственной деятельности по созданию продукции и услуг, увеличивая доходы человека, предприятия, общества. Основными составляющими человеческого капитала его последователи называют капитал здоровья; трудовой капитал; интеллектуальный, культурно-нравственный и организационно-предпринимательский капитал.

Эффективность современной экономики все в большей степени определяется интеллектуально-творческим потенциалом и информационными ресурсами, чем традиционными факторами развития. В связи с этим фактом концепции человеческого капитала все больше внимания привлекают со стороны институтов власти, которые рассматривают человеческий капитал как один из ключевых факторов развития современного общества. Это определяет их интерес к тому, как оценить человеческий капитал и каким образом воздействовать на повышение его качества. [6]

Таким образом, исходя из того, что основным институтом, обеспечивающим формирование базы для инновационного развития, является система образования, целесообразно определить ее как один из важнейших факторов, детерминирующих уровень развития страны. Мировое сообщество осознает, что без адекватной системы образования невозможно обеспечить реальное устойчивое развитие общества на эндогенной основе.

Социальное партнерство выступает как особый тип общественно-экономических отношений, обеспечивающих баланс реализации важнейших социально-экономических интересов основных групп общества, формируется как закономерный результат развития рыночной экономики, как следствие коренных изменений, произошедших в обществе в целом и в социально-экономическом и политическом положении его социальных групп.

На современном этапе хозяйствования решение

задач управления инновационным развитием территорий во многом зависит от скоординированности и заинтересованности в совместной работе органов государственной власти различных уровней, органов местного самоуправления, общественных организаций и непосредственно самих образовательных учреждений. В условиях модернизации системы образования социальное партнерство может стать средством обновления качества образования, повышения его социальной, экономической эффективности.

Библиографический список

1. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. Д. Белл; пер. с англ. Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 788 с.
2. *Кастельс М.* Информационная экономика: эпоха, общество, культура. Под. ред. О.И. Шкаратана. М.:ГУ ВШЭ, 2000. 455 с.
3. Гейтс, Б. Бизнес со скоростью мысли. [Текст] / Б. Гейтс. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 480 с.
4. *Махлуп Ф.* Производство и распространение знаний в США. М.: Прогресс, 1966. 462 с.
5. *Друкер П.* Эффективное управление. Экономические задачи и оптимальные решения. М.: АСТ, 2004. 256 с.
6. Петрухина, Е.В. Формирование интеллектуального потенциала общества как основы инновационного развития. // Теоретические и прикладные вопросы экономики и сферы услуг. 2012. № 5. С. 146-159.
7. *Сибирская, Е.В., Строева, О.А., Петрухина, Е.В.* Разработка инфраструктуры для поддержки предприятий малого бизнеса. Ученые записки ОГУ. 2012. № 6. С. 38-45.
8. *Тамбовцев В.Л.* Пятый рынок: экономические проблемы производства информации. М.: Издательство МГУ, 1993. С. 67.
9. <http://science.convergelab.ru>.

References

1. Future post-industrial society: experience of social forecasting / D. Bell; translated from English. Under the editorship of V.L.Inozemtsev. – M: Academia, 1999. – 788 p.
 2. *Kastels M.* Information economy: era, society, culture / Edit. by O.I.Shkaratan. – M.: GU VShE, 2000. – 455 p.
 3. *Gates B.* Business with the speed of thought.– M: EKSMO-Press, 2001. – 480 pages.
 4. *Makhlop F.* Production and dissemination of knowledge in the USA. – M: Progress, 1966. – 462 p.
 5. *Druker P.* The effective management. Economic tasks and optimum solutions.– M: AST, 2004. – 256 p.
 6. *Petrukhina E.V.* Forming the intellectual potential of the society as a base for innovative development //Theoretical and applied questions of economy and services sector. – 2012. – No. 5. – Pp. 146-159.
 7. *Sibirskaya E.V., Stroeveva O. A., Petrukhina E.V.* The development of the infrastructure for supporting small business enterprises // Scientific notes of regional public institution. – 2012. – No. 6. – Pp. 38-45.
 8. *Tambovtsev V.L.* The fifth market: economic problems of information production.– M: Moscow State University publishing house, 1993. – P. 67.
 9. <http://science.convergelab.ru>.
-
-

УДК 330

UDC 330

С.П. СТРОЕВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры алгебры и математических методов в экономике Орловского государственного университета
E-mail: stroewsp@mail.ru

А.М. ПОКРОВСКИЙ

кандидат экономических наук, доцент кафедры математических методов в экономике Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

S.P. STROEV

candidate of economic sciences, Associate Professor of the Department "Algebra and Mathematical Methods in Economics", Orel State University
E-mail: stroewsp@mail.ru

A.M. POKROVSKY

candidate of economic sciences, Associate Professor of the Department "Mathematical Methods in Economics", G.V. Plekhanov Russian Economic University

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОДЕЛЕЙ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СРЕДСТВ ФИНАНСИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ РИСКА

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF FINANCIAL DISTRIBUTION MODELS FOR STATE-FINANCED ORGANIZATIONS IN THE REGION UNDER RISK

В данной работе излагаются основные концептуальные положения подхода к построению моделей оптимального распределения средств для финансирования деятельности бюджетных организаций в условиях колебаний спроса на их услуги.

Ключевые слова: бюджетные организации региона, риск финансирования, оптимальное распределение, качество жизни населения.

This paper outlines the main conceptual provisions of the approach to the construction of models of optimal allocation of funds for financing state-financed organizations under the conditions of fluctuations in demand for their services.

Keywords: regional state-financed organizations, the risk of financing, optimal allocation, quality of life.

В литературе можно выделить ряд авторских подходов к решению проблемы развития методологического и математического инструментария, предназначенного для разработки способов рационального расходования финансовых средств в условиях колебаний спроса на услуги бюджетных организаций в разрезе конкретного региона. Один из наиболее распространенных подходов состоит в разработке так называемых «поправочных коэффициентов», учитывающих природно-климатические, социально-экономические и иные особенности конкретного региона. Следующим можно считать подход, заключающийся в построении особого рода индикаторов – индикаторов качества жизни населения¹. В рамках данного подхода считается, что имеются *позитивные* и *негативные* показатели, способствующие повышению или понижению качества жизни на конкретной территории. Так, например, в работе [1] с помощью индикатора качества жизни определяются «проблемные области» и «приоритетные задачи» в социально-экономическом развитии региона. Подобная информация, несомненно, способствует повышению качества принимаемых решений

при разработке программы финансирования деятельности бюджетных организаций. Наряду с этим в работе [1] формулируется идея о том, что условная оптимизация индикатора (при различного рода климатических, политических и ресурсных ограничениях) позволила бы определить оптимальные траектории социально-экономического и эколого-демографического развития региона. Данная идея получила дальнейшее развитие в работе [5], в которой приводятся модели оптимального распределения финансовых средств, предназначенных для финансирования государственных бюджетных учреждений. Для учета неопределенностей при построении моделей в упомянутой работе [5] используется метод анализа иерархий, а также теория нечетких множеств. Вместе с тем данные подходы к решению выше сформулированной проблемы, по мнению автора, не лишены некоторых недостатков. Во-первых, в моделях, разработанных в рамках выделенных подходов, лишь частично учитывается влияние факторов риска. Во-вторых, при построении индикатора качества жизни населения не учитывается «духовное удовлетворение» населения социально-экономическими, природно-климатическими и иными условиями региона. В-третьих, в рамках упомянутых подходов дается лишь оценка сложившейся в регионе ситуации и фактически не рассматриваются возможные сцена-

¹ Согласно работе [3] под индикатором качества жизни населения следует понимать интегральный показатель, всесторонне характеризующий экономическое развитие общества, уровень материального, медико-экологического и духовного благосостояния конкретного человека.

рии ее развития по принципу «что, если?».

Указанные недостатки актуализируют необходимость разработки иного подхода к методологическому и инструментальному обеспечению процесса принятия решений о распределении средств финансирования бюджетных организаций.

Изложим далее ряд положений, которые могли бы являться концептуальной основой для построения такого подхода.

Прежде, однако, представляется целесообразным рассмотреть авторский вариант схемы взаимодействия основных объектов исследуемой ситуации (рисунк 1).

Во-первых, это лицо, принимающее решение (ЛПР), в обязанности которого входит планирование и распределение финансовых средств. Во-вторых, это население субъекта РФ. В-третьих, объекты социальной инфраструктуры – бюджетные организации, к которым будем относить организации жилищно-коммунального хозяйства, социального обслуживания населения, культуры, здравоохранения, образования, а также оказания юридической помощи гражданам. В-четвертых, внешняя среда – совокупность природно-климатических, экологических, социально-экономических и других условий, в

которых «находятся» выделенные объекты.

Естественно считать, что выделенные объекты взаимодействуют между собой, а именно, воздействуют на «состояние» и «поведение» друг друга. Так, например, при принятии решения ЛПР должно учитывать состояние внешней среды, реакцию населения на принятое решение, а также положение объектов социальной инфраструктуры. Следует отметить, что на данном рисунке приводятся лишь наиболее общие связи между выделенными объектами, поскольку их подробное рассмотрение и учет взаимного влияния представляется достаточно сложным и требует отдельного исследования. В данной работе, однако, подобное ограничение не является существенным.

Сформулируем теперь следующие основные концептуальные положения предполагаемого автором подхода к построению таких математических моделей оптимального распределения средств финансирования объектов социальной инфраструктуры, в которых учитывалась бы не только реальная потребность населения в услугах бюджетных организаций, но и влияние внешней среды на формирование этой потребности.

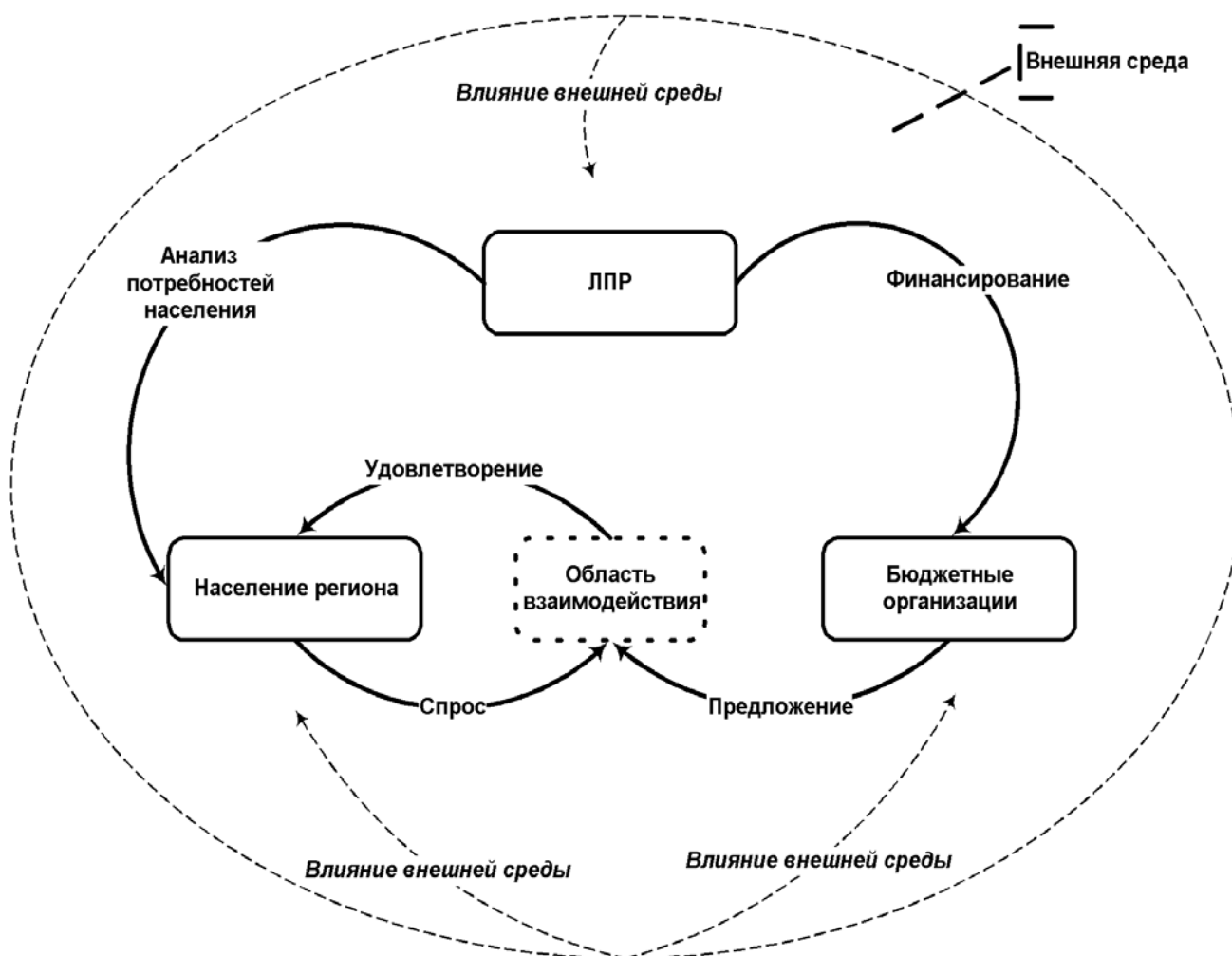

Рис. 1. Схема взаимодействия основных объектов.

1. *Объем финансирования деятельности объектов социальной инфраструктуры следует определять, исходя из объема спроса населения в разрезе конкретного субъекта РФ.*

Данное предположение является вполне естественным, поскольку, как это уже отмечалось здесь и в ряде других работ, объем спроса населения на услуги объектов социальной инфраструктуры зависит от сложившихся в конкретном регионе природно-климатических, экологических, социально-экономических и иных условий. Обоснованность выделения сформулированного положения также подтверждается тем фактом, что в настоящее время для многих объектов социальной инфраструктуры либо уже имеются, либо активно разрабатываются специальные поправочные коэффициенты, отражающие особенности конкретного региона РФ.

2. *Критерием оптимальности распределения финансовых средств является повышение качества жизни населения.*

Справедливость данного положения также не вызывает сомнения и подтверждается, в частности, статьей 7 Конституции РФ, в соответствии с которой Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

3. *Увеличение финансирования деятельности объектов социальной инфраструктуры ведет к повышению качества жизни населения.*

Согласно этому положению предполагается, что увеличение финансирования деятельности бюджетных организаций должно приводить к увеличению объема и повышению качества оказываемых населению услуг.

4. *Факторы риска оказывают как позитивное, так и негативное воздействие на результаты деятельности.*

В общем случае под риском понимается «возможность отклонения» показателя от своего запланированного значения. При этом естественно полагать, что подобное отклонение может быть как отрицательным, так и положительным.

5. *Существует зависимость возможности проявления фактора риска от объема затрат на проведение антирисковых мероприятий.*

Справедливость данного положения подтверждается рядом публикаций [2], в которых отмечается существование подобной зависимости. При этом в работе автора [4] математически обосновано, что в случае, если факторы риска оказывают на результат деятельности только негативное воздействие, то данная зависимость имеет убывающий характер.

Покажем теперь, каким образом на основании сформулированных положений может быть организована процедура принятия решения о распределении средств финансирования бюджетных организаций.

Согласно первому положению, при определении

необходимого объема финансирования следует руководствоваться реальной потребностью населения в услугах бюджетных организаций в разрезе конкретного региона. Иными словами, для определения объема финансирования требуется оценить величину спроса населения на услуги объектов социальной инфраструктуры. Если запланированный объем средств недостаточен для удовлетворения ожидаемого спроса населения в предстоящем периоде, то считается, что имеется дефицит и рекомендуется увеличить финансирование. Если же оценка спроса населения показывает, что запланированный объем финансирования превышает ожидаемый, то имеется профицит, и ЛПР может распоряжаться «излишком» в иных целях.

Далее, требуется определить параметры распределения имеющегося в распоряжении объема финансирования среди объектов социальной инфраструктуры. Согласно второму положению критерием оптимальности такого распределения является повышение качества жизни населения. Предполагается, что подобное повышение достигается, в частности, за счет увеличения объемов финансирования деятельности бюджетных организаций, приводящего к росту объема и качества оказываемых услуг.

Поскольку речь ведется о планировании расходов на предстоящий период, то естественно считать, что соответствующие найденные оценки объема спроса населения, качества жизни и параметров распределения средств являются, по сути, недетерминированными величинами, на значения которых оказывают влияние различные причины – факторы риска. Следует сразу отметить, что согласно определению [2] к таковым будем относить события, которые могут произойти, реализоваться, но которые либо нельзя с уверенностью назвать заранее, либо неизвестным является момент их наступления. Согласно четвертому положению факторы риска могут оказывать как негативное, так и позитивное воздействие на результаты деятельности. Так, например, в рассматриваемой ситуации проявление *негативных* факторов риска в течение некоторого периода может привести к увеличению спроса на услуги бюджетных организаций, вызванного, в частности, ухудшением качества жизни населения. Вследствие этого требуется привлечь дополнительный объем средств для финансирования деятельности этих организаций. И напротив, проявление *позитивных* факторов риска, обусловленных, скажем, улучшением социально-экономических условий в регионе, может способствовать снижению спроса на услуги бюджетных организаций, и, как следствие, не потребуются привлечение дополнительных объемов финансирования.

С целью снижения риска финансовой необеспеченности бюджетных организаций следует проводить превентивные антирисковые мероприятия, направленные на снижение возможности проявления факторов риска. При планировании и реализации комплекса подобных мер также необходимо учитывать двойственный характер влияния факторов ри-

ска. Иными словами, необходимо способствовать проявлению *позитивных* и препятствовать проявлению *негативных* факторов риска.

Следует отметить, что устанавливаемые подобным образом параметры распределения финансовых средств могут являться своего рода «ориентиром», определяющим идеальную ситуацию, т.е. такую, когда ЛПР располагает достаточным объемом средств. В действительности же, данное условие – наличие достаточного объема средств – выполняется далеко не всегда. В таком случае можно использовать различные «усеченные варианты» предлагаемого подхода. Так, например, финансирование может осуществляться исходя из минимальной – базовой – по-

требности населения в оказываемых услугах и не учитывать влияние факторов риска. Также при распределении финансовых средств может либо вообще не учитываться критерий повышения качества жизни населения, либо на его основе могут определяться только наиболее приоритетные или проблемные направления финансирования.

Итак, руководствуясь изложенной процедурой, можно построить оптимальное по критерию качества жизни населения распределение средств финансирования деятельности бюджетных организаций, учитывающее возможные колебания объема спроса населения на оказываемые услуги в разрезе конкретного региона.

Библиографический список

1. Бородин Ф.М. Социальные индикаторы. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 607 с.
2. Качалов Р.М. Управление хозяйственным риском. М.: Наука, 2002. 192 с.
3. Стратегическое управление: регион, город, предприятие. Под ред. Д.С. Львова, А.Г. Гранберга, А.П. Егоршина. М.: Экономика, 2005. 603 с.
4. Строев С.П. Метод оценивания неизвестных значений параметров семейства функций. Наука и образование. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. №1 «Экономика и управление». М.: ИИЦ МГУДТ, 2006. С. 89-97.
5. Федоров Ю.В. Принятие решений в управлении социально-экономическим развитием города. М.: ЛКИ, 2007. 184 с.

References

1. Borodkin F.M. Social Indicators / F.M. Borodkin, S.A. Aivazian. – Moscow: UNITY-DANA, 2006. – 607 p.
 2. Katchalov R.M. Management of Economic Risk. – Moscow: Nauka, 2002. – 192 p.
 3. Strategic Management: Region, City, Company / Ed. D.S. Lvov, A.G. Granberg, A.P. Egorshin. – Moscow: Economics, 2005. – 603 p.
 4. Stroeve S.P. Method of Unknown Parameters Estimation of a Class of Functions. Science and Education. Interuniversity Collection of Scientific Papers. Economy and Management, №1. – Moscow: IRC MGUDT, 2006. – pp. 89-97.
 5. Fyodorov Y.V. Decision-making in Managing Social and Economic Development of a City. Moscow: LKI, 2007. 184 p.
-

УДК 332.132; 911.3

UDC 332.132; 911.3

В.И. ТИХИЙ

кандидат географических наук, доцент кафедры
прикладных экономических дисциплин Орловского
государственного университета
E-mail: tikhiivi@yandex.ru

В.Д. ФРЕЙДЛИНА

студент факультета экономики и управления
Орловского государственного университета
E-mail: vita1104@rambler.ru

V. I. TIKHIY

candidate of Geography, Associate Professor of the
Department "Applied Economic Disciplines", Orel State
University
E-mail: tikhiivi@yandex.ru

V.D. FREIDLINA

student of the Faculty of Economy and Management, Orel
State University
E-mail: vita1104@rambler.ru

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ЗАНЯТОСТИ В ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

THE CHANGES OF AN EMPLOYMENT STRUCTURE IN OREL

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся трансформации структуры занятости в регионе. Производится анализ факторов, влияющих на эти процессы. Исследуются динамики численности населения в регионе, численности населения в трудоспособном возрасте, численности экономически активного населения, структуры среднегодовой численности занятых в экономике региона по формам собственности. Предлагаются варианты закрепления трудовых ресурсов и совершенствования миграционной стратегии в регионе.

Ключевые слова: демографические процессы, естественная убыль населения, демографическое старение, миграционное сальдо, рынок труда, экономически активное население, население в трудоспособном возрасте, структура занятости.

In this article we overview the problems, which are connected with the transformation of employment in the region. We analyze different factors, influencing these processes, investigate a quantity of population dynamics in the region, a quantity of employable population, a quantity of economically active population and also a structure of an average (for a year) quantity of employed population in the region. Different ways of fixing the labor resources and improving a migratory strategy in the region are suggested.

Keywords: demographic processes, natural population decrease, demographic aging, migration balance, labor market, economically active population, employable aged population, employment structure.

Анализ демографических процессов в Орловской области позволяет определить основные тенденции в демографической сфере, выявить причины, повлиявшие на изменение численности и структуры населения Орловской области. Многие демографические параметры в итоге влияют на структуру занятости.

В целом, демографический кризис в Орловской области характеризуется в основном теми же негативными моментами, что и в России, однако имеет ряд отличий. Так, естественная убыль населения в области наблюдается с 1990 года (по стране – с 1992 г.), т.е. до начала реформ 1992 г., но в период с 1990 по 1995 гг. сальдо внешней миграции было равно естественной убыли, благодаря чему общее сокращение численности населения стало заметно только с 1995 года. Однако в последние годы миграционные потоки стали незначительными и не играют роли в формировании численности населения области.

Уменьшение численности сельского населения идет более быстрыми темпами, чем городского, что является весьма негативным симптомом, поскольку область ориентирована на аграрный сектор и доля

сельского хозяйства в экономике региона значительна. Доля сельского населения в численности составляет 36%, что выше данного показателя по России (27%). Наблюдается высокая концентрация городского населения главным образом в трех городах области: Орле, Ливнах, Мценске (почти 80% от всего городского населения).

В области доля женщин выше, чем в среднем по стране (на 10 мужчин приходится 12 женщин; по России – 11,5). Однако, в возрастах 20 – 45 лет численный перевес женского населения незначителен. Диспропорция полов отчетливо заметна в старших возрастах. В городских поселениях диспропорция полов выражена более ярко, чем в сельской местности.

Продолжает нарастать проблема старения населения региона. По сравнению с переписью 1989 года средний возраст жителей области увеличился на 1,6 года.

В условиях значительного сокращения населения при отсутствии компенсаторной роли миграции только путем увеличения рождаемости и снижения

смертности можно достичь стабилизации демографической ситуации в регионе. Тенденции рождаемости в Орловской области в целом совпадают с общероссийскими. С 1990 года рождаемость в Орловской области снизилась примерно в 1,5 раза.

К числу демографических факторов, воздействующих на рождаемость, относятся и показатели брачности и разводимости. В Орловской области наблюдается снижение брачности и стабильно высокий уровень разводимости. При общем сокращении числа новорожденных имеет место рост внебрачной рождаемости, что в определенной степени свидетельствует о кризисе семьи как детородного института.

Самой болевой проблемой современного демографического развития является чрезмерно высокий уровень смертности. За последние двадцать лет в регионе число умерших почти в 2 раза превысило число родившихся. Следовательно, можно говорить о том, что естественная убыль населения определяется не столько снижением рождаемости, сколько ростом смертности. По сравнению с 1990 годом число умерших в Орловской области возросло на треть. Особую тревогу вызывает рост смертности лиц, находящихся в трудоспособном возрасте, и среди последних, в первую очередь, мужского населения.

Одним из факторов смертности, несомненно, является заболеваемость населения. Наиболее распространенными причинами смерти явились заболевания системы кровообращения, несчастные случаи, отравления, травмы и новообразования.

Существующее и перспективное состояние трудовых ресурсов в Орловской области во многом определяется складывающейся в ней демографической ситуацией. Численность трудовых ресурсов охватывает трудоспособное население в трудоспособном возрасте (без инвалидов и неработающих пенсионеров-льготников) и работающее население вне пределов трудоспособного возраста (работающие пенсионеры и подростки). Часть населения трудоспособного возраста представлена учащейся молодежью, которая обычно работает несколько месяцев в году или имеет неполный рабочий день.

Поскольку Орловская область в демографическом отношении является глубоко депрессивным регионом, дальнейшее снижение численности ее населения представляется неизбежным и будет более существенным, чем по стране в целом или по Центральному федеральному округу. Однако сокращение доли лиц в трудоспособном возрасте и соответствующий рост показателя демографической нагрузки (отношение численности населения нетрудоспособных возрастов к населению в трудоспособном возрасте) в области предполагается примерно таким же, как в среднем по ЦФО.

Процесс снижения доли населения в трудоспособном возрасте характерен для большинства регионов страны. Его причиной являются так называемые «демографические волны» (чередование малочисленных и многочисленных поколений). В

связи с очевидным переходом в пенсионный возраст многочисленных возрастных групп и вступлением в трудоспособный возраст поколений, рожденных в перестроечные и кризисные годы, численность потенциальных трудовых ресурсов и их доля во всем населении будет снижаться. Сокращение смертности в трудоспособном возрасте способно смягчить этот процесс. Увеличение рождаемости также даст определенный результат, но на абсолютной величине трудовых ресурсов он скажется уже после 2020 г., когда в трудоспособный возраст начнут вступать лица, рожденные в 2005-2007 гг.

К экономически активному населению относят лиц в возрасте 15-72 лет, которые на момент обследования являются занятыми или безработными. В числе занятых учитываются наемные работники, работающие не по найму, лица временно отсутствующие на работе (находящиеся в отпуске и т.п.), а также лица, занятые в домашнем и личном подсобном хозяйстве (производящие продукцию не только для личного пользования, но и на продажу). [3]

На начало 2012 г. в трудоспособном возрасте находилось 468,3 тыс. жителей Орловской области (60% населения). На динамике численности населения в трудоспособном возрасте отразились сокращение общей численности населения области (началось в 1996 г.) и наметившийся с 2003 г. переход к нулевой модели миграции. Особенности возрастной структуры населения, характерные для Орловской области и страны в целом, выливаются во вступление в пенсионный возраст все более многочисленных возрастных когорт. В результате, на смену тенденции роста численности трудоспособного населения, наблюдавшейся в 1997-2003 гг., пришло сокращение. Если на начало 2007 г. область имела 499,4 тыс. лиц в трудоспособном возрасте, то к началу 2012 г. сокращение составило более 6% (рис. 1). [2]

Численность экономически активного населения в 2000-2010 гг. изменялась циклически, варьируя в диапазоне 413–442 тыс. чел., и в 2011 г. сократилась до 406,8 тыс. чел. (рис. 2), из которых на момент обследования 381,1 тыс. были заняты в экономике и 25,6 тыс. – безработные. Уровень экономической активности для населения в возрасте 15-72 года составил 64,3%. [1]

Рис. 1. Динамика численности населения Орловской области в трудоспособном возрасте в 2000-2011 гг.

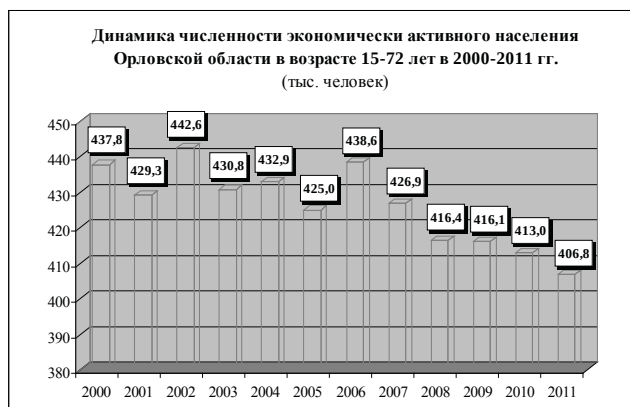

Рис. 2. Динамика численности экономически активного населения в Орловской области в возрасте 15-72 лет в 2000-2011 гг.

По данным баланса трудовых ресурсов за 2011 г., среднегодовая численность трудовых ресурсов составила 492,4 тыс. чел., в т.ч. 436,5 тыс. чел. – трудоспособное население в трудоспособном возрасте (на 49 тыс. чел. меньше, чем в 2005 г.), 5,3 тыс. – иностранные трудовые мигранты (на 2,7 тыс. чел. больше), 49,9 тыс. – лица старше трудоспособного возраста (на 15 тыс. чел. больше), 695 чел. – подростки (немногим менее, чем в 2005 г.).

В конце 2012 года Правительство Орловской области утвердило государственную программу Орловской области «Содействие занятости населения Орловской области до 2017 года».

В результате реализации мероприятий программы к 2017 году планируется снизить уровень регистрируемой безработицы до 1,2%; среднюю продолжительность периода безработицы – до 4,4 месяца; коэффициент напряженности на регистрируемом рынке труда – до 0,8 человека на вакансию. Ожидается увеличить удельный вес численности трудоустроенных граждан в общей численности граждан, обратившихся в органы службы занятости за содействием в поиске подходящей работы, удельный вес численности безработных граждан, прошедших профессиональную подготовку, переподготовку, повышение квалификации, в численности безработных граждан, зарегистрированных в органах службы занятости.

Отметим, что по состоянию на конец 2012 года в Орловской области зарегистрировано 4,1 тыс. безработных граждан (на конец 2011 года – 5,2 тыс. человек). Уровень фиксированной безработицы составил 1% (на конец 2011 года – 1,2%). Коэффициент напряженности на рынке труда составил 0,6 человек на вакансию (на конец 2011 года – 1 человек на вакансию).

Из общей численности трудовых ресурсов в 2011 г. 392,7 тыс. чел. заняты в экономике, 46,6 тыс. чел. – учащиеся в трудоспособном возрасте, обучающиеся с отрывом от работы, 53,0 тыс. чел. – не занятое в экономике трудоспособное население в трудоспособном возрасте (военнослужащие, безработные, домохозяйки и т.п.). Довольно велика численность лиц, занятых в неформальном секторе экономики области. По данным обследования Орелстата за 2011 г.,

она составила 73,7 тыс. чел. – 19,3% от общей численности занятых. По сравнению с предыдущим годом, их число увеличилось на 16,7 тыс. человек, или на 29,3%. [4, 5]

В связи с прогнозируемым сокращением численности трудовых ресурсов, на перспективу представляет интерес возможность их увеличения за счет вовлечения в экономическую активность лиц первого и второго пенсионных пятилетий. Она во многом зависит от привлекательности условий соответствующей трудовой деятельности и уровня пенсионной обеспеченности. Пользуясь материалами социологических опросов ЦНИЛТР, проводившихся в конце 1980-х гг. в РСФСР, потенциальную численность работающих пенсионеров в настоящее время можно было бы оценить в 12-15 тыс. человек. Реально занято в экономике вдвое большее число пенсионеров. При улучшении уровня благосостояния этой части населения уровень ее занятости вероятнее всего сократится. [3]

По данным баланса трудовых ресурсов за 2011 г., из 392,8 тыс. занятых в экономике 236,1 тыс. чел. (60,1%) трудились в частном секторе, доля которого каждый год возрастает (более 14% за последние 10 лет), 116,0 тыс. (29,5%) – на государственных и муниципальных предприятиях и в организациях, причем доля госсектора в экономике имеет устойчивую тенденцию к снижению (3% за последние 10 лет). Из остальных большая часть приходится на предприятия и организации смешанной формы собственности – 6,6%, 0,9% – общественные организации и фонды, 2,9% – совместные предприятия с иностранным участием (рис. 3).

Рис. 3. Изменение структуры среднегодовой численности занятых в экономике Орловской области по формам собственности за 2000-2011 гг.

По видам экономической деятельности в структуре занятости на первое место вышли «торговля и ремонт» – 17,7% всех занятых, доля которых за последние 10 лет заметно возросла, и «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» – 17,6%, удельный вес которого сократился, однако остается примерно в два раза выше среднего по стране. На втором месте находятся «обрабатывающие производства» – 15,5%. На долю «строительства» и «транспорта и связи»

приходится соответственно 5,8% и 6,6%. В непроизводственной сфере лидируют образование – 9,6% занятых, здравоохранение и предоставление социальных услуг – 6,6%, доля которых достаточно стабильна (рис. 4) [2]

Из приведенных данных вытекает, что за исследуемые годы в структуре занятых в экономике региона произошел значительный крен в сторону непроизводственных секторов экономики, в то время как занятость в обрабатывающих производствах и сельском хозяйстве сократилась. Эта тенденция свидетельствует не о прогрессе сферы услуг (что характерно для постиндустриального общества), а о деградации сектора материального производства (речь идет, прежде всего, о деиндустриализации региональной экономики).

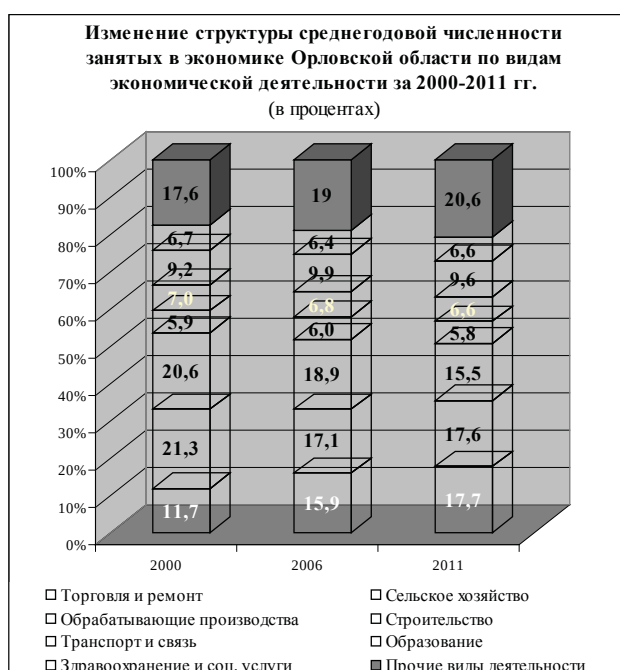

Рис. 4. Изменение структуры среднегодовой численности занятых в экономике Орловской области по видам экономической деятельности за 2000-2011 гг.

Из всего вышеперечисленного можно сделать следующие выводы.

1. Основной причиной сокращения численности населения Орловской области является естественная убыль населения, не перекрываемая миграционным приростом. В основе этой убыли лежит высокий уровень смертности населения. Серьезной проблемой является рост преждевременной смертности в трудоспособных возрастах, прежде всего от несчастных случаев, отравлений и травм, особенно – рост смертности мужского населения.

2. Процесс демографического старения, согласно шкале Боже – Гарнье – Россет, достиг высокого уровня демографической старости. По степени регрессивности возрастной структуры населения Орловская область быстро приближается к такому региону демографического бедствия, каким уже много лет является Тверская область. Исправление демографической ситуации возможно лишь при условии

значительного положительного сальдо миграции.

Существующая в настоящее время возрастная структура населения является благоприятной в экономическом отношении. Однако в ближайшие 10-15 лет, на фоне сокращения численности населения по естественным причинам, неизбежны также снижение доли трудоспособного населения, рост доли пенсионеров, увеличение демографической нагрузки, которая является важным экономическим фактором.

3. Область утрачивает преимущества, связанные с большим положительным миграционным сальдо. В недалеком будущем она может вернуться к традиционной для себя ситуации отрицательного сальдо. В результате будет затруднено пополнение трудовых ресурсов за счет других территорий. Вместе с тем, межрегиональный и международный миграционный обмен остается довольно интенсивным, и, при условии роста привлекательности области в качестве региона проживания, создания условий для повышения закрепляемости мигрантов, Орловская область может рассчитывать на значительный приток населения за счет изменения миграционного баланса. Необходимо также создавать условия для предотвращения оттока молодежи в другие регионы страны, основными из которых являются:

- наличие рабочих мест с достойными условиями и оплатой труда, а также возможности профессионального роста;
- удовлетворение потребностей населения в качественных услугах учреждений образования, здравоохранения, социальной защиты населения, культуры, физкультуры и спорта, организаций торговли и общественного питания, бытовых услуг;
- формирование привлекательной среды обитания: сохранение окружающей среды, культурного наследия и т. п.

4. В трудоспособном возрасте находится достаточно большая часть населения, но в перспективе она будет сокращаться как в абсолютном, так и в относительном выражении. Вовлечение в трудовую деятельность резерва лиц пенсионного возраста представляется трудно реализуемым, поскольку основная часть пенсионеров проживает в сельской местности и обладает низкой мобильностью.

5. Ситуацию в сфере занятости в целом по области можно считать относительно благополучной, вместе с тем, в ряде периферийных районов население испытывает сложности с трудоустройством, что подстегивает внутреннюю миграцию. Основное сокращение занятости касается наименее обеспеченного профессиональными кадрами сельскохозяйственного сектора экономики, который формирует лицо области и является сферой ее специализации.

Библиографический список

1. Аналитический доклад № 0305-1 «О ситуации на рынке труда Орловской области в 2011 году» / Орел. 2012, 17 с.
2. Орловская область в цифрах: труд и население / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Орловской области [Электронный ресурс] URL: <http://orel.gks.ru/>.
3. Схема территориального планирования Орловской области, Т. 2. Материалы по обоснованию проекта схемы территориального планирования. СПб-Орел, 2010. 267 с.
4. *Тихий В.И.* Муниципальная экономика и перспективные модели развития муниципального хозяйства. В сб. науч. ст. «Модернизация регионального экономического пространства: зарубежный и отечественный опыт». М.: Финансовый университет, 2012. С. 83-87.
5. Экспресс-информация № 0300 «Баланс трудовых ресурсов в среднем за 2005 год (утвержденные данные) по Орловской области». Орел. 2006. 5 с.
6. Экспресс-информация № 0300-1 «Баланс трудовых ресурсов за 2011 год (утвержденные данные) по Орловской области». Орел. 2012, 5 с.
7. *Alekhin E., Tikhii V.* Assessment of Current State of Urban Resettlement in a Russian Region. Case Study: Orel Region. Journal of Settlements and Spatial Planning, vol. 3, no. 1. 2012. p. 21-26.

References

1. Analytic report № 0305-1 «On the situation in the labor market in Orel region in 2011» / Orel, 2012, 17 p.
 2. Orel region in figures: labor and population / Territorial authority of the federal service of state statistics in Orel region [electronic resource] URL: <http://orel.gks.ru/>.
 3. Scheme of the territorial planning in Orel, Vol. 2 – Materials about justification of the scheme of the territorial planning project/ Saint Petersburg, 2010, 267 p.
 4. *Tikhii V.I.* Municipal economy and perspective models of its development. // Collection of scientific articles «Modernization of the regional economic area: foreign and domestic experience». – M.: Financial University, 2012, Pp. 83-87.
 5. Express-imformation № 0300 «Labor resources balance in average in 2005 (affirmed data) in Orel region» / Orel, 2006, 5 p.
 6. Express information № 0300-1 «Labor resources balance in 2011 (affirmed data) in Orel region» / Orel, 2012, 5 p.
 7. *Alekhin E., Tikhii V.* Assessment of Current State of Urban Resettlement in a Russian Region. Case Study: Orel Region. Journal of Settlements and Spatial Planning, vol. 3, no. 1, 2012, p. 21-26.
-

09.00.00 – ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 111.0

UDC 111.0

Ю.В. ГОРЛОВА

аспирант кафедры логики, философии и методологии
науки Орловского государственного университета
E-mail: gorlova1986@mail.ru

Y.V. GORLOVA

postgraduate student of the Department of "Logics,
hilosophy and Methodology of Science", Orel State University
E-mail: gorlova1986@mail.ru

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПЛЮРАЛИЗМА

THE CONCEPT AND THE ESSENCE OF THE SOCIOCULTURAL PLURALISM

Статья посвящена исследованию феномена социокультурного плюрализма, который рассматривается, с одной стороны, как парадигма социокультурной реальности, а с другой – как принцип множественности и равнозначности культур, политических взглядов, стилей и образов жизни, многообразия форм бытия личности. Дается анализ понятий «социальный плюрализм» и «культурный плюрализм».

Ключевые слова: плюрализм, бытие, социальный плюрализм, культурный плюрализм, диалог культур, социокультурный плюрализм.

The article is devoted to the research of the phenomenon of social and cultural pluralism, which is considered, on the one hand, as a paradigm of socio-cultural reality, and on the other, as a principle of plurality and equivalence of cultures, political views, styles and ways of life, the diversity of the forms of existence of the person. The analysis of the concepts «social pluralism» and «cultural pluralism» is given in this paper.

Keywords: pluralism, life, social pluralism, cultural pluralism, dialogue of cultures, sociocultural pluralism.

Интерес к общефилософским проблемам плюрализма не случайно возник именно сейчас. Плюрализм современной социокультурной жизни проявляется на всех уровнях бытия личности – от онтологического до феноменального. Реальность XXI века указывает на те обстоятельства, что впереди нас ожидает дальнейший рост разнообразия социальных и культурных систем, политических устремлений, разногласий, мнений, путей и темпов развития. Подобные социокультурные трансформации, определяющие бытие современного человека во всем многообразии его деятельности, становятся причиной появления многочисленных теорий и концепций, посвященных проблеме сохранения целостности личности в условиях интенсивного развития мировой истории.

Действительно, современные социальные процессы, характеризующиеся появлением и углублением экологических, технологических, геополитических, демографических и других проблем, обострение социальных противоречий, разрешение которых все более осуществляется силовыми методами, переход общества к постиндустриальной стадии развития, информатизация всех сфер жизни, вытеснение действительного бытия людей виртуальной реальностью, – все это требуют разработки программы защиты личности в условиях динамично развивающегося мира. Поэтому проблема плюрализма в многообразии его проявлений, установок и принципов является в данный момент одной из самых обсужда-

емых в философии, науке и культуре.

Термин «плюрализм» был введен систематизатором и популяризатором философии Лейбница Вольфом в 1712. Традиционно в философии плюрализмом называют точку зрения, согласно которой действительность состоит из многих самостоятельных сущностей, не образующих абсолютного единства, которое нельзя однозначно представить в теории и сложно классифицировать на основе единого правила. Плюрализм – это философско-мировоззренческая позиция, утверждающая множество интересов, видов бытия, идей, взглядов, социальных институтов, не сводимых к чему-то единому и независимых друг от друга. По мнению современных исследователей, «плюрализм находит свои истоки и основания в гетерогенности объективного мира, его разнообразии, сложности, множестве случайных, индивидуальных (уникальных) событий и факторов» [14, 129]. Плюрализм – это не столько признание необходимости множества мнений и их борьбы, сколько отражение многообразия форм бытия, социальной организации общества. Суть плюрализма заключается в признании им противоречий как источника социального прогресса, в стимулировании многообразия общественной жизни, что обеспечивает появление оппозиции, конфликтов и конкуренции. Разрешение этих противоречий предполагается демократически, в рамках закона. Самой распространенной на сегодняшний день является традиция, согласно которой

плюрализм определяется как форма политического устройства современных западных обществ, которая основывается на рассредоточении власти и различии интересов, отраженных в многообразии партий и других форм политического волеизъявления, оказывающих давление на власть. Это понимание четко проявляется в трудах таких признанных плюралистов, как С.М. Липсет, А. Роуз, Д. Трумен, Р. Даль и других. Указанную трактовку исследуемого феномена можно встретить и в работах российских исследователей А.М. Салмина, А.С. Панарина, И. Пантина, А.И. Демидова, В.Л. Иноземцева, С.А. Леванского, Л.В. Сморгунова, Б.Г. Капустина, К.Э. Сорокина, И.И. Кравченко и других.

Другими словами, плюрализм можно определить как принцип, согласно которому на каждый вопрос допускается несколько взаимоисключающих друг друга ответов. Такой подход представлен в трудах В.Ф. Шаповалова, В.А. Лекторского, П.А. Рачого, Г.В. Платонова, Л.Г. Червонной, Г.С. Батищева, М.Г. Зеленцовой, Е.Т. Бородина, Ю. Осипова, С. Макарова, Б. Ракитского, В. Радаева и других. Оправданием существования плюрализма как онтологического основания бытия личности служит то обстоятельство, что в основе каждого из таких ответов лежит свой особый способ существования, истоки которого теряются в глубинах бытия и истории. Плюрализм на уровне определенного бытия проявляется в множественности жизненных практик и связанных с ними символических форм, в многочисленности образов мира, культурных и поведенческих различий. Окружающий нас мир не обладает, согласно плюралистическому мировоззрению, изначальной заданностью. Тем самым плюрализм свидетельствует о внешнем и случайном характере связей, существующих в мире. У. Джемс считал, что плюрализму изначально присущ компромисс, поэтому он более демократичен, чем монизм: «Плюралистический мир более похож на федеративную республику, чем на империю или королевство. Сколько бы фактов вы ни собрали воедино, сколько бы элементов вы ни соотнесли к какому-нибудь действительному центру сознания или действия, всегда останутся такие, которые сохраняют свою автономию и не сводятся к единству» [7, 178]. Плюрализм как явление приобретает все более объемный характер, преодолевая границы сравнительно узкого политико-правового статуса и претендует на внимание широкого круга социально-гуманитарных наук.

Своеобразной попыткой обобщения существующих подходов к определению плюрализма и стимулом к его дальнейшему использованию является создание теории плюрализма. Отдельные исследователи понимают под ней теорию «сосуществования множества отдельных единиц, которые сосуществуют независимо от целого и лишь внешним образом включаются в его порядок» [8, 45]. При анализе понятия «плюрализм» зарубежные исследователи выделяют в его понимании два аспекта. Первый аспект

признает существование одной реальности и многих попыток ее познания. «Реальность одна, – констатирует Р. Рорти, американский философ-прагматист, – описаний ее множество» [7, 178]. Согласно второму подходу, наблюдается множественность миров, то есть плюрализм как парадигма, признающая в той или иной форме, с той или иной степенью откровенности онтологическое многообразие «начал» мира, многообразие миров в универсуме [1, 6].

В современном обществе ни одна сфера человеческой жизнедеятельности не лишена плюрализма. Поэтому есть смысл говорить о культурном, политическом, экономическом, религиозном и иных видах данного феномена. Для социально-философского понимания особенно ценным является понимание особенностей социального и культурного плюрализма.

Социальный плюрализм определяется в широком смысле как многообразие форм совместного бытия людей и в узком – как гибкая форма социальной организации, обеспечивающая стабильное равноправное сосуществование различных модусов общественного и индивидуального бытия посредством социальной коммуникации [3, 163]. Такое понимание плюрализма предполагает множественность субъектов и социальных институтов, то есть структур, созданных субъектами и определяющих их активность. Социальный плюрализм – это реальное состояние совместного бытия людей. В современном обществе он представлен по меньшей мере двумя формами многообразия: совокупностью ассоциаций (гражданским обществом) и дифференцированными подсистемами общества (экономикой, политикой, культурой, образованием и т.д.), которые выполняют базовые для социального целого функции [5, 168]. Педагоги, например, самым важным считают образование и воспитание, юристы – право, богословы – религию и т.п. Особенностью дифференцированных подсистем является то, что на современном этапе они все стремятся оптимизировать решение своих проблем путем возрастающего самообособления [6, 168].

В споре о плюрализме, как правило, акцент делается на его близость западному мироощущению. Однако, как отмечает Г.И. Мирский, во всех цивилизованных обществах имеются основания для развития социального плюрализма. Отказывать незападным обществам в праве на обретение этих ценностей под предлогом наличия у них особого менталитета означает не что иное как проявление пренебрежения к ним [10, 136-144]. Что же касается религиозных корней плюрализма, то наиболее верной представляется точка зрения А.М. Салмина, согласно которой многообразие социальных и политических институтов является «результатом исторически длительного развития христианства в конкретной западной культуре» [12, 52]. Другими словами, говоря об основаниях и предпосылках формирования системы плюрализма, необходимо учитывать целую систему факторов, в том числе особенности этнического развития, исторической судьбы, которые очень разнообразны и

в каждой культуре свои.

Следует отметить, что плюрализм является атрибутом практически всех форм социальной организации. В результате исторического прогресса наблюдается тенденция усложнения общественного устройства на всех последующих этапах его развития: от разложения первобытного коллектива до становления цивилизованного общества. Разделение труда, появление частной собственности, усиление социального неравенства формирует фундамент плюрализма как способа организации социального бытия. Анализ философских текстов позволяет нам выделить три последовательно сменяющих друг друга модуса в его развитии [4, 166].

Сословный плюрализм. Основы данной модели социального устройства заложил Платон в диалоге «Государство», где он одним из первых поставил вопрос о гармоничном существовании в одном государстве людей, обладающих различными качествами. Сословный плюрализм Платона означает такой способ социальной организации, при котором индивид обретает свои права только в качестве члена той или иной общности и сословия, а единство государства формируется правителями с помощью корпоративных, моральных и религиозных норм и согласованности различных социальных сил и видов деятельности. Идея сословного плюрализма получает дальнейшее развитие в социально-политических доктринах Нового времени (Дж. Локк, Д. Юм, Ш. Монтескье). Здесь плюрализм дополняется идеей юридически обоснованной деятельности социальных общностей и пониманием социального разделения как средства поддержания баланса основных сил общества. Но наиболее полного расцвета сословный плюрализм достиг в трудах Г.В. Ф. Гегеля. Его существенным вкладом в концепцию явилось признание активного воздействия крупных сословий на государство, которое уже основано на принципе свободы индивидуальной жизни.

Индивидуалистический плюрализм был разработан мыслителями Нового времени и Просвещения (Дж. Локк, Д. Юм, И. Бентам, Дж. Ст. Милль). В их теориях онтологическим основанием бытия личности является индивидуализм, который совмещен с социально-политической доктриной либерализма. Согласно данной модели, происходит формирование многосторонности отношений между личностью и государством. Очевидные для современного человека свободы, права и обязанности приобретают институционализированную форму. Достоинством данной модели социального устройства является формирование нового типа отношений человека и общностей, индивида и государства. Более того, индивидуалистическая форма плюрализма представила гибкую модель социальной организации, основанную на внутреннем механизме принуждения экономическими условиями, что дало обществу возможность самоорганизовываться.

К началу 20 века с развитием партийной органи-

зации политической жизни либеральная мысль пришла к осмыслению проблем общностей. Постепенно сложилось устойчивое представление о государстве как о сообществе ассоциаций. Показательно, что такие феномены, как политический, религиозный, культурный плюрализм, являют собой реальность 20 века. Постиндустриальная цивилизация совместила сословный и индивидуалистический плюрализм, представив их в системной форме – **системный плюрализм**. Классические модели плюрализма, по сути, являются выражением двух главных тенденций социальной мысли – коллективистской и индивидуалистской. Осознание специфики современного общества требует от нас его понимания как суперсистемы, развитие и функционирование которой зависит от баланса этих двух тенденций. Таким образом, системный плюрализм рассматривается нами как реальный выход из исторического спора коллективизма и индивидуализма, как «третий структурообразующий принцип» [2, 65-77].

Таким образом, концепция плюрализма явилась результатом длительного идеологического и социально-политического развития. Описанные ранее этапы складываются и функционируют в различных формационных, цивилизационных и социокультурных условиях, что отражает объективный исторический характер плюрализма. Осознание многообразия социальной действительности ведет к подрыву тезиса о том, что европейская культура и цивилизация являются парадигмой для всего человечества. Современные мировые конфликты свидетельствуют, что демократия не утвердилась во многих странах, развивающих свои, альтернативные демократии формы государственности. Еще А. Тойнби писал, что «тезис об унификации мира на базе западной экономической системы как закономерного итога единого и неудержимого процесса развития человеческой истории приводит к грубейшему искажению фактов и к поразительному сужению исторического кругозора» [13].

Поскольку проблема социального плюрализма восходит к общей философской проблеме целостности социального и культурного бытия, можно говорить о существовании такого феномена, как «социокультурный плюрализм», охватывающего особенности функционирования культуры и социума, их взаимное влияние. Главная теоретическая и практическая проблема, ассоциируемая с плюрализмом, состоит не в том, насколько правомерны утверждения о множестве жизненных и дискурсивных практик, а в том, насколько значительны различия, лежащие в основе этого множества. Убедительный ответ на эти вопросы дает исследование истоков современного социокультурного плюрализма, предпринятое М. Вебером в работах по хозяйственной этике мировых религий. Ученый показал, что попытка обосновать единство мира на основе принципа рациональности привела к противоположным результатам: рациональность во всех культурах выступает

в качестве средства оправдания фундаментальных специфических ценностей определенной культуры. Все люди являются не столько равными, сколько разными, ибо их образ жизни, когнитивные структуры, политика и экономика базируются на метафизических и исторических ценностях, характерных только для определенных локальных культурных групп. Рациональность выступает лишь в качестве средства, с помощью которого эти ценности эксплицируются в мире, но облик этого мира зависит от характера ценностей, а не от структур рациональности. Именно поэтому мы и имеем в итоге разнородную социокультурную реальность, делающую невозможной социальное единство.

Необходимость анализа понятия «социокультурный плюрализм» связана с его неопределенностью, «размытостью». Эпоха, в которой мы живем, характеризуется глобальными изменениями самой структуры жизненного мира, где для каждого человека единственным способом сохранения своей целостности является принадлежность к своей самобытной культуре, что предполагает наличие в современных условиях такого феномена, как культурный плюрализм. В настоящее время появилось множество работ, посвященных культурному плюрализму. Он находится в центре внимания таких современных российских исследователей, как И.А. Василенко, Ф.Х. Кессиди, Н.И. Петякшева, Ю.В. Яковец, В.И. Дианова, П.А. Цыганков, М.Г. Алиев, М.С. Джунусов, Е.Н. Шапинская, Л. Низамова, И.С. Семененко и других. Они рассматривают актуальные проблемы взаимодействия культур, культурной коммуникации, толерантности, конфликта культурных ценностей и т.п. Однако в понимании плюрализма ученые ограничиваются констатацией факта существования множества культурных явлений, претендующих на собственное признание.

Из имеющихся различий культурные различия представляются наиболее глубокими. Вторжение и неприязнь к ценностям со стороны представителей других культур рассматривается как покушение на самое сокровенное и святое, что может быть у людей, – их право быть самими собой, не такими, как все. В отношении культур невозможны оценочные суждения: немецкая культура не может быть лучше или хуже французской, они – разные. Именно поэтому религиозные и этнические конфликты являются самыми жестокими, бессмысленными и неконструктивными, так как ни одна из сторон не может поступиться своими принципами, рассматривая их как смысл своего существования. И дело не в самих культурных ценностях, а в том, что они прямо связаны с распределением жизненных благ внутри одного социального пространства, то есть влияют на характер справедливости.

Не существует никаких причин утверждать, что моральные принципы, которые люди обрели вместе со своей культурой, должны иметь значение и для других культур. Культурный плюрализм не призна-

ет внешних критериев для облегчения выбора между той или иной ценностью, а исходит из того, что, только находясь «внутри» культуры, люди в состоянии выбирать между конкурирующими ценностными представлениями, опираясь на господствующие в этой культуре коллективные убеждения. На сегодняшний день культурный плюрализм имеет статус онтологического плюрализма. Р. Инглеарт объясняет усиление роли культур в современном мире тем, что повышение риска, рост насилия и в целом возрастание опасности актуализируют потребность людей в абсолютах. Когда человек постоянно живет в состоянии сильного стресса, ему необходимы жесткие, понятные в своей логике правила, роль которых выполняют культурные нормы [9,258].

Таким образом, проблема социального плюрализма заключается не просто в поиске целостности социального бытия, а ставит вопрос об оптимизации совместной жизни людей, обладающих различными взглядами на мир, идеалами, религиозными убеждениями, ценностными ориентациями. Другими словами, плюрализм направлен на достижение социального порядка. Оптимальный с точки зрения плюрализма порядок характеризуется умеренной конкуренцией, гибким регулированием, препятствующим проявлению творческой инициативы каждого человека, независимо от его расовой, этнической, религиозной принадлежности. Единство социального бытия нуждается в постоянной поддержке и контроле таких факторов, ослабление действия которых может повлечь за собой социальную дезинтеграцию. В этом смысле проблема целостности социального бытия всегда актуальна, особенно в условиях невиданного роста социального и культурного многообразия, когда высокая мобильность современного мира, появление новых культурных форм постоянно меняет его формы и содержание. Несмотря на то, что сегодня все заметнее становится социокультурный характер плюрализма как реального феномена и понятия, в его определении все еще доминируют политико-правовые и философско-методологические оттенки. Особый смысл и актуальность плюрализм приобретает на фоне многочисленных конфликтов современности, поскольку может служить эффективным способом их регулирования и разрешения. В современных условиях социальный плюрализм – интенсивная стратегия выживания человека. Умение жить вместе, уважение к чужим интересам и жизненным стандартам, особенностям культуры, традициям, обычаям, готовность искать компромиссы – это главные постулаты социокультурного плюрализма.

Библиографический список

1. *Боррадори Дж.* Американский философ: беседы с Куайном и др. М., 1999. С. 6.
2. *Гречко П.* Подводные рифы плюрализма. Свободная мысль. 1997. № 5. С. 65-77.
3. *Громова Е.А.* Истоки и формы бытия плюрализма в современной социальной реальности. Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. № 55. С.163.
4. Там же. С. 166.
5. Там же. С. 168.
6. Там же.
7. *Джеме У.* Вселенная с плюралистической точки зрения М., 1911. С.178.
8. *Зандкюлер Х.Й.* Демократия, всеобщность права и реальный плюрализм. Вопросы философии. 1999. № 2. С.45.
9. *Инглегарт Р.* Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 258.
10. *Мирский Г.И.* Авторитаризм и демократия: две модели? Полис 1996. № 6. С. 136-144.
11. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы [Электронный ресурс]:
12. Перевод с английского В.В. Целищева / R. Rorty. Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton, 1979: [сайт]. Новосибирск, 1998. - Режим доступа: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/R/RORTI_Richard/_Rorti_R..html, свободный. – Загл. с экрана.
13. *Салмин А.М.* Современная демократия: генезис, структура, культурные конфликты: (опыт Франции в сравнительной ретроспективе). М., 1992. С.52.
14. *Тойнби А.* Постижение истории [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://lib.ru/HISTORY/TOYNBEE/history.txt>, свободный. – Загл. с экрана.
15. *Червонная Л.Г.* Плюрализм в социально-гуманитарном познании. ОНС. 2002. № 2. С.129.

References

1. *Borradori J.* American philosopher: conversations with Quine and others. M., 1999. P. 6.
 2. *Grechko P.* Reefs of pluralism // Free Thought. 1997. - № 5. - Pp. 65-77.
 3. *Gromov E.A.* Sources and forms of existence of pluralism in modern practice // Bulletin of Stavropol State University. 2008. - № 55. - P.163.
 4. Ibid. P. 166.
 5. Ibid. P. 168.
 6. Ibid.
 7. *Jam W.* The universe with plural terms, 1911. – P.178.
 8. *Zandkyuler H.J.* Democracy, the universality of rights and real pluralism // Problems of Philosophy. 1999. № 2. P.45.
 9. *Inglegart R.* The cultural shift in the mature industrial society // The new wave of post-industrial West. Anthology. M., 1999. - P. 258.
 10. *Mirsky G.* Authoritarianism and Democracy: two models? //Polis – 1996. № 6. – Pp. 136-144.
 11. *Rorty R.* Philosophy and the Mirror of Nature [electronic resource].
 12. Translation from English V.V. Tselishcheva / R. Rorty. Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton, 1979: [site]. - Novosibirsk, 1998. - Mode of access: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/R/RORTI_Richard/_Rorti_R..html, free. - Caps. from the screen.
 13. *Salmin A.M.* Modern democracy: the genesis, structure, cultural conflicts (the French experience in a comparative retrospective). M., 1992. - P.52.
 14. *Toynbee A.* Study of History [electronic resource]: [site]. Access mode: <http://lib.ru/HISTORY/TOYNBEE/history.txt>, free. - Caps. from the screen.
 15. *Hearts L.G.* Pluralism in the social and human cognition. //ONS. 2002. № 2. P.129.
-

В.В. КИМ

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета
E-mail: vkv-victory@mail.ru

V.V. KIM

candidate of philosophical sciences, associate professor of Philosophy and Social-political science, Amur State University of Humanities and Pedagogy
E-mail: vkv-victory@mail.ru

РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И ПРОФИЛАКТИКА ФАНАТИЗМА

THE DEVELOPMENT OF CRITICAL THINKING AND PREVENTION OF FANATISM

В статье предлагается анализ проблемы развития критического мышления в «Философии для детей» и возможность ее применения в профилактике фанатизма. Рассматриваются идеология и образование как механизмы формирования фанатичной личности; философские концепции, затрагивающие вопросы необходимости развития самостоятельного критического мышления людей. Определяются характеристики критического мышления, которые могут способствовать профилактике фанатизма в современном обществе. В результате автор приходит к выводу, что развитие детского философствования является путем снижения экстремизма и фанатизма в обществе.

Ключевые слова: философия для детей, критическое мышление, фанатизм, экстремизм, профилактика фанатизма.

This article presents an analysis of the problems of the development of critical thinking in “Philosophy for Children” and the possibilities of using it in the prevention of fanaticism. The ideology and education are considered as mechanisms of formation of a fanatical personality; philosophical conceptions involving issues of necessity of the development independent critical thinking of people. Characteristics of critical thinking that may help to prevent fanaticism in a contemporary society are determined here. As a result, the author comes to a conclusion that the development of children’s philosophizing is a way of reducing extremism and fanaticism in the society.

Keywords: philosophy for Children, critical thinking, fanaticism, extremism, prevention of fanaticism

Современное общество представляет собой мир, в котором сосуществуют и противопоставляются различные идеологии, в нем есть место и для радикальных, и для консервативных представлений. В общественном сознании идеологии рассматриваются как системы идей, активно влияющих на общество с помощью различных механизмов, одним из которых является школьное образование. К тому же формирование сознания молодежи является важной стратегической задачей любого государства. Однако здесь возникает проблема: как соотносить в одном обществе интересы государства и личности, как соблюсти меру в идеологическом воздействии, не допуская производства фанатизма?

Идеология как часть мировоззрения человека представляет собой закономерный и необходимый элемент человеческого мышления. Сознанию человека свойственно стремиться к цельности, а иногда и к доминированию, абсолютизированию. Здесь одним из механизмов является догматизация сознания, при котором недоказуемые положения принимаются на веру и подкрепляются ссылками на авторитеты. Процесс воспитания исторически связан с формированием и формулированием правил, норм, многие из них становятся фактически догмами в сознании подрастающих, которые играют, в первую очередь, охра-

нительную функцию. Таким образом, образование оказывает определяющую роль в развитии сознания. А потом – когда ребенок становится старше и самостоятельнее – им предпринимаются попытки мыслить независимо, без опоры на авторитеты.

Образование представляется как механизм воспроизводства общества и культуры, его целью называют трансформацию личности, которая позволит ей быть успешной в наличной культурной среде. При этом оно с одинаковым успехом используется как в развитии независимой, критически мыслящей личности, так и в формировании зависимого человека – фанатика. Потенциал образования в воспитании фанатиков не стоит недооценивать. Да, фанатик – человек, посвятивший свою жизнь и сознание одной ведущей идее, однако часто в процессе фанатизации индивида большую роль играют технологии образования и воспитания, которые соединяются с механизмами психологического манипулирования.

Так, например, является очень тонкой грань между патриотизмом и национализмом, которые могут стать идеологией экстремистов и террористов. Большую роль в формировании патриотов играет система образования, где особое внимание уделяется школе как институту идеологического воздействия на умы подрастающих поколений. Ярким примером

является Япония, где начиная с детского сада (примерно с 3 лет) ребенок помещается в особую среду, культивирующую все значимые элементы идеологии патриотизма (национализма), соединенной с ценностями группы. Результатом такого воспитательного процесса является патриотичная личность, абсолютно уверенная в том, что принадлежит к одному из лучших народов и государств [6]. Так называемый «здоровый патриотизм» (в данном случае японский национализм, этноцентризм) является отправной точкой в сознании гражданина. При этом в случае внешней или внутренней угрозы «продукт» такого воспитания активно отстаивает интересы своего народа, государства, становится националистом, фанатиком.

Многочисленные базы по подготовке экстремистов и террористов используют те же самые методики. Абсолютная верность идее, группе, догматизация сознания, низкий уровень самостоятельности мышления, готовность принести свою жизнь на «алтарь» группы и идеи идентифицируют таких людей как фанатиков. Большую роль в этом играют средневековые педагогические приемы, когда основным методом научения было зазубривание истин, а малейшая попытка рефлексии пресекалась. Громкое совместное чтение религиозных текстов (например, Библии, писаний святых отцов и т.д.) заменяло обучение или, точнее, составляло суть обучения в средние века. Истина была уже известна, она представляла собой абсолютную ценность, поэтому у большинства людей не возникало никакой потребности в дальнейшем познании. Предвзятости, предубеждения, стереотипы были неотъемлемой «частью» воспитания, их культивирование поощрялось. Важными для неопитов были авторитеты, являющиеся образцами поведения, мыслей и т.п. Однако и в настоящее время данные приемы и методы составляют технологию формирования фанатизма и догматизма.

В истории человечества были примеры, когда для воспитания фанатика применялись образовательные методики, связанные с методами идеологического и психологического воздействия на индивида. В XI веке на территории Персии (современный Иран) начинает действовать орден убийц (ассасины), основателем которого был Гасан ибн Сабах. Рядовые последователи ордена – федави – воспитывались в горах, оторванные от семьи, в духе абсолютного повиновения Учителю. Федави объяснялось, что смерть по воле шейха – это высший подвиг, что главный смысл существования – служение Аллаху, что принесение жертвы в его честь – счастье. Появление ассасинов, камикадзе и других фанатиков является результатом манипулирования сознанием, соединенного с низкими уровнями самостоятельности мышления, образования и научной картины мира, которая может вообще отсутствовать. Их отличает религиозность и/или мифологичность сознания, у них формируется специфическая картина мира, мировоззрение, в котором определяющим становится фанатизм. Ведущими мо-

тивами экстремистской деятельности, основанной на фанатизме, становятся: романтизм, высшие идеалы, благо всего человечества или социальной группы, отдаленное прекрасное будущее, жертвенность. Как говорил О. Розеншток-Хюсси: «На принесение жизни в жертву нужно отважиться. Ибо лишь тот, кто умирает за свой образ жизни, делает этот образ жизни бессмертным» [4, с. 33]. Фанатик идентифицирует себя в качестве героя и спасителя жертвы, что дает ему дополнительный стимул и смысл жизни. Еще одной мощной мотивацией фанатичного поведения является долг, который вкупе с верностью, преданностью Учителю заставляет приносить свою жизнь на благо ведущей идее.

В настоящее время процессы реформирования системы образования, делающей упор на узкую специализацию человека, в отличие от классического универсального образования, в сочетании с современным кризисом духовности создали почву для дезориентации сознания подрастающих поколений. Личностная гражданственная идентификация чаще всего происходит не в рамках официально признанных теоретических систем, то есть в школе как образовательном учреждении, а в виртуальном пространстве сети Интернет, где растерянному, колеблющемуся подростку (юноше), ищущему смысл жизни и определяющему меру активности своей социальной позиции предлагается огромное количество сайтов экстремистского толка. Последние интерпретируют информацию в нужном ключе и предлагают ее ищущим. В чем же заключается привлекательность экстремистских идей для молодежи? Простота и доступность данных сайтов притягивает так же, как и возможность получить готовые цели и смыслы жизни, теперь подростку не нужно задумываться над мировоззренческими проблемами. К тому же готовые рецепты для жизни соединяются в экстремистских организациях с активностью в достижении цели, своеобразным служением – что тоже романтично, в итоге формируется фанатик, готовый умереть, чтобы доказать, например, истинность своих представлений и веры, тем самым абсолютизировать себя. Таким образом, идеологическое воздействие, соединенное с образованием, может стать благоприятной почвой для развития фанатизма.

Самые распространенные характеристики, которые упоминаются при анализе фанатизма, – вера, преданность, догматизм. Сознание человека живет исходя из одного смысла: фанатической ценности, веры, идеи. Именно это говорит о необходимости введения профилактических мероприятий в обществе. Ведь когда человек стал фанатиком, его трудно вернуть в обычное независимое состояние. Здесь возникает проблема депрограммирования сознания, действующее огромное количество данных разнообразных программ, к сожалению, не так эффективно. В результате получается либо ломка и формирование чувства вины, комплексов у бывшего фанатика, либо возвращение в фанатизм как возврат к цельности

духа, души и тела, что позволяет вновь обрести себя человеку. Поэтому наиболее продуктивным будет не реакция на существующие проблемы в виде депрограммирования, а попытка решить их до момента возникновения с помощью профилактики. И тогда развитие критического мышления и т.п. будет своеобразной «прививкой» от фанатизма.

Задачей современного образовательного процесса является формирование всесторонне развитой личности, обладающей широкими познаниями и умениями во многих сферах человеческого существования. Формальные этапы в процессе обучения, которые проходит человек, говорят нам статистические данные о наборе информации, усваиваемом школьником, но практически ничего не говорят нам о развитии мышления личности, о том, насколько его ум независим и может сопротивляться социальному давлению. Именно эта проблема была в центре внимания некоторых философов XX века. К тому же эксплуатация предрассудков, стереотипов, предубеждений в средствах массовой информации, идеологиях и разных социальных организациях приводит к появлению фанатических настроений в обществе, что говорит о необходимости и актуальности анализа образовательных методик, позволяющих сформировать независимое, критическое, рациональное (разумное) мышление, позволяющее избежать догматизации сознания, а значит и фанатизма.

В связи с этим возникают вопросы: что можно сделать, чтобы не допустить фанатизации общества и что может «защитить» разум от предрассудков? Еще в античности данный вопрос изначально ставился в рамках гносеологии. Звучал он следующим образом: что такое истина и как ее достичь? Сократ призывал мыслящих не доверять, не полагаться на авторитеты, майевтика и сократическая ирония служили достаточно эффективным способом продвижения к истине. Постепенно в истории философии формировалось представление о том, что истина является процессом, а не раз и навсегда данным знанием. Фр. Бэкон и Р. Декарт обратились к вопросу о том, что мешает познающему субъекту получить истинное знание? Ответ крылся в заблуждениях (или идолах у Бэкона), мешающих субъекту в движении к истине, поэтому от них нужно было избавиться.

В середине XX века постановка вопроса была несколько видоизменена. Истина так и осталась целью познания, однако теперь больше усилий сосредоточили на характеристиках мышления, способного эту истину получить. Здесь одной из причин обращения к такой постановке вопроса стали результаты исследования авторитарной личности Франкфуртской школы (Т. Адорно и др.), которые гласили, что феномен авторитарной личности наряду с другими причинами был связан с отсутствием самостоятельного мышления. Впоследствии, с 1970 гг., в разных странах мыслители стали говорить о необходимости введения философского обучения для детей (в первую очередь логики и этики), поскольку именно оно

улучшает качество мышления, способствует успешности усвоения всех школьных дисциплин.

Известный испанский философ Х. Ортега-и-Гассет («Человек и люди» 1948 г.) писал, что мышление – это работа человека, уделом которого является сомнение [3, с. 490-493]. С его точки зрения, человек обречен на мышление, уровень самостоятельности которого можно считать своеобразным критерием, свидетельствующим о потенциальной близости сознания к фанатизму и экстремизму. При этом, конечно, не ставится знак равенства между отсутствием самостоятельного мышления и фанатизмом с экстремизмом. Не размышляющий человек, не самостоятельный человек уверен в одном, в этом его сила, но в этом же и его слабость, продолжает развивать свою мысль философ, придя к выводу: без самостоятельного мышления нельзя избавить личность от экстремизма и фанатизма. Тогда закономерным следствием является потребность общества в философском образовании, в том, что люди должны учиться мыслить, именно это приведет не только к развитию независимого критического мышления, но и к формированию терпимости и моральных качеств личности.

Другой автор – Э.В. Ильенков в 1960-70 гг. написал ряд работ, посвященных образованию подрастающих поколений, в первую очередь, обращая внимание на проблемы развития мышления учащихся («Школа должна учить мыслить», «Учитесь мыслить смолоду» и другие). Он считал, что философию можно рассматривать как духовную потребность, потребность для ума. Мыслитель исходит из понятия духовного здоровья, помогающего личности выжить в стремительном потоке информации. Ум рассматривается как «способность выносить суждение о единичном факте с высоты усвоенной тобою общей культуры», таким образом, ум – результат социально-исторического развития человека. Ильенков задает вопрос: что способствует развитию ума? И отвечает, что этому не способствует зазубривание истин: «Ум надо воспитывать так, чтобы противоречие служило ... толчком к самостоятельной работе, к самостоятельному рассмотрению вещи. Культура спора, культура дискуссии, имеющая своей целью выяснение объективной, каждый раз конкретной истины... – это очень трудно усваиваемая культура. ... А самокритичность – это синоним самостоятельности мышления. Без нее твой ум навсегда останется зависимым от чужого ума, от другого человека... догматик зазубривает готовые истины... при встрече с противоречиями жизни догматик, не справившись, становится скептиком... догматик упорствует, видя одну истину, отвергая другую» [1]. Выходом здесь является диалектика мышления, под которой, в частности, подразумевается критическое отношение ко всему, даже к уже усвоенным истинам. Именно поэтому Ильенков призывает к возвращению начал философии, логики, этики в школы, которые систематизируют ум, создав возможность не только для развития самостоятельного независимого мышления, но и для

открытого к критике разума. Диалектика мышления как специфическая логика человеческого мышления воспитываться должна, по мнению мыслителя, с детства, иначе будет уже поздно.

М. Липман, основатель нового философского направления «Философия для детей» (США, 1970 гг.), пришел к необходимости введения философского школьного образования в связи с попыткой осмыслить уроки вьетнамской войны и других социальных проблем. Он «ужаснулся качеством аргументации, которые высказывали хорошо образованные граждане». Эти факты заставили Липмана обратиться к философии, к ее эвристическому и нравственному потенциалу, который может помочь личности обрести навыки критического мышления, способного адекватно реагировать на критику, терпимо относиться к окружающим людям. Программа «Философии для детей» направлена на формирование мышления у детей, включающего в себя множество характеристик: от овладения логическими процедурами до навыков саморазвития личности. В настоящее время данная программа широко распространилась по всему миру, появились Международная и региональные организации «Философия для детей», объединяющие мыслителей, преподавателей, практиков и детей с целью философского просвещения.

Под критическим мышлением понимается разумное отражающее мышление, ориентированное на принятие решения во что верить или что делать [2]. Оно характеризуется целеустремленностью, саморегуляцией, интерпретацией, анализом, выводами, логическими критериями, желанием найти истину, поиском информации, разумным выбором критериев, комплексом вопросов, достижением результата; в итоге появляется любознательный разум, хорошо информированный, открытый, гибкий, справедливый в оценке, честный без предубеждений. На сайте «Philosophy for children Alberta» указаны многочисленные навыки и знания, которые может развить в личности реализация программы «Философия для детей»: когнитивные навыки, оценивание доводов и аргументов, изучение и анализ концепций, опора на выводы, определение основных предположений и допущений, определение различий, определение связей, выявление заблуждений, анализ обобщений, формулирование вопросов, уточнение идеи, построение аргументов, уточнение и изменение аргументов в ответ на критику, осознание теоретических и практических последствий, поиск примеров (приведение) и контрпримеров, поиск аналогий и контрпримеров, видение широких перспектив, разработка и тестирование критериев, последовательность во всем, придерживаться точки зрения, самостоятельная коррекция (представлений, знаний, убеждений), навыки кооперации (совместной деятельности), слышать других, открытое мышление, изменение отношений к другим и с другими людьми, опора на идеи других, уверенность в самовыражении, быть готовым предложить критику, быть готовым принимать и отвечать

на критику, стать совершеннее (развиваться), оценивать обоснованность, разработка интеллектуального мужества [7].

«Философия для детей» начинается с естественного для ребенка удивления и любознательности. Для этой программы, по мнению авторов и энтузиастов-практиков, нет возрастных и интеллектуальных ограничений. Истина достигается в процессе совместного поиска усилиями взрослых и детей, здесь нет неправильных ответов, главным считается «движение» мысли, аргументация учащегося. В профилактике фанатизма становятся важными вопросы, не только касающиеся критического мышления, диалога и спора, но и того, что философские занятия помогают взглянуть на собеседника или оппонента другими глазами, изменить взгляд на человека, к которому ранее относился с предубеждением. Умение слышать другого не менее значимо, ведь фанатизм, наделяя человека абсолютной верой и уверенностью в своих представлениях, делает его тем, кто не слышит никого, кроме самого себя. Тем более что фанатик не может быть толерантен – ведь толерантность означает и примирение с иной точкой зрения, что невозможно. Философия как часть детского образования (в любой форме) способствует тому, что человек видит не единственный вариант решения задачи или проблемы, а множество, его мышление становится гибким, в отличие от однонаправленного мышления фанатика. К тому же человек, ставший частью экстремистской организации и находящийся под влиянием руководителя – учителя, не может обладать самостоятельным мышлением, а философствование предполагает развитие навыков независимого критического мышления.

Важную часть «Философии для детей» представляет этика, точнее знакомство учащихся с этическими категориями, анализ морально-нравственных ситуаций, не дающих однозначного вывода или решения. Дети, занимающиеся по программе, обсуждают важные мировоззренческие вопросы: что такое добро, зло, справедливость, мужество и т.д. И здесь значим даже не сам факт того, что дети узнают значения этих понятий, а то, что они «пропускают» их через себя, предлагают свои формулировки, превращая их тем самым в часть своего нравственного «багажа», что они задумываются над моральными проблемами.

Что же в этих теориях обладает наибольшим потенциалом в формировании независимой, критически мыслящей личности? Опыт работы «Философии для детей» во многих странах мира показал, что достигнуты результаты, которые можно использовать в профилактике фанатизма. Это важно также в связи с тем, что методы депрограммирования сознания, применяемые в антикультовой практике, не всегда успешны. Самостоятельное мышление, рефлексия и уважение к чужому мнению способствуют развитию антидогматизма. В центре методики «Философии для детей» находится возможность проанализиро-

вать ситуации (предлагаемые для обсуждения) с нескольких сторон, что позволяет не допустить односторонности оценок (которые могут привести к догматизму). Таким образом, практическое внедрение «Философии для детей» дает возможность учитывать множественность факторов в анализе. Важны для профилактики фанатизма следующие характеристики критического мышления, которые могут быть достигнуты в процессе философствования: умение слышать других, быть готовым принимать и отвечать на критику, открытое мышление, изменение отношения к другим людям, выявление заблуждений, осознание теоретических и практических последствий, видение широких перспектив и т.д. В итоге получается любознательный разум, открытый, гибкий, справедливый в оценке, честный без предубеждений.

Вот это детское философствование, обсуждение предоставленных ситуаций сквозь призму собствен-

ного опыта и знаний, соединенное с творчеством, дает возможность получить независимую личность, которая вряд ли сможет стать фанатиком. Именно поэтому программа «Философия для детей» может применяться в профилактике фанатизма, ведь своеобразной «защитой» сознания от него будет устойчивая привычка к критическому мышлению. Упорное следование вере и сверхценной ведущей идее в фанатизме сменяется в «Философии для детей» на свободное следование собственным убеждениям, уважение к иному мнению, терпимость, поэтому развитие детского философствования может способствовать снижению фанатизма в обществе. Таким образом, своеобразной «защитой» сознания от фанатизма будет сочетание навыков критического самостоятельного мышления и терпимости, достигаемые в «Философии для детей».

Библиографический список

1. Ильенков Э.В. Учитесь мыслить смолоду, М., 1977. [Электронный ресурс] // Э.В. Ильенков. Школа должна учить мыслить [сайт]. – Режим доступа: www.koob.ru/ilenkov/uchites_mislit, свободный. – Загл. с экрана.
2. Институт по развитию «Философии для детей» [Электронный ресурс]: [сайт]. – Режим доступа: <http://cens.montclair.edu/academic/iaps>, свободный. – Загл. с экрана.
3. Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., Весь мир, 2000. С. 480-698.
4. Розеншток-Хюсси О. «Идет дождь», или Язык стоит на голове. Розеншток-Хюсси О. Бог заставляет нас говорить. М., 1998.
5. Философия для детей [Электронный ресурс]: [сайт]. – Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/entreis/children/>, свободный. – Загл. с экрана.
6. Цветов В.Я. Пятнадцатый камень сада Рёандзи. М., 1986. 302 с.
7. Philosophy for children Alberta [Электронный ресурс]: [сайт]. – Режим доступа: <http://www.ualberta.ca/~phil4c/>, свободный. – Загл. с экрана.

References

1. Ilyenkov E.V. Learn to think since youth, M., 1977. [Electronic resource] // E.V. Ilyenkov. School should teach thinking [site]. – Mode of access: www.koob.ru/ilenkov/uchites_mislit, free. – Caps. Screen
2. Institute for the Development of “Philosophy for Children” [electronic resource]: [site]. – Mode of access: <http://cens.montclair.edu/academic/iaps>, free. – Caps. Screen
3. Ortega-y-Gasset H. Man and people Selected Works. – M., Whole World, 2000. Pp. 480-698.
4. Rosenstock-Huessy O. “The rain is falling,” or the language stands on its head // O. Rosenstock-Huessy. God makes us speak. – M., 1998.
5. Philosophy for Children [electronic resource]: [site]. – Mode of access: <http://plato.stanford.edu/entreis/children/>, free. – Caps. Screen
6. Tsvetov V.Ya. The fifteenth stone of Ryoanji garden. – M., 1986. 302 p.
7. Philosophy for children Alberta [electronic resource]: [site]. – Mode of access: <http://www.ualberta.ca/~phil4c/>, free. – Caps. Screen

УДК 070.42(470.325)

UDC 070.42(470.325)

С.В. КРЮКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского государственного университета

E-mail: krukova@bsu.edu.ru

И.В. МИКУЛИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского государственного университета

E-mail: mikulina@bsu.edu.ru

S.V. KRYUKOVA

candidate of philological sciences, associate professor of communication studies, advertising and public relations
Belgorod State University

E-mail: krukova@bsu.edu.ru

I.V. MIKULINA

candidate of philological sciences, associate professor of communication studies, advertising and public relations
Belgorod State University

E-mail: mikulina@bsu.edu.ru

ИЗУЧЕНИЕ КАДРОВОГО СОСТАВА РЕДАКЦИЙ ПЕЧАТНЫХ СМИ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

THE STUDY OF PERSONNEL OF BELGOROD REGION MASS MEDIA EDITORIAL DESKS

В статье рассматриваются предпосылки и результаты социологического исследования кадрового состава редакций печатных средств массовой информации Белгородской области, соучредителями которых выступают органы региональной власти и органы местного самоуправления. Освещаются проблемы, выявленные в организационно-кадровой структуре редакций, а также проблемы, обусловленные социально-демографическими характеристиками редакционных коллективов.

Ключевые слова: региональные средства массовой информации, кадровый состав редакции, организационно-кадровая структура, социально-демографические характеристики.

The article deals with the background and results of sociological survey of the editorial stuff of the Belgorod region mass media which are co-founded by regional and local government bodies. The paper discusses the issues of organizational personnel structures of editorials, and social and demographical specifications of editorial stuff.

Keywords: regional mass media, editorial stuff, organizational and personnel structure, social and demographical specifications.

В настоящее время перед отечественной журналистикой стоят важные проблемы, обусловленные политическими и социально-экономическими процессами, которые переживало и переживает российское общество. Закон «О средствах массовой информации», принятый в 1991 году, положил начало рыночным отношениям в медиасфере. Средства массовой информации (СМИ) стали хозяйствующими субъектами; вместе с юридическим закреплением института учредительства появилось понятие «собственник». Превращение самих СМИ и создаваемого ими продукта в особого рода товар постепенно привело к переосмыслению их социальной роли в современном обществе и изменению их функций.

Сложное и многоаспектное образование – медиарынок – определяет степень информационного влияния и модели поведения участников рынка. Более 20 лет российские масс-медиа формируют рыночное пространство, ведут конкурентную борьбу, осваивают новые формы и способы ведения медиабизнеса. Некоторые редакционные коллективы успешно вписались в новые условия экономической среды. Большинство же современных российских

региональных печатных СМИ с трудом приспосабливаются к новым реалиям, перестают развиваться, постепенно сдают позиции, уступая рынок более гибким и энергично меняющимся конкурентам.

Географический срез медиарынка определяет наличие «зонтичной конкуренции» между масс-медиа различных групп. Так, общероссийские печатные издания конкурируют не только между собой, но и с мировыми газетами и журналами, а региональная пресса, в свою очередь, должна выдерживать «натиск» и тех и других. Понятно, что в данной ситуации особенно сложно приходится районным изданиям. Помимо конкуренции на рынке содержания, они должны быть конкурентоспособными на рынке рекламы и на рынке свободного времени, так как именно в этих аспектах потребитель делает свой выбор в пользу того или иного информационного продукта.

В настоящее время вектор развития редакций СМИ определяется ещё одной тенденцией. Сетевые технологии, основанные на мультимедийных технологиях, по образному выражению исследователей, «произвели революцию в системе традиционных

СМИ»¹ [5]. Это привело к появлению нового вида СМИ – сетевых, в числе которых представительства традиционных медийных структур, собственно сетевые структуры, а также их разновидности (сетевые журналы, газеты, ИА, порталы, списки рассылки и т.п.).

Кроме того, получившие широкое распространение независимые ресурсы в социальных сетях и блог-платформах, поддерживаемые самими интернет-пользователями, постепенно стали альтернативой информационному продукту традиционных СМИ. Так, среди интернет-пользователей, зарегистрированных в наиболее популярных социальных сетях «Одноклассники»² [11] и «ВКонтакте»³ [10], около 770 тысяч человек указали в своем аккаунте принадлежность к г. Белгороду.

В настоящее время совокупная аудитория белгородских пользователей социальной сети «ВКонтакте» превышает тиражи всех печатных СМИ, учрежденных региональными и муниципальными органами власти. По данным интернет-агентства «Сверхнова», еженедельное количество посещений жителями Белгородской области социальных сетей составляет: «Одноклассники» 200 тысяч человек, «ВКонтакте» – 150 тысяч человек. Среднестатистический белгородский владелец аккаунта проводит в социальных сетях от двух до четырёх часов в сутки. Таким образом, за последнее десятилетие произошли структурные изменения в системе и способах потребления населением информационных продуктов.

В условиях глобализации и конвергенции информационных процессов коллективам редакций региональных и муниципальных печатных СМИ необходимо менять привычную систему методов работы, иначе они рискуют окончательно утратить конкурентоспособность на информационном рынке.

Изменения в системе функционирования СМИ требуют пересмотра форм и методов подготовки журналистских кадров, корректировки списка их профессиональных компетенций в соответствии с запросами времени. В связи с этим представляется весьма актуальным выяснение того, что представляет собой кадровый состав современной редакции регионального печатного СМИ, каков его потенциал и перспективы развития. Решить эту важную задачу было призвано социологическое исследование «Кадровый паспорт редакции регионального печатного СМИ», проведенное по инициативе ОАУ «Институт региональной кадровой политики» Белгородской области.

Изучение кадрового состава редакций СМИ имеет свою историю в России и за рубежом.

В литературе отмечена как первое отечествен-

ное социолого-журналистское исследование работа Н.А. Добролюбова, изучавшего журнал «Собеседник любителей русского слова». Автор «впервые в отечественной науке о журналистике составил статистическую «карту», вобравшую в себя сведения о социальном положении, принадлежности к полу, местах проживания людей, писавших в журнал. Эти сведения подавались графическому изображению»⁴ [12].

В процессе социологического изучения профессиональной деятельности российских журналистов выделяется несколько этапов, что обусловлено процессами демократизации общества, разрушением тоталитарных систем. Первый этап наблюдался в послереволюционные 1920-е годы, второй пришелся на 1960-е (период хрущевской «оттепели»), третий – на 1990-е годы (послеперестроечное время, возникновение рыночных отношений).

Последний этап отмечен весьма интересными и значительными исследованиями в рамках комплексных проектов факультета журналистики МГУ «Перспективы развития телевидения и радиовещания» (1990) и «Перспективы развития местной прессы» (1991)⁵ [4, 7, 8]. Опросы проводились среди журналистов центрального и местного телевидения и радиовещания, местной прессы Ярославской области. Анкеты содержали вопросы, связанные с новыми, рыночными условиями существования СМИ: о феномене учредительства, экономическом положении редакций и формах собственности. Выяснялись политические ориентации журналистов, их суждения о степени профессиональной независимости и свободы; о программной политике, профилировании и типологии изданий, изменении ролей журналиста, возможностях работы с источниками информации.

В 1994 г. Фондом защиты гласности с помощью Фонда «Евразия» был осуществлен масштабный проект (руководители А.К. Симонов, В.Н. Вильчек, И.М. Дзялошинский). Для того чтобы сформировать портрет журналиста российской провинции, было опрошено 4500 читателей, зрителей, слушателей и более 1000 журналистов в восьми регионах⁶ [3]. В 1995 году участниками исследования проблем свободы доступа к информации стали более 1000 работников редакций. Это исследование повторялось в 1997, 2000 и 2002 гг. под руководством И.М. Дзялошинского⁷ [6, 9].

4 Таловов В. П. У истоков социолого-журналистских исследований. Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. 1993. №5. С. 32.

5 Журналист: Социологические и социопсихологические исследования / под ред. Л.Г. Свитич, А.А. Ширяевой. М. : Изд-во МГУ, 1994. 167 с.; Свитич Л.Г., Ширяева А.А. Журналист новой прессы: типологические характеристики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1994. № 3. с. 3-13.; Свитич Л.Г., Ширяева А.А. Журналист местной прессы и перспективы ее развития. Журналист: Социологические и социопсихологические исследования. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 75-92.

6 Журналист и журналистика российской провинции: Опыт исследования. М. : Начала-Пресс, 1995. 170 с.

7 Российская журналистика: свобода доступа к информации: Сост. И.М. Дзялошинский. М. : Правозащитный фонд «Комиссия по свободе доступа к информации», 1996. 267 с.; СМИ и органы местного самоуправления: взаимодействие во имя информационной откры-

1 Олейников С.В. СМИ в процессе системной трансформации информационного пространства Приднестровья : диссертация ... кандидата политических наук : 10.01.10. Санкт-Петербург, 2006. С. 62.

2 Социальная сеть «Одноклассники». URL: <http://www.odnoklassniki.ru/dk?st.cmd=searchResult&st.query=белгород&st.mode=All> (дата обращения: 26.04.2012)

3 Социальная сеть «ВКонтакте». URL: <http://vk.com/search?c%5Bcity%5D=26&c%5Bcountry%5D=1&c%5Bname%5D=0&c%5Bsection%5D=people> (дата обращения: 26.04.2012)

В 1990-е годы приобрело актуальность такое важное направление исследования, как социопсихологическое изучение личности, социально-профессиональных ориентаций, проблем творчества журналиста.

И.М. Дзялошинский, в течение ряда лет проводивший социопсихологические исследования разных групп журналистов, в частности, пришел к выводу: наиболее продуктивен журналист, у которого ярко выражены средние значения психологических профессиональных качеств. А значительно заниженные или завышенные показатели равно мешают исполнению профессиональной роли⁸ [1].

В результате социопсихологического исследования «Проблемы информационной безопасности и СМИ», проведенного совместными усилиями факультетов журналистики и психологии МГУ в 2003-2004 гг. (рук. Я.Н. Засурский, А.И. Донцов, А.И. Подольский, Л.В. Матвеева), было опрошено 100 тележурналистов и 147 старших школьников. Оказалось, что во многом представления журналистов об информационных потребностях подростковой аудитории не совпадают с реальными интересами этой аудитории. Таким образом, возникает явление разорванной коммуникации: журналисты недооценивают интерес подростков к познавательной и важной для их социализации информации, см.: [2].

Одним из крупнейших исследований последних лет является изучение проблем развития региональных рынков печатных СМИ, организованное секретарем Союза журналистов России, главным редактором журнала «Журналистика и медиарынок» В.Л. Касютиным при содействии Фонда развития информационной политики, Союза журналистов России, Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. Полевой этап проходил в октябре 2009 года; в опросе приняло участие 344 человека из всех федеральных округов РФ. В результате были выявлены наиболее популярные антикризисные решения и инновации местных СМИ; определены проблемы и тенденции развития региональных медиарынков; определены темы, наиболее популярных у аудитории местных СМИ.

В процессе исследования журналистских кадров и редакционной деятельности круг изучаемых проблем расширился. От традиционных социально-демографических характеристик к сложным профессиональным вопросам, затем к социально-политическим и нравственным ориентациям; от сугубо социологических, на первых порах даже статистических, исследований к социально-психологическим, связанным с глубинными характеристиками личности; от общего представления о профессиональной деятельности к многоаспектному изучению всех видов и этапов журналистского процесса власти. Сост. И.М. Дзялошинский. М.: Правозащитный фонд «Комиссия по свободе доступа к информации», 2002. 320 с.

8 Дзялошинский И.М. Российский журналист в посттоталитарную эпоху. Некоторые особенности личности и профессиональной деятельности. М.: Изд-во МГУ, 1996. 174 с.

цесса, с углублением проблематики (например, свобода СМИ или доступ к источникам информации).

Изменялись и объекты исследований: вначале конкретные, локальные – затем всесоюзные и всероссийские исследования, вначале сотрудники печатных СМИ – затем радио-, тележурналисты и другие группы работников СМИ. Социологами изучались сначала районные, потом областные, республиканские, центральные редакции. Исследования, начинавшиеся как тематические, узконаправленные, стали частью комплексных проектов (изучение информационного поведения всех участников функционирования СМИ: издателя, учредителя, аудитории, журналистов, редакций, а также их продукции – текстов).

Разнообразными становились и методики: появились повторные, панельные исследования, дающие возможность проследить тенденции развития, изменения в профессиональной журналистской деятельности. Наконец, исследования стали не только российскими, но и международными, что позволило сравнивать процессы, происходящие в России, с глобальными.

Однако следует отметить, что на региональном уровне изучение редакционных коллективов, их проблем, а также паспортизация журналистских кадров Белгородской области никогда не проводились.

Опора на имеющиеся теоретические разработки, эмпирические данные аналогичных исследований позволяет восполнить этот пробел. Тем более, что имеет место актуальная проблема исследования, вызванная противоречием между необходимостью проведения инновационных изменений в системе организации работы редакций региональных печатных СМИ и отсутствием мотивационной и компетентностной готовности у руководящего и кадрового состава редакций к осуществлению этих изменений.

Программа исследования была разработана кандидатом социологических наук Т.В. Тришиной, в настоящее время – начальником отдела по взаимодействию с институтами гражданского общества ОАУ «Институт региональной кадровой политики».

Целью исследования стал анализ кадровой ситуации (человеческих ресурсов и организации кадровой работы) в редакциях районных и областных печатных СМИ, соучредителями которых выступают органы региональной власти и органы местного самоуправления Белгородской области.

Реализация поставленной цели исследования предполагала решение следующих задач:

- изучение организационно-кадровой структуры редакций региональных печатных СМИ;
- определение социально-демографических характеристик сотрудников редакций;
- изучение процесса организации и условий труда в редакциях;
- определение степени профессиональной компетенции сотрудников редакций;
- изучение трудовой мотивации сотрудников;

- оценка творческой активности сотрудников;
- выявление инновационной готовности и научно-исследовательской активности сотрудников редакции;
- определение социокультурных оснований профессиональной идентичности сотрудников редакций;
- выявление основных проблем профессиональной деятельности редакционного коллектива.

В качестве комплексного объекта исследования выступили сотрудники редакций районных и областных печатных СМИ.

Предметом исследования стали социально-демографические, профессионально-компетентностные, творческие, мотивационные и идентификационные характеристики сотрудников редакций.

Для исследования был выдвинут ряд гипотез:

во-первых, состояние трудовых ресурсов редакций характеризуется низкой степенью обновляемости и тенденцией к «старению» коллективов: в редакциях районных и городских печатных СМИ значительную долю составляют сотрудники предпенсионного и пенсионного возраста. Большинство руководителей редакций также входят в эту возрастную категорию;

во-вторых, низкая степень эффективности работы редакций является следствием сниженной трудовой мотивации сотрудников, отсутствием чёткого представления о должностных и профессиональных обязанностях, а также низкой степенью владения профессиональными компетенциями, в том числе новыми компьютерными технологиями и программами. Основная часть сотрудников редакций никогда не осуществляла повышение своей профессиональной квалификации;

в-третьих, для большинства редакций характерен низкий уровень профессиональной мобильности кадров: большинство опрошенных сотрудников редакций длительное время не меняли свое основное место работы; в коллективах редакций сложились своеобразные социокультурные основания определения профессиональной идентичности, связанные не с профессиональными компетенциями, а с включенностью в социальные сетевые отношения по месту работы (например, наличие дружеских связей и включенность в микрогруппы в трудовом коллективе, стаж работы в организации в данной должности и пр.).

В ходе исследования как основной метод сбора первичной социологической информации использовался метод анкетного опроса сотрудников редакций печатных СМИ.

В анкете содержалось 76 вопросов закрытого и полужакрытого типа, направленных на выявление количественных и качественных характеристик объекта исследования.

Структурно анкета включала:

- вступление (сообщается тема, цель и задачи опроса, называется организация, его проводящая, объясняется техника заполнения анкеты);

- простые, нейтральные по смыслу вопросы;
- более сложные вопросы, требующие анализа, размышления, активизации памяти;
- вопросы-«ловушки», позволяющие оценить уровень профессиональной компетенции;
- «паспортчика» или социально-демографический блок (вопросы о поле, возрасте, образовании и т.п. респондента);

Заклучение

Редакторы районных, городских и региональных печатных СМИ, помимо общей для всех респондентов анкеты, заполняли приложение к основной анкете, где сообщали основные сведения о своем издании.

Для получения более полной информации по проблеме исследования предполагалось изучение документов и статистических материалов, связанных с деятельностью редакций СМИ.

Полевой этап исследования – опрос сотрудников районных и областных печатных СМИ – был проведен в августе-сентябре 2012 года сотрудниками кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики НИУ «БелГУ» доцентами С.В. Крюковой и И.В. Микулиной.

Необходимо отметить, что характерная особенность метода анкетирования – его направленность на изучение фактов сознания (мнений, оценок, точек зрения, убеждений и т.п.) и субъективных оценок. Для получения более полной информации по проблеме исследования изучались документы и статистические материалы, связанные с деятельностью редакций СМИ.

В сочетании с объективными данными, представленными в документах отчетности о состоянии кадровой работы (например, сведениями о штатном составе редакций областных и районных газет, справочной информации о кадровом составе редакций), метод анкетного опроса позволяет эффективно выявить соотношение субъективных представлений респондентов о своих профессиональных функциях, компетенциях, статусе в трудовом коллективе и формальных показателей организации кадровой работы, а также проводить перспективную оценку намерений опрошиваемых соответствовать социально привлекательному образу сотрудника СМИ.

Выборочная совокупность составила 259 респондентов (76,4% от генеральной совокупности). Для определения выборочной совокупности использовался метод основного массива, так как общее число сотрудников в редакционных коллективах 24 изучаемых редакций составляет не более 339 человек. Преимущество опроса по методу основного массива состоит в том, что выборка имеет высокий удельный вес в генеральной совокупности, за счёт этого удаётся устранить возможные смещения. Данная выборка является репрезентативной по отношению к генеральной совокупности.

Ввод и обработка данных, полученных в резуль-

тате опроса, производились с использованием программного продукта «IBM SPSS Statistics 19». Далее проводился анализ, для которого ответы респондентов на вопросы распределялись по тематическим блокам исследования: организационно-кадровая структура редакций; социально-демографическая характеристика сотрудников редакций; профессиональные компетенции сотрудников; творческая специализация и активность; организация и условия труда; мотивация сотрудников; инновационная и научно-исследовательская активность; морально-психологический климат в коллективах редакций; проблемное поле редакционных коллективов. Для выявления существенных отличий в результатах исследования ответы сотрудников районных и областных изданий анализировались отдельно.

Общее количество опрошенных сотрудников составило 259 человек (100%), в том числе: творческих сотрудников 142 человека (55%); технических сотрудников 103 человека (40%). Затруднились определить характер своего труда в редакции 14 человек (5%). Возможно, эти 14 совмещают выполнение творческих обязанностей с техническими, административными или хозяйственными.

Обращает на себя внимание количество затруднившихся ответить на вопрос, какую конкретно должность они занимают в редакции – семь человек (почти 3%). Некоторые из опрошенных сотрудников указали должности, отсутствующие в штатном расписании областных и районных газет, например «заполнение сайта», «кассир-корректор», «рекламный менеджер», «PR и реклама». Данный факт может свидетельствовать о недостаточном знании сотрудниками своих должностных обязанностей либо об отсутствии чёткого распределения функциональных обязанностей в трудовом коллективе.

Опрос сотрудников редакций выявил тенденцию к сокрытию информации о характере труда и занимаемой должности, что косвенно может свидетельствовать о нежелании менять сложившееся распределение функциональных обязанностей и подтверждать гипотезу о нарастающей закрытости исследуемых профессиональных групп.

Среди опрошенных занимают руководящие должности 63 сотрудника (24%). Количество затруднившихся ответить – 26 человек (10%) – подтверждает гипотезу о низкой информированности сотрудников о сложившейся структуре управления в организации: назвали свою должность руководящей *водитель* и *обозреватель*, не считают себя руководителями четыре *ответственных секретаря*, в то время как девять *ответственных секретарей* указали, что они руководители. Из двух *заведующих корпунктами* один считает себя руководителем, а другой – нет, при этом подчиненные отсутствуют у обоих. Из семи *заведующих отделами* редакций два считают себя руководителями, а пять – нет.

Некоторые респонденты (20 человек; 8%) отрицательно ответили на вопрос о наличии чётко про-

писанных должностных инструкций, определяющих права, обязанности и ответственность сотрудников, а 13 человек (5%) затруднились с ответом.

Об отсутствии чётких представлений об иерархии должностей в редакции свидетельствует тот факт, что на вопрос о наличии подчиненных затруднились ответить 22 опрошенных (8,5%). Это подтверждается и статистически значимой зависимостью между переменными «занятие руководящей должности» и «наличие подчиненных». Выяснилось, что считают себя руководителями в отсутствие подчиненных семь человек (3%), а один человек, не считающий себя руководителем, имеет сотрудника в подчинении.

В результате опроса отчётливо выявилась тенденция старения трудовых коллективов редакций печатных СМИ: четвертая часть сотрудников (67 человек; 26%) относится к возрастной категории свыше 55 лет, а 30% сотрудников приближаются к пенсионному возрасту. Количество молодых сотрудников (29 человек; 11%) не будет способно компенсировать кадровую потребность в случае ухода на пенсию тех, кто продолжает работать по достижении пенсионного возраста.

Большинство сотрудников редакций (72%) имеет неоконченное высшее и высшее образование; 23 человека (9%) не являются дипломированными специалистами, два из них занимают творческие должности.

Профильное журналистское образование имеют 70 человек (27%), 63 из них занимают творческие должности. Только 44% творческих сотрудников имеют журналистское образование.

Базовое журналистское образование является основой квалифицированного, качественного выполнения должностных обязанностей творческим сотрудником. Наличие дополнительного образования другого профиля, безусловно, должно приветствоваться у творческих сотрудников, создающих политематический контент издания. Однако ни один респондент, указавший в качестве основного не журналистское образование, не отметил наличие журналистского образования как дополнительного.

Из технических сотрудников 17 опрошенных не являются квалифицированными специалистами, не имеют диплома о профессиональном образовании.

Таким образом, исследование выявило проблемы в системе управления персоналом: сотрудники испытывали затруднения при ответах на вопросы, связанные с описанием должностных обязанностей, системы соподчинения и распределением функциональных обязанностей. То, что у опрошенных не сформированы отчётливые представления о своих должностных и профессиональных обязанностях, об иерархии должностей в редакции, может быть связано:

- либо с недостаточно чёткими должностными инструкциями;
- либо с формальным знакомством с должностными инструкциями;
- либо с отсутствием должностных инструкций.

Все вышесказанное подтвердило гипотезу о недостаточном уровне организационно-кадровой работы с персоналом редакций.

Отмечается явная тенденция к старению коллективов редакций СМИ, что подтверждает гипотезу исследования. В редакциях районных СМИ эта тенденция проявляется в несколько большей степени по сравнению с областными. Тенденция к старению выявлена также для руководящего звена редакций

исследуемых СМИ, и эта тенденция преобладает в областных редакциях.

Опрошенных респондентов характеризует низкий уровень профессиональной мобильности. В редакциях районных СМИ половина сотрудников имеет длительный стаж работы в одной должности (от 11 лет и свыше 25 лет). В редакциях областных СМИ кадровая и должностная ротация проводится более активно.

Библиографический список

1. Дзялошинский И.М. Российский журналист в посттоталитарную эпоху. Некоторые особенности личности и профессиональной деятельности. М. : Изд-во МГУ, 1996. 174 с.
2. Жилавская И.В. Оптимизация взаимодействия СМИ и молодёжной аудитории на основе медиаобразовательных стратегий и технологий : автореф. дис. ... канд. филол. н.: 10.01.10 / И.В. Жилавская. М., 2008. 23 с.
3. Журналист и журналистика российской провинции: Опыт исследования. М. : Начала-Пресс, 1995. 170 с.
4. Журналист: Социологические и социопсихологические исследования / под ред. Л.Г. Свитич, А.А. Ширяевой. М. : Изд-во МГУ, 1994. 167 с.
5. Олейников С.В. СМИ в процессе системной трансформации информационного пространства Приднестровья : дисс. ... канд. полит. н.: 10.01.10. Санкт-Петербург, 2006. 236 с.
6. Российская журналистика: свобода доступа к информации. Сост. И.М. Дзялошинский. М. : Правозащитный фонд «Комиссия по свободе доступа к информации», 1996. 267 с.
7. Свитич Л.Г., Ширяева А.А. Журналист новой прессы: типологические характеристики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1994. № 3. С. 3-13.
8. Свитич Л.Г., Ширяева А.А. Журналист местной прессы и перспективы ее развития. Журналист : Социологические и социопсихологические исследования. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 75-92.
9. СМИ и органы местного самоуправления: взаимодействие во имя информационной открытости власти. Авт.-сост. И.М. Дзялошинский. – М. : Правозащитный фонд «Комиссия по свободе доступа к информации», 2002. 320 с.
10. Социальная сеть «ВКонтакте» [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://vk.com/search?c%5Bcity%5D=26&c%5Bcountry%5D=1&c%5Bname%5D=0&c%5Bsection%5D=people> (дата обращения: 26.04.2012)
11. Социальная сеть «Одноклассники» [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.odnoklassniki.ru/dk?st.cmd=searchResult&st.query=белгород&st.mode=All> (дата обращения: 26.04.2012).
12. Таловов В. П. У истоков социолого-журналистских исследований. Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. 1993. №5. С. 31-40.

References

1. Dzyaloshinsky I.M. Russian journalist in post-totalitarian era. Some personality traits and professional activities. Moscow: Moscow State University Press, 1996. - 174 p.
2. Zhilavskaya I.V. Optimization of the interaction of the media and the youth audience through media education strategies and technologies: summary dis. ... candidate of philology: 10.01.10 / I.V. Zhilavskaya. - M., 2008. - 23 p.
3. Journalist and journalism of Russian province: Experience of research. - Moscow: Beginning- Press, 1995. - 170 p.
4. Journalist: Sociological and socio-psychological research / ed. L.G. Svitich, A.A. Shiryayeva. - Moscow: Moscow State University Press, 1994. - 167 p.
5. Oleynikov S.V. Media in the process of transformation of the information system in Transnistria: the dissertation ... candidate of political sciences: 10.01.10. - St. Petersburg, 2006. - 236 p.
6. Russian journalism: the freedom of access to information // Comp. I.M. Dzyaloshinsky. - M: Human Rights Fund "Commission on Freedom of Information Act", 1996. - 267 p.
7. Svitich L.G., Shiryayev A.A. New media journalist: typological characteristics // Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism. 1994. Number 3. Pp. 3-13.
8. Svitich L.G., Shiryayev A.A. A journalist of the local press and its future development. Journalist: Sociological and socio-psychological research. - Moscow: Moscow State University Press, 1994. - Pp. 75-92.
9. Media and local government: cooperation for the sake of transparency of power // Comp. I.M. Dzyaloshinsky. . - M: Human Rights Fund "Commission on Freedom of Information Act", 2002. – 320 p.
10. Social network "VKontakte" [electronic resource]: [site]. Access mode: <http://vk.com/search?c%5Bcity%5D=26&c%5Bcountry%5D=1&c%5Bname%5D=0&c%5Bsection%5D=people> (date accessed: 04/26/2012)
11. Social network "Odnoklassniki" [electronic resource]: [site]. Access mode: <http://www.ru/dk?st.cmd=searchResult&st.query=белгород&st.mode=All> (date accessed: 04/26/2012).
12. Talovov V.P. At the root of sociology and journalism studies // Bulletin of Moscow State University. Series 10. Journalism. - 1993. - № 5. - Pp. 31-40.

УДК 1(091) – 8

UDC 1(091) – 8

С.В. КУЗНЕЦОВ

аспирант кафедры философии и культурологии
Орловского государственного университета
E-mail: ogyfil41@rambler.ru

S.V. KUZNETSOV

the postgraduate student Philosophy and cultural science
of Orel State University
E-mail: ogyfil41@rambler.ru

ОСНОВНОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ВЕКТОР ФИЛОСОФИИ СМЫСЛА В.В. НАЛИМОВА

MAIN RESEARCH VECTOR PHILOSOPHY OF SENSE V.V. NALIMOV

В статье раскрываются сущность и значение смысла для философского дискурса. Автором рассматривается роль смысла в становлении философских представлений Налимова. Тщательным образом анализируются потенциальные возможности смысла на примере использования силлогизма Бейеса в философской концепции В.В. Налимова. Выдвигается тезис об объясняющей силе силлогизма Бейеса при изучении универсальных философских категорий.

Ключевые слова: смысл, силлогизм, сознание, смысловой континуум, универсум.

In the article the essence and meaning of the sense for the philosophical and scientific discourse is manifested. The author discusses the role of sense in the development of philosophical ideas of Nalimov philosophy. The potential capabilities of the sense in philosophy is analyzed to the nail, by way of example of the use of the syllogism of Bayes in the philosophical conception of V.V. Nalimov. The thesis of the explanatory power of the syllogism of Bayes is put forth in studies of the universal philosophical categories.

Keywords: sense, a syllogism, consciousness, a semantic continuum, a universum.

Категория «смысл» представляет собой термин наивысшего уровня абстрактности. Данное понятие используется как в научной, так и в обыденной коммуникации, подвергается трансформации в своей текстуальной сущности, приобретая онтологический статус. Именно поэтому «смысл» не имеет общепринятой трактовки. Более того, полифония определений категории «смысл» не только не упрощает процесс анализа его сущности, а наоборот лишает исследователя хоть какой-нибудь возможности заключить данный термин в концептуальный каркас.

Можно отметить, что в каждой эпохе находились люди, для которых постижение феномена смысла являлось преобладающей задачей. Это были греческие философы и христианские отцы церкви, философы Нового времени и представители немецкой классической философии, разработчики философской герменевтики и основатели аналитической философии. А впоследствии, с усилением дисциплинарной дифференциации, «смысл» также стал объектом исследования лингвистов, логиков и психологов. Из этого следует вполне естественный вывод о том, что категория «смысл» носит междисциплинарный характер.

Но несмотря на дифференциацию научных дисциплин, исследователей, занимающихся проблемой феномена смысла, роднит общее желание найти глубинные основания, которые позволили бы сфокусировать расплывчатые представления о смысле в более четкое понятие. Это могло бы привести к созданию базиса, на котором в дальнейшем происходил бы междисциплинарный диалог. Именно такую цель

и ставил перед собой В.В.Налимов, разрабатывая свою философию смысла.

Из работ Налимова мы видим, что понятие «смысл» для него – не атрибут мира аристотелевской логики, а, скорее, неотъемлемая категория бытия. Налимов становится на позиции философской герменевтики, придавая категории «смысл» онтологический статус. Смыслы для Налимова, так же как и физические константы, лежащие в основании антропного принципа, существуют объективно и изначально и имеют характер несотворенного. Но сущность смыслов может быть схвачена лишь в их динамике. Улавливание изменений динамики смыслов возможно посредством семантического анализа таких категорий, как «смысл», «язык», «текст» [1, 108]. Налимов утверждает, что каждый из элементов триады определяется через другой ее элемент. Все три категории для В.В. Налимова неразрывно связаны между собой некой генетической связью.

Основным исследовательским посылом Налимова является вероятностное видение при непосредственном исследовании объекта. Целью вероятностного подхода является не поиск причин поведения объектов, а описание их поведения, непосредственно спонтанно разворачивающегося перед исследователем. В связи с этим вероятностное представление не может иметь той точности, которой обладают традиционные дисциплины, основывающиеся на жестком детерминистическом подходе.

Характеризуя сущность вероятностных представлений, Налимов отмечает, что если случайная

величина задана, то задана и ее функция распределения. В таком случае при исследовании объектов и систем ученый в русле вероятностного исследования пренебрегает причинно-следственной трактовкой наблюдаемых явлений. Ученого устраивает чисто поведенческое описание явлений. Функция распределения – это описание поведения случайной величины, без анализа тех причин, которые вызвали исследуемое поведение. Это описание явлений в их спонтанном проявлении. Вероятностное описание размыто. Размытость описания – основное проявление вероятностного языка [2,60]. Если перейти от вероятностного осмысления результатов научных измерений к вероятностному осмыслению фундаментальных представлений о языке, сознании, культуре, то они также будут описываться размыто.

При переходе к анализу феномена смысла в русле вероятно ориентированной философской парадигмы Налимов разрабатывает язык вероятностного исчисления смыслов. По мнению философа, этот язык должен дать формальное описание творческим процессам, включающим разнообразные проявления спонтанности. Используя язык вероятностного исчисления, Налимов создает вероятно ориентированную теорию смысла. Для философского анализа категории «смысл» Налимов использует разработанный им метод *вероятностного взвешивания*. Этот метод подразумевает под собой определенный алгоритм действий по приданию элементарным смыслам вероятностной меры.

Вероятностное взвешивание позволяет оперировать размытыми смыслами, раскрывающимися на глубинных уровнях сознания. Это область антиаристотелевой логики, своеобразной логики творческого процесса. При этом Налимов отмечает, что аристотелеву логику следует рассматривать как вторичную. Философ уверен, что «она редуцирует смысловой континуум к дискретам – словам, за которыми скрыто стоит множество смыслов» [3,122]. Тем самым понимание всегда является личностным. Ставя себе цель понять дискретно написанные тексты, мы вновь и вновь станем обращаться к вероятностной неопределенности.

Помимо метода вероятностного взвешивания смыслов, Налимовым были разработаны теоретические положения, которые впоследствии и стали той фундирующей основой для дальнейшего философствования, некоей философской аксиоматики, на основаниях которой строился теоретический курс философа. Попытаемся рассмотреть основные идеи философии смыслов Налимова.

Первой исходной посылкой философских оснований учения Налимова будет являться тезис о том, что весь эволюционирующий мир мы можем рассматривать как множество текстов. Культура, человек, отдельные виды на уровне биосферы, неживой мир на уровне нашего представления о нем – есть текст.

Во-вторых, сами тексты имеют сразу две существенные характеристики, они обладают дискретны-

ми и континуальными признаками. Налимов считает, что это связано с тем что, язык, на котором строятся тексты, дискретен, а глубинное состояние сознания обладает существенно иной направленностью, которая не может быть упрощена к дискретности языка. Другими словами, ища смысл в тексте на дискретном языке, мы интерпретируем его на континуальном уровне нашего сознания. Соответственно для Налимова человеческое мышление обладает свойством непрерывности, так как глубинное сознание всегда стоит за обыденным дискретно организованным сознанием. Сам этот вывод, сделанный Налимовым, непосредственно следует из разработанной им вероятностной модели языка, которую мы рассмотрим ниже.

В-третьих, значение единиц языка обусловлено вероятно задаваемой структурой смыслов. Смыслы есть то, что делает знаковую систему текстом. Вытекающая из третьего вывода четвертая аксиома философских оснований Налимова звучит так – все смыслы мира соотнесены с линейным континуумом Кантора, некоей числовой осью u . Иначе говоря, Налимов имеет в виду то, что смыслы спрессованы на некоей смысловой оси так же, как и числа на действительной оси.

В-пятых, Налимов говорит об объективно существующем семантическом вакууме, который представляет собой непроявленный Мир. Этот не распакованный универсум образуется из спрессованных смыслов.

В-шестых, распаковывание смыслов, обуславливающее появление текстов, осуществляется посредством вероятностного взвешивания. Само взвешивание происходит на смысловой оси u , разным участкам ее приписывается разная мера.

Таким образом, семантика каждого конкретного текста задается своей функцией распределения. Наличие функции распределения – $p(u)$, связанной с плотностью вероятности распределения смыслов на оси u , – это седьмой тезис, задающий вектор аксиоматики в философии Налимова. Функция распределения вероятности, задаваемая на многомерном пространстве смысловой оси, участвует в определении текста [1, 111]. В тексте смыслы всегда оказываются заданы избирательно. Функция $p(u)$ оказывается тем окном, через которое нам дана возможность всматриваться в семантический мир [3,131].

Понимание текста у Налимова, является сугубо личностным и происходит спонтанно. Самопроизвольное восприятие текста субъектом свидетельствует о непрерывном процессе самоорганизации сознания познающего.

Философские аксиомы Налимова непосредственно связаны с представлениями философа о континуальной природе оси u , на которой спрессованы смыслы. Говоря о смысловой оси, мы подразумеваем множество, не имеющее пустых мест. Смыслы находятся в состоянии неразрывной целостности. Сам метод взвешивания смыслов, разработанный

Налимовым, основываясь на строгой формально-математической логике, заложенной в известной статистической формуле Байеса. Это формула в интерпретации Налимова развивает идею о непрерывности смыслового континуума. Плотные упакованные смыслы на оси u не рассекаются на смежные, но совершенно отдельные друг от друга семантические единицы-дискреты.

На основании вышеизложенной аксиоматики Налимов расширяет наши возможности касательно процесса понимания смыслов. В своих работах философ указывает на то, что эволюция текста напрямую связана со спонтанным появлением в определенной языковой ситуации u фильтра $p(y)$. Смысловый фильтр $p(y)$ мультипликативно взаимодействует с исходной функцией $p(u)$. Функция $p(u)$ будет являться априорной функцией распределения, которая предшествует определенному событию. Для описания исходного взаимодействия Налимов использует формулу Байеса. Таким образом, формальная запись спонтанного проявления смыслов выглядит следующим образом: $p(u/y) = k p(u) p(y/u)$, где $p(u/y)$ – условная функция распределения, определяющая семантику нового текста, возникающего спонтанно после события y ; k – константа нормировки.

Ранее мы указывали, что формула Байеса является исключительно инструментом математической статистики. Налимов использует формулу Байеса не как формулу, описывающую стохастические явления, а как силлогизм, который в формальной записи описывает спонтанное возникновение смыслов. В силлогизме Байеса имеется две посылки: $p(u)$ и $p(y/u)$, из которых следует текст с новой семантикой – $p(u/y)$. В силу того, что Налимов в своих умозрениях использует вероятностный подход, становится понятно, что в силлогизме Байеса, в отличие от категорического силлогизма Аристотеля, обе посылки и возникающее из них следствие имеют не дискретные признаки, а вероятностные размытые характеристики.

Заметим, что изначально формула Байеса использовалась в математической статистике для вычисления апостериорных событий через априорные вероятности. Налимов обобщил механизм формулы Байеса, используя ее как логическую формулу, придавая ей логическое значение. В соответствии с этим, Налимов говорит о существовании байесовской логики, в основании которой лежит силлогизм Байеса-Налимова. Ее суть состоит в открытости спонтанному проявлению фильтров [4, 265]. Причем спонтанность философ связывал с трансцендентным, надличностным началом. Это позволяет отнести концепцию Налимова к трансцендентальной философии, сближая взгляды Налимова с идеями Канта. В подтверждение этому рассмотрим следующее высказывание немецкого философа: «Наша познавательная способность ощущает гораздо более высокую потребность, чем разбирать явления по складам согласно синтетическому единству, чтобы узреть в них опыт; наш разум естественно уносится

в область знаний так далеко, что ни один предмет, который может дан опытом, никогда не сможет совпасть с этими знаниями, и тем не менее они обладают реальностью и вовсе не есть химеры» [5, 213]. Основным для Канта является вопрос о возможности существования априорных синтетических суждений. Для Налимова этот вопрос также является ключевым. Более того, Налимов пытается раскрыть механизм появления таких суждений.

Немаловажной идеей, заложенной в байесовской логике, является тезис о возможности применения силлогизма к смыслам, размытым на числовом континууме. В этом случае отвергается возможность появления атомарных смыслов. Это совершенно исключает возможность сильной дизъюнкции. Соответственно этот язык свободен от закона исключенного третьего. В связи с этим язык байесовской логики оперирует не только категориями истинности и ложности, но и позволяет учитывать размытые смыслы, связанные с двумя этими категориями. Соответственно язык байесовской логики совершенно не исключает противоречий. Это связано с тем, что он изначально, будучи механизмом описания всего семантического универсума, потенциально содержит в себе все возможное богатство суждений. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что логика Байеса является открытой системой, она подвержена спонтанному появлению смыслов. А само появление новых смыслов обусловлено их вероятностной природой. Тем самым язык и рождающиеся в нем смыслы свободны от законов аристотелевской логики. Таким образом, для стороннего наблюдателя байесовская логика выглядит чем-то алогичным. Но для смысла, спонтанно появляющегося на вселенском континууме, именно такой механизм взвешивания наиболее эффективен.

Абстрагируясь от теоретических оснований вероятностных представлений Налимова, попытаемся понять, каким же образом происходит взвешивание и распаковка смыслов в нашей повседневной жизни. Происходит же это приблизительно следующим образом: постигая текст или беседуя, мы оказываемся вовлеченными в языковую игру. В процессе языковой игры мы погружаем важные для данного текста слова в новую для них ситуацию. Новая ситуация порождает некий фильтр нашего понимания, зависящий от нашего опыта и знаний. Таким образом, смысл слов сужается и конкретизируется в зависимости от нашего личностного восприятия данного слова. Но в процессе языковой игры, в ходе работы смыслового фильтра смыслы могут не только сужаться. Языковая игра также расширяет смыслы слов. Налимов подчеркивает, что в этом случае фильтры, отвечающие некоторой ситуации, придают высокий уровень значимости словарно недостаточно выраженному для данного слова смыслу. Примером расширения смысла является создание двухсловного термина. Таким термином является «искусственный интеллект», в котором можно разглядеть опреде-

ленные семантические противоречия, так как это определение состоит из двух принципиально разных слов. Да и сам Налимов в своем философском дискурсе вводит новый двухмерный термин «силлогизм Бейеса». В нем смыслы, которые в обычном применении будут противопоставлены друг другу, связаны между собой.

Конечно, в русле такого подхода понимание научных и философских концепций носит вероятностный, байесовский характер. Если мы обратимся к анализу философских традиций западной культуры, то будет понятно, что происходит непрекращающаяся реинтерпретация философского наследия, сформированного еще в эллинской культуре [7, 144]. Понимание является нескончаемым творческим процессом, и иногда он заканчивается созданием качественно нового. Люди постоянно задают новые тексты, каждый раз по-новому раскрывая потенциал смысловой оси, вытаскивая на поверхность нашего сознания все новые и новые смыслы. Пожалуй, самая важная идея философии Налимова заключается в том, что сущность человека – в его постоянном взаимодействии с миром смыслов. Посредством этого взаимодействия появляются новые тексты, которые вновь и вновь становятся участниками бесконечного в универсуме процесса смыслообразования.

В.В.Налимов является необычным и нетрадиционным мыслителем. Его роль в истории философии еще не раз будет объектом изучения многих поколений философов. Но уже сейчас очевидно, что этот не всегда доступный для понимания даже подготовленного исследователя философ разработал механизм, позволяющий произвести колоссальный синтез мировоззрений. Налимов использовал идею семантического континуума и соединил эти идеи со своими вероятностными представлениями. А использование формулы Бейеса, описывающей стохастические явления, стало замыкающим звеном в философской концепции советского энциклопедиста. Налимов сумел увидеть в формуле Бейеса, описывающей вероятностные события, силлогизм, имеющий вероятностно размытый характер. Но несмотря на отсутствие конкретно заданного вектора, силлогизм Бейеса – Налимова позволяет производить распаковку смыслов на оси семантического континуума посредством вероятностного взвешивания [6, 151]. А это является подтверждением того, что на сегодняшний момент в современной российской философии есть состоятельная исследовательская программа постижения текстовых сущностей, которую еще предстоит анализировать и развивать.

Библиографический список

1. *Налимов В.В.* Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Изд-во «Прометей» МГПИ им.Ленина, 1989. 287 с.
2. *Налимов В.В.* Язык вероятностных представлений – Препринт Научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика» АН СССР, 1980. 72 с.
3. *Налимов В.В.* Вселенная смыслов. М.: Общественные науки и современность, 1995. 227 с.
4. *Грановский Ю.В., Дрогалина Ж.А., Маркова Е.В.* В.В. Налимов: Вехи творчества – М.: Изд-во Водолей Publisher, 2005. 474 с.
5. *Кант И.* Критика чистого разума Сочинение в 6 томах, т.3 – М.: Мысль, – 799 с.
6. *Налимов В.В.* Вероятностная модель языка. М.: Изд-во Наука, 1979. 180 с.
7. *Кононова Е.С.* Смысл отчаяния Ученые Записки Орловского Государственного Университета Научный Журнал Серия «Гуманитарные и Социальные науки» № 3. Часть 1. 299с. С. 142-149.

References

1. *Nalimov V.V.* Spontaneous Mind: The Theory of Probability and semantic meanings architectonics personality. Moscow: Publishing House of the “Prometheus” Lenin Moscow State Pedagogical Institute, 1989. 287 p.
2. *Nalimov V.V.* Language probabilistic representations - Preprint of the Scientific Council on the Complex Problem “Cybernetics” of the USSR, 1980. 72p.
3. *Nalimov V.V.* Universe of meaning - Moscow: Social Sciences Today, 1995. 227 p.
4. *Granovsky Y.V., Drogalina J.A., Markova E.V.* V.V. Nalimov: Milestones of creativity - Moscow: Publishing House of Aquarius Publisher, 2005. 474 p.
5. *Kant I.* Critique of Pure Reason, writing in 6 volumes, v.3-Mysl. 799 p.
6. *Nalimov V.V.* The probabilistic model of language. M.: Publishing house of Science, 1979. 180 p.
7. *Kononova E.S.* The sense of despair Scientists Memoirs Orel State University Scientific Journal series “Humanities and Social Sciences” Number 3. Part 1. 299p. P. 142-149.

УДК 323.1:172.15

UDC 323.1:172.15

П.П. МАРТИНКУС

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»
E-mail: martin2@mail.ru

P.P. MARTINKUS

candidate of Philosophy, associate professor of philosophy National Research Nuclear University "Moscow Engineering Physics Institute"
E-mail: martin2@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВОООБРАЖАЕМОГО РАЗЛИЧИЯ

THE REPRESENTATION OF IMAGINED DISTINCTION

В статье продемонстрированы теоретические проблемы, возникающие при субъектном подходе к воображению, господствующем в литературе о производстве общественных идентичностей, в частности наций и национализма.

Ключевые слова: нация, национализм, дискурс, воображение, репрезентация, субъект, конструктивизм, Б. Андерсон.

The theoretical problems arising at the subjective approach to the imagination, dominating in the literature on public identity, in particular the nations and nationalism are shown in the article.

Keywords: the nation, nationalism, the discourse, imagination, representation, the subject, constructivism, B. Anderson.

Национализм обладает магическим свойством обращать случай в судьбу.

Б. Андерсон.

В 1983 г. была опубликована книга Б.Андерсена «Воображаемые сообщества», посвященная становлению «универсальной» ценности политической жизни – национализму. Её основная идея, так непосредственно обозначенная в названии, стала общим местом, «исходной точкой» почти любого исследования на тему идентичностей и национализма¹. Более развернуто (и в тоже время лаконично) эта идея звучит так: «...Все сообщества крупнее первобытных деревень, объединенных контактом лицом-к-лицу (а, может быть, даже они), – воображаемые. Сообщества следует различать не по их ложности/подлинности, а по тому стилю, в котором они воображаются»². Это значит, что любое общество для того, чтобы существовать как группа *связанных* друг с другом лиц, должно *полагать* собственное существование, т.е. эту связь «вообразить». А потому национальное сообщество не один раз было «воображено», а воображается постоянно, связывая воедино пространство, время и человеческую солидарность в целостном восприятии. В этом смысле концепция «воображаемых сообществ», будучи сугубо конструктивистской, не предполагает объективных оснований и признаков нации, поясняя, что и этническая принадлежность, и

границы, и язык, и культурные особенности³ являются произвольными маркерами различий наций, кроме всего прочего ставшими таковыми совсем недавно⁴.

Поэтому Б. Андерсон предпочел дать аналитическое определение нации – это «воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное»⁵, т.е. он не извлекает (синтетически) определение из «реальности» наций (т.к. её нет), а раскрывает содержание понятия путем «тавтологии», производя свою «коперниканскую революцию»⁶ в литературе о национализме. Собственно нация – это то, что *по определению* воображается, т.к. в умах каждого члена сообщества «живет образ их общности»⁷ без возможности реализации непосредственного контакта. Воображение поэтому есть процесс конструирования *идеальной связи* между разнородными субъектами, механизм создания некоторой культурной общности.

Из определения Б. Андерсона понятно, что он считает именно воображение универсальной чертой культуры, исходя из того очевидного факта, что связи между членами сообщества на протяжении истории осознаются по разным основаниям (а это для

1 Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004, С. 30.

2 Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001, С. 31. Существует также второе исправленное издание 2006 г., в котором нет практически никаких изменений по сравнению с изданием 1991 г., взятого за основу для русского перевода: Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism [Text]. - L., 2006.

3 Ср.: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» (Сталин, И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. И.В. Сталин // Сочинения. Т. 2. М., 1946, С.296).

4 Видимо, не ранее XVIII в. См., например: Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998, С. 4-5, 22сл; Андерсон Б. Ук. соч., С. 29.

5 Андерсон Б. Ук. соч. С. 30.

6 Там же, С. 29.

7 Там же, С. 31.

него означает, что такой связи вне процесса ее исторической конструкции нет). Поэтому национальное воображение – специфический культурный тип, отличающийся четырьмя особенностями: ограниченность (всегда есть *иные*), суверенность (политическое единство свободы), товарищество (горизонтальное единство)⁸ и анонимность⁹. Эти особенности требовали единства времени и места, а следовательно, высшей формой подобной связи могло быть прежде всего национальное государство. В результате Б. Андерсон располагает феноменом национализма не в плоскости политической идеологии, а в плоскости культурных систем¹⁰, которые стоят «над» идеологиями, что может объяснить, например, марксистский проект Интернационала как идеологию в рамках национализма, фактически (несмотря на риторику) превратившегося в создание *национальных* социалистических государств и поддержку *национальных* движений в третьем мире¹¹. Такая культурная атрибуция позволяет Андерсону сравнивать национализм с религиозным сообществом и династическим государством¹² – другими формами «воображения», на смену которым и приходит национализм. Итак, именно концепция культуры как воображения – краеугольный камень всей концепции «Воображаемых сообществ», а следовательно, речь идет о некоторой философской предпосылке в понимании идеального как конструктивного, а не объективного (т.е. в своеобразном кантианстве).

Собственно нас самих будет занимать попытка дать ответы на три вопроса – имеет ли смысл говорить о роли в производстве национальных различий именно «воображения» (в андерсоновском смысле); кто «воображает» нации и зачем? Для этого мы внимательнее рассмотрим, что понимает под «воображением» Б. Андерсон.

Ключевым здесь представляется влияние¹³ на автора «Воображаемых сообществ» классического литературоведческого труда Эриха Ауэрбаха «Мимесис». Последний создал оригинальную теорию развития европейской культуры, исходя из того неоспоримого факта, что в произведениях искусства запечатлено не просто сознание автора, а атмосфера жизненного мира и Дух (основополагающие категории культуры) прошедших эпох. Литература всегда реалистична, т.к. она воспроизводит (подражает) жизни, меняется вслед за исторической ситуацией, а потому, исследуя язык текстов, можно выявить структурообразующие культурные типы¹⁴. В программной первой главе Ауэрбах показывает, что существует два противоположных типа изображения действительно-

сти в европейской культуре. Первый (отождествляемый с гомеровским стилем) – «описание, придающее вещам законченность и наглядность, свет, равномерно распределяющийся на всем, связь всего без зияний и пробелов, свободное течение речи, действие, полностью происходящее на переднем плане, однозначная ясность... Второй [отождествляемый со стилем Ветхого завета] – выделение одних и затемнение других частей, отрывочность, воздействие невысказанного, введение заднего плана, многозначность и необходимость истолкования, претензии на всемирно-историческое значение...»¹⁵. Для первого типа характерно прямое описание застывшей социальной реальности вне какого-либо социального конфликта, для второго – историческое, наполненное конфликтами, но немотивированное (а потому мистическое) описание зачастую бытовой повседневности. В прогрессирующем конфликте этих стилей и в тоже время преодолении их различия видит Ауэрбах развитие последующей культурной традиции, когда непосредственно социальная жизнь и её конфликты становятся предметом реалистического (а не мистического) описания в литературе XIX в.

Судя по андерсоновскому анализу некоторых «националистических» романов именно «одиссеевский» тип превалирует в технике «воображения» нации, т.к. в подобных текстах, с его точки зрения, она становится явной, как «социологический организм, движущийся по расписанию сквозь гомогенное, пустое время»¹⁶. При этом Б. Андерсон идет гораздо дальше Ауэрбаха, который никогда не абсолютизировал роль дискурса (языка, присвоенного индивидуумом в виде практики¹⁷) в создании реальности. Для автора «Мимесиса» литература именно подражание действительности, движущееся к все большему реализму: репрезентация реальности становится к XIX в. намного более точной, чем она была до тех пор. Но для Андерсона, рассматривающего мир вслед за многими философскими течениями, пожалуй, с позиций философского лингвоцентризма, вопрос о точности (истинности) отображения вовсе не стоит, т.к. дискурс – это и есть *вся* реальность культуры, автономной от экономической и технологической реальности.

Использование Б. Андерсоном понятия «репрезентация»¹⁸ позволяет уточнить этот нюанс и по-

15 Ауэрбах Э. Мимесис. М., 1976, С. 44.

16 Андерсон Б. Ук. соч., С.49. Второй тип был характерен для «религиозных сообществ», на смену которым и пришли национальные сообщества.

17 Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, С.312. Ср., с «дискурсивными практиками» М. Фуко, которые «характеризуются ограничением поля объектов, определяемых легитимностью перспективы для агента знания и фиксации норм для выработки концепций и теорий» (Цит. по: Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. Т.1. М., 1996, С. 62).

18 Редактор русского издания книги Б. Андерсона совершенно неверно, на наш взгляд, интерпретирует это понятие как «повторное делание настоящим» (С. 48). Его надо понимать не в буквальном, а в эстетическом смысле как «особую форму представления реальности, где некоторый объект замещается его иллюзорным изображением» (Ямпольский, М. Ткач и визионер. М., 2007, С. 5). Ср. с аналогичным

8 Там же. С. 32.

9 Там же. С. 58.

10 Там же. С. 35.

11 См., например: Валлерстайн, И. После либерализма [Текст]. - М., 2003, С. 110.

12 Андерсон Б. Ук. соч., С. 36-45.

13 Там же, С. 19.

14 Сейталиева Г. А. Философия культуры Эриха Ауэрбаха [Текст]. Автореф. дис. к.ф.н. - М., 1994.

нять декларируемое им размежевание от позиции Э. Геллнера по вопросу о интерпретации воображения как «фабрикации» и «фальшивости»¹⁹. Последние термины предполагают подлинность сообществ других видов, что для Андерсона неприемлемо, т.к. вообще все сообщества «сотворены». Но, с другой стороны, он признает все же некоторую реальность «воображаемого» как *основы* для репрезентации²⁰. Нации замещают иллюзией не реальность (некие «настоящие» сообщества), а само «воображаемое» *замещается* некоторыми формами национальной риторики²¹. Таким образом, мы всегда имеем дело только с разного рода текстами (в широком постмодернистском значении), которые придают «вещам законченность и наглядность», высвечивая национальное.

Отсюда становится понятно, зачем Б. Андерсону понадобился анализ структур романа и газеты: именно они дали *явную*²² возможность репрезентации нации. Так, можно проследить аналогию между ролью читателя, который знает о связи действующих лиц произведения (зачастую не знающих о существовании друг друга) в одну социальную единицу, воспринимая их одновременно сосуществующими, и ролью обывателя, не имеющего представления о том, что делают другие члены сообщества, но уверенного «в их стабильной, анонимной, одновременной деятельности»²³. В конечном счете именно это чувство единства, представленного *текстом* и осознаваемого *субъектом*, в одновременном движении во времени разных вещей и людей, и является для Б. Андерсона *воображением*.

использованием понятия репрезентация в тексте близком по тематике к «Воображаемым сообществам» (и знакомого Б.Андерсону): Саид, Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006, С. 37-38, С. 547, прим.8.

19 Ссылаясь на книгу Геллнера (Gellner, E. Trought and Change. Ch., 1964), внимание на этом отличии акцентирует сам Б. Андерсон. Суть различия, думаем, в следующем. Геллнер говорит о «не существовании» наций в смысле отсутствия их онтологического присутствия в истории, т.к. у него это некоторая возможная форма соединения двух надиндивидуальных субстанций – государства и культуры (Геллнер, Э. Нация и национализм. М., 1989, С.112-116). У Б. Андерсона вообще нет никаких субстанций кроме индивидов, которые создают любые надиндивидуальные связи. Скорее всего этот интеллектуальный ход нужен ему для облегчения собственной аргументации: если существуют только индивиды, то нации совершенно точно воображаемы (т.е. являются представлениями индивидов). Но в отношении «сущности» наций между позициями Геллнера и Андерсона нет отличий, т.к. первая состоит только в том, что показывает примат практики над субстанцией, т.е. национализма «здесь-и-сейчас» как производящего воображаемую «вечность» нации (Там же, С. 127-128). Это, думаем, как раз тот подход, который пытается продемонстрировать сам Б. Андерсон.

20 Ср.: «Перед нами *предстает* [средневековый] мир [курсив наш – П.М.], в котором изображение воображаемой реальности было всеобъемлюще визуальным и акустическим» (Андерсон Б. Ук. соч., С.46)

21 Здесь следует отметить, что этим, как мы думаем, Б. Андерсон указывает на принципиальное различие между воображением и репрезентацией. Мы же хотели бы показать их неразличимость (см. заключение).

22 Ср.: «Читатель газеты, наблюдая точные повторения своего потребления газеты своими соседями... постоянно убеждается в том, что воображаемый мир зримо укоренен в повседневной жизни» (Там же, С. 58).

23 Там же. С.49сл.

Роль языковой реальности подчеркнута выводится на передний план при решении вопроса о истоках появления национального культурного типа, т.к. непосредственную причину возникновения нации Б. Андерсон видит в «печатном капитализме»²⁴, который искал новые многоязычные рынки после насыщения прежнего ограниченного рынка литературы на старом сакральном языке (в частности, латыни)²⁵. По сути книгоиздатели, публиковавшие книги на родных языках потенциальных читателей, породили свою собственную аудиторию (публику²⁶), т.к. создали её основное качество – её печатный (литературный) язык²⁷. Именно последний заложил, по мнению Андерсона, основание национального самосознания, создав унифицированное поле коммуникации, стабильное во времени и занимающее привилегированное положение в плане властных отношений²⁸, т.е. единый язык национального «центра». Даже в случае носящих национальный характер освободительных движений в Северной и Южной Америках (где не было национального языка, отличающегося от языка метрополии) обнаруживается языковая составляющая процесса – региональная ограниченность (провинциальность) тем для коммуникации²⁹ и направления коммуникативных взаимодействий местной «элиты»³⁰. Андерсоновская позиция состоит именно в том, что несмотря на некоторые другие причины стремления колоний к освобождению³¹ национальный характер этому движению (т.е. форму именно такого «воображения» сообщества) придали особенности региональных способов коммуникации³².

Таким образом, языковая реальность либо формально (то, как говорят), либо содержательно (то, о чем говорят) создает и одновременно репрезентирует коллективное воображение³³. Впрочем, создает всего лишь случайно в результате «взрывного взаимодействия» разнородных обстоятельств: определенной системы производства (капитализма³⁴), преобладаю-

24 Там же. С. 60, 84.

25 Там же. С. 61.

26 Там же. С. 63. Ср.: «Первые [колониальные] газеты содержали... коммерческие [и местные] новости... Иначе говоря, тем, что сводило на одной странице *это* бракосочетание с *тем* кораблем, *эту* цену с *тем* епископом, была сама структура колониальной администрации и рыночной системы. А стало быть, газета, выходившая в Каракасе, вполне естественно и даже аполитично создавала воображаемое сообщество в кругу специфического собрания со-читателей, которым *эти* корабли, невесты, епископы и цены принадлежали» (С.85, курсив Б.Андерсона). Интересную критику подобных положений см.: Beyond imagined communities: reading and writing the nation in nineteenth-century Latin America [Text] / Ed. Castro-Klarén S., Chasteen J.C. - Washington, 2003.

27 Там же, С. 67, 89-98.

28 Там же. С.67-68.

29 Там же. С.84 - 88.

30 Там же. С. 77-81.

31 Там же. С. 74-84: агрессивность метрополии по «выкачиванию» денег, дух Просвещения, невозможность для «элиты» колонии стать элитой в метрополии, и даже зачастую в самой колонии (т.е. положение «креола») и т.д.

32 Там же. С. 88.

33 Ср.: Там же, С. 162 - 164.

34 С точки зрения Б. Андерсона капитализм сделал буржуа

щей технологии коммуникации (печати) и языковой разнородности³⁵. В дальнейшем языковая реальность, создавшая воображаемую связь между индивидами, сама стала зависеть от национального способа «воображения», как от порождающей коммуникативной матрицы, превратившей нацию в самосознании исторических субъектов во «вневременную» сущность. В этом смысле языковая реальность не только рождает случайные явления (тогда она была бы полностью нестабильна), но и репрезентирует и даже совершенствует наиболее «удачные» из них, превращая их в подобие платоновских «эйдосов», впрочем, исторически произвольных.

Но этот путь «конструктивистского»³⁶ исследования наций, на наш взгляд, рождает несколько принципиальных теоретических проблем. Так, Б. Андерсон последовательно *описывает*, как, однажды возникнув, «воображаемое сообщество» все больше становится «реальным» (в том смысле, что с его существованием считаются), но каков *механизм* воображения, выражающийся в объективации и универсализации (причем лишь в некоторых границах) *предпочтений субъектов*, остается, пожалуй, загадкой. Нации стали случайно фактом истории, их любят, как любят язык, на котором говорят, или глаз, которым видят, т.е. к ним *аффективно* привязаны. Из них, короче говоря, люди сделали *eidos* и полюбили его. Надо же что-то любить! Вот и всё объяснение³⁷.

Такая дескриптивность процесса воображения – продукт «феноменологического» способа исследования – надо зафиксировать не столько *почему* реальность такова, а разобраться в деталях *какова* она³⁸. Ведь ответы на вопросы «почему» предполагают не то, что непосредственно явлено, а причину именно такого явления в его специфически-универсальной форме, т.е. «скрытый» закон. Но все «скрытое» Б. Андерсон с самого начала объявил «воображаемым», а потому он не может одно воображаемое объяснять с помощью другого. Отсутствие «закона» воображения приводит Б.Андерсона к стремлению убедить нас в том, что некоторые формы одновременных «контактов» (чтение одной и той же газеты, «паломничество» к региональному центру, рассмотрение карты) *не связанных друг с другом* людей

независимыми друг от друга, лишив их обычных для *ancien régime* межличностных связей (свойственных аристократии хотя бы на уровне генеалогии), а потому свою общность (солидарность) они могли только «вообразить» и то, только в тех границах, которые «определялись границами читаемости соответствующих родных языков» (Там же, С. 66).

35 Там же.

36 Кошман А.Л. Конструктивистские теории нации и национализма в современной западной социологии. Автореф. дисс. ...к.с.н. М., 2002.

37 Андерсон Б. Ук. соч., С.172. Впрочем, в добавленных во втором издании (1991 г.) главах Б. Андерсон, видимо, осознает такой психологизаторский подход, и показывает, возможно пытаясь исправить «пробел» объяснения, каким конкретно образом могла выстраиваться «тотализирующая классификационная разметка», способствующая осуществлению власти позднеколониальных государств (Там же, С. 202), кроме всего прочего и путем создания «истории» наций (Там же, С.222-223).

38 Подобный метод («анализ поверхности текста») демонстрирует и Эдвард Саид (См.: Саид Э. Ук.соч., С. 36-37).

просто вызывает у участников *чувство* общности. Воображение скачком преодолевает *разрыв* между отсутствием коммуникации и её косвенным осуществлением за счет *совместного* действия (например, *одинаковой* интерпретации текста или ощущением *тождественности* действий в однородном времени и пространстве). Думаем, что эти допущения не правомерны.

Во-первых, для массовой тождественной интерпретации текста недостаточна его воспроизводимость в широких масштабах. Тексты либо имеют бесчисленное множество интерпретаций (=предназначаются для любого читателя), либо ограниченность интерпретации предполагает уже готовую «модель читателя» (=автор ориентируется на *существующего* идеального читателя)³⁹. Это значит, что массовость *препятствует* (а не способствует) однозначности понимания смысла текста, в то время как однозначность его понимания предполагает аудиторию, *готовую* к однозначности. Во-вторых, для понимания разрозненных действий как совместных и тождественных кроме «пустого гомогенного времени и пространства» необходима уже налаженная коммуникация, т.е. действия можно однозначно понять только в *контекстуальном сообществе*⁴⁰. А потому и до разрыва (акта воображения) должна была существовать некоторая общность, перешедшая в новое качество, иначе новая общность вовсе не могла быть образована. Иначе говоря, поместить некое действие (или текст) в «национальный» контекст можно, только если «нация» в нем «изначально» объективно присутствует (а не только субъективно конструируется) или если «нация» (в историческом отношении) производна от других форм общности. Поэтому автору «Воображаемых сообществ» не надо было называть нации «воображаемыми», т.к. и *спонтанность* их появления *ex nihilo* (=акт воображения), и существование в качестве всего лишь *косвенных* (без объективной связи) коммуникаций (=сущность воображения), и механизмы их воспроизводства (=акты репрезентации воображаемого) вызывают серьезные сомнения.

Конечно, в теории Б. Андерсона есть своя логика – его концепт «воображаемое сообщество» играет роль своеобразной кантианской трансцендентальной идеи⁴¹ – того, что существует как безусловная необходимость завершения целостности опыта (= сообщество), при этом *выходя за его пределы* (= воображаемое). Эмпирическая данность – не

39 См., например: Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб., М., 2005, С.19-21 (закрытые/открытые тесты = произвольная/моделируемая интерпретация).

40 Ср., например, классическое описание Г. Райлом «смыкания век правого глаза», обретающее свой конкретный смысл (т.е. воспринимающееся как моргание, или подмигивание, или пародия и т.д.) только в определенном контексте (См. подробнее: Гирц, К. Интерпретация культур. М. 2004, С. 11-13).

41 «[Идея] такое необходимое понятие разума, для которого в чувствах не может быть дан никакой адекватный предмет». т.е. это понятие «некоторого максимума» (Кант, И. Критика чистого разума. М. 1994. С.233).

само «воображаемое», а только его репрезентация, ведь мы имеем дело в опыте не с «нацией», а только с *текстами*, предполагающими её существование (также как рассматривая картину, *мы воссоздаем* из мазков замысел художника, ведь строго говоря, кроме мазков мы ничего не видим). Реальность (для субъекта) разбросанных во времени и пространстве репрезентаций всегда зависит от «воображаемого»: без некоторого способа упорядочивания реальность была бы набором «мириады специфичностей и партикулярностей»⁴². Это значит, что «воображение» работает посредством универсалий, но универсалия способна существовать только через свою репрезентацию, т.е. неуниверсальный, отдельный «предмет» (текст). Поэтому лишь условно можно говорить о сосуществовании «космически-универсального и обыденно-партикулярного»⁴³, которые взаимно образуют реальность человеческого существования: первые «воображены», вторые существуют. Ясно, что подобный способ рассуждения исключительно в духе номинализма У. Оккама – общее сконструировано через индивидуальное, являясь лишь удобным для субъекта способом объединять разнородные, но похожие объекты. А потому универсалия *по-разному* воспринимается сообществами (и в конечном счете, отдельными субъектами). Это значит, что нет «Национализма», а есть конкретные группы (и индивиды) со своими частными национализмами⁴⁴.

Действительно, перед исследователями наций всегда вставала серьезная проблема, которую можно проиллюстрировать следующей ремаркой Э.Хобсбаума: «...главная особенность [национального] способа классификации человеческих групп такова: те, кто принадлежит к «нации», утверждают, что последняя представляет собой в известном смысле важнейшую коренную предпосылку социального бытия и даже индивидуальной идентификации ее членов – при этом, однако, совершенно невозможно указать сколько-нибудь удовлетворительный критерий, который позволил бы нам [«внешнему» наблюдателю – П.М.] определить, какие именно из многочисленных человеческих сообществ должны носить ярлык «нации»»⁴⁵. В исследовательской литературе эта сложность выражалась прежде всего в отсутствии сколько-нибудь общего мнения по поводу содержания соответствующих понятий, а также отсутствии «постоянного набора» признаков нации⁴⁶. Можно согласиться с тем, что Б. Андерсон путем *элиминации общего* как из

обстоятельств возникновения, так и из риторик конструирующих и воспроизводящих образ наций,⁴⁷ разрубает (вместо того чтобы развязывать) gordian узел проблемы отсутствия общих черт у многочисленных наций и национализмов.

Но игнорируя «универсалии», он, как нам представляется, столкнулся с еще более глубокой проблемой: в результате своего размышления он не должен был называть нации «сообществами». Последний термин предполагает именно общность, но как раз её, исходя из методологического номинализма, автор принципиально не может фиксировать. Кроме того, те свойства, которые Б. Андерсон считает (не слишком следуя собственной методологии) основными для любого вида национализма (ограниченность, суверенность, товарищество и анонимность) настолько неконкретны, что не в состоянии сами по себе стать основой для объединения в эмоционально и ценностно-мотивированные группы, если, конечно, считать нации именно такими группами. Кроме того, этими же свойствами могут обладать и другие формы политических (и иных) сообществ, не имеющие отношения к нациям: например, римские граждане времен империи (не зная друг друга в лицо в силу обширности территорий, они имеют одинаковые права перед законом в силу суверенитета *populus romanorum*, противопоставленный варварам) или члены конспиративных обществ (анонимно подчиняясь обособленной высшей цели, делающей их самостоятельной организацией, они рассматривают друг друга как «братьев», хотя и в иерархии, резко противопоставляя себя всем иным).

«Воображаемые сообщества» в андерсоновском контексте – своеобразный концепт-оксюморон. Если воображение есть *только* «способность представлять предмет также и без его присутствия в созерцании»⁴⁸, то оно еще вовсе не способно создавать общности. Чтобы их создавать, оно должно было бы обладать способностью, условно говоря, «а priori определять чувственность, и его синтез созерцаний сообразно категориям»⁴⁹, т.е. быть объективным хотя бы по-

47 Ср.: «...Сотворение этих артефактов [национальности и национализма] к концу XVIII в. было спонтанной дистилляцией сложного «скрепления» дискретных исторических сил, но стоило лишь им появиться, как они сразу же стали «модульными», пригодными к переносу (в разной степени сознательному) на огромное множество социальных территорий и обрели способность впалять в себя либо самим впаляться в столь же широкое множество самых разных политических и идеологических констелляций» (Андерсон Б. Ук. соч., С. 29). По сути тот же принцип «становления сингулярности, исходя из множества детерминирующих элементов», назвав его «генеалогия», предлагает и Мишель Фуко. При этом исключая из практик социального исследования «объясняющую историю», ориентированную на строгий детерминизм. См., например: Foucault, M. Qu'est-ce que la critique? [Text] / M. Foucault // Bulletin de la Société française de philosophie. 1990. №2. P.51.

48 Кант И. Ук. соч. С. 110. Вполне возможно, что мы ошибаемся, прямо приписывая Б. Андерсону такое кантианское определение воображения. Но тем не менее, думаем, что оно вполне в духе «Воображаемых сообществ», поскольку их автор, как и данное определение, относит воображение в сферу исключительно субъективного, да и сам предмет «нация» ни в каком чувстве не дан (т.к. даны только его репрезентации).

49 Там же.

42 Андерсон Б. Ук. соч. С. 46.

43 Там же.

44 «Проблема кроется в бессознательной склонности сначала гипостазировать существование Национализма-с-большой-буквы (примерно так же, как это можно было бы сделать в отношении Возраста-с-заглавной-буквы), а затем классифицировать «его» как некую идеологию» (Там же. С. 30). О типологии (креольские, языковые, официальные, колониальные) и особенностях национализмов см.: Там же. С. 90-159.

45 Хобсбаум Э. Ук. соч. С.9.

46 Калхун К. Национализм. М., 2006. С. 32, прим.1. С. 197-199.

кантиански. Но именно этого Б. Андерсон не может даже предположить, т.к. ему пришлось бы явно вводить не просто тождественного для всех (хотя бы в данной группе) «национального» трансцендентального субъекта (хотя в размышлениях о наблюдателе националистических текстов он его уже неявно ввел), а условия истинности/ложности воображения как продукта хоть какой-то объективности. Самое, пожалуй, непоследовательное в позиции Б. Андерсона в том, что для его понимания «воображения» необходимы и трансцендентальный субъект, и система эпигенезиса (а не *generatio aequivoca*) как условий «необходимого» истолкования репрезентаций *любым* представителем группы, а для понимания «сообщества» эти условия, впрочем как и истинность, совершенно излишни, т.к. все сообщества (и люди в них) *разные*. Именно поэтому мы считаем, что подобное «простое» понимание воображения сообщества в целом бессмысленно, принципиально не выполняя какой-либо объяснительной функции.

Основной вопрос, который должен быть решен, на наш взгляд таков: почему из языковой и других «видов» реальности реконструируется именно *eidos* нации, т.е. вневременная сущность, к которой принадлежит субъект? Или если переформулировать: почему нация (в том числе и как риторика) тесно связана с «эссенциалистским редукционизмом», т.е. сведением многочисленных, запутанных, не вполне явленных культурных и социальных различий к «чистым» дифференциациям по «видимым», «естественным» национальным признакам? При решении этого вопроса нужно исходить скорее из *несубъектного* понимания «воображения», к которому непосредственные индивиды имеют более сложное отношение, чем в андерсоновской трактовке. Действительно, он прямо отождествляет воображение с субъектом, который без особой причины создает связь на обломках старых культур⁵⁰, а потом эту связь «лелеет», передавая её в разнообразных формах («сама по себе» эта связь вовсе «бесформенна») другим субъектам. Но почему национальная связь становится настолько *значимой* для «воображающих» её (учитывая её буквальную пустоту), остается в рамках андерсоновской концепции совершенно непонятно. И если эмоциональную значимость национальной принадлежности для *любого* индивида вполне можно поставить под вопрос⁵¹, то социальная значимость дифференциации никакого сомнения не вызывает.

Несубъектный подход к воображению подразу-

мевает возврат⁵² к пониманию его как *копирования* *eidos* в образ, с той, конечно, разницей, что подобная «платоновская» форма вовсе не вечна, само «копирование» не вполне необходимо, а «*eidos*» и «образ» материальны. Мы надеемся в следующей статье показать, что «идеальность» этого воплощения образа носит исключительно марксистский характер, т.е. воображение наций никакого отношения к их самопорождению в сознании субъекта не имеет, а предполагает *укорененность* подобной формы различия исключительно в способах социальной *деятельности* и её *продуктах*⁵³. В очередной раз надо кое-что теоретически «перевернуть»: не воображение (=идея в сознании индивида) конструирует общность (=реальность идеи); наоборот, имеющаяся общность (=реальность деятельности, как на индивидуальной «идеи») служит источником её репрезентации в коллективных представлениях (=образе реальности). Иначе говоря, там, где Б. Андерсон пошел дальше автора «Мимесиса», скорее всего вслед за постмодернистами (но с некоторыми кантианскими «вариациями»⁵⁴), он двигался, как мы думаем, не в том направлении⁵⁵.

Принципиальный отказ от марксистского подхода, для которого, национализм, с точки зрения Андерсона, – лишь непонятная аномалия⁵⁶, не позволяет ему показать само *производство* национального различия. Речь в «Воображаемых сообществах» всегда идет о репрезентации идеальной *субъективной* формы общности, т.е. о *воспроизводстве* различия. Но именно одновременность значимого различия и общности на основе анонимности всех национальных отношений объяснить таким путем затруднительно. Даже буквальный чувственный характер национальных различий и сходств (которые действительно *видят*⁵⁷), т.е. *овеществленность* подобных отношений, не находит внятного прояснения, кроме указания на очевидность.

52 Ср.: Ямпольский М. Ук. соч. С. 377. В этом смысле в исследовании социальных процессов необходимо отказаться от понимания воображения как творческой силы, «заклоченной в сознании, которая произвела все то, что мы называем культурой и цивилизацией» (Там же. С. 428)

53 Ср.: «Идеальность – это ... форма функционирования физической вещи в процессе общественно-человеческой жизнедеятельности. ...Идеальность тем самым имеет чисто социальную природу и социальное происхождение» (Ильенков, Э.В. Проблема идеального. В сб.: Эдвард Васильевич Ильенков. М., 2008. С. 189-190).

54 Ср.: Бушмакина О.Н. Конструирование дискурса воображаемого сообщества в современной философии. Вестник Удмуртского университета: Социология и философия, 2006, №3. С. 10 (по поводу кантианства в позиции Н. Лумана).

55 В этом смысле мы вполне согласны с тем, что «в конечном счете никакого индивидуального фантазма нет. Имеется скорее два типа групп, группы-субъекты и поработанные группы» (Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2008, С. 104).

56 Андерсон Б. Ук. соч. С. 28-29. Хотя автор (возможно под влиянием своего брата – известного марксиста Перри Андерсона) не может или даже не хочет от марксистских идей вполне избавиться, что делает его позицию, как нам кажется, несколько эклектичной.

57 Так еще в свое время Л. Гумилев вполне серьезно писал о видимой разнице между поведением русского, кавказца, татарина и латыша в одной и той же ситуации (Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. Популярные лекции по народоведению. М., 2007. С. 22).

50 По поводу предшествовавших форм культуры (других воображаемых связей) он уточняет, что именно их *исчезновение* дало *возможность* появиться совершенно новому типу культуры (Андерсон Б. Ук. соч. С.58-59, на С. 35 более осторожно). См., также: Davidson, N. Reimagined Communities / N. Davidson [Электронный ресурс] // International Socialism, 2007, №117. Режим доступа: <http://www.isj.org.uk/index.php4?id=401=117>, свободный. - Загл. с экрана.

51 Особенно в форме проблемы, сформулированной Андерсоном (Ук.соч. С. 32): «Почему люди готовы умереть за нацию?», т.к. умирают они и за другие «идеи», а достаточно часто вовсе предпочитают не умирать.

Итак, сообщества воображены только в том смысле, что они репрезентированы образами, никогда *не совпадающими* с реальностью. Это значит, что дискурс, т.е. события речи, в которых осуществляется акт репрезентации нации, – это только один из видов социальной деятельности, предполагающий воспроизводство национального различия, неспособный при этом его порождать. Вполне можно согласиться с М. Грохом, который полагает, что при понимании национализма (как дискурса о нации) не как производного, а как производящего нацию, произвольно считают следствие причиной, путая вопросы «почему» и «как», т.е. рассматривают «инструменты национальной агитации ...как решающий фактор успеха этой агитации»⁵⁸. И хотя роль националистических риторик, естественно, не надо недооценивать (они *исключительно* важны), заметим, что даже в рамках самого «дискурсивного конструктивизма» рассматривать нацию только как единственное (или основное) производное «националистических мероприятий», пожалуй, невозможно⁵⁹. ле, что они репре-

58 Грох М. Консенсусное объяснение формирования наций. Вопросы философии, 2011, №1.

59 Например, три измерения национализма (дискурс, политический проект, идеологическая оценка), предложенное К. Калхуном (Ук. соч., С. 32-33), есть одно измерение, т.к. прежде всего говорится о риторике производящем действии. Но, конечно, автор не может последовательно оставаться только в рамках риторик, показывая, например, как нацию создает что-то другое – политическая борьба, рынок и т.д. (Там же. С. 124, 160, 164-165, 186).

зентированы образами, никогда *не совпадающими* с реальностью. Это значит, что дискурс, т.е. события речи, в которых осуществляется акт репрезентации нации, – это только один из видов социальной деятельности, предполагающий воспроизводство национального различия, неспособный при этом его порождать. Вполне можно согласиться с М. Грохом, который полагает, что при понимании национализма (как дискурса о нации) не как производного, а как производящего нацию, произвольно считают следствие причиной, путая вопросы «почему» и «как», т.е. рассматривают «инструменты национальной агитации ...как решающий фактор успеха этой агитации»⁶⁰. И хотя роль националистических риторик, естественно, не надо недооценивать (они *исключительно* важны), заметим, что даже в рамках самого «дискурсивного конструктивизма» рассматривать нацию только как единственное (или основное) производное «националистических мероприятий», пожалуй, невозможно⁶¹.

60 Грох М. Консенсусное объяснение формирования наций. Вопросы философии, 2011, №1.

61 Например, три измерения национализма (дискурс, политический проект, идеологическая оценка), предложенное К. Калхуном (Ук. соч., С. 32-33), есть одно измерение, т.к. прежде всего говорится о риторике производящем действии. Но, конечно, автор не может последовательно оставаться только в рамках риторик, показывая, например, как нацию создает что-то другое – политическая борьба, рынок и т.д. (Там же. С. 124, 160, 164-165, 186).

УДК 16

UDC 16

Н.А. НЕКРАСОВА

доктор философских наук, профессор, зав.кафедрой философии и культурологии Московского государственного университета (МИИТ)
E-mail: sinekrasov@mail.ru

З.В. МАКАТОВ

кандидат философских наук, и.о. доцента национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва)

N.A. NEKRASOVA

doctor of philosophical sciences, professor, head of the Department of Philosophy and consumer culture of Moscow State University (MIIT)
E-mail: sinekrasov@mail.ru

Z.V. MAKATOV

candidate of philosophical sciences, associate professor of the national research university "Higher School of Economics" (Moscow)

ДУХОВНОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ

SPIRITUAL DEVELOPMENT PERSONALITY

В статье показывается, что духовность – это всегда возвышение к идеалу, то есть самосовершенствование, доказывается, что основными составляющими самосовершенствования личности являются самопознание, самовоспитание и саморегуляция.

Ключевые слова: духовность, развитие, духовный уровень, антидуховная установка, самосовершенствование, самопознание, самовоспитание и саморегуляция, трансценденция.

The paper shows that spirituality – it is always the elevation of the ideal, that is, self-improvement, it is proved that the basic components samosovershenstvaniya personalities are self-knowledge, self-education and self-regulation.

Keywords: spirituality, development, spiritual level antiduhovnaya setting, self-improvement, self-knowledge, self-education and self-regulation, transcendence.

Развитие человека может совершаться «по горизонтали», когда он сосредоточивается на самом процессе эмпирического или рефлексивного бытия, не переходя на более высокий, духовный уровень. При этом действует бездуховная установка. Когда же действует антидуховная установка, личность отрицает духовные ценности и противопоставляет им антидуховные, устремляясь «вниз» в своём духовном развитии, так как его деятельность при отсутствии духовного устремления, даже при её активности, всегда деструктивна.

Когда происходит переход на следующий уровень бытия, человек рождается как личность, обретая духовность. По утверждению В.Н. Волкова, личностное самоопределение проходит две стадии. Первая стадия – «конструирование» при помощи сознания, «ибо в нём рождаются исходные смыслы всех форм человеческой активности... Стадия конструирования есть стадия собирания себя как духовного существа... Духовное бытие возникает там, где начинается освобождение человека от эгоизма и индивидуализма, от «самости», погружённой в «дурную» бесконечность» [3, 287]. Вторая стадия – стадия творчества, на которой начинает определяться характер деятельности человека с опорой «на символические конструкции, в которых фиксируется смысл бытия... Духовное можно рассматривать в качестве источника новых смыслов» [Там же].

Саморазвитие личности – это спонтанность быть

субъектом своей жизни, превращая её в объект практических преобразований с целью самосовершенствования себя, то есть обретения всей возможной полноты существования. Если развитие – это становление личностного в человеке, это реализация человеком своих потенций универсальности, то саморазвитие – это её духовное самосозидание, основанное на целостном отношении к миру и связанное с выходом индивида, его чувств и мыслей в сферу отношений «человек – мир», в область трансцендентного. При этом критерием самооценки личностью своих поступков и собственной жизни становится духовное. Поэтому можно говорить о том, что саморазвитие – это и есть процесс трансцендирования, а личностное бытие – это бытие трансцендирующее. М. Хайдеггер, говоря, что «представление о том, что человек есть нечто, выходящее за свои пределы», подразумевает, что «человек есть всегда нечто большее, чем только одарённое способностью сознать и познавать существо. Помимо знания о сущем человек духовно направлен дальше: бытие человека изначально причастно к божественному, что и придаёт ему трансцендентный характер» [12, 21-22]. К. Ясперс пишет: «Трансценденция – это бытие, которое никогда не станет миром, но которое как бы говорит через бытие в мире. Трансценденция есть только тогда, когда мир состоит не из себя, не основан на самом себе, а указывает свои пределы. Если мир всё, то трансценденции нет. Если трансценденция есть,

то в бытии мира содержится возможное указание на неё» [13, 426].

Таким образом, трансцендирование предстаёт как способность человека преобразовывать себя путём выхода за собственные границы своего бытия, преодолевать любые формы предметности и находить его не в наличном социально-культурном бытии, а в постоянном саморазвитии, когда он, включая свои усилия, становится другим, чем был до этого. С.Л. Рубинштейн так описывает это состояние: «Своими действиями я непрерывно взрываю, изменяю ситуацию, в которой я нахожусь, а вместе с тем непрерывно выхожу за пределы самого себя. Этот выход за пределы самого себя не есть отрицание моей сущности, как думают экзистенциалисты, это её становление и вместе с тем реализация моей сущности; не отрицание самого себя и становление, но становление и реализация» [8, 344].

Возникает естественный вопрос: что движет человеком в трансценденции? Видимо, в человеке кроме его собственных сил присутствует сила, которая совершает направленность его восхождения в трансценденции. Такой силой является дух как субъективное состояние сознания личности. Именно эта сила способствует самоконструированию личности и направляет её к некоему универсальному Абсолюту, предельно возможному измерению. Без этого движения, постоянного перерастания себя личность исчезает.

Но духовность – это не просто саморазвитие, а всегда возвышение к идеалу, то есть самосовершенствование.

Основными составляющими самосовершенствования личности являются самопознание, самовоспитание и саморегуляция. Основу самопознания представляет собой самосознание как познание самого себя, своего места и роли в реальной действительности. Каждый человек занимается самостроительством своей жизни, организывает свою деятельность, формирует поведение. Сознание и самосознание выступают основой такого самостроительства.

Самосознание глубоко индивидуально. Чтобы стать субъектом самосознания, необходимо выделить себя из объективного мира и противопоставить себя ему, то есть осознать свой внутренний мир, собственное Я, свою индивидуальность. Однако самосознание не является чисто индивидуальным, ибо через общение с другими людьми человек формирует львиную долю своего жизненного опыта. Поэтому самосознание осуществляется по двум каналам: осознание своих взаимоотношений с людьми, восприятие человеком объективной реальности и осознание своих собственных действий, восприятие сознательного и бессознательного своей субъективности. Но самосознание – это не столько созерцание себя в мире, сколько действующее Я, способное открыть объективный смысл происходящего в самом человеке и вне его. Смысл, находящийся вне себя и в себе,

не дан, а только задан ситуацией жизни (в виде задачи). А чтобы решить её, надо догадаться, каким образом переформулировать её условие. Для этого надо суметь использовать все то, что изобретено не тобой, а до тебя и специально для этих случаев. Но изобретённое до тебя надо уметь использовать. Причём, если действовать уже изобретёнными способами, то задачу нельзя решить. Надо самому найти тот единственный способ, которым можно её решить. Поэтому только способность самостоятельно изобретать то, чего нет ни в природе, ни в культуре, делает человека субъектом самосознания, субъектом своей воли, то есть своего свободного действия.

Мышление – это преобразование того, что уже есть, но на основе своей цели (которой ещё нет) и своего способа (который личность должна придумать). Мышление – это то в каждом человеке, что творит ещё не сотворённое. В отличие от него самопознание – это познание познающего. Оно отличается умозрительным характером и углублением в собственную сущность, которая в процессе жизнедеятельности человека из свёрнутого состояния потенции постепенно развёртывается, являя свою духовную сущность, и этот процесс есть не что иное, как очеловечивание человека, его гармонизация. Самопознание – это самоосознание человеком самого себя. Его можно с уверенностью считать высшим видом творчества, так как в самосознании идеал человека достигает своего наивысшего проявления: он разворачивает свою сущность и раскрывает себя в духовном архетипе человечества. Но духовное творчество – это не просто умозрение и самосозерцание, оно носит деятельный характер, так как в своей деятельности человек проверяет свои духовные достижения, поэтому духовное пронизывает всю человеческую жизнедеятельность. Но если самосознание является непосредственно сферой проявления духовного, то в других сферах человеческой жизнедеятельности духовное проявляется только косвенно.

Если понимать самопознание как процесс развёртывания сущности человека, то духовность можно определить как деятельность по осуществлению самопознания. Такой подход к проблеме духовного представлен в работах Г.С. Батищева, С.Б. Крымского, С.А. Нижникова, В.И. Стрелкова и других. Духовность здесь понимается как «состояние расширения внутреннего горизонта сознания, которое опережает (в идеале всегда должно опережать) возможности самоидентификации человека... процесс становления и постоянного восстановления бесконечной целостности личности... Другими словами, духовность как неравенство наличного сознания самому себе... изыскивает и находит её в целостности сознания» [10, 200-201]. Таким образом, духовна только та деятельность сознания, которая ориентирована на бесконечность и целостность. Духовность напоминает сознанию человека о том, что оно есть иное по отношению к любым своим проявлениям. Вектор духовного акта направлен всегда к высшему,

большему. Поэтому духовность есть творчество, так как является познанием личностью своей истинной трансцендентной природы.

Как пишет А.С. Арсеньев, «человек есть часть, конечное сущее, которое является зеркалом Вселенной, всего бытия; он – реальность, в которой представлено идеально то, что находится за пределами этой конечности» [1, 142]. Противоречие конечное – бесконечное может быть реализовано в наличном бытии лишь в форме трансцендирующего, переходящего свои границы особенного, то есть в форме потенциальной бесконечности. Актуальная бесконечность человека реализуется в наличном бытии только в форме трансцендирования. И эта бесконечность, заключённая потенциально в человеке, есть основная тайна антропогенеза, отличающая человека от животного.

Трансцендируя, то есть, объективируя содержание сознания (отчуждая его от себя как не-Я в акте рефлексивного сосредоточия на нём) и формируя его рефлексивное дублирование в виде символа, обозначающее сущность человека, человек создаёт своего двойника в виде «Я», где Я выступает в виде символа человека. Таким образом, самопознание как духовный процесс может осуществляться только при помощи символов, которые дают возможность сознанию обрести внутри себя точку опоры, отталкиваясь от которой, сознание человека способно к самоочищению.

Главным духовным символом выступает «Я», которое упорядочивает, организует и направляет духовную и практическую жизнедеятельность человека. Отчуждая от себя «не-Я», человек узнаёт себя как нечто иное, чем освобождает своё сознание от наличного повседневного содержания и обращения к трансцендентному. Поэтому не случайно в восточных духовных традициях трансцендирование происходит путём медитации, где Я очищается от не-Я. Я как символ духовного обращает сознание человека на самое себя через своё идеальное присутствие в сознании, концентрируя на нём свою психическую энергию. Осознание Я происходит путём трансцендирования наличного бытия. Это, в свою очередь, является порождением духовного, так как духовность всегда выступает как принцип самостроительства человека, как выход к высшим ценностям, как конституирование личности с её менталитетом, как ориентация на самосовершенствование. Духовность можно кратко определить как способность человека переводить вселенную внешнего бытия во внутренний универсум личности на основе общечеловеческих нравственных ценностей. Духовность приводит к соединению мира символов с нравственными ценностями и установками. Нам представляется, что самопознание личности – это, с одной стороны, самодостаточная и самоопределяющая себя сущность, но с другой – она есть проявление, самораскрытие другой реальности – Абсолюта, на что указывает

способность Я не просто к наличию субъективной реальности, но и способность Я выходить из неё, то есть трансцендировать, преодолевая свои собственные пределы, возвышаться в сферу высших смыслов и ценностей. Откуда берутся эти «знания», пред-ощущение «иного», трансцендентного? Являются ли они эманацией собственной человеческой субъективности или другой реальности?

Сама суть человека как существа неокончательного, незавершённого, никогда не удовлетворяющегося своим наличным бытием, существа, не признающего границ своего наличного бытия и интуитивно прозревающего нечто иное за пределами этого мира, заключена в этом стремлении, из которого он в качестве экзистенции черпает своё бытие.

Самосознание и самопознание лежат в основе самовоспитания, в которое, прежде всего, включается выработка человеком в себе определённых качеств (воли, сдержанности, добропорядочности и других), овладение трудовыми и деловыми навыками, а также методами управления своими делами и общения с другими людьми. Так, великий русский педагог К.Д. Ушинский понимал самовоспитание как формирование самостоятельно думающих граждан, управляющих своими чувствами, совершенствующих свой характер и укрепляющих свою волю [11, 27].

Самовоспитание – это усовершенствование своих природных дарований с тем, чтобы свои достижения с наибольшей возможностью использовать для раскрытия своей родовой сущности и восхождения по лестнице совершенствования, в чём и заключается главнейшая цель существования на земле человека. Исходя из этой цели, сущность процесса самовоспитания состоит в решении трёх задач (заботы о своём физическом, умственном и нравственном здоровье): во-первых, укрепление своей физической природы; во-вторых, раскрытие и совершенствование своих природных умственных способностей для максимально эффективной творческой деятельности и, в-третьих, постоянный нравственный рост для утверждения в своём реальном бытии своих нравственных принципов.

В этой триединой задаче нравственное совершенство является всеопределяющей стороной. Ещё Плутарх говорил, что нравственное совершенство есть самое высокое и самое божественное из всех свойств человека. Именно этой стороной своих возможностей человек более всего утверждает человеческое в себе, приближаясь к идеалу. Человек может быть силен, умен и красив, но если он не будет излучать доброту, он не будет достоин звания человека (он будет только сильным, умным и красивым животным). Поэтому нравственные свойства человека составляют венец человечности и драгоценное достояние его развития.

В реальной жизнедеятельности под нравственностью понимают совокупность дурных и добрых мыслей, желаний и основанных на них действий и поведения человека или всего человеческого со-

общества. Мысли, желания и поступки считаются добрыми, когда они служат развитию в человеке способности сочувствия и сострадания ко всем людям, включая и врагов своих, восстановлению в отношениях между людьми права и милосердия, уменьшению вражды и воцарению на земле любви, поэтому постоянное нравственное самосовершенствование и утверждение на примере своей жизни своих нравственных достижений способствует совершенствованию других. А значит, нравственное совершенствование – вот основной путь становления духовности личности и духовности всего человечества.

Ещё Дж. Локк в своём сочинении о воспитании говорил: «...Основа всякой добродетели и всякого достоинства заключается в способности человека отказываться от удовлетворения своих желаний, когда рассудок не одобряет их» [6, 437].

Нравственное совершенствование требует вечной борьбы со злом и соблазном. На пути нравственного восхождения необходимо помнить: кто не идёт вперёд, тот идёт назад. Путь добродетели кажется тяжёлым, но на самом деле он скрывает огромное удовлетворение. Когда человек начинает жить по требованиям любви, он сразу видит преимущества такой жизни перед жизнью эгоиста и узнает, что бремя добродетели приносит огромную радость. С каждой победой над злом воля человека становится крепче, а дальнейшая борьба со злом – всё плодотворнее. Поэтому надо следовать правилу последователей Пифагора: «Да не смежит сон очей твоих прежде, чем ты трижды перечислил деяния дня. Куда направлялись шаги твои? Что наиболее пригодного совершил ты для себя? Какого доброго дела не исполнил? И, подведя итог, сотри дурное с душевным сокрушением и радуйся добру» [9, 268].

К методам и приёмам преодоления своих отрицательных качеств в процессе самовоспитания относятся: осмысливание деятельности, побуждение себя, овладение собой, задержка поступков и влечений, переключение себя с одного вида деятельности на другой. Самопознание и самовоспитание осуществляется в связи с развитием воли, а значит, включает в себя целеустремлённость, самообладание, способность преодолевать препятствия и выдерживать до осуществления саморегуляции, которая может проходить на адаптивном уровне и на уровне инициативы.

Однако сила духа в большей мере проявляется в творчестве, поэтому творчество является искомой и исходной для других сил: души (высшие эмоции и чувства), нравственного императива (не знающего выбора совести), духа (интуиции и интеллекта) и воли как силы, объединяющей силу духа и силу души.

Огромное значение в процессе духовного совершенствования имеет созерцание. Раньше в отечественной философии понятию «созерцание» приписывали качества пассивности. Но в действи-

тельности созерцанию свойственны направленность и созидательная активность, но особого рода. В созерцании заложено стремление не преобразовывать мир вокруг себя, а преобразовывать себя в нём. Вот почему восточная мудрость в этом отношении продвинулась далеко вперёд, ибо построена на невмешательстве во внешний мир, на нанесении ему вреда (мир гармоничен сам по себе), а значит – на духовном созерцании, которое лежит в основе процесса самосовершенствования.

Если восточная традиция, как мы уже отмечали, связывает созерцание с отождествлением, слиянием человека с предметом созерцания, то Платон представлял его как сверхчувственное познание идей (то есть умозрение), когда человеку открывается истинный мир. Он считал, что сначала «человеческая душа по своей природе была созерцательницей подлинного сущего». Но после грехопадения человека, в силу её отягощения телесной материей, она «вечно стремится в занебесную область, где способна опять созерцать истину» [7, 215]. Поэтому только философия помогает человеку взлететь к вечному бытию, ибо она является умозрительной практикой, в ходе которой человек обретает крылья. В Новое время созерцание низводилось до уровня обычного чувственного восприятия, предшествующего рассудку. Фихте и Шеллинг рассматривали его как интуитивное проникновение, идущее от видимости объекта к постижению его сущности. Кант, считая невозможным интеллектуальное созерцание, рассматривал его как «объединение предмета с формами созерцания» – пространством и временем, а Гегель познание в синтезе с созерцанием называл спекулятивным мышлением. Гуссерль рассматривал эмпирическое созерцание как познание предметов чувственным опытом и интеллектуальное созерцание как познание сущности (эйфоса). Ленин рассматривал его как целостное осознание предмета, предшествующее понятийному познанию: «от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике – таков диалектический путь познания истины» [4].

В философском смысле созерцание имеет много значений, иногда противоречащих друг другу. Так, одни рассматривали его как зрительное созерцание, как восприятие вообще, как эмпирическое непонятное постижение явления. Другие же – как нечувственное постижение явлений, как чисто логическое и даже математическое рассмотрение предмета; как ценности или идеи данных явлений. Третьи – как созерцание в духе Платона, то есть как внутренний процесс непосредственного образования идей, как нравственное осознание явлений, как восприятие Абсолюта (или Бога) и как интуитивное постижение предмета.

Все мировые религии духовное состояние описывают как непосредственное духовное созерцание её символов, то есть как умозрительное созерцание, характеризующееся бесстрастием, которое рождается от знания, а знание освобождает человека от

страстей. Поэтому духовное познание совершается не только в интеллекте, но и в преобразовании чувственности и воли человека в полное бесстрашие. Отсюда цель жизни – это духовное созерцание и протекающая из него свобода.

Не вдаваясь в сущность самого понятия «созерцание», постараемся определить его сущность как духовного явления. В этом плане созерцание объединяет в себе все сущностные силы человека, возведённые в совершенство и высшую гармонию. В духовном созерцании едины вера и разум, чувство и рассудок, переживание и мышление. В нём духовный архетип человечества находит своё высшее воплощение в виде разных образов, символов и идей.

Созерцание, прежде всего, задействует душу человека, следовательно, его можно определить как гармонию души с миром. Но созерцание отнюдь не пассивность, угасание и нирвана. Оно проявляет себя как осмысление не только практической активности духовной реальности человека, но и как спокойное креативное созерцание, отвечающее на вопрос: каким я хочу стать? «Созерцание, – пишет Р.Л. Лившиц, – может быть расценено как вид непотребительской деятельности, изменяющей не объект, а субъект действия» [5, 27]. Созерцание – это область совокупного внутреннего смыслотворчества. Поэтому духовность без созерцания невозможна так же, как без отражения действительности и конструирования. Созерцание – это не простое самосоздание себя, но и ответственное самоконструирование, так как результат этого творчества человек выносит в своём отношении к миру в виде своего познания, культуры, нравственности и т.п. Именно в этом заключается познавательный и культурный смысл созерцания [Там же].

Хотя сознание универсально и абсолютно как понятие, оно всегда определено и ограничено организацией своего носителя, то есть лишь благодаря своему субстрату оно способно существовать, а значит – творить. Дух без материи невозможен: он – только пустая форма. Только в единстве с материей дух творит. Духовное – это творчество во всём.

Н. Бердяев в работе «Смысл творчества» характеризует творчество «опытом антроподии через творчество», в результате которого «человеческий род превращается в человечество» [2, 261]. Он рассматривал творчество как процесс развёртывания сущности человека. Именно человек является целью духовного творчества. Ведь лишь развёртывая все

свои потенции, человек раскрывает духовный архетип человечества в своей собственной душе и ощущает своё единство с мирозданием и людьми.

Духовный процесс – это развёртывание сущности человека, когда он ещё не объективировался в различных формах познания (философствовании, веровании или художественном творчестве), то есть когда духовному феномену извне не навязывается сущность и он сам вырабатывает её как своё откровение. Этому требованию отвечает понятие духовное созерцание.

Созерцание принято рассматривать как непосредственный способ осознания предметов. Созерцание – это и психический процесс, и его результат. Как психический процесс созерцание проходит ряд этапов: интуитивное погружение в предмет созерцания, зрительное восприятие целостного предмета и образование чувственных представлений, смыслоформ, идей, нравственных принципов, сущности Бога и других абсолютов.

Духовное созерцание – это и «чистое созерцание», в котором содержание достигает границ сознания и отождествляется с ним (в молитве), или, наоборот, всякое содержание пропадает (в медитации), то есть выступает как конечная цель, которая символически обозначается как обожание, нирвана, бесстрашие, запредельный покой. Аристотель так определял духовный феномен чистого созерцания: созерцание – это энергия покоя, которая движет всем, как неподвижный перводвигатель, который созидает всю Вселенную и духовную жизнь человека.

Философия как умозрительное явление рассматривает созерцание как то, что зрится умом, и сам процесс такого видения. Именно к такому пониманию созерцания как умного видения пришёл Платон. До него даосизм рассматривал постижение Дао как спонтанное созерцание ума; древнеиндийская мысль учила, что Атман постигает тот, кто умно видит сущность всех вещей; буддизм состояние нирваны характеризует как созерцание чистого сознания или пустого ума.

Таким образом, созерцание представляет собой непосредственный путь развёртывания сущности человека, сутью духовного познания как процесса бесстрастного (то есть свободного) умственного видения, основанного на большом опыте и знаниях. При созерцании человек со всей полнотой ощущает объект и чувствует достоверность его существования.

Библиографический список

1. *Арлова Е.В.* Место и роль категории духовности в иерархии человеческих ценностей. М., 1992.
2. *Бердяев Н.А.* Философия свободы: Смысл творчества. М., 1990.
3. *Волков В.Н.* Онтология личности Иванова, 2001.
4. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т.18.
5. *Лившиц Р.Л.* Духовность и бездуховность личности. Екатеринбург, 1997.
6. *Локк Дж.* Сочинения: В 3 т. М., 1988. Т. 3.
7. *Платон.* Сочинения: В 3 т. М., 1970. Т. II.

8. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. Проблемы общей психологии. М., 1976.
9. Соколовский Н.В. Мысли об основах житейской нравственности и человеческого счастья. // Человек: образ и сущность (гуманитарные аспекты). М., 1996.
10. Стрелков В.И. Духовность и творчество. Человек как философская проблема: Восток – Запад. М., 1999.
11. Ушинский К.Д. Собр. соч. М., 1952. Т.2.
12. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1993.
13. Ясперс К. Философская вера. Смысл и назначение истории. М., 1991.

References

1. Aralova E.V. Place and the role of spirituality in the category hierarchy of human values / E.V. Aralova. Moscow, 1992.
2. Berdyaev N. The Philosophy of Freedom: The meaning of creativity. - Moscow, 1990.
3. Volkov V.N. Ontology of personality / V. Volkov. Ivanovo, 2001.
4. Lenin V.I. Full Works. Op. / V.I. Lenin. 5th ed. T.18.
5. Livshits R.L. and lack of spirituality spiritual personality / R.L. Livshits. Ekaterinburg, 1997.
6. Locke J. Works: The 3 tons / Locke. M., 1988. Volume 3.
7. Plato. Works: The 3 tons / Plato. M., 1970. T.II.
8. Rubinstein S. Man and the world / S. Rubinstein / Problems of General Psychology. - Moscow, 1976.
9. Sokolovsky N.V. Thoughts about the basics of everyday morality and human happiness / N.V. Sokolowski / Man: the image and essence of (human aspects). M., 1996.
10. Shooters V.I. Spirituality and Creativity / V.I. Gunmen / Manas a philosophical problem: East - West. Moscow, 1999.
11. Ushinsky K.D. Coll. Op. / Ushinskii. M., 1952. Volume 2.
12. Heidegger M., Being and Time / Heidegger. Moscow, 1993.
13. Jaspers K. Philosophical faith / Jaspers / Jaspers and Goal of History / Jaspers. Moscow, 1991.

УДК 130.2

UDC 130.2

О.В. ПЧЕЛИНА

O.V. PCHELINA

кандидат философских наук, доцент, докторант
кафедры философии Московского педагогического
государственного университета
E-mail: opchelina@yandex.ru

candidate of Philosophy, associate professor of philosophy,
doctoral student in philosophy Moscow State Pedagogical
University
E-mail: opchelina@yandex.ru

ТЕУРГИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО: ТЕМЫ И ВАРИАЦИИ

THEURGIC AESTHETICS BY OF D.S. MEREZHKOVSKY: THEMES AND VARIATIONS

Статья посвящена вопросам теургической эстетики русской религиозной философии. Основное внимание в работе автор уделяет анализу эстетических идей представителя русского религиозного ренессанса Д.С. Мережковского. Раскрыта специфика эстетической концепции мыслителя, показано влияние его идей на современников и обоснована значительность вклада Д.С. Мережковского в развитие теургической эстетики русской религиозной философии.

Ключевые слова: теургическая эстетика, красота, символизм, созерцание, эстетический опыт.

The article deals with the theurgic esthetics of Russian religious philosophy. The author focuses on the analysis of the esthetic ideas of the Russian religious renaissance representative D.S. Merezhkovsky. The specificity of the thinker's esthetic concept is disclosed, the influence of his ideas on his contemporaries is shown and the significance of D.S. Merezhkovsky's contribution to the development of theurgic esthetics of Russian religious philosophy is proved.

Keywords: theurgic esthetics, beauty, symbolism, contemplation, esthetic experience.

«Романтическая эстетика Мережковского
всегда требует крайностей, бездн,
полюсов, пределов, последнего...».

Н. Бердяев

В истории отечественной философской мыс-

ли символизм — одно из самых значимых и ярких
эстетико-художественных явлений русского религи-
озного Ренессанса. Об этом свидетельствуют много-
численные исследования как отечественных, так и
зарубежных авторов. В отечественной философской

мысли обращают на себя внимание два фундаментальных труда, посвященных вопросам теургической эстетики. Так, в книге «История античной эстетики. Последние века» выдающийся русский философ А.Ф. Лосев определяет цель теургии как «полное или хотя бы частичное соединение с божеством» и подчеркивает, что «такое соединение возможно только благодаря существованию божественных тайных символов» [7, с. 257]. Обосновывая принципиальное различие между теургией и теологией, философ поясняет, что теургия основана на символах, а теология – на знании и разуме.

Осмысляя исторический опыт, проанализировав понятие «теургии» в русской религиозной философии, один из авторитетных специалистов в области эстетики видный российский ученый В.В. Бычков считает теургическую эстетику «специфически русским явлением». Под теургической эстетикой исследователь понимает «духовно ориентированную имплицитную эстетику, направленную на активное преобразование всей человеческой жизни по эстетическим и религиозно-этическим законам в процессе особого художественного творчества, уповающего на духовную поддержку свыше» [3, с. 9]. Отмечая тот факт, что предпосылки теургической эстетики как русского явления прослеживались на протяжении всего 19-го столетия, В.В. Бычков подчеркивает, что в полной мере она сложилась «в среде русских религиозных мыслителей (представителей «духовного возрождения») и отчасти русских символистов» [3, там же].

В данном контексте в русло теургической эстетики органично вписывается имя Д.С. Мережковского (1865-1941) – одного из основателей отечественного символизма и инициатора Религиозно-философских собраний в Петербурге (1901-1903 гг.). Философско-эстетическая система и оригинальные эстетические принципы в подходах к литературе и искусству особенно выделяли Д.С. Мережковского из общего круга его современников. Анализируя специфику и «литературный источник» духовно-эстетического Возрождения начала XX века, русский философ Н.А. Бердяев подчеркнул, что именно в лице Мережковского «новая русская литература, русский эстетизм, русская культура перешли к новым темам, темам «религиозным», «великим и вселенским» [2, с. 370].

Произведения Д.С. Мережковского вызывали неоднозначную реакцию в современном ему обществе: нелицеприятные отзывы, а нередко и жесткая критика творчества мыслителя демонстрировали негативное отношение к автору и к его новым идеям. Тем не менее, темы, поднятые Д.С. Мережковским, нередко определяли умонастроения современников, варьировались в зависимости от предпочтений последних: «Тут в уютной квартирке на Литейной создавались новые мысли, расцветали никогда не расцветавшие цветы. Проходило много месяцев, и мысли эти начинали пестрить страницы журналов... Здесь,

у Мережковского, воистину творили культуру, и слова, произнесенные в квартире, развозились ловкими аферистами слова. Вокруг Мережковского образовался целый экспорт новых течений без упоминания источника, из которого все черпали. Все здесь когда-то учились, ловили его слова», – вспоминал А. Белый [1, с. 9].

Несмотря на то, что в творческом наследии Д.С. Мережковского нет специального труда, посвященного исключительно проблемам эстетики, можно с полным основанием говорить о том огромном эстетическом потенциале, который присутствует в литературно-критических и публицистических статьях, исторических романах и эссе мыслителя. Блестящее владение иностранными языками, изучение первоисточников, посещение исторических мест, внимание к деталям, интерес к эстетике архитектуры и ландшафта – вот те особенные черты, из которых складывались эстетический опыт и эстетические впечатления Д.С. Мережковского.

Символистская эстетика стала той областью, где Д.С. Мережковскому удалось сформулировать и воплотить принципы и положения нового «идеалистического искусства», разработать концепцию новой «субъективно-импрессионистической» критики и противопоставить её критике публицистической. Обосновывая «черты грядущей идеальной поэзии», критик выделил «три главных элемента нового искусства – *мистическое содержание, символы* и расширение художественной впечатлительности» [10, с. 538]. Согласно Д.С. Мережковскому, предложенный им метод «субъективной критики» значительно расширяет возможности жанра, позволяя критику не только почувствовать живую душу писателя – «своеобразную, единственную, никогда более не повторяющуюся форму бытия», но также «изобразить действие этой души на ум, волю, сердце» читателя [8, с. 353]. «Субъективную критику» можно рассматривать и как эстетический принцип, который позволил по-иному взглянуть на цель, задачи и смысл критики, задал совершенно новый вектор её развития как литературного направления. Д.С. Мережковскому - критику удалось заметить художественность и эстетический аспект там, где этого не смогли увидеть его «коллеги по цеху». Так, в творчестве А.С. Пушкина мыслитель подчеркивает духовно-эстетический аристократизм, в поэзии М.Ю. Лермонтова – «стихийный простор»; глубинное понимание природы и эстетическое наслаждение от её описания усматривает в произведениях А.П. Чехова, дает высокую оценку не только произведениям, но и самой личности И.С. Тургенева как эстета и созерцателя красоты. «Тайновидцем плоти» и «тайновидцем духа» выступают русские писатели Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский в знаменитом исследовании Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский».

Д.С. Мережковский не только выдвинул и теоретически обосновал новаторские идеи, но и про-

демонстрировал широкие возможности эстетики и понимание природы эстетического, заостря внимание на экзистенциальности художественного произведения, принципах свободы художественного творчества, эстетическом значении художественной формы, анализе эстетических вкусов и потребностей. Основной интерес творческих поисков мыслителя сконцентрирован вокруг историософских и эстетических проблем, многие произведения написаны с точки зрения переоценки эстетических ценностей современного ему общества.

Взяв на себя роль одного из вождей и первых теоретиков символизма – «кажется, я раньше всех в русской литературе употребил это слово», – Д.С. Мережковский рассматривал символизм как эстетико-художественное явление в тесной связи с проблемами философии и религии, противопоставил декадентство символизму, подчеркивая, что «тогда уже понимал их различие» [9, с. 321]. При этом Д.С. Мережковский не пребывал в плену так называемого эстетского кокетства, не разделял позиций элитарности, любования искусством и социальной апатии, свойственных многим представителям «нового романтизма». Д.С. Мережковский не призывал уйти от действительности или забыться в потустороннем и отвлеченном мире, не возлагал на сферу эстетики задачи исключительно созерцательного характера. Наоборот, свои художественные, религиозные и философские искания Д.С. Мережковский пытался максимально воплотить в практику общественных деяний. Тезис «искусство – для жизни и, конечно, жизнь – для искусства» стал не только доминантным принципом, но и эстетическим *credo* творчества мыслителя [12, с.159]. В этом смысле вклад Д.С. Мережковского в развитие теории эстетики приобретает особую ценность.

Символизм стал внешней формой выражения духовных устремлений и поисков мыслителя. Эстетика и религиозная сущность культуры – это основополагающие составляющие русского символизма, а создание символов – это особый дар художника, некая глубинная внутренняя потребность, говорил мыслитель. Его призыв «от великого созерцания» перейти «к великому действию, от слова к делу» подчеркнул многофункциональность и имманентную творческую энергию символа: «Символы должны естественно и невольно выливаться из глубины действительности. Если же автор искусственно их придумывает, чтобы выразить какую-нибудь идею, они превращаются в мёртвые аллегории, которые ничего, кроме отвращения, как всё мёртвое, не могут возбудить» [10, с. 538].

Понимая символизм как «*всемирный переворот в культуре*», мыслитель трактовал «символ» как художественный образ, «из того мира в этот поданный знак, перекинутый мост»: «Нельзя говорить о Боге словами, о Беспредельном – определениями; можно только знаками, ... *молчаниями между слов* дать почувствовать несказанное присутствие Божие» [9, с. 257]. Согласно Мережковскому, культура и религия

составляли единое целое, а потому культура «не вытеснит, а лишь *заменит* собою религию, займет ее место, то есть она сама станет *религией*» [11, с. 86].

Базисной эстетической категорией можно считать идею о разграничении поэзии и литературы, озвученную Д.С. Мережковским в работе «О причинах упадка и о новых течениях в современной русской литературе» (1893). Данная статья была воспринята критиками и современниками автора как первый манифест русского символизма. Разграничивая поэзию и литературу, автор отождествлял «поэзию» с красотой как с эстетическим качеством. Понимая под поэзией дар искусства и художественного творчества, мыслитель отмечал, что «литература зиждется на стихийных силах поэзии так же, как мировая культура – на первобытных силах природы» [10, с.523]. Противопоставляя «интеллигентного певца народа» поэту «истинно народному», Д.С. Мережковский подчеркивает способность последнего следовать народной мудрости – несмотря на страдания и несчастья умению черпать вдохновение в красоте, любить её «как жизнь, как свободу, как свою силу, как хлеб насущный» [Там же, с. 544].

Встав на путь новаторства, Д.С. Мережковский придерживался классических традиций в эстетике – созидания и интерпретации красоты и прекрасного как смысла и ценности эстетического. Согласно Мережковскому, «вечная, божественная красота» есть сущность и «божественная мера» творчества, мгновение, которое длится вечно и несет человеку очищение. Творчество же представляет собой результат гармонического единства «творений рук человеческих и природы... – творчества людей и творчества божественного» [9, с. 23-24]. Красота – один из важнейших источников не только культуры и искусства, но и самой человеческой жизни, красота лежит в основании жизни человеческой наряду с религиозным чувством и любовью, созерцается в искусстве и эстетике. Путевой очерк «Акрополь» – яркая иллюстрация такого подхода. Описывая свои путевые ожидания и впечатления, автор отметил, что он испытал эмоциональный восторг и «эстетическую эйфорию» (В.В. Бычков) при встрече с «живой красотой», почувствовал то «освобождение» от жизни, которая дает красота: «Смешной заботы о деньгах, невыносимой жары, утомления от путешествия, современного пошленького скептицизма – всего этого как не бывало. И – растерянный, полубезумный – я повторял: “Господи, да что же это такое”... Наконец-то настало в жизни то, для чего стоило жить!» [Там же, с. 21-22].

Называя Древнюю Грецию «колыбелью красоты, гармонии, человеческого творчества», Д.С. Мережковский обращает внимание на то, что природа и произведения искусства Древней Греции находятся в гармонии между собой, более того, природные элементы на фоне творений великих мастеров приобретают иное значение, несут новый смысл. Д.С. Мережковский пришел к заключению,

что художники выделяли в природе то, что считали прекрасным и божественным, окружали все это «рамкой» и именно поэтому море принимает *«эллиническое выражение»*: это не «водная поверхность», по которой ходят современные торгово-промышленные пароходы, а «лазурная, кипящая влага, из которой вышла Венера – Анадиомена, богиня красоты» [8, с. 358].

Красота неотделима от нравственности и справедливости: «Созидание на земле даже малейшей доли красоты – такой нравственный подвиг, такое благодеяние людям, что оно несоизмеримо ни с какими денежными наградами» [Там же, с. 528]. Таким образом, теоретик символизма приходит к выводу о неразрывной связи эстетики с этикой. Можно предположить, что Д.С. Мережковский развивает идеи основоположника христианского экзистенциализма Сёрена Кьеркегора, оказавшего определенное влияние своими взглядами на русскую философскую мысль и литературу. Знакомство русских читателей с трудами С. Кьеркегора состоялось в 1894 г., когда в России были опубликованы отрывки из книги Кьеркегора «Или-или» под названием «Наслаждение и долг» в переводе П.Г. Ганзена. Если датский философ анализирует феномен эстетизма, различные ступени эстетического отношения к жизни, рассуждает о роли и взаимосвязи эстетической и этической составляющих в жизни человека, то русский символист изначально разрабатывает эстетические установки в области искусства, литературы и философско-литературной критики и уже в последующем предлагает их в практику повседневного существования. С. Кьеркегор относит поэтов и художников к высшей категории эстетиков, для которых высшим жизненным принципом является наслаждение красотой как высшим благом, истиной и богом эстетизма. Однако такой подход к красоте чреват тем, что поэт искушается красотой и, создавая свой собственный эстетический мир, пытается избежать реальности. «Серьезное отношение к эстетике, впрочем, так же полезно для человека, как и всякое вообще серьезное отношение к делу, но одно оно еще не в состоянии спасти душу человека» [6, с. 278]. Кьеркегоровское «или-или» заставляет человека сделать для себя экзистенциальный выбор этической или религиозной сферы. Этическое наполняет эстетическое глубинным смыслом и только в единстве обеих сторон достигается гармоническое единство личности и полнота жизни, убежден датский мыслитель. Этическое в корне меняет отношение человека к эстетическому, привносит совсем иной смысл: «Эстетическим началом может назваться то, благодаря чему человек является непосредственно тем, что он есть, этическим же – то, благодаря чему он становится тем, чем становится» [Там же, с. 226].

Эстетика творчества была также предметом анализа символистов. Сущность искусства не исчерпывается ни красотой, ни нравственностью, не выражается словами и определениями – «она выше,

чем красота, и шире, чем нравственность», – рассуждает Д.С. Мережковский. Красота не может быть безнравственной, так как по своей природе красота правдива; безнравственными в искусстве могут быть только уродство и пошлость. Придавая большое значение не столько нравственным тенденциям, сколько творцу, мыслитель видел его роль в «бескорыстной, неподкупной правдивости» и «бесстрашной искренности», в мастерстве «бескорыстной оценки прекрасного» [8, с. 532]. С этих позиций Д.С. Мережковский называл творчество художника высшей ступенью красоты и приравнивал к нравственному подвигу. Мысль Д.С. Мережковского об этическом долге творца созвучна мысли С. Кьеркегора о противопоставлении эстетического наслаждения внутреннему нравственному долгу. Называя эстетику «рабом минуты» и земных наслаждений, датский философ предупреждал о бессмысленности подобного существования, болезни духа, отчуждения от собственной личности и своего истинного «Я» [6, с. 281]. Принимая роскошь за полноту и богатство жизни, человек «в полном одиночестве может прожить всю жизнь, как настоящий дикарь, принять даже образ и подобие зверя среди величайшего комфорта, в грандиозных отелях, похожих на дворцы», – словно продолжает мысль С. Кьеркегора отечественный философ [9, с. 174].

Для Д.С. Мережковского синтез этического и эстетического также связан с гармоническим единством «внутреннего во внешнем», с единством материального и духовного начал личности, культуры и общества. Наступление «бездушной цивилизации» отозвалось в обществе низким уровнем этического и упадке духовной активности, а стремление к идеалу «разумного комфорта» и «утилитарной роскоши» – «пустыми, уродливыми и жалкими» произведениями искусства, подчеркнувшими бездуховность творческих замыслов их создателей. Провозглашая красоту выше добра, мыслитель был убежден, что божественная красота, искусство и эстетика откроют человеку путь к религиозному спасению [Там же, с. 258].

Одним из эстетических принципов Д.С. Мережковского является эстетика «самых прозаических подробностей жизни» – внимание к деталям, неопределенности чувства, эмоциональным нюансам, бессознательному переживанию, мистическому чувству [10, с. 544]. Таким способом Д.С. Мережковский выразил собственный опыт символизма, декадентства и отчасти импрессионизма. Художественные описания А.С. Пушкина критик сравнивает с темперной живописью, с воздушно-прозрачными красками, творчество Л.Н. Толстого представляется ему могущественным полотном, выполненным тяжелыми масляными красками, на примере произведений И.А. Гончарова мыслитель показывает ценность эстетики «драгоценных мелочей», глубину скрытых автором идей. Особенно ярко тенденция к «художественным подробностям» проявилась в работе «Л. Толстой и Достоевский», когда критик анализи-

рует незначительные детали внешнего вида героев Л.Н. Толстого, с помощью которых русский писатель добивался возникновения в воображении читателя почти реальных картин, образов и ситуаций. Многочисленные телесные признаки («белые пухлые руки», «короткая верхняя губка», «белая ручка», «длинная тонкая шея», «тяжелые ступни»), которыми изобилуют произведения Л.Н. Толстого, используются автором не только для обобщения образа героя, но и для передачи глубокого, таинственного смысла действий. При этом Д.С. Мережковский акцентирует внимание на чувственном опыте писателя: проникая в ощущения обнаженного тела молодой девушки перед выездом на бал, утомленной родами женщины, кормящей матери, в мысли охотничьей собаки, автор романа «как будто прожил сотни жизней в различных телах людей и животных» [8, с. 71]. Значение творчества русского писателя Д.С. Мережковский видит в том, что он смог изобразить не только телесного и духовного, но телесно-духовного, а именно, «*душевного человека*» [Там же].

Проникновение в смысл исторического процесса с точки зрения эстетического было характерной чертой всего творчества Д.С. Мережковского. В данном случае речь идет об «исторической эстетике» (А.И. Герцен) и «взгляде на историю как на эстетический артефакт», что было характерной чертой русской культуры, названной российским ученым К.Г. Исуповым «эстетикой истории» [5, с. 3]. В современных исследованиях (З.Г. Минц, К.Г. Исупов) внимание акцентируется на «двойной» эстетической кодировке прошлого в эпохе Серебряного века. Такой подход обусловлен как художественной природой исторического знания, так и стремлением осмыслить события в историософском ключе и придать им художественную завершенность. Символизация исторических процессов и событий стала одним из способов выявления ее эстетической выразительности. С помощью метода «комментированного чтения» исторических текстов теоретик символизма пытался отыскать

и интерпретировать следы и намеки современных ему событий, понять смысл исторического существования, проследить «звенья цепи», которые соединяли «века, культуры и религии»: «Взоры невольно обращаются назад, к великим произведениям древности, со смутной надеждой найти в них отзвуки наших дней», – писал Д.С. Мережковский [8, с. 395]. Так, «воля к прекрасному» связана у греков с волей к трагическому и эстетически-врожденной аксиомой благого конца, а Египет являл собой «один бесконечно развивающийся свиток с иероглифами. Вся живопись – иероглиф, и все иероглифы – живопись. Люди, растения, животные, звезды – все явления природы – письмена, начертанные Божьим перстом, вещие знаки, знамения» [13, с. 205]. Тезисом «в прошлом я ищу будущее» мыслитель выразил понимание всей истории человечества как стремления к достижению единой цели – построению Божественного Общества.

Историки русского зарубежья Г. Струве, П. Струве, В.Н. Ильин, С.А. Левицкий увидели в лице Д.С. Мережковского «пророка» будущей культуры, «ведущую фигуру» русского религиозно-философского возрождения начала XX века, назвали его идеи «далеко заброшенным идейным якорем», оценили выдающуюся роль символиста в мировой духовной культуре [4]. Мнение представителей Серебряного века созвучно оценке современных исследователей, отметивших, что «во всех творческих сферах он (Д.С. Мережковский – О.П.) служил одной цели – приданию новых импульсов, нового движения, новых идей нашему духовному бытию» [14, с. 380]. Уточнение масштабов и степени влияния эстетических идей Д.С. Мережковского – задача дальнейших исследований, но уже сегодня можно с полной уверенностью говорить о том, что важнейшие положения символистской эстетики, сформулированные мыслителем, во многом определили специфику развития теургической эстетики конца XIX – первой половины XX века и постсимволистской эстетики русской культуры.

Библиографический список

1. *Белый А.* Мережковский. Силуэт. В кн.: Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М.: Советский писатель, 1991. С. 5-10.
2. *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства В 2 - х т. Т. 2. М.: Иск-во, 1994. 510 с.
3. *Бычков В.В.* Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. 743 с.
4. *Мережковский Д.С.:* pro et contra: Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников: Антология. СПб.: РХГИ, 2001. 568 с.
5. *Исупов К.* Русская эстетика истории. СПб.: РХГИ, 1992. 156 с.
6. *Кьеркегор С.* Наслаждение и долг. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 416 с.
7. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: Последние века (III века – VI века). В 2-х кн. Книга I. М.: Искусство, 1988. 413 с.
8. *Мережковский Д. Л.* Толстой и Достоевский: вечные спутники. М.: Республика, 1995. 622 с.
9. *Мережковский Д.С.* «Акрополь». Избр. лит.-критич. статьи. М.: Кн. палата, 1991. 352 с.
10. *Мережковский Д.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. С. 522 - 560.
11. *Мережковский Д.С.* Больная Россия. Л.: Изд. Ленинградского университета, 1991. 272 с.
12. *Мережковский Д.С.* Эстетика и критика: В 2 Т. Т.1. М.: Искусство; Харьков: СП «Фолио», 1994. 670 с.
13. *Мережковский Д.С.* Тайна Трех. Египет–Вавилон. М.: 2003. - 560 с.

14. Международная конференция, посвящённая жизни и творчеству Д.С.Мережковского // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1991. Т. 50. № 4. С. 380–383.

References

1. *Beliy A.* Merezhkovsky. Silhouette. In : Merezhkovsky D.S. Still Waters Run Deep: Articles and studies over the years. - Moscow: Soviet Writer, 1991. Pp. 5-10.
2. *Berdyayev N.A.* Philosophy of creativity, culture and art in the 2 - 2 vols. - Moscow: Art. 1994. - 510 p.
3. *Bychkov V.V.* Russian theurgic aesthetics. M. Ladomir, 2007. - 743 p.
4. *Merezhkovsky D.S.*: pro et contra: Personality and creativity in evaluating Dmitry Merezhkovsky by contemporaries: An Anthology. - St. Petersburg : RHGI, 2001. - 568 p.
5. *Isupov K.* Russian aesthetics history. St. Petersburg: RHGI, 1992. - 156 p.
6. *Kierkegaard S.* Pleasure and duty. Rostov-on-Don: Phoenix, 1998. – 416 p.
7. *Losev A.F.* History of ancient aesthetics: Last Centuries (III century - VI century). In 2 books. Book I. M: Art, 1988. - 413 p.
8. *Merezhkovsky D.L.* Tolstoy and Dostoevsky: the eternal companions. M: The Republic, 1995. - 622 p.
9. *Merezhkovsky D.S.* “Acropolis”. Selected Literary-Critical Articles. - M: Book Chamber, 1991. - 352 p.
10. *Merezhkovsky D.O.* On the causes of decline and the new trends of modern Russian literature // D. Merezhkovsky. Tolstoy and Dostoevsky. Eternal companions. - Moscow: The Republic, 1995. Pp. 522 - 560.
11. *Merezhkovsky D.S.* Patient Russia. - Leningrad: University of Leningrad, 1991. – 272 p.
12. *Merezhkovsky D.S.* Aesthetics and Criticism: 2 V. V.1. - Moscow: Art, Kharkov: SP “Folio”, 1994. - 670 p.
13. *Merezhkovsky D.S.* Mystery of the Three. Egypt, Babylon. M.: 2003. - 560 p.
14. The International conference on the life and work of D.S. Merezhkovskogo // News of the USSR. Series Literature and Language. 1991. V. 50. № 4. Pp. 380-383.

УДК 02.41.21

UDC 02.41.21

Д.Л. РЫЖКОВ

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Московского государственного горного университета
E-mail: ryzhkovdl@mail.ru

D.L. RYZHKOV

candidate of Philosophy, Associate professor of Philosophy and Cultural Studies, Moscow State Mining University
E-mail: ryzhkovdl@mail.ru

МАРКСИЗМ О БУДУЩЕМ ОБЩЕСТВА: К НОВЫМ ФОРМАМ СО СТАРЫМИ ПРОТИВОРЕЧИЯМИ

MARXISM ABOUT THE FUTURE OF THE SOCIETY: TO NEW FORMS WITH OLD CONTRADICTIONS

В работе рассматривается возможность интерполяции марксистских представлений о механизме и источнике социального движения на современные общественные отношения. Показана роль социальных противоречий в процессе смены форм социального бытия. Делается вывод об актуальности выдвинутых положений марксизма относительно механизмов возникновения и воспроизводства общественных отношений.

Ключевые слова: общественное развитие, марксизм, культура, человек и природа.

The possibility of the interpolation of Marxist vision of the mechanism and sources of the social relations is being examined in the article. The author studies the role of social contradictions in the process of changing of the social being. He concludes the urgency of Marxist assertions about the mechanisms of the origin and reproduction of the social relations.

Keywords: social development, Marxism, culture, person and nature.

В размышлениях о возможном будущем нам представляются некие конкретные научные достижения и связанные с ними явления социального бытия: технологии, способы коммуникаций, овладение пространством и временем и многое другое подобное. В обыденном сознании укоренилось представление

о том, что видение будущего есть не что иное, как предсказание неких конкретных форм реальности, однако научное постижение законов социальной реальности подразумевает анализ социальных явлений в целях выявления содержания, то есть совокупности глубинных связей и отношений, определяющих

основные черты и тенденции развития социальной системы. Форма являет нам сущность в конкретном виде, а сущность оказывается скрытой в форме, обнаружение которой есть задача научного исследования. Рассмотрим с точки зрения такой методологической установки задачи социального познания в рамках социальной философии и политической экономии.

В контексте настоящей работы она рассматривается в качестве науки, имеющей своим предметом изучение всей совокупности отношений между людьми по поводу всех оснований, их порождающих. Политическая экономия может быть определена в качестве подсистемы социальной философии как область знания, занимающаяся только той сферой социальных связей, которые порождены экономическим взаимодействием внутри общества. Было ли обнаружено в рамках их предметов исследования некое знание о содержании общественно-исторического развития, которое может считаться элементом научного предвидения? Автор постарается дать ответ на этот вопрос, анализируя некоторые положения марксистской философии и политической экономии.

В недалеком прошлом марксизм, взятый на вооружение советским государством, практиковался именно в качестве описания будущего, а советское общество представлялось авангардом человечества благодаря знанию данной теории. При этом К. Марксу еще при жизни вменялось в вину отсутствие описания картин будущего: «парижский журнал “Revue Positiviste” упрекает меня, с одной стороны, в том, что я рассматриваю политическую экономию метафизически, а с другой стороны – отгадайте-ка, в чем? – в том, что я ограничиваюсь критическим расчленением данного, а не сочиняю рецептов (контровских?) для кухни будущего» [7, с. 19]. Однако истинный ученый не путает себя с гадалкой, а имеет дело с анализом практики настоящего и прошлого, в социальном знании – с формами общественных отношений. В свете сказанного автор сомневается в том, что Маркс или его посмертный интерпретатор Ф. Энгельс одобрили бы такую фразу, как «футурологический аспект марксизма», однако, если за последние двадцать лет марксизм наслушался в свой адрес множество обвинений от тех, кто его воспевал в свои зрелые годы, зачинатель этой статьи может воспользоваться правом автора на собственную оценку социально-философской доктрины марксизма.

О некоторых достижениях Маркса, имеющих важнейшее практическое значение в политической экономии, автором настоящей работы было сказано в статье, посвященной анализу подхода к изучению социальных процессов, при котором их причиной полагается разрешение присущих общественному образованию противоречий [9, с. 11-17]. Не имеет смысла здесь повторять уже сделанные выводы, а уместно вспомнить о ключевой идее марксизма, в соответствии с которой производство материальных благ и развитие средств производства полагаются главным фактором человеческой истории. Маркс

выводит основную закономерность исторического развития, начиная рассматривать не с наиболее доступного его глазу момента, а с начала становления общественного человека, то есть рассматривает социум в качестве исторического явления, когда каждая ступень не может быть автономно изучена.

С таким исходным посылом человек не может быть рассмотрен в отрыве от окружающего его природного мира: «Природа есть неорганическое тело человека, а именно – природа в той мере, в какой сама она и есть человеческое тело. Человек живет природой. Это значит, что природа есть его тело, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть. Что физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой, означает не что иное, как то, что природа неразрывно связана с самой собой, ибо человек есть часть природы» [5, с. 564-565].

Таким образом, социальная природа человека объясняется не как однажды возникшая, а как постепенно, эволюционно появившаяся в результате отделения своей субъективности от объективного мира. Истории одного человека, одного поколения и целого человечества оказываются увязанными в единую концепцию общественного развития, которая «...показывает, что история не растворяется в «самосознании», как «дух от духа», а что каждая ее ступень застаёт в наличии определенный материальный результат, определенную сумму производительных сил, исторически создавшееся отношение людей к природе и друг к другу, застаёт передаваемую каждому последующему поколению предшествующим ему поколением массу производительных сил, капиталов и обстоятельств, которые, хотя, с одной стороны, и видоизменяются новым поколением, но, с другой стороны, предписывают ему его собственные условия жизни и придают ему определенное развитие, особый характер. Эта концепция показывает, таким образом, что обстоятельства в той мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» [6, с. 28-29].

Итак, Маркс не просто учитывает историчность общественных отношений, но выводит механизм их воспроизводства, где нарастает значение бытия, создаваемого уже не дикой природой, а самим человеком, то есть – культуры, имеющей не меньшее воздействие на формирование сознания, чем та природа, которая возникла и существовала до и независимо от человека. Эта иная природа также познается социальным субъектом как предмет субъектом и определяет его дальнейшее воспроизводство материальной и духовной культуры. Следовательно, имеет место не только накопительство духовного материала, но и нисхождение отжившего, утратившего актуальность духовного бытия. Здесь человек предстает как единство двух программ: биологической, записанной в генетической системе, и социальной, закрепляющей накопленный общественно-исторический опыт. Благодаря такой программе человек передает из поколения в поколение тип общественного устройства,

ценностную структуру, на которой новые люди вырастают и которую они воспроизводят. При этом составляющие такой структуры со временем способны как усиливаться, так и затухать по мере изменения социальных потребностей, определяемых способом воспроизводства жизни людей.

Таким образом, культура меняется, принимая все новые исторические формы, а предметом, по поводу которого они появляются, выступает *способ общественного производства, то есть то, в какие отношения люди в рамках одного социума вступают между собой для воспроизводства собственной жизни.*

Нужно отметить, что такой подход к вопросу о социальном движении до Маркса не прозвучал ни у одного философа. Много говорилось о разных факторах общественного развития, как о материальных, так и об идейных, как об определяемых человеческой деятельностью, так и о провидении, но целостной системы взглядов, установившей происхождение и развитие общественных отношений, создано не было. Таким образом, можно говорить об открытии в социальной философии [9, с. 16], хотя, конечно, судя по высказываниям самого Маркса, он это так не оценивал.

Как видно, Маркс закладывает базу понимания общественного движения, выводит противоречие как источник социальных сил, движущих человечество от одной исторической формы существования к другой: «все исторические коллизии, согласно нашему пониманию, коренятся в противоречии между производительными силами и формой общения» [6, с. 74]. Такое движение не подлежит формализации, и, следовательно, не может быть описано конкретное состояние социума в будущем. Кроме того, даже в одной исторической фазе (например, социально-экономической формации) состояние общественных отношений разных народов не только не тождественны, но могут сильно отличаться. И это не выходит за рамки теории, так как общий характер в общественно-исторических формациях несут только те социальные отношения, которые определяются способом общественного производства материальных и духовных благ. В то время как разные народы имеют собственную историю становления и, соответственно, массу различных социальных связей, сложившихся по поводу особенностей своего развития.

Таким образом, марксизм формирует систему взглядов на социальное движение, в которой связывается воедино природа общего и конкретного в состоянии различных социумов с концепцией их исторического преобразования. То есть исторический и логический анализ общества оказываются неразрывны.

Перекладывая обозначенные представления на современные общественные отношения, мы можем с уверенностью заявить, что никаких опровержений этой концепции не наблюдается. Ярким примером

могут служить изменения в российском обществе за последние двадцать лет. Несмотря на падение Страны Советов и официального закрепления в нормативных документах основ капиталистического государства, люди наследовали ценности, культивируемые не одним поколением советских людей. Важнейшие социальные институты, такие как образование, здравоохранение, созданные советской властью, продолжали работать по привычному сценарию, на базе советской морали. Однако со временем, с наращиванием института частной собственности на средства общественного производства, все более заметную роль в социальных процессах стали играть предпринимательские мотивы. Настроения поиска большего заработка овладевали разными людьми, неодинаково относящимися к стремлению заработать больше денег как к намерению, негативно обрисованному в советской морали. Такое отношение к мыслям об обогащении было порицаемо советской моралью по идеологическим основаниям, однако никакая идеология не смогла бы удержать человека от такого стремления, если бы в Советском Союзе не были созданы материальные условия достатка, позволяющие любому работающему человеку, по крайней мере, не знать бедности.

С уходом советской идеологии извлечение как можно большего дохода стало нормой новой морали, однако инерция унаследованных ценностей оказалась слишком сильной, чтобы люди бросили мало-доходную деятельность и бежали на заработки. Но весьма скоро на доходах населения сказались так называемые «экономические реформы» нового политического руководства, в связи с чем уровень жизни населения не просто катастрофически упал, но за чертой бедности оказались работающие люди и пенсионеры. Так, по статистическим данным ниже прожиточного минимума в 1999 году бедными были: 52,4% от общей численности детей до 16 лет, 39,5% от числа женщин и 35,6% от числа мужчин [1, с. 135]. Отражение этого обстоятельства в общественном сознании привело к иному рода социальным ориентациям в поисках места работы, в выборе будущей специальности, в поиске спутника жизни, по отношению к изучению иностранного языка и т.п.

Возникли материальные основания разрушения представлений о том, что работающий человек обязательно обеспечен. Произошло это в связи со сменой способа общественного производства с социалистического на капиталистический. За чертой бедности оказывались в основном работники культуры, здравоохранения, образования, то есть сфер, социально высокозначимых для человека, для его физического и нравственного здоровья, но не имеющих целью извлекать прибыль. Когда такая цель стала наиважнейшей, работники этих сфер не просто оказались материально уязвимы, но и лишились социального статуса. Так, весьма уважаемая в советском обществе преподавательская работа в средней и, тем более, в высшей школе подкреплялась высо-

кими заработными платами, пропорциональными педагогическим, научно-педагогическим и научным достижениям людей. Такой престиж был унаследован лишь частично, так как быстро перестало быть секретом материальное положение этих людей. Вообще вопрос престижа особенно показателен при разборе марксистской системы общественного движения. С одной стороны, как уже было сказано, наследование отношений, закрепленных в культуре, то есть в создаваемой человеком собственной природе, с другой – новый способ общественного производства создает новое содержание престижа.

На приведенном примере видно, что система советских ценностей, как составляющая второй природы человека, созданной предшествующими поколениями, не исчезла из общественного сознания постсоветской России одновременно вместе с прекращением материальных к тому оснований. При этом люди не просто помнили прежние установки, но и творили еще свою жизнь, руководствуясь ими, несмотря на то, что самая предприимчивая часть общества полным ходом наживала богатства. Однако с развитием капиталистического способа общественного производства ценностные ориентиры советского общественного сознания отступили перед новыми потребностями, уступив место прагматизму.

Так осуществляется не только переход от одной формы общественной жизни к другой, но и повседневное социальное движение. Источником такого движения выступают внутренние для общества **как для единой системы** противоречия. Эта закономерность отражает **сущностный** характер и механизм социальной формы движения материи как единственного способа ее существования, но не описывает формы общественного бытия. Поэтому открытый социальной философией марксизма механизм общественно-исторического движения не показывает нам будущих форм социума и уж тем более не предсказывает конкретные события. Даже когда Маркс пишет о коммунизме, он не дает его определение, именно поэтому КПСС пришлось это сделать за Маркса в своих программных документах [8, с. 138]. Коммунизм в размышлениях Маркса предстает не как конкретная общественно-экономическая формация с заданными параметрами отношений между людьми, а как некое общество, преодолевшее основное противоречие капитализма. Это воззрение на будущую общность не может устраивать гадалок, медиумов, предсказателей или еще каких-нибудь претендентов на прозрение, но оно заявляет о том, что, во-первых, неизбежна смена одной формации на другую. Во-вторых, выводит критерий этой смены, а именно: преодоление основного ее противоречия труда и капитала. Вот и все, никаких оракулов с видениями картин будущего здесь нет. Даже в вопросе неизбежности перехода к новой формации в марксизме нет категоричных посылов. Как справедливо констатировал Г. Кунов относительно исторической необходимости в марксизме: «Переход к социализму

может в полной мере находиться в области реальной возможности постольку, поскольку капитализм создает все более и более невыносимое положение, которое возмущает против него людей и заставляет их требовать введения социалистического хозяйства. Может ли поэтому социализм уже и осуществиться сам собой, как историческая необходимость? Нет, могут отсутствовать исторические условия его осуществления, например, пролетариат может быть невежественным и неорганизованным, он может быть совершенно лишен духовных сил, необходимых для осуществления социализма» [4, с. 310]. Исследования такого крупного специалиста в марксизме только подтверждают позицию настоящей работы в том, что никаких описаний будущего в социальной философии марксизма не существовало и не могло быть, так как это бы противоречило основному ее материалистическому посылу: исходить только из того, что имеется в реальности. Человек всегда ограничен практикой прошлого и настоящего, и нельзя анализировать то, что нас ожидает в будущем, так же как нельзя говорить о том, ожидает ли нас оно или мы его творим ежесекундно.

Ведя речь о существующих, то есть актуальных противоречиях современной ему системы общественных отношений и о невозможности перехода к «началу человеческой истории» без их снятия, марксизм не может не заявить о некоем состоянии общества, когда они уже будут преодолены. Но это пояснение модельно, оно не носит исторически описательного характера настолько, насколько не является бестселлером научно-фантастического жанра. Как совершенно верно и справедливо интерпретирует академик В.С. Степин: «Маркс подчеркивал, что коммунизм – это не состояние, а историческое движение, процесс, связанный с глобализацией человечества и гуманизацией всех сторон общественной жизни» [10, с. 40].

Окончательно установить правоту марксистской модели социального развития может только ход истории, однако уже сейчас мы можем, рассмотрев тенденции мировой социальной структуры, вынести суждение о картине, сходной с таковой для национальных экономик конца XIX века «...проблема бедности затрагивает ныне слишком широкие круги общества, в том числе и те, что еще совсем недавно были представлены квалифицированными рабочими и частью среднего класса. Ввиду объективной затрудненности вовлечения лиц, пополняющих низший класс, в своевременное производство и фактической недоступности для их детей нормального образования проблема низшего класса становится в известной мере наследственной, а миграция за его пределы – все более сложной, проблема бедности затрагивает ныне слишком широкие круги общества, в том числе и те, что еще совсем недавно были представлены квалифицированными рабочими и частью среднего класса. Ввиду объективной затрудненности вовлечения лиц, пополняющих низший класс, в

своевременное производство и фактической недоступности для их детей нормального образования проблема низшего класса становится в известной мере наследственной, а миграция за его пределы – все более сложной» [3, с. 26]. Не говорит ли это нам о том, что только срок исторического «приговора» оказался неверен, но не его содержание. Это, конечно, лишь размышления автора, но находящие свое подтверждение в тех социально-экономических особенностях XX века, о которых Маркс, живя в XIX столетии, не мог знать и которые не стали предметом его внимания. Главным из таких факторов является «осознание того, что действительная проблема социального обновления последнего столетия (если не более) – это не столько переход от капитализма к социализму (коммунизму как посткапиталистическому способу производства), сколько гораздо более масштабный переход – переход от «царства необходимости» к «царству свободы», от метасистемы обществ, основанных на отчуждении и приоритетном развитии материального производства, к пространству и времени социального развития, лежащего «по ту сторону» отчуждения и собственно материального производства» [2, с. 257].

Маркс, живший в условиях западноевропейского капитализма XIX века и изучавший национальные и международные экономические отношения на предмет движения капитала, не знал, что в начале XXI века огромную роль в мировой политике станет играть такая форма проявления транснациональных противоречий, как острые конфликты на религиозной почве или

международный терроризм. До какой бы степени ни была развита дальновидность ученого, он всегда остается человеком своего времени, своей культуры и исходит только из ему знакомых непосредственно либо теоретически общественных форм проявления явлений и процессов, однако сущность последних может иметь актуальность еще долго после его жизни. Так, Дмитрий Менделеев, открывший фундаментальный для химической систематизации периодический закон, вывел зависимость свойств химических элементов от их атомного веса. Как человеку современного ему уровня науки, когда еще был неизвестен скрывающийся за атомным весом параметр, являющийся истинной причиной периодичности, Менделееву удалось увидеть саму закономерность, которая не менее актуальна и в условиях современного научного знания. Так и в случае с марксизмом, раскрывшим нам действительную природу социального движения вообще и капитализма в частности.

Итак, марксизм заложил представления об общественных противоречиях как об источнике общественно-исторического развития, а также о на следовании людьми социальных связей предшествующих поколений как о механизме этого развития. Данные положения пригодны для анализа современных социальных трансформаций и выявления тенденций глобального общества, а конкретные формы жизни людей и социумов не могут быть описаны раньше «будущего» в связи с ограниченностью человека практикой настоящего и прошлого, что вытекает из гносеологических посылов марксистского учения.

Библиографический список

1. Бедность и богатство в современной России: материалы круглого стола. Государственная служба, 2004. №1. 135 с.
2. Бузгалин А.В. XXI век и «провалы марксизма»: в чем был прав и в чем ошибался Карл Маркс? Марксизм: Альтернативы XXI века (дебаты постсоветской школы критического марксизма). М.: ЛЕНАНД, 2009. С. 242-262.
3. Иноземцев В.Л. Классовый аспект бедности в постиндустриальных обществах. Социологические исследования, 2000. №8. С. 18-27
4. Кунов Г. Маркова теория исторического процесса, общества и государства: Пер. с нем. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 336 с.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. Киев: Политиздат Украины, 1984. XII. 595 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. 629 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. 907 с.
8. Материалы XXII съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1961. 366 с.
9. Рыжков Д.Л. Противоречие как фактор социальных процессов: анализ метода. Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки», 2011. №4. С. 11–17.
10. Степин В.С. Маркс и тенденции современного цивилизационного развития. Карл Маркс и современная философия. Сб. материалов научн. конф. к 180-летию со дня рождения К.Маркса. М., 1999. С. 16-44.

References

1. Poverty and wealth in modern Russia: Round Table Materials. Civil Service, 2004. - № 1. - 135 p.
2. Buzgalin A.V. XXI century and the “failures of Marxism”: what was right and what was wrong, Karl Marx? Marxism: Alternatives of XXI century (debates of post-Soviet school of critical Marxism). - Moscow: LENAND, 2009. - Pp. 242-262.
3. Inozemtsev V.L. The class dimension of poverty in post-industrial societies // Social Studies, 2000. - № 8. - Pp. 18-27.
4. Kunov H. Marx’s theory of the historical process, society and the state: Translated from German. Ed. 2nd. - M.: Publishing house “LIBROKOM”, 2010. - 336 p.

5. Marx K., Engels F. From the early works. - Kiev: Ukraine Politizdat, 1984. - XII. - 595 p.
6. Marx, K. and Engels, F. Collections, V. 3. - 629 p.
7. Marx, K. and Engels, F. Collections, V. 23. - 907 p.
8. Materials of the XXII Congress of the CPSU. - M. Gospolitizdat, 1961. - 366 p.
9. Ryzhkov D.L. Contradiction as a factor of social processes: the analysis of the method // Bulletin of Moscow State Regional University. Series "Philosophical Sciences", 2011. - № 4 - Pp. 11-17.
10. Stepin V.S. Marx and tendencies of modern civilization development. Karl Marx and Contemporary Philosophy. The Collection of materials of the scientific conference devoted to the 180-th anniversary of K. Marx's birth. - M., 1999. - Pp. 16-44.

УДК 301

UDC 301

Д. Е. СЮСЮКИНА

D.E. SYSYKINA

аспирант кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета
E-mail: samir112008@rambler.ru

postgraduate student of the Department of philosophy and cultural science Chair The Orel State University
E-mail: samir112008@rambler.ru

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

STRUCTURE OF SOCIAL REALITY

В статье проводится анализ определений социальной реальности, раскрывается содержание данного понятия сквозь призму выявления структуры исследуемого явления. Дается общая характеристика социальной реальности. Выделяются ее основные стороны и аспекты, проводятся параллели между ними, устанавливается взаимосвязь и взаимообусловленность.

Ключевые слова: социальная реальность, общественная жизнь, общество, структура, онтологический аспект, экзистенциальный аспект.

This article is devoted to the analysis of social reality. The author researches the structure of social reality and shows the mutual connection between main aspects of this reality.

Keywords: social reality, structure of social reality, society, social life, ontological aspect, existential aspect.

Представления о социальной реальности всегда являлись парадигмальным фактором для определения смысловых и логических связей, объединяющих воедино основную проблематику в самых различных философских учениях. К ней как к высшей инстанции обращаются социальные и гуманитарные дисциплины в поисках обоснования выдвигаемых в них идей. В социальной философии и социологии понятие «социальная реальность» употребляется в основном в качестве синонима таких категорий, как «общественная жизнь», «общество», «социальное бытие» и др. Однако подобное отождествление, с нашей точки зрения, неверно. Социальную реальность можно определить как всю совокупность условий общественной жизни, которые выступают перед членами общества как надындивидуальные, объективно данные обстоятельства их существования. Социальная реальность – это тот мир, в котором человек обретает себя, когда находит в нем свое место. И.А. Терентьев так определяет социальную реальность: «Социальная реальность – это наиболее

сложный вид реальности, представляющий собой систему объектов, с которой взаимодействует социальный субъект. Она является средой его формирования, объективным условием его и непосредственным предметом социального творчества. Выступая как данность, социальная реальность есть и результат собственной деятельности любого социального субъекта, и социальное пространство его деятельности, которая может быть описана как освоение и присвоение социального мира» [10, 38]. По сути, социальная реальность представляет собой то, что индивид воспринимает как состояние общественного пласта, в котором он живет.

Социальная реальность, по мнению многих исследователей, может быть наиболее полно раскрыта с помощью системного подхода. Существует несколько точек зрения на структуру социальной реальности. Так, исследователь Е.И. Балдицына в своей статье «Онтологические основания теории социальных изменений: детерминизм и индетерминизм социальной реальности» выделяет три уровня

реальности: объективный, субъективный и трансцендентальный. «Под первым уровнем, – пишет автор, – понимают те свойства и характеристики бытия, которые не зависят от объекта их воспринимающего или осязающего, они не восприимчивы к его оценочным суждениям. Это могут быть как природные, так и социальные объекты. Другой уровень – уровень субъективной реальности – образован объективированными сознанием и волей людей объектами – вещами, явлениями и процессами, имеющими вторичный, производный характер. Прежде всего, это «вторая природа», или «заколдованная реальность» (по Веберу), т. е. культура, в которой воплощены как духовные, так и вещественные ценности, обладающие смыслом и значением, отражающие первичную реальность» [1, 166]. Будучи созданной людьми, она выступает как чуждая по отношению к ним, извне навязанная сила. Рассуждая по поводу природы субъективной реальности, Балдицина отмечает, что одни философы признают присутствие идеального в действительности, другие считают ее воплощенной в формах общественного сознания и в культурных ценностях, третьи связывают ее с индивидуальной психикой человека, как следствие связи последней с внешним миром. «Особенность третьего трансцендентного уровня реальности проявляется в том, что трансцендентные объекты находятся вне пространства и времени. Оставаясь недоступными для восприятия и осязания, непознаваемые с помощью здравого смысла или научного знания, тем не менее в их реальности мало кто сомневается. Так не вызывает сомнения реальность души, совести, свободы воли, нравственных и эстетических определенностей. Проявление религиозного или идеологического фанатизма, верности долгу, примеры героизма подтверждают способность трансцендентных объектов оказывать влияние на поведение людей» [1, 166].

В.В. Макаров в структуре социальной реальности выделяет две стороны: объективную и субъективную. Он отмечает: «Социальная реальность является самой сложной из всех видов реальности. Это объясняется, с одной стороны, тем, что ее объекты наиболее многоплановы и включают в себя не только природные объекты и предметы материальной культуры, но и психические, ментальные, умообразные образования (умонастроения, интересы, теории, идеалы, выраженные в знаково-символической форме, ибо только при этом условии эти объекты могут быть данными для других участников процесса), а также социальные действия» [5, 5]. Человек включен в ткань социальной реальности, он не может относиться к ней иначе как осмысливая, оценивая ее, пытаясь либо приспособиться, либо изменить.

Таким образом, можно сказать, что большинство исследователей сходятся во мнении, что в структуре социальной реальности следует выделять две стороны: объективную и субъективную. Так, Л.И. Пахарь пишет: «Анализируя социальную реальность, отметим, прежде всего, наличие в ней взаимосвязан-

ных, взаимовлияющих друг на друга объективной и субъективной стороны. Объективная сторона социальной реальности представлена созданными человеком многообразными результатами его труда – произведенным продуктом и материальной инфраструктурой, государственными управленческими учреждениями и организациями, сферой образования и здравоохранения и т.д. Конкретные состояния духовной жизни общества, т.е. мысли, чувства, настроения, функционирующие в обществе, сложившаяся в данный момент в умах людей картина мира, произвольно сочетающая в себе обыденные и научные представления об обществе, тоже являются результатом деятельности человека и составляют субъективную сторону социальной реальности» [6, 111]. Подобное разграничение характеризует **онтологический аспект социальной реальности**.

Объективная сторона социальной реальности представляет собой те условия, в рамках которых развивается человек. Она включает в себя:

1. Состояние материально-технической базы, то есть степень развития искусственно созданной людьми среды обитания, «второй природы», в которой живет человеческое общество. Нас с детства и до старости окружает со всех сторон эта среда: игрушки и книги, одежда и мебель, стекло и бетон, звуки музыки и электрический свет – все это продукты человеческого труда. Следы человеческого воздействия несет в себе даже то, что мы едим и пьем, даже воздух, которым мы дышим. Общество существует как бы на грани двух миров – естественного и искусственного, причем в ходе исторического развития первый все больше заслоняется вторым (хотя превратить мир артефактов в замкнутую сферу и полностью отгородиться ею от природы невозможно).

2. Состояние природного комплекса, включенного в жизнедеятельность человека. Осваивая природу, люди усматривают смысл – ценность, пользу и т. д. – также и в естественно возникших ее явлениях. Когда эти явления становятся предметами практической деятельности, смысл их обычно связывается с их функциональным назначением, их способностью удовлетворить какие-то потребности общества.

3. Состояние коммуникативных связей, обеспечение которых зависит от языка. Язык представляет собой код, на котором люди передают друг другу информацию. Общаясь с помощью языка, люди приписывают звукам устной речи (или буквам письменной речи) смыслы, которыми они физически – как колебания воздуха (или буквы) – сами по себе не обладают.

Язык есть результат коллективного творчества многих поколений людей. Он является достоянием пользующегося им общества, находится в общем владении всех, кто говорит на нем. Язык обязателен: его формы и правила должны соблюдать все разговаривающие на нем, чтобы быть понятыми. Язык есть реальность, существующая объективно по отношению к любому отдельному индивиду, до и независимо от него. Это важнейший компонент социальной

реальности, без которого была бы невозможна связь между людьми и, следовательно, не было бы общества как единого целостного социального организма.

Говоря о субъективной составляющей социальной реальности, Л.И. Пахарь пишет: «Субъективной стороной социальной реальности являются духовные процессы, которые протекают в общественной жизни. Они связаны с созданием духовных ценностей, в том числе в области литературы и искусства, формированием этических норм, а также религиозных, эстетических, философских и научных идей. Субъективные процессы протекают идеально в виде оперирования образами, понятиями, суждениями во внутренней лаборатории мысли отдельных людей... Важнейшей составляющей субъективной стороны деятельности людей является создание на быденном и теоретическом уровне картины мира как образа социальной реальности... На основе этой картины мира формируется единое коммуникативное пространство общения, которое обеспечивает существование единого пространства социальной реальности»[7, 87-88]. Из этого можно сделать вывод об относительной самостоятельности данного компонента социальной реальности.

Субъективная сторона социальной реальности представлена несколькими составляющими:

1. Научная и обыденная картины мира. Так, В.В. Макаров отмечает, что человек в процессе рефлексии и осмысления окружающего его мира задействует как донаучный жизненный опыт, так и научно-теоретический анализ[5, 5].

2. Коллективные представления, традиции, нормы поведения, которых придерживаются люди в своей жизни, их мироощущение, социальные настроения и чувства. Люди отражают реальность в своем сознании. У каждого человека складывается своя индивидуальная картина окружающего его мира. Но вместе с тем существуют общие взгляды, представления, мысленные установки, имеющие хождение в обществе и более или менее разделяемые его членами. Э. Дюркгейм называет мысленные образования такого рода «коллективными представлениями», подчеркивая, что они хотя и существуют в головах индивидов, но не зависят от личной природы индивидов. Он пишет: «Коллективная жизнь, как и психическая жизнь индивида, состоит из представлений; следовательно, можно допустить, что индивидуальные представления и социальные представления каким-то образом сравнимы между собой. Мы попытаемся действительно показать, что те и другие находятся в одинаковом отношении со своим соответствующим субстратом»[2]. В отличие от индивидуальных представлений, коллективные представления «исходят не из индивидов, взятых изолированно друг от друга, но от их соединения, а это совершенно иное дело»[2]. Они навязываются индивидам извне, из «коллективной жизни» в общей культурной среде.

Подобные коллективные представления составляют содержание того, что называют общественным

сознанием, ментальностью, общественным мнением и т. д. Коллективные представления обычно кажутся человеку чем-то само собой разумеющимся, и он просто исходит из них в своем мышлении и поведении, не отдавая себе отчета, почему он мыслит и действует так, а не иначе. Но даже если он сможет отразить и эксплицировать эти мысленные установки, то он, скорее всего, будет считать их собственными, внутренними убеждениями, сложившимися в его жизненном опыте, а не заимствованными извне.

Коллективные представления могут вести к искаженной и неверной трактовке явлений действительности. Но пока мы находимся у них в плену, мы этого не замечаем. Отказаться от них нас обычно заставляет практика, когда она убеждает нас в их ошибочности и неэффективности, а также знакомство с другими культурами, где господствуют иные коллективные представления.

В качестве коллективных представлений могут выступать социальные стереотипы – упрощенные, схематизированные образы каких-либо общественных явлений и объектов, получившие широкое признание в общественном мнении. Существуют, например, стереотипные образы представителей разных наций. Стереотипы – это шаблоны, под которые подгоняются человеческие мысли и действия. Часто они являются предвзятыми, связанными с предубеждениями и предрассудками. Реклама и идеологическая пропаганда, создавая и внедряя в массовое сознание стереотипы, использует их как средство манипулирования общественным мнением.

В каждом обществе коллективные представления образуют в своей совокупности картину окружающего мира. Она выражается, например, в древних мифах или известных в истории философии картинах мира античности, Средних веков, Нового времени. Существует большое различие между представлением о мире в западной культуре и в культуре Востока. Современная научная картина мира радикально отличается от всех предшествующих. Но ведь иного мира, кроме того, каким он выглядит при взгляде на него «изнутри культуры», люди данной культуры не знают и даже вообразить себе не могут без знакомства с другими культурами.

В социологии известен «принцип Томаса»: если ситуация мыслится как реальная, то она реальна по своим последствиям. То есть, если человек думает, что его представление о какой-то ситуации соответствует действительности, то он ведет себя так, как того требует его представление, и последствия его поведения вполне реальны. Отсюда следует, что коллективные представления, независимо от того, насколько они соответствуют реальности, определяют типичное для членов данного общества восприятие действительности и поведение. Даже самые фантастические представления о мире, если люди в своих действиях руководствуются ими, становятся вполне реальными факторами, обуславливающими жизнь людей. Поэтому коллективные представления

являются существенным компонентом социальной реальности. По справедливому утверждению французского социолога и политолога Арона Раймона: «Осознание действительности — часть самой действительности» [9, 510].

3. Духовные ценности, развивающиеся в рамках моральной, религиозной, политической, правовой сфер. Так, Георг Зиммель пишет: «Как бы сильно наша жизнь ни была определена механикой вещей и их объективностью, мы в действительности не можем сделать ни шага, ни помыслить мысли, не оснащая свое чувствование вещей ценностями и не направляя соответственно этим ценностям нашу деятельность» [3, 315]. Д.Г. Подвойский в своей статье «Ценности в структуре социальной реальности» отмечает, что поведение человека всегда опирается на некоторые мотивы, в роли которых выступают интер-

субъективные культурные ценности, то есть совокупность смыслов, которыми мы наделяем всякий значимый для нас компонент окружающего мира [8, 105].

Таким образом, субъективная сторона социальной реальности во многом формирует духовную сферу жизни общества, влияет на мировоззрение человека. Но, по определению исследователя Ильичевой, «сфера духовной жизни – это не просто усвоение элементов культуры и нравственных ценностей, это, в первую очередь, осмысление и переживание личного жизненного опыта. Смысл жизни может быть выстрадан или пережит в радостях и страстях собственного жизненного пути» [4, 14]. Рефлексия, «вчувствование» в собственную жизненную реальность формирует сущностный, **экзистенциальный компонент** социальной реальности. Такова в общих чертах структура социальной реальности.

Библиографический список

1. *Балдицына Е.И.* Онтологические основания теории социальных изменений: детерминизм и индетерминизм социальной реальности / Вестник Ставропольского государственного университета. – Ставрополь, 2010. С. 165-171.
2. *Дюркгейм Э.* Социология, ее предмет, метод и назначение. – http://society.polbu.ru/dyrkgeim_sociology/ch11_i.html
3. *Зиммель Г.* Философия денег // Теория общества. М., 1999.
4. *Ильичева И.М.* Духовность в зеркале философско-психологических учений. Москва – Воронеж, 2003. 208 с.
5. *Макаров В.В.* Онтологическая природа социальной реальности / Известия Волгоградского государственного технического университета. 2004. № 7. С. 5-12.
6. *Пахарь Л.И.* Политические аспекты современного состояния социальной реальности / Трансформация политической культуры: состояние и перспективы. Орел, 2010. С. 109-118.
7. *Пахарь Л.И.* Социальная реальность: рефлексия обыденного сознания / Философия: созерцание, рефлексия, коммуникация. – Орел, 2010.
8. *Подвойский Д.Г.* Ценности в структуре социальной реальности. Вестник Российского университета дружбы народов. № 1. М., 2001. С. 105-112.
9. *Раймон А.* Демократия и тоталитаризм // Антология мировой политической мысли. В 5 тт. Т. 2. М., 1997. 620 с.
10. *Тереньев И.А.* Проблема социальной реальности в истории социально-философской мысли / Теория и практика общественного развития. № 1. Краснодар, 2007.. С. 37-40.

References

1. *Baldicina E.I.* Ontological basis for theory of social change: determinism and indeterminism social reality / Messenger of Stavropol state University. - Stavropol, 2010. P. 165-171.
2. *Durkheim E.* Sociology: object, method and purpose. - http://society.polbu.ru/dyrkgeim_sociology/ch11_i.html
3. *Zimmel G.* The philosophy of money // Theory of society. - M., 1999.
4. *Ilicheva I.M.* Spirituality in the mirror philosophical and psychological studies. - Moscow - Voronezh, 2003. 208 p.
5. *Makarov V.V.* Ontological nature of social reality / Proceedings of Volgograd state technical University. 2004. № 7. P. 5-12.
6. *Pahar L.I.* Political aspects of the current state of social reality / the Transformation of the political culture: a condition and prospects. Orel, 2010. P. 109-118.
7. *Pahar L.I.* Social reality: the reflection of ordinary consciousness / Philosophy: contemplation, reflection, and communication. Orel, 2010.
8. *Podvoyskiy D.G.* The values in the structure of social reality. // Messenger of Russian University of friendship of peoples. № 1. M., 2001. P. 105-112.
9. *Raymond A.* Democracy and totalitarianism // Anthology of world political thought. In 5 volumes. Volume. 2. M., 1997. 620 p.
10. *Terenev I.A.* The problem of social reality in the history of socio-philosophical thinking / Theory and practice of social development. № 1. - Krasnodar, 2007. P. 37-40.

УДК 3163

UDC 3163

С.С. ШАРАПОВ

аспирант кафедры гуманитарных и социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации
E-mail:s2.sharapov@gmail.com

S.S. SHARAPOV

postgraduate student of the Department of Humanities, Social and Political Sciences, Moscow State Technical University of Civil Aviation
E-mail:s2.sharapov@gmail.com

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО *HOMO FABER*

EXISTENTIAL BASIS OF PRESENT *HOMO FABER*

*В статье рассматривается экзистенциальное положение человека в современном техногенном обществе. Раскрываются причины и описывается процесс формирования нового типа личности – *homo faber*, в том числе посредством развития информационных средств. Перечисляются ценностные и концептуальные стороны его жизни.*

Ключевые слова: экзистенция, информационное общество, техногенная адаптация, *homo faber*, технизация.

*The existential state of man in present technological society is considered in the article. The reasons came out and formation of a new type personality – *homo faber*, described, including through the development of information resources. Values and conceptual aspects of his life listed.*

Keywords: *existentia*, information-oriented society, anthropogenic adaptation, *homo faber*, technicalization.

Современное техническое развитие достигло такого уровня, что, в принципе, человек может осуществить практически любое своё желание: всё меньше и меньше остается невозможного для человека, оснащенного техникой. Всё это обостряет проблему последствий технического развития – проблему, давно вышедшую за рамки локального характера. И для этого есть вполне серьезные доводы: бесконтрольный технический прогресс общества уже привел к таким глобальным последствиям, как истощение природных ресурсов, экологический и демографический кризисы, природные угрозы (глобальные изменения климата, сейсмическая активность и тектоническая динамика и т.д.). Человеческая экспансия в недра природы породила множество экологических проблем, угрожающих существованию самого человека. Кроме того, этот процесс является необратимым, поскольку «человек уже давно превратился в заложника своей техногенной деятельности» и он «... уже не способен эволюционировать без техногенного развития...» [7, с. 63].

Если изначально человек желал освободиться от зависимости природы, поставить ее себе на службу, то теперь, когда посредством технической экспансии «оковы» природы практически разорваны, человек не видит ничего другого, как продолжать наращивать технические возможности, а вместе с ними приобретать и новые формы зависимости. Однако эта подчиненность уже не так заметна, как в случае с природной зависимостью: она проникла в структуру социальных и культурных процессов, создав новый тип общественной идеологии – техническая рацио-

нальность – и поставив инструментальный контроль как единственно возможное отношение ко всему окружающему.

Но и этого ему оказалось мало: постепенно плацдарм боевых действий переместился не на что иное, как на природу самого человека. Теперь возможности человека оказались недостаточны, чтобы нормально существовать в этой техногенной среде: обнажилась вся биологическая и социальная отсталость человека и общества по сравнению с используемым им техническим аппаратом. Закономерным следствием данного условия стало желание реконструировать и улучшить самого человека, а по сути, интегрировать его в рабочий механизм технической системы.

Чтобы адаптироваться к современным общественным процессам, а по сути, к техногенной среде, человеку пришлось перестроить стереотип своего поведения, так как выработанные для предшествующих этапов технической деятельности поведенческие паттерны перестали обеспечивать выполнение этой деятельности. Сформировался новый тип работника – *homo faber* – мобильного, умеющего принимать самостоятельные решения, способного сменить профессию, быстро адаптирующегося к изменениям в обществе. Система ценностей при этом уходит на второй план или направляется на поддержание этих новых стереотипов социальной среды.

Сформировав в людях требуемые для техногенной среды качества, индустриальный труд, сведенный к выполнению человеком механистических функций, вместо самовыражения личности привел к его расчеловечиванию (превращению в орган ма-

шины) и к отчуждению от своей сущности вопреки провозглашающему идеалу свободы. Поведение человека все больше приводилось в соответствие с машинным ритмом производственного процесса. Его мышление также должно было соответствовать изменившимся формам производства. Вслед за технологизацией производства началась технологизация досуга, развлечений, в конечном итоге, сформировался новый стиль поведения и мышления, согласно которому «технологический», функциональный подход применяется по отношению к любым формам человеческого существования.

Э. Фромм обращал внимание на то, что рост дисциплины в индустриальном обществе достигается за счет механизации поведения и мышления людей. Сами же «человеческие ценности определяются теперь экономическими ценностями. Что хорошо для машины, то должно быть хорошо и для человека» [9, с. 166]. К. Ясперс отмечал, что создаваемые людьми индустриального общества ценности и нормы похожи на механизмы: все, что задумано для осуществления какой-либо деятельности, должно быть построено по образцу машины, то есть должно быть связанным внешними правилами [12, с. 144]. По словам В.А. Кутырёва, в современном социотехническом обществе человеческие отношения перестают регулироваться внерациональными способами: чувствами, обычаями, идеалами. Все редуцируется к разуму: ценности заменяются информацией, проблемы решаются технологически. Культура как механизм поддержания социальности становится ненужной: личное благосостояние и социальное уважение определяются степенью соответствия функциям системы, все меньше включающей в свой механизм требования морали, а «душа, переживание, личное мнение – пережиток прошлого, дотехнологического праобщества» [4, с. 25–27].

Пришедшая на смену эпоха постиндустриального общества также не принесла человеку заметных преимуществ: несмотря на то, что информационные технологии обеспечивают оптимальное потребление материальных ресурсов и энергии и многократно увеличивают производительность труда, человек оказался попросту перегружен огромным количеством, по большей части, ненужной информации. Не умея правильно фильтровать и интерпретировать ее, он попросту теряется в ней и пытается перестроить свое мышление на алгоритмизацию и унификацию информационных потоков с целью выявления устойчивой модели человеческого существования. Вместо того, чтобы относиться к любой новой информации немного скептически, человек начинает заменять свою индивидуальность на программу общественного мнения, пытаясь следовать уже существующим стандартам и алгоритмам – неважно, подходят ли они ему или нет. Сейчас индивидуальность заключается лишь в проявлении бессмысленных поступков и их выкладывании в видеохостинги интернета. Творчество же заменяется на копирова-

ние и склеивание информации из разнородных потоков коммуникаций.

Впрочем, на противоречивый характер информационного воздействия на социокультурную жизнь человека указывают многие философы: «... с одной стороны, информация формирует материальную среду жизни человека, выступая в роли инновационных технологий, компьютерных программ, телекоммуникационных протоколов и т.п., а с другой – служит основным средством межличностных взаимоотношений, постоянно возникая, видоизменяясь и трансформируясь при переходе от одного человека к другому. Таким образом, информация одновременно определяет и социокультурную жизнь человека, его материальное бытие... При переходе к информационному обществу остаются открытыми... ряд проблем, связанных с развитием технологий... Неясен вопрос о перестройке сознания людей для нового типа мышления. Можно выделить несколько глобальных проблем информационного общества, порождающих в свою очередь более мелкие. Первая – неопределенность сущности информации как с материальной, так и с философской точек зрения. Другая – взаимодействие техники природы: является ли первая продолжением второй или ее антиподом. Наконец, третья – взаимоотношения техники, информации и человека – должен ли человек приспосабливаться к бурно растущему шквалу информации и стремительно меняющейся технике или же следует затормозить развитие и поискать иной путь» [6, с. 364–365].

По мнению Хельмута Шельски, современный человек не только является «конструктором мира», но и сам становится «объектом конструирования», технократическое общество заранее планирует условия, а также смысл индивидуального и социального бытия человека. В таком обществе всякое значительное техническое новшество порождает новые психические и социальные ситуации и отношения [8, с. 15]. Современная технологическая революция по своей сути уже является информационно-технологической. Она подчиняет себе все общественное производство, детерминирует революции в системе техники в целом и в различных ее отраслях. Компьютеризация и роботизация завершают предыдущие технологические революции и связывают их в единое целое. По сути информационно-технологическая революция – это революция в области компьютерных технологий [6, с.84]. Вместе с тем, компьютерная техника, новейшие «высокие» технологии, создание мировой телекоммуникационной системы, электронной почты и многое другое – все это вместе с новым отношением к природе позволяет говорить о возникновении нового типа социальности.

На сегодняшний день стало очевидно, что новые информационные технологии превратились в посредника между все увеличивающимися объемами накопленных знаний и человеческими возможностями их использовать. По словам В.М. Розина, информатизация ведет не просто к увеличению объема информа-

ции, но и к принципиально новой культуре, новому типу общества: это сложный процесс, включающий в себя и создание новых информационных технологий, и изменение других видов деятельности, форм организации, типов рациональности. Техногенное обеспечение культурной и научной деятельности в современной урбанизированной среде становится единственно возможным. Трансформируется даже область досуга: общение через компьютерные сети и электронные игры вытесняют реальные коммуникации между людьми. Процесс информатизации стал не просто внедрением новой, компьютерной техники в экономику и социальную жизнь, но встраиванием в социальный организм информационных технологий. В результате создается целостная информационная среда – система техногенных и социокультурных условий, влияющих на создание, распространение и использование информации [2, с. 212–213].

Нельзя не упомянуть про влияние электронных средства массовой информации (СМИ) на сознание людей. Так, Ж. Бодрийар полагал, что СМИ заслоняют собой всякую реальность и утрачивают смысл, действуя «не логикой тезиса и доказательств, но логикой легенды и вовлеченности в нее» [1, с. 137]. Т.е. реальность масс-медиа становится единственной реальностью, доступной человеку информационной эпохи. Ю. Хабермас полагал, что чрезмерное развитие электронных средств массовой информации препятствует подлинной коммуникации между людьми, заменяет общественное мнение манипуляцией мнениями людей с помощью этих средств.

Кроме того, все большую роль СМИ начинает играть и в политической системе, становясь, по сути, одним из главных участников политической жизни. Американский социолог Мануэль Кастельс показывает, что политика становится информационной, осуществляясь главным образом как «манипулирование символами в средствах массовой информации», а обычные люди «будут все более и более удалены от коридоров власти и разочарованы в разрушающихся институтах гражданского общества». В результате битвы за власть в современную эпоху ведутся не на поле реальных политических дел, а в средствах массовой информации, так как она «содержится в сетях информационного обмена и манипуляции символами» [3, с. 502–511].

В итоге, несмотря на все те материальные преимущества, которые нам дал переход к постиндустриальному (информационному) обществу, в социальном плане наметились следующие негативные тенденции, характерные именно для формирующегося информационного общества:

1. «зомбирующее» влияние средств массовой информации на общество, в том числе посредством «зомбоящика» и рекламы, возможность формирования нужного мировоззрения образа жизни и управления через пропаганду в СМИ;
2. изменение психики растущего поколения, искажение ценностей под влиянием воспитания те-

левизором и интернетом;

3. возможность утраты индивидуальности на всех уровнях – массовизация всех форм жизнедеятельности людей, стереотипность поведения и мышления;

4. открытый доступ в любую частную жизнь (причем человек самостоятельно, без постороннего вмешательства, открывает на общее обозрение свои личные данные, в частности, в социальных сетях);

5. возможность тотального контроля за человеком.

Как видно, в погоне за материальными благами человек попал в «техногенную ловушку», поменяв роль создателя машины на ее придаток. Отчетливо это прослеживается по росту потребительских отношений. Гедонизм потребления довел человека до того, что он уже не может самостоятельно отказаться от своих инстинктивных желаний. Принцип немедленного удовлетворения потребностей не приемлет ни сущности духовного самосовершенствования (для которого отказ от желаний является важнейшим средством достижения самодисциплины), ни элементарных житейских качеств благоразумия и умеренности (распространенных в промышленную эпоху как «буржуазные добродетели»). Поэтому современный человек не имеет ни малейшего желания не только задуматься о смысле своей жизни, но даже не хочет взглянуть на мир за пределами своих эгоистичных позиций. Впрочем, это неудивительно в условиях, когда весь технический арсенал идеологической машины направлен на удовлетворение запросов того самого *homo faber*, которому нет дела до экзистенциальной составляющей своей жизни или моральных устоев общества. Вместо этого для него характерен прагматизм в отношениях, утилитаризм в мышлении и одиночество в качестве безразличного отношения к окружающим.

Подобная ситуация привела к тому, что постепенно мы начинаем говорить о себе и других людях лишь как обладателях заложенных в нас определенных технических характеристик, а жизнь рассматриваем сквозь призму стандартизированных решений. Тем самым мы по определению элиминируем экзистенциальную сущность человека, забывая о том, что именно эмоции людей являются побудительной силой для их поступков. Неудивительно, что попытка ограничиться только рационализацией взаимоотношения с внешним миром, отказ от нравственного ценза поступков людей приравнивали современного человека к рабочему механизму, для которого эти отношения в эмоциональном плане абсолютно нейтральны. Понятия добра и зла, прекрасного и безобразного, любви и ненависти в технократическом сознании размыты, так как для них нет места в функциональной структуре техносферы, и интерпретируются согласно алгоритмизации жизненного процесса: добро проявилось в материальном поощрении, дружба оценивается сквозь денежный эквивалент, а прекрасное спряталось за внешние формы.

Таким образом, современное положение человека в техногенном обществе привело к тому, что человек превратился в покорного подражателя техники: вместо активной, созидательной личности образовался инертный, бездеятельный индивид. Стремление человека контролировать и технику обернулось для него полным провалом, поскольку чтобы осуществлять контроль, надо быть как минимум на уровень выше, чем контролируемый орган: с позиции технической системы – значит, обладать большей функциональностью.

В качестве примера можно привести историю развития авиационной техники. Когда создавались первые самолеты, они имели довольно простую конструкцию: планер, двигатель, шасси, органы управления, система отображения параметров системы, включающая измерители температуры и оборотов двигателя, высоты и скорости полета, угла атаки и т.д. Пилот, садясь за штурвал, вручную управлял этим самолетом и мог при этом отслеживать показания приборов. С последующим развитием авиационной техники сложность этих систем возросла многократно: сейчас они представляют собой целые электротехнические, пилотажно-навигационные и вычислительные комплексы, которые выполняют большую часть своих функций автономно. Пилот должен анализировать лишь часть поступающей из них информации – значительную часть информации эта самолетная система обрабатывает самостоятельно – и осуществлять полет по директивным показаниям приборов. Все это требует от пилота быстрого восприятия и анализа поступающей к нему информации, оперативного принятия решения, хорошей реакции, устойчивости к зрительному напряжению и стрессовым состояниям, т.е. выполнять те функции, которыми и обладает техника. Другими словами, пилот подстраивается под функциональные параметры технической системы, но никак не наоборот. Так и происходит процесс техногенной адаптации. Его отличительным признаком является перестройка стереотипа поведения человека вследствие осознания того факта, что выработанные для предшествующих этапов технической деятельности поведенческие паттерны перестают обеспечивать выполнение этой деятельности. Система ценностей при этом уходит на второй план или направляется на поддержание этих новых стереотипов социальной среды, формируя новый тип личности – *homo faber*, родное дитя техногенного общества.

По мнению Ф. Юнгера, современный *homo faber* отстранен от созерцательной жизни, он утратил природную невинность. Для него характерны такие черты, как «отсутствие чувства меры, непонимание законов прекрасного и неприятие искусства» [11, с. 244]. Само технократическое мышление в государственном масштабе для автора абсолютно неприемлемо и считается гораздо опаснее и хуже экономического утилитаризма. «Техник – не государственный деятель и никогда не проявлял спо-

собностей к решению политических задач. Область его знаний включает в себя протекание механических, функциональных процессов; неотъемлемым качеством этого знания является обезличенность и «строгая объективность» выводов. Уже одного качества обезличенности достаточно для того, чтобы усомниться в способности Техника успешно справляться с задачами государственного управления... Его преимущество заключается в высокой степени рациональности мышления, с которой экономист не может тягаться, поскольку мыслит функционально. Это мышление исключает все соображения религиозного, политического, социального и экономического порядка. Такой подход становится возможным по той причине, что эти аспекты не имеют необходимой логической связи с техническим мышлением. Здесь в борьбе за власть действует сила, чреватая роковыми последствиями и несокрушимая по причине своей бедности» [11, с. 45–49].

Пожалуй, таким словам трудно что-либо возразить. Можно только развести руками и признать это как факт, каким бы тревожным он не был. Господство *homo faber* только набирает обороты: и это не конкретные личности, которые только и выжидают, как нанести решающий победоносный удар по традиционным ценностям социокультурной системы. Нет, этими людьми являемся мы с вами: мы – кто хранит эти традиции и обязан передать их следующему поколению точно так же, как нам их передало предыдущее. Культуру прошлого связывает с настоящим язык, а он, по мнению М. Хайдеггера, пострадал от технизации и стал во многом «мертвым». Этот язык живет в культуре, литературе, искусстве, архитектуре, оставаясь хранилищем, жилищем «бытия». Однако и в этом жилище все меньше места остается для духовных ценностей – уж слишком сильно нами завладело желание подстроить под себя весь мир. По этому поводу К.Г. Юнг пророчески заметил: «Западный человек не нуждается в большем господстве над природой, внешней или внутренней. Господство над обеими достигло у него чуть не дьявольского совершенства. Отсутствует ясное понимание собственной неполноценности по отношению к природе вокруг него и к своей собственной природе. Он должен научиться тому, что не может делать все, что ему заблагорассудится. Если он этому не выучится, то будет сокрушен собственной природой» [10, с. 291]. Думается, это будет та природа, что «разговаривает» исключительно на техническом языке.

Библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995.
2. Горохов В.Г., Розин В.М. Введение в философию техники. М., 1998.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
4. Кутырёв В.А. Экологический кризис, постмодернизм и культура // Вопросы философии. 1996. № 11.
5. Некрасова Н.А., Некрасов С.И. Философия техники. Учебник. М.: МГУ ПС (МИИТ). 2010.
6. Новоженина О.В. Особенности информационного этапа развития общества // Философия и будущее цивилизации. 2005.
7. Попкова Н.В. Техногенное развитие и техносферизация планеты: Монография. М.: ИФ РАН, 2004.
8. Философия техники в ФРГ. М., 1989.
9. Фромм Э. Душа человека. М., 1992.
10. Юнг К.Г. Йога и Запад // Магический кристалл. Магия глазами ученых и чародеев. М.: Республика, 1992
11. Юнгер Ф. Совершенство техники. Машина и собственность / Пер. с нем. И.П. Стребловой. СПб: «Владимир Даль», 2002.
12. Ясперс К. Современная техника // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.

References

1. Baudrillard J. The System of Objects. Moscow, 1995.
 2. Gorohov V.G., Rozin V.M. Introduction to the philosophy of technology. Moscow, 1998.
 3. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Moscow, 2000.
 4. Kutyriov V.A. The ecological crisis, postmodernism and culture // Philosophy questions. 1996. № 11.
 5. Nekrasova N.A., Nekrasov S.I. Philosophy of technology. Textbook. Moscow: Moscow State University of Railway Engineering. 2010.
 6. Novozhenina O.V. The feature of information development stage of the society // Philosophy and the Future of Civilization. 2005.
 7. Popkova N.V. Technogenic development and tehnospheresation of planet: Monograph. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2004.
 8. Philosophy of Technology in Germany. Moscow, 1989.
 9. Fromm E. The soul of man. Moscow, 1992.
 10. Jung C.G. Yoga and the West // A crystal ball. The magic by eyes of scientists and magicians. Moscow: Ppublic, 1992
 11. Junger F. The Perfection of Technology. Car and property. SPb: «Vladimir Dal», 2002.
 12. Jaspers K. Modern Technology // New technocratic wave in the West. Moscow, 1986.
-

УДК 811.161

UDC 811.161

Л.В. АЛЕШИНА

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой книжного дела, русского языка и методики его преподавания Орловского государственного университета
E-mail: alyoshinalv@mail.ru

L.V. ALYOSHINA

doctor of philological sciences, professor, head of the department of book publishing, the Russian language and methods of its teaching of the Orel State University
E-mail: alyoshinalv@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ МАКРОСТРУКТУРЫ СЛОВАРЯ АВТОРСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ Н.С. ЛЕСКОВА *

THE PECULIARITIES OF MACRO-STRUCTURE OF N.S. LESLOV'S DICTIONARY OF NEOLOGISMS

В статье рассматриваются особенности макроструктуры словаря авторских новообразований Н.С. Лескова: принципы отбора и порядок расположения заголовочных слов, наличие определенных разделов, приложений.

Ключевые слова: Лесков, новообразования, макроструктура словаря.

There are some peculiarities of macro-structure of Leskov's dictionary of neologisms : the principle of choosing these words, the order of the words from the title, the existence of some sections, attachments.

Keywords: Leskov, neologisms, macro-structure of a Leskov's dictionary.

Создание любого лексикографического произведения не мыслится без решения вопроса о его системной организации, тем более, если речь идет о разработке экспериментальных словарей. Под макроструктурой словаря мы традиционно понимаем его строение в целом: принципы отбора и порядок расположения заголовочных единиц, наличие определенных разделов, приложений, их соотношение.

Составление картотеки и формирование на ее базе словника – центральное звено лексикографической работы, которое, с одной стороны, завершает предыдущие этапы, связанные в основном с выработкой общих теоретических положений, с другой стороны, является началом практической работы по созданию словаря как лексикографического произведения. Лексикографы, работающие с общезыковым материалом, с самого начала должны решить для себя вопрос о его объеме. Иной подход наблюдается в словарях языка писателя, где отражается весь лексический состав одного произведения, либо творческого наследия автора в целом.

Словари авторских новообразований (далее – АН) в этом плане, на первый взгляд, ближе к писательским словарям, т.к. в них должны получить фиксацию все инновации данного автора. Однако перед составителями словарей АН, как и перед составителями толковых словарей литературного языка, стоит проблема выбора, поскольку зачастую трудно решить вопрос о «созданности» того или иного слова. А.Г. Лыков

называет такие признаки окказионализмов, как принадлежность к речи, невоспроизводимость (творимость), словообразовательная производность, ненормативность, функциональная одноразовость, зависимость от контекста, экспрессивность, номинативную факультативность, синхронно-диахронную диффузность, авторскую принадлежность, необычность («диовинность») [5]. Однако даже последовательный учет этих критериев не всегда позволяет с уверенностью квалифицировать анализируемые слова как авторские новообразования.

Считаем принципиально важным признаком инновационности прежде всего контекстную обусловленность рассматриваемой лексической единицы. И здесь необходимо апеллировать к понятию словообразовательного контекста, в котором, кроме окказионализма, имеется либо его производящая база, либо одноструктурные, родственные или семантически соотносимые с ним слова, либо авторские комментарии [7, с.30-34]. Так, в приводимых ниже контекстах содержатся одноструктурные слова (а, б, з), узусальные синонимы (в, г), родственные слова (е, и), авторское объяснение значения слова (г, д), вводные слова, свидетельствующие о поиске автором наиболее точного слова (ж, з):

а) «Ни ---интриг, ни плана достигать под видом нигилистических забот тех же самых целей, которые преследуют и не нигилисты, а вообще всякие---бессердечные, безнатурные и себялюбивые люди, я

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 12-04-00066

не мог себе и предположить в этих людях---»;

б) «Всё это при тогдашнем оживлении в литературе и в жизни не проходило **безотзывно** и бесследно---»;

в) «Все притомилось от тоски, **безрадостья** и уныния»;

г) «Этот рубль и есть неразменный или **безрасходный**, – то есть сколько ни отдавайте его в уплату за что-нибудь, – он все-таки опять является в кармане»;

д) «Чем она <собака> питалась... – это никому не было известно, но, наконец, догадались, что --- она была **«бесчеревная»**, то есть у нее были только кости да кожа и желтые, истомленные глаза, а «в середине» у нее ничего не было, и потому пища ей вовсе не требовалась»;

е) «Этих политических **веровальщиков** и «спасителей верою», – сразу явилось немало---»;

ж) «Апокрифы все «грубы», или, лучше сказать, – **детственны**---»;

з) «Во-первых, не от единомыслия, а, так сказать, от **единоспособности** с вами---»;

и) «---могут сказать, зачем это здесь всё в карты играют, а не занимаются чем-нибудь **серьёзным**; а займись-ка **серьёзностью** – скажут: что это они **засерьёзничали**: о чём закручинились?».

Задача составителя словаря АН облегчается, когда анализируемые слова обладают окказиональной словообразовательной структурой, т.е. созданы либо с явным отклонением от тех или иных языковых норм, либо при помощи окказионального способа словообразования. Однако индивидуальные новообразования могут создаваться с соблюдением словообразовательных норм, и нельзя «потерять» такие новообразования.

Среди основных признаков авторских инноваций следует назвать присущую им коннотацию новизны, ощущаемую рецепиентами. «К сожалению, – справедливо отмечал А.Г. Лыков, – сам этот эффект окказиональности как производимое на носителя языка воздействие или впечатление от окказионального слова формализованным путем пока неопределим...» [5, с.75].

Необходимо отметить, что словотворчество проявляется не только в создании новых производных, но и в индивидуальном употреблении уже известных слов, в результате чего значение слова меняется настолько, что можно говорить о семантических новообразованиях, или семантемах [9, с.161; 4, с.87]. Вопрос о включении семантически переосмысленных слов в словарь АН должен решаться в рабочем порядке составителями каждого подобного издания. В том случае, если семантические новообразования решено будет представить, этому должна предшествовать серьезная теоретическая разработка проблемы, в частности, следует установить критерии выделения подобных инноваций.

При решении вопроса о включении в словарь того или иного слова опоры только на языковое чутье

составителя недостаточно, необходимо произвести сверку полученного материала с данными широкого круга словарей, академических грамматик, а также теоретических работ, посвященных языку писателя, чье словотворчество будет представлено в словаре АН. Однако присутствие того или иного слова в словаре само по себе ещё не может являться безусловным доказательством егозуальности не только для общего языка, но и для данной языковой личности. Так, при первичном отборе материала в наш список вошли слова *летатель*, *загребистый*, *равнодушиествовать*, *врачевство*, *неискусство*, *срамность*, *заумничаться* и мн. др. Однако эти лексические единицы зафиксированы в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. Были эти слова использованы в качестве готовых лексических единиц, извлечённых из памяти, или они созданы писателем независимо от их наличия на периферии словарного состава, будучи новыми для индивидуального языка Лескова и «старыми» для общего языка? Уверенно ответить на эти вопросы невозможно. Во всяком случае, считаем, что включение в список индивидуально-авторской лексики слов, зафиксированных хотя бы одним из словарей, возможно лишь при наличии веских оснований.

Если же лексическая единица включена в какой-либо словарь в качестве новообразования данного автора или с пометой «встретилось только умиряек», это должно восприниматься как подтверждение окказиональности слова. Фиксация авторских инноваций может наблюдаться либо в словарях тезаурусного типа, каковыми являются шахматовские выпуски Словаря русского языка, составленного Вторым отд. имп. Академии наук, либо в таких, как «Словарь редких и забытых слов» В.П. Сомова, словарь-справочник «Редкие слова в произведениях авторов XIX в.» под ред. Р.П. Рогожниковой. Так, в выпусках Словаря русского языка под ред. А.А. Шахматова даны с примерами только из произведений Лескова с соответствующей пометой производные *компакт*, *контрировать*, *костоколотный*, *краснодевственность*, *криворос*, *легкомысленник*, *легконосица*, *лжеанатом*, *лже-шпион*, *небытеец* и др.

Если новообразование было обнаружено в одном из словарей с пометой «встретилось <только> у Лескова», об этом обязательно сообщается в специальной зоне словарной статьи, например:

БЕЛЬМИСТО* – нар. Так, как свойственно тусклому, мутному, будто покрытому бельмом (см. **бельмистый**).. *Даже красный свет лучин, запылавших в крестьянских хатах, можно было заметить, когда совсем уж ткнёшься носом в занесённую снегом суволоку, из которой **бельмисто** смотрит бледное оконце.* Некуда; 1864; роман; 2, с.115 <...>

*зафиксировано в «Русском словаре языкового расширения» А.И. Солженицына с пометой «*пример Лескова*»

ЛАДЫСТЫЙ* – прил. Напоминающий по форме ладью.---<конь> *выгibal наружу **ладыстый***

спину и бурливо пенил коленами воду. Соборяне; хроника; 1872; 4, с.89 <...>

* зафиксировано в Словаре русского языка, сост. Вторым отд. имп. Академии наук с пометой «встретилось только у Лескова»

В единичных случаях зафиксированное в каком-либо словаре слово включается нами в число лесковских новообразований, если с учетом контекста можно с большой долей вероятности судить о том, что оно явилось результатом индивидуального словотворчества писателя. Так, мы оставили в картотеке существительное *победоносность*, зафиксированное в Большом толковом словаре русского языка (СПб., 2000), на том основании, что контекст, в котором встречается это слово, квалифицируется нами как словообразовательный, так как содержит мотивирующее слово *победоносный*, а также развернутое описание тех свойств характера героини, которые обозначены данным словом. Учитывается также его маркированность кавычками как дополнительный признак созданности, подчеркиваемой писателем. См. контекст: «Вообще тетя Поля была особа живая, смелая и интересная---Николай Антонович Ратынский---говорил мне, будто Тургенев с тети Полли нарисовал в своем «Помещике» ту барыню, о которой сказал, что она «была не вздор в наш век болезненный и хилый». Разумеется, описанное в «Помещике» лицо имело сходство с тетей Полли только во внешности, а в свойствах духа у них была схожесть разве в «победоносности» и в неукротимой энергии и настойчивости.

*Победоносный, светлый взор, –
Все в ней дышало древней силой».*

В таких редких случаях в зоне дополнительных сведений указано, в каком лексикографическом издании зафиксировано заголовочное слово.

В то же время отсутствие слова в словарях еще не является стопроцентным свидетельством его индивидуально-авторской принадлежности. Есть группы слов, необходимость фиксации которых словарями относится к дискуссионным вопросам. В частности, идут споры о праве экспрессивов – существительных и прилагательных с суффиксами субъективной оценки – на отдельную подачу в словарях. При решении вопроса о включении экспрессивов в словник мы учитывали, что подобные производные в высшей степени свойственны словообразованию в разговорной речи. Поэтому возможно квалифицировать как авторские новообразования только те экспрессивы, которые служат для выражения авторской интенции. Так, при решении вопроса о включении в число лесковских новообразований производного *натурка* был учтен тот факт, что в идиостиле писателя слово *натура* относится к ключевым, обозначая цельную, глубокую, достойную уважения личность. Ему противопоставлен авторский антоним *натурка*, которым Лесков называет людей пустых, не имеющих нравственного стержня: «Это *натурка* маленькая, мелконькая и трусливая...»; «Все они ---люди

самые пошленькие, *натурки* самые обиденные». Кроме того, это существительное не относится к числу слов с предметно-конкретным значением, которым свойственно образовывать экспрессивы типа *дом – домик, домишко*. Все это позволяет считать слово *натурка* авторским новообразованием.

Обязательному включению в словарь АН подлежат экспрессивы, образованные на базе таких лексических единиц, семантика которых препятствует созданию экспрессивно-оценочных производных. Так, мы отнесли к лесковским новообразованиям существительные *державца* (от *держав*), *жандармчик* (от *жандарм*), *крепостничок* (от *крепостник*) и т.д. См. контексты: «В один достопамятный день редактор Катков--- возвестил в «Московских ведомостях», что в каком-то царстве, не в нашем государстве, совокупились рать, состоящая из «вольных казаков», и разные *державцы*, а особенно Англия манят их к себе на службу»; «Там у нас завелся новый *жандармчик*, развязности бесконечной---»; «Афанасий Васильевич, ---ханжа, ревнивец и *крепостничок*».

Фактами индивидуального словотворчества считаем уменьшительные, уничижительные и т.п. производные, созданные на базе иноязычной лексики при помощи словообразовательных средств русского языка, например, *волюмчик* – *wolum* (фр. том) + *-чик*, *пацержик* – *пацержи* (польск. молитвы) + *-ик*, *рандевушка* – *рандеву* + *-шк[а]* и т.п.

Представлены в словаре АН экспрессивы, образованные от инноваций того же автора (*буканчик* от *букан*, *плакончик* от *плакон* и др.).

Экспрессивы-прилагательные, включенные нами в словник, можно разделить на две группы: а) окказиональные формы субъективной оценки узуальных прилагательных; б) окказиональные экспрессивы, не имеющие соотносительных узуальных форм. К первой группе относим такие прилагательные, как *прижалковатый* при наличии *жалкий* (*Маленький, плюгавый, вроде чухны, но прижалковатый*), *приземковатый* при наличии *приземистый* (*Отворил сам священник, старый, приземковатый---*) и т.п. Во вторую группу входят окказионализмы *оброstenький* (---а сам весь *оброstenький*, в волосах), *обрубоватый* (---их <зубрят> маленькое, толстенное, *обрубоватое* тельце), *чурбановатый* (*Чёрные, ---с толстым чурбановатым тельцем, они <зубрята> прыгали на своих толстых, довольно неуклюжих ножках*) и др.

Среди «обиженных» лексикографами оказались сложно-дефисные прилагательные. Как справедливо отмечает Н.З. Котелова, они составляют разряд прилагательных, «нелюбимый толковыми словарями», но очень интересный в лексико-семантическом и словообразовательном отношении. «Не являются тривиальными на категориальном и индивидуально-лексическом уровне формально-структурные и семантические особенности таких прилагательных, естественно, остающиеся невыявленными до тех

пор, пока их считают теньями, вызванными по воле воображения лингвиста» [3, с.75]. Мы включаем в словник адъективные композиты, например, *армейско-дворянский*, *важно-комический*, *англо-доктринерский*, *доморощенно-социалистский* и т.д.

Вопрос о принципах лексикографирования качественных наречий также относится к дискуссионным, причем все чаще раздаются голоса в пользу их подачи в качестве заголовочного слова самостоятельной словарной статьи. Не зафиксированные лексикографическими изданиями (в том числе словарями языка отдельных авторов, словарями разговорной речи и диалектными словарями) качественные наречия должны фиксироваться в словарях АН, если они воспринимаются как неузуальные, т.е. обладают коннотацией новизны, неожиданности. Наблюдения показывают, что инновационные наречия далеко не всегда можно трактовать как слова грамматического функционирования, их семантика, как правило, сложнее, богаче, чем семантика узуальных наречий.

В языке Лескова нами выделены наречия на -о, не имеющие соотносительных узуальных прилагательных, например: *говорно* при отсутствии *говорный*, *немежотно* при отсутствии *немежотный*, *покладливо* при отсутствии *покладливый* и т.д. Возможно, это случаи чересступенчатого словообразования. Каждое из таких наречий должно рассматриваться отдельно с учетом контекста и сопровождаться в словаре не отсылочным, а семантическим определением, максимально раскрывающим его значение. См. фрагменты словарных статей:

БЕЗОТЗЫВНО – нар. Без искреннего отклика на художественные и публицистические произведения, появляющиеся в печати. *Всё это при тогдашнем оживлении в литературе и в жизни не проходило безотзывно и бесследно*---. Народники и расколоведы на службе <...>

БЕСПЯТНЕННО – нар. Так, как свойственно человеку, которого нельзя опорочить, запятнать, на репутации которого нет ни единого пятна.---*спящая пленница входила в этот дом сонной царевной, которые, по народному поверью, всегда так беспятненно чисты и без сравнения прекрасны*. Старые годы в селе Плодомасове<...>

Есть еще две группы слов, которые традиционно представлены лишь в энциклопедических изданиях и специальных словарях-справочниках, но не включаются в словники традиционных толковых словарей, – это онимы и деонимы. В то же время Л.В.Щерба в своем знаменитом «Опыте общей теории лексикографии» говорил: «Поскольку собственные имена, будучи употребляемы в речи, не могут не иметь никакого смысла, постольку мы должны считать их словами, хотя бы и глубоко отличными от имен нарицательных; поскольку же они являются словами, постольку нет никаких оснований исключать их из словаря, хотя следует определиться с особенностями их разработки» [10, с.278]. Считаем, что в словари АН необходимо включать индивидуально-

авторские имена собственные и их производные.

В вопросе о количестве индивидуально-авторских образований, созданных Лесковым, нельзя поставить точку ещё и потому, что перу писателя принадлежало много бесподписных и псевдонимных статей, учесть которые в полном объеме пока не представляется возможным.

Один из важнейших вопросов, стоящих перед составителями словаря, – это вопрос о порядке расположения словника, который имеет довольно длительную историю. Алфавитный порядок словника – один из наиболее принятых, традиционных способов расположения материала, недаром П.Н. Денисов видит в расположении словника в алфавитном порядке «необходимость жанра, а не беспомощность составителя. Это – система адресации, универсальная черта справочно-информационной литературы» [2, с.215].

Если основное достоинство алфавитного расположения словника – удобство для пользователя, то основной его недостаток – формальный подход к предмету лексикографирования. Лексикография знает иные принципы размещения материала. «Словари могут быть организованы, построены по алфавитному, гнездовому, идеографическому, тематическому принципам или путем комбинации этих способов» [1, с.192]. Какой же способ расположения словника можно признать оптимальным для словарей АН?

В.П. Тимофеев прямо предостерегал составителей словарей языка одного автора от расположения материала «различными тематическими списками», считая это нецелесообразным, поскольку «иначе надо было бы в одном словаре создавать неопределенное количество микрословарей с разноколичественным материалом и с разрозненными принципами его подачи». Ученый признает «самым простым, самым удобным, эффективным и экономичным способом размещения» словаря такого типа «общий алфавитный словник» [8, с.90].

Именно к алфавитному расположению слов прибегли составители писательских словарей, а также тех единичных на сегодняшний день словарей АН, которыми мы располагаем. Это можно считать оправданным, т.к. внутренняя структура словаря должна быть такова, чтобы пользователь мог с максимальной для себя легкостью и быстротой находить интересующие его сведения.

В то же время при составлении словарей АН важно выявить, какие элементы картины мира требуют воплощения в неузуальной лексике у данного писателя или поэта, какие способы словообразования и словообразовательные средства являются для него продуктивными, как распределяются инновации в произведениях разных жанров, равномерно ли представлены они в разных периодах творчества данного автора.

Противоречие между алфавитным порядком расположения словника и потребностью в специфической информации можно разрешить, создав

многоаспектный словарь, который, помимо алфавитного блока, будет включать систему приложений, каждое из которых представляет собой отдельный словарь (идеографический, морфемный, корневой, морфемный аффиксальный и др.), характеризующийся как своим принципом расположения словника, так и особенностями словарной статьи. В приложениях пользователь найдет по сути тот же материал, что и в основной части словаря, но систематизированный в соответствии с другими принципами.

Ценную информацию об особенностях мировосприятия языковой личности может дать группировка их в соответствии с особенностями идеального содержания. Иными словами, необходимо в приложениях к словарям АН дать семантический (ономасиологический, идеографический) словарь инноваций. Один из возможных вариантов представления материала в идеографическом приложении к словарю АН – объединение слов в ономасиологические классы, объединяющие лексические единицы, которые характеризуются типичным содержанием обслуживаются определенным набором способов словопроизводства и словообразовательных средств.

Материал в ономасиологическом словаре предполагается разбить на блоки по частям речи. В каждом частеречном блоке ономасиологические классы должны располагаться в порядке убывания количества представленных в них новообразований. Входом в словарную статью является название ономасиологического класса, далее дается формулировка его обобщенного идеального содержания, затем все инновации данного ономасиологического класса приводятся списком в алфавитном порядке; в конце словарной статьи указывается общее количество новообразований – членов данного класса. См., например, фрагменты словарных статей субстантивного блока:

Ономасиологический класс лица по признаку «Тот (та), кто характеризуется признаком, названным мотивирующим словом» *желчевик, неотес, сентиментал, усердник, фальшивец* <...> (102)

Ономасиологический класс лица по месту «Тот (та), кто живет, пребывает в месте, названном мотивирующим словом» *балочник, Дубовик, европей, орловчин, Полевик, сокольничанин, теремница* <...> (33)

Выявление и описание ономасиологических классов неузуальной лексики позволяет осветить системный характер словотворчества, установить типичные идеальные содержания, получившие материальное воплощение в звуковой оболочке новообразований. Это приближает к пониманию того, что в окружающей действительности наиболее важно для создателя нового слова, какие понятия требуют от него лексической объективации, а также позволяет определить факторы, влияющие на выбор способа словопроизводства и словообразовательного средства при создании новообразований.

Идеографический словарь может быть построен на разных принципах. Главное условие, которое при

этом должно соблюдаться, – отражение того, как распределены авторские новообразования по понятийным классам, группировка слов в словарной статье вокруг некоторой идеи, смыслового центра.

Изучение лексики по гнездовому принципу составляет особый аспект взаимосвязи словообразования с лексикологией и лексикографией. Такому изучению инноваций будет способствовать еще одно приложение – гнездовой, а точнее морфемный корневой словарь, содержащий однокоренные новообразования. Такой словарь необходим в тех случаях, когда для идиостиля писателя характерно создание однокоренных новообразований. Работа, проведенная по формированию морфемного корневого приложения к словарю АН Лескова, показала, что 70% всех выявленных нами новообразований входят в словообразовательные гнезда.

Заглавный блок в морфемном корневом словаре составляют корни, расположенные в алфавитном порядке. Знакомая с основной частью словаря, читатель при помощи специальной пометы-индекса в словарной статье получит справку о том, имеет ли эта лексическая единица родственные слова-новообразования в идиостиле данного автора, а в случае необходимости найдет их в приложении. Для того, чтобы пользователь мог легко найти слово в корневом словаре, индекс должен сообщать о том, в какой словарной статье этого приложения оно находится. Удобнее всего это осуществить, указав корень, являющийся вершиной соответствующей словарной статьи корневого словаря. Соблюдая принцип экономии, в качестве индекса будем давать основной алломорф, например: **ПЬЯНИССИМО** ^{-пн-}. Слова, входящие в два гнезда, сопровождаются двумя индексами: **ЧУЖЕВЕР** ^{чуж- / -вер-} **ШИРОКОВЕЩАНИЕ** ^{-шир- / -вещ-}.

Словарную статью гнездового приложения предполагается строить следующим образом: в качестве заголовочного элемента – корни (в том числе связанные), выделенные жирным шрифтом. Алломорфы также выносятся в заголовок, отделяясь знаком /. Затем в алфавитном порядке помещаются слова – члены данного гнезда. В конце словарной статьи дается цифра, обозначающая количество производных-новообразований с данным корнем. См., например:

-ЧУЖ- / -ЧУЖД- чуждательство / чуждянка / чужевер / чужеверец / чужеверие / чужелюбие / чужестранность / чужеядность (8)

-ШИР- широковещение / широкодонный / ширококопытный / широкопастый / широкопёрый / широкорасставленный (6) и т.п.

На вопрос о степени продуктивности способов словообразования и конкретных словообразовательных средств при создании инноваций разных частей речи данным автором поможет ответить морфемный аффиксальный словарь. В нем предполагается распределить материал по частеречным блокам, а внутри блоков – по способам словообразования и конкретным словообразовательным типам. Как мор-

фемный корневой, так и морфемный аффиксальный словарь является гнездовым с той разницей, что в одном представлены корневые, а в другом аффиксальные гнезда.

Заголовочными элементами в рассматриваемом приложении должны быть не производные слова, а словообразовательные средства. Затем приводятся новообразования, расположенные в алфавитном порядке. Как и в корневом словаре, словарная статья должна заканчиваться количественным показателем, который обозначает число производных, созданных при помощи данного словообразовательного средства. Например, среди отглагольных суффиксальных существительных, объединенных идеальным содержанием «тот, кто производит действие, названное мотивирующим словом», можно выделить несколько словообразовательных типов с разными суффиксами:

-ЧИК/-ЩИК- доживальщик, разузнащик, ловитчик, спорильщик, шикальщик, чертыханщик (6);

-ТЕЛЬ- кропитель, предупредитель, присягатель, пресекатель, сражатель, приуготовитель (6) и т.д.

Сведения о том, как распределены авторские новообразования по конкретным произведениям, по периодам творчества, по жанрам, в случае необходимости могут даваться в отдельном приложении. В качестве заголовочных элементов в таком приложении могут выступать названия произведений. Далее должны даваться сведения о жанре, годе создания, источнике (издании) и объеме произведения в ко-

личестве страниц, затем указывается общее число авторских новообразований в произведении, приводятся данные об их «удельном весе» – среднее количество новообразований на одну страницу текста произведения, а также отношение инноваций данного произведения к общему числу инноваций писателя в процентах. Затем следует алфавитный список всех новообразований, выявленных в этом произведении. Словник может располагаться в алфавитном или в хронологическом порядке. См. фрагменты словарных статей:

НА НОЖАХ роман; 1870; VIIIт.; 810стр.; 159АН; 0.2/стр.; 5.3 % аферировать, башеньё, безнатурный, безнатурность, беспристальный<...>

ЗАЯЧИЙ РЕМИЗ повесть; 1894; 11т.; 94стр.; 78АН; 0.86/стр.; 2.6 % бедуар, благоухищрённый, братарните, всенепобедимый<...>

Анализ того, как представлены новообразования в тех или иных произведениях, как они распределены по жанрам, по периодам творчества писателя, может многое дать исследователю.

Таким образом, словари авторских новообразований мыслятся как полиаспектные лексикографические издания, представляющие собой совокупность основной части, где следует остановиться на алфавитном расположении словника, и нескольких содержательно упорядоченных приложений, что позволит рассмотреть авторские инновации с разных сторон.

Библиографический список

1. Герд А.С. К определению понятия «словарь». Проблемы лексикографии. Сборник статей. Спб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. С.191-203.
2. Денисов П.Н. Об универсальной структуре словарной статьи. Актуальные проблемы учебной лексикографии. М.: Русский язык, 1977. С.205-225.
3. Котелова Н.З. Словообразование без образования слов. Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1983. С.71-81.
4. Леденева В.В. Особенности идиолекта Н.С.Лескова. М.: МПУ, 2000. 185с.
5. Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М.: Высш. шк., 1976. 120с.
6. Лыков А.Г. Окказионализм и языковая норма. Грамматика и норма. М.: Наука, 1977. С.62-83.
7. Малеева М.С. Лексическая и синтаксическая объективация знания в словообразовательном контексте. Воронеж: ВГУ, 1983. 127с.
8. Тимофеев В.П. Исходная (словарная) форма слова в русском языке. Свердловск: «Уральский рабочий», 1971. 185с.
9. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1972. 327с.
10. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С.265-304.

References

1. Gerd A.S. To the definition of «dictionary». Problems of lexicography. Collection of articles. Spb: publishing house S.-St. Petersburg. Un-ty, 1997. P.191-203.
2. Denisov P.N. On the universal structure of the dictionary entry./ Actual problems of teaching lexicography. M.: The Russian language, 1977. P.205-225.
3. Cotelova N.Z. Word-formation without education words. New words and dictionaries of new words. L.: Science, 1983. - P.71-81.
4. Ledenev V.V. Characteristics of ideolekt by N.S. Leskov [Text] /V.V. Ledenev. M.: MPU, 2000. 185p.
5. Lykov A.G. Modern Russian lexicology (Russian occasional word).M.: Higher School., 1976. 120p.
6. Lykov A.G. Occasionalism and linguistic norm. The Grammar and the norm. M.: Science, 1977. P.62-83.
7. Maleeva, M.S. Lexical and syntactic objectification of knowledge in word-formativeof the context. Voronezh:

Voronezh State University, 1983. 127P.

8. *Timofeev V.P.* The original (dictionary) form of the word in the Russian language. Sverdlovsk: «Uralworker», 1971. – 185p.

9. *Shansky N.M.* Lexicology of modern Russian language. M.: Education, 1972. – 327p.

10. *Scherba L.V.* The experience of the General theory of lexicography./ Language system and speech activity. L.: Science, 1974. P.265-304.

УДК 81'1

Н.М. БОЛОХОНЦЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Орловского юридического института МВД РФ
E-mail: nat.tash13@mail.ru

UDC 81'1

N.M. BOLOCHONTSEVA

candidate of philological sciences, associate professor of the Department of the Foreign and Russian Languages, Orel Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ СИТУАЦИЙ СКРЫТОГО КОММУНИКАТИВНОГО ДИСКОМФОРТА

THE ISSUE OF THE CLASSIFICATION OF THE SITUATIONS OF LATENT COMMUNICATIVE DISCOMFORT

В данной статье выделяются типы ситуаций скрытого коммуникативного дискомфорта, базирующиеся на различных аспектах: предпосылках возникновения ситуаций скрытого коммуникативного дискомфорта, возможных последствиях его возникновения, степени участия, принимаемого коммуникантами в симуляции комфортности. Предложенная классификация иллюстрируется примерами, взятыми из художественной литературы, которые подтверждают теоретические предположения автора.

Ключевые слова: коммуникация, скрытый коммуникативный дискомфорт, коммуникант, предпосылки, конструктивные и деструктивные последствия, степень участия.

In this article we single out the types of situations of latent communicative discomfort based on different aspects: the causes of appearing of latent communicative discomfort, the possible consequences of latent communicative discomfort, the extent of participation of communicants in simulation of communicative comfort. The suggested classification is illustrated by the examples taken from fiction, which support theoretical suppositions of the author.

Keywords: communication, latent communicative discomfort, communicant, causes, constructive and destructive consequences, extent of participation.

Обращаясь в своей статье к вопросу классификации ситуаций скрытого коммуникативного дискомфорта, мы рассматривали некоторые подходы к выделению основных типов коммуникативно-дискомфортных ситуаций, а именно, подход Е.М. Мартыновой, которая выделяет типы коммуникативно-дискомфортных ситуаций на основе трёхуровневой структуры речевого акта (локутивно-обусловленный, иллокутивно-обусловленный и перлокутивно-обусловленный) и Л.П. Семененко, который выделяет типы коммуникативного дискомфорта, опираясь на компоненты коммуникативного акта как его потенциальные источники (К-обусловленный коммуникативный дискомфорт, Т-обусловленный коммуникативный дискомфорт, В- и П-обусловленный коммуникативный дискомфорт, О-обусловленный коммуникативный дискомфорт, ПЦ-обусловленный коммуникативный дискомфорт, КЦ-обусловленный коммуникативный дискомфорт) [11, 74]. Таким образом, мы видим, что

рассмотренные типологии основываются на представлении потенциальных причин их возникновения. Придерживаясь аналогичной линии поиска, мы в своей статье выделяем типы ситуаций скрытого коммуникативного дискомфорта.

Мы также допускаем, что явления скрытого коммуникативного дискомфорта можно классифицировать, основываясь не только на предпосылках их возникновения, но и по другим признакам. Можно, например, различать типы скрытого коммуникативного дискомфорта, опираясь на возможные последствия его возникновения, как конструктивные (способствующие положительному развитию диалога, помогающие преодолеть возникающие разногласия), так и деструктивные (создающие ещё большее напряжение в процессе общения) [9].

Кроме этого, можно, например, предложить классификацию, исходящую из степени участия, принимаемого коммуникантами в симуляции комфортности. Здесь, в частности, может иметь место

следующее разграничение:

Симуляция комфортности одним из коммуникантов. Партнёр имитирует кооперативное участие в поддержании данного состояния (примером может служить «ложь во спасение»).

Симуляция комфортности обоими коммуникантами. Регулятивным фактором служит этикет речевого поведения (например, в случае формального общения).

Приведём примеры некоторых ситуаций скрытого коммуникативного дискомфорта, иллюстрирующих типологию, основанную на предпосылках их возникновения (здесь и далее интересующие нас моменты будут подчеркнуты).

(1) – Простите, а Екатерина Романова тут живёт? <...>

Вы не осудите меня, если узнаете, что первым моим желанием было заявить: «Вы ошиблись, уважаемый». Очевидно, неправильно записали адрес. Никакой Екатерины Романовой тут и в помине нет».

Но потом я устыдилась, навесила на лицо любезную улыбочку и ответила:

– Катя сейчас на работе. Если хотите её срочно увидеть, могу дать адрес больницы.

– Нет, нет, – замотал головой дядечка, – я Юра. Катя обо мне, небось, вам рассказывала.

– Юра? – воскликнула я.

– Ага, Юра Волков, неужто не знаете?

– Ах, Юра! Волков!!! Заходите, сделайте одолжение, – изобразила я полнейший восторг, – как же, как же, я хорошо вас знаю, правда, заочно. Юра Волков!

– Вот и здорово, – обрадовался дядька ... [6, 45].

Данный пример иллюстрирует ситуацию скрытого коммуникативного дискомфорта, обусловленную необходимостью высокой степени тактичности в процессе формального общения. Внешне диалог выглядит бесконфликтно, однако, принимая во внимание авторскую речь, мы можем сделать вывод о том, что здесь нарушается грайсовская максима Количества – собеседница не владеет информацией о личности незнакомца, а он ничего о себе не рассказывает. Но, с другой стороны, здесь выполняются максимы Такта («Своди до минимума затраты усилий партнёра»; «Старайся увеличить выгоду для партнёра») и Согласия («Избегай разногласий»; «Стремись к согласию») Дж. Лича.

(2) – Романова, ты где?

– Ну... в районе Таганки.

– Молодец, – уже более весёлым тоном сказал Боря, – я испугался, что ты забыла!

– О чём? – осторожно поинтересовалась я.

– Шутница ты, Романова, – захихикал Крюков, – катишь себе на передачу, а сейчас надо мной издеваешься. Впрочем, молодец, от Таганки три минуты езды до нас, а эфир только через час.

Я едва не шагнула мимо ступеньки. Радио!

Господи, совершенно вылетело из головы! ...

[6, 86].

В рассматриваемой ситуации мы сталкиваемся с примером скрытого коммуникативного дискомфорта, возникающего по причине того, что первый коммуникант не осознаёт возможности возникновения коммуникативного дискомфорта – то есть считает своё участие в общении успешным, а второй – «скрывает» возникшее у него коммуникативное неудобство, провоцируя таким образом возникновение скрытого коммуникативного дискомфорта.

Примером деструктивного скрытого коммуникативного дискомфорта, на наш взгляд, может послужить следующая ситуация:

(3) – Я думала, ты забыла!

Я чуть не спросила: «О чём?» – но вовремя схватила себя за язык и воскликнула:

– Как можно! Я обладаю замечательной памятью.

– Очень тронута твоим вниманием.

– Пустяки!

– Но у нас опять форс-мажор. <...> Тебе придётся помочь с ужином.

<...>

– Конечно. Но почему бы не поручить дело Ирке?

– Она занята.

– Чем?

– Ты забыла!

– А! Конечно! Очень хорошо помню! – принялась я усиленно врать.

– Раз помнишь, зачем спрашиваешь?

– Машинально! [5, 134].

Рассматриваемый пример мы квалифицируем как случай деструктивного скрытого коммуникативного дискомфорта, так как здесь в процессе общения коммуниканты хотя внешне сохраняют взаимно благоприятные отношения (следуя принципу Вежливости) и не провоцируют явных разногласий, при всех попытках сохранить комфортность взаимодействия не достигают успешности общения, так как второй собеседник не воспринимает истинных коммуникативных намерений партнёра (нарушается грайсовская категория Способа – «Выражайся ясно» – и Количества – «Твоё высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога)»).

(4) – Можно. Гора Джебель-Усдум дырявая. Весной ручей течёт, дырка находит. Тысяча лет вода течёт – пещера. Хозяин знает, как через гору пролезть, но двадцать франк мало. Хочет пятьдесят. Пещера страшная, там джинны огня живут. Услышав про пещеру, Полина Андреевна содрогнулась. Снова лезть в земное чрево? Ни за что – хоть с джиннами, хоть без джиннов.

Салах понял её гримасу по-своему. Подумал немного, почесал затылок.

– Да, пятьдесят франк очень много. Дай мне

двадцать пять, я тебя без пещера провезу.

– Но как?!

– Мой дело, – ответил палестинец с хитрым видом [1, 135].

В данном случае мы имеем дело с конструктивной ситуацией. Диалог протекает без видимых разногласий, но так как первый коммуникант не точно понимает второго, то ситуация будет ложно-комфортной. Однако последствия данного скрытого коммуникативного дискомфорта будут конструктивными, так как коммуниканты приходят к выгодному для них обоим решению.

Рассмотрим примеры ситуаций скрытого коммуникативного дискомфорта, иллюстрирующие различную степень участия, принимаемого коммуникантами в симуляции комфортности.

(5) – Лёля, давай поговорим позднее, у меня мало денег на телефоне.

– Ладно, – неожиданно согласилась она.

Я насторожилась, победа далась слишком легко, что-то тут не так. Белкина не привыкла сразу сдавать позиции.

– Ты где? – воскликнула Оля.

– На рынке.

– Когда вернёшься?

– Через час, – быстро соврала я.

На самом деле езды до нашей квартиры меньше пяти минут, в переулке, по которому мне предстоит сейчас ехать, никогда не случалось пробок. Но я хотела спокойно сварить суп.

– Ты поторопись, – велела Лёля.

– Постараюсь [4, 13].

В данном примере мы наблюдаем «симуляцию» комфортности общения одним из коммуникантов, второй – «подыгрывает» ему, очевидно, не осознавая ложности коммуникативного комфорта. О «скрытости» коммуникативного дискомфорта можно судить по репликам участников диалога и авторским метакоммуникативным дескрипциям: «давай поговорим позднее, у меня мало денег на телефоне» (явное желание завершить разговор, «отделаться» от собеседника); «неожиданно согласилась», «насторожилась» (коммуникант ожидает реакции собеседника, и собеседник, в результате, «подыгрывает» ему, принимая как истинные заведомо ложные высказывания); «быстро соврала», «я хотела спокойно сварить суп» (коммуникант использует неискренние высказывания, создающие ситуацию скрытого коммуникативного

дискомфорта, что мотивировано его намерением реализовать определённую практическую цель – «сварить суп»).

(6) Репников (*входя*). Разрешите?

Комсорг. Проходите, Владимир Алексеевич.

Репников. Добрый вечер.

Все. Добрый вечер.

Комсорг. Садитесь, Владимир Алексеевич.

Репников (*присматривается*). Ну, я, кажется, не вовремя... Где же гости?

Красавица. Гости?.. А они на улице... Гуляют.

Репников. Ага... (*Веселому*.) Вы, видимо, жених? (Садится.)

Весёлый. Я?.. Ну да... до некоторой степени...

Репников. Геолог? Слышал-слышал. Зашёл поздравить. Поздравляю вас.

Весёлый. Меня?.. Ну что ж спасибо.

Репников. А невеста? Кто у вас невеста?

Комсорг. Она... она вышла...

Красавица. Маленькая неприятность. Пролили вино на белое платье.

Репников. Ну, это пустяки.

Красавица. Разумеется пустяки [2, 16-17].

Очевидно, что в данном случае неудобство испытывают все собеседники, мы понимаем это по их репликам: «Ну, я, кажется, не вовремя...» (формула иллюктивного акта экспрессива «извинение» выражает сожаление коммуниканта о совершенном им практическом действии, что, при соблюдении условий искренности экспрессива, сопряжено с ощущением определённого коммуникативного дискомфорта). Дискомфортная неуверенность коммуниканта в правильности выбора способов своего речевого поведения проявляется в нерешительности коммуникативных действий, свидетельство чему – многочисленные запинки в речи (на письме обозначаемые многоточиями), постоянное переспрашивание и связанные с ним частые повторы. Возможно, намерение «скрыть» коммуникативный дискомфорт здесь обусловлено различиями в социальном статусе коммуникантов: студенты и преподаватель. Диалог заканчивается «внешним» согласием: «Ну, это пустяки» – «Разумеется пустяки».

Таким образом, в своей статье мы рассмотрели некоторые типы ситуаций скрытого коммуникативного дискомфорта, а также проиллюстрировали наши предположения примерами, взятыми из литературных источников.

Библиографический список

1. Акунин Б. Пелагия и красный. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. Т. 2 272 с.
2. Вампилов А.В. Избранное 2-е изд., доп. М.: Искусство, 1984. 589 с., 1 л. портр.
3. Городецкий Б.Ю. От лингвистики языка – к лингвистике общения. Язык и социальное познание. М.: Центр. совет филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. С. 39-56.
4. Донцова Д.А. Лампа разыскивает. М.: Эксмо, 2006. 352 с.
5. Донцова Д.А. Стилист для снежного. М.: Эксмо, 2006. 384 с.
6. Донцова Д.А. Но-шпа на троих. М.: Эксмо, 2005. 352 с.
7. Мартынова Е.М. Предпосылки возникновения коммуникативного дискомфорта, определяемые относительно-

но трехуровневой структуры речевого. // Язык и коммуникация: изучение и обучение: сборник статей. Орёл: ОГУ, 2000. Вып.6. С. 17-20.

8. Остин Дж. Слово как действие. Пер. с англ. А.А Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып.17: Теория речевых актов. С. 22-129.

9. Семененко Л.П. Глагольный компонент метакоммуникативных дескрипций. // Актуальные проблемы современной филологии и методики преподавания языка: материалы международной научно-практической конференции, 24-26 ноября 2008 года. Орёл: ОГИЭТ, 2008. С. 211-216.

10. Семененко Л.П. Основы коммуникативно-целевой семантики. Уч. Пос Орёл: Орловск. гос. ун-т, 1999. 84с.

11. Семененко Л.П. Аспекты лингвистической теории монолога. М.: Московский гос. лингв. ун-т, 1996. 324 с.

References

1. Akunin B. Pelageya, Sister of Charity, and a Red Cockerel [Text]: novel in 2 volumes / Boris Akunin. – M.: LLC «Publishing office AST», 2003. – V. 2 – 272 p. – 30000 copies – ISBN 978-5-17-018633-4.

2. Vampilov A.V. Selection [Text] / A.V. Vampilov // 2nd edition, enlarged. – M.: Art, 1984. – 589 p., 1 p. portrait.

3. Gorodetsky B. Yu. From language linguistics to communication linguistics [Text] / B. Yu. Gorodetsky // Language and social cognition. – M.: Central board of philosophic (methodological) seminars under the Presidium of Academy of Sciences of the USSR, 1990. – p. 39-56.

4. Dontsova D.A. Lamp looking for Aladdin [Text]: novel / Darja Dontsova. – M.: Exmo, 2006. – 352 p. – (Ironic detective: founded in 2000). – 15000 copies. – ISBN 5-699-17772-8.

5. Dontsova D.A. Stylist for Bigfoot [Text]: novel / Darja Dontsova. – M.: Exmo, 2006. – 384 p. – (Ironic detective: founded in 2000). – 25000 copies. – ISBN 5-699-13453-0.

6. Dontsova D.A. No-shpa Triple [Text]: novel / Darja Dontsova. – M.: Exmo, 2005. – 352 p. – (Ironic detective: founded in 2000). – 20000 copies. – ISBN 5-699-10256-6.

7. Martynova E.M. Pre-conditions of communicative discomfort, determined with reference to the three-level structure of a speech act [Text] / E.M. Martynova // Language and communication: learning and teaching: collection of articles. – Orel: Orel State University, 2000. – Issue 6. – p. 17-20.

8. Austin J. How to do Things with Words [Text] / John Austin; translated from English by A.A. Mednikova // New trends in foreign linguistics. – M.: Progress, 1986. – Issue 17: Theory of speech acts. – p. 22-129. – Translation of edition: How to do things with words / John L. Austin. New York: Oxford University Press, 1973. – 4800 copies.

9. Semenenko L.P. Verb component of metacommunicative descriptions [Text] / L.P. Semenenko // Relevant problems of the modern philology and methodology of language teaching: materials of the international scientific-practical conference, 24-26 November 2008. – Orel: Orel State Institute of Economics and Trade, 2008. – p. 211-216.

10. Semenenko L.P. Principles of communicative-purposive semantics [Text]: work book / L.P. Semenenko. – Orel: Orel State University, 1999. – 84p.

11. Semenenko L.P. Aspects of linguistic theory of a monologue [Text] / L.P. Semenenko. – M.: Moscow State Linguistic University, 1996. – 324 p.

УДК 811.161.1'37(082)

UDC 811.161.1'37(082)

С.М. ВАСИЛЬЧЕНКО

кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка Орловского государственного уни-
верситета
E-mail: kafrusogu@gmail.com

S.M. VASILCHENKO

candidate of philological sciences, associate professor
of the Department of the Russian Language, Orel State
University
E-mail: kafrusogu@gmail.com

**ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЛОКАТИВОВ С ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИМ
ГИПЕРОНИМОМ ЯЩИК В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

**FORMAL AND SEMANTIC CONNECTIONS OF THE LOCATIVES UNITED UNDER
THE LEXICOGRAPHICAL HYPERONYM BOX IN THE ONOMASIOLOGICAL ASPECT**

В статье рассматриваются связи русских слов, входящих в функционально-тематическую группу локативов с лексикографическим гиперонимом ящик, на уровне формы и содержания, в ономасиологическом аспекте. Являясь мотиваторами, локативы участвуют в семантической и морфемной деривации, в образовании слитных слов способом сращения. Наибольшей активностью обладает гипероним.

Ключевые слова: имя существительное, локатив, мотивация, заимствование, морфема, производное слово, способ словообразования, словообразовательная цепочка, словообразовательное гнездо.

This article deals with the form and meaning, onomasiological connections between the Russian words of the functional-thematic group of locatives united under the lexicographical hyperonym Box. Locatives take part in the semantic and morphemic (affixal) derivation and in the word-building of fused words by the method of concretion. The hyperonym is the most active in this sphere.

Keywords: noun, locative, motivation, borrowing, morpheme, derived word, mode of word-formation, word-formation chain, word-formation family.

Семантические классы слов, представляющие объединения слов с интегральными семантическими признаками, можно изучать в семасиологическом и ономасиологическом аспектах, которые дополняют друг друга. Статья посвящена описанию формально-семантических связей локативов с лексикографическим гиперонимом *ящик* в ономасиологическом аспекте.

Область изучения ономасиологии – единицы номинации на лексическом, словообразовательном, фразеологическом, морфологическом, синтаксическом уровнях (подробно об ономасиологическом подходе см. Васильченко С.М. [5, 6]). Локативы исследуются в рамках исторической ономасиологии, как результат процессов номинации, имевших место в языковом прошлом, и синхронной ономасиологии, как результат процессов номинации, характерных для современного языка. В процессах номинации используются внутренние ресурсы русского языка и внешние ресурсы других языков. Локативы являются мотиваторами, участвуют в создании словообразовательных парадигм и словообразовательных гнезд. Производные слова входят в номинативную систему языка.

Исследуемые наименования различны по происхождению и образованию. Значительное место занимают заимствования. К собственно русским относится слово *ящик* В.В.Иванов [38, с. 527]. Аналогичную

позицию занимают Н.М. Шанский и Т.А. Боброва: слово *ящик* – «искон. ум.-ласк. от др.-русс. *яскъ* «корзина», которое заимствовано из др.-сканд. яз., где *askъ* «деревянный короб» от *askъ* «яшень»; «*ящик* буквально «вместилище, сделанное из ясеня» [37, с. 339]. К заимствованиям из древнескандинавского относит слово *ящик* и М.Фасмер [34, т. 4, с. 573].

Г.В. Судаков отмечает, что слово *ящик* довольно поздно фиксируется в письменности – с 1503 г., слово *ящичек* – с 1575 г. [30, с. 8]. Г.В.Судаков также указывает на две точки зрения по поводу происхождения слова *ящик*: Е.Н. Шипова предполагает тюркское происхождение, «но есть и скандинавские параллели, как норв. *asker* ... Можно допустить близость слов *ящик* и более раннего *аскъ* – *яскъ* ‘корзина, ящик, сплетённый из тростника’» [там же].

А.Б.Бабаходжаев считает, что «слово *ящик* возникло от основы глагола *яшир*» – «прятать» путём усечения тюркского корня, выпадения инфинитивного суффикса и присоединения русского суффикса *-ик*» [2, с. 49].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что в слове *ящик* произошло опрощение, суффикс *-ик* стал частью корня, производная основа превратилась в непроизводную, членимая – в нечленимую. Как отмечает Г.В.Судаков, слово *ящик* было «универсальным названием различных вместилищ, которые делали в основном из липы, дуба, обивали

железом, ставили крышку, иногда на петлях, навешивали пробой для замка или врезали внутренний замок, внутри обивали кожей или тканью» [30, с. 8]. В старорусских текстах слово *ящик* имело значение «деревянное или железное вместилище для хранения различной утвари, чаще стеклянной посуды, и мелкого товара, а также деловых бумаг» [там же].

Ссылаясь на работы М. Фасмера. А. Преображенского, Ф. Миклошича, Н.П. Гринкова пишет о различных точках зрения на происхождение слова *ковчег*: «одни предполагают греческий источник, другие – латинский; есть предположение и восточного источника» [7, с. 134]. Н.П. Гринкова присоединяется к исследователям, «предполагающим для этого слова непосредственный греческий источник» [там же]. Слово *ковчег* «использовалось в церковных текстах южных и восточных славян и сохранилось в церковно-богослужебной сфере для обозначения ларца, служившего для хранения священных предметов, а также для названия легендарного корабля Ноя» [7, с. 134 – 135]. У западных славян соответствующий ларец обозначается латинским словом [7, с. 134]. Нейтрального употребления слово *ковчег* не получило «и в дальнейшей истории словарного состава русского языка. Развились только некоторые переносные употребления» [7, с. 135].

В.В. Иванов указывает, что слово *ковчег* заимствовано из старославянского языка, в котором имело значение «ящик, хранилище», «представляет собой, вероятно, в свою очередь заимствование с востока» [38, с. 202]. М. Фасмер также отвергает объяснение происхождения слова *ковчег* из греческого, турецкого источника, древнерусского *ковъ* «сосуд» и допускает восточное происхождение; соответствующие слова имеют значение вместилища: «сосуд», «коробка», «гроб» [34, т. 2, с. 272 – 273].

Является заимствованием из латинского или немецкого языка общеславянское слово *скрыня*. В языке-источнике соответствующий звукоряд также имел значение вместилища: латинское *scrinium* – «цилиндрический ящик для хранения бумаг», древневерхнемецкое *scrīni* – «шкаф», заимствованное из латинского [34, т. 3, с. 657].

К заимствованиям относится и слово *ларь*. Соответствующее ему слово в древнешведском языке *lår* имеет значение «ларь, выдвижной ящик», шведское *lår* – «ящик, сундук» [34, т. 2, с. 460]. По мнению Н.П. Гринковой, «большинство этимологов считает слово *ларь* в русском языке заимствованием из северогерманских языков», «этимологи имеют тенденцию связывать его с языками шведским, финским, но в этом аспекте необъяснённым является использование слова *ларь* в Сборнике Святослава 1076 г.»; поэтому Н.П. Гринкова делает вывод о том, что «пути проникновения слова *ларь* в русский язык остаются для нас неясными» [7, с. 141 – 142]. Г.В. Судаков указывает, что слово *ларь* – «длинный ящик с крышкой для разного скарба и продуктов» в XVI – XVII вв. зарегистрировано лишь в севернорусских текстах,

общерусскую известность оно приобретает в национальный период [30, с. 8].

Представляет собой заимствование сложное по структуре наименование ящиков *картотека* с первым корнем *карт-* немецкого происхождения от латинского *charta* «бумага» [34, т. 2, с. 203] и вторым корнем *-тек-* греческого происхождения; *thēkē* – «вместилище, ящик» [24, с. 310].

Из греческого языка заимствовано существительное *кинсей*. Греческое соответствие имеет значение «ящик, сундук» («Словарь современного русского литературного языка» в семнадцати томах, в дальнейшем сокращённо – БАС) [27]. Как отмечает М. Фасмер, с эпохи Петра известно слово *касса*, заимствованное «через польское *kasa* или немецкое *Kasse* или прямо из итальянского *cassa* от латинского *capsa* «футляр» [34, т. 2, с. 207].

В начале XVIII в. через немецкое *Urne* из латинского *urna* заимствовано слово *урна*. Латинское соответствие связано со словом *urceus* «кувшин» [34, т. 4, с. 168; 37, с. 335].

Имеются различные точки зрения на происхождение слова *цибик*. В БАС [27] и в четырёхтомном «Словаре русского языка», в дальнейшем сокращённо МАС [26], указывается монгольское соответствие *севед*. Такую позицию занимает и Иванов В.В.: *цибик* – «пачка чая» заимствовано из монгольского языка, «монгольское *севед* «ящик с чаем» переоформлено в русском языке по типу слов с суффиксом *-ик*» [38, с. 485]. Н.М. Шанский и Т.А. Боброва полагают, что слово *цибик* заимствовано в XVIII в. из латинского языка, где *cybicus* «кубик» от греческого *kubikos* «куб» [37, с. 358]. М. Фасмер считает такой подход «недостоверным ввиду отсутствия промежуточных стадий» [34, т. 4., с. 305].

Из английского языка заимствовано наименование ящика *бункер*, английское соответствие *bunker* имеет значение «угольный ящик» [27, 26]. Заимствовано в XIX в. из французского языка слово *витрина*, французское *vitrine* представляет собой суффиксальное производное от *vitre* – «оконное стекло» [38, с. 83].

Таким образом, почти половина (48%) наименований с ключевым словом *ящик* – это заимствования из западных или восточных языков: *картотека*, *витрина*, *урна*, *касса*, *ковчег*, *кинсей*, *цибик*, *ящик*, *бункер*, *ларь*, *скрыня*. Первое место по количеству занимают локативы с латинскими корнями, второе – с греческими. В большинстве случаев слова-этимоны в языке-источнике обозначают вместилище. Вместе с реалией заимствовалось её наименование, которое на русской почве подвергалось формальным изменениям в соответствии с законами русского языка. Происходила фонетико-графическая адаптация заимствованной лексической единицы, изменялся её фонетический и графический вид. Грамматическое освоение иноязычных слов связано с получением нового окончания (флексацией) и включением в соответствующую парадигму склонения.

Слова *ящик*, *цибик* структурно сходны по концу слова, в них выделяется финаль основы *-ик-*, этимологически представляющая собой суффикс. В этих словах произошло опрощение. Произошло опрощение и в слове *лоток*. Н.М. Шанский относит это существительное к исконно русским, восточнославянским, известно оно также в польском языке; образовано при помощи суффикса *-окъ* от слова *лотъ* со значением «жёлоб, деревянное плоское корытце», зафиксированного в диалектах [38, с. 247; 37, с. 172]. М.Фасмер считает имеющиеся этимологии слова *лоток* недостоверными [34, т. 2, с. 523].

-ик- в финали основы имеют производные названия ящиков *рассадник* и *этюдник*, образованные от существительных *рассада*, *этюд* при помощи суффикса *-ник-*. Вместилище получило название по отношению к вмещаемому, по назначению. Семантические отношения между мотивирующими словами и мотивированными – отношения между вмещаемым и вместилищем. Существительное *этюдник* можно мотивировать также прилагательным *этюдный* – «предназначенный для этюдов» (*этюдный ящик*). При такой мотивации существительное образовано от основы прилагательного при помощи суффикса *-ик-*. Существительные с финалью *-ик-* в основе относятся к мужскому роду.

К мужскому роду относятся образованные при помощи суффикса *-ец-* от названий вместилищ *ларь*, *ковчег* существительные *ларец*, *ковчежец*. Н.М. Шанский относит слово *ларец* к древнерусским производным [38, с. 234]. Существительные *ларец*, *ковчежец* обозначают небольшие по размерам вместилища, в их словарной дефиниции содержится ключевое слово *ящичек* или прилагательное *небольшой*. В существительном *ковчежец* в БАС отмечено также уменьшительное значение к *ковчег* в значении «дарохранительница» [27]. От заимствованного из среднелатинского языка через посредство польского наименования вместилища *шкатула* при помощи суффикса *-к-* в XVIII в. образовано название небольшого ящика *шкатулка* [38, с. 508].

Таким образом, при помощи суффиксов *-ец-*, *-к-* от наименований вместилищ образуются наименования вместилищ, меньших по размерам, объёму. Этимологически представляет собой образование с уменьшительным суффиксом *-ец-* от слов *доскан*, *доскань*, вышедших из употребления, существительное *досканец*. В.И. Даль помещает существительные *досканец*, *доскан* в словарную статью с исходным словом *доска* [9, т. 1, с. 476]. Аналогичную позицию занимает А.Г. Преображенский [20, с. 230]. М. Фасмер полагает, что слово *доскан* – «ящик», «табакерка» «скорее производное от *доска*..., чем заимствование из немецкого» [34, т. 1, с. 532]. На основании изложенного можно сделать вывод о том, что название ящика *доскан* образовано при помощи суффикса *-ан-* от существительного *доска*. Вместилище получило наименование по отношению к материалу, из которого оно сделано. Так как существительное *доскан*

вышло из употребления, существительное *досканец* в современном русском литературном языке мотивируется словом *доска* и осознаётся образованным при помощи суффикса *-анец-*. Суффикс возник в результате переразложения.

Суффикс *-к-* используется при образовании существительного *духовка* от прилагательного *духовой* (*духовой шкаф*) по варианту модели со значением «вместилище – приспособление по отношению к признаку, связанному с источником, способом приведения в действие».

Некоторые названия ящиков мотивируются глаголами. Глаголом *копить* со значением «собирать впрок, про запас деньги, монеты» мотивируется образованное при помощи суффикса *-лк-* существительное *копилка*, обозначающее разные виды вместилищ с узкой щелью для опускания монет («кружка, ящичек и т.п.»). Вместилища называются по отношению к действию, связанному с назначением вместилища. Этот тип мотивации лежит в основе образования при помощи суффиксов *-лк-*, *-л-* существительных *творилка*, *творило* со значением «ящик или выложенная досками яма для творения, гашения извести» [26] от глагола *творить*. Словосочетание *творить известь* употребляется в специальной речи, оно имеет значение «гасить известь, смешивая её с водой». По отношению к действию, состоянию, связанному с назначением вместилища, от глагола *растить* со значением «проращивать» при помощи суффикса *-льн-* образовано название ящика и сосуда для проращивания семян *растильня*.

Таким образом, в исконно русских наименованиях с ключевым словом *ящик* представлены только суффиксальные, с одним корнем, производные. Первое место в количественном отношении занимают существительные, образованные от существительных, на втором месте – существительные, образованные от глаголов, на последнем месте – существительные, образованные от прилагательных. Распространена номинация по назначению, связанному с вмещаемыми во вместилище предметами и с производимым в нём действием. При суффиксации и заимствовании типична локативная семантическая направленность: от названия вместилища образуется название вместилища.

Используемый при номинации суффикс и характер основы заимствования определяют форму рода существительного. 12 существительных из 23 относятся к мужскому роду, что соответствует форме рода ключевого слова. В форме мужского рода употребляются существительные с нулевым окончанием в начальной форме и основой на твёрдый согласный *к*, в том числе суффиксального происхождения в составе суффикса (*ящик*, *цибик*, *лоток*, *рассадник*, *этюдник*), твёрдый согласный *ц* в составе суффикса (*ковчежец*, *ларец*, *досканец*), твёрдый согласный *р* (*бункер*), *з* (*ковчег*), мягкий согласный *р* (*ларь*) и *й* (*кинсей*).

В форме женского рода употребляется десять существительных. Это существительные с окончанием

-а в начальной форме и основой на *к* суффиксально-го происхождения или в составе суффикса (*духовка, шкатулка, копилка, творилка*), *к* в заимствованном слове в составе связанного корня (*картотека*), на твёрдый согласный *н* (*витрина, урна*), *с* (*касса*), с окончанием -я в начальной форме и основой на мягкий согласный *н*, в том числе в составе суффикса -льн- (*растильня, скрыня*). К среднему роду относится одно существительное с окончанием -о в начальной форме и основой на твёрдый согласный -л-, являющийся суффиксом (*творило*).

В начальной форме существительных мужского рода преобладают двусложные слова (*ковчег, кипсей, лоток, ларец, бункер, цибики, ящик*), двусложные слова женского рода – *скрыня, урна, касса*. Среди существительных женского рода преобладают трёхсложные: *духовка, шкатулка, копилка, творилка, витрина, растильня*. Трёхсложные слова мужского рода – *ковчег, досканец, рассадник, этюдник*, среднего рода – *творило*. Одно слово – односложное (*ларь*) и одно – четырёхсложное (*картотека*).

11 слов (немногим менее половины) состоят из корня и окончания: *бункер, витрина, касса, кипсей, ковчег, ларь, лоток, скрыня, урна, цибики, ящик*. Имеют в своем составе три морфемы (корень, суффикс и окончание) 4 слова: *досканец, ковчег, ларец, шкатулка*. Восемь слов состоят из четырёх морфем. Корень, два суффикса и окончание имеют слова: *духовка, копилка, растильня, творилка, творило, этюдник*. Из приставки, корня, суффикса и окончания состоит слово *рассадник*; из двух корней, второй из которых связанный, соединительной гласной (интерфикса) между ними и окончания состоит заимствование *картотека*.

Почти половина рассмотренных названий ящиков не имеет производных (11 наименований из 23). В большинстве случаев это производные существительные: *досканец, духовка, ковчег, копилка, рассадник, растильня, творилка, творило, этюдник*. Не зафиксированы производные у слова *urna* и устарелого и областного слова *скрыня*.

По одному производному имеют существительные: *ларец, кипсей, цибики, касса*. От названия ящика *ларец* при помощи суффикса -ик- образовано существительное *ларчик* со значением «небольшой ларец». Суффиксация сопровождается чередованием *е* – нуль звука, *и* чередуется с *ч*. Ударение перемещается на первый слог слова. В словаре А.Н. Тихонова зафиксировано производное от слова *кипсей* – существительное женского рода, образованное при помощи суффикса -к- *кипсейка* [31, т. 1, с. 430]. А.Н. Тихонов фиксирует также прилагательное с суффиксом -ов- *цибикий*, образованное от существительного *цибики* [31, т. 2, с. 357]. Это прилагательное представлено и в «Грамматическом словаре русского языка» А.А.Зализняка [10, с. 344]. Существительное *касса* («ящик, шкаф») является производящим для относительного прилагательного с суффиксом -ов- *кассовый* со значением «относящийся к кассе» (*кас-*

совая наличность).

Существительным *ковчег* в значении «ларец» мотивируется производное существительное с суффиксом -ец- *ковчегец* с уменьшительным значением; перед суффиксом *г* чередуется с *ж*. В качестве первого значения к слову *ковчегец* в БАС [27] дано значение «небольшой ящик; ковчег». Образованное от существительного *ковчег* при помощи суффикса -н- прилагательное *ковчегный* имеет значение «напоминающий ковчег – судно» и мотивируется словом *ковчег* в значении «транспортное средство».

Два производных зафиксировано у существительного *витрина*: сложное существительное *фотовитрина* и относительное прилагательное с суффиксом -н- *витринный*. Слово *фотовитрина* представлено в МАС в группе сложных слов с первой составной частью *фото...*, которая соответствует по значению слову *фотографический* [26, т. 4, с. 580]. Этим прилагательным мотивирует слово *фотовитрина* А.Н. Тихонов [31, т. 2, с. 316]. В.В. Лопатин справедливо рассматривает существительные типа *фотовитрина* как двоякомотивированные – образованные от слов *фотография, фотографический* путем сложения усечённой основы существительного или суффиксального прилагательного с опорным компонентом, равным самостоятельному слову [13, с. 243 – 244].

Три производных имеет существительное *шкатулка*: образованное при помощи суффикса -н- относительное прилагательное со значением «относящийся к шкатулке» *шкатулочный*; употребляемое в разговорной речи существительное с суффиксом -к- *шкатулочка* со значением «уменьшительно-ласкательное к шкатулка»; образованное при помощи суффикса -ник- устарелое существительное *шкатулочник* со значением «мастер по изготовлению шкатулок». Суффиксация сопровождается чередованием *к* – *ч*, перед *ч* появляется беглая гласная *о*.

Четыре производных зафиксировано у существительного *картотека*: относительное прилагательное с суффиксом -н- *картотечный* (*картотечный ящик*) и суффиксальные существительные со значением лица: *картетчик* – «служащий, составляющий картотеку, ведающий картотечкой» [27], *картетчица* – «женск. к картетчик» [27], *картекар*. Перед суффиксом -чик-, -чиц- происходит мена *к* на *т*. Личное существительное с суффиксом -арь- *картекар* зафиксировано в словаре А.Н. Тихонова [31, т. 1, с. 416]. Личные существительные соотносятся с первым значением слова *картотека* – «систематизированное собрание карточек»; со значением «ящик» связь личных существительных опосредованная: если есть карточки, их собрание, то необходимы и ящики для их хранения, систематизации, без вмещаемого нет вместилища.

Пять производных имеет существительное *лоток* – «открытый прилавок или переносной ящик, столик для уличной торговли»: суффиксальные прилагательные с суффиксами -н-, -ов- (*лоточный, лотковый*) со

значением «относящийся к лотку» (*лоточная торговля, лоточный товар, лотковая торговля*) и три суффиксальных существительных: употребляемое в разговорной речи существительное с суффиксом *-ек* с уменьшительно-ласкательным значением *лоточек*, существительное с суффиксом *-ник* *лоточник* со значением «продавец с лотка» и существительное *лоточница* со значением «женск. к *лоточник*». Суффиксация сопровождается морфонологическим изменением: чередованием конечного заднеязычного основы *к* с шипящим *ч*. Личные существительные можно мотивировать прилагательным *лоточный* («работник, работница лоточной торговли»), в этом случае они образованы от основы прилагательного при помощи суффиксов *-ик*-, *-иц*-. Существительное со значением женскости *лоточница* мотивируется также наименованием лица мужского пола *лоточник*, при такой мотивации происходит замена словообразовательного комплекса *-ник* на *-ница*.

Шесть производных представлено в толковых словарях у слова *бункер*: два производных первой ступени (*бункерный, бункеровать*), три производных второй ступени (*бункероваться, бункеровка, бункеровщик*), одно производное третьей ступени (*бункеровочный*). При помощи суффикса *-н* образовано относительное прилагательное *бункерный* (*бункерный уголь* – «уголь, идущий на потребление судовых котлов»). Образованный при помощи суффикса *-ова* глагол *бункеровать* обозначает действие, связанное с заполнением вместилища – бункера: «производить погрузку, ссыпку в бункер». Ударение перемещается с первого слога (в слове *бункер*) на последний (в слове *бункеровать*).

От усечённой основы инфинитива глагола *бункеровать* при помощи суффикса *-к*-, сочетающегося с системой флексий женского рода, образовано абстрактное существительное *бункеровка*, адекватное по значению своему производящему. От этой усечённой глагольной основы при помощи суффикса *-щик* образовано также личное существительное *бункеровщик* со значением «рабочий, обслуживающий бункер». Лицо названо по роду деятельности. В новом академическом словаре зафиксировано второе (транспортное) значение слова *бункеровщик* «судно, предназначенное для снабжения судов топливом в порту или во время плавания» [28, т. 1, с. 822]. Транспортное средство получило название по назначению.

От существительного *бункеровка* при помощи суффикса *-н*-, перед которым появляется *ч* на месте *к*, а перед *ч* – беглая гласная *о*, образовано употребляющееся в специальной речи прилагательное *бункеровочный* – «относящийся к бункеровке». Прилагательные *бункеровочное* входит в составное наименование *бункеровочное судно*, синонимичное субстантиву *бункеровщик* с транспортным значением [29, с. 180]. В МАС помета «спец.» имеется также при глаголе *бункеровать* – «засыпать в бункер зерно», существительном *бункеровка* и возвратном

глаголе *бункероваться*, образованном от глагола *бункеровать* при помощи морфемы *-ся* [26]. Глагол *бункероваться* имеет два значения: 1) «пополнять запасы топлива (о судах, паровозах)», 2) «страд. к бункеровать» [там же]. В специальной речи употребляется образованное способом сращения слов *бункер* и *поезд* существительное *бункер-поезд* со значением «рельсовое транспортное средство для непрерывной загрузки, транспортирования и разгрузки горной массы в шахте» [29, с. 180].

По характеру основы, наличию конечного сочетания *-ер* в начальной форме англицизм *бункер* входит в одну группу с англицизмом *танкер* – названием транспортного средства – наливного судна для перевозки жидких грузов в танках [4, с. 1306], которое мотивировано англицизмом *танк* со значением вместилища – специально оборудованного резервуара (бака, цистерны и т.п.) для хранения или транспортировки жидкостей [4, с. 1305]. Суффикс *-ер* выделяется в одноструктурных со словом *танкер* названиях лиц *докер, комбайнер, спринтер*.

По модели этих слов в народной речи способом редеривации (обратного словообразования) от локатива *бункер* образован локатив с корнем *бунк-* *бунка*. Редеривация сопровождается флексацией, к полученной основе *бунк-* присоединяется система флексий женского рода.

Субстантив *бунка* зафиксирован в орловских говорах как полисемант с четырьмя локативными значениями [8, с. 108].

В Залегощенском (Залег – 44) и Колпнянском (Колпн – 20) районах с помощью звуковой оболочки локатива *бунка* лексически объективировано понятие о специально оборудованном подземном укрытии, которое отражено в значении слов *убежище* и *бункер*, являющихся синонимами к субстантиву *бунка* [там же].

В Залегощенском (Залег – 56), Мценском (Мцен – 3, 47), Свердловском (Свердл – 37) и Троснянском (Тросн – 23) районах локатив *бунка* обозначает более простой вид укрытия. Это вырытая в земле большая яма, используемая как укрытие. В бунках прятались в войну люди, в них находились лошади, в бунки «немец машины загонял» [там же].

В Троснянском районе (Тросн – 2) субстантив *бунка* используется для обозначения жилища, помещения для жилья: «жилище, вырытое в земле». Локатив входит в группу названий временного жилища и является синонимом к слову *землянка* [там же]. В этот синонимический ряд входит и суффиксальный (с суффиксом *-арь*-) субстантив мужского рода *бункарь*, употребляющийся в Болховском районе [там же]. Локатив можно мотивировать словом *бунка* в значении «бункер» и в значении «землянка». При первой мотивации жилище получило название по месту нахождения: «подземное» (*бункарь* – «землянка» ← *бунка* – «подземное укрытие»), при второй суффиксальное наименование *бункарь* дублирует значение мотиватора *бунка*.

В Залегощенском районе (Залег – 30) звукоряд *бунка* объективирует понятие о небольшом неотапливаемом строении, жилом помещении. Локатив *бунка* мотивирует суффиксальное существительное *буночка* с модификационным субъективно-оценочным ласкательным значением, зафиксированное во Мценском районе (Мцен – 3, 27). Субстантив *буночка* образован при помощи суффикса *-к-*, сочетающегося с системой флексий женского рода. Суффиксация сопровождается чередованием нуля звука – *о*, *к* – *ч*.

Рассмотренные значения бессуффиксального производного локатива *бунка* зафиксированы в разных населённых пунктах, в речи разных носителей орловских говоров, что позволяет видеть здесь омонимию: *бунка*¹ («убежище»), *бунка*² («большая яма как укрытие»), *бунка*³ («землянка»), *бунка*⁴ («небольшое неотапливаемое жилое помещение, строение»).

В то же время значения локативов связаны друг с другом, ибо близки по функции и месту нахождения обозначаемые реалии: в убежище и укрытие прячутся, они находятся под *землёй* (*бунка*¹), как укрытие используется большая яма, вырытая в *земле* (*бунка*²), связь с *землёй* отражена в корне локатива со значением «землянка» (*бунка*³), в землянке (*бунка*³) и в небольшом неотапливаемом строении (*бунка*⁴) люди живут. Конфигурацию значений можно представить по-разному: в виде цепочки и как радиально-цепочечную.

Семь производных входит в словообразовательное гнездо с исходным ключевым словом *ящик*: пять существительных и два прилагательных [27; 31, т. 2, с. 437]. Образованное при помощи суффикса *-ек-* существительное *ящичек* со значением «уменьшительно-ласкательное к *ящик*; маленький ящик» употребляется в разговорной речи. По варианту модели со значением «лицо, профессионально занятое изготовлением вместилища, обозначенного производящим существительным» при помощи суффикса *-ник-* образовано существительное *ящичник* – «рабочий, делающий ящики». Возможна мотивация этого личного существительного прилагательным *ящичный*, образованным при помощи суффикса *-н-*. При такой мотивации существительное образовано от основы прилагательного при помощи суффикса *-ик-*. При образовании рассмотренных суффиксальных существительных и прилагательных происходит чередование *к* с *ч* (в конце производящей основы).

Прилагательное *ящичный* имеет два значения: 1) «относящийся к ящику; предназначенный для ящика, для производства ящиков» (*ящичная крышка*, *ящичное производство*), 2) «обеспечивающий доставку артиллерийских снарядов в зарядных ящиках». После первого значения в БАС дано устойчивое словосочетание *ящичное судно*, обозначающее морское грузовое судно для перевозки сыпучих грузов [27]. Такое судно имеет у люков верхней палубы высокие комингсы (окаймления отверстия), образующие от бака до юта прямоугольный ящик. Ко второму значению прилагательного *ящичный* в БАС

приводится существительное *ящичный* со значением «командир запряжки орудийного зарядного ящика» [27]. Происходит субстантивация прилагательного *ящичный*. Устойчивое сочетание *зарядный ящик* употребляется в речи военных и имеет значение «артиллерийская повозка, состоящая из переднего и прицепного заднего хода для перевозки снарядов» [32].

Значение «похожий на ящик» имеет качественное прилагательное *ящикообразный* (*ящикообразный дом*, *ящикообразный футляр*). Интерфиксальные сложные прилагательные такого типа В.В.Лопатин относит к сложениям со связанным опорным компонентом *-образный*. Они имеют значение «подобный тому, что названо первым компонентом – основой имени существительного». По мнению В.В.Лопатина, прилагательные с компонентом *-образный* в современном языке «уже не мотивируются словом *образ* ‘внешний вид, подобие’ (устар.)», к которому этот компонент восходит исторически» [12, с. 321]. Таким образом, в этимологическом плане способ образования прилагательного *ящикообразный* можно трактовать как интерфиксально-суффиксальный. Оно образовано путем сложения основы *ящик-* и основы *образ-*, между ними находится интерфикс *-о-*, в конце располагается суффикс *-н-*, за которым следует окончание прилагательного. В основе номинации – внешний признак, форма, метафора.

В словаре А.Н.Тихонова зафиксированы сложные существительные *хладоящик* (с интерфиксом *-о-*) и *пол-ящика*, значения которых складываются из значения составляющих их компонентов [31, т. 2, с. 437]. Существительное *пол-ящика* образовано путем сложения компонента *пол-* (усечённого слова *половина*) и формы родительного падежа единственного числа существительного *ящик ящика*.

Наибольшее количество производных зафиксировано в словарях в словообразовательном гнезде с исходным словом *ларь*: существительные *ларец*, *ларчик*, *ларище*, *ларёвщик*, *ларёвщица*, *ларёк*, *ларёчек*, *ларёчник*, *ларёчница*, прилагательные *ларевой*, *ларёчный*. При помощи суффикса *-ец-* от слова *ларь* образовано название шкатулки и небольшого сундука *ларец*, от которого образовано при помощи суффикса *-ик-* существительное *ларчик* со значением «небольшой ларец». Омонимичное этому субстантиву слово *ларчик*, образованное от слова *ларь* при помощи суффикса *-чик-*, указано в словаре А.Н. Тихонова [31, т. 1, с. 522]. Существительное *ларище*, образованное при помощи суффикса *-ищ-* с увеличительным значением от слова *ларь*, зафиксировано в работе А.Л. Максимовой [14, с. 92].

Как устаревшие представлены в БАС личные существительные *ларёвщик* («тот, кто торгует с ларя») и *ларёвщица* («женск. к ларёвщик»), образованные при помощи суффиксов *-ёвщик-*, *-ёвщиц-* от слова *ларь*. Возможна мотивация существительного *ларёвщица* существительным *ларёвщик*. Такая точка зрения отражена в словаре А.Н.Тихонова [31, т. 1, с. 522]. При образовании субстантива со значением

женскости происходит замена словообразовательно-го комплекса *-ёвицик* – на *-ёвицица*.

Образованное от слова *ларь* при помощи суффикса *-ёк-* существительное *ларёк* совпадает по значению со своим производящим. Оно обозначает помещение для торговли: «торговая палатка». В русском языке бытует образованное от существительного *ларёк* при помощи суффикса *-ек-* слово *ларёчек* с уменьшительно-ласкательным значением. При помощи суффикса *-ник-* от слова *ларёк* образовано личное существительное *ларёчник* – «продавец в ларьке». В БАС при слове *ларёчник* указано второе устарелое значение «эконом при барском дворе; тот, кто следит за ларями» [27]. Судя по словарной дефиниции, существительное *ларёчник* в этом значении мотивируется словом *ларь*, в нём выделяется суффикс *-ёчник-*. Слово *ларёчник* можно мотивировать также прилагательным *ларёчный* – «прил. к *ларь*, к *ларёк*» [26]. В таком случае оно образовано при помощи суффикса *-ик-*. На основании толкования слова *ларёчный* в МАС [26] можно сделать вывод и о двоякой мотивации прилагательного *ларёчный*: при мотивации словом *ларь* оно образовано при помощи суффикса *-ёчн-*, при мотивации словом *ларёк* – при помощи суффикса *-н-*.

В разговорной речи употребляется существительное *ларёчница* – «женск. к *ларёчник*», которое можно мотивировать существительным *ларёчник* [31, т. 1, с. 522], прилагательным *ларёчный*, существительным *ларёк* и существительным *ларь* (соответственно существительное *ларёчница* образовано при помощи суффиксов *-иц-*, *-ниц-*, *-ёчниц-*). Во всех производных от слова *ларёк* появляется *ч* на месте *к* в основе производящего слова. В БАС зафиксировано прилагательное *ларевой* – «относящийся к ларю, ларям» (*ларевая торговля*) [27], образованное от существительного *ларь* при помощи суффикса *-ев-*. Значение этого прилагательного совпадает со значением прилагательного *ларёчный*.

Таким образом, словообразовательное гнездо функционально-тематической группы с ключевым словом *ящик* включает три блока: субстантивный, адъективный и глагольный. Наибольшее количество производных представлено в субстантивном блоке. В этом блоке преобладают суффиксальные существительные. Среди них существительные, обозначающие малые вместилища; в их толковании имеется слово «небольшой» (*ящичек*, *ларчик*, *ковчежец*), «уменьшительное» (*ящичек*, *ковчежец*, *лоточек*, *шкатулочка*). Некоторые суффиксальные существительные имеют помету «ласкательное»: *ящичек*, *шкатулочка*, *лоточек*. С уменьшительно-ласкательным значением употребляется производное второй ступени *ларёчек*, образованное от названия торговой палатки *ларёк*.

Значительное место в субстантивном блоке занимают личные существительные. Они обозначают лицо, которое занимается изготовлением вместилища (*шкатулочник*, *ящичник*), лицо, которое готовит содержимое вместилища и заполняет вместили-

ще (*картотетчик*, *картотетчица*, *картотекарь*), лицо, которое заполняет вместилище (*бункеровщик*), лицо, которое заведует вместилищем, следит за содержимым вместилища, за использованием вместилища и вместилища (*ларёчник*, в эту группу входит и субстантивированное прилагательное *ящичный*), лицо, которое освобождает вместилище от вместилища, торгует с ларя, в ларьке, с лотка (*ларёвицик*, *ларёвицица*, *ларёчник*, *ларёчница*, *лоточник*, *лоточница*). Среди личных существительных представлены существительные мужского рода с финалью *-ник* (*ящичник*, *шкатулочник*, *ларёчник*, *лоточник*), *-чик* (*картотетчик*), *-щик* (*бункеровщик*), *-ёвицик* (*ларёвицик*), *-арь* (*картотекарь*) и существительные со значением женскости – женского рода с финалью *-ница* (*лоточница*, *ларёчница*), *-чица* (*картотетчица*), *-ёвицица* (*ларёвицица*).

В субстантивный блок входит производное второй ступени – отглагольное существительное женского рода с суффиксом *-к-* *бункеровка* со значением действия, связанного с заполнением вместилища. Это значение имеют производные мотиваторы – глаголы, входящие в глагольный блок. Они относятся к третьему продуктивному классу: *бункеровать*, *бункероваться*.

Кроме простых существительных, имеющих один корень, в субстантивном блоке имеются сложные существительные: *пол-ящика*, *хладоящик*, *фотовитрина*, *бункер-поезд*. В словаре А.Н.Тихонова зафиксированы существительные *касса-реал*, *шрифт-касса*, образованные способом сращения двух слов, одно из которых – название ящика – *касса* [31, т. 1, с. 416]. В адъективном блоке представлено сложное качественное прилагательное *ящикообразный* и относительные суффиксальные прилагательные с суффиксами *-н-* (*ящичный*, *шкатулочный*, *лоточный*, *бункерный*, *бункеровочный*, *витринный*, *картотечный*, *ларёчный*, *ковчезный*), *-ев-* (*ларевой*), *-ов-* (*кассовый*, *лотковый*, *цибиковый*), имеющие один корень.

В словообразовательном гнезде функционально-тематической группы преобладают словообразовательные цепочки, состоящие из одного звена: *ящик* – *ящичек*, *пол-ящика*, *хладоящик*, *ящикообразный*; *ларь* – *ларевой*, *ларчик*; *ковчег* – *ковчежец*, *ковчезный*; *витрина* – *фотовитрина*, *витринный*; *картотека* – *картотечный*, *картотекарь*; *бункер* – *бункер-поезд*, *бункерный*; *касса* – *кассовый*, *цибик* – *цибиковый*; *лоток* – *лоточек*; *шкатулка* – *шкатулочка*; *касса* – *касса-реал*, *шрифт-касса*.

Личные существительные, имеющие несколько мотиваций, входят в цепочки разной длины. Они замыкают цепочки, состоящие из одного звена (*ящик* – *ящичник*, *шкатулка* – *шкатулочник*, *ларь* – *ларёчник*, *лоток* – *лоточник*; *картотека* – *картотетчик*, *картотетчица*; *ларь* – *ларёвицик*, *ларёвицица*), цепочки, состоящие из двух звеньев (*ящик* – *ящичный* – *ящичник*, *лоток* – *лоточный* – *лоточник*, *шкатулка* – *шкатулочный* – *шкатулочник*, *ларь* – *ларёк* – *ларёч-*

ник, картотека – картотетчик – картотетчица, ларь – ларёвщик – ларёвица, ларь – ларёчник – ларёчица), цепочку, состоящую из трёх звеньев (ларь – ларёк – ларёчный – ларёчник, ларёчица), цепочку, состоящую из четырёх звеньев (ларь – ларёк – ларёчный – ларёчник – ларёчица).

Из двух звеньев состоит также словообразовательные цепочки: *ящик – ящичный* (прилагательное) – *ящичный* (существительное), *ларь – ларец – ларчик, ларь – ларёк – ларёчный, бункер – бункеровать – бункероваться, бункеровщик*. При мотивации абстрактным существительным *бункеровка* личное существительное *бункеровщик* завершает словообразовательную цепочку, состоящую из трёх звеньев: *бункер – бункеровать – бункеровка – бункеровщик*. Из трёх звеньев состоит словообразовательная цепочка *бункер – бункеровать – бункеровка – бункеровочный*.

Большинство наименований ящиков относится к стилистически нейтральной лексике: *бункер, витрина, духовка, картотека, касса, копилка, ларец, ларь, лоток, растильня, творило, урна, шкатулка, этюдник, ящик*. Помету «разговорное» в БАС имеет существительное *творилка*, помету «специальное» – существительные *ларь* – «ящик, жёлоб для различных технических надобностей», *кипсей, рассадник*, помету «в типографском деле» – слово *касса*, помету «устарелое» – слова *ковчег, ковчежец, скрыня, цибики, досканец*, помету областное – существительное *скрыня* [27]. В МАС помету «специальное» имеет также существительное *творило* [26]. Ограничена сфера употребления существительного *ковчег* («дарохранительница»), так как обозначаемое этим словом вместилище используется не в бытовой и производственной сфере, а в православных церквях.

Наиболее высокой частотностью обладает ключевое слово *ящик*, его частность равна 78 [36]. В «Частотном словаре» зафиксированы также лексемы: *ящичек* (частотность – 8), *ящичный* (частотность – 1), *витрина* (частотность – 30), *касса* (частотность – 21), *бункер* (частотность – 18), *шкатулка* (частотность – 11), *лоток* (частотность – 6), *ларец, ларь, урна* (с частотностью – 2), *рассадник* (частотность – 1) [там же].

О частотности локативов свидетельствует их использование в дефинициях и в качестве производящих. Так, слово *ларь* используется в энциклопедическом словаре в статье «Закром»: «Закром (сусека), отгороженное место в амбаре или овощехранилище в виде неподвижного ларя для хранения зерна, овощей и др.» [29, с. 452]. Расширяется круг вмещаемых в рассмотренные вместилища предметов. У А.Марченко в ларце находится творческое наследие И. Ильина: *в заветном «ларце» «находит Паламарчук и ключи (отмычку?) к самой ...загадочной загадке современного «патриотического» самосознания...»* [Литературная газета, 18.07.90, №29, с. 7].

Существительные *ящик* и *духовка* используются для лексической объективации локативного идеального содержания. В словаре-справочнике «Новые

слова и значения» (по материалам прессы и литературы 60-х годов) зафиксировано слово *ящик* в значении «учреждение, предприятие, обозначаемое номером почтового ящика» ([19], см. также [33], [4]). Номинация метонимического характера. Слово *духовка* в разговорной речи употреблено для обозначения квартиры с высокой температурой воздуха: «*Была на даче. А что толку? Придётся со свежего воздуха в духовку*» [В.А. Дрягунова]. Номинация метафорического характера. Сходство в форме обусловило выбор в качестве производящего слова гиперонима *ящик* при номинации музыкального инструмента – пианино [15, с. 50] и технического устройства – телевизора [33, 4]. В современной речи функционирует мотивированный словом *ящик* в «телевизионном» значении субстантив с суффиксом *-ек-ящичек* с уменьшительным значением [22].

На базе слова *ящик* создано сложное существительное *видеоящик* со значением «телевизор»: «*Одна отрада у обывателя осталась – видеоящик, да газетку после работы полистать*» [В. Бибики. Обойдёмся без шаманов. – Аргументы и факты, № 23, 1995, с. 7]. В качестве первого компонента сложения использован связанный компонент интернационального характера *видео* со значением «относящийся к передаче изображения на расстояние» [13, с. 244].

Путём сращения слова *ящик* и слов *носки, совок* созданы сложные слитные существительные – названия вместилищ: *ящик-носки, ящик-совок* – «закрывающийся совок» [18, с. 318, 310]. От субстантива *ящик* образовано название *гофроящик* – «ящик из гофрокартона – гофрированного картона» [Аргументы и факты, №50, 1995, с. 4]. Первый компонент сложного существительного *гофроящик* представляет собой корень глагола *гофрировать* *гофр-*, за этим компонентом в сложном существительном располагается интерфикс *-о-*. Вместилище сделано из гофрированного картона – картона с параллельными волнообразными углублениями и выступами.

Понятие о новом виде ящиков для инструментов лексически объективировано с помощью слова *мини-склад*: «*Мини-склад представляет собой ящик шириной около 30 см. и объёмом около 3,3 дм.³ с 16 выдвижными секциями. К мини-складу прилагается 16 наклеек с изображениями содержимого и надписями. Это даёт возможность быстро найти нужный элемент во время работы*» [1000 мелочей. Инструментальный мини-склад. – Аргументы и факты, №30, 1994, с. 15]. Существительное *мини-склад* образовано путём сложения связанного компонента интернационального характера *мини* со значением «маленький, небольшой по размерам» и локативного существительного *склад* со значением «специальное помещение для хранения чего-либо».

Путём сложения субстантивной основы *ящик-* и усечённой основы *сбив-* (глагола *сбивать*) с интерфиксацией (*-о-*) и суффиксацией (*-очн-*) образовано сложное прилагательное *ящикосбивочный* – «предназначенный для сбивания ящиков» [17, с. 256].

Возможна мотивация этого прилагательного существительным *сбивка*. При такой мотивации вторая производящая основа *-сбивоч-*, суффикс *-н-*, способ образования тот же – интерфиксально-суффиксальный.

На базе словосочетания *мусорный ящик* от усечённой основы прилагательного *мусорный* при помощи суффикса *-к-*, сочетающегося с системой флексий женского рода, создано название ящика, контейнера для мусора *мусорка*, употребляющееся в разговорной речи. Вместилище названо по отношению к вмещаемому (назначению). В автотранспортной профессиональной сфере ящик для мелких вещей именуется жаргонным словом *бардачок* [23, с. 15].

Наряду с однословными для номинации новых видов ящиков используются словосочетания. Так, ящик для рассады Н.Василенко называет «голландский ящик», «ящик с ячейками», «ящик с поддоном»: «Голландцы придумали для рассады простые, удобные ящики с ячейками для каждого растения. Ящик состоит из двух частей: пластмассового неглубокого поддона и своеобразной пластины с ячейками» [Василенко Н. Во саду ли, в огороде. – Неделя, №14, 1988, с.15]. В прессе рекламируются морозильные лари как вид холодильного оборудования («Аргументы и факты», №37, 1996, с. 7), торговые морозильные лари («Аргументы и факты», №17, 1996, с.11), которые обозначаются соответствующими составными наименованиями: *морозильный ларь*, *торговый морозильный ларь*, *торговые морозильные лари*.

Существительные *ящик*, *шкатулка* в сочетании с прилагательными *музыкальный*, *музыкальная* имеют значение «механический заводной инструмент в виде ящичка, воспроизводящий какую-либо мелодию» [27]. Слово *ящик* входит в состав нескольких устойчивых выражений: *ящик Пандоры* – «хранилище несчастий, бедствий» («от древнегреческого мифа о Пандоре, получившей от Зевса ларец, в котором находились все беды человечества: болезни, смерть, голод и т.п.»); *сыграть в ящик* – «умереть, погибнуть» (употребляется в просторечии); *откладывать*, *отложить*, *класть* и т.п. *в долгий ящик* – «откладывать, отложить что-либо на длительное время» [27]. В устойчивых выражениях актуализируется сема «вместилище» (*ящик Пандоры*, *сыграть в ящик*) и количественная сема (*откладывать в долгий ящик*).

Идиомы с глаголом несовершенного вида *в долгий ящик откладывать* употребляются «обычно с отрицанием при глаголе и в сочетании со словом *дело*» [25, с. 108]. В.Петраков употребляет рассматриваемый фразеологизм с глаголом совершенного вида с существительным *инициатива*: «И где-нибудь да найдётся чиновник, который поставит что-то под сомнение и отложит инициативу в долгий ящик» [В. Петраков. Долгие проводы. – Неделя, №16, 1988, с.3]. Во «Фразеологическом словаре» под редакцией А.И. Молоткова в анализируемом фразеологизме рядом с компонентом *долгий* указывается его лексический вариант *дальний*: *откладывать в долгий (дальний)*

ящик; отложить в долгий (в дальний) ящик – «на неопределённо длительное время»; *не откладывать дела (дел) в долгий (дальний) ящик* [35, с. 543].

На основании изложенного можно сделать вывод о высокой активности лексикографического гиперонима *ящик* при образовании фразеологизмов, при синтаксической и лексической объективации идеального содержания. Существительное *ящик* представлено в качестве ключевого в «Русском ассоциативном словаре» [21]. Слова-стимулы к реакции *ящик*: существительные *выбор*, *запас*, *место*, *песок*, *пиво*, *письмо*, *пчелой*; прилагательные *деревянный*, *чёрный*, *двойной*, *полный*, *длинный*, *задний*, *некрепкий*, *огромный*, *простой*, *странный*, *тёмный*, *больной*; причастие *открытый*; глагол в форме инфинитива: *открывать*, *поднять*, *переть*, *прислать*, *тащить*, *везти*, *делать*, *запирать*, *наполнять*, *остаться*, *перемещать*, *получить*, *поставить*, *утаивать*; предлог *в* [там же]. Глагол *перемещать* вызвал также реакцию *ящики* [там же, с. 353].

В словах-стимулах находят отражение различные стороны реалии, обозначаемой словом *ящик*: материал, из которого вместилище сделано (*деревянный*), цвет (*чёрный*, *тёмный*), устройство (*двойной*, *открывать*, *открытый*, *запирать*, *простой*, *странный*), форма, размер, ёмкость, вес (*длинный*, *огромный*, *полный*, *переть*, *тащить* и др.), отнесённость к классу вместилищ (*наполнять*, *в*), способ транспортировки (*поднять*, *поставить*, *перемещать*, *тащить*, *везти*, *получить*), назначение (*место*, *запас*, *песок*, *пиво*, *письмо*, *пчелой*).

В «Русском ассоциативном словаре» зафиксированы также в качестве ключевых названия ящичков *ларец* и *шкатулка* [там же, с. 138, 347]. В словах-стимулах к реакции *ларец* отражается материал, из которого вместилище сделано (*деревянный*), и устройство (*запирать*). В слове-стимуле *игла* к реакции *шкатулка* находит отражение назначение, вмещаемое.

Интегрирующей семемой, объединяющей названия вместилищ – предметов бытового и производственного назначения – в функционально-тематическую группу с лексикографическим гиперонимом *ящик*, является функциональная семема. Она актуализируется в семной структуре названий ящиков, в производящих основах производных наименований (*рассадник*, *копилка*, *творилка* и др.), при синтаксической объективации (*туалетный ларец* – «Неделя», №29, 1982, с. 7; *ковчезея с частицами мощей Елизаветы* – Литературная газета, 13.06.90, №24, с.8), при заимствовании. Назначение определяет устройство вместилища, его внешний вид, форму, материал. Конструктивная семема реализуется в семной структуре, на синтаксическом уровне, в сложном прилагательном *ящикообразный*. Семема «материал» актуализируется в семной структуре и в словосочетаниях (*деревянный ящик*, *ящик из дерева* и др.), на словообразовательном уровне (*гофроящик*).

Как всякие конкретные предметы и вместили-

ща, ящики характеризуются со стороны размера. В семной структуре названий в функционально-тематической группе он представлен в виде семы 'небольшой' и 'большой'. На лексическом уровне признак 'небольшой' находит отражение в существовании микрогруппы названий небольших ящиков (*ларец, ковчегец, шкапулка*), на словообразовательном уровне отражается в суффиксальной морфеме *-ек-* (*ящичек, лоточек*), *-ик-* (*ларчик*), *-ец-* (*ковчегец*), *-к-* (*шкапулочка*). Сема 'большой' реализуется в словарных дефинициях (*бункер, ларь*) и на словообразовательном уровне – в суффиксе *-ищ-* (*ларище*).

Слово «человек» отсутствует в словарных дефинициях рассматриваемых наименований. Однако незримое присутствие человека ощущается постоянно. Оно обнаруживается на словообразовательном уровне – в производных наименованиях с ласкательным значением, в производных личных существительных, в помете «устарелое», представляющей темпоральную семему, в названиях вмещаемых предметов-артефактов, в названиях действий, производимых человеком во вместилище и с вместилищем. Наименования ящиков семантически и формально связаны с наименованиями других типов вместилищ, что является отражением континуальности семантического и формального пространства. Значительную роль в функционально-тематической группе наименований ящиков играет заимствование как способ лексической объективации, что свидетельствует о взаимодействии русской культуры с культурой других народов, о контактах с Западом и Востоком.

Появляются новые виды ящиков и ящичков, о чем свидетельствует, например, следующий текст: «На каждой улице можно встретить маленький ящик, покрытый ярко-красной эмалью – отнюдь не почтовый ящик, тот больше, он ярко-жёлтый и у него не такие прорезы. В ярко-красном ящике прорезы для батареек» [А. Рубинов. Круговорот валюты в природе. – Литературная газета, 14.03.89, №11, с. 13]. Вводятся в обиход автоматизированные приспособления-вместилища, имеющие форму ящика. Для их номинации используются имеющиеся в языке названия ящиков и связанные с ними слова. Так, способом сложения усечённых субстантивов *витрина* и *автомат* с интерфиксацией образовано имя

существительное *витромат* [11, с. 182]. Способом сращения слова *касса* и слов *копилка, автомат, полуавтомат* созданы субстантивы *касса-копилка, касса-автомат, касса-полуавтомат* [16, с. 59, 168]. Они дополнили словообразовательное гнездо локатива *касса*. Появилось производное у суффиксального локатива *копилка*. Расширилось словообразовательное гнездо субстантива *витрина*. При сопоставлении слов *витрина* и *витромат* в них обнаруживается общая часть *витр-*, которая присутствует также в существительном *витраж*.

А.Н. Тихонов выделяет два словообразовательных гнезда: с вершиной *витраж* (производное слово в этом гнезде *витражист*) и с вершиной *витрина* (производные слова в этом гнезде *витринный* и *фот-витрина*) [31, т. 1, с. 175]. Можно сделать и другой вывод: заимствованные из французского языка слово *витрина* (в 19 веке) и слово *витраж* (в 20 веке) имеют в русском языке связанный корень *витр-*. Зафиксированная в значении французского этимона *vitre* («оконное стекло») сема 'стекло', входящая в семему 'материал', представлена в словарных дефинициях слов *витрина* («пространство между оконными рамами», «застеклённый шкаф или стенд») и *витраж* («картина или орнаментальная композиция из цветных стёкол») [4, с. 133].

В рассматриваемое этимологическое гнездо со связанным корнем *витр-* входят также суффиксальное прилагательное *витражный*, образованное от слова *витраж*, суффиксальное существительное со значением лица женского пола *витражистка*, мотивированное личным субстантивом *витражист*, слитное личное существительное *художник-витражист* [там же, с. 133].

Итак, проведённый анализ формально-семантических связей слов, входящих в функционально-тематическую группу с гиперонимом *ящик*, в ономаσιологическом аспекте показал, что на этом участке языковой системы отражается общая тенденция, характерная для языковой техники русского языка. Активно реализуется словообразовательный потенциал локативов. Увеличивается количество слов, образованных морфологическими и неморфологическими способами. Наибольшей активностью обладает гипероним.

Библиографический список

1. Бабаев К.Р. Тюркизмы в лексико-семантической системе современного русского литературного языка. Ташкент: ТГПИ им. Низами, 1983. 97 с.
2. Бабаходжаев А.Б. К вопросу кодификации тюркизмов в толковых словарях современного русского литературного языка (На материале ССРЛЯ). Актуальные вопросы глагольно-именного словообразования в русском и других славянских языках: сборник статей. Самарканд: СамГУ, 1985. С. 47 – 50.
3. Большой академический словарь русского языка. / Гл. ред. К.С. Горбачевич. Т. 1-9. М. – С-П.: Наука, 2004. 2007 [БАСРЯ].
4. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998 [БТСРЯ].
5. Васильченко С.М. Семасиологические и ономаσιологические классификации слов.// Информационный потенциал слова и фразеологизма: сборник научных статей. Орёл: ОГУ, 2005. С. 21 – 25.
6. Васильченко С.М. К вопросу об ономаσιологии как науке. // Проблемы ономаσιологии и теории номинации: сборник материалов международной научной конференции 11 – 13 октября 2007 г. Орёл: ОГУ, 2007. Часть 1.

С. 140–145.

7. *Гринкова Н.П.* Из истории областных слов русского языка. Учёные записки ЛГПИ им. А.И.Герцена. 1957. Т. 130. С. 121 – 148.

8. *Гришианова В.Н.* Баба – Бусырный./ Словарь орловских говоров. Ред. Т.В. Бахвалова. Вып. 1. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1989. С. 51 – 113.

9. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1 – 4. М.: Русский язык, 1981 – 1982.

10. *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Русский язык, 1977.

11. *Кудрявцева Л.А.* Моделирование динамики словарного состава языка. Киев, 1993. 280 с.

12. *Лопатин В.В.* Словообразование имён прилагательных. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. С. 269 – 333.

13. *Лопатин В.В.* Словообразование имён существительных. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1. С. 142 – 269.

14. *Максимова А.Л.* Существительные с суффиксами *-ич-*, *-ищ-* и их производные в русском языке. Л.: ЛГУ, 1985. 128 с.

15. *Массина С.А.* Специфика жаргонизованной терминологии (на материале музыкальной терминологии). // Активные процессы в языке и речи. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991. – С. 47 – 56.

16. Новое в русской лексике. Словарные материалы – 77. Под ред. Н.З. Котеловой. М.: Русский язык, 1980. 176 с.

17. Новое в русской лексике. Словарные материалы – 78. Под ред. Н.З.Котеловой. М.: Русский язык, 1981. 262 с.

18. Новое в русской лексике. Словарные материалы – 79. Под ред. Н.З.Котеловой. М.: Русский язык, 1982. 320 с.

19. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1973. 543 с.

20. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1959.

21. Русский ассоциативный словарь. Книга 2. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. – Часть 1. / Ю.Н.Караулов, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А.Черкасова. М.: ИРЯ РАН, 1994.

22. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н.Ю.Шведовой. Т. 2. М.: Азбуковник, 1998 [РСС].

23. *Сердобинцева Е.Н.* Неофициальная производственно-профессиональная лексика в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пенза: ПГПИ им. В.Г. Белинского, 1990. 25 с.

24. Словарь иностранных слов. Под редакцией И.В. Лёхина и Ф.Н. Петрова. 5-е изд. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.

25. Словарь образных выражений русского языка. Ред. В.Н. Телия. М.: Отечество, 1995.

26. Словарь русского языка: В 4-х т. Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М: Русский язык, 1981 – 1984 [МАС].

27. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М. – Л., 1948 – 1965 [БАС].

28. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. Гл. ред. К.С.Горбачевич. 2-е изд. Т. 1, 2. М.: Русский язык, 1991 [ССРЛЯ].

29. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1980.

30. *Судаков Г.В.* Сведения по истории слов в курсах исторической грамматики и истории русского литературного языка. Межпредметные связи в преподавании лингвистических дисциплин. МГПИ им. В.И.Ленина, 1986. С. 3 – 22.

31. *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М.: Русский язык, 1990.

32. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1 – 4. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1935 – 1940 [СУ].

33. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г.Н. Складчиковой. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

34. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. Т. 1 – 4. М.: Прогресс, 1986 – 1987.

35. Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А.И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия, 1967.

36. Частотный словарь русского языка. Под ред. Л.Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977.

37. *Шанский Н.М., Боброва Т.А.* Этимологический словарь русского языка М.: Прозерпина, 1994.

38. *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. 2-е изд. М.: Просвещение, 1971.

References

1. *Babaev K.R.* Turkisms in the lexico-semantic system of the modern Russian literary language. Tashkent: TGPI named after Nizamy, 1983. 97 p.

2. *Babakhodzhaev A.B.* On the question of codification of turkizms in explanatory dictionaries of the modern Russian literary language (On the material of the DMRLL). Topical issues of verb-nominal of the word-formation in the Russian and other Slavic language: collection of articles. Samarkand: SamGU, 1985. P. 47 -50.

3. Big academic dictionary of the Russian language./ Editor-in-chief K.S. Gorbachevich. Vol.1-9. М. – S-P.:Nauka, 2004. 2007 .

4. Big explanatory dictionary of the russian language. / The compiler and editor-and-chief S.A. Kuznecov. SPb.:

Norint, 1998.

5. *Vasilchenko S.M.* Semasiological and onomasiological classification of words.// Information potential of word and phraseologism: a collection of scientific articles. Orel: OSU, 2005. Pp. 21 – 25.

6. *Vasilchenko S.M.* To the question about onomasiologiya as a science. // Problems of onomasiologiy and nomination theory: the collection of materials of the international scientific conference 11 – 13 October 2007 Orel: OSU, 2007. Part 1. Pp. 140 – 145.

7. *Grinkova N.P.* From the history of regional words of the Russian language. Scientific notes LSPI named after A.I. Herzen. 1957. Vol. 130. Pp. 121 – 148.

8. *Grishanova V.N.* Baba – Busyrny./ Dictionary of the Orel dialects. Ed. T.V. Bahvalova. Vol.1. Yaroslavl: YaSPI named after K.D. Ushinskii, 1989. P. 51 – 113.

9. *Dal' V.I.* Explanatory dictionary of the living great Russian language. Vol. 1 –4. M.: Russian language, 1981 – 1982.

10. *Zaliznyak A.A.* Grammatical dictionary of the Russian language. Inflection. M.: Russian language, 1977.

11. *Kudryavtseva L.A.* Modeling the dynamics of the vocabulary of the language. Kiev, 1993. 280 p.

12. *Lopatin V.V.* Word-formation of adjectives. Russian grammar. M.: Nauka, 1980. Pp. 269 – 333.

13. *Lopatin V.V.* Word-formation of nouns. Russian grammar. M.: Nauka, 1980. Vol. 1. Pp. 269 – 333.

14. *Maksimova A.L.* Nouns with suffixes –ich-, -ish- and their derivatives in the Russian language. L.: LSU, 1985. 128p.

15. *Massina S.A.* The Specific of the jargon terminology (on the material of musical terminology).// Active processes in language and speech. – Saratov: Publishing house of Saratov University, 1991. – P. 47 –56.

16. New in the Russian vocabulary. Dictionary materials – 77. Ed. By N.Z. Kotelova. M.: Russian language, 1980. 176 p.

17. New in the Russian vocabulary. Dictionary materials – 78. Ed. By N.Z. Kotelova. M.: Russian language, 1981. 262 p.

18. New in the Russian vocabulary. Dictionary materials – 79. Ed. By N.Z. Kotelova. M.: Russian language, 1982. 320 p.

19. New words and values. The dictionary-reference on materials of the press and literature of the 1960th. 2nd edition. M.: Soviet encyclopedia, 1973. 543 p.

20. *Preobrazhenski A.G.* The etymological dictionary of the Russian language. Vol.1. M.: State edition of foreign and national dictionaries, 1959.

21. Russian associative dictionary. Book 2. Reciprocal dictionary: from reaction to stimulus. Associative thesaurus of the modern Russian language. – Part 1. / Yu.N. Karaulov, Yu.A. Sorokin, E.F. Tarasov, N.V. Yfimceva, G.A. Cherkasova. M.: IRL RAS, 1994.

22. Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized to classes of words and meanings. / RAS. In-ty of russian language.; General editorship by N.Y. Shvedovoi. Vol. 2. M.: Azbukovnik, 1998 [RSD]

23. *Serdobintseva E.N.* Informal production-professional vocabulary in the modern Russian language: abstract, thesis... candidate of philological sciences. Penza: PSPI named after V.G. Belinsky, 1990. 25 p.

24. Dictionary of foreign words. Ed. by I.V. Lyokhin and F.N. Petrov. 5th edition. M.: State edition of foreign and national dictionaries, 1995.

25. Dictionary of figurative expressions of the Russian language. Ed. by V.N. Teliya. M.: Otechestvo, 1995.

26. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Ed. by A.P. Evgenyeva. Vol. 2. M.: Russian language, 1981 – 1984.

27. Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 volumes. M. – L., 1948 – 1965.

28. Dictionary of the modern Russian literary language: in 20 volumes. Editor-in-chief K.S. Gorbachevich. 2nd edition, Vol. 1, 2. M.: Russian language, 1991 [DMRLL].

29. Soviet encyclopedic dictionary. M.: Soviet encyclopedia, 1980.

30. *Sudakov G.V.* Informational on the history of the words in the course of the historical grammar and history of the Russian literary language. Interdisciplinary communication in the teaching of linguistic disciplines. MSPI named after V.I. Lenin, 1986. Pp. 3 –22.

31. *Tikhonov A.N.* Word-formative dictionary of the Russian language: in 2 volumes. M.: Russian language, 1990.

32. Explanatory dictionary of the Russian language. Ed. by D.N. Ushakova. Vol. 1–4. M.: State edition of foreign and national dictionaries, 1935 – 1940 [DU].

33. Explanatory dictionary of the Russian language of the end of 20th century. Language change. Ed. by G.N. Sklyarevskaya. The Russian Academy of Science, Institute of linguistic studies. SPb.: Folio – Press, 1998.

34. *Fasmer M.* Etymological dictionary of the Russian language. 2nd edition. Vol. 1–4. M.: Progress, 1986 – 1987.

35. Phraseological dictionary of the Russian language. Ed. by A.I. Molotkova. M.: Soviet encyclopedia, 1967.

36. Frequency dictionary of the Russian language. Ed. by L.N. Zadorin. M.: Russian language, 1977.

37. *Shanski N.M., Bobrova T.A.* Etymological dictionary of the Russian language. M.: Prozerpina, 1994.

38. *Shanski N.M., Ivanov V.V., Shanskaya T.V.* Short etymological dictionary of the Russian language. 2nd edition. M.: Education, 1974.и

УДК 82(091)(4/9)

UDC 82(091)(4/9)

Е.М. ВОЛКОВ

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX-XXI вв. и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета

А.И. САЛОВ

аспирант кафедры русской литературы XX-XXI вв. и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета

E-mail: divino@list.ru

E.M. VOLKOV

doctor of Philology, Professor, 19-20th Century Russian Literature and Foreign Literature Department, Orel State University

A.I. SALOV

postgraduate student, 19-20th Century Russian Literature and Foreign Literature Department, Orel State University

E-mail: divino@list.ru

ЛИТЕРАТУРА 9/11 О ТРАГЕДИЯХ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ И СЕМЬИ: УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ И НОВАТОРСТВО РОМАНА ДЖ. С. ФОЕРА «ЖУТКО ГРОМКО И ЗАПРЕДЕЛЬНО БЛИЗКО»

THE LITERATURE OF 9/11 ABOUT THE INDIVIDUAL AND FAMILY TRAGEDIES: UNIVERSALISM AND INNOVATION OF THE NOVEL «EXTREMELY LOUD AND INCREDIBLY CLOSE» BY JONATHAN SAFRAN FOER

В статье анализируется «Жутко громко и запредельно близко» Дж. С. Фоера в качестве произведения, аккумулирующего знаковые тенденции изображения героя в художественной прозе США о терроризме. Отмечаются акценты, сделанные автором в рамках традиционной для литературы 9/11 проблематики, касающейся трагедии отдельной личности и семьи, подчеркивается новаторство восприятия Фоером терактов 11 сентября 2001 года в ракурсе исторического детерминизма.

Ключевые слова: литература 9/11; страдающий герой; индивидуальность; семья; новаторство; травмирующие последствия 9/11; роль СМИ; нарративная память; терроризм.

The article analyses the novel “Extremely Loud and Incredibly Close” by Jonathan Safran Foer as an example of an artistic work that accumulates the key tendencies of creating an image of a character in the American fiction connected with the topic of terrorism. The article deals with the points the author emphasizes in his book (within the context of the traditional range of problems of the literature of 9/11), it also stresses the writer’s innovative perception of the terrorist acts of the 11th of September in 2001 within the framework of the historical determinism.

Keywords: literature of 9/11, a suffering character, individuality, family, innovation (pioneer work), traumatic consequences of 9/11, the role of mass media, narrative memory, terrorism.

К моменту создания «Жутко громко и запредельно близко» (*Extremely Loud & Incredibly Close*, 2005) – второго романа молодого американского писателя Джонатана Сафрана Фоера – тема «черного вторника» (теракты 11 сентября 2001 года или 9/11), по замечанию Джойс Кэрл Оутс, не только была отражена в уже достаточно большом количестве произведений, но и успела «стать священной», требующей от каждого нового автора «благоговейного страха, трепета и высшей степени осторожности» [8]. Несмотря на это предостережение, в настоящее время в общем контексте написанного о «черном вторнике» именно «Жутко громко и запредельно близко» можно рассматривать как наиболее характерный пример яркого новаторства и аккумуляции ранее утвердившихся проблем и подходов к изображению героя в литературе 9/11.

Роман Фоера имеет сложную структуру: это история трех поколений семьи Шеллов, увиденная сквозь призму катастрофы 11 сентября. В качестве основного повествователя Фоер избирает девятилет-

него, но не по годам сообразительного и самостоятельного Оскара Шелла¹. Кроме того, значительная часть романа – это эпистолярное наследие бабушки и дедушки Шеллов. События в «Жутко громко и запредельно близко» происходят в 2002 году, однако постоянные ретроспекции Оскара воскрешают роковой день года минувшего. Письма же восстанавливают более глубокое прошлое, в частности, бомбежку англо-американской авиацией в феврале 1945 года родного города старших представителей семьи Шеллов – Дрездена.

«Черный вторник» у Фоера выступает одновременно и причиной общей для героев драмы, и катализатором накопившихся семейных проблем. Драма – это гибель 11 сентября в одной из башен Всемирного торгового центра Томаса Шелла – любимого сына, отца, мужа – и вынужденно пустой гроб, который опускают в землю на его похоронах. Это на

¹ Ребенок и терроризм – тема, затронутая в американской прозе до Фоера в «Обычных правилах» (*The Usual Rules*, 2003) Джойс Мейнард и позже реализованная Джессом Уолтером в романе «Зеро» (*The Zero*, 2006).

время разладившиеся отношения между наполовину осиротевшим Оскаром и его матерью: спустя год после траура она уже носит обручальное кольцо и часто приглашает домой мужчину, с которым познакомилась на курсах реабилитации. По отдельным фразам и намекам проницательный Оскар догадывается, что, несмотря на царившую в семье любовь, во взаимоотношениях его отца и матери не всегда присутствовали гармония и душевная близость. 9/11 открывает мальчику и еще одну семейную тайну: историю деда, Томаса Шелла-старшего, который дважды бросал его бабушку и дважды возвращался к ней: сначала после переезда в Нью-Йорк из Дрездена, где под бомбами погибла его прежняя возлюбленная; позже – после утраты сына в «черный вторник».

9/11, таким образом, – это и зеркало личных драм. Судьба Томаса Шелла-старшего, который после дрезденской катастрофы сознательно молчит, изъясняясь с помощью демонстрации цитат из блокнота, а потом и вовсе обходится написанными на ладонях словами «Да» и «Нет», – пример того, как эмоциональные потрясения и потеря близких поражают разум и волю человека. Фоер словно демонстрирует, в кого могут превратиться много лет спустя те, кто пережил нечто подобное 11 сентября 2001 года. В то же время спровоцированное «черным вторником» решение Шелла-старшего попытаться начать новую жизнь и вернуться к бабушке Оскара символизирует надежду: помогает ему установить отношения с внуком, восполнив тем самым через одно поколение нарушенную гибелью сына преемственность родственных связей.

Повествователь романа Оскар Шелл также представляет уже известный в литературе 9/11 тип страдающего героя. Это добрый мальчик с богатой фантазией и тонким чувством юмора, очень одаренный и развитый, что в условиях школы превращает его в постоянную мишень для обидных шуток. Поэтому у героя не очень много друзей-ровесников, но со взрослыми он легко находит общий язык. Однако, несмотря на «жутко» богатый коммуникативный потенциал, гибель отца, с которым у Оскара были самые теплые и доверительные отношения, усугубляет «запредельное» внутреннее одиночество мальчика. Травмирующие последствия 9/11 находят в случае Оскара и физическое выражение: подобно герою «Над пропастью во ржи» (The Catcher in the Rye, 1951) Холдену Колфилду, разбившему кулаком все стекла в гараже после смерти младшего брата, юный герой Фоера при каждом тяжелом воспоминании о «черном вторнике» или неурядице в настоящем умышленно наставляет себе синяки.

Травмирующим последствием 9/11 для Оскара является и тайна спрятанного телефона. 11 сентября 2001 года отец Оскара успел несколько раз позвонить домой и оставить пять коротких сообщений на автоответчик, в которых эмоционально сконцентрированы последние часы его жизни. Чтобы не усугублять расстройство матери, Оскар купил новый телефон,

а старый спрятал и теперь тайно прослушивает сообщения. Обращенный к нему живой голос навсегда утраченного отца – ужасный парадокс реальности, преследующий Оскара и становящийся едва ли не самым болезненным элементом в мозаике воспоминаний героя о «черном вторнике».

Со многими американскими авторами литературы 9/11 (Джойс Мейнард, Кеном Калфусом, Филипом Ротом, Доном ДеЛилло и др.) Фоера роднит также стремление представить духовную эволюцию героя, вынужденного существовать в экстремальных условиях терроризма, его тяжелых последствий. Так, несмотря на юный возраст, Оскар обладает способностью вдумчиво изучать свои потрясения. Иными словами, он с самого начала осознает существование психологической травмы, влияющей после 11 сентября на каждый день его жизни. Учась анализировать воспоминания, одновременно воскрешающие в романе трогательные эпизоды взаимоотношений с отцом и являющиеся источником характерных для литературы 9/11 свидетельств о событиях «черного вторника», Оскар постепенно преодолевает травмирующее воздействие катастрофы и с трудом завоевывает временно утраченную жажду будущего. Подобным образом возвращение к воспоминаниям об ужасах Дрездена, спровоцированное трагедией 9/11, дает возможность бабушке и дедушке Оскара примириться и с мрачным прошлым, и с тяжелой действительностью. Таков, по замыслу Фоера, сложный, но единственно правильный маршрут для индивидуальности на пути к перерождению.

Обращение к памяти, которую Фоер уже в дебютном романе «Полная иллюминация» (*Everything Is Illuminated*, 2002) назвал шестым чувством, тесно связано в «Жутко громко и запредельно близко» с другим возможным средством преодоления травм «черного вторника» – творчеством. Утрата родного человека побуждает героев выплеснуть накопившиеся эмоции, выразить себя посредством художественного слова. По мысли Фоера, солидарного с позицией своих предшественников², слова не способны адекватно выразить трагедию 9/11, но могут облегчить ее тяжесть, то есть процесс письма несет в себе вполне осознаваемый оздоровительный эффект. Подтверждением служит признание Оскара, сделанное в начале романа: «Через несколько недель после наихудшего дня я стал писать кучу писем. Не знаю, почему, но это было единственное занятие, от которого гири на сердце казались чуточку легче» [1; 27].

В «Полной иллюминации» Фоер устами одного из героев провозгласил: «Писание дает нам вторые шансы» [2; 188]. Таким образом, по мысли автора, общей для первых двух его романов, подробное записывание собственной жизни может оказаться не только бессмысленным, но также способно «ре-

2 См., в частности, новеллу «Спаси меня от набожных и мстительных» (*Save Me From the Pious and the Vengeful*, 2002) Джейн Тиллман и другие произведения сборника «110 рассказов: Нью-Йорк пишет после 11 сентября» (*110 Stories: New York Writes after September 11*, 2002)

ставрировать» прошлое, сделать настоящее чуть более осмысленным, а будущее – долгожданным. Энн Каплан подчеркивает: «Жертвы <...> травматических ситуаций фиксируют свой опыт на бумаге <...> по нескольким причинам: чтобы перевести боль в рассказ (что придаст ей форму), с целью самопознания или чтобы быть услышанными» [7; 20]. В итоге «Жутко громко и запредельно близко» воспринимается как коллективное сочинение Оскара, его бабушки и бабушки, а также авторов писем, адресованных этим героям.

Поставив целью проанализировать влияние потрясений на человека, Кэти Карут замечает: «Быть потрясенным – значит, быть одержимым образом или событием» [4; 5]. Представители трех поколений семьи Шеллов действительно находятся под влиянием последствий двух катастроф: бомбежек Дрездена (дедушка и бабушка) и атаки террористов на башни-близнецы Всемирного торгового центра (дедушка, бабушка, мама и Оскар). Индивидуальная одержимость Оскара – образ человека, падающего из башни Всемирного торгового центра. Акцентируя внимание на столь ярких зрительных эффектах 9/11, Фоер одновременно превращает подходящие для их описания экспрессивные выражения «жутко» и «запредельно» в наиболее частотные в речи Оскара. Тем самым, писатель художественно преломляет состояние эмоционального шока своего юного героя сразу в двух фазах: визуальной и вербальной.

В романе «Жутко громко и запредельно близко» Фоер не обходит вниманием и знаковую проблему всей предшествующей и последующей литературы 9/11 – негативную роль средств массовой информации, осуществляющих насильственный перенос «черного вторника» из реальности в сферу виртуального. Если некоторые герои литературы 9/11 стали непосредственными свидетелями терактов (Брайан Реми в «Зеро» Джесса Уолтера), а в жизнь других теракты ворвались в виде бесконечно повторяемых кадров с места трагедии (персонажи «Виллы “Инкогнито”» (*Villa Incognito*, 2003) Тома Роббинса; герои Филипа Рота – обычный человек в одноименном романе (*Everyman*, 2006) и Натан Цукерман в «Призрак уходит» (*Exit Ghost*, 2007); бабушка Оскара Шелла), то опыт Оскара в этом отношении своеобразен. Первый контакт юного героя с катастрофой – акустический: многократное прослушивание сообщений отца на автоответчике. Визуальное вторжение 9/11 в судьбу героя происходит чуть позже, когда Оскар отправляется в магазин электроники и радиотоваров, чтобы купить новый телефон. Однако именно просмотром многочисленных телевизионных кадров с места событий во многом объясняется преследующий Оскара образ выпрыгивающего из окон ВТЦ человека: «Будто время остановилось. Я подумал про падающее тело» [1; 126].

СМИ не только способствуют укоренению в сознании героя навязчивых картин 9/11 – существенна их роль и в развитии различных фобий, видоизменя-

ющих поведение Оскара. Так, после «черного вторника» мальчик умышленно игнорирует лифты, а находясь на Эмпайр Стрейт Билдинг, представляет, как в здание врзается самолет, и проигрывает сценарий возможного теракта (спасется ли он и, если нет, кому позвонит в последние секунды, что скажет). Оскар боится паромов и поездов, потому что это «слишком очевидная мишень для террористов» [1; 238]. Кроме того, обширный список порожденных терактами страхов Оскара включает «подвесные мосты, микробов, самолеты, салют, арабов в метро (хоть я и не расист), арабов в ресторанах, кафе и других общественных местах, строительные леса, решетки водостоков и сабвеев, оставленные сумки, обувь, людей с усами, дым, высокие здания, турбаны» [1; 54]. Нетрудно заметить, что почти весь этот перечень напрямую может быть отождествлен с террористической угрозой (даже решетки водостоков и сабвеев, которые по виду напоминают внешнее устройство башен-близнецов ВТЦ). Устами своего юного героя Фоер высказывает одну из наиболее важных философских идей романа, продиктованных навсегда изменившимся после 9/11 мировосприятием: «Все родившееся обречено на смерть, а значит, наши жизни как небоскребы. Дым поднимается с разной скоростью, но горят все, и мы в ловушке» [1; 297].

Не по годам смелый, Оскар Шелл, тем не менее, остается ребенком. До трагических событий 9/11 он обожал разведывательные экспедиции по Нью-Йорку, которые придумывал для него отец. Логическое продолжение тех увлекательных странствий и поисков – самостоятельные путешествия³ (а позже совместные – сначала с соседом, потом с бабушкой) Оскара по Нью-Йорку с целью разгадать тайну ключа и карточки с фамилией Блэк, обнаруженных в отцовском шкафу после его гибели. Эти увлекательные странствия и неожиданные знакомства, которые Оскар заводит в результате поисков со всевозможными Блэками, помогают маленькому герою в борьбе с призраками прошлого и фобиями настоящего. Символично, что герой-ребенок, трезво анализирующий собственные воспоминания, игровую форму сопротивления выбирает в романе чисто интуитивно.

Предвосхищая творческие решения Пола Остера в рамках художественного воплощения «черного вторника» (романы «Путешествия в скрипториуме» (*Travels in the Scriptorium*, 2006) и «Человек во тьме» (*Man in the Dark*, 2008)), Фоер в «Жутко громко и запредельно близко» предлагает героям еще одну фантастическую возможность преодоления 9/11 – «исправление» реальности. Так, трогательный фантазер Оскар не может повлиять на последствия 9/11

3 В рецензии на роман Фоера Джон Апдайк акцентирует внимание на этой «невероятной взрослости» Оскара и подчеркивает свой испуг от того, что «девятилетнему мальчику позволено бродить <...> по всем пяти городским округам» (см. подробнее: Updike, J. *Mixed Messages (Extremely Loud & Incredibly Close, by J.S. Foer)* / John Updike / *Due Considerations: Essays and Criticism*. – New York: Ballantine Books, 2008. – p. 283 – 289)

(смерть отца), но с помощью богатого воображения пытается постфактум исправить условия, обрекшие любимого человека на гибель: «Иногда я думаю, было бы прикольно, если бы небоскребы сами ездили вверх и вниз, а лифты стояли бы на месте. <...> Это может жутко пригодиться, потому что если вы на девяносто пятом этаже, а самолет врзался ниже, здание само опустит вас на землю, и никто не пострадает» [1; 17].

В конце романа Оскар с бабушкой выкапывают пустой гроб, чтобы Томас Шелл-старший наполнил его не отправленными сыну письмами, а бабушка в ту же ночь видит сон, где история, как киноплёнка, прокручивается назад, и Дрезден поднимается из руин. Поворачивает время вспять и кинеограф Оскара, помещенный в конце романа: «Я вырвал страницы из дневника. Я упорядочил их так, что первая стала последней, а последняя первой. Когда я их пролистывал, казалось, что человек воспаряет в небо» [1; 325]. По мысли Митчама Хьюэлса, «вполне оправданно и изысканно» закончить роман не словами, а еще одним элементом игры – «фокусом с кинеографом, когда падающий человек – то есть, вполне допустимо, отец Оскара – оживает на наших глазах» [6; 48]. Посредством этого приема Оскар окончательно «переносит свое травматическое прошлое в сферу нарративной памяти» [3; 42], и, таким образом, освобождает будущее от гнета трагедии.

Помимо обращения к устоявшимся в литературе 9/11 на момент появления «Жутко громко и запредельно близко» характерных проблем и подходов к изображению героя-жертвы, Фоер выступил и новатором сразу в нескольких существенных аспектах. В частности, Митчам Хьюэлс указывает на тесную связь романа Фоера с книгой комиксов Арта Шпигельмана «В тени уничтоженных башен» (*In the Shadow of No Towers*, 2004), также посвященной 9/11, утверждая, что оба эти произведения «описывают разные попытки провести параллели между временным опытом и сознанием» [6; 42]. То есть, в художественной прозе своеобразие творческого подхода Фоера заключается в попытке воспринимать сентябрьскую катастрофу 2001 года не отдельно, но через призму исторического детерминизма. В романе Фоера неслучайно выстраивается цепочка важнейших для США трагедий XX – начала XX веков: бомбежки Дрездена (судьба бабушки и дедушки Шеллов), сброс атомной бомбы на Хиросиму (аудиозапись интервью с выжившей японкой Оскар демонстрирует на одном из школьных уроков) и, наконец, 9/11. Анке Гиртсма замечает, что новаторство Фоера ярко проявляется в использовании Дрездена в качестве обратного примера

«черного вторника» с целью «разбудить американское общество осознанием террора, который исторически пропагандировался самими США, призвать с мудростью и достоинством вынести бремя мученичества» [5]. Эту мысль развивает Мэтью Карлини, полагающий, что выбор Дрездена в качестве ретроспективной параллели «черного вторника» служит косвенным указанием на значительную долю ответственности США в обеих катастрофах и «скрыто призывает американских читателей <...> критически переосмыслить след, который США оставляют в мире» [3; 32 – 33].

Фоер постулирует важное обстоятельство: сколько бы сильное впечатление ни производило на личность то или иное событие (в данном случае – 9/11), его интерпретация не должна быть узкой, слишком частной и поспешной. Наиболее убедительно эту идею сформулировал Жак Деррида: «Мы можем, и я думаю, должны <...> проводить грань между предположительно фактом жестокости, «впечатлением» и интерпретацией. Конечно, мне думается, почти невозможно отделить факт жестокости от системы, которая производит «информацию» о нем. Однако необходимо проводить анализ настолько глубоко, насколько это возможно» [9; 89].

Кроме скрытого призыва переосмыслить историческую жестокость США, Фоер вступает в творческую полемику с американскими писателями, для которых «черный вторник» – исключительное и едва ли не главное событие мирового масштаба. Посредством исторического и эмоционального взаимодействия в художественном пространстве бомбежек Дрездена и терактов «черного вторника», роман Фоера бросает вызов статусу уникальности 9/11.

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что «Жутко громко и запредельно близко» Джонатана Сафрана Фоера аккумулирует многие знаковые проблемы и подходы к изображению героя литературы 9/11. В то же время Фоер одним из первых среди американских авторов пытается взглянуть на 9/11 в ракурсе исторического детерминизма и косвенно затрагивает полемичный вопрос о доле ответственности американской нации в трагедии 11 сентября 2001 года. Эта острая проблема, а также весь комплекс мотивов и творческих решений при создании образа героя в условиях терроризма, отличающих прозу США до «черного вторника» и литературу 9/11, получает особое (нередко – более углубленное) прочтение в творчестве старших современников Фоера – Джона Апдайка (роман «Террорист» / *Terrorist*, 2006) и Дона ДеЛилло (роман «Падающий» / *Falling Man*, 2007).

Библиографический список

1. Фоер Дж. С. Жутко громко и запредельно близко / Пер. с англ. В. Арканова / Джонатан Сафран Фоер. М.: Эксмо, 2007. 416с.
2. Фоер Дж. С. Полная иллюминация / Пер. с англ. В. Арканова / Джонатан Сафран Фоер. М.: Эксмо, 2009. 352с.
3. Carlini, Matthew Francis. The «Ruins of the Future»: Counter-Narratives to Terrorism in the 9/11 Literature of Don DeLillo, Jonathan Safran Foer, and Ian McEwan: Thesis presented for the Master of Arts Degree / Matthew Francis

Carlini. – The University of Tennessee, Knoxville, 2009. – 90p.

4. Caruth, Cathy. Introduction / Cathy Caruth // Trauma: Explorations in Memory. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995. – p. 3–12

5. Geertsma, Anke. Representing Trauma in Post-9/11 Fiction: Jonathan Safran Foer's Everything is Illuminated and Extremely Loud & Incredibly Close / Anke Geertsma. URL: http://scripties.let.eldoc.ub.rug.nl/FILES/root/Master/DoorstroomMasters/AmericanStudies/2009/Geertsma.A./MA_Dissertation_Anke_Geertsma.pdf. Проверено: 31.10.2012

6. Huehls, Mitchum. Foer, Spiegelman, and 9/11's Timely Traumas / Mitchum Huehls // Literature after 9/11 / edited by Ann Keniston and Jeanne Follansbee Quinn. – New York: Routledge, 2008. – p. 42 – 59

7. Kaplan, E. Ann. Trauma Culture: The Politics of Terror and Loss in Media and Literature / Ann E. Kaplan // New Brunswick: Rutgers University Press, 2005. – 208p.

8. Oates, Joyce Carol. Dimming the Lights / Joyce Carol Oates // New York Review of Books, 53.6, 6 Apr. 2006. URL: <http://www.nybooks.com/articles/18836>. Проверено: 31.10.2012

9. Philosophy in a Time of Terror: Dialogues with Jurgen Habermas and Jacques Derrida / edited by Giovanna Borradori. – Chicago: University of Chicago Press, 2003. – 200p.

10. Updike, J. Mixed Messages (Extremely Loud & Incredibly Close, by J.S. Foer) / John Updike / Due Considerations: Essays and Criticism. – New York: Ballantine Books, 2008. – p. 283 – 289

References

1. Foer J.S. Extremely Loud and Incredibly Close / translated by V. Arkanov / Jonathan Safran Foer. - Moscow.: Eksmo, 2007. - 416p.

2. Foer J.S. Everything is Illuminated / translated by V. Arkanov / Jonathan Safran Foer. - Moscow.: Eksmo, 2009. - 352p.

3. Carlini Matthew Francis. The «Ruins of the Future»: Counter-Narratives to Terrorism in the 9/11 Literature of Don DeLillo, Jonathan Safran Foer, and Ian McEwan: Thesis presented for the Master of Arts Degree / Matthew Francis Carlini. – The University of Tennessee, Knoxville, 2009. – 90p.

4. Caruth Cathy. Introduction / Cathy Caruth // Trauma: Explorations in Memory. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995. – p. 3–12.

5. Geertsma Anke. Representing Trauma in Post-9/11 Fiction: Jonathan Safran Foer's Everything is Illuminated and Extremely Loud & Incredibly Close / Anke Geertsma. URL: http://scripties.let.eldoc.ub.rug.nl/FILES/root/Master/DoorstroomMasters/AmericanStudies/2009/Geertsma.A./MA_Dissertation_Anke_Geertsma.pdf. Проверено: 31.10.2012

6. Huehls, Mitchum. Foer, Spiegelman, and 9/11's Timely Traumas / Mitchum Huehls // Literature after 9/11 / edited by Ann Keniston and Jeanne Follansbee Quinn. – New York: Routledge, 2008. – p. 42 – 59.

7. Kaplan, E. Ann. Trauma Culture: The Politics of Terror and Loss in Media and Literature / Ann E. Kaplan // New Brunswick: Rutgers University Press, 2005. – 208p.

8. Oates, Joyce Carol. Dimming the Lights / Joyce Carol Oates // New York Review of Books, 53.6, 6 Apr. 2006. URL: <http://www.nybooks.com/articles/18836>. Проверено: 31.10.2012.

9. Philosophy in a Time of Terror: Dialogues with Jurgen Habermas and Jacques Derrida / edited by Giovanna Borradori. – Chicago: University of Chicago Press, 2003. – 200p.

10. Updike, J. Mixed Messages (Extremely Loud & Incredibly Close, by J.S. Foer) / John Updike / Due Considerations: Essays and Criticism. – New York: Ballantine Books, 2008. – p. 283 – 289.

УДК 82 ТИМОФЕЕВ И.06

UDC 82 ТИМОФЕЕВ И.06

А.П. ДУДКО

аспирант кафедры русской литературы XI-XIX веков
Орловского государственного университета
E-mail: dudalex1986@mail.ru

A.P. DUDKO

postgraduate student of the Russian Literature
Department (XI-XIX centuries), Orel State University
E-mail: dudalex1986@mail.ru

**ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ МЕМУАРНО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО НАЧАЛА
ВО «ВРЕМЕНИКЕ» ИВАНА ТИМОФЕЕВА**

**THE FORMS OF EXPRESSING THE AUTOBIOGRAPHICAL
MEMOIRS BEGINNING IN «VREMENNİK» BY IVAN TIMOFEEV**

В статье анализируются разные формы повествования в историческом сочинении Ивана Тимофеева «Временник». Применение различных моделей описания исторических фактов свидетельствует об особенной установке автора на воссоздание исторической перспективы.

Ключевые слова: автор, повествование, «Временник», субъективная форма, объективная форма, исторический факт, авторская интерпретация.

Different forms of the narration in Ivan Timofeev's historical composition "Vremennik" are analyzed in this article. The use of various models in the historical description of facts shows author's special setting aimed at reconstructing the historical prospect.

Keywords: author, narration, "Vremennik", subjective form, objective form, historic fact, author's interpretation.

В исследованиях медиевистов традиционно выделяются такие формы авторского самосознания, как автор-проповедник, автор-агиограф, автор-летописец [10, с. 11; 3, с. 79]. Данная классификация является обоснованной и вполне исчерпывающей для литературы XI–XVI вв., но она явно недостаточна для следующего периода развития литературы, который характеризуется возникновением интереса к характеру человека, к личности, к историческому деятелю [10, с. 8]. «Все большее и большее значение в характеристике исторических лиц приобретают их поведение, их действия» [10, с. 22], – писал Д.С. Лихачев. А оценка, объяснение, комментирование поступков исторических лиц переходит к их современникам, писателям, повествующим о событиях с позиций очевидцев. Так в древнерусской литературе зарождается новая форма – мемуарно-биографическая проза и новый тип авторского самосознания – автор-мемуарист.

В мемуарном повествовании событие всегда преломляется через авторское восприятие, в связи с этим Т.В. Краева отмечает, что «в мемуарах неминуемо возникает элемент вымышленного, основанный на личностных психологических установках, воображении автора. Попытки рассмотреть мемуары не только с точки зрения получения достоверной фактической информации о событиях прошлого, но и выявления *восприятий и ощущений участника события*, попытка реконструкции прошлого таким, каким оно выглядело в представлениях современников, достаточно плодотворны в современной отечественной науке» [8, с. 308].

Автор одной из теорий возникновения и генезиса мемуаров в русской литературе А.Е. Чекунова считает, что появление «жанра» было связано с угасанием традиционных форм письменных источников, прежде всего летописей, исчерпавших свои социальные функции: «Летописание к концу XVII в. утрачивает свой официальный характер, отличительные особенности своего содержания, стиля языка. <...> новые задачи в осмыслении истории страны требовали совсем новых форм исторического изложения» [18, с. 36]. При общей верности отмеченной тенденции А.Е. Чекунова не учла того, что процесс трансформации жанра летописей начался несколько раньше. Д.С. Лихачев отмечал, что формирование нового типа исторических произведений и нового отношения к историческому материалу начинается значительно раньше [10, с. 8], а объясняется это «повышенным интересом к человеческому характеру и новым к нему отношением» [10, с. 11]. Интерес проявляется не только по отношению к историческим лицам, но и к событиям, которые во многом определялись поступками и поведением этих лиц, а также к личности самого писателя, который стремится разобраться не только в произошедшем, но и объяснить причину собственных поступков. Самосознание книжника проявляется уже не только на уровне повествования о событиях и их оценки, но и в самохарактеристиках автора, в осмыслении собственного места в истории.

Писатели исторических сочинений начала XVII века о Смуте преследовали и личные цели: они стремились показать себя в более выгодном свете, чем это было на самом деле. Следовательно, в повество-

вании о Смуте получают развитие мемуарное и автобиографическое начала.

Смутное время и его наиболее интересные персонажи всегда были в центре внимания исследователей, но особенно интенсивно изучение событий эпохи «нестроения» на Руси, причин, последствий, выдающихся представителей ведется в последние десятилетия, что объясняется стремлением современных ученых интерпретировать хорошо известные факты в свете постоянно открывающихся новых исторических источников.

Не обойден вниманием исследователей и автор «Временника» – Иван Тимофеев. Относительно недавно появились работы Я.Г. Солодкина [15, с. 11-33] и Н.М. Золотухиной [6, с. 12-31], в которых предприняты попытки целостного изучения книги писателя и его биографии. Монографии создавались на основе многочисленных документальных свидетельств, но в недостаточной мере опирались на текст памятника. В силу научных интересов исследователи сосредоточили свое внимание на исторических аспектах «Временника» и не ставили задачу рассмотрения его художественных особенностей. При этом текст памятника предстает одним из самых сложных и многогранных в художественном отношении произведений, посвященных эпохе Смуты.

Уникальность «Временника» заключается в том, что он совмещает черты сочинения исторического характера, традиционного для начала XVII в., и мемуарного. И если исторический аспект рассмотрен основательно (П.Г. Васенко, О.А. Державина, В.И. Корецкий, С.Ф. Платонов и др.), то о мемуарном начале в исследованиях медиевистов лишь упоминается. И.П. Долинин называл Ивана Тимофеева мемуаристом, но никак это не обосновывал [5, с. 131]. Венгерская исследовательница М. Тетени вообще представила вопрос о мемуарном начале решенным: «С именем Тимофеева-писателя связывается и создание исторического повествования нового типа, произведения мемуарного характера» [16, с. 172].

Для нас же важным представляется анализ форм выражения мемуарного начала в тексте «Временника». Объясняется это тем, что автор, рассказывая о времени и событиях, свидетелем которых был, использует разные формы представления художественного материала: субъективную, объективную и субъективно-объективную.

Определяющим компонентом субъективной формы повествования, ее художественным центром становится «Я» автора, выраженное личным местоимением и соответствующим глагольным рядом. Специфика формы заключается в том, что «выдвигается вперед личность самого автора, его субъективные переживания, пристрастия, стремления» [7, с. 60] Именно с субъективной формой связано и автобиографическое начало, в котором раскрываются жизненные обстоятельства, заставившие автора совершать те или иные поступки.

Во «Временнике» четко разграничиваются обоб-

щенная и личностная разновидности субъективной формы повествования. Обобщенная разновидность представлена в тексте памятника фрагментами, в которых автор изображает себя частью коллектива. В описании событий, связанных с нашествием на Москву «безбожного же Измаильта» [17, с. 35] татарского хана Казы-Гирея, писатель использует притяжательное местоимение «нашу», отождествляя себя с защитниками города: «нашу пленовати землю» [17, с. 36].

В соответствии с существующей традицией победа над татарами объясняется Божьей помощью и чудом, но картина защиты города представлена в деталях: «...каменноогражденья твердь градобитных хитростей грома не обыкшая таковыми тех оглашаться слуху, огнепальне многими отыганий рыканем громогласного ужасно в дыме огня з блисаньми биением многии словом со основанием колебати землю и потресати небом» [17, с. 35-36].

Приводит Иван Тимофеев важные факты, доказывающие его осведомленность обо всем происходящем в Москве: взятый в плен русский воин, «укрепляем о бозе от доброго приставника ангела своего ему хранителя» [17, с. 36], прибег к «грехо-спасительной» лжи и сообщил о подходе новгородских и псковских отрядов к Москве.

Подобные детали дают возможность утверждать, что Иван Тимофеев находился в Москве и был в курсе не только частных подробностей ее защиты, но и знал о движении войск неприятеля в сторону Серпухова, о чем сообщает далее. Осведомленность автора «Временника» о деталях происходящего позволяет разрешить давний спор историков об этом периоде жизни Ивана Тимофеева: В.И. Корецкий [9, с. 150] и Р.Г. Скрынников утверждают: «Дьяк Иван Тимофеев служил в момент татарского вторжения в Пушкарском приказе в Москве» [13, с. 90], а Я.Г. Солодкин отмечает: «Мнение о том, что Тимофеев служил там (в приказе – А.Д.) летом 1591 г., во время татарского вторжения, не подтверждается источниками» [15, с. 14]. На наш взгляд, детализация, четкое понимание происходящего, максимальная достоверность подтверждают выводы исследователей о том, что Иван Тимофеев не только находился в Москве, но и занимал определенное положение в существующей тогда чиновничьей иерархии.

Из текста памятника следует, что автор «Временника» был в составе ополчения, которое выдвинулось для защиты южных рубежей Москвы. Повествование об ополчении также начинается с местоимения «наше»: «Наше православное тогда стоянием всего ратнаго земля наша собрания ополчение бе на месте некоем...» [17, с. 37] Использование же обобщенной разновидности субъективной формы повествования призвано было подчеркнуть то единство, которое объединяло всех защитников города.

Личностная разновидность субъективной формы повествования появляется только в завершающей главе, которая посвящена воцарению Василия

Шуйского и оккупации Новгорода шведами. Именно в ней Иван Тимофеев объясняет причины написания сочинения об истории Смуты.

Впервые на страницах древнерусской литературы вместо традиционной формулы самоуничтожения дается развернутое повествование о собственных сомнениях и их преодолении. По сути, от книжного клише остается только одна фраза: «невежество все научения моего» [17, с. 115]. Все остальное – детализированное воспроизведение творческого процесса: от зарождения мысли о написании сочинения и до его реализации.

В рассказе о возникновении творческого замысла центральное место занимает персонифицированный образ – мысль. Сначала она «во уме си мыслию слагах всегда», затем «бо ми часто и восхищением обуревающая мысль облакоподобная по всему и скоролетящая высокопарнее, яко по воздуху птица, позыбанием же потрясая несостоятельное ми ума, и ниже в час даваше ему от служения препочити», «яко перстом тыкаше в моя ребра», «сия присно подвизая мя и памятью обновляя не отступая» [17, с. 115]. Важна сама последовательность, которую автор «Временника» использует при характеристике творческого процесса: сначала – это нечто умозрительное, «летающая, как птица по воздуху». На следующем этапе мысль материализуется и проявляется практически на физиологическом уровне «как пальцем, тыкала мне в ребра».

Автор «Временника» точно указывает время своего отъезда из Москвы, отмечает, что был отправлен в Новгород в качестве одного из его руководителей: «егда же стужающих на град вmale уляже брань, тогда самоходне о мне изволися цареви, и паче сего богови своими тварми чюдне промысл творяшу всяко ко оному и прочим: кроме воля моя взыскания послати мя умилися в трикратное титло цареви место, еже царских в писании о имени возвышений чтомых, – превоименным, иже мене предварившем, начальствовати мним в градцких движениях повелевая он» [17, с. 114].

Исследователь Мария Тетени утверждает, что Иван Тимофеев был одним из самых объективных писателей эпохи, а причину этого видит в том, «что у Тимофеева не было нужды оправдываться, объяснять свое поведение и поступки» [16, с. 172]. Но исследования, проведенные Л.В. Черепнинным на материале документов Стокгольмского государственного архива, доказывают, что автору «Временника», так же как и другим писателям-участникам Смуты, приходилось и оправдываться, и объяснять. Их архивных материалов следует, что Иван Тимофеев подозревался в краже двух икон, принадлежащих убитому ставленнику Василия Шуйского М. Татищеву, и в пропаже церковных денег.

На первый взгляд может показаться, что автор «Временника» обходит молчанием те неприятные обвинения, которые преследовали его на протяжении нескольких лет, но это не совсем так. В автобиографической части повествования он упоминает: «веде

бо обыкших, яко естеством, от неоздержания другови поношающих, яве, яко от своего им позорства хотети о чюжих гресех непщевати вины» [17, с. 116]. Так Иван Тимофеев достаточно явно дает понять, что был оклеветан. Причины же, по которым он не называет имен своих врагов, вполне понятны. Работа над «Временником» началась в осажденном шведами городе, и поэтому автор просто не мог назвать тех, кто был приближен к фактическим правителям Новгорода.

Но есть в реальной биографии Ивана Тимофеева факт, демонстрирующий его лояльность к шведам. В Стокгольмском архиве сохранилась челобитная, написанная дьяком Иваном, доказывающая, что Тимофеев не только не был борцом с врагами, но и вполне миролюбиво существовал в структуре отношений, установленных в Новгороде Якобом Понтусом Делагарди, и даже «работством тамо». В челобитной Тимофеев пишет: «Пресветлейшему и высокороженному государю королевичу и великому князю Карлусу Филиппу Карлусовичю бьет челом холоп ивой Иванко Тимофеев. / Милосердый государь королевич, пресветлейший и высокороженный и великий Карлус Филип Карлусович, пожалуй меня, холопа своего беспоместново, непожалованого, в деревне Родионове Григорьевую рожью Загоскина, што сеял Григорей з бобылки, а Григорей Загоскин тебе, государю, изменил. / Государь, смилуйся!» [19, с. 167].

Причины обращения к «князю Карлусу Филиппу Карлусовичю» объяснены в автобиографической части «Временника»: «Мое же отсюду (из Новгорода – А.Д.) к преславному граду вспять возвращение, отнюду же преж им семо исходжение бысть, медлением зде на долзе закосне скудостью ми возможных к подъятию действ» [17, с. 114].

Но следует отметить и то, что в личностном повествовании неожиданно возникает обобщающая форма: «К ним же убо нашего общерабства работством тамо, яко в сети, увязе ми нога и вне града изыютрюду преди с прочими гонзнути не свободися предписания ради вины» [17, с. 114]. Это «наше» общее рабство возникает не случайно. Так Иван Тимофеев оправдывается, что был одним из многих, согласившихся работать на шведов.

Он отдавал себе отчет в том, что его служба не останется незамеченной в Москве, поэтому подробно остановился на воссоздании картин разорения Новгорода и передаче собственных переживаний: «церкви святая раскопаша, и великообительная с малыми места вся иноких развлекоша со основаниями, доброты же их, иже вся имяше град, зле расхитиша и градожителей имении, и изнурившее муками, погубиша, голени же их паче паличным биением сребрениц ради столкоша, <...> и убо купно по всего града опровержении аз огорчихся» [17, с. 115]. Если прием нанизывания деталей достаточно активно использовался автором «Временника», то оценка ситуации от собственного лица появляется на страницах памятника впервые.

Иван Тимофеев стремится убедить читателей в том, что страдания города он переживал как глубоко личную трагедию. Именно поэтому он упоминает о тех почти физических муках, которые испытывал: «И во уме си мыслию слагах всегда по многи дни, не отлагая и в себе бывая, ходя бо, яко изступив умом, изгубление таковое граду присно мысля» [17, с. 115].

Оценка автором собственного состояния добавляет экспрессии, подчеркивает глубину личной трагедии, переживаемой автором, и раскрывает безысходность, в которой оказался он – один из недавних руководителей города.

Во фрагментах с субъективной формой повествования Тимофеев упоминает о своей приближенности к Василию Шуйскому: «Ту же и мне, мухоподобному, во тмах человеческого умножения соображающуся в соименных чине, заповеданими царских тогда велений етера хранящу» [17, с. 114]. Однако подробности своей деятельности при дворе писатель обходит молчанием. Как установил М.П. Лукичев, служба Ивана Тимофеева была высоко оценена Шуйским, так как дьяк Иван за «московское сидение» был награжден огромными вотчинами в Малоярославце и на Волоке («419 чети») [11, с. 23].

Субъективная форма повествования играет во «Временнике» существенную роль: ею определяется тональность повествования. Немногочисленные автобиографические фрагменты показывают, насколько сложной и противоречивой была судьба человека в трагических испытаниях эпохи. Иван Тимофеев, как и другие писатели-современники, осознавал несправедливость своих поступков и стремился оправдаться, всем своим произведением показывая, что противостоять обстоятельствам он не мог.

Антиномичной, субъективной является объективная форма повествования. Обращение к ней связано с тем, «что мемуарист не может, а иногда и не хочет ограничиваться только собственными впечатлениями. Их (*впечатлений* – А.Д.) оказывается недостаточно для полной и достоверной картины прошлого» [2, с. 264]. Это приводит к тому, что писатель использует высказывания иных лиц, действительных свидетелей событий. Автор текста максимально дистанцирован от описываемого, но это не лишает повествование оценочности, а интерпретация фактов, при всем стремлении к объективности, остается личностной.

Объективная форма повествования – это своего рода художественное исследование эпохи, так как автор хочет понять причины Смуты. При этом Иван Тимофеев четко разграничивал те события, участником или свидетелем которых он был, и те важные для истории факты, о которых он знал с чьих-либо слов. К подобному приему прибегал не только автор «Временника», но и другие писатели исторических сочинений: «...авторы исторических произведений о «Смуте» постоянно ссылаются на различные слухи, разговоры, толки...» [10, с. 19], – писал Д.С. Лихачев. Но только Иван Тимофеев пользуется в своем сочинении несколькими устойчивыми

словесными приемами. Формула «глаголют/сказуют нецыи» появляется в тексте в том случае, если событие имеет большое значение для хода истории и автор «Временника» не может обойти его молчанием. Все факты, маркированные данной вводной конструкцией, относятся к событиям, связанным со смертью царей, царевичей и возможных претендентов на престол. Такая формула использована автором для повествования о смерти Ивана IV, царя Федора, царевича Ивана, князя Михаила Шуйского и даже Александра Македонского, военные успехи которого Иван Тимофеев вспоминает в связи с победными походами начала 50-х годов XVII века.

Формула «глаголют нецыи» позволяет автору дистанцироваться от сообщения и подчеркнуть, что излагает, по сути, слухи, так как точными сведениями не располагает. По слухам, причиной смерти Ивана IV было отравление: «Жизнь же яростиваго царя, глаголют нецыи, прежде времени ближний сего зельства его ради сокращения угасиша» [17, с. 15]. Царевич Иван умирает от руки отца: «Непщую сего бытии и к страданию близ, от рукобиения бо отча, глаголют нецыи, живот ему угасе...» [17, с. 19]. Используется формула «глаголют нецыи» и в сообщении о смерти царевича Федора, виновником которой называется Борис Годунов – «властолюбец злый и желатель его царствию» [17, с. 26]. Восторженные характеристики юного князя Михаила Скопина-Шуйского заканчиваются сообщением о его смерти: «Вмале же от сродных си, о добрых взвиден быв, смертным уязвен ядом; угашению жизни его, сказуют нецыи, носяй венец стрый его виновен бе» [17, с. 135]. В одном ряду с этими именами оказывается и Александр Македонский, который, по свидетельству «нецыи»: «...яко прежде времени той, яростного ради зельства, от раб своих подъя угашение своя жизни» [17, с. 151].

Близкой по смыслу словесной формулой, которая отделяет виденное автором от услышанного им, является конструкция «глаголют ведцы». Автор «Временника» со слов очевидцев описывает московский пожар 1571 года: «...Глаголют ведцы, тогда от человек разтлевшися раждающим и со младенцы огня зелоостию; во время бо спания полуденнаго внезапно, яко мучительство сотворено такое» [17, с. 35]. Описывая укрепления, построенные русским войском, автор уточняет, что сама идея их строительства принадлежала князю Михаилу Ивановичу Воротынскому, который «глаголют ведцы, первосушия составления его художества в начале бысть, им же таковое хитростное умыслися первие» [17, с. 38].

Изложение исторических фактов, представленных через указанные словесные формулы, отличается необычным для автора «Временника» лаконизмом. Очевидно, Иван Тимофеев понимал, что события, кардинально меняющие течение жизни, должны быть отражены в историческом сочинении, но подробно описывать, а тем более домысливать или фантазировать (как, например, это делал Иван Хворостинин)

он не хотел. При этом все увиденное Иван Тимофеев описывает необыкновенно подробно, приводя множество деталей, передавая общее настроение, раскрывая собственные чувства и переживания.

Следует отметить, что часть исторических событий Смутного времени представлена крайне скупой: книжник скорее перечисляет, чем описывает, и в большей степени оценивает, чем повествует (начало опричнины, поход Ивана IV на Новгород, смерть царей Ивана и Федора, царевичей Ивана и Дмитрия, а также Годунова, появление Лжедмитрия и Марины Мнишек в Москве и т.д.) Часть фактов, имеющих огромную историческую важность, в тексте «Временника» лишь упоминается. Так книжник проводит своеобразное разграничение материала. Только те события, свидетелем которых он был и о которых может рассказать, получают в тексте широкое освещение.

В начале книги идут многочисленные главки, посвященные историческим лицам и их судьбам, размещенные в соответствии с точной хронологией. Они необходимы книжнику, чтобы подготовить восприятие того, ради чего эта книга и создавалась: написать историю Смуты глазами очевидца. При этом Тимофеев, очевидно, отдавал себе отчет в том, что несправедливое воцарение Бориса Годунова, появление Лжедмитрия, царствование Шуйского (то есть те события, свидетелем которых он был) были бы невозможны, если бы по-другому складывалось и завершалось правление Ивана IV. А без объяснений происходящего в стране до февраля 1598 года, по его мысли, невозможно понимание Смуты.

Именно потому автор «Временника» утверждает, что не может не писать обо всем произошедшем: «И аще подробну збывшихся словом в писании представити есмо и недовлени на се, <...> не могу минути...» [17, с. 106]. Исторические сведения о событиях, предшествовавших воцарению Годунова, необходимы были автору «Временника» для того, чтобы объяснить своим читателям, что все происходящее в стране – это закономерность, вызванная несправедливыми поступками Ивана IV, наказание за грехи. Собственную судьбу автор представляет как отражение хода трагической русской истории.

Стремление к объективности заставляет книжника вводить точные указания на то, что он не был свидетелем тех или иных описываемых событий. «По разсужении же места, иже объемлющаго всю общепротивных рать. Идеже близ царска града облежанием сих станы быша вси...» [17, с. 105] Точно также со слов очевидцев повествует Иван Тимофеев об убийстве в Новгороде окольничего М. Татищева, который, следует отметить, не вызывает уважения у автора «Временника». Книжник представляет ряд деталей, например, сообщает о месте убийства и предполагаемом убийце, но не описывает происходящее, ограничиваясь фразой: «Еще же сего свидетельства и донныне не вси почиша, елма же не вкупе бяху места» [17, с. 104]. Он прямо пишет о том, что не знает

подробностей о продвижении войск Лжедмитрия к Москве: «По разсужении же места, иже объемлющаго всю общепротивных рать, идеже близ царска града облежанием сих станы быша все, не веи силу вещи сказати...» [17, с. 104] И объясняет причины незнания тем, что находился в это время в осажденном Новгороде. Подобные примеры доказывают стремление автора «Временника» сохранять объективность. И совершенно очевидно, что если описание исторического события не сопровождается отсылкой к иным источникам, то оно является воспроизведением по памяти увиденного самим книжником.

Автор выступает как историк, стараясь придать своему произведению максимальную точность, а рассказанным событиям достоверность. Именно поэтому и выбирается наиболее адекватная этой задаче форма – объективное повествование. Она дает возможность изложить события, непосредственным свидетелем которых автор не являлся. Опустить же исторические сведения о правлении Ивана IV и перипетиях судьбы его семьи писатель не мог, так как знал, что «корни Смуты восходят ко временам правления Ивана Грозного» [1, с. 121].

Субъективно-объективная форма повествования используется автором в том случае, если он стремится скрыть собственную заинтересованность в описываемом. Писатель умышленно занимает позицию стороннего наблюдателя, демонстрируя беспристрастность. Автором создается иллюзия объективности, при этом личностные оценки начинают выполнять более существенную роль, чем в других повествовательных формах. Автор находится на периферии, но его присутствие проявляется в детализации и оценочности.

Повествование субъективно-объективного характера появляется в тексте произведения только при описании событий, непосредственным свидетелем которых был Иван Тимофеев. Каждый из таких фрагментов изобилует множеством деталей, которые мог воссоздать только очевидец. Например, максимально точным и даже избыточным предстает описание обоза, выдвинутого на защиту Москвы: «Его же существо зримо, яко град, бяхе, подобоу древоестествен, тончайшими дщками соделан, щитоподобно име сограждение градозабралным устроением в защищение верным» [17, с. 37]. Сообщаются максимально точные данные о длине устройства (укрепление жилами животных и железными цепями). Объясняется, как этот обоз двигался: «От места же на место переход его движением пошественным состроен: егда ему поступати, идет и, егда стояти, стоит» [17, с. 37]. В повозки впрягали животных, которые их тащили, а в случае приближения врагов животные и люди закрывались частоколом из досок.

В целом же описание обоза по объему превышает такие важные события русской истории, как смерть Ивана Грозного и младенца Дмитрия, жизнеописание Анастасии Романовны, и равно по объему только главке «Об опричнине».

Все это позволяет сделать вывод о том, что Иван Тимофеев был в составе ополчения. При этом автор «Временника» нигде не говорит о своих заслугах, не упоминает о своей деятельности. Напротив, всем повествованием своим подчеркивает, что он – один из многих защитников рубежей Москвы, что доказывает важную установку автора на объективность.

Самый объемный фрагмент текста «Временника» посвящен воцарению Бориса Годунова и клятве на верность новому царю. Он наполнен множеством авторских сентенций о несправедности происходящего в Москве, многочисленными обращениями к Библии, историческими реминисценциями, показывающими, насколько преступным было поведение нового царя. Но помимо этих характерных для памятника особенностей, в эпизодах о Годунове приведено множество мельчайших деталей, которые создают у читателя впечатление движущейся панорамы событий. Точность в воспроизведении событий также позволяет утверждать, что книжник умышленно останавливался на подробностях, подчеркивая, что являлся их свидетелем и непосредственным участником.

Прежде всего, обращает внимание указание на время событий (подобной точности нет ни в одной другой части повествования). Если даты, в соответствии с летописной традицией, указывались и в главках, предшествующих описанию воцарения, (например, «на лето по сих 79-е круга» [17, с. 14], «иже по седьмой тысящи 99-летное обхождение круга» [17, с. 34], «смерти заклания сыновия 99-го по мучителях и кончине до лета 113-го» [17, с. 44], «В сего внутрь миротворений общия жизни к седьмой тысящи грядущаго лета 106-го» [17, с. 51]), то в рассказе о времени воцарения Годунова указываются дни («Сырней седмицы вторник бе» [8, с. 53]; «...два обращения луне до начало нового круга, индиктиону тогда начинающу седмому себтября 3-х каланд» [17, с. 58]) и даже точное время суток: «...на утрие, токмо еще начинающу дневи, солнцу же своя простирали лучи на вселенную...» [17, с. 52]. Точно так же книжник фиксирует время и в повествовании об организованной Борисом Годуновым клятве народа на верность: «...и се по многии дни творяшеся, дондеже все безчислие людское клятве подложиша, день дне, в жатвенья до девятого часа...» [17, с. 68]. Временная характеристика помогала автору «Временника» подчеркивать достоверность описываемых событий наряду с приемом локализации в пространстве: «...ставшее ему в крылу церковнем, прямо входу западных врат, на месте висоце» [17, с. 54].

Иван Тимофеев прибегает к подчеркнутой детализации происходящего: священники приходят во двор архимандрита, одетыми «в белоодежде облачении», они идут крестным ходом в лавру «со святоношеньми», сотворяют в храме «молебная». Народ при этом «с воплем кричати не в чин», а лица кричащих «рдетися ото рденья». Подробно воспроизводит автор «Временника» начало обряда клятвы на вер-

ность: «...иже в первый сам святейший верх, также четверуголнии Росийстии столпи, святонастольницы митропольския, и по них от синглит благородием великия, разделшися обою чину, повеленном мирообладателя повинущася...» [17, с. 69].

Детализация возникает в тексте памятника не только при характеристике событий. Изобилует подробностями описание гроба Господня, который создается по решению царя Бориса: «...златосиянен весь вообразити подщася, камнобисеро- и златовязно устроить. И якоже у близ совершения той быв во утворении, топази рны и бисеры многоценными, яко лящею, весь посыпан, ухищренными умудрен зело...» [17, с. 65]. Подробности вводятся в описание колокольни Ивана Великого, часть которой была надстроена по приказу Годунова: «...и верх позлати, иже блещася, всеми донныне видим есть, приснует, всех святилиц высоту превосходя, – на нем в позлащенных дцках златописмяными словесы имя свое пригвоздив...» [17, с. 72]. Следует отметить, что мотив золота, являющийся доминантным в характеристике ковчега и отделки колокольни, возникает только в повествовании о царствовании Годунова. Ни в одном другом эпизоде книги нет больше ни одного упоминания об этом металле. Тавтологические конструкции типа «позлати-златописмяными», «златосиянен-златовязно» вообще не свойственны стилистике Ивана Тимофеева, и тем значимее их появление на определенных страницах текста. Используя подобный художественный прием, автор «Временника» стремился еще раз подчеркнуть непомерную гордыню Бориса Годунова, его стремление к славе, желание утвердить свое имя в веках, тщеславие нового царя, ценящего блеск золота выше духовных ценностей.

Книжник весьма иронично описывает поведение Бориса, который первоначально отказывается от царства, и тем самым показывает, что все это – лишь нарочитая игра Годунова. Самой яркой деталью, раскрывающей лживость будущего царя, становится платок: «Иже в руках держа пота своего утирания ткаения плат; <...> еже мощи видену ему бытии всеми, – оного плата окрест шия своя облагаше: ближним, им же мощи глас словес человеческих слышети, сим глаголаше, дальним же прилагателне о себе показуя разумевати, яко бы удавится понуждаемого ради хотяше, аще не престанут молящей <...> Он же, по прилагании еже платом си удавления, убуже от церкви в темнотительныя храмы мнихоцарицы...» [17, с. 54]. Наигранность в поведении Годунова становится элементом общего театрализованного представления.

Не менее яркий эпизод – юноша, который «вопит» на монастырской стене «то же непемение крича и не пересавая», умоляя вдовствующую царицу Ирину Федоровну «ею поставитися царски брат ея во главу всем людям» [17, с. 55]. Автор вполне резонно замечает, что эта постановка была спланирована самим Борисом или его приближенными, потому что

в ином случае никто не смог бы даже приблизиться к монастырской стене. А уж если и приблизился бы, то «ниже бы зрящая стерпели тому на мнозе, яко и в средних таковым бывати не стерпеают, ни попускают же, обаче ни его, еда творито что свене своего повеления узрит» [17, с. 55].

Автор «Временника» не только изображает масовые картины моления во дворе архимандрита во время подачи хартии, мольбы народа к Борису, «вопля» отрока на монастырской стене, но и маркирует повествование личностным отношением к происходящему. Он отмечает, что испытывал чувство стыда, когда слышал крики, обращенные к Годунову: «...ушеса своя от шума такого слышащих затыкати, – такова человеком угодия лесь бяше в них» [17, с. 53]. Похожим было отношение автора «Временника» и к крикам юноши, посаженному на монастырскую стену напротив окон кельи Ирины Годуновой: «...яко уже студ бе мнозем и слышати такового нелепаго и бесчисленнаго вопля» [17, с. 53]. С.Ф. Платонов отмечает по этому поводу: «Этот случай, неприличный в глазах Тимофеева, убеждает его в том, что для избрания Бориса его рачители не стеснялись прибегать к самым бесчинным и наглым поступкам» [12, с. 269].

Неподобающее поведение в церкви во время первого дня крестоцелования также вызывает у Ивана Тимофеева резкое неприятие. Он уподобляет людей «многоживотному безсловесному стаду» и пространно описывает увиденное: «...в церкви снемшися вкупе, кричаху клятву, гласа многа на высоту пушаху, яко прочим ушеса своя от безчиннаго вопля затыкати <...> Но и евангельская святовозглашения неблагословный вопль одолеваше превосхождением шума, <...> ни чущих, ни поющих не бе слышати <...> не петей литургии бывши в той день в матерее церквам шума ради» [17, с. 68]. Но больше всего возмущает дьяка Ивана нарушение общепринятых норм. Д.И. Антонов очень точно отмечает, что «описывая Годунова, книжник также говорит о греховном принесении клятвы, однако речь идет уже не о клятве самого правителя, но о крестном целовании царю, совершенном в храмах» [1, с. 201].

В этих оценках, построенных на передаче личных впечатлений, книжник выступает как носитель определенной системы ценностей. Он искренне протестует против той лжи, которая сопровождала восшествие Годунова на престол, его чрезмерной тщеславности, нарушения всех существующих норм и правил. К моменту создания текста памятника Иван Тимофеев понимал, что царь Борис стал одной из самых страшных бед страны. Автор «Временника» отдавал себе отчет в том, что и сам в какой-то мере был виновником его воцарения, потому что вместе со всеми подписал ненавистную «хартию, <...> лукавства мнимое утверждение» [17, с. 74].

Участие Ивана Тимофеева в подписании Соборного постановления об избрании Годунова на царство подтверждено документально. «В «Утвержденной грамоте» об избрании на царство

Бориса Годунова названо 25 приказных дьяков и отмечено столько же их «рукоприкладств». В этих перечнях Тимофеев указан 17-м и 15-м соответственно» [15, с. 15], – указывает Я.Г. Солодкин. И в своем повествовании книжник в скрытой форме объяснял читателям, что видел ту ложь, которой окружил себя Борис Годунов, возмущался внутренне, но смирялся с происходящим, как и многие другие. Причиной этого, как объясняет сам Тимофеев, являлся страх: «...умысли себе и семени своему по нем вся иже страхом приведшая...» [17, с. 66], присущий и большей части населения города («...никакоже повеленное презрети смели бы...» [17, с. 69]). Описывая происходящее в церкви во время клятвы на верность Борису, автор «Временника» упоминает Первосвятителя (патриарха Иова), который, также молчит и подчиняется греховным действиям Годунова из чувства страха: «Первосвятителю ту на своем ему месте предстоящу, яко безгласну пред нелетним, славнаго одоле страхом...» [17, с. 68].

Совершенно очевидно, что упоминание о поведении Иова нужно было Ивану Тимофееву для того, чтобы подтвердить свою точку зрения на происходящее и отчасти – оправдать себя. Трудно представить, что автор «Временника» не догадывался об истинной роли Иова в воцарении Годунова (по мнению современных историков, первый московский патриарх – «один из самых рьяных сторонников Бориса» [13, с. 108]). Но вопреки правде исторической и согласно правде художественной, книжник представляет патриарха безропотным исполнителем воли Годунова. Так им воссоздается атмосфера всеобщего страха перед злым и мстительным царем, а рассказ о событиях февраля 1598 года превращается в своеобразную попытку самооправдания.

В исследованиях о жизни Ивана Тимофеева существуют две диаметрально противоположных точки зрения на пребывание автора «Временника» в Москве в период воцарения Василия Шуйского. Р.Г. Скрынников считает, что Иван Тимофеев был одним из участников избрания на престол царя Василия. [14, с. 42]. Я.Г. Солодкин, напротив, утверждает, что точных сведений о месте пребывания дьяка Ивана осенью 1606 года не обнаружено. «Неизвестно даже, был ли тогда Тимофеев в столице <...> Сообщение публициста о вступлении царя Василия на престол не обнаруживает впечатлений очевидца» [15, с. 15]. С последним невозможно согласиться, потому что во «Временнике» события, связанные с воцарением Шуйского, описаны человеком, знающим обо всех тайных перипетиях «избрания» очередного царя. Иван Тимофеев упоминает и о спешности этого воцарения, и о том, что во время присяги были только люди московские, и об отсутствии патриарха. В свойственной автору «Временника» манере детализации уточняется место наречения Василия царем: «нарешиися первее во своем ему дворе...» [17, с. 101].

Шуйского книжник считает слабым царем, следствием чего, по его мнению, и стало разрушение

страны: «По градом же всем злоначальства в них и самовластие умножахуся, колебанием о цари людие распыхахуся неуставне и воспения море житейское неукротимо; лют бо тогда в живущих от ярости гнева пламень распалашеся возжигаем...» [17, с. 114]. Из тех характеристик, которые даются в произведении Шуйскому, понятно, что автор «Временника» считал его незаконным ставленником «худородного» думного дворянства. На это указывает и Р.Г. Скрынников, отметивший, что «...дьяк косвенно осуждал самый принцип «народного избрания». Ни руководители Боярской думы, ни патриарх Иов не участвовали в избрании Василия, из чего Тимофеев сделал вывод, что тот сам себя избрал на трон» [14, с. 45].

Эпизоды воцарения Годунова и Шуйского, их композиционные особенности показывают, что для Ивана Тимофеева более значимыми оказываются воспоминания о событиях, представленные в субъективно-объективной форме. Именно они отличаются элементами типизации событий и индивидуализации художественных образов. Объяснение этому следует искать в политической обстановке, сложившейся ко времени создания памятника. Иван Тимофеев понимал, что с воцарением Михаила Романова его служба Борису Годунову и Василию Шуйскому будет восприниматься предательством. Поэтому и использовал субъективно-объективную

форму, стремясь нивелировать собственную роль в событиях воцарения двух русских царей.

Субъективно-объективное представление исторического материала во «Временнике» имеет принципиальное отличие от фрагментов текста, построенных на субъективном и объективном повествовании. Оно не только обстоятельно, но и отличается детализированностью, индивидуализацией персонажей, художественным обобщением увиденного и пережитого.

В части повествования, маркированной личными глагольными формами и местоимением «Я», система описания отличается крайним лаконизмом. Иван Тимофеев больше намекает на обстоятельства собственной жизни, чем воссоздает их. Совершенно очевидно, что и отбор фактов для объективного повествования напрямую зависел от авторского взгляда на историю, от его представлений о добре и зле, грехе, праведности. Объективные части повествования расширяются за счет перечисления исторических фактов, но и они остаются лапидарными. При этом автор в повествовании не представлен, а проявлен лишь на уровне оценок и комментариев. И только в субъективно-объективном повествовании передаются глубокие и точные впечатления от увиденного. Они не только обстоятельны, но и отличаются высокой степенью художественности.

Библиографический список

1. Антонов Д.И. Смута в культуре средневековой Руси: Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М.: Изд-во РГГУ, 2009. 430 с.
2. Антюхов А.В. Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII в. (Генезис. Жанрово-видовое многообразие. Поэтика): Дисс. ... докт. филол. наук. Брянск, 2003. 451 с.
3. Башатова Н.Н. Образ автора в «Житии Феодосия Печерского». Вестн. Оренбургского гос. пед. ин-та. Филол. науки 1996; 4: 78–86.
4. Державина О.А. Исторический и географический комментарий. В кн.: И. Тимофеев Временник. Пер. и коммент. О.А. Державиной. Под. ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.: Наука. 2004: С. 451–505.
5. Долинин Н.П. Развитие национально-политической мысли в условиях крестьянской войны и иностранной интервенции в начале XVII века // Науч. зап. Днепропетровского гос. ун-та. Сб. работ ист. ф-та 1951; 40: С. 109–137.
6. Золотухина Н.М. Смута глазами государева дьяка Ивана Тимофеева. М.: Юрлитинформ, 2011. 192 с.
7. Кареев Н. Историка (Теория исторического знания). Пг.: тип. М.М. Стасюлевича, 1916. 204 с.
8. Краева Т.В. Мемуары как источник по теории представлений. Образ русской революции в воспоминаниях В. Сержа. Документ. архив. История. Современность 2005; 5: 308–313.
9. Корецкий В.И. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве – историке и публицисте XVII в. В кн.: Археографический ежегодник за 1974 г. М.: Наука, 1975: 145–167.
10. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси // Д.С. Лихачев Избранные работы: В 3 т. Т. 3. Л.: Худож. лит., 1987. С. 3–220.
11. Лукичев М.П. Новые данные о русском мыслителе и историке XVII в. Иване Тимофееве. Советские архивы 1982; 3: 22–25.
12. Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века, как исторический источник. Журнал Министерства Народного Просвещения 1887; 254: С. 251–303.
13. Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М.: Мысль, 1981. 205 с.
14. Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л.: Наука, 1988. 255 с.
15. Солодкин Я.Г. «Временник» Ивана Тимофеева: Источниковедческое исследование. Нижневартовск, 2002. 179 с.
16. Тетени М. Об Иване Тимофееве – писателе. Studia Slavica 1988; 24: 169–177.
17. Тимофеев Ив. Временник. Пер. и коммент. О.А. Державиной. Под. ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.: Наука, 2004. 512 с.

18. Чекунова А.Е. Русское мемуарное наследие 2-й половины XVII–XVIII вв.: опыт источниковедческого анализа. М.: Рос. университет. изд-во, 1995. 136 с.
19. Черепнин Л.В. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве – авторе «Временника» // Исторический архив 1960; 4: 162-177.

References

1. Antonov D.I. The Time of Troubles in the culture of medieval Rus. The evolution of ancient Russian myths in the books of the beginning of the XVII century. M.: RGGU, 2009. 430 p.
 2. Antyukhov A.V. Russian memoirs and autobiographical literature of the XVIII century (Genesis. Genre and species variety. Poetics): Doctoral dissertation in philology. Bryansk, 2003. 451 p.
 3. Bashatova N.N. Author's image in «Zhetee Feodosiya Pecherskogo». Bulletin of Orenburg State Pedagogical Institute. Philology 1996; 4: 78–86.
 4. Derzhavina O.A. Historical and geographical comment. In: I. Timofeev Vremennik / Translation and commentary by O.A. Derzhavina, ed. by V.P. Adrianova-Peretz. M.: Nauka, 2004. – Pp.451–505.
 5. Dolinin N.P. The development of national and political thought in the conditions of peasants' war and foreign intervention at the beginning of the XVII century. Scientific Notes of Dnepropetrovsk State University // Collection of works of the Faculty of History 1951; 40: 109-137
 6. Zolotukhina. N.M. The Time of Troubles by the eyes of gosudarev dyac Ivan Timofeev. M.: Yurlitinform, 2011. 192 p.
 7. Kareev N. Istorika (Theory of historical knowledge). Pg., M.M. Stasyulevich, 1916. 204 p.
 8. Krayeva T.V. Memoirs as a source on the theory of representations. The image of the Russian revolution in V. Serge's memories // Document. archive. History. Present 2005; 5: 308–313.
 9. Koretsky V.I. New materials about dyac Ivan Timofeev – historian and publicist of the XVII century. In: Archeografic Yearbook 1974. M.: Science, 1975: 145–167.
 10. Likhachev D.C. The person in the literature of Ancient Rus // D.C. Likhachev Selected works: No. 3. vol. 3. L.: Hydoj. lit., 1987. P. 3–220.
 11. Lukichev M.P. New information on the Russian thinker and historian of XVII century Ivan Timofeev. Soviet archives 1982; 3: 22–25.
 12. Platonov S.F. Old Russian tales and stories on the time of troubles of the XVII century as a historical source. Magazine of the Ministry of National Enlightenment 1887; 254: 251–303.
 13. Skrynnikov R.G. Russia on the eve of «time of troubles». M.: Mysl, 1981. 205 p.
 14. Skrynnikov R.G. Time of troubles in Russia at the beginning of the XVII century. Ivan Bolotnikov. L.: Nauka, 1988. 255 p.
 15. Solodkin Y. G. Ivan Timofeev's «Vremennik»: Istochnikovedcheskie research. Nizhnevartovsk, 2002. 179 p.
 16. Teteni M. About Ivan Timofeev – writer. Studia Slavica 1988; 24: 169-177.
 17. Timofeev I. Vremennik / Translation and commentary by O. A. Derzhavina; ed.by V.P. Adrianova-Peretz. M.: Science, 2004. 512 p.
 18. Chekunova A.E. Russian memoirs heritage of the 2nd half of the XVII-XVIII centuries: experience of the istochnikovedcheskiy analysis. M.: Rus. University publishing, 1995. 136 p.
 19. Tcherepnin L.V. New materials about dyac Ivan Timofeev – author of «Vremennik». Historical archive 1960; 4: 162-177.
-

УДК 8.1.

UDC 8.1.

А.Е. ЗВОНАРЕВА

аспирант Института языкознания РАН
E-mail: alina.zvonareva@gmail.com

A.E. ZVONAREVA

postgraduate of the Institute of Linguistics, Russian
Academy of Sciences

СКРИПТА ОБЛАСТИ ВЕНЕТО (ИТАЛИЯ) XIII-XIV ВВ.: ДИАТОПИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ

THE EARLY SCRIPTA OF THE VENETO REGION IN ITALY (13TH AND 14TH CENTURIES): THE DIATOPIC VARIATION

Данная статья посвящена проблеме территориального варьирования литературного языка области Вено на северо-востоке Италии в период создания первых письменных памятников на итало-романских наречиях (XIII-XIV вв.). В первой части статьи рассматриваются теоретико-методологические аспекты изучения языка средневековых итальянских текстов, в то время как во второй части анализируются лингвистические характеристики четырех территориальных разновидностей скрипты Вено.

Ключевые слова: итало-романский ареал, диахронический подход, скрипта, койне, языковая норма, диалектное дробление.

The article focuses on the diatopic variation in the early scripta of the Veneto region in Northeastern Italy (13th and 14th centuries). Some theoretical and methodological aspects of studying Italian linguistic witnesses of the medieval period (i.e. the earliest extant texts in Italo-Romance) are discussed and the linguistic features of the four main diatopic Veneto varieties are analysed.

Keywords: Italo-Romance vernaculars, diachronic approach, scripta, koine, linguistic norm, dialectal fragmentation.

Цель настоящей статьи – описание лингвистических характеристик веноетской скрипты XIII-XIV вв. и классификация ее территориальных разновидностей. К данному историческому периоду относится создание первых письменных текстов на итало-романских наречиях и начало формирования литературного итальянского языка на основе флорентийского диалекта. Область Вено на северо-востоке Италии¹ период переживает расцвет словесности на местных наречиях, и обилие сохранившихся письменных памятников этого периода – как литературных, так и нелитературных – позволяет изучить веноетскую скрипту достаточно детально и в разных аспектах (диахронном, диатопическом, диастратическом).

1. Письменные памятники северной Италии в XIII-XIV вв.: диалект, скрипта, койне, норма

Как известно, под скриптой в исторической лингвистике понимается письменная форма языка в первые века его существования или, другими словами, система лингвистических характеристик, зафиксированная в письменных памятниках того или иного географического региона. Термин *scripta* был введен в научный обиход Л. Ремаклем в 1948 г. [24, с. 24]; тем не менее, романские скрипты начали привлекать внимание ученых почти на столетие раньше. Как диалектологи, так и историки литературы начинают

активно исследовать северо-итальянские рукописные тексты уже в середине XIX в., и интерес к этому материалу сразу же порождает полемику о языковой ситуации на севере Италии в позднесредневековый период. Остановимся подробнее на методологической стороне вопроса.

Впервые проблема статуса северо-итальянских средневековых диалектов начала освещаться в работах А. Муссафии. В 1864 г. ученый постулировал наличие в XIII-XIV вв. некой надрегиональной нормы («койне»), на которую ориентировались авторы и переписчики веноетских и ломбардских текстов: согласно этой теории, в письменных памятниках на вольгаре данного периода черты диалектов отдельных городов сосуществуют с характеристиками, которые воспринимались как общие для всех северных областей [22, с. 119]. Точка зрения Муссафии подвергается критическим нападкам со стороны ряда ученых, в первую очередь диалектолога Г.И. Асколи, который настаивал на преобладании в средневековых памятниках частного над общим и отрицал наличие «центростремительных» тенденций в текстах на северных диалектах.²

Важный вклад в изучение проблемы койне и скрипты внес итальянский филолог Дж. Контини в середине XX в. Он решительно отверг идею существования на севере Италии в XIII-XIV вв. общего литературного языка (*volgare illustre*), призывая исследователей фокусировать внимание на региональ-

¹ Применительно к исторической ситуации XIII-XIV вв. термин «Вено» представляет собой анахронизм и может быть использован лишь условно. О реальной территории распространения веноетских диалектов в интересующий нас период см. ниже параграф «Географические границы».

² Содержание данной дискуссии подробно изложено в работе Дж. Видосси [34, с. LXIV, примеч. 5].

ных отличиях, а не на общих чертах, которые можно найти в средневековых памятниках. Контини подчеркивал, что искусственного смешения наречий разных городов в издаваемых им поэтических текстах XIII в. нет и в помине. Так, язык миланского поэта Бонвезина да ла Рива имеет ярко выраженную диалектную основу, и стремление возвысить язык собственных произведений до некоей литературной нормы в его случае проявляется исключительно в частом употреблении лексических латинизмов и галлицизмов. «Итак, мы имеем дело с самым настоящим диалектом, в той форме, в какой он мог быть письменно зафиксирован в Средневековье»³ [8, с. 670].

Тем не менее, к идее северо-итальянского надрегионального койне ученые вернулись в конце XX в. Проблеме языковой ситуации на севере Италии в 1987 г. был посвящен конгресс лингвистов, состоявшийся в Милане и Павии. Доклады, представленные на этой конференции, были опубликованы в 1990 г. под редакцией Г. Санги [26]. Исследования М.А. Гриньяни, П. Бенинка, Дж.Б. Пеллегрини и других участников конференции доказывают целесообразность изучения северо-итальянских скриптов не только по отдельности (в качестве письменных свидетельств местных наречий), но и в совокупности, с целью установить общие законы их развития и влияние их друг на друга. Необходимость подобных исследований обусловлена также диатопическим полицентризмом северной Италии в XIII-XIV вв.: в данном языковом ареале невозможно определить один или несколько территориальных центров, диалект которых мог бы составить основу для единой литературной нормы. Кроме того, в ряде случаев невозможно установить, объясняется ли гибридный характер языка авторскими намерениями или же вмешательством переписчиков той или иной рукописи. Руководствуясь этими доводами, современные ученые все реже и осторожнее употребляют термин «койне», предпочитая ему термин «скрипта». Как отмечалось выше, под скриптом понимают совокупность черт, характеризующих тот или иной средневековый диалект в его письменной форме. Данные письменных источников позволяют формулировать гипотезы о том, что представляла собой устная форма соответствующего диалекта; тем не менее, скрипта никогда не тождественна самому диалекту. Это связано прежде всего с тем, что средневековые переписчики не стремились к точности передачи фонетических и морфологических особенностей устной речи. Вполне закономерно, что в условиях отсутствия письменной нормы графический облик романских текстов ориентировался на латинскую традицию, а на севере Италии авторы и переписчики часто брали за образец также французские и окситанские тексты (как известно, в галло-романском мире литературная традиция – а, следовательно, и письменная фиксация текстов на романских языках – сложилась примерно

на столетие раньше, чем на севере Италии). Наконец, с XIV в. важную роль в северо-итальянском ареале играет влияние доминирующей литературной традиции – тосканской, вследствие чего в северных скриптах возрастает количество тосканизмов. Кроме того, скрипту от реальных диалектов отличает тот факт, что языковая система, представленная письменными источниками, приближается в некоторой степени к вышеупомянутому понятию койне. Речь идет не о смешении элементов разного происхождения (т. е. о замене ярко выраженных языковых характеристик родного города ярко выраженными чертами другого), а об отказе от маркированных диалектных элементов в пользу тех, что присутствуют и в наречиях других северных городов (это касается прежде всего лексики); производилось это с целью сделать собственный текст понятным для относительно широкой аудитории. Эти особенности объясняют тот факт, что изучать средневековые итальянские диалекты во многом сложнее, чем современные; с ними также связаны трудности, с которыми сталкивается филолог при локализации отдельной северо-итальянской рукописи данного периода. На это обращает внимание диалектолог Дж.Б. Пеллегрини: «Необходимо все-таки признать, что некая тенденция к созданию венецско-ломбардского койне – проявляемая в фильтрации диалектных черт отдельных городов и в процессе латинизации – несомненно, имеет место в северной Италии в первые века существования скрипты. Весьма непростая задача диалектолога заключается в том, чтобы обнаружить и классифицировать те немногие и не бросающиеся в глаза локальные черты, что содержатся в тексте» [23, с. 4].

Таким образом, северо-итальянская скрипта представляет собой сочетание маркированных местных черт и северных наддиалектных элементов, а также латинизмов, тосканизмов, галлицизмов. Все эти элементы можно условно распределить по двум уровням – уровень «койне» (элементы, распространение которых выходит за границы отдельного города или области) и уровень диалекта (элементы или сочетание элементов, локализуемые на конкретной территории). Средневековую скрипту характеризует неоднородность, поскольку каждая рукопись субъективна в том, как соотносятся друг с другом эти два уровня. Так, местные черты могут преобладать над чертами «койне», или наоборот; всегда индивидуальны также особенности использования в том или ином тексте культивизмов и иностранных заимствований (например, тосканские элементы могут доминировать по отношению к латинским, или наоборот). Установить, где именно проходит граница между реальным состоянием языка в конкретный период и той искусственной «нормой», на которую ориентировались создатели северо-итальянских рукописей, практически невозможно; ситуация усложнена тем, что средневековые авторы и переписчики никогда не эксплицируют свой стилистический выбор и не комментируют свое стремление отдалить письменную

³ Переводы с итальянского в данном тексте принадлежат автору статьи.

форму языка от устной. Тем не менее, искусственный характер языка средневековых литературных текстов на северо-итальянских диалектах хорошо заметен при сопоставлении их с материалом нелитературных текстов: вторые содержат гораздо больше маркированных местных черт и гораздо сильнее приближаются к разговорной речи, чем первые. Не случайно, например, что одно из самых авторитетных описаний венецианского диалекта XIII в. было создано на материале юридических документов этого периода [28]. Итак, важную роль при создании рукописи на народном языке играет степень образованности того, кто пишет, его социально-культурная принадлежность, а также ориентация на аудиторию, к которой средневековый автор обращается.

Для изучения средневековых скриптов данные рукописных источников, несомненно, играют первостепенную роль. Тем не менее, ценные сведения о средневековых северо-итальянских диалектах можно почерпнуть также из свидетельств авторов данного периода (среди которых особое место занимает трактат Данте «О народном красноречии»). Интересный материал представляют собой также романские заимствования в других языках (например, в немецких говорах севера Италии или в словенском); необходимо упомянуть также топонимы (как известно, они часто сохраняют архаические лексические и фонетические особенности).

При изучении средневековых текстов на вольгате важно помнить, что тенденция к нивелированию языковых различий проявляется в разной степени на разных уровнях языковой системы. Так, например, М. Корти на примере нескольких венецких и эмилианских рукописей XIII-XIV вв. показывает, насколько трудно маскировать и подавлять на письме фонетические особенности отдельных диалектов, в то время как на уровне морфологии, синтаксиса и лексики переписчики контролируют свой язык гораздо успешнее [10, с. 32-33]. Данная особенность средневековых рукописных текстов на народных языках в целом и на северо-итальянских диалектах в частности объясняет диспропорцию между обилием сведений о фонетических характеристиках текстов и гораздо меньшим объемом информации морфологического характера; это отразилось и на описании региональных вариантов венецкой скрипты, которое мы предлагаем во второй части настоящей статьи.

2. Лингвистические особенности скрипты Венето

2.1. Географические границы

Территория распространения венецких диалектов в XIII-XIV вв. включает в себя современные итальянские области Венето и Трентино, а также полуостров Истрию. Здесь располагались такие политические центры, как республика Венеция, маркизат Тревизо (в состав которого входили Верона и Виченца), Падуанская коммуна (владение рода

Каррара), патриархат Аквилеи, принципат Тренто (современная провинция Тренто без долины Вальсугана, но с Больцано). На говорах, близких к северным венецким наречиям, говорили и в долинах современной немецкоязычной области Альта-Адидже (но германизация этих территорий началась уже в XIII в.). Политическая раздробленность вышеозначенной территории не могла не отразиться на языковой ситуации региона; тем не менее, границы средневековых диалектов лишь частично совпадают с административными. С лингвистической точки зрения в XIII-XIV вв. важны прежде всего такие центры, как Венеция, Падуя, Верона и Тревизо.

В последующих параграфах мы рассмотрим сначала венецские панрегиональные феномены (некоторые из них характерны не только для наречий Венето, но и для большинства остальных северо-итальянских скриптов), затем отличительные черты венецкой, падуанской, веронской и тревизской скрипты.

2.2. Панрегиональные черты

2.2.1. Графические особенности.

2.2.1.1. Использование графемы <x> для звонкого сибиланта /z/ [20, с. 161-162]: *dixe* ‘говорит’, *cor-texia* ‘любезность, куртуазность’, наряду с <s>: *dise*, *cortesia*.

2.2.1.2. Неэтимологические геминаты как результат гиперкоррекции [28, с. XXX]: *ciello* < CAELU(M) ‘небо’, *paradisso* < PARADISU(M) ‘рай’, наряду с *cielo*, *paradiso*.

2.2.2. Фонетика (вокализм).

2.2.2.1. Отсутствие «тосканской» анафонии перед группой согласных носовой + заднеязычный или перед палатальными элементами [16, с. 98]: *lengua* < LINGUA(M) ‘язык’, *fameia* < FAMĪLIA(M) ‘семья’, *ponto* < PUNCTU(M) ‘точка’.

2.2.2.2. Переход *i* > *e* в предударной позиции [10, с. 38]: *devin* < DIVINU(M) ‘божественный’, *çudegar* < IUDICARE ‘судить’.

2.2.2.3. Переход *e* > *i* в безударной позиции в ситуации хиатуса [19, с. 100]: *biado* < BEATU(M) ‘блаженный’, или при контакте с палатальными элементами: *piçor* < PEIORE(M) ‘худший’.

2.2.2.4. Переход *e* > *o* в безударной позиции перед губным согласным [25, § 130]: *roman* < REMANET ‘остаётся’, *sopelir* < SEPĒLIRE ‘хоронить’, *tompesta* < TEMPESTA(M) ‘буря’.

2.2.2.5. Переход *e* > *a* в безударной позиции перед *r* [28, с. XLVIII; 25, § 130]: *marçè* < MERCEDE(M) ‘милосердие’.

2.2.2.6. Диссимилиация гласных.

Переход *o* - *o* > *e* - *o*: *redondo* < ROTĪNDU(M) ‘круглый’ [25, § 330; 4, с. 156-157]; *remor* < *ROMĒRE(M) < RUMĒRE(M) ‘шум’.

2.2.3. Фонетика (консонантизм).

2.2.3.1. Лениция (озвончение и падение) смычных согласных в интервокальной позиции [25, §§ 197, 201 и 207]: *amigo* < AMICU(M) ‘друг’, *lovo* < LUPU(M) ‘волк’. Частным случаем этой тенденции яв-

ляется переход -tr- > -dr- > -r-: *pare* < PATRE(M) 'отец', *mare* < MATRE(M) 'мать'.

2.2.3.2. Упрощение этимологических геминат [25, § 229]: *seco* < SICCU(M) 'сухой', *tera* < TERRA(M) 'земля', *glosa* < GLOSSA(M) 'гlossa'.

2.2.3.3. Звонкая зубная аффриката /dz/ в результате фонетической эволюции g + гласный, а также j [16, с. 98]: *çentil* < GENTILE(M) 'благородный', *çoven* < JUVENE(M) 'молодой'.

2.2.3.6. Эпентеза в адвербиальном суффиксе -mentre [25, § 333]: *devotamentre* 'набожно', *soletamentre* 'только'.

2.2.4. Морфология и синтаксис.

2.2.4.1. Метаплазмы в склонении существительных и прилагательных: 3 скл. -e > 2 / 1 скл. -o / -a [25, § 353]: *grande* > *grando* / *granda* 'большой / большая', *qual(e)* > *qualo* / *quala* 'какой / какая', *flume* > *flumo* 'река'.

2.2.4.2. Метаплазм в инфинитивах глаголов 2 / 3 скл. -ere > 4 скл. -ire [25, § 616]: *tegnir* < TENERE 'держат', *romagnir* < REMANERE 'оставаться'.

2.2.4.3. Палатализация конечного согласного глагольной основы под влиянием лат. -eo, -io [25, § 534]: инфинитивы *vegnir* 'приходить', *tegnir* 'держат', герундии *abiando* 'имея', *tegnando* 'держа', причастия *vegnù* 'прибывший', *veçù* 'увидевший'.

2.2.4.3. Глагольные формы 3 л. ед. ч. со значением 3 л. мн. ч. [25, § 532; 4, с. 224-225]: *li santi parla* 'святые разговаривают', *li diavoli è nigri* 'черти черные'.

2.2.4.4. Образование форм кондиционала по модели инфинитив + *NAVUI* > -ave (в веронской скрипте -avo) [28, с. LXVIII; 30, с. 188-189]: *farave* 'сделал бы', *serave* 'был бы'. Данные формы соседствуют с типом инфинитив + *NAVEAM* > *ia*, менее диалектно маркированным и стилистически более возвышенным [25, § 594-595]: *faria*, *seria*, *vorìa*.

2.2.4.5. Образование ряда форм страдательных причастий с помощью суффикса -esto [21]: *tolesto* 'отнятый', *movesto* 'перемещенный'.

2.2.4.6. Образование форм герундия глаголов всех спряжений с помощью суффикса -ando (по аналогии с 1 спряжением) [25, § 618]: *abiando* 'имея', *digando* 'говоря', *dormando* 'спя'.

2.2.4.7. Образование формы пассива с глаголом *fir* < FIERI [18, с. 415; 25, § 736]: *no fi fato negota* 'не было сделано ничего', *firà donà* 'будет дано'.

2.3. Венецианская скрипта

Венецианское наречие документировано в XIII-XIV вв. лучше всех остальных разновидностей венецкого вольтаре. Письменные памятники на венецианском многочисленны и относятся к самым разнообразным жанрам: документы юридического характера (завещания, протоколы, уставы [28; 27]), жития святых (например, «Житие св. Евстахия» [2]), переводы со старофранцузского произведений разных жанров (например, венецианская версия романа о Тристане [11]), переводы с латинского (например, перевод латинской комедии XII века «Памфил, или о

любви» [17]). Наше описание лингвистических особенностей венецианской скрипты фиксирует наиболее характерные черты, наблюдаемые в большинстве письменных памятников.

2.3.1. Фонетика.

2.3.1.1. Почти полное отсутствие метафонии закрытых *e* и *o* под влиянием конечного -i [28, с. XXVII-XXXIX]: *lovo* / *lovi* 'волк / волки', *benedeto* / *benedeti* 'благословенный / благословенные'. Данная характеристика противопоставляет старовенецианский диалект всем остальным венецким наречиям (в которых метафония присутствует): см., например, вер. *lovo* / *luvi*, *beneeto* / *beneiti*. Единственные метафонические формы, регулярно наблюдающиеся в венецианских текстах – местоимения *ili* 'они', *quili* 'те', *nui* 'мы', *vui* 'вы' и некоторые формы простого перфекта глаголов, такие как *fisi* < FECI 'я сделал' [31, с. 29].

2.3.1.2. Спонтанная дифтонгизация открытых *e* < *ë* и *o* < *ö* в открытом слоге, умеренная в XIII в. [28, с. XL] и все более частотная в XIV в., особенно во второй половине [27, с. 62]: *priego* < PRĒCO 'прошу', *apruovo* < AD PRŌPE 'рядом, недалеко'.

2.3.1.3. Переход -atis > *ai* > *é* / *è* [28, с. XXXVI; 29, с. 67; 31, с. 30]: *andé* < 'вы идете', *façé* 'вы делаете'.

2.3.1.4. Переход *a* > *e* перед *nt* + *i* [28, с. XLII; 27, с. 57]: *senti* < *santi* 'святые', *fenti* < *fanti* 'дети', *anenti* / *danenti* < (DE) + IN + ANTE 'спереди'.

2.3.1.5. Переход -arju(m) > *er* [16, с. 109]: *noder* < *NOTAIRU(M) < NOTARIU(M) 'нотариус', *çener* < JANUARIU(M) 'январь'.

2.3.1.6. Переход *au* > *ol* и *al* > *ol* перед смычным зубным согласным как в ударной, так и в безударной позиции [28, с. XLVI]: *lolde* / *loldo* < LAUDE(M) 'восхваление', *oldir* < AUDIRE 'слушать'.

2.3.1.7. Переход -er > -or и в заударной позиции [28, с. XLIX; 6, с. 45]: *vesporo* < VESPERU(M) 'вечернее богослужение'.

2.3.1.8. Падение конечного -e (если речь не идет об окончании ж. р. мн. ч.) после сонорных согласных *n*, *r*, *l* [29, с. 66]: *canal* < CANALE(M) 'канал', *mar* < MARE 'море', *can* < CANE(M) 'собака', и конечного -o после *n*, если предпоследний слог ударный: *man* < MANU(M) 'рука', *vin* < VINU(M) 'вино' (если предпоследний слог безударный, -o сохраняется: *àseno* < ASINU(M) 'осел'), а также в ударных суффиксах -er и -ol: *noder* < *NOTAIRU(M) < NOTARIU(M) 'нотариус', *fiol* < FILIOLU(M) 'сын' (если суффикс безударный, -o сохраняется: *sòsero* < SOCERU(M) 'свекр').

2.3.1.9. Падение интервокального смычного согласного -t- в результате лениции в XIII в.: *amao* < AMATU(M) 'любимый, возлюбленный', *mità* < MEDIETATE(M) 'половина', и их консервативное «восстановление» в XIV в. озвонченной форме -d-: *amado*, *mitade* [27, с. 80-81; 1, с. 13-14; 13, с. 497 и 499].

2.3.1.10. Отсутствие палатализации -lli > -gi, характерной для остальных венецких наречий [28, с. XXXVII; 1, с. 9-10]: *belli* 'красивые', *cavalli* 'лошади' (в отличие от пад., вер. и трев. *begi*, *cavagi*).

2.3.2. Морфология.

2.3.2.1. Местоимение ж. р. 3 л. ед. ч. *lie* вместо традиционного *lei* [27, с. 105; 6, с. 51].

2.3.2.2. Сигматическая морфема 2 л. ед. ч. в XIII в., все реже встречающаяся в текстах XIV в. [16, с. 110]: *metis* ‘ты кладешь’, *debis* ‘ты должен’.

2.4. Падуанская скрипта

Изучая памятники падуанской скрипты, необходимо помнить, что культурная жизнь города в XIII–XIV вв. определялась прежде всего университетской средой (как известно, университет Падуи с самых первых лет его существования был важным центром изучения медицины и астрономии), а также потребностями правящей династии (дома Каррара). В данную систему координат вписываются два наиболее важных памятника падуанской скрипты – перевод Библии с латинского на вольгаре, богато иллюстрированный миниатюрами [14], и медицинский трактат «Книга Серапиона» [18], также переведенный с латыни. Лингвистически ценный материал предоставляют также юридические документы, деловая переписка купцов, реестры имущества и т. п. [30]. Совокупность этих памятников позволяет дать достаточно детальное описание фоно-морфологических особенностей падуанской скрипты.

2.4.1. Фонетика.

2.4.1.1. Метафония. Под влиянием безударного *-i* в конечном слоге закрытые *e* и *o* переходят соответственно в *i* и *u*: *pelo* / *pili* ‘волос / волосы’, *roso* / *rusi* ‘красный / красные’, *bivi* < *vivis* ‘ты пьешь’, в то время как открытые *e* и *o* подвергаются дифтонгизации в формах множественного числа: *inverno* / *invierni* ‘зима / зимы’ [30, с. 100–103].

2.4.1.2. Дифтонгизация. Падуанскую скрипту, как и венецианскую, отличает спонтанная дифтонгизация открытых *e* < *Ē* и *o* < *Ō* в открытом слоге: *grieve* < *GRĒVE*(M) < *GRAVE*(M) ‘тяжелый’, *fuogo* < *FŌCU*(M) ‘огонь’. Кроме того, наблюдается метафоническая дифтонгизация в присутствии безударного *-i* в конечном слоге (см. выше 2.4.1.1) и редукция дифтонгов *ie* > *i*, *uo* > *u*: *fugo* наряду с *fuogo*, *grive* наряду с *grieve*. Редуцированные дифтонги – типично падуанский феномен [18, с. 357; 30, с. 105–106].

2.4.1.3. Переходы *ao* > *o* и *ae* > *e* в результате падения интервокального смычного *-t-* в суффиксах *-atu*(M) и *-ate*(M) [30, с. 111–115; 12, с. 112–113]: *mercò* < *MERCATU*(M) ‘рынок’, *lò* < *LATU*(M) ‘сторона, бок’, *veritàe* < *VERITATE*(M) ‘правда’.

2.4.1.4. Переход *au* > *al* перед смычным зубным в безударной позиции [10, с. 45; 30, с. 98]: *laldare* < *LAUDARE* ‘восхвалять’, *aldire* < *AUDIRE* ‘слушать’.

2.4.1.5. Переход *-arju*(M) > *-aro* [30, с. 99–100; 12, с. 113]: *chalegaro* < *CALIGARIU*(M) ‘сапожник’, *fornaro* < *FURNARIU*(M) ‘пекарь’.

2.4.1.6. Падение конечных безударных *-e* и *-o*, в отличие от Венеции, в Падуе имеет место только после носового согласного [18, с. 364–365; 30, с. 126–127]: *can* < *CANE*(M) ‘собака’, *man* < *MANU*(M) ‘рука’, но *pescadore* < *PISCATORE*(M) ‘рыбак’, *spiciale* < *SPETIALE*(M) ‘особый’.

2.4.1.7. Лениция глухого смычного зубного согласного *-t-* в интервокальной позиции [30, с. 131–132; 12, с. 111]: *maura* < *MATURA*(M) ‘зрелая’, *reondo* < *ROTUNDU*(M) ‘круглый’.

2.4.1.8. Палатализация *-lli* > *-gi* [30, с. 150–151]: *begi* < *BELLI* ‘красивые’, *cavigi* < *CAPILLI* ‘волосы’, артикль *gi*. Данная характеристика наблюдается также в веронской и тревизской скриптах (см. 2.5.1.8 и 2.6.1.6).

2.4.1.9. Палатализация *-nni* > *-gni* [10, с. 42; 1, с. 21]: *agni* ‘годы’. Данная характеристика присутствует также в веронской скрипте (см. 2.5.1.9) и в других областях севера Италии.

2.4.1.10. Редукция *pl-*, *fl-* + *u* > *pi*, *fi* [16, с. 112; 30, с. 151]: *pi* < *PLUS* ‘больше’, *fime* < *FLUMEN* ‘река’, *spimò* < *SPUMATU*(M) ‘пенистый’.

2.4.2. Морфология.

2.4.2.1. Окончание 1 л. мн. ч.: *-on* < *-umus* для всех спряжений [30, с. 183]: *porò-nu* ‘мы сможем’. Эта морфема воспринималась как стилистически низкий и непрестижный элемент и в литературных текстах чаще всего заменяется более нейтральным наддиалектным вариантом *-eto*. Морфема *-on* характерна также для тревизской скрипты (см. 2.6.2.1).

2.4.2.2. Форма 2 л. ед. ч. *asi*, *axi* ‘ты имеешь’ [16, с. 112].

2.5. Веронская скрипта

Веронское наречие XIII–XIV вв. обладает достаточно богатой литературной традицией. Один из самых ранних текстов на веронском – анонимная сирвента, содержащая ряд практических наставлений некоему Гульельму [8, с. 515–519]. С точки зрения истории языка первостепенным значением обладают произведения религиозно-дидактической поэзии: проповеди в стихах «Адский Вавилон» и «Небесный Иерусалим» францисканца Джакомино да Верона [8, с. 625–650], анонимные проповеди и молитвы [22, с. 58–213; 8, с. 653–666] и т. п. Дополняют общую картину нелитературные тексты, такие как контракты купли-продажи, статуты, прошения, деловые письма и др. [3]. Все эти памятники содержат большое количество маркированных лингвистических характеристик (их анализ изложен ниже).

2.5.1. Фонетика.

2.5.1.1. Отсутствие дифтонгизации [3, с. 37–38]: *prego* < *PRĒCO* ‘прошу’, *aprovo* < *AD PRŌPE* ‘рядом, недалеко’. Данная характеристика противопоставляет веронскую скрипту остальным венецианским наречиям (см. 2.3.1.2, 2.4.1.2, 2.6.1.2) и приближает ее к вольгаре Ломбардии.

2.5.1.2. Метафония открытых гласных *e* < *Ē* и *o* < *Ō* в открытом слоге [3, с. 46–47]: *beneeto* / *beneiti* ‘благословенный / благословенные’, *lovo* / *luvi* ‘волк / волки’.

2.5.1.3. Переход *au* > *on* [3, с. 61–64]: *consa* < *CAUSA*(M) ‘вещь, предмет, сущность’, *reponso* < *REPAUSU*(M) ‘отдых, успокоение’.

2.5.1.4. Тенденция к апокопе всех конечных без-

ударных гласных, кроме *-a* и окончания ж. р. мн. ч. *-e* [10, с. 49; 3, с. 116-121]: *mar* < MARE ‘море’, *can* < CANE(M) ‘собака’, *vin* < VINU(M) ‘вино’, *fiol* < FILIOLU(M) ‘сын’ и т.п. Апокопа может наблюдаться не только после сонорных, но и после сибиллянтов: *parais* < PARADISU(M) ‘рай’, а также после смычных зубных: *çent* < GENTE(M) ‘люди’, *serpent* < SERPENTE(M) ‘змея’, и, наконец, после ударного гласного: *me*’ < MEU(M) ‘мой’ (наряду с *teo*), *De*’ < DEU(M) ‘бог’ (наряду с *Deo*). В падуанской и венецианской скриптах апокопа в трех последних фонетических контекстах чрезвычайно редка, почти невозможна.

2.5.1.5. Переход *-e* > *-o* в позиции конца слова [3, с. 123-127]. Данное явление имеет место в глагольных формах: *diso* < *dis* < *dise* < DICIT ‘говорит’, существительных ж. р.: *carno* < *carn* < *carne* < CARNE(M) ‘плоть’, *croxo* < *cros* < *crose* < CRUCE(M) ‘крест’, наречиях: *sempro* < **sempr* < *sempre* < SEMPER ‘всегда’. В формах м. р. данное фонетическое явление пересекается с метаплазмом 3 скл. > 1 скл.: *flumo* < *flume* < FLUMEN ‘река’.

2.5.1.6. Синкопа в заударном слоге в формах инфинитива [12, с. LXIX; 3, с. 101-116]: *esro* < *esero* < *esere* ‘быть’, *batro* < *batero* < *batere* ‘бить’.

2.5.1.7. Лениция смычного зубного согласного *-t* в интервокальной позиции, в форме полного выпадения звука [3, с. 138-143]: *emperaor* < IMPERATORE(M) ‘император’, *salua* < SALUTAT ‘приветствует’.

2.5.1.8. Палатализация *-lli* > *-gi* [3, с. 180-182]: *begi* < BELLI ‘красивые’, *cavigi* < CAPILLI ‘волосы’. Данная характеристика наблюдается также в падуанской и тревизской скриптах (см. 2.4.1.7 и 2.6.1.6).

2.5.1.9. Палатализация *-nni* > *-gni* [3, с. 185]: *agni* ‘годы’. Данная характеристика присутствует также в падуанской скрипте (см. выше 2.4.1.8).

2.5.1.10. Палатализация галло-романского типа *-st-* > *it* [3, с. 190]: *noito* < NOSTE(M) ‘ночь’, *fruito* < FRUCTU(M) ‘плод’.

2.5.2. Морфология.

2.5.2.1. Аналитические формы кондиционала *avo* < HABEO + инфинитив [25, § 590; 33, с. 232]: *avo dar* ‘дал бы’. Данная особенность сближает вольгаре Вероны с ломбардскими наречиями.

2.6. Тревизская скрипта

К тревизской скрипте XIII-XIV вв. относят письменные свидетельства, локализуемые на северо-востоке области Венето – на территории Тревизо, а также Беллуно. Данная разновидность венецкого вольгаре в интересующую нас эпоху документирована более скудно, чем наречия Венеции, Падуи и Вероны.

Наиболее известный беллунский письменный памятник – четырехстрочный фрагмент песни о разрушении города Кастельдардо жителями Беллуно в 1193 г. [7, с. 209-217]; упомянем также тексты делового характера, датируемые XIV в., – статуты, указы, протоколы [9].

Тревизо обладает более богатой письменной

традицией, чем Беллуно, но по количеству памятников на местном вольгаре уступает другим городам Венето. Это связано частично с тем, что Тревизский маркизат в данный исторический период испытывает сильнейшее влияние галло-романской культуры: правитель Тревизо Альберико да Романо в середине XIII в. оказывает покровительство провансальским трубадурам; на территории города переписываются сборники трубадурской поэзии, а также рукопись V⁴ «Песни о Роланде» [15, с. 106-134]. Влияние провансальской и французской куртуазной литературной традиции наложило отпечаток и на тревизскую скрипту: так, текст, известный как «Сирвента Ауливера» [5, с. 175-176], изобилует лингвистическими и стилистическими провансализмами, а тревизская версия «Романа о Лисе» [19] содержит многочисленные заимствования из старофранцузского языка.

С середины XIV в. галло-романское влияние все чаще вытесняется в Тревизо тосканским: так, например, тревизский поэт Никколó де’ Росси [4] сочетает в своих стихотворениях черты родного наречия с характеристиками вольгаре Тосканы. Тосканизации подвержен также язык тревизского лапидария [32] – памятника, содержащего, тем не менее, ценный материал для изучения характерных особенностей скрипты Тревизо. Остановимся подробнее на лингвистических характеристиках тревизских текстов.

2.6.1. Фонетика.

2.6.1.1. Метафония открытых гласных *e* < ё и *o* < о открытом слоге [16, с. 113]: *capilli* ‘волосы’, *malfacturi* ‘злодеи’. О данном феномене в падуанской и веронской скриптах см. выше 2.4.1.1 и 2.5.1.1.

2.6.1.2. Спонтанная дифтонгизация открытых гласных *e* < ё и *o* < о в открытом слоге [16, с. 113]: *viene* < VĒNIT ‘приходит’, *nuovo* < NŌVU(M) ‘новый’. Данная характеристика объединяет тревизскую скрипту с падуанской и венецианской и противопоставляет ее веронской.

2.6.1.3. Переход *o* > *ou*, *au* > *ou* [16, с. 113; 33, с. 239]: *preciosa* < PRETIŌSA(M) ‘драгоценная’, *cousa* < CAUSA(M) ‘вещь, сущность’.

2.6.1.4. Ярко выраженная тенденция к апокопе всех гласных [16, с. 113]: *poch* < PAUCU(M) ‘мало, малый’, *temp* < TEMPU(S) ‘время’.

2.6.1.5. Оглушение конечных звонких согласных как следствие апокопы конечных гласных [33, с. 238]: *def* < **dev* < *deve* < DEBET ‘должен’, *pert* < **perd* < *perde* < PERDIT ‘терять’.

2.6.1.6. Палатализация *-lli* > *-gi*: *nouvegi* < NOVELLI ‘новые’. Данная характеристика наблюдается также в падуанской и веронской скриптах (см. выше 2.4.1.7 и 2.5.1.8).

2.6.1.7. Падение носового согласного в формах мн. ч. *-àni* > *-ài*, *-oni* > *-òì* [16, с. 114]: *padeguai* < PADUANI ‘падуанцы’, *boi* < BONI ‘добрые’.

2.6.2. Морфология.

2.6.2.1. Окончание 1 л. мн. ч.: *-on* < -UMUS для всех спряжений [16, с. 114]: *seron* ‘мы будем’. Данная

морфема характеризует также падуанскую скрипту (см. выше 2.4.2.1).

2.6.2.2. Образование форм герундий с помощью суффикса *-ande*, вместо традиционного *-ando* [33, с. 239]: *fricande* ‘растирая’.

Заключение

Анализ лингвистических характеристик литературных и нелитературных памятников, созданных на территории области Венето в XIII-XIV вв., позволяет постулировать наличие абстрактной надрегиональной языковой системы, объединяющей все венецкие территориальные разновидности. С другой стороны, налицо диатопическое варьирование венецкой скрипты: четыре основных географических варианта вольгаре Венето (венецианская, падуанская, веронская и тревизская скрипты) отличаются друг от друга рядом фонетических и морфологических характеристик; при этом редко какое-либо конкретное явление свойственно лишь одной из четырех подсистем. Так, например, эпитеза *-o* характерна для веронской скрипты и отсутствует в остальных венецких раз-

новидностях, а переходы *ao > ò* и *ae > è* позволяют почти безошибочно отнести текст к падуанской скрипте, но такого рода феномены достаточно редки. Границы между соседними наречиями определяются не столько наличием какого-то конкретного признака, сколько одновременным присутствием одних характеристик и отсутствием других. Так, например, дифтонгизация в совокупности с отсутствием метафонии указывает на Венецию, дифтонгизация в совокупности с метафонией указывает на Падую или Тревизо, метафония в совокупности с консервативным сохранением конечных безударных гласных указывает на Падую, метафония в совокупности с ярко выраженной тенденцией к апокопе всех безударных гласных указывает на Тревизо и т.д. Итак, при анализе венецкого текста XIII-XIV вв. важно анализировать как отдельные языковые феномены, так и их сочетание и взаимодействие, а также помнить о связи лингвистической стороны текста с его жанровыми характеристиками и спецификой конкретной рукописи, которая его содержит.

References

1. *Arcangeli M.* Per una dislocazione tra l'antico veneto e l'antico lombardo (con uno sguardo alle aree contermini) di alcuni fenomeni fonomorfologici. *L'Italia dialettale* 1990; № 53: 1-42.
2. *Badas M.* La 'Legenda de Santo Stadi', Franceschino Grioni. Roma-Padova: Antenore, 2009.
3. *Bertoletti N.* Testi veronesi dell'età scaligera. Padova: Esedra, 2005.
4. *Brugnolo F.* Il canzoniere di Nicolò de' Rossi, 2. *Lingua, tecnica, cultura poetica*. Padova: Antenore, 1977.
5. *Brugnolo F.* La cultura volgare trevisana della prima metà del Trecento. In: Tomaso da Modena e il suo tempo. Treviso: Stamperia di Venezia, 1980: 157-184.
6. *Burgio E.* 'Legenda de misier Sento Alban': volgarizzamento veneziano in prosa del XIV secolo. Venezia: Marsilio, 1995.
7. *Castellani A.* I più antichi testi italiani. Bologna: Pàtron, 1973.
8. *Contini G.* Poeti del Duecento, 1. Milano-Napoli: Ricciardi, 1960.
9. *Corrà L.* Linee di storia linguistica bellunese. In: Cortelazzo M. (ed.) Guida ai dialetti veneti, 1. Padova: Cleup, 1984: 129-158.
10. *Corti M.* Emiliano e veneto nella tradizione manoscritta del 'Fiore di virtù'. *Studi di filologia italiana* 1960; № 18: 29-68.
11. *Donadello A.* Il libro di messer Tristano ('Tristano Veneto'). Venezia: Marsilio, 1994.
12. *Donadello A.* Nuove note linguistiche sulla 'Bibbia istoriata padovana'. In: Brugnolo F., Verlato Z. (eds.) La cultura volgare padovana nell'età del Petrarca. Padova: Poligrafo, 2006: 101-171.
13. *Ferguson R.* A linguistic history of Venice. Firenze: Olschki, 2007.
14. *Folena G., Mellini L.* Bibbia istoriata padovana della fine del Trecento. Pentateuco, Giosuè, Ruth. Venezia: Neri Pozza, 1962.
15. *Folena G.* Tradizione e cultura trobadorica nelle corti e nelle città venete. In: Folena G. Culture e lingue nel Veneto medievale. Padova: Programma, 1990: 1-137.
16. *Formentin V.* L'area italiana. In: Cavallo G., Leonardi C., Boitani P. e al. (eds.) Lo spazio letterario del Medioevo, 2. Il Medioevo volgare, 2. La circolazione del testo. Roma: Salerno, 2002: 97-147.
17. *Haller H.* Il Panfilo veneziano. Firenze: Olschki, 1982.
18. *Ineichen G.* 'El libro agregà de Serapiom': volgarizzamento di frater Jacobus Philippus de Padua, 2. Venezia-Roma: Istituto per la collaborazione culturale, 1966.
19. *Lomazzi A.* Rainaldo e Lesengrino. Firenze: Olschki, 1972.
20. *Maraschio N.* Grafia e ortografia: evoluzione e codificazione. In: Serianni L., Trifone P. (eds.) Storia della lingua italiana, 1. Torino: Einaudi, 1993-1994: 139-227.
21. *Maschi R., Penello N.* Osservazioni sul participio passato in veneto. Quaderni di lavoro ASIS 2004; № 3: 21-35.
22. *Mussafia A.* Documenti antichi dei dialetti italiani. Vienna: I.T. tipografia di corte e di stato, 1864.
23. *Pellegrini G. B.* Studi di dialettologia e filologia veneta. Pisa: Pacini, 1977.
24. *Remacle L.* Le problème de l'ancien vallon. Liège: Faculté de Philosophie et Lettres, 1948.

25. Rohlfs G. Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. Torino: Einaudi, 1966-1969 [согласно сложившейся традиции, в цитатах приводятся номера параграфов, а не страниц].
26. Sanga G. Koiné in Italia dalle origini al Cinquecento. Bergamo: Lubrina, 1990.
27. Sattin A. Ricerca sul veneziano del secolo XV (con edizione di testi). L'Italia dialettale 1986; № 49: 1-172.
28. Stussi A. Testi veneziani del Duecento e dei primi del Trecento. Pisa: Nistri-Lischi, 1965.
29. Stussi A. Medioevo volgare veneziano. In: Stussi A. Storia linguistica e storia letteraria. Bologna: Il Mulino, 2005: 109-115.
30. Tomasin L. Testi padovani del Trecento. Edizione e commento linguistico. Padova. Esedra, 2004.
31. Tomasin L. Storia linguistica di Venezia. Roma: Carocci, 2010.
32. Tomasoni P. Lapidario estense. Milano: Bompiani, 1990.
33. Tomasoni P. Veneto. In: Serianni L., Trifone P. (eds.) Storia della lingua italiana, 3. Torino: Einaudi, 1994: 212-240.
34. Vidossi G. L'Italia dialettale fino a Dante. In: Viscardi A., Nardi B., Nardi T. et al. (eds.) Le origini. Milano-Napoli: Ricciardi, 1956: 33-71 (XXXIII-LXXI).

УДК 82.091 – 4 БУНИН И.А.

UDC 82.091 – 4 BUNIN I.A.

С.В. ЗЕЛЕНЦОВА

аспирант кафедры русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета
E-mail: bachelorswife2@gmail.com

S.V. ZELENTSOVA

postgraduate student, 19-20th Century Russian Literature and Foreign Literature Department, Orel State University
E-mail: bachelorswife2@gmail.com

**СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ ПЕЙЗАЖА В РАССКАЗАХ И.А. БУНИНА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДО 1917 ГОДА)**

**THE FUNCTION OF THE LANDSCAPE IN THE PLOT AND COMPOSITION IN BUNIN'S SHORT STORIES
(BASED ON WORKS BEFORE 1917)**

В статье анализируется роль пейзажа в сюжетно-композиционном построении текстов И.А. Бунина 1890-1910-х годов. Выделяются такие функции описаний природы в структурной организации произведений, как пояснение места и времени действия, сюжетная мотивировка, предвестие дальнейших событий, ретардация, акцентуация кульминации. В этом отношении прослеживается эволюция художественного метода Бунина на протяжении нескольких этапов творчества.

Ключевые слова: пейзаж, функции пейзажа, сюжет, композиция, хронотоп, ретардация.

In the article the role of landscape in the plot and composition in Bunin's works of 1890-1900 are analysed. The certain functions of landscape in structural organization of short stories are outlined, such as place and time's illustration of action, plot's motivation, presage of coming events, retardation, and accentuation of the climax. For the matter of that, the evolution of Bunin's artistic method throughout some periods of his work is also considered.

Keywords: : landscape, functions of landscape, plot, composition, chronotope, retardation.

Пейзаж в литературном произведении, являясь изображением окружающего природного мира, может подвергаться многократной и многозначной интерпретации, зависящей от ряда факторов. Как правило, исследователи обращают внимание на то, что наличие пейзажных описаний в тексте мотивировано определенными задачами: показать место и время действия, маркировать психологическое состояние героя или же быть средством выражения авторской позиции¹. Данные функции пейзажа неоднократно

оказывались в поле зрения литературоведов, обращавшихся к анализу художественного творчества того или иного писателя. Однако функциональная значимость пейзажа в структурно-содержательной организации текста может быть гораздо шире: часто природоописание играют исключительную роль

ведение: Учеб. пособие. М., 2004. С.264-275. Витрук О.А. Пейзаж как текстовое явление (на материале произведений англоязычных писателей XX- начала XXI веков): Дис. ...канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2011. Гостева Т.Ф. Лингвостилистические особенности и текстообразующий потенциал пейзажных описаний в американской прозе XIX-XXI веков: Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007.

¹ См. об этом: Чернец Л.В. (ред.) Введение в литературо-

в сюжетно-композиционном построении произведения. Это объясняется, во-первых, принадлежностью пейзажа, наряду с портретом, описанием интерьера и другими элементами, области внутренней композиции текста [5, 157], а также его способностью быть средством развития действия и предвещать или направлять течение событий в ту или иную сторону [16, 266]. Именно с этой, сюжетно-композиционной, точки зрения мы рассмотрим роль пейзажа в рассказах И.А. Бунина: какое место описания природы занимают в композиционной и сюжетной организации текстов, помогают ли они развитию сюжета или же являются средством чистой ретардации и каким образом создают индивидуально-авторскую модель мира в произведении.

В работе «Природа в художественном мире М.М. Пришвина» Т.Я. Гринфельд-Зингурс выделяет несколько типов пейзажа в его отношении к сюжету и композиции: пейзаж-экспозиция, пейзаж-сквозная деталь, пейзаж-лейтмотив, а также пейзажи-полифункциональные [4]. Классификация эта может оказаться еще более эффективной, если ее расширить в «сюжетном» плане: пейзаж может занимать практически любое положение в тексте и являться частью таких элементов сюжета, как экспозиция, завязка, развитие действия, развязка и даже кульминация.

Обращение к творческому наследию И.А. Бунина в связи с проблемой изучения описаний природы в структуре художественного текста не случайно: писателя по праву считают мастером пейзажной живописи. Пейзаж у Бунина занимает значительную часть художественного пространства, выполняя текстообразующую функцию и являясь объектом эстетического отношения. Закономерно, что наиболее часто пейзажные описания встречаются в экспозиции бунинских рассказов. В таком случае пейзаж осуществляет свою основную функцию в художественном произведении – обозначает место и время действия, дает представление о состоянии окружающей среды, ландшафте местности, времени дня и года. Пейзажные штрихи в тексте, как правило, перемежаются с сообщением обстоятельств действия и упоминаниями об основных действующих лицах.

Пейзаж-экспозиция занимает значительное место в бунинских ранних рассказах, и эта тенденция еще ярче проявляется в зрелом периоде творчества. Так, в произведениях 1910-х годов пейзажные вкрапления традиционно располагаются в экспозиции, поясняя место и время действия (рассказы «Древний человек», «Ночной разговор», «Ермил», «При дороге», «Грамматика любви», «Будни», «Всходы новые», «Братья», «Копье Господне» и др.). По своему типу это хронотопический пейзаж, который содержит упоминания о состоянии окружающей среды с минимальной характеристикой, создает отвлеченно-обобщенный образ природного мира.

Описания природы могут полностью заменять собой экспозицию – и тогда вместо традиционной предыстории событий и характеристики персонажей

в начале текста дается широкая пейзажная картина. Таким образом построены рассказы «На хуторе», «В поле», «Золотое дно», «Ночной разговор», «Братья», например: «Темнеет, к ночи поднимается вьюга... Завтра Рождество, большой веселый праздник, и от этого еще грустнее кажутся непогожие сумерки, бесконечная глухая дорога и поле, утопающее во мгле поземки. Небо все ниже нависает над ним; слабо брезжит синевато-свинцовый свет угасающего дня, и в туманной дали уже начинают появляться те бледные неуловимые огоньки, которые всегда мелькают перед напряженными глазами путника в зимние степные ночи...» [3, т.2, 89].

Во многих бунинских пейзажах-экспозициях появляется мотив дороги, традиционно имеющий огромное значение в литературе как «точка завязывания и место совершения событий» [2, 276], и тогда пейзаж из средства характеристики фона повествования превращается в средство развития сюжета. Так, к примеру, начинается повествование в рассказе «Мелитон»: «Были светлые майские сумерки, я ехал верхом по нашему Заказу. Лошадь шла узкой дорогой среди свежей поросли осин и орешника. Кругом все было молодо, зелено, соловьи нежно и отчетливо выщелкивали по сторонам...» [3, т.2, 182]. Очевидная особенность хронотопа дороги у Бунина – его включенность в природный мир, связь с ландшафтом местности, будь то поле, степь, море или лес, и природным временем (рассвет, день, сумерки, ночь): «Тишина – и запустение. Не оскудение, а запустение... Не спеша бегут лошади среди зеленых холмистых полей; ласково веет навстречу ветер, и убаюкивающе звенят трели жаворонков, сливаясь с однообразным топотом копыт» [3, т.2, 244] («Золотое дно»).

Еще М.М. Бахтин, анализируя хронотоп в европейском романе, указывал на то, что с дорогой неразрывно связан мотив встречи, а время там «как бы вливается в пространство и течет по нему» [2, 276], и многие бунинские произведения вписываются в эту традицию. Так, пейзажный топос дороги в различных модификациях нередко выполняет роль завязки действия в ранней прозе писателя («На край света», «Святые горы», «Мелитон», «Туман», «Костер», «Золотое дно», «Птицы небесные», «Подторжье»), рассказах 1910-х годов («Крик», «При дороге», «Пыль», «Лирник Родион», «Грамматика любви», «Отто Штейн» и др.) и становится организующим мотивом цикла путевых поэм «Тень птицы».

В рассказе «Святые горы» мотив дороги, перемещение героя в природном пространстве (поле – курган – лес – горы – река) служит организующим началом повествования. Природный образ прежде всего мотивирует завязку действия («побывать на Донце, на Малом Танаисе, воспетом «Словом», – это была моя давнишняя мечта» [3, т.2, 52]), а позднее пейзаж провоцирует пространственно-временной сдвиг, когда герой, находясь в данном пространстве, мысленно пребывает в иной точке в прошлом: «...

какая даль открылась подо мною, как хороша была с этой высоты долина, темный бархат ее лесов, как сверкали разливы Дона в солнечном блеске, какою горячею жизнью юга дышало все кругом! То-то, должно быть, дико-радостно билось сердце какого-нибудь воина полков Игоревых, когда, выскочив на хрипящем коне на эту высь, повисал он над обрывом, среди могучей чащи сосен, убегающих вниз!» [3, т.2, 56]. Картины природы на страницах произведения явно выходят за рамки хронотопа, они полны поэтических раздумий и субъективных ощущений человека, взволнованного встречей с историческими местами «древней Руси».

В малой прозе 1910-х годов мотив дороги также продуктивен: в рассказе «При дороге», к примеру, он не только выносится в название, но и становится композиционным центром, вокруг которого строятся события. Хронотоп дороги и степной «придорожный» пейзаж определяет психологию героини, становится классическим местом ее «случайных встреч» [2, 276] с мещанином, косвенно мотивирует трагическую развязку рассказа: «Далеко куда-то, в счастливую страну, направлялись все те, что порою проезжали, проходили мимо... Впереди, за дорогой, блестящей мелкой муравой, густая рожь клонила в ярком вечернем свете, лоснилась против солнца, уходившего за избу. Розоватые клубы юго-восточных облаков, нежных, чуть заметных, сливались выше горизонта с матовой лазурью небосклона... В эту сторону, томимая зовом степной дали, она смотрела чаще всего» [3, т.3, 430]. Пейзажные зарисовки в рассказе не только поясняют место и время действия, но и акцентируют ключевые моменты повествования: встречи Парашки с Никанором, признание в любви, время перед предполагаемым побегом; функциональная значимость природоописаний в сюжетно-композиционном плане в этом тексте крайне широка.

В рассказах Бунина 1890-1900-х годов, напротив, роль пейзажа в развитии действия, при довольно большом текстовом объеме в произведении, невелика. Можно выделить несколько функциональных разновидностей природоописаний в этом ключе: пейзаж как сюжетная мотивировка действия, пейзаж как предвестие дальнейших событий, пейзаж-ретардация и пейзаж, использующийся как средство акцентуации кульминации.

Природные и, в особенности, метеорологические процессы (к примеру, изменение погоды) обычно направляют течение событий в ту или иную сторону [16, 266]. Так, определенные природные явления (метель, морская буря, дождь, туман) выступают в качестве сюжетной мотивировки происходящего в следующих рассказах Бунина раннего периода: «В поле», «Велга», «Маленький роман», «Туман». В последнем погодное явление, не случайно вынесенное в заглавие текста, оказывается не только завязкой и мотивирует дальнейшее течение событий («Вторые сутки мы были в море. На рассвете первой ночи мы встретили густой туман, который закрыл горизон-

ты, задымил мачты и медленно возрастал вокруг нас, сливаясь с серым морем и серым небом» [3, т.2, 204]), но и служит интродукцией к философским размышлениям повествователя, создавая особую мифопоэтическую ситуацию потерянности во времени и пространстве («...туман сбил меня с толку... Я не представляю себе, где мы, потому что в этих местах на Черном море я никогда не бывал... Я не понимаю молчаливых тайн этой ночи, как и вообще ничего не понимаю в жизни. Я совершенно одинок, я не знаю, зачем я существую» [3, т.2, 207]).

Описания природы могут предвещать события, которые произойдут позже, или даже характер финала произведения. Особенностью бунинских пейзажей в такой функции становится то, что они превращаются в лиро-эпическое обрамление текста или систему пейзажных лейтмотивов, создающих его структурную канву. Таковы природоописания, окрашенные тревогой и трагическим ощущением несчастья, в рассказах «Велга», «Осенью», «Маленький роман», «Птицы небесные». Интересно, что пейзажные фрагменты у Бунина уже в ранних текстах нередко служат лирической окантовкой любовной истории. В рассказе «Осенью» развернутые пейзажные картины являются активным композиционным приемом – предвещают обреченность любви героев, невозможность ее осуществления: «Море гудело... грозно, выделяясь из всех шумов этой тревожной и сонной ночи... Страшен был и беспорядочный гул старых тополей за оградой сада... Чувствовалось, что в этом безлюдном месте властно царит теперь ночь поздней осени, и старый большой сад, забитый на зиму дом и раскрытые беседки по углам ограды были жутки своей заброшенностью» [3, т.2, 221]. Комбинация трех природных образов, семиотически наполненных (сырой, сильный ветер как знак нестабильности мира; страшный гул тополей как знак обреченности чувства героев и морская стихия как его эквивалент), создает пейзаж-лейтмотив, который помогает читателю представить финал событий, о котором в тексте уже не говорится.

В упомянутых выше рассказах («Велга», «Туман», «Осенью») и ряде текстов, как правило, философской тематики, природоописания используются и как средство акцентуации кульминации (кульминационный момент «перебивается» пейзажной зарисовкой). Так, в «Соснах» вкрапление пейзажа в самый торжественный и важный момент (подготовка и сами похороны Митрофана) придает своеобразие композиции произведения и органично вводит онтологические мотивы: природа выражает определенный философский подход к жизни и смерти. В рассказах с традиционной композиционной структурой пейзаж акцентирует кульминационные моменты более явно: так, описание Ледяного моря и «дикого утеса на краю света» [3, т.2, 144] усиливает впечатление от финала в «Велге»; беспокойный ночной пейзаж предшествует признанию запретной, обреченной любви в рассказе «Осенью»; картина лунной ночи,

полной тайны и того, «что за пределами познаваемого» [3, т.2, 206] – смертельно опасной в густом тумане встрече с другим пароходом в лирико-философской миниатюре «Туман».

В ряде рассказов 1910-х годов функция акцентуации кульминации проявляется более ярко (см. рассказ «При дороге»). В «Веселом дворе» развернутые пейзажные картины предшествуют двум кульминационным точкам произведения – смерти Анисьи и обнаружению ее тела Егором, причем во втором случае в ночном пейзаже преобладает белый, бледный цвет, мотив тишины и неподвижности, появляется погребальная символика месяца/луны.

Однако в ранней прозе Бунина пейзаж далеко не всегда играет значительную роль в развитии действия. Одна из причин – бесфабульность, фрагментарность композиции самих текстов, что объясняется их синтетической жанровой природой, находящейся на стыке лирической и эпической стихии. Исследователи (Н.М. Кучеровский, Л.И. Смирнова, Л.И. Зверева, И.Б. Ничипоров, Н.Б. Зарникова, Р.М. Балановский и др.) справедливо пишут о том, что по своим жанровым особенностям довольно широкий пласт бунинских текстов близок лирической прозе, с ослабленной фабулой и доминирующим субъективным началом [6, 177]. Так, Н. М. Кучеровский отмечает, что «бунинская проза конца 90-х – начала 900-х годов, теряя качество эпоса, все более и более превращалась в единый лирический монолог с устойчивой символикой образов («леса» – «снега» – «пустыня» – «туман»), на фоне которых раскрывается настроение лирического героя» [11, 40], а Р.М. Балановский вообще относит некоторые тексты писателя к пейзажно-психологическим эскизам [1, 17]. Действительно, в таких произведениях Бунина, как «Святые горы», «В августе», «Костёр», «Надежда», «Тишина», сюжет имеет только лирическую линию развития; событийная же практически отсутствует, а потому описания природы являются не просто фоном, но основными объектами изображения, самоценными частями художественной действительности. Таким оказывается описание Женевского озера в лирической миниатюре «Тишина» или пейзажный комплекс, построенный на совмещении морского пейзажа и изображения аллеи со «старыми мраморными статуями среди цветников и деревьев» [3, т.2., 235] в рассказе «Надежда».

Описания природы в подобных произведениях хоть и не служат средством развития сюжета, но выполняют текстообразующую функцию: вводят лирико-философские рассуждения, посвященные «красоте... природы, искусства и религии» [3, т.2, 212], провоцируют внутренний монолог «лирического героя».

Характерной композиционной чертой и рассказов, традиционно построенных, и лирических миниатюр Бунина становится расположение природоописаний в конце текста. Пейзаж нередко акцентирует развязку, финал или постпозицию произведения. Однако следует иметь в виду, что развязка как окончание действия или завершение конфликта между

персонажами не всегда присутствует в бунинских рассказах. Но чаще всего финальные пассажи текста, вне зависимости от наличия развязки и места ее расположения, несут важную смысловую нагрузку, содержат некий итог художественного поиска автора, провоцируют размышления и вызывают эмоциональную реакцию, иногда неоднозначную, читателя.

Пейзаж у Бунина нередко становится эффектным композиционным приемом завершения текста с открытым финалом (в рассказах «Без роду-племени», «На даче», «Мелитон», «Новая дорога», «Далёкое» и др.): «Тополі гудели и бушевали во мраке» [3, т.2, 157] («Без роду-племени»); «Степь вокруг, куда ни кинь взор, зеленая, ровная, вольная. И ни души в степи, ни кустика, ни деревца, – только далеко впереди машет, как утопающий руками, чья-то мельница» [3, т.2, 254] («Далёкое»). Иногда пейзажные вкрапления переплетаются с замечаниями героя-повествователя и открывают перспективу на будущее: в рассказе «В поле» зимняя вьюга выступает символом «конца Лучезаровки» («Медленно наступает день. Темно, утрюмо, буря не унимается. Сугробы под окнами почти прилегают к стеклам и возвышаются до самой крыши... Ветер повалил трубу... Это плохой знак: скоро, скоро, должно быть, и следа не останется от Лучезаровки!» [3, т.2, 100]); в миниатюре «Новый год» «мутный серо-сизый пейзаж» и «туманная даль морозного туманного дня» метафорически представляет «бессвязную и бессмысленную жизнь» [3, т.2, 227-228], которая ожидает героя.

Закономерным является тот факт, что пейзажные фрагменты завершают ранние тексты Бунина с философской проблематикой. В рассказах «На хуторе», «Туман», «Сосны» возникает мысль о неизменности, вечности природы, которая в этом своем качестве противостоит человеку. Пейзажные описания в этих произведениях можно признать философскими, они проникнуты авторской рефлексией над тайнами жизни и смерти, над сопряженностью и одновременно разделенностью человека и природы, что является для Бунина сложной, многоплановой проблемой. «С одной стороны, «нет никакой отдельной от нас природы»: и человек входит в природу как ее часть, и природа входит в человека, составляя его «внутреннее мировое пространство», – пишет О.В. Сливицкая. – С другой стороны, личность ограничена пространством и временем, и бессмертный лик природы составляет тот фон, на котором неизбежность собственной смерти выступает особенно мучительно» [14, 89]. Пейзаж ставит – по-разному – финальные акценты в решении этой проблемы: в рассказе «На хуторе» смерть воспринимается как часть мирового процесса жизни («В темном небе вспыхнула и покатилась звезда... И от этой глубины, мягкой темноты звездной бесконечности ему стало легче. «Ну так что же! Тихо прожил, тихо и умру, как в свое время высохнет и свалится лист вот с этого кустика...» [3, т.2, 37]). В «Соснах» смерть не является безусловным концом человеческой жизни:

«Отдаленный, чуть слышный гул сосен сдержанно и немолчно говорил о какой-то вечной, величавой жизни...» [3, т.2, 195]. Пейзажные фрагменты в разных частях текста и особенно в финале наполнены теми философскими мотивами, которые получают развитие в связи с религиозной и мировоззренческой проблематикой прозы Бунина 1910-1920-х гг.

Так, в рассказах зрелого периода («Копье Господне», «Братья», «Сны Чанга», «Соотечественник» и др.) пейзаж сюжетно мотивирует появление этико-философских размышлений персонажей и автора; многие природные образы (море/океан, небо, ветер, звезды и созвездия) получают метафизическое толкование и даже изображаются в русле определенной религиозной традиции (ветхозаветной, буддийской и т.п.)².

В рассказе «Братья» описания природы становятся композиционным приемом, позволяющим вводить философские рассуждения англичанина, как бы навеянные «дыханием бездны» океана, ощущением ее могущественного присутствия: «...Под нами и вокруг нас бездонная глубина, та зыбкая хлябь, о которой так ужасно говорит Библия... И вблизи и вдали, всюду загораются борозды зеленой огненной пены, и чернота вокруг этой пены черно-лиловая, цвета воронова крыла» [3, т.4, 24]. В тексте рассказа есть прямые указания на неизбежное влияние природы «восточного мира» на человека («Это на вас Цейлон так подействовал» [3, т.4, 25], – говорит капитан англичанину), и мир этой природы потрясает европейца, заставляет его задуматься над своим существованием, лишенным первозданной гармонии, слитности со Всеединым. Пейзаж художественно выделяет и кульминационные моменты в тексте: смерть отца и самого рикши, встречу с девушкой, которую он любил и т.п.

Наиболее характерная функция пейзажа в традиционном по композиционной структуре (завязка – развитие действия – кульминация – развязка) литературном произведении – ретардация, т.е. замедление «прямого фабульного повествования» [10, 281]. В текстах Бунина действие не раз прерывается пространственными пейзажными фрагментами, выполняющими роль ретардации: описание леса в том же рассказе «Святые горы» или заснеженной Лучезаровки («В поле»), или картины осенней природы в «Антоновских яблоках». В литературоведении роль ретардации отводят пейзажу как описанию классического вида, в фокусе которого детали статичные, «наслаивающиеся на сюжет, мотивирующие и поясняющие то или иное развитие действий, создающие для них некий устойчивый исходный фон» [16, 348]. В некоторых лирических миниатюрах раннего Бунина пейзаж становится главным «действующим лицом», основным объектом изображения. Подобную жанровую особенность не теряют и тексты писателя 1910-х годов («Сны Чанга», «Последняя весна», «Последняя

осень», «Пост», «Отто Штейн», «Копье Господне» и др.), а также сборник очерков «Тень птицы». Сюжет у Бунина не всегда выдвигается в тексте на первый план и определяет собой его построение. Довольно часто случается, что событийный ряд произведения как бы уходит в подтекст; изображение событий уступает место воссозданию впечатлений, раздумий и переживаний героев, описаниям внешнего мира и природы. Даже среди рассказов 1910-х годов, в которых преобладает эпическая стихия и которые уже нельзя отнести к лирической прозе, встречаются организованные таким образом произведения (см., например, рассказ «Сны Чанга», «Отто Штейн» и др.).

В построенных по типу дневника рассказах «Последняя осень» и «Последняя весна» пейзажные описания различного типа занимают около половины всего объема, хотя по своей идейно-тематической принадлежности эти тексты, скорее, можно отнести к социально-бытовым зарисовкам (основное внимание уделено приметам жизни в деревне, отношению мужика к войне и т.п.): «Когда вышли – лунная ночь. Половина блестящей луны, прямые тени голых деревьев, среди них, на снегу, сверканье драгоценных камней...» [3, т.4, 155]; «Весь день дождь. Иногда перестает, и тогда мокрый сад оживает, поют дрозды. В этих милых, как бы шутилых переменах такая весенняя прелесть, такая сладость жизни, надежд, счастья, что никакими словами не скажешь» [3, т.4, 158]. В пейзаже писатель стремится запечатлеть уходящую красоту и поэзию жизни, будто предчувствуя грядущие катастрофы кризисной для русского народа эпохи.

Часто пейзажные описания у Бунина оказываются нефункциональными, они живописуют стихию жизни, природный мир, безотносительно к человеку и его психологическому пространству, а тем более, к сюжету. Писатель стремится «обозреть Красоту Мира» [3, т.3, 500], запечатлеть картины природы в мгновении и вечности. Многие природные детали, а иногда и целые пейзажные фрагменты в бунинских текстах несколько не меняют ход событий и не получают какого-либо развития, «обманывая» ожидания искушенного читателя. На наличие подобных «невыстреливающих ружей», но в текстах Чехова, обратил внимание Владимир Набоков: из таких «избыточных» деталей обычно ничего не следует, кроме «создания атмосферы именно этого рассказа» [12, 338]. Это замечание в полной мере справедливо и в отношении бунинской художественной системы.

Очевидно, что главное место в картине мира писателя занимает внешнее впечатление, обилие деталей – «микрообразов повышенной жизни» [15, 104], что всегда создает эффект избыточной описательности. О соотношении сюжетности и описательности в текстах писателя подробно и точно писала О.В. Сливицкая [15], выводы которой особенно применимы в отношении построения путевых очерков Бунина, объединенных в книгу «Тень птицы».

Путевые очерки можно признать ярким примером жанровой формы, в которой доминирует

2 Подробнее об этом см.: Карпенко Г. Ю. Творчество И.А. Бунина и религиозное сознание рубежа веков: Учебное пособие. Самара, 2005.

описательность, а сюжет выступает как частное проявление заключенных в ней закономерностей. В композиционной организации «Тени птицы» связующим звеном оказывается хронотоп дороги/путешествия и сам герой-повествователь с его чувственно-страстным видением окружающего мира. Рассказчик перемещается «в пространстве и времени», наблюдает и описывает природу и современную культуру Востока, стараясь осмысливать увиденное в религиозных и культурологических категориях и соотнося современность со своим ощущением «древности», «первобытности», т. е. «объективируя в повествовании свои представления...о связи времен» [9]. Пейзаж составляет большую часть художественного пространства текстов: значительное место занимают описания видов местности, которые повествователь наблюдает, находясь на палубе парохода или в поезде, «пейзажные портреты» городов, а также целые природно-предметные комплексы (описание пирамид, пустыни, моря и т.п.).

Функция сюжетной мотивировки основная для описаний природы в литературном путешествии [16, 146], а потому доминирует она и в «Тени птицы». Эта функция пейзажа обусловлена жанром и сюжетно-композиционной организацией очерков, где описаниям природно-предметного характера отводится значительная роль (не только по объему, но и по информационной нагрузке). По сути, «путевая поэма» – это жанровая разновидность литературного путешествия с характерным мотивом дороги, быстрой сменой мест действия, доминированием пейзажа и описаний окружающего мира над сюжетным повествованием, а также использованием этнографического материала, легенд и сказаний. Т.е., в бунинских очерках развитие и разрешение конфликта и собственно повествование не играют значительной роли, основу текста составляют описания, разбавленные авторскими размышлениями или рефлексией.

Несмотря на то, что пейзаж является элементом «бунинской описательности», которая сама по себе воплощает статичность [15, 94], в текстах путевых очерков можно обнаружить и так называемый динамический пейзаж. Подобное понятие включает в себя отражение динамики природы (изменения, происходящие в ее состоянии и под.) и систему семантико-стилистических свойств самого текста, служащую передаче этого движения [7, 78]. Пейзажные картины, увиденные героем-повествователем с палубы парохода или из поезда, можно признать динамическими. Такие картины составляют «внешнюю описательность» текстов, но, тем не менее, носят подчиненный сюжету характер: «помогают» развитию действия, являются своеобразными индикаторами изменения ракурса повествования, маркируют своеобразное «движение сюжета» вслед за перемещениями повествователя в пространстве: «Переезжаем остров, потом рукав Нила, едем мимо зоологического парка, – и впереди открывается низменность, равнина зреющих ячменей и пшеницы...» [3, т.3, 527]. И хотя тради-

ционно блоки пейзажных описаний используются в роли ретардации, в «Тени птицы» они являются едва ли не основными объектами изображения, иногда провоцируя религиозно-философские размышления героя-повествователя.

В произведениях 1910-х годов, которые многие исследователи выделяют в качестве особого этапа творчества Бунина и о которых мы уже упоминали выше, появляются некоторые новые тенденции. Например, несомненное усиление эпического начала (среди бунинских текстов этого периода почти нет «лирических миниатюр» или «психологических эскизов»); обращение к социально-бытовой проблематике в произведениях о русском крестьянстве; а также художественное осмысление онтологических вопросов бытия в русле восточной философии и буддизма. Эти тенденции определяют характер и функциональные особенности пейзажа в сюжетно-композиционной структуре рассказов этого периода.

В художественной манере писателя проявляется новая черта: усиление сюжетной «детерминированности» пейзажа. Так, в функции сюжетной мотивировки и/или предвестия дальнейших событий используются пейзажные описания в каждом втором произведении этого периода. Особенно часто пейзаж играет значительную роль в завязке и развитии действия в рассказах о русской деревне: в «Ночном разговоре» на беседу о совершенных ими убийствах героев толкает таинственная, «странная» ночь и «глухой неприязненный шум» северо-восточного ветра [3, т.3, 226]; мрачный лесной пейзаж мотивирует странное помешательство героя рассказа «Ермил»; гроза, сверкающие молнии и бегущий «по горячечно-шумящим хлебам» [3, т.3, 337] ветер вызывает странное, мистическое видение Ильи Пророка героем «Жертвы»; зимняя ночь и мертвый блеск месяца «на сумрачном горизонте» [3, т.3, 295] до предела обостряют болезненное состояние героя рассказа «Игнат» и толкают его на убийство.

Словесный пейзаж в малой прозе Бунина является одним из важнейших компонентов текста, обеспечивает целостное восприятие художественной действительности и участвует в организации композиции произведения. При этом функции его в сюжетно-композиционной системе различны и зависят от жанра, структуры и идейно-тематической направленности произведения. Очевидно, что в ранней прозе писателя пейзаж становится не столько средством развития действия, сколько самостоятельным компонентом художественной действительности, иногда выполняя роль ретардации; эти же черты усиливаются в пейзажных описаниях цикла «Тень птицы». В то же время, в рассказах 1910-х годов, в связи с усилением эпического начала в повествовании, пейзаж чаще выполняет роль сюжетной мотивировки и акцентуации кульминации.

Библиографический список

1. *Балановский Р.М.* Художественное мирозерцание И.А. Бунина конца 1880-х – начала 1900-х годов: Автореферат дис. ... канд. филолог. наук. М., 2011.
2. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. В кн.: М.М. Бахтин. Литературно-критические статьи. М., 1986.
3. *Бунин И.А.* Собрание соч.: в 6 т. М.: Худ. л-ра, 1987-1988. В статье произведения Бунина цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.
4. *Гринфельд-Зингурс Т.Я.* Природа в художественном мире М.М. Пришвина. Саратов, 1989.
5. *Давыдова Т.Т., Пронин В.А.* Теория литературы: Учеб. пособие. М., 2003.
6. *Зверева Л.И.* О жанровых особенностях миниатюр И.А. Бунина. *Philologos* 2007. т.1-2. №3.
7. *Иванова Н.Д.* Содержание и принципы филологического изучения пейзажа. *Филологические науки* 1991. №5-6.
8. *Карпов И.П.* Автор как субъект описаний природно-предметного мира в рассказах И.А. Бунина 1887-1909 годов. В кн.: Бунин и русская литература XX века: По материалам Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения И.А. Бунина. М., 1995.
9. *Карпов И.П.* Объективация цветового видения (И.А. Бунин «Тень птицы») [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа http://www.russofile.ru/articles/article_140.php. Загл. с экрана.
10. *Квятковский А.П.* Школьный поэтический словарь. 2-е изд. М.: Дрофа, 2000.
11. *Кучеровский Н.М.* Бунин и его проза (1887-1917). Тула, 1980.
12. *Набоков В.В.* Лекции по русской литературе. М., 1996.
13. *Смирнова Л.И.* Иван Алексеевич Бунин: жизнь и творчество. М.: Просвещение, 1991.
14. *Сливицкая О.В.* «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М., 2004.
15. *Сливицкая О.В.* Сюжетное и описательное в новеллистике И.А. Бунина. *Русская литература* 1999. №1.
16. *Чернец Л.В.* (ред.) Введение в литературоведение: Учеб. пособие. М., 2004.

References

1. *Balanovskiy R.M.* Artistic world view of I.A. Bunin 1890-1900s // Candidate dissertation in Philology: author's abstract. Moscow, 2011.
 2. *Bachtin M.M.* Forms of time and chronotope in a novel // Literary critiques articles. Moscow, 1986.
 3. *Bunin I.A.* Collected edition in 6 volumes. Moscow, 1987-1988.
 4. *Grinfeld-Zingurs T.* Nature in M. Prishvin's literary world. – Saratov, 1989.
 5. *Davydova T.T., Pronin V.A.* Literary theory: Study guide. Moscow, 2003.
 6. *Zvereva L.I.* About specific features of genre in I.A. Bunin's miniatures. *Philologos* 2007. Vol. 1-2. №3.
 7. *Ivanova N.D.* Content and approaches to philological study of landscape. *Philological science* 1991. №5-6.
 8. *Karpov I.P.* Author as a subject of natural-objective description of the world in I.A. Bunin's short stories // Bunin and Russian literature: The materials of academic conference. Moscow, 1995.
 9. *Karpov I.P.* Objectivation of the colour view (I.A. Bunin "Bird's shadow"). Website: http://www.russofile.ru/articles/article_140.php.
 10. *Kvyatkovskiy A.P.* School poetical dictionary. Second edition. Moscow, 2000.
 11. *Kuchеровский N.M.* Bunin and his prose (1887-1917). Tula, 1980.
 12. *Nabokov V.V.* Lectures on Russian Literature. Moscow, 1996.
 13. *Smirnova L.I.* I.A. Bunin: life and literary works. Moscow, 1991.
 14. *Slivitskaya O.V.* "Excessive feeling of life": World of Ivan Bunin. Moscow, 2004.
 15. *Slivitskaya O.V.* Narrative and depictive in I.A. Bunin's novels. *Russian literature* 1999. №1.
 16. *Chernets L.V.* Introduction to Literary Studies: Study guide. Moscow, 2004.
-

УДК 82.091-4 ТУРГЕНЕВ И.С.+82.091-4 МОПАССАН Г.

UDC 82.091-4 ТУРГЕНЕВ И.С.+82.091-4 МОПАССАН Г.

И.Л. ЗОЛОТАРЕВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры
романской филологии Орловского государственного
университета
E-mail: igozolo@yandex.ru

I. L. ZOLOTARYOV

candidate of philological sciences, associate professor,
Department of Romance Languages, Orel State University
E-mail: igozolo@yandex.ru

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ФАНТАСТИКА ТУРГЕНЕВА И МОПАССАНА

TURGENEV AND MAUPASSANT'S EXPERIMENTAL FANTASTIC TALES

Статья посвящена фантастическому направлению в реализме, а именно реалистической фантастике в русской и французской литературе XIX века. Писатели исследуют необъяснимые явления в природе и человеке, стремясь изобразить сверхъестественное фантастическими средствами с реалистических художественных позиций.

Ключевые слова: экспериментальная фантастика, таинственный, странный, страх, необъяснимый.

The article is devoted to the fantastic trend in realism, namely, realistic fantasy in the Russian and French literature of the 19th century. The writers investigate inexplicable phenomena in nature and in a man trying to depict fantastic images in the context of realistic art.

Keywords: experimental fantastic, strange, mystery, peril, inexplicable.

«Студийный», экспериментальный характер фантастики отличает произведения многих писателей во второй трети XIX века. Исследуется внутренний мир человека, сложное, «таинственное» в его душе как результат воздействия иррациональных сил, изображение которого возможно с помощью фантастики. Отечественные и зарубежные ученые Г.Б. Курляндская, О.Н. Осмоловский, М. Кадо, Ф. Шамбон и др. считают, что фантастика писателей-реалистов XIX века, исследуя человека, широко пользуется достижениями естественных наук, психологии. И.С. Тургенев выделяет мысль о том, что фантастика изображает «смутные» явления, сложные, «болезненные» состояния человека.

Современные отечественные исследователи рассматривают вопрос о «студийной» фантастике следующим образом. Л.В. Пумпянский в фантастике некоторых писателей-реалистов видит способ «воскресения» потустороннего мира, страх перед агрессивностью Неведомого (Тургенев). Г.А. Бялый в фантастике Тургенева находит увлечение спиритизмом, которому писатели отдают дань в связи с распространением позитивистского воззрения на природу и человека» [2,208]. Г.Б. Курляндская в фантастике писателей-реалистов XIX века усматривает усиленное средство изображения объективно существующих потусторонних сил. Такой же точки зрения придерживается П.Г. Пустовойт, считая, что в фантастических произведениях создается «таинственная» атмосфера, способствующая исследованию Неведомого. Р.Н. Поддубная, характеризуя углубленный познавательный характер фантастики позднего творчества Тургенева, вводит термин «студийность»,

имея в виду изображение «смутного, психологически сложного, даже болезненного состояния», <...> типологически близкого к «поэтической правде» Достоевского» [10,18]. О.Н. Осмоловский, разделяя точку зрения Поддубной, полагает, что фантастическое способствует проникновению во вселенские тайны, а это характерно для реализма, его интереса к сверхъестественному.

Современные французские исследователи рассматривают экспериментальность фантастики реалистов в познании внутреннего мира, психики человека, улавливая сочетание невероятных явлений с фактами, допустимыми в действительности. Ф. Шамбон выделяет влияние фантастического на глубины человеческого сознания. Ж. Малиньон условность фантастики и ее экспериментальность связывает с многозначной интерпретацией явлений и феноменов реального мира. М. Кадо выводит наличие изображения потустороннего в фантастике реалистов из влияния взглядов Шарко, способствующих нацеленности на подсознание. Т. Освальд сближает точки соприкосновения европейской и американской фантастики в показе агрессивного мира, неведомых сил. Художественное изображение психики человека, мотивации поступков героев, конкретики быта способствует познанию второго, «обманного» плана (Кирнозе) в «двуплановых», фантастических произведениях. Неведомое, таинственное не может быть изображено никаким другим способом, кроме фантастики.

И отечественные, и французские ученые опираются на фундаментальные достижения антропологии и психологии, на результаты в исследовании гипноза, наследственности, маниакального состоя-

ния, невроза как явлений в подсознании человека. Все это помогало глубже проникать во внутренний мир индивидуума. Центром внимания писателей в 80-е – 90-е годы становятся сферы сознания, бессознательного, психики в «смутном, болезненном» состоянии человека. Тургенев, а вслед за ним Мопассан осознают необходимость обращения к самым сложным психологическим процессам, происходящим в недрах души, используя фантастику, что делает ее «документом человеческой физиономии» (Тургенев). По словам писателя, проявления психических отклонений в мироощущении и переживаниях личности совпадают с эмоциональными конфликтами. Состояние человека, его внутренние переживания могут вызвать чувство одиночества, гнев по отношению к агрессивному миру. Цель «студийной» фантастики Тургенева – разрешить внутренние конфликты. Функция «студийной» фантастики – показать реакцию героев на воздействие агрессивного мира.

Обратимся к повести Тургенева «Фауст». Главная героиня Вера – натура беспокойная, мятущаяся, страстная. Придавая большое значение наследственности, Тургенев показывает историю рода Веры Николаевны, полную страстей, с трагическим концом. Дед Веры похитил свою будущую жену – крестьянку, бывший жених которой убивает ее в тот день, когда она родила дочь (мать Веры). Госпожа Ельцова, мать Веры, была также увезена из родительского дома, решившись на брак по любви против воли своего глубокоочтимого отца. Она драматически переживает разрыв с ним, а затем и безвременную, случайную смерть мужа. После этих трагедий госпожа Ельцова осмысляет случившееся, осознает роль страстей в жизни человека. Она становится сдержанной, мораль отречения является для нее законом поведения. Молодая вдова, напуганная происшедшими событиями, подчинилась требованиям рациональной системы, как и ее отец -- господин Ладанов, который после гибели жены-итальянки ушел от тягот бытия в полное одиночество.

Вера унаследовала страстность от своей бабушки-итальянки, как и склонность деда Ладанова к аскетическому самоотречению, а также его чуткость к таинственному, неведомому. Она верит в привидения, как ее дед верил в контакт с духами. Внутренняя психологическая сложность героини является условием последующего главного события в ее жизни, связанного с чтением поэмы Гете «Фауст», которая глубоко запала ей в душу. В тихую жизнь героини врываются страсти, пробуждая в ней женщину. Но, воспитанная в духе аскетической морали, Вера не может до конца принять мысль Гете о праве на счастье. Вспыхнувшая в ней страсть трактуется Тургеневым как пробуждение «тайных жизненных сил», как результат воздействия Неведомого, изображаемого с помощью фантастики. В сердце Веры зреет что-то недоброе, способное нарушить ее нравственные устои. Эволюция страсти женщины фиксируется автором в письмах Веры к другу – Павлу

Александровичу. Писатель считает, что глубокие чувства таинственны, не познаваемы до конца. Почувствовав «мятежное», возникшее в ней под воздействием поэмы, Вера тут же вспомнила о запрете матери, наложенном для нее на художественные произведения. И героиню охватывает страх перед неведомыми, потусторонними силами.

«— Оглянитесь, — сказала она мне дрожащим голосом, — вы ничего не видите?»

Я быстро обернулся.

— Ничего. А вы разве что-нибудь видите?

— Теперь не вижу, а видела.

— Кого? Что?

— Мою мать, — медленно проговорила она и затрепетала». [12,176].

Любовь является Вере не как гармоничное чувство, а как мрачная, непонятная стихия, которую героиня воспринимает в себе как страшную, разрушительную силу, вызывающую галлюцинации. Здесь в Вере проявляется наследственная связь с дедом, верившим в Неведомое. Беспомощная перед такими силами героиня верит в общение с духами и принимает галлюцинации за явление умершей матери. Это потрясение явилось причиной необъяснимой болезни Веры, приведшей к смерти героини, а Павла Александровича, к которому она испытывала страсть, к отречению от всего чувственного, личного, человеческого. Его жизнь повторяет жизнь деда Веры после смерти жены-итальянки. Тургенев с помощью экспериментальной фантастики показывает беспомощность героев перед разрушительными, потусторонними силами, которые вторгаются в их жизнь, приводят к гибели. Эти силы существуют объективно. У писателей-реалистов бессознательные, «смутные» состояния психики человека изображаются с помощью галлюцинаций, предчувствий, предзнаменований, «странных» совпадений, сновидений.

Онирическое сознание оказывается результатом наблюдения спящего за своей психикой. Проблема зависимости сновидений от внешних, реальных условий, несовпадение содержания снов с сознанием, разнообразный характер картин толковались учеными в разное время по-разному. Долго в науке господствовала точка зрения на сновидение как на освобождение духа от гнетущей окружающей среды, конкретно-чувственного мира. Другие мыслители рассматривают сновидения как ночные проявления психических, душевных сил, которые не могут реализоваться в течение дня. Многие исследователи приписывают сновидению способность к усиленной деятельности памяти (Фрейд). Писатели подмечают, что мышление и чувства функционируют во время сна; используя сновидения героев, писатели стремятся проникнуть в глубины человеческой психики. В исследовании психологии человека литература идет впереди, с помощью интуиции черпая новые знания, еще не открытые наукой. Сновидения – один из способов изучения душевного состояния человека.

Существует два пути исследования сновидений

для понимания внутреннего мира персонажа. Это углубление в сновидение, созданное писателем, или отбор всех примеров использования снов, которые обнаружены писателем. Сны – это также неудовлетворенные желания, движущая сила развития личности с ее мечтами. Каждая мечта – это осуществление через фантастику желаний, исправление действительности, которая не соответствует мечтам. Ночные сны – это тоже мечты, которые человек хочет сделать реальными путем их толкования, интерпретации. Фантастика делает видимым духовный мир героя. Художник как бы находится в душе героя и в то же время извне его, наблюдая со стороны. Сны открывают неосознаваемые комплексы, приносящие страдания, создающие угрозу личностному благополучию, мешая адекватно воспринимать себя, свои эмоции, свои идеалы. «Студийная» фантастика помогает человеку осознать свои переживания, прояснить скрытые тревоги и страхи.

В рассказе «История лейтенанта Ергунова» (1868) писатель отстаивает свои позиции в области психологических «штудий», выступая против оппонентов, признающих за этим рассказом только «безделку» (Тургенев). Писатель не может согласиться, что история лишена всякого смысла. Тургенев стремится психологически достоверно передать состояние человека на грани сна и яви. Проблема в «Истории лейтенанта Ергунова» психологическая (Муратов), и решается она с помощью фантастики.

В 70-х годах XIX века Тургенев обращается к разработке сложнейших глубин человеческой психики, к вопросам, связанным со «странными» проблемами, не объясненными ни наукой того времени, ни здравым смыслом. В рассказе «История лейтенанта Ергунова», кроме исторически верного воспроизведения быта провинциального русского офицерства и эпохи, в которую жили герои, Тургенева заботят и другие, духовные проблемы, а именно, «странное», Неведомое. Бытовой план в рассказе помогает понять саму жизнь человека, определить его кругозор, выявить представления, манеру вести себя как личности, которой суждено пережить необычную историю, оставшуюся в нем до конца жизни самым ярким воспоминанием.

Социальный портрет персонажа обрисован вполне реально. Ергунов – дворянин, из обедневших, его крестным отцом был квартальный надзиратель, из немцев. Герой служит лейтенантом на флоте. Своим происхождением и званием он очень дорожит. Человек он недалекий, робкий и замкнутый, к тому же простодушный, начальство верит ему как благоразумному офицеру. Будучи натурой несложной, он непосредственно реагирует на явления, происходящие в жизни. Задача автора состоит в том, чтобы сделать убедительными фантастические образы, которые предстают перед героем в сцене «сна». И Тургенев достигает этого, наделяя героя «воображением», онирическим сознанием, вполне соответствующим его характеру. Толчком для человека с

несложной фантазией послужили новые, необычные впечатления. Писатель заставляет героя пережить авантюрную, «страстную» историю, которая мотивирована склонностью Ергунова к прекрасному полу.

Встретив плачущую девушку, лейтенант хочет помочь ей. Так он сближается с Эмилией. После нескольких свиданий, считая кавалера скупым на подарки, девушка пытается достать у него из кожаного пояса деньги. На следующее свидание он приходит в дом мадам Фритче по письму Эмилии, но встречает его загадочная девушка, провожает в комнату, убранную в восточном стиле. Там его усыпляют. Свидание Ергунова с девушкой Колибри перерастает в описание «сна». И тут все, что связано с авантурным сюжетом, подчинено описанию сновидения. С помощью фантастики Тургенев изображает неведомые силы, вызванные чудодейственным напитком. Во сне герой видит то, что он чувствовал во время своих свиданий с этой «пташкой» Колибри.

Рассказ приобретает таинственный характер только в конце, когда усыпляют героя (Муратов). Оказывается, Ергунов был едва не убит с целью ограбления, у него украли большую сумму казенных денег. Очнулся он в больнице недель через пять. Преступники скрылись, розыски ничего не дали. Тургенев оставляет в развязке ряд недомолвок, неясностей, намекая на разгадку авантурного сюжета, однако разгадка Тургеневу не важна. Писателю важнее восстановить в памяти героя события после того, как Ергунов начинает терять сознание. Бандит Луиджи пытается убить Ергунова, забирает деньги и бросает тело в овраг. Это все реальные события, первый план в «двуплановом», фантастическом рассказе Тургенева.

Реальные события в сознании героя преобразуются, акцентируются приятные свидания с Колибри, вытесняя все трагическое, что произошло с ним. К тому же он видит Колибри гипнотизером. Усыпленные ею не чувствуют боли от нанесенных ударов. Зрительные образы сновидений преобразуются в сознание, а сознание – в реальность. Недостающие образы в цепочке сновидений герой восполняет фактами из своего жизненного опыта. Взаимодействие реальности с Неведомым через сон, где в жизнь героя вмешиваются потусторонние силы, придают всему произведению таинственность, фантастический колорит. Сны обнаруживают загадочные стороны «всеобщей» (Тургенев) жизни, частью которой является бытие. Сон кажется Тургеневу проявлением «странных» сторон жизни. Писатель ищет объяснение образам сна, подсознательным процессам, преобразующим сновидения в реальность, обнаруживая тайные побуждения человека.

С помощью фантастических образов писатель постигает в человеке то, что до того невозможно было познать обычным, реалистическим методом. Уделяя большое внимание психологии в фантастических произведениях, писатели-реалисты обращаются к самым сложным явлениям в глубинах человеческой

психики. «Студийность» придает усиление, акцентирует «двойной» характер изображения. С одной стороны, писатели-реалисты обращаются к чему-то «смутному», с другой стороны, «студийность» находится в пределах реализма, изображая реальных героев в объективной действительности. Называя свои произведения «фантастическими», писатели подчеркивают приоритет необъяснимого, сверхъестественного, чтобы указать на своеобразие содержания этих произведений сравнительно с другими. Исследователи подчеркивают, что авторы таких произведений как бы в своей «студии» ставят «эксперимент», исследуя внутренний мир героев.

Писатели ищут все новые и новые формы в «студийной» фантастике. Р.Н. Поддубная придерживается такой точки зрения: «Студийность» означает художественное исследование имеющих место в действительности (в психике, сознании, поведении, миропонимании, судьбе), но пока что необъяснимых, странных и загадочных «фактов», способом постижения которых может быть фантастическое» [11,19]. Исследование различных психических состояний, обусловленных «студийным» характером фантастических образов, показывает, как такой подход к изучению и изображению фантастического делает литературу сложной, инновационной.

Ги де Мопассан считал себя другом и учеником И.С. Тургенева, которого он называл своим «мэтром», особенно в области фантастического. Мопассан так же, как и Тургенев, глубоко внедрялся в психику человека, исследуя его болезненное, «смутное» сознание, пытаясь проникнуть в «тайны» души. Французский писатель очень рано почувствовал тягу к мистике неизвестного, к миру тревожных, угрожающих вещей, страху перед неведомым, непознанным. В статье о фантастическом он так писал о своем учителе И.С. Тургеневе: «В его творчестве сверхъестественное всегда остается смутным, расплывчатым. Он, скорее, рассказывает то, что испытал сам, беспокойство своей души, тревогу перед тем, чего он не понимает, свое мучительное ощущение необъяснимого страха, которое сравнимо с неизвестным дуновением другого мира» [3, 366].

Пик создания Мопассаном фантастических произведений, имеющих «студийную» атмосферу, падает на 80-90 годы XIX века. Писатель интересовался открытиями своего времени в области психологии, медицины, посещал лекции известного ученого-врача Шарко. Мопассан хорошо знал предмет: состояние человека в разных ситуациях, которые он описывал в своих фантастических произведениях. Главной темой его новелл становятся переживания, страх перед сверхъестественным, перед «темными», непонятными силами. Обычно первоначально в смутном сознании героев Мопассана страх едва угадывается, затем усиливается, нарастает, переходит в ужас, панику. По словам Мопассана, страх, настоящий страх – это что-то отвратительное, ужасное, необъяснимое. Природа фантастического характеризуется писателем

как результат пережитого эксперимента. Во времена Мопассана уже не верили в дьяволов и вампиров.

Сверхъестественному нужна вера, которой в обществе уже нет, позитивистская философия пессимистично рассматривает человека. Описание патологических ситуаций, галлюцинаций, тревоги, страха помогают Мопассану создать новые формы чудесного, нового, экспериментального типа фантастического в реализме. Герои Мопассана – это люди с лабильной, неустойчивой психикой, они подвержены чувству неуверенности, беспокойства, страха. Мопассан, как и Тургенев в позднем творчестве, пишет о «странном», о случайных обстоятельствах, которыми управляет скрытая, «тайная» воля.

Темами своих фантастических рассказов Мопассан выбирает дискомфорт, тревогу, личную опасность («Кто знает?», «Страх», «Ночь», «На реке»). Все происходит на фоне реального, сначала появляются предчувствия, люди становятся беспокойными, тревожными, с ними случается что-то невероятное, необъяснимое. В рассказе «На реке» (1881) старый лодочник повествует о своем странном приключении, случившемся еще в молодости. Это был любитель гребного спорта, сильный, умелый, всегда на воде, всегда в воде. Он обожал реку, «для него это нечто таинственное, глубокое, неведомое, страна марева и наваждений» [4,217].

Однажды вечером он возвращался от приятеля уставшим, с трудом справлялся с веслами. У камышей он лег на дно лодки, которая плыла по течению. Река была совершенно спокойна. Прочитируем автора: «Меня поразило самое волшебное, самое удивительное зрелище, какое только можно увидеть. То была одна из тех фантазмагорий сказочного царства, одно из тех видений, о которых рассказывают путешественники, вернувшиеся из далеких стран, и чьим словам мы внимаем, не слишком доверяя им» [5,221]. Герой стал напевать и смотреть на небо. Но вскоре его встревожило, что якорь натянулся, лодка остановилась. «Он почувствовал слабое покачивание лодки, затем она стала проделывать гигантские повороты, затем стало казаться, будто какое-то существо или какая-то неведомая сила тянет ее потихоньку ко дну, приподымает и снова влечет книзу» [6,219].

Лодочник стал вытаскивать якорь, тот не шевелился, оторвать цепь было невозможно. Рассказчику стало не по себе, было страшно и жутко, он заблудился в тумане и мог утонуть, он боролся со страхом, но «этот глупый, необъяснимый страх, возрастая, переходил в ужас» [7,220]. В этом рассказе даются все характеристики, все атрибуты фантастического, мастерски выстроенные Мопассаном. Это фантастическая атмосфера: вода, ночь, туман, это и «таинственное» происшествие: лодку останавливает неведомая сила, это и страх, переходящий в ужас. Все держит читателя в напряжении, заставляя его переживать вместе с героем, верить рассказчику, верить в невероятное. После нескольких часов, говорит лодочник, «странное дело, мой страх прошел; меня

окружал столь необычайный пейзаж, что я не удивился бы при виде самых сверхъестественных явлений» [8,221]. Стало светать, туман рассеялся, и лодочки, проплывавшие по реке, помогли герою поднять якорь; якорь поднимался с трудом, на нем был труп старухи с большим камнем на шее. В этом фантастическом рассказе концовка реалистическая, невероятное происшествие находит реальное объяснение, но для рассказчика это происшествие и двадцать лет спустя остается таинственным, запомнившимся на всю жизнь. Читатель тоже проникается отношением рассказчика к происшедшему. Это говорит о большом мастерстве Мопассана в жанре фантастического рассказа. Можно сказать словами французского исследователя Жерара Делезмена о том, что рассказы Мопассана – это страницы, вырванные у повседневности, из которой удаляется реальное в пользу воображаемого, где мир теряет равновесие, отдается неведомым силам, осуществляющим свои замыслы.

Мопассан – мастер изображения фантастического, однако сам он как автор не попадает в ловушки жанра. Писатель хорошо владеет материалом, используя достижения науки в области психологии, физиологии человека. Посещая лекции Шарко, будучи знакомым с учением о магнетизме, Мопассан обладает достаточными знаниями, чтобы сохранить дистанцию между собой и героями, реальным и фантастическим, где царствует сверхъестественное, необъяснимое. Специальные, эффектные приемы, невероятные события, явления усиливают впечатление. У героев часто уходит почва из-под ног, но разум цепляется за реальное, понимая, что путь в Неведомое – это путь дискомфорта, тревоги и личной безопасности.

Новелла «Кто знает?» (1890) выстроена как раз по такой модели. Чтобы усилить правдоподобность сюжета, повествование исповеди героя ведется от первого лица. Читатель входит в прямой контакт со всеми «странными» и тревожными событиями, происходящими с рассказчиком. Вопросительная форма в заглавии новеллы отсылает нас к глубокой экзистенциальной постановке проблемы. Сюжет новеллы совершенно фантастический, но исповедь рассказчика кажется совершенно правдоподобной. Обеспеченный молодой человек рассказывает свою историю. У него большой красивый дом с садом, в конце которого есть дом для слуг, чтобы они не беспокоили хозяина. Молодой человек живет один, он интроверт и предпочитает одиночество, тогда как другие, экстраверты, не могут жить без постоянного общения. Наш герой не лишен общения, у него есть друзья, он ведет светский образ жизни, это благожелательный, мечтательный человек философского склада ума. Он не может долго оставаться с людьми, они его утомляют, их долгие разговоры раздражают его. Он спрашивает себя, почему он такой и отвечает: «Кто знает? Может быть, просто я быстро устаю от всего, что происходит не во мне» [9,335].

Однажды вечером он возвращался домой из теа-

тра после полуночи, будучи в хорошем настроении. В голове еще звучали музыкальные мелодии. Увидев темные деревья своего сада, герой испытал непонятный дискомфорт. Он остановился, затем открыл калитку и пошел по длинной аллее к дому. Подходя ближе, он почувствовал тревогу. Было тихо, он никогда ничего не боялся, хотя часто возвращался ночью. На этот раз его охватило какое-то странное предчувствие. Прежде чем войти в дом, он сел на скамейку, прислушался к неясному шуму. Шум доносился из дома, он открыл дверь, на лестнице его встретил такой грохот, что он отступил. На лестнице он увидел свое большое кресло, за ним – другое, затем шкаф и всю мебель. Увидев свой письменный стол, он бросился останавливать его, но безуспешно. Мебель двигалась к выходу, покидая дом. От ужаса он бросился прочь в отель, где его знали. Сказав, что потерял ключи, он остался там, попросив передать слуге, где он находится. Утром слуга прибежал с сообщением, что дом пуст, все украдено. Теперь наш герой мог обратиться в полицию, а раньше ему бы никто не поверил, сочтя его сумасшедшим.

Полиция завела дело, он уехал путешествовать. Пять месяцев спустя герой вернулся, никого не нашли, он поселился в отеле. Спустя месяц он отправился в Руан. Через несколько дней он зашел в антикварный магазин, где неожиданно нашел свою мебель. Не подав вида, он купил два своих стула и попросил доставить их в отель, сам же пошел в полицию. Комиссар обещал во всем разобраться, но на следующий день продавец и вся мебель из магазина исчезли. Несколько дней спустя садовник прислал хозяину письмо, что ночью, никто не понимает каким образом, вся мебель оказалась снова дома, на своих местах. Этот человек не захотел возвращаться в свой дом, антиквара не нашли. И в человеке поселился страх, он боялся, что такое может повториться, человек не чувствовал себя в безопасности. Он сам обратился в клинику, чтобы ему помогли. Но и там он не был в безопасности. Он боялся, что этот антиквар, дьявольский носитель потусторонних сил, будет его домогаться.

Прочитав новеллу, возвращаясь к вопросительному знаку в ее названии. Новелла ставит перед читателем много вопросов. Можно было бы считать это происшествие выдумкой рассказчика, если бы он не представил столько свидетелей. Происшествие является совершенно фантастическим, как и фигура антиквара, напоминающая такой же персонаж в «Шагренево́й коже» у Бальзака. Мопассан не дает ответа, у него нет объяснений, он оставляет читателя разбираться, придумывать ответы на свои вопросы, возникшие после прочтения этой новеллы. Писатель так правдоподобно описывает все фантастическое в этой новелле, что разумом трудно постичь происшедшее. Реалистическим выводом в новелле можно было бы считать или то, что антиквар – очень ловкий вор, или то, что герой не случайно оказывается в клинике. Исследователь Мопассана Мариана Бэри замечает,

что «самая большая опасность для человека – это он сам» [1, 349]. Однако писатель изобразил в новелле явление невероятное, и читатель в это верит.

В новелле «Страх» Мопассан рассказывает несколько историй, одну из которых, по его словам, он услышал у Флобера. Ее рассказал И.С. Тургенев. Ссылка на Тургенева придает рассказу большую достоверность. Мопассан замечает, что Тургенев был великолепным рассказчиком. Сидя в большом кресле, склонив свою великолепную белую голову, широко раскрыв глаза, в которых отражались все его эмоции, мысли, он говорил медленно, тихо, подбирая слова самые яркие, самые точные. Он умел увлечь, заинтриговать слушателей, дамы внимали его историям, затаив дыхание. В его устах даже обычная деталь становилась волнующей, а рассказ – таинственным, он очаровывал слушателей. И вот одна из его историй.

Будучи молодым и сильным, однажды он охотился в России. Весь день пробродил в лесу, к вечеру вышел на берег тихой речки. Вода в ней была глубокая, холодная, чистая. Охотник был прекрасным пловцом, ему захотелось искупаться. Он разделся и бросился в воду, поплыл со спокойной душой в освежающей, прохладной воде. Вдруг чья-то рука легла ему на плечо. Он обернулся и увидел чудовище, наподобие женщины с огромным безобразным лицом, с волосами, покрывавшими все тело и плывшими за ее спиной. Охотник почувствовал такой ужасный страх, который можно испытать только при виде сверхъестественного. Не думая, ничего не понимая, он изо всех сил поплыл к берегу, но чудовище не отставало, трогало его за шею, за ноги, за спину с омерзительным радостным смехом. Обезумев от страха, охотник не помнил, как очутился на берегу, чудовище с криками преследовало его. Охотник, парализованный страхом, бежал из последних сил, когда мальчик, пасший в лесу коз, пришел ему на помощь. Он отогнал кнутом чудовище и объяснил охотнику, что это сумасшедшая, которая живет уже тридцать лет в лесу, пастухи ее подкармливают. И она целыми днями плавает тут в реке.

Рассказчик добавил, что никогда в жизни не испытывал такого страха, он так и не понял, что это было за существо. Присутствующие согласились, что боишься того, чего не понимаешь, а еще больше боишься, когда к страху примешивается суеверие, доставшееся человеку из прошлых времен.

Невидимое, необъяснимое, способно вторгаться в повседневность. Из этого и получается эффект фантастического, из колебаний между естественным и сверхъестественным, между реальным объяснением изображаемых событий и отсутствием объяснения. Новеллы Мопассана примечательны постоянным присутствием ищущей мысли героя, который сопоставляет свой внутренний мир с миром других людей.

Экспериментальная фантастика Тургенева и Мопассана была шагом вперед в реализме, обогащая его новыми приемами, новыми возможностями

исследовать внутренний мир человека, проникать в тайны его души.

Речь не идет о выборе между двумя объяснениями: рациональным и иррациональным, а о восприятии недоступного. «Фантастическое означает проникновение в пространство, из которого человеческое сознание не находит выхода».[1,18].

Обратимся к одной из характерных, с точки зрения фантастического, новелл Ги де Мопассана «Орля»(1887). Новелла явилась для писателя своеобразным литературно-психологическим опытом, который позволил ему ярко продемонстрировать экспериментальную фантастику, изображая онирическое сознание, мотивированное переживаниями героя, присутствием активно ищущей мысли персонажа. Уже по своему названию новелла «Орля» является фантастической. В новом французско-русском словаре В.Г. Гака, К.А. Ганшиной (2000) *hors là* переводится как «вне чего-то, извне». В «Словаре французских писателей» Ж. Малиньон объясняет название новеллы как своего рода описание небытия. В. Лану отмечает в слове «Орля» чередование гласных, подобное чередованию в имени Золя. Есть даже ссылки на русское имя Орлов. Само сочетание в слове «*Le Horla*» определенного артикля со словом, выражающим неизвестное понятие, создает некий конфликт, ощущение дискомфорта.

Повествование в новелле ведется от первого лица – прием, примененный для усиления достоверности рассказа. Это дневник, где описывается каждый день, прожитый героем. Более чем полтора месяца герой находится в состоянии дискомфорта, страха, потери самоконтроля. Речь идет о невидимом существе Орля, который овладевает персонажем, подчиняя его своей воле. Все начинается однажды ночью, когда рассказчик обнаруживает, что кто-то выпил воду из графина. На следующую ночь он специально наливает молоко в графин, оно тоже исчезает. Герой обеспокоен. Далее опять происходят необъяснимые вещи. Прогуливаясь по саду, герой остановился перед кустом из трех цветущих роз, вдруг одна роза склонилась и проделала круг, застыв в воздухе. Герой рванулся к цветку, чтобы схватить его, но роза исчезла. Он взглянул на куст и увидел сломанный стебелек. Потрясенный, он больше не сомневался, что рядом с ним существует некто невидимый, он материален, но неуловим.

Герой пытается рассуждать, анализировать свои действия, он вспоминает легенды, читает о всяких случаях в научном обозрении, читает о гипнозе, магнетизме, внушении, затем засыпает. Просыпается он, почувствовав чье-то присутствие, кто-то листал его книгу, этот некто явился и даже выкрикивал свое имя. Герой напрягает слух и различает... Орля. Герою страшно, Орля вселился в него, живет в нем, заменяет его. Мопассан, зная теории Месмера и Шарко, с помощью фантастики иллюстрирует в новелле достижения того времени в области психики человека. Стремление к исследованию не известных в то время

знаний говорит об их осознании писателем. Человек для него является продуктом гармонии, носителем качеств, унаследованных от поколений или приобретенных в процессе эволюции. Причем наследуются всякие качества, но лучшее из духовного бытия – это то, что помогает ему как человеку жить, выживать.

Фантастика Мопассана помогает проникать в подсознание, во внутренний мир индивидуума, чтобы человек мог открывать для себя вселенские «тайны», активно использовать их во благо себе.

Атмосфера в новелле «Орля» не дает герою расслабиться, захватывая все новые пространства внутри человека. Реально в произведении существуют лишь образы кухни и ее мужа. В основном герой рассказывает о самом себе. Ему хочется убить невидимого Орля, для этого он заказывает железные жалюзи, запирает двери на замки. Затем решает сжечь дом. Однако рассказчик понимает, что Орля – это не человек, его невозможно сжечь, уничтожить, он всегда будет жить. Избавиться от него можно, лишь покончив с собой.

Все эти события, происходящие в новелле, являются плодом «смутного», болезненного воображения героя, его ощущений, показываемых с помощью экспериментальной фантастики. Примеров фантастического в новелле немало. Через фантастическое писатель показывает в герое невероятные глубины страха, давление сверхъестественных сил. Власть человека над собой заканчивается, наступает время Орля, который делает человека своей вещью, слу-

гой. Его нельзя одолеть, так как он невидим, неосязаем, словно призрак, жидкий флюид, фантом. «Мы не видим и стотысячной доли того, что существует в природе. Возьмем, например, ветер [...] он убивает, свистит, стонет, мычит, – а вы его видели?»[9,330].

Подобные примеры придают произведению больше аргументированности, побуждая читателя к активности. В данном случае, побеждает непознанное, необъяснимое, и беспомощный человек заявляет: «Орля во мне, он полностью завладел моей душой». В конце концов, читатель сам должен решить: где реальное, где фантастическое, верить ему или не верить? Этот некто, Орля, присутствует и отсутствует одновременно со своей абсолютной властью над рассказчиком. Орля не подчиняется законам Вселенной, но он существует, находясь в герое, становится им самим, такая идентификация фантастична.

Фантастика Мопассана после Тургенева с его «штудиями», изображавшими «смутное», болезненно-чуткое состояние человека, придает творчеству писателя еще более новаторский характер. Мопассан предвосхищает фантастику XX века. Некогда носившая второстепенный характер, она становится заметным, необходимым явлением в историко-литературном процессе. Мопассан продолжает тургеньевские принципы в реалистической фантастике. Творчески развивая их, он утверждает фантастику в качестве усиленного средства изображения действительности как во французской, так и во всей европейской литературе.

Библиографический список

1. Bury M. *Le Horla et autres récits fantastiques*. P. : Librairie Générale Française, 2000.
2. Бялый Г.А. Тургенев и русский реализм. М.-Л.: Сов. писатель, 1962.
3. Maupassant Guy. *Le fantastique // Le Horla et autres récits fantastiques*. P. : Librairie Générale Française, 2000.
4. Мопассан Ги. Собр.соч.: В 7 т. Т.1. М.: Правда, 1977.
5. Мопассан Ги. Там же.
6. Мопассан Ги. Там же.
7. Мопассан Ги. Там же.
8. Мопассан Ги. Там же.
9. Maupassant Guy. *Le Horla et autres récits fantastiques*. P. : Librairie Générale Française, 2000.
10. Поддубная Р.Н. Идеино-художественные функции фантастики и развитие творческих принципов реализма в русской литературе XIX века // Автореф. диссерт. на соискание ученой степени доктора филолог.наук. –Киев, 1990.
11. Поддубная Р.Н. Там же.
12. Тургенев И.С. Собр.соч.: В 12 т. Т.6. М.: Худ. лит., 1978.

References

1. Bury M. *Le Horla et autres récits fantastiques*. – P. : Librairie Générale Française, 2000.
2. Byalii G.A. *Turgenev and Russian realism*. – M.-L.: Sovetskii Pisatel', 1962.
3. Maupassant Guy. *Le fantastique // Le Horla et autres récits fantastiques*. – P. : Librairie Générale Française, 2000.
4. Maupassant Guy. *Collection in 7 volumes*. – v.1. – M. : Pravda, 1977.
5. Maupassant Guy. *Ibid*.
6. Maupassant Guy. *Ibid*.
7. Maupassant Guy. *Ibid*.
8. Maupassant Guy. *Ibid*.
9. Maupassant Guy. *Le Horla et autres récits fantastiques*. – P. : Librairie Générale Française, 2000.
10. *Poddubnaya R.N. Ideological and artistic functions and the development of the realism in the Russian literature of XIX century // Doctoral Dissertation In philology: author's abstract*. – Kiev, 1990.
11. *Poddubnaya R.N. Ibid*.
12. *Turgenev I. S. Collection of works in 12 volumes*. – V.6. – M.: Fiction literature, 1978.

УДК 808.5+82.091 ЛЕРМОНТОВ М.Ю.

П.А. КОВАЛЕВ

доктор филологических наук, профессор кафедры
русской литературы XX-XXI веков и истории зару-
бежной литературы Орловского государственного
университета

E-mail: kavalller@mail.ru

М.А. КИРСАНОВ

студент отделения журналистики и связей с обще-
ственностью Орловского государственного универ-
ситета

E-mail: mark9109@mail.ru

UDC 808.5+82.091 LERMONTOV M.Y.

P.A. KOVALEV

doctor of philology, professor of Department "The Russian
Literature of the XX-XXI centuries and History of Foreign
Literature", Orel State University

E-mail: kavalller@mail.ru

M.A. KIRSANOV

student, Department of Journalism and Public Relations,
Orel State University

E-mail: mark9109@mail.ru

СУГГЕСТИВНОЕ И АРГУМЕНТАТИВНОЕ НАЧАЛО В ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА («И СКУЧНО И ГРУСТНО...»)

SUGGESTIVE AND ARGUMENTATIVE BEGINNING IN PHILOSOPHICAL LYRICS BY M.Y. LERMONTOV («AND BORING AND SAD ...»)

*Статья посвящена изучению риторической структуры стихотворения М.Ю. Лермонтова, считающе-
гося одним из лучших произведений русской элегической поэзии. Анализ стихотворения показывает, что его
воздействие на читателя в равной мере связано с суггестивным и аргументативным началом.*

Ключевые слова: Лермонтов, лирика, элегия, риторическая структура, суггестивность, метр, ритм,
рифма.

*The article is devoted to the rhetorical structure of the poem by M.Y. Lermontov, which is considered to be one of
the best works of the Russian elegiac poetry. The analysis of the poem shows that its impact on the reader is equally
connected with the suggestive and argumentative beginning.*

Keywords: Lermontov, lyrics, elegy, rhetorical structure, suggestive beginning, meter, rhythm, rhyme.

Суггестивность, как особое качество, очевидно, есть свойство всякой поэзии, направленной извне. Язык богов (или птиц), как в древности именовали дар художественного слова, был не только уделом избранных, но еще и мощным орудием воздействия. Примером тому может служить история хромого учителя красноречия Тиртея, пробудившего своими стихами в спартамцах мужество и почитаемого за это по всей Греции: «В историческое время не одни спартамцы, но и афиняне находили эти стихотворения пригодными для воспитания в юношах военной доблести и неустрашимости перед врагом». [9, с.241]

Об особенном назначении поэта писали все выдающиеся мыслители, начиная с Аристотеля, который одним из первых обратил внимание на то, что «...в поэзии предпочтительнее невозможное, но убедительное возможному, но неубедительному». [2, с.678]¹ В новые времена это утверждение стало основой для формулировки образной природы литературы. Структура художественного образа, по мнению большинства современных теоретиков, в отличие от научно-логической картины мира, присуща исклю-

чительно художественному мышлению, допускающему «множественные переходы между вещами, их частичное совмещение, такую связь, где нет ни тождества, ни противоположности, а есть взаимопревращаемость, сходство в различии» [18, с. 253] (не $A=B$, или $A \neq B$, как в формальной логике, а A как B , что позволяет атрибутировать художественные высказывания как квазисуждения).

Антитезой поэзии в античности служила риторика с ее четкой аргументацией, продуманной композицией, системой выразительных средств и... рифмой.² Рожденная софистами и закаленная в судебных спорах, риторика стала мощным орудием воздействия на слушателя в противоположность эстетическому наслаждению красотой, словно по наитию создаваемому автором поэтического произведения. Не случайно Цицерон подчеркивал, что «ораторами становятся, а поэтами рождаются» («Oratores fiunt, poetae nascuntur»).

В античности риторическое и аргументативное начала были слиты воедино, как политика и судебное красноречие.³ В поэзии же логические построения

1 См.: «Другими словами, художественный предмет, по Аристотелю, в одинаковой мере и жизненно-нейтрален и жизненно-полезен. Искусство – это совершенно специфическая сфера, где не говорится ни «да», ни «нет», и тем не менее оно всегда есть сфера возможных утверждений и отрицаний». [21, с. 416]

2 Речь идет о гомеотелевтонах, образующихся путем повтора грамматически однородных форм с одинаковыми суффиксами и флексиями и называемых предшественниками рифмы. См.: [28]

3 Многие замечательные ораторы прошли школу публичных

ния долгое время считались необязательными и даже вредными для выразительности стиха.

Позже отношение к «практической» риторике и «описательной» поэтике существенно изменилось: «Уже поэтика Возрождения не допускает существования не охваченной риторическими моделями литературы <...> В XVII век литература вступает, представляя собой осознанное поэтико-риторическое единство». [1, с.25] В эпоху классицизма слияние риторики и поэзии становится безусловным, «риторичность слова в данный период даже усиливается, т.е. оно подчеркнуто выступает как оформление и обозначение литературы». [1, с. 24]

В истории русской поэзии XIX века эта классицистическая традиция чаще всего связывается с именем М.Ю. Лермонтова, в лирике которого есть «яркие образцы риторического стиля, где господствует ораторская интонация и где движение речи определяется декламационными контрастами». [31, с. 102] При этом, по нашему мнению, ораторские приемы, соединяющие особую выразительность с аргументативностью [12], используются поэтом не только в таких полемических стихотворениях, как «Дума» и «На смерть поэта», но и в откровенно элегических стихах, представляющих собой поэтическую (и в известной степени – политическую) декларацию, как, например, стихотворение «И скучно и грустно...», которое Б.М. Эйхенбаум называл примером «декламационной медитации». [31, с. 18]

Обращает внимание своеобразная форма повествования в этом знаменитом тексте: отсутствие личных местоимений, обилие инфинитивов (подать, желать, любить (2)), слов категории состояния (скучно, грустно) и глаголов единственного числа 2 лица будущего времени (заглянешь, посмотришь), образующих некий универсализирующий повествовательный тон, выводящий рассуждения за пределы личностного восприятия, что позволило комментаторам называть это стихотворение «памятником романтического мышления». [16, с. 179] Объектами рационалистического скепсиса, выраженного отрицательными формами (некому, не стоит, невозможно, нет), подкрепленными негативными или снижающими пафос значениями (что пользы, напрасно, не стоит труда, ничтожно, пустая и глупая шутка), оказываются «желанья», «любовь», некое «прошлое», «страсти» и, наконец – сама «жизнь»(!). При этом нельзя не заметить, что большую часть художественного пространства занимает описание душевных движений лирического романтического героя, выстроенных в виде градации с понижением свойств: *желанья* (высшая форма романтического состояния, характеризуемого двойственным состоянием души – то, что Август Шлегель называл немецким словом «*Sehnsucht*» («томление»), качеством, присущим романтическому мироощущению в противовес античности [7, с. 546]), *любовь* и *страсти*, как плотское

воплощение этой любви. Налицо ситуация разрушения романтического идеала, которую Ю.М. Лотман определял через сам тип романтического характера: «Главными чертами романтического героя были одиночество, разочарованность, «равнодушие к жизни и к ее наслаждениям», «преждевременная старость души», которые сделались «отличительными чертами молодежи 19-го века», как писал Пушкин В.П. Горчакову. Романтический герой всегда в пути, его мир – это дорога. За спиной у него покинутая родина, ставшая для него тюрьмой. Все связи с родным краем оборваны: в любви он встретил предательство, в дружбе – яд клеветы». [24, с. 59]

Все эти романтические концепты мы находим в обобщенном виде в лермонтовском тексте, выстроенном по всем правилам ратационии⁴ и вопросно-ответного комплекса (ВОК), который «реализуется как проблемные вопросы, исходящие от автора (и в тоже время как предполагаемый вопрос читателя), на которые отвечает сам автор (риторический вопрос) для выражения автодиалогичности». [27, с. 51]

И скучно и грустно, и некому руку подать (*praefatio*)

В минуту душевной невзгоды...

Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?.. (*ratiocinatio*)

А годы проходят – все лучшие годы! (*exclamatio*)

Любить... но кого же?.. на время – не стоит труда, (*ratiocinatio*)

А вечно любить невозможно.

В себя ли заглянешь? – там прошлого нет и следа: (*ВОК*)

И радость, и муки, и всё там ничтожно...

Что страсти? – ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка; (*ВОК*)

И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг –

Такая пустая и глупая шутка... [15, с. 138](*peroration*)
(1840)

В структурировании текста этого стихотворения отчетливо прослеживается использование 4 параллелизмов на основе вопросно-ответных комплексов, осложненных приемом восхождения⁵, апосиопезисом⁶ и риторическим восклицанием (*exclamatio*), соответствующими особенной части основного риторического корпуса – *tractatio*, представляющей собой субъективную трактовку проблемы. При этом вся лирическая конструкция стихотворения соответствует неписанным правилам построения логическо-

4 Ратациония [лат. *ratio* 'основание, причина'] – вид вопросно-ответного хода, состоящий из трёх актов: а) утверждения; б) вопроса относительно оснований данного утверждения; в) ответа на этот вопрос». [26, с. 256]

5 См.: «Восхождение представляет собой подхват в каждом последующем элементе конструкции последнего слова предшествующего элемента, образуя, таким образом, цепочку связанных и последовательно развёртывающихся друг друга частей». [10, с. 315]

6 См.: «Апосиопеза – умолчание, перерыв в конце фразы. <...> Давая подчеркнутое несоответствие между объемом мысли, подлежащей выражению, и характером этого выражения, апосиопеза с тем большей силой заставляет стремиться к смысловому заполнению авторского пробела». [17, стб. 688]

выступлений в судебной системе, в том числе – Перикл, Демосфен, Цицерон.

го парадокса, когда внешне правильное рассуждение приводит к взаимно противоречащим заключениям. Это, правда, не означает, что одна из посылок неверна, хотя может означать, что обе посылки ложны, а все высказывание строится на нарушении правила исключенного третьего. Действительно, если первые две строки стихотворения Лермонтова говорят о страдании от одиночества и непонимания, свойственных романтическому сознанию, то вывод о том, что жизнь есть «пустая и глупая шутка» (аргумент к вере [12, с. 174]), напоминающий поэтический афоризм Гете «Жизнь – шутка, скверная притом» [14, с. 42], как минимум, противоречит желанию лирического героя опереться на кого-нибудь «в минуту душевной невзгоды». То же самое можно сказать и о соотношении вступления (*praefatio*) с разработкой темы (*tractatio*): если состояние лирического субъекта обусловлено ощущением бессмысленности желаний и скоротечности жизни (молодости), то его отказ от любых душевных движений (аргумент от бессмысленности, строится на индуктивном заключении о бессмысленности человеческой жизни перед лицом вечности⁷) заводит нас в логический и гносеологический капкан. В основе этого замкнутого круга доказательств (*circulus in probando*) лежит представление о не определяемой с помощью каких-либо дефиниций вечности в ее соотношении с человеческой жизнью: отсюда так много в тексте стихотворения темпоральных категорий (минута, годы, на время, вечно, рано или поздно), образующих развернутую оппозицию время (жизнь)/вечность. [30] Показательно в этом отношении, что в черновиках Лермонтова к временному концепту «минута» (2 строка) прибавлялся еще один: «Любить, но кого же? – любить на минуту». [16, с. 282]

Определение вечности, противостоящей жизни человека, снимающей сам вопрос о смысле существования, встречается у Лермонтова постоянно: «Чаще всего вечность мыслится как «дурная бесконечность», как никуда не ведущее изобилие времен – «веков бесплодных ряд унылый», их «однообразная череда» («Демон»). Такое представление о тождестве времени и вечности восходит к античности, но лермонтовское сознание не в состоянии стоически примириться с идеей бесцельной длительности или мерного кругооборота («вечный круг миров» в поэме «Сашка»). <...> Жалоба: «Что пользы напрасно и вечно желать?» равно возможна в устах Демона, утратившего счет векам, и лирического лица, зря теряющего «лучшие годы». Наряду с этим вечность у Лермонтова в духе средневековой традиции противопоставляется времени как неизменное и нетленное изменчивому и преходящему, как переизбыток, «море жизни», истинное бытие – обманчивому; ср. «Смело верь тому, что вечно, / Безначально, бесконечно. /

Что прошло и что настанет, / Обмануло или обманет» (1832) и стихотворение позднего Лермонтова «И скучно и грустно», где все временное тоже с горечью представлено как иллюзия, мираж». [16, с. 307]

При этом лишенной дефиниций вечности внутри лермонтовского хронотопа противопоставляется не только время, но и юность, определяемая как «лучшие годы». Эпитет, обозначающий свойство превосходности, трудно коррелирует с прошлым (детство?), с настоящим («И радость, и муки, и всё там ничтожно» – аргумент к личности [12, с. 173]) и будущим, как и вообще со всей жизнью, являющейся глупой (неостроумной?) и пустой (не наполненной содержанием?) шуткой. Но чьей именно шуткой? Бога, Природы, людей? Этому автор парадокса не уточняет. Не спасает положение даже возможное семантическое расширение понятия «жизнь» до концепта «окружающий мир», вызывающее ассоциации с платоновской теорией материального мира как отражения божественного разума⁸, так как это все равно чревато парадоксом: для платоновского идеалиста выходом будет обращение к мудрости, чтобы «за внешней однообразностью жизни ощутить некую красоту, поверить в нее и вечно стремиться к этой прекрасной недостижимости». [23, с. 72] Ни стоицизм, с его идеалом мудреца, который «любит свой рок (*amor fati* – «любовь к року»); творческий «огонь», «провидение» и «рок» – одно и то же» [22, с. 82], ни даже кинизм, проповедовавший нищенствующий космополитизм («без общины, без дома, без отечества» [20, с. 107]), не доходили в своем отрицании мира до отрицания смысла человеческой жизни. Пожалуй, под силу это было бы лишь софистам с их атеистическим взглядом на мироздание и тягой к парадоксам и паралогизмам. Не случайно поэтому, что, по наблюдениям В.Г. Белинского, именно «И скучно и грустно...», с его атеистическо-нигилистическим пафосом, «из всех пьес Лермонтова обратила на себя особенную неприязнь старого поколения». [6, с. 128]

Декларативность этого стихотворения несет особый смысл, адресованный не только своему (как это было в «Думе») поколению, но вообще любому молодому человеку, вступающему в жизнь, с увещанием – отказаться от этого шага.⁹ Не потому ли ответная реакция большинства русских критиков была очень бурной? Так, С. Шевырев, обращаясь к автору стихотворения, восклицал: «Признаемся: среди нашего отечества мы не можем понять живых мертвецов в 25 лет, от которых веет не свежеею надеждою юности, не думою, чреваютою грядущим, но каким-то могильным холодом, каким-то тлением преждевременным. Если сказать правду, эти мертвецы не похожи ли на юношей, которые нарочно из шутки надевают белый саван, чтобы пугать народ, не при-

8 См.: «Материальное бытие для Платона есть отражение, конечно, достаточно искаженное, вечно прекрасных идей». [23, с. 71]

9 В известной мере можно говорить о том, что лермонтовский шедевр подпадает под действие закона Федерального закона № 139-ФЗ от 28 июля 2012 года «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

7 См.: «Такой аргумент поражает оппонента своей неожиданностью; сразу не найдешь, что на него ответить. Некоторые люди вообще теряются, услышав такие доводы: аргументы действительно бессмысленны, однако для того, чтобы это доказать, необходимо время и новые доводы, которых в данный момент нет». [29, с.237]

выкший у нас к привидениям? <...> Но, поэт!.. Если вас в самом деле посещают такие темные думы, лучше бы таить их про себя и не поверять взыскательному свету. Вы даже обязаны тем как художник, потому что такие произведения, нарушая гармонию чувства, совершенно противны миру прекрасного; как представитель мыслей современного вам поколения, потому что эти думы не могут отозваться приятно в душе ваших сверстников, – и наконец, вы должны быть побуждены к тому из своего собственного расчета, коль не хотите прослыть в глазах мира играющим какую-то выисканную ролю преждевременного разочарования». [25, с. 141]

Софистическое начало лирики Лермонтова, определяемое некоторыми современными исследователями, как «артистический пантеизм» [4, с. 10], для многих современных ему читателей было непонятно и вызывало закономерное отторжение, так как подпадало под формулу определения парадоксального творческого сознания, которое «есть признак скорее остроумного, чем глубокого ума, больше заботящегося о том, чтобы поразить слушателя, чем о том, чтобы высказать истину». [8, с. 758]

Потребовалось исключительное влияние «неистового Виссариона», чтобы указать молодым умам на прямую связь лермонтовского софизма с состоянием умов «темного» николаевского времени: «Это не минута духовной дисгармонии, сердечного отчаяния: это – похоронная песня всей жизни! Кому не знакомо по опыту состояние духа, выраженное в ней, в чьей натуре не скрывается возможность ее страшных диссонансов, – те, конечно, увидят в ней не больше, как маленькую пьеску грустного содержания, и будут правы; но тот, кто не раз слышал внутри себя ее могильный напев, а в ней увидел только художественное выражение давно знакомого ему ужасного чувства, тот припишет ей слишком глубокое значение, слишком высокую цену, даст ей почетное место между величайшими созданиями поэзии, которые когда-либо, подобно светочам Эвменид, освещали бездонные пропасти человеческого духа...» [6, с. 126]

Не случайны в этом фрагменте рецензии В.Г. Белинского слова из музыкальной сферы: великий критик видел важнейшее педагогическое средство воспитания детей именно в музыке, как в искусстве, «не выговаривающем определенно никакой мысли <...> возбуждающем в душе могучие порывы и стремление к бесконечному». [5, с. 571] Из числа рекомендованных им для детского чтения книг В.Г. Белинский выделял стихи А.С. Пушкина, утверждая, что их основным достоинством является «гармония русского слова», которая воздействует на детей, «как и музыка – прямо через сердце, мимо головы, для которой еще настанет свое время, свой черед». [5, с. 573]

Показательно, что произведения Лермонтова критик не включает в свой «детский список». Хотя описание воздействия музыки на детское сознание

очень напоминает по оценке степени суггестивности (внушения) анализируемое нами стихотворение 1840 года. И здесь очень важна оговорка о похоронной песне всей жизни, которую не раз (!) слышал внутри себя восприимчивый читатель М.Ю. Лермонтова.

В немалой степени признанию суггестивности текста, очевидно, способствовала и специфическая форма «И скучно и грустно...», представляющая собой урегулированный разноstopный амфибрахий (5+3+5+4) – самый распространенный на тот момент трехсложный метр, активно использовавшийся в романтических балладах [13, с. 128], с перекрестной рифмовкой аВаВ в катренах. В отличие от основного корпуса русских элегий, написанных в основном 6-ст., 4-ст. и вольным ямбами [13, с. 114-117], лермонтовский текст своим строением больше напоминает опыты по переводу на русский язык дольников Г. Гейне¹⁰, с той лишь разницей, что ассиметричная структура строф у Лермонтова не имеет аналогов и своей тяжеловесностью, когда количество длинных строк преобладает над одной короткой, никак не способствует созданию впечатления непосредственности, спонтанности. По мнению В.И. Масловского, «близкое к дневниковой записи сиюминутного душевного состояния, имитирующее свободное движение мысленных ассоциаций, оно [стихотворение «И скучно и грустно...» – П.К. М.К.] обладает внутренней завершенностью, которая ограничивает неупорядоченный фрагмент душевной жизни, «живьем» перенесенный на бумагу, от цельности художественного произведения. Завершенность создается прежде всего центростремительным тяготением всех мыслимых «срезов» произведения к некоему единому принципу, обусловленному романтическим типом мышления Лермонтова, – принципу контраста, антитезы. Именно антитетичность определяет упругую напряженность всей стиховой конструкции». [16, с. 179]

Скупой и лаконичный образный строй лермонтовского шедевра никак не похож ни на элегический слог, ни на живой и метафорически пышный тезаурус Г. Гейне. Еще А.Ф. Лосев, описывая аниконическую поэзию, в которой «действительно и в самом прямом смысле слова нет ровно никакой образности и уж тем более нет никакой живописной образности», приводил в пример «И скучно и грустно...» и делал вывод о том, что «все это стихотворение в целом состоит либо из аниконических выражений, либо содержит изречения и тезисы, далекие от словесной живописи. Кончается стихотворение двумя строками, в основном аниконическими. «Жизнь» – это абстрактное понятие. «Холодное вниманье» – едва ли есть образ. В самом крайнем случае, чтобы к нам не очень придирались, мы можем сказать, что «холод» здесь является некоторого рода образом. Но, как нам кажется, всякий согласится, что образ этот

10 Кроме самого Лермонтова, увлекшегося лирикой немецкого поэта только в 1840 году, переводами занимались А.А. Фет, А.А. Григорьев, А.Н. Майков и другие поэты-переводчики. См.: [3]

достаточно употребителен в поэзии и едва ли ему принадлежит здесь какая-нибудь существенная художественная роль. Наконец, в выражении «такая пустая и глупая шутка» и слово «пустая», и слово «глупая», да и слово «шутка» тоже являются скорее абстрактными понятиями, чем художественными образами. <...> Главное состоит в том, что почти насквозь аниконическое стихотворение Лермонтова неизменно производит на нас глубокое эстетическое впечатление. Это – самая высокая поэзия и глубоко впечатляющая лирика. <...> в лирическом произведении живописная образность может либо целиком отсутствовать, либо присутствовать в каком-либо не основном по своей художественной ценности компоненте». [19, с. 417-418]

Действительно, образно-изобразительный ряд стихотворения Лермонтова предельно лаконичен, хотя и выразителен. Всего 6 эпитетов, из которых лишь половина имеет метафорические коннотации (душевной, сладкий, холодным), составляют его амплификационный арсенал, рассредоточенный по 1-й и 3-й строфам. Собственно метафорическая основа текста сводится к катахрезам («годы проходят», «прошлое нет и следа», «сладкий недуг» и проч.), на фоне которых выгодно смотрится каскад контаминированных метафор последней части: слово рассудка (?), жизнь – шутка. Два неравносложных накопления с признаками восходящей градации (1. *скучно, грустно, некому руку подать*; 2. *и радость, и муки, и все...*) оформлены традиционными полисидентонами. В целом стихотворение производит впечатление эмоционально насыщенной, взволнованной речи, избыливающей тавтологическими комплексами: **желанья – желать, вечно желать – вечно любить, любить – любить** невозможно, **годы** проходят – лучшие **годы**. Грамматическая однородность доминирует и в рифме первых двух строф. Все это нагнетает ощущение некоей безыскусности, вторичности. Но эта нарочитая маскировка диссонирует и с изящной сложностью строфы, и с особой продуманностью и упорядоченностью риторического хода. П.А. Вяземский очень точно подметил: «Лермонтов имел великое дарование, но он не успел, а может быть и не умел вполне обозначить себя. <...> Он не шел вперед. Лирика его не звучала новыми струнами. Поэтический горизонт его не расширялся. <...> В созданиях Пушкина отражается живой и целый мир. В созданиях Лермонтова красуется пред вами мир театральный с своими кулисами и суфлером, который сидит в будке своей и подсказывает речь, благозвучно и увлекательно повторяемую мастерским

художником». [11, с. 358-359]

Ригоризм лермонтовской мысли скрывает под собой политическую декларацию, не столь очевидную, конечно, как в стихотворении «Прощай, немытая Россия...», но которую исподволь, в виде постоянных повторов и нагнетания смыслов, Михаил Юрьевич внушает читателю, камуфлируя все внешне логичным, но по глубине довольно парадоксальным самоанализом, свидетельствующим о наличии у него подавленных комплексов и включенного механизма сублимации, чему свидетельством сам факт создания данного стихотворения. Если бы не слава дуэлянта и офицерский чин автора, то можно было бы предположить, что мы имеем дело с ребенком, который жалуется на обман взрослых. Но на самом деле этому прославленному перу принадлежат совсем иные по суггестивной направленности строки:

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастию назло...

.....
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан? [15, с.44]

Можно ли верить в то, что за 8 лет, прошедших с момента написания этих строк, юный поэт превратился в циника и скептика («дух отрицанья, дух сомненья»), не видящего никакого выхода из жизненного тупика, или, может быть, все-таки в этом есть поза, юношеский максимализм «в минуту жизни трудную», безоглядный эксперимент с художественной формой на грани фола?

Как бы то ни было, влияние лермонтовского гения испытало на себе все российское общество. Следуя за поэтом и очаровываясь его манерой изложения, пытаясь выискать особенные смыслы в его творчестве и факте ранней гибели, последователи Лермонтова начинают смотреть на мир сквозь призму романтического разочарования, под влиянием внушаемого чувства неудовлетворенности искать и находить недостатки и пороки общественного бытия, забыв о призыве лермонтовского сверстника: «Поэты русской лиры! Если вы сознаете в себе высокое призвание – прозревайте же от Бога данным вам предчувствием в великое грядущее России, передавайте нам видения ваши и созидайте мир русской мечты из всего того, что есть светлого и прекрасного в небе и природе, святого, великого и благородного в душе человеческой, – и пусть заранее предсказанный вами, из воздушных областей вашей фантазии, перейдет этот светлый и избранный мир в действительную жизнь вашего любезного отечества». [25, с. 142]

Библиографический список

1. Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох. В кн.: Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания: Сб. статей. М.: Наследие, 1994: 3–38.
2. Аристотель. Поэтика / Аристотель; пер. М.Л. Гаспарова // Аристотель. Соч.: В 4 т. / Общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С.645–680.

3. *Ачкасов А.В.* Русская переводческая культура 1840–1860-х годов: На материале переводов драматургии У. Шекспира и лирики Г. Гейне: дисс. ... докт. филолог. наук. Великий Новгород, 2004. 420 с.
4. *Балановский Р.М.* Художественное мирозерцание И.А. Бунина конца 1880-х - начала 1900-х годов: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. М., 2011. 24 с.
5. *Белинский В.Г.* Две детские книжки. «Подарок на новый год» Гофмана и «Детские сказки дедушки Ирины» // Белинский В.Г. Сочинения: В 4 т. / 3 изд. Ф. Павленкова. Т.1. 1834–1840. СПб.: тип. Ю.Н. Эрлих, 1907. С. 551-594.
6. *Белинский В.Г.* Стихотворения М. Лермонтова // Белинский В.Г. Сочинения: В 4 т. / 3 изд. Ф. Павленкова. Т.2. 1840–1842. СПб.: тип. «Экономия», 1907. С. 81-139.
7. *Берковский Н.Я.* Романтизм в Германии / Вступит. статья А. Аникста. Л.: «Худож. лит.», 1973. 568 с.
8. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. 22а. Оуэн – Патент о поединках / Под ред. К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. СПб., 1897. 960 с.
9. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. 33. Термические ощущения – Томбази / Под ред. К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. СПб., 1901. 478 с.
10. *Волков А.А.* Курс русской риторики. М.: Издательство храма св. муч. Татяны, 2001. 480 с.
11. *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. Т.2. 1827–1851 гг. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1879. 448 с.
12. *Гаврилова Е.С.* Иррациональные аргументы как средства нарушения коммуникативного качества речи «логичность» в аспекте речевого воздействия в защитительных речах Ф.Н. Плевако (семантический аспект). Уч. зап. Орловского государственного университета 2012; 49: 171-177.
13. *Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика / 2 изд., доп. М.: Фортуна Лимитед, 2000. 352 с.
14. *Гете И.В.* Западно-восточный диван / Пер. с нем. В.В. Левица; подг. И.С. Брагинский, А.В. Михайлов. М.: Наука, 1988. 896 с.
15. *Лермонтов М.Ю.* Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. Стихотворения, 1832–1841. 386 с.
16. *Лермонтовская энциклопедия* / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); гл. ред. Мануйлов В.А. М.: Сов. энцикл., 1981. 746 с.
17. *Литературная энциклопедия*: В 11 т. Т. 1. [М.]: Изд-во Ком. Акад., 1930. 768 стб.
18. *Литературный энциклопедический словарь* / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Энциклопедия, 1987. 800 с.
19. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. М.: изд.-во Московского университета, 1982. 480 с.
20. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: В 8 т. Т.2. Софисты. Сократ. Платон. М.: Фолио; АСТ, 2000. 848 с.
21. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: В 8 т. – Т.4. Аристотель и поздняя классика. М.: Фолио; АСТ, 2000. 880 с.
22. *Лосев А.Ф.* Словарь античной философии: Избранные статьи. М.: Мир идей; АКРОН, 1995. 232 с.
23. *Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А.* Платон. Аристотель. М.: «Молодая гвардия», 1993. 383 с.
24. *Лотман Ю.М.* Пушкин. СПб.: Искусство-СПБ, 1997. 847 с.
25. *М.Ю. Лермонтов: pro et contra* / Сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова, вступ. статья В.М. Марковича, коммент. Г.Е. Потаповой и Н.Ю. Заварзиной. СПб.: РХГИ, 2002. 1080 с. (Русский путь).
26. *Москвин В.П.* Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь / 2 изд., существенно перераб. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2006. 376с.
27. *Стилистический словарь русского языка* / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.
28. *Толстоус Н.В.* Лингвостилистическая природа гомеотелевта: на материале французской художественной речи XX века: дисс. ... канд. филолог. наук. М., 2011. 176 с.
29. *Хоменко И.В.* Логика. Теория и практика аргументации / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт ; ИД Юрайт, 2013. 327 с.
30. *Широкова Е.Н.* Темпоральный код русского языка как репрезентант понятийной категории времени: автореф. дисс. ... докт. филолог. наук. Нижний Новгород, 2012. 47 с.
31. *Эйхенбаум Б.М.* Лермонтов: Опыт. Историко-литературной оценки. Л.: Гос. изд-во, 1924. 168 с.

References

1. *Averintsev S.S., Andreev M.L., Gasparov M.L., Grintser P.A., Mikhaylov A.V.* Poetics categories in change of literary eras. In: Historical poetics. Literary eras and types of art consciousness. M: Heritage, 1994: 3-38.
2. *Aristotle.* Poetics / Aristotle; Translation by M.L. Gasparov // Aristotle. Compositions: In vol. 4. ed. by A.I. Dovatur. M.: Mysl, 1984. Vol. 4. P.645–680.
3. *Achkasov A.V.* The Russian translational culture 1840 – 1860th years: Based on the translation of the dramatic material by W. Shakespeare and G. Heine's lyrics: dissertation...cand. of philology. Veliky Novgorod, 2004. 420 p.
4. *Balanovsky R.M.* Artistic worldview by I.A. Bunin in late 1880's – early 1900's: author's abstract of dissertation... candidate of philology. M., 2011. 24 p.
5. *Belinsky V.G.* Two children's books. "New year gift" by Hoffmann and "Children's fairy tales of grandfather Irinei" // Belinsky V.G. Compositions: In 4 volumes. / 3 ed. by F. Pavlenkova. Vol. 1. 1834–1840 . Saint Petersburg: p. h.

Y.N. Ehrlich, 1907. P. 551-594.

6. *Belinsky V.G.* M. Lermontov's poems//Belinsky V. G. Compositions: In 4 volumes / 3 ed. by F. Pavlenkova. Vol.2. 1840–1842 . Saint Petersburg: type "Economy", 1907. P. 81-139.
 7. *Berkovsky N.Y.* Romanticism in Germany / Will enter, article A. Anikst. Leningrad: "Fiction", 1973. 568 p.
 8. *Brockhaus F.A., Efron I.A.* Encyclopedic Dictionary, Vol. 22a. Owen – Patent on duels / ed. by K.K. Arsenyev and F.F. Petrushevsky. Saint Petersburg, 1897. 960 p.
 9. *Brockhaus F.A., Efron I.A.* Encyclopedic Dictionary. vol. 33. Thermal feelings – Tombazi / ed.by K.K.Arsenyeva and F.F.Petrushevsky. Saint Petersburg, 1901. 478 p.
 10. *Volkov A.A.* Course of russian rhetoric. M: Publishing house of the temple St. martyr. Tatiyana, 2001. 480 p.
 11. *Vazemsky P.A.* Compositions: In vol. 12. Vol.2. 1827–1851. Saint Petersburg: type M.M. Stasulevich, 1879. 448 p.
 12. *Gavrilova E.S.* Irrational arguments as means of communicative speech quality "consistency" deviance in the aspect of linguistic manipulation in F.N. Plevako's defensive speech (semantic aspect)/ Proceedings of the Orel State University 2012; 49: 171-177.
 13. *Gasparov M.L.* Essay on the history of russian verse: Metrics. Rhythm. Rhyme. Strofika. 2nd ed., ext. M.; Fortune Limited, 2000. 352 p.
 14. *Goethe I.V.* West-east Sofa / Translation from germ. by V.V. Levik; prep. By I.S. Braginsky, A.V. Mikhaylov. M: Science, 1988. 896 p.
 15. *Lermontov M.Y.* Compositions: 6 vol. M.; Saint Petersburg: AN USSR publishing, 1954. Vol.2. Poems, 1832-1841. 386 p.
 16. Encyclopedia by M.Y. Lermontov / AN USSR. Internet rus. lit. (Pushkin. House); science – ed. soviet of the "Sov. Encyclopedia" of publishing house; Editor-in-chief Manuylov V.A. M.: Sov. encyclopedia, 1981. 746 p.
 17. Literary Encyclopedia: In 11 volumes. Vol. 1. [M.]: Publishing House Comm. Acad., 1930. 768 s.
 18. Literary encyclopedic dictionary / ed. by V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev. M: Encyclopedia, 1987. 800 p.
 19. *Losev A.F.* Sign. Symbol. Myth: Works on linguistics. M: publish house of the Moscow university, 1982. 480 p.
 20. *Losev A.F.* Antique esthetics history: In 8 volumes. Vol.2. Sophists. Socrat. Platon. M: Folio; AST, 2000. 848 p.
 21. *Losev A.F.* History of the antique esthetics: In vol.8. Vol. 4. Aristotle and later classics. M: Folio; ACT, 2000. 880 p.
 22. *Losev A.F.* Dictionary of ancient philosophy: Chosen articles. M: Worldofideas; AKRON, 1995. 232 p.
 23. *Losev A.F.* Taho-Godi A.A. Platon. Aristotle. M: "Young guard", 1993. 383 p.
 24. *Lotman Y.M.* Pushkin. Saint Petersburg: Art-SPB, 1997. 847 p.
 25. M.Y. Lermontov: pro et contra / Sost. V.M. Markovich, G.E. Potapova, introductory article by V.M. Markovich, comment. G.E. Potapova and N.Y. Zavarzina. Saint Petersburg: RHGI, 2002. 1080 p. (Russian way).
 26. *Moskvin V.P.* Expressive means of the modern Russian speech. Tropes and figures. The general and partial classifications. Terminological dictionary. 2 edition. substantially revised and expanded. M: LENAND, 2006. 376 p.
 27. The stylistic dictionary of Russian language / ed. by M.N. Kozhina. M: Flinata: Science, 2003. 696 p.
 28. *Tolstous N.V.* Linguistic nature gomeotelevta: on a material of the French art speech of the XX century: dissertation... candidate of Philology. M., 2011. 176 p.
 29. *Homenko I.V.* Logic. Theory and practice of the argumentation. 2 edition. revised and expanded. M.: ID Yrait, 2013. 327 p.
 30. *Shirokova E.N.* Temporal code of russian language as a reprezentant of conceptual category of time: author's abstract of dissertation... doctor of philology. Nizhny Novgorod, 2012. 47 p.
 31. *Eikhenbaum B.M.* Lermontov: Experience. Historico-literary assessment. Leningrad: State. publishing, 1924. 168 p.
-
-

УДК 808.5

UDC 808.5

Л.Н. КОЛЕСНИКОВА

член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Орловского государственного университета

E-mail: kolesnikova7@mail.ru

L.N. KOLESNIKOVA

member-correspondent of the International Academy of Science of pedagogical education, candidate of philological sciences, associate professor of the Department of Russian as a foreign language, Orel State University

E-mail: kolesnikova7@mail.ru

РИТОРИКА И РИТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

RHETORIC AND RHETORICAL PERSONALITY

В статье обосновывается актуальность темы, рассматриваются особенности риторики, эволюция понятия «языковая личность» и предлагается иерархическая модель языковой личности; исследуются и вводятся термины: «риторическая личность» и «модель риторической личности».

Ключевые слова: риторика, риторическое образование, риторическая культура, риторическая личность, модель риторической личности.

The article explains the relevance of the topic, discusses the features of rhetoric, the evolution of the concept of «linguistic identity» and proposed a hierarchical model of linguistic identity, investigation and introduces the term «rhetorical personality» and «rhetorical model of personality».

Keywords: rhetoric, rhetorical education, rhetorical culture, rhetorical person.

Риторика – это древнейшая наука, возникшая в античные времена и сыгравшая огромную роль в истории развития человечества. Риторика оказала влияние на все сферы жизни общества и на многие смежные с ней области гуманитарного знания – философию, филологию, историю, логику, впитывая вместе с тем идеи и достижения этих наук. **В основе риторики – устная речь и человек говорящий.** Тема данной статьи **актуальна**, ибо риторика содержит **ряд категорий**, обращение к которым было и **должно остаться нормой**. Риторика, оценивая то, как есть, учит тому, как должно.

Современная риторика – это «подход к обобщению действительности» (С.С. Аверинцев). Это не частная дисциплина, позволяющая научиться «говорить убедительно», но некоторый **общий методологический принцип, подход**, который помогает **формированию мысли, изучает путь от мысли к слову**. Риторика – «объемное» понятие. Многовекторный характер влияния риторики на все сферы жизни, в том числе и на образование – более перспективными делает объединение усилий философов, филологов, педагогов, психологов, психолингвистов и др. в разработке теоретических и практических вопросов **эффективного речевого воздействия и взаимодействия**. Риторика формирует норму и стиль жизни, ибо «стиль жизни есть стиль речи» (Ю.В. Рождественский).

Современное риторическое образование – это не только теория и практика, но и философия речевого общения и поведения, включающая в себя гно-

сеологический, мыслительный, лингвистический, нравственный, эстетический, лингвокультурологический, психологический и педагогический компоненты. **Риторическое образование необходимо всем, кто работает с людьми:** например, будущим преподавателям в их профессиональной деятельности, так как им придется выступать публично, уметь защищать свои идеи перед аудиторией, уметь вести педагогическую беседу, т.е. «уметь находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета» (Аристотель). Так, в силу публичности педагогической профессии вузовский преподаватель как носитель гражданского самосознания должен быть хранителем и выразителем **элитарной речевой культуры** общества (Кочеткова Т.М., Сиротинина О.И. и др.) Речь преподавателя должна быть образцовой для учащихся, служить «**речевым идеалом**», к достижению которого надо стремиться. Риторика необходима юристам, политикам, дипломатам, всем культурным людям.

Следовательно, **риторика**, служа инструментом выражения мысли, орудием организации речевой деятельности, **является сегодня «общей» наукой для всех интеллектуальных профессий**. Риторика является также одной из научных ветвей, которые представляют **современную лингвистику и лингвистическую теорию общения**.

Схематически лингвистическую теорию общения можно представить следующим образом:

Схема № 1.

В данной схеме представлены те научные ветви, которые представляют лингвистику [Формановская, 1998: 17].

Заметим, что *риторика*, как и некоторые другие современные лингвистические дисциплины (*прагма-, психо-, социо-, этнолингвистика*), немыслима без *экстралингвистического* (внеязыкового) *контекста*, так или иначе изучающего человека [См. подробно: Колесникова, 1998, 2001, 2007]. Поэтому *риторика* как предмет практической направленности, культуuroобразующего и интегрирующего характера позволяет считать ее *универсальной дисциплиной*, способной влиять на развитие и совершенствование риторически образованной, интеллигентной личности, владеющей *риторической культурой*. *Риторическая культура* – это «гуманистическая культура в целом, переведенная в форму речевой деятельности, направленной на поиск истины и нравственное совершенствование личности» [Марченко, 2001: 10].

Следовательно, *риторика* – динамично развивающаяся отрасль современного социально-гуманитарного знания и, одновременно, *лингвистическая наука*, для которой характерно создание *новых научных парадигм*. Одной из них является *учение о риторической личности*.

Предлагаемая нами *концепция риторической личности* диктуется современным взглядом на проблему *языковой личности*, требует «*нового концептуального мышления*, которое предполагает умение посмотреть на идею «сверху», проследить, как она соприкасается с другими областями знаний, а *детальный взгляд* на проблему помогает отыскать решение» [Брунер, 1987: 239]. (Выделено нами – Л.К.).

Концепт *риторическая личность* только еще начинает разрабатываться в науке. Так, например, Г.М. Сагач в 1995 году на основании понятия языковой личности дает понятие *личности*

риторической, обладающей *коммуникативной компетентностью*, то есть готовностью получать необходимую информацию, убеждать в правоте своих мыслей, влиять на принятие решений, отстаивать свои позиции на основе толерантного отношения к ценностям и интересам других людей [Сагач, 1995: 8]. И.И. Зарецкая шире рассматривает готовность личности к продуктивному общению, называя её *коммуникативным потенциалом* личности. Автор рассматривает коммуникативный потенциал личности как комплексную характеристику личности, определяющую готовность человека к общению, потребность в коммуникативной деятельности, активность и комфортность в ней [Зарецкая, 2006: 2]. *Коммуникативный потенциал личности* – интегральная характеристика человека, включающая как особенности его психического склада, заложенного генетически, так и качества личности, поддающиеся воспитанию и развитию. Следовательно, по мнению указанных ученых, *риторическая личность* – это личность, обладающая коммуникативной компетентностью (Г.М. Сагач) и /или коммуникативным потенциалом (И.И. Зарецкая).

По мнению же М.С. Хлебниковой, *риторическая личность* – это личность, не только демонстрирующая высокий культурнокоммуникативный уровень социализации, а личность *воздействующая* [Хлебникова, 2006: 437]. Однако исследователь не объясняет, *каким образом* происходит *воздействие* личности, справедливо указывая лишь на то, что языковая личность – предмет, изученный современным языкознанием хотя и неоднозначно, но многомерно, категорию же «риторическая» личность еще только предстоит изучить. В настоящее время все чаще появляются публикации, рассматривающие особенности личности в разных аспектах, в том числе как *личность риторическую* [Воронина, 2008: 157].

Следует отметить, что понятие *риторическая личность* коррелирует с понятиями: *Нотос loquens* – человек говорящий (Аристотель), человек «диалогический» (К. Ажеж); *ритор, оратор; образ ритора (оратора)*. Заметим, что слова «ритор», «оратор» появились в русском языке в XVIII в., а более широкое распространение получили в первой четверти XIX в. Так, В.И. Даль, объясняя слово «оратор» в Толковом словаре живого великорусского языка, подбирает близкие ему слова и словосочетания: *вития, краснослов, речистый человек, мастер говорить*. Следовательно, оратор – это человек, умеющий *говорить красиво, т.е. красиво, образно, выразительно*. Слово *образ* – классическое понятие русской философии и риторики, выражающее *индивидуальное отличие; духовный, душевный и телесный облик, вид, склад человека*. *Образ человека в риторике рассматривается как образ ритора*.

Термин *образ ритора (оратора, говорящего)* ввел в русскую науку В.В. Виноградов в работе 1930 года «О художественной прозе». Анализируя историю русской риторики и поэтики, В.В. Виноградов

проводил аналогию между *образом оратора* в публичной речи и *образом автора* в художественной литературе: «Проблема красноречия связывается со структурой образа оратора – автора как страстно чувствующего и благородно мыслящего «субъекта». В.В. Виноградов также отмечал, что *построение образа оратора* похоже на создание актером определенной «маски», а *подготовка речи и ее исполнение*, несмотря на всю страстность и вдохновение, с которыми выступают иные ораторы, – процесс *сознательный*, требующий искусства *создания образа ритор*а [Виноградов, 1980: 103].

В понятие *образ ритор*а (*оратора*) входит комплекс *речевых средств*, воплощенных в содержании, композиции, выборе слов, характере произношения (интонации, ритме и темпе, тембрах голоса) для устной речи и характере письма (например, почерка или шрифтов) для письменной или печатной речи. Установить, какой образ создает тот или иной речедеталь, трудно, поскольку воспринимающему речь подчас попросту не хватает знаний, чтобы определить, какими приемами, методами, способами пользуется опытный оратор для того, чтобы достичь своей цели. Тем не менее, риторические правила диалога рекомендуют всякому слушателю или читателю распознавать за речью – «человека» («человек скрыт за его словами»). Иначе говоря, за конкретным образом ритора всегда кроется личность – та внутренняя основа, на которой базируется речевое поведение. Личность ритора многообразна, то есть конкретных проявлений личности может быть множество в разных речевых поступках, в речи. Но к этой «многообразности» предъявляется требование целостности личности, которая остается единой во множестве проявлений.

Оценка речи человека в восприятии образа оратора происходит с разных сторон:

- **этическая оценка.** Доверие аудитории возможно, если она считает, что перед ней *человек честный и справедливый*. Оратор ищет пути к сердцам своих слушателей, находя с ними общность мыслей и взглядов. Однако не исключено, что какая-то сторона может придерживаться ложных взглядов или интересов. Тогда оратору приходится защищать свою позицию словом;

- **интеллектуальная оценка** связывается с образом *знающего человека*, с богатством мыслей оратора, его образованностью, способностью аргументировать, рассуждать и находить мыслительные ходы. Интеллект говорит о знании оратором предмета речи;

- **эстетическая оценка** связана с отношением к *исполнению речи*: ясности и изяществу выражаемых мыслей, жестов, мимике, телодвижений, красоте звучания, оригинальности в подборе слов. Простые, выразительные, изящные слова и звуки вызывают эстетические оценки.

Единство образа ритора – это **неизменность позиции при новизне мыслей. Начиная речь, оратор**

должен определить, прежде всего, свою нравственно-философскую, эстетическую и профессиональную позицию. Целостность своего характера, избранную жизненную позицию ритор отстаивает всю свою жизнь.

М.М. Бахтин в 40-х годах XX века выдвинул идею формирования «индивидуального лица говорящего и пишущего человека» [Бахтин, 1994, № 2]. В.В. Виноградов в 1930 году в книге «О художественной прозе» впервые употребил термин **«языковая личность»**. Наиболее полное и систематическое обоснование понятия «языковая личность» изложено в работах Ю.Н. Караулова и его последователей. **В настоящее время категория «языковая личность» изучена всесторонне.** Можно выделить следующие **основные подходы к пониманию и изучению языковой личности:**

- **Формально-структурный** подход (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов): языковая личность как набор языковых (речевых) «способностей, умений, готовностей» воспринимать и производить высказывания [Караулов, 2004].

- **Личностный** подход: языковая личность изучается с позиций разных типов личности – этнокультурологических, социокультурных, психологических (О.Я. Гойхман, Ю.Е. Прохоров).

- **Языковой** подход: языковая личность исследуется с точки зрения типов речевой культуры, языковой нормы (О.Б. Сиротина, Т.В. Кочеткова), а также с позиций представлений и норм, заключенных в значениях слов, – словарная личность (В.И. Карасик), этносемантическая (С.Г. Воркачев).

- **Когнитивный** подход: языковая личность рассматривается через призму ментальных образований (концептов), функционирующих в сознании говорящего человека (Д.С. Лихачев, Г.Г. Слышкин).

- **Коммуникативно-прагматический** подход: языковая личность – это личность, проявляющая себя в реальной коммуникации [Хлебникова, 2006: 435-438]. В рамках этого подхода можно выделить частную разновидность языковой личности – *институциональный аспект* рассмотрения языковой личности, реализующийся через изучение социолингвистических типов дискурсов (педагогического, религиозного, научного, политического, медицинского, бытийного (В.И. Карасик, В.В. Красных и др.).

В результате критического обзора научной литературы по данной теме, проследив эволюцию понятия *языковой личности* [Колесникова, 2007], мы пришли к выводу, что *языковая личность* понимается современными учеными неоднозначно и предложили свое определение языковой личности: **языковая личность – это личность, проявляющая себя семиотически (с помощью вербальных и невербальных знаков) в общении.**

Мы думаем, что **«языковая личность»** является основой, организующей иерархические отношения между другими личностными типами: **«вторичной языковой личности»** (И.И. Халеева и др.) **«речевой**

личности» (Ю.Е. Прохоров и др.), «**коммуникативной личности**» (В.П. Конечкая и др.) [См. подробно: Колесникова, 2001; 2007]. Заметим, что любая речевая и коммуникативная деятельность возможна только на основе *языкового сознания, знания языка и владения языком вербального и невербального общения*. Поэтому **основным, базовым, универсальным термином, характеризующим современную вторичную языковую личность, речевую и коммуникативную личность, считаем термин «языковая личность»**.

Следовательно, *категория «языковая личность» является основной, базовой, организующей иерархические отношения между другими личностными типами*.

В связи с тем, что сегодня мы все живем «в режиме *риторического* времени» (В.В. Колесов) и в связи с *риторизацией образования* (С.А. Минеева и др.) необходимо рассматривать *языковую личность в аспекте риторики*, выйдя на новый, более высокий уровень – **риторический**.

Вследствие этого мы вводим в научный оборот понятие и термин **риторическая личность** и выделяем в *иерархической модели языковой личности* еще один – **высший уровень – риторическая личность**.

Схематически *иерархическую модель языковой личности* можно выразить в виде следующей пирамиды:

Схема *нерархической модели языковой личности*, где:

- 1-й (основной, базовый) уровень – это **языковая личность**;
- 2-й уровень – **вторичная языковая личность**;
- 3-й уровень – **речевая личность**;
- 4-й уровень – **коммуникативная личность**;
- 5-й (высший) уровень модели – **риторическая личность**.

Напомним, что в своей теоретико-гносеологической модели языковой личности Ю.Н. Караулов выделяет три уровня: 1) вербально-семантический, 2) лингво-когнитивный и 3) мотивационный. Данная трехуровневая модель позволяет

рассматривать разнообразные качественные признаки языковой личности в рамках трех существенных характеристик – вербально-семантической, или собственно языковой, когнитивной (познавательной) и прагматической. Исходя из требований настоящего *риторического* времени, можно выделить следующий, **высший уровень** модели языковой личности (Ю.Н. Караулова) – **риторический**. Этот уровень модели оказался достаточно *самостоятельным*, поэтому на его основе мы разработали свою, новую модель – модель **риторической личности**.

В структуре модели риторической личности выделяем три уровня:

1. **качественно-оценочный** (характеризуются и оцениваются *качества личности и речи оратора*, ибо «каков человек, такова и его речь; речь – это человек в целом» (Цицерон),

2. **культурно-риторический** (оценивается владение риторической культурой, включающей в себя риторическое образование, риторическую культуру монолога и диалога),

3. **образно-имиджевый уровень** (анализируется *образ и/или имидж* ритора).

Рассмотрим кратко (в объеме данной статьи) три уровня нашей модели риторической личности:

1-й – Качественно-оценочный уровень модели риторической личности – требует от оратора таких необходимых качеств для успешного взаимодействия с аудиторией, как: **обаяние, артистизм, уверенность, дружелюбие, искренность, объективность, заинтересованность, увлеченность** [Михальская, 1996]; **доброжелательность, честность, скромность и предусмотрительность** [Волков, 2001; Мурашов, 2001]. Соглашаясь с нашими предшественниками, мы особо выделяем такие важные качества современной риторической личности, как **обаяние** [Колесникова, 1998], **харизма, интеллигентность, нравственность и аристократизм** (с акцентом на первом корне от слова «аристэ» – лучший). **Аристократизм** в контексте риторической теории означает не форму политического правления, а **манеру поведения, образ мышления и речи**; и обязательно **эмоциональность** как воздействующее качество речи [Колесникова, 2001; 2007].

Риторическая личность всегда оказывает воздействие на аудиторию всем своим существом:

а) своей речью, ибо «речь – это в другого втечь» (русская пословица), содержанием и исполнением речи; б) качествами личности, интеллектом, характером, отношением к аудитории, т.е. **словом и нравом** (слово «*нрав*» понимается как: *характер, душевные качества, внутреннее свойство человека, манеры общения, стиль поведения, образ жизни* и т.д.); в) своим внешним обликом, *образом*. Так, например, студенты ОГУ признаются преподавателю (цитируем): «К Вам на занятия мы ходим *с охотой*, потому что Вы *добрая, красивая и обаятельная*», «На Ваших занятиях у нас нет стресса, мы комфортно себя чувствуем», «Мы не боимся высказывать свои мысли,

спорить, критиковать, проявлять свои творческие способности»; «Вас приятно слушать», «Ваша улыбка располагает к общению»; «Преподаватель должен всегда *добродушно улыбаться*. Потому что для студента это очень важно, *ведь некоторые педагоги совсем не уважают своих студентов*. Поэтому студенты не ходят на занятия к таким педагогам, студентам *не хочется видаться с этими преподавателями*»; «В первую очередь, преподаватель должен быть *хорошим человеком*».

Таким образом, подтверждаются классические мысли о том, что «*прежде, чем стать хорошим оратором (преподавателем – Л.К.), сначала стань хорошим человеком*» и «*Мы слушаем не речь, а человека, который говорит*» (Квинтилиан).

2-й – Культурно-риторический уровень модели – предполагает владение оратором *риторической культурой*, которая включает в себя риторическую грамотность и образованность – риторические знания, умения и навыки, опыт публичных выступлений и умений вести диалог с аудиторией, умений создавать благоприятную творческую атмосферу общения, основанную на уважении и любви к аудитории и предмету речи (не случайно в «Библии» сказано, что «говорить можно только о том, что любишь и знаешь»). *Важен диалог, основанный на любви, «диалог, как душевно-духовное единение людей»* (М.М. Бахтин, Л.С. Выготский), когда «душа с душой говорит». **Цель всякой речи – добиться согласия**, единого мнения со слушателями. Риторические эмоции – это центр речи. Они рождаются от содержания речи, живости ума, риторических знаний и умений. Показателями *личностного отношения* оратора к предмету речи выступают модусные операторы: «Я люблю, и значит, я живу...»/ «Я не люблю, когда мне лезут в душу...» (В. Высоцкий); «Мне нравится»/ «не нравится»; эмотивные знаки («Ах, какое было время!») и т.п. [Карасик, 1995: 12]. Современный оратор должен уметь сделать самопрезентацию, с улыбкой поприветствовать аудиторию, похвалить ее, сделать ей комплимент, обратиться с просьбой, уметь правильно попрощаться, оставив *приятное впечатление* о себе и т.д. Оратор должен восприниматься как яркое и долго не забываемое **явление** в аудитории. Так, например, студенты ОГУ признаются преподавателю (цитируем): «После Ваших занятий еще пару дней отходишь, размышляя о жизни и о себе»; «С Вами приятно общаться», «Вы дарите нам свое тепло и радость общения», «У Вас мы учимся быть культурными людьми», «С Ваших занятий не хочется уходить» и т.п.

Следовательно, *риторическая культура, качества личности оратора незримо выстраивают его стиль речевого общения и поведения, снимают агрессию, гармонизируют общение* (См. подробно: Колесникова, 2007).

3-й – Образно-имиджевый уровень модели риторической личности предполагает оценку образа и/или имиджа оратора.

«Разведем» эти понятия. Рассмотрим корреляцию слов-терминов: **образ и имидж**. **Образ** – понятие многозначное. Известны такие понятия и словосочетания, как *образ героя* в художественной литературе, *образы святых*, *образ мира*, *образ русского человека*, *образ русской природы* и т.д. **Образ человека** – его внешность и духовный мир – это ядро каждой национальной культуры, системы ее ценностей. По мнению В.И. Даля, *образ – это вид, внешность, фигура, портрет и он связан со временем* [Даль, 2001: 426]. Похожие определения мы находим и в современных толковых словарях. Известно, что «всякий облик есть форма некоего содержания». Как сказано в «Библии»: «**Кто создал внешнее, Тот создал и внутреннее**».

Понятие «**имидж**» вошло в нашу жизнь в начале 60-х годов XX столетия. Оно происходит от латинского слова *imago* – «образ», которое связано с другим латинским словом – *imitate*, то есть «имитировать, воспроизводить». Имидж (англ. *image*) – образ, т.е. визуальная привлекательность личности, *самопрезентация, конструирование человеком своего образа для других*. Существуют разные определения и типы имиджа. Надо исходить из того, что разные люди или группы людей по-разному воспринимают нас, а потому у каждого на самом деле есть разные имиджи. **Имидж – это искусство «управлять впечатлением»**. **Имидж** – это сложившийся в массовом сознании и имеющий *характер стереотипа, эмоционально окрашенный образ* кого-либо или чего-либо. **Имидж человека** складывается из всей совокупности черт *внешнего облика, манер, поведения и умения общаться с людьми*. Хороший имидж производит впечатление молодости, свежести и здоровья. «Имидж – это искусство обаяния» (В.М. Шепель). Имидж рассчитан на создание *благоприятного впечатления*, прежде всего, от внешнего вида человека, ибо «по одежке встречают, по уму провожают» (русская пословица). Итак, **имидж – это целенаправленно сформированный образ**. Можно сказать, например, «*образ русского интеллигента*», но сказать – «*имидж русского интеллигента*» – невозможно, ибо «интеллигентом притвориться нельзя» (Д.С. Лихачев).

Следовательно, **образ – это представление о данности субъекта или объекта, а имидж – это целенаправленное, искусственно созданное, благоприятное** (или нужное в определенной ситуации общения) **впечатление о ком-либо** (имидж политика, профессиональный имидж преподавателя) **или о чем-либо** (имидж фирмы).

Риторическая личность производит, как правило, **приятное впечатление**. Так, например, студенты ОГУ признаются своему преподавателю (цитируем): «У Вас всегда гармоничный образ», «Вы покоряете нас своим обаянием, эрудицией и интеллигентностью», «Вы прекрасный собеседник», «У Вас светлая душа». Именно в процессе общения складывается **целостный образ человека**. Риторическая

личность всегда создает особую атмосферу доброжелательного общения и сотворчества, которая благоприятствует активному восприятию и пониманию речи. Аристотель в «Риторике» отметил: «Речь складывается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается: оно-то и есть конечная цель всего» («Античные риторика», 24»). Поэтому *цель оратора* – увлечь аудиторию темой и содержанием речи, помня о том, что «каждый слышит то, что он понимает» (Гете). Следовательно, надо максимально заботиться о *доступности речи, обеспечивая ее понимание; быть обаятельным – уметь «обаять» – говорить*. Важно, чтобы информация «дошла» до слушателя, была им осмыслена и прочувствована: «сила речи заключается в ее воздействии на душу» (Платон).

«Оратор – это всегда воспитатель своей аудитории» (Цицерон).

Следовательно, главная цель речевой деятельности современной риторической личности основана на античном риторическом принципе: «Учить, радовать, побуждать!». Риторическая личность пробуждает «чувства добрые» (А.С. Пушкин) своим словом, нравом, образом.

В нашей концепции, *риторическая личность – это личность, риторически образованная, владеющая риторической культурой, умеющая создавать приятное впечатление о себе, позитивно воздействующая и эффективно взаимодействующая с аудиторией*.

Риторическая личность – это высший уровень реализации языковой личности.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. О художественной прозе. – М., 1930.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 4-е изд. М.: 2004. 246 с.
3. Колесникова Л.Н. Обаяние личности как категория риторики. Орел, 1998. 200 с.
4. Колесникова Л.Н. Языковая личность в аспекте диалога культур. Орел, 2001. 288с.
5. Колесникова Л.Н. Риторическая личность преподавателя-филолога в контексте профессиональной культуры. Монография в 3-х томах. Орел, 2007.
6. Михальская А. К. Основы риторики. М., 1996.
7. Сагач Г.М. Риторична особистість. Як її підготувати у школі нового типу? // Барви творчості: Наук.-метод. зб.- К., 1995. 256с.
8. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Институт русского языка им. А.С. Пушкина. – М., 1998. – 294с.
9. Хлебникова М.С. Homo loquens в свете современных риторических воззрений // Риторика и культура речи в современном обществе и образовании. Сборник материалов X Международной конференции по риторике. 1 – 3 февраля 2006 г. – М., «Наука», 2006. – С. 435 – 438.

References

1. Vinogradov VV. About prose. - M., 1930.
2. Karaulov J.N. Russian language and linguistic identity. 4th ed. - M.: 2004. - 246.
3. Kolesnikova L.N. Charm of personality as a category of rhetoric. - Eagle, 1998. - 200.
4. Kolesnikova L.N. Linguistic identity in terms of dialogue. - Eagle, 2001. - 288s.
5. Kolesnikova L.N. Rhetorical individual teacher-linguist in the context of professional culture. Monograph in 3 volumes. - Eagle, 2007.
6. Mikhalskaya AK Fundamentals of rhetoric. M., 1996.
7. Sagach GM. Osobistist rhetorical. Yak її pidgotuvati have shkoli new type? // Colours tvorchosti: Nauk. method. ST. - K., 1995. - 256s.
8. Formanovskaya N.I. Communicative and pragmatic aspects of communication units. - M.: Institute of Russian Language. AS Pushkin. - M., 1998. - 294s.
9. Khlebnikova M.S. Homo loquens in light of contemporary rhetorical views / / Rhetoric and speech in modern society and education. A collection of materials of the International Conference on rhetoric. 1 - 3, 2006 - Moscow, «Nauka», 2006. - S. 435 - 438.

УДК 821.161.1(091)-4ТУРГЕНЕВ И.С. +
821.161.1(091) ДОСТОЕВСКИЙ Ф.М.

UDC 821.161.1(091)-4ТУРГЕНЕВ И.С. +
821.161.1(091) ДОСТОЕВСКИЙ Ф.М.

Е.М. КОНЫШЕВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры
истории русской литературы XI-XIX веков Орловско-
го государственного университета
E-mail: julia-julia75@mail.ru

E.M. KONYSHEV

candidate of philology, associate professor, the
department of History of the XI-XIX century of the Russian
literature, Orel state university
E-mail: julia-julia75@mail.ru

БАЙРОНИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ИЗОБРАЖЕНИИ ТУРГЕНЕВА И ДОСТОЕВСКОГО

A ROMANTIC PERSONALITY IN THE WORKS OF TURGENEV AND DOSTOYEVSKY

Байронический герой был одним из важнейших открытий эпохи романтизма. Но и в гораздо более поздний период подобный тип личности привлекает внимание русских писателей. У Тургенева он трансформируется в образ беспокойного и тоскующего нигилиста Базарова. Дальнейшую смену литературного кода эпохи осуществляет Достоевский, создавая образ Ставрогина. При этом если романтики поэтизировали всех тех, кто служит идее отрицания, то в творчестве христианского писателя Достоевского осуществляется обратный процесс. Он разрушает поэтический ореол, традиционно свойственный байронической личности, всемерно подчёркивая в центральном герое «Бесов» проявление безобразного и смешного начала.

Ключевые слова: Тургенев, Достоевский, байронизм, Базаров, Ставрогин.

Byron created a type of a romantic character that became one of the main discoveries of romanticism. Such personality always attracted Russians writers. Turgenev's Bazarov was a restless and melancholic nihilist and Dostoyevsky, Stavrogin changed the literature code of the time. While the romantic writes poeticized those, who served the idea of negation, Dostoyevsky, in contrast, broke the poetic halo of romantic character and emphasized ugly and ridiculous origin in the main character in «Besy».

Keywords: Tyrgenev, Dostoevsky, byronism, Bazarov, Stavrogin.

Ещё очень давно Г.А.Бялый предложил рассматривать образы, созданные Тургеневым и Достоевским, в плане их своеобразной эволюции. Он указывал, что Тургенев при анализе того или иного характера стремится показать, что представляет он собой как культурно-историческое явление, как проявляет он себя в обычной жизни. Цель Достоевского иная. Для него сущность раскрывается не в сегодняшнем состоянии факта, а в том, к чему он ведёт, во что может прорасти при крайнем своём развитии [4, 46-47]. Уже здесь исследователем подсказана возможность сопоставления Базарова и Ставрогина. В дальнейшем эта задача во многом будет выполнена в книге Н.Ф.Будановой «Достоевский и Тургенев» [5, 37-55]. В данной статье делается попытка высказать некоторые дополнительные наблюдения и проследить, как черты байронического героя проявляются в романах «Отцы и дети» и «Бесы».

Общепризнано, что поэзия Байрона оказала большое влияние на духовное развитие русского общества. Но при этом обычно имеют в виду эпоху Пушкина и Лермонтова. Между тем отзвуки байронических мотивов сохранялись в творчестве классических писателей даже тогда, когда тон в общественной жизни задавали нигилисты и утилитаристы. Это объясняется тем, что эпоха великих реформ сконцентрировала

перед Россией проблемы, решавшиеся в Европе на протяжении весьма длительного исторического периода. Определённые условия были и для утверждения просветительских идеалов, и для романтической реакции на просветительство, и всё это было неизмеримо усложнено тем новым опытом разочарований и открытий, который мог быть наиболее адекватно отражён только в реалистическом типе творчества. Как справедливо отмечал В.М. Маркович, «стремление и способность синтезировать традиции отдалённых друг от друга эпох (или несовместимых на иной исторической почве литературных направлений) составляет, по-видимому, одну из общих типологических черт, характерных для всей «большой» русской литературы нового времени» [13, 161].

Синтетический характер творческого метода Тургенева был убедительно доказан в работах Г.А. Бялого, Г.Б. Курляндской и других исследователей ещё в 60-70 годы прошлого века. Но если определение художественного метода писателя как прочно сложившегося, замкнутого в себе, неподвижного реализма давно и единодушно отброшено, то вопрос о влиянии на Тургенева конкретных романтических течений, несомненно, нуждается в дополнительном изучении.

Байронизм очень характерен для молодого

Тургенев. Г.А. Бялый по этому поводу отмечал, что не только «меланхолический романтизм в духе Жуковского был близок молодому Тургеневу. Едва ли не большее влияние оказал на него романтизм протестующий – лермонтовского или байроновского толка» [3, 4]. Байронические настроения звучат и в том часто цитируемом исследователями письме к Полине Виардо, где Тургенев пишет: «Я предпочитаю Прометея, предпочитаю Сатану, тип возмущения и индивидуальности. Какой бы я ни был атом, я сам себе владыка; и хочу истины, а не спасения; я чаю его от своего ума, а не от благодати» [17, 449]. Отнюдь не случайно одним из первых литературных опытов начинающего писателя станет драматическая поэма «Стено», где он пытается подражать английскому поэту. Конечно, в дальнейшей своей жизни Тургенев во многом отойдет от юношеского увлечения Байроном, но отзвуки его поэзии будут сохраняться и в реалистических произведениях писателя. Д.С.Гутман вполне обоснованно отмечал ещё в 1971 году, что «представляется необходимым выяснить по крайней мере двоякое восприятие Байрона Тургеневым: 1) увлеченность молодого романтика в 30-годы – начале 40-х годов XIX в. тогдашним «властителем дум»; 2) байронические реминисценции (преимущественно – образные) в произведениях зрелого Тургенева-реалиста – принципиальное отталкивание его от байронизма, осуждение романтического индивидуализма байронических героев, полемика против романтизации действительности» [7, 236].

Вспомним, что писал Аполлон Григорьев о рассказе «Бежин луг». Среди крестьянских ребятишек, сидящих возле костра, он увидел «байронического мальчика», и «в лице байронического мальчика» [6, 250] критик нашёл отражение поэтической личности самого писателя. Конечно, подобное замечание поражает своей неожиданностью и оригинальностью. Всё-таки речь идёт о русской деревне. Казалось бы, причём здесь Байрон? Но, если вдуматься, оно вполне обоснованно. Просто романтик Аполлон Григорьев скорее, чем кто-либо другой, был способен уловить в «Записках охотника» отдалённую связь с художественным миром великого английского поэта.

Байронические реминисценции сохраняются и в романе, посвящённом изображению современной Тургеневу демократической молодёжи, в романе «Отцы и дети». Знаменательно, что замысел этого произведения возникает в Англии, где писатель отдыхал летом 1860 года. Знаменательны отзывы критиков и писателей, которые указывали (хотя часто в ироническом смысле), что в образе тургеневского нигилиста проступают черты романтического героя. Вспомним, как трактовал конфликт романа Н.Н. Страхов: «Базаров – это титан, восставший против своей матери-земли», и «как бы то ни было, Базаров всё-таки побеждён, побеждён не лицами ..., но самую идею этой жизни» [18, 195]. Базаров – титан. Пусть это всего лишь образное выражение, но оно возникло не случайно. Н.Н.Страхов тонко уло-

вил, что тургеневский Базаров может расцениваться как одно из воплощений грандиозной, восстающей против всего мира титанической личности, которая в своё время была опоэтизирована романтиками. Это почувствовал даже М.А. Антонович, прославившийся своей нелепой трактовкой романа «Отцы и дети». Он писал: «По-видимому, г.Тургенев хотел изобразить в своём герое, как говорится, демоническую или байроническую натуру, что-то вроде Гамлета; но, с другой стороны, он придал ему черты, по которым и даже эта натура кажется самую дюжинною и даже пошлою, по крайней мере, весьма далёкой от демонизма. И от этого в целом выходит не характер, не живая личность, а карикатура...» [2, 42]. Обвиняя Тургенева в злостном искажении облика передовой молодёжи, критик «Современника», безусловно, ошибался, и всё-таки демонические и байронические черты в образе Базарова он отметил, пусть, может быть, случайно, но вполне обоснованно. Самое же главное, конечно, это восприятие романа Достоевским. Как известно, он не раз высказывался о Базарове. Остановимся на одной реплике, прозвучавшей в романе «Бесы». Степан Трофимович Верховенский заявляет: «Я не понимаю Тургенева. У него Базаров это какое-то фиктивное лицо, не существующее вовсе; они же первые и отвергли его тогда, как ни на что не похожее. Этот Базаров это какая-то неясная смесь Ноздрёва с Байроном...» [9, 71]. Следует учесть, что при всем ироническом отношении писателя к данному персонажу он часто передаёт ему собственные мысли.

Конечно, в приведённом выше высказывании Степана Трофимовича Верховенского речь идёт не только о Байроне, упоминается и Ноздрёв. Упоминается с полным основанием. В характере Базарова хватает грубости, резкости. В ряде сцен описание его таково, что о романтизме не может быть и речи. И всё же к достоверному описанию демократической молодёжи шестидесятых годов образ Базарова не сводится. Об этом в своё время весьма убедительно писал Д.Н.Овсянко-Куликовский: «Смотреть на Базарова, как на тип наших «нигилистов» или «мыслящих реалистов» 60-х гг. нет никакой возможности. К этому «движению», в сущности безобидному, Базаров примыкает чисто внешним образом. Отрицание искусства, глумление над Пушкиным, культ естественных наук, материалистическое мировоззрение – всё это только «механически» связывает Базарова с известными кругами молодёжи того времени. Но ведь Базаров интересен и так значителен вовсе не этими «взглядами», не «направлением», а внутренней содержательностью и сложностью натуры, в самом деле «сумрачной», «наполовину выросшей из почвы», огромной силой духа, наконец – при демократизме «до конца ногтей» – такой независимостью мысли и такими задатками внутренней свободы, каких дай Бог настоящему философу» [15, 54]. Хотелось бы выделить в данном суждении известного литературоведа указание на

то, что в Базарове воплощено стремление к свободе и независимости человеческого духа. Д.Н.Овсянко-Куликовский считает подобные качества свойством настоящего философа, и с ним можно согласиться. Но следует добавить, что для Тургенева это признак ещё и несколько иной системы ценностей. Вспомним слова писателя: «Романтизм есть не что иное как апофеоза личности» [19, 220]. Между тем именно как апофеоза человеческой личности представлен в романе образ Базарова. И в этом, несомненно, отразилась глубинная связь Тургенева с романтизмом. Современный английский исследователь Р. Фриборн пишет: «В контексте развития мировой литературы, русская литература девятнадцатого века трансформировала образ уединённого, байроновского героя, типичного для романтического воображения, в реалистический образ «нового человека», обусловленного, но и как-то пересозданного условиями русской действительности» [21, 17]. Трансформация образа, конечно, была очень значительной. Но сохранялась и связь байроновской идеи личности с осмыслением типа «нового человека» в романе «Отцы и дети». С романтическим бунтарём и отщепенцем Базарова роднит его индивидуализм. Мы как-то не очень охотно признаём, насколько он присущ тургеневскому герою. Некоторые характерные высказывания Базарова мы склонны объяснять временными обстоятельствами, депрессией. Например: «А я и возненавидел этого последнего мужика, Филиппа или Сидора, для которого я должен из кожи лезть и который мне даже спасибо не скажет... да и на что мне его спасибо? Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет; ну, а дальше?» [20, 325]. Между тем подобное заявление вполне соответствует основам базаровского мировоззрения. Нельзя не вспомнить, что Базаров весьма не понравился значительной части революционно-демократической молодёжи. И для этого были причины. Личности базаровского типа, если они не маскируют своих взглядов, мало уместны в той среде, где человека призывают к дисциплине, самопожертвованию, служению народу. Думается, что именно индивидуализм Базарова был одной из причин неприятия его теми, кто мечтал о хрустальных дворцах, кто идеализировал общину и верил в социалистические инстинкты русского крестьянина. Индивидуализм Базарова, кстати, хорошо почувствовал Писарев: «Ни над собой, ни вне себя, ни внутри себя он не признаёт никакого регулятора, никакого нравственного закона, никакого принципа» [16, 11]. Писарев, правда, никакого возмущения при этом не выражал, истолковывая взгляды Базарова в духе собственных утилитарных этических принципов.

Важно ещё раз подчеркнуть, что индивидуализм тургеневского героя носит во многом именно романтический характер. Ведь Базаров предстаёт перед нами во многом как мятежный бунтарь и разрушитель. Он восстает против авторитетов и готов переступить все преграды, воздвигаемые законом, властью, государством. Вспомним тот эпизод романа, когда Базаров провозглашает лозунг всеобщего,

тотального отрицания:

– В теперешнее время полезнее всего отрицание, – мы отрицаем <...>

– Как? Не только искусство, поэзию ... но и ... страшно вымолвить ...

– Всё, – с невыразимым спокойствием повторил Базаров [20, 243].

Здесь ощущается то упоение идеей отрицания, то демоническое вдохновение, которое затем привлечёт внимание Достоевского. Базаров увлечён наукой, много работает, способен к созиданию, но чувствуется, что жажда разрушения также находит отклик в его сердце. Следует добавить, что в романтизме выделяется ряд течений. Для того из них, которое связано с именем Байрона, характерна как раз идеализация отрицания. Подобной идеализации подвергаются настроения, в которых выражено неприятие не только существующего общественного порядка, но и всего мироустройства. Это было обусловлено глубоким кризисом просветительских воззрений в конце восемнадцатого – начале девятнадцатого века. Достоевский указывал, что именно в поэзии Байрона «зазвучала тогдашняя тоска человечества и мрачное разочарование его в своём назначении и обманувших его идеалах. Это была новая и неслыханная тогда муза мести и печали, проклятия и отчаяния. Дух байронизма вдруг пронёсся как бы по всему человечеству» [11, 114]. Для России нечто подобное сохраняло своё значение и в более поздний период. Наша страна, как известно, запаздывала в своём историческом развитии. Те феодальные порядки, которые на Западе были разрушены в ходе Великой Французской буржуазной революции, у нас сохранялись по крайней мере до 1861 года. Как отмечал В.В. Кожин, «русские революционные демократы, одновременно являвшиеся и просветителями – Белинский, Герцен, Щедрин, Чернышевский. Добролюбов, Некрасов, – решали в России задачи, подобные тем, которые решали во Франции такие просветители, как, скажем, Руссо или Дидро» [12, 278-279]. Но в России шестидесятых годов девятнадцатого века просветители, испытывая многочисленные иллюзии, самой историей были подведены гораздо ближе к тому, чтобы ощутить трагическое противоречие между своими идеалами и действительностью. В романе Тургенева «Отцы и дети» именно это противоречие передано с огромной художественной силой. С одной стороны, Базаров по своим взглядам очень близок к просветителям. Не случайно есть версия, что прототипом его был Добролюбов. Для Базарова характерна, особенно в начале романа, безраздельная вера в разум, в науку, в способность человека на рациональной основе перестроить и самого себя, и окружающую действительность. Но, с другой стороны, его просветительские представления всё время оказываются слишком схематичными и односторонними. Жизнь, загадочная, сложная, таинственная, постоянно опровергает тургеневского героя. В результате Базаров оказывается в состоянии духовного кризиса, глубокого нравственного смятения. По мере развития

сюжета Тургенев изображает уже не самоуверенного, а, как писал Достоевский, «беспокойного и тоскующего Базарова (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм» [8, 59]. Именно этому Базарову становятся свойственны тоска, скука, меланхолия и разочарование в жизни: «Узенькое местечко, которое я занимаю, до того крохотно в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где дела до меня нет; и часть времени, которую мне удастся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня не было и не будет...» [20, 323] Тургенев передаёт здесь герою не только свои мысли и чувства, свои настроения космического пессимизма, но и ту мировую скорбь, которая впервые была отражена в творчестве великого английского поэта. Эта скорбь проявляется в рассуждениях Базарова не случайно. Масштаб личности героя настолько значителен, что сфера его чувств и переживаний выходит далеко за пределы тех проблем, которые волновали «мыслящих реалистов» 60-х годов.

Конечно, байронические мотивы звучат в романе Тургенева достаточно приглушённо. Но они становятся совершенно очевидными, когда нигилиста начинает изображать Достоевский. Создавая образ Ставрогина, в котором даётся один из вариантов базаровского типа, Достоевский специально подчёркивает в своём герое байроническое начало: «Его воспитатель сумел дотронуться в сердце своего друга до глубочайших струн и вызвать в нём первое, ещё неопределённое ощущение той вековой, священной тоски, которую иная избранная душа, раз вкусив и познав, уж не променяет потом никогда на дешёвое удовлетворение» [9, 35].

У Достоевского было сложное отношение к байронизму. Он признавал значение великого поэта и видел в его творчестве выражение одного из важнейших моментов духовного развития европейского общества. Но разочарование в просветительских идеалах Достоевский считал уже пройденным этапом. Он верил, что России предстоит открыть всему миру истины Православия, показать пример настоящего братства и любви к людям. В свете этих религиозно-философских воззрений писателя байронический герой предстал как тип человеческой личности, достойный резкого осуждения. Можно ещё раз напомнить, что восприятие тургеневского Базарова двойится в художественном мире Достоевского. Именно такое двойственное восприятие становится одним из импульсов к созданию образа Ставрогина. Проницательный критик С. Рассадин пишет: «Смесь гоголевского гротескного буяна и романтичнее-го из поэтов – взрывоопасна. И, главное, если всё-таки не примем сказанное Верховенским-старшим за формулу базаровского феномена, то она точь-в-точь подходит тому, кто, не будь Базарова, может быть, и не появился бы на свет. Николаю Ставрогину. Его чисто ноздрёвским безобразиям, преступающим нормы и приличий и нравственности; его почти байроновской жертвенности. Пусть даже Грецию, за которую отправился жертвенно умирать (и умер)

Джордж Гордон Байрон, в безумно-нелепом мире Бесов заменила безумная же «хромоножка» Марья Тимофеевна, с которой богач и красавец Ставрогин пошёл под венец» [17, 135]. Писатель тщательно воспроизводит важнейшие особенности байронического героя и одновременно вносит очень серьёзные изменения в структуру его характера. С одной стороны, Ставрогин описывается так, что он вполне соответствует высокому романтическому герою. Этот аристократ и нигилист красив, силен, смел, умен, таинственен. Ему свойственно сознание своего превосходства над другими людьми, спокойная властность и гордость. Ставрогин буквально царит над окружающими в силу своего неоспоримого превосходства над ними. С другой стороны, многие его действия, его преступления отличаются какой-то исключительной низостью и некрасивостью. Вспомним исповедь Ставрогина, когда он признаётся Тихону в насилии над маленькой девочкой:

– Итак, вы в одной форме, в слог, находите смешное? – настаивал Ставрогин.

– И в сущности. Некрасивость убьёт, – прошептал Тихон, опуская глаза.

– Что-с? Некрасивость? Чего некрасивость?

– Преступления. Есть преступления поистине некрасивые. В преступлениях, каковы бы они ни были, чем более крови, чем более ужаса, тем они внушительнее, так сказать картиннее; но есть преступления стыдные, позорные, мимо всякого ужаса, так сказать, даже слишком уж не изящные...

– То есть, – подхватил в волнении Ставрогин, – вы находите весьма смешною фигуру мою, когда я целовал ногу грязной девчонки... и всё, что я говорил о моём темпераменте и... ну и всё прочее... понимаю. Я вас очень понимаю. И вы именно потому отчаиваетесь за меня, что некрасиво, гадливо, нет, не то что гадливо, а стыдно, смешно, и вы думаете, что этого-то я всего скорее не перенесу?

Тихон молчал [10, 28].

Известный литературовед И.Л. Альми справедливо отмечает, что «по Достоевскому, в «бесовстве» чрезвычайно значителен момент пародирования высокого, искажения «образца». В облике Ставрогина ореол, полученный в наследство от романтической поэзии, совмещается с проявлениями безобразно смешного начала (реакция Тихона на исповедь великого грешника» [1, 7].

В свое время гуманисты совершили своеобразный переворот в литературе, когда стали поэтизировать Сатану, Мефистофеля и всех тех, кто служит идее отрицания и разрушения. Особенно увлекались этим революционные романтики, которые возвеличивали образ бунтаря, мятежника, разбойника и т.д. Личность должна была лишь быть масштабной, чтобы стать предметом эстетического восхищения. Такая личность, как, например, Манфред или Каин у Байрона, вполне могла проявлять себя именно в нарушении запретов, в преступлении. При этом, разумеется, речь шла о возвышенных преступлениях. Но

ведь преступление может быть и низменным, безобразным. Романтикам возможность таких преступлений в голову не приходила, хотя, в принципе, как показывает Достоевский, это вполне соответствовало их ценностным установкам, где этическое и эстетическое могли и не совпадать. Ведь байронический герой воспринимает себя как центр мироздания. Всё соотносится с ним, и поэтому для него нет иерархии высокого и низкого, прекрасного и уродливого.

Для Ставрогина невыносима мысль о том, что кто-то или что-то может поставить предел его свободной воле. Стремясь к безграничному самоутверждению, он неизбежно приходит в столкновение с тем миропорядком, который установлен Богом. Ставрогин говорит о том, что он с одинаковым удовольствием может сделать как доброе, так и злое дело: «Я всё так же, как и всегда прежде, могу пожелать сделать доброе дело и ощущаю от того удовольствие; рядом желаю и злого и тоже чувствую удовольствие» [9, 514]. Можно предположить, что Ставрогин в равной мере способен к добру и злу. Это не совсем так. Он как раз очень предсказуем. Если он делает что-то хорошее, то у него обязательно возникает желание это испортить, разрушить, уничтожить. Ему хочется переступить ту черту, за которой чудится полная свобода от всех запретов. Чем более возвышенными и прекрасными являются его действия в определённый момент, тем более острое наслаждение доставляет ему предчувствие, что он всё это разрушит. Ставрогин отравлен злом. Все его самоотверженные поступки, все его подвиги изначально таят в себе зло, они двусмысленны. Ставрогин способен публично признать свой брак с хромоножкой, но всё кончится тем, что она будет убита по его согласию. Он прощает пощёчину, полученную им от Шатова, но в конечном счёте также позволит убить его. Он пишет свою исповедь-покаяние, но она становится дерзким вызовом как людям, так и Богу. Подобное влечение ко злу и разрушению может показаться каким-то странным извращением. Но здесь проявляется именно закономерность. Достоевский сумел её понять и показать потому, что он оценивал романтического героя как христианский писатель.

Переоценка байронической личности – одна из важнейших особенностей романа Достоевского. Она проявляется не только в сюжетной основе «Бесов», но и в самой манере изображения. Писатель, с одной стороны, разрушает тот особый ореол, блеск и обаяние, которые окружают романтического героя, с другой – всемерно подчёркивает в нём проявление бесовских сил.

И заглавие произведения, и оба эпиграфа к нему, стихотворение Пушкина «Бесы» и евангельский рассказ о бесах, изгнанных Христом из одержимого ими и вошедших в стадо свиней, свидетельствует о том, что темой романа служит проявления бесовского начала в русском обществе.

Конечно, демонология романа «Бесы» всё же во многом отличается от средневековых мисте-

рий. Борьба с демоническими силами перенесена у Достоевского в духовную сферу человека. В романе прежде всего показано, через какие стороны души бесовское начало способно воплотиться в человеческой жизни. Одни и те же сцены можно воспринимать как в реалистическом, так и мистическом смысле. Тогда возникает ощущение, что главный герой романа Ставрогин одержим бесом (или бесами), о чём свидетельствуют с очевидностью его галлюцинации, в которые он погружается: «И вдруг он, впрочем в самых кратких и отрывистых словах, так что иное трудно было и понять, рассказал, что он подвержен, особенно по ночам, некоторого рода галлюцинациям, что он видит иногда или чувствует подле себя какое-то злобное существо, насмешливое и «разумное», «в разных лицах и в разных характерах, но оно одно и то же, а я всегда злюсь...» [10, 218]. Ставрогин видит себя во власти дьявола, он чувствует живое присутствие чёрта, видит его воочию перед собой, хотя, осмысливая эту сцену в реалистическом смысле, мы можем истолковать появление перед ним чёрта как галлюцинацию.

Анализируя личность Ставрогина, нельзя не остановиться на том, как Достоевский изображает тех героев романа, которые попали под его влияние.

Про Кириллова ему говорят: «Вы утверждали в нём ложь и клевету и довели разум его до иступления... Подите взгляните на него теперь, это ваше создание...» (9, 197). Но то же самое можно сказать и о многих других персонажах романа. Вот, например, описание одного из главных нигилистов в романе. Согласно правильному замечанию Волынского А.Л. в его работе «Книга великого гнева» Достоевский придал Петру Степановичу Верховенскому даже внешний вид чёрта:

«Никто не скажет, что он дурен собой, но лицо его никому не нравится. Голова его удлинена к затылку и как бы сплюснута с боков, так что лицо его кажется острым. Лоб его высок и узок, но черты лица мелки; глаз острый, носик маленький и остренький, губы длинные и тонкие. Выражение лица словно болезненное, но это только кажется. У него какая-то сухая складка на щеках и около скул, что придаёт ему вид как бы выздоравливающего после тяжкой болезни. И, однако же, он совершенно здоров, силен и даже никогда не был болен <...> Выговор у него удивительно ясен; слова его сыплются, как ровные, крупные зёрнушки, всегда подобранные и всегда готовые к вашим услугам. Сначала это вам и нравится. Но потом станет противно, и именно от этого слишком уже ясного выговора, от этого бисера вечно готовых слов. Вам как-то начинает представляться, что язык у него во рту, должно быть, какой-нибудь особенной формы, какой-нибудь необыкновенно длинный и тонкий, ужасно красный и с чрезвычайно острым, беспрерывно и невольно вертящимся кончиком» (9, 144).

Пётр Степанович стал нигилистом под влиянием Ставрогина, это его создание. Именно от главного героя романа идёт то бесовское начало, которое

вдруг проступает в облике младшего Верховенского. Поэтому приведённая выше цитата также может быть использована для объяснения личности Николая Ставрогина. Подобных страниц в романе много. Как отмечали неоднократно различные исследователи, все более или менее значительные образы романа являются душевными персонифицированными проявлениями одно существа – Ставрогина. Поэтому можно утверждать, что когда в том или ином персонаже «Бесов» вдруг начинает проявляться злая потусторонняя сила, писатель показывает не только его, но и Ставрогина.

Подобное изображение почти всегда имеет двойной план. Если на страницах «Бесов» описывается скандал, припадок, убийство и т. д., то любую подобную сцену можно воспринимать, давая ей реалистическое и психологическое истолкование, но можно видеть в ней мистический смысл, можно видеть описание людей, попавших под власть бесов. Г.А. Меер в книге «Свет в ночи (О «Преступлении и наказании»)» утверждает: «Нельзя ни на минуту забывать, читая «Преступление и наказание», «Бесов» и «Братьев Карамазовых», что в свои зрелые годы, по-

сле духовных прозрений, посетивших его на каторге, Достоевский по средневековому, подобно Гоголю, верил в реальное существование дьявола» [14, 19]. Возможно, что это утверждение слишком категорично, но оно хорошо передаёт то художественное впечатление, которое остаётся у нас после чтения Достоевского. Великий писатель называл свой метод «реализмом в высшем смысле» потому, что он стремился показать действительность такой, какой она предстаёт в восприятии христианина.

Подводя общий итог, необходимо подчеркнуть следующее. В романах Тургенева и Достоевского отразилась история духовного развития как русского, так и европейского общества. Байронизм был одним из его этапов, и настроения мировой скорби, разочарования в жизни не могли не проявиться у таких важнейших персонажей классической литературы, как Базаров и Ставрогин. Но если Тургенев, изображая необычайно масштабную личность своего героя, в известной мере сохраняет романтическую традицию, то Достоевский качественно её переосмысливает в свете христианского идеала.

Библиографический список

1. Альми И.Л. О составе «поэмы» в романе «Бесы» // Достоевский и современность. Новгород, 1989.
2. Антонович М.А. Литературно-критические статьи. М., Л. 1961.
3. Бялый Г.А. Тургенев и русский реализм. М., Л. 1962.
4. Бялый Г.А. О психологической манере Тургенева (Тургенев и Достоевский) // Русская литература. 1968. № 4. С. 46-47.
5. Буданова Н.Ф. Достоевский и Тургенев. Творческий диалог. Л., 1987.
6. Григорьев А.А. И.С.Тургенев и его деятельность. По поводу романа «Дворянское гнездо» / Григорьев А.А. Литературная критика. М., 1967.
7. Гутман Д.С. Тургенев и Байрон // Курский госуд. пед. инст. Уч. зап. Т.74. 3-й межвузовский тургеневский сб. Орёл -1971.
8. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л. 1972-1985. Т. V.
9. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л. 1972-1985. Т. X.
10. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л. 1972-1985. Т. XI.
11. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л. 1972-1985. Т. XXVI.
12. Кожин В.В. О принципах построения истории литературы // Контекст – 1972. М., 1972.
13. Маркович В.М. О русском реализме XIX века // Вопросы литературы. 1978. №9.
14. Меер Г.А. Свет в ночи (о «преступлении и наказании»). Париж, «Посев», 1967.
15. Овсянко-Куликовский Д.Н. Собр. соч.: В 9 т. СПб, 1909. Т. 2.
16. Писарев Д.И. Соч.: В 4 т. М., 1955. Т.2.
17. Рассадин С.Б. Русская литература от Фонвизина до Бродского. М., 2001.
18. Страхов Н.Н. Литературная критика. СПб., 2000.
19. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.-Л., 1960-1968. П., Т. I.
20. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.-Л., 1960-1968. С., Т. 8.
21. Фриборн Р. Франкенштейн и Базаров // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1995.

References

1. Almy I.L. About composition of the «poem» in the novel «The Devils» // Dostoevsky and contemporaneity. Novgorod, 1989.
2. Antonovich M. A. Literary and critical articles. M.- L., 1961.
3. Bjalyj G. A. Tyrgenev and Russian realism. M.-L., 1962.
4. Bjalyj G. A. About Tyrgenev's psychological manner (Tyrgenev and Dostoevsky) // Russian literature. 1968. №4. P. 46-47.
5. Budanova N.F. Dostoevsky and Tyrgenev. Creative monologue. L. 1987.
6. Grigoryev A. A. Literary criticism. M., 1967.
7. Gytman D. S. Tyrgenev and Byron // Kyrsk State pedagogical institute. Scientific notes. V. 74. 3 Tyrgenev's

collection. Orel – 1971.

8. Dostoevsky F. M. Complete works: In 30 v. L. 1972-1985. V. V.
9. Dostoevsky F. M. Complete works: In 30 v. L. 1972-1985. V. X.
10. Dostoevsky F. M. Complete works: In 30 v. L. 1972-1985. V. XI.
11. Dostoevsky F. M. Complete works: In 30 v. L. 1972-1985. V. XXVI.
12. Kozhinov V. V. History of literature : building principles // Context – 1972.
13. Markovich V. M. About Russian realism XIX century // Problems of literary. 1978. № 9.
14. Meer G. A. Light into night (About «Grime and Punishment»). Paris, «Crops», 1967.
15. Ovsjanniko-Kulikovskiy D. N. Collected works: In 9 v. SPb., 1909. V. 2.
16. Pisarev D. I. Works: In 4 v. M., 1955. V. 2.
17. Rassadin S. B. Russian literature from Fonvizin to Brodsky. M., 2001.
18. Strahov N. N. Literary criticism. SPb., 2000.
19. Tyrgenev I. S. Complete works and letters: In 28 v. M.- L., 1960-1968. L. V. I.
20. Tyrgenev I. S. Complete works and letters: In 28 v. M.- L., 1960-1968. W. V. 8.
21. Freeborn R. Frankenstein and Bazarov // Bulletin Moscow university. Series 9. Philology. 1995.

УДК 821.161.(091) - 4 ПЛАТОНОВ А.

UDC 821.161.(091) - 4 ПЛАТОНОВ А.

И.В. ЛУКИН

аспирант кафедры русской литературы XI–XIX веков
Орловского государственного университета
E-mail: LUKINGOR@yandex.ru

I.V. LUKIN

postgraduate student of Department 'Russian Literature
of XI-XIX centuries', Orel State University
E-mail: LUKINGOR@yandex.ru

**ОБЩНОСТЬ ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «ЯМСКАЯ СЛОБОДА» И ЕГО РАССКАЗОВ
«МУСОРНЫЙ ВЕТЕР» И «РЕКА ПОТУДАНЬ» В МИФОПОЭТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

**THE SIMILARITY OF THE NOVEL "YAMSKAYA SLOBODA" AND SHORT STORIES
"MUSORNY VETER" AND "THE RIVER POTUDAN" BY ANDREI PLATONOV**

В статье анализируется сходство мифологических мотивов повести Андрея Платонова «Ямская слобода» и рассказов «Мусорный ветер» и «Река Потудань». Выяснение причин общности мифопоэтического субстрата этих произведений указывает на типичность конфликта между бездуховной средой и носителем светлого сознания в творчестве Платонова.

Ключевые слова: Платонов, мифопоэтика, автоинтертекстуальность, квазисмерть, сознание.

In this article the author analyses the similarity of mythological motives of the novel "Yamskaya Sloboda" and short stories "Musorny Veter" and "The River Potudan" by Andrei Platonov. Identifying the reasons of the community of mythopoetic substrate in these pieces helps to point out the typical nature of the conflict between the spiritually impoverished environment and the bearer of the "clear consciousness" in Platonov's works.

Keywords: Platonov, mythopoetics, auto-intertextuality, quasi-death, consciousness.

Автоинтертекстуальность прозы Платонова – явление, которое затрагивают в своих работах почти все исследователи его творчества. Леонид Карасёв по этому поводу даже заметил: «Платонов на редкость однообразный писатель» [11: 26]. Тот же учёный, говоря о тесной связи текстов Платонова между собой, отмечает: «Нечто подобное можно увидеть у Достоевского, где одни и те же элементы, настойчиво повторяясь, создают «эмблематический сюжет» или «онтологическую схему», контуры которой проступают почти во всех его крупных вещах» [10: 123]. Автоинтертекстуальность творчества Платонова во

многом обусловлена мифопоэтическими образами и категориями, которые можно встретить в текстах писателя (зачастую эти тексты написаны с разницей в десятилетия).

Цель нашей работы – исследование общности мифопоэтических мотивов повести «Ямская слобода» и рассказов «Мусорный ветер» и «Река Потудань». Конечно, поиск общих мифолого-фольклорных истоков трёх произведений Платонова важен не сам по себе, а как средство для интерпретации текстов писателя. Нам важна не столько отдельно взятая автоинтертекстуальность Платонова, сколько «онтоло-

гическая схема» его творчества, попытка обозначить идейный универсум его произведений на основе анализа их мифопоэтических элементов. Исследование связей Платонова с мифологией, являющейся субстратом многих его произведений, позволит лучше увидеть скрытые смыслы, раскрыть иносказания в творчестве писателя. На наш взгляд, любой мифопоэтический элемент в прозе Платонова – метафора, а задача исследователя состоит в том, чтобы найти область-источник и область-мишень этой метафоры (второе, конечно, важнее). Стимулом к анализу мифопоэтики повести «Ямская слобода» и рассказов «Мусорный ветер» и «Река Потудань» послужило не только сходство мифолого-фольклорных мотивов этих произведений, но и их общая автоинтертекстуальная близость¹. Возможно, такая близость обусловлена общностью идеи выбранных нами текстов, тем, что Л.В. Карасёв называет «онтологической схемой» [10: 123]

Мифопоэтические элементы, присутствующие в выбранных для анализа текстах, являются по большей части отражением коллизий, происходящих с Филатом, Альбертом Лихтенбергом и Никитой Фирсовым. Главный герой повести «Ямская слобода» предстаёт перед читателем в начале второй главы и характеризуется как человек «без памяти о своём родстве» [15: 73], «забывший сам себя» [15: 97], как человек, которому «некогда было опомниться» [15: 97]. В описании Филата и жизни, которую он ведёт, часто фигурируют мотивы забвения и самозабвения. Мотив беспамятства присутствует и в рассказе «Мусорный ветер», где Альберт Лихтенберг «забыл себя – по своему житейскому обыкновению» [17: 288]. Особенно заметна роль амнезии в рассказе «Река Потудань» – беспамятство Никиты Фирсова фигурирует с первых абзацев произведения и сопровождает героя вплоть до его возвращения к Любе из слободского рынка: «они шли теперь жить точно впервые, смутно помня себя, какими они были три-четыре года назад» [15: 280]², «под вечер он [Никита Фирсов – И.Л.] потерял память» [15: 293], «...многолюдство народа, шум голосов, ежедневные события отвлекали его [Никиту Фирсова – И.Л.] от памяти по самому себе и от своих интересов – пищи, отдыха, желания увидеть отца» [15: 304]. Потеря памяти может быть приравнена к утрате человеком своей идентичности, является формой его духовной смерти [см. 18: 431]. В русской мифологии амнезия несёт в себе танатологические черты, связана с представлениями об ином мире (ср. образ славянской Забыть-реки). В анализируемых произведениях беспамятство связано

с обезличиванием, безумием героев. Как для Филата, так и для Лихтенберга с Фирсовым беспамятство является признаком духовной смерти, о которой писал Элиаде [см. 18: 431] (в платоноведении это называется *квазисмертью*). Причём Платонов делает акцент не просто на потере памяти, а на самозабвении, что тесно связано с безумием: «Забывший сам себя Филат никогда не видел окрестностей за околицей слободы, только помнил свою детскую деревню, где рос с матерью. Филату от работы некогда было опомниться и подумать головой о постороннем, – и так постепенно и нечаянно он отвык от размышления; а потом, – когда захотел, – уже нечем было: голова от бездействия ослабла навсегда» [15: 97]. О сознании Лихтенберга лучше всего говорит эпиграф «Мусорного ветра»:

«Оставьте безумие моё.
И подайте тех,
Кто отнял мой ум».
«Тысяча и одна ночь»

Описывая состояние Фирсова на слободском рынке, Платонов отмечает, что его герой жил в «бедности ума» [15: 305]. Ещё одной характерной особенностью Филата, Лихтенберга и Фирсова является немота или молчание этих героев. В «Ямской слободе» Филат является персонажем, который «никогда не имел надобности говорить с человеком» [15: 75], Лихтенберг у Платонова характеризует себя сам: «Я безмолвный» [17: 283]. Весьма частотны упоминания о немоте Никиты Фирсова из «Реки Потудани» (особенно это заметно, когда Фирсов находится на слободском рынке): «Сторож подумал, что это – немой человек» [15: 304], «отвыкнув сначала говорить, он и думать, вспоминать и мучиться стал меньше» [15: 304]. Немота, по мифологическим представлениям, «выявляет принадлежность того или иного существа к потустороннему миру» [1: 303]. Долгое молчание человека связывается с его чужеродностью и нечистотой. И, действительно, Филат, Лихтенберг и Фирсов (который на слободском рынке выглядит «чужим, утомлённым существом» [15: 303]) выделяются в этом отношении на фоне других персонажей.

Всё это (беспамятство, безумие, немота и, вдобавок, ярко выраженная неспособность к физической любви) способствуют не просто обезличиванию, а обесчеловечиванию Филата, Лихтенберга и Фирсова. Филат из «Ямской слободы» похож скорее не на человека, а на безмолвную лошадь, которая выполняет такую же «бессмысленную, беспросветную, тоскливую работу» [5: 132]. С ещё большей очевидностью показано обесчеловечивание Лихтенберга из «Мусорного ветра» – этот герой в прямом смысле превращается в животное. Вообще, ситуация, когда человек сливается с животным в творчестве Платонова не редка (В «Записных книжках» писатель отмечает: «Не лестница эволюции, а смешение живых существ, общий конгломерат» [16: 213]). Ханс Гюнтер в статье «Смешение живых существ»: человек и животное у А. Платонова» [8] анализирует

1 Время написания произведений Платонова в этой работе существенного значения не имеет, но для удобства сначала будут анализироваться мифолого-фольклорные мотивы «Ямской слободы» (поскольку эта повесть датируется 1927 годом), затем рассказа «Мусорный ветер» (1933) и, наконец, рассказа «Река Потудань» (1937). Очередность упоминаний персонажей Платонова также обусловлена очередностью создания произведений, в которых эти персонажи фигурируют.

2 Слово *они* здесь относится к демобилизованным солдатам, к которым примыкал и Никита Фирсов.

целый ряд, так называемых, антропозоологических образов прозы писателя. Исследователь приводит историю отношения к животным в русской литературе и заключает, что Платонов, несомненно, следует традициям в создании антропозоологических образов. При этом Гюнтер отмечает, что в русской литературе особое место занимает именно образ лошади, как символ страданий всех угнетённых и униженных. Безмолвие животных вызывает у русских писателей и поэтов особое сочувствие, что, в частности, подтверждают строки Заболоцкого:

«И если б человек увидел
Лицо волшебное коня,
Он вырвал бы язык бессильный свой
И отдал бы коню.
Поистине достоин
Иметь язык волшебный конь» [9: 81]

Гюнтер пишет: «Отсутствие языка у животных является схожим мотивом у Заболоцкого и Платонова. У обоих немота животных компенсируется подчеркнутой выразительностью лица, и в особенности глаз» [8]. Но если сравнение Филата с лошастью имеет положительные коннотации – «традиционно лошадь символизирует благородное существо, превосходящее человека своими мифическими или божественными качествами» [8], – то метаморфоза Лихтенберга имеет абсолютно негативный характер. Ханс Гюнтер пишет, что «Мусорный ветер» изобилует примерами «регрессивной метаморфозы» [8], и превращение Лихтенберга это подтверждает – в его личном формуляре произведена запись: «Новый вид социального животного, обрастает волосатым покровом, конечности слабеют, половые признаки неясно выражены, и к определённому сексуальному роду этого субъекта, изъятого из общественного обращения, отнести нельзя, по внешней характеристике головы – дебил, говорит некоторые слова, произнёс без заметного воодушевления – верховное полутело Гитлер – и умолк. Бессрочно» [17: 282]. В «Реке Потудани» потеря Фирсовым человеческой сущности описана не столь явно. Однако безмолвие Никиты на слободском рынке и потеря им памяти о своей прошлой, «человеческой» жизни могут служить признаками того, что этот герой у Платонова является антропозоологическим. Вдобавок в слободе Кантемировке Фирсов охарактеризован как «чужое, утомлённое существо» [15: 303]. Что же послужило поводом к такому состоянию героев Платонова? Почему Филат, Лихтенберг и Фирсов утратили память, язык, ум и превратились в «утомлённых существ» [15: 303]? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо указать ещё на некоторые совпадения мифопоэтических элементов повести «Ямская слобода» и рассказов «Мусорный ветер» и «Река Потудань».

Образ ямы типичен для платоновской прозы, что видно, в том числе, и на примере произведений, выбранных нами для анализа. Филат – батрак, выполняющий жителям слободы различную рабо-

ту за пропитание. Среди прочего Платонов описывает, как Филат вычищает выгребную яму Захара Васильевича, избавляя его от необходимости услуг золотаря Понтия (само название повести «Ямская слобода» фонетически сходно со словом *яма*). В «Мусорном ветре» неизвестный человек поднимает Лихтенберга от подножия памятника Гитлеру и затем бросает в помойную яму. Находясь среди отбросов, Лихтенберг мечтает о совсем иной, светлой реальности: «Лихтенберг в омрачённой глубине своего ума представил чистый, нормальный свет солнца над влажной, прохладной страной, заросшей хлебом и цветами, и серьёзного, задумчивого человека, идущего вослед тяжёлой машине» [17: 280]. В яме же Лихтенберг убивает крысу, которая грызла его во сне, а затем, «желая возратить из неё собственное мясо и кровь» [17: 281], съедает «маленького зверя» [17: 281]. В «Реке Потудани» описан базарный сторож, который за еду нанимает работников, чтобы они чистили отхожие места, убирали мусор и т.д. В число таких работников попадает и Никита Фирсов, который на слободском рынке либо роет ямы для нечистот, либо их вычищает. При этом однажды встречается описание того, как Фирсов «спал на крышке выгребной ямы» [15: 303]. Очевидно, что все три героя Платонова так или иначе связаны с ямой, причём, яма эта всегда заполнена нечистотами. В мифологических представлениях славян яма – место, связанное с иным миром, место, через которое возможен контакт с загробным царством. Поэтому неслучайно, что герои Платонова зачастую именно в яме испытывают квазисмерть³. В пользу танатологической характеристики образа ямы в творчестве Платонова говорит и та пища, которую в ней (либо из неё) едят Лихтенберг и Фирсов: «Обратность» того света по отношению к земному миру может быть отмечена и в поверьях, по которым умершие питаются антипищей (падалью, навозом)» [6: 446]. Лихтенберг, находясь в яме, употребляет еду несвежую, ест помои, а базарный сторож из «Реки Потудани» кормил своих работников отходами, взятыми из «помойного места» [15: 303].⁴ Крыса, грызущая Лихтенберга, сравнима со хтоническими чудовищами подземного царства, что подкрепляет версию о связи образа ямы с мифопоэтикой иного мира в рассказе Платонова «Мусорный ветер».

Анализ мифопоэтики образа ямы важен здесь потому, что этот образ является у Платонова квинтэссенцией всей действительности, в которую погружены Филат, Лихтенберг и Фирсов. Ямская слобода изображена Платоновым как место, отделённое от остального мира, как закрытое царство: «мир где-

3 Н. Малыгина, исследуя автоинтертекстуальность Платонова, замечает, что для его героев характерно «погружение на «дно» жизни: в яму, в могилу, «растворение» в космосе, воде, предполагающее будущее воскрешение» [13: 63].

4 В повести «Ямская слобода» мотив антипищи не фигурирует, но Филат, обедая вместе с семьёй Захара Васильевича, вынужден есть кашу с волосами, чтобы не обидеть хозяйку. Так или иначе, мотив нечистой еды присутствует во многих произведениях Платонова.

то бушевал молча, не доходя до слободы своим голосом» [15: 106], а в первой главе повести сказано, что предки слобожан «быстро дичали в дальней заброшенности» [15: 70]. Кроме того, в ходе повествования неоднократно фигурирует мотив низины, оврага, что, возможно, связывает «Ямскую слободу» с мифопоэтикой иного мира: прадед Захара Астахова убеждает учёного Бергравена, который ищет «пуп земли» [15: 72], в том, что предмет его поисков располагается в овраге; во время крестного хода «старухи спустились в слободской лог и скрылись за кустарником» [15: 107]. Вдобавок символичными являются строки: «Ежедневно человек из глубины и низов земли заново открывал белый свет над головой и питался кровью удивительных надежд» [15: 106]. И посреди этого отдельного мира находится Филат, который чувствует себя в Ямской слободе подобно Лихтенбергу, брошенному в яму: «Чего он желал – Филат не знал. Иногда ему хотелось очутиться среди множества людей и заговорить о всём мире, как он одиноко догадывался о нём. Иногда – выйти на дорогу и навсегда забыть Ямскую слободу, тридцать лет дремучей жизни и то невыразимое сердечное тяготение, которое владеет, наверное, всеми людьми и увлекает их в темноту судьбы» [15: 105]. Филат, который «никогда не видел окрестностей за околицей слободы» [15: 97], находится в заточении окружающего его мещанства и мечтает увидеть другой мир – это «удивительная надежда» [15: 106] как Филата, так и Лихтенберга. Алексей Варламов пишет, что Филат «становится жертвой человеческих страстей и инстинктов в небольшом поселении» [5: 131]. Действительно, главный герой Ямской слободы не вписывается в атмосферу корыстолюбия и бездуховности окружающего мира и теряет в нём память о себе. Филат, в отличие от остальных слобожан, не может приспособиться к жестокой действительности, но и реализовать имеющийся в нём потенциал тоже не в силах. На первый взгляд может показаться странным, что Платонов поставил в центр своей повести такого неспособного к яркой мысли, безвольного персонажа, как Филат. Но если Филат пытается мыслить («В ленивом или бездельном человеке всегда вырастают скорби и мысли, как сорная трава по бросовой непаханой почве. Так случилось и с Филатом; но голова его, заросшая покойным салом бездействия, воображала и вспоминала смутно, огромно и страшно – как первое движение гор, заледеневших в кристаллы от давления и девственного забвения» [15: 101]), то другие слобожане абсолютно лишены какого-либо духовного начала. Только в разговоре Свата и Миши поднимается вопрос о пользе и вреде ума – эти персонажи способны на раздумие, даже в какой-то мере философичны, но в слободе они пришлые люди зрелого возраста. Филат же находится в «яме» Ямской слободы сызмальства, поэтому его мыслительная деятельность – это лишь потенциальная возможность. Алексей Варламов пишет: «Физическое для Филата – следствие ду-

ховного, он ещё не одухотворённый, но готовый к одухотворению человек» [5: 131]. Примерно ту же мысль высказывает и Сват: «Ничего, Филат, пушай голова отдохнёт, когда-нибудь и она задумается!» [15: 85].⁵ В связи с образом Филата, вынужденного проживать среди бездуховных людей, вспоминается образ ветхозаветного Лота, о котором апостол Пётр писал следующее: «...а праведного Лота, утомлённого обращением между людьми неистово развратными, избавил (ибо сей праведник, живя между ними, ежедневно мучился в праведной душе, видя и слыша дела беззаконные)» (2-е Послание Петра 2: 7 – 8).

Если Филат мучается в яме мещанства, то Лихтенберг мучается в яме фашизма. Реальность, которая окружает главного героя рассказа «Мусорный ветер», подобно Ямской слободе, отделена от остального мира и составляет особое царство, которое Андрей Платонов называет «царством мнимости» [17: 275]. Это царство, где настоящий смысл человеческого бытия заменён ложными идеалами фашизма и мнимым восторгом. М. Геллер в книге «Андрей Платонов в поисках счастья» показывает, что подобная ситуация интересовала писателя ещё в 1926 году (непосредственно перед созданием «Ямской слободы»), когда он сделал запись: «Всё замещено! Всё стало подложным! Всё не настоящее, а суррогат!» [7: 355]. К. Баршт, анализируя действительность, созданную Платоновым в рассказе «Мусорный ветер», замечает, что в этом «царстве мнимости» [17: 275] «органическое тело признаётся важнейшим элементом существования человека (собственно – всем человеком), а философское размышление становится чем-то маргинальным, необязательным для человека, чем можно заниматься лишь «в свободное от работы время» [3: 64]. Для Платонова мысль по отношению к телу первична, а тело является лишь инструментом сознания, поэтому идеологию, описанную Барштом, писатель признать не мог. И посреди этого «царства мнимости» [17: 275], отвергающего примат мысли, находится Альберт Лихтенберг. Вокруг него, как и вокруг Филата из «Ямской слободы», люди не способны жить сознанием, причём люди эти находятся зачастую на вершине социальной лестницы: «Гитлер не мыслит, он арестовывает, Альфред Розенберг мыслит лишь бессмысленное, папа римский не думал никогда, но они существуют ведь!» [17: 280]. В отличие от Филата, Лихтенберг, находясь в «царстве мнимости» [17: 275], мыслит весьма ярко, чем выделяется на фоне остальных персонажей рассказа. К. Баршт в статье «Мусорный ветер» А. Платонова: спор с Декартом» пишет: «В повести Платонова «мусорному ветру» энтропии, который продолжает ве-

5 Впрочем, нельзя сказать, что сознание Филата в Ямской слободе полностью беспросветно. В повести встречаются места, когда он напоминает мать и детскую деревню, где когда-то жил. В гностической мифологии память о прошлой жизни (анамнез) – свидетельство духовного возрождения героя, потерявшего идентичность. Важно также и то, что Филат, подобно Мише и Свату, родом не из Ямской слободы, но попав туда в детстве, он не смог сохранить свою суть, испытал квазисмерть.

ять в Новой истории человечества, противопоставит самоценное, продуктивное и непосредственно выражающее себя в мысли «вещество-энергия» сознания Лихтенберга...» [3: 66]. По мысли исследователя, превращение Лихтенберга в животное обусловлено «низким уровнем умирающей от «мусора» Земли» [3: 65] и свидетельствует о том, что сознание героя достигло такого широкого масштаба, что его тело начало деградировать: «...резкое истощение энергетики Земли, телесной энергии платоновского праведника может привести к тому, что его сознание начнёт бесконечно расширяться и укрепляться, но тело будет преодолевать путь «обратный по Дарвину» [3: 64]. На первый взгляд, такая гипотеза противоречит эпиграфу рассказа и характеристике Лихтенберга как человека безумного. Но в народной традиции персонаж, прямо названный дураком, является единственным, кто способен выполнить указания фольклорного царя или отца, пересечь границу миров и благополучно вернуться домой. В народной культуре дурак – носитель сокровенного знания, как и безумный Лихтенберг в рассказе «Мусорный ветер». Примечательно, что и в русской литературной традиции есть подобные примеры – ср. роман Достоевского, где моральным центром произведения выступает «идиот» князь Мышкин. Кстати, понимание Платоновым сущности этого персонажа имеет в контексте нашей работы важное значение. В рецензии на спектакль «Идиот» Платонов отмечает, что Мышкин «вышел уже из власти пола и вошёл в царство сознания» [цит. по 12: 146], что, по мнению писателя, является его несомненным достоинством.

Рассказ «Река Потудань» посвящён судьбе демобилизованного красноармейца Никиты Фирсова, который не сумел сразу освоиться в послевоенной действительности. Неспособность к полноценной супружеской жизни с женой Любой толкает Фирсова на бегство в слободу Кантемировку, где упадок его душевных сил достигает крайней степени. Фирсов отлучается из дома и, подобно сказочным персонажам, с помощью проводника (нищего) попадает в совершенно иную реальность (сходная ситуация встречается в сказках [См., например, Аф., №№ 128 – 130]). Слободу Кантемировку можно сопоставить с мифопоэтическим потусторонним измерением так же, как это было сделано при анализе действительности, окружающей Филата и Лихтенберга: именно на слободском рынке Никита достигает высшей точки самозабвения, теряет язык и становится «утомлённым существом» [15: 303]. Рытмём выгребных ям Фирсов также занимается в слободе Кантемировке, а не в каком-либо другом месте ⁶. Весь слободский рынок в целом становится для Никиты ямой, где он испытывает духовную смерть. В этом плане символично, что Кантемировка является слободой, как и

место, где прозябает Филат из повести Платонова. В суетной, мещанской атмосфере рынка Фирсов теряет идентичность и испытывает квазисмерть, однако абсолютно отрицательным это явление назвать нельзя – квазисмерть в Кантемировке позволила Фирсову переродиться и придти к Любе обновлённым человеком, способным к физической любви. Никита и до отбытия в Кантемировку нёс в себе танатологические черты, неоднократно «умирал» и «воскресал» (во время болезни, во время зимней работы в мебельной мастерской и т.д.), поэтому слободской рынок является для Фирсова местом окончательного упадка и следующего за ним окончательного возрождения. Здесь можно провести параллели со сказочной традицией, где для того, чтобы вернуть к жизни умершего персонажа, его тело вначале окропляют мёртвой водой, убивают окончательно, и только после этого используют воду живую.

Рассказ «Река Потудань» вобрал в себя многие мотивы всего творчества Платонова (это касается темы половых отношений, мотива возвращения героя в родной дом и др.), является своего рода визитной карточкой писателя. Однако, наиболее тесные связи у этого произведения с повестью «Ямская слобода», что, в частности, подтверждает в своей книге Алексей Варламов: «Он [Фирсов – И.Л.] больше напоминает нищего духом Филата из «Ямской слободы». И вся «Река Потудань» есть инвариант давней повести, некий сад расходящихся тропок» [5: 374]. Впрочем, анализ образа Лихтенберга показал, что рассказ «Мусорный ветер» также вписывается в автоинтертекстуальную систему «Ямской слободы» и «Реки Потудани», образует с ними триаду.

Образы Филата, Лихтенберга и Фирсова сравнимы с «низкими» героями волшебных сказок, которые, несмотря на свою ущербность, оказываются способными на то, чего остальные персонажи достичь не в силах. Е.М. Мелетинский в книге «Герой волшебной сказки», исследуя подобных персонажей («грязных мальчиков», «лысых паршивцев» и т.д.), показывает, что зачастую именно они, те, кто лишён житейского разума, неопытно выглядят и не отличаются трудолюбием, несут в себе тайную силу и мудрость: «Прозвище «дурачок» иронично. Оно выражает не столько мнение сказочника, сколько несправедливое «недоверие» старших и социально «высших» к способностям Иванушки» [14: 193]. Примечательно, что «низкий» герой волшебных сказок и мифологических легенд зачастую помещён в навозную яму и занимается грязной работой, живёт на окраине селения (ср. дом Свата на окраине Ямской слободы, где некоторое время прожил и Филат), отличается немотой и беспамятством. «Антропозоологический» характер Лихтенберга также имеет свои мифопоэтические корни: многие «низкие» герои волшебных сказок являются сыновьями животных, происходят от них (например, Иван Кобыльников). Остальные фольклорные персонажи относятся к такому герою презрительно, но Мелетинский пишет: «Сказка рас-

⁶ Примечательно сходство между Захаром Васильевичем из «Ямской слободы» и базарным сторожем из «Реки Потудани»: оба эти персонажа выступают как работодатели главных героев и кормят их нечистой едой. Кстати, и Филат и Фирсов зарекомендовали себя как исполнительные и ценные работники.

ценивает сына животного как стоящего на самой низкой ступени социальной лестницы. Но именно «низкий» Иван Кобыльников оказывается лучшим из трёх братьев» [14: 202]. Вообще, исследователь делает вывод о том, что идеализация «низкого» героя в сказке – следствие идеализации всех неимущих и социально обездоленных людей. Если говорить о персонажах Платонова, то и Филат, и Лихтенберг, и Фирсов, оказавшийся на слободском рынке, в определённой степени, «изъяты из общественного обращения» [17: 282].

Однако Платонов не во всём следует мифопоэтической традиции, эта традиция помещена у него в свой литературный контекст. Если в фольклоре герой изначально является «низким», то у Платонова герои «низкими» становятся. Филата, Лихтенберга и Фирсова в «утомлённых существ» [15: 303] превращает бездуховная среда, различные «царства мнимости», которые отняли у них ум (ср. эпиграф к рассказу «Мусорный ветер»). Ямская слобода для Филата, фашистская Германия для Лихтенберга, слобода Кантемировка для Фирсова становятся местами их духовной смерти, «ямами», которые сопоставимы с танатологическими измерениями в мифологии. Трагедия и достоинство этих героев в том, что они, находясь в «царствах мнимости», не могут слиться со своим окружением, не являются частью «многолюдства народа» [15: 304]. Вследствие конфликта со средой Филат, Лихтенберг и Фирсов лишаются практического ума, становятся «низкими» персонажами, но при этом не дополняют ряды типичных обитателей этой среды. И если сказка поэтизирует

в лице «низкого» героя социально-обездоленных, то Платонов поэтизирует особое сознание, способное противостоять «мусорному ветру» энтропии» [3: 66]. Носителями такого сознания и являются Филат, Лихтенберг и Фирсов. Все они, так или иначе, вырываются за пределы своих «ям»: Филат уходит из Ямской слободы вместе со Сватом и Мишей, Лихтенберг умирает, а Фирсов возвращается со слободского рынка к жене Любе, копируя сказочный сюжет, в котором герой выбирается из иного мира и обретает невесту.

Итак, тесная автоинтертекстуальная связь между повестью А. Платонова «Ямская слобода» и его рассказами «Мусорный ветер» и «Река Потудань» позволяет говорить о наличии определённого инварианта в творчестве писателя. Во многом созданию такого инварианта способствовала общность мифопоэтического субстрата произведений Платонова, но всё же основой их автоинтертекстуальности выступает единство конфликта между носителем светлого сознания и окружающей его действительностью. Разумеется, говоря об инвариантном начале у Платонова, мы не подвергаем сомнению уникальность каждого произведения писателя. Любое произведение Платонова насыщено самостоятельным содержанием и обладает таким же самостоятельным художественным значением (конкретная реализация конфликта в каждом произведении писателя особа, неповторима). В этом Платонов расходится с мифопоэтической традицией, где единый сюжет определённого числа сказок можно изобразить в виде схемы.

Библиографический список

1. Агапкина Т.А. Молчание // Славянская мифология: Словарь-справочник. – М.: Международные отношения, 2002. С. 303–304.
2. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки (полное издание в одном томе). М.: Альфа-книга, 2008.
3. Барит К.А. «Мусорный ветер» А. Платонова: спор с Р. Декартом // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: гуманитарные науки (филология). 2005. №6 (50). С. 62–67.
4. Библия. М.: Российское библейское общество, 2005.
5. Варламов А.Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011.
6. Виноградова Л.Н. Тот свет // Славянская мифология: Словарь-справочник. М.: Международные отношения, 2002. С. 444–446.
7. Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья.
8. Гюнтер Х. «Смещение живых существ»: человек и животное у Андрея Платонова // Сайт журнала «Новое литературное обозрение». – URL: www.nlobooks.ru/node/1008
9. Заболоцкий Н. Лицо коня // Заболоцкий Н. Столбцы, стихотворения, поэмы. СПб.: Северо-запад, 1993.
10. Карасёв Л.В. Движение по склону (пустота и вещество в мире Андрея Платонова) // Вопросы философии. 1995. №8. С. 123–143.
11. Карасёв Л.В. Знаки покинутого детства («постоянное» у А. Платонова) // Вопросы философии. 1990. №2. С. 26–43.
12. Малыгина Н.М. Андрей Платонов: поэтика «возвращения». М.: ТЕИС, 2005.
13. Малыгина Н.М. Художественный мир Андрея Платонова. М.: МПУ, 1995.
14. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. М. – СПб.: Академия исследований культуры, Традиция, 2005.
15. Платонов А.П. В прекрасном и яростном мире: Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1965.
16. Платонов А.П. Записные книжки. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
17. Платонов А.П. Счастливая Москва: Роман, повесть, рассказы. М.: Время, 2011.

References

1. *Agapkina T.A.* Silence // Slavic mythology: Reference Dictionary. – Moscow: International Relations, 2002. – Pp. 303-304.
2. *Afanasyev A.N.* Russian folk tales (complete edition in one volume). – Moscow.: Alpha-book, 2008.
3. *Barsht K.A.* “Rubbish Wind” by Andrei Platonov: dispute with Descartes // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. Series: Human Sciences (Philology). – 2005. - № 6 (50.) – Pp. 62-67.
4. Bible. – Moscow: Russian Bible Society, 2005.
5. *Varlamov A.* Andrei Platonov. – Moscow: Molodaya Gvardia, 2011.
6. *Vinogradova L.N.* Another world // Slavic mythology: Reference Dictionary. – Moscow: International Relations, 2002. – Pp. 444-446.
7. *Heller M.* Andrei Platonov. In search of happiness. – Moscow: MIK, 2000.
8. *Gunther H.* “Mixing of living beings”: the man and the animal by Andrei Platonov // Website of the journal “New Literary Review.” – URL: www.nlobooks.ru/node/1008
9. *Zabolotskii N.* The face of a horse // Zabolotskii N. Columns, poems, poem. - St. Petersburg: Severo-Zapad, 1993.
10. *Karasev L.V.* Driving on a slope (emptiness and matter in the world of Andrei Platonov) // Problems of Philosophy. – 1995. – № 8. – P. 123-143.
11. *Karasev L.V.* Mark off childhood (“permanent” in A. Platonov) // Problems of Philosophy. 1990. № 2. Pp. 26-43.
12. *Malygina N.M.* Andrei Platonov: poetics of “return”. – Moscow: TEIS, 2005.
13. *Malygina N.M.* The art world of Andrei Platonov. – Moscow: MPU, 1995.
14. *Meletinsky E.M.* The hero of a fairy tale. – Moscow – St. Petersburg.: Academy of Cultural Studies, Tradition, 2005.
15. *Platonov A.P.* In a beautiful and violent world: Novels and Stories. – M.: Fiction, 1965.
16. *Platonov A.P.* Notebooks. – Moscow: Russian Academy of Sciences Institute of World Literature, 2006.
17. *Platonov A.P.* Happy Moscow: novels, novellas, short stories. – Moscow: Vremya, 2011.

УДК 82.091-4

Е.А. МИХЕИЧЕВА

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX – XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета
E-mail: inoliterat@mail.ru

А.В. ЛАВРУШИНА

аспирант кафедры русской литературы XX – XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета

UDC 82.091-4

E.A. MIKHEICHEVA

doctor of Philology, professor, Head of Department “The Russian Literature of the XX-XXI centuries and History of Foreign Literature”, Orel State University
E-mail: inoliterat@mail.ru

A.V. LAVRUSHINA

postgraduate student, Department “The Russian Literature of the XX-XXI centuries and History of Foreign Literature”, Orel State University

ХРОНОТОП «БЕРЛИН – РОССИЯ» В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ В.В. НАБОКОВА «ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧОРБА»

CHRONOTOPE “BERLIN – RUSSIA” IN V. NABOKOV’S SHORT STORY COLLECTION “THE RETURN OF CHORB”

В данной статье рассматривается пространственно-временная организация рассказов В.В. Набокова как отражение художественной системы писателя и как способ выражения идейно-художественного своеобразие его «малой» прозы. Типы хронотопов и их функционирование в антонимичной паре «Россия – Берлин» (свое – чужое) способствуют пониманию духовных исканий писателя-эмигранта.

Ключевые слова: Набоков, Россия, Берлин, хронотоп, пространство, время, герой, город, рассказ.

In the article spatio-temporal design of Nabokov’s short stories is analysed as a reflection of author’s artistic system and a way of expressing the singularity and originality of his works. Certain types of chronotope and their functioning in the antinomic pair “Russia – Berlin” (home – foreign) help to understand writer-emigrant’s cultural search.

Keywords: Nabokov, Russia, Berlin, chronotope, space, time, the hero, the city, short story.

Владимир Владимирович Набоков принадлежал к младшему поколению первой «волны» русской эмиграции. Дата его рождения – 22 апреля 1899 года.

Набоков не считал случайным совпадением то обстоятельство, что он родился в один день с Шекспиром и через сто лет после Пушкина: это было одним из

свидетельств собственной исключительности.

В отличие от своих старших собратьев по перу, покинувших Россию сформировавшимися и успешными прославиться художниками, – А.Н.Толстого, А.И.Куприна, К.Д.Бальмонта, Д.С.Мережковского, З.Н.Гиппиус и других, Владимир Набоков успел опубликовать в России лишь один поэтический сборник (1916), который состоял из подражательных, юношески незрелых стихов. Поэтому не только «взросление», но и «рождение» его как поэта, прозаика, драматурга, литературоведа, переводчика, энтомолога и обладателя других ярких талантов приходится на годы эмиграции.

Набокова невозможно понять без учета двух составляющих его творчества: «тоска изгоя по земле, в которой он родился», объясняет его стремление во что бы то ни стало «удержать Россию» – в памяти и в творчестве, и необходимость приспосабливаться к чужому пространству, чтобы хоть как-то существовать в нем. Этим объясняется обязательное наличие двух пространственно-временных координат в его произведениях: России – прекрасного, незабываемого и невозвратного прошлого, и Германии (Франции, Чехословакии, США) – чужого, лишенного какого бы то ни было «духовного уюта» настоящего.

Особенно мучительное раздвоение ощутимо в его произведениях 20-х годов, когда он под псевдонимом Владимир Сирин писал свои «русские» романы и рассказы. Сборник «Возвращение Чорба» в первом издании (Берлин, 1930) включал в себя как стихи, так и прозу. В него вошло 15 рассказов, первый из которых, опубликованный в 1925 г. в газете «Руль», дал название циклу. Тема «возвращения» безраздельно владела писателем в эти годы. Действие рассказов происходит в меблированных комнатах в берлинских кварталах, в убогих квартирках внаем. Пространство эмиграции позволило воспринимать Россию как сновидение, как миф, как светлое воспоминание о прошлом.

В одном из стихотворений, вошедших первоначально в сборник «Возвращение Чорба», Набоков писал:

Как тяжело к окну прошаркаю,
как захочу вернуть
все то, дрожащее, весеннее,
что плакало во мне,
и – всякой яви совершеннее –
сон о родной стране.

[«Паломник», 4, 55].

Берлин в 1920-е годы был одним из перевалочных пунктов для русской эмиграции. Бежавшая от большевизма интеллигенция старалась уехать подальше – во Францию, Италию, Чехословакию, где условия жизни были лучше, где русские не воспринимались как вчерашние военные противники. В то же время русское население Берлина в то время было весьма значительно. Открывались русские издательства, газеты, журналы, рестораны для русских и с русской кухней. Везде слышалась русская речь. В Берлине,

несмотря на кризис, эмигрант мог найти работу. Но именно здесь особенно явным было осознание того, что России прежней уже не будет.

И.В. Гессен в книге «Годы изгнания» писал о своем ощущении Берлина в те годы: «Несмотря на немецкое гостеприимство, в чужой среде мы не могли не чувствовать себя инородным телом, в особенности по мере того, как из гостей, к которым любезные хозяева стараются примериться и угождать, мы превращались в сожителей, цыганским наклонностям коих все настойчивей противопоставлялись в повседневном быту заскорузлые традиции, закоренелые обычаи и навыки и, главным образом, пожалуй, феноменальная расчетливость, исторгавшая иногда невольный крик изумления» [1, 52-53].

Набоков «возможно, и не любил Берлин, но город, несомненно, был тем горизонтом, на фоне которого обретали плоть и действовали его персонажи» [7, 19], – так определил место и роль Берлина в жизни и творчестве писателя один из исследователей. Обитая в разных немецких пансионах, Набоков в свои произведения включал приметы русского неприкаянного быта в Берлине. Исследователь С. Сомова замечает: «Эти улицы, дома, отраженные в причудливой мозаике набоковского письма, в его двоимирном изображении складывались в город Набокова, которым не любуешься, в образы горожан, к которым нескрываемое презрение. ... У Набокова очевидна воля к сохранению своей культурной идентичности в чужой среде... Сопrotивление раме социально-культурной среды порождает желание вырваться, возникает психологический комплекс порога, ситуации временности, ожидания, надежд на другое, поиска путей за пределы этой жизни – найти Россию в другой стране» [6, 18-19].

Почти во всех рассказах цикла «Возвращение Чорба» действие происходит в Берлине; исключение составляют рассказы «Порт» (Франция), «Рождество» (Россия). Сюжетообразующим началом в рассказах цикла становятся хронотоп Берлина и хронотоп России, то есть жизнь персонажей в пространственно-временных изменениях, в сменяющих друг друга положениях и обстоятельствах, в постоянных «параллелях» между прошлым и настоящим. Причем существенным представляется тот факт, что эти хронотопы составляют устойчивую пространственную оппозицию и соответствующие им внутренние границы.

Наиболее ярко эта оппозиция выражена в рассказе «Письмо в Россию». Письмо из Берлина, адресованное бывшей возлюбленной, живущей в России, начинается с воспоминаний: «Друг мой, далекий и прелестный, стало быть, ты ничего не забыла за эти восемь с лишком лет разлуки, если помнишь даже седых, в лазоревых ливреях, сторожей, вовсе нам не мешавших, когда, бывало, морозным петербургским утром встречались мы в пыльном, маленьком, похожем на табакерку, музее Суворова. Как славно целовались мы за спиной воскового гренадера!» [5,

47]. «Мелочи прошлого» – это то, что, по мнению Набокова, удерживает в нас воспоминания. С другой стороны, ожидание – «особенность интенции человеческого сознания, направленного на будущее» [2, 62], – в случае с героем Набокова сведено к нулю.

Автор письма рассказывает о жизни ночного Берлина. Описание изобилует деталями, погружающими в атмосферу большого города, с его автомобилями, кинотеатрами, трамваями, дешевыми гостиницами, манекенами в витринах магазинов, танцклассами и людьми, живущими в тесных клетках многоквартирных домов. Обитатели Берлина – миловидная девица со старым догом, «полная проститутка в черных мехах», «немолодой, усатый господин, с утра приехавший по делу из Папенбурга», «равнодушный вежливый привратник», «равнодушная старуха», кладбищенский сторож – «тяжкий калека на костылях, скрипевших при каждом размахе тела» [5, 50], – явно контрастируют с внешне вполне благополучной жизнью города.

Сквозь внешне нейтральный тон письма проступает тоска героя по другой жизни. Так, рассказывая, как проходит через мост поезд, «освещенный, хохочущий всеми окнами», герой проговаривается: «...я невольно воображаю теплые страны, куда укачу, как только добуду те лишние сто марок, о которых мечтаю – так благодушно, так беззаботно» [5, 49]. Описывая танцующих молодых людей в кабачке, он с горечью признается: «...а за дверью – моя верная, моя одинокая ночь...» [5, 50]. Заявляя, что «совершенно счастлив», блуждая «по улицам, площадям, по набережным вдоль канала», он чувствует «губы сырости сквозь дырявые подошвы». Смерть семидесятилетней старушки, повесившейся на могиле умершего мужа, кажется ему «детской улыбкой в смерти». Героя поражает своей значимостью символика случившегося – «белый невысокий крест», «приставшие желтые ниточки там, где натерла веревка», «серповидные следы, оставленные ее маленькими, словно детскими, каблучками в сырой земле у подножья» [5, 50]. И слова героя об «этой легкой и нежной смерти» заставляют думать, что у него самого неоднократно возникали мысли о самоубийстве.

Вся жизнь в Берлине – ненастоящая, как в кинематографе, который выводит на экран «более или менее дрессированных людей» [5, 49] или «глицериновую слезу, стекающую по щеке громадного женского лица», а иногда показывает скопище людей, толпу, являющуюся воплощением одиночеств. «Счастье мое – вызов», – утверждает лирический герой: вызов равнодушному городу и всему тому, «чем Бог окружает так щедро человеческое одиночество» [5, 50]. Письмо в Россию – попытка хотя бы мысленно вернуться в прошлое и сравнить теперешнюю жизнь с тем счастливым временем, «когда выходили из этих старинных сумерек, как обжигали нас серебряные пожары Таврического сада...» [5, 47-48].

Время в рассказе «Письмо в Россию» статично и динамично одновременно: герой описывает события

одной ночи и утра, но на самом деле – это вся его теперешняя, настоящая жизнь, состоящая из таких вот повторяющихся отрезков времени.

Пространство в рассказе, с одной стороны, открыто – это пространство всего города, с другой стороны, замкнуто, ибо из него невозможно вырваться. Единственное, что составляет смысл теперешней жизни героя, – возможность пересечь границу узкого пространства комнаты и выйти в пространство более широкое – на улицу, где можно наблюдать не свою, а чужую жизнь. Происходит резкое деление времени и пространства на «свое» и «чужое».

Слияние «малых» хронотопов в единый «большой» хронотоп является особенностью эпических произведений. Рассказ «Письмо в Россию» включает в себя пространственно-временную организацию меблированной комнаты, улицы, кладбища... Как правило, человек на улице теряет свою индивидуальность, сливаясь с людским потоком и уподобляясь ему. У героя рассказа «Письмо в Россию», находящегося *на границе и сбоку* основного людского потока, нет иного выхода, как слиться с самой ночной улицей, стать частью ее, превратиться в безличность: «Прокатят века (...) ...все пройдет, все пройдет, но счастье мое, милый друг, счастье мое останется, – в мокром отражении фонаря, в осторожном повороте каменных ступеней, спускающихся в черные воды канала...» [5, 50].

Частные хронотопы могут находиться в составе общего хронотопа: переплетаться, сменяться, сопоставляться, противопоставляться. Примером такого взаимодействия пространственно-временной организации Берлина и России является рассказ «Звонок».

Герой рассказа Николай Степанович в годы революции и гражданской войны «повоевал, нехотя и бессердечно», потом «перешел к белым» [5, 38]. Эмигрировав из России («...наконец, Россия дала ему отпуск, по мнению иных, – бессрочный» [5, 38]), он «побывал и в Африке, и в Италии, и почему-то на Канарских островах, и опять в Африке, где некоторое время служил в иностранном легионе». Семь лет скитаний во многом изменили его: «...он окреп, огрубел, лишился указательного пальца, изучил два языка – итальянский и английский». Прежним остались лишь его смех да тяга к странствиям – «это великолепное шатание по свету, волнение свободы, свобода, о которой мечталось в детстве» [5, 39].

В памяти Николая Степановича продолжала жить Россия, которая «долго держала его» и старалась удержать – «Тверью, Харьковом, Белгородом, – всякими занимательными деревушками...», и мать, уехавшая в эмиграцию. «Господи, какая сутолока на Николаевском вокзале. Не стой так близко, сейчас поезд тронется. Ну вот, – прощай, моя хорошая...» [5, 38], – эта картина прощания с матерью – семилетней давности – отчетливо встает у него перед глазами. Зная, что мать в Берлине, Николай Степанович принимает решение найти ее.

В Берлине многое напоминает о родине: «На улицах там и сям накрапывала русская речь...», «Опять русские!». О далеком русском напоминала и вывеска, где значилась фамилия их семейного дантиста: «Зубной врач И.С. Вайнер. Из Петрограда». Берлин в силу этого представляется частью России: «В этой заблудившейся русской провинции, наверное, все друг друга знают» [5, 40].

Николай Степанович помнит облик матери при прощании на вокзале, но не может воспроизвести целостно ее образ, в памяти сохранились только детали: «...темные волосы с налетом седины у висков, большой бледный рот, потрепанный макинтош, в котором она была в последний раз, и усталое, горькое, уже старческое выражение, которое появилось на ее увядшем лице в те бедственные годы» [5, 42]. Осознавая, что семь лет – срок большой, Николай Степанович волнуется перед встречей: «Она, должно быть, здорово постарела»; «Как она встретит его? Нежно? Или грустно? Или совсем спокойно?» [5, 41].

Сомнения героя оправдались: свидание с матерью было полно неловкостей, недоговоренностей, сковывало чувства обоих. Так, на лестнице Николай Степанович «два раза споткнулся», в доме погасло электричество, и звонок не зазвонил; встреча с матерью произошла в темноте, при этом Николай Степанович «толкнул что-то (вероятно, подставку для зонтиков)», потом «опять стукнулся (на этот раз о полуоткрытую дверь, которая со звоном захлопнулась)» [там же]. Главная неловкость встречи сына с матерью после семилетней разлуки состояла в том, что мать с нетерпением ждала вовсе не сына, а молодого любовника («великолепный, облитый блестящим кремом пирог, двадцать пять праздничных свечечек, две тоненьких рюмки» [5, 46]). Напрасно пытается сын вернуть ее в прошлое – несвоевременность его визита становится очевидной. И он это чувствует по поведению матери: «Она была странно рассеянна, словно прислушивалась не к его словам, а к чему-то постороннему, грозящему и неизбежному...». Да и сам облик матери не кажется ему знакомым: «...после того, как он рассмотрел ее искаженное красное лицо, ее искусственно желтые волосы, – ему казалось, что и голос ее уже не тот» [5, 44]. Звонок в парадной, попытка Николая Степановича открыть дверь, запрет матери, ее рыдания, и – очередное прощание: «Прощай, моя хорошая» [5, 47]. Возвращение сына к матери так и не состоялось: оказалось невозможным пробить стену отчуждения, и главной причиной тому было «чуждое» пространство – Берлин, оторванность героев от пространства «родного» – от России.

Повышенная насыщенность художественного пространства, как правило, сочетается с пониженной интенсивностью времени, и наоборот: слабая насыщенность пространства – с насыщенными событиями временем. Для Николая Степановича время то мчится в его обычной жизни: «Во время путешествия забываешь названия дней: их заменяют города» [5, 44], то тянется – это ощущается и по общей тяжелой ат-

мосфере, царящей в комнате, и по молчанию, которое то и дело возникает между ним и матерью: «Оба замолчали. Она опять села. А Николай Степанович старался себя заставить обнять ее, приласкаться к ней, спросить...» [5, 45]. Упоминанием о странствиях героя, о давности его прощания с Россией и с матерью автор отдаляет события во времени: складывается ощущение, что герой – человек в возрасте, проживший очень долгую и сложную жизнь. На самом деле герою всего лишь 28 лет, и у него впереди вся жизнь: «Завтра утром я покачу дальше. (...) Мне хочется теперь на север, – в Норвегию, что ли. А то на море, китов бить» [5, 47].

В ценностных ориентациях кроется глубокое отличие героев рассказа «Письмо в Россию» и «Звонок». Один так и не нашел своего места в жизни, оторвавшись от России; другой ведет насыщенную жизнь, отсюда и Берлин воспринимается им иначе – как часть России, и разочарование не останавливает его движения в пространстве и во времени.

Николай Степанович попадает в замкнутое пространство комнаты матери из открытого свободного пространства своих путешествий. Ему тяжело находиться в этой маленькой комнате не только из-за неловкости, возникающей при общении с матерью, но и потому, что он давно свободен от опеки, от тесноты общения, он предоставлен самому себе: «...да и вообще я – вольная птица...» [5, 45]. Из этой маленькой душевной комнатки («Ну вот, – можно свечи тушить, – а то сидим прямо как в склепе») герой выходит опять на свободу, в открытое пространство, частью которого становится воспоминание о прошлой жизни, о навсегда потерянной матери, о России.

В рассказах Набокова, где сюжетобразующим началом становится хронотоп Берлина, мотив чужбины, чужого города напрямую связан с субъективным временем повествователя. Русские эмигранты в Берлине представляли собой не однородную массу: одни чувствовали себя вырванными из привычной знакомой среды и терялись среди незнакомого и враждебного мира, другие, напротив, ощущали себя вполне комфортно. Но во многом отношение к тому, что окружает в повседневной жизни, напрямую связано с мироощущением персонажа.

Молодой человек из рассказа «Благость», скульптор, ждет возлюбленную на берлинской улице близ Бранденбургских ворот. Сегодня мир воспринимается им как нечто враждебное: «черные занавески, висевшие, как клочья рваных знамен» в мастерской, «черепичные крыши Берлина, – очертанья их менялись, благодаря неверным внутренним переживаниям стекла», утро – «прищуренное, жалкое», люди – «усталые и хищные лица», «нечисто выбритые», «в глазах – мутная тошнота» [5, 118-119]. Такое настроение – следствие ссоры с возлюбленной и подозрений в ее неверности. Герой, простояв «с час, быть может, больше» [5, 120], продрогнув, вернулся в свою мастерскую, так и не дождавшись любимой.

Важную роль в рассказах Набокова играют второ-

степенные персонажи, они помогают раскрыть внутренний мир героя. Как и в создании образа главного героя, важную роль играют детали. Набоков скрупулезно описывает внешность продающей открытки старушки и обстановку вокруг нее. Одежда свидетельствует о том, что не от хорошей жизни вышла она на улицу: «На ней было что-то вроде короткого тулупчика – желтый плюш, сборки у поясицы», «добрые, тихие складки на маленькой круглой шляпе, на потертых утиных сапожках». Трогательное что-то было и в том, как она садилась на табурете («табурет был слишком для нее высок, ей пришлось сперва поерзать, подошвы ее тупых сапожков попеременно отделялись от панели» [5, 120]), и как смотрела на людей – с надеждой («...они пошли дальше, ничего не купивши, а старушка только улыбнулась, вставила обратно открытки, углубилась опять в свою красную книгу» [5, 122]). Герой, ожидающий свидания, уже не отделяет себя от продавщицы (она «тоже ждала»). Оба соединяются в отчаянии от несбывшихся надежд: «Мне становилось холодно. Папироса тлела криво и горько. Волны неприязненной прохлады обдавали грудь. Покупатель не шел» [5, 120].

Ключевым в рассказе становится эпизод, когда солдат с гауптвахты дает замерзающей продавщице горячий кофе с молоком: «Я никогда не видал, чтобы пил человек с таким совершенным, глубоким, сосредоточенным наслаждением. Она забыла свой лоток, открытки, холодный ветер... (...) Она пила долго, пила медленными глотками, благоговейно слизывала бахрому пенки, грела ладони о теплую жость. И в душу мою вливалась темная, сладкая теплота. Душа моя тоже пила, тоже грелась – и у коричневой старушки был вкус кофе с молоком» [5, 121]. Картина соучастия, душевного тепла, которое возникает между солдатом и старушкой, меняет что-то и в самом герое: «...я почувствовал нежность мира, глубокую благодать всего, что окружало меня, сладостную связь между мной и всем сущим... (...) Я понял, что мир вовсе не борьба, не череда хищных случайностей, а мерцающая радость, благодатное волнение, подарок, не оцененный нами» [там же].

Меняется и мир вокруг героя: радость «дышит вокруг меня повсюду, в пролетающих уличных звуках, в подоле смешно подтянутой юбки, в железном и нежном гудении ветра, в осенних тучах, набухающих дождем» [5, 121]. В элементах городской жизни он увидел «изумительные маленькие движения» – косичку девочки, «крупные косые капли дождя», «божественная печаль в лиловатом овальном глазу у лошади», вспомнил свою уютную мастерскую, ощутил «мягкую шепотку мысли, начинающей творить», и стук каштанов о крышу трамвая воспринимал «с чувством пронзительного счастья» [5, 122]. Меблированная комната-мастерская, которую снимал скульптор и которая давила на него («среди мусора, гипсовых осколков, в пыли высохшего пластилина»), теперь представляется ему уютной и теплой.

В рассказе «Катастрофа», герой которого Марк

живет в ожидании самого счастливого момента своей жизни – свадьбы с любимой женщиной, интересно представлено пространство города, который весь пронизан солнечными лучами, «волшебными, неожиданными казались эти верхние выступы, балконы, карнизы, колонны, резко отделяющиеся желтой яркостью своей от тусклых фасадов внизу» [5, 115], во всех направлениях пересекается трамваями, прохожими, самим Марком, его «двойником». Какая-то деталь, выбивающаяся из круга привычных вещей, упрямо предостерегает Марка, сулит ему несчастье в будущем, указывает на приближение смерти. И уже находясь между жизнью и небытием, Марк продолжает видеть пространство, яркое и праздничное, при котором время неуклонно идет вперед: «Волнуясь и блистая, празднично и воздушно уходила в небесную даль вся эта зодческая прелесть, и Марк не мог понять, как раньше не замечал он этих галерей, этих храмов, повисших в вышине» [5, 116]. Хронотоп города с площадью, улицей – открытым, уходящим в бесконечность пространством – вступает в противоречие со временем человеческой жизни, которое резко ограничено смертью.

Таким образом, анализ рассказов В.Набокова, предпринятый в данной работе и других исследованиях (см. статью Е.А. Михеичевой «Философский рассказ в творчестве В.Набокова», [3]), дает нам основание полагать, что мир набоковских героев пронизан временными и пространственными представлениями, бесконечно многообразными и глубоко значимыми. В его рассказах имеет место время биографическое (детство, юность, зрелость, старость), историческое (происходит смена эпох, поколений), космическое (бесконечность времени и пространства), календарное (смена времен года), суточное (день – ночь, утро – вечер). Философский смысл приобретает соотнесенность прошлого, настоящего и будущего как в масштабе вселенной, так и в краткой человеческой жизни.

Таким образом, сюжетообразующими в цикле рассказов В.Набокова «Возвращение Чорба» становятся хронотопы Берлина и России. «Семантика» составных частей – это «частные хронотопы», включенные в универсальный и всеобъемлющий образ пространства-времени, который также распадается на составляющие.

1. *Хронотоп меблированной комнаты* (маленькое, душное пространство) – «Звонок», «Возвращение Чорба» (гостиничный номер), «Порт», «Письмо в Россию» (съёмная комната). И в этом предельно суженном пространстве *чуждого* города героев посещает прошлое, связанное с Россией (*свое, родное*). К этой категории примыкает *хронотоп комнаты* – маленького флигеля («Рождество»), кабака («Порт», «Путеводитель по Берлину», «Бахман»).

2. *Хронотоп двора* – (полузакрытое пространство) близок к *хронотопу комнаты*, но отличается меньшей закрытостью. *Хронотопу двора* противопоставлен *хронотоп пустыря* (полуоткрытое простран-

ство);

3. *Хронотоп* улицы, площади, где происходит или слияние героя с толпой, с улицей («Сказка», «Письмо в Россию»), или возникает их противостояние («Картофельный Эльф»);

4. *Хронотоп* города, характеризующийся еще большей открытостью пространства. Время, связанное с хронотопом Берлина, – неприглядное настоя-

щее и иллюзорное будущее.

5. *Хронотоп* страны – максимальная открытость пространства и времени. Подобной открытостью в рассказах Набокова обладает только прошлое – все то, что связано с Россией. Берлинское настоящее и даже иллюзорное будущее для русских эмигрантов ограничено хронотопом комнаты, двора, улицы, города (и других чужих городов).

Библиографический список

1. Гессен И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Париж: YMKA – PRESS, 1979.
2. Гусев Д.В., Желтикова И.В. Эсхатология и ожидание будущего в мифологическом мышлении // Ученые записки Орловского государственного университета. № 1 (35), 2010.
3. Михеичева Е.А. Философский рассказ в творчестве В.В.Набокова // Жанр философского рассказа в русской литературе рубежа XIX-XX веков. Орел, 2008.
4. Набоков В. Круг / Вст. ст. А. Битова. Л.: Худож. литература, 1990.
5. Набоков В.В. Рассказы. Воспоминания / Сост., подгот. текстов, предисл. А. С. Мулярчика. М.: Современник, 1991.
6. Сомова С.В. Психологический комплекс граница – порог – рама в судьбах и творческой рефлексии писателей русской эмиграции в Германии 20-х – 30-х гг./ Граница и опыт границы в художественном языке. Вып. 5. Самара: Самар. Гуманит. Акад., 2007. – Отдельный оттиск.
7. Шлегель К. Восприятие города: Набоков и таксисты // Культура русской диаспоры: Владимир Набоков. Материалы научной конференции. Таллинн – Тарту, 14-17 января 1999. Таллинн, 2000.

References

1. Gessen I.V. Years of exile. Lifelong Records. – Paris: YMKA – PRESS, 1979.
 2. Gusev D.V., Zheltikova I.V. Eschatology and the expectation of the future in the mythological thinking / Scientific Notes of Orel State University. – № 1 (35), 2010.
 3. Miheicheva E.A. Philosophical narrative in Nabokov's works // Genre of philosophical story in the Russian literature at the turn of XIXth century. – Orel, 2008.
 4. Nabokov V.V. The Circle / Introductory article by A. Bitov. – Leningrad: Khudozhestvennaya Literatura, 1990.
 5. Nabokov V.V. Short stories. Memories / Compiler, editor: A.S. Mulyarchik. –Moscow: Sovremennik, 1991.
 6. Somova S.V. Psychological complex boundary – threshold –frame in the fates of writers and creative reflection of Russian emigrant writers in Germany 1920-30s. / The boundary and experience of the boundary in the literary language. Issue 5. – Samara: Samara Humanitarian Academy, 2007. – Reprint.
 7. Schlegel K. The Perception of the city: Nabokov and taxi-drivers // Culture of the Russian Diaspora: Vladimir Nabokov. Materials of Scientific Conference / Tallinn - Tartu, 14-17th January 1999. – Tallinn, 2000.
-
-

УДК 811.161.1'373

UDC 811.161.1'373

М.В. ОРЕХОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка Орловского государственного аграр-
ного университета
E-mail: m.v.orehova@gmail.com

M.V. OREKHOVA

candidate of philological sciences, associate professor
of the department of the Russian language, Orel State
Agrarian University
E-mail: m.v.orehova@gmail.com

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, СООТНОСЯЩИЕСЯ С НЕЗНАМЕНАТЕЛЬНЫМИ
ЧАСТЯМИ РЕЧИ, В РОМАНАХ Б. ЗАЙЦЕВА**

**PHRASEOLOGICAL UNITS THAT ARE RELEVANT TO FUNCTIONAL PARTS OF SPEECH
IN THE NOVELS OF BORIS ZAYTSEV**

Статья посвящена роли фразеологии в романах Б. Зайцева. В работе анализируются фразеологические единицы, имеющие значение предлогов, союзов, частиц. Фразеологические единицы, соотносящиеся со служебными частями речи, рассматриваются как значимый элемент идиостиля Б. Зайцева и средство выражения авторской идеи.

Ключевые слова: фразеологическая единица, часть речи, частеречная соотнесённость, предлог, союз, частица, идиостиль.

The article is devoted to the role of phraseology in the novels of Boris Zaytsev. This is an analysis of phraseological units, that are relevant to prepositions, conjunctions, particles. These kinds of phraseological units are regarded as a significant element of Zaytsev's style and as a means of expressing the author's idea.

Keywords: phraseological unit, part of speech, preposition, conjunction, particle, individual style.

Фразеология является мощным языковым средством, делающим художественный текст ярким, выразительным, образным. Особенности отбора и использования фразеологических единиц (ФЕ) индивидуальны для каждого писателя. Предпочтение ФЕ, принадлежащих к определённой фразеогруппе, свидетельствует об особенностях идиостиля писателя. Уникальной чертой писательской манеры Б. Зайцева является частотное использование ФЕ, соотносящихся с незначающими частями речи.

Вопрос о включении в число фразеологизмов единиц, соотносящихся с незначащими частями речи, является дискуссионным. Мнения исследователей по этому вопросу оказываются порой противоположными. Широко распространено мнение, что ФЕ могут соотноситься со всеми выделяемыми в русской грамматике частями речи. Такая позиция отражена в работах В.В. Виноградова, который не только включал составные союзы в число фразеологизмов, но и отмечал высокую степень семантической слитности этих оборотов. Например, ФЕ *так как* он характеризовал как сращение, а ФЕ *потому что, так что, лишь только* и др. считал единствами. По мнению учёного, такие единицы должны быть включены во фразеологический состав, поскольку им свойственны черты ФЕ: «Все эти служебные слова семантически неразрывны, функционально неделимы, хотя с этимологической точки зрения производны» [1, с. 28].

Признавая соотнесённость ФЕ с незначащими

частями речи, А.М. Чепасова пишет: «Кроме фразеологизмов, которые что-либо обозначают, в русском языке есть фразеологизмы, которые участвуют в построении связной речи, в образовании грамматических форм или выражении определённых смысловых оттенков» [12, с. 26]. Она выделяет три класса таких ФЕ – соотносящиеся с предлогами, союзами, частицами.

По мнению А.И. Молоткова, сложные предлоги и союзы неправомерно относить к фразеологии. Такие сочетания имеют признаки фразеологизмов, но не имеют самостоятельного значения. Их отличие от ФЕ в том, что «они составляют служебные слова языка, образовавшиеся из словосочетаний путём грамматизации, тогда как фразеологизмы, образовавшиеся также из словосочетаний, но только путём лексикализации, выделяют в особый разряд знаменательных единиц языка; первые входят в общий разряд служебных слов языка, вторые – обособляются от слов» [9, с. 57]. По мнению учёного, категориальное различие между фразеологизмами и служебными словами предопределяет отнесение сложных союзов и предлогов к незначащим служебным словам, а не к фразеологизмам.

С нашей точки зрения, наиболее оправданной представляется позиция, в соответствии с которой составные предлоги, союзы и частицы включаются во фразеологический массив языка. Подобные единицы обладают конститутивными признаками ФЕ: воспроизводимостью, устойчивостью, цельностью

номинации. Следовательно, исключать сложные предлоги, союзы, частицы из состава фразеологии неправомерно.

Фразеологические предлоги «обозначают зависимость слова от другого слова или формы» [12, с. 26]. Поскольку они являются производными, по количеству их гораздо больше, чем простых непроданных предлогов. Значение ФЕ-предлогов состоит в том, что они «разгружают» лексические предлоги от многих значений, делают нашу речь понятной, недвусмысленной» [12, с. 27].

Фразеологические союзы обозначают связь между синтаксическими единицами: однородными членами или частями сложного предложения. Как и лексические, ФЕ-союзы разделяются на сочинительные (разделительный *не то... не то*, соединительный *как ... так и* и др.) и подчинительные (со значением времени *как только*, причины *так как*, следствия *так что* и т.д.).

Фразеологические частицы выступают как «средство обозначения разных смысловых оттенков» [12, с. 28]. По определению «Русской грамматики», частицы-фразеологизмы – «это слившиеся воедино несколько служебных слов, живые отношения между которыми в современном языке отсутствуют...» [11, с. 724]. ФЕ-частицы входят в различные функционально-семантические группы. К ФЕ-частицам, выражающим смысловые оттенки, относятся определительные частицы (*как раз*, *чуть не*), выделительно-ограничительные частицы (*лишь только*, *всего-навсего*), усилительные частицы (*и без того*). Фразеологические частицы *ну и*, *что за* вносят в текст или речь эмоционально-экспрессивные оттенки и в этом сближаются с междометиями. Наконец, очень распространены модальные ФЕ-частицы, например, выражающие отношение к достоверности явлений действительности (*будто бы*, *едва ли*, *как будто*), утвердительные (*ещё бы*, *так точно*). Такой широкий спектр значений ФЕ, соотносящихся с частицами, способствует их частому употреблению в устной речи и в художественных произведениях. ФЕ-частицы оказываются более ярким средством, чем лексические частицы, поэтому их употребление увеличивает выразительность речи.

Несмотря на незначительный характер, ФЕ, соотносящиеся со служебными частями речи, способны выступать как значимый текстовый элемент и средство формирования идиостиля писателя. На примере романов Б. Зайцева «Дальний край», «Золотой узор», «Дом в Пасси», а также «Заря», «Тишина», «Юность», «Древо жизни», составляющих автобиографическую тетralогию «Путешествие Глеба», рассмотрим, какова роль подобных ФЕ в художественном тексте.

Использование ФЕ-предлогов, производных по происхождению, свидетельствует о книжности языка писателя. ФЕ-предлоги, в отличие от предлогов лексических, обычно являются однозначными, передают конкретное значение. Их компоненты сохра-

няют оттенки лексического значения, и реализация этих семантических оттенков в тексте способствует приращению смысла. Иногда ФЕ-предлоги необходимы, чтобы показать особенности мировосприятия героев, отношение автора к их поступкам, они могут использоваться и как средство речевой характеристики. В романах Б. Зайцева 28 ФЕ-предлогов употребляются 164 раза (2,7% всех фразеопотреблений в романах писателя).

Употребление отдельных ФЕ-предлогов является важной чертой идиостиля писателя, поскольку он использует их не только как средство грамматической связи членов предложения, но и с их помощью вносит новые семантические оттенки, выражая своё понимание действительности и её сущности. Ключевое значение имеет ФЕ *не без*, которая используется во всех романах Б. Зайцева в 75 случаях. По значению ФЕ близка к предлогу *с*, который «указывает на наличие чего-нибудь в чём-нибудь, обладание чем-нибудь» или «употребляется при обозначении явления или состояния, которым сопровождается какое-нибудь действие» [10, с. 691]. С помощью этой ФЕ писатель показывает, что при описании состояния человека нельзя с уверенностью говорить о том, что он чувствует. Поэтому он не категорично заявляет о том, что испытывает герой, а указывает, какие ощущения формируют его эмоциональное состояние: «Глеб поблагодарил, но присел тоже на перила – *не без робости*» [6, с. 189]; «Глеб *не без важности* ответил...» [7, с. 300]. Подобные описания отвечают мировоззрению писателя, который, раскрывая состояние героев, признаёт, что только они сами знают всё о своих чувствах, а посторонний человек с уверенностью о них судить не может. Они также соответствуют художественному методу Б. Зайцева, который предпочитает использовать не яркие краски, а полутона.

Распространена и ФЕ *несмотря на*. Она употребляется 30 раз, чаще, чем в других произведениях (9 раз), – в романе «Дом в Пасси». Так автор показывает, что жизнь русского дома – это борьба за существование, жизнь вопреки обстоятельствам. Эта ФЕ приобретает символический оттенок, подчёркивает, с одной стороны, сложность жизненных перипетий, с другой стороны – то, что герои научились бороться с обстоятельствами. Многим из них в этой борьбе помогает христианская вера, православие: «Вы верите в бессмертие души, в вечную жизнь, во всеблагого Бога – *несмотря на* всю тяжесть и мрак окружающего» [4, с. 329].

Употребление других ФЕ-предлогов единично, однако значимо, поскольку они вносят в текст семантические оттенки, соответствующие конкретной ситуации, показывают, в чём состоят особенности тех или иных обстоятельств. Значение предлога в контексте приобретает ФЕ *за бортом*, которая может быть идентифицирована лексическим предлогом «вне»: «Хотя я *за бортом* жизни, но боевой дух не угас» [4, с. 236]. Употреблённая генералом, ФЕ усиливает

выразительность его речи, с её помощью создаётся некий образ корабля, совершающего путешествие по волнам жизни, на котором не нашлось места для бывшего белого офицера.

ФЕ-предлоги обеспечивают грамматическую связь членов предложения, а их общее значение часто становится важным для понимания конкретной ситуации и содержания романа в целом, даже приобретает символический смысл. Употребление некоторых ФЕ-предлогов соответствует художественному методу Б. Зайцева, предпочитающему неявные краски при описании героев и воссоздании ситуации, избегающему категоричных суждений.

Группа ФЕ, выполняющих функцию союза, значительна по употребительности. В неё входят 49 единиц в 903 употреблении (15,1% от общего количества ФЕ). При этом автор использует в 427 случаях союзы сочинительные, служащие для связи однородных членов простого предложения или частей сложносочинённого предложения, а в 476 случаях – подчинительные, связующие части сложноподчинённого предложения. Б. Зайцев строит разные синтаксические конструкции, активно употребляя при этом ФЕ-союзы, выражающие различные семантические оттенки и отношения. Частота их использования говорит о том, что ФЕ-союзы являются значимым элементом идиостиля Б. Зайцева.

Сочинительные союзные ФЕ объединяют соединительные ФЕ-союзы (40 употреблений), разделительные (42), противительные (128), а также присоединительные (180) и пояснительные (37). Подчинительные ФЕ-союзы имеют значение времени (54), причины (67), уступки (111), следствия (32), сравнения (208), условия (3), цели (1). Как видим, семантические группы ФЕ-союзов существенно различаются по частоте употребления, приоритетное использование конструкций с тем или иным значением определяется тематикой произведений. Например, самыми частотными являются сравнительные ФЕ-союзы, которые, в свою очередь, наиболее употребительны в романе «Древо жизни», используются в нём 54 раза. Это связано с тем, что одним из мотивов романа является воспоминание о прежней жизни, сравнение того, что было, с тем, что происходит сейчас в жизни целой страны и отдельных её жителей, сравнение образа жизни, порядков, нравов, царящих в обществе. Значительную роль играют и уступительные ФЕ-союзы, которые, раскрывая конкретную ситуацию, показывают, что в существующих жизненных условиях людям со многим пришлось смириться и во многом уступить. Таким образом, ФЕ-союзы отвечают семантически общему духу романов Б. Зайцева.

ФЕ *всё же* может выступать как союз «тем не менее, всё-таки» или как частица, подчёркивающая «противопоставление или ожидавшийся результат» [10, с. 104]. В романах Б. Зайцева эта ФЕ используется и как частица, и как противительный союз, выражающий различные отношения – несоответствия или возмещения. Чтобы показать неоднозначность,

с которой Полина воспринимала Степана, автор неоднократно использует ФЕ *всё же*, выражающую отношения несоответствия: «Хотя лично против Степана Полина ничего не имела, скорей даже он нравился ей, *всё же* она была недовольна, что он стал ходить к ним чаще» [2, с. 382]; «Хотя Полина еще с Петербурга побаивалась его, *всё же* встретились они очень приветливо; но не привыкли еще называть друг друга на “ты”» [2, с. 463]. Полина, видя положительные черты Степана, при этом стесняется его сама и боится его влияния на Клавдию, и эту двойственность восприятия автор подчёркивает с помощью ФЕ-союза.

Разделительные союзы *не то ... не то* (22) и *то ли ... то ли* (6) «выражают противопоставление с оттенком неуверенности, неясности, неопределённости» [10, с. 800]. Эти ФЕ чаще употребляются в тех романах, где царит атмосфера неясности и непонимания. Например, Глеб, начинающий взрослеть, испытывающий новые чувства, пока ему непонятные, не может разобраться в себе, потому ощущает душевный дискомфорт: «И сам он не совсем прежний: *не то* рассеян, *не то* как-то и грустен» [6, с. 191]. Неопределённость душевного состояния, внутренние колебания передаются и с помощью кратких прилагательных («рассеян», «грустен»), и с помощью ФЕ-союза.

К соединительным ФЕ-союзам относятся собственно-соединительный союз *как ... так и*, выражающий перечисление (8) и градационный *не только ... но и* (32), выражающий «ограничение и противительность при градационных отношениях» [10, с. 802]. Союз *не только ... но и (а)* служит для характеристики социальной ситуации в постреволюционной России. Его использует генерал, рассказывая о том, что может ждать его дочь: «Потому, что если до большевиков дойдёт... ты понимаешь? Что Машенька сюда едет, к отцу, вот такому, как я – *то не только* её не выпустят, *а ещё* в Соловки сошлют» [4, с. 214].

Особый тип сочинительных союзов – присоединительные, с их помощью к основной мысли присоединяется дополнительная, возникшая, когда главное уже было высказано. Такие союзы употребляются в романах Б. Зайцева 180 раз, из них 164 – *да и*, 6 – *а то и*, 3 – *к тому же*.

Присоединительный ФЕ-союз *да и* очень распространён. Включение его в речь героев и авторские зарисовки показывает, как развивается мысль писателя и его персонажей, что является главным для них, а что – второстепенным. Стилистически этот союз тяготеет к разговорной речи, поэтому употребление его героями придаёт их словам достоверность, а использование автором – сближает его с читателем, создаёт доверительную атмосферу, в которой писатель общается с читателем на равных, добавляя к уже сказанному новые, неожиданно возникшие мысли. 39 раз этот союз употребляется в романе «Юность», где Б. Зайцев описывает студенческие годы Глеба, по-

явление у него друзей, любимой. Чтобы говорить о столь сокровенных вещах, нужно создать у читателя определённое настроение, заставить его верить читаемому, пережить те же чувства, а для этого необходима доверительная интонация, которая создаётся в том числе и с помощью союза *да и*: «Он об этом никому не сказал, **да и** не надо было» [7, с. 387].

Пояснительные союзы в романах Б. Зайцева представлены только ФЕ *то есть*, употребляющейся 37 раз. В романе «Золотой узор» этот союз употребляется 15 раз, 8 раз – в речи Маркела. Так автор, с одной стороны, передаёт особенности речи героя, её прерывистость, сбивчивость, с другой – показывает волнение, связанное с конкретной ситуацией, когда Маркел просит руки Наташи: «Я, собственно... я, дядя Коля... уж давно вам собирался... я... **то есть** мы давно собрались уже... **то есть** собирались...» [3, с. 23].

Среди подчинительных наиболее распространены сравнительные союзы, которые с разной частотой употребляются во всех романах Б. Зайцева. К ним относятся союзы *как будто / как будто бы / будто бы, как бы, как и*. Наиболее употребительным является союз *как и*, служащий для сравнения явлений, событий, действий, он используется 143 раза, причём в самом раннем романе «Дальний край» – 2 раза, в самом позднем «Древо жизни» – 40. Видимо, это связано и с тематикой произведений, и с ходом жизни самого писателя. «Дальний край» был написан в 1912 году, когда Б. Зайцев был молод, герои его тоже молоды, они ещё слишком мало прожили и накопили опыта, чтобы сравнивать разные ситуации и видеть нечто общее в разных явлениях. В романе «Древо жизни» автор представляет людей зрелых, проживших значительную часть жизни, и накопленный опыт позволяет им сравнивать разные этапы своей жизни, сопоставлять себя с другими людьми, чувствовать близость с ними, сходство ситуаций. Уезжая за границу, Глеб обращает внимание на мелкие детали вокзала, вспоминает свои юношеские поездки и видит, что внешне ничего не изменилось: «Носильщики, всё ещё в белых фартуках, **как и** в юности Глеба, подхватили их чемоданы, на тележке повезли к вагону дальнего следования» [8, с. 458]. Прощаясь навсегда с родиной, герой вспоминает лучшие минуты, заново переживает их, сравнивает собственные ощущения. Мотив сравнения оказывается очень важным для понимания этого романа, поэтому столь часто употребляются в нём сравнительные конструкции, содержащие ФЕ-союз.

Союзы *как будто (бы) / будто бы* и *как бы* могут быть заменены в зависимости от контекста лексическими союзами *как, словно, точно, что*, однако более предпочтительными оказываются для автора ФЕ-союзы, поскольку их близость с частицами позволяет с их помощью выражать различные семантические оттенки. Варианты союза *как будто* употребляются в 39 случаях, 13 раз – в романе «Золотой узор»: «Ну, мой последний грех есть Душа... Но дело-то всё в

том, что ты теперь... ты с Душей носишься... и эти нервы, и волнения... ведь это всё так... так, одним словом... – он остановился, посмотрел на меня, пошевелил плечами, **как будто** ища слов. – Давай уедем вместе в Галкино» [3, с. 105]. Запутанную речь героя, свидетельствующую о его волнении, автор дополняет ремаркой, но при этом не утверждает, а говорит «**как будто** ища слов», поскольку он не может с уверенностью сказать, что происходило в душе героя и о чём он думал на самом деле. Б. Зайцев может лишь высказать предположение, чтобы читатель мог сам оценить и задуматься о чувствах героев. Отсюда частое употребление ФЕ-союзов *как будто* и *как бы*, имеющих оттенок неуверенности и сомнения.

111 раз в романах Б. Зайцева употребляются ФЕ-союзы со значением уступки. К ним относятся союзы *хоть и / хотя и* (53 употребления), *хоть и ... но* (24), *как ни* (22), *сколь ни* (6), *несмотря на то что* (2) и др. Мотив уступки является важнейшим для раскрытия образов многих героев Б. Зайцева: они не просто живут, они ведут борьбу за жизнь, продолжают идти к своим целям вопреки обстоятельствам, любят свою родину даже тогда, когда оказываются не нужными ей. Автор часто употребляет уступительные союзы и использует ФЕ, близкие по значению, чтобы создать атмосферу борьбы за каждый миг жизни и счастья. Размышляя о произошедшей революции, он высказывает собственные мысли, говорит о достижениях восставших и их методах борьбы: «Но **как ни** тяжело, **сколь ни** заливают землю кровью и **ни** уснащают виселицами, **сколь** горького, а иногда и гнусного **ни** обнаружили сами левые, – всё же революция сделала своё дело, с теми ничтожными силами, которыми располагала, больше сделать и не могла» [2, с. 578]. Писатель трижды использует уступительные союзы, чтобы показать, сколько горя принесла революция, но в то же время признаёт её неизбежность и результаты, которые были достигнуты. Союзы выступают не только как средство связи главного и придаточных предложений, но и как средство усиления выразительности.

В 67 случаях употребляются ФЕ-союзы, имеющие значение причины. Таковы союзы *потому что* (32), *так как* (17), *а то* (6), которые можно заменить лексическим союзом «поскольку», а также союзы *оттого и, потому и*, которые имеют значение «поэтому» и указывают не только на причину действия, но и на его последствия. С помощью этих союзов Б. Зайцев раскрывает причины многих ситуаций, событий, действий героев, при этом нужно отметить, что они употребляются с разной частотой в разных романах. В романах «Заря» и «Тишина», в которых Глеб ещё юн, мало задумывается о причинах действий окружающих и событий, происходящих вокруг, редко употребляются конструкции с причинными союзами, 3 и 5 раз соответственно, причём используются при характеристике бытовых ситуаций: «**Так как** снегу выпало ещё мало, запрягать можно тройкою в ряд, а не гусем» [5, с. 50]. В романе

«Юность», когда Глеб взрослеет и начинает воспринимать мир по-другому, испытывает новые чувства, причинные союзы употребляются в 9 случаях. «*А то мне без тебя страшно*» [7, с. 424], – говорит герою Элли, объясняя причину того, почему они должны быть вместе. Наконец, в романе «Древо жизни», где одни герои уже завершают свой земной путь, а другие прожили достаточно, чтобы задумываться о пережитом, причинные союзы употребляются 15 раз.

В 54 случаях используются ФЕ-союзы с временным значением: *как только* (17), *вместе с тем* (9), *между тем* (14), *лишь только* (1), *прежде чем* (4), *по мере того как* (2) и др. Значение этих союзов заключается в том, что с их помощью автор сопоставляет время протекания различных событий, показывает, в какой момент у героев возникают те или иные чувства. По своему значению они связаны со сменой событий, поэтому закономерно, что наиболее часто подобные союзы употребляются в романе «Дальний край» (16 раз), где сюжет достаточно динамичен, а герои – активны. Автор много говорит о поездке Пети и Лизаветы в Италию, а с помощью союза *лишь только* подчёркивает, что с первого взгляда они навсегда полюбили эту страну: «*Лишь только они слезли во Флоренции, увидели S. Maria Novella с острой колоколенкой, увидели флорентийцев, увидели флорентийские дома с зелёными ставнями, услышали крики ослов и звон флорентийских кампанилл, – оба сразу поняли, что это их город*» [2, с. 536]. ФЕ-союз легко может быть заменён союзным словом *когда*, однако лексический союз указывает на время возникновения чувств героев, а ФЕ-союз показывает, что эти чувства возникли мгновенно, как только свершились действия, названные глаголами *слезли*, *увидели* и *услышали*. Поэтому ФЕ более точно обозначает и время действия, и характеризует состояние героев, показывая глубину впечатления.

Для выражения значения следствия используется союз *так что*, который употребляется 32 раза. Он служит для выделения итога рассуждений автора и героев. Рассказывая о характере Лизаветы и её обострённом чувстве справедливости, Б. Зайцев делает вывод: «*Так что Лизавета довольно быстро стала на линию сотрудничества революции*» [2, с. 511]. Говоря об обычаях русского дома, о готовности помочь ближнему в любой момент, писатель воспринимает появление Доры у заболевшей Капы как вполне обычное явление: «*Так что в десятом часу она сидела у Капы*» [4, с. 216]. Нередко придаточное следствия, в состав которого входит союз *так что*, отделено от главного и оформлено как отдельное предложение, при этом ФЕ находится в его начале, как бы сигнализируя о том, что далее будет сделан вывод из вышесказанного.

В 3 случаях подчинительные ФЕ-союзы имеют значение условия, например, союз *разве что*. Обозначая условие, эта ФЕ сближается по значению и с частицей, выражающей колебание и неуверенность, то есть используется для характеристики ситуации,

когда действие может быть выполнено при определённых условиях, но у говорящего нет уверенности в этом. С помощью этой ФЕ Б. Зайцев характеризует Олимпиаду, которая имела определённые принципы, но в некоторых случаях могла отступить от них: «*По решительному своему характеру редко от них отступала (разве что по «женской слабости», как она говорила – именно тогда и начинала загадочно улыбаться и говорить невучим голосом...)*» [4, с. 334]. Разговорный характер ФЕ привносит в речь героини оттенок непринуждённости, кокетства, что выделяет некоторые её черты.

ФЕ-союз *с тем чтобы*, имеющий значение цели, употребляется только в 1 случае: «*В Баку, дорогой дядя Геня, но не с тем, чтобы повисить добычу нефти, а как главный инструктор спорта*» [8, с. 538]. Разделяя единое сочетание с помощью запятой, автор добивается того, что эта ФЕ воспринимается и как средство связи со значением цели, компоненты которого неотделимы друг от друга, и в прямом значении компонентов. В таком случае единое образование распадается на местоимение с предлогом *с тем*, с помощью которого автор как бы отправляет читателя к цели героя, и на лексический союз *чтобы*, имеющий значение цели. Разделяя союз знаком препинания на две части и сохраняя при этом узальное значение цели, автор добивается приращения смысла, концентрирует внимание на общем значении ФЕ-союза и придаточного предложения, в состав которого он входит.

Таким образом, ФЕ-союзы в романах Б. Зайцева важны не только как грамматическое средство связи однородных членов или простых предложений в составе сложного, но и как семантически значимые единицы. Среди сочинительных ФЕ-союзов преобладают противительные, раскрывающие несоответствие между внутренним и внешним состоянием, двойственность в отношении к чему-либо. Раскрытию эмоционального состояния способствуют и разделительные ФЕ-союзы, которые показывают внутренние колебания героев, попытки разобраться в собственных чувствах. Среди соединительных наиболее значительную роль играет градационный ФЕ-союз *не только ... но и*, служащий обычно для описания социальной ситуации, нарастания напряжённости в стране и показывающий неразрывную связь жизни каждого человека с жизнью целой страны. Присоединительные ФЕ-союзы, благодаря разговорной окраске, способствуют созданию доверительности между автором и читателем. Пояснительный ФЕ-союз *то есть* выступает как средство раскрытия эмоционального состояния, показывая, что герою мучительно тяжело подобрать нужные слова для выражения своих мыслей.

Среди подчинительных ФЕ-союзов наиболее частотны сравнительные, выступающие как средство сопоставления героев, событий, жизни страны в разные периоды. Значительную роль играют ФЕ-союзы со значением уступки, показывающие, что герои

вынуждены подчиняться обстоятельствам, которые сильнее их, но в то же время продолжают жить и бороться за свои ценности. ФЕ-союзы со значением причины указывают на истоки многих событий, как бытовых, так и имеющих важную значение для всей страны. ФЕ-союзы со значением времени, следствия, условия и цели менее употребительны, но, помимо грамматического значения, являются средством передачи эмоционального состояния героев и воссоздания ситуации, в которой они живут.

Фразеологические частицы вносят в художественный текст и устную речь дополнительные оттенки, обладают большей выразительностью, производят более яркое впечатление на читателя или слушателя, чем частицы лексические. Им свойственен разговорный или просторечный характер, и стилистическая окрашенность также способствует активному употреблению ФЕ-частиц. В романах Б. Зайцева 34 различные ФЕ-частицы употребляются 720 раз (12,1%).

ФЕ-частицы отличаются друг от друга по выполняемым функциям. Наиболее частотны модальные ФЕ, указывающие на степень достоверности, характеризующие действие по результативности и протеканию во времени, выполняющие сравнительную функцию и выражающие сомнение, неуверенность (405 употреблений). 264 раза употребляются ФЕ-частицы, служащие для уточнения смысла, вносящие в текст дополнительные семантические оттенки: усилительные, указательные, определительно-уточняющие и выделительно-ограничительные. В 51 случае ФЕ-частицы имеют эмоционально-экспрессивный характер, содержат оценку и служат для выражения отношения говорящего к чему-либо.

К ФЕ-частицам, имеющим модальное значение, относятся утвердительные (*вот именно, так точно*), вопросительные (*а что?*) и собственно модальные, характеризующие отношение к достоверности, сомнение (*как бы, как будто, чуть ли не* и др.). Наиболее распространены ФЕ-частицы *как бы* (163 употребления) и *как будто (бы)/ будто бы* (110). В абсолютном большинстве случаев их употребляет автор, описывая чувства героев, их восприятие окружающей действительности, отношение к различным событиям. Так Б. Зайцев показывает, что его герои самостоятельны и независимы, создав их, он предоставил им свободу в действиях и чувствах, в которые он не вмешивается. Поэтому так распространены в его романах ФЕ-частицы, вносящие оттенок сомнения, с помощью которых автор разделяет себя и героев.

Особенно часто подобные ФЕ используются при описании состояния Наташи. Эмоциональная, живая, героиня порой сама не может понять, что она чувствует, не может описать своего состояния, поэтому, рассказывая о своих ощущениях и эмоциях, с помощью ФЕ-частиц выражает значение неуверенности: «С Маркелом мы *как будто* вовсе разошлись»

[3, с. 95]. Мотив сомнения, нестабильности, невозможности разобраться в собственных чувствах является важнейшим в романе «Золотой узор». Это значение выражается по-разному, огромную роль, наряду с другими языковыми средствами, играют и модальные ФЕ-частицы *как бы* (17) и *как будто* (46 употреблений).

К утвердительным ФЕ-частицам относятся *вот именно* (4) и *так точно* (2). Помимо близкого значения, обеим ФЕ свойственна функция усиления выразительности. ФЕ *вот именно* используют, когда недостаточно просто выразить согласие с помощью частицы «да», а необходимо подчеркнуть истинность, собственную уверенность в чём-либо, заинтересованность в том, о чём идёт речь. Говоря о своей разбитой жизни, Нолькен, размышляя вслух, делает вывод: «*Вот именно, – произнес он твёрдо, – жизнь*» [2, с. 422]. ФЕ *так точно* употребляется либо людьми, имеющими отношение к военной службе, либо желающими польстить влиятельному лицу. Её употребляет лакей, который подобострастное отношение к хозяевам выражает не только с помощью ФЕ, но и лексической частицы –с: «*Так точно-с...*» [7, с. 302].

Вопросительную функцию выполняет ФЕ *а что?*. Она показывает, что говорящий неуверен в правильности своих действий. Растерянный Глеб, чувствующий, что провалил экзамен, на вопрос преподавателя о своём обучении может ответить только вопросом: «*А... что?*» [5, с. 120]. Многоточие, разрывающее ФЕ, передаёт волнение героя.

ФЕ, вносящие в предложение дополнительные смысловые оттенки, употребляются 264 раза, наиболее распространены среди них усилительные (*всё же, так и* и др.) (149 употреблений), частотны также определительно-уточняющие (*как раз, не то что (чтобы),* и т.д.) (98), в единичных случаях используются выделительно-ограничительные (*только и всего, по крайности* пр.) (10) и указательные (*вот и*) (7).

Усилительная частица (*ну*) *что ж / же*, которая употребляется для усиления уступительного характера предложения и имеет значение «да, приходится согласиться» [10: 888], семантически сближается с модальными словами, обозначающими смирение с ситуацией, принятие того, что есть, непротивление. Такая линия поведения свойственна многим героям Б. Зайцева, поэтому они, порой вынужденно соглашаясь с чем-либо, часто употребляют эту ФЕ. Различные варианты этой ФЕ употребляются во всех романах писателя 80 раз, в 21 случае – в романе «Золотой узор», где 16 раз используется в речи Наташи. Размышляя о своих отношениях с Маркелом, понимая, что во многом перед ним виновата, но всё-таки чувствуя неразрывную связь между ними, Наташа заключает: «*Что ж. Такая уж я есть, конечно, я за это время мало о нём думала, но он мне всё же свой, должен со мною быть*» [3, с. 87]. ФЕ *что ж* подчёркивает, что героиня не оправдывает себя, но и показывает, что ничего нельзя изменить и необходимо смириться с ситуаци-

ей. Чтобы обратить внимание на размышления, скрывающиеся за словами Наташи, ещё больше усилить значение ФЕ-частицы, автор выделяет её в особое предложение, тем самым показывая значимость семантических оттенков смирения и уступки, которые она вносит в текст.

Определительно-уточняющие ФЕ-частицы употребляются в 98 случаях, причём представлены они только 4 ФЕ: *как раз* (69 употреблений), *не то, что / чтобы* (27), *в своём роде* (1), *почти что* (1).

ФЕ *как раз* служит для уточнения какого-либо факта, события, а также для усиления впечатления от сказанного. Эту ФЕ использует Андрей, впервые после долгой разлуки увидевший мать: «*И ещё тише добавил: – Ты как раз такая, как я думал*» [3, с. 84]. Автор не пытается описать мысли и чувства ребёнка. Читатель не знает, какой Андрей хотел видеть мать, но с помощью ФЕ *как раз* мальчик показывает, что именно она была ему нужна.

Выделительно-ограничительные ФЕ-частицы малоупотребительны, но играют важную роль благодаря способности не только привлекать внимание к чему-либо, но и усиливать впечатление от сказанного. Гибель людей на русско-японской войне Глеб воспринимал как личное горе: «*Но читая об этом, он содрогался: можно ли себе представить, что вот тысячи людей просто-напросто утонули в пучинах?*» [7, с. 418]. ФЕ *просто-напросто* показывает, насколько трагической была ситуация.

Указательная ФЕ-частица *вот и* указывает на «завершение чего-нибудь, наступление чего-нибудь желаемого, ожидаемого» [10, с.100]. Но в романе «Золотой узор» значение этой ФЕ изменяется: размышляя о перипетиях своего пути, Наташа иронизирует по этому поводу, и читатель понимает, что она не хотела такой судьбы: «*Вот и удачница, и лёгкий узор жизни моей, вот сижусь тумбою в розвальнях, и едем шагом, и муж меряет дорогу, точно Меньшиков в изгнании или протопон Аввакум*» [3, с. 159].

ФЕ-частицы, служащие для передачи эмоционального отношения к чему-либо, по функциям сближаются с междометными ФЕ. Они более употребительны героями, которые склонны к выражению чувств, открыто высказываются о чём-либо. Эмоциональные ФЕ употребляются в 51 случае. Наиболее часто используется ФЕ *что за*, которая может свидетельствовать о разных, порой противоположных чувствах говорящего, его восторге или недовольстве, неприятии чего-либо. Герои Б. Зайцева употребляют эту ФЕ 35 раз, при этом в 28 случаях с её помощью выражают отрицательное отношение к чему-либо, в 7 – положительные эмоции, восхищение. Такое соотношение говорит о том, что, с одной стороны, в окружающей действительности больше неприятного, что вызывает недовольство, раздражение, но, с другой стороны, есть в мире что-то, что радует людей, дарит положительные эмоции, главное – научиться видеть и ценить это. Тяжёлая социальная ситуация, война, революции, сложные отношения

между представителями разных классов вызывают отрицательные эмоции. «*Сами знаете, что за страна*» [4, с. 292], – говорит Мельхиседек о Советской России, и в его словах чувствуется грусть от того, что страна с богатейшей духовной культурой быстро теряет то, что накапливалось в течение многих веков.

Та же ФЕ служит для выражения восхищения. Б. Зайцев только при описании Глеба использует пейзажные зарисовки, показывая, какова поэтическая натура героя и с каким восторгом он наблюдает за миром русской природы, на лоне которой вырос: «*Какой невероятный, ослепительный свет, что за жаворонки, голубизна неба, горячее, душистое с лугов веянье – ещё и покоса нет, а уж истаиваешь в сладких запахах, и всё в свете дрожит, млеет, как-то ходит и трепещет, будто невидимый коростель выбивает световую музыку*» [5, с. 27].

ФЕ-частицы, употребляющиеся в романах Б. Зайцева, служат для выражения модального значения, семантических оттенков или имеют эмоционально-экспрессивный характер. К модальным ФЕ-частицам относятся утвердительные, вопросительные и собственно модальные. Среди последних наиболее распространены ФЕ, выражающие значение сходства, подобия, с их помощью писатель пытается показать состояние героев, но при этом вносит оттенок сомнения, не высказывается однозначно о чувствах других людей. ФЕ, вносящие в предложение дополнительные смысловые оттенки, включают усиленные, определительно-уточняющие, выделительно-ограничительные и указательные ФЕ-частицы. Самыми употребительными являются усиленные ФЕ-частицы, которые помогают понять особенности характеров героев, их отношение к жизни, поведение в разных ситуациях, восприятие событий. Эмоционально-экспрессивные ФЕ-частицы служат для выражения отношения героев к чему-либо и оценки, причём чаще это негативная оценка событий, которые происходят на глазах людей.

Таким образом, ФЕ, соотносящиеся с незначительными частями речи, играют важнейшую роль в текстах романов Б. Зайцева не только благодаря частоте употребления, но и благодаря тем смысловым оттенкам, которые они способны привнести в текст. Не выполняя номинативной функции, они в то же время являются одним из ключевых средств выражения идеи романа. Как и ФЕ, соотносящиеся со значительными частями речи, подобные единицы способствуют пониманию эмоционального состояния героев, их чувств, переживаний, передают сомнения, волнение, выступают как средство речевой характеристики. Сближаясь функционально и семантически с лексическими союзами, предлогами и частицами, ФЕ, соотносящиеся с незначительными частями речи, отличаются большей выразительностью, поэтому становятся немаловажным элементом идиостиля Б. Зайцева.

Библиографический список

1. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове)/ М.: Высшая школа, 1972. 615 с.
2. *Зайцев Б.К.* Дальний край. Собрание сочинений: В 5 т. Т.1. Тихие зори: Рассказы. Повести. Роман. М.: Русская книга, 1999. 608 с. С. 369 – 580.
3. *Зайцев Б.К.* Золотой узор. Собрание сочинений: В 5 т. Т.3. Звезда над Булонью: Романы. Повести. Рассказы. Книга странствия. М.: Русская книга, 1999. 576 с. С. 13-199.
4. *Зайцев Б.К.* Дом в Пасси. Собрание сочинений: В 5 т. Т.3. Звезда над Булонью: Романы. Повести. Рассказы. Книга странствия. М.: Русская книга, 1999. 576 с. С. 201-344.
5. *Зайцев Б.К.* Заря. Собрание сочинений: В 5 т. Т.4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. 624 с. С. 25-152.
6. *Зайцев Б.К.* Тишина. Собрание сочинений: В 5 т. Т.4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. 624 с. С. 153-292.
7. *Зайцев Б.К.* Юность. Собрание сочинений: В 5 т. Т.4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. 624 с. С. 293-443.
8. *Зайцев Б.К.* Дерево жизни. Собрание сочинений: В 5 т. Т.4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. 624 с. С. 445-583.
9. *Молотков А.И.* Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. 284 с.
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений// С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова/ Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
11. Русская грамматика: в 2 т. Т.1. М.: Наука, 1980. 784 с.
12. *Чепасова А.М.* Фразеология русского языка/Челябинск, 1993. 216 с.

References

1. *Vinogradov V.V.* Russian Language (Grammatical Teaching about Word). – Moscow: High School, 1972. – 615 p.
 2. *Zaytsev B.K.* Far Side / B.K. Zaytsev. Works: in 5 books. B.1. Silent Dawns: Tales. Stories. Novel. – Moscow: Russian Book, 1999. – 608 p. – P. 369 – 580.
 3. *Zaytsev B.K.* Golden Pattern / B.K. Zaytsev. Works: in 5 books. B.3. Star over Boulogne: Novels. Stories. Tales. Book of Wanderings. – Moscow: Russian Book, 1999. – 576 p. – P. 13-199.
 4. *Zaytsev B.K.* A House in Passy / B.K. Zaytsev. Works: in 5 books. B.3. Star over Boulogne: Novels. Stories. Tales. Book of Wanderings. – Moscow: Russian Book, 1999. – 576 p. – P. 201-344.
 5. *Zaytsev B.K.* Dawn / B.K. Zaytsev. Works: in 5 books. B.4. Gleb's journey: Autobiographical tetralogy. – Moscow: Russian Book, 1999. – 624 p. – P. 25-152.
 6. *Zaytsev B.K.* Silence / B.K. Zaytsev. Works: in 5 books. B.4. Gleb's journey: Autobiographical tetralogy. – Moscow: Russian Book, 1999. – 624 p. – P. 153-292.
 7. *Zaytsev B.K.* Youth / B.K. Zaytsev. Works: in 5 books. B.4. Gleb's journey: Autobiographical tetralogy. – Moscow: Russian Book, 1999. – 624 p. – P. 293-443.
 8. *Zaytsev B.K.* Tree of life / B.K. Zaytsev. Works: in 5 books. B.4. Gleb's journey: Autobiographical tetralogy. – Moscow: Russian Book, 1999. – 624 p. – P. 445-583.
 9. *Molotkov A.I.* Basis of phraseology of Russian language. – Leningrad: Science, 1977. – 284 p.
 10. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Y.* Explanatory Dictionary of Russian Language: 80 000 words and phraseological units. – Russian Academy of Sciences. V.V. Vinogradov Russian Language Institute. – Moscow: Azbukovnik, 1997. – 944 p.
 11. Russian Grammar: in 2 books. B.1. – Moscow: Science, 1980. – 784 p.
 12. *Chepasova A.M.* Phraseology of Russian language. – Chelyabinsk, 1993. – 216 p.
-
-

УДК 811.14-112

UDC 811.14-112

О.М. СЕРГЕЕВА

аспирант кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
E-mail: dosia.he.deine@gmail.com

O. M. SERGEEVA

postgraduate student, the department of General and Historical Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology
E-mail: dosia.he.deine@gmail.com

К ПРОБЛЕМЕ ДВОЯКОЙ РЕФЛЕКСАЦИИ И.-Е. **i* В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

SOME THOUGHTS ON THE ISSUE OF THE TWOFOLD REFLEXATION OF PIE **i* IN ANCIENT GREEK

*Условия двоякой рефлексации индоевропейского *i* в древнегреческом языке – в виде *h* либо *z* – до сих пор не выяснены. Статья посвящена ревизии фактического материала и критическому обзору ранее выдвигавшихся гипотез, по итогам которого будет предложено обратить внимание на ряд соображений, позволяющих, по нашему мнению, более корректно оценить проблему в относительно-хронологическом и сопоставительном планах.*

Ключевые слова: индоевропейская фонология, древнегреческий язык, относительная хронология.

*The conditions of the twofold reflexation of PIE **i* – as *h* vs. *z* – have not been determined as of yet. The present paper deals with revision of factual evidence as well as a critical survey of previously proposed tentative solutions; attention will be drawn to certain considerations which could offer a new perspective on the issue in terms of relative chronology and comparative typology of sound change.*

Keywords: Indo-European phonology, Ancient Greek language, relative chronology.

Как известно, индоевропейский глайд *i* был разнообразными путями устранён из фонологической системы раннегреческого языка. При общей удовлетворительно описанной картине преобразований, связанных с его устранением, ряд деталей остаётся непрояснённым. Наиболее проблемна судьба *i* в начальной позиции, где оно отражается двумя различными, статистически и типологически равноправными способами, а именно в виде *h* (густого придыхания) либо *z* (дентальной аффрикаты типа /dz/, позднее претерпевшей метатезу компонентов). Удовлетворительных объяснений распределению этих двух рефлексов до сих пор не найдено.

1. Примеры

Итак, в абсолютном начале слова **i* переходило в:

1) густое придыхание

Ср. изменение вторичного *i* в армянском: *i* *ami* > *yami* > /*hami*/ «в году»; в древнеирландском на пути к исчезновению начальное *i* проходит стадию /*h*/.

относительное местоимение *o-*, *h* «который, -ая» – к общеиндоевропейскому **i*os, **ja*, ср. ст.-слав. И, ІА [jъ] [ja], литов. *jis*, *ji*, санскр. *yaś*, *ya* и др.;

hpar «печень» при лат. *jesur*, лит. (pl. tant.) *jeknos*, санскр. *yakṛt* (из и.-е. **jekʰrt*) «тж.»;

wra «пора, период» при авест. *uārə*, др.-верх.-нем. *jār* (совр. нем. *Jahr*), англ. *year* «год»;

azomai, *agio-*, *agno-* «священный» при санскр. *yajati*, *yajña-*, мл.-авест. *yazaʰti*;

iḥmi «испускать, посылать» при лат. *ja-cio* «метать, бросать». Попытка возвести *iḥmi* к **si-sē-mi*

«сеять», что соответствовало бы лат. *sero* и ст.-слав. СѢЯТИ, наталкивается на трудности с точки зрения семантики, а также на то соображение, что **sē-* встречается лишь в языках северо-западного ареала и всегда точно в значении «сеять»; ср., впрочем, арм. *himn* «основа», формально соответствующее как *hma* «метание копий», так и *semen*, СѢМА [Chantraine 1968-1980: 459].

usminh «битва» при санскр. *yudh-* «тж.», лит. *jūdeti* «толкать», лат. *jūbeo* «велю < заставляю действовать < толкаю»;

ew- (беот. *aw-*, дор. *a-*) «до» при санскр. *yāvāt* «до тех пор пока»;

hbh «юношеский возраст» при м. б. лит. *jēga*, латыш. *jēga* «сила».

Следующие этимологии сомнительны либо спорны:

ako- «лечебное средство», с псилозой? диал. *ef-*, *afakeisqai* [Chantraine 1968-1980: 50], ср. микенск. *jaketere* «целители» (?), при валл. *iach* «здоровый», корн. *iach*, ср.-брет. *yach* «тж.», др.-ирл. *iccaid* «исцелять», *icc* «лечебное средство» [McBain 1911 : 214] [Chantraine l. c.] [Pedersen ap. Huld 1980 : 326]. МакБэйн привлекает сюда же санскр. *yaśas* «слава, престиж», но у [Mayrhofer 1992/2001: 405] для этого последнего не усматривается правдоподобных связей за пределами индо-ир. общности. Согласно [Matasović 2009 : 171], для кельт. слов праформой является **ikā* или **jekā*, причём историческая долгота в ирл. форме, скорее всего, объясняется редупликацией (*iccaid* < **ji-jekk-o-*). При этом затруднительно

уравнять прагреч. *jak-es- и пракельт. jekk-o- – как из-за корневого гласного, так и из-за необходимости предполагать в греческом почти тотальную псилозу.

adro~ «плотный, прочный, жёсткий, яростный» при ст.-слав. ІАДРЬ «резвый», болг. едър «крепкий, сильный», сербохорв. једар «полный, сильный, свежий» [Pedersen ap. Huld 1980 : 326]. Эта этимология упомянута как лишь одна из возможностей у [Фасмер 1964/2009 : IV 548], кроме неё приводится и вариант, связывающий слав. слова с др.-инд. теонимом Indras, с indriyam «сила, состояние». Шантрен [Chantraine 1968-1980: 20] считает **adro~** одним из производных от нар. **adhn** «до пресыщения, сверх меры». Нам кажется, что следовало бы рассмотреть и возможность раннего заимствования в слав. из греч.

hmero~ «ручной, одомашненный» при др.-англ. gēomer «печальный», др.-верх.-нем. jāmar «боль, печаль», др.-фриз. jāmer «плачевное состояние, позор», др.-сакс. jāmar «несчастье, обездоленность» [Pedersen ap. Huld 1980 : 326], впервые [Solmsen 1893] – сомнительно в отношении значения; чуть удачнее сравнение с санскр. yamati «одолевать, укрощать», хотя у [Chantraine 1968-1980: 413] не признаётся и оно. У [Orel 2003 : 206] герм., санскр. и греч. формы названы родственными, Майрхофер же не видит для yamati связей за пределами индо-иранских языков [Mayrhofer 1992-2001: 400]. Покорный не уверен в отождествлении индо-ир. и греч. слов, а герм. формы полагает связанными с др.-сканд. amra «скулить», происходящим от emja, umja «выть», и через них в конечном итоге восходящими к основе междометия [Pokorny 1959 : 505].

umei~ «вы» восходит к косвенной основе и.-е. местоимения 2 л. мн. ч. (*us-mes), не содержавшей j. [Frisk 1960: 963] [Schwyzer 1977: I 303] [Wyatt 1976: 1] [Фасмер 1964/2009: I 366] [Семереньи 1980/2002 : 233]

Однозначно следует исключить сопоставление **aptw** «прикасаться, сцеплять» и санскр. yabhati (т. к. последнее соотносится с oifw); сравнения **amara** «ров, канал» : рус. яма и **euia** «игра, забава» : лат. jocus «шутка» слишком ненадёжны [Huld 1980 : 327].

2) z

Ср. протороманские данные: е. г. лат. justus – ит. giusto, франц. juste из протором. [dž]:

zeugnumi, **zugon** при лат. ju-n-gere, jugum, санскр. yunakti, yugam, хетт. yugan, ст.-слав. ИГО (*jъго), лит. ju-n-gti «сопрягать, соединять»;

zwnnumi из *zws-nu-mi «опоясывать» (ср. **zws thr**) при авест. yāsta, лит. juos-ta, ст.-слав. ПО-ІАСЬ;

zew «кипеть» при санскр. yasati/yeṣati/yasyati, авест. yaēšya «кипятить», кимр. ias «варево», др.-верх.-нем. jēsan, англ. yeast «пениться» (т. о., и.-е. *jes-);

zu-mh «закваска» и **zw-mo~** «чёрная похлёбка» при лат. jus, санскр. yuṣ, лит. jušė, ст.-слав. ІΟΥХА «вид похлёбки», сюда же лит. jauti, санскр. yauti «перемешивать»;

zeiai «полба» при лит. javai «злаки», санскр. ya-

vas «ячмень» (и.-е. *jeu-i-);

zwro~ «крепкий, неразбавленный» при ст.-слав. ІАРЬ, м. б. сюда же ерi-zarew «набрасываться».

Также отметим сложный случай **di-zh-mai** «разыскивать», где корень в чистом виде неизвестен; его же, по всей видимости, находим в **zh-tew** (при аркад. **za-to~**) «искать, добиваться», **zh-lo~** «рвение, ревность», **zh-mia** (дор. **zamia**) «взыскание, наказание», **zh-tro~**, **zh-twr** «каратель», **za-treuw** : en **mulwni basanizw**, **Zh-thr** «взыскатель» – по Гесихию, эпитет Зевса на Кипре. Возможны две интерпретации корневого Z: либо восстанавливать основу как *di-diā- (и тогда этот пример для нас нерелевантен), либо предполагать первоначальное *iā- > *zā- и позднейшую редупликацию. Достоверность второго решения плохо поддаётся проверке, т. к. у нас нет других примеров, которые бы демонстрировали, как ведёт себя Z при презентном удвоении, зато оно позволяет включить предполагаемый этимон в серию соответствий, куда также входят санскр. yāvan, yātar «гонитель», yātu «колдовство», авест. yātu «тж.», арм. jānam «напрягаться» и пр. и куда Покорный включает **zhlo~**, **zhtrō~**, **zhmia**, **zwro~** [Pokorny 1959: 501] [Chantraine 1968-1980: s. v. zhlo~].

У [Gray 1915] предлагается усматривать в **zanide~** : **hgemonide~** «предводительницы» (Hesych.) тот же корень, что в санскр. и авест. yā- «идти» и родственными ему; из названных автором производных -n- в основе имеют санскр. yāna- «идуший», ср.-верх.-нем. jān «непрерывная линия». Возможно, сюда же лат. janus, janua «дверной проём, проход»: janus упомянуто как возможное производное от названного корня в [LIV 2001 : 310]. Из-за непроработанности семантической стороны дела догадка Грея выглядит слабой, однако иметь с ней дело приходится хотя бы в силу того, что Гесихиево слово не рассматривается ни Бузаком, ни Фриском, ни Шантреном.

Сомнительно, вопреки [Huld 1980: 327] [Pokorny 1959 : 513] [Falileev 2000 : 99] [Matasovic 2009 : 436] и др., отождествление греч. **zōrx**, **zorka~** «косуля, газель» с валл. iwrch, iurgch-ell «косуля», корн. yorch, брет. iourc'h «тж.». Дело в том, что греч. форма представляет собой дублет к **dorka~**, **dorx** (атт.) «тж.», и за глубокую древность варианта на Z нельзя поручиться: согласно [Liddel-Scott 1996 : 445], **zorka~** засвидетельствовано единожды у Hdt. 4. 192, **zōrx** только у эллинистических авторов. Имеется и весьма позднее **iorko~** (Opp. Сын. 2. 296; 3. 3; тж. Hesych. **iorke~**, **iurke~**), в отношении которого, разумеется, нелепо предполагать, что оно сохранило первозданный прагреческий фонетический облик. Конечно, можно допустить, что формы на Z были исходными и подверглись искажению по народной этимологии. Но представляется необходимым отметить, что в ряде надписей на диалектах, отличных от аттического, уже с весьма раннего периода встречаются написания Z на месте d, что, по-видимому, отражает начавшуюся уже тогда фрикативизацию /d/. По данным О. С. Широкова, в надписях из Элиды, самые

ранние из которых датированы концом VII – началом VI в. до н. э., засвидетельствовано написание *z* вместо *d* (*Olumpiazwn* вм. *Olumpiadwn*, *zikaia* вм. *dikaia*, *zifuio*~ вм. *di fuio*~ «парный, двойной»), а на монетах ион. сицилийских колоний читаем *Segestazih*, *Erukazih* вм. *Segestadih*, *Erukadih* [Широков 1983: 35]. Швицер и Бак, помимо этих и подобных (элейск. *ze* = *de*, *zeka* = *deka*, *zamiorgia* = *dhmiorgia*) случаев, приводят в пример архаическое родосское *toz* = *tode*, а также, среди прочего, этр. *Ziumuqe* = *Diomhdh*~ [Buck 1910 : 54] [Schwyzer 1977: I 208]. Ср. в этом же отношении *aizhlon* = *-dhlon* (Il. 2. 318, см. [Chantraine 1958: 116]), *mezea* = *medea* (Hes. Op. 512), *za* = *da* = *ga* (дор.), памф. *korzia* вм. *kardia* и др. [Schwyzer: I. c.] Таким образом, мы находим вполне вероятной версию о вторичном характере *zorka*~, а что до прямого соответствия между валлийскими формами и упомянутым *iorko*~, мы находим нужным согласиться с теми, кто считает его галатским, т. о. кельтским, заимствованием [Chantraine 1968-1980: 294] [Matasović 2009 : 436]. Справедливости ради скажем, что исконность форм на *z* и их генетическое родство с кельтскими словами нельзя отрицать категорически, мы лишь отмечаем недостаток доводов в пользу этой версии и наличие альтернативы. Возможен, думается, и сценарий, примиряющий обе гипотезы: прямой когнат кельтских форм действительно присутствовал в греческом, но не сохранился в чистом виде, претерпев контаминацию с *dork*- «зоркий, глазастый», наличные же формы на *z* возникли вторично, как описано выше. Но в таком случае мы не можем судить о фонологическом облике этого когната и, следовательно, должны исключить данный пример из рассмотрения.

Совершенно справедливо исключён случай *ze-furo*~ у [Huld 1980: 328]: возведение этого слова к **iebh*-, восходящее к Р. Амброзини, есть чистой воды плод исследовательской фантазии и отвергнуто уже у [Boisacq 1916 : 310]. Доводами в пользу такой этимологии служили приписываемая Зефиру в фольклорных текстах способность оплодотворять женщин и кобылиц и обозначение неоплодотворённых яиц *uphnesia/ze furia wa*, но второй из них опровергнут У. Каугиллом [Cowgill 1965 : 166], который совершенно справедливо отмечает, что, во-первых, употребление *zefuria* применительно к неоплодотворённым яйцам – довод против, а никак не в пользу указанного понимания *zefuro*~, а во-вторых, аналогичное обозначение «пустых» яиц независимо присутствует и в других языках (лат. *ova venti*, нем. *Windeier* «яйца без скорлупы», англ. *wind eggs*) и мотивировано, скорее всего, тем, что в яйцах по мере гниения скапливается газ. Р. Бекес всё ещё считает старую этимологию удачной, но признаёт правомерность скептицизма Каугилла [Beekes 1969 : 97-98]. Халд [l. c.] на основании упомянутого в микенских текстах, возможно, азиатского топонима *ze-ru*-го предполагает, что *ze-furo*~ может являться ближневосточным заимствованием, но не исключена производность от *zofo*~

[Chantraine 1968-1980 : 399].

Случаев того и другого развития начального *i* (с надёжными индоевропейскими параллелями), как видим, насчитывается примерно поровну, оба способа рефлексии имеют параллели в других ИЕ языках. Один и тот же корень последовательно демонстрирует один и тот же способ рефлексии, иными словами, чередование двух рефлексов в одном и том же корне невозможно [Sommer 1905 : 144] [Lejeune 1972 : 165].

Решение настоящей проблемы затрудняется ещё одним обстоятельством: не представляется возможным установить, следует ли искать истоки «раздвоения» прагреческого **i* собственно на прагреческом или же на праиндоевропейском хронологическом уровне. Разными исследователями принималась за отправную точку как одна, так и другая возможность, но удовлетворительных результатов достигнуто не было. Х. Педерсен [Pedersen 1907 : 359], ссылаясь на Г. Мёллера, и вовсе стремился отыскать источник *z*-рефлексии в предполагаемом пра-индоевропеосемитском языковом состоянии – разумеется, не достигнув убедительных результатов.

2. Попытки объяснения: традиционная парадигма

1. «Два различных **i*»

1. Младограмматики усматривали в двоякой рефлексии греческого *i* следы праязыкового противопоставления двух различных звукотипов, ведя речь о вокалическом («сонанте») **i* как источнике *h* и консонантном («спиранте») **j* как источнике *z*. Авторство этой гипотезы принадлежит Г. Шульце, как указано у Ф. Зоммера [Sommer 1905 : 139] и У. Леманна [Lehmann 1952 : 75]; у [Шантрэн 1953/2001: 295] присутствует отсылка к К. Бругманну. Однако, как отмечает при этом Шантрэн, сторонники этой гипотезы в конечном счёте были вынуждены признать, что ни в каких более индоевропейских языках невозможно найти следов таких «двух разных *i*».

И действительно, попытки проследить аналогичное «расщепление» исходного **i*, результаты которого находились бы в корреляции с греческими, в каком-либо другом ИЕ языке потерпели неудачу. Уже у Зоммера [Sommer 1905 : 139-143] находим перечень такого рода попыток применительно к древнеиндийскому (Бругманн), кельтскому (Цупица), германскому (Зиверс), армянскому и албанскому (Мейер) материалу с констатацией несостоятельности каждой из них.

Впоследствии подобные разыскания периодически возобновляются, и вновь безуспешно. Так, заявленное у [Mann 1952: 38] якобы отражённое в албанском языке противопоставление «обычного» **i* «придыхательному», будто бы реализовавшемуся в виде «переднего велярного спиранта» типа нем. *ch* в *ich* (рефлексом первого, по его мнению, являлось *z* = греч. *z*, второго *j* = греч. *h*) ныне не признаётся, т. к. примеры, на которые он опирался, были неверно

истолкованы им либо получили более удачные объяснения, ср. критику у [Minshall 1956 : 628], а также новые этимологии у [Orel 1999: 524, 526].

Леманн [Lehmann 1952 : 60] вновь привлекает внимание к оспоренной ещё Зоммером [l. c.] попытке Зиверса усмотреть аналогичную греческой двоякую рефлексацию начального *j в алеманнских диалектах (якобы j = h утрачивается, j = z удерживается), но Каугилл [Cowgill 1965 : 161] и вслед за ним Бекес [Beekes 1969 : 96] отмечают, что эта закономерность не подтверждается из-за противоречащего примера jār : wra.

Критику попыток усмотреть в армянском расщепление рефлексов праязыкового *j на j и l см. [Minshall 1955].

2. Педерсен предлагал разнообразные решения рассматриваемой проблемы, одно из которых (в наиболее ранней редакции) состоит в том, что z-рефлексацию обуславливало удвоение j; предвосхищая возражение, согласно которому ИЕ слово не может начинаться с геминаты, автор допускает, что *jj могло восходить к более раннему *g'i [Pedersen 1900 : 104]. Зоммер замечает на этот счёт: «...безразлично, писать ли *jj или *j» [Sommer 1905 : 144], т. е. значимость предложенного Педерсеном *jj такова же, как и у ранее предполагавшегося *j, а стало быть, его гипотеза качественно не отличается от предшествующей.

Предположение о происхождении z из удвоенного j в противовес h из одиночного (ср. в этом отношении лат. интервокальное -jj- > итал. ggi-, например, major, -oris > maggiore) впоследствии поддерживается Э. Швицером [Schwyzer 1977 : I 331] и О. С. Широковым [Широков 1983: 43]; впрочем, избирательный характер этого предполагаемого удвоения названные авторы никак не комментируют.

2. Факторы нефонологического порядка

Попытки объяснить то или иное явление абсолютного начала (конца) слова факторами фонотактики, контаминацией и т. п. в силу нерегулярности самих названных процессов зачастую оказываются весьма произвольными и в лучшем случае не поддающимися верификации, в худшем неправдоподобными.

Таковы в настоящем случае следующие две гипотезы. Ч. Финч [Finch 1937] полагал, что z должно развиваться на стыке начального *j корня и конечного -d проклитики, а именно местоимения Nom.-Acc. ср. р. (т. е. в синтагмах типа *tod jugom), но в итоге столкнулся с непреодолимыми трудностями в объяснении форм несреднего рода и неименных. Э. Фэй [Fay 1915] также возводил z к *dj-, предполагая, что начальное d возникло благодаря контаминациям с близкими по значению корнями, начинавшимися на d-; далее по ходу статьи он возводит все формы на z- к одному и тому же корню *jeu- (как в zugon), якобы контаминировавшему с *deih- // *dēh- (совр. запись) «вязать» как в санскр. dyāti, греч. dew, но это влечёт за собой столь фантастические семантические обоснования, что рассматриваться всерьёз едва ли может.

3. Позиционные различия в трактовке *i, j и за-кон Грассманна.

Известны несколько попыток установить зависимость между одним из способов рефлексации *j и утратой внутрисловного *s; ни одно из подобных предположений не оказалось возможным обосновать последовательно.

1. Зоммер [Sommer 1905 : 145 ff] полагал, что двоякая рефлексация *j и необусловленное наличие либо отсутствие придыхания как следа начального *u (см. след. параграф) имеют общую причину: оба начальных глайда должны были аспирироваться при утрате внутрисловного s. Так, если имеет место развитие *uesnumi > *hehnumi > *ennumi, то, по мнению Зоммера, аналогичное развитие следует усматривать и в *josnumi > *jhohnumi > zwnnumi, причём именно *jh и представляло собой источник z. Кроме этого, Зоммер был вынужден допустить, что j должно было давать z перед -u- в любом случае (через мало-правдоподобную цепочку преобразований *ju > hu > *hju или *jhu > zu) [153]. С этим последним обобщением не сообразуется пример usminh; Зоммер [156] попытался объяснить этот случай действием z-на Грассманна – совершенно упустив при этом из виду то обстоятельство, что в основной части его выкладки данному закону как раз противоречат, ибо его действие в нормальном случае привело бы к диссимиляции h...h > #...h и начальное *jh оказалось бы устранено. Кроме того, гипотеза Зоммера отнюдь не снимает необходимости предполагать аналогическое выравнивание в чрезмерно широких пределах: именно на его счёт относятся им и формы типа zestō-, не подвергшиеся переходу s > h [147], и zeiai, где никакого s не имелось изначально [153].

2. У. Уайатт [Wyatt 1976 : 4-5] обратил внимание на то, что формы на z, в отличие от таковых на h, содержат либо последовательность -es-/os-, либо -u-, хотя usminh составляет исключение, и предположил, что при переходе внутреннего s > h начальное придыхание устраняется по закону Грассманна на предполагаемой стадии *hj, после чего и имеет место развитие в z. Развитие перед u и ряд исключений при этом остаётся необъяснённым, но далее Уайатт [6] представляет усовершенствованную редакцию названного правила, осуществлённую М. Лежёном на основе его, Уайатта, наблюдений, и состоящую вот в чём: *j переходит

- в z перед -eu- либо группой «гласный + h»;
- в h во всех прочих окружениях.

Исключения объясняются выравниванием (например, zugon по zeugnumi).

Именно на эту последнюю версию, надо полагать, ссылается Зилер [Sihler 1995 : 187], цитируя следующее обобщение: начальное j даёт z перед -eu/-u- и в случае, если за корневым гласным следует -s-, тогда как в придыхании j переходит, если за гласным корня следует смычный. Но, возражает Зилер, в это правило не вписываются случаи o, h и wra (и, добавим мы, zwro-), а в случае с zeugnumi пришлось

бы оговориться, что условие присутствия *eu* в корне должно оказываться более решающим по сравнению с условием наличия смычного вслед за ним.

3. М. Халд [Huld 1980] учитывает критику большинства гипотез о причинах двоякой рефлексации **i*, как традиционных, так и ларингалистских (см. ниже). Отталкиваясь от неё, в итоге он представляет [328 ff.] попытку решения в том же ключе, что и Уайатт. По его мнению, способ рефлексации зависел от фонетических характеристик второго согласного корня: в случае обладания им признаками [+ смычный – континуант] развивался рефлекс *h*, при обратном же соотношении этих признаков – *z*. Действительно, все примеры *h* имеют этим вторым согласным шумный взрывной либо предполагаемое *h*, за исключением *o~* (которое, как оговаривается Халд, в силу своей роли в предложении могло не составлять отдельного фонетического слова, так что прежде **i* в его составе не вело себя как начальное). При рефлексе *z* в роли второго согласного выступают сонорные, *s* и «фрикативные ларингалы», единственным же видимым исключением является *zugon*, которое Халд предлагает объяснять выравниванием по формам в положительной ступени апофонии. Необходимым следствием из своей гипотезы он считает отнесение предполагаемых преобразований **i* к чрезвычайно раннему периоду развития древнегреческого языка как самостоятельного, т. е. она требует предшествования этих преобразований падению ларингалов.

4. Объяснения социолингвистического порядка

Такого рода предположения упомянуты у [Wyatt 1976: 2]: Леруа вслед за Ройхом полагал формы на *z*- заимствованными из какого-то северного (фракийского?) языка, тогда как Ночентини утверждал, будто все слова, содержащие *z*-, принадлежат к кругу «сельскохозяйственных» терминов и на этом основании должны считаться заимствованиями из «деревенских» диалектов. (Касательно последней гипотезы заметим от себя, что утверждение о существовании «деревенских» диалектов подразумевает противопоставление их «городским», «литературным» и т. п., а между тем наличие подобной дифференциации в прагреческий период не представляется правдоподобным). Одного порядка с этими гипотезами предложение Ф. Никитиной [Никитина 1962 : 70] объяснять двоякую рефлексацию с помощью «данных субстрата». Сам Уайатт полагает на этот счёт, что «лингвистическая проблема должна решаться лингвистическими методами» [2], так как соображения внеязыкового плана не поддаются верификации с внутрисистемной точки зрения.

Итак, мы видим, что процитированные гипотезы либо носят гадательный характер, либо – при попытках решить проблему индуктивным путём, т. е. опираясь на наличные факты, – неспособны охватить все имеющиеся примеры исчерпывающим образом, без необходимости ссылаться на аналогическое выравнивание и прочие зыбкие объяснения *ad hoc*.

3. Попытки объяснения: «ларингальная» парадигма

Сторонники ларингальной теории возводят один из двух возможных рефлексов (какой именно, зависит от точки зрения конкретного исследователя) к сочетанию начального ларингала с **i*: при такой интерпретации фактов *i* в одном из случаев оказывается находящимся не в абсолютном начале слова, и проблема «двоякой рефлексации в одной и той же позиции» снимается.

1. Так, у Г. Рикса начальное *z* выводится из группы *«ларингал + *i*» без пояснений [Rix 1976: 70], а *h* из простого *i* с презумпцией идентичного поведения последнего в начальной и интервокальной позиции [ibid.: 64].

2. Э. Сэпир [Sapir 1938], описывая противопоставление простых и глоттализированных сонорных в языках коренных жителей Северной Америки, обратил внимание на то, что последние часто образуются в результате слияния простого сонорного и глоттальной фонемы (подобно тому, как, скажем, французские носовые гласные возникли из сочетаний простого гласного и носового согласного). Результаты своих наблюдений Сэпир предпринял попытку спроецировать на ИЕ данные, предположив, что по мере развития от ПИЕ к прагреческому сонорный и ларингал, находясь в непосредственном соседстве, давали единую фонему – «ларингализованный» сонорный, противопоставленный простому. В частности, именно такую «ларингализацию» Сэпир назвал причиной перехода *i* в *h* вместо *z*. Он находит странным считать *h* регулярным рефлексом *i*, так как (здесь он солидарен с Педерсеном) в нормальном случае источником придыхания должен являться незвонкий; поэтому *z* он принимает за регулярный рефлекс чистого *i* с оглядкой на протороманские процессы, а *h* считает продуктом оглушения *i* со стороны соседнего ларингала. Материальные свидетельства прежнего наличия ларингала в *o~* легко отыскиваются им в санскр. *ayam* «это», лат. *ea* ж. р. и ср. мн. ч. от *is* «этот»; в *azomai* таким индикатором служит, разумеется, а-огласовка корня, якобы предполагающая праформу **i*_heg- (тем более, что у скр. *yaj-* нулевая ступень корня не *ij-*, а *i̯j-*). Сэпир отмечает, что в греческом не регистрируется надёжных примеров *za-* < **i*_a, и это естественно, если предполагать, что всякое -а- восходит к сочетанию ларингала с иным гласным. [Sapir 1938 : 271-272] Сразу отметим, что в гипотезу Сэпира не укладывается случай *zwro~* : *epi-zarew*, для которого в ларингалистской интерпретации пришлось бы реконструировать **i*_{oh}r- // **i*_hr-.

3. Леманн [Lehmann 1952: 76-78] принимает гипотезу Сэпира, однако не соглашается с возведением *z* к чистому *i*, замечая, что «ни лингвистический, ни методологический аргументы Сэпира не выглядят адекватными его предположению о происхождении *z*», но не разъясняя, почему именно он так полагает. Далее Леманн стремится доказать, что рефлексация в виде *z* должна была быть обусловлена наличием

перед *i* звонкого ларингала, выделив в качестве доказательства его прежнего присутствия ряд частных фонологических особенностей рассматриваемых форм на *Z* и их соответствий в др. и.-е. языках. Таким образом, *h* в представлении Леманна восходит к группе «глухой ларингал + *i*», а *z* – к группе «звонкий ларингал + *i*». Отметим, что такое решение подразумевает, будто рефлексы чистого начального *i* не представлены в греческом вовсе, а также вызывает вопрос, почему рефлексы групп со звонким и глухим ларингалом сохранились контрастными только в греческом и более нигде. В отношении этого последнего затруднения гипотеза Леманна лишена преимуществ перед другими, названными ранее.

4. Критика доводов Леманна и его последователь осуществлена Каугиллом [Cowgill 1965 : 163-166], Бекесом [Beekes 1969 : 95-98] и отчасти Э. Зилером [Sihler 1995 : 187-188], причём Каугилл последовательно опровергает все аргументы Леманна, базирующиеся на конкретных этимологиях. Бекес ставит вопрос о возможном наличии связи между двоякой рефлексацией **i* и отсутствием примеров протезы перед этим же согласным, но не развивает этой мысли [95]. Ясно, что если выводить протетические гласные из ларингалов, как это ныне общепринято, то теоретически можно утверждать, будто перед *i* последние не вокализовались, но оказывали модифицирующее воздействие на соседний сонант. Затруднение в том, что в принципе нет ясности относительно того, как должно отражаться в греческом начальное **hiV-*, а вследствие этого не поддаются проверке гипотезы типа Сэпировой.

4. Дальнейший анализ

По итогам вышеприведённого обзора мы не находим возможным предложить какого-либо нового решения. Нам представляется, однако, необходимым указать на ряд обстоятельств, прежде упускавшихся из виду при работе над рассматриваемой проблемой, однако более чем существенных для поиска верного подхода к ней.

1. Во-первых, большой ошибкой со стороны многих из процитированных выше исследователей было полагать *h* реализацией **i* по умолчанию, а *z* – менее ожидаемой, маркированной: именно так представлена ситуация, например, у [Wyatt 1976 : 1], [Schwyzer 1977 : I 331]. Некоторые, в частности Сэпир и Педерсен, чьи взгляды на проблему изложены нами выше, полагали, что дело обстояло противоположным образом: *z* являлось немаркированным результатом развития **i*, а *h* – маркированным. Суть заблуждения, однако, при любом из двух подходов оставалась неизменной, что вело к поиску решения в неверном направлении – внимание сосредотачивалось только на объяснении «маркированного» способа рефлексии. Поэтому совершенно справедливо Халд [Huld 1980: 324] называет представление об немаркированности *h* и маркированности *z* «необоснованной учебной традицией». С типологической точки зрения, как было указано выше, оба способа

рефлексии представляются в равной степени возможными и поэтому как «нормальность» одного из них, так и «девиантность» другого требуют специальных подтверждений.

2. Указав на это заблуждение, Халд не смог избежать другой фундаментальной ошибки своих предшественников: она заключалась в имплицитной презумпции синхронности обоих способов развития, что не отвечает нижеизложенным фактам.

Как оказывается при наблюдении над микенскими данными, во 2-м тысячелетии до н. э. мы имеем:

– завершённый переход в *z*, ср. *zeukesi* (dat. pl. от *zeugo-*), *zesameno* (aop. прич. к *zew*);

– колебания *j/#* (придыхание в линейном *B* не отражается), например, отн. мест. *jo-/o-*.

[Beekes 1969 : 98] [Lejeune 1972 : 167-168] [Huld 1980 : 324] [Sihler 1995: 188]

Отсюда, по-видимому, следует: переходы **i > z* и **i > h* были *разнесены во времени* так, что первый полностью завершился ко времени создания надписей линейным *B*, тогда как второй всё ещё продолжался.

Именно в силу неучёта вышесказанного, как представляется, не может быть верна гипотеза Халда, относящая преобразования **i* к одному и тому же периоду, и притом весьма раннему.

3. По нашему мнению, изменение **i > z* в начальной позиции, скорее всего, совпадало во времени с внутрисловным преобразованием групп **gi*, **di*, дававшим тот же результат (*z*), ср. протороманские процессы: е. г. лат. *justus*, *Regium*, *radius* > итал. *giusto*, *Reggio*, *raggio*. Названный процесс, совершенно очевидно, должен был иметь место как минимум после оглушения праязыковых звонких придыхательных, т. к. последние в сочетании с **i* дают те же рефлексии, что и глухие простые.

Однако в **ios*, **jek^ur-* и т. д. что-то должно было *блокировать* этот переход, из-за чего начальное **i* сохранялось неизменным до тех пор, пока не возымел действие иной фонетический процесс, имевший результатом **i > h*. Аналогичный (в плане последовательности этапов и их материальных результатов) сценарий реализуется в армянском, где унаследованное **i* в начале слова переходило в аффрикату *j*: *jur* «вода» при лит. *jura* «море», прусс. *iurin* (Acc.) «тж.», м. б. фрак. гидроним *Iuras*; *joy* «росток» при лит. *javai*, греч. *zeia* и т. д. [Джаукян 1982 : 40], однако впоследствии вторичное *i* (из синизеса предлога *i*) перед начальным гласным следующего слова давало *h*: ср., например, *i matanu* «кольца», но *hanjnē < yanjnē < i anjnē* «человека». Внутрисловное интервокальное *i* при этом утрачивалось бесследно как в греческом, так равным образом и в армянском, поэтому можно говорить о полном типологическом параллелизме между греческой и армянской трактовкой ИЕ непостконсонантного **i*.

Итак, сформулируем проблему «двоякой рефлексии **i*» точнее: объяснения требует причина *неосуществления* перехода начального **i > z* в ряде корней на фоне осуществления этого перехода в ряде других корней в идентичной позиции.

Библиографический список

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в четырёх томах. Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачёва. (М., 1964-1973.) М., Астрель : Аст, 2009⁴.
2. *A Greek-English Lexicon* compiled by H. G. Liddel and R. Scott. 10th edition with a revised supplement. – Clarendon Press, Oxford, 1996.
3. *Boisacq, Émile*. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. – Paris, Librairie S. Klincksieck, 1916.
4. *Chantraine, Pierre*. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. – Paris, Éditions Klincksieck, 1968-1980.
5. *Falileev, Alexander*. Etymological Glossary of Old Welsh. – Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 2000.
6. *Frisk, Hjalmar*. Griechisches etymologisches Wörterbuch. – Heidelberg, Carl Winter : Universitätsverlag, 1960.
7. Lexikon der indogermanischen Verben. Unter Leitung von Helmut Rix. Zweite Auflage. – Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001.
8. *MacBain, Alexander*. An Etymological Dictionary of the Gaelic Language. – Stirling : Eneas MacKay, 1911.
9. *Matasović, Ranko*. Etymological Dictionary of Proto-Celtic. – Leiden – Boston, Brill, 2009.
10. *Mayrhofer, Manfred*. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bande I – III. – Heidelberg, Carl Winter : Universitätsverlag, 1992-2001.
11. *Orel, Vladimir*. Albanian Etymological Dictionary. – Leiden – Boston – Köln, Brill, 1998.
12. *Pokorny, Julius*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. – Francke Verlag Bern und München, 1959.
13. Джаукян Г. Б. Сравнительная грамматика армянского языка. Издательство Академии наук Армянской ССР, Ереван, 1982.
14. Никитина Ф. А. Фонематическое изучение начала слова в древнегреческом языке. // Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. Научная сессия. Тезисы докладов. М., Изд-во Моск. ун-та, 1964.
15. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. Пер. с нем. Б. А. Абрамова. – (М., 1980). – М., Эдиториал УРСС, 2002².
16. Шантрэн П. Историческая морфология греческого языка. Пер. с франц. Я. М. Боровского. – (М., 1953.) – М., Эдиториал УРСС, 2001².
17. Широков О. С. История греческого языка. М., Изд-во Моск. университета, 1983.
18. *Beekes, Robert Stephen Paul*. The Development of the Proto-Indo-European Laryngeals in Greek. – The Hague – Paris, Mouton, 1969.
19. *Buck, Carl Darling*. Introduction to the Study of the Greek Dialects. Boston : New York : Chicago : London, Ginn and Company, 1910.
20. *Chantraine, Pierre*. Grammaire homérique. Tome I: phonétique et morphologie. Paris, Librairie C. Klincksieck, 1958.
21. *Cowgill, Warren Crawford*. Evidence in Greek. // Evidence for Laryngeals. Ed. by Werner Winter. – London – The Hague – Paris, Mouton & Co, 1965.
22. *Fay, Edwin W.* Indo-European Initial Variants DY- (Z-) / Y- / D-. // The Classical Quarterly, Vol. 9, No. 2 (Apr., 1915), pp. 104-114.
23. *Finch, Chauncey E.* Initial Indo-European y in Greek. // Transactions and Proceedings of the American Philological Association, Vol. 68 (1937), pp. 120-122.
24. *Goetze, Albrecht*. Hethitisch *jugan* 'Joch'. // Indogermanische Forschungen, 1924 (42), pp. 327-328.
25. *Gray, Louis H.* Another Possible Instance of Z = J. // The Classical Quarterly, Vol. 9, No. 4 (Oct., 1915), pp. 247-248.
26. *Huld, Martin E.* The Oldest Greek Sound Change. // The American Journal of Philology, Vol. 101, No. 3 (Autumn, 1980), pp. 324-330.
27. *Lehmann, Winfred P.* Proto-Indo-European Phonology. – The University of Texas Press and Linguistic Society of America, Austin, 1952.
28. *Lejeune, Michel*. Phonétique historique du mycénien et du grec ancien. – Paris, Éditions Klincksieck, 1972.
29. *Mann, Stuart E.* The Indo-European Consonants in Albanian. // Language, Vol. 28, No. 1 (Jan. - Mar., 1952), pp. 31-40.
30. *Minshall, Robert*. 'Initial' Indo-European */y/ in Armenian. // Language, Vol. 31, No. 4 (Oct. - Dec., 1955), pp. 499-503.
31. *Minshall, Robert*. Initial Voiced Laryngeal Plus */y/ in Albanian. // Language, Vol. 32, No. 4 (Oct. - Dec., 1956), pp. 627-630.
32. *Orel, Vladimir*. A Concise Historical Grammar of the Albanian Language. Reconstruction of Proto-Albanian. – Leiden – Boston – Köln, Brill, 2000.
33. *Pedersen, Holger*. Die indogermanische-semitische Hypothese und die indogermanische Lautlehre. // Indogermanische Forschungen, 1907-8 (22), pp. 341-365.
34. *Pedersen, Holger*. Wie viel laute gab es im Indogermanischen? // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen, 36. Bd., 1. H. (1900), pp. 74-110.

35. Rix, Helmut. Historische Grammatik des Griechischen. – Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt, 1976.
36. Sapir, Edward. Glottalized Continuants in Navaho, Nootka, and Kwakiutl (With a Note on Indo-European). // *Language*, Vol. 14, No. 4 (Oct. - Dec., 1938), pp. 248-274.
37. Schwyzer, Eduard. Griechische Grammatik. Auf der Grundlage von Karl Brugmanns Griechischer Grammatik. – C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. München, 1977.
38. Sihler, Andrew L. New Comparative Grammar of Greek and Latin. – New York – Oxford, Oxford University Press, 1995.
39. Solmsen, Felix. Ahd. jamar. // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*, 32. Bd., 1. H. (1893), pp. 147-148.
40. Sommer, Ferdinand. Griechische Lautstudien. – Strassburg, Verlag von Karl J. Trübner, 1905.
41. Wyatt, William F. Early Greek /y/ and Grassmann's Law. // *Glotta*, 54. Bd., 1./2. H. (1976), pp. 1-11.

References

1. *A Greek-English Lexicon* compiled by H. G. Liddel and R. Scott. 10th edition with a revised supplement. – Clarendon Press, Oxford, 1996.
2. Boisacq, Émile. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. – Paris, Librairie S. Klincksieck, 1916.
3. Chantraine, Pierre. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. – Paris, Éditions Klincksieck, 1968-1980.
4. Falileev, Alexander. Etymological Glossary of Old Welsh. – Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 2000.
5. Frisk, Hjalmar. Griechisches etymologisches Wörterbuch. – Heidelberg, Carl Winter : Universitätsverlag, 1960.
6. Lexikon der indogermanischen Verben. Unter Leitung von Helmut Rix. Zweite Auflage. – Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001.
7. MacBain, Alexander. An Etymological Dictionary of the Gaelic Language. – Stirling : Eneas MacKay, 1911.
8. Matasović, Ranko. Etymological Dictionary of Proto-Celtic. – Leiden – Boston, Brill, 2009.
9. Mayrhofer, Manfred. Etymologisches Wörterbuch des Altindiarischen. Bande I – III. – Heidelberg, Carl Winter : Universitätsverlag, 1992-2001.
10. Orel, Vladimir. Albanian Etymological Dictionary. – Leiden – Boston – Köln, Brill, 1998.
11. Pokorny, Julius. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. – Francke Verlag Bern und München, 1959.
12. Vasmer, M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka v chetyr'oh tomah. Perevod s nemetskogo i dopolneniya O. N. Trubach'ova [Etymological Dictionary of the Russian Language in four volumes. Translated from German and augmented by O. N. Trubach'ov.] – Moskva, Astrel' : Ast, 2009⁴.
13. Beekes, Robert Stephen Paul. The Development of the Proto-Indo-European Laryngeals in Greek. – The Hague – Paris, Mouton, 1969.
14. Buck, Carl Darling. Introduction to the Study of the Greek Dialects. – Boston : New York : Chicago : London, Ginn and Company, 1910.
15. Chantraine, Pierre. Grammaire homérique. Tome I: phonétique et morphologie. – Paris, Librairie C. Klincksieck, 1958.
16. Chantraine, Pierre. Istoricheskaya morfologiya grecheskogo yazyka. Perevod s frantsuzskogo Ya. M. Borovskogo [Historical Morphology of the Greek Language. Translated from French by Ya. M. Borovskiy]. – Moskva, Editorial URSS, 2001².
17. Cowgill, Warren Crawford. Evidence in Greek. // *Evidence for Laryngeals*. Ed. by Werner Winter. – London – The Hague – Paris, Mouton & Co, 1965.
18. Fay, Edwin W. Indo-European Initial Variants DY- (Z-) / Y- / D-. // *The Classical Quarterly*, Vol. 9, No. 2 (Apr., 1915), pp. 104-114.
19. Finch, Chauncey E. Initial Indo-European y in Greek. // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, Vol. 68 (1937), pp. 120-122.
20. Goetze, Albrecht. Hethitisch jagan 'Joch'. // *Indogermanische Forschungen*, 1924 (42), pp. 327-328.
21. Gray, Louis H. Another Possible Instance of Z = J. // *The Classical Quarterly*, Vol. 9, No. 4 (Oct., 1915), pp. 247-248.
22. Huld, Martin E. The Oldest Greek Sound Change. // *The American Journal of Philology*, Vol. 101, No. 3 (Autumn, 1980), pp. 324-330.
23. Jahukyan, G. B. Sravnitel'naya grammatika armyanskogo yazyka [A Comparative Grammar of the Armenian Language]. – Izdatel'stvo Akademii Nauk Armyanskoi SSR, Yerevan, 1982.
24. Lehmann, Winfred P. Proto-Indo-European Phonology. – The University of Texas Press and Linguistic Society of America, Austin, 1952.
25. Lejeune, Michel. Phonétique historique du mycénien et du grec ancien. – Paris, Éditions Klincksieck, 1972.
26. Mann, Stuart E. The Indo-European Consonants in Albanian. // *Language*, Vol. 28, No. 1 (Jan. - Mar., 1952), pp. 31-40.
27. Minshall, Robert. 'Initial' Indo-European */y/ in Armenian. // *Language*, Vol. 31, No. 4 (Oct. - Dec., 1955), pp.

499-503.

28. *Minshall, Robert*. Initial Voiced Laryngeal Plus */y/ in Albanian. // *Language*, Vol. 32, No. 4 (Oct. - Dec., 1956), pp. 627-630.

29. *Nikitina, F. A.* Fonematischeskoye izucheniye nachala slova v drevnegrecheskom yazyke [Word-Initial Position in Ancient Greek Explored on the Phonemic Level]. // *Problemy sravnitel'noi grammatiki indoyevropeiskih yazykov*. Nauchnaya sessiya. Tezisy dokladov. – Moskva, Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 1964.

30. *Orel, Vladimir*. A Concise Historical Grammar of the Albanian Language. Reconstruction of Proto-Albanian. – Leiden – Boston – Köln, Brill, 2000.

31. *Pedersen, Holger*. Die indogermanische-semitische Hypothese und die indogermanische Lautlehre. // *Indogermanische Forschungen*, 1907-8 (22), pp. 341-365.

32. *Pedersen, Holger*. Wie viel laute gab es im Indogermanischen? // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*, 36. Bd., 1. H. (1900), pp. 74-110.

33. *Rix, Helmut*. Historische Grammatik des Griechischen. – Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt, 1976.

34. *Sapir, Edward*. Glottalized Continuants in Navaho, Nootka, and Kwakiutl (With a Note on Indo-European). // *Language*, Vol. 14, No. 4 (Oct. - Dec., 1938), pp. 248-274.

35. *Schwyzler, Eduard*. Griechische Grammatik. Auf der Grundlange von Karl Brugmanns Griechischer Grammatik. – C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. München, 1977.

36. *Shirokov, O. S.* Istoriya grecheskogo yazyka [History of the Greek Language]. – Moskva, Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 1983.

37. *Sihler, Andrew L.* New Comparative Grammar of Greek and Latin. – New York – Oxford, Oxford University Press, 1995.

38. *Solmsen, Felix*. Ahd. jâmar. // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*, 32. Bd., 1. H. (1893), pp. 147-148.

39. *Sommer, Ferdinand*. Griechische Lautstudien. – Strassburg, Verlag von Karl J. Trübner, 1905.

40. *Szemerényi, Oswald*. Vvedenie v sravnitel'noye yazykoznanie. Perevod s nemetskogo B. A. Abramova [Introduction to Comparative Linguistics. Translated from German by B. A. Abramov]. – Moskva, Editorial URSS, 2002².

41. *Wyatt, William F.* Early Greek /y/ and Grassmann's Law. // *Glotta*, 54. Bd., 1./2. H. (1976), pp. 1-11.

12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 34С5

UDC 34C5

Л.А. АЛЕКСЕЕВА

кандидат юридических наук Орловского юридическо-
го института МВД РФ
E-mail: lllilia@mail.ru

L.A. ALEXEEVA

candidate of Law, Orel Law Institute of MIA of Russia
E-mail: lllilia@mail.ru

СПЕЦИФИКА ДЕТЕРМИНАЦИИ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ
И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

SPECIFICS OF DETERMINATION OF TRAFFIC VIOLATIONS AND VEHICLE OPERATION

В статье рассматриваются основные причины и условия совершения преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств». Кроме того, анализируется уровень влияния каждого фактора.

Ключевые слова: преступление, нарушение, детерминанты, причины, условия, транспортные средства.

In article the main reasons and conditions of committing a crime provided for in Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation «Violation of the rules of traffic and operation of vehicles» are considered. Besides, the level of influence of each factor is analyzed.

Keywords: crime, violation, determinants, reasons, conditions, vehicles.

В последнее время все больший общественный резонанс вызывают не сугубо уголовные преступления, такие как, например, убийства или грабежи, а преступления, имеющие неосторожную форму вины и, на первый взгляд, обладающие невысокой степенью общественной опасности, а именно нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Количество данных преступлений на протяжении последних лет остается стабильно высоким. Так, по данным МВД РФ в 2006 году было совершено 26313 преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, в 2007 году – 25623, 2008 – 24326, 2009 – 27544, 2010 – 26307, 2011 – 27302.¹ Как видно из приведенных статистических данных, четкой тенденции к уменьшению или увеличению данных преступлений не наблюдается.

Между тем, это происходит на фоне предпринимаемых со стороны государства усилий, направленных на борьбу с данным явлением. Так в 2006 году был принят Указ Президента РФ № 1042 «О первоочередных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения»², Постановление Правительства РФ от 20.02.2006 № 100 «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного

движения в 2006 - 2012 годах»³ и т.д.

Как любое явление, данный вид преступления порождается конкретными факторами (обстоятельствами), которые в криминологии принято называть детерминантами⁴.

Применительно к детерминантам преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств», представляется возможным отметить, что они во многом не определяются общими детерминантами преступности. Это связано, прежде всего, с неосторожной формой вины, которую предусматривает данный состав преступления.

Проведенное нами исследование позволило все причины и условия, способствующие совершению данного преступления, разделить на две большие группы. Это причины и условия объективного и причины и условия субъективного характера.

В качестве основных объективных причин возникновения ДТП можно выделить, прежде всего, неудовлетворительное состояние улиц и дорог, которое может быть вызвано неправильным проектированием, строительством или эксплуатацией дороги. Причем в данном случае речь идет не только о качественном состоянии дорожного полотна (ме-

¹ Официальный сайт МВД России – режим доступа <http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/>

² Указ Президента РФ от 22.09.2006 N 1042 (ред. от 27.10.2011) «О первоочередных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения» // СЗ РФ, 25.09.2006, № 39, ст. 4040.

³ Постановление Правительства РФ от 20.02.2006 N 100 (ред. от 02.08.2011) «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2006 - 2012 годах» // СЗ РФ, 27.02.2006, № 9, ст. 1020.

⁴ Криминология: Учебник для вузов. А.Ф. Агапов, Л.В. Барина, В.Г. Гриб и др.; под ред. В.Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2006. С.3.

ханические дефекты покрытия дорожного полотна, низкие сцепные качества покрытия и т.д.), но и об условиях видимости, которые зачастую зависят от качества искусственного освещения. Кроме того, нередко ситуации, когда дороги не отвечают интенсивности движения транспортных средств и пешеходов, отсутствуют средства регулирования движения (светофоры, линии разметки и т.д.). Вместе с тем при оформлении практически каждого 5-го происшествия в стране сотрудниками Госавтоинспекции задокументированы недостатки состояния и содержания улично-дорожной сети.

В 2010 году неудовлетворительные дорожные условия сопутствовали совершению 41863 происшествий, в которых погибли 5889 человек и 52622 получили ранения. Примечательным является то обстоятельство, что в Чеченской республике по этой причине совершено 11 ДТП, в то время, как в областях центральной России эта цифра составляет от 160 ДТП в Костромской области, до 661 ДТП в Воронежской области⁵.

Второй объективной причиной являются технические неисправности транспортных средств. Всего таких ДТП, например в 2010 году, произошло 1127. В результате их совершения в ДТП погибли 227 человек, ранены 1509. Необходимо отметить, что количество ДТП, совершенных по причине неисправности транспортных средств, является незначительным. В общем массиве ДТП удельный вес этих происшествий составил 0,6%⁶. Интересным является тот факт, что на территории Москвы по этой причине произошло всего 2 ДТП, в то время как во Владимирской области – 20. Данное обстоятельство ставит под вопрос качество проводимого технического осмотра транспортных средств в данном регионе.

Согласно проведенным нами исследованиям, из 99 случаев ДТП, произошедших на территории Орловской области и повлекших тяжкий вред здоровью или гибель людей, только одно из них было связано с эксплуатацией технически неисправного транспортного средства. Во всех остальных 98 случаях водители управляли технически исправными транспортными средствами.

Вместе с тем, специфика детерминант преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, заключается в том, что преобладающую роль при его совершении играют субъективно обусловленные причины и условия. Особую роль в дорожно-транспортных преступлениях приобретает так называемый человеческий фактор. Около 80% дорожно-транспортных преступлений происходит из-за нарушений водителями Правил дорожного движения.

Прежде всего, безопасность движения зависит от стажа и опыта водителя, от его непосредственных действий и их соответствия конкретной дорожной ситуации.

Ежегодно в процесс дорожного движения вклю-

чаются все больше неопытных водителей, неспособных из-за формального подхода к обучению вождению адекватно оценивать складывающуюся ситуацию и не обладающих соответствующими навыками вождения в критической обстановке.

Водителями со стажем управления транспортом до трех лет совершается свыше 15% всех ДТП. Каждое третье ДТП по вине молодых водителей совершено с превышением скорости. Причина каждого седьмого происшествия, совершенного этой категорией, – несоблюдение очередности проезда. Вследствие выезда на полосу встречного движения произошло каждое девятое ДТП, а каждое пятнадцатое совершено молодыми водителями в состоянии опьянения⁷.

Эта категория водителей представляет опасность не только для участников дорожного движения, но и для самих себя. Свыше трети погибших водителей – это молодые люди в возрасте от 22 до 32 лет.

Анализ статистических данных о дорожно-транспортных происшествиях за многие годы показывает, что из всех происшествий, вызванных нарушениями водителей, более 75% произошло из-за превышения скорости, нарушения правил обгона, выезда на полосу встречного движения, нарушения правил стоянки, маневрирования, проезда перекрестков, несоблюдения дистанции, неподчинения сигналам регулирования, из-за игнорирования требований дорожных знаков и разметки. Как следствие, в качестве причины аварийности признается, в первую очередь, недисциплинированность участников дорожного движения⁸.

Таким образом, подавляющее большинство ДТП непосредственно связаны с невыполнением водителями требований действующих норм и правил, неправильным выбором режима движения, низкой дисциплиной или неадекватной оценкой ими складывающейся на дороге ситуации.

По полу среди водителей преобладают мужчины (92 - 93%), женщины составляют около 8%. Вместе с тем, в последние годы все больше женщин-водителей совершают дорожно-транспортные преступления. Рост данного показателя вызван тем, что в целом возрастает количество женщин-автовладельцев.

Судебная, следственная и административная практика свидетельствуют, что женщинам-водителям свойственна большая дисциплинированность, аккуратность.

Они обычно предпочитают остановить автомобиль, нежели участвовать в наращивании риска аварийной обстановки, также отличаются меньшей частотой случаев управления в состоянии опьянения (среди женщин доля лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения в 1,5 раза меньше), более строгим соблюдением Правил дорожного движения⁹.

7 Интервью Кирьянова В.Н. За рулем – молодые дураки.// Аргументы и факты. 2007. № 17. С.16.

8 Майоров А.В., О дорожно-транспортной аварийности и ее причинах. А.В. Майоров, А.В. Томилова// Законы России: опыт, анализ, практика, № 11, 2007 г.

9 Гросзова С.Н. За рулем женщина. // Транспорт. 1993. № 3. С. 57.

5 По данным официального сайта ГИБДД РФ – www.gibdd.ru
6 Там же

По возрасту наибольшую долю в контингенте водителей, совершивших автотранспортные преступления, составляют лица в возрасте 18 - 24 лет. Это обусловлено небольшим опытом вождения машины в сочетании с завышенной уверенностью в своих психофизиологических возможностях, склонностью к лихачеству как средству демонстрации своих возможностей, большим потреблением спиртных напитков.

Определенную роль в оценке дорожной ситуации играют психологические свойства и состояния личности. Своевременная и правильная оценка сложившейся на дороге обстановки затруднительна для человека неуравновешенного или, наоборот, слишком медлительного, не обладающего быстрой реакцией и умением быстро принимать решения. На возможность адекватно оценить и принять правильное решение влияют также различные отрицательные эмоции, болезненное или утомленное состояние¹⁰.

В целом, в качестве основных субъективных причин в криминологической науке выделяются дефекты правосознания лиц, управляющих транспортными средствами. А именно:

1. Проявление повышенной самоуверенности в оценке своего мастерства, опыта.
2. Лихачество, сознательное рискованное поведение, негативный пример других правонарушителей.
3. Пренебрежение правилами ради выгоды в скорости, чтобы быстрее доехать до цели, выполнить задание и т.д.
4. Неудовлетворительное знание правил дорожного движения по разным причинам.
5. Непридание значения нарушениям, т.к. не видят опасности в их совершении.
6. Снисходительное отношение к алкогольному опьянению¹¹.

Управление автотранспортом в состоянии алкогольного опьянения является одной из значимых причин дорожно-транспортных происшествий. Ежегодно

около 20% происшествий происходят из-за нарушений правил дорожного движения водителями в состоянии опьянения. За последние годы в 3 - 4 раза возросло количество водителей, управляющих автотранспортными средствами в состоянии наркотического опьянения и под действием иных психоактивных веществ.

До 2010 года количество происшествий с участием водителей, управляющих транспортным средством в состоянии опьянения и число погибших в них снижалось, а в 2011 году эти показатели выросли на 3,4% и 7,6% соответственно. Лишение права управления, как вид наказания за управление транспортным средством в состоянии опьянения, вряд ли можно признать эффективной мерой воздействия, поскольку только за 2011 год в 1,5 раза увеличилось количество ДТП с участием водителей, находившихся в состоянии опьянения и лишенных права управления транспортным средством, а число погибших в этих ДТП граждан увеличилось в 2 раза!

При этом, в соответствии с проведенными нами исследованиями 9% водителей, привлеченных к уголовной ответственности за нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств на территории Орловской области, находились в момент нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортного средства в состоянии опьянения.

Своевременное выявление у водителей автотранспортных средств физиологических и функциональных отклонений, возникающих при потреблении различных алкогольных и психоактивных веществ, является одной из важнейших задач в обеспечении безопасности дорожного движения¹².

Подводя итоги, можно отметить, что в настоящее время основной детерминантой нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств является правовой нигилизм, который на практике имеет самые разнообразные проявления. В этой связи особое внимание должно уделяться воспитанию чувства ответственности и дисциплинированности у лиц, садящихся за руль транспортного средства.

¹⁰ Дошин П.А. Актуальные проблемы уведомления в производстве по делам об административных правонарушениях. // Юридический мир, 2006, № 10

¹¹ Терехова Ю.К. Дисциплинарные взыскания. Отстранение от работы - Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2006.

¹² Есберген Алауханов. Криминология. Учебник. Алматы. 2008. 429 с.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 22.09.2006 № 1042 (ред. от 27.10.2011) «О первоочередных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения» // СЗ РФ, 25.09.2006, № 39, ст. 4040.
2. Постановление Правительства РФ от 20.02.2006 № 100 (ред. от 02.08.2011) «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2006 - 2012 годах» // СЗ РФ, 27.02.2006, № 9, ст. 1020.
3. Гросзова С.Н. За рулем женщина // Транспорт. 1993. № 3. С. 57.
4. Дошин П.А. Актуальные проблемы уведомления в производстве по делам об административных правонарушениях // Юридический мир, 2006, № 10.
5. Есберген Алауханов. Криминология. Учебник. Алматы. 2008. 429 с.
6. Интервью Кирьянова В.Н. За рулем – молодые дураки // Аргументы и факты. 2007. № 17. С.16.
7. Криминология: Учебник для вузов / А.Ф. Агапов, Л.В. Барина, В.Г. Гриб и др.; под ред. В.Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2006.
8. Майоров А.В., Томилова А.В., О дорожно-транспортной аварийности и ее причинах // Законы России: опыт, анализ, практика, № 11, 2007 г

9. Терехова Ю.К. Дисциплинарные взыскания. Отстранение от работы. Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2006.
10. Официальный сайт МВД России – режим доступа [http:// www.mvd.ru /presscenter /statistics /reports/](http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/)
11. Официальный сайт ГИБДД РФ – режим доступа [http:// www. gibdd. ru/](http://www.gibdd.ru/)

References

1. Presidential Decree of 22.09.2006 № 1042 (amended on 27.10.2011) “On urgent measures to ensure the safety of the road” // CL, 25.09.2006, № 39, Art. 4040.
2. Government Decree of 20.02.2006 № 100 (amended on 02.08.2011) “On the federal target program” Improving road safety in 2006 - 2012 // CL, 27.02.2006, № 9, Art.1020.
3. Groszova S.N. Woman driving a car // Transport. 1993. Number 3. – P. 57.
4. Doshin P.A. Urgent problems of issues notice in proceedings in administrative cases // Legal World, 2006, № 10.
5. Esbergen Alauhanov. Criminology. Textbook. – Almaty. 2008. – 429 p.
6. Interview of Kiryanova V. Driving – young fools // Arguments and Facts. 2007. Number 17. – P.16.
7. Criminology: a textbook for higher educational institutions / A.F. Agapov, L.V. Barinov, V.G. Grib and others; ed. V.D. Malkov. 2nd, revised. and supplemented issue. M.: Yustitsinform, 2006.
8. Mayorov A.V., Tomilova A.V. Traffic accident and its causes // Laws of Russia: experience, analysis, practice, № 11, 2007.
9. Terekhov Yu.K. Disciplinary action. Suspension – Prepared for System ‘ConsultantPlus’, 2006.
10. Official site of the Russian Interior Ministry – access mode [http:// www.mvd.ru / presscenter № ter / statistics / reports /](http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/)
11. Official site of the Russian traffic police – access mode [http:// www. gibdd. ru /](http://www.gibdd.ru/)

УДК Х410.20(2РОС)

UDC X410.20(2РОС)

А.С. АРХИПОВ

адъюнкт кафедры Уголовного процесса Московского
университета МВД России
E-mail: aleksey9957@rambler.ru

A.S. ARKHIPOV

graduate of the Department of Criminal Process, Moscow
University of IAM of Russia
E-mail: aleksey9957@rambler.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ ОЦЕНОЧНЫХ НОРМ, СОДЕРЖАЩИХ КРИТЕРИЙ РАЗУМНОСТИ

PREREQUISITES FOR USING VALUATION STANDARDS, CONTAINING THE CRITERION OF REASONABLENESS THE CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассматриваются вопросы, связанные с определением места разумности в праве. Особое внимание уделяется использованию в уголовно-процессуальном законодательстве оценочных норм, содержащих одноименный критерий. С учетом практики Европейского Суда по правам человека и степени ее влияния на российское законодательство выдвигается гипотеза, предусматривающая рост числа таких правовых предписаний в системе регулирования уголовного судопроизводства в России.

Ключевые слова: разумность, разумный срок, оценочное понятие, уголовное судопроизводство, Европейский Суд по правам человека.

The article considers the issues connected with determination of the place of reasonableness in the law. Special attention is paid to the use of evaluation rules, containing the same criterion in criminal procedure legislation. With the practice of the European Court of human rights and the degree of its influence on the Russian legislation, the increase in the number of such legal regulations in the system of regulation of the criminal proceedings in Russia is hypothesized.

Keywords: reasonableness, a reasonable period, the evaluative concept, criminal proceedings, the European Court of Human Rights.

Включение в УПК РФ принципа разумного срока уголовного судопроизводства предопределило всплеск интереса ученых-процессуалистов к понятию «разумность». В ряде публикаций ему прида-

ется значение не столько критерия длительности производства по делу, сколько обладающей автономным и универсальным содержанием категории. Так, например, Кругликов А.П. ставит вопрос о соотно-

шении понятий «разумный срок уголовного судопроизводства» и «разумное уголовно-процессуальное законодательство». Образцов А.В. отмечает, что введение в УПК РФ понятия разумного срока требует дальнейшего исследования понятия разумности и предлагает рассматривать его не как частное требование к срокам уголовного судопроизводства, а как процессуальный принцип.

Если у первого автора разумность выступает показателем качества деятельности законодателя, то второй ученый отводит данному понятию роль универсального критерия действий правоприменителя. На двухуровневый характер реализации рассматриваемого принципа указывается и в исследованиях по общей теории права. «В современном правоведении, – отмечает Власенко Н.А., – наблюдается повышенный интерес к соотношению разумности правовых установлений в обществе и разумности претворения правовых предписаний в жизнь...».[7]

По образному выражению Фоми Аквинского: «Для того чтобы воля, выраженная в поведении, могла иметь свойства права, она должна быть в согласии с разумом». Разумность связана с системой права неразрывно, буквально пронизывает ее. Очевидно, что нормативные требования, не отвечающие критерию разумности, несмотря на то, что они продолжают иметь место в современном законодательстве, изначально дефектны, отрицательно влияют на эффективность регулирования правоотношений и не могут в полной мере восприниматься в качестве правовых норм.

Ценность научных исследований в области действия принципа разумности в правотворческом процессе несомненна. Проводиться они должны не только в общей теории права, но и в отраслевых науках, включая уголовное судопроизводство, с ориентацией на создание условий для своевременного выявления и устранения дефектных предписаний закона. Правильное и четкое исполнение нормативных актов, отвечающих критерию разумности, позволит обеспечить действие указанного принципа и на уровне правоприменения. Однако в определенных случаях лицо, реализующее нормы права, не только обеспечивает воплощение заложенной в них воли законодателя, разумной в той или иной мере, но и действует по собственному разумению. Именно тогда можно говорить о самостоятельном значении данного понятия на уровне правореализации.

Если доверять крылатому латинскому выражению «*aequior est dispositio legis, quam hominis*» (справедливее решение закона, чем человека), случаи урегулирования отношений на основе усмотрения правоприменителя должны носить исключительный характер. Вместе с тем, необходимость обеспечения гибкого учета интересов участников правоотношений иногда толкает законодателя на нормативное закрепление ситуаций неопределенности, окончательное разрешение которых осуществляется правоприменителем с учетом конкретных обстоятельств дела. Указание на допустимость регулирования правоотношений на основе усмотрения

лица, реализующего правовые предписания, осуществляется посредством использования в законе норм с оценочным содержанием.

По подсчетам ученых-цивилистов, в гражданском праве первое место по числу оценочных норм занимают те из них, которые сконструированы с использованием «понятийного гнезда», образуемого вокруг термина «разумный»[6, с. 111], чего нельзя сказать об уголовно-процессуальном законодательстве. Появлением предусмотренного ст. 6.1 УПК РФ процессуального принципа на сегодняшний день исчерпываются случаи использования понятия разумности в данной отрасли права. Однако обращает на себя внимание тот факт, что начало действия упомянутого принципа в отечественной правовой системе опосредовано принятием Европейским Судом по правам человека¹ ряда решений, направленных на побуждение российских властей к созданию на национальном уровне юридических гарантий, обеспечивающих реализацию предусмотренного ч. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года² права обвиняемого быть судимым без неоправданных задержек в разумный срок.

В настоящее время тенденция расширения влияния прецедентной практики Европейского Суда не только на правоприменительную деятельность, но и на законодательство, регулирующее уголовное судопроизводство, сохраняется. Обобщая результаты деятельности по приведению в соответствие положениям Конвенции отечественных правовых норм, в том числе и уголовно-процессуальных, Председатель Конституционного Суда РФ В. Зорькин привел целый ряд норм УПК РФ, признанных неконституционными по инициативе ЕСПЧ.[8]

Если же обратиться к практике Европейского Суда, сразу же бросается в глаза ее насыщенность стереотипичными формулировками, в которых указывается на признак разумности. В ходе аргументации своих решений на жалобы граждан в отношении Российской Федерации в связи с нарушением в процессе осуществления уголовного судопроизводства их прав, предусмотренных Конвенцией, ЕСПЧ оперировал наряду с термином «разумный срок» такими понятиями, как «разумные меры» [1,§133], «разумность содержания под стражей» [2,§130], «разумная целесообразность» [3,§48], «вне разумных сомнений» [4,§78] и т.д. Известны случаи, когда Конституционный Суд РФ, истолковывая смысл норм УПК РФ, предписывает правоприменителю при принятии и аргументации своих решений руководствоваться принципом разумности. [5]

Все это дает основания полагать, что предстоящий период развития российского уголовно-процессуального законодательства в России будет характеризоваться расширением как случаев, так и вариантов использования при построении правовых норм оценочных терминов с признаком разумности.

1 Далее по тексту «Европейский Суд»; «ЕСПЧ»

2 Далее по тексту «Конвенция»

Данное обстоятельство делает актуальным исследование, направленные на выявление закономерностей формулирования и применения указанных норм в уголовном судопроизводстве.

Поскольку на сегодняшний день использование в УПК РФ оценочных понятий с признаком разумности ограничено всего одним случаем, решение обозначенной задачи по средствам проведения полноценного сравнительного анализа видится труднодостижимым. Однако уже сейчас, на основе очевидных различий в содержании понятия «разумный срок» в уголовном процессе и гражданском праве, следует предостеречь от чрезмерного использования в уголовном судопроизводстве накопленного в цивилистических отраслях права опыта формулирования и применения оценочных понятий, оперирующих критерием разумности.

Если в гражданском праве реализация норм, содержащих требование о разумном сроке, осуществляется в основном в форме использования обычными участниками сделки, то в уголовном судопроизводстве такие нормы применяются уполномоченными субъектами (государственными органами или должностными лицами). В первом случае, как правило, единственным обстоятельством, учитываемым лицом при определении разумного срока, является его представление о привычных ожиданиях второго участника правоотношений. А универсальным критерием разумности выступает согласованность собственных интересов с интересами другой стороны сделки. Во втором случае правоприменитель учитывает целый ряд предусмотренных законом обстоятельств, большинство из которых также в свою очередь содержат нормы с оценочным содержанием.

Библиографический список

1. Решение Европейского Суда по правам человека от 29.07.2010 г. по делу «Копылов (Kopylov) против России» (жалоба N 3933/04) [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
2. Решение Европейского Суда по правам человека от 15.07.2010 г. по делу «Владимир Кривonosов (Vladimir Krivonosov) против Российской Федерации» (жалоба N 7772/04) [Электронный ресурс]: Там же
3. Решение Европейского Суда по правам человека от 01.07.2010 г. по делу «Никифоров (Nikiforov) против Российской Федерации» (жалоба N 42837/04) [Электронный ресурс]: Там же
4. Решение Европейского Суда по правам человека от 10.02.2011 г. по делу «Преминины (Premininy) против Российской Федерации» (жалоба N 44973/04) [Электронный ресурс]: Там же
5. Определение Конституционного Суда РФ № 42-О от 25 января 2001 г. [Электронный ресурс]: Там же
6. Брагинский М.И. Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. Издание 3-е, стереотипное. М.: Статут, 2001.
7. Власенко Н.А. Разумность и право: связь явлений и пути исследования [Электронный ресурс] // Журнал российского права, 2011, № 11: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
8. Зорькин В. Предел уступчивости. // Российская газета – Федеральный выпуск № 5325 (246) от 29.10.2010 г.
9. Кругликов А.П. Разумный срок уголовного судопроизводства и разумное уголовно-процессуальное законодательство. Материалы Международной научной конференции «Уголовная юстиция: связь времен» 6-8 октября 2010 года [сайт] Режим доступа URL <http://www.iaaj.net/node/427>, свободный. - Загл. с экрана
10. Образцов А.В. От разумных сроков в уголовном процессе к принципу разумности [Электронный ресурс] // Российский следователь, 2011, № 16: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»

References

1. Ruling of the European Court of human rights lodged on 29.07.2010. «Kopylov vs. Russia» (application no. 3933/04) [Electronic resource]: Reference-legal system «ConsultantPlus»
2. Ruling of the European Court of human rights lodged on 15.07.2010. «Vladimir Krivonosov vs. Russia» (application no. 7772/04) [Electronic resource]: Reference-legal system «ConsultantPlus»
3. Ruling of the European Court of human rights lodged on 01.07.2010. «Nikiforov vs. Russia» (application no. 42837/04) [Electronic resource]: Reference-legal system «ConsultantPlus»
4. Ruling of the European Court of human rights lodged on 10.02.2011. «Premininy vs. Russia» (application no. 44973/04) [Electronic resource]: Reference-legal system «ConsultantPlus»
5. Definition of the Constitutional Court no 42-O lodged on january, 25, 2001 [Electronic resource]: Reference-legal system «ConsultantPlus»
6. Braginskiy M.I. Vitryanskiy V.V. Contractual law. First book. General provisions. Third publication, standart. M.: Statute, 2001.
7. Vlasenko N.A. Reasonable and law: relation of occurrence and ways of research [Electronic resource] // Journal of Russian law, 2011, no 11 [Electronic resource]: Reference-legal system «ConsultantPlus»
8. Zorkin V. Limit of flexibility // Russian gazette - Federal issue № 5325 (246), 29.10.2010.
9. Kruglikov A.P. Reasonable period and reasonable criminal proceeding legislation. Materials of the International scientific conference «Criminal justice: communication of times» October, 6-8, 2010 [website] Access mode URL <http://www.iaaj.net/node/427>, free. - The title from the screen
10. Obratsov A.V. From reasonable periods of criminal trial to the principle of reasonableness [Electronic resource] // Russian investigator/ 2011, no 16: Reference-legal system «ConsultantPlus»

УДК 343.91+343.915+343.918/.918.2

UDC 343.91+343.915+343.918/.918.2

О.Н. БАЖЕНОВ

доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Орловского государственного университета
E – mail: oleg_06_1975@mail.ru

O.N. BAZHENOV

associate professor of Criminal Law and Criminal Procedure, Orel State University
E – mail: oleg_06_1975@mail.ru

ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВИНОВНЫХ, ОСУЖДЕННЫХ К ШТРАФУ

PERSONAL CHARACTERISTICS OF OFFENDERS SENTENCED TO A FINE

В статье анализируются социально-демографические, психологические, уголовно-правовые и иные характеристики лиц, осужденных к штрафу, выявляются проблемы исполнения наказания в виде штрафа, даются рекомендации правоприменительным органам по совершенствованию исполнения данного наказания и выработке эффективных мер для предупреждения противоправных действий со стороны виновного.

Ключевые слова: личность осужденного, штраф как вид уголовного наказания, уголовно-правовые отношения, исполнение наказания в виде штрафа, уголовно-правовая политика.

The article analyzes the socio-demographic, psychological, criminal - legal and other characteristics of persons sentenced to a fine, identify problems of the penalty of a fine, and recommendations to improve the law enforcement authorities of the execution of punishment and the development of effective measures to prevent unlawful acts on the part of the perpetrator.

Keywords: person convicted, the penalty as a form of criminal punishment, criminal-legal relationships, the performance penalty of a fine, criminal-legal policy.

Тенденция увеличения количества осужденных к штрафу за последние годы настоятельно требует качественного изучения указанной группы осужденных, поскольку такое количественное накопление этой категории осужденных неизбежно окажет влияние на правовые, социально-экономические и нравственные представления населения о наказании, а также состояние криминогенной обстановки, так как с каждым годом все большее количество граждан будет втягиваться в сферу применения этого наказания.

Вместе с тем, достаточно сложными являются социально-психологические и педагогические проблемы исполнения наказания в виде штрафа. Осужденные к этому виду наказания не просто формально остаются членами общества, но и не прекращают социальные связи со своими близкими, остаются в той же самой микрогруппе и зачастую с теми, с кем они ранее вместе совершали преступления и продолжают заниматься общественно полезной деятельностью.

Под понятием «личность осужденного» – понимается интегральное качество любого, совершившего преступные действия, человека, представляющее собой взаимосвязанный комплекс социально-демографических, психологических, уголовно-правовых и иных признаков, которые прямо или косвенно обуславливают преступное поведение и характеризуют общественную опасность осужденного [3, с.144].

Проведенные нами исследования позволили выявить следующие основные характеристики осужденных к штрафу.

Изучение демографических характеристик осужденных к штрафу показало, что подавляющее большинство осужденных – мужчины, их количество составляет (76,7%). Доля женщин – соответственно 23,3 %. Здесь следует заметить, что удельный вес женщин этой категории по регионам различен, что может свидетельствовать не только о разной преступной активности женщин, но и о разной сложившейся судебной практике раскрытия и расследования преступлений и назначения указанного вида наказания.

Возрастные характеристики осужденных представлены следующим образом. Самая значительная группа среди осужденных к штрафу – это лица в возрасте 25-49 лет (73,7%). Далее возрастные группы распределились следующим образом: от 18 до 24 – 7,7%, 50 лет и более – 14,6%, 14-17 лет – 4,0%.

Образовательный уровень осужденных к штрафу на момент осуждения характеризуется следующим образом: начальное общее (начальное) образование имеют 3,4% осужденных, основное общее (неполное среднее) – 17,2%, среднее полное общее 40,1%, среднее профессиональное (среднее специальное и незаконченное высшее) – 25,6%, высшее профессиональное образование – 13,6%.

Одной из важных социально-демографических характеристик позволяющих спрогнозировать индивидуальное преступное поведение осужденных и во многом определяющих возможность избрания наказания в виде штрафа и дальнейшее исправление осужденного, является его занятость на момент осуждения.

Так, изучение материалов уголовных дел позволило распределить осужденных следующим образом: рабочие и служащие – 45,6%, служащие федеральных органов государственной власти, органов местного самоуправления и др. (кто по делу выступал в качестве специального субъекта) 4,8%, лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, – 1,5%, лица, имеющие постоянный доход от занятия сельским хозяйством, – 0,3%, учащиеся профессиональных училищ, средней школы, вспомогательной школы, спецшколы, спецПТУ (для трудно-воспитуемых подростков), техникума, вуза – 4,6%, домохозяйки или иной вид деятельности – 2,7%, неработающие пенсионеры – 1,8%, официально признаны безработными – 0,4%, лица без определенных занятий – 38,1% и даже адвокаты 0,4%.

Таким образом, выявляется определенная особенность: штраф назначается лицам, в соответствии с требованиями УК РФ, с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода (ч.3 ст. 46 УК РФ). Однако значительное количество изученных осужденных на момент осуждения были без определенных занятий и ничем не подтверждали свою платежеспособность.

Весьма информативными являются и результаты изучения некоторых уголовно-правовых характеристик осужденных.

Так, по числу судимостей (включая и ту, в соответствии с которой отбывает наказание) осужденные распределились следующим образом:

- 75,5% – осуждены впервые;
- 17,8 % – осуждены во второй раз;
- 4,3 % – в третий раз;
- 2,3% – в четвертый раз и более раз.

Подавляющее большинство осужденных были осуждены к штрафу за совершение преступлений небольшой (37%) и средней (33%) тяжести. Однако в связи с изменениями, внесенными в ст. 15 УК РФ, предусматривающими изменения категории преступлений, доля осужденных за совершение преступлений небольшой, средней тяжести и тяжких преступлений будет иметь тенденцию к увеличению и по нашим прогнозам по итогам 2012 года составит более 85%.

Таким образом, изучение личностных характеристик и материалов уголовных дел в отношении конкретных лиц позволяет классифицировать личности осужденных к штрафу в зависимости от количества судимостей и устойчивости антиобщественных мотиваций, а также предшествующих характеристик на следующие типы:

- а) активный криминальный тип (чаще всего это лица, осужденные по ст. 158 УК РФ, как правило, ранее уже судимые за совершение подобных преступлений);
- б) неустойчивый криминальный тип (указанная группа представлена осужденными по ст. 165, ст. 115, 116 УК РФ);
- в) деморализованный криминальный тип (пред-

ставлен осужденными, в целом характеризуемыми преимущественно положительно, однако в силу каких-либо причин не исполняющими обязанности по воспитанию и содержанию своих несовершеннолетних детей или нетрудоспособных родителей).

Тщательное исследование содержания приговоров осужденным показало, что 97% осужденным штраф назначался только как одно основное наказание. Около 1 % осужденных штраф назначался в качестве дополнительного наказания, 1,1 % наряду со штрафом назначалось дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

В юридической литературе в целях эффективного исправительного воздействия на осужденного предлагалось все данные о личности преступника фиксировать в материалах уголовного дела в специальной справке-анкете [2, с.103].

Следует согласиться с мнением, что введение в практику подобного документа повысит требовательность суда к представляемым на подсудимого характеристикам, иной информации о личности правонарушителя, что будет способствовать соблюдению принципа индивидуализации наказания и окажет помощь в работе органам, ведающим исполнением приговоров [5, с.115].

Справка-анкета по изучению личности осужденного к штрафу должна направляться судом вместе с копией приговора в уголовно-исполнительную инспекцию. Это будет способствовать не только выбору более эффективных воспитательных мер в отношении осужденного, но и предупреждению противоправных действий с его стороны.

Представляется, что указанное предложение актуально и в настоящее время. Вместе с тем имеющиеся статистические карточки, составляемые на осужденных лиц, не позволяют отразить в них криминологически значимую информацию и использовать ее в предупредительных целях.

В целях совершенствования показателей статистического учета, сопоставимости статистических показателей о лицах, совершивших преступления, а также обобщения и анализа судебной практики 28 декабря 2012 г. был подписан Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ N 251 «Об утверждении статистической карточки на подсудимого», в соответствии с которым утверждена новая карточка на подсудимого. Указанная форма учета осужденных вступила в действие 1 января 2013 года. Новая форма содержит достаточно много позиций о криминологически значимой информации, обобщение которых позволит представить картину судимости в России и определить направления развития уголовной политики российского государства.

В этой связи представляется правильным в целях совершенствования назначения штрафа в качестве вида наказания уделять внимание следующим обстоятельствам, характеризующим личность осужденного:

1. отношение подсудимого к труду;
2. трудоспособность;
3. состояние здоровья осужденного;
4. семейное положение осужденного;
5. отношение подсудимого к обучению;
6. отношение подсудимого к общественному долгу;
7. поведение осужденного на производстве и в быту (имелись ли факты, свидетельствующие о его отрицательном поведении в семье (употребление спиртных напитков, наркотических средств или психотропных веществ, жестокое обращение с членами семьи, отрицательное влияние на воспитание детей и др.);
8. является ли подсудимый единственным кормильцем в семье;

9. сведения о судимости осужденного;
10. находятся ли на его иждивении несовершеннолетние дети, престарелые родители;
11. условия жизни и воспитания несовершеннолетнего подсудимого, а также уровень его психического развития и влияния на него старших по возрасту лиц и др. [1].

Таким образом, представляется, что учет всех вышеуказанных обстоятельств в совокупности позволит суду принять правильное решение о целесообразности применения к лицу такого вида наказания, альтернативного лишению свободы, как штраф и достичь основной цели наказания – исправления осужденного, не допустив совершения им повторного преступления в будущем.

Библиографический список

1. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ N 251 от 28.12.2012 г. «Об утверждении статистической карточки на подсудимого» // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi>
2. *Алексеева Г. А.* Проблемы совершенствования исправительных работ без лишения свободы : Дисс... канд. юрид. наук: 12.00.08. Свердловск, 1977.
3. *Бурукина Е.А.* Социально-психологический портрет личности осужденного // Материалы III международной научной студенческой конференции «Научный потенциал студенчества в XXI» Том второй. Общественные науки. Ставрополь: СевКав ГТУ. 2011.
4. *Антонян Ю.М.* Криминология. М., 2004.
5. *Орлов В. Н., Коваленко А. П.* Обязательные работы как вид уголовного наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты. М., 2009.

References

1. The order of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.12.2012 N 251 "On approval of the statistical card to the defendant" // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi>.
2. *Alekseeva A.* Problems of improving correctional labor without deprivation of freedom: Diss ... Candidate. jurid. Sciences: 12.00.08. Sverdlovsk, 1977.
3. *Burukina E.A.* Social and psychological portrait of the convicted person / / Proceedings of the III International Scientific Student Conference "The scientific potential of students in the XXI» Volume Two. Social Sciences. Stavropol SevKav GTU. 2011.
4. *Antonian Y.M.* Criminology. Moscow, 2004.
5. *Orlov V.N., Kovalenko A.P.* Compulsory work as a form of criminal punishment: criminal law and penal aspects. M., 2009.

Я.Е. БОЧАРОВ

аспирант кафедры гражданского процесса, предпринимательского и трудового права Орловского государственного университета.
E-mail: kwkl71@gmail.com

Y.E. BOCHAROV

graduate student of the Department "Civil procedure, business and employment law", Orel State University
E-mail: kwkl71@gmail.com

ОСНОВЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСИ

BASIS OF THE CIVIL AND LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC SIGNATURE

В статье рассматривается сущность электронной подписи, ключевые вопросы ее правового регулирования, обзор и краткий анализ нормативно-правовых актов, регулирующих ее применение. Рассмотрена ретроспектива применения и регулирования электронной подписи в Российской Федерации. Также приводится прогноз развития института электронной подписи.

Ключевые слова: электронная подпись, право информационных технологий, электронные сделки.

The article deals with the essence of an electronic signature, the key issues of its legal regulation, an overview and a brief analysis of laws and regulations governing its use. A retrospective of implementation and regulation of electronic signatures in the Russian Federation is considered. The forecast of the development of the institution of electronic signature is given in this paper.

Keywords: electronic signature, informational technologies law, electronic transactions..

Развитие информационных технологий в современном мире не может не затронуть сферу гражданского оборота. Гражданский же оборот никак невозможно представить без документарного оформления сделок. Собственно документ – это фиксация значимой информации на материальном носителе. До недавнего времени юридически значимые документы могли существовать только на бумажных носителях с определенным законом набором реквизитов (среди наиболее важных – собственноручная подпись и печать). Таким образом, собственноручная подпись выполняет двойственную цель. Во-первых, она удостоверяет личность, непосредственно совершившую акт подписания, а во-вторых, фиксирует ее волевой акт согласия с подписанной информацией.

В современном мире информационные технологии достигли такого уровня, что все функции бумажного документа может выполнять его электронный аналог, имеющий огромное количество преимуществ. Среди них: мгновенное перемещение документа на любые расстояния, возможность упрощенной и ускоренной обработки и хранения, возможность неограниченного копирования, при этом каждая копия имеет такую же юридическую силу, как оригинал.

В данный момент вопрос правовых аспектов электронной подписи (ЭП) имеет недостаточную степень научной разработанности, что определяет её актуальность. В то же время, существует целый ряд работ на эту и смежные с рассматриваемой темой. В частности, можно выделить диссертационные исследования В.И. Квашина [2], Р.О. Халикова [6], Е.Ю.

Шишаевой [7] и др.

В связи с принятием в 2011 году нового федерального закона «Об электронной подписи», публикации, изданные до его вступления в силу, частично или полностью потеряли актуальность.

Анализ доступной литературы позволил сформулировать следующие умозаключения. Итак, для эффективного функционирования системы электронного документооборота и заключения сделок в электронном виде необходимо выполнение ряда условий (технических, методологических, правовых и других). И в первую очередь, необходимо создание правовой базы электронных сделок и электронного документооборота. В настоящий момент в РФ имеется ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», ФЗ «Об электронной подписи», заменивший в 2011 году ФЗ «Об электронной цифровой подписи», ст.160 ГК РФ и ряд подзаконных актов (например, приказ ФСФР «Об утверждении требований к формату электронных документов с электронной цифровой подписью, предоставляемых в федеральную службу по финансовым рынкам»). От качества исполнения законов и подзаконных актов зависит функционирование всей системы электронного документооборота.

В 2011 году в силу вступил новый ФЗ «О цифровой подписи». Существовавший ранее закон «Об электронной цифровой подписи» имел ряд недостатков, которые не позволяют широко применять ее в нашей стране. В частности, он разрешает использование только одной технологии электронной подписи, а также не допускает использование элек-

тронной подписи для юридических лиц. Во многом положения действующего закона не соответствуют и основным принципам, реализуемым в иностранном законодательстве. Закон «Об электронной подписи» призван устранить эти недостатки.

В новом законе определены три вида электронной подписи: простая, усиленная и квалифицированная электронная подпись. При этом подлинность электронной подписи обеспечивается надежностью средств, при помощи которых осуществляются ее создание и проверка. Данные средства должны соответствовать установленным требованиям и содержать элементы криптографии.

Новый закон дает широкие возможности для применения ЭП, так как больше не регламентирует технические аспекты ЭП, а выдвигает только общие требования к ней и к процедуре ее проверки. Это положительно скажется на скорости внедрения ЭП, а также на международной торговле с использованием ЭП. Закон приравнивает иностранные ЭП к российским при условии соблюдения требований, выдвигаемых нашим законом.

Основным слабым местом системы электронных подписей в данный момент является возможность получения сертификата ключа подписи не уполномоченным на то лицом. Закон не содержит императивного требования соблюдения нотариальной формы доверенности для получения сертификата ключа подписи от имени другого лица. Это может быть использовано для получения сертификата ключа подписи на подставных лиц и дальнейшего ее использования в незаконных целях. Для ликвидации этой проблемы стоит либо ввести обязательную нотариальную форму такой доверенности, либо отказаться от возможности получения сертификата ключа подписи через поверенных.

Необходимо отметить явное сходство российского закона 2001 года с аналогичным немецким законом 1997 года. Также наличествует сходство нового российского закона 2011 года с аналогичными законами стран-членов Евросоюза, принятыми в развитие директивы ЕС по вопросам ЭП. По степени совершенства все законы стран-членов Евросоюза в период с 2001 по 2011 год намного превосходили российский. Однако новый российский закон 2011 года приведен к общеевропейскому уровню. Более того, даже определения в законодательстве РФ и европейских стран почти идентичны. Это свидетельствует об ориентированности РФ на взаимодействие с европейским бизнесом. Государство уже позаботилось о том, чтобы создать единое пространство доверия для ЭП европейских стран и России.

Суды уже достаточно давно признают одинаковую юридическую силу за документами, подписанны-

ми собственноручно и документами, подписанными ЭЦП. Об этом свидетельствует в частности постановление ФАС Московского Округа от 5 ноября 2003 г. N КГ-А40/8531-03-П. Суд признал за электронным платежным поручением ОАО «Ростелеком» ОАО «Коммерческий сберегательный банк России» юридическую силу. Платежное поручение было подписано электронной цифровой подписью заместителя генерального директора ОАО «Ростелеком».

Институт ЭП и электронного документооборота имеет огромные перспективы в будущем. Это касается практически всех отраслей права. Технически в будущем возможно создание единой идентификационной карты гражданина РФ, которая объединит в себе удостоверение личности, платежное средство (например, при интеграции с платежной системой VISA или будущей российской Национальной Платежной Системой), носитель ЭП для заключения сделок и множество других значимых документов. Причем такая карта может быть быстро заблокирована и заменена при потере с использованием биометрической идентификации владельца. Текущая правовая база позволяет реализовать этот проект, который в данный момент разрабатывается ОАО «Универсальная электронная карта», созданное триумvirатом банков: ОАО Сбербанк, ОАО Уралсиб, банк АК Барс. Первоначально планировалось применение универсальной карты только для пользования государственными и муниципальными услугами, однако сейчас обязательным пунктом функционала является возможность использования карты как платежного средства и как носителя ЭП, что дает возможность при помощи ее заключать дистанционные сделки. Возможно также создание системы электронного нотариата. Электронные сделки уменьшают издержки предприятий, стимулируют развитие бизнеса и (что немаловажно) снижают коррупционные возможности. В будущем теоретически возможен полный отказ от наличных денег, что практически может свести коррупцию к нулю.

Таким образом, проблема правового регулирования электронного документооборота и ЭП является одной из важнейших для современной российской юриспруденции, так как уже в скором времени массовое распространение электронных сделок может стать реальностью. Правовая база для этого уже подготовлена, она находится на современном европейском уровне. На данном этапе важно формирование судебной практики по связанным с ЭП вопросам. Хотя в России судебное решение и не является источником права, тем не менее, на практике в большинстве случаев решения судов высших инстанций по аналогичным делам определяют правовой климат в стране.

Библиографический список

1. Гражданский Кодекс РФ от 30.11.1994 N 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994.
2. Квашин В.И. Правовые аспекты использования электронной цифровой подписи в договорных отношениях с участием предпринимателей. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Санкт-Петербург. 2010.

3. ФЗ «Об электронной цифровой подписи» от 0.01.2002 N 1-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. ФЗ «Об электронной подписи» от 6 апреля 2011 г. N 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Халиков Р.О. Правовой режим электронного документа: Вопросы использования электронной цифровой подписи. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Казань, 2006.
7. Шишаева Е.Ю. Правовое регулирование использования электронного документа в предпринимательской деятельности. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Москва 2005.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994 N 51-FL // CL RF. 1994.
2. Kvashin V.I. Legal aspects of the use of digital signature in a contractual relationship with entrepreneurs. Candidate dissertation in Law: author's abstract. St. Petersburg. 2010.
3. Federal Law "On Electronic Digital Signature" 0.01.2002 N 1-FL // ATP "ConsultantPlus".
4. Federal Law "On Information, Information Technology and Information Security" on July 27, 2006 N 149-FL // ATP "ConsultantPlus".
5. Federal Law "On Electronic Signatures" on April 6, 2011 N 63-FL // ATP "ConsultantPlus".
6. Khalikov P.O. The legal regime of the electronic document: The use of digital signatures. Candidate dissertation in Law: author's abstract. Kazan, 2006.
7. Shishaeva E.Y. The legal regulation of the use of electronic documents in business. Candidate dissertation in Law: author's abstract. Moscow 2005.

УДК 342.553:352

UDC 342.553:352

С.Г. ГОНТАРЬ

кандидат юридических наук доцент кафедры административного и муниципального права Орловского государственного университета
E-mail: vers@inbox.ru

S.G. GONTAR

candidate of Law Associate Professor of Administrative and Municipal Law, Faculty of Law, Orel State University
E-mail: vers@inbox.ru

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РАМКАХ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

THE PROBLEMS OF COOPERATION OF THE PROSECUTION AND LOCAL AUTHORITIES IN THE LAWMAKING

В статье рассматривается эффективность реализации правотворческой деятельности органов местного самоуправления во взаимодействии с органами прокуратуры, а также причины и проблемы взаимодействия указанных органов.

Ключевые слова: *правотворческая деятельность на местах, орган местного самоуправления, муниципальный нормативный акт.*

This article reviews the effectiveness of implementation of the legislative activities of local authorities in collaboration with public prosecutors, as well as the causes and problems of cooperation between them.

Keywords: *local law-making activities, local authorities, local regulation.*

В соответствии с частью 1 статьи 21 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [2] (далее – Закон), предметом надзора прокуратуры является соблюдение Конституции Российской Федерации и исполнение законов, действующих на территории Российской Федерации, федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными федеральными органами исполнительной власти,

представительными (законодательными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, а также соответствие законам правовых актов, издаваемых органами и должностными лицами, указанными выше.

Согласно части 2 статьи 21 Закона при осуществлении надзора за исполнением законов органы

прокуратуры не подменяют иные государственные органы. Проверки исполнения законов проводятся на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором.

Органы местного самоуправления, осуществляя свою деятельность, принимают все необходимые меры с целью эффективного сотрудничества и повышения качества принимаемых правовых актов, а также недопущения нарушений законодательства. Так, в настоящее время, приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 2 октября 2007 года № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» [4] проекты нормативных правовых актов направляются в органы прокуратуры для проведения экспертизы проекта акта и подготовки соответствующего заключения. Органы местного самоуправления направляют их с целью осуществления превентивного контроля органами прокуратуры.

Однако, при подобном взаимодействии у органов прокуратуры и органов местного самоуправления возникают определенные трудности. Так, между направлением в органы прокуратуры и получением заключения на проект акта проходит довольно много времени, в связи с чем в условиях оперативности принятия необходимых решений, а также назначенных заседаний представительного органа муниципального образования (заседания в муниципальных образованиях, например, в сельских поселениях, проходят один раз в квартал) часто акты принимаются без получения заключения органов прокуратуры. Кроме того, при реализации государственной функции по организации и ведению регистра муниципальных нормативных правовых актов возникла такая проблема, когда после проверки органами прокуратуры проектов нормативных правовых актов органов местного самоуправления, в соответствии с заключениями органов прокуратуры нарушений действующего законодательства не выявлено, однако, при проведении юридической экспертизы уполномоченным органом субъекта на ведение регистра актов уже вступивших актов в силу при внесении в регистр выявляются нарушения норм действующего законодательства.

Практика ведения регистра (эти и многие другие вопросы были предметом рассмотрения на Всероссийских научно-практических конференциях по обмену опытом ведения информационных баз данных в электронном виде в системе НПА ЕСИТО на базе Научного центра правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации, которые были проведены в октябре 2011 и 2012 годов в городе Москве) свидетельствует о том, что органы местного самоуправления в большинстве случаев соглашаются с экспертными заключениями уполномоченных органов государственной власти субъектов,

однако, нередко случаи, когда специалисты органов местного самоуправления категорически не соглашались с подготовленными заключениями, о чем направляют соответствующие письма, указывая также на то, что на проект акта имеется положительная экспертиза органов прокуратуры и органы местного самоуправления в силу Конституции Российской Федерации [1] и Федерального закона от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3] самостоятельно и под свою ответственность осуществляют свои полномочия по решению вопросов местного значения.

При взаимодействии с органами прокуратуры возникают также трудности при определении характера правового акта: является ли он нормативным или ненормативным. Четкого определения, которое позволяло бы однозначно относить тот или иной акт к нормативному или ненормативному, на законодательном уровне не имеется. Разъяснения по определению нормативности актов содержатся в общем виде в Постановлении Пленума Верховного суда «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» [5].

К существенным признакам, характеризующим правовой акт как нормативный, относятся:

- наличие в акте правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение;
- издание акта в установленном порядке уполномоченным органом местного самоуправления или должностным лицом;
- направление на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений.

Органы местного самоуправления и органы прокуратуры зачастую расходятся во мнении, какие акты относятся к нормативным, а какие нет, в связи с чем не все проекты нормативных актов могут быть предоставлены в органы прокуратуры для предварительной экспертизы.

Кроме того, трудности взаимодействия возникают и при осуществлении межведомственного взаимодействия, а именно: в последнее время участились запросы из органов прокуратуры в органы местного самоуправления, сроки исполнения которых ограничены (в течение нескольких часов, в течение дня), при этом ссылка в запросах имеется лишь на статью 22 Закона, в которой четко не определены сроки подготовки ответов на запросы. В кратчайшие сроки довольно сложно собрать сотрудникам органов местного самоуправления всю необходимую информацию по запросу (особенно в сельском поселении, где в администрации работает 3-4 человека), тем более, что зачастую запрашиваемая информация в органе местного самоуправления отсутствует (например, запрос касается деятельности какого-либо хозяйствующего субъекта).

Такой механизм взаимодействия органов проку-

ратуры и органов местного самоуправления не способствует эффективному правотворчеству органов местного самоуправления, не способствует принятию качественных соответствующих норм права и потребностям общества актов.

Проблемы недостаточного финансирования, необеспеченности финансовыми средствами полномочий органов местного самоуправления, закреплённых действующим законодательством, порождают проблемы увеличения количества фактов привлечения глав муниципальных образований к административной ответственности (денежный штраф иногда составляет до 30 тысяч рублей). В сложив-

шихся условиях не исключена возможность того, что в ближайшее время органы местного самоуправления могут остаться без руководящих кадров, а случаи увольнения глав в отставку по собственному желанию уже учащаются.

На основании изложенного очевидно, что назрела необходимость усовершенствования механизмов взаимодействия органов прокуратуры и органов местного самоуправления, например, путем конкретизации норм статьи 22 Закона, касающейся сроков для запросов в органы власти, а также путем повышения качества проводимых проверок проектов актов органов местного самоуправления.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации [Текст] // М., 2007.
2. Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Электронная правовая система «Консультант Плюс».
3. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822. (с изм. и доп.).
4. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 2 октября 2007 года № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» (в редакции приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 23 декабря 2009 года № 395) [Электронный ресурс] // В данном виде документ опубликован не был. Размещен в электронной правовой системе «Консультант Плюс».
5. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 ноября 2007 года №48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части». // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации». № 1. Январь. 2008. (с изм. и доп.). Пункт 9.

References

1. The Russian Constitution // M., 2007.
 2. Federal Law of 17January, 1992 № 2202-1 «On the Procuracy of the Russian Federation» [electronic resource] // Electronic legal system «Consultant Plus».
 3. Federal Act of 6October, 2003 № 131-FZ «On General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation» [Text] // Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. № 40. Art. 3822. (Amended. And add.).
 4. Order of the General Prosecutor of the Russian Federation of 2October, 2007 № 155 «On the organization of prosecutorial supervision over the legality of legal acts of the public authorities of the Russian Federation and local self-government» (as amended by Order of the General Prosecutor of the Russian Federation of December 23, 2009 № 395) [Electronic resource] // The document has not been published in this version. Electronic legal system «Consultant Plus».
 5. Resolution by Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 29, 2007 № 48 «On the practice of court proceeding of cases on contesting the legal regulations either fully or partially» [Text] // «Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation» – № 1. – January. – 2008. (Amended. And add.). Item 9.
-

УДК 81'255:34

UDC 81'255:34

А.С. КИНДЕРКНЕХТ

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского национального исследовательского политехнического университета
E-mail: a_kinderknecht@mail.ru

A.S. KINDERKNECHT

candidate of Philology, associate professor, Department of Foreign Languages, Linguistics and Intercultural Communication Perm National Research Polytechnic University
E-mail: a_kinderknecht@mail.ru

К ВОПРОСУ О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

THE PROBLEM OF LEGAL TERMINOLOGY TRANSLATION

Данная статья посвящена юридической терминологии в аспекте юридического перевода. Особенности взаимоотношения языка и права обуславливают специфику функционирования терминов в юридической сфере и во многом объясняют трудности, возникающие при переводе юридической терминологии.

Ключевые слова: юридический перевод, юридический текст, юридическая терминология, термины, контекст, варианты перевода.

This article studies legal terms in context of translation of legal documents. Specific features of language and law interaction specify the terms functioning in legal sphere and explain the difficulties of legal terminology translation to a great extent.

Keywords: legal translation, legal text, legal terminology, terms, context, translation variants.

Юридический перевод – один из видов специального перевода, обслуживающий правовую сферу коммуникации. Чаще всего это перевод документов и материалов, необходимых для обмена информацией на юридическую тематику и осуществления коммуникации между людьми, владеющими разными языками. Юридический перевод изучается в основном студентами юридических вузов и факультетов. Вместе с тем, юридический аспект, будучи «весьма значимым предметом лингвистической науки» [4], является предметом изучения лингвистов-переводчиков.

В последние десятилетия исследование взаимоотношений языка и права вылилось в отдельную юрислингвистическую и лингвоюридическую область исследования. Юрислингвистика и лингвоюристика – активно развивающиеся в настоящее время области исследования, объектом которых являются взаимоотношения языка и закона: «отношение языка к закону изучает юрислингвистика, а закона к языку – лингвоюристика; юридический аспект языка – предмет юрислингвистики, языковые аспекты права – лингвоюристики» [7]. Перевод как прикладная лингвистическая дисциплина тяготеет к лингвоюристике. Развивающееся дисциплинарное направление разрабатывает, в частности, проблему взаимодействия естественного и юридического языка.

Язык юридических текстов сильно отличается от естественного языка. Преобразования языка в юридической сфере функционирования настолько глубокие, что это дает исследователям последних лет «основания рассматривать его функциональную юридическую разновидность как самостоятельную подсистему, составляющую автономный предмет ис-

следования, подлежащий изучению отдельной лингвистической дисциплины» [7, с. 30].

Основное отличие юридического языка от естественного заключается в том, что юридический язык «формируется, функционирует и развивается в другой системе значимостей, владение которой предполагает не просто расширенный или углубленный понятийно-терминологический аппарат, а в сущности, другие коммуникативные презумпции и другой тип коммуникативного (языкового) сознания» [5, с. 19]. В связи с этим юридический язык рассматривается сегодня не просто как подстиль литературного языка в его деловой разновидности. «Тысячелетняя правовая культура, – пишет Н.Д. Голев, – выработала не только поверхностный слой спецификации по отношению к естественному языку, но и ее глубинные структуры» [5]. Как отмечает М.М. Мушнина, «язык права является не только семиотической системой, но и неотделимой частью правовой системы с ее традициями, особенностями логики и функциями». Особенности юридического языка, согласно тому же автору, естественным образом вытекают из особенностей самого права [13]. Среди особенностей права М.М. Мушнина упоминает следующие:

– высокая степень абстрактности юридических понятий (в отличие от специальных областей, как например, техники и естествознания, где термины обозначают конкретные предметы и могут быть изображены по крайней мере графически, язык права выражает абстрактные понятия и связи между ними);

– тесная связь языка и права (правовые понятия и нормы могут быть выражены только посредством языка, язык является единственным рабочим инстру-

ментом юриста) [13].

Как пишет Н.Д. Голев, взаимоотношения естественного языка и юридического языка имеют два аспекта: 1) естественный язык выступает как объект правового регулирования; 2) естественный язык является основным средством осуществления правовой деятельности и основным субстратом воплощения ее результатов, а именно юридическим текстом [6].

Особенности юридического языка, отраженные в юридическом тексте, обуславливают специфику перевода текстов в юридической сфере. От переводчика требуется не только профессиональное владение как минимум парой языков, но владение юридическими языками как типами правового сознания. Занимаясь вопросами методики преподавания перевода юридических текстов, Ш.Г. Мохаммад-заде и С.Х. Захраи пишут, что перевод юридических документов «требует от переводчика не только профессионального знания двух языков – ИЯ (исходный язык) и ПЯ (язык перевода), но и хорошего знания права, особенно юридических терминов» [12, с. 57]. Овладение углубленным понятийно-терминологическим аппаратом в двух языках – одна из трудностей обучения юридическому переводу. П.В. Рыбин отмечает: «Роль терминов в юриспруденции трудно переоценить: от правильного понимания иноязычного термина иногда зависит понимание смысла всего текста, так как именно термины несут в юридических текстах основную информационную нагрузку» [15].

И.С. Алексеева пишет, что некоторая доля терминов в юридических текстах известна не только специалистам-юристам, но и всякому носителю языка, так как область их применения выходит за рамки юридического текста [2, с. 217]. Энциклопедический юридический словарь делит юридические термины на три разновидности по признаку «понятности» той или иной части населения:

1. общезначимые термины (употребляются в обыденном смысле и понятны всем), например: *беженец, свидетель, работник* и т.п.;

2. специальные юридические термины (обладают особым правовым содержанием и понятны специалистам в области права), например: *необходимая оборона, исковая давность* и т.п.;

3. специально-технические термины (отражают область специальных знаний – техники, экономики, медицины и т.д., должны быть понятны юристу, являющемуся еще и специалистом в другой области), например: *недоброкачественная продукция, правила техники безопасности* и т.п. [21; 11, с. 107].

Очевидно, что основную трудность в переводе составляют термины второй группы, так как для их адекватной передачи на другой язык требуется наличие специальных познаний в юридической сфере.

С.С. Алексеев в работе «Общая теория права» выделяет необходимые условия рационального использования терминологии:

1. единство терминологии. Одинаковые термины, используемые при формулировании юридиче-

ских норм, должны иметь тождественное значение; недопустимо для обозначения одних и тех же понятий использовать разные термины;

2. общепризнанность терминологии. Используемые термины должны получить признание в науке и практике;

3. устойчивость терминологии. Недопустимо без особо веских причин отказываться от ранее используемой терминологии, вводить наряду с принятыми другие, по мнению некоторых авторов, более «удачные» термины [1, с. 274].

Обратим внимание на то, что указанные требования к юридической терминологии сформулированы для юристов – носителей одного языка, в связи с проблемой смешения естественного языка и юридического и трудностями грамотного перевода естественного языка на юридический. Рассмотренные условия рационального использования юридической терминологии необходимо учитывать переводчикам, поскольку им предстоит еще и перевод с одного юридического языка – юридического языка оригинала – на другой юридический язык – юридический язык перевода и при этом избежать двойной интерференции естественного языка на юридический язык в языке оригинала и языке перевода.

Юридические термины, обозначающие юридические понятия, составляют главную специфику лексики юридического языка, которая заключается в том, что «термины, закрепленные в нормах права, обозначают только специальные нормативные понятия, и в этом смысле уникальны по своему содержанию» [16]. Здесь принято говорить о жесткой семантизации юридической терминологии [4; 7, с. 33]. Говоря о специфике юридической терминологии и ее отмежевании от лексики естественного языка, Н.Д. Голев отмечает, что «естественное имя, обретшее юридический статус, уже является омонимом своему исходному корреляту» [3]. Вместе с тем, согласно исследованию Е.В. Малюковой объем юридической терминологии на уровне сознания носителей языка является достаточно широким [10].

В интерпретации и переводе юридических текстов зачастую имеет место смешение понятий обыденных и юридических. К.М. Рудкова по этому поводу пишет следующее: «Отсутствие в правовых текстах четкой соотнесенности термина со специфическим денотатом принуждает рядового носителя языка интерпретировать многие юридические термины, руководствуясь своим речевым опытом, содержанием того концепта, который сложился в данном *обыденном языковом сознании*» [14]. Далее автор отмечает, что толковые словари, к которым часто обращаются в поисках смысла, «предлагая минимальный набор дифференциальных сигнификативных признаков, которые позволяют экономным образом опознать предмет и функционально нацеленные на кодификацию бытования языка в обыденной сфере, не имеют возможности и не призваны интерпретировать правовые термины» [14, с. 241].

Отметим здесь, что поиск варианта перевода по словарям не является правильной стратегией в переводе юридических текстов. Возьмем, к примеру, правовую конструкцию «арбитражный суд» и ее эквивалент во французском языке. Приступая к переводу словосочетания «арбитражный суд», студент-переводчик со всей очевидностью выберет следующие варианты: «*cour d'arbitrage*», «*cour arbitrale*», «*juridiction arbitrale*», «*tribunal d'arbitrage*», «*tribunal arbitral*», «*arbitrage*». Обилие вариантов вызывает затруднения при принятии переводческого решения. В условиях нехватки времени проблема выбора варианта решается проверкой словосочетания на частотность в юридических текстах. Среди приведенных вариантов наиболее частотными являются «*tribunal d'arbitrage*» (*tribunal arbitral*), «*juridiction d'arbitrage*» и «*arbitrage*». Данные терминологические словосочетания, в зависимости от контекста, могут выступать в качестве переводных эквивалентов русского словосочетания «арбитражный суд». Вместе с тем, общаясь со специалистами права, можно узнать, что арбитражный суд в Российской Федерации является одним из звеньев государственной судебной системы, наряду с судами общей юрисдикции. Между тем, во всем мире понятие «арбитраж» обозначает рассмотрение споров в негосударственных органах, куда стороны обращаются за разрешением спора по специальному на то соглашению между ними. Под арбитражем во Франции понимают в большей степени процесс, процедуру разрешения коммерческих и имущественных споров, способ разрешения споров. При изучении вопроса соотношения понятий арбитраж в российской и французской правовых системах обнаруживается, что в системе органов государственных судов Франции понятия «арбитраж», «арбитражный суд» нет. Таким образом, варианты перевода, зафиксированные в специализированных двуязычных словарях, – обозначение реалии российской правовой системы. Неким аналогом арбитражных судов во Франции, то есть судов, разрешающих споры между предпринимателями, можно признать торговые суды, члены которых избираются из числа лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью и рассматривающих споры, возникающие из предпринимательской деятельности между коммерсантами. В таком случае, проводя аналогии, нам следовало бы обратить внимание на коммерческие трибуналы и торгово-промышленные палаты: «*tribunal commercial*», «*chambres de commerce*». Как видим, перевод правовой конструкции «арбитражный суд» на французский язык требует дополнительных пояснений.

В ряде публикаций мы уже демонстрировали, что для корректного применения термина целесообразно обращение переводчика за консультацией к специалистам права и анализу существующих аутентичных контекстов данного термина [18; 9; 19; 8, с. 5-18]. Практика показывает, что данные, приведенные в словаре юридических терминов, не претендуют на уникальность, полноту и точность и призваны лишь

помочь получить общее представление о том или ином термине. Для осуществления межкузыковой коммуникации переводчику необходимо разбираться в особенностях нормативно-правовой системы в разных государствах, чтобы выступать грамотным посредником в общении сторон.

Особую трудность в переводе юридической терминологии представляет перевод многословных терминов и словосочетаний. Согласно исследованию С.П. Хижняка, около 80 % юридических терминов – термины-словосочетания [17]. По нашим наблюдениям, в особенностях сочетания слов проявляется языковая узус, который необходимо учитывать в переводе. К примеру, нередко не поддается логическому объяснению тот факт, что во французском юридическом языке в одних случаях используется конструкция с предлогом **de**, а в других случаях – с предлогом **à** (с артиклем или без): «право на авторство» – *droit de paternité* или *droit à la paternité*; «право на распространение» – *droit de divulgation*, «право на имя» – *droit au nom*. Отдельного рассмотрения требуют узуальные сцепления слов. К примеру, во взаимозаменяемых в отдельных контекстах терминологических словосочетаниях «*percevoir les fruits*» и «*récolter les revenus*» (получать плоды, получать доход), компоненты не могут заменяться. Сочетание компонентов «*récolter*» и «*les fruits*» ведет к утрате юридического значения. Подобных примеров устойчивого сочетания компонентов в юридических многословных терминах может быть очень много.

Говоря о трудностях перевода юридической терминологии, следует отметить, что некорректный выбор термина нередко влечет за собой неприятные последствия. Дело в том, что мера ответственности за ошибки и неточности перевода юридических терминов весьма высокая. Следствием ошибок в выборе юридического термина, уникального по содержанию, может быть не только непонимание смысла юридического текста, но и непонимание особенностей правоприменения тех или иных нормативных понятий. Именно поэтому перевод юридических текстов – чаще всего удел юристов и профессиональных переводчиков, специализирующихся в юридическом переводе, имеющих юридическое образование или значительный опыт в переводе юридических текстов.

Перевод юридической терминологии представляет только одну из трудностей юридического перевода. Как справедливо отмечают Д.Н. Шлепнев и Ю.А. Пархаева, юридический перевод не сводится в основе своей к переводу терминов, подчеркивая, что «проблема терминологии – вовсе не главная проблема юридического перевода» [20]. Вместе с тем знакомство с понятийно-терминологическим аппаратом юридических текстов необходимо переводчику для формирования внимательного отношения к особенностям нормативно-правовой системы в разных государствах и для грамотного осуществления адекватной межкузыковой и межкультурной коммуникации.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. Т. I. М.: Юрид. лит-ра, 1981.
2. *Алексеева И.С.* Профессиональный тренинг переводчика: учебное пособие. СПб.: СОЮЗ, 2008.
3. *Голев Н.Д.* О специфике языка права в системе общенародного русского языка и ее юридического функционирования. // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 41-58.
4. *Голев Н.Д.* Постановка проблем на стыке языка и права. // Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы: межвуз. сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 4-11.
5. *Голев Н.Д.* Правовая коммуникация в зеркале естественного языка. // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвуз. сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 6-37.
6. *Голев Н.Д.* Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема. // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 8-40.
7. *Голев Н.Д.* Юридический аспект языка в лингвистическом освещении. // Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы: межвуз. сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 11-58.
8. *Киндеркнехт А.С.* Пособие по переводу юридических текстов (французский язык): учебное пособие. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. Ун-та, 2012.
9. *Киндеркнехт А.С., Чудинов О.Р.* К вопросу о лингвистическом анализе одного юридического термина [Электронный ресурс] // Право как дискурс, текст и слово: интернет-конференция по юрислингвистике. – URL: <http://siberia-expert.com>
10. *Малюкова Е.В.* Определение объема юридической терминологии в когнитивном аспекте [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bigpi.biysk.ru/ff/readarticle.php?article_id=32
11. *Милославская Д.И.* Типовые трудности семантической интерпретации юридического текста // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2000. С. 103-115.
12. *Мохаммад-заде Ш.Г., Захраи С.Х.* К вопросу о методике преподавания перевода юридических текстов иранским студентам. // Социосфера. № 1. Пенза: ООО Научно-издательский центр «Социосфера», 2012.
13. *Муццинина М.М.* О правовой лингвистике в Германии и Австрии. // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 21-34.
14. *Рудкова К.М.* Концепт «оскорбление»: к проблеме взаимодействия юридического и естественного языков. // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 236-243.
15. *Рыбин П.В.* Типичные проблемы овладения юридической терминологией на английском языке. // Российское право в Интернете. № 2. М.: МГЮА, 2008.
16. *Усанов В.Е., Хабеев Т.Н., Земляная Т.Б., Павлычева О.Н.* Термин как носитель правовой информации [Электронный ресурс] // Журнал научно-педагогической информации. 2010. № 3. URL: <http://www.paedagogia.ru/2010/39-03/103-usanovhabeevzemlyanayapavlicheva>
17. *Хижняк С.П.* Правовая терминология и проблемы ее упорядочения. // Правоведение. 1990. № 6. С. 67-71.
18. *Чудинов О.Р., Киндеркнехт А.С.* К вопросу о соответствии понятий «недобросовестная конкуренция» и «concurrency déloyale» [Текст] // Индустрия перевода и информационное обеспечение инновационной научной и образовательной деятельности: матер. III Междунар. науч.-практ. конф. (Пермь, 4-5 февраля 2010 г.). Пермь, 2010. С. 283-289.
19. *Чудинов О.Р., Киндеркнехт А.С.* Юрико-лингвистические аспекты соответствия понятий «недобросовестная конкуренция» и «concurrency déloyale». // Ученые записки Орловского государственного университета. №4. 2011. С. 221-225.
20. *Шлепнев Д.Н., Пархаева Ю.А.* Проблема подбора учебно-методических материалов по курсу юридического перевода [Текст] // Индустрия перевода и информационное обеспечение внешнеэкономической деятельности предприятий: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Пермь, 28-30 мая 2008 г.). Пермь: Изд-во ПГТУ, 2008. С. 494-511.
21. Юридический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/lower>

References

1. *Alekseev S.S.* General Theory of Law] Vol. I. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1981.
2. *Alekseeva I.S.* Training Professional Translators. S.-Petersburg: Sojuz, 2008.
3. *Golev N.D.* On Peculiarities of Legal Language as part of the System of the National Russian Language and its Legal Application. In: Jurislingvistika-5. Barnaul: Altai University, 2004. – Pp. 41-58.
4. *Golev N.D.* Issues on the Interfaces Between Language and Law. In: Jurislingvistika-1. Barnaul: Altai University, 1999. – Pp. 4-11.
5. *Golev N.D.* Legal Communication in the Mirror of Natural Language. In: Jurislingvistika-7. Barnaul: Altai University, 2006. – Pp. 6-37.

6. *Golev N.D.* Juridicalisation of Natural Language as Linguistic Problem. In: *Jurislingvistika-2*. Barnaul: Altai University, 2000. – Pp. 8-40.
 7. *Golev N.D.* Juristic Aspect of Language in the Light of Linguistics. In: *Jurislingvistika-1*. Barnaul: Altai University, 1999. – Pp. 11-58.
 8. *Kinderknekht A.S.* A Handbook of Translating Legal Texts (French Language). Perm: PNRPU, 2012.
 9. *Kinderknekht A.S., Chudinov O.R.* On Linguistic Analysis of One Legal Term. In: *Law as Discourse, Text and Word: Internet-Conference on Legal Linguistics*. URL: <http://siberia-expert.com>.
 10. *Maljukova E.V.* Determining the Scope of Legal Terminology in Cognitive Aspect. URL: http://www.bigpi.biysk.ru/ff/readarticle.php?article_id=32.
 11. *Miloslavskaja D.I.* Typical Problems in Semantic Interpretation of Legal Texts. In: *Jurislingvistika-2*. Barnaul: Altai University, 2000. – Pp. 103-115.
 12. *Mohammad-zade Sh.G., Zahrai S.H.* On the Methods of Teaching Iranian Students to Translate Legal Texts] // *Sociosfera*. No. 1, 2012.
 13. *Mushchinina M.M.* Juridical Linguistics in Germany and Austria. In: *Jurislingvistika-5*. Barnaul: Altai University, 2004. – Pp. 21-34.
 14. *Rudkova K.M.* The Concept 'Oskorblenie' – on Interaction of Legalese and Natural Language. In: *Jurislingvistika-5*. Barnaul: Altai University, 2004. – Pp. 236-243.
 15. *Rybin P.V.* Typical Problems of Mastering English Legal Terminology. In: *Rossijskoe pravo v Internetе*. No. 2., 2008.
 16. *Usanov V.E., Habeev T.N., Zemljanaja T.B., Pavlycheva O.N.* Term as a Carrier of Legal Information] In: *Zhurnal nauchno-pedagogicheskoy informacii*. No. 3, 2010.
 17. *Hizhnjak S.P.* Legal Terminology and Problems With its Systematization] In: *Pravovedenie*. No. 6, 1990. – Pp. 67-71.
 18. *Chudinov O.R., Kinderknekht A.S.* On the Equivalence between the Terms 'Nedobrosovestnaja Konkurencija' and 'Concurrence Déloyale'. In: *Translation Industry and Information Support of Scientific and Educational Activities: Proceedings of III International Conference (Perm, 4-5 Feb. 2010)*. – Pp. 283-289.
 19. *Chudinov O.R., Kinderknekht A.S.* Legal and Linguistics Aspects of Correspondence Between the Notions of 'nedobrosovestnaja konkurencija' and 'Concurrence Déloyale' // *Scientific Notes of Orel State University*. No. 4, 2011. – Pp. 221-225.
 20. *Shlepnev D.N., Parhaeva Ju.A.* Problems of Selecting Teaching Materials for the Course of Legal Translation. In: *Translation Industry and Information Support of Foreign Economic Activities: Proceedings of II International Conference (Perm, 28-30 May 2008)*: 494-511.
 21. *Law Dictionary*. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/lower>.
-

УДК 343.13

UDC 343.13

В.С. ЛАТЫПОВ

адъюнкт кафедры уголовного процесса Уфимского
юридического института МВД России
E-mail: Vadi-Latypov@yandex.ru

V.S. LATYPOV

graduate of the Department of Criminal trial, Ufa Law
Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia
E-mail: Vadi-Latypov@yandex.ru

**ИНЫЕ СУБЪЕКТЫ (УЧАСТНИКИ) УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ
В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ СПЕЦИАЛИСТА)**

**OTHER SUBJECTS (PARTICIPANTS) OF CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS OF RUSSIA
IN HISTORICAL ASPECT (ON THE EXAMPLE OF THE EXPERT)**

Статья представляет собой актуальное исследование, обладающее теоретической и практической значимостью. Особо следует отметить научную новизну направления, избранного автором. В статье подробно рассмотрены этапы формирования процессуального статуса специалиста в процессуальном законодательстве России.

Ключевые слова: история, статус, специалист, процесс, специальные познания, закон.

The article represents the urgent research which has a theoretical and practical importance. Especially it is necessary to note the scientific novelty of the direction chosen by the author. The stages of forming the procedural status of the expert in the procedural legislation of Russia are considered in detail in the article.

Keywords: history, status, expert, process, special knowledge, law.

В рамках нашего исследования предлагается более узко рассмотреть историю становления и развитие специалиста как иного субъекта (участника) уголовного процесса в России.

Интересен тот факт, что само понятие сведущего лица изначального выводилось через категорию «специалист», т.е. сведущее лицо – квалифицированный, опытный, умелый специалист в какой-либо отрасли человеческого знания, профессии, ремесла [17, с. 204-205]. Смысловое значение термина «специалист» происходит от латинского *specialis* – особый, особенный, исключительно для чего-либо предназначенный [14].

Анализ самого понятия специальных познаний не входит в рамки нашего исследования, подробно данный институт был раскрыт и рассмотрен в диссертационном исследовании А.В. Константинова [7].

Мы разделяем мнение самого Константинова А.В. и так же считаем, что термины «сведущее лицо» и «специалист» – не тождественны. Поскольку, как говорилось ранее, к понятию «сведущего лица» относят не только специалистов, но и экспертов, более того ими могут быть исходя из определения и переводчики, педагоги, психологи, ревизоры, а также другие лица [7, с. 33].

Ученые дают различные определения специалиста. Так, например известнейший криминалист Р.С. Белкин считает, что специалист – это сведущее лицо, привлекаемое следователем (судом) для участия в следственных (судебных) действиях для содействия в собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств [1, с. 217].

И.Н. Сорокотягин под специалистом признает лицо, которое обладает современными научными, техническими и иными познаниями, профессиональным опытом в определенной деятельности, навыками и умениями использования научно-технических средств, приглашенное органом дознания, следователем, прокурором и судом для участия в следственных действиях или судебном разбирательстве и оказания содействия в собирании, исследовании и оценке доказательств [15, с. 46-47, 87].

Е.П. Гришина специалистом признает в уголовном судопроизводстве любое компетентное, обладающее специальными познаниями, независимое и не заинтересованное в определенном исходе дела лицо, привлеченное субъектом доказывания для обнаружения, изъятия и закрепления доказательств, а также в целях оказания консультативно-справочной помощи и организационно-технического сопровождения производства по уголовному делу [4, с. 26].

Проследить исторические этапы становления института специалиста и развитие современного института специальных знаний возможно при анализе различных исторических документов в исследуемой нами области, это позволит выявить закономерности развития правового статуса специалиста в отечественном уголовном процессе и, возможно, определить дальнейшие тенденции совершенствования института специальных знаний в судопроизводстве России.

Самое раннее упоминание об участии специалиста датируется 1535 годом. Специалист был привлечен для уличения удельного князя Андрея Ставицкого в его притворной болезни.

С XVI в. в России берет свое начало медицинское освидетельствование лекарями рекрутов, призываемых на военную царскую службу.

В период с XVI-XVII вв. выходит в свет так называемый Аптекарский приказ, положивший начало зарождению несудебных медицинских экспертиз, в первую очередь военно-врачебной экспертизы, поскольку одной из функций которого являлось проведение экспертного исследования по определению степени утраты здоровья [10, с. 22].

С XVII в. лекарями повсеместно начинает проводиться освидетельствование на предмет установления характера телесных повреждений.

Во второй половине XVII в. были зафиксированы первые случаи освидетельствования монахами психического состояния обвиняемых, получения справок и допросов докторов и лекарей о порядке употребления лекарств [8, с. 4].

Проведенный анализ Судебника 1550 г. и Соборного Уложения 1649 г. показал, что данные нормативные акты не содержат никаких упоминаний о специалистах и об использовании специальных знаний.

Однако еще в начале XVI в. дьяки, выступающие в роли специалиста при судебных разбирательствах, привлекались для осмотра документов в целях установления в них подлинности, а также исследовали почерки и подписи [12, с. 54].

6 марта 1699 г. был оглашен небезынтересный для нашего исследования царский Указ «О порядке исследования подписей на крепостных актах в случае возникшего о подлинности оных спора или сомнения, о писании крепостей в поместных и вотчинных делах, в поместном приказе, а не на Ивановской площади, и о потребном числе свидетелей для крепостных актов». Данный указ примечателен тем, что является, по сути, первым законодательным актом, вводившим государственную регламентацию судебной экспертизы.

Следующим общеизвестным нормативным актом, принятым Петром I в 1716 г. является Воинский Устав, который непосредственно содержал нормы, позволяющие привлекать специалистов-медиков для констатации тяжести ранения и факта смерти [13].

Первая половина XIX в. для науки уголовного процесса является ключевым моментом, поскольку именно в этот период появляются юридические разграничения понятий сведущего лица, имеет место деление на специалиста и эксперта [20, с. 64-73].

В 1835 г., как уже упоминалось ранее, издается кодифицированный Свод законов Российской Империи.

Данный Свод во второй книге XV тома содержал нормы (ст.ст. 943 и 1083), позволяющие истребовать у специалистов их показания и мнения, когда для познания обстоятельств дела необходимы особые сведения или опытность в науке, искусстве или ремесле.

Устав уголовного судопроизводства, принятый в 1864 г., определил основные виды специалистов:

«врачи, фармацевты, профессора, учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи и лица, продолжительными занятиями по какой-либо службе или части приобретшие особую опытность».

В статье 315 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. указывалось, что «осмотр и освидетельствование производятся или непосредственно судебными следователями, или через сведущих людей» [9, с. 18]. Как отмечает в своем исследовании А.В. Константинов, «деятельность этих лиц по производству медицинских исследований не признавалась самостоятельным видом процессуальной деятельности, являясь как бы составной частью проводимых судебными следователями осмотров и освидетельствований» [7, с. 38].

Л. Исаева, проводя исследование истории зарождения экспертизы в России, пришла к обоснованному выводу о том, что «использование специальных познаний в судопроизводстве России до реформы 1864 г. вообще следует рассматривать как самостоятельную форму – заключение сведущих лиц, которые были прообразом эксперта и специалиста» [19, с. 46].

24 ноября 1917 г. советская власть издает Декрет о суде №1 [16]. Уже в первых же статьях Декрет делал оговорку о возможности руководствоваться законами царских времен, «если они не противоречат совести и правосознанию».

В статье 13 Декрета ВЦИК от 7 марта 1918 г. «О суде» (№ 2) говорится о том, что «при разрешении гражданских дел, требующих специальных познаний, судом, по собственному его усмотрению, могут быть приглашены сведущие лица в состав судебного присутствия с правом совещательного голоса» [6, с. 41].

В 1919 г. Наркомюстом УССР утверждена инструкция для народных следователей, которая давала возможность приглашать специалистов, обладающих специальными познаниями для проведения отдельных следственных действий (подобная формулировка представляла собой альтернативу «сведущим лицам») [5, с. 343-350].

Приведенные нормативные акты, принятые в начале XX столетия, не содержат четкого разграничения института сведущих лиц на экспертов и специалистов.

В 1958 году были приняты Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик [11, с. 438-462], 27 октября 1960 г. Законом РСФСР утвержден УПК РСФСР [2]. Указанные нормативные акты анализировались нами ранее в аспекте правового положения эксперта, следует отметить, что в УПК РСФСР правовому положению специалиста вообще не было уделено внимания.

31 августа 1966 г. Президиум Верховного Совета РСФСР издает Указ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» [17], именно данный Указ наделил специалиста самостоятельным правовым статусом и признал его в качестве отдельного участника уголовно-процессуального судопроизводства. УПК РСФСР

дополнили статьями 66-1 и 133-1, в которых говорилось, что специалист, используя свои специальные познания, должен содействовать следователю в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств.

Федеральным законом от 18.12.2001 N 174-ФЗ принят УПК РФ, в котором учтен опыт предшественников. УПК РФ определенно расширил правовую значимость специалиста. Согласно части 1 статьи 58 УПК РФ специалист привлекается к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Вместе с тем, как справедливо отмечает А. Давлетов, «...в профессиональной деятельности

важна не столько правовая идея, сколько порядок, процедура ее практического применения» [18, с. 47].

Таким образом, мы видим, что становление статусно-правовой конструкции специалиста в России происходило в течение продолжительного времени.

Выделим, что в настоящее время в рамках действующих законов до сих пор остаются пробелы (например, отсутствие законодательной регламентации порядка производства допроса специалиста), которые зачастую ставят в тупиковое положение сотрудников практических подразделений правоохранительных органов, разрешение которых требует более тщательного изучения данного института, разработки методических рекомендаций, а также внесения обдуманных и обоснованных изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации.

Библиографический список

1. *Белкин Р.С.* Криминалистическая энциклопедия. М.: Издательство БЕК, 1997. 342 с.
2. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
3. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1966. № 36. Ст. 1018.
4. *Гришина Е.П.* Сведущие лица в уголовном судопроизводстве: Учебно-методическое пособие. М.: РИО РТА, 2004. 272 с.
5. *Землянский П.Т.* Уголовно-процессуальное законодательство в первые годы советской власти (на материалах УССР) [Текст]. Киев: 1972. 354 с.
6. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры 1917- 1954 гг.: Сборник документов. / Под ред. С. А. Голунского. М.: Госюриздат, 1955. 635 с.
7. *Константинов А.В.* Процессуальные и организационные проблемы участия специалиста в уголовном судопроизводстве на стадии предварительного расследования: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М.: РГБ, 2006. 220 с.
8. *Крылов И.Ф.* Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1965. 256 с.
9. *Махов В.Н.* Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. Монография. М.: Издательство РУДН, 2000. 296 с.
10. *Мирский М.Б.* Медицина России 15-19 в.в.: М.: 1966. 276 с.
11. Основы законодательства СССР и союзных республик [Текст]. М.: 1987. – 462 с.
12. Российское законодательство 10-20 в.в. веков в 9 томах. Под ред. Чистякова О.И. Т. 3. М.: 1985. 512 с.
13. Свод законов Российской Империи [Текст]: СПб., 1835. - 196 с.
14. Словарь иностранных слов. Под общей ред. А.Г. Спиркина. М.: Русский язык, 1986. 508 с.
15. *Сорокотягин И.Н.* Криминалистические проблемы использования специальных познаний в расследовании преступлений: дис.... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. - 325 с.
16. СУ РСФСР [Текст]. 1917. № 4. Ст. 50.
17. Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И.А. Эфрона.: СПб., 1900. 954 с.
18. *Давлетов А.* Специалист в уголовном процессе: новые возможности проблемы. // Российская юстиция. 2003. № 9. С. 47-48.
19. *Исаева Л.* Зарождение экспертизы в российском уголовном судопроизводстве. // Законность. 2004. № 3. С. 46-51.
20. *Смородинова А.Г.* История использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве [Текст] // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы. Ч. 2. Саратов: Изд-во Саратовского юрид. ин-та, 2001. С. 64-73.

References

1. *Belkin R.S.* Criminalistic encyclopedia [Text]. - M: BEK Publishing House, 1997. - 342 p.
2. Gazette of the Supreme Council of RSFSR [Text]. - 1960. - № 40. - Art. 592.
3. Gazette of the Supreme Council of RSFSR [Text]. - 1966. - № 36. - Art. 1018.
4. *Grishin E.P.* Expert persons in criminal legal proceedings [Text]: Teaching aid. - M: RIO of the MOUTH, 2004. - 272 p.
5. *Zemlyansky P.T.* The criminal procedure legislation in the first years of the Soviet power (on materials USSR) [Text]. - Kiev: 1972. - 354 p.

6. The history of the legislation of the USSR and RSFSR on criminal trial and the organization of court and prosecutor's office of 1917 - 1954: The collection of documents [Text] / Under the editorship of S.A. Golunskogo. - M: Gosyurizdat, 1955. - 635 p.
7. *Konstantinov A. V.* Procedural and organizational problems of participation of the expert in criminal legal proceedings at a stage of preliminary investigation [Text]: Dissertation, Candidate of law: 12.00.09. - M: RGB, 2006. - 220 p.
8. *Krylov I. F.* Judicial examination in criminal trial [Text]. - L.: Publishing house of the Leningrad University, 1965. - 256 p.
9. *Machov V. N.* Use of knowledge of expert persons while investigating crimes. Monograph [Text]. - M: RUDN Publishing House, 2000. - 296 p.
10. *Mirsky M. B.* Medicine of Russia in 15-19 centuries [Text]. - M: 1966. - 276 p.
11. The bases of the legislation of the USSR and federal republics [Text]. - M. 1987. - 462 p.
12. The Russian legislation of 10-20 centuries in 9 volumes / Under the editorship of Chistyakov O. I. Vol. 3 [Text]. - M. 1985. - 512 p.
13. Code of laws of the Russian Empire [Text]: - St Petersburg. 1835. - 196 p.
14. The dictionary of foreign words [Text] / Under the general editorship of A.G. Spirina. - M: Russian, 1986. - 508 p.
15. *Sorokotyagin I. N.* Forensic problems of using special knowledge in investigating crimes [Text]: Dissertation, Candidate of law. - Yekaterinburg, 1992. - 325 p.
16. SU of RSFSR [Text]. - 1917. - №. 4. - Art. 50.
17. F. Brockhaus and I.A. Efron's Encyclopedic dictionary [Text]: - St Petersburg, 1900. - 954 p.
18. *Davletov A.* The expert in criminal trial: new possibilities of a problem [Text] // Russian justice. - 2003. - № 9. - Pp. 47-48.
19. *Isayeva L.* The origin of expertise in the Russian criminal legal proceedings [Text] // Legality. - 2004. - № 3. - Pp. 46-51.
20. *Smorodinova A. G.* The history of using special knowledge in criminal legal proceedings [Text] // Actual problems of criminalistics and judicial examination. H. 2.- Saratov: Publishing house Saratov juridical in-that. 2001. - Pp. 64-73..

УДК 340; 343.222

Г.В. НАЗАРЕНКО

доктор юридических наук, профессор кафедры
уголовного права и уголовного процесса Госуниверси-
тета – УНПК
E-mail: Nazarenkogen@gmail.com

UDC 340; 343.222

G.V. NAZARENKO

doctor of Law, professor of departament of Criminal
Law and Criminal Process of Federal State Educational
Institution of Higher Professional Education State
E-mail: Nazarenkogen@gmail.com

ПРАВОМЕРНОЕ И КВАЗИПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ

LEGAL AND QUASI LEGAL BEHAVIOUR AS A RESULT OF THE DEFORMATION LEGAL CONSCIOUSNESS

В данной статье рассматривается правомерное поведение и различные его антиподы, а также сформулированы признаки различных деформаций правового сознания.

Ключевые слова: правовой нигилизм, фетишизм, инфантилизм, субъективизм и правовой релятивизм.

In this article the legal behavior and its various antipodes is considered, and the signs of various deformations of legal consciousness are formulated as well.

Keywords: legal nihilism, fetishism, infantilism, subjectivity and legal relativism.

Феномен правомерного поведения личности в юридической литературе отразился недостаточно и схематично. В теории права правомерное поведение рассматривается как антипод неправомерного поведения, имеющего объективные и субъективные признаки. Однако правомерность как таковая

не вкладывается в привычные схемы. Чтобы разобраться в этом сложном социально-правовом феномене, рассмотрим его через призму таких правовых понятий, как право, правопорядок, правовые отношения и правовое сознание.

Массовое правосознание отождествляет право с

законом и воспринимает его, как смирительную рубашку, надетую на здорового человека. Официальная юриспруденция делает безуспешные попытки поднять престиж действующего законодательства путем обращения к благородным идеалам естественного права. Однако юридический позитивизм по-прежнему остается господствующим направлением коллективного правосознания в науке, правотворчестве и практике.

Активные попытки уйти от нормативистского правопонимания, отождествить право и правопорядок в настоящее время терпят провал, поскольку понимание правопорядка по-прежнему остается узко нормативным. Правопорядок рассматривается как часть общественного порядка, которая складывается под воздействием норм права. При таком подходе правопорядок предстает как законопорядок или реализованная законность.

Подлинный правопорядок тесно связан со свободой личности. В этом смысле правовой порядок представляет собой систему отношений, при которой существует признание личности государством и признание личностью предписаний государства в качестве правовых установлений.

Там, где порядок в обществе держится на узаконенной силе, выдаваемой за право, правовой порядок отсутствует, его место занимает законопорядок – суррогат правопорядка. Законопорядок находит свою опору не в правосознании граждан, а в законопослушании, основу которого составляют негативные санкции закона.

Правовые отношения в законопослушном обществе выступают как законоотношения и воспринимаются как отношения, имеющие юридическую форму, то есть как нечто внешнее, ритуальное, одним словом, узаконенное. Отсюда проистекает стремление соблюсти правовую форму, ритуал, правовые приличия, но при этом выхолостить правовое содержание отношений: субъективные права и правовые обязанности. Правоприменители в таких случаях действуют как законники, не поднявшиеся до высот права, для которых характерен формально-юридический, а не правовой подход к делу.

В юридической литературе правомерное поведение определяется как поведение, соответствующее предписаниям юридических норм. Со всей очевидностью из данной формулировки следует, что в качестве правомерного поведения личности рассматривается законосообразное поведение. Однако между правомерным и законосообразным поведением существует значительная разница.

Правомерное поведение опирается на признание духовной ценности права и правовую интуицию, которая позволяет отличить верное и допустимое от недопустимого и неверного. Законосообразное поведение следует юридическим нормам, но мотивы такого следования лежат в плоскости признания негативных санкций в качестве регуляторов поведения.

Подход к законопослушному и антиобществен-

ному поведению как антиподам породил в теории права умозрительную конструкцию состава правомерного поведения, в структуре которого по аналогии с составом правонарушения выделяют объективную (внешнюю) сторону поведения и субъективную (внутреннюю) сторону. Правомерность объективной стороны определяется *внешним соответствием* поступков индивида правовым предписаниям. Субъективная сторона правомерного поведения определяется *внутренней согласованностью* намерений, целей и мотивов индивида с правовыми предписаниями.

Однако аналогия состава правомерного и неправомерного поведения неуместна: внутреннюю сторону правомерного поведения характеризует развитое правосознание, а не вынужденное согласование желаемого с должным, которое проявляется в корректировке намерений и целей.

Еще более неуместным является соотнесение внутренней стороны правонарушения с внутренней стороной законопослушного поведения. В познавательном плане такой подход совершенно бесплоден, так как не дает реального представления о внутренней стороне законопослушности, а значит, лишает исследователя возможности изучить обозначенное явление и результативно воздействовать на личность правовыми средствами.

Схематизм юридической конструкции состава правонарушения, непригодность логико-структурных построений при исследовании правомерного поведения с наибольшей наглядностью обнаруживается при анализе психологической (интеллектуально-волевой) конструкции реализованного намерения, то есть вины.

Интеллектуальный момент вины традиционно характеризуется как предвидение либо непредвидение последствий противоправного поведения. Волевой элемент характеризуется желанием наступления противоправного результата – при прямом умысле; нежеланием, но допущением последствий – при косвенном умысле; самонадеянным расчетом на предотвращение последствий – при легкомыслии; возможностью и обязанностью предвидеть опасные последствия своего поведения в случае небрежности.

С большой натяжкой можно отнести указанные признаки к волевым проявлениям, ибо воля не может быть сведена к желанию либо нежеланию субъекта, тем более к допущению и легкомысленному расчету. Более того, так называемая преступная небрежность представляет собой формулу объективного вменения «не предвидел, но должен был и мог». Законодатель формулирует схемы виновного поведения в направлении, заданном ему несовершенством гуманитарных наук, но еще в большей степени несовершенством коллективного правосознания.

Что касается правомерного поведения, его критерии не могут быть выработаны без обращения к проблеме индивидуального правосознания. Традиционно правосознание рассматривается как

одна из форм общественного сознания, элементами которого считаются правовая идеология, связанная с действующим правом, и правовая психология, выражающая отношение к позитивному праву. Данная модель в большей степени характеризует нормативное правосознание юридического характера, чем правосознание, поскольку в первую очередь включает в область правосознания правовую идеологию.

Правосознание, как действующий феномен, имеет мало общего с моделью нормативного сознания. Правосознание представляет собой осознанное и духовное правочувствование, которое проявляется в признании ценности права и в стремлении к справедливости.

Деформированное правосознание, напротив, признает только силу закона и видит в правовых предписаниях средство обуздания индивидуальных притязаний, стремится использовать право в целях защиты либо нападения.

Внешне правомерное (законсообразное) поведение может сопровождаться внутренними (ментальными) деформациями и дефектами. Наиболее распространенными дефектами правосознания являются: правовой нигилизм, фетишизм, инфантилизм, субъективизм и релятивизм.

Правовой нигилизм – это дефект правосознания, который в форме отрицания права фиксирует несвободное, неравное и несправедливое в позитивном нраве и тем самым отбрасывает реально существующие достоинства действующего законодательства, упуская из вида, что позитивное право – единственно возможная и целесообразная форма выражения естественного права.

Правовой нигилизм сродни скептицизму и неверию в возможности права, его носители ищут и зачастую находят опору в нормативных установках морали. Внешне правомерное поведение морально настроенных лиц внутренне противоречиво: естественно-правовые установки, которым следует индивид, воспринимаются им как антипод позитивного права, закрепляющего нормы, имеющие моральную ценность.

Правовой или нормативный фетишизм – это вера во всемогущество закона, которая опирается на представление о том, что право есть принудительная сила, способная воздействовать на поведение людей, несмотря на укоренившиеся в обществе правовые отношения и правовые убеждения.

Формами проявления юридического фетишизма является пассивное поведение гражданских и бездействие должностных лиц. В одних случаях фетишизм может быть искренним, в других – фальшивым. Фальшивый фетишизм зачастую маскирует беспомощность, несостоятельность и бездеятельность сотрудников правоприменительных органов, которые ссылаются на несовершенство законодательной базы пытаются оправдать неисполнение служебных обязанностей.

Искренний фетишизм сродни правому идеализ-

му – это слепая вера в торжество закона при полном отказе от борьбы за право. Правовой идеализм в конце концов порождает правовой скептицизм либо его крайнее проявление – правовой нигилизм.

Правовой инфантилизм – это дефект правосознания, который заключается в его недоразвитии и существенном отставании от зрелого правосознания. «Темное», инфантильное правосознание с трудом разбирается в том, где начинается и где кончается право, и вместе с кончиной права возникает произвол. Инфантильное сознание воспринимает правовую действительность как узкую сферу действия уголовного права и наказания.

Правомерное поведение инфантильных в правовом отношении граждан в большинстве случаев имеет инстинктивный характер. Носители инфантильного правосознания не осознают сферу правовых отношений как заданную правом. Такие лица ориентируются на приказ начальства и привычные формы поведения.

Правовой релятивизм – это дефект правосознания, который проявляется в убеждении, что право есть нечто относительное. Релятивистское правопонимание вполне выражает известная русская пословица: «Закон, что дышло – куда повернул, туда и вышло». Правовая действительность показывает, что эта пословица верно фиксирует явления правового релятивизма.

В опытных руках толкование закона нередко превращается в профессиональный кривотолк. Ловкий судья, бессовестный чиновник, изворотливый адвокат фальсифицируют право и выдают за него суррогаты своего толкования. При этом их поведение выглядит внешне правомерным.

Правовой субъективизм – это одностороннее отношение индивида к правовым предписаниям, которое заключается в своекорыстном признании собственных полномочий, а также в отрицании своих обязанностей и чужих прав.

Субъекты с такой деформацией правосознания стремятся использовать свои права, но избегают выполнения обязанностей. Они легко превышают свои полномочия и нарушают чужие права, однако при этом глубоко убеждены в правомерности своих действий.

Приведенные дефекты правосознания являются неизбежными спутниками противоправного поведения, характеризуя его внутреннюю сторону. Внутренняя и внешняя сторона правомерного и неправомерного поведения зачастую настолько неотличимы, что существует множество примеров, когда правомерные и неправомерные деяния меняются местами в силу их неправильной оценки.

В юридической литературе ранее отвергалась значимость внутренней стороны и, в частности, роль мотивов правомерного поведения. В последнее время в связи с перестройкой правовой системы к проблеме типизации правомерного поведения, его внутренней стороне, проявляется вполне закономерный интерес.

В зависимости от доминирующих мотивов правомерное поведение специалисты подразделяют на маргинальное, ведущим мотивом которого является опасение подвергнуться ответственности; конформистское, мотивом которого выступает подчинение; положительное – в силу привычки и социально активное – в силу солидарности с правовыми предписаниями.

Нетрудно заметить, что в указанных мотивах (за исключением последнего) проявляются дефекты правосознания, которые в данной классификации выступают как отличительные признаки социально приемлемого поведения. Правомерное поведение в строгом смысле есть нечто большее, чем соблюдение норм права в силу опасения, подчинения или привычки.

Субъективным критерием правомерного поведения является зрелое правосознание, свободное от дефектов и деформаций. Зрелое правосознание не сводится к верному знанию позитивного права и положительному отношению к правовым предписаниям. Развитое правосознание предполагает наличие нравственного правочувствования, в силу которого запретное предстает для индивида как неосуществимое, обязательное – как неизбежное и только позвольное представляется доступным и достойным осуществления.

Правомерное поведение имеет место в тех случаях, когда личность добровольно признает правовые веления и следует нормам права не только внешне, но и духовно, то есть несвоекорыстно. Сущность правомерного поведения состоит в самоутверждении духовного достоинства личности правовыми средствами. Вместо этого под правомерным поведением юристы зачастую понимают привычку считаться с правовыми предписаниями, а не добровольное самоопределение и самообязывание личности.

От правомерного поведения следует отличать близкие к нему внешне, но отличающиеся по своей внутренней природе виды поведения. К таким видам поведения можно отнести законосообразное, законопослушное, законоправное и законное поведение.

Законопослушное поведение имеет место там, где правосознание видит внешние предписания в категориях «можно», «должно», «нельзя», которые требуют повиновения, и принимает их как необходимый стандарт поведения. Сущность законопослушного поведения заключается в вынужденном признании организованного давления, с которым отождествляется право.

Законосообразное поведение – это поведение, внешне соответствующее нормам права, которое осуществляется без внутреннего одобрения правовых предписаний и держится на страхе перед наказанием либо обусловлено своекорыстными мотивами. Сущность законосообразного поведения заключается в повиновении, но не в одобрении или принятии правовых предписаний как ориентиров духовной жизни.

Законоправное поведение – это поведение, которое соответствует правовым предписаниям, однако правосознание следует им в силу необходимости. К правозаконным действиям в первую очередь можно отнести необходимую оборону, крайнюю необходимость и задержание лица, совершившего преступление. Законоправные действия имеют насильственный характер и причиняют вред посягающему субъекту, лицу, подвергшемуся задержанию, либо третьим лицам. Закон признает указанные действия общественно полезными и тем самым устраняет их противоправность и наказуемость.

Необходимость защитных действий не вызывает сомнений. Однако естественно-правовое и по сути своей нравственное сознание становится перед проблемой признания правомерными саморасправных действий, результатом которых является лишение жизни и причинение тяжких страданий, например, в случае необходимой обороны при посягательстве на жизнь или здоровье личности.

С точки зрения позитивного права к законным действиям следует отнести смертную казнь и убийство врага во время ведения боевых действий. Обычно законное отождествляется с правомерным, но в исторической перспективе лишение жизни другого человека является неправомерным. Зрелое правовое сознание ощущает эту историческую перспективу как нравственную данность, вот почему общественное правосознание с большой долей сомнения воспринимает необходимость смертной казни и оправданность вооруженного решения конфликтов.

Право по своему назначению и сути должно быть орудием правомерности и порядка. Однако духовная слепота и беспомощность делают это орудие средством нападения, а не солидарности. Развить правосознание – значит одухотворить его. Эта духовная задача по-прежнему стоит перед личностью, обществом и государством как достижение, без которого вместо правопорядка существует нормативно подавляемый хаос, а правомерное поведение оценивается по форме, вместо рассмотрения по существу.

УДК Х410.212.1 (2РОС)

UDC Х410.212.1 (2РОС)

Д.Г. НИКУЛИН

соискатель кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД
E-mail: nikulindg@gmail.com

D.G. NIKULIN

researcher of the Department of Criminal Process, Saint Petersburg University of MIA
E-mail: nikulindg@gmail.com

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ
ВО ВНУТРЕННИХ ВОЙСКАХ МВД РОССИИ**

**CRIMINAL AND PROCEDURAL ACTIVITY OF BODIES OF INQUIRY IN INTERNAL
TROOPS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA**

Потребность искоренения преступности в системе МВД России, совершенствования дознания как формы расследования в условиях современной социально-экономической обстановки, необходимости поиска новых путей оптимизации и повышения эффективности досудебного производства обусловили актуальность рассмотрения вопроса уголовно-процессуальной деятельности органов дознания во внутренних войсках МВД России. Деятельность органов дознания во внутренних войсках МВД включает регистрацию сообщения о преступлении, проверку сообщения о преступлении, осуществление дознания по уголовному делу и производство неотложных следственных действий.

Ключевые слова: дознание, внутренние войска МВД России, уголовно-процессуальная деятельность, командир воинской части, дознаватель, преступление.

The need of eradicating crime in the Russian Ministry of Internal Affairs, improving inquiry improvement as an investigation form in the conditions of the modern social and economic situation, the necessity of searching new ways of optimization and increase of efficiency of pre-judicial production made the consideration of the question of criminal and procedural activity of bodies of inquiry in internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia urgent. The activities of bodies of inquiry in internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia comprises the registration of the message about a crime, the verification of the message about a crime, inquiry implementation on criminal case and fulfillment of urgent investigatory actions.

Keywords: inquiry, internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia, criminal and procedural activity, the commander of military unit, the investigator, crime.

Реформы, проводимые в России, связанные с модернизацией силовых ведомств, полиции и иных органов исполнительной власти, где предусмотрена военная служба, в том числе и Министерства внутренних дел России, не может происходить без параллельного реформирования законодательства, поиска путей его усовершенствования. В таких условиях уголовно-процессуальное законодательство должно соответствовать политико-правовой системе общества с целью постоянной защиты прав, интересов граждан и организаций, находящихся на территории Российской Федерации. Многообразие противоправных проявлений, сложность процесса их выявления и пресечения обуславливает повсеместное и непрерывное совершенствование законодательной базы, а также организационные изменения, связанные с расследованием преступлений.

В соответствии с данными, размещенными на сайте главной военной прокуратуры по адресу <http://gvp.gov.ru/news/view/502/>, главным военным прокурором 29.06.2012 года было отмечено, что несмотря на принимаемые меры, число криминальных правонарушений коррупционной направленности не снижает-

ся. Только за пять месяцев текущего года в войсках и воинских формированиях выявлено свыше 800 криминальных деяний коррупционной направленности. Каждое пятое преступление относится к этой категории. При снижении общего количества учтенных преступлений, число выявленных фактов взяточничества в 2012 г. возросло в 1,5 раза, должностных подлогов – в 1,4 раза. По-прежнему распространены мошенничество, злоупотребление служебным положением, превышение должностных полномочий из корыстных побуждений, присвоение и растрата. В 2011-2012 гг. за коррупционные преступления осуждены 129 командиров воинских частей (начальников учреждений) и 10 высших офицеров. Материальный ущерб, причиненный преступными действиями государству, превысил 2,9 млрд. рублей. В наибольшей мере подвержены коррупции сферы распределения и использования средств федерального бюджета, в первую очередь, выделяемых на государственный оборонный заказ.¹ Таким образом, преступность не обошла стороной ни Министерство обороны, ни внутренние войска МВД России. Специфика взаимоотно-

¹ Интернет <http://gvp.gov.ru/news/view/502/>

шений, воинской дисциплины, задач, стоящих перед внутренними войсками МВД России, и особый статус военнослужащих обуславливает конкретные формы работы по предупреждению и искоренению преступлений, определяет некоторые особенности в применении уголовно-процессуального законодательства. В связи с этим возникает необходимость теоретического и практического осмысления и разрешения как правовых, так и организационных вопросов, касающихся производства дознания во внутренних войсках МВД России. Воинская часть внутренних войск МВД России – это государственное учреждение, которое, в силу особой роли, которую играют внутренние войска МВД России в жизни страны, предназначены для выполнения задач и осуществление функций, мало связанных с вопросами проведения дознания и каких-либо следственных действий по преступлениям. В настоящее время внутренние войска Министерства внутренних дел Российской Федерации выполняют ряд задач, направленных на обеспечение безопасности личности, общества и государства, защиты прав и свобод человека и гражданина от преступных и иных противоправных посягательств. Каждую воинскую часть возглавляет командир, который в соответствии со статьей 40 УПК РФ помимо функции руководителя юридического лица выполняет функцию органа дознания. Указанные выше полномочия и обязанности органа дознания в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 40, п. 4 ч. 2 ст. 157 УПК РФ² реализуются в зависимости от того, где совершено преступление и кем. Так, командиры воинских частей, соединений – по уголовным делам о преступлениях, совершенных военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы, а также лицами гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей или в расположении части, соединения, гарнизона. Начальники военных учреждений – по уголовным делам о преступлениях, совершенных военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы, а также лицами гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей или в расположении учреждения. Начальники гарнизонов – по уголовным делам о преступлениях, совершенных военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы, а также лицами гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей, не проходящими службу в частях, соединениях и учреждениях данного гарнизона, но совершивших преступления в расположении гарнизона (ст. 24 Устава гарнизонной и караульной

служб Вооруженных Сил Российской Федерации), то есть на территории воинских частей, военно-учебных заведений и учреждений, расположенных постоянно или временно в определенном населенном пункте или районе с установленными границами.³

В соответствии со статьей 40 УПК России, Инструкцией о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба, утвержденной приказом Главной военной Прокуратуры РФ от 18 января 2008 г. N 20 (далее – инструкция) при реализации уголовно-процессуальных функций командир воинской части, соединения, начальник военного учреждения (далее – командир воинской части) как орган дознания, обладающий полномочиями начальника органа дознания, в пределах предоставленной ему уголовно-процессуальным законодательством компетенции возлагает отдельные процессуальные полномочия органа дознания на подчиненных ему должностных лиц-дознавателей. Указанная инструкция объявлена для руководства и исполнения органами дознания во внутренних войсках МВД России приказом МВД РФ от 25 августа 2008 г. N 750 «Об организации процессуальной деятельности органов дознания во внутренних войсках МВД России». Так, командир воинской части уполномочен давать поручения о приеме, регистрации, проверке сообщений о преступлениях и принятии по ним процессуальных решений, выполнении неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, – в порядке, установленном ст. 157 УПК РФ, осуществлении иных полномочий, предусмотренных УПК РФ. Для этого орган дознания – командир воинской части уполномочивает в соответствии с п. 7 ст. 5 УПК РФ своим письменным приказом (п. 28 Приложения N 9 к Уставу внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации) наиболее подготовленных, как правило, имеющих высшее юридическое образование офицеров осуществлять процессуальные полномочия органа дознания, назначая их дознавателями, которые, являясь должностными лицами органа дознания, обладают процессуальными полномочиями, предусмотренными ч. 3 ст. 41 УПК РФ. Указанное выше в полной мере соответствует определению дознавателя, данному в большом юридическом словаре Малько А.В., а именно: дознаватель – должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания или его заместителем осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ (п. 7 ст. 5 УПК РФ).⁴ Кроме того, по каждому случаю проведения проверки сообщения о преступлении в порядке,

2 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (принят ГД ФС РФ 22.11.2001) (ред. от 07.04.2010) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.

3 Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М, 2011 г.

4 А.В. Малько Большой юридический словарь/ М. «Проспект», 2009 г

установленном ст.ст. 144, 145 УПК РФ, орган дознания – командир воинской части дает письменное поручение дознавателю. В соответствии с ч. 1 ст. 21 УПК РФ командир воинской части (орган дознания или дознаватель) осуществляет уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения, а в соответствии с ч. 4 ст. 20 УПК РФ с согласия военного прокурора он осуществляет уголовное преследование по уголовным делам частного обвинения, если преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния, либо по иным причинам (к которым относится также случай совершения преступления лицом, данные о котором не известны) не может защищать свои права и законные интересы (ч. 4 ст. 20 УПК РФ).

В каждом случае обнаружения признаков преступления орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в его совершении (ч. 2 ст. 21 УПК РФ). Деятельность командиров воинских частей как органов дознания, а также деятельность дознавателей по категории уголовных дел, предусмотренных главой 32 УПК РФ, заключается в выполнении действий, указанных выше за исключением производства неотложных следственных действий после возбуждения уголовного дела. После возбуждения уголовного дела о преступлении, по которому производство предварительного следствия является необязательным, и направления его руководителю военного следственного органа следователем по данному делу производится дознание. После принятия такого дела к производству следователем орган дознания – командир воинской части или дознаватель вправе производить по нему отдельные следственные действия и розыскные мероприятия по поручению следователя. Предварительное расследование в форме дознания в порядке, предусмотренном главой 32 УПК РФ, по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно, органами дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба, не производится, перечень таких преступлений приведен в ч. 3 ст. 150 УПК РФ. В соответствии с п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ дознание по указанным уголовным делам в порядке, установленном главой 32 УПК РФ, производится следователями военных следственных органов. Деятельность командиров воинских частей как органов дознания, а также деятельность дознавателей по указанной категории уголовных дел заключается в выполнении действий, указанных выше за исключением производства неотложных следственных действий после возбуждения уголовного дела, так как после возбуждения уголовного дела о преступлении, по которому производство предварительного следствия является необязательным, и направления его руководителю военного следственного органа, дознание по данному делу про-

изводится следователем.

В процессе служебной деятельности командиру воинской части может стать известно, из докладов должностных лиц, а также из иных источников, о совершенном или готовящемся преступлении. В связи с этим на основании ст. 143 УПК РФ командир части дает указание дознавателю принять указанную информацию и в случае обнаружения признаков преступления составить рапорт об обнаружении признаков преступления на его имя. В таком рапорте должны содержаться подробные сведения о месте, времени совершенного деяния и его обстоятельствах, лице, его совершившем (если оно известно), наступивших последствиях, данные о времени и источнике получения информации. В случае совершения военнослужащим правонарушения, в котором наличие признаков преступления не является очевидным, командир воинской части назначает служебное разбирательство, которое производится в порядке, установленном Дисциплинарным Уставом Вооруженных Сил Российской Федерации. Если в результате выяснится, что проступок военнослужащего содержит признаки преступления, должностное лицо, производившее разбирательство, составляет мотивированный рапорт на имя командира воинской части. После рассмотрения указанного рапорта командир части поручает дознавателю составить на основании материалов административного разбирательства рапорт об обнаружении признаков преступления. Составив указанный рапорт, дознаватель регистрирует его в книге регистрации сообщений о преступлениях, поступивших в войсковую часть (учреждение), которая ведется в каждой воинской части. В указанной книге регистрируются все письменные заявления о преступлениях, протоколы принятия устных заявлений о преступлениях, письменные заявления о явке с повинной, а также протоколы явки с повинной. При регистрации сообщений о преступлениях на документе (письменном заявлении, протоколе принятия устного заявления о преступлении, протоколе явки с повинной, рапорте об обнаружении признаков преступления) производится запись или проставляется штамп регистрации с указанием даты и времени регистрации, порядкового номера регистрационной записи, фамилии, инициалов должностного лица (дознавателя, др.), получившего сообщение (принявшего заявление, составившего протокол). На основании ч. 4 ст. 144 УПК РФ заявителю выдается документ (справка, уведомление) о принятии сообщения о преступлении с указанием данных о лице, его принявшем, а также даты и времени его принятия. Правильность регистрационных записей на документе удостоверяется подписью лица, получившего сообщение о преступлении. Ответственные за хранение указанной книги, ее заполнение, а также регистрацию сообщений о преступлениях назначаются приказом командира воинской части. Ежемесячно командир воинской части проверяет правильность ее ведения, достоверность, своевременность и пол-

ноту вносимых в нее записей, о чем делает в книге отметку. При получении сообщения о преступлении почтой, помимо регистрации в указанной книге, оно подлежит регистрации в порядке, установленном для входящей корреспонденции.

На почтовом сообщении (в день его поступления), на рапорте об обнаружении признаков преступления (в день получения информации) органом дознания – командиром воинской части в соответствии со ст. 144 УПК РФ налагается резолюция о регистрации и порядке проведения проверки, а также указывается дознаватель, которому она поручается.

Дознаватель и орган дознания обязаны принять, зарегистрировать и проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной ч. 4 ст. 21 УПК РФ направляет требования, поручения, запросы; истребует документы и материалы (ч. 2 ст. 144 УПК РФ); получает объяснения, ходатайствует перед командиром части о производстве документальных проверок, ревизий, инвентаризаций, если они могут быть закончены в срок, не превышающий 10-30 суток (ч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ); проводит исследования; осматривает места происшествия. Дознаватель осуществляет проверку сообщения о преступлении в объеме, необходимом для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, обеспечивая неразглашение данных.

По результатам рассмотрения сообщения о преступлении орган дознания – командир воинской части или дознаватель обязан принять одно из следующих решений, предусмотренных статьей 145 УПК РФ, а именно:

1. о возбуждении уголовного дела в порядке, установленном ст. 146 УПК РФ;
2. об отказе в возбуждении уголовного дела;
3. о передаче сообщения по подследственности в соответствии со ст. 151 УПК РФ, а по уголовным

делам частного обвинения (за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УК РФ) при наличии заявления потерпевшего или его законного представителя о возбуждении уголовного дела – в суд в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ.

После принятия одного из вышеуказанных решений командир воинской части сообщает заявителю указанное решение, а также право и порядок его обжалования.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что во внутренних войсках МВД России полномочия начальника органа дознания возлагаются на командиров воинских частей, командиров соединений, начальников военных учреждений, которые в свою очередь уполномочены в пределах своей компетенции назначать и возлагать отдельные процессуальные полномочия на подчиненных им офицеров – дознавателей. Процессуальная деятельность органа дознания преимущественно состоит из регистрации сообщения о преступлении, рассмотрении проверки сообщения о преступлении, осуществление дознания по уголовному делу и производства неотложных следственных действий. В своей деятельности органы дознания руководствуются уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и Инструкцией о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба, утвержденной приказом Главной военной Прокуратуры РФ от 18 января 2008 г. N 20, объявленной для руководства и исполнения органами дознания во внутренних войсках МВД России приказом МВД России от 25 августа 2008 г. N 750 «Об организации процессуальной деятельности органов дознания во внутренних войсках МВД России».

Библиографический список

1. Безлепкина Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М, 2011.
2. Интернет <http://gvp.gov.ru/news/view/502/>
3. Малько А.В. Большой юридический словарь. М., 2009.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. М., 2010.

References

1. Bezlepkin B.T. Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. M, 2011.
2. Internet <http://gvp.gov.ru/news/view/502/>
3. Malko A.V. Big Law Dictionary. M., 2009.
4. Criminal Procedure Code. Moscow, 2010.

УДК 341.1

UDC 341.1

И.Р. СУЛТАНОВ

кандидат политических наук, доцент, руководитель Центра изучения европейского права и европейской интеграции Башкирского государственного университета
E-mail: ilshatsultan@list.ru

I.R. SULTANOV

candidate of Politics, Associate Professor, Head of the Center for European Law and European Integration of Bashkir State University
E-mail: ilshatsultan@list.ru

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА И АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

THE INTERRELATION OF THE INTERNATIONAL AND THE INTERNAL LAW AND THE URGENCY OF THE ISSUE IN THE GLOBALIZATION ERA

Статья посвящена актуальным вопросам международного права. Международные интеграционные организации играют все более существенную роль в развитии международного права. Особенно интенсивно внедрение новых институтов международного права происходит с развитием интеграционных объединений. Исследование рассматривает вопрос перспектив международного сотрудничества в контексте влияния на него интеграционных объединений.

Ключевые слова: международные интеграционные организации, сближение международного и национального права, экономическое межгосударственное сотрудничество, международные интеграционные процессы, европейское право.

The article is devoted to the current issues of the international law. International integration organizations today are playing a more significant role in the development of the international law. The integration of new institutes of the international law is going on more rapidly due to the development of the integration organizations. The research considers the issue of the international cooperation prospects in the context of the influence of the integration associations upon it.

Keywords: international integration organizations, the approximation of the norms of international and domestic law, interstate economic cooperation, international integration processes, European law, International law.

Зарубежные исследователи справедливо отмечают, что «многие аспекты правовой интеграции СНГ в сравнении с ЕС недоразвиты, но ряд других обстоятельств делает интеграцию в СНГ более устойчивой, чем в ЕС» [1, с.154]. Это дорогое признание, подтверждающее, что далеко не только правовые достижения влияют на уровень и успешность реальной интеграции. Как известно, именно экономическая составляющая образует основу международной интеграции. И даже недоразвитое правовое оформление не становится препятствием для всеохватных и устоявшихся экономических связей [2]. В СНГ интеграция строится не от договоров к экономике, а от экономики к праву. Видимо по этой причине, что бросается в глаза, учредительные договоры СНГ и даже ЕВРАЗЭС очень короткие и удовлетворяются всего 20-30-ю лаконичными статьями¹. Тогда как соглаше-

ния западных интеграционных блоков представляются из себя тома. Так, только договор об учреждении Евросообщества содержит 314 статей, а еще десятки протоколов и деклараций к ним. Соглашение о НАФТА – более 2200 статей. Видимо органическое единство (СНГ), сложившееся естественным путем в рамках единого некогда государства, не требует столь высокой юридической конкретности и проработанности, как западные альянсы, идущие от формально-

¹ Имеется в виду только уставные акты, не включая протоколов и деклараций к ним, например: Протокол к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств от 21 декабря 1991 г., Алма-Атинская декларация от 21 декабря 1991 г., Устав Содружества Независимых Государств от 22 января 1993 г., документы, узаконивающие иные институциональные формы сотрудничества, в частности, тот же Договор о создании Экономического Союза от 24 сентября 1993 г., Договор между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях

от 29 марта 1996 г., Договор об образовании Сообщества России и Беларуси от 2 апреля 1996 г., Договор о Союзе Беларуси и России от 2 апреля 1997 г., Устав Союза Беларуси и России от 23 мая 1997 г., программные документы СНГ (Концепция экономического интеграционного развития Содружества Независимых Государств, одобрена Решением Совета глав государств Содружества от 28 марта 1997 г.), Соглашение о гарантиях прав граждан государств - участников Содружества независимых государств в области пенсионного обеспечения, заключенное 13 марта 1992 г., о трудовой миграции и социальной защите трудящихся-мигрантов от 15 апреля 1994 г., о сотрудничестве в области охраны труда от 9 декабря 1994 г., о порядке разработки и соблюдения согласованных норм и требований по охране труда к взаимопоставляемой продукции от 12 апреля 1996 г., о порядке расследования несчастных случаев на производстве, происшедших с работниками при нахождении их вне государства проживания от 9 сентября 1994 г., о взаимном признании прав на возмещение вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей от 9 декабря 1994 г., Хартия социальных прав и гарантий граждан независимых государств от 29 октября 1994 г. и др.

юридического единства к реальной интеграции (ЕС и НАФТА) [3].

Приоритет экономических интересов в деле объединения подтверждает и сам учредительный Договор стран СНГ о создании Экономического Союза, где в статье 26 мы находим, что государствами СНГ делается установка на «признание необходимости достижения единообразного регулирования экономических отношений» [4, с.74-75]. Там же предусмотрены и конкретные меры для членов Союза. К их числу относится «разработка модельных актов, регулирующих хозяйственные взаимоотношения»; и, еще более конкретно – «проведение работы по координации и сближению действующего национального законодательства ...» [4, с.78].

Но, как мы отмечали, и в этом, поистине интеграционном соглашении, не обошлось без оговорок, которыми интеграционный потенциал соглашения оказался существенно снижен. Имеется в виду «осторожная» норма статьи 30-й, которой государствам, не желающим участвовать в интеграционных процессах в полном объеме, разрешалось принять на себя только часть обязательств, причем без объяснения причин. На примерах ЕС, СНГ, ЕВРАЗЭС, НАФТА можно видеть, что диалектика внутрисоюзных отношений проявляется в том, что интеграционные шаги «наднациональных» структур встречают крайне осторожное отношение к себе со стороны государств - членов. Это отношение в ЕС получило название евроскептицизм. Он является реакцией на те или иные элементы глобализации и опасений утраты суверенитета.

Государства, вступая в состав интегрирующихся союзов, с одной стороны, рассматривают интеграционные группировки как средство коллективной защиты от тех элементов глобализации, которые способны нанести ущерб национальным интересам. С другой стороны, сами интеграционные сообщества уже по определению становятся активными проводниками основных идей глобализации. Как справедливо заключает В.М. Шумиловым, «региональная интеграция является проявлением глобальной тенденции. Она активно осуществляется на всех континентах, во всех «центрах экономической силы» – в Европе, Северной и Южной Америке Азии» [5, с.180]. В этом – диалектика интеграционного движения.

Что касается культурной, языковой, «цивилизационной» [5, с.180-181]. близости, то здесь преимущества СНГ очевидны. Видимо, это последствия перехода единого государства к статусу международной организации, а не наоборот, как в ЕС – от разрозненных государств к более близкому конфедеративному союзу. Необходимо отметить, что в СНГ региональная правовая система еще сохранена [6]. В ЕС она лишь создается.

Экономическая взаимозависимость стран-членов также намного более велика, чем в ЕС. Всё это объективно влечет и правовое оформление либо на публичном (межгосударственном) либо, что значительно

чаще, на частноправовом уровне, то есть хозяйственные соглашения между частными компаниями и иными юридическими лицами. В СНГ, как мы уже ссылались на специалистов, «основным компонентом правового пространства являются именно национальные правовые системы и – пока в небольшом количестве – региональные международные договоры, которые в принципе тоже должны действовать как часть национальной правовой системы» [7, с.43].

Добавим, что по степени уже имеющейся близости национальных законодательств страны СНГ намного опережают ЕС в силу исторических причин. Государства бывшего Советского союза, имевшие единое законодательство, и после распада СССР, уже в рамках СНГ развивают свои правовые системы примерно в одном направлении. Проблемы, с которыми сталкиваются новые государства, очень близки и находят в основном идентичные решения. Напомним, что переход на рыночные основы хозяйствования, приоритет частноправовых институтов, демонополизация экономики и т.п. требуют аналогичных методов разрешения. Поэтому государства не только одинаково решают их, но и нередко заимствуют у наиболее продвинутых соседей. Интеграции правовых систем государств СНГ способствуют единые, во многом сохранившиеся правовые традиции и само законодательство, например уголовное или трудовое. Специалисты отмечают, что «значительные отклонения от этих традиций (не имеющих идеологического налета) редки и, как правило, случайны – в силу спорадического влияния, оказываемого западными консультантами [8, с.42], и находят мало сторонников среди профессиональных юристов» [7, с.43]. Для унификации СНГ довольно активно использует издание модельных (рекомендательных) законодательных актов (Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ). Например, упомянем Хартию социальных прав и гарантий граждан независимых государств от 29 октября 1994 г., рекомендательный законодательный акт «Миграция трудовых ресурсов в странах СНГ» от 13 мая 1995 г. и др.

Значительно смелее поступает ЕВРАЗЭС. Его учредительный договор не только заявляет о необходимости сближения национальных законодательств, но и конкретизирует их подведомственность. Вопросы «сближения, унификации национального законодательства Д.С. и приведения его в соответствие с договорами, заключенными в рамках ЕвразЭС, в целях реализации задач Сотрудничества» четко отданы в ведение Межпарламентской Ассамблеи. Она, видимо по опыту СССР, уполномочена разрабатывать «Основы законодательства в базовых сферах правоотношений» (с утверждением Межгоссоветом). И прямо установлено, что «типовые проекты», которые она принимает, становятся «основой для разработки актов национального законодательства».

В отличие от этих трех сообществ учредители НАФТА еще более конкретны в постановке целей и задач своей организации, в числе которых и сбли-

жение, и унификация законодательств государств-членов. Основными целями НАФТА, официально заявленными в соглашении об его образовании, являются: снятие барьеров в торговле и содействие свободному движению между странами товаров и услуг; установление справедливых условий конкуренции в рамках зоны свободной торговли; значительное увеличение возможностей для инвестирования в странах-членах соглашения; обеспечение эффективной защиты прав интеллектуальной собственности в каждой из стран; урегулирование экономических споров; создание перспектив будущего многостороннего регионального сотрудничества. Естественно, что все они требуют унификации национального права в перечисленных выше отраслях сотрудничества. Например, статья 302 (Ликвидация тарифов) обязывает каждое из трех государств унифицировать, т.е. «постепенно ликвидировать свои таможенные пошлины на товары...» [9]. Или норма статьи 309 (импортных и экспортных ограничений), запрещающая за некоторым исключением, «в какой-либо форме ограничения, требований экспортных цен и т.п. [10] Сближение, как специально выделенная задача НАФТА, не фигурирует в тексте договора, но предельно конкретно предписывается в каждой отрасли, где только предполагается тарифно-торговое сотрудничество.

При этом нельзя не заметить, что запрещая государствам-членам дискриминацию внутри, т.е. в отношении взаимных товаропоставок и инвестиций, НАФТА устанавливает протекционистские правила против внешних производителей (в частности, в текстильной промышленности и автомобилестроении).

Международно-правовая практика знает немало способов сближения и унификации национальных законов. Например, «неофициальную кодификацию и унификацию правовых норм в международной экономической системе осуществляет, в частности, Международная торговая палата (создана в 1920 году, находится в Париже). В частности, она разработала единые своды в разных отраслях (унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов, правила по инкассо, Международные правила толкования торговых терминов – ИНКОТЕРМС» [11, с.261]. В некоторых странах (Испания, Ирак, Украина) правила ИНКОТЕРМС введены как обязательные и включаются во внешнеторговые договоры.

Аналогичной деятельностью занимаются и региональные интеграционные организации, деятельность которых требует порой еще более глубокой унификации национальных правовых порядков. Ясно, что успех интеграции был бы невозможен без сближения национальных законодательств и унификации правовых понятий, принципов и норм. Осуществляется она в интеграционных альянсах несколькими способами. Основной – это заключение традиционных межгосударственных соглашений и издание единых актов, требующих приведения к единообразию внутренних правил регулирования. В некоторых со-

обществах (например, в ЕС) такие акты наделяются даже повышенной нормативной силой по сравнению с типичными межгосударственными организациями.

Можно упомянуть, например, регламенты, директивы и «решения» ЕС. Весьма эффективны в деле сближения, гармонизации и унификации национальных норм межгосударственные суды интеграционных объединений. В том же Евросообществе суд не раз указывал на несоответствие внутренней нормы интеграционной. Благодаря тысячам таких заключений и правотолкований за 50 лет были сформулированы важнейшие принципы Евросообщества, в частности верховенства европрава над национальным. Экономический Суд СНГ также вносит свою лепту в унификацию национальных законов, норм и понятий. Например, решение №С-1/14-96 от 11 сентября 1996 года по даче толкования понятий «беженец», «мигрант», «вынужденный переселенец», решение № С-1/2-96 от 26 января 1996 года по толкованию ст. 6 Соглашения о взаимном признании прав на возмещении вреда и т.п.

Возможны и специальные процедуры, весьма эффективные в этом деле. Например, преюдициальная процедура в ЕС, означающая, что каждый национальный суд обязывается перед вынесением своего решения запросить суд Евросообщества о применимости в первоочередном порядке соответствующей интеграционной нормы. Другой пример – так называемое «прямое действие» европейских регламентов и «решений», благодаря которому их унифицирующий результат достигается значительно быстрее, чем у традиционных дипломатических соглашений, требующих довольно длительной имплементации. Следующим способом, полезным для сближения норм национального права, следует причислить нормы и акты мягкого права. Это совместные программы, проекты, «стратегии», совместные хартии. С их помощью формулируются ориентиры, которые, как показывает практика ЕС, в дальнейшем получают свое уже юридическое закрепление. «Развитие международной жизни требует все более активного нормативного регулирования. Разработка соответствующих договоров занимает много времени. Поэтому на помощь приходят резолюции международных конференций, являющиеся актами «мягкого права». Они быстрее формируются, государства соглашаются с ними легче, чем с жесткими обязательствами по договорам» [12, с.27].

Случается, что интеграционные органы берут за основу нового правового стандарта внутреннюю норму какого-то государства-члена. Это заметно облегчает «усвоение» и принятие остальными членами нового акта. У Еврокомиссии, как основного правотворческого органа, вошло в практику правило закладывать в основу интеграционного акта правила и правовые традиции как можно большего количества государств-членов. Это дает больше шансов, что она не окажется чувствительной для государств-членов и самое главное, не будет отвергнута ими на стадии

голосования. А такое в практике случается не так уж редко. Скажем в качестве примера, что имплементационная дисциплина даже в ЕС оставляет желать лучшего.

Исследователь Ю. Кудрявец справедливо отмечает, что «процесс совершенствования методов имплементации норм международных актов во внутреннее законодательство государств в настоящее время еще не завершен» [13, с.63]. В процессе осуществления реализации и дальнейшего развития международной интеграции и сотрудничества появляются новые формы и способы имплементации, что обуславливает необходимость использовать опыт международной унификации, накопленный прежде всего Европейским экономическим сообществом и Союзом Независимых Государств.

Так, прибалтийские государства лишь менее 10-ти лет назад вступили в Евросоюз, но уже довольно массово нарушают единые для всех предписания. Только в отношении Эстонии Еврокомиссия возбудила уже 16 дел о нарушениях [14] в результате того, что она не сумела своевременно принять 32 директивы Европейского союза. В целом же, по состоянию на январь 2007 года Эстонией не было принято 32 директивы. Даже наиболее концептуальные интеграционные директивы не всегда принимаются государствами надлежаще. Директивы об электричестве 1996г. и 2003 г. «Об общих правилах функционирования внутреннего рынка электроэнергии» не имплементированы правительствами вовремя. Та же судьба постигла и известную генеральную директиву о газе 2003г. («Об общих правилах функционирования внутреннего рынка природного газа»). Все они содержат правовые установки и ориентиры, общие для всех государств-членов. Однако далеко не все государства-члены проявили исполнительность и имплементировали ее до 1 июля 2004 года, как было заложено, а сделали это лишь под большим нажимом Брюсселя к 2006 году [15]. Примеры можно продолжить. Они дают основание заключить, что даже в таких передовых и наиболее успешных с точки зрения унификации группировках процессы сближения правовых систем происходят далеко не безоблачно. И здесь наиболее успешным оказывается то региональное сообщество, где налажена система контроля за их исполнением, где он возлагается не только на межгосударственные структуры, но и на сами государства и их внутренние органы, которые для наилучшей организации требовалось бы вплести в общую административную вертикаль. Неплохой пример для такой организации дела демонстрирует

Европейское сообщество, где каждый административный уровень несет свою долю ответственности за имплементацию и реализацию самих целей интеграции. Многоуровневое правительство, как сегодня именуют эту вертикаль, начиная от регионов, затем национальных правительств и заканчивая брюссельскими структурами власти, смягчает противоречия, типичные для отношений государств с органами всего альянса.

Тем не менее, несмотря на эти традиционные противоречия, право Евросообщества за десятилетия своей правотворческой активности «скопировало» целый ряд своих норм и принципов из права ФРГ. Назовем, например, т.н. принцип верности интеграционному союзу, берущий своё происхождение от национального принципа верности федерации. Другое правило также вошло благодаря суду ЕС в число правовых материй ЕС – принцип верховенства интеграционного права над правом государств. Пробразом его также стал немецкий принцип статьи 31 немецкой Федеральной конституции, который гласит, что «федеральное право имеет преимущество перед правом земель» [16, с.31]. Оттуда же и такие известные принципы федерализма в устройстве ЕС, как принципы субсидиарности (вспомогательности) или пропорциональности (достаточности).

Нельзя не остановиться и на другом источнике правовых норм и принципов, берущемся в основу региональных правовых стандартов. Это нормы Генерального соглашения о тарифах и торговле 1947 г. и соглашения ВТО 1995г. К их числу следует отнести, например, национальные нормы о недискриминации товаров и услуг, поступающих из других государств союза. В обязательном порядке унифицируются национальные нормы о конкуренции, правило национального режима для бизнеса из соседних государств, в частности, корпоративного права, неограниченного перемещения и провоза грузов через границы и т.п. Говоря коротко – это нормы, обеспечивающие свободное перемещение товаров, инвестиций, услуг и трудовых ресурсов. Все эти нормы почти без исключения можно найти и в учредительных соглашениях СНГ, ЕВРАЗЭС, договорах всех Евросообществ и, конечно, НАФТА.

Иными словами, творчество в деле изобретения собственных, новаторских инструментов для сближения, гармонизации и унификации национальных норм и принципов ничем не ограничено и в интеграционных союзах успешно реализуется в самых разных формах.

Библиографический список

1. *Katlijn Malfliet* The Commonwealth of independent states: towards supranationalism?// F.J.M.Feldbrugge, ed., Law in Transition.
2. *Калачян К.К.* Экономическая интеграция государств-участников Содружества Независимых Государств на фоне глобализации мировой экономики (международно-правовые проблемы). Автореф.дис....канд.юрид.наук. М, 2003.
3. *Архангельский А.В.* Международно-правовые основы обеспечения коллективной безопасности государств-

участников СНГ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

4. Бюллетень международных договоров 1995. №3. Октябрь.
5. Шумилов В.М. Международное экономическое право// Московский журнал международного права №2 (42), 2001.
6. Давлетгильдеев Р.Ш. Международно-правовое сотрудничество государств-участников Содружества Независимых Государств в области труда и социального обеспечения. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1998.
7. Фисенко В.Н., Фисенко И.В./ Хартия сотрудничества в рамках Содружества независимых государств// Московский журнал международного права, 1993, №3.
8. Weitz R., Lucas M.R.//Цит. по раб. Фисенко В.Н., Фисенко И.В. Хартия сотрудничества в рамках Содружества независимых государств// Московский журнал международного права 1993, №3.
9. Преамбула Договора об учреждении Евразийского экономического сотрудничества // http://www.tamognia.ru/laws/law_657.html
10. Статья 7 Договора об учреждении Евразийского экономического сотрудничества.
11. Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА) (North American Free Trade Agreement, NAFTA) http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/html
12. Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА)> Текст Соглашения (НАФТА)//<http://translate.google.ru/translate>
13. <http://www.international.gc.ca/trade-agreements-accords-commerciaux/agr-acc/nafta-alena/texte/index>.
14. Шумилов В.М. Международное право: учеб. – М.: ТК Велби, 2007.
15. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: учеб. Для студентов юрид. фак. и вузов. Рос. Акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007.
16. Кудрявец Ю. Некоторые проблемы реализации норм международных правовых актов во внутреннем праве государств// Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999, №3.
17. «Еврокомиссия возбудила в отношении Эстонии 16 дел»// Regnum. 29 января 2007// <http://www.regnum.ru/news/773327.html>
18. Annual Report on the implementation of the Gas and Electricity Internal Market, Brussels, 5.1.2005. COM (2004)863 final, p.3.
19. Основной закон Федеративной Республики Германии// Конституции государств Европейского Союза. Под. Ред. Л.А.Окунькова. М.: Издательская группа ИНФРА М – Норма. 1997.

References

1. Katlijn Malfliet, The Commonwealth of independent states: towards supranationalism?// F.J.M.Feldbrugge, ed., Law in Transition.
2. Kalachyan K.K. Economic integration of the participating states of the Commonwealth of Independent States against globalization of the world economy (international legal problems). Abstract of thesis, Candidate of Law. M, 2003.
3. Arkhangelsky A.V. International legal bases of ensuring collective security of the participating states of the CIS: Abstract of thesis, Candidate of Law. M, 2003.
4. Bulletin of international treaties 1995. №3. October.
5. Shumilov V.M. International economic law // Moscow magazine of international law No. 2 (42), 2001.
6. Davletgildeev R.Sh. International legal cooperation of the participating states of the Commonwealth of Independent States in the field of work and social security. Abstract of thesis, Candidate of Law. Kazan, 1998.
7. Fisenko V.N., Fisenko I.V. A Cooperation Charter within the Commonwealth of Independent States // Moscow magazine of international law, 1993, No. 3.
8. Weitz R. Lucas M.R. // Citation for Fisenko V. N., Fisenko I.V. Cooperation charter within the Commonwealth independent государств.// the Moscow magazine of international law 1993, No. 3.
9. Preamble of the Constitutive treaty of the Eurasian economic cooperation//http://www.tamognia.ru/laws/law_657.html
10. Article 7 of the Constitutive treaty of the Eurasian economic cooperation.
11. North American agreement on free trade (NAPHTHA) (North American Free Trade Agreement, NAFTA) http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/html
12. North American agreement on free trade (NAPHTHA)> Text of the Agreement (NAPHTHA)//<http://translate.google.ru/translate>
13. <http://www.international.gc.ca/trade-agreements-accords-commerciaux/agr-acc/nafta-alena/texte/index>.
14. Shumilov V. M. International law: studies. – M.: Shopping Mall Velbi, 2007.
15. Lukashuk I.I. International law. Special part: studies. For students of Law Faculties and Institutions / I.I. Lukashuk; Russian Academy of Sciences, Institute of the state and rights, Academy of Legal University – 3rd, revised and enlarged– M.: Volters Kluver, 2007
16. Kudryavets Yu. Some problems of realization of standards of the international legal acts in the internal law of the

states // Belarusian journal of international law and the international relations. 1999, No. 3.

17. "The European Commission initiated against Estonia 16 proceedings" // Regnum. On January 29 2007//<http://www.regnum.ru/news/773327.html>

18. Annual Report on the implementation of the Gas and Electricity Internal Market, Brussels, 5.1.2005. COM (2004)863 final, p.3.

19. Basic law of the Federal Republic of Germany // Constitutions of the states of the European Union. Under edition of L.A.Okunkov. M: The INFRA publishing group M – Norm. 1997

УДК Х410.115.1 (2РОС)

UDC X410.115.1 (2POC)

В.А. ТЕЛЕГИНА

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и муниципального права Орловского государственного университета
E-mail: tel -va61@mail.ru,

V.A. TELEGINA

candidate of Law, Associate Professor, professor of the Department "Administrative and Municipal Law", Orel State University
E-mail: tel -va61@mail.ru,

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АПЕЛЛЯЦИОННОГО
ПРОИЗВОДСТВА В СИСТЕМЕ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ**

**CURRENT ISSUES OF IMPLEMENTING APPELLATE PROCEEDING IN SYSTEM
OF THE COURTS OF GENERAL JURISDICTION**

В статье рассматриваются проблемы осуществления апелляционного производства в системе судов общей юрисдикции, анализируются различные организационные и процессуальные вопросы. Приводятся мнения ученых и практиков о возможных путях решения этих вопросов.

Ключевые слова: судебная реформа, апелляционная инстанция, апелляционное производство, организационно-правовые вопросы.

This article deals with the problems of appellate proceeding in courts of general jurisdiction; various organizational and procedural questions are analyzed. The opinions of legal theorists and practitioners on possible ways of solving these questions are also presented in this paper

Keywords: judicial reform, appeals instance, appellate proceeding, organizational and legal questions.

Осуществление судебной реформы в России – это сложный процесс, связанный непосредственно с развитием правового государства, основной задачей которого является эффективная и всесторонняя защита прав и свобод человека и гражданина. Поэтому законодательное закрепление апелляционной инстанции в судах общей юрисдикции следует рассматривать как очередной виток развития судебной реформы с учетом не только современных требований государства и общества, но и глобализации мирового пространства, создания качественной отечественной законодательной базы, соответствующей принятым мировым стандартам в этой области.

Согласно изменениям, внесенным в ГПК РФ и УПК РФ с 1 января 2012 г. по гражданским делам [1] и с 1 января 2013 г. по уголовным делам [2] все дела, рассматриваемые ранее в кассационном порядке, будут рассматриваться в апелляционном порядке. Безусловно, на сегодняшний день ни один из последующих этапов проверки судебных решений

не является столь полным и эффективным, как апелляция, поскольку суд вышестоящей инстанции вправе проверять не только правовую, но и фактическую сторону дела и принимать любое решение без направления дела на новое судебное разбирательство [10, с.63]. Такая специфика апелляционного производства полностью соответствует требованиям позиции Европейского Суда по правам человека и содержанию ст.6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которым правосудность судебного приговора должна проверяться независимым, беспристрастным судом, созданным на основе закона, в гласном (публичном) судебном разбирательстве при предоставлении осужденному таких же правомочий для защиты от обвинения, как в суде первой инстанции [3, с. 232]. Таким образом, Россия не только сделала еще один шаг по реализации закрепленных в Конституции РФ положений о приоритете прав и свобод человека и гражданина, но и укрепила свою репутацию в Совете Европы.

Установленный единый порядок обжалования не вступивших в законную силу судебных постановлений может в полной мере обеспечить единство судебной практики по делам, подсудным мировым судьям и федеральным судам общей юрисдикции, а также право на равный суд и справедливое судебное разбирательство.

В целях защиты прав заинтересованных лиц, согласно ст.321 ГПК РФ, увеличился срок подачи жалобы или представления в суд апелляционной инстанции с 10 дней до одного месяца. Это позволило исключить пропуск срока обжалования из-за несвоевременного получения решения суда и должным образом подготовить жалобу. Опасения возможной задержки вступления судебных постановлений в законную силу вряд ли обоснованы, так как суд апелляционной инстанции не может вернуть дело на новое рассмотрение и должен будет принять новое решение. Следовательно, такой порядок поможет уменьшить волокиту при пересмотре дел по второй инстанции.

Таким образом, введение апелляционной инстанции в судах общей юрисдикции позволяет:

1. закрепить общий порядок обжалования судебных постановлений;
2. расширить права граждан и организаций, участвующих в деле на обжалование судебных постановлений в еще одной инстанции;
3. обеспечить установление истины по делу, предоставив лицам, участвующим в деле, возможность повторного рассмотрения дела и предоставления дополнительных доказательств по правилам, действующим в суде первой инстанции;
4. сократить сроки рассмотрения дел, поскольку апелляционный суд не сможет вернуть его на новое рассмотрение и должен будет принять новое судебное постановление;
5. приблизить российское законодательство к стандартам международно-правовых норм и принципов в области прав человека.

Между тем, правоприменителям уже сейчас понятно, что при полном переходе на апелляционное рассмотрение жалоб на не вступившие в законную силу судебные решения суды общей юрисдикции ожидают определенные сложности организационно-правового характера. Не имея возможности подробно рассматривать все возникающие проблемы, остановимся лишь на основных из них.

Итак, пересмотр в апелляционном порядке не вступивших в законную силу решений районных судов, принятых ими в качестве суда первой инстанции, возложено на судебные коллегии верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области и судов автономных округов. Соответственно решения этих судов в порядке апелляции будут пересматриваться коллегиями Верховного Суда РФ. Решения самого Верховного Суда РФ, вынесенные по первой инстанции, будут пересматриваться апел-

ляционной коллегией Верховного Суда РФ. Кроме того, промежуточные решения будут в порядке апелляции рассматриваться теми судами, которыми они были вынесены. Таким образом, в Верховном Суде РФ и верховных судах субъектов РФ произошло соединение нескольких видов судебных инстанций по отношению к решениям, вынесенным этими судами. По мнению теоретиков права, в данном случае теряется смысл и назначение инстанционности, поскольку один и тот же суд не должен рассматривать дела по существу и осуществлять проверку судебных постановлений. Такие решения могут быть пересмотрены только вышестоящим судом [5, с.9], [4, с.72]. Предполагается, что вышестоящие инстанции должны быть в вышестоящих судах, по примеру арбитражных судов. Практика их работы уже доказала необходимость учреждения отдельных апелляционных судов. В связи с этим следовало бы прислушаться к мнению ученых о необходимости создания нового звена в системе судов общей юрисдикции – федеральных окружных судов [6, с.54]. Такие суды могли бы стать непосредственно вышестоящими судебными инстанциями по отношению к верховным судам субъектов РФ на территории соответствующего федерального округа. Интересным представляется и предложение о создании отдельных межрайонных апелляционных судов, действующих на территории нескольких административно - территориальных образований. Это могло бы позволить построить более четкую, иерархичную систему судов различных инстанций, что будет более понятно для граждан.

Эффективность работы судебной системы во многом зависит от профессиональной подготовки судей. Именно поэтому к судьям судов различного уровня предъявляются соответствующие специальные требования. Согласно общемировой практике, законность и обоснованность решений первой инстанции должен проверять вышестоящий суд, который состоит из более подготовленных и опытных судей. Следовательно, нельзя игнорировать то, что сегодня к мировым судьям и судьям районных судов предъявляют одинаковые квалификационные требования, уровень профессионализма у них, как правило, примерно одинаковый. К судьям отдельных апелляционных судов квалификационные требования можно повысить и таким образом решить эту проблему.

Все более очевидным становится вопрос о недостаточном увеличении количества штатных единиц судей. Если в судах областного уровня предусмотрено увеличение штата на 900 человек, то в Верховном Суде увеличение штата не предусматривается. Между тем, только Верховным Судом РФ в 2010 году в кассационном порядке было рассмотрено 4657 уголовных и 1507 гражданских дел, но процедура кассационного рассмотрения гораздо проще и менее длительна, чем апелляционный порядок.

Кроме того, в настоящее время ни верховные суды субъекта РФ, ни Верховный Суд РФ не обла-

дают помещениями для размещения новых залов судебных заседаний. Решение такой проблемы не может быть быстрым, так как требует значительного финансирования. Однако при принятии решения о введении апелляционной инстанции эти вопросы не рассматривались. Лихорадочные попытки решить вышеназванные проблемы в течение года – двух неизбежно приведут либо к ухудшению качества рассмотрения, либо к отступлению от правил процедуры и непомерной нагрузке на судей, что с точки зрения значимости места правосудия в правовом государстве недопустимо.

Не был единообразно решен вопрос о единоличном и коллегиальном рассмотрении дел в апелляционном порядке. Так, в районном суде они будут рассматриваться единолично, а в вышестоящих судах – коллегиально. Хотя большинство ученых считает возможным только коллегиальное рассмотрение дел в суде второй инстанции, рассматривая это как определенный уровень гарантий правосудия [9, с.406].

Если законодатель сознательно оставил такое положение, то нужно отметить, что сочетание единоличного и коллегиального начала в рассмотрении дел судом апелляционной инстанции с приоритетом последнего существует в мировой практике (например, в Германии). При этом рассмотрение апелляционной жалобы судьей единолично допускается в случаях, если дело не отличается особыми сложностями фактического и правового характера и не имеет принципиального значения. Представляется, что возможность такого сочетания можно было бы предусмотреть в условиях рассмотрения дел апелляционной инстанцией верховным судом субъекта РФ, так как нерационально пересматривать коллегиально целый ряд несложных дел, подсудных районным судам.

Среди целей судебной реформы названы совершенствование процессуальных механизмов осуществления правосудия, включая введение новых рациональных процедур, и обеспечение доступа к правосудию на всех стадиях его осуществления. Следует сказать и о приближении правосудия к месту совершения преступления, месту проживания потерпевших, свидетелей и иных участников процесса, с тем, чтобы дело в суде было рассмотрено в разумные сроки, а заинтересованные лица имели реальную возможность принять участие в судебном заседании. С этой точки зрения пока не ясно, каким образом будет обеспечиваться устность и состязательность процесса из-за отдаленности апелляционных судов от места нахождения участников процесса. Очевидно, что большую сложность будет представлять собой возможность обеспечения их явки в суд. Особенно это затрагивает уголовное судопроизводство. Уголовные дела, рассматриваемые верховными судами субъекта РФ по первой инстанции, отличается значительная сложность и объем, привлечение широкого круга свидетелей, экспертов, на их рассмотрение уходят порой месяцы. Каким образом все это будет исследо-

ваться заново в апелляционном порядке в Верховном Суде РФ? Ведь никакое заочное или дистанционное участие, либо представление только письменных доказательств не сумеют восполнить полноценное судебное разбирательство, тем более, когда речь идет о правах и свободах граждан. Упование на возможность участия граждан в процессе в режиме видеоконференцсвязи нельзя рассматривать как решение данной проблемы. Такая связь пока существует только между Верховным Судом РФ и областными судами. Но ведь значительная часть граждан проживает в городах районного значения и сельских районах. Подобные сложности могут возникнуть и при рассмотрении дел в апелляционном порядке верховными судами субъекта РФ. При решении этого вопроса необходимо было учитывать территориальные, транспортные, экономические условия, которые могут существенно влиять на доступность граждан к правосудию в порядке апелляции.

Предвидя резкое увеличение длительности рассмотрения дел в апелляционном порядке в Верховном Суде РФ и суде областного уровня, в качестве оптимизации судопроизводства практиками предлагается сужение подсудности [8, с.8]. Так, считают, что отнести к подсудности районных судов возможно дела об убийствах и убийствах при отягчающих обстоятельствах. Однако, для этой категории дел предусмотрена возможность рассмотрения их судом присяжных. Между тем, возможность воспользоваться конституционным правом по рассмотрению его дела судом с участием присяжных заседателей предусмотрена только в верховных судах субъекта и Верховном Суде РФ. Предложений по разрешению этой проблемы пока нет. Но это вопрос не только организационного и процессуального характера. Он ставит под угрозу осуществление одной из форм участия граждан в осуществлении правосудия, которая заслуженно считается одним из достижений судебной реформы.

Новая практика апелляционного рассмотрения гражданских дел выявила проблему, связанную с установленными правилами о недопустимости возвращения дела на новое рассмотрение судом первой инстанции в случае отмены судебного решения. Основания к отмене, закрепленные в ст.330 ГПК РФ, законодателем изменены не были. Это случаи существенных процессуальных нарушений, часть из которых невозможно устранить в суде второй инстанции. Сейчас в качестве возможного решения данного вопроса предусмотрена процедура перехода суда апелляционной инстанции по правилам суда первой инстанции. Фактически заседание апелляционного суда в этом случае делится на две части : 1 – выявление оснований отмены решения суда первой инстанции ; 2 – рассмотрение дела по правилам первой инстанции. Очевидно, что это нарушает правила подсудности, так как вышестоящий суд рассматривает по существу дела, отнесенные к компетенции нижестоящих судов. Кроме того, в результате рассмотрения дела по правилам первой инстанции выносятся

решение суда второй инстанции и оно сразу вступает в законную силу. Соответственно лица, участвующие в деле, лишены возможности пересмотра судебного решения до вступления его в силу, что существенно ущемляет их права. Как справедливо отмечает Б.И. Пospelов, в настоящее время почти во всех зарубежных процессуальных системах предусмотрена возможность в случае отмены решения направления дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции [7, с.5-17]. Вопрос этот имеет существенное значение и требует законодательного решения.

Вызывает определенные сложности процедура подготовки дела к рассмотрению в суде апелляционной инстанции. Так, возбуждается апелляционное производство судом первой инстанции. Он принимает жалобы, представления, проверяет их приемлемость и направляет в суд второй инстанции. Суд второй инстанции направляет их на своевременное рассмотрение, извещает участвующих в деле лиц, может пригласить специалистов и экспертов. На практике уже выявляются случаи, когда судом первой инстанции принимаются неприемлемые жалобы, направляются дела, не подготовленные к рассмотрению. Однако, у апелляционной инстанции нет полномочий по их возвращению, а недостатки приходится исправлять в ходе уже судебного заседания. Заслуживает внимания и разработки предложение практических работников законодательно предусмотреть для судов

возможность проведения предварительного судебного заседания [11, с.37,38], что могло бы устранить существующие недостатки этой стадии.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что выявить все достоинства и недостатки уже предпринятых шагов теперь возможно лишь путем апробации их на практике, а сегодняшние во многом компромиссные решения нуждаются в дальнейшем осмыслении и научной разработке.

Современное правосудие в России отличается постоянный поиск оптимальной модели организации судебной деятельности, которая требует наличия научно обоснованных, экономически обеспеченных, качественно выверенных отечественной и зарубежной практикой законопроектов. К сожалению, следует признать, что поспешность принятия важных решений часто обусловлена больше политическими решениями, что приводит к значительным сложностям практического применения, необходимости неоднократного редактирования законодательства. Вместе с тем, учреждение процедуры апелляционного рассмотрения не вступивших в законную силу судебных постановлений в системе судов общей юрисдикции может стать одним из ключевых элементов судебной реформы на современном этапе. Однако для этого необходима более качественная законодательная база, способная обеспечить реализацию всех организационно-правовых вопросов.

Библиографический список

1. ФЗ «О внесении изменений в ГПК РФ» от 9.12.2010. № 353 - ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 661.
2. ФЗ «О внесении изменений в ст.110 УПК РФ» от 29.12.2010. № 434 - ФЗ // СЗ РФ. 2011. №1. Ст. 45.
3. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практика ее применения. Под ред. В.А.Туманова, М.: Норма, 2002.
4. Александров С.В., Бурдина Е.В. Оптимизация системы районных судов в Российской Федерации : теоретические и практические аспекты. // Российское правосудие. 2009. №8.
5. Зорькин В.Д. Выступление Председателя Конституционного Суда РФ. // Российский судья. 2009. №1. С.7-10.
6. Петухов Н.А., Мамыкин А.С. Учреждение апелляционного производства в системе судов общей юрисдикции: теоретические и практические вопросы. // Российское правосудие. 2010. №10 (54).
7. Пospelов Б.И. Проблемы правового регулирования полномочий суда апелляционной инстанции в гражданском процессе [Текст] // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. №3. С 5-17.
8. Современная апелляция постепенно возвращалась внутри существующих форм судопроизводства. Интервью с А.С. Червоткиным. // Судья. 2012. №10. с.4-9.
9. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. И.Л.Петрухина, М.: Проспект, 2001.
10. Чевоткин А.С. Апелляция и кассация. Пособие для судей. М.: Проспект, 2010.
11. Шакирьянов Р.В. Актуальные проблемы апелляционного производства: проверка обоснованности решений судов общей юрисдикции // Судья.2012. №4. С.36-41.

References

1. Federal Law "On Amendments to the Code of Civil Procedure of the Russian Federation" dated 12.09.2010. № 353 - FL // CL RF. 2010. Number 50. Art. 661.
2. Federal Law "On Amendments to Article 110 of the Code of Criminal Procedure" of 29.12.2010. № 434 - FL // CL. 2011. Number 1. Art. 45.
3. Commentary to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and its implementation / Ed. V.A.Tumanov, M.: Norm, 2002.
4. Alexandrov S., Burdin E. Optimization of the system of district courts in the Russian Federation: the theoretical and practical aspects // Russian justice. 2009. № 8.
5. Zorkin V.D. The Address of the President of the Constitutional Court // Russian judge. 2009. №1. Pp.7-10.
6. Petukhov N.A., Mamykin A.S. The establishment of appeal in the system of courts of general jurisdiction: theoretical

and practical issues // Russian justice. 2010. № 10 (54).

7. Pospelov B.I. Legal Issues of power of the court of appeal in civil proceedings // Arbitration and civil procedure. 2012. №3. Pp. 5-17.

8. Modern appeal gradually nurtured within existing forms of proceeding. Interview with A.S. Chervotkin // Sudya. 2012. №10. Pp.4-9.

9. Criminal procedure: Textbook / ed. I.L. Petruhin, M.: Prospect, 2001.

10. Chevotkin A.S. Appeal and cassation. Manual for judges. Moscow: Prospect, 2010.

11. Shakiryanov R.V. Urgent problems of appeal: checking the validity of the decisions of courts of general jurisdiction // Sudya. 2012. №4. Pp.36-41.

УДК 342.25

UDC 342.25

Е.Ю. ТИХАЛЕВА

ассистент кафедры административного и муниципального права Орловского государственного университета
E-mail: Columbijka@mail.ru

E.JU. TIKHALEVA

assistant of the Department of Administrative and Municipal Law, Orel State University
E-mail: Columbijka@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ СТРУКТУР МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ORGANIZATIONAL IMPROVEMENT OF THE MUNICIPAL UNIT

В статье рассматриваются вопросы повышения эффективности деятельности органов местного самоуправления. Анализируются различные подходы к построению структуры местной администрации. Даются рекомендации по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: муниципальное образование, орган местного самоуправления, местная администрация, структура местной администрации, функциональный подход, программно-целевой подход.

The article deals with the questions of enhancing the effectiveness of the bodies of local self-government. The author analyzes different approaches to constructing the structure of local authorities. The recommendations are given with the purpose of improvement of the current legislation.

Keywords: municipal unit, body of local self-government, local authorities, structure of local authorities, functional approach, target-oriented approach.

В настоящее время на уровне местного самоуправления во взаимоотношениях органов местного самоуправления и органов государственной власти существует определенный управленческий и организационный дисбаланс. В этих условиях возникает необходимость совершенствования организационных структур, рационализации разграничения полномочий между главами муниципальных образований, представительными органами, местными администрациями и иными органами местного самоуправления, обеспечения единства их действий.

Это, прежде всего, относится к функционированию местной администрации. В современных условиях выделяют два основных подхода к построению структур местных администраций:

– функциональный (территориально-функциональный, линейно-функциональный);

– программно-целевой.

Следует подчеркнуть, что функциональный под-

ход применяется при разработке структуры, обеспечивающей текущее управление муниципальным образованием. При этом подходе выявляются функции, исполняемые местной администрацией, и ее структура формируется таким образом, чтобы выполнение каждой из функций обеспечивалось соответствующей структурной единицей. Это не означает, что для выполнения единичной функции необходим отдельный орган. После выявления всего набора функций осуществляется их группировка по какому-либо принципу, например, по отраслевому (благоустройство, жилищное хозяйство, образование, здравоохранение), по принципу принадлежности к одной сфере (социальная, экономическая, социально-политическая), по территориальному принципу (оперативное руководство деятельностью внутримunicipальных территориальных единиц), и уже после этого окончательно выстраивается необходимая структура. Ряд струк-

турных единиц формируется для осуществления вспомогательных функций, то есть тех, без которых невозможно решение основных задач, стоящих перед органами местного самоуправления (имеются в виду функции финансового планирования, исполнения и контроля за исполнением местного бюджета, управления кадрами, ведения архивов). Как правило, применяется одновременно несколько принципов для группировки функций, а степень «укрупнения» структурных единиц определяется составом и количеством управляемых объектов. Так, в крупных муниципальных образованиях формируются органы управления в сферах здравоохранения, образования, культуры, а в небольших – создаются общие органы управления социальной сферой. В данной ситуации важно, чтобы все функции были учтены, не пересекались, а функции планирования и исполнения, а также исполнения и контроля не совмещались в одной структурной единице.

Отметим негативные аспекты действующих линейно-функциональных структур.

1. Укоренившийся подход к муниципальному образованию и, соответственно, к управлению им как к производственной или социально-производственной системе.

В данном случае основной акцент делается на улучшение показателей работы самих структурных подразделений местных администраций, а не на степень и качество удовлетворения потребностей населения в той или иной муниципальной услуге. Иными словами, критерием эффективности структурной единицы являются ее собственные показатели, а не конечный результат деятельности.

2. Нацеленность на решение текущих задач, связанных с жизнеобеспечением муниципального образования, и отсутствие стратегического подхода к управлению.

Многообразие частных целей муниципально-го управления неизбежно порождает противоречия между ними, обусловленные, прежде всего, ограниченностью материальных и финансовых ресурсов. Каждое структурное подразделение, как уже отмечалось, нацелено, в первую очередь, на удовлетворение собственных нужд и добивается получения максимума ресурсов для этого, что может приводить к неэффективной работе всей системы управления.

3. Расплывчатость системы функциональных связей между отдельными структурными подразделениями, отсутствие четких организационных процедур, с помощью которых подразделения взаимодействуют между собой. В результате этого основной объем работы может приходиться на главу местной администрации, которому нужно будет решать множество координационных вопросов.

Из сказанного следует, что администрация муниципального образования и территориальные органы местного самоуправления нередко решают одни и те же задачи, выполняют одинаковые функции, однако в деятельности органов местного самоуправления

не должно быть дублирования. Поэтому формирование территориальных органов в структуре органов местного самоуправления представляется не всегда целесообразным. Подобные органы необходимо создавать именно в структуре местной администрации и наделять их правами юридического лица. Это позволит повысить управляемость при решении вопросов местного значения, так как в данном случае глава администрации получает право непосредственного руководства территориальными органами.

Так, в г. Режевске Свердловской области территориальные органы местного самоуправления наделены теми же полномочиями, что и администрация городского округа, только на подведомственной им территории [13]. Здесь у них явно просматриваются признаки территориального органа администрации муниципального образования, а не органа местного самоуправления.

Еще одним из недостатков структур местных администраций является наличие большого количества вспомогательных подразделений, выполняющих, как правило, функции координации, представительства, то есть чрезмерное дробление структур. Так, А.Н. Широков и С.Н. Юркова отмечают повсеместное завышение статуса структурных подразделений, входящих в состав администраций [8, с. 38]. Тем самым искусственно увеличивается штатная численность администрации, сопровождающаяся недостаточной нагрузкой работой, что в свою очередь: влечет перерасход средств; увеличивает число инстанций при принятии решений; приводит к «размыванию» ответственности руководителей различных уровней за принятые ими решения; в целом усложняет управленческую деятельность.

4. Неопределенность процедур осуществления властных и хозяйственных полномочий органов местного самоуправления (смешение управленческих функций и непосредственной хозяйственной деятельности).

Многие структурные подразделения местных администраций, являясь юридическими лицами, оказывают различные платные услуги, обеспечивая свое функционирование, то есть, по сути, занимаются коммерческой деятельностью. Этот бизнес является безрисковым, поскольку ведется на базе муниципальной собственности, за эффективным использованием которой надзор не всегда осуществляется на должном уровне. По этой причине некоторые структурные подразделения администрации из властных звеньев стали превращаться по типу деятельности в финансово-промышленные группы, что приводит к эрозии властной природы местного самоуправления, формированию малоэффективной системы хозяйствования и росту коррупции в муниципальном звене управления. Собственно, в Федеральном законе № 131-ФЗ отсутствует само понятие органа власти как такового, что приводит к присвоению полномочий органа власти отдельными структурными подразделениями органов местного самоуправления [7, с. 25].

На сегодняшний день, линейно-функциональная структура является самой распространенной системой управления и наиболее часто используется для организации управления средними и крупными муниципальными образованиями.

В свою очередь, программно-целевой подход менее распространен и применяется при формировании структуры, обеспечивающей реализацию программ, в частности, программ развития муниципальных образований, как комплексных, так и целевых. Отличие этого подхода от предыдущего состоит в том, что в основу построения структуры положены не функции, а цели, задачи, их ранжирование по приоритетам, способы достижения, формы и механизмы реализации, определенные программами развития, а также учитывается динамика изменений в процессе реализации программ.

Выделим принципы, которые применяются при построении организационных структур муниципальных образований [3, с. 131].

1. Целевая ориентация муниципального образования, то есть направленность на достижение целей. При этом цели должны характеризоваться результатами, которые предполагается получить.

Это обеспечивается с помощью:

- установления прав и необходимой полноты ответственности каждого управленческого звена за достижение поставленных перед ним задач;
- сбалансированности задач звеньев одного уровня управления по отношению к задачам вышестоящего уровня;
- рационального разделения и кооперации труда между звеньями и уровнями управления и их взаимодействия.

2. Перспективность.

Работа органов местного самоуправления ведется, как правило, на плановой основе (на основе текущих (на квартал) и перспективных планов и программ (на год и более)). При этом планирование рассматривается как постановка целей, определяющих перспективы развития и будущее состояние муниципального образования, а также выбор способов достижения намеченных целей. Прогнозирование, в свою очередь, обеспечивает возможность оценки будущего вероятного состояния муниципального образования, характера действий управленцев в изменяющихся условиях.

Система планирования работы органов местного самоуправления позволяет согласовывать во времени все стороны деятельности руководства данных органов и их структурных подразделений и, следовательно, организовывать работу органов местного самоуправления наиболее эффективно.

Однако анализ организационных структур органов местного самоуправления свидетельствует, что в настоящее время данной функции придается малое значение.

На наш взгляд, целесообразным является создание в структуре местных администраций Сектора

стратегического развития муниципальным образованием, который занимался бы на основе изучения потребностей населения, и, используя методы программно-целевого планирования, комплексным планированием социально-экономического развития территории муниципального образования, а также координацией деятельности органов местного самоуправления по разработке и реализации планов стратегического развития муниципального образования, консолидацией интеллектуального потенциала.

3. Горизонтальное разделение функций, способность к развитию (адаптивность).

При планировании структуры управления крайне важно определить, какой тип структурных подразделений должен выполнять ту или иную функцию, поскольку от этого зависит как проведение кадровых расстановок, так и дееспособность самого структурного подразделения.

На практике данный принцип реализуется посредством периодической корректировки организационных структур органов местного самоуправления, а также посредством создания временных целевых подразделений (штабов, комиссий, комитетов).

4. Комплексность.

Принцип комплексности требует при анализе структуры исходить, прежде всего, из целостности той или иной функции. Особенно это важно, когда исполнение функции «разведено» по разным структурам или для исполнения конкретной функции необходимо задействовать несколько структурных подразделений органа. Желательно, чтобы вопросы, отнесенные к ведению того или иного структурного подразделения органов местного самоуправления, носили максимально заверченный характер, что особенно важно для отраслевых структурных подразделений местной администрации.

Этот принцип также требует комплексности при подходе не только к исполнению определенной функции, но и к органам местного самоуправления.

5. Индивидуализация.

Формирование организационной структуры должно основываться на учете индивидуальных особенностей конкретного муниципального образования. В связи с этим всякого рода типовые организационные структуры могут использоваться лишь как рекомендательные и ориентировочные. Как показывает практика, отказ от унифицированных моделей, опора на анализ и учет местных особенностей дают положительные результаты.

6. Экономичность.

Организационная структура должна обеспечивать эффективное и рациональное осуществление процесса муниципального управления, возможность получать необходимые результаты самым экономичным путем.

Экономичность может достигаться с помощью различных мероприятий, в том числе за счет введения должностей (системного администратора, специалиста по информационным технологиям и т. п.), в

функции которых входит анализ действующей организационной структуры, функционального и иерархического разделения полномочий, рациональной расстановки кадров в соответствии с их квалификацией, механизации и автоматизации процессов управления с целью их совершенствования.

Принципы построения организационных структур могут уточняться, а формы и методы использования этих принципов могут трансформироваться в связи с меняющимися внешними условиями, целями и задачами. Однако основные принципы должны соблюдаться, поскольку они выражают общие требования к организации муниципального управления [4, с. 508].

В целом реорганизация организационных структур муниципального образования должна осуществляться одновременно по нескольким параллельным линиям: разработка модели и организационного проекта реорганизации; разработка нормативной правовой базы деятельности органа местного самоуправления; разработка пакета нормативных предписаний для различных областей муниципального деятельности; разработка положений об основных организационно-административных блоках; описание организационных процедур и функциональных связей всего пространства взаимодействия различных структур управления, основных рабочих мест и подготовка соответствующих должностных инструкций [См.: 4, с. 521].

Исходя из вышеизложенного, определим основные направления совершенствования организационных структур местных администраций.

1. Создание в структуре администрации крупных организационно-административных блоков (управлений), руководители которых несли бы полную ответственность за реализацию муниципальной политики в соответствующих сферах, за достижение ее конечных целей. Такими блоками могут быть блок экономики и финансов, блок городского хозяйства, блок социальной политики и т.п. Это способствует существенному снижению нагрузки на главу местной администрации по решению текущих вопросов, позволяет ему посвящать основную часть своего времени и сил задачам стратегического управления.

2. Исключение копирования структуры исполнительных органов государственной власти РФ или субъектов РФ.

Поскольку органы и вспомогательные структурные подразделения местной администрации имеют самые различные наименования (отделы, управления, департаменты, комитеты и т.д.) и, учитывая, что понятия «департамент» и «служба» по своему определению применимы только к органам государственной власти, то в структуре местной администрации наиболее приемлемым является использование следующей иерархии: управление (комитет) – отдел – сектор.

3. Число заместителей главы администрации должно соотноситься с числом курируемых направ-

лений, то есть структурные подразделения администрации не должны передаваться в ведение нескольких заместителей одновременно. В противном случае сложно установить лицо, ответственное за принятие и реализацию тех или иных решений. Руководство со стороны заместителей главы местной администрации будет оптимальным, если им будут подконтрольны однородные, взаимосвязанные сферы полномочий.

4. Структура местной администрации напрямую связана с ее штатной численностью, что находит свое отражение в штатном расписании, которое содержит перечень структурных подразделений, наименование должностей, сведения о количестве штатных единиц. Штатное расписание местной администрации утверждается ее главой, а органов на правах юридического лица – их руководителями. При получении муниципальным образованием финансовой помощи из бюджета субъекта РФ свыше 50 % от объема собственного бюджета, численность работников в местной администрации такого муниципалитета не должна превышать установленные субъектом РФ нормы [9].

Мы разделяем мнение В.И. Васильева о том, что одной из крупных организационных проблем исполнительно-распорядительной деятельности, является оптимизация штатов структурных подразделений местной администрации [1, с. 379]. Согласно Европейской Хартии местного самоуправления муниципальные органы должны иметь возможность, не нарушая общих законодательных положений, самим определять свои внутренние структуры, с тем, чтобы они отвечали местным потребностям и обеспечивали эффективное управление. Как отмечает В.И. Васильев, нужны объективные ориентиры в поисках таких структур.

Опыт показывает, что в вопросах организации подведомственных им служб главы муниципальных образований, главы местных администраций руководствуются в основном субъективными факторами: собственным опытом, аналогиями, наработками предшественников. В результате применения подобной методологии во многих регионах страны примерно равные по своим природно-географическим и социально-экономическим условиям муниципальные образования имеют значительные отличия по структуре и штатной численности органов местного самоуправления. Все это выдвигает на первый план необходимость разработки научно обоснованных, опирающихся на нормативный подход методик определения штатной численности, формирования организационных структур и штатных расписаний органов местного самоуправления [2, с. 132].

В Федеральном законе № 131-ФЗ властные полномочия органов местного самоуправления определены достаточно четко, чтобы вплотную подойти к решению давно назревшей проблемы нормирования численности муниципального персонала. В данной ситуации муниципалитетам должны оказывать по-

мощь методические рекомендации – как федеральные, так и региональные. В некоторых субъектах Федерации такая работа уже началась и дает первые результаты [См.: 10, 11, 12].

Так, в Ростовской области методика базируется на использовании различных оценочных критериев. Например, численность аппарата местных администраций увязывается с численностью населения муниципальных образований. Штатная численность муниципальных финансовых органов – с такими показателями, как доходы и расходы местных бюджетов, количество бюджетополучателей. Для определения численности органов, курирующих сельское хозяйство, использованы такие показатели, как площадь пашни, объем реализации сельскохозяйственной продукции, количество объектов управления и т.д. Кроме того, установлено примерное процентное соотношение служащих различных групп должностей. Таким путем определяется оптимально необходимая численность персонала.

Таким образом, при формировании организационных структур муниципального образования, на наш взгляд, необходимо учитывать:

- особенности конкретного муниципального образования (его вид; масштабность территории; численность населенных пунктов, входящих в состав конкретного муниципального образования, и их удаленность от административного центра муниципального образования; численность населения; наличие и состояние ресурсов, и потребность в них; особенности организации и предоставления услуг; социальные условия; уровень развития экономики; основные направления хозяйственной активности; кадровый потенциал и квалификацию персонала; материально-техническую базу муниципального образования);
- перечень вопросов местного значения, установленный для соответствующего типа муниципального образования, наличие переданных государственных полномочий;
- степень развитости различных форм самоорганизации населения в решении вопросов местного значения;
- региональные особенности (специфику соседних муниципальных образований и характер взаимоотношений с ними; сферу влияния конкретного муниципального образования; его роль и место в масштабе административного региона и на других уровнях);
- исходные цели развития муниципального образования, конкретные цели по сферам жизнедеятельности муниципального образования в соответствии с предметами ведения (степень ясности в делегировании прав и ответственности; степень четкости в постановке целей; уровень планирования развития муниципального образования).

При этом следует руководствоваться следующими требованиями: целесообразности и четкого разграничения функциональных блоков; полноты охвата в решении вопросов местного значения орга-

нами местного самоуправления; результативности и эффективности; достаточности обеспечения; системности и взаимосвязи с другими органами и подразделениями; недопустимости создания структур «под людей».

В обязанности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления должны входить мероприятия по анализу соответствия полученного результата установленным задачам, выбору средств и способов, необходимых для достижения установленной цели в данных условиях с наименьшими затратами ресурсов, информации и в кратчайшее время, по анализу причин несовпадения установленной цели и полученного результата, по выработке предложений по корректировке цели с учетом проведенного анализа.

Окончательное решение в данной сфере должно являться полномочием представительного органа муниципального образования.

Глава муниципального образования должен являться гарантом распределения полномочий между всеми органами местного самоуправления муниципального образования и координатором деятельности властного центра по выработке и реализации главной цели и стратегии развития муниципалитета.

Контрольный орган при этом должен осуществлять контроль за имущественно-финансовой деятельностью органов местного самоуправления.

Если вопрос местного значения носит особо важный или специальный характер для деятельности муниципального образования, то для его реализации возможно формирование отдельного органа местного самоуправления.

Выбор рационального варианта систематизации функций и совершенствование структуры органов местного самоуправления способствуют разрешению такой проблемы, как недостаточное правовое обеспечение условий для деятельности органов местного самоуправления в пределах собственной компетенции.

Необходимо отметить, что одним из условий оптимальной деятельности органов местного самоуправления, в частности местной администрации, является профессионализм и добросовестность работников. Возросшее за последние десятилетия значение местного самоуправления в обеспечении интересов населения диктует потребность в квалифицированных муниципальных служащих. Недостаточный профессионализм кадрового состава или неполное соответствие работников органов местного самоуправления требованиям занимаемых ими рабочих мест является одной из основных причин низкой эффективности их деятельности.

На практике, при формировании и обновлении состава муниципальных служащих нередко используются старые методы, критерии и подходы. При отборе, расстановке и продвижении по муниципальной службе нередко преобладает субъективный подход с опорой на так называемый «принцип личной предан-

ности», на политическую ангажированность, особенно при подборе руководящих кадров, а нередко и единоличное, монопольное решение первым лицом кадровых назначений и смещений в аппаратах органов местного самоуправления, личные амбиции руководителей органов.

Опыт руководящей работы часто заменяет специальное образование, однако этого недостаточно для стабильного развития местного самоуправления. Необходимо целенаправленно развивать процесс профессиональной подготовки и переподготовки муниципальных служащих.

В связи с этим необходимы:

- формирование кадрового резерва для замещения должностей глав и руководителей структурных подразделений местных администраций и иных органов местного самоуправления;
- внедрение новых форм обучения, включая систематическое проведение обязательных курсов повышения квалификации для руководителей органов местного самоуправления;
- повсеместное внедрение механизма оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления и поддержки муниципалитетов в виде грантов;
- подготовка кадров для муниципального уровня, в результате которой руководители и специалисты могли бы решать задачи программно-целевого характера без каких-либо затруднений;
- повышение престижа муниципальной службы в целом [См.: 6, с. 8-9].

На основании проведенного анализа можно сделать выводы, что органы местного самоуправления должны:

- иметь четкую структуру планирования развития муниципального образования и предоставления

муниципальных услуг как на краткосрочную, так и на долгосрочную перспективу;

- выработать конкретные механизмы всестороннего анализа результатов деятельности органов местного самоуправления и их структурных подразделений, фиксировать положительные примеры работы, исправлять дефекты и упущения;

- систематически публично отчитываться о результатах работы и планах на будущее как между собой, так и перед населением муниципального образования;

- информировать граждан о своей деятельности и вовлекать их в процессы выработки решений на местном уровне и контроля за их исполнением [См.: 5, с. 5];

- осуществлять систематическое консультирование с иными органами местного самоуправления, муниципальными служащими, населением и его организованными сообществами, прежде всего с органами территориального общественного самоуправления по вопросам структуры органов местного самоуправления и их подразделений и повышения эффективности их деятельности;

- эффективно использовать методы управления проектами с целью внесения изменений в реализуемые задачи;

- сопоставлять результаты и методики своей работы с передовой практикой работы органов местного самоуправления других муниципальных образований.

В заключение необходимо отметить, что реализация указанных мер должна плодотворно сказаться на результатах деятельности органов местного самоуправления, повысить эффективность их работы, а полученный опыт может оказаться полезным для страны в целом.

Библиографический список

1. *Васильев В.И.* Муниципальное право России. М.: ЗАО Юстицинформ, 2008.
2. *Игнатов В.Г., Рудой В.В.* Муниципальное право. Ростов н/Д: Феникс, 2005.
3. Постатейный справочник с комментариями к Федеральному закону от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». Под ред. И.В. Бабичева. М., 2008.
4. Система муниципального управления. Под ред. В.Б. Зотова. Ростов/н/Д: Феникс, 2010.
- Журналы
5. Госсовет РФ об устойчивом экономическом росте и повышении уровня жизни граждан. Конспект стенограммы. Местное самоуправление 2012; № 28 (247): 1-14.
6. *Невинский В.В., Казанцева О.Л.* Местное самоуправление в России: проблемы и перспективы правового регулирования. Российская юстиция 2010; 11: 5-10.
7. *Соловьев С.Г.* К вопросу о необходимости принятия муниципального кодекса РФ. Государственное управление 2012; 8: 23-28.
8. *Широков А.Н., Юркова С.Н.* Организационное проектирование структур органов местного самоуправления в субъектах РФ. Муниципальная власть 2005; 2: 32-55.
- Электронные публикации и базы данных
9. *Бабичев И.В.* Правовое регулирование организации деятельности органов местного самоуправления (06.08.2010):
10. <http://cmo.khabkrai.ru/4-pravovoe-regulirovanie-organizacii-deyatelnosti->
11. Постановление Правительства республики Тыва от 2 мая 2006 г. № 583 «О рекомендации по структуре органов местного самоуправления муниципальных образований республики Тыва»: СПС «КонсультантПлюс: Регионы».

12. Решение администрации Алтайского края от 14 декабря 2009 г. «Рекомендации по структуре органов местного самоуправления»: <http://www.altaregion22.ru/gov/administration/isp/kompart/141209/>.

13. Решение Коллегии Администрации Ростовской области от 25 июля 2005 г. № 75 «О согласовании методических рекомендаций по определению штатной численности и формированию организационных структур исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления Ростовской области»: СПС «КонсультантПлюс: Регионы».

14. Устав Режевского городского округа (принят решением Режевской Думы от 18 мая 2005 г. № 30): СПС «КонсультантПлюс: регионы».

References

1. *Vasilyev V.I.* Municipal law of Russia. M.: CJSC Justitsinform, 2008.
 2. *Ignatov V.G., Rudoy V.V.* Municipal law. Rostov-on-Don: Phoenix, 2005.
 3. Itemized guide with comments to the Federal law № 131-FZ of October 6, 2003 «On general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation» / ed. by I.V. Babichev. M., 2008.
 4. The system of municipal management / ed. by V.B. Zotov. Rostov-on-Don: Phoenix, 2010.
 5. The State Council of the Russian Federation about sustainable economic growth and rising standards of living. Summary transcripts. Local self-government 2012; № 28 (247): 1-14.
 6. *Nevinsky V.V., Kazantseva O.L.* Local self-government in Russia: problems and prospects of legal regulation. Russian justice 2010; 11: 5-10.
 7. *Soloviev S.G.* To the question about the necessity of the adoption of the Municipal Code of the Russian Federation.. Public administration 2012; 8: 23-28.
 8. *Shirokov A.N., Yurkova S.N.* Organizational projection of the structures of local self-government bodies in the constituent entities of the Russian Federation. Municipal authority 2005; 2: 32-55.
 9. *Babichev I.V.* Legal regulation of activities of the bodies of local self-government (06.08.2010):
 10. <http://cmo.khabkrai.ru/4-pravovoe-regulirovanie-organizacii-deyatelnosti->
 11. Resolution of the Government of the Republic of Tuva on May 2, 2006 № 583 «On the recommendations on the structure of local self-government bodies of the Republic of Tyva»: ATP «ConsultantPlus: Regions».
 12. Decision of the Administration of the Altai Krai on December, 14, 2009 «Recommendations on the structure of bodies of local self-government»: <http://www.altaregion22.ru/gov/administration/isp/kompart/141209/>.
 13. Decision of the Board of Administration of the Rostov region on July, 25, 2005 № 75 «On approval of methodical recommendations on determination of headcount and the formation of organizational structures of executive and administrative bodies of local self-government of the Rostov region»: ATP «ConsultantPlus: Regions».
 14. Charter Rezh Urban District (adopted decision Rezh Duma on May 18, 2005 № 30): ATP «ConsultantPlus: Regions».
-
-

13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.146 378.17

UDC 378.146 378.17

Н.И. БОЧАРОВА

кандидат педагогических наук, доцент, профессор,
зав. кафедрой здоровья ребёнка Орловского государственного университета
E-mail: bochar07@mail.ru

N.I. BOCHAROVA
candidate of Pedagogy, associate professor, professor,
Head of the Department of Child Health, Orel State University
E-mail: bochar07@mail.ru

Е.А. ОСАДЧАЯ

кандидат биологических наук, доцент кафедры здоровья ребёнка Орловского государственного университета
E-mail: eaosad@mail.ru

E.A. OSADCHAYA
candidate of Biology, associate professor of the
Department of Child Health, Orel State University
E-mail: eaosad@mail.ru

**ВЛИЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ И ФОРМ КОНТРОЛЯ И ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
НА ИХ ПСИХОФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ***

**THE EFFECT OF DIFFERENT TYPES AND FORMS OF CONTROL AND EVALUATION OF THE PROFESSIONAL
TRAINING QUALITY OF BACHELORS OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION
ON THEIR PSYCHO-FUNCTIONAL STATE**

В статье рассматриваются современные подходы к оценке качества профессиональной подготовки бакалавров. Освещаются вопросы необходимости отбора разных видов и форм контроля и оценки качества с точки зрения их безопасности для психологического и соматического здоровья обучающихся. Представлены результаты эмпирического исследования влияния традиционной и инновационной систем контроля и оценки компетенций на психофункциональное состояние студентов вуза.

Ключевые слова: оценка качества образования, профессиональная подготовка, виды и формы контроля, психофункциональное состояние.

The article considers modern approaches to evaluating bachelors' professional training quality. The necessity of selecting different types and forms of monitoring and evaluating the quality in terms of safety for students' psychological and somatic health. The results of the empirical studies of the effect of traditional and innovative monitoring and competence evaluation on the university students' psycho-functional state are presented.

Keywords: valuation of the education quality, professional training, types and forms of control, psycho-functional state.

Одной из характерных особенностей реформирования системы высшего профессионального образования является усиление внимания к контролю над процессом обучения и за качеством освоения студентами профессиональных компетенций. Контроль становится непрерывным (текущий, промежуточный и рубежный) и многоаспектным.

Усиление внимания специалистов к вопросам оценки качества профессиональных компетенций ставит перед преподавателями вуза задачу выбора наиболее эффективных видов и форм контроля и адекватных оценочных средств. С одной стороны, они должны показывать объективную картину сформированности компетенций у студентов на разных этапах обучения в бакалавриате, а с другой – быть

безопасными для их здоровья.

В процессе оценки качества профессиональной подготовки студентов в вузах используются как традиционные, так и инновационные виды и формы контроля. При этом традиционные средства переосмысливаются в русле компетентностного подхода, а инновационные – постепенно выводятся из стадии эксперимента и адаптируются для широкого применения в российских вузах.

В соответствии с «Методическими рекомендациями по проектированию оценочных средств для реализации многоуровневых образовательных программ ВПО при компетентностном подходе» В.А. Богословского, Е.В. Караваевой, Е.Н. Ковтун, О.П. Мелеховой, С.Е. Родионовой, В.А. Тарлыкова,

*Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБОУ ВПО «Орловского государственного университета» по теме НИР 6.4473.2011.

А.А. Шехонина (2007) к видам контроля можно отнести: устный опрос, письменные работы, контроль с помощью технических средств и информационных систем.

К формам контроля относятся: собеседование, коллоквиум, зачет, экзамен, тест, контрольная работа, эссе и иные творческие работы, реферат, отчет (по практикам, НИР студентов и т.п.), курсовая и выпускная квалификационная работа [3].

С целью повышения качества профессиональной подготовки выпускников факультета педагогики и психологии Орловского государственного университета преподаватели используют различные виды и формы контроля и оценки учебных и научно-исследовательских достижений студентов. При этом устные формы контроля и оценки, до недавнего времени являющиеся наиболее распространенными, конкурируют с письменными, в том числе с тестированием, которое в сочетании с решением профессиональных педагогических задач и проблемных ситуаций обеспечивает надежность, объективность, технологичность и простоту получения качественно-количественной информации об освоении студентами профессиональных образовательных программ [2].

Создание и внедрение новой методологии и методик контроля и оценки качества образования, по нашему мнению, должно сопровождаться изучением возможных рисков их негативного воздействия на психологическое и соматическое здоровье участников образовательного процесса. Бесконтрольное внедрение новых технологий может привести к возникновению повышенной стрессорной реакции студентов. Всё вышесказанное обусловило необходимость изучения психофизиологического воздействия на обучающихся разных видов и форм контроля качества. Полученные данные могут быть использованы для разработки и внедрения содержания и технологий здоровьесберегающего подхода, который позволит устранить или минимизировать воздействие негативных аспектов образовательной среды на здоровье участников образовательного процесса и оптимизировать процесс обучения в вузе.

Проведённые нами наблюдения за психосоматическим состоянием студентов во время промежуточной (рубежной) аттестации показали, что они по-разному реагируют на предлагаемые виды и формы контроля и оценки знаний. Об этом свидетельствовали внешние признаки, наблюдаемые у большинства студентов (покраснение, побледнение, тремор рук и голоса, учащённое дыхание, пересыхание во рту и др.), которые с разной силой проявлялись при проведении контроля и оценки качества подготовки при применении устных и письменных видов контроля на зачёте и экзамене по дисциплинам. Не снимая со счетов субъективные факторы, вызывающие разную реакцию студентов (личностные особенности преподавателя, сложность дисциплины, индивидуальные особенности и уровень тревожности студента и пр.), наблюдения позволи-

ли выявить некоторые общие тенденции [1]. Однако, для повышения достоверности наших предположений и установления закономерностей необходимо дополнительное специальное исследование с применением объективных методик. В нашем случае, это оценка реакции сердечно-сосудистой системы организма студентов (по показателю частоты сердечных сокращений) на ситуацию контроля и оценки их профессиональной готовности в условиях экзамена [4].

Эмпирическим исследованием на разных его этапах было охвачено 345 студентов бакалавриата 1 и 2 курсов обучения на факультете педагогики и психологии Орловского государственного университета.

Оценка реакции сердечно-сосудистой системы организма студентов на ситуацию проверки и оценки качества их профессиональной подготовки в зависимости от видов и форм применения оценочных средств осуществлялась по показателю частоты сердечных сокращений (ЧСС), который подсчитывался на лучевой или сонной артерии за 15-20 сек. Полученный результат умножался соответственно на 4-3. Норма в состоянии относительного покоя для студентов – 60-80 ударов в минуту (Апанасенко Г.Л., Попова Л.А., 1998).

Для изучения и оценки реакции сердечно-сосудистой системы на ситуацию проверки и оценки качества профессиональной подготовки студентов нами были использованы следующие виды контроля.

1. Традиционный письменный (ТП)

В период сессии у студентов измерялась ЧСС во время проведения экзамена в виде письменной работы (развёрнутых ответов на вопросы билета). На данном этапе в эксперименте приняли участие 100 человек.

ЧСС подсчитывалась на разных этапах контроля знаний (всего восемь показателей):

- I – состояние относительного покоя
- II – выбор билета
- III – сдача работы
- IV – через 1 час ожидания результата
- V – через 2 часа ожидания результата
- VI – через 3 часа ожидания результата
- VII – через 10 минут после объявления оценки
- VIII – через 1 час после объявления оценки

2. Традиционный устный (ТУ)

ЧСС измерялась во время проведения экзамена с применением традиционного устного ответа на вопросы билета. На данном этапе в эксперименте приняли участие 122 человека.

ЧСС подсчитывалась на разных этапах устной формы контроля знаний (всего шесть показателей):

- I – состояние относительного покоя
- II – выбор билета
- III – перед ответом непосредственно
- IV – сразу после ответа и объявления оценки
- V – через 10 минут после объявления оценки
- VI – через 1 час после объявления оценки

3. Устный при применении балльно-рейтинговой системы (БРУ)

ЧСС измерялась в ситуации применения балльно-рейтинговой системы (БРС) с устным собеседованием на экзамене по вопросам билета. На данном этапе в эксперименте приняли участие 76 человек.

ЧСС подсчитывалась на разных этапах рубежного контроля и оценки (всего шесть показателей):

I - ЧСС в «покое»

II - ЧСС за день до экзамена

III - ЧСС в момент выбора билета

IV - ЧСС перед ответом непосредственно

V - ЧСС сразу после ответа и объявления оценки

VI - ЧСС через 15-20 минут после объявления оценки

4. Тестовый при применении балльно-рейтинговой системы (БРТ)

ЧСС подсчитывалась в ситуации применения БРС с тестовой (безмашинной) формой рубежной оценки профессиональной подготовки. На данном этапе в эксперименте приняли участие 47 человек.

ЧСС подсчитывалась на разных этапах тестовой формы контроля знаний по БРС (всего семь показателей):

I - ЧСС в «покое»

II - ЧСС за день до экзамена

III - ЧСС в момент получения теста

IV - ЧСС при сдаче работы

V - ЧСС через 1 час ожидания результата

VI - ЧСС сразу после объявления результата

VII - ЧСС через 15-20 минут после объявления оценки.

Анализ и интерпретация результатов исследования

Средние показатели изменения ЧСС на разных этапах проведения традиционно-письменного (ТП) вида контроля и оценки представлены в таблице 1 и на рисунках 1 и 2.

При оценке среднего значения показателя ЧСС видно, что он повышается, по сравнению с состоянием относительного покоя, при выборе билета (с 66,3 до 117,7 уд/мин), что является нормальной реакцией организма на стресс; при сдаче работы ЧСС снижается (с 117,7 до 92,5 уд/мин), но уже через 1 час ожидания результата увеличивается (до 95,2 уд/мин), а через 2 и 3 часа ожидания результата увеличивается еще больше (до 98,8 и 100,2 уд/мин соответственно). Через 10 минут после объявления оценки отмечается еще более интенсивное нарастание показателя ЧСС (до 122,3 уд/мин). Через 1 час после объявления оценки среднее значение показателя ЧСС снижается (до 98,5 уд/мин), однако, следует отметить, что до уровня нормы так и не доходит и остается несколько повышенным.

Таблица 1.

Средние показатели изменения ЧСС у студентов на разных этапах проведения ТП вида контроля и оценки (n=100)

Этапы письменного экзамена по традиционной форме	Среднее значение ЧСС, уд. в мин.	min – max
I - Состояние относительного покоя	66,3	55 – 93
II - Выбор билета	117,7	57 – 138
III - Сдача работы	92,5	72 – 135
IV - Через 1 час ожидания результата	95,2	55 – 156
V - Через 2 часа ожидания результата	98,8	66 – 155
VI - Через 3 часа ожидания результата	100,2	66 – 149
VII - Через 10 мин. после объявления оценки	122,3	77 – 180
VIII - Через 1 час после объявления оценки	98,5	72 – 110

Таким образом, все этапы традиционного письменного экзамена, начиная с выбора билета (II) и последующие за ним (III – VIII), являются крайне напряженными для сердечно-сосудистой системы (показатель ЧСС выше нормы) и, естественно, всего организма в целом. Наиболее стрессовыми для обследуемых студентов-первокурсников явились этап выбора билета (II) и этап через 10 минут после объявления оценки (VII) (рисунки 1, 2).

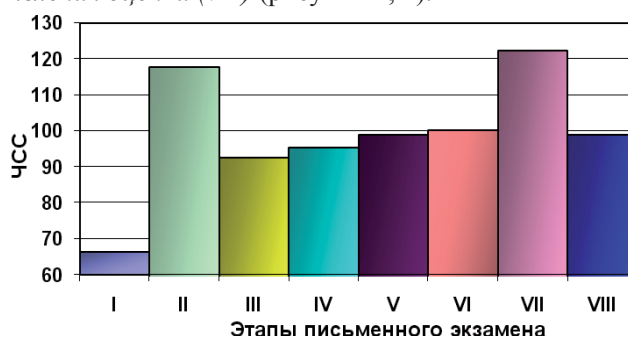

Рис. 1. Реакция сердечно-сосудистой системы организма студентов на ситуацию ТП вида контроля и оценки (по среднему показателю ЧСС).

Примечание: Этапы письменного экзамена:

I - ЧСС в «покое»

II - ЧСС в момент выбора билета

III - ЧСС при сдаче работы

IV - через 1 час ожидания результата

V - через 2 часа ожидания результата

VI - через 3 часа ожидания результата

VII - через 10 минут после объявления оценки

VIII - через 1 час после объявления оценки.

Следует отметить, что у большинства студентов при проведении ТП экзамена была выявлена достаточно высокая реактивность сердечно-сосудистой системы на ситуацию экзаменационного стресса.

Так, на этапе выбора билета (II замер) у 81% студентов показатель ЧСС превышал норму и находился в пределах от 85 до 138 ударов в минуту. На этапе сдачи работы (III замер) у 70% студентов ЧСС сохранилась на уровне выше нормы и находилась в пределах от 85 до 135 ударов в минуту.

Рис. 2. Изменение среднего показателя ЧСС на разных этапах традиционного письменного экзамена.

Следует отметить, что у некоторых студентов показатель ЧСС находился на уровне выше нормы даже в период ожидания результата.

Так, *через 1 час ожидания результата (IV замер)* у 72% студентов показатель ЧСС находился в пределах от 84 до 156 ударов в минуту.

Через 2 часа ожидания результата (V замер) у 75% студентов показатель ЧСС находился в пределах от 84 до 155 ударов в минуту.

Через 3 часа ожидания результата (VI замер) у 81% студентов ЧСС находилась в пределах от 85 до 149 ударов в минуту.

Через 10 минут после объявления полученной оценки (VII замер) у 93% студентов сохранилась повышенная реакция на экзаменационный стресс: ЧСС повысилась по сравнению с предыдущими замерами и находилась в пределах от 86 до 180 ударов в минуту.

Через 1 час после объявления оценки у большинства студентов не было отмечено восстановления до нормы показателя ЧСС. У 88% он находился в пределах от 88 до 110 ударов в минуту. Данный факт является крайне неблагоприятным для сердечно-сосудистой системы и работы адаптационных механизмов всего организма в целом.

Средние показатели изменения ЧСС на разных этапах проведения традиционного устного экзамена (ТУ) представлены в таблице 2 и на рисунках 3, 4.

Таблица 2.

Средние показатели изменения ЧСС у студентов на разных этапах проведения ТУ экзамена (n=122)

Этапы устного экзамена по традиционной форме	Среднее значение ЧСС, уд. в мин.	min – max
I - Состояние относительного покоя	70,2	56 – 99
II - Выбор билета	105,8	58 – 160
III – Перед ответом непосредственно	108,7	60 – 145
IV – Сразу после ответа и объявления оценки	121,2	61 – 156
V – Через 10 минут после объявления оценки	78,5	52 – 110
VI - Через 1 час после объявления оценки	69,5	55 – 85

При оценке среднего значения показателя ЧСС видно, что по сравнению с состоянием относитель-

ного покоя оно повышается в момент выбора билета (с 70,2 до 105,8 уд/мин), что является нормальной реакцией организма на стресс; *перед ответом непосредственно* ЧСС незначительно повышается (с 105,8 до 108,7 уд/мин), *сразу после ответа и объявления оценки* отмечается более интенсивное нарастание показателя ЧСС (с 108,7 уд/мин до 121,2 уд/мин). *Через 10 мин после объявления оценки* нами было отмечено значительное снижение среднего значения показателя ЧСС (с 121,2 уд/мин до 78,5 уд/мин), а *через 1 час после объявления оценки* среднее значение показателя ЧСС практически достигло нормы (69,5 уд/мин).

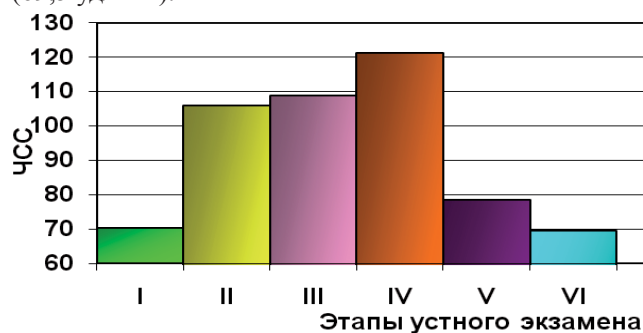

Рис. 3. Реакция сердечно-сосудистой системы организма студентов на ситуацию ТУ вида контроля и оценки (по среднему показателю ЧСС).

Примечание: Этапы устного экзамена по традиционной форме:

I - ЧСС в «покое»

II - ЧСС в момент выбора билета

III - ЧСС перед ответом непосредственно

IV - ЧСС сразу после ответа и объявления оценки

V - через 10 минут после объявления оценки

VI - через 1 час после объявления оценки

Таким образом, *этапы выбора билета (II), непосредственно перед ответом (III) и, особенно, этап сразу после ответа и объявления оценки (IV)* являются наиболее стрессовыми для обследуемых студентов при проведении устного экзамена (рис. 3,4). Данная реакция сердечно-сосудистой системы в этом случае является, на наш взгляд, нормальной мобилизацией сил организма для продуктивной деятельности, во время деятельности и после нее.

Рис. 4. Изменение среднего показателя ЧСС на разных этапах традиционного устного экзамена.

Следует отметить, что у некоторых студентов при проведении ТУ вида контроля и оценки, также как и при проведении ТП экзамена, была выявлена достаточно высокая реактивность сердечно-сосудистой системы на ситуацию экзаменационного стресса, что, на наш взгляд, является естественной реакцией организма в данном случае.

Так, на этапе *выбора билета (II замер)* у 83% студентов показатель ЧСС превышал норму и находился в пределах от 84 до 160 ударов в минуту.

Непосредственно перед ответом (III замер) у 86% студентов ЧСС сохранилась на уровне выше нормы и находилась в пределах от 85 до 145 ударов в минуту.

Сразу после ответа и объявления оценки (IV замер) у 85% студентов ЧСС повысилась по сравнению с предыдущими замерами и находилась в пределах от 86 до 156 ударов в минуту.

Через 10 мин после объявления полученной оценки (V замер) у 35% студентов сохранилась повышенная реакция на экзаменационный стресс: ЧСС находилась в пределах от 85 до 105 ударов в минуту.

Через 1 час после объявления оценки (VI замер) у 100% студентов было отмечено практически восстановление показателя ЧСС; он находился в пределах от 55 до 85 ударов в минуту. Данный факт является благоприятным для восстановления функций сердечно-сосудистой системы и всего организма.

Таким образом, нами было отмечено, что при проведении *традиционной письменной формы контроля знаний* уровень эмоционального напряжения не снижался достаточно длительный промежуток времени: высокий уровень показателя ЧСС отмечен в период деятельности, ожидания результата и даже через 1 час после окончания экзамена и объявления оценки. При проведении же *традиционной устной формы контроля* уровень эмоционального напряжения увеличивался непосредственно на этапе самой деятельности и существенно снижался уже через 10 минут после объявления оценки, а через 1 час было отмечено его полное восстановление.

Средние показатели изменения ЧСС на разных этапах проведения экзамена у студентов, обучающихся по *балльно-рейтинговой системе с устной формой рубежного контроля и оценки знаний (БРУ)*, представлены в таблице 3 и на рисунках 5, 6.

Таблица 3.

Средние показатели изменения ЧСС у студентов, обучающихся по БРС с устной формой экзамена, на разных этапах его проведения (n=76)

Этапы устного экзамена	Среднее значение ЧСС, уд. в мин.	min – max
I – Состояние относительного покоя	71,47	55-93
II – За день до экзамена	88,63	64-144
III – В момент выбора билета	100,01	63-136
IV – Перед ответом непосредственно	95,53	63-128
V – Сразу после ответа и объявления оценки	97,95	62-132
VI – Через 15-20 минут после объявления оценки	78,14	60-102

При оценке среднего значения показателя ЧСС видно, что оно повышается, по сравнению с состоянием относительного покоя, уже за день до экзамена (с 71,47 до 88,63 уд/мин); рост показателя отмечается

в момент выбора билета (с 71,47 в покое до 100,01 уд/мин), что является нормальной реакцией организма на стресс; *перед ответом непосредственно* ЧСС несколько снижается (со 100,01 до 95,53 уд/мин), *сразу после ответа и объявления оценки* отмечено незначительное изменение в сторону повышения среднего значения ЧСС (с 95,53 до 97,95 уд/мин). Через 15-20 мин после объявления оценки нами было отмечено значительное снижение среднего значения показателя ЧСС до уровня нормы (с 97,95 до 78,14 уд/мин).

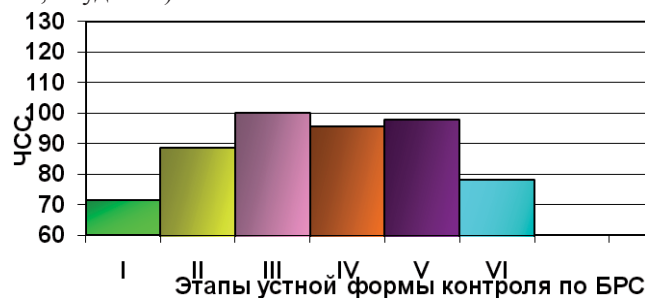

Рис. 5. Реакция сердечно-сосудистой системы организма студентов на ситуацию контроля и оценки с использованием устной формы контроля и оценки по БРС (по среднему показателю ЧСС).

Примечание: Этапы устной формы контроля и оценки по БРС:

- I – ЧСС в «покое»
- II – ЧСС за день до экзамена
- III – ЧСС в момент выбора билета
- IV – ЧСС перед ответом непосредственно
- V – ЧСС сразу после ответа и объявления оценки
- VI – ЧСС через 15-20 минут после объявления оценки.

Таким образом, *этапы выбора билета (III), непосредственно перед ответом (IV) и этап сразу после ответа и объявления оценки (V)* являются наиболее стрессовыми для обследуемых студентов как при проведении промежуточного контроля и оценки в виде устного опроса, собеседования как в традиционной форме (ТУ), так и при применении балльно-рейтинговой системы (БРУ) (рис. 5,6). Данная реакция сердечно-сосудистой системы в этом случае является, на наш взгляд, нормальной мобилизацией сил организма для продуктивной деятельности, во время деятельности и после нее.

Рис. 6. Изменение среднего показателя ЧСС на разных этапах устной формы оценки и контроля по БРС.

Следует отметить, что у некоторых студентов при проведении устного экзамена по БРС была отмечена высокая реактивность сердечно-сосудистой системы на ситуацию контроля и оценки.

Так, уже накануне экзамена (за день до экзамена, II замер) у 54% студентов показатель ЧСС превышал норму и находился в пределах от 86 до 144 ударов в минуту.

На этапе *выбора билета (III замер)* у 82% студентов показатель ЧСС превышал норму и находился в пределах от 86 до 136 ударов в минуту.

Непосредственно перед ответом (IV замер) у 71% студентов ЧСС сохранилась на уровне выше нормы и находилась в пределах от 86 до 128 ударов в минуту.

Сразу после ответа и объявления оценки (V замер) у 79% студентов ЧСС на уровне выше нормы находилась в пределах от 86 до 132 ударов в минуту.

Через 15-20 мин. после объявления полученной оценки (VI замер) у 17% студентов сохранилась повышенная реакция на ситуацию контроля знаний: ЧСС находилась в пределах от 86 до 104 ударов в минуту.

Следует отметить, что при проведении устного экзамена по БРС реакция сердечно-сосудистой системы у студентов выражена менее активно, чем на традиционном экзамене (ТУ). Так, в момент *выбора билета* ЧСС при проведении традиционной устной формы контроля (ТУ) составляет 105,8 уд/мин, а при проведении балльно-рейтинговой формы контроля (БРУ) ЧСС составляет 100,01 уд/мин; *перед ответом непосредственно* ЧСС по ТУ форме контроля составляет 108,7 уд/мин, в то время как по БРУ – 95,53 уд/мин; *после ответа и объявления результата* ЧСС по ТУ форме контроля составляет 121,2 уд/мин, по БРУ – 97,95 уд/мин. Это позволяет считать балльно-рейтинговую систему с применением итоговой формы контроля в виде устного собеседования, опроса менее стрессорной для организма.

Средние показатели изменения ЧСС на разных этапах проведения экзамена у студентов, обучающихся по балльно-рейтинговой системе с тестовой формой рубежной оценки знаний (БРТ), представлены в таблице 4 и на рисунках 7, 8.

Таблица 4.

Средние показатели изменения ЧСС у студентов, обучающихся по БРС с тестовой формой рубежной оценки знаний (n=47)

Этапы тестирования по балльно-рейтинговой системе	Среднее значение ЧСС, уд. в мин.	min – max
I – Состояние относительного покоя	72,97	62-96
II – За день до экзамена	87,13	68-140
III – В момент получения теста	83,97	50-112
IV – При сдаче работы (теста)	80,46	62-115
V – Через 1 час ожидания результата	87,09	64-120
VI – Сразу после объявления результата	85,79	64-120
VI I – Через 15-20 минут после объявления оценки	77,17	54-116

При оценке среднего значения показателя ЧСС видно, что оно повышается по сравнению с состоянием относительного покоя уже за день до экзамена (с 72,97 до 87,13 уд/мин). В момент *получения теста* ЧСС повышается по сравнению с состоянием отно-

сительного покоя (с 72,97 в покое до 83,97 уд/мин), что является нормальной реакцией организма на стресс. *При сдаче теста* среднее значение показателя ЧСС несколько снизилось, достигнув верхней границы нормы и составляет 80,46 уд/мин. *Через 1 час ожидания результата* вновь отмечено повышение среднего значения ЧСС до 87,09 уд/мин, что, на наш взгляд, является показателем сохраняющегося в течение длительного времени напряжения организма. Данные скачкообразные изменения среднего значения показателя ЧСС можно расценить как неблагоприятную реакцию сердечно-сосудистой системы и возможность развития утомления и перехода его в переутомление. Следует отметить, что *сразу после объявления результата* выявлено некоторое снижение среднего значения ЧСС до 85,79 уд/мин, превышающее норму, а *через 15-20 минут после объявления оценки* нами было отмечено снижение среднего значения показателя ЧСС до уровня нормы (с 85,75 до 77,17 уд/мин).

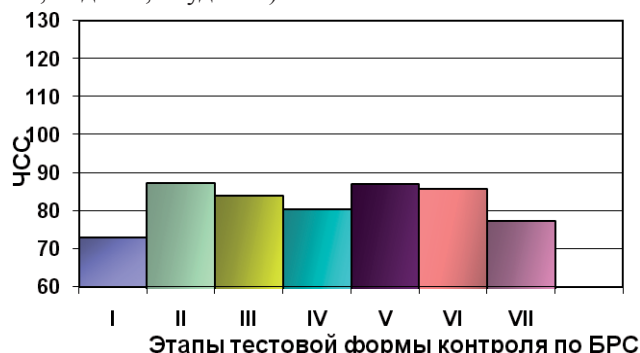

Рис. 6. Реакция сердечно-сосудистой системы организма студентов на ситуацию тестовой формы оценки и контроля по БРС (по среднему показателю ЧСС).

Примечание: Этапы тестовой формы контроля по БРС:
I – ЧСС в «покое»
II – ЧСС за день до экзамена
III – ЧСС в момент получения теста
IV – ЧСС при сдаче работы
V – ЧСС через 1 час ожидания результата
VI – ЧСС сразу после объявления результата
VII – ЧСС через 15-20 минут после объявления оценки

Таким образом, при проведении тестовой формы оценки и контроля знаний по балльно-рейтинговой системе (БРТ) наиболее стрессовыми для обследуемых студентов являются *этапы: в момент получения теста (III), через 1 час ожидания результата (V) и этап сразу после объявления результата (VI)*, (рис. 6,7), т.е. среднее значение показателя ЧСС сохраняется на уровне выше нормы достаточно длительный период, как и при письменной традиционной форме контроля (ТП). Однако, превышение нормальных значений показателя ЧСС незначительное и уже через 15-20 минут восстанавливается (77,17 уд/мин). Данная реакция сердечно-сосудистой системы в этом случае является, на наш взгляд, не очень благоприятной, т.к. на протяжении всего периода проведения контроля и ожидания результатов показатель ЧСС остается повышенным, что указывает на сохраняющееся напряжение сердечно-сосудистой системы и всего организма в целом.

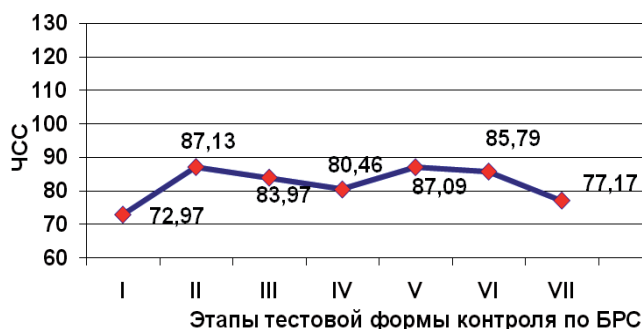

Рис. 7. Изменение среднего показателя ЧСС на разных этапах тестовой формы оценки и контроля по БРС.

Следует отметить, что у некоторых студентов при проведении тестовой формы контроля знаний по балльно-рейтинговой системе (БРТ) также была отмечена высокая реактивность сердечно-сосудистой системы на ситуацию контроля знаний.

Так, уже накануне экзамена (за день до экзамена, II замер) у 66% студентов показатель ЧСС превышал норму и находился в пределах от 84 до 140 ударов в минуту.

На этапе *получения теста* (III замер) у 67% студентов показатель ЧСС превышал норму и находился в пределах от 82 до 112 ударов в минуту.

При сдаче работы (IV замер) у 47% студентов ЧСС находилась в пределах от 84 до 115 ударов в минуту, в то время как среднее значение ЧСС несколько снизилось, достигнув верхней границы нормы.

Через 1 час ожидания результата (V замер) у 40% студентов ЧСС находилась в пределах от 84 до 120 ударов в минуту.

Сразу после объявления результата (VI замер) у 47% студентов ЧСС находилась в пределах от 84 до 120 ударов в минуту.

Через 15-20 мин. после объявления полученной оценки (VI замер) у 15% студентов сохранилась повышенная реакция на ситуацию контроля и оценки знаний: ЧСС находилась в пределах от 82 до 116 ударов в минуту.

Следует отметить, что при проведении балльно-рейтинговой тестовой формы оценки и контроля профессиональной готовности (БРТ) реакция сердечно-сосудистой системы у студентов менее выражена, чем при проведении традиционной письменной (ТП) и традиционной устной (ТУ) форм оценки и контроля и сходна с реакцией на ситуацию устного экзамена при применении балльно-рейтинговой системы. Однако важно отметить, что при сравнении реакции сердечно-сосудистой системы на разные формы рубежного контроля и оценки профессиональной готовности студентов при применении балльно-рейтинговой системы были обнаружены различия: в условиях применения тестовой формы оценки знаний (БРТ) по сравнению с устной (БРУ) реакция более длительная, а следовательно, менее благоприятная для организма (рис. 8).

На рис.8 видно, что наименее стрессорными формами оценки и контроля профессиональной готовности является экзамен с использованием устно-

го опроса и тестирования при балльно-рейтинговой системе (БРУ, БРТ). Обучаясь с применением БРС, студенты к началу экзаменационной сессии имеют гарантированный минимум набранных баллов. Таким образом, они могут, в некоторой степени, уже до экзамена рассчитывать на определенный результат и далее оценивать свои возможности для повышения балла. Т.е. утрачивается актуальность ситуации неизвестности. В то же время, при традиционных формах контроля и оценки ситуация непредсказуемости (многочисленных «если...») имеет место. В связи с этим, реакция сердечно-сосудистой системы при традиционных формах и видах (ТУ, ТП) оценки контроля профессиональной готовности студентов более высокая, а при традиционной письменной (ТП) форме еще и достаточно длительная.

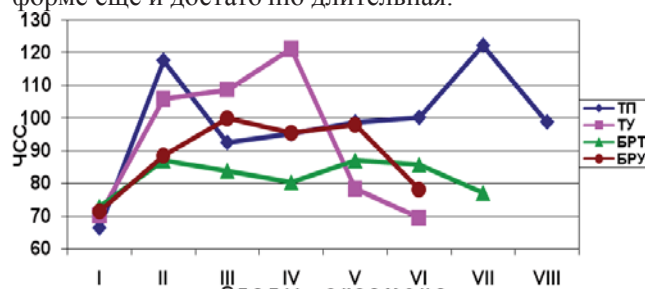

Рис. 8. Реакция сердечно-сосудистой системы организма студентов на ситуацию контроля и оценки качества их профессиональной подготовки в зависимости от формы и вида применения оценочных средств для промежуточной (рубежной) аттестации (по среднему показателю ЧСС).

Итак, проведенное эмпирическое исследование и сравнительный анализ полученных результатов мониторинга психофизиологической реакции организма студентов на экзаменационную ситуацию позволили нам расположить изученные виды контроля и оценки профессиональной готовности в порядке возрастания их стрессорного воздействия на организм (от минимальной до максимальной реакции):

1. Устный при применении балльно-рейтинговой системы (БРУ).
2. Тестовый при применении балльно-рейтинговой системы (БРТ).
3. Традиционный устный (ТУ).
4. Традиционный письменный (ТП).

Данная работа не претендует на полное освещение проблемы и не исчерпывает всех её аспектов. Достаточно интересным было бы проведение дальнейших исследований, направленных на изучение здоровьесберегающего потенциала инновационных форм и видов контроля и оценки сформированности профессиональных компетенций будущих педагогов и психологов на разных курсах обучения в бакалавриате, а также на этапе магистратуры.

Библиографический список

1. *Бочарова Н.И.* К вопросу о разработке содержания и психолого-педагогических оснований технологий охраны здоровья участников образовательного процесса высшего учебного заведения // Учёные записки Орловского государственного университета. Научный журнал. 2011. № 6 (44). С.383-390.
2. *Бубнова С.Ю.* Организация контроля качества профессиональной подготовки студентов в вузе: Сборник докладов XI-й Международной научной конференции «Актуальные вопросы современной психологии и педагогики» / Отв. ред. А.В. Горбенко. – Липецк: Издательский центр «Гравис», 2012. С.124-125.
3. Методические рекомендации по проектированию оценочных средств для реализации многоуровневых образовательных программ ВПО при компетентностном подходе/ *В.А. Богословский, Е.В. Караваева, Е.Н. Ковтун, О.П. Мелехова, С.Е. Родионова, В.А.Тарлыков, А.А. Шехонин.* М.: Изд-во МГУ, 2007 . 148 с.
4. *Осадчая Е.А.* Анализ данных мониторинга психофункционального состояния студентов факультета педагогики и психологии Орловского государственного университета // Учёные записки Орловского государственного университета. Научный журнал. 2010. № 3 (37), часть 2. С. 262-270.

References

1. *Bocharova N.I.* On the development of the content and psycho-pedagogical reasons of health technologies involved in the educational process of higher education institution // Scientific Notes of Orel State University. Scientific journal. - 2011. - № 6 (44). - Pp.383-390.
 2. *Bubnov S.Y.* Organizing the quality control of training students in high school: Col. Reports of the XI-th International Conference “Urgent problems of modern psychology and pedagogy” / Ed. A.V. Gorbenko. - Lipetsk: Publishing Center “Gravis”, 2012. - Pp.124-125.
 3. Guidelines for designing assessment tools for multi-level educational programs in HPE competent approach / *V.A. Bogoslovsky, E.V. Karavayeva, E.N. Kovtun, O.P. Melekhova, S.E. Rodionova, V.A.Tarlykov, A.A. Shekhonin.* – Moscow: Moscow State University Press, 2007. - 148 p.
 4. *Osadchaya E.A.* Monitoring data of the psycho-functional state of students the Faculty of Pedagogy and Psychology, Orel State University // Scientific Notes of Orel State University Scientific journal. - 2010. - № 3 (37), part 2. - Pp.262-270.
-

УДК 378

UDC 378

С.Ю. БУБНОВА

кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой теории и технологий дошкольного образования Орловского государственного университета
E-mail: bubnows@yandex.ru

S.U. BUBNOVA

candidate of Pedagogy, associate professor, head of the Department "Theory and Technology of Pre-School Education", Orel State University
E-mail: bubnows@yandex.ru

**ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИИ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ***

**THE PRACTICAL ORGANIZATION OF THE QUALITY CONTROL
OF THE UNIVERSITY STUDENTS' PROFESSIONAL TRAINING**

В статье рассмотрены основные научно-методические подходы к организации контроля качества профессиональной подготовки студентов в вузе, дана характеристика его видов и форм, выявлены особенности использования средств контроля качества профессионального образования в вузовской практике.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, качество профессиональной подготовки, контроль и оценка качества профессионального образования, виды и формы контроля, текущая, рубежная и промежуточная (итоговая) аттестация.

The article deals with the main scientific and methodical approaches to organizing the quality control of the students' professional training in universities. The basic types and forms of this control are studied and characterized. The specific traits of the use of the quality control's means in the university practice are identified.

Keywords: professional training, professional training quality, professional education quality control and rating, types and forms of control, current, boundary and intermediate (final) evaluation.

Повышенное внимание к проблеме объективного педагогического контроля и оценки качества профессиональной подготовки вызвано перестройкой всей системы высшего образования. В современных условиях обозначилась необходимость обоснованно оценивать качество подготовки специалистов, а также иметь объективную качественно-количественную информацию при проведении различных видов аттестации.

Анализ работ, в которых раскрываются вопросы контроля и оценки качества профессиональной подготовки будущих педагогов, показал, что исследователями предлагаются различные направления и пути решения поставленной проблемы в зависимости от того, как трактуются ими понятия «качество профессиональной подготовки», его «контроль и оценка».

В словарно-энциклопедической литературе качество рассматривается как существенная определенность, благодаря которой объект является именно этим, а не иным, устойчивое взаимоотношение составных элементов объекта, которые характеризуют его специфику.

Применительно к образовательному процессу данный термин трактуется как совокупность свойств, обуславливающих получение результата заданного качества в соответствии с социальным заказом к данной педагогической системе.

А.П. Суббето определяет качество образования как соотношение цели и результата, как степень достижения целей (результата) при условии, что они заданы операционально [4]. При этом, как указывает автор, результаты образования обязательно должны включать в себя и оценку того, какой ценой (потери, затраты) эти результаты были достигнуты. Во всех случаях подчеркивается необходимость достижения не любого хорошего, а именно наивысшего результата, возможного при минимально необходимых затратах сил, энергии, времени.

Л.А. Коляда рассматривает качество профессиональной подготовки как степень соответствия уровня полученных результатов (педагогических знаний и умений, профессионально-личностных качеств и т.д.) заявленным целям педагогической подготовки [1].

Следовательно, можно сделать вывод о том, что профессиональная подготовка будет качественной, если ее результаты соотносятся с образовательными целями, при этом учитывается адекватность используемых педагогических средств (содержание, формы, методы и т.д.) и индивидуальные особенности студентов.

Одновременно с определением понятия качества профессиональной подготовки студентов встает вопрос о его контроле и оценке.

В современной педагогической науке [3] суще-

*Статья подготовлена в рамках Государственного задания ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет» по теме НИР 6.4473.2011.

ствует множество определений понятия «контроль»:

– контроль (от франц. controle – проверка) – аналитическая функция управления, которая представляет собой осуществляемый субъектом управления комплекс мер наблюдения за подготовкой, принятием и ходом реализации управленческих решений, а также проверки фактического состояния служебной деятельности организации;

– контроль – процесс соизмерения (сопоставления) фактически достигнутых результатов с запланированными.

Сопоставление и обобщение существующих мнений позволяет рассматривать контроль качества профессиональной подготовки как совокупность целей, условий, способов и средств получения информации о сформированности показателей качества профессиональной подготовки будущих специалистов, обеспечивающих изменение образовательного процесса в вузе таким образом, чтобы гарантировалось выполнение требований ФГОС.

Совершенствование организации контроля качества профессиональной подготовки обусловлено оптимальным выбором его видов, форм и методов.

Анализ работ П.И. Образцова, П.И. Пидкасистого, В.П. Симонова, Т.И. Шамовой и др. позволяет классифицировать существующее многообразие видов контроля по следующим основаниям:

- масштабу целей обучения: стратегический, тактический, оперативный;
- этапам обучения: начальный (отборочный), учебный (промежуточный), итоговый (заключительный);
- временной направленности: ретроспективный, предварительный, текущий, разовый;
- частоте проведения: периодический, систематический;
- ширине контролируемой области: локальный, выборочный, сплошной;
- формам социальной опосредованности: внешний, смешанный, внутренний;
- организационным формам: групповой, фронтальный, индивидуальный;
- видам учебных занятий: на лекциях, на семинарах, на практических занятиях, на лабораторных занятиях, на зачетах, коллоквиумах, на экзаменах;
- способам осуществления: устный, письменный; машинный, безмашинный.

Каждый вид контроля предполагает применение соответствующих форм и методов. Соотношение видов контроля с типичными для них организационными формами и методами представлено в исследовании Л.И. Коляда и отражено в таблице 1.

Традиционно в контроле выделяют три основные взаимосвязанные функции: диагностическую, обучающую и воспитательную. Однако существуют и альтернативные точки зрения, дополняющие традиционный подход. Обобщение данных позволяет свести все многообразие функций контроля к следующему их перечню: обучающая, развивающая, управляющая, повторительно-обобщающая,

диагностико-коррекционная, воспитывающая и контролирующая.

Таблица 1.

Соотношение видов, форм и методов контроля

Виды контроля	Организационные формы контроля	Методы
Текущий	Контрольные работы, отчеты, самостоятельные работы	Устный, письменный, графический, практический, программированный,
Рубежный	Коллоквиумы	Устный
	Защита проекта	Устный, письменный, графический, практический, программированный
	Контрольная работа	
Итоговый	Зачет, экзамен	Устный, письменный, графический
	Защита курсовой работы, защита выпускной квалификационной работы	Устный

Контроль, являясь средством повышения качества профессиональной подготовки специалистов, должен отвечать следующим требованиям:

- планомерность, которая выражается в том, что контроль является организационной частью стратегии учебного заведения;
- экономичность относительно временных интервалов;
- своевременность и употребление соответствующей формы;
- простота, не требующая применения сложных методик;
- объективность.

В связи с широким использованием в образовательном процессе высших учебных заведений модульной и рейтинговой технологий обучения стали разрабатываться *модульный контроль и балльно-рейтинговая система оценки профессиональной подготовки специалистов*.

Смысловая сущность термина «модуль» в теории обучения определяется как относительно самостоятельная часть учебной информации, достаточная для формирования тех или иных профессиональных знаний, умений, навыков, подвергающаяся обязательной оценке. В информационном модуле принято выделять базовую и вариативную части. Контроль качества усвоения учебного материала модуля практически реализуется обязательными и избираемыми элементами педагогического контроля, последние из которых существенно стимулируют самостоятельную работу обучаемых, дают им возможность избирать путь получения положительных оценок. Базовая часть информационного модуля является обязательной для выполнения, вариативная – дает право выбора, исходя из индивидуальных способностей и интересов обучаемых. Наличие вариативной части модуля оказывает наиболее существенное влияние на активизацию самостоятельной работы обучаемых и обеспечивает дифференциацию процесса обучения.

Сущность балльно-рейтинговой системы состо-

ит в формировании рейтинга студента в ходе контроля его успеваемости на всем временном интервале изучения дисциплины. При этом предполагается разделение учебного курса на ряд более или менее самостоятельных, логически завершенных блоков и проведение по ним контрольной акции.

Балльно-рейтинговая система базируется на комплексной и непрерывной оценке знаний студентов в течение семестра, а также ритмичности их работы и посещаемости занятий.

Организация учебного процесса в вузе на основе балльно-рейтинговой системы обеспечивает:

- повышение мотивации студентов к качественному освоению образовательных программ за счет более высокой дифференциации оценки их учебной и научно-исследовательской работы;
- стимулирование систематической самостоятельной и научно-исследовательской работы студентов;
- совершенствование уровня профессиональной компетентности профессорско-преподавательского состава в области управления качеством образовательного процесса, создания системы обеспечения качества освоения образовательных программ учебных дисциплин;
- повышение академической мобильности и конкурентоспособности выпускников на международном рынке образовательных услуг.

Контроль успеваемости каждого студента в рамках балльно-рейтинговой системы осуществляется по итогам *текущей, рубежной и промежуточной (итоговой) аттестации*.

Текущая аттестация – это непрерывно осуществляемое «отслеживание» уровня освоения студентами знаний, умений и навыков в течение семестра или учебного года. Текущая аттестация, как правило, осуществляется в ходе учебных (аудиторных) занятий. Формами текущего контроля могут быть опросы на семинарских и практических занятиях, выполнение учебных и творческих заданий и т.д.

Рубежная аттестация осуществляется по более или менее самостоятельным разделам – дидактическим единицам или учебным модулям дисциплины и проводится по окончании изучения дидактической единицы или модуля. В качестве форм рубежного контроля применяются коллоквиумы, контрольные работы, выполнение студентами творческих заданий с отчетом (защитой) в установленный срок, тестирование по материалам учебного модуля или дидактической единицы.

Промежуточная аттестация – это экзамен и/или зачет в сессионный период по дисциплине (курсу) в целом.

Итоговая оценка по дисциплине в рамках балльно-рейтинговой системы определяется суммой баллов, полученной студентом в ходе различных форм текущей и рубежной аттестации и баллов, полученных при сдаче экзамена и/или зачета.

Реформа высшего профессионального образова-

ния, проводимая в настоящее время в России, обусловила необходимость пересмотра методологии и методики контроля и оценки качества образования в контексте компетентного подхода.

Создаваемые системы оценки качества профессиональной подготовки, соответствующие новой парадигме стандартизации программ высшего профессионального образования, должны обеспечивать контроль за достижением целей конкретной ООП ВПО, представленных в виде набора универсальных и профессиональных компетенций. Оптимальный путь формирования новых систем оценки качества профессиональной подготовки, по мнению В.А. Богоявленского, Е.В. Караваевой, Е.Н. Ковнун, О.П. Мелеховой и др., заключается в использовании как традиционных, выработанных в истории отечественной высшей школы, так и инновационных видов, форм и методов контроля. При этом традиционные средства контроля должны быть переосмыслены в русле компетентного подхода, а инновационные средства адаптированы для применения в российской вузовской практике [2].

С целью изучения опыта организации контроля качества профессиональной подготовки студентов на факультете педагогики и психологии ФГБОУ ВПО ОГУ было проведено *анкетирование*, в котором приняли участие 48 преподавателей.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что на факультете контроль качества профессиональной подготовки студентов включает текущую, рубежную и промежуточную (итоговую) аттестации. При этом контроль и оценка освоения студентами каждой учебной дисциплины осуществляется на 1-3 курсах в рамках балльно-рейтинговой системы, в то время как на старших курсах – с использованием традиционных форм проведения экзаменов и зачетов.

Анализ материалов анкетирования позволяет заключить, что все опрошенные преподаватели (100%) наибольшее внимание уделяют организации промежуточной (итоговой) аттестации. Контроль качества профессиональной подготовки в виде текущей аттестации и рубежной аттестации систематически используют в своей работе и считают важными для повышения уровня освоения образовательных программ 84% преподавателей.

Данные анкетирования свидетельствуют о том, что текущий контроль качества профессиональной подготовки осуществляется преподавателями посредством разнообразных методов: экспресс-опрос (блиц-опрос) – 18%, тестирование – 65%, контрольные работы – 81%, устный (индивидуальный и фронтальный) опрос – 100%, работа с карточками – 28%, работа с первоисточниками – 18%, выполнение учебных и творческих заданий – 86%, доклады и рефераты – 55%.

Таким образом, в ходе текущей аттестации преподаватели используют разнообразные формы и методы контроля знаний и умений студентов, отдавая предпочтение проведению устного (индивидуального и письменного) опроса, выполнению учебных и

творческих заданий, а также контрольным работам.

Кроме того, в ходе текущего контроля 65% преподавателей активно применяют педагогическое тестирование как стандартизированную форму оценки знаний студентов. Следует отметить, что на факультете создан банк тестовых заданий по всем реализуемым учебным дисциплинам. Он характеризуется набором различных форм тестовых заданий: закрытых, открытых, на дополнение, на установление последовательности, соответствия и т.д. При этом большинство тестовых заданий носит открытый характер, исключающий, во-первых, возможность угадывания правильных ответов, в отличие от закрытых тестов и, во-вторых, позволяющий выявить творческий потенциал студентов.

Проведенное анкетирование выявило некоторые отличия в организации контроля качества профессиональной подготовки в ходе рубежной и промежуточной (итоговой) аттестации в рамках балльно-рейтинговой системы и традиционных экзаменов и зачетов. Рубежная и промежуточная (итоговая) аттестация при балльно-рейтинговой системе преимущественно проходит в устной (40%) и тестовой (60%) формах; контроль качества освоения образовательных программ в ходе традиционных экзаменов и зачетов осуществляется посредством устного (60%) и письменного (40%) опроса.

Анализ оценочных средств, используемых преподавателями в ходе устного и письменного опроса, показал, что 84% преподавателей отдают предпочтение теоретическим вопросам с решением профессиональных педагогических задач; 54% преподавателей применяют решение педагогических задач, профессиональных проблемных ситуаций; 18% опрошенных осуществляют контроль знаний и умений студентов посредством выполнения творческих заданий.

Анкетирование показало, что при оценке каче-

ства профессиональной подготовки студентов все опрошенные преподаватели обращаются к стандартным критериям оценки. В большинстве случаев они предполагают оценку степени глубины и полноты знаний, чёткость и логику раскрытия ответа, знание специальной терминологии, творчество и аргументированность решения профессиональных педагогических задач.

При проверке письменных работ с целью повышения объективности их оценки преподавателями используются, в дополнение к вышеперечисленным, следующие параметры: наличие в ответе дополнительной информации, примеров, иллюстрирующих теоретические положения; аргументированность умозаключений; самостоятельность формулировки выводов.

Таким образом, можно констатировать, что преподаватели используют различные средства контроля и оценки учебных и научно-исследовательских достижений студентов. Используемые формы контроля, в основном, проверяют знания, реже умения и навыки студентов, приобретаемые в результате изучения конкретных учебных курсов. При этом устные формы контроля и оценки, до недавнего времени являющиеся наиболее распространенными, конкурируют с письменными, в том числе с тестированием, которое в сочетании с решением профессиональных педагогических задач обеспечивает надежность, объективность, технологичность и простоту получения качественно-количественной информации об освоении студентами профессиональных образовательных программ. Полученные данные позволяют заключить, что совершенствование организации контроля качества профессиональной подготовки должно идти по пути внедрения инновационных оценочных средств, предусматривающих оценку качества формируемых компетенций в соответствии с требованиями ФГОС ВПО.

Библиографический список

1. Коляда Л.А. Контроль качества профессиональной подготовки будущих педагогов: 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования»: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук / Людмила Александровна Коляда; [Саратовский государственный университет]. Саратов, 2007. 23 с.
2. Методические рекомендации по проектированию оценочных средств для реализации многоуровневых образовательных программ ВПО при компетентностном подходе / В.А. Богословский, Е.В. Караваева, Е.Н. Ковтун, О.П. Мелехова, С.Е. Родионова, В.А. Тарлыков, А.А. Шехонин. М.: Изд-во МГУ, 2007. 148 с.
3. Полонский В.М. Словарь понятий и терминов по образованию и педагогике. М., 2000. 368 с.
4. Субетто А.П. Понятийный аппарат качества в образовании / А.П. Субетто, В.П. Панасюк, Ю.Е. Яковлев // Профессиональное образование. 1999 г. №10. С. 14-16.

References

1. Kolyada L.A. Future teachers' professional training quality control: 13.00.08 "Theory and methodics of professional education", candidate dissertation in Pedagogics, author's abstract / Ludmila Aleksandrovna Kolyada; [Saratov State University], Saratov, 2007 – 23 p.
2. Methodical recommendations for the designing of estimation tools for the implementation of multilevel educational programmes for the higher professional education under the competence approach/ V.A. Bogoslovsky, E.V. Karavaeva, E.N. Kovtun, O.P. Melekhova, S.E. Rodionova, V.A. Tarlykov, A.A. Shekhonin. – Moscow: Moscow State University Publishing house, 2007. – 148 p.
3. Polonsky V.M. Dictionary of Education and Pedagogics terms and notions / V.M. Polonsky, Moscow, 2000. – 368 p.
4. Subetto A.P. The conceptual apparatus of quality in education / A.P. Subetto, V.P. Panasuk, Yu.E. Yakovlev // Professional Education. – 1999. – №10. – Pp.14-16.

УДК 372.881.111

UDC 372.881.111

Ю.Ю. ГРИДНЕВА

аспирант кафедры германских языков и методики преподавания института иностранных языков Российского гуманитарного университета им. С.А. Есенина
E-mail: yu.gridneva@rsu.edu.ru

Y.Y. GRIDNEVA

postgraduate of the department of Germanic languages and their teaching methodology, the Institute of Foreign languages of the RSU named after S.A. Yesenin
E-mail: yu.gridneva@rsu.edu.ru

**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВИДОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЯЗЫКОВЫХ АСПЕКТОВ
ПРИ ОБУЧЕНИИ ЭКСПРЕССИВНОМУ ПИСЬМЕННУМУ ВЫСКАЗЫВАНИЮ В ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ**

**THE PROBLEMS OF INTERACTION OF THE MAJOR SKILLS AND LINGUISTIC ASPECTS
IN TEACHING UNIVERSITY STUDENTS EXPRESSIVE WRITING**

В данной статье определяются особенности соотношения понятий «письмо», «письменная речь», «письменное выражение мыслей», «построение письменного высказывания»; определяются этапы построения письменного высказывания; рассматриваются особенности взаимодействия всех видов речевой деятельности, а также языковых аспектов при обучении созданию экспрессивного письменного высказывания на младших курсах языкового вуза.

Ключевые слова: экспрессивность, письмо, письменная речь, письменное выражение мыслей, этапы построения письменного высказывания, виды речевой деятельности, языковые аспекты.

The article explores the correlation between different aspects of the notion of “writing”; defines the stages of the writing process; examines the peculiarities of interaction of the major skills and linguistic aspects in teaching junior university students expressive writing.

Keywords: expressiveness, writing, the writing process, stages of the writing process, major skills, linguistic aspects.

Данная статья посвящена созданию экспрессивного письменного высказывания на иностранном языке в процессе обучения этому виду речевой деятельности в языковом вузе. Рассмотрение экспрессивной письменной речи с позиций методики предполагает изучение особенностей взаимодействия, с одной стороны, аспектов языка, а с другой стороны, видов речевой деятельности в процессе обучения такому высказыванию.

Обучение письменному выражению мыслей на младших курсах языкового вуза предполагает решение целого ряда проблем, связанных с особенностями этого вида речевой деятельности, и, с другой стороны, с традиционными подходами к обучению иностранным языкам в языковом вузе, где во главу угла на младших курсах становится обучение говорению, чтению, аудированию, в то время как письменное выражение мыслей в большинстве случаев рассматривается как средство обучения остальным видам речевой деятельности.

Такое положение дел связано с тем, что ученые-методисты и педагоги-практики считают, что студенты на данном этапе недостаточно подготовлены к созданию письменного дискурса, обладающего той степенью аутентичности, которая позволила бы его считать эффективным письменным высказыванием на иностранном языке.

И все-таки ученые понимают, что механизмы построения и восприятия высказывания на иностранном

языке безусловно взаимодействуют, и описанию этого взаимодействия посвящен ряд диссертационных исследований [1, 2, 7, 8, 11], а также учебных и учебно-методических пособий [5, 6, 9, 13, 14, 15]. Методисты говорят о необходимости обучать всем видам речевой деятельности «параллельно и взаимосвязанно» [9].

Взаимосвязанное обучение разным видам речевой деятельности достаточно хорошо исследовано, и результаты этих исследований могут использоваться как в теории, так и на практике, однако в нашей статье вопрос о взаимодействии механизмов различных видов речевой деятельности при обучении письменному выражению мыслей как одной из полноправных целей обучения на младших курсах рассматривается с несколько иной точки зрения. Нас интересует экспрессивная письменная речь, то есть использование способов повышения эффективности воздействия на читателя на всех уровнях языка: слово, фраза, предложение, сверхфразовое единство и т.д.

Именно в этом смысле мы будем говорить о взаимодействии различных видов речевой деятельности.

Задача исследования осложняется еще и тем, что до сих пор нет единого мнения относительно терминологии, характеризующей процесс порождения письменного высказывания, т.к. в разных работах письмо и письменная речь рассматриваются как:

- а) синонимы,
- б) в соотношении целое – часть или, наоборот, часть – целое,

в) разные аспекты одного и того же процесса.

Такой разброс точек зрения мешает ясному описанию результатов исследования.

Мы будем придерживаться того понимания, что письмо и письменная речь есть два равноправных, однако взаимосвязанных и взаимозависимых аспекта одного и того же процесса – процесса порождения письменного высказывания. Письмо является его графической, механической стороной, а письменная речь ответственна за речевое оформление письменного высказывания. Такое вычленение письма в отдельный аспект исследования диктуется тем обстоятельством, что психо-физиологические механизмы письма на родном и иностранном языках протекают по-разному, с участием разных функциональных систем мозга. Но несмотря на имеющиеся различия между письмом и письменной речью, эти два процесса являются взаимосвязанными и взаимозависимыми, один невозможен без другого.

Исследованиям психофизиологии письма и письменной речи в методике, лингвистике, психолингвистике, психологии и психофизиологии уделяется много внимания. Говоря о процессе порождения письменного высказывания, исследователи отмечают «сознательность и намеренность» этого вида речевой деятельности и сходятся во мнении, что создание письменного высказывания – это не просто идеомоторный акт, состоящий из механических движений руки, а гораздо более сложный по своему составу процесс, в котором задействованы многие психические и физиологические механизмы [3].

Начинается он, как правило, с возникновения *замысла* будущей работы, который представляет собой условное представление о том, о чем будет писать автор, и зависит от *мотива и цели*. Замысел – это общая идея речевого произведения, которая не только не была оформлена лексически и синтаксически, но даже не была еще детализирована, что произойдет лишь на следующем этапе – *смыслового оформления высказывания*.

Здесь имеет место планирование смысла высказывания в редуцированной форме во внутренней речи, с помощью которой пишущий в большей мере отвечает на вопрос «*Что написать?*», а не на вопрос «*Как написать?*».

«Перевод внутреннего смысла и содержания ... в лингвистические коды – в лексико-морфологические и синтаксические единицы» [12] происходит на следующем – *лингвистическом* – этапе.

Выбор определенных лексических и синтаксических средств для оформления высказывания во многом зависит от цели письменного текста, от читателя, на которого он ориентирован, а также от доминирующей формы выражения мыслей (к которым относятся «повествование», «описание», «объяснение», «полемика» [8]), что необходимо учитывать при обучении письменной речи. Такая лексическая и грамматическая формулировка высказывания происходит с помощью внутреннего проговаривания, кото-

рое П.Я. Гальперин описывает как «внешнюю речь «про себя» и характеризует как «развернутую речевую форму, только без внешнего произношения» [4].

При создании *экспрессивного* письменного продукта процесс лингвистического оформления высказывания особенно важен, поскольку именно здесь учащийся из всего арсенала имеющихся у него языковых средств должен выбрать те, которые будут способствовать повышению выразительности и воздействующей силы написанного.

После того, как высказывание было оформлено с помощью внутреннего проговаривания, оно должно быть записано с помощью графического кода. Таким образом, следующий этап – это этап письма – *графической фиксации речевого произведения*.

Овладение графической стороной процесса, несомненно, представляет определенную сложность для учащихся и, как отмечает Л.Т. Диаз-Рико (L.T. Diaz-Rico), зависит от того, насколько похожи графические системы родного и изучаемого иностранного языка [13]. Если родным языком студентов является русский, то обучение особенностям написания латинского алфавита обычно протекает быстро и сводится к нескольким занятиям, посвященным этому процессу. Однако если речь идет, например, об овладении графическими системами арабского или японского языков, этот процесс требует значительно более серьезных усилий как со стороны преподавателя, так и со стороны учащихся.

Однако легкость, с которой учащиеся усваивают особенности написания латинского алфавита, не относится к правилам орфографии. Связано это с тем, что в основе письма на английском и русском языках лежат разные психофизиологические механизмы и задействованы разные функциональные системы мозга. Так, фонетическое письмо, характерное, в частности, для русского языка, связано с работой коры височной области, тогда как письмо на английском языке, для которого характерна условная, а не фонетическая транскрипция, осуществляется с большим участием теменно-затылочных систем [10].

Завершающим этапом процесса создания письменного текста является *проверка написанного*, которая подразумевает не только проверку орфографической, лексической, грамматической и синтаксической правильности текста, но также «сопоставление результата речевого действия с задачей высказывания» [2]. При этом, как отмечает М.Х. Хейли (M.H. Haley), авторы с менее развитой языковой компетенцией делают проверку на лексическом уровне и уровне предложения, в то время как авторы с более глубоким знанием иностранного языка обращают больше внимания на логику построения высказывания, риторические отношения и осуществляют проверку написанного на уровне текста в целом [16].

Несмотря на кажущуюся сложность процесса порождения письменного продукта, есть ряд обстоятельств, которые облегчают обучение. Создание

письменного высказывания и на родном, и на иностранном языках – процесс растянутый во времени, что предполагает создание большого количества черновиков, использование справочной литературы, дает студенту возможность прервать процесс написания и продолжить его позже, проверить и скорректировать свое высказывание на любом этапе. То же самое учащиеся делают и на родном языке, и с этой точки зрения этот процесс кажется им естественным.

Однако чтобы сделать обучение созданию письменного дискурса действительно эффективным, необходимо учитывать сходства и отличия психофизиологических особенностей письма и письменной речи от механизмов говорения, чтения и аудирования. Как уже было сказано выше, взаимодействие этих видов речевой деятельности исследовано хорошо, но вот о процессе взаимодействия говорения, чтения и аудирования при обучении экспрессивному письменному высказыванию ученые говорят мало.

К примеру, взаимодействие говорения и ПВМ упоминают лишь только в том случае, когда противопоставляют стиль повседневного устного общения и стиль письменного выражения мыслей, разделяя эти два вида речевой деятельности. Однако экспрессивная письменная речь может и должна выступать как средство при обучении экспрессивной устной речи, и наоборот.

Так, одним из факторов успешной устной коммуникации является учет адресата и его возможностей, что во многом предопределяет выбор языковых и надсегментных средств воздействия на него. Эту особенность говорения можно и нужно использовать при обучении экспрессивной письменной речи, где связь участников коммуникации является опосредованной, и возможности реципиента часто не учитываются студентами, мешая точному выбору эффективных средств речевого воздействия. Чтобы этого избежать, учащиеся должны выполнять задания на описание адресата.

Также при создании экспрессивного устного высказывания велика роль надсегментных и невербальных средств, которые не могут быть использованы в высказывании письменном. Поэтому студенты должны знать, как их отсутствие может быть компенсировано чисто языковыми средствами.

Чтоб сделать высказывание еще более эффективным, помимо возможностей адресата необходимо учитывать особенности коммуникативной ситуации. Учету этого фактора успешного общения может научить *аудирование*. В процессе аудирования студенты имеют возможность увидеть реакцию собеседника на речевое воздействие: по интонации, использованным языковым средствам оценить, добился ли адресант желаемого воздействия на адресата, и попытаться определить, использование каких средств привело к такому результату.

При этом ударение, паузация, интонация облегчают процесс понимания структуры и смысла высказывания, и с первого взгляда кажутся элементами,

отличающими аудирование от письменной речи. Но, как справедливо отмечает М.А. Асеева, внутренняя интонация играет большую роль в создании письменного текста: «В письменной речи беглое и слитное прочтение написанного и умение вслушаться в интонационное членение предложения дает возможность излагать свои мысли связно, логически последовательно, понятно для будущего читателя» [1].

В основе сходства *письменной речи* и еще одного вида речевой деятельности – *чтения* – лежит использование графического кода. Однако два эти процесса являются разнонаправленными. Во время чтения движение направлено от слова к мысли, а при создании письменного текста оно идет «от мотива, порождающего какую-либо мысль(.) к оформлению самой мысли» [1].

Понимание текста – сложный процесс. Его необходимым условием Н.Д. Гальскова и Н.И. Гез называют «наличие определенной перцептивно-смысловой базы» [5], а также способность студентов к вероятностному прогнозированию, в формировании которых не последнюю роль играет знание учащимися основных форм выражения мысли в письменной речи, а также лексических, грамматических и синтаксических особенностей письменного текста.

Если говорить об обучении экспрессивной письменной речи, то в этом смысле чтение обогащает активный и пассивный словарный запас, иллюстрирует использование лексических, грамматических и синтаксических конструкций, усвоение которых может представлять определенную трудность и которые в дальнейшем могут быть использованы учащимися при создании собственных письменных текстов. Чтение аутентичных текстов дает возможность каждому из студентов почувствовать влияние слова на себе, и осознание, почему это происходит, является необходимым условием обучения экспрессивному высказыванию. Подробный анализ особенностей письменного произведения при изучающем чтении может сопровождаться заданиями на имитацию стиля автора, а затем и на написание собственного произведения в этом стиле, с использованием примененных автором языковых средств.

Все вышесказанное позволяет говорить о необходимости учета других видов речевой деятельности при обучении экспрессивной письменной речи.

Не менее важной проблемой является определение роли экспрессивной письменной речи при обучении таким языковым аспектам, как фонетика, лексика и грамматика, которые являются ведущими на младших курсах. Соответственно, количество аудиторных часов, которые могут быть отведены на обучение письменной и, тем более, экспрессивной письменной речи, очень ограничено. В связи с этим, можно говорить об использовании экспрессивной письменной речи как средства обучения, которое способно помочь учащимся в большей мере овладеть тем или иным аспектом, предполагает использование разнообразных письменных упражнений

на автоматизацию навыка и закрепление изучаемого материала, а также обеспечивает взаимодействие разных языковых аспектов. Однако даже в условиях недостатка времени письменная речь может и должна рассматриваться как цель обучения, поскольку знания, полученные при изучении этих аспектов, необходимы для овладения данным видом речевой деятельности, для построения грамотного, развернутого высказывания.

В первом семестре первого курса языкового вуза ведущим аспектом обучения английскому языку является *фонетика*. Обучение фонетике не должно сводиться лишь к постановке произношения и изучению особенностей интонационного оформления высказывания, что лежит в основе обучения устной речи на иностранном языке. На этом этапе обучать необходимо и обратному процессу: не только правилам чтения, но и орфографии. Чтобы в дальнейшем избежать орфографических ошибок, необходимо установить связь как между буквой и звуком, так и между звуком и буквой.

Уже на этом этапе можно ознакомить учащихся с фонетическими и графическими средствами интенсификации высказывания: аллитерацией, ассонансом, ономатопеей, графическим выделением слова, использованием пунктуационных знаков при его аранжировке и т.д., показывая, как звуковая и графическая форма слова, зафиксированного на письме, может воздействовать на читателя. Студенты также должны обучиться, как использовать особенности ритма письменного высказывания на иностранном языке, просодии, знать и уметь применять на практике способы передачи интонации с помощью пунктуации.

На более позднем этапе можно говорить о том, как интонационные особенности устного высказывания могут быть компенсированы на письме с помощью таких средств, как наречия и прилагательные-интенсификаторы, эмфатический оператор «do», инверсия, различные виды повторов и т.д.

При обучении следующему языковому аспекту – использованию *лексики* в речи – также прослеживается связь с обучением письменному выражению мыслей, т.к. сочетаемость лексических единиц, контекстуальное использование слов с точки зрения их

соответствия замыслу, учет не только фактической информации, но и эмоциональной помогают обучению экспрессивному письменному высказыванию.

Обучая студентов созданию коннотаций при использовании прилагательных и наречий интенсифицирующего содержания, фразеологизмов, клише, созданию образа с помощью тропов мы также параллельно обучаем экспрессивной письменной речи.

При этом перечисленные средства должны преподаваться не просто как часть языка, которая подлежит изучению, учащиеся должны осознавать интенсифицирующий потенциал лексических единиц, уметь реализовать его при создании письменного и устного дискурса.

Анализируя *грамматику* как аспект с точки зрения экспрессивной письменной речи, нужно обратить внимание на взаимодействие грамматики и риторики. При всем своем различии эти стороны высказывания имеют общую задачу – создание целостного, связного текста.

Кроме того, большинство, если не все грамматические средства обеспечения экспрессивности письменного высказывания зачастую представлены в учебниках по грамматике как исключение из правила: в английском языке это употребление эмфатического оператора «do» в повествовательных предложениях, прерывистой морфемы «be...ing» с глаголами чувственного восприятия, использование элативов, инверсии, эллипсиса и т.д. На наш взгляд, стоит представлять эти «исключения» в качестве средств повышения эффективности воздействия на читателя. Имеется в виду, что при обучении экспрессивной письменной речи даже на первом курсе возможно установить особые отношения между узусом и нормой и зависимость первого от замысла письменного высказывания.

Итак, вышесказанное позволяет отметить, что обучение экспрессивному письменному высказыванию является закономерным условием обучения иностранному языку на младших курсах, предполагает взаимодействие видов речевой деятельности и языковых аспектов с позиций коммуникативной эффективности высказывания и дает возможность рассматривать экспрессивное письменное высказывание как цель и как средство обучения.

Библиографический список

1. Асеева М.А. Комплексное сочетание видов речевой деятельности как часть методики обучения русскому языку нерусских учащихся: диссертация ... кандидата педагогических наук. М., 1998: С. 15.
2. Бабушис Е.Е. Обучение письменной речи как творческой деятельности в форме описания, повествования и аргументации. На старшем этапе в школах с углубленным изучением английского языка: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Тамбов, 2000: С. 17.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5-е, испр. Москва: Лабиринт, 1999: С. 317.
4. Гальперин П.Я. Лекции по психологии: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Университет: Высшая школа, 2002: С. 208.
5. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: Учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. М.: Академия, 2005: 224.
6. Гез Н.И., Ляховицкий М.В., Миролюбов А.А. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М.:

Высшая школа, 1982.

7. Джинцанова Е.А. Взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности на уроках калмыцкого языка в начальной школе: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01. М., 2006.
8. Колкер Я.М. Теоретическое обоснование последовательности обучения письменному выражению мыслей на иностранном языке (англ. яз., языковой вуз): дисс. ... канд. пед. наук. – М.: МПНИИЯ им. Мориса Тореза, 1975.
9. Колкер Я.М., Устинова Е.С., Н.В. Делерзон и др. Как сделать урок иностранного языка эффективным и интересным (от теории к практике): Учебное пособие. – Рязань: РГПИ имени С.А. Есенина, 1992.
10. Лурия А.Р. Письмо и речь: Нейролингвистические исследования: Учебное пособие для студ. псих. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2002: . 75.
11. Трофимова В.М. Педагогические условия развития творческих способностей младших школьников в процессе письменной речевой деятельности: дисс. ... канд. пед. наук. – Якутск, 2006.
12. Цветкова Л.С. Нейропсихология счета, письма и чтения: нарушения и восстановление: Учеб. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: МОДЭК, 2005: 191.
13. Diaz-Rico L.T. Teaching English Learners: strategies and methods. – USA: Pearson Education, Inc., 2004. Beyond methods: Components of second language teacher education./ Ed. by Kathleen Bardovi-Harlig. USA: The McGraw-Hill Companies, Inc., 1997.
14. Gower R., Philipps D., Walters S. Teaching Practice Handbook. Oxford: Heinemann English Language Teaching, 1995.
15. Haley M.H. Content-based second language teaching and learning: an innovative approach/ Marjorie Hall Haley, Theresa Y. Austin. USA: Pearson Education, Inc., 2004.

References

1. Aseeva M.A. Compatibility of major skills as a part of teaching methodology of the Russian Language to non-Russian speakers: candidate dissertation in Pedagogics. Moscow, 199. – 15 p.
2. Babushis Y.Y. Teaching Creative Writing in the Form of Description, Narration, and Argumentation at Senior Classes in Schools with Enhanced Studying of Foreign Languages: candidate dissertation in Pedagogics. Tambov, 2000. – 17p.
3. Galperin P.Y. Lectures in Psychology. Moscow: University, 2002. – 208 p.
4. Galskova N.D., Gez N.I. The Theory of Foreign Language Teaching: Pedagogy and Methodology. Moscow: Academy, 2005. – 224 p.
5. Gez N.I., Lyakhovitsky M.V., Mirolyubov A.A. Methodology of Teaching Foreign Languages in Secondary School. Moscow: High School, 1982.
6. Jintsanova Y.A. Interactive Teaching of Major Skills at Lessons of the Kalmyck Language in Primary School: candidate dissertation in Pedagogics. Moscow, 2006.
7. Kolker Ya.M. Theoretical Grounding of the Succession of Teaching Writing in a Foreign Language: candidate dissertation in Pedagogics. Moscow, 1975.
8. Kolker Ya.M., Ustinova H.S., Delerson N.V. How to Make a Foreign Language Lesson Effective and Interesting (from Theory to Practice.). Ryazan, RSPI named after S.A. Yesenin, 1992.
9. Luria A.R. Writing and Speaking: Neurolinguistic Research. Moscow: Academia, 2002. – 75 p.
10. Trofimova V.M. Pedagogical Conditions for Developing Creative Abilities of Primary-School Students in the Process of Writing: candidate dissertation in Pedagogics. Yakutsk, 2006.
11. Vygotsky L.S. Thought and Language. Moscow: Labyrinth, 1999. – 317 p.
12. Tsvetkova L.S. Neuropsychology of Arithmetics, Writing and Reading: Violation and Restoration. – Voronezh, 2005. – 191 p.
13. Diaz-Rico L.T. Teaching English Learners: strategies and methods. – USA: Pearson Education, Inc., 2004. Beyond methods: Components of second language teacher education./ Ed. by Kathleen Bardovi-Harlig. USA: The McGraw-Hill Companies, Inc., 1997.
14. Gower R., Philipps D., Walters S. Teaching Practice Handbook. Oxford: Heinemann English Language Teaching, 1995.
15. Haley M.H. Content-based second language teaching and learning: an innovative approach/ Marjorie Hall Haley, Theresa Y. Austin. USA: Pearson Education, Inc., 2004.

УДК 378.1403

UDC 378.1403

С.В. ДЕРЕПАСКО

доцент кафедры товароведения, сервиса и торговой инфраструктуры Орловского государственного университета
E-mail: svetlana_derepasko@yandex.ru

S.V. DEREPAKO

postgraduate student of Department of merchandising, service, trade-related infrastructure, Orel State University
E-mail: svetlana_derepasko@yandex.ru

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ПО ОТРАСЛИ «ДИЗАЙН»

INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN SHAPING THE SKILLS OF FUTURE TEACHERS OF VOCATIONAL TRAINING IN THE BRANCH "DESIGN"

В статье рассматриваются вопросы формирования профессиональной компетентности будущего педагога профессионального обучения по отрасли «Дизайн» (на примере специальной дисциплины «Культура дома») и подчеркивается значение инновационных технологий университета. Выделены педагогические условия, разработана теоретическая модель.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, педагогические условия, «культура дома», теоретическая модель.

The questions of forming the professional competence of a future teacher of the vocational training on the branch "Design" (on the example of the special discipline "Culture of the house") are considered and the significance of the university innovative technologies is emphasized in this article. Pedagogical conditions are allocated, the theoretical model is developed.

Keywords: professional competence, pedagogical conditions, "culture of the house", theoretical model.

Современная экономическая ситуация в России предъявляет более жесткие требования к качеству профессионального образования, предоставляемого образовательными учреждениями. Дальнейшее развитие общества невозможно без совершенствования профессионального образования, без его перехода на новый уровень. Профессиональные учебные заведения становятся основным каналом подготовки молодого пополнения квалифицированной рабочей силы, воспроизводства дипломированных работников, выступая как составная часть общей системы образования и как звено народнохозяйственного комплекса страны.

Подготовка педагога профессионального обучения осуществляется путем глубокой интеграции дисциплин психолого-педагогического и инженерно-технического компонентов образования, их взаимопроникновения и взаимообогащения, охватывает как производственные технологии, так и педагогические. Сюда входят: дидактика, общеметодическая, общепрофессиональная и отраслевая, специальная психолого-педагогическая и частнометодическая виды подготовки. Обязательное получение квалификации хотя бы по одной рабочей профессии позволяет совмещать функции преподавателя теоретического обучения и мастера производственного обучения по ряду учебных дисциплин.

Важнейшим компонентом личности педагога профессионального обучения по отрасли «Дизайн»

является профессиональная компетентность, под которой принято понимать интегральную характеристику деловых и личностных качеств специалиста, отражающую уровень знаний, умений, навыков и опыта, достаточных для осуществления профессиональной деятельности.

Профессиональная компетентность педагога оценивается уровнем сформированности профессионально-педагогических умений. Мы выделяем следующие требования к содержанию профессиональной подготовки будущего педагога: тесная взаимосвязь теоретической подготовки с практической деятельностью студентов; обучение на конкретных жизненных примерах в процессе изучения среды, в которой формируется личность; систематический анализ и переосмысление накапливаемого опыта.

Цель нашего научного исследования – теоретически обосновать и экспериментально проверить эффективность педагогических условий формирования профессиональных компетенций дизайнера у будущего педагога профессионального обучения на основе инновационных технологий вуза.

В ходе исследования были обнаружены следующие **противоречия между:**

– объективной потребностью средних профессиональных учебных учреждений в педагогах-дизайнерах, обладающих профессиональной компетентностью, и недостаточным уровнем ее сформированности у выпускников вуза;

– потребностью образовательной практики в педагогических условиях формирования профессиональных компетенций дизайнера у будущего педагога профессионального обучения и недостаточностью их разработанности и применения в учебном процессе на основе инновационных технологий вуза.

Исследование проводится на факультете технологии, предпринимательства и сервиса Орловского государственного университета. Автором разработана и научно обоснована необходимость внедрения специальной дисциплины «Культура дома» для формирования профессиональных компетенций дизайнера у будущих педагогов профессионального обучения, что позволит поднять профессиональный и творческо-деятельностный уровень обучающихся.

Кроме этого, даны определения понятиям:

– **«культура дома»** – это совокупность внутреннего и внешнего собственного пространства обитания человека или его семьи, созданного с затратой творческих сил и способностей человека, раскрывающегося в типах и формах организации личной и семейной жизни;

– **«специальная подготовка педагога профессионального обучения по отрасли «дизайн»** – это вид обязательной формы системного обучения в вузе, направленный на формирование профессиональных педагогических и дизайнерских компетенций, с использованием в обучении специфических отраслевому направлению форм, методов, принципов, подходов, педагогических и дополнительных условий посредством соответствующих данному направлению (специальных) дисциплин.

Инновационная образовательная среда Орловского государственного университета позволяет в настоящее время широко и органично с изучаемыми дисциплинами применять компьютерные технологии в процессе моделирования, конструирования, оформления, разрабатывать электронные презентации как средство мультимедиа; создавать студенческие творческие сообщества (инкубаторы); расширять педагогическое сотрудничество в целях реализации студенческих проектов, участия в выставках, на конференциях и тому подобное.

В ходе исследования, на основе внедрения пространственных в вузе инновационных технологий, разработана и апробирована теоретическая модель формирования профессиональных компетенций дизайнера у будущего педагога профессионального обучения (на материале специальной дисциплины «Культура дома»).

Ее функция в том, что подготовка будущих педагогов профессионального обучения по отрасли «Дизайн» к осознанной педагогической деятельности со сформировавшимися компетенциями направлена на быструю адаптацию в новых для них социальных условиях и рынке труда.

Цель модели: формирование интереса и готовности к осознанному освоению будущей профессии. Она реализуется поэтапно и включает в себя:

ориентировочно-адаптационный, продуктивный и прогностически-творческий этапы. Реализация модели осуществляется на основе инновационных технологий с учетом соответствующих форм, методов, средств и подходов обучения с опорой на комплекс принципов, критериев и уровней оценки знаний, умений и навыков педагога профессионального обучения, способного формировать дизайнерские знания, умения и навыки у учащихся профессиональных учебных учреждений.

Учитывая инновационные технологии вуза и научно-практический опыт работы преподавателей факультета технологии, предпринимательства и сервиса по созданию студенческих инкубаторов, мы в ходе исследования также остановились на формировании дизайн-ориентированной подготовке будущих педагогов профессионального обучения в условиях студенческого инкубатора. За основу такого инкубатора взят метод доцента В.С. Тенетиловой.

Студенческий инкубатор формирования дизайн-ориентированной подготовки будущих педагогов профессионального обучения является незарегистрированной формой самостоятельной работы студентов. В нем принимают участие в основном студенты четвертого и пятого курсов.

Следует отметить, что эффективность формирования компетенций будущего педагога профессионального обучения по отрасли «Дизайн» в вузе обеспечивается созданием совокупности следующих педагогических условий:

– *психолого-педагогические*: учет индивидуальных особенностей; осознание и понимание студентами необходимости развития способности, формирования своих творческих умений в области дизайна на фоне развития профессионально-педагогических качеств; формирование готовности к педагогической деятельности в условиях профессиональных учебных заведений; адаптация в условиях, приближенных к профессиональной деятельности; формирование у студентов целостного представления о будущей специальности и специализации, развитие творческих способностей.

– *организационно-методические*: учет особенностей предметов и разделов образовательных дисциплин в профессиональном обучении студентов и их использование в обучении специальным дисциплинам (рисунок, живопись, строительные конструкции и материалы, инженерная графика и др.); выделение и разработка специальных дисциплин, спецкурсов, факультативов, тем, разделов в процессе обучения дизайну; взаимосвязь теории и практики в обучении будущего педагога профессионального обучения;

– *дидактические*: использование межпредметных связей на содержательном и технологическом уровнях; комплексное применение учебно-методического материала, информационных технологий, творческих проектов; проведение занятий по спецдисциплине «Культура дома», как форме активизации познавательной, творческой и самостоя-

тельной деятельности студентов.

Кроме того обозначены *дополнительны условия*, отвечающие специфике отраслевой подготовки «дизайн»: информационные, социальные и технологические.

Используя инновационную образовательную среду Орловского госуниверситета, студенты факультета технологии, предпринимательства и сервиса имеют возможность показать свое дизайнерское мастерство и интересы на различных мероприятиях: конференциях, выставках, олимпиадах, конкурсах при защите курсовых и дипломных работ и др.

Наше исследование показало, что участие студентов в научно-практических конференциях возросло от 80% – на 4 курсе до 100% – на 5 курсе. Это обусловлено тем, что у студентов к этому времени возрастает уровень компетентности в области дизайна окружающей среды, чему в немалой степени способствует обучение специальной дисциплине «Культура дома».

Дисциплина «Культура дома» предполагает сле-

дующие внеаудиторные формы обучения: экскурсии, выставки, самостоятельная работа, творческое проектирование. Внеаудиторная работа со студентами проводится как дополнительная форма обучения, поэтому эти занятия не должны копировать аудиторные занятия. Внеаудиторные занятия и мероприятия в рамках дисциплины «Культура дома» направлены на закрепления и углубление знаний, на расширение кругозора, на развитие интереса к предмету изучения методами самостоятельной и творческой деятельности обучающихся. Кроме этого, они получают дополнительные сведения о будущей профессии, о связи науки с производством.

Предварительные статистические данные и их обработка подтверждают эффективность теоретической модели подготовки будущего педагога профессионального обучения по отрасли «Дизайн» (на примере специальной дисциплины «Культура дома») и подчеркивают значение применения инновационных технологий университета в формировании у них соответствующих компетенций.

Библиографический список

1. *Правдюк В.Н., Овсянникова О.А.* Психолого-педагогическая компетентность преподавателя как условие успешности реализации педагогического процесса в вузе. //Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. 2012. №2. Гуманитарные и социальные науки С. 303-310.
2. *Правдюк В.Н., Тенетилова В.С.* Формирование профессиональной компетенции специалиста посредством учебно-предпринимательской деятельности. //Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. 2010. №3(37). Ч.2. С.271-276.

References

1. *Pravdyuk V.N., Ovsyannikov O.A.* Psychological and pedagogical competence of teachers as a condition of success of the educational process at the university [Text] / V.N. Pravdyuk, O.A. Ovsyannikova // Scientific Notes of Orel State University. Scientific journal. – 2012. – № 2, Series: “Humanities and social sciences” – Pp. 303-310.
2. *Pravdyuk V.N., Tenetilova V.S.* The formation of the professional competence through the professional training and entrepreneurship [Text] / V.N. Pravdyuk, V.S. Tenetilova // Scientific Notes of Orel State University. Scientific journal. – 2010. – № 3 (37). Part 2. – Pp.271-276.

УДК 355.0357

А.И. КОЗАЧОК

сотрудник Академии ФСО России
E-mail: kaikadem@rambler.ru

UDC 355.0357

A.I. KOZACHOK

officer of the Academy of the Russian Federal Security
Service

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА ПРИ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИИ

THE PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE COMPETENCE APPROACH DURING THE INFORMATION SECURITY SPECIALIST TRAINING

В статье обоснованы и проанализированы проблемы, затрудняющие реализацию компетентностного подхода в системе образования в целом и в системе подготовки специалистов по защите информации. Намечены пути их решения. Выделены противоречия в образовательной практике подготовки специалистов по защите информации.

Ключевые слова: компетентностный подход, специалист по защите информации, компетенция, учебно-методический комплекс, компетентностная модель выпускника, критерии оценки качества подготовки.

The challenges to the implementation of competence approach both to the education system and information security specialist training system are described and analyzed in the article. The ways of solving them are outlined. The contradictions in the educational practice of training specialists in information security are singled out.

Keywords: competence approach, information security specialist, methodological complex, graduate competence model, training quality evaluation criteria.

В последние годы в мире, наряду с позитивными процессами, связанными с глобальной информатизацией и созданием условий для построения информационного общества, растет количество преступлений и правонарушений в сфере высоких информационных технологий. В связи с этим в условиях модернизации высшего профессионального образования актуальной задачей становится идентификация проблем в системе подготовки специалистов (бакалавров, магистров) по защите информации и путей их эффективного решения.

В качестве инновационного средства разрешения кризисной ситуации многими специалистами признан компетентностный подход, который уже приобрел социально значимый статус государственной политики в области образования. Приоритет формирования основных компетенций в процессе профессиональной подготовки специалистов по защите информации еще более утвердила ориентация системы российского образования на выполнение задач, закрепленных в «Федеральной программе развития образования», «Национальной доктрине образования до 2025 года», а также документах Учебно-методического объединения (УМО) по образованию в области информационной безопасности.

Компетентностный подход в определении целей и содержания высшего профессионального образования не является совершенно новым, а тем более чуждым для российской школы. Ориентация на освоение умений, способов деятельности и, более того, обобщенных способов деятельности была

ведущей в работах таких отечественных педагогов, как В. В. Краевский, Н. В. Кузьмина, И. Я. Лернер, А. К. Маркова, Л. М. Митина, М. Н. Скаткин, Г. П. Щедровицкий, В. В. Давыдов и их последователей. В этом русле были разработаны как отдельные учебные технологии, так и учебные материалы. Полученные многими авторами данные, результаты и выводы способствуют решению исследовательских и внедренческих задач. В то же время остается две группы нерешенных проблем, затрудняющих реализацию компетентностного подхода: в системе образования в целом и в системе подготовки узкопрофильных специалистов. На наш взгляд, первая группа достаточно полно исследована и в контексте настоящей работы включает следующие нижеперечисленные проблемы [1].

1. Не существует общепринятого определения базовых понятий «компетентность» и «компетенция».

2. Отсутствует научно обоснованное представление о единой структуре компетентности будущего специалиста по защите информации.

3. Несмотря на значительные усилия УМО по образованию в области информационной безопасности остается открытым вопрос о хотя бы рамочной, но продуктивной педагогической модели, содержащей систему дидактических условий и инновационных педагогических технологий, адекватных, в купе с традиционными, задаче формирования элементов структуры компетентности специалиста по защите информации.

4. Отсутствие содержательных критериев и механизма объективной оценки уровня сформированности профессиональной компетентности специалистов по защите информации на разных этапах обучения.

С учетом важности решения обозначенных проблем наибольший интерес представляет приведенный ниже анализ второй группы проблем, раскрывающих специфику подготовки специалистов по защите информации.

Уровень адекватного понимания сути компетентностного подхода профессорско-преподавательским составом вуза

Ключевыми понятиями компетентностного подхода в образовании являются «компетентность»/«компетенция». Анализ литературы показывает, что это сложные, многокомпонентные, междисциплинарные понятия, не имеющие в научной литературе однозначного определения. У разных авторов они отличаются по объему, составу, семантической и логической структурам. С учетом преемственности отечественной системы высшего профессионального образования компетенции отличаются от знаний тем, что существуют в виде деятельности, а не только информации о ней; от умений тем, что компетенции могут применяться в решении не только типовых, но и нестандартных задач, т. е. обладают свойством переноса; от навыков – тем, что они осознанны и неавтоматизированы, что также позволяет человеку действовать не только в типовой, но и в нестандартной ситуации [5]. Главной здесь является положительная мотивация к проявлению компетентности, вытекающая из ценностно-смысловых представлений индивида и его отношения к содержанию, условиям и результату деятельности. Всякая успешность требует не только компетенций, но и наличия высокого уровня рефлексии психологических знаний, т. е. не только высокой доли сознательного, но и умений мобилизовать весь свой ресурс.

Разработка методического обеспечения формирования структуры профессиональной компетентности специалиста по защите информации

Обосновано, что одним из необходимых и достаточных организационно-педагогических условий реализации модели методической системы формирования профессиональной компетентности специалистов в условиях информатизации образования может выступить такой набор учебно-методических комплексов (УМК), который отражает взаимообусловленность между профессиональными компетенциями специалистов, с одной стороны, и учебными дисциплинами, посредством которых будут формироваться эти компетенции, – с другой [4]. В этой связи, понятие «учебно-методический комплекс» рассматривается многими авторами как дидактическое средство управления подготовкой специалистов

и формирования их профессиональной компетентности – т. е. как набор дидактических составляющих образовательного процесса, включающий в себя определенную совокупность учебно-методических документов, технологических средств и организационных форм обучения. Наиболее перспективным с точки зрения дидактики представляется рассмотрение в качестве УМК дидактического комплекса информационного обеспечения (ДКИО) – подсистемы, в которую интегрируются прикладные программные педагогические продукты, базы данных и знаний в изучаемой предметной области, а также совокупность дидактических средств и методических материалов, всесторонне обеспечивающих и поддерживающих реализуемую педагогом технологию обучения [2].

Разработка педагогической модели формирования профессиональной компетентности специалиста по защите информации

В отечественной педагогике в качестве одного из перспективных путей повышения эффективности образовательного процесса рассматривается моделирование профессиональной деятельности специалиста [2]. Оптимальное решение задачи по переносу модели деятельности специалиста на содержание обучения по специальности в этом случае находится на путях переноса целей деятельности на адекватное содержание целей обучения. Таким образом, цели обучения должны находиться во взаимно однозначном соответствии с целями деятельности специалиста. Исходная цепочка «цели деятельности → цели образования» позволяет связывать потребности деятельности специалиста с потребностями его подготовки, отражая две составляющие процесса обучения по специальности: внешнюю, которая отражает цели деятельности специалиста по защите информации, и внутреннюю, отражающую цели подготовки специалиста к деятельности.

Данный путь решения проблемы формирования профессиональной компетентности специалиста по защите информации позволяет адекватно отразить в целях и содержании образования требования, предъявляемые обществом в целом и структурами обеспечения информационной безопасности, в частности, к своим специалистам. Для успешной профессиональной деятельности необходимо формировать у специалиста по защите информации не только профессиональные компетенции, но и особые, обеспечивающие общую направленность профессиональной деятельности смежных профессий – метапрофессиональные. Таким образом, в модель целостной профессиональной компетентности специалиста по защите информации входят социальная, метапрофессиональная и профессиональная компетенции.

Профессиональные компетенции направлены на успешную деятельность в обеспечении информационной безопасности, обеспечивая качество и надежность профессиональной деятельности в рамках родственных профессий (информатика, теле-

коммуникации, информационные системы и т. д.). Метапрофессиональные компетенции обеспечивают общую направленность профессиональной деятельности и связаны с личностными качествами специалиста по защите информации, а социальные компетенции связаны с его деятельностью в обществе.

При разработке модели формирования профессиональной компетентности специалиста по защите информации абсолютное большинство исследователей рассматривают целеполагание, содержание образования, особенности реализации образовательного процесса, а также оценку результатов подготовки специалиста по защите информации в качестве предпосылок для формирования основных компонентов модели. Это связано, прежде всего, с выполнением требования адекватности разрабатываемой модели, а также с необходимостью обеспечить верификацию ее основных положений применительно к системе подготовки соответствующих специалистов.

Особое место при разработке модели уделяется условиям формирования профессиональной компетентности специалиста по защите информации. Выявлению педагогических, психолого-педагогических, дидактических и методических условий формирования профессионально важных качеств и компетенций студента как будущего специалиста, закономерностей его профессионального и личностного развития посвящены исследования многих авторов (И.А. Зимняя, Э.Ф. Зеер, О.Г. Ларионова, Т.А. Матвеева, Н.Н. Нечаев, Дж. Равен, В.В. Сериков, Л. Спенсер, Ю.Г. Татур, А.В. Хуторской, В.Д. Шадриков и многие другие).

В этих исследованиях получен массив данных, показывающий важность следующих педагогических условий формирования профессиональной компетентности будущего специалиста: ориентация содержания обучения на модель деятельности современного специалиста; проблемный характер содержания обучения; развитие не только познавательных, но и профессиональных мотивов; диалогическое общение, взаимодействие и сотрудничество преподавателя и студентов; использование инновационных педагогических технологий; создание релевантной информационной среды с использованием возможностей компьютера; мониторинг параметров личностного, нравственного и профессионального развития студентов и т. п.

Таким образом, при конструировании модели формирования профессиональной компетентности специалиста по защите информации главная задача состоит в том, чтобы, используя в единстве и целостности разнообразные методы, обеспечить гибкость системы, сделать ее способной быстро реагировать, приспосабливаться к постоянно изменяющимся условиям. Компоненты модели должны раскрывать внутреннюю организацию процесса формирования профессиональной компетентности специалиста по защите информации и обеспечивать взаимодействие между элементами данного процесса.

Разработка критериев успешности достижения поставленных целей в реализации компетентностного подхода.

Главная проблема современного профессионального образования – недостаточное соответствие качества подготовки выпускников новым социально-экономическим условиям, при этом качество подготовки выпускников сегодня должно определяться отношением фактического уровня сформированности новых профессионально-образовательных конструктов к запланированному уровню в виде компетентностной модели выпускника.

Ниже приведены выделенные на основе анализа поля проблем диагностирования и изучения научных разработок по квалиметрии качества подготовки специалистов по защите информации приоритетные проблемы на различных этапах образовательного процесса и некоторые пути их решения [3].

Организация системы оценивания удовлетворенности работодателей качеством подготовки выпускников. Сегодня оценка удовлетворенности работодателей является обязательной процедурой в соответствии с требованиями Европейской Ассоциации гарантии качества в высшем образовании (ENQA); данные требования являются одним из базовых документов при создании типовой модели системы качества образовательного учреждения. Требуется доработка имеющихся подходов к оценке удовлетворенности работодателей с дифференцированной квалиметрической оценкой качества профессиональной подготовки по определенным согласованным критериям.

Следующая проблема, сдерживающая процесс управления качеством подготовки выпускников, – *отсутствие квалиметрически выверенной компетентностной модели выпускника.* Разработанные проекты стандартов по направлениям высшего профессионального образования приводят довольно длинный перечень необходимых специалисту по защите информации компетенций, которые должны стать основой модели, но модель специалиста – это цель, а цель должна быть измеримой. Для создания эффективно применяемой на практике модели выпускника, необходимо оптимизировать количество компетенций, применив их «свертывание», т. е. группирование, а также формирование комплексных междисциплинарных профессиональных компетенций и метапрофессиональных качеств, для оценки которых необходимы специальные шкалы.

Еще одна проблема выявляется на завершающем этапе подготовки специалиста по защите информации – это *существующая методика проведения государственного междисциплинарного экзамена.* По логике экзамен должен стать средством диагностики готовности выпускника к профессиональной деятельности, но, к сожалению, он не в полной мере выполняет эту функцию. Возможно, например, проведение экзамена в два-три этапа и включение в его программу, наряду с теоретическими вопросами,

комплексных практико-ориентированных заданий.

Еще одна проблема – в большинстве вузов *отсутствует система квалиметрической оценки качества выпускной квалификационной работы и её защиты*, так как принятая система определения баллов успешности не является критериально-ориентированной и оказывается недостаточной. В этом направлении можно отметить положительный опыт ряда вузов [1–3], но на наш взгляд, при обоснованном общем подходе такие модели оценки несколько перегружены показателями, что снижает их применимость.

Таким образом, перечень проблем реализации компетентностного подхода, приведенный в статье, не является исчерпывающим, а пути их решения носят концептуальный характер. Вместе с тем, анализ вышеизложенного позволяет говорить о том, что в педагогической науке и образовательной практике подготовки специалистов по защите информации существуют противоречия между необходимостью:

- адекватного понимания сути компетентностного подхода профессорско-преподавательским составом вуза и отсутствием общепринятого определения базовых понятий;

- реализации компетентностного подхода во всей системе непрерывного профессионального образования и отсутствием научно обоснованной *структуры компетентности* специалиста по защите информации;

- организации образовательного процесса, направленного на формирование профессиональной компетентности выпускника в контексте его будущей профессиональной деятельности, и неразработанностью методики содержательного анализа структуры профессиональной компетентности специалиста по защите информации;

- уметь решать поставленные перед современным специалистом по защите информации профессиональные задачи в условиях распределенной, в том числе межпрофессиональной, коллективной деятельности и фактическим отсутствием в системе его профессиональной подготовки средств и методов, необходимых для формирования и развития соответствующих компетенций;

- масштабного внедрения компетентностного подхода в практику высшей школы и отсутствием *адекватной педагогической модели формирования* профессиональной компетентности специалиста по защите информации;

- *объективной оценки уровня сформированности профессиональной компетентности* специалиста по защите информации и недостаточной разработанностью содержательных критериев, оценочных показателей и механизмов такой оценки на разных этапах профессиональной подготовки.

Разрешение этих противоречий связано с ответами на два основных вопроса: каковы концептуальные основы определения структуры компетентности специалиста по защите информации; в чем сущность педагогической модели, обеспечивающей формирование его профессиональной компетентности.

Научно-практические потребности и противоречия формирования профессиональной компетентности специалиста по защите информации актуализируют исследование теоретических основ, выявление ведущих тенденций и базовых принципов его реализации, определение психолого-педагогических условий повышения его эффективности в образовательной среде вуза, то есть позволяют говорить о необходимости разработки концепции формирования профессиональной компетентности специалиста по защите информации и научных основ ее реализации на практике.

Библиографический список

1. *Вербицкий А.А., Ильязова М.Д.* Инварианты профессионализма: проблемы формирования: монография. М.: Логос, 2011. 288 с.
2. *Козачок А.И.* Формирование профессиональной компетентности субъектов образовательного процесса в военном вузе: монография. Орел: Академия ФСО России, 2009. 136 с.
3. *Кузина Л.Л., Шушерин В.В.* Проблемы квалиметрической оценки качества специальной профессиональной подготовки выпускников вуза [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://>
4. *Лазарева Л. Ю., Ларин С. Н.* Модель методической системы формирования профессиональной компетентности будущих специалистов в условиях информатизации образования [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://>
5. *Надвоцкая В.В.* К вопросу о соотношении компетентностного и квалификационного подходов. [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://>

References

1. *Verbitsky A.A., Ilyazova M.D* Invariants of professionalism: the problem of forming: monograph / A.A. Verbitsky, M.D. Ilyazova. – Moscow: Logos, 2011. – 288 p.
2. *Kozachok A.I.* Formation of the professional competence of the educational process in the military college: monograph / A.I. Kozachok. Orel: Academy FSS of Russia, 2009. –136 p.
3. *Kuzina L.L., Shusherin V.V.* The problems of the qualimetric quality assessment of graduates' specialized training [electronic resource]. – Access mode. – URL: <http://>
4. *Lazarev L. Yu., Larin S.N.* The model of the methodical system of forming the professional competence of future professionals in the information education [electronic resource]. - Access mode. - URL: <http://>
5. *Nadvotskaya V.V* On the question of the relationship between competence and qualification approach. [electronic resource]. - Access mode. - URL: <http://>

УДК 930.85

UDC 930.85

В.П. КРЕСТЬЯНОВ

кандидат педагогических наук, профессор кафедры методики и технологии социальной педагогики и социальной работы Орловского государственного университета

E-mail: kvp-orel@yandex.ru

V.P. KRESTYANOV

candidate of Pedagogy, professor of the Department of Methods and Technology of Social Pedagogy and Social Work, Orel State University

E-mail: kvp-orel@yandex.ru

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КИРГИЗИИ И РОССИИ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ

THE INTERCULTURAL INTERACTION BETWEEN KYRGYZSTAN AND RUSSIA IN THE SOCIO-CULTURAL SPHERE

В статье рассматриваются теоретические концепции диалога культур. Исследуется межкультурное взаимодействие Киргизии и России в социокультурной сфере, концепт «советская культура», в рамках которой формировалась киргизская национальная культура, востребованность достижений культуры советского общества в современных условиях постсоветской культуры стран СНГ.

Ключевые слова: диалог культур, педагогика межкультурное взаимодействие, социально-культурная деятельность, национальная культура, концепт «советская культура».

V.P. Krestyanov's article deals with the theoretical concepts of cultural dialogue. It considers the intercultural cooperation between Kyrgyzstan and Russia in the field of socio-cultural sphere, the concept of "soviet culture", within which the kyrgyz national culture, relevance of the cultural achievements of the Soviet society in the present conditions of post-Soviet culture of CIS countries was being formed.

Keywords: dialogue of cultures, intercultural pedagogy, socio-cultural activities, national culture, the concept "soviet culture".

Высокий интерес к культуре как к значимому для воспитания явлению традиционно свойственен педагогике, в том числе и социально-культурной деятельности. Именно культура является содержанием воспитания, материалом, из которого строится воспитание. Социально-культурная сфера – основное поле деятельности воспитателя. Овладение культурой – одна из важнейших воспитательных задач и в то же время основное средство воспитания.

По своей природе культура, как, пожалуй, никакая другая частица человеческого опыта, обладает уникальной возможностью для духовного обмена, укрепления взаимопонимания и доверия между странами и народами. Процесс межкультурного взаимодействия и культурного обмена наблюдается на протяжении всей мировой истории. Культура извне может стимулировать развитие другой культуры, также возможен вариант взаимного усвоения различных составляющих социокультурных моделей культур, входящих в соприкосновение.

Социокультурный прогресс Киргизии стал возможен благодаря межкультурному взаимодействию и сотрудничеству с Россией, их взаимному материальному и духовному общению. Россия – евразийская страна, многообразие культур – ее богатство, сильная сторона. Русская культура всегда была отзывчива к развитию национальных культур, помогала духовному возрождению киргизского народа. Именно в российской культуре осуществляется уникальный процесс синтеза западных и вос-

точных культурных традиций, двуединая природа российской культуры позволяет ей быть посредником между Востоком и Западом.

Социально-культурная деятельность представляла для советской Киргизии новый и потенциально наиболее эффективный институт воспитания, образования, культурации, социализации и межличностного общения людей. Социально-культурная сфера становилась активной силой в деле возрождения народного искусства, ремесел, народных игр и других видов национальной культуры. Социально-культурные процессы в Киргизии развивались через многообразное, полисубъектное межкультурное взаимодействие с другими народами страны.

Обмен между культурами может происходить на различных уровнях, как в политике, образовании, искусстве, так и в межличностном общении людей. В процессе межкультурного контакта происходил диалог и взаимодействие культур посредством обмена культурной информацией между партнерами по коммуникации. Это свидетельствует, что межкультурное взаимодействие характеризуется многоаспектностью.

С позиций категориального аппарата в определении понятия «межкультурное взаимодействие» существует многовариантность подходов. В философии термин «взаимодействие» понимается как «процесс взаимного влияния тел друг на друга, наиболее общая, универсальная форма движения, развития». [12] В культурной антропологии принято считать,

что ...«целое важнее частного, т.е. для развития человека важнее те связи, которые устанавливаются у него с отдельными аспектами его жизни (труд, отдых, семейные обязанности и пр.), с другими членами того или иного объединения, чем состояние каждого из этих аспектов и характеристики конкретных окружающих».[7] Поэтому большое внимание уделяется изучению структуры межличностных отношений, способам организации непосредственных контактов между людьми и взаимодействия разных этнических групп друг с другом. Этнография рассматривает взаимодействие этносов «как фактор, обуславливающий развитие этнических процессов прежде всего в языково-культурной сфере».[13] Взаимодействие культур в контексте педагогики рассматривается как форма, метод, принцип, условие. [9] В культурологии межкультурное взаимодействие включает трансляцию, трансплантацию, творчество в манере иной культуры, синтез и создание культурного стиля.[11] В социально-культурной деятельности межкультурное взаимодействие мы определяем как педагогический процесс взаимного культурного влияния друг на друга, их взаимной обусловленности, определяющей существование и структурную организацию локальных систем культурного досуга, их трансформацию в единую общегосударственную систему социально-культурной жизни.

Проблему межкультурных взаимодействий, составляющих неизменное содержание историко-культурного процесса, нельзя должным образом сформулировать без выявления методологических основ самого предмета рассмотрения. В качестве источника межкультурного взаимодействия выступают теоретические учения и сложившиеся в XVIII-XX веках реалии. Идею равенства всех культур обосновали многие культур-философы, в том числе, русский философ Н.Я.Данилевский, немецкие философы И.Гердер, О.Шпенглер, В.Шубарт, английский историк и социолог А.Тойнби, ученый Е.Леви-Строс и др.

В работах И.Гердера «Исследования о происхождении языка», «Письма для поощрения гуманности» и особенно в фундаментальном сочинении «Идеи к философии истории человечества» изложена концепция прогрессивного развития культуры. Он считал, что «различие между народами просвещенными и непросвещенными, культурными и некультурными – не качественное, а только количественное».[5] Принципиальной позицией И.Гердера была установка на плюрализм человеческих сообществ, так как он полагал, что единство и целостность эволюционного процесса не предполагает единообразия. История культуры – это история различных, не сводимых друг к другу, уникальных и самоценных культурных образований, поэтому заблуждением было бы полагать, что «все поколения людей существуют, вообще говоря, только ради последнего поколения, которое воссядет на престоле посреди разбитого счастья всех предшествующих родов».[4]

Гуманистические взгляды И.Гердера были орга-

нично соединены с исследованием культуры стран и народов и получили широкий отклик в России. Так, Данилевский в книге «Россия и Европа» выдвинул теорию культурно-исторических типов, с помощью которой он обозначил всю совокупность знаний, характерных для той или иной культуры. Особое внимание Данилевский уделил общим закономерностям, которым подчиняется жизнь любого культурно-исторического типа. Отрицая существование некой всемирной истории, он полагал, что «прогресс... состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении, а в том, чтобы исходить всё поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях. Поэтому ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития, в сравнении с её предшественницами или современницами, во всех сторонах развития».[6]

В XX веке стремление к интеграции и целостности культуры привело к необходимости создания теории диалога как инструмента взаимоотношений субъектов и объектов социально-культурного пространства. Практически одновременно основы теории диалогизма закладываются М.Бубером в Западной Европе и М.М.Бахтиным в России.[3] Суть диалогичности каждой конкретной культуры М.М.Бахтин видел в том, что она может быть понята не из самой себя, а только из своей «внеаходимости». В области культуры, по мнению Бахтина, внеаходимость – самый могучий рычаг понимания. Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже, но никогда – до конца, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут ещё больше. Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чуждым смыслом; между ними возникает диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур, позволяет им сохранить свою уникальность, своё единство и открытую целостность, но при этом способствует их взаимному обогащению. Как писал М.М.Бахтин, только через диалог с другой культурой можно достигнуть определенного уровня самопознания, так как при диалогической встрече двух культур, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, одновременно обогащая другую».[2] Отдельная культура, следовательно, может быть понята лишь в контексте существования других культур обуславливающим её новые истолкования.

Идею диалога культур и межкультурного сотрудничества обосновывает американский социолог русского происхождения П.Сорокин в созданной им концепции культурной конвергенции. Культурная конвергенция как парадигма новой культуры – процесс сближения культур, взаимодействие которых происходит на основе общих интересов, целей и ценностей, в результате чего сохраняется самобытность культур и обеспечивается их интеграция. Источники возникновения культурной конверген-

ции носят комплексный характер. Теоретическими источниками являются идеи диалектики (Гераклит, Платон, Аристотель, Ф. Аквинский, Г. Лейбниц, Г. Гегель, К. Маркс, В.С. Соловьев), диалогической философии (Л. Фейербах, М.М. Бахтин, М. Бубер), учения эволюционистов о единстве человечества (Г. Спенсер, Э. Тайлор, Л. Морган, Дж. Фрезер), диффузионистов о взаимодействии культур (Ф. Гребнер, Л. Фробениус), представителей цивилизационного подхода в культурологии о множестве своеобразных, равноценных культур (К.Н. Леонтьев, И.А. Ильин и др.). Другими источниками стали сложившиеся в XX веке реалии: НТР, развитие кризисных процессов в экономике, военные угрозы.

Условием культурной конвергенции является открытость культур, целью – гармонизация их отношений друг с другом, сохранение, обогащение и развитие культуры как национального и общечеловеческого явления.[10] В современном мире процесс культурной конвергенции осуществляется в контексте процесса глобализации.

Для культурологических концепций советского периода был характерен классовый подход. Социалистическое общество было задумано как идеал, как общество, в котором должна была сформироваться новая культура. Совершенные экономические и социально-политические отношения, по мысли классиков марксизма-ленинизма, способствовали бы росту духовной культуры широких народных масс и одновременно повысили бы уровень образования основной части населения, что в сумме способствовало бы решению ключевой воспитательной задачи – формированию всесторонне развитой личности.

К. Маркс полагал, что культура вторична по отношению к экономике, экономика, а точнее отношения собственности, определяет облик культуры и её содержание. В его концепции экономика рассматривалась как базис, а культура в целом – как надстройка. Согласно марксизму, базис определяет надстройку, детерминирует её, поскольку надстройка обеспечивает сохранение существующих экономических отношений. В теории Маркса культура фактически равнозначна идеологии правящего класса, классовый подход в диалоге культур стал определяющим.

В течение многих десятилетий складывалась и развивалась культура советской цивилизации. Она проникала во все структуры хозяйственного механизма, духовной деятельности, социальных институтов, средств массовой информации. Культура советского периода – сложное и неоднозначное явление. Её нельзя воспринимать только как процесс бездумного воспевания коммунизма и руководящей роли коммунистической партии.

Изучением культуры и культурного строительства в многонациональной стране занимались многие историки, философы, деятели науки и народного образования. Естественно, что все накопленное в отечественном знании основывалось на принципах, заложенных марксизмом. Проблема взаимодействия

культур поставлена в работах М. Джунусова, Л. Зака, М. Кима и др. Их оценки данной проблемы заключались в том, что советская многонациональная культура – не простая сумма отдельных национальных культур, а высшее интернациональное единство, в котором, однако, культура каждого народа не может лишиться национального колорита и своеобразия. Они считали, что процесс взаимодействия и взаимовлияния национальных культур вывел все советские нации на широкие просторы современной культуры, перед ними раздвинулись горизонты культурного мира всех народов. Любая из советских национальных культур питалась не только из собственных родников, но и черпала из духовного богатства других братских народов и со своей стороны оказывала благотворное влияние, обогащая их.

Признанным главой советской школы историков-культурологов стал М.П. Ким, который выделял советскую культуру как социокультурное явление. Благодаря его исследованиям, история взаимодействия советской культуры превратилась в самостоятельную отрасль знания со своим предметом исследования, методикой, в основном сложившимся корпусом источников. Пласт знаний, который создан советскими учеными, с полным основанием может быть использован в современной отечественной теории культуры, так как он включал в качестве составных элементов учение о сущности культуры, определил общие закономерности её развития и функционирования, сформулировал учение об интеллигенции как субъекте культуры и культурного взаимодействия, рассматривал проблемы сохранения и приумножения культурного наследия, культурных обменов, исторические типы культуры, роль культуры в формировании всесторонне развитой и гармоничной личности и ряд других проблем.

Рассматривая противоречивые взаимосвязи и взаимодействия многонациональной советской культуры с точки зрения таких категорий диалектики, как общее, особенное, единичное, можно отметить, что общее в культуре СССР характеризуется тем, что советская культура – закономерный этап развития отечественной культуры, тех её элементов, традиций, которые были заложены или привнесены в неё и предшествовавшими историко-культурными периодами; особенное в культуре советского периода заключается в том, что она является главным реформатором социокультурных ценностей и создаёт новую духовность через столкновение великорусской, всероссийской и национальных культурных традиций (разрушение храмов и мечетей, насаждение атеизма, уничтожение самобытных устоев этнической жизни, создание новой общности «советский народ» и др.); единичное в советской культуре нашло отражение в развитии национальных культур народов СССР, в том числе киргизского народа, в образовании общемировой системы социалистических ценностей, в обогащении и развитии мировой культуры выдающимися достижениями в области науки, тех-

ники, искусства.

Так выстраивается система культуры, тождественная системе человеческой деятельности. Таковы те культурологические концепции, которые разрабатывались советскими культурологами.

Объектом и предметом изучения концепта «советская культура», процесса взаимодействия субъектов культуры, самого широкого круга вопросов социального бытия культуры стали работы таких известных современных российских культурологов, как А.И. Арнольдов, А.Е. Чучин-Русов, И.В. Кондаков [1]. Концепт «советская культура», сформировавшийся в недрах тоталитарной культуры, обсуждается ими как имеющий свою сущность, специфику, особенности трансформации в культуры других народов и государств. Это идеологическая структура социалистического общества, развивавшаяся на основе приоритета массового над индивидуальным, воспитанием враждебности к буржуазной массовой культуре, консерватизма, оппозиционности и в совокупности сформировавшая новый тип личности – советского человека. Культурологический анализ содержания концепта «советская культура» позволяет выделить в нём такие составные компоненты, как культурно-исторические истоки, формирование предпосылок для культурных взаимообменов, специфику функционирования в советском обществе и тенденции развития в ситуации его кризиса. Именно концепт «советская культура» является важнейшей теоретической моделью для анализа советской этнокультурной ситуации, помогает понять многогранную и сложную проблему радикального переворота в области культуры, вызванного Октябрьской революцией.

Исследование советской культуры, в рамках ко-

торой формировалась киргизская национальная культура в избранный нами период, показывает, что она создавалась в ходе межкультурного сотрудничества и взаимодействия в условиях тоталитарного государства. По мнению И.В. Кондакова, в советской культуре сложились две взаимоисключающие тенденции: одна – демократическая, развивающаяся «вширь» и стремящаяся распространить некий культурный минимум среди широких масс, тиражируя тщательно отобранные культурные ценности, навыки, знания, безусловно, необходимые каждому и всем; другая – «высокая», выражалась в развитии самой культуры, в создании новых ценностей, выработке новых знаний, в совершенствовании и углублении накопленного предшествующим периодом культурно-исторического процесса. Последняя ориентировалась не на массы, а на отдельные творческие личности, уже причастные к высшим достижениям культуры.[8]

В дискуссии по вопросу о культуре советского периода в настоящее время выделяются два подхода. Сторонники первого определяют её как люмпенскую культуру, культуру, не представляющую ценности. Вторые – рассматривают культуру с учётом конкретно-исторических условий её развития, богатой крупными достижениями в различных сферах, но одновременно серьёзными ошибками. В нашем исследовании, осуществляя научный анализ содержания концепта «советская культура» и его роли в этнокультурном прогрессе, мы определяем его как феномен, как категорию и признаём при этом востребованность достижений культуры советского общества в современных условиях. Элементы советской культуры присутствуют в структурах постсоветской культуры стран СНГ и помогают её эволюции.

Библиографический список

1. Арнольдов А.И. Введение в культурологию: Учеб. пособие. М.: Народная академия культуры и общечеловеческих ценностей, 1993; Чучин-Русов А.Е. Конвергенция культур. М.: Магистр, 1997; Кондаков И.В. Культура России. М., 1999.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 22-43.
3. Бубер М. Я и Ты; Диалог //Бубер М. Два образа веры. М., 1995; Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
4. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 224.
5. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 230.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 109.
7. Емельянов Ю.Н. Введение в культурную антропологию: Уч. пособие. СПб, 1992. С.14.
8. Кондаков И.В. Культурология: история культуры России: Курс лекций. М.:ИКФ Омега-Л, Высш. шк., 2003. С. 416, 423.
9. Семёнов В.А. Педагогические ситуации: Уч. пособие. М., 2001. С. 21.
10. Сорокин П. Социокультурная динамика. //Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992
11. Тетдоева С.А. Историческая память как социокультурное явление. СПб, 1998. С. 12.
12. Философский словарь /Под ред. М.М.Розенталя. Изд. третье. М., 1975. С. 59.
13. Этнография /Под ред. Ю.В.Бромлея и Г.Е.Маркова: Учебник. М.: Высшая школа, 1982. С. 9.

References

1. Arnoldov A.I. Introduction to cultural studies: a manual. – Moscow: The Public Academy of Culture and human values, 1993. Chuchin Rusov A.E. Convergence of Cultures. – M.: Magistr, 1997; Kondakov I.V. Culture of Russia. – M., 1999.

2. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. – M., 1986. – Pp. 22-43.
3. Buber M. You and Me; Dialogue // M. Buber. Two images of faith. M., 1995, M.M. Bakhtin The aesthetics of verbal creativity. Moscow: Iskustvo, 1986.
4. Herder I.G. Idea to the philosophy of history. – M., 1977. – P. 224.
5. Herder I.G. Idea to the philosophy of history. – M., 1977. – P. 230.
6. Danilevsky N.Y. Russia and Europe. – Moscow, 1991. – P. 109.
7. Emelyanov Yu.N. Introduction to Cultural Anthropology: a manual. St. Petersburg, 1992. – P.14.
8. Kondakov I.V. Cultural Studies: History of Russian Culture: Lectures. – Moscow: IKF Omega-L., Vysshaya Shkola, 2003. – Pp. 416, 423.
9. 9. Semenov V.A. Pedagogical situations: a manual. – M., 2001. – P. 21.
10. Sorokin P. Social and cultural dynamics // Sorokin P. Man. Civilization. Society. – Moscow, 1992
11. Tetdoeva S.A. Historical memory as a sociocultural phenomenon. – St. Petersburg, 1998. – P. 12.
12. Philosophical Dictionary / Ed. M.M. Rozental. – Third Ed. – M., 1975. – P. 59.
13. Ethnography / Ed. Yu.V.Broml and G.E.Markov: Textbook. – M.: Vysshaya Shkola, 1982. – P. 9.

УДК 811.161.1'37

UDC 811.161.1'37

А.И. ЛАВРИЩЕВ

кандидат педагогических наук,
докторант кафедры теории и методики обучения
русскому языку и литературе Орловского государ-
ственного университета
E-mail: lavr@rekom.ru

A.I. LAVRISHCHEV

candidate of Pedagogy, doctoral student of the
Department "The Theory and Methods of Teaching of the
Russian Language and Literature, Orel State University
E-mail: lavr@rekom.ru

МНОГОЗНАЧНОСТЬ ПОНЯТИЙ «ТЕРМИН» И «ТЕРМИНОЛОГИЯ»

POLYSEMY OF THE NOTIONS «TERM» AND «TERMINOLOGY»

В статье приводится характеристика понятий «термин» и «терминология» на основе анализа различных точек зрения, сформировавшихся в языкознании.

Ключевые слова: термин, терминология, многозначность, слово, словосочетание.

The article presents the characteristic of the notions "term" and "terminology" on the basis of the analysis of different points of view formed in the linguistics.

Keywords: term, terminology, polysemy, word, word-combination..

Анализ литературы, посвященной проблемам создания, развития и описания терминологических систем различных отраслей знания, показал, что лингвистическое изучение терминов достаточно продолжительное время осуществлялось в рамках лексикологии и характеризовалось требованиями к однозначности терминов и их строгой упорядоченности. Как следствие, определение понятия «термин» в его современном понимании сформировалось в начале двадцатого столетия.

На сегодняшний день понятие «термин» трактуется специалистами с различных точек зрения. Так, например, в Лингвистическом энциклопедическом словаре приводится следующее толкование «термина»: «Термин (от лат *terminus* – граница, предел) – слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности» [7, с. 508]. Определение «термина» с точки зрения фи-

лософии следующее: 1. Имя с оттенком специального (научного) его значения, уточняемого в контексте какой-либо теории или отрасли знания; 2. В античной философии – понятие, фиксирующее устойчивые и непреходящие аспекты реальности в противоположность разнообразным и изменчивым ее чувственным образам; 3. В аристотелевской силлогистике и традиционной логике – элементы суждений, входящих в состав силлогизма: субъекты и предикаты его заключения и посылки» [13, с. 681]. А в Логическом словаре под редакцией Н.И. Кондакова помимо понимания «термина» как «... слова или словосочетания, являющегося точным названием строго определенного понятия», автор констатирует, что «термином называется также и специальное слово или выражение, принятое для обозначения чего-нибудь в той или иной среде, профессии» [8, с. 594].

Такое кардинальное различие описания одного и

того же слова в разных науках может быть объяснено тем, что анализ содержательной стороны терминов как составляющей части определенной терминосистемы представители конкретных наук проводят с точки зрения общих проблем данной области знания. К тому же ученый, занимающийся вопросами только одной терминологической системы, априори ограничен ее рамками. В отличие от специалиста, работающего с общей теорией терминологии, который, главным образом, «...имеет дело с универсальными фактами, справедливыми для многих терминологических областей» [12, с. 10]. Как следствие, представители разных дисциплин, оперирующие различными терминологиями, трактуют «термин» по-своему, подразумевая под ним отличный друг от друга набор понятий и объем их содержания.

При этом необходимо отметить, что и лингвистическое, и философское, и логическое понимание «термина» объединяет следующее: во-первых, прослеживается неразрывная связь между «термином» и «понятием», во-вторых, с точки зрения всех указанных наук существенной характеристикой термина как такового является его принадлежность к специальной (научной) области знания.

Для нашего исследования особый интерес представляют точки зрения, сформировавшиеся в языкознании относительно понятий «термин» и «терминология». В своем труде «Русская терминология. Опыт лингвистического описания» [3, с. 15] В.П. Даниленко высказывает мнение, что терминами обозначаются специальные понятия, возникающие в соответствующих областях научной (и практической) деятельности. Автором «термин» понимается именно как «...слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции» [там же, с. 15].

Б.Н. Головин предлагает несколько расширенное, по сравнению с предыдущим, толкование «термина»: «Термин – слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе познания и освоения научных и профессионально-технических объектов и отношений между ними» [2, с. 5].

Из труда другого ученого, много лет занимавшегося вопросами терминологии, Т.Л. Канделаки «Семантика и мотивированность терминов» [5, с. 7] мы узнаем, что под термином понимается слово или лексикализованное словосочетание, которое для установления своего значения в соответствующей системе понятий требует построения дефиниции.

Таким образом, проанализировав представленные выше точки зрения относительно «термина», мы можем констатировать следующие элементы, являющиеся типичными характеристиками данного понятия с точки зрения языкознания: 1) термин – это слово или словосочетание 2) данное слово или словосочетание имеет специальное значение 3) для

точного определения этого значения оно требует дефиниции в рамках конкретной системы понятий 4) любое слово или словосочетание, понимаемое под «термином», обозначает профессиональное, специальное понятие.

Анализ литературы [3; 5; 12] показал, что мыслью, объединяющей точки зрения различных исследователей, является то, что термин имеет свой смысл, только являясь членом определенной терминологической системы. И, что самое важное, основной характеристикой термина как такового является его четко фиксированное содержание, которое «...должно принадлежать термину вне зависимости от контекста» [4, с. 39].

Приведенные выше примеры являются иллюстрацией мнения выдающего ученого А.А. Реформатского о том, что «...термин применительно к разному терминологическому полю (т.е. входя в разные терминологии) – не то же самое, так как связи фиксируемого им понятия различны для разных дисциплин, что и определяет его в поле... Тем самым термин парадигматичен семантически, то есть в каждой терминологии соотносен с теми или иными понятиями» [10, с. 9]. Таким образом, в своем исследовании мы разделяем точку зрения Я.А. Климовицкого, утверждающего, что «соотнесение термина с конкретной системой понятий является существенным признаком понятия «термин», без наличия которого термин невозможен, невозможно выполнение термином своих функций» [6, с. 108-109]. Как результат, автор констатирует, что «термин – это слово (или словосочетание), языковой знак которого соотносен (связан) с соответствующим понятием в системе понятий данной области знаний» [там же, с. 111]. Мы приходим к выводу, что только четкое научное определение слова «термин», лимитированное рамками конкретной терминосистемы, позволяет понять его правильно.

А что же такое «терминология» и что является ее основной характеристикой?

Анализ литературных источников по проблеме исследования [2; 3; 10; 12] свидетельствует, что терминология представляет собой: 1) общее терминологическое учение; 2) учение об образовании, составе и функционировании терминов в целом; 3) учение об образовании, составе и функционировании терминов определенной отрасли знания; 4) совокупность или некоторое неопределенное множество терминов-слов вообще; 5) совокупность терминов какой-либо определенной отрасли знания.

По мнению Д.С. Лотте [4, с. 14, 38], терминология любой отрасли знания должна представлять собой определенную систему терминов, которые выражают совокупность специфических понятий, рассматриваемых в конкретной области, а не произвольную совокупность отдельных слов, словосочетаний, символов и т.п.

Несколько уточненное определение терминологии приводит Б.Н. Головин: «Терминология – это соотнесенная с профессиональной сферой деятельности

(областью знания, техники, управления, культуры) **совокупность терминов**, связанных друг с другом на понятийном, лексико-семантическом, словообразовательном и грамматическом уровнях» [5, с. 5].

В.П. Даниленко пишет о соответствии «терминологии» двух понятий. С точки зрения исследователя, более узкая характеристика – «...**совокупность терминов одной области знания** (одной науки или научного направления), отражающая соответствующую совокупность понятий». Более широкая – «**общая совокупность терминов** всех областей деятельности» [3, с. 15]. При этом первая по своему смыслу (в силу того, что термин является либо словом, либо словосочетанием) совпадает с определением, приведенным в Лингвистическом энциклопедическом словаре: «Лингвистическая терминология (от *термин* и греч. *logos* – слово, учение) – **совокупность слов и словосочетаний**, употребляющихся в языкознании для выражения специальных понятий и для называния типичных объектов данной научной области» [7, с. 509]. Энциклопедия «Русский язык» трактует данное понятие похожим образом: «Терминология лингвистическая – **совокупность терминов науки о языке**» [11, с. 560].

Категория системности как составляющая лингвистической терминологии в целом отмечается многими специалистами. Так, О.С. Ахманова [1, с. 508] высказывает мнение, что лингвистическая терминология (равно как и терминология любой научной области) представляет собой не просто список

терминов, а *семиологическую систему*, то есть, по мнению автора, *определенную систему понятий*. Интересно, что лингвистическая терминология как семиологическая система «...складывается на протяжении всей истории языкознания и отражает не только смену воззрений на язык, не только разницу лингвистического словоупотребления в различных школах и направлениях языкознания, но и различные национальные языковедческие традиции» [7, с. 509].

Н.В. Васильева полагает, что лингвистическая терминология «...отражает концептуальный аппарат различных национальных научных традиций, лингвистических направлений и школ, а также языковых теорий отдельных авторов» [цит. по 11, с. 560]. Именно поэтому, по мнению ученого, лингвистическая терминология существует как «система систем».

По нашему мнению (и мы в своем исследовании придерживаемся точки зрения именно этого исследователя), наиболее универсальную характеристику терминологии как таковой представляет Н.Н. Лыкова, констатирующая, что терминология представляет собой «естественно сложившуюся **совокупность терминов**, представляющую собой внутренне упорядоченное целое, логико-лингвистическую модель данной области знания или деятельности, **совокупность (систему) терминологических единиц**, моделирующую не отдельную теорию определенной области знания, а, скорее, предметные области данной профессиональной сферы и характеризующую уровень развития профессиональных знаний» [9, с. 36].

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд-е 2-е, стереотипн. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 608 с.
2. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учебное пособие для филологических специальностей вузов. М.: Высшая школа, 1987. 104 с.
3. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 248 с.
4. Как работать над терминологией. Основы и методы. Пособие по трудам Д.С. Лотте. / Отв. ред. В.С. Кулебакин. М.: «Наука», 1968. 76 с.
5. Кандаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. М.: Наука, 1977. 167 с.
6. Климовицкий Я.А. Термин и обусловленность определения понятия в системе. Проблематика определения терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 108-111.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Яреца. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
8. Логический словарь. Гл. ред. Н.И. Кондаков. М.: Советская энциклопедия, 1975. 720 с.
9. Лыкова Н.Н. Генезис языка права (на материале французских и русских документов X-XV веков): монография. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2005. 308 с.
10. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология. М.: Академия Наук СССР, 1959. 16 с.
11. Русский язык: Энциклопедия. Гл. ред. Ф.П. Филин. М., 1979; Изд. 2-е, перераб. и доп. (гл. ред. Ю.Н. Караулов). М., 1977; 2003.
12. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. М.: Наука, 1989. 246 с.
13. Философский энциклопедический словарь. / Гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

References

1. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. Second Ed., stereotypical. / O.S. Akhmanova. – Sov. Encyclopedia, 1989. – 608 p.
2. Golovin B.N., Kobrin R.Yu. Linguistic basis of the doctrine of the terms: A manual for philological specialties in universities / B.N. Golovin, R.Yu. Kobrin. – M.: Vysshaya Shkola, 1987. – 104 p.
3. Danilenko V.P. Russian terminology. The experience of the linguistic description / V.P. Danilenko. – Moscow:

“Nauka”, 1977. – 248 p.

4. How to work on terminology. Principles and methods. Benefit from the works of D.S. Lotte. / Ed. V.S. Kulebakin. Moscow: “Nauka”, 1968. – 76 p.

5. Kandelaki T.L. Semantics, and motivation of terms / T. L. Kandelaki. – Moscow: “Nauka”, 1977. – 167 p.

6. Klimovitsky Ya.A. The term and the conditionality of defining the notion in the system / Ya.A. Klimovitsky // The problem of defining the terms in the dictionaries of different types. L., 1976. – Pp. 108-111.

7. Linguistic Encyclopedic Dictionary / Ed. V.N. Yartseva. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990. – 685 p.

8. Logical vocabulary / Ed. N.I. Kondakov. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1975. – 720 p.

9. Lykov N.N. The genesis of the law language (based on the French and Russian documents X-XV centuries): monograph / N. Lykov. – Tyumen: Publishing House of Tyumen State University, 2005. – 308 p.

10. Reformatskii A.A. What is the term and terminology / A.A. Reformatskii. – Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1959. – 16 p.

11. The Russian language: Encyclopedia / Ed. F.P. Filin. – M., 1979, 2nd Ed., revised and supplemented (Ed.. Karaulov Yu.N.). – M., 1977, 2003.

12. Superanskaya A.V., Podolsky N.V., Vasilyev N.V. Common Terminology: Theory / A.V. Superanskaya, N.V. Podolsky, N.V. Vasileva. – Moscow: Nauka, 1989. – 246 p.

13. Encyclopedic Dictionary of Philosophy / Ed. L.F. Il'ichev, P.N. Fedoseyev, S.M. Kovalev, V.G. Panov. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1983. – 840 p.

УДК 378.17:796.011.1:316.628.:378.637-057.875

UDC 378.17:796.011.1:316.628.:378.637-057.875

Э.В. МАРКИН

кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания Орловского государственного аграрного университета

А.С. ПАРФЕНОВ

кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания Орловского государственного аграрного университета
E-mail:sport@orelsau.ru

E.V. MARKIN

candidate of Pedagogics, associate professor of Department of Physical Education, Orel Sate Agricultural University

A.S. PARFYONOV

candidate of Pedagogics, associate professor of Department of Physical Education, Orel Sate Agricultural University
E-mail:sport@orelsau.ru

МОТИВАЦИЯ К ЗАНЯТИЯМ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ У СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ

MOTIVATION FOR PHYSICAL EXERCISE AMONG STUDENTS OF PEDAGOGICAL UNIVERSITIES

В статье рассмотрены вопросы мотивации к занятиям физической культурой у студентов и студенток педагогических вузов. Для достижения цели использовались следующие методы опроса: анкета для оценки мотивов укрепления здоровья, мотивов развития двигательных и волевых качеств, эмоциональных мотивов и методика для оценки внутренней и внешней мотивации к физической деятельности. Выборка студентов включала 146 чел., а студенток – 155 чел. Результаты показали, что студенты педагогических вузов проявляют больший интерес к развитию двигательных качеств, а для студенток занятия физическими упражнениями менее привлекательны.

Ключевые слова: мотивация, физическая культура, студенты педагогических вузов.

This article deals with the questions of forming the motivation for physical exercise among students of pedagogical universities. For achievement of the purpose the following research methods were applied: the questionnaire for estimation of motives of strengthening the health, the motives of the development of the motional and strong-willed qualities, the emotional motives and inventory for estimation of internal and external motivation to physical exercises. The sample consisted of 146 male students and of 155 female students. The results have shown, that male students show the greater interest in developing motional qualities, and as for female students physical exercises are less attractive.

Keywords: motivation, physical exercises, students of pedagogical universities.

Введение

Процесс совершенствования системы физического воспитания студентов основан на широком использовании научных достижений в области социальных, педагогических и естественных наук, но на протяжении последних лет достаточно сложен и обусловлен многими факторами, среди которых существенным является мотивация к занятиям физической культурой [2, 3, 8]. В последнее время наблюдается общая тенденция возрастания роли физической культуры и спорта в жизни студентов [7, 10], повышается уровень положительной мотивации к систематическим занятиям физической культурой, спортом, к здоровому образу жизни.

Журнал “Физическое воспитание студентов творческих специальностей” публикует много материалов, посвященных мотивации студенчества [4, 6]. Однако, особенности мотивации в контексте половых различий освещены, на наш взгляд, еще недостаточно, что свидетельствует об актуальности такого рода исследования. Исследования в среде студентов педагогических вузов, по нашему убеждению, имеют и существенное практическое значение для оптимизации системы физического воспитания.

Эффективность физического воспитания существенно повысится, если будет повышен уровень положительной мотивации к систематическим занятиям физической культурой. Важно определить, что необходимо сделать, чтобы выработать потребность у студентов педагогических вузов заниматься физическими упражнениями всю жизнь.

Как показывают научные исследования [2, 5], мотивация студентов неоднородна, она зависит от множества факторов: возрастных, половых, индивидуальных особенностей. Научные исследования показывают, что для студентов младших курсов спорт и физическая культура не являются ничем, кроме как учебной дисциплиной в университете. Студенты-старшекурсники начинают оценивать спорт и понимать его нравственные, эмоциональные аспекты, наблюдается большая мотивация к занятиям физической культурой и спортом [5]. Само понятие “спорт” девушки и юноши рассматривают по-разному. Для большинства девушек занятия спортом – это одно из средств, направленных на формирование красивой фигуры, правильной осанки. Для юношей более характерно стремление максимально совершенствоваться в данном виде спорта для достижения наивысших результатов. Они больше склонны к подражанию выдающимся спортсменам из “большого” спорта [5].

Заинтересованность спортом проявляется следующим образом: среди студентов 5 % опрошенных читают спортивные газеты, 51 – смотрят спортивные передачи, 35 – посещают спортивные мероприятия, но, к сожалению, 29 % – ничем не интересуются [12].

При проведении исследования, опираясь на концепцию Н.М. Баламутовой, Л.В. Шейко, И.П. Олейникова [1], мы выделили три блока мотивов,

подходящих для исследования мотивации к занятиям физической культурой у студентов педагогических вузов: мотивы укрепления здоровья, мотивы развития двигательных и волевых качеств, эмоциональные мотивы. К мотивам укрепления здоровья относятся мотивы: стремление к укреплению и поддержанию здоровья, хорошее физическое самочувствие после занятий. В структуре мотивов развития двигательных и волевых качеств мы различаем такие мотивы: развитие силы, развитие выносливости, развитие скорости. К эмоциональным мотивам относятся мотивы: удовольствие от занятий, хорошее настроение во время и после занятий.

Другой теоретической основой нашей работы для изучения мотивации к занятиям физической культурой у студентов педагогических вузов является концепция о внутренней и внешней мотивации [9]. О внутреннем типе можно говорить, если деятельность значима для личности сама по себе. Если же в основе мотивации деятельности лежит стремление к удовлетворению иных потребностей, не связанных с ней (мотивы престижа, стремление получить зачет т. д.), то в данном случае принято говорить о внешней мотивации. Внешние мотивы дифференцируются на положительные и отрицательные.

Цель, задачи работы, материал и методы

Результаты исследований показали, что в настоящее время формирование у молодежи потребности к физическому самосовершенствованию актуально и должно быть долгосрочным позитивным результатом всей работы по физическому воспитанию. Вопрос физического воспитания рассматривался многими специалистами. Однако проблему повышения эффективности физического воспитания студентов в настоящее время нельзя считать достаточно решенной. Сегодня актуальной задачей для преподавателей физического воспитания является формирование у студентов позитивной мотивации к физической культуре и спорту. Поэтому наиболее важным в структуре личной физической культуры студента является мотивационный компонент.

Проблема исследования определялась противоречием между постоянно растущими требованиями к подготовке студентов вузов по физической культуре и не всегда достаточным уровнем мотивации к физической культуре и спорту.

Гипотеза исследования заключается в следующем: уровень мотивации студентов к занятиям физической культурой выше, чем уровень мотивации студентов.

Целью нашего исследования являлось определение мотивации студентов (юношей и девушек) педагогических вузов к занятиям физической культурой.

Методы и организация исследования. Для достижения цели использовались следующие методы опроса: анкета (основана на концепции Н.М. Баламутовой, Л.В. Шейко, И.П. Олейникова) для оценки мотивов укрепления здоровья, мотивов развития двигатель-

ных и волевых качеств, эмоциональных мотивов [1] и методика К. Замфир в модификации А.А. Реана для оценки мотивации к физической деятельности [9], позволяющей выявить на основе выраженности конкретных мотивов деятельности три мотивационных компонента: внутреннюю мотивацию, внешнюю положительную мотивацию и внешнюю отрицательную мотивацию. От опрашиваемого требовалось дать оценку значимости мотивов по пятибалльной шкале. Для статистической обработки данных был использован процентный t-критерий Стьюдента.

Отбор испытуемых в выборочную совокупность осуществлен методом гнездовой выборки. Она предполагает отбор в качестве единиц исследования не отдельных респондентов, а студенческих групп из педагогических вузов (в Литве есть два таких вуза – Литовская академия физической культуры и Вильнюсский педагогический университет) с последующим сплошным опросом в отобранных группах студентов (юношей и девушек). Выборка студентов включала 146 чел., а студенток – 155 чел. Общая величина выборочной совокупности – 301 испытуемый.

Результаты исследования

Итоги изучения мотивов укрепления здоровья, мотивов развития двигательных и волевых качеств, эмоциональных мотивов систематизированы в табл. 1.

О чем свидетельствуют данные, приведенные в таблице? Из полученных результатов следует, что в блоке мотивов укрепления здоровья наиболее значимыми являются мотивы стремления к укреплению и поддержанию здоровья (студенты – 58% и студентки – 46%), т.е. юноши достоверно ($p<0,05$) более положительно по сравнению с девушками относятся к занятиям физической культуры как к важному фактору укрепления здоровья. При сравнении мотива «хорошее физическое самочувствие после занятий» не обнаружены значимые различия в оценках студентов и студенток педагогических вузов (студенты – 53% и студентки – 51%).

В группе мотивов развития двигательных и волевых качеств наибольший вес имеет мотивы развития силы и развития выносливости. Результаты сравнительного исследования мотивов развития силы показывают, что эти мотивы студентов достоверно ($p<0,05$) отличаются от мотивов студенток. Большой удельный вес в мотивационной структуре студентов имеют и мотивы развития выносливости, (студенты – 66% и студентки – 56%). Если студенты проявляют больший интерес к развитию двигательных и волевых качеств, то для студенток занятия физическими упражнениями уже менее привлекательны с точки зрения развития двигательных и волевых качеств.

Результаты исследования показывают, что эмоциональные мотивы (удовольствие от занятий, хорошее настроение во время и после занятий) не имеют большого удельного веса для мотивации учебной деятельности к занятиям физической культурой. Лишь третья часть опрошенных студентов педагогических вузов указали на положительное значение эмоциональных мотивов.

Для сравнения мотивационных компонентов (внутренней мотивации, внешней положительной мотивации и внешней отрицательной мотивации) студентов и студенток педагогических вузов нами был использован t-критерий Стьюдента. Результаты сравнительного исследования представлены в таблице 2. По ее данным видно, что достоверных различий по внутренней мотивации между студентами и студентками не наблюдается.

Из полученных результатов следует, что в структуре мотивации студентов и студенток педагогических вузов преобладает внешняя положительная мотивация, а на второй позиции у студентов находится внутренняя мотивация, у студенток – внешняя отрицательная мотивация.

Кроме того, можно заметить, что более высокие показатели внешней положительной мотивации сту-

Таблица 1.

Мотивация к занятиям физической культурой у студентов педагогических вузов (в % к числу опрошенных)

Мотивы	Студенты	Студентки	Критерий разности t	Уровень значимости p
Стремление к укреплению и поддержанию здоровья	58	46	2,10	$p<0,05$
Хорошее физическое самочувствие после занятий	53	51	0,35	Незнач.
Развитие силы	86	77	2,03	$p<0,05$
Развитие выносливости	66	56	1,79	Незнач.
Развитие скорости	49	41	1,40	Незнач.
Удовольствие от занятий	39	35	0,72	Незнач.
Хорошее настроение во время и после занятий	44	36	1,42	Незнач.

Таблица 2.

Результаты сравнительного анализа статистических показателей ($M\pm D$) мотивационных особенностей студентов педагогических вузов

Показатель	Студенты	Студентки	Критерий разности t	Уровень значимости p
Внутренняя мотивация	2,71+1,17	2,63+1,14	0,60	Незнач.
Внешняя положительная мотивация	3,33+1,21	3,05+1,15	2,06	$p<0,05$
Внешняя отрицательная мотивация	2,52+0,93	2,74+0,98	-2,00	$p<0,05$

дентов педагогических вузов достоверно ($p < 0,05$) отличаются от внешней положительной мотивации студенток. Данный факт в ракурсе исследуемой проблематики можно трактовать как фактор, указывающий на половые различия. Студенты и студентки педагогических вузов, судя по результатам исследования, сильно отличаются по компоненту, отражающему внешнюю отрицательную мотивацию. У студенток стремление избегать критики со стороны преподавателей или друзей, а также уход от возможных наказаний или неприятностей имеет больший удельный вес в мотивационном обеспечении их деятельности на занятиях физической культурой, чем у студентов. Таким образом, результаты исследования подтвердили то, что мотивационная структура студентов и студенток педагогических вузов в ракурсе исследуемой проблематики отличается.

В заключение сопоставим полученные результаты с итогами исследований, проведенных другими учеными. Наши данные совпадают с результатами, представленными в работах [4, 5, 11]. Вероятно, что сохранение интереса к двигательной активности соответствует психологии современной молодежи. Поскольку здоровье и учеба студентов взаимосвязаны и взаимообусловлены, то важно поддержать интерес к физической культуре, положительное мотивационно-ценностное отношение к физической культуре, потребность в регулярных занятиях физическими упражнениями, в физическом самосовершенствовании [12]. Для этого следует смещать акцент внимания с нормативных показателей физкультурно-спортивной деятельности и как можно чаще разнообразить практические занятия путем включения в них современных средств физической культуры и форм занятий.

Как привлечь студентов к занятиям физической культурой и что нужно сделать для того, чтобы занимающиеся как можно дольше с ними не расставались? Ответить на эти вопросы можно только при

хорошем знании системы мотивов, побуждающих студентов к физкультурно-спортивной деятельности. Кроме того, система занятий физической культурой должна быть таковой, чтобы полноценно реализовывать задачу развития систем внутренней и внешней мотивации личности. Наше исследование показало, что теперь в процессе занятий физической культурой действует в основном внешняя мотивация, поэтому первостепенное значение должно уделяться вопросу формирования внутренней мотивации. В заключение отметим, что исследование мотивационных особенностей студентов и студенток педагогических вузов может служить исходным основанием для дальнейшего поиска и совершенствования организационных форм, способов, средств учебного процесса на занятиях физической культурой.

Выводы

Результаты показали, что студенты педагогических вузов проявляют больший интерес к развитию двигательных качеств, а для студенток занятия физическими упражнениями уже менее привлекательны.

Студенты и студентки педагогических вузов, судя по результатам исследования, значительно отличаются по компоненту, отражающему внешнюю отрицательную мотивацию. Более высокие показатели внешней положительной мотивации студентов педагогических вузов достоверно ($p < 0,05$) отличаются от внешней положительной мотивации студенток.

Целесообразность дальнейших исследований мы видим в исследовании закономерностей формирования мотивации у студентов и студенток педагогических вузов на основе психолого-педагогических механизмов сознательного восприятия структурных компонентов физической культуры и здорового образа жизни. Дальнейшие наши исследования в этой области должны быть посвящены разработке проблемы мотивации регулярных занятий физическими упражнениями и созданию учебных программ.

Библиографический список

1. Ефимова И.В. Состояние здоровья и мотивация физкультурно-оздоровительной деятельности студентов при различных факторах риска нейросоматических заболеваний // Теория и практика физ. культуры. 1996. № 8. С. 19-22.
2. Коджаспиров Ю.Г., Сытник В.И., Крупник Е.Я. Исследование мотивации студентов нефизкультурных вузов, избравших своей специализацией спортивные единоборства // Теория и практика физ. культуры. 1998. № 1. С. 41-44.
3. Коник Г.А., Темченко В.А., Усова Т.Е. Учебные занятия по видам спорта как средство формирования мотивации к здоровому образу жизни у студентов высших учебных заведений // Физическое воспитание студентов творческих специальностей. 2006. № 4. С. 107-114.
4. Коноплева Е.Н. Формирование мотивации к занятиям физической культурой у студентов нефизкультурных вузов посредством лекционных занятий по теории и методике фк. // Физическое воспитание студентов творческих специальностей. 2008. № 3. С. 45-51.
5. Лотоненко А.В. Педагогическая система формирования у студенческой молодежи потребностей в физической культуре: Дис. ... д-ра пед. наук: Воронеж, 1998. 360 с.
6. Плотников В.П., Миронова Т.С., Рыжак М.М. Нервно-психическое состояние и мотивация спортивной деятельности студентов медицинского вуза // Теория и практика физ. культуры. 2001. № 5. С. 39-40.
7. Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. СПб: «Питер», 1999. 416 с.
8. БаламUTOва Н.М., Шейко Л.В., Олейников И.П. Исследования мотивации и эффективности оздоровитель-

ной тренировки для женщин, занимающихся в физкультурно-оздоровительных группах по плаванию // Теория и практика физ. культуры. 2005. № 1. С. 79-85.

9. Конкина М.А. Занятия физической культурой и спортом в структуре ценностных ориентаций среди студенческой молодежи // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008. С. [1-3].

References

1. Yefimov I.V. State of health and motivation of sports and improving activity of students at various risk factors of neurosomatic diseases//the Theory and practice physical. cultures. 1996. № 8. С. 19-22.

2. Kodzhaspirov Yu.G. Sytnik V. I. Krupnik E.Ya. Research of motivation of students of not sports higher education institutions which have chosen the specialization combat sports//the Theory and practice physical. Cultures. 1998. № 1. С. 41-44.

3. Konik G.A., Temchenko V.A. Usova T.E. Studies on sports as means of formation of motivation to a healthy life-style at students of higher educational institutions//Physical training of students of creative specialties. - 2006. - № 4. - С. 107-114.

4. Konoplyov E.N. Motivation formation to occupations by physical culture at students of not sports higher education institutions by means of lecture classes in the theory and a FC technique. // Physical training of students of creative specialties. 2008. № 3. С. 45-51.

5. Lotonenko A.V. Pedagogical system of formation at student's youth of requirements for physical culture: Dis. Dr.s пед. sciences: Voronezh, 1998. 360 с.

6. Carpenters of Accusative, Mironov T.S. Ryzhak M. M. Psychological condition and motivation of sports activity of students of medical school//Theory and practice physical. cultures. 2001. № 5. С. 39-40.

7. Rean A.A. Kolominsky Ya.L. Sotsialnaya pedagogical psychology. SPb: "St. Petersburg", 1999. 416 с.

8. Balamutova N. M., Sheyko L.V. Oleynikov I.P. Researches of motivation and efficiency of improving training for the women who are engaged in sports and improving groups on swimming//the Theory and practice physical. Cultures. 2005. № 1. С. 79-85.

9. Konkina M. A. Occupations by physical culture and sport in structure of valuable orientations among student's youth//Materials III of the All-Russian sociological congress. M: Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences, Russian society of sociologists, 2008. С. [1-3].

УДК 372.881.111

UDC 372.881.111

В.С. МАКЕЕВА

доктор педагогических наук, профессор Госуниверси-
тета – УНПК

E-mail: vera_191@mail.ru

Е.Н. КОВЕШНИКОВА

доктор педагогических наук, профессор Госуниверси-
тета – УНПК

E-mail: design_97@mail.ru

Т.А. ПЕЛЕНИЦИНА

аспирант Госуниверситета – УНПК

E-mail: ogtu_tris@mail.ru

З.С. ТИНЬКОВА

аспирант Госуниверситета – УНПК

E-mail: ogtu_tris@mail.ru

V.S. MAKEEVA

doctor of Pedagogics, Professor, Federal State
Educational Institution of Higher Professional Education
"State University – educational and scientific-industrial
complex", Orel

E.N. KOVESHNIKOVA

doctor of Pedagogics, Professor, Federal State
Educational Institution of Higher Professional Education
"State University – educational and scientific-industrial
complex", Orel

T.A. PELENITSINA

postgraduate student, Federal State Educational Institution
of Higher Professional Education "State University –
educational and scientific-industrial complex", Orel

Z.S. TINKOVA

postgraduate student, Federal State Educational Institution
of Higher Professional Education "State University –
educational and scientific-industrial complex", Orel

ПРОФЕССИОГРАММА БАКАЛАВРА ПО РЕКРЕАЦИИ И СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОМУ ТУРИЗМУ

PROFESSIOGRAMMA OF THE BACHELOR ON THE RECREATION AND TO SPORTS TOURISM

В статье раскрываются особенности профессиональной деятельности бакалавра по рекреации и спортивно-оздоровительному туризму: профессиограмма, важные профессиональные качества и их значимость. Определены факторы, обеспечивающие эффективную адаптацию к условиям профессиональной среды.

Ключевые слова: профессиональные качества, профессиограмма, профессиональная деятельность, окружающая среда, адаптация.

The article describes the features of professional bachelor in recreation and sports and health tourism: professiogram, important professional qualities and their significance. The factors, which provide effective adaptation to conditions of professional sphere, are determined.

Keywords: professional-quality, professional diagram, professional activities, environment, adaptation.

Введение. По многочисленным данным ряда авторов, содержанием физической рекреации и основными положениями ее реализации является обязательное наличие двигательной активности; главные средства рекреации – физические упражнения; она включает культурно-ценностные и образовательно-воспитательные аспекты; воздействует на интеллектуальные, эмоциональные и физические компоненты личности; осуществляется в свободное или специальное выделенное время; носит развлекательный характер; имеет определённую научно-методическую базу. К основным функциям физической рекреации относят оптимизацию состояния организма человека; интеграцию людей в некую социальную общность, внутри которой происходит обмен социальным опытом; регуляцию мотивов и психических новообразований; формирование личности в её физическом, интеллектуальном, нравственном, творческом развитии; формирование культурных ценностей; экономическую [1,5,6].

Анализ сферы физической рекреации позволяет отнести профессию бакалавра по рекреации и спортивно-оздоровительному туризму по классификации Е.А. Климова к взаимодействию «человек – человек» [3]. К основным функциям бакалавра по рекреации и туризму относится процесс воспроизводства жизненных сил субъектов, включенных в то или иное оздоровительное мероприятие, или процесс, который по своей направленности рассматривается с двух сторон: в качестве простой компенсации утраченных сил человека и расширенной – развитие сил [1,4]. Это специалист, сочетающий в себе ряд личных и профессиональных качеств, позволяющих создать оригинальную, самобытную, эстетически привлекательную, технологически эффективную продукцию.

Разнообразие задач, стоящих перед специалистом по рекреации, предъявляет ряд требований, включающих знания особенностей профессиональной деятельности, его мобильности, хорошего здоровья,

соответствующей физической подготовленности, что в совокупности способствует эффективности профессиональной деятельности. В связи с этим, задачами настоящего исследования являются:

1. Провести анализ особенностей профессиональной деятельности бакалавра по рекреации и спортивно-оздоровительному туризму.

2. На основе полученных данных составить профессиограмму бакалавра по рекреации и спортивно-оздоровительному туризму.

К основным методам настоящего исследования относятся: анализ теоретических источников, опрос, анкетирование, разработка профессиограммы, хронометраж, тестирование.

Анализ данных анкетного опроса предполагал выяснение вопросов, касающихся профессионально-важных психофизиологических характеристик, характера и условий труда, профессиональных вредностей и заболеваний для последующей разработки профессиограммы бакалавра рекреации и туризма. Для повышения объективности оценки и создания более полного представления дополнительно был проведен хронометраж их профессиональной деятельности с последующим анализом, на основе которого была составлена соответствующая профессиограмма.

Для получения более четких позиций в понимании требований к профессиональной деятельности и эффективной организации профессиональной подготовки в освоении данной профессии нами проведен опрос специалистов, работающих непосредственно на предприятиях спортивно-оздоровительного туризма, физической рекреации, физической реабилитации; санаторно-курортных учреждений; туристических компаний, агентств города Орла и Орловской области.

Результаты исследования и их обсуждение

Как показали результаты теоретического анализа научных публикаций, широкий круг обязанностей будущего менеджера требует от него в процессе профессиональной подготовки владения рядом знаний, умений и навыков, способностями, позволяющими:

- разрабатывать программы (содержание, маршрут, режим, продолжительность) занятий по активному отдыху, спортивно-оздоровительному туризму и реабилитации населения;

- организовывать рекреационно-оздоровительные, физкультурно-массовые мероприятия, туристской деятельности в школах всех типов, организациях культурно-досугового, санаторно-курортного, рекреационно-оздоровительного и краеведческого профиля;

- обеспечивать анимационное сопровождение туристско-краеведческих и рекреативно-оздоровительных мероприятий;

- определять величины психофизических нагрузок, подходящих физическим и эмоциональным возможностям человека;

- осуществлять контроль физического состояния занимающихся, устанавливать их пригодность к тем или иным видам занятий;

- давать оценку эффективности средств и методов, используемых в процессе тренировок;

- оказывать первую медицинскую помощь при проведении рекреативных занятий;

- обеспечивать технику безопасности при проведении занятий [1,2, 5,6].

При этом проведенный хронометраж рабочего дня бакалавра по рекреации и спортивно-оздоровительному туризму позволил выявить наиболее значимые особенности характера и условий работы, необходимые профессиональные качества специалиста.

Объектом труда являются рекреационно-оздоровительные циклы обслуживания туристов, туристский продукт.

Предмет труда: специальные двигательные режимы, направленные на профилактику и устранение физических, психических перенапряжений; социально-культурное, экологическое, краеведческое, физическое развитие личности; организационно-методическая и управленческая деятельность в сфере туризма, краеведения, рекреации и санаторно-курортного комплекса; здоровый образ жизни, формируемый средствами рекреации, туризма и краеведения; процесс формирования личности, ее приобщение к общечеловеческим и культурным ценностям, к рекреационно-оздоровительным формам занятий, туристско-краеведческим мероприятиям и туризму.

К типичным трудовым действиям, операциям относятся: организация мероприятий рекреационной, туристской направленности, рассказ, показ двигательных действий в процессе обучения, проведение туристических походов, мероприятий рекреационной, реабилитационной, краеведческой направленности, управленческие решения в сфере спортивно-оздоровительного туризма и рекреационных комплексов, конструирование циклов оздоровительно-рекреационного обслуживания населения.

Основные рабочие органы, системы организма и групп мышц, участвующие в работе: центральная нервная система, система дыхания, костно-мышечная система, речевой аппарат, эндокринная и пищеварительная системы; зрительные, слуховые, двигательные, температурные, осязательные анализаторы.

К средствам труда относятся компьютеры с банком типовых сценариев, программ, разнообразный спортивный инвентарь и снаряжение, предметы живой и неживой природы, предметы регистрации результатов (протоколы, графики, положения о мероприятиях и т.п.), измерительная аппаратура, медицинское оснащение для регистрации изменения систем организма и его восстановления.

Субъекты труда. Характер общения: руководство, коллеги по работе (инструкторы по туризму, рекреации,

реабилитации и т.п., педагоги дополнительного образования), участники рекреационно-оздоровительного, туристского процесса (школьники, студенты, трудящиеся, отдыхающие, туристы и т.д.) Частота общения высокая.

Организация и режим работы: составление и реализация досуговых программ и мероприятий, создание банка типовых сценариев и программ. По регламенту труд нормирован: 8 ч. с перерывом на обед, 5 раз в неделю, но продолжительность рабочего дня, при необходимости, может увеличиваться в связи с большим объемом работы. Проведение мероприятий двигательного характера, направленных на оздоровление и восстановление организма занимающихся, оформление документации по подготовке и отчетности мероприятий в среднем составляет 80,5 – 85,3 % рабочего времени. Выход в отпуск осуществляется по графику, но возможны изменения.

Двигательная активность. Физическая нагрузка (тяжесть труда) и ее направленность. Рабочая поза: Двигательная активность средняя и высокая (в зависимости от поставленных задач). По данным пульсометрии показатель ЧСС составляет от 63 до 190 уд/мин. В среднем специалисты за рабочий день проходят от 2000 м до 15 км (в зависимости от предполагаемой нагрузки). Рабочие позы – разнообразные, как правило, стоя или в движении (88,9 % рабочего времени). Физическая нагрузка выпадает на опорно-двигательный и мышечный аппараты. Позные мышцы (спина, шея, плечевой пояс), а также на мышцы рук (кисти, предплечья) получают большую нагрузку при необходимости работы за компьютером. Труд «средней тяжести» – 2-я категория по степени тяжести.

Характер психической нагрузки: высокая, связанная с подвижностью и разнообразностью труда. Большой объем двигательной работы, определенная ответственность за жизнь и безопасность людей и результаты труда.

Микроклиматические и санитарно-гигиенические условия: в основном работа на открытом воздухе (85,9 % рабочего времени), при разнообразных погодных условиях, на спортивных площадках, а также в помещении, наличие шума, иногда недостаточная освещенность и вентиляция.

Профессиональные вредности и болезни: психоэмоциональная напряженность. Простудные заболевания, заболевания органов дыхания (ринит, фарингит, ларингит, бронхит), заболевания органов пищеварения (гастрит, язва). Возможны повреждения мышц.

Профессиональные знания. Должен знать: теорию и методику рекреации и спортивно-оздоровительного туризма; организационно-экономические, медико-биологические и психологические основы, технологию проведения занятий и мероприятий по основным видам туризма; принципы и методы отечественной и зарубежных систем рекреационно-оздоровительной деятельности и туризма, их роль и значение в общей системе рекреации, санаторно-курортного профиля, туризма и крае-

ведения; методику проведения педагогического, медико-биологического контроля, профилактику травматизма; психолого-педагогические, социально-психологические, медико-биологические закономерности развития физических качеств и двигательных умений субъектов профессиональной деятельности; психологические особенности людей разного пола, возраста, социально-психологические особенности групп людей; психолого-педагогические средства и способы организации и управления группой, командой и индивидом; организационную структуру профессиональной деятельности в сфере санаторно-курортного профиля, рекреации, туризма, краеведения; психолого-педагогические основы организации учебно-воспитательной рекреационно-оздоровительной работы по туризму; пути приобщения различных социально-демографических групп к рекреационно-оздоровительным формам занятий и туризмом; технологию организационно-методической и основы управленческой работы в области рекреации, туризма, краеведения и в санаторно-курортных учреждениях; основные направления туристской деятельности и их содержание; факторы, определяющие профессиональное мастерство бакалавра по рекреации и спортивно-оздоровительному туризму; психолого-педагогические особенности профессионального общения; вопросы анимационной деятельности, ее цели и задачи, анимацию отдельных типов и видов рекреации и туризма.

Профессиональные умения и навыки. Должен уметь: определять цели и задачи рекреационной и туристской деятельности, как факторов гармонично развитой личности, укрепления здоровья человека; планировать уроки, занятия, мероприятия и другие формы рекреативно-оздоровительной туристской деятельности с учетом возраста и пола занимающихся; проектировать рекреационно-оздоровительные мероприятия и предвидеть результат; применять в профессиональной деятельности современные методы, приемы, технические средства (аудиовизуальную технику, тренажеры, компьютер, микропроцессорную технику); оказывать первую медицинскую помощь при проведении рекреативных форм занятий, обеспечении досуговой и туристской деятельности; конструировать, проектировать и внедрять на предприятиях, фирмах, учреждениях, местах массового отдыха программы и планы рекреационно-оздоровительных и физкультурно-реабилитационных форм занятий физическими упражнениями и туризмом; использовать полученные знания в области рекреации, туризма, краеведения, знания об особенностях личности занимающихся для формирования патриотизма, здорового образа жизни, потребности в регулярных занятиях; использовать педагогические, медико-биологические методы контроля состояния занимающихся; оказывать первую доврачебную помощь; организовать аварийно-спасательные работы до прибытия специальных служб; использовать в профессиональной деятельности передовые приемы обучения и воспитания;

использовать компьютерную технику для решения конкретных задач рекреативно-оздоровительной направленности; разрабатывать содержание и проводить комплексные туристические поездки, туристические слеты, соревнования, походы и экскурсии; разрабатывать, проектировать и реализовывать анимационные программы в процессе рекреативно-оздоровительной, туристско-краеведческой деятельности содержательного досуга и отдыха; разрабатывать и составлять финансовую отчетность, заключать договоры на аренду, приобретать инвентарь и оборудование; организовывать и проводить в доступной форме научные исследования в сфере рекреации и спортивно-оздоровительного туризма.

Ключевые профессионально значимые физические качества и психофизические функции: Общая выносливость (работоспособность); хорошо развитые координационные способности организма (согласованность движений рук и ног); быстрота выполнения двигательных действий, хорошая реакция; выносливость зрительного анализатора; устойчивость к тяжелым физическим нагрузкам, к быстро меняющимся условиям окружающей среды, к различным раздражающим факторам.

Ключевые профессионально значимые психические качества и личностные свойства: Свойства внимания (высокий уровень концентрации, распределения, переключения и устойчивости внимания), хорошее оперативное мышление, память; высокая помехоустойчивость, терпение, аналитические способности, трудолюбие, дисциплинированность, личная инициатива, творчество, умение принимать и

внедрять новое на практике, иметь актерские способности и задатки прирожденного лидера, эмоциональная сдержанность, устойчивость в чрезвычайных ситуациях, повышенная чувствительность, деловитость, способность работать самостоятельно, аккуратность, добросовестность, любовь к окружающей среде, людям, находчивость, осторожность, решительность в сложных ситуациях, характер профессиональной деятельности требует повышенной способности воспринимать большое количество информации, быстро реагировать на меняющиеся условия деятельности; при работе необходимы быстрота и точность принятия решений.

Таким образом, разработанная нами профессиональная программа позволяет определить и показать наиболее значимые особенности характера и условий работы бакалавра по рекреации и спортивно-оздоровительному туризму, определить основные направления и способы поддержания и восстановления работоспособности, осуществлять профилактику и коррекцию профессиональных вредностей и заболеваний, сохранять здоровье у субъектов проводимых мероприятий и процессов; а также определять конкретные мероприятия для повышения уровня профессиональной подготовленности студентов в сфере рекреации и спортивно-оздоровительного туризма. Также определено, что профессионализм менеджера все в большей мере определяется не только его практическим опытом, но и индивидуально-психологическими особенностями, от которых зависит эффективность развития профессионально важных качеств.

Библиографический список

1. *Выдрин В.М.* Физическая рекреация – вид физической культуры. Культура физическая и здоровье. 2004. № 2. С. 18-21.
2. *Кадетова К.А.* Компетентностный подход в системе профессиональной подготовки менеджера туризма. // Сб. Второй Международной научно-практической конференции «Восточная и Западная Европа: тенденции, взаимодействия, инновации», 15 марта 2008 г. Владимир, ВГУ, 2008. С. 216-221.
3. *Климов Е.А.* Психология профессионала М.: Из-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. С. 269-273.
4. *Макеева В.С.* Профессиональная подготовка аниматоров сферы туризма// Автономия личности. №2(2), 2011. С. 121-126.
5. *Макеева В.С.* Теория и методика физической рекреации. Основы оздоровительной физической культуры: учебное пособие /В.С. Макеева, З.С. Тинькова. Орел: ФГБОУ ВПО «Госуниверситет-УНПК», 2012. С.193
6. *Сасин А.А.* Физическая рекреация и рекреология /Сб. науч. труд. СевКавГТУ. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 6. <http://www.ncstu.ru>

References

1. *Vydrin V.M.* Physical recreation – type of physical culture // Physical culture and health. – 2004. – № 2 – Pp. 18-21.
2. *Kadetova K.A.* The competence-based approach in the system of vocational training of Manager in tourism // Collection of articles. The second International scientific-practical conference «Eastern and Western Europe: trends, cooperation, innovation», on March 15, 2008. – Vladimir, Vladimir State University, 2008. – Pp. 216-221.
3. *Klimov E.A.* The psychology of professional/ M.: Publisher «Institute of practical psychology», Voronezh: NGO «MODEX», 1996. – Pp. 269-273.
4. *Makeeeva V.S.* Training animators in the sphere of tourism // The Autonomy of the individual.– №2(2), 2011. Pp. 121-126.
5. *Makeeeva V.S.* Theory and methods of physical recreation. The basics of health-enhancing physical culture /V.S. Makeeva, Z.S. Tinkova. – Orel: FSBEI HPE “State University - ESIC”, 2012.– P.193
6. *Sasin A.A.* Physical recreation and the science of recreation / Collection of scientific works of North Caucasus STU. Series “Humanities”. 2008. № 6. – <http://www.ncstu.ru>

УДК 378.14

UDC 378.14

П.И. ОБРАЗЦОВ

доктор педагогических наук, профессор кафедры непрерывного профессионального образования и новых образовательных технологий Орловского государственного университета
E-mail: obraztsov@univ-orel.ru

P.I. OBRAZTSOV

doctor of Pedagogics, professor of the Department "Continuing Education and New Educational Technologies", Orel State University
E-mail: obraztsov@univ-orel.ru

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЯ КРИТЕРИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕСТОВ

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL BASIS OF PROJECTING AND CONSTRUCTING CRITERION-ORIENTED PEDAGOGICAL TESTS

В статье рассматриваются научно-методические основы проектирования и конструирования критериально-ориентированных педагогических тестов. Раскрываются различные аспекты разработки тестовых заданий, их экспертной проверки и компоновки на их основе педагогических тестов. Здесь же обосновываются различные методы оценки качества педагогических тестов, их надежности и валидности.

Ключевые слова: критериально-ориентированный педагогический тест, спецификация и план теста, трудность задания, экспертные и математические методы оценки качества педагогического теста, валидность и надежность педагогического теста.

The article deals with the scientific and methodological basis of projecting and constructing criterion-oriented pedagogical tests. Different aspects of constructing tests, their expert verification and pedagogical tests composition on their basis are revealed. Here various methods of quality assessment of pedagogical tests, their reliability and validity are also grounded.

Keywords: criterion-oriented pedagogical test, specification and test plan, difficulty of assignment, expert and mathematical methods of estimation of the quality of pedagogical test, validity and reliability of pedagogical test.

В настоящей статье представлены научно-методические основы проектирования и конструирования критериально-ориентированных тестов (*mastery tests*), которые нашли сегодня наиболее широкое применение в условиях реализации профессионального образования на технологической основе. Эти тесты сегодня широко используются для дифференциации студентов, разделения их на группы на основании заранее выбранного критерия. К сожалению, методика создания подобного инструментария в настоящее время в научно-методической литературе прописана недостаточно полно и однозначно. Попытка восполнить этот пробел будет сделана в настоящей статье.

Критериально-ориентированный педагогический тест (далее по тексту ПТ) представляет собой систему заданий, позволяющую измерить уровень учебных достижений относительно полного объема знаний, умений и навыков, которыми должны овладеть студенты в результате определенного курса обучения. При этом указанный объем называется областью содержания этого теста. С ней и соотносятся учебные достижения отдельных студентов, чтобы определить, какую долю учебного материала они усвоили, задачи какого уровня сложности могут решать.

Разработка теста начинается с формулирования

его цели, то есть определения того, что тест должен измерять. Первоначально цель тестирования формулируется в общем виде. После формулирования цели теста и ее конкретизации в виде отдельных знаний, умений и навыков переходят к разработке спецификации теста.

Спецификация теста представляет собой набор описательных схем, которые позволяют установить соответствие между тестовыми заданиями и областью содержания теста. Она обеспечивает репрезентативность заданий по отношению к области содержания. Спецификация пишется на предельно операциональном языке и представляет собой, по сути, правила, по которым могут разрабатываться задания. При разработке спецификации необходимо стремиться сделать эти правила настолько четкими, чтобы их можно было использовать как алгоритмы.

Спецификация является основным нормативным документом теста и выполняет следующие основные функции: дает разработчикам заданий правила, по которым можно конструировать задания; позволяет экспертам оценивать имеющиеся задания на предмет их соответствия области содержания теста и выбраковывать неудачные задания; помогает интерпретировать результаты тестирования, так как в ней ясно и конкретно объясняется, что измеряет тест; дает поль-

зователю теста четкое представление об измеряемых знаниях, умениях и навыках.

Основная проблема при написании спецификации состоит в обратном соотношении между шириной области содержания теста и четкостью спецификации. Если выбирается очень узкая область содержания, то довольно просто создать спецификацию, которая была бы краткой и в то же время четко задавала бы правила для написания заданий. Однако тесты с узкой областью содержания имеют ограниченное применение.

Предлагаемая ниже схема составления спецификации может включать пять (иногда шесть) разделов. Первый раздел – общее описание. Оно состоит из одного-двух предложений, описывающих, что измеряет тест. Более детальное представление о предмете измерения можно получить, ознакомившись со всей спецификацией. Второй раздел – пример инструкции и тестового задания. Здесь дается представление о том, как выглядит тест и какая форма заданий в нем используется. Третий раздел – характеристика формы заданий. Четвертый раздел – характеристика содержания заданий. Подробно описываются все аспекты содержания, представляющиеся существенными при разработке заданий, в том числе обычно указывается, какое смежное содержание не должно входить в тест. Пятый раздел – характеристика ответов. Содержание этого раздела зависит от выбора формы задания. Для заданий закрытой формы даются правила, по которым формулируются правильные ответы и варианты неправильных ответов. Для заданий открытой формы даются, если это необходимо, критерии для оценки ответа испытуемого как правильного. Для заданий на установление соответствия и на установление правильной последовательности данный раздел может не заполняться. Если выполнение заданий оценивается более сложным способом, чем присвоение баллов 0 или 1, то этот способ также указывается в данном разделе. Шестой раздел – дополнительный. Он используется в тех случаях, когда в тест входит достаточно большой объем однородного материала. Перечень однородных элементов содержания выносится в данный раздел, чтобы негромождать другие разделы спецификации.

После составления спецификации разрабатывается план теста. Если, например, тест состоит из четырех разделов, то вначале делается примерная раскладка необходимого числа заданий на каждый раздел, исходя из общего предельного числа, обычно не превышающий 30-60 коротких заданий разного уровня сложности. Число заданий, выделяемых на каждый раздел, зависит от его важности в изучении дисциплины (см. пример табл. 1).

После разбивки заданий разрабатывается перечень задач, которые ставятся перед тестированием, например: А – умение давать определения; Б – знание законов, принципов, правил; В – умение применять их для решения предложенных примеров; Г – умение находить сходство и различия; Д – умение

представлять материал в различных презентабельных формах. Если на проверку умения А отвести, к примеру, 10% всех заданий, Б и В – 30%, Г – 20% и Д – 10%, то общая раскладка числа заданий для рассмотренного примера принимает вид, представленный в таблице 2.

Таблица 1.

Пример раскладки заданий

Разделы учебной дисциплины	Количество заданий	% к общему числу заданий
I	12	20
II	18	30
III	24	40
IV	6	10
Итого	60	100%

Таблица 2.

Общая раскладка числа заданий

Умения и % заданий по их проверке	Номера разделов, процент и число заданий				Всего для проверки каждого умения
	I-20%	II-30%	III-40%	IV-10%	
A-19%	1	2	2	1	6
Б-30%	4	5	7	1	17
В-30%	4	5	7	2	18
Г-20%	2	4	5	1	12
Д-29%	1	2	3	1	7
Итого заданий	12	18	24	6	60

После формулирования цели теста, составления спецификации и плана теста необходимо перейти к разработке тестовых заданий. При составлении заданий теста следует соблюдать ряд правил, необходимых для создания надежного, сбалансированного инструмента оценки успешности овладения определенными учебными дисциплинами или их разделами. Правила для разработки тестовых заданий можно сформулировать следующим образом: во-первых, необходимо проанализировать содержание заданий с позиции равной представленности в тесте разных учебных тем, понятий, правил, действий и т.д. Тест не должен быть перегружен второстепенными терминами, несущественными деталями с акцентом на механическую память, которая может быть задействована, если тест включает точные формулировки из учебника или фрагменты из него; во-вторых, задания теста должны быть сформулированы четко, кратко и недвусмысленно, чтобы все пользователи однозначно понимали смысл того, что у них спрашивается. Важно проследить, чтобы ни одно задание теста не могло служить подсказкой для ответа на другое; в-третьих, варианты ответов на каждое задание должны подбираться таким образом, чтобы исключались возможности простой догадки или отбрасывания заведомо не подходящего ответа; в-четвертых, учитывая, что задаваемый вопрос должен быть сформулирован коротко, желательно также кратко и однозначно формулировать ответы (например, удобна альтернативная форма ответов, когда студент должен

подчеркнуть одно из перечисленных решений «да – нет», «верно – неверно»). Часто в задании делаются пропуски, которые должен заполнить испытуемый, или же выбирать из представленного набора ответов верный. Обычно на выбор предлагаются 4-5 вариантов ответа.

Вместе с этим педагогический тест должен удовлетворять всем необходимым критериям, обладать высокой надежностью и удовлетворительной валидностью. Описываемый этап разработки теста включает в себя как само написание заданий, так и их анализ экспертными методами для выявления наилучших и выбраковки неудачных.

Сразу же после написания заданий их анализ проводится экспертными методами, которые позволяют оценить, в какой степени задания соответствуют по содержанию предмету измерения, т.е. действительно ли задания позволяют измерить именно те знания, умения и навыки, для которых разрабатывается тест. С другой стороны, экспертные методы анализа позволяют оценить задания с точки зрения их формы. В основе экспертных методов лежит соотнесение содержания и формы заданий с требованиями, изложенными в спецификации.

Приведем наиболее простую и в то же время достаточно эффективную процедуру анализа заданий с помощью экспертных методов. Как следует из названия, оценка заданий проводится экспертами. Чем больше количество экспертов, тем точнее оценка. На практике, если не предполагается очень широкое использование теста, вполне достаточно 4-5, в крайнем случае, 2-3 экспертов. В качестве экспертов должны выступать опытные преподаватели дисциплины, для которой разрабатывается тест. В предлагаемой процедуре в работе экспертов слиты воедино разработка заданий и их анализ.

Работа экспертов начинается с внимательного ознакомления со спецификацией теста. После этого эксперты приступают к разработке заданий на основе спецификации. Каждый должен написать столько заданий, сколько предполагается включить в тест. Таким образом, исходное количество заданий оказывается как минимум на 30% больше нужного, что дает возможность выбраковывать неудачные задания или создавать несколько вариантов теста, называемых тестовыми формами. При этом каждый эксперт отбирает задания по степени их трудности и различающей способности для включения в один из трех разделов теста – задания для слабых, хороших и сильных пользователей. После этого каждому эксперту даются задания, разработанные другими экспертами. Он их оценивает на предмет соответствия требованиям спецификации и программе изучения курса, а также включения в один из трех разделов теста. Задания, к которым не высказал замечаний ни один из экспертов, могут включаться в тест. Остальные задания нужно или улучшить путем переформулирования, или совсем исключить из дальнейшей работы.

После разработки и проведения экспертного ана-

лиза заданий получается первый вариант теста. Как правило, этот вариант бывает еще очень несовершенным. Чтобы повысить его качество, используются математические методы анализа заданий. Для применения этих методов нужен эмпирический материал – результаты реальной проверки (апробации) теста в учебных группах, так называемое пилотажное тестирование. После пилотажного тестирования осуществляется анализ тестовых заданий с использованием математических методов. Только после этого окончательно решается вопрос о включении того или иного задания в состав теста.

Анализ заданий математическими методами позволяет получить информацию об их скрытых дефектах, которые не удастся выявить с помощью экспертных методов.

Среди многих характеристик, получаемых в результате математического анализа заданий, наиболее важными являются две – трудность задания и различающая способность задания.

Трудность задания U является традиционным показателем при анализе задания. Трудность заданий теста – это характеристика задачи (пункта) теста, отражающая статистический уровень ее решаемости в данной выборке стандартизации. Обычно она рассчитывается как отношение числа испытуемых, правильно выполнивших задание, к общему числу испытуемых. Этот показатель меняется в пределах от 0 до 1. Его значения тем больше, чем ниже трудность задания. При разработке критериально-ориентированных ПТ показатель трудности используется с целью конструирования тестов с желаемым уровнем трудности. Для повышения трудности теста в него включают больше заданий высокой трудности, а для понижения трудности – больше заданий низкой трудности.

Принято выделять субъективную и статистическую (объективную) трудности. *Субъективная трудность задания* связана с индивидуальным барьером, величина которого определяется как обстоятельствами (лимитом времени, доступностью инструкции и т. д.), так и уровнем сформированности необходимых для решения знаний, умений и навыков, психическим состоянием испытуемого и рядом других факторов. Воздействие комплекса этих факторов на результат выполнения теста снижает надежность и достоверность данных, поэтому важно принимать меры для выравнивания их воздействия с помощью направленного комплектования выборки и стандартной процедуры проведения тестирования.

Показателем трудности заданий как *статистической трудности* является доля лиц выборки, решивших и не решивших задание. Например, если только 15% испытуемых решили задачу, ее можно оценить как трудную для данной группы, если 85% – как легкую. Трудность заданий теста является относительной характеристикой, поскольку, зависит от особенностей выборки (возрастные, профессиональные, социально-культурные различия).

Подбор заданий по показателю трудности важен для успешного применения диагностической методики. Так, при выборе слишком трудных заданий валидность и надежность теста резко снизятся (ухудшение статистических характеристик оценивания из-за небольшого числа правильных решений, вероятность случайной оценки, влияние неудач на работу испытуемых). Слишком простые задания приведут к однообразию результатов (большинство справляется со всем набором пунктов теста), их незначительной вариативности, затрудняющей оценивание, могут вызвать негативное отношение к тесту.

Основная задача анализа трудности заданий теста сводится к выбору оптимальных по сложности пунктов теста, а значит, и упорядочиванию, отдельных заданий в нем. Обычно, если задачу решает большинство испытуемых, ее (как легкую) помещают в начале теста, если задачу решает незначительный процент испытуемых, то ее (как трудную) помещают в конце теста. Одну-две самых легких задач ставят перед основными задачами теста и используют в качестве примера. Расположение заданий по возрастанию ступеней трудности, выраженных долей или процентом лиц данной выборки, решивших соответствующую задачу, позволяет примерно определить порог трудности для индивидуального испытуемого, характеризующий его место в группе.

Основным показателем трудности заданий теста является индекс трудности (U_i), вычисляемый по формуле:

$$U_i = 100 * \left(1 - \frac{N_p}{N} \right) ;$$

где U_i – индекс трудности задания в процентах; N_p – число испытуемых, правильно решивших задачу; N – общее число испытуемых.

При учете случайного успеха путем угадывания для задачи с предписанным ответом трудность заданий теста рассчитывается по формуле:

$$U_i = 100 * \left(1 - \frac{N_p - \frac{N_p}{m-1}}{N} \right) ;$$

где U_i – индекс трудности задания в процентах; N_p – число испытуемых, не решивших задачу; N_p – число испытуемых, правильно решивших задачу; N – общее число испытуемых; m – число вариантов ответов.

Практика педагогического тестирования свидетельствует, что максимум информации об индивидуальном уровне знаний, навыков и умений испытуемых обеспечивают задания средней трудности (50%).

Различающая способность задания при разработке ПТ является особенно важной характеристикой, так как от нее в значительной степени зависит валидность теста. Эта характеристика показывает, насколько эффективно тестовое задание различает испытуемых, овладевших и не овладевших учебным материалом.

Показатели различающей способности задания также вычисляются на основании проведения пилотажного тестирования. Эти показатели требуют для расчета проведения двух серий измерений: повторного тестирования одной группы обучающихся или проведения теста на двух разных группах. При разработке теста для одной или небольшого количества групп обучающихся удобнее всего получить две серии измерений путем формирования контрастных групп. Эксперт выбирает из группы только тех студентов, про которых он может определенно утверждать, что они овладели или не овладели учебным материалом. Овладевшие материалом составляют «высокую» контрастную группу, а не овладевшие – «низкую» контрастную группу. Испытуемые, находящиеся в промежуточной стадии, не включаются в контрастные группы. Важно, чтобы контрастные группы были, по возможности, эквивалентны по составу. Это значит, что в них в одинаковой пропорции должны быть представлены испытуемые разных возрастов, полов, с разным уровнем одаренности, представители разных социальных групп и т.д.

Самый простой и известный показатель различающей способности задания по отношению к обучению R_p вычисляется как разность между долей испытуемых из «высокой» группы, правильно выполнивших задание, и долей испытуемых из «низкой» группы, тоже правильно выполнивших задание. Данный показатель высчитывается по следующей формуле:

$$R_p = \frac{n_1}{N_1} - \frac{n_2}{N_2} ;$$

где R_p – показатель различающей способности; N_1, N_2 – количество испытуемых, попавших соответственно в «высокую» и «низкую» контрастные группы; n_1 и n_2 – количество испытуемых, правильно выполнивших задание, соответственно из «высокой» и «низкой» групп.

Показатель может принимать значения от -1 до $+1$. R_p равный $+1$ означает, что задание обладает максимальной различающей способностью. R_p равный -1 означает, что задание совершенно не различает испытуемых, овладевших и не овладевших учебным материалом. Если R_p равный -1 , что встречается очень редко, то задание различает испытуемых, но инверсированно: правильно отвечают не овладевшие материалом, а овладевшие материалом отвечают неправильно. Существование таких заданий может свидетельствовать о своеобразной неадекватной структуре знаний у обучающихся. Наряду с показателем R_p может быть использован показатель различающей способности задания P_x , который считается более надежным. Он может рассматриваться как вероятность согласованности между результатом выполнения испытуемым задания и отнесением испытуемого к «высокой» или «низкой» контрастной группе. Показатель рассчитывается по формуле

$$P_x = \frac{n_1}{N_1} + \frac{n_3}{N_2},$$

где N_1 и N_2 – количество испытуемых, попавших соответственно в «высокую» и «низкую» контрастные группы; n_1 – количество испытуемых из «высокой» группы, правильно выполнивших задание; n_3 – количество испытуемых из «низкой» группы, неправильно выполнивших задание.

Наилучшие задания будут иметь значения P_x равные единице. Минимальное значение показателя достигается в том случае, если между отнесением испытуемого к одной из групп и выполнением им задания не существует никакой связи.

В профессиональной тестологии, как было сказано выше, существуют два критерия, связанных с качеством теста как инструмента измерения. Это валидность и надежность. Обычно валидность и надежность оцениваются с помощью математических методов и выражаются в специальных показателях.

Валидность теста выражает степень, в которой тест измеряет именно то, что он должен измерять. Разработчики не могут быть а priori уверены, что тест измеряет именно то, что должен. Намного проще формулировать цель, предмет измерения теста, чем подобрать тестовые задания таким образом, чтобы тест действительно измерял именно то, что необходимо разработчикам. Валидность теста – понятие, указывающее, что измеряет тест и насколько хорошо он это делает. Оценка этого критерия по содержанию, в сущности, означает систематическую проверку содержания теста с тем, чтобы установить, соответствует ли оно репрезентативной выборке измеряемой области знаний, навыков или умений.

Процедура валидации обычно применяется при оценке педагогических тестов, предназначенных для измерения того, насколько индивид овладел конкретными навыками или учебным предметом. В этом случае возникает проблема адекватности выборки всего множества заданий, поэтому тестируемая область знаний, навыков или умений должна систематически проверяться с тем, чтобы существовала уверенность, что задания теста охватывают все ее главные аспекты и в правильной пропорции. Тест легко перенасытить теми аспектами исследуемой области, по которым легче составить объективные задания. Поэтому рассматриваемое содержание следует фиксировать заранее, а не после того, как тест уже составлен. Правильно составленные педагогические тесты должны соответствовать не только предмет обучения, но и его задачам. Содержание, следовательно, необходимо определять достаточно широко, включая в него помимо знания фактического материала такие важнейшие цели обучения, как применение изученных принципов и интерпретацию данных. Кроме того, валидность содержания больше зависит от релевантности тестовых ответов индивида, рассматриваемой в сфере обучения, чем от

очевидной релевантности содержания тестовых заданий. Простая проверка теста может и не выявить те процессы, которые действительно обеспечивают выполнение теста испытуемым. Важно также избежать неоправданного обобщения выбранной темы тестирования. Если, например, орфографический тест с множественным выбором ответов измеряет способность распознавать правильно и неправильно написанные слова, то из этого не следует, что он также измеряет способность правильно написать диктант, количество орфографических ошибок в сочинении и другие аспекты грамотности письма.

В самом общем понимании валидность характеризует сам измерительный инструмент, и проверка этого аспекта называется теоретической валидизацией. Проверка эффективности и точности этого инструмента есть второй аспект валидности и называется прагматической (или практической) валидизацией. При подборе внешнего критерия необходимо соблюдать принцип его релевантности изучаемому признаку, т.е. между диагностируемым свойством и жизненно важным критерием должно быть смысловое соответствие. Если, например, разрабатывается тест для измерения особенностей развития личностных качеств, то для критерия необходимо найти такую деятельность или отдельные операции, где именно эти качества реализуются.

В критериально-ориентированном педагогическом измерении проблема обеспечения достаточной валидности стоит не очень остро. Общая валидность теста обуславливается валидностью отдельных заданий. Если составление спецификации, разработка и экспертный анализ тестовых заданий были проведены достаточно качественно, то это уже обеспечивает высокий уровень валидности. Для педагогического тестирования различающая способность заданий практически тождественна их валидности. Поэтому отбор заданий с высокой различающей способностью также способствует повышению валидности теста.

В ПТ критерием их валидности является собственное содержание теста, одобренное опытными экспертами. При этом у эксперта должна быть уверенность в том, что: задания теста находятся в соответствии с государственными образовательными стандартами и программой учебной дисциплины; задания теста охватывают не один какой-либо раздел, а всю программу курса; высока вероятность того, что обучающийся, успешно ответивший на определенные задания теста, знает учебный предмет в соответствии с установленным стандартом.

Перечисленные пункты объединяются общей идеей – содержит ли тест задания, пригодные для оценки знаний по конкретной учебной дисциплине? Если в результате статистической проверки выявляется, что ответы на задания теста позволяют обоснованно судить о знаниях студентов, то считается, что тест валиден по содержанию.

При оценке теста на валидность можно выбрать контрольную группу обучающихся и провести оценку их знаний, навыков и умений по дисциплине как с использованием разработанного теста, так и с помощью экспертных оценок, выставленных преподавателем-экспертом традиционным образом без использования теста. После чего результаты по вопросам теста и по оценкам экспертов сравниваются с точки зрения их корреляции. Мера согласованности оценок по тесту и по экспертным суждениям указывает на меру валидности.

Что касается величины коэффициентов валидности, то она по разным причинам всегда ниже, чем коэффициент надежности. По мнению ведущих диагностов, низким признается коэффициент порядка 0.20 - 0.30, средним – 0.30 - 0.50, высоким – выше 0.60.

В дальнейшем, когда отобраны валидные задания, в качестве критерия можно брать суммарный индивидуальный балл испытуемых по всем заданиям. Вновь вводимое в тест задание должно коррелировать с этим критерием.

Под *надежностью теста* понимают согласованность результатов проведения теста на одной и той же группе испытуемых при разных условиях. Согласованность результатов нескольких тестирований – это их идентичность. Категория надежности тесно связана с точностью измерения: чем выше надежность теста, тем точнее результаты измерения.

Существует несколько типов надежности и, соответственно, несколько методов ее определения. Степень надежности теста выражается в специально разработанных показателях надежности.

Следует отметить, что высокое качество проведения отбора содержания для теста, составления спецификации, разработки тестовых заданий и их анализа способно обеспечить достаточно высокую надежность. Поэтому, если нет возможности использовать сложные математические методы, рекомендуется обратить особое внимание на вышеуказанные процедуры. Среди методов оценки надежности ПТ встречаются как очень сложные вычислительно и концептуально, так и довольно простые. Этот вид тестов, используемый для разделения испытуемых на группы по уровню их учебных достижений, чаще применяется на практике. Поэтому ниже будет дано описание наиболее простого из доступных методов оценки надежности ПТ.

Обычно для оценки надежности тест проводят два раза и сравнивают полученные тестовые баллы. Оба тестирования проводятся на одной и той же группе испытуемых, но меняются условия проведения: чаще всего либо время, либо набор заданий. На основании проведения теста два раза на одной и той же группе испытуемых через некоторый промежуток времени получают оценку так называемой *ретестовой надежности*. По ее показателю судят, насколько стабильны результаты тестирования во времени. Пользоваться данным методом следует с осторожностью, особенное внимание следует уделять правильному выбору вели-

чины временного интервала между двумя тестированиями. Если временной интервал слишком короткий, то испытуемые будут просто помнить свои предыдущие ответы и, вероятнее всего, повторят их. Если временной интервал слишком большой, то измеряемое свойство может измениться под влиянием каких-либо факторов. Тогда существенные различия между результатами первого и второго тестирований будут связаны не с низкой надежностью теста, а именно с изменением измеряемого свойства. Например, через значительный промежуток времени испытуемые могут выполнить тест лучше под влиянием дальнейшего изучения предмета или изучения смежных предметов. Ухудшение результатов может быть связано с забыванием усвоенного материала. Отсюда следуют два практических замечания. Во-первых, промежуток между двумя тестированиями должен быть не слишком большим и не слишком маленьким, например, одна-две недели. Во-вторых, оценка ретестовой надежности имеет смысл, только когда предполагается, что степень усвоения учебного материала стабильна во времени. Такая ситуация чаще встречается при итоговом контроле, например, в конце курса обучения.

После проведения анализа заданий математическими методами и оценки качества теста обычно оказывается, что тест требует доработки – удаления неудачных заданий, включения дополнительных заданий с требуемыми свойствами, повышения валидности или надежности. С учетом выявленных недостатков составляется новый вариант теста и опять проводится пилотажное тестирование, чтобы получить эмпирические данные для нового математического анализа. Цикл пилотажное тестирование – математический анализ должен «прокручиваться» до тех пор, пока не получится вариант теста с удовлетворяющими разработчика характеристиками. Наличие банка заданий, существенно превосходящего по объему количество заданий, используемое для теста, облегчает эту работу.

Если тест предназначен для использования в рамках одного учебного заведения, то процесс разработки теста можно упростить. Требования к качеству теста – степени его валидности и надежности могут быть несколько снижены. В этом случае можно прибегнуть к следующему приему. В первый вариант теста включается большее количество заданий, чем это необходимо. После математического анализа заданий и оценки качества теста исключаются неудачные задания, так чтобы повысить качество теста. Получается новый, улучшенный вариант. После этого на основании только оставленных заданий пересчитываются индивидуальные баллы испытуемых, которые и принимаются за окончательный результат тестирования. Если тест разрабатывается для проверки учебных достижений по стандартному курсу, то это дает возможность улучшать тест из года в год по результатам тестирования новых учебных групп.

Таковы, на наш взгляд, научно-методические основы проектирования и конструирования критериально-ориентированных ПТ.

Библиографический список

1. Информационные системы как средство обучения и контроля знаний студентов: монография / Под ред. проф. Б.Г. Бобылева, П.И. Образцова. Орел: Орел ГТУ, 2008. 276 с.
2. Технологии подготовки специалистов в системе профессионального образования: монография / Под ред. П.И. Образцова. Орел: Изд-во ОГУ, 2011. 338 с.
3. Технологии профессиональной подготовки специалистов. монография / Под ред. П.И. Образцова. – Palmarium Academic Publishing – ISBN-978-3-659-98274-3, 2013. <https://www.ljubljuknigi.ru>

References

1. Information systems as means of learning and knowledge control: monograph / Ed. prof. B.G. Bobylev, P.I. Obratsov. –Orel: Orel State Technical University, 2008. – 276 p.
2. Training technologies of specialists in the system of professional education: monograph / Ed. P.I. Obratsov. – Orel: Orel State University, 2011. – 338 p.
3. Technologies of professional training. Monograph / Ed. P.I. Obratsov. – Palmarium Academic Publishing – ISBN-978-3-659-98274-3, 2013. <https://www.ljubljuknigi.ru>

УДК 792. 027

UDC 792. 027

С.В. ПЕРШИНА

S.V. PERSHINA

аспирант кафедры педагогики и методики профессионального образования, преподаватель кафедры актерского искусства Белгородского государственного института искусств и культуры
E-mail: pershina76@bk.ru

graduate student of pedagogy and methodology of vocational education, lecturer of dramatic art, Belgorod State Institute of Arts and Culture
E-mail: pershina76@bk.ru

**СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ ЛЮБИТЕЛЬСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО КОЛЛЕКТИВА
В ВУЗЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ**

**CONCEPTUAL COMPONENTS OF ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL COMPETENCE
OF AN AMATEUR THEATER GROUP LEADER IN CULTURE AND ARTS INSTITUTION OF
HIGHER EDUCATION**

В статье рассматриваются содержательные компоненты организационно-педагогической компетентности руководителя любительского театрального коллектива, предлагается решение данного вопроса применительно к образовательным процессам всех вузов социокультурной сферы в системе повышения квалификации кадров профессионального образования на региональном уровне.

Ключевые слова: организационно-педагогическая компетентность, управленческая компетенция, художественно-педагогическая компетенция, коммуникативная компетенция, полисубъектное взаимодействие.

This article describes conceptual components of organizational and pedagogical competence of an amateur theater group leader, offers a solution of the issue with respect to the academic processes in Higher Education Institutions of social and cultural sphere in the system of professional improvement of vocational training personnel at the regional level.

Keywords: organizational and pedagogical competence, managerial competence, artistic and pedagogical competence, communicative competence, poly-subject interaction.

В современном российском обществе исследователями отмечается снижение культурного уровня населения, преобладание материальных ценностей над духовными. Основная масса молодежи ориентирована на атрибуты массовой куль-

туры, в ущерб подлинным духовным, культурным, национальным ценностям. Постепенно утрачиваются формы коллективной деятельности. Одной из причин такого состояния является недостаточный уровень профессиональной подготовки специали-

ста социокультурной сферы, его организационно-педагогический опыт.

В связи с усилением роли человеческого фактора, на первый план выдвигается проблема формирования востребованных временем социальных, профессиональных и личностных качеств будущих руководителей любительских театральных коллективов, их способность к эффективной работе в команде, лидерство, организационное видение и коммуникативные навыки.

В образовательном стандарте ФГОС ВПО третьего поколения предусматривается в качестве образовательного результата целый ряд общекультурных и профессиональных компетенций, которые порой дублируют друг друга. Педагогическое сообщество находится в постоянном поиске интегральных форм профессионального опыта, который бы целостно представлял сущность профессиональной деятельности. Одним из таких профессиональных результатов, на наш взгляд, является организационно-педагогическая компетентность будущего руководителя любительского театрального коллектива, отражающая управленческую и художественно-педагогическую составляющую этой деятельности.

В Белгородском институте искусств и культуры проводится исследование по разработке теоретических оснований формирования организационно-педагогической компетентности в образовательном процессе.

Опираясь на признаки педагогической компетентности, данные В.В. Сериковым [4], под организационно-педагогической компетентностью руководителя любительского театрального коллектива мы понимаем сформированность теоретической и практической готовности к полисубъектному взаимодействию с участниками любительского коллектива, определяющей организационную и педагогическую деятельность как сферу самореализации, в которой он осознает свои возможности, уверен в своих силах, владеет основой организационно-педагогической деятельности, включающей образ ее результата и процесса достижения его.

В качестве структурных компонентов мы выделяем следующие компетенции: управленческую, художественно-педагогическую и коммуникативную.

Само понятие «компетенция» исследователями рассматривается по-разному. Нам наиболее близко определение, данное А.В.Хуторским, он понимает под компетенцией совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений и навыков, способностей деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов, необходимых, чтобы качественно, продуктивно действовать по отношению к ним. [6; с.60];

Г.Н. Сериков рассматривает управленческую компетенцию как совокупность знаний, навыков, опыта, необходимых для эффективного управления организацией. [5] В нашем случае, организацией

является коллектив любителей, где профессионал взаимодействует с непрофессионалами, появляющимися в самостоятельном коллективе по собственному желанию. Поэтому необходимо проанализировать содержательную характеристику данной компетенции. Как показывает практика, основам психологии управления в подготовке руководителя любительского театрального коллектива, не уделяется должного внимания. Знания у специалиста наличествуют на быденном уровне. Но будущему руководителю любительского театрального коллектива необходимо владеть способами межсубъектного взаимодействия, которые способствуют созданию благоприятной творческой атмосферы для самореализации участников, мотивируют к максимальному раскрытию у занимающихся творческих способностей, пробуждают в них интерес к творческому, коллективному, полисубъектному взаимодействию, когда все стараются чувствовать и понимать друг друга.

В чем же состоит мотивационная сторона управленческой компетенции будущего руководителя любительского театрального коллектива? В.И. Ковалев и С.Л. Рубинштейн под мотивацией понимают систему разнообразных факторов, детерминирующих поведение и деятельность человека.

Мотивационная сторона управленческой компетенции специалиста социокультурной сферы представляется нам в его желании самореализоваться в профессии через самореализацию участников коллектива; в стремлении создавать и вести за собой «команду единомышленников», в тяготении к интеграции творческого процесса. В подобном случае создание любительского театрального коллектива, его успешное развитие зависят от наличия у будущего руководителя знаниевой основы полисубъектного взаимодействия, высокой степени развитости навыков установления взаимооткрытых интенсивных отношений между ним и участниками и обеспечения связей данного любительского коллектива с внешним миром.

И.В. Вачков видит в полисубъекте целостное динамическое психологическое образование, определяющее феномен единства развития внутреннего содержания реальных субъектов, находящихся в субъект-субъектных отношениях и объединенных совместной творческой деятельностью. Полисубъект обладает такими свойствами, как способность к осознанию системы отношений между субъектами, совместная творческая активность, нацеленность на саморазвитие, семантическое пространство, общее для всех субъектов общности [1; с.18].

Владея навыками полисубъектного взаимодействия, будущий руководитель любительского театрального коллектива сможет выработать стратегию совместной деятельности участников, создать установку на взаимодействие. Мы полагаем, что специалист должен обладать культурой полисубъектного взаимодействия. Данный термин заимствован нами из исследований В.И. Коваленко. [3]

Под культурой полисубъектного взаимодействия руководителя любительского театрального коллектива мы понимаем необходимый диапазон знаний приемов и методики организационной работы, способы мыслетворчества и совместной деятельности, умение сочетать инициативу, самостоятельность, новаторство с преемственностью и консерватизмом во взаимодействии с актерами-любителями.

У руководителя любительского театрального коллектива, не наделенного высокой степенью культуры полисубъектного взаимодействия, умением общаться и не развившего этих качеств в процессе учебы, практики, постоянно будут возникать трудности с установлением необходимых отношений с участниками коллектива. Такой тип руководителя, даже при условии высокого развития прочих качеств организатора, будь то нравственно-психологические, деловые, может успешно осуществлять свою деятельность лишь в случае редких контактов с участниками коллектива, однако это невозможно. Совершенно иной тип руководителя востребован сегодняшним временем – руководитель, контролирующий своё поведение с участниками любительского коллектива, которое должно срабатывать как дополнительный стимул повышения активности актеров-любителей.

Управленческая компетенция руководителя любительского театрального коллектива представляет собой уровень овладения выпускником совокупностью знаний, умений, навыков, необходимых для создания высокохудожественного любительского театрального коллектива и организации его продуктивной деятельности.

Для того чтобы понять, что представляет собой художественно-педагогическая компетенция, необходимо также проанализировать ее мотивационную, когнитивную и деятельностную стороны.

Известный исследователь народной художественной культуры А.С. Каргин определяет деятельность руководителя любительского коллектива как художественно-педагогическую, обосновывая тем, что объектом данного вида профессиональной деятельности выступает человек, его внутренний мир, обогащение его интеллекта, культуры мышления и отношений, а основным средством воспитания выступает искусство, художественное творчество. [2; с.102]

По мнению ряда исследователей, наличие потребности в самореализации свойственно всем людям, но не у всех она реализуется в профессиональной деятельности. Для будущего руководителя любительского театрального коллектива стремление к самоактуализации заключается в сотворчестве с его участниками. Он ощущает потребность к организационной, педагогической деятельности, к формированию чувств, побуждений, совершенствованию эстетических вкусов членов любительского коллектива, к воспитанию личности творца, нешаблонности его мышления, его мироощущения.

Поэтому специалисту социокультурной сферы

необходимо обладать глубокими знаниями законов психологии творчества и воспитания, закономерностей психического развития личности, возрастной психологии, психологии индивидуальных различий и уметь применять их в практической работе с любительским коллективом.

Деятельность руководителя любительского театрального коллектива отличается высоким уровнем рефлексии и психологической готовности к восприятию новшеств, постоянным поиском себя в этом новом, потребностью в создании нового видения различных форм художественной и педагогической действительности. Выпускник ориентируется в педагогических знаниях, благодаря которым он может осуществлять выбор лучшего варианта форм, методов, путей воздействия на людей для освоения ими конкретных художественных навыков и умений, всегда реализуемых с учетом интересов участников любительского коллектива. Он осознанно, организованно проводит воспитательную деятельность, с точным определением цели, методов и средств, обеспечивающих реализацию поставленных педагогических задач. Воспитательная работа заключается в повседневных контактах, общении, наставничестве, задача которых – формировать у участников глубокие чувства, активизировать деятельность морально-психологических механизмов, которые, в свою очередь, обеспечивают развитие нравственного самосознания участников коллектива. Важно говорить об обладании будущим руководителем любительского театрального коллектива, выполняющим роль педагога, огромным запасом терпения, выдержки, уважения, доверия, а иногда и строгости, непреклонности, но во всех случаях доброты и юмора, здесь не может быть шаблонного подхода. Вследствие этого немаловажным фактором является знание выпускником специфики профессиональной этики конкретного вида деятельности, так как это предпосылка предоставления нужного уровня нравственного воспитания коллектива. Именно с помощью педагогической этики руководителя любительского театрального коллектива формируются чувства и представления участников о ценности общения, проявляются сложившиеся в коллективе взаимоотношения и взаимодействия, при которых общие ценности и установки становятся средствами раскрытия богатства личностно-индивидуальных свойств.

Итак, под художественно-педагогической компетенцией нами понимается уровень овладения выпускником художественными и педагогическими методами, средствами, обеспечивающими продуктивность его профессиональной деятельности по обучению актеров-любителей театральному ремеслу, с целью повышения их культурного, эстетического уровня и создания условий для творческой самореализации каждого из них.

Рассмотрим коммуникативную компетенцию руководителя любительского театрального коллектива. Термину «коммуникация» в последнее время

стали придавать обширное значение. В широком смысле слова термин «коммуникация» обозначают любую связь между людьми, все существующие способы социальных связей и взаимодействий. В педагогических исследованиях и педагогической практике термин «коммуникация» определяется как процесс двухстороннего обмена информацией, ведущий к взаимному пониманию.

Мотивационный элемент коммуникативной компетенции представляет собой стремление будущего руководителя любительского театрального коллектива к духовно-творческому единению с участниками, когда ими совместно создается атмосфера поиска и совершенствования, атмосфера доброжелательства, искреннего дружеского соучастия при освоении новым участником знаний, норм и традиций коллектива, что положительно сказывается на его адаптации. Формируется атмосфера корпоративной ответственности, не разделенной на интересы коллектива и заботы руководителя.

Когнитивный элемент коммуникативной компетенции заключается в овладении руководителем приемами, методами и средствами театральной педагогики и социальной психологии, содействующими обоснованному, осмысленному взаимодействию специалиста с участниками-любителями. В умении руководителем оценить первоначальные возможности участников любительского театрального коллектива

и на основе этого композиционно выстраивать каждую встречу с коллективом, выдвигать требования к участникам любительского театрального коллектива, прогнозируя их возможности в будущем. Соблюдать и учитывать принцип интереса и демократичности, который заключается во владении инициативой актерами-любителями, когда каждый должен будет проявлять максимум самостоятельности и постоянно вносить в работу индивидуальное.

Коммуникативная компетенция руководителя любительского театрального коллектива – это владение способами организации полисубъектного взаимодействия участников любительского театрального коллектива, обеспечивающее его всестороннее гармоническое развитие.

Следуя терминологии современной педагогики, организационно-педагогическую компетентность руководителя любительского театрального коллектива можно назвать ключевой компетентностью, обеспечивающей эффективное формирование будущего специалиста социокультурной сферы, четко осознающего свою гражданскую, этическую и эстетическую позицию, способного организовать дружный творческий любительский коллектив, растить таланты и воздействовать результатами художественного творчества коллектива на повышение культуры своих зрителей.

Библиографический список

1. *Вачков И.В.* Поле в школе // Школьный психолог. 2002. №1. С.18.
2. *Каргин А.С.* Самодеятельное художественное творчество: История, теория, практика: учеб. пособие для вузов культуры и искусств. М.: Высш. шк., 1988. 270 с.
3. *Коваленко В.И.* Полисубъектное управление развитием образовательной системы: (на материале вузов МВД России): Монография. М.; Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. С.300.
4. *Сериков В.В.* Природа педагогической деятельности и особенности профессионального образования педагога. / Педагогика № 5. 2010. С.29-37.
5. *Сериков Г.Н.* Управление образованием: системная интерпретация: Монография Челябинск: Изд. ЧГПУ «Факел», 1998. 664 с.
6. *Хуторской А.В.* Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы // Народное образование. 2003. №2. С. 58–64.

References

1. *Vachkov I.V.* The field in the school // School Psychologist. – 2002. – № 17. – P.18.
2. *Kargin A.S.* Amateur art: History, Theory, Practice: Textbooks for higher educational institutions of Culture and Arts / A.S. Kargin. Vysshaya shkola, 1988. – 270 p.
3. *Kovalenko V.I.* Poly-subject development management of the educational system: (on the materials of universities of MIA of Russia): Monograph. – Moscow, Belgorod: Belgorod State University, 2004. – P.300.
4. *Serikov V.V.* The nature of educational activities and especially teacher's vocational education. / Pedagogy, № 5. – 2010. – Pp.29-37.
5. *Serikov G.N.* Education Management: systemic interpretation: Monograph Chelyabinsk: CSPU "Fakel", 1998. – 664 p.
6. *Khutorskii A.V.* Core competencies as a component of student-oriented paradigm // Public Education. – 2003. – № 2. – Pp. 58-64.

УДК 371.686

UDC 371.686

В.В. ПЛАТОНОВ

кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры технологии и предпринимательства Орловского государственного университета
E-mail: wplaton1@rambler.ru

V.V. PLATONOV

candidate of technological sciences, associate professor, professor of the department of technology and business, Orel State University
E-mail: wplaton1@rambler.ru

**ОПТИМИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ДИДАКТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ «МАЛАЯ ГРУППА»
С ПРИМЕНЕНИЕМ ПОРТАТИВНОГО МУЛЬТИМЕДИЙНОГО КОМПЛЕКТА «МУЛЬТИКЕЙС»**

**OPTIMIZATION OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF DIDACTIC-SYSTEM «SMALL GROUP»
WITH APPLICATION OF THE PORTABLE MULTIMEDIA COMPLETE SET «MULTICASE»**

В статье рассматриваются вопросы конструирования и применения экранного технического средства обучения «мультикейс» для «малых» учебных групп на основе портативных проекторов.

Ключевые слова: образовательная система, малая группа, аудиовизуальные технические средства, презентация, пикопроектор, экран, мультикейс, эффективность.

In article questions of design and application of a screen mean of training “multicase” for “small” educational groups on the basis of portable projectors are considered.

Keywords: educational system, small group, audiovisual means, presentation, pikoproektor, the screen, a multicas, efficiency.

Обучающий (педагог, учитель, преподаватель, инструктор и т.д.) и обучаемые (ученики, студенты, курсанты, слушатели и т.п.) в процессе обучения образуют образовательную систему, объединяемую учебно-воспитательными целями, коммуникационными средствами и методами преподавания.

Согласно В.П. Беспалько [1] взаимодействие обучающего и обучаемого **по типу организации и управления познавательной деятельностью** может быть **разомкнутым** (неконтролируемая и некорректируемая деятельность учащихся), **циклическим** (с контролем, самоконтролем и взаимоконтролем), **рассеянным** (фронтальным) или **направленным** (индивидуальным), **ручным** (вербальным) или **автоматизированным** (с помощью учебных средств). Сочетание этих признаков определяет следующие виды технологий (дидактических систем):

классическое лекционное обучение (управление – разомкнутое, рассеянное, ручное);

обучение с помощью аудиовизуальных технических средств (разомкнутое, рассеянное, автоматизированное);

система «консультант» (разомкнутое, направленное, ручное);

обучение с помощью учебной книги (разомкнутое, направленное, автоматизированное) – самостоятельная работа;

система «малых групп» (циклическое, рассеянное, ручное) – групповые, дифференцированные способы обучения;

компьютерное обучение (циклическое, рассеянное, автоматизированное);

система «Репетитор» (циклическое, направленное, ручное) – индивидуальное обучение;

«программное обучение» (циклическое, направленное, автоматизированное), для которого имеется заранее составленная программа.

Автором этой статьи целый ряд лет практикуются интегрированные методы с применением мультимедийных средств и программированных методов обучения [2, 3].

Современные образовательные системы можно охарактеризовать следующими определяющими эффективностью системы показателями:

- количеством обучаемых при проведении образовательного процесса,
- степенью подготовленности обучаемых к образовательному процессу,
- наличием личных мотиваций каждого субъекта обучения,
- степенью подготовленности обучающего к образовательному процессу,
- степенью подготовленности образовательной среды к выполнению образовательного процесса,
- степенью подготовленности технических средств обучения.
- наличием или отсутствием помех для образовательного процесса.
- введением коррекций по ходу проведения образовательного процесса.

В связи с развитием в последнее время тенденции на узкую профессиональную специализацию учебные группы становятся «малыми» – числом не более 15 человек. Такой состав учебных групп рекоменду-

ется при проведении лабораторных и практических занятий по техническим дисциплинам. Рассмотрим, как упомянутые показатели влияют на результаты образовательного процесса в «малых группах».

Количество обучаемых в группе

Введем такую **классификацию учебных групп**:

Малая учебная группа имеет количество обучаемых до 15 человек ;

Стандартная группа наполняемостью 25-30 человек;

Сдвоенная группа – наполняемостью до 50 человек.

Большая группа или **учебный поток** (от 50 до 150 человек).

Рост количества обучаемых в группе может создавать фон помех для учебного процесса и влиять на качество усвоения учебного материала каждым индивидуумом. Чем больше группа, тем сложнее обучающему управлять учебным процессом и контролировать эффективность обучения.

Степень подготовленности обучаемых

Степень подготовленности обучаемых к образовательному процессу сугубо индивидуальна, но в группе может характеризоваться некоей среднестатистической величиной. Входной контроль обучающихся перед началом занятия позволяет обучающему ориентироваться в том, как произвести настройку основной массы на начало учебного процесса, какую коррекцию внести в изложение учебного материала.

В двадцатом веке студенты учились скоростному письму или искусству стенографии для конспектирования лекций. В новом информационном двадцать первом веке ситуация изменилась. В последние годы бурно развиваются технические средства индивидуальной коммуникации, получения и хранения информации. Уже со школьной скамьи обучаемые имеют возможность пользоваться такими средствами, как мобильный телефон, снабжённый функциями диктофона, фотоаппарата, видеокамеры, выхода в интернет, беспроводной передачи информации на компьютер. Появилось большое количество так называемых гаджетов, коммуникаторов и других компактных устройств, снабжённых функциями приёма, хранения и передачи информации. Эти устройства при настройке на внеучебную информацию могут служить значительной помехой учебному процессу. Обучаемые могут отвлекаться на телефонные звонки, смс-сообщения, интернет, компьютерные игры и т.п. Задача обучающего либо нейтрализовать эти воздействия на обучаемых путём отключения или блокирования (что порой сложно сделать) или **направить их действие на приём полезной информации учебного процесса**. Например, можно попросить слушателей включать диктофоны на запись голосового сопровождения учебных иллюстраций, демонстрируемых на экране или фотографировать экранное изображение. **Появляется дополнительная орга-**

низационная задача для обучающего: настроить обучаемого и его технические средства на учебный процесс.

Наличие личных мотиваций каждого субъекта обучения.

Наличие личных мотиваций каждого субъекта обучения обеспечивается обучающим в процессе настройки группы на обучения путём введения целевых установок. *Целеполагание* – важный момент в процессе обучения. При этом важно связать ситуативную цель конкретного урока с конечной компетентностной целью обучения.

Степень подготовленности обучающего к образовательному процессу

Степень подготовленности обучающего к образовательному процессу зависит и определяется его квалификацией, сложностью выбираемой им технологии обучения, предшествующей уроку методической и содержательной подготовкой, настройкой технических средств обучения и подготовкой окружающей среды (микроклиматической, осветительной, шумовой и т.п.).

Обучающий, использующий в учебном процессе сложные технические средства (компьютеры, проекторы, другие периферийные устройства), должен сам хорошо управлять этими средствами с учётом необходимых затрат времени на их обслуживание и быть готовым к переходу на дублирующие средства обучения в случае аварийной ситуации (отключение электроэнергии, аппаратный или программный сбой). Возрастают требования к профессиональной компетенции обучающего, и возникает необходимость предварительных репетиций учебного процесса без слушателей. Но это компенсируется ростом интенсивности и эффективности учебного процесса, более быстрым и качественным освоением учебного материала обучаемыми.

Степень подготовленности образовательной среды к выполнению образовательного процесса

Степень подготовленности образовательной среды к выполнению образовательного процесса должна соответствовать известным нормативам, но коррекция условий труда обеспечивается в соответствии с целью образовательного процесса. Важно обеспечить эргономическую настройку рабочих мест обучающего и обучаемых. При использовании универсальных учебных аудиторий возможна трансформация рабочих мест, например, за счет передвижения рабочих столов или оборудования перед началом урока.

Здесь могут использоваться следующие схемы размещения обучаемых относительно *центра трансляции информации* (экрана, лектора, демонстрационной установки, макета):

- а) фронтальное порядно-линейное,
- б) многоярусное фронтально-порядное,
- в) круговой сектор – амфитеатр,
- г) «кабинетное» или боковое, то-есть расположе-

ние зрителей лицом друг к другу с поворотом головы к экрану.

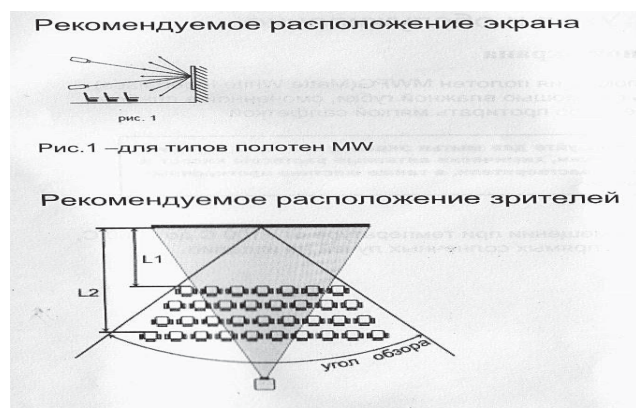

Рис. 1. Расположение мест слушателей перед экраном по схеме «фронтально-порядно-линейное». L1- удаление первого ряда; L2 – удаление последнего ряда.

Рис. 2. Многоярусное фронтально-порядное расположение мест обучаемых при организации большого учебного потока.

Для стандартных и сдвоенных групп, как правило, применяется стандартное оборудование и технические средства обучения, а слушателей располагают по схеме «а» или «б». Места, находящиеся по краям первых рядов, попадают в неблагоприятную зону видимости. В крупных залах часто прибегают к смешанной группировке мест: длинными рядами в передней части зала и короткими — в задней. Между первым рядом зрительских мест и авансценой размещают поперечный проход (Рис. 1).

Большие потоки обучаемых располагаются, как правило, ярусами, чтобы головы впереди сидящих слушателей не загромождали информационное поле (Рис. 2). Оптимально расположение больших групп по схеме амфитеатра (Рис. 3)

Малая группа требует более компактного расположения обучаемых и эргономической перестройки аудитории с целью обеспечения локального сосредоточения вокруг источника информации (лектора, экрана, лабораторной установки) для повышения эффективности учебного контакта обучающего и обучаемых. Это особенно важно, когда применяются портативные средства обучения (компьютеры, проекторы, проигрыватели, диктофоны и т.д.). На

рисунке 4 представлена «кабинетная» посадка 15 студентов с боковым расположением экрана в торце общего стола.

Рис. 3. Аудитория университета Сорбонна в Париже выполнена секторами амфитеатра. Слева на подставке установлен проектор.

Рис. 4. Компактное («кабинетное») расположение малой учебной группы вокруг экрана и портативного проектора (Орловский государственный университет, факультет ТПС).

Степень подготовленности технических средств обучения

Степень подготовленности технических средств обучения – важный момент особенно в тех случаях, когда технические средства достаточно сложны и требуют дополнительных источников питания, программной настройки и специальных мер безопасности.

Для работы с **малыми группами** на факультете ТПС ОГУ нами был разработан портативный переносной комплект мультимедийного оборудования «Мультикейс». Комплект размещается в портфеле типа «кейс» и состоит из карманного проектора (пико-проектора), электронного носителя информации (USB-флешка, SD-карта), блока питания, складывающегося экрана и штативов для экрана и проектора. Для настройки учебного материала в кейс вкладывается малогабаритный ноутбук. Вес всего оборудования не превышает 5 кг, что позволяет легко его переносить и хранить в сейфе. Разворачивание и настройка **мультикейса** перед занятием занимает не

более 5 минут. При этом нужно собрать экран, электрическую схему соединений (рисунок 5) и навести оптическую систему на резкость. Применение ноутбука на занятиях не обязательно.

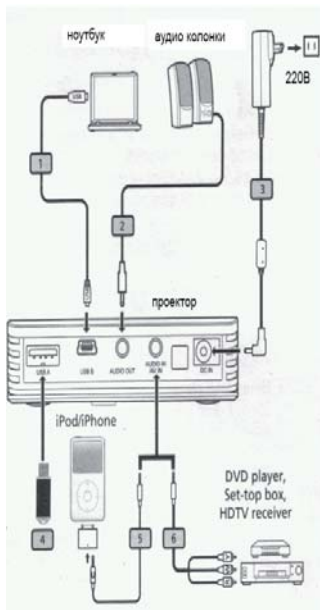

Рис. 5. Схема соединений Мультикейса. 1-кабель к ноутбуку, 2-аудио кабель, 3-сетевой кабель, 4 –USB -флешка или SD-карта, 5, 6 –соединители других устройств (варианты).

Наличие или отсутствие помех для образовательного процесса

Помехи во время обучения бывают самые разнообразные. Использованию проектора может мешать повышенная освещённость аудитории, особенно прямые солнечные лучи на экране. Такая помеха может быть устранена расположением экрана в тени, частичным отключением аудиторных светильников.

Повышенный шум может заглушить звуки, воспроизводимые динамиками проектора. Пикопроектор имеет встроенные звуковые динамики звуковой мощностью до 2Вт, но при необходимости к нему можно подключать дополнительные колонки.

Внезапное отключение электроэнергии прекратит работу мультимедийного комплекта. Для обеспечения полной автономности от электросети разработанный нами мультикейс снабжён портативным аккумулятором.

Обучающий должен быть готов к перестройке учебного процесса в зависимости от сложившихся обстоятельств, вплоть до перехода на традиционное лекционное обучение с применением бумажных носителей информации.

Результаты исследования

Разработка, испытания мультимедийного комплекта «МУЛЬТИКЕЙС» и освоение методики его применения произведены в инновационной лаборатории факультета «Технологии, предпринимательства и сервиса» в 2012 – 2013 учебном году. Практически сразу же началась рабочая эксплуатация комплекта в январе 2013 года на учебных заняти-

ях в группах заочного отделения факультета. Состав групп варьировал от 8 до 19 человек. Все группы были отнесены к типу «малых» и для них был выбран способ посадки студентов по типу «кабинетного» (рисунок 4). В качестве основной была принята **технология группового дифференцированного способа обучения** с применением аудиовизуальных учебных пособий. Учебный материал был подготовлен в виде презентаций на основе MS PowerPoint с включением в слайды фото и видео иллюстраций, а также веб-страниц из интернета. Студентам подавался материал по схеме лекция – практикум в одном четырёхчасовом занятии. Преподавались такие предметы, как: «Информационные технологии в образовании», «Оборудование школьных мастерских», «Основы творческо-конструкторской деятельности». Эти предметы лучше усваиваются, когда теоретический материал хорошо иллюстрирован примерами. Уже при изложении в первой половине занятия теоретического материала перед студентами ставились проблемные вопросы, рассмотрение которых производилось во второй части занятия. Студенты невольно втягивались в дискуссию, и начиналась «мозговая атака» на проблему при активном управлении и подсказках обучающего. Таким образом, процесс освоения знаний становился творчески-активным. В группах самопроизвольно выделялись лидеры, помогавшие своим коллегам осваивать новые знания.

На первых занятиях перед студентами ставилась конечная цель – выдать информационный продукт к концу изучения курса для получения зачётной оценки. По одному предмету (информационные технологии в образовании) последнее занятие закончилось автоматизированным тестированием с помощью программного продукта «Assistant». По курсам «Оборудование школьных мастерских» и «Основы творческо-конструкторской деятельности» был предусмотрен интегрированный продукт – индивидуальный курсовой проект.

Результаты обучения студентов заочного отделения по технологии группового дифференцированного способа обучения с применением аудиовизуальных учебных пособий на основе МУЛЬТИКЕЙСА характеризуются следующими показателями:

Тестирование теоретических знаний по курсу «Информационные технологии в образовании» с помощью автоматизированной программы «Assistant» прошли все 100% обученных;

По курсам «Оборудование школьных мастерских» и «Основы творческо-конструкторской деятельности» курсовые проекты были защищены со следующими оценками: «отлично» – 50% обученных, «хорошо» – 32%, «удовлетворительно» – 18%.

В сравнении с применявшимся ранее методом, когда лекции читались в один день, а практические занятия проводились в другой (порой на следующей неделе), обнаружилась экономия учебного времени за счёт исключения необходимости вводного опроса перед практическим занятием (7-10 минут).

Сэкономленное время использовалось на более детальную проработку учебного материала.

Присутствовавшие на занятиях преподаватели кафедры технологии и предпринимательства высоко оценили инновационную разработку «МУЛЬТИКЕЙС» и пожелали освоить её для своей педагогической работы.

Социально-экономическая эффективность «МУЛЬТИКЕЙСА»

1. Оснащение одной аудитории стационарным проектором с потолочной подвеской и стационарным экраном требует прокладки бронированного кабеля, обеспечения других мер безопасности и обходится в 150 тысяч рублей (данные поставщиков оборудования). Общая стоимость испытанной нами комплектации мультимедийной, переносимой в любую не оборудованную проектором и экраном аудиторию, составила 40 тысяч рублей.

2. С применением мультимедийной пропадает необходимость опасного обслуживания проектора на высоте.

3. Так как мультимедийная хранится в сейфе, то отпадает необходимость укрепления дверей и применения других мер сохранности.

4. Ресурс ламп у предлагаемого нами проек-

тора 20 тысяч часов, а у стационарных только 3-4 тысячи часов. Это обеспечит более длительную (в 6 раз) эксплуатацию Мультимедийной.

5. Наличие автономного источника питания у Мультимедийной в виде аккумулятора обеспечивает непрерывность учебного процесса с мультимедиапособиями при возможных перебоях в электроснабжении, а также в неэлектрифицированных аудиториях.

6. Мультимедийная может использоваться в малых группах для целей обучения, профориентации обучающихся как в городских, так и в сельских образовательных учреждениях, а также в целях просвещения населения по различной тематике.

7. Мультимедийная позволяет расширить круг преподавателей, применяющих современные технические средства обучения, и повысить эффективность учебного процесса в целом.

Таким образом, МУЛЬТИКЕЙС в сочетании с технологией группового дифференцированного способа обучения может быть рекомендован для применения в «малых» (до 15 человек) группах обучающихся.

Портативность Мультимедийной и автономность электрического питания позволяет проводить занятия с малой группой в любой аудитории.

Библиографический список

1. Беспалько И.П. Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика. 1989
2. Платонов В.В. Педагогическая игра как метод проведения семинарских занятий. Журнал «Школа и производство». №6. 2002 г.
3. Платонов В.В., Савостиков В.А. Интегрированная технология преподавания инженерных дисциплин для педагогов профессионального обучения. – Ученые записки Орловского государственного университета № 1. 2007.

References

1. Bepalko I.P. Components of pedagogical technologies. M.: Pedagogy, 1989
2. Platonov V.V. Educational game as a method of conducting of seminars classes. «School and the production». №6. 2002 year.
3. Platonov V.V., Savostikov V.A. Technology integrated in the teaching of engineering disciplines for teachers of vocational training. Scientific notes of Orel State University №1, 2007.

УДК 378.14.032

UDC 378.14.032

В.Н. СОРОКОУМОВА

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе Орловского государственного университета
E-mail: sorokoumov57@mail.ru

V.N. SOROKOUMOVA

doctor of Pedagogics, professor of the Department "Theory and Methods of Teaching the Russian Language and Literature, Orel State University
E-mail: sorokoumov57@mail.ru

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТРУКТУРЫ ЗНАНИЙ И УМЕНИЙ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ФАКТОР ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К ПРОЦЕССУ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

DEFINING THE KNOWLEDGE AND SKILLS STRUCTURE AS A NECESSARY FACTOR OF STUDENTS' TRAINING TO THE FORMATION PROCESS OF THE PROFESSIONAL COMPETENCE

Системно-блоковое представление особенностей учебного процесса в вузе, знание основных целей профессионально-методической подготовки в вузе даёт основание для более объективного выделения ведущих профессионально-методических знаний, необходимых для формирования профессиональных умений.

Ключевые слова: когнитивно-коммуникативная методика обучения, знание, умение, компетенция, методы и этапы обучения.

System-blocking ideas of study process peculiarities, knowledge of the main professional-methodical aims in the higher education establishments give us the right for more objective picking out the leading professional-methodical knowledge necessary for professional skill formation.

Keywords: cognitive-communicative method of teaching, knowledge, skill, communicative competence, methods and stages of teaching.

Будучи ещё молодым преподавателем кафедры русского языка, я не могла себе представить, что моё следование указаниям заведующего кафедрой выльется в многолетнее исследование вузовского учебного процесса, в разработку и организацию экспериментального обучения, в решение многих насущных вопросов. Например: почему при индивидуальном опросе студентов преподаватель не слышит от них точного, логичного изложения уже знакомого им материала? Или почему редко кто из них способен преподнести материал так, чтобы он стал понятным всем присутствующим в аудитории? Или почему из года в год преподаватели сталкиваются с одним и тем же явлением: умение студента грамотно и красиво говорить совсем не предполагает умения говорить по существу (что характерно не только для устной речи и не только для студентов, но и для письменной, свидетельством тому – рефераты, курсовые и дипломные работы)? Или почему во время педагогической практики наши студенты испытывают трудности в определении стиля и содержания общения с учащимися?

Анализ этих и многих других явлений вузовского учебного процесса подвёл меня к выводу о необходимости конструктивного решения проблемы объединения когнитивных (познавательных) и коммуникативных (речевых) умений с целью сделать процесс становления будущего специалиста (учителя русского языка или филолога-преподавателя) более качественным, не затрачивая на это больше

времени, чем заложено в учебном плане факультета, и не меняя содержания предмета «Теория и методика обучения русскому языку», определённого Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования.

Таким образом, возникла необходимость пересмотра процесса формирования профессионально-педагогических умений будущих учителей в соответствии с возрастающими требованиями к уровню специальной подготовки выпускников вузов, сменной общеобразовательных парадигм, фиксирующих переход от массово-репродуктивных форм и методов преподавания к индивидуально-творческим, подготовкой будущих специалистов к профессиональному, компетентному вхождению в современный рынок труда с прочно сформированными потребностями в постоянном профессиональном самообразовании и саморазвитии. Высокий уровень современной профессиональной подготовки специалиста должен характеризоваться развитой способностью к решению профессиональных задач, т.е. развитым профессиональным мышлением и сознанием. Это и определило актуальность выбранной нами проблемы.

Развитие у студентов-филологов когнитивных и коммуникативных умений, приобретаемых в процессе изучения дисциплин методического цикла, существенным образом влияет на формирование у них профессиональных навыков. Поэтому необходимо не только уточнить цели вузовского курса методики преподавания русского языка, но и методы,

организацию процесса её изучения, чтобы учесть двоякую направленность, двоякое назначение системы знаний учителя русского языка – как когнитивно-коммуникативного фундамента профессиональной деятельности и как непосредственного инструмента практических действий. Изменение к требованиям профессиональной подготовки в университете заставило пересмотреть через призму умений знания, которые повлияют на формирование современных умений. При этом важно было точно развести понятия «информация», «факты» и «знания». Естественно, что не всякая информация, получаемая из различных источников, становится знанием, а лишь та, что востребована (в данном случае в профессиональной практике) в конкретной деятельности человека. И если информация обеспечивает общекультурное развитие человека, то знание (коль мы говорим о вузовском обучении) лежит в основе профессиональных компетенций. Здесь необходимо отметить, что к определению знаний нужно подходить с позиций формирования профессиональных компетенций, а набор и содержание профессиональных компетенций определяется в данный момент состоянием учебно-педагогического процесса в образовании вообще и в университете в частности и требованиями рынка труда (с учётом подготовки специалиста).

Традиционно в структуре знаний в области методики обучения русскому языку выделяется ряд компонентов: 1) знание фундаментальных идей, концепций, законов и закономерностей развития педагогических явлений: органическая взаимосвязь целей, содержания форм и методов организации учебного процесса; комплексный подход к обучению школьников; учет закономерностей возрастного и индивидуального развития детей; 2) знание ведущих теорий, основных категорий и понятий: категории и понятия в области методики преподавания русского языка отражают в обобщенном виде профессионально-педагогическую действительность, выражают наиболее существенные признаки педагогических явлений; 3) знание основополагающих педагогических фактов: составляющих неотъемлемую часть содержания любого педагогического опыта и педагогической практики вообще и являющихся связующим звеном между теорией и практикой. Эти факты отражают основные наиболее типичные тенденции и закономерности развития школы. И здесь важно при раскрытии сущности педагогического факта рассматривать три его стороны: во-первых, различать эмпирический факт, объективно и реально существующий в опыте, и научный факт, факт методической науки, отражающий определенные связи и отношения реально существующих явлений; во-вторых, учитывать специфику факта как единицы научного знания и факта как основы усвоения теории; в-третьих, раскрывать взаимосвязь между теорией и фактами. Анализ фактов, установление между ними причинно-следственных связей, их обобщение способствуют выявлению сущности того или иного явления.

Таким образом, методические знания, полученные студентом-филологом во время обучения в университете, являются теоретической и общеметодологической основой эффективной деятельности учителя. В то же время знание законов, понятий, фактов в области методики преподавания русского языка является средством и условием формирования их педагогического мышления, профессионализма. Все это обуславливает актуальность вооружения студентов-филологов всей системой знаний как одной из ведущих задач их подготовки в вузе.

Знания студентов в области методики преподавания русского языка реализуются в их практической деятельности, поэтому они органически связаны с лингво-психолого-педагогическими умениями. Практические умения студентов-филологов являются формой функционирования их теоретических знаний.

Понятийно-деятельностное пространство, обеспечивающее профессиональный рост студентов-филологов, являет собой систему взаимосвязанных компонентов: I – Знание фундаментальной (классической) методики обучения русскому языку, требующей осмысления и оценки классической методической теории и содержания школьного курса русского языка в историческом аспекте; II – Знание современных направлений методики обучения русскому языку, требующей осмысления и оценки современной методической теории и содержания школьного курса русского языка; III – Знание учебной ситуации помогает в определении метода обучения (*Методы вхождения в учебную ситуацию*: создание целостной картины учебного процесса, воспроизведение учебной ситуации; воплощение замысла (цели); вхождение в учебную ситуацию; метод схематизации анализируемого материала; метод конструирования теоретической модели учебного процесса; метод воображения; *Методы осмысления и оценки учебной ситуации*: метод достаточного проектирования; метод провокационного проектирования; метод решения познавательной проблемы; метод схематизации анализируемого материала; метод предположения; метод противоречий; метод оппонирования; метод контроля качества профессионального образования; *Методы поиска решения конкретной учебной ситуации*: метод научного доказательства, метод поиска нового решения, метод самостоятельного обучения, метод сопоставительного анализа, метод создания авторских методических рекомендаций, метод наглядно-образного моделирования, метод создания авторских программ и учебников русского языка, метод создания авторских методических рекомендаций); IV – Знание когнитивных и коммуникативных показателей сформированности навыков учащихся.

Системно-блоковое представление особенностей учебного процесса, знание основных целей профессионально-методической подготовки в вузе даёт основание для более объективного выделения ведущих профессионально-методических знаний, необходимых для формирования профессиональных умений.

Разрабатывая когнитивно-коммуникативную методику, я выделила следующие группы профессионально-педагогических взаимосвязанных умений, необходимых для осуществления важнейших профессиональных функций учителя русского языка при дальнейшем формировании у студентов профессиональных компетенций:

1. *когнитивные умения*, направленные на поиск и переработку профессиональной информации, когда задействуются различные познавательные процессы – память, психологические аспекты языка и речи, восприятие, решение задач, мышление, внимание, воображение, познавательное развитие в области методики преподавания русского языка;

2. *коммуникативные умения*, направленные на формирование профессионально-педагогической речи учителя (владение живым словом; умение убеждать; владение различными приемами устного изложения, техника речи).

Когнитивные и коммуникативные умения, задействованные при образовании и воспроизводстве знаний третьего и четвертого порядка, превращаются в компетенции. Компетенция (особенно профессиональная компетенция) – это не намерения, а реальное действие на основе совокупности умений и знаний третьего и четвертого уровней, в основе которых содержится обобщение, вербализация, моделирование и интеграция. И о сформированности у студентов тех или иных профессиональных компетенций можно говорить только на примере старшекурсников, да и то не всех. К сожалению, наши нынешние многие студенты подходят к выпуску лишь с умениями (для формирования профессиональных компетенций университетской системы необходимы ещё и интеллектуальный потенциал обучающегося и мотивация учения). И формирование профессиональных компетенций возможно только при разработке современных технологий и методик.

Вместе с тем в деятельности учителя русского языка отмечаются сквозные интеграционные умения, которые являются составными частями всех указанных выше групп. Сюда относятся организационные, диагностические, когнитивные и коммуникативные умения. Организационные умения требуются для выполнения всех функций учителя и включают в себя умение организовать деятельность учащихся и свою деятельность (проектирование учебно-воспитательной работы с учащимися, распределение объектов работы, проведение контроля, учета и оценки деятельности и др.). Диагностические умения представляют собой умения организовывать констатирующий срез, позволяющий судить об уровне сформированности умений обучающихся. Когнитивно-коммуникативный подход в преподавании вузовских дисциплин должен учитывать и сложную систему понятийно-деятельностного пространства, и иерархическую систему профессионально-педагогических умений. В связи с этим преподавание методики русского язы-

ка должно быть представлено сегодня как изложение целостной теории, включающей в себя общую теорию, различные аспекты изучения учебного процесса, новые технологии методики обучения русскому языку, которые развивают познавательные способности будущего учителя-словесника и его профессионально-педагогическую речь.

Показателями системности профессионально-педагогических умений являются: качество действий, степень их корреляции с теоретическими знаниями; степень самостоятельности в творческой практической деятельности; уровень интереса к педагогической деятельности. Системность знаний и умений является показателем интеграции, которая отражает единство овладения содержательно-процессуальной и мотивационно-ценностной сторонами педагогической деятельности, взаимосвязь знаний и умений (знания – теоретическая основа умений, умения – форма функционирования знаний); она соединяет в себе и другие характеристики качества знаний и умений (полнота, осознанность, прочность, действенность); отражает динамичность и творческий характер знаний и умений (их применение в разнообразных условиях); показывает единство и взаимосвязь познавательной и практической деятельности студентов (в процессе которых формируются профессионально-педагогические знания и умения) и характер этой деятельности. Формирование знаний и умений осуществляется в процессе реализации всех четырёх подходов когнитивно-коммуникативной методики: профессионально-когнитивного, профессионально-коммуникативного, профессионально-деятельностного и профессионально-личностно-ориентированного. Качество знаний и умений находится в прямой зависимости от особенностей организации подготовки специалиста.

Когнитивно-коммуникативная методика подготовки специалистов осуществляется за счёт комплексного использования различных подходов к обучению, которые и определяют специфику формируемых умений, избираемых приёмов и способов организации учебного процесса, учебного материала.

Формирование методических понятий – это длительный и многосторонний процесс. Будущие учителя овладевают основными понятиями как на уровне их описания и объяснения в процессе учебных занятий по педагогическим дисциплинам, так и на уровне оперирования ими в процессе педагогической практики.

Структурирование учебного материала предполагает установление связи педагогической теории и педагогической практики, правильного соотношения теории и фактов.

Анализ контрольных работ позволяет сделать вывод о том, что педагогический факт в вузовском учебном процессе играет двоякую роль: во-первых, является *иллюстрацией к теоретическим положениям*; во-вторых, является источником для теоретических выводов, средством обоснования теоретических

положений, закономерностей, отправным моментом в их раскрытии. Будущим учителям русского языка (экспериментальная группа) использование фактов помогает, с одной стороны, раскрыть сущность теоретических положений, делая их доказательными, убедительными, конкретными, а с другой – повышает эффективность усвоения закономерностей, принципов, понятий. Усвоение теории без опоры на конкретные факты порождает у студентов (контрольная группа) формализм в знаниях, приводит к отрыву их от практики, к механическому усвоению. Владение значительным объемом фактов помогает студентам, с одной стороны, глубже и прочнее усвоить теорию, а с другой – познать новые факты, применить теорию через организацию педагогического процесса.

Вместе с тем восприятие и описание студентами педагогических фактов нередко осуществляется лишь на уровне эмоционального отношения и оценочных суждений типа «хорошо – плохо», «подходит – не подходит». Например, в контрольных группах студенты вместо аргументированного обоснования ограничиваются лишь оценочными суждениями и утверждениями: «Такое расположение упражнений во время первичного закрепления будет способствовать развитию у пятиклассников орфографических навыков», или «Такая последовательность наиболее удачна», или «Все эти упражнения хорошо подобраны» и т.д.

Анализ результатов показателей развития коммуникативных умений позволяет сделать вывод о том, что формирование профессиональной речи – процесс длительный, требующий постоянной практики. В данной работе студенту необходимо было представить «свою» (о самостоятельности выводов можно говорить лишь условно, так как задания контрольной работы требовали освещения «классических» подходов методики преподавания русскому языку в средних общеобразовательных учебных заведениях) точку зрения на педагогические явления, представленные в теоретическом лекционном материале. Интересно соотношение результатов, полученных в учительских группах и университетских: уровень овладения качеством устной речи у филологов-преподавателей выше, чем у учителей, что объясняется более высоким уровнем лингвистической подготовки филологов-преподавателей. Но как только мы подходим к анализу студенческих работ с позиции методики преподавания русского языка, умение точнее распознавать учебную ситуацию и в связи с этим определять речь педагога демонстрируют будущие учителя.

Таким образом, когнитивно-коммуникативная методика обучения студентов-филологов осуществляет целенаправленный подбор знаний, глубокий всесторонний анализ условий, определивших возникновение знаний, раскрываются методические идеи и закономерности, обусловившие конкретное проявление явлений учебного процесса, формулируются обобщенные теоретические положения. Подбор тех или иных знаний к занятию обусловлен содержа-

нием учебного материала, изучаемого на занятии, и содержанием самих отбираемых фактов. Основными требованиями к содержанию фактов, критериями их отбора являются точность и достоверность, конкретность, жизненность и типичность, новизна, убедительность; максимальное соответствие теме и содержанию материала; наиболее полное отражение сущности рассматриваемого явления. Конкретность, образность факта делают его более доступным, убедительным, усиливают его эмоциональное воздействие, повышают интерес к материалу. Привлечение студентов к анализу и сравнению фактов помогает им актуализировать теоретические знания, применять их на практике, активизирует мыслительную деятельность, способствует развитию когнитивных умений. Студент начинает осознавать собственный когнитивный стиль приобретения информации.

Основными направлениями установления интеграционных связей между предметами методического цикла и психолого-педагогическими, а также лингвистическими дисциплинами, а также методикой обучения литературе являются следующие: обеспечение преемственности в развитии знаний, в формировании понятий, умений и навыков; единство в интерпретации понятий, общих для психолого-педагогических и методических дисциплин, лингвистических и методических дисциплин, методики русского языка и методики литературы; осуществление единого подхода к формированию педагогических и методических, а также методических и лингвистических умений и навыков, систематизация и обобщение знаний, приобретаемых в процессе изучения отдельного цикла дисциплин и всех циклов филологического образования; с одной стороны – устранение дублирования в изучении одних и тех же вопросов, проблем, тем в преподавании различных дисциплин, а с другой – расширение и углубление этих вопросов, проблем, тем с точки зрения специфики их использования в процессе обучения школьников родному языку; формирование у студентов педагогического мышления, выработка умения подходить к изучению учебного процесса с научной точки зрения, рассматривать их во взаимосвязи, устанавливать причины явлений и их следствия; анализ педагогических фактов и явлений с точки зрения психологии, педагогики, дидактики, лингвистики и методики преподавания русского языка.

Необходимость интенсификации учебного процесса по методике русского языка, т. е. достижения более эффективного решения задач занятий за сравнительно небольшое количество времени, потребовало установления педагогически целесообразного соотношения различных форм учебных занятий, чтобы было устранено ненужное дублирование учебного материала, преодолен формализм в преподавании методики.

УДК 78

UDC 78

О.А. ТИТОВА

аспирант кафедры педагогики и методики профессионального образования Белгородского государственного института искусств и культуры
E-mail: titova-68@mail.ru

O.A. TITOVA

postgraduate student of pedagogy and methodology of vocational education, Belgorod State Institute of Arts and Culture
E-mail: titova-68@mail.ru

**ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СТУДЕНТОВ НЕМУЗЫКАЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ
В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИГРЕ НА ФОРТЕПИАНО В ВУЗАХ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ**

**TEACHER SUPPORT OF STUDENTS OF THE NON-MUSIC SPECIALTIES IN THE PROCESS
OF TEACHING TO PLAY THE PIANO IN UNIVERSITIES OF CULTURE AND ARTS**

В данной статье раскрывается сущность и содержание теории и практики педагогического сопровождения при обучении игре на фортепиано студентов немusикальных специальностей без начальной музыкальной подготовки в вузах культуры и искусств в условиях модернизации социокультурного образования и реализации ФГОС третьего поколения.

Ключевые слова: педагогическое сопровождение, индивидуализация образования, социализация, модернизация, компетентностный подход, педагогическая сопровождающая функция, формы педагогического сопровождения.

In this article the essence and contents in the theory and practice of teaching support in the process of teaching students of the non-music specialties and without musical skills in Universities of Culture and Arts and culture to play the piano in terms of modernization of sociocultural education and realization of FGOS of the third generation are discovered.

Keywords: teaching support, individualization of education, socialization, modernization, competent methods, function of teaching support, forms of pedagogical accompaniment.

В условиях модернизации образования и реализации в нем компетентностного подхода переход к деятельностной парадигме в образовательном процессе вузов культуры и искусств тормозится наличием противоречия между старой целью обучения, воспитания и развития специалистов и новой, о которой кратко, ёмко и убедительно сказал В. Г. Миронов: «Система образования должна быть направлена на формирование высокоинтеллектуальной, духовно богатой, толерантной, профессионально мобильной личности, владеющей общечеловеческими нормами нравственности, культуры, здоровья и способной обеспечить устойчивое повышение качества собственной жизни и общества» [4].

Сегодня общество больше всего нуждается в повышении уровня культуры, в духовно-нравственном оздоровлении. Особая роль в решении этой проблемы принадлежит социально-культурному образованию, так как именно оно непосредственно связано с подготовкой специалистов – основных субъектов социокультурных преобразований, которым предстоит выполнить «историческую миссию формирования активной личности как высшей ценности общества» [2].

Изменение целей социокультурного образования на основе компетентностного подхода в первую очередь означает формирование у студентов общекультурных и профессиональных компетенций, от-

ражающих основные элементы исторического, культурного, нравственного, трудового, социального, самообразовательного опыта, опыта организации обучающимися своей деятельности, опыта творческой деятельности и опыта личного отношения к системе ценностей общества, в котором мы живём (А.В. Баранников, В.В. Краевский, А.М. Новиков, А.В. Хуторской и др).

В образовательном процессе при решении новых целей и задач, при переходе к новой парадигме образования кардинально меняется роль, место и функции педагога. Он перестаёт быть транслятором знаний, а превращается в менеджера, консультанта, советчика обучающихся, выполняя не только воспитывающую, обучающую, развивающую, но и поддерживающую, сопровождающую, социализирующую функции, функции индивидуализации и персонализации. Безусловно, в небольшой журнальной статье невозможно раскрыть сущность и содержание новой роли педагога и его функции в социокультурном образовании при реализации компетентностного подхода. Однако считаем необходимым подробно остановиться на функции педагогического сопровождения в обучении игре на фортепиано студентов немusикальных специальностей вузов культуры и искусств. Рассмотреть этот аспект проблемы повышения качества их подготовки важно потому, что

сейчас на факультетах социально-культурной деятельности с целью улучшения качества подготовки специалистов для ряда специальностей введен предмет «Основы игры на фортепиано, аккомпанемент». Это обосновывается тем, что специалист социально-культурной деятельности, изучивший основы музыкального образования, получает реальную возможность повышения эффективности своей работы. Однако введение этого предмета в подготовку специалистов социально-культурной деятельности породило и ряд проблем: во-первых, проблему расширения возможности более многоаспектной и качественной подготовки специалистов социально-культурной сферы, решение которой необходимо теоретически и практически обосновать в новой системе социокультурного образования на этапе постиндустриального, информационного общества; во-вторых, необходимо учитывать, что в наше время среди поступающих на этот факультет возрастает число студентов, не имеющих начального музыкального образования; в-третьих, современная молодежь, воспитанная на поп-культуре и рок-музыке, нуждается в своем подавляющем большинстве при обучении игре на фортепиано в серьезной корректировке музыкального вкуса и музыкальной культуры. Эти обстоятельства ставят преподавателя фортепиано в очень сложную ситуацию необходимости не только обучения, но и переучивания студентов.

Теоретические и психолого-педагогические основы музыкальной педагогики изложены в ряде научных работ (А. С. Базикова, О. О. Бороздина, В. И. Загвязинский, В. В. Крюкова, В. П. Сраждев, М. Л. Тишкина, В. С. Цукерман, Г. М. Цыпин и др.). Но эта классика обучения музыкальному искусству с богатейшими разработками традиционного периода в развитии музыкального образования не в полную меру отвечает требованиям нашего времени, так как передача знаний, умений и навыков – далеко не единственная цель, а в современных условиях лишь средство воспитания профессионала. Цель же четко отражена в Федеральном государственном стандарте высшего профессионального образования: для сферы социально-культурной деятельности востребованы специалисты, обладающие высоким уровнем профессиональных знаний и умений, владеющие общекультурными и профессиональными компетенциями, т.е. обладающие широким кругозором, развитым мышлением, инновационными технологиями социально-культурной работы, наличием таких личностных качеств, как высокие музыкальный вкус и музыкальная культура, коммуникабельность, общительность, толерантность, эмпатийность, преданность и любовь к избранной профессии. Обучение игре на фортепиано расширяет диапазон возможностей для более эффективной социально-культурной деятельности, так как в результате этого обучения студент должен научиться исполнять грамотно, технически точно, художественно-выразительно сольную инструментальную программу, аккомпани-

ровать певцу-солисту, вокальному или инструментальному ансамблю, хору, петь под собственный аккомпанемент, читать с листа и транспонировать, подбирать по слуху, составлять словесный комментарий к исполняемым произведениям, владеть навыками самостоятельной работы над музыкально-исполнительским репертуаром, необходимым ему как специалисту немusикальных профессий, изучающему основы игры на фортепиано для будущей практической социально-культурной деятельности.

Необходимо отметить то, что главной целью ФГОС ВПО названо воспитание личности, профессионала, гражданина, мотивированного на своё развитие. А это означает, что для преподавателя фортепиано важнейшей задачей становится формирование социально-культурных знаний, умений, навыков на основе использования музыки и развитие личностных музыкальных компетенций будущего специалиста. Эта задача успешней может быть реализована на основе использования концепции педагогического сопровождения развития субъектности обучающегося.

Педагогическое сопровождение как понятие было введено в науку Е.А. Александровой. Ею предложено понимание педагогического сопровождения как деятельностного участия учителей и классных руководителей большей частью превентивного характера, направленного на развитие способностей старшеклассников к осознанному самоопределению и, как результат, на развитие у них знаний, умений разрабатывать и реализовывать индивидуальную траекторию не только в части образования, но и в жизнедеятельности в целом. [1]. Термин «педагогическое сопровождение», как видим, пришёл в музыкальную педагогику и методику обучения игре на фортепиано из инновационных педагогических достижений и получил в них достаточно широкое распространение. Важнейшим психолого-педагогическим условием повышения эффективности обучения игре на фортепиано в социокультурном образовании являются взаимоотношения между педагогом и воспитанником. Они должны быть не просто субъект-субъектными, сотрудническими, а основанными на педагогическом сопровождении в форме «совета», «опеки», «заботы», «защиты», «наставничества», «со-участия», «со-доверия», «со-причастности», «сопереживания». С помощью сопровождающей функции педагога должны воедино сливаться в образовательном процессе обучение и самообучение, воспитание и самовоспитание, развитие и саморазвитие. Нам импонирует концепция педагогического сопровождения Е.А. Александровой тем, что, во-первых, в ней обоснована возможность воплощения идей индивидуализации образования (что является основной формой музыкального обучения), свободного самоопределения обучающихся посредством индивидуальных образовательных траекторий; во-вторых, ею разработана и обоснована система педагогического сопровождения в процессе воспитания старшекласс-

ников в планировании и реализации индивидуальных образовательных траекторий, имеющих целью сформировать у них навыки свободного, ответственного самоопределения благодаря совместному с педагогом обсуждению и определению вариантов, критериев и последствий стратегии выбора учения, общения и последовательности в соответствующей деятельности обучающихся; в-третьих, доказана возможность реализации образовательных траекторий в учреждениях различного типа; в-четвертых, определены виды образовательных траекторий (учебные, воспитательные, личностно ориентированные и социально-ориентированные), разработано содержание их педагогического сопровождения; в-пятых, сформированы *принципы* организации учебного процесса, в котором используются индивидуальные образовательные траектории: открытость, паритетность и толерантность, взаимодействие, разнообразие ситуаций свободного ответственного выбора, совместность обсуждения его педагогом-наставником и обучающимся на паритетных началах [1].

Опираясь на теоретическую и практическую значимость исследования Е.А. Александровой, расширяя и углубляя её концепцию педагогического сопровождения применительно к процессу обучения игре на фортепиано студентов немusыкальных специальностей без начальной музыкальной подготовки в вузах и колледжах культуры и искусств, мы ввели в практику ведения студентами «Дневника реализации индивидуальной образовательной траектории в процессе обучения игре на фортепиано», ориентируясь в нём на субъективность, самостоятельность решения студентами вопросов самообразования, самовоспитания, саморазвития и объединив в реализации индивидуальной образовательной траектории лично ориентированное и социально-ориентированные направления их обучения. Педагогическое сопровождение выполняет, по утверждению Е.А. Александровой (мы с ней солидарны), *сопровождающую* функцию педагога. Она отмечает: «Реализация этой функции в педагогической деятельности предполагает следующие направления: аналитически-проектирующее, консультирующее, координирующее, организующее, демонстрирующее повышение роли педагога как индивидуального консультанта в современном образовании» [1].

Педагогическое сопровождение как функция (в педагогике – научно-теоретическая и конструктивно-техническая (нормативная, регулятивная) обеспечивает повышение эффективности процессов воспитания, социализации, индивидуализации и персонификации, что способствует решению целей и задач музыкальной подготовки современного социокультурного специалиста, акцентируя внимание на её психолого-педагогическом и социально-культурном аспектах.

Используя педагогическое сопровождение в процессе обучения игре на фортепиано специалистов социально-культурной сферы, мы пришли к выводу о

необходимости введения в неё социального аспекта, так как речь идёт о подготовке специалистов, которым придётся вести непосредственную культурно-просветительскую деятельность в социуме. Поэтому нами используется в образовательной практике и понятие «социально- педагогическое сопровождение» как «целесообразное взаимодействие сопровождающего и сопровождаемого по созданию социально- педагогических условий развития субъектности, способствующего оптимальному разрешению проблем самим обучающимся» [3].

Социально-педагогическое сопровождение в процессе подготовки специалистов СКД расширяет образовательное пространство вуза и находит своё отражение в «Дневнике» студента выделением специального раздела: «Социально-культурная внеучебная практика в ходе обучения игре на фортепиано». В ней намечается план разработки и реализации при максимальной творческой самостоятельности студента намеченных внеурочных мероприятий: музыкальных лекций-концертов, посвященных творчеству выдающихся представителей фортепианного искусства; участие в конкурсах, составление литературно-музыкальных монтажей с их постановкой в вузе, в учреждениях дополнительного образования, в школах; проведение музыкальных вечеров; конкурсов на лучший сценарий и т.д.

В конце обучения игре на фортепиано нами проводится итог его в форме рефлексивного семинара: «Что дало Вам обучение игре на фортепиано в подготовке к будущей социокультурной деятельности». Каждый студент отчитывается о том, что он сумел сделать для своего самосовершенствования. Такие рефлексивные семинары проводились нами в двух выпусках. И необходимо отметить, что они стали ярким подтверждением необходимости и эффективности педагогического сопровождения в процессе обучения студентов игре на фортепиано. Екатерина К., например, отметила, что «Дневник» заставил её целеустремлённо и основательно заняться самовоспитанием и самообразованием. Сначала это были небольшие отчёты, «галочки» о намеченном и сделанном. Потом увлёк самоанализ, самооценка своих действий, проверка самой себя. Чем больше я задумывалась об осмыслении самообразовательного процесса, тем глубже постигала и технику, и художественный образ музыкальных произведений, появился интерес к изучению предмета, овладению им. А внеурочная работа разбудила творчество. Я участвовала в разработке и постановке литературно-музыкального концерта «Детские фортепианные произведения П.И Чайковского, приняла участие в конкурсе сценариев. Как-то совсем незаметно, но прочно этот предмет стал для меня стержневым направлением будущей профессиональной социально-культурной деятельности!» Каждому студенту было что рассказать и чем поделиться. Все они подчёркивали мысль об особой атмосфере доверительности, об огромной не навязываемой, но такой весомой роли в их обуче-

нии игре на фортепиано наставника-педагога.

Рефлексивный семинар мы каждый раз завершали мозговым штурмом: «Какова Ваша оценка работы с «Дневником» на основе педагогического сопровождения и Ваши предложения по дальнейшему совершенствованию этой работы»? Каждый из 31 участников рефлексивного семинара принял участие в мозговом штурме. Нами были отобраны выдвинутые наиболее значимые идеи его участников: 1. Работа с «Дневником» – путь интенсивного развития рефлексивного мышления; 2. Дневник способствует формированию способности давать объективную самооценку; 3. Педагогическое сопровождение – истинная дорога содружества, сотрудничества педагога и студента; 4. Ведение «Дневника» – мощное развитие творческого потенциала обучающегося.

Эта оценка воздействия педагогического сопровождения через ведение дневника на формирование личности и результативность доверительных субъект-субъектных отношений участников образовательного процесса. А вот идеи студентов об обучении игре на фортепиано в их профессиональной подготовке: учебный предмет «Основы игры на фортепиано, аккомпанемент» – весомый вклад в повышение качества социокультурного образования, получаемого в вузе; социально-культурный работник должен быть специалистом с развитым музыкальным вкусом и высокой музыкальной культурой. Это могучее средство усиления воспитательного воздействия нашей будущей профессиональной социально-культурной деятельности на пользователей её услугами.

В мозговом штурме студенты предлагали и идеи совершенствования педагогического сопровождения: хорошо бы познакомиться с цифровой музыкой. Давайте подумаем, как; мы живем в обществе рыночных отношений, может быть, стоит подумать о создании фирмы внеурочных услуг: концертов, литературно-музыкальных монтажей, сценариев молодежных дискотек и т.п. Пусть эти средства пойдут на материальный вклад в оснащение новыми инструментами наших музыкальных классов и на поощрение победителей конкурсов. Эти идеи мы взяли за направления совершенствования своей работы.

Преподаватели фортепиано завершили экспе-

риментальную работу заседанием круглого стола «Теоретические и практические итоги эксперимента по педагогическому сопровождению студентов в процессе обучения игре на фортепиано». Разговор состоялся долгий, был обобщающим и оказался весьма полезным. В итоге дебатов педагоги пришли к выводам о том, что педагогическому сопровождению в процессе обучения студентов игре на фортепиано можно дать оценку в следующих аспектах: педагогическое сопровождение весьма эффективно решает переход от авторитарного к демократическому стилю работы педагога со студентами на основе сотрудничества, сопомощи, соучастия, создаёт комфортно-доверительные отношения между обучаемым и обучающим; развивает рефлексивное мышление у всех субъектов образовательного процесса; обогащает инновационными идеями и инновационными технологиями педагога и сам процесс обучения игре на фортепиано; вносит огромный вклад в повышение качества подготовки специалистов социально-культурной деятельности; способствует как модернизации образовательного процесса, так и реализации ФГОС ВПО третьего поколения, так как оно основано на деятельностной парадигме; не на «обучении на всю жизнь», а на «обучении через всю жизнь».

Реализация компетентного подхода в процессе обучения игре на фортепиано студентов немusических специальностей вузов культуры и искусств обосновала возможность переориентировки целей образования, которые нельзя сводить только к перечню пианистических знаний, умений и навыков, получаемым в процессе обучения, к изменению содержания образования: она включает фортепианный образовательный процесс формирования общекультурных и профессиональных компетенций. Педагогическое сопровождение будущих специалистов социально-культурной деятельности – могучий фактор реализации компетентного подхода как стратегического направления, акцентирующего внимание на результате образования, причём в качестве результата образования рассматривается не сумма усвоенной информации, а способность человека действовать в различных проблемных ситуациях. [5].

Библиографический список

1. *Александрова Е.А.* Педагогическое сопровождение старшеклассников в процессе разработки и реализации индивидуальных образовательных траекторий // Автореф. диссерт. на соиск. уч. степ. д.п.н. Тамбов. 2007. С. 2–9.
2. *Васильева Е.Н.* Инновационная парадигма российского социокультурного образования // Автореф. диссерт. на соиск. уч. степ. д. п. н. Тюмень. 2007. С. 5.
3. *Гущина Т.Н.* Социально-педагогическое сопровождение социально-одарённого старшеклассника // Инновации в образовании. 2012. №7. С. 29.
4. *Миронов В.Г.* Инновационная направленность – фактор конкурентоспособности педвуза // Педагогика. 2012. №1. С. 73.
5. Профессиональный стандарт педагогической деятельности. Под ред. Я. И. Кузьмина, В. Л. Матросова, В. Д. Шадрикова // Вестник образования. 2007. №7. С. 21–37.

References

1. Alexandrova E.A. Pedagogical support of high school students in the process of development and realization of individual educational trajectories // Synopsis. Dissertation for the degree of Doctor of Pedagogy. Tambov. 2007. Pp. 2-9.
2. Vasilieva E.N. Innovative Russian socio-cultural paradigm of education // Synopsis. Dissertation for the degree of Doctor of Pedagogy. Tyumen. 2007. С. 5.
3. Gushchina T.N. Socio-pedagogical support of socio-gifted high school student // Innovations in Education. 2012. № 7. S. 29.
4. Mironov V.G. Innovative orientation - a factor of university competitiveness // Pedagogy. 2012. Number 1. S. 73.
5. Professional standard of educational activities (ed. Y. I. Kuzmin, V.L. Matrosov, W.D. Shadrikov // Journal of Education. 2007. № 7. S. 21-37.

УДК 378.03

UDC 378.03

Д.А. ХВОРОСТОВ

кандидат педагогических наук, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства и технической графики Орловского государственного университета
E-mail: aqua_storm@mail.ru

D.A. KHVOROSTOV

candidate of Pedagogy, associate professor of the Department of Decorative-Applied Art and Technical Graphics, Orel State University
E-mail: aqua_storm@mail.ru

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ ПРОЕКТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

THE CONDITIONS OF FORMING STUDENTS' PROFESSIONAL COMPETENCES IN THE PROCESS OF MASTERING DESIGN TECHNOLOGIES

Конец XX и начало XXI века можно назвать периодом информационно-коммуникативных перемен. Достижения информационных технологий вызвали существенные изменения в картине мира и мышлении общества, оказав активное влияние на развитие науки, искусства и проектно-графической деятельности. На современном этапе развития общества одним из основных способов освоения и преобразования мира становятся компьютерные технологии. Разумная, научно обоснованная мера сочетания ручных приёмов работы с компьютерными разработками – залог профессионализма выпускников соответствующих отделений художественно-графических факультетов.

Ключевые слова: профессиональная компетенция, информационные технологии, проектно-графическая деятельность, дидактическая система, эстетическая организация среды, система профессиональной подготовки студентов, компьютерное моделирование, ролевая профессионально-ориентированная игра, компьютеризация рабочих процессов, паспорт компетенций.

It is possible to call the end of the XX and the beginning of the XXI century the period of inform-communicative changes. The achievements of information technologies caused essential changes in the picture of the world and thinking of the society, having an active impact on the development of science, art and design and graphic activity. At the present stage of the society development the computer technologies become one of the main ways of development and transformation of the world. Rational, science-based measure of combining the manual methods of working with computer design is a key to the professionalism of graduates of graphic arts departments.

Keywords: professional competence, information technologies, design and graphic activity, didactic system, the esthetic organization of the environment, system of vocational training of students, computer modeling, the role professional-focused game, a computerization of the working processes, the passport of competences.

Конец XX и начало XXI века можно назвать периодом информационно-коммуникативных перемен. Достижения информационных технологий вызвали существенные изменения в картине мира и мышлении общества, оказав активное влияние на развитие науки, искусства и проектно-графической деятель-

ности. На современном этапе развития общества одним из основных способов освоения и преобразования мира становятся компьютерные технологии. Их применение привело к глобальным изменениям в мировоззрении современного человека, что в свою очередь затронуло основы профессиональной подго-

товки специалиста высшей школы.

Опираясь на основные положения и достижения электронных технологий, нами была разработана и предложена своевременная авторская концепция построения дидактической системы профессиональной подготовки студентов в таком современном и необходимом вопросе, как проектная деятельность по эстетической организации внутренней и внешней среды.

Общество всегда проявляет заботу об уровне профессиональной квалификации специалистов и влияет на этот процесс через создание соответствующих обучающих систем. Основные цели профессионального образования включают в себя подготовку квалифицированного специалиста высокого уровня и соответствующего профиля. Он должен быть конкурентоспособен на рынке труда. Его качества – компетентность, ответственность. Он должен свободно владеть своей профессией, квалифицированно ориентироваться в смежных областях деятельности. Постоянно повышать свой профессиональный уровень.

Нельзя не считаться и с тем, что вошедшие за последние годы в нашу жизнь цифровые компьютерные технологии полностью изменили привычный образ нашей жизни. Глобальная компьютеризация рабочих процессов произошла во всех профессиональных областях.

Процесс обучения тоже кардинально изменился. Наряду с традиционными методами и средствами обучения, появились совершенно новые. Как показывает практика, компьютер может во многом изменить и дополнить систему обучения он расширит возможности и позволит добиться более высокого педагогического результата. Являясь компонентом учебно-воспитательного процесса, электронные средства обучения оказывают большое влияние на все другие его компоненты – цели, содержание, формы, методы. Выпускник художественно-графического факультета уже немыслим без знания нескольких компьютерных технологий и умения профессионально применять их на практике. Это относится не только к будущим учителям изобразительного искусства, но и к будущим дизайнерам, которых художественно-графический факультет Орловского государственного университета выпускает на протяжении последних одиннадцати лет. Поэтому сегодня на первый план выходит разработка и внедрение педагогической системы профессиональной подготовки студентов к проектной деятельности с активным использованием компьютерных технологий. Эта сложнейшая задача, требующая напряжения всего потенциала художественно-графического факультета.

Профессиональная подготовленность студентов к грамотным проектно-графическим работам основывается на изучении специфики рисунка, живописи, черчения, начертательной геометрии, декоративно-прикладного искусства и других специализированных дисциплин, традиционно изучаемых на художественно-графических факультетах. Причём, активное использование

компьютерных технологий не должно подавлять у студентов стремление и умение работать карандашом, кистью, рейсфедером. Чертёжно-графическая и живописная подготовка – непереносимое условие профессионализма и компетенции подготовки будущего специалиста по проектированию внешней и внутренней среды. Проводя экспериментальные исследования по созданию системы профессиональной подготовки дизайнеров, мы убедились, что особое значение приобретают ролевые профессионально ориентированные игры с использованием компьютерных технологий. В ходе обучения студентов направлений подготовки «Дизайн среды», «Искусство интерьера», «Декоративно-прикладное искусство» ролевые игры необходимо вводить в учебный процесс с первого года обучения. Особую важность они имеют в процессе подготовки студентов к проектным и производственным практикам. В этом случае ролевые профессионально ориентированные игры готовят студентов к адаптации в новом коллективе, знакомят с технологическими и психологическими особенностями выбранной профессии, развивают профессионально значимые качества. После завершения практики, на стадии подведения итогов, также необходимо провести несколько ролевых профессионально-ориентированных игр для закрепления и обобщения полученных в ходе практики навыков и передачи приобретенного личного опыта студентов.

Общей целью ролевой профессионально-ориентированной игры в курсе обучения студентов является развитие образовательных и, в конечном итоге, профессиональных компетенций. Образовательные (общекультурные) компетенции – это способности активно использовать знания, умения, навыки, личностные качества, обеспечивающие успешную подготовку учащихся в одной или нескольких образовательных областях. Профессиональные компетенции – это способности работника выполнять работу в соответствии с требованиями должности, а требования должности – задачи и стандарты их выполнения, принятые в организации или отрасли.

Если рассмотреть Паспорт компетенций по направлению подготовки 072500 Дизайн, профили: Графический дизайн, Дизайн костюма, Дизайн среды, то мы увидим, что в нем обозначены пятнадцать образовательных (общекультурных) компетенций и шесть профессиональных компетенций. Их формированию и развитию в полной мере способствует разработанная нами система профессиональной подготовки специалистов-дизайнеров на художественно-графических факультетах.

В будущей профессиональной практике студента по направлениям подготовки «Дизайн», постоянно будут возникать сложные и неоднозначные производственные и личностно-психологические ситуации, которые необходимо будет решать мгновенно, без опоры на домашнюю, наработанную и накопленную архивную базу. Часто практикующему дизайнеру

ру не оставляют резерва времени для обдумывания и переноса решения возникшей проблемы «на потом». Такие ситуации постоянно возникают на стадии финишной сдачи разрабатываемого объекта. Если не подготовить студента к подобным ситуациям в ходе обучения в вузе, то в дальнейшей профессиональной деятельности ему не обойтись без серьезных психологических травм и материальных потерь. В наших руках, в руках преподавателей, дающих знания студентам в ходе подготовки их к профессиональной деятельности, помочь избежать им подобных просчетов и ошибок.

Работа над конкретным дизайн-проектом предполагает несколько основных этапов деятельности, а именно:

- проведение переговорного процесса с заказчиком;
- планирование этапов работы на объекте;
- выполнение проекта «от руки» или на компьютере;
- подбор финишных материалов (настенная и напольная плитка, обои, декоративные покрытия, потолочные и напольные покрытия) мебели, оборудования и аксессуаров;
- донесение идеи проекта до исполнителей;
- воплощение дизайн-проекта в материале, осуществление авторского надзора.

Все эти этапы необходимо изучить и детально разобрать со студентами в ходе ролевых профессионально-ориентированных игр. В ходе игр студенты должны меняться ролями в сценарии игры, рассматривать поведенческие и профессиональные аспекты со всех сторон. Преподаватель четко определяет ситуацию с тем, чтобы студенты полностью поняли, что должно произойти в процессе ролевой игры. Ролевая подготовка включает ознакомление с ролевыми сценариями, которые содержат определенные задачи с различными временными параметрами – от нескольких минут до нескольких часов. В последнем случае ролевая подготовка выполняется как домашнее задание. После проведения ролевой игры преподавателем проводится анализ смоделированной ситуации.

Ролевая профессионально-ориентированная игра может быть составной частью другой интерактивной технологии, а именно, проектной методики по организации среды. Метод – это дидактическая категория. Это совокупность приемов, операций овладения определенной областью практического и теоретического знания деятельности дизайнера среды. Это путь познания, способ организации процесса познания и закрепления профессиональных навыков. Когда мы говорим о методе проектов, то имеем в виду именно способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы (технологии), которая должна завершиться вполне реальным, осязаемым практическим результатом, оформленным наглядно-демонстративным образом (планшеты с планами и перспективами разрабаты-

ваемого объекта) или Паспортом дизайн-проекта. Ценность проектной работы по организации среды заключается, прежде всего, в том, что она поощряет студентов к реальному использованию коммуникативных умений в эффективном временном отрезке. Особо следует выделить следующие характеристики проектной работы по организации среды.

1. Наличие значимой в исследовательском, творческом плане задачи, требующей интегрированного знания, исследовательского поиска для ее решения (например, разработка сложного многоэтажного интерьерного проекта в определенном историческом стиле – барокко, классицизм, с использованием современных отделочных материалов и компьютерных технологий).

2. Практическая, теоретическая, познавательная значимость предполагаемых результатов (например, участие в региональной или республиканской выставке студенческих дизайн-проектов, публикация итоговых материалов в сборнике студенческих научных статей, презентация результатов в ходе итоговой отчетной конференции).

3. Самостоятельная (индивидуальная, парная, групповая) деятельность учащихся по реализации выбранного дизайн-проекта.

4. Структурирование содержательной части выбранного дизайн-проекта (с указанием поэтапных результатов).

5. Использование исследовательских методов, предусматривающих определенную последовательность действий:

- определение проблемы и вытекающих из нее задач исследования (использование в ходе совместного исследования метода «мозговой атаки», «круглого стола»);
- выдвижение гипотез их решения;
- обсуждение методов исследования (статистических методов, экспериментальных, наблюдений, пр.);
- обсуждение способов оформления конечных результатов выполненного дизайн - проекта (презентаций, защиты, творческих отчетов, просмотров, пр.);
- обмеры, сбор, систематизация и анализ полученных данных;
- подведение итогов, оформление результатов, их презентация;
- выводы, выдвижение новых проблем исследования.

6. Базирование на сотрудничестве для решения и выполнения поставленных целей, а не на конкуренции.

7. Ориентированность на интеграцию умений обработки информации из разных источников и использования ее в коммуникативных профессионально-ориентированных целях.

8. Содействие укреплению уверенности студентов, их самоуважения и самостоятельности, развития познавательных, образовательных и профессиональных способностей.

Реализация метода проектов по организации сре-

ды, исследовательского метода и метода ролевых профессионально-ориентированных игр на практике ведет к изменению позиции преподавателя. Из носителя готовых знаний он превращается в организатора познавательной, исследовательской, и в конечном итоге профессиональной деятельности своих

студентов.

Разумная, научно обоснованная мера сочетания ручных приёмов работы с компьютерными разработками – залог профессионализма выпускников соответствующих отделений художественно-графических факультетов.

Библиографический список

1. Хворостов Д.А. Эстетическое воспитание студентов отделения «Искусство Интерьера». Ученые записки Орловского государственного университета. №1. 2010. С. 364 – 365.
2. Хворостов Д.А. Дизайн среды. Проектирование. Использование компьютерных технологий на занятиях со студентами художественно-графических факультетов. Орел, Оттиск, 2012, 180 с., ил.
3. Хворостов Д.А. О профессиональной подготовке художника–проектанта. Компьютер и работа «от руки». Вестник Орловского государственного университета. № 4, 2011.
4. Хворостов Д.А. Компьютерные средства обучения студентов художественно-графического факультета. Вестник Орловского государственного университета. № 5, 2011.
5. Хворостов Д.А. Проектные работы в наследии архитекторов Захарова и Барановского. Ученые записки Орловского государственного университета. №6. 2011. С. 493 - 497.
6. Хворостов Д.А. Компьютер как новое средство обучения студентов художественно-графического факультета. Международная научно-практическая конференция «Перспективные разработки науки и техники». Педагогические науки, современные методы преподавания. Польша, Перемышль. 07 – 15 ноября 2011.
7. Хворостов Д.А. Проектирование Дизайна среды. Использование компьютерных технологий на занятиях со студентами художественных вузов. Монография. LAP LAMBERT Academic Publishing. ISBN-13: 978-3-8484-0566-4, Германия Саарбрюккен, 2012, 324 с., ил.
8. Хворостов Д.А. Взаимосвязь традиционных методов обучения и современных компьютерных технологий в подготовке студентов художественно-графических факультетов. Международная научно-практическая конференция «Дни науки». Педагогические науки, современные методы преподавания. Чехия, Прага. 27 марта – 05 апреля 2012.
9. Хворостов А.С., Хворостов Д.А. Специфика рисунка в декоративно-прикладном искусстве. Зависимость подготовительного рисунка от материала и технологии исполнения декора. LAP LAMBERT Academic Publishing. ISBN: 978-3-659-18963-0, Германия Саарбрюккен, 2012, 276 с., ил.
10. Хворостов Д.А. Значение ролевой профессионально-ориентированной игры в подготовке студентов художественно-графических факультетов к организации среды. Международная научно-практическая конференция «Образование и наука XXI века». Педагогические науки, современные методы преподавания. Болгария, София. 17 – 25 октября 2012.
11. Хворостов Д.А. Профессиональное использование фотографии и фотодизайна в подготовке студентов художественно-графических факультетов к организации среды. Международная научно-практическая конференция «Новости научной мысли». Педагогические науки, современные методы преподавания. Чехия, Прага. 27 октября – 05 ноября 2012.

References

1. Khvorostov D.A. Esthetic education of students of the department “Interior Art”. Scientific Notes of Orel State University. № 1. 2010. – Pp. 364-365.
2. Khvorostov D.A. The environment design. Use of computer technologies at the lessons with students of art-graphic faculties. Orel, 2012, – 180 p., print.
3. Khvorostov D.A. About vocational training of the artist and the designer. Computer and work “by hand”. Bulletin of Orel State University. № 4, 2011.
4. Khvorostov D.A. Computer tutorials of students of art and graphic faculty. Bulletin of Orel State University. № 5, 2011.
5. Khvorostov D.A. Project works in the heritage of architects Zaharov and Baranovsky. Scientific Notes of Orel State University. № 6. 2011. – Pp. 493 - 497.
6. Khvorostov D.A. Computer as a new method of teaching students of art-graphic faculty. International scientific and practical conference “Perspective Development of Science and Equipment”. Pedagogical sciences, modern methods of teaching. Poland, Peremyshl. 07 – November 15, 2011.
7. Khvorostov D.A. Projecting the design of environment. Use of computer technologies at the lessons with students of art higher education institutions. Monograph. LAP LAMBERT Academic Publishing. ISBN-13: 978-3-8484-0566-4, Germany Saarbruecken, 2012. – 324 p., print.
8. Khvorostov D.A. The interrelation of traditional methods of training and modern computer technologies in teaching students art-graphic faculties. International scientific and practical conference “Days of Science”. Pedagogical sciences, modern methods of teaching. Czech Republic, Prague. On March 27 – on April 05, 2012.

9. Khvorostov A. C., Khvorostov D.A. The specifics of drawing in arts and crafts. Dependence of prepared drawing on a material and technology of performance of decor. LAP LAMBERT Academic Publishing. ISBN: 978-3-659-18963-0, Germany Saarbruecken, 2012. – 276 p., print.

10. Khvorostov D.A. The role professional focused game in preparing the students of art and graphic faculties for the environment organization. International scientific and practical conference “Science and Education of the XXI Century”. Pedagogical sciences, modern methods of teaching. Bulgaria, Sofia. 17 – October 25, 2012.

11. Khvorostov D.A. The professional use of the photo and photodesign in preparing of students of art and graphic faculties for the environment organization. International scientific and practical conference “News of Scientific Thought”. Pedagogical sciences, modern methods of teaching. Czech Republic, Prague. On October 27 – on November 05, 2012.

УДК 378.14.026.9

Н.Г.ШУМИЛИНА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики начального общего и музыкального образования Орловского государственного университета

E-mail: vkeshka@mail.ru

UDC 378.14.026.9

N.G. SHUMILINA

candidate of Pedagogy, associate professor of the theory and methodology of the primary and general music education, Orel State University

E-mail: vkeshka@mail.ru

РОЛЬ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

THE ROLE OF MATHEMATICAL MODELING IN TEACHING UNDERGRADUATE TEACHER EDUCATION

Умение строить математические модели реальных процессов и явлений, исследовать их является одной из главных задач изучения математики на всех этапах образования. В соответствии с ФГОС, современный учитель должен владеть методом математического моделирования и уметь сформировать его основы у учащихся. Целенаправленное обучение математическому моделированию способствует фундаментальности и профессиональной направленности образования будущих учителей начальных классов и математики.

Ключевые слова: математическая модель, математическое моделирование, математическая подготовка будущих учителей начальных классов и математики.

The ability to construct mathematical models of real processes and phenomena and to investigate them is the main problems of mathematics at all levels of education. A modern teacher should have the method of mathematical modeling and be able to form pupils' basic knowledge in it. Teaching mathematical modeling promotes fundamentality and professional orientation of the education of future primary school teachers and teachers of mathematics.

Keywords: mathematical model, mathematical modeling, mathematical training future primary school teachers and teachers of mathematics.

Традиционная модель образования в России, которая была направлена, в первую очередь, на формирование знаний, умений и навыков, стала непродуктивной в условиях современного общества. Модернизация образования призвана обеспечить его фундаментальность, профессиональную и практическую направленность. Только в этом случае оно сможет своевременно реагировать на запросы производства, науки и культуры, учитывать социальные, экономические и духовные процессы, происходящие в обществе.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года указано, что получение качественного образования, достижение его не-

обходимого уровня и глубины на любом этапе жизнедеятельности является одной из важнейших ценностей граждан.

Это требование распространяется на все направления обучения, в том числе и на математическую подготовку бакалавров по направлению 050100 Педагогическое образование. В соответствии с Федеральными образовательными стандартами высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) третьего поколения, она характеризуется не только математической компетентностью будущего учителя, но и интегративной характеристикой личности, которая выражает способность и готовность использовать математические знания, умения, навыки и накопленный опыт для решения профессиональных задач [8].

Будущий учитель должен сам в полной мере освоить содержание своего предмета, только в этом случае он сможет справиться и с задачей обучения этому предмету учеников. Обеспечение фундаментальными математическими знаниями будущего учителя составляет базисную функцию предметных дисциплин в вузе, вместе с тем, предметные дисциплины должны выполнять и познавательную функцию: удовлетворять и развивать познавательный интерес студентов, повышать их общий интеллектуальный уровень, способствовать развитию теоретического мышления и творческих способностей.

Требования ФГОС ВПО предполагают подготовку бакалавров к решению исследовательских задач, ознакомление студентов с методологией научного познания. Это особенно важно для современного образования, так как будущие учителя должны не только владеть существующими научными методами, но и обучать им своих учеников.

В настоящее время в развитии науки и общества большую роль играет метод моделирования как метод научного познания. Под моделированием понимается создание и исследование копии (модели) реального объекта, которая сохраняет наиболее важные для данного исследования черты.

Моделирование существует так же давно, как и мышление, и на всем протяжении своего развития сопровождает процессы учения.

На методе моделирования, по существу, базируется любой метод научного исследования. Философские и общенаучные вопросы, связанные с моделированием, рассматривались в работах многих ученых, таких как Г. Вейль, В.А. Веников, Б.А. Глинский, Б.С. Грязнов, Л.Ю. Королёв, К.Е. Морозов, Е.П. Никитин, А.И. Уемов, В.А. Штофф.

Математическое моделирование – это идеальное научное знаковое формальное моделирование, при котором описание объекта осуществляется на языке математики, а исследование модели проводится с использованием тех или иных математических методов. В настоящее время это один из самых результативных и наиболее часто применяемых методов научного исследования. Это обусловлено тем, что структуры «мира математического» успешно могут применяться для анализа «мира экспериментального», так как первый является идеально-абстрактной, обобщенной и логически более совершенной картиной второго [2].

Любая наука, в которой используется математический аппарат, по сути занимается математическим моделированием.

Под математическим моделированием следует «понимать процесс установления соответствия данному реальному объекту некоторого математического объекта, называемого математической моделью, и исследование этой модели, позволяющее получать характеристики рассматриваемого реального объекта. Вид математической модели зависит как от природы реального объекта, так и задач исследования

объекта и требуемой достоверности и точности решения этой задачи» [7, с.6]

Математическая модель – это «эквивалент объекта, отражающий в математической форме важнейшие его свойства – законы, которым он подчиняется, связи, присущие составляющим его частям, и т. д.» [6, с.7]. Обычно в математической модели отражается структура (устройство) моделируемого объекта, существенные для целей исследования свойства и взаимосвязи компонентов этого объекта [3].

Заметим, что деятельность по математическому моделированию достаточно сложна и многогранна и ни одно из определений не может отразить ее в полном объеме.

Математические модели показывают целостность научного знания. На современном этапе они являются общим языком науки, который позволяет глубже понять суть происходящих явлений в природе, обществе и сознании. Процесс математизации знаний, который начался с механики и физики, сейчас охватывает практически все естественные и большинство гуманитарных наук. Научные исследования в области математического моделирования проводили А.Н.Боголюбов, А.Б. Горстко, В.С. Зарубин, В.П. Коробейников, А.Д. Мышкис, Г.И. Рузавин, А.А. Самарский и другие ученые.

Как метод обучения, моделирование стало осознаваться сравнительно недавно. Этому посвящены психологические исследования Н.М. Амосова, А.Н. Кочергиной, Н.Г. Салминой, Л.М. Фридмана и многих других ученых. В их работах убедительно показано, что использование моделирования в обучении способствует решению ряда педагогических задач, таких как: активизация мыслительной деятельности, формирование научно-теоретического мышления, повышение эффективности усвоения знаний, соблюдение принципов сознательности обучения, единства теории и практики. В процессе обучения в сознании субъекта создается определенная модель, которая соответствует уровню передаваемых знаний о математике. Переход от формальной математической модели к ее интерпретации позволяет создать наглядность математических средств. Благодаря этому роль математического моделирования как средства наглядности является общепризнанной.

Необходимость включения идей математического моделирования в школьное и вузовское обучение неоднократно отмечалась многими педагогами и методистами (А.В. Бобровская, В.Б. Гнеденко, С.Е. Каменецкий, И.В. Каменская, Ю.А. Колягин, Л.Д. Кудрявцев, Т.В. Малкова, А. Г. Мордкович, А.С. Раухман, М. Н. Скаткин, Н.А. Солодухин, В.А. Стукалов, А.П. Тонких и др.). В их исследованиях убедительно показывается положительная роль представлений о математическом моделировании в развитии мыслительных, творческих и математических способностей обучаемых, в формировании научного мышления, повышении эффективности усвоения знаний, обеспечении высокого уровня ма-

тематической подготовки.

Как следует из вышеизложенного, вопросы, связанные с изучением математического моделирования, всегда находились в центре внимания педагогов, психологов, методистов, но, на наш взгляд, не все их аспекты изучены в равной степени. В работах рассматриваются, в основном, вопросы обучения математическому моделированию студентов математических и физических специальностей. Их авторы не ставили своей целью рассмотрение вопросов методики обучения элементам математического моделирования школьников, которые необходимы будущему учителю в его дальнейшей профессиональной деятельности.

Курс математики по профилю подготовки 540607 – начальное образование и математика содержит систему математических моделей, аппарат для их исследования и методики использования результатов исследования моделей для решения прикладных задач. Но, как показывает анализ литературы и опыт научно-педагогической деятельности, студенты, работая с математическими моделями, не могут дать четкого определения понятий модели, моделирования и имеют лишь смутное представление об их применении.

Это не соответствует требованиям ФГОС ВПО, в которых математическая компетентность бакалавра педагогического образования подразумевает способность перевести проблему на язык математики, использовать математический аппарат для её изучения и интерпретировать результаты, то есть обладать навыками математического моделирования. Кроме этого, студент должен быть готов к применению математических методов в профессиональной области, в своей исследовательской и творческой деятельности [8].

Таким образом, несмотря на то, что метод моделирования достаточно широко применяется в математических дисциплинах, зачастую он не используется с должной эффективностью. Это не позволяет раскрыть все многообразие реализации этого метода в процессе обучения. Существующие в настоящее время методики обучения методу моделирования не являются достаточными для того, чтобы обеспечить необходимый уровень образования и профессиональной компетентности будущих учителей.

А это, в свою очередь, сказывается на качестве математического образования учащихся. В соответствии с новыми образовательными стандартами начального общего образования [9], ученики, начиная с первого класса, должны использовать знаково-символические средства представления информации для создания моделей изучаемых объектов и процессов [5]. Учитель обязан сформировать у школьников элементарные представления о моделях, показать их роль в познании мира, научить строить простейшие модели и работать с ними.

В программе по математике основной образовательной школы в соответствии со стандартами вто-

рого поколения [4] отмечено, что у учащихся должны быть развиты представления о математике как форме описания и методе познания действительности, созданы условия для приобретения первоначального опыта математического моделирования. Они должны получить первоначальные представления об идеях и методах математики как об универсальном языке науки и техники, о средстве моделирования явлений и процессов.

Для того чтобы эффективно решать учебно-воспитательные задачи в своей профессиональной деятельности, будущему учителю важно получить как теоретические, так и методические знания, умения и навыки применения идей математического моделирования в профессиональной, исследовательской и творческой деятельности.

Необходимость и важность решения обозначенных проблем предопределяет актуальность создания методической системы обучения математическому моделированию будущих учителей начальных классов и математики.

Анализ специальной литературы и опыт научно-педагогической деятельности позволил выделить для разрешения ряд противоречий:

- между возросшим значением использования метода математического моделирования в научных исследованиях и существующей методикой его обучения, которая не уделяет должного внимания целенаправленному изучению и применению этого метода в полном объеме;

- между возрастающими требованиями к качеству подготовки профессионально ориентированных специалистов и существующими методиками обучения математическим дисциплинам бакалавров педагогического образования;

- между необходимостью использования элементов математического моделирования в школьном курсе математики и существующим подходом к методике обучения этому материалу будущих учителей.

Одним из путей разрешения указанных противоречий является построение методической системы обучения математическому моделированию, реализация которой обеспечит фундаментальность, профессиональную и практическую направленность образования будущих учителей начальных классов и математики.

Анализ литературы и результатов практических исследований свидетельствует о том, что уровень математической подготовки учителей не очень высок и в последние годы даже снижается.

Исследователи отмечают такие недостатки, как формальность и фрагментарность знаний студентов, отсутствие взаимосвязи между изученными научными фактами. Объясняется это, прежде всего, особенностями содержания математических дисциплин. Они представляют собой совокупность отдельных теорий, многие из которых строятся чисто дедуктивно. Преподаватель в этом случае излагает отдельные научные факты (определения, теоремы), а студент

запоминает (доказательства, способы решения), не вникая в их сущность.

В этом случае базисная функция предметных дисциплин не реализуется. Знания студента носят формальный и фрагментарный характер, что недопустимо для современного учителя. Подлинное знание, которое может выполнять познавательную функцию, связано с целостностью предмета.

Представление о математическом моделировании, его компонентах и структуре, о специфике отдельных этапов способствует развитию общих навыков применения математики к решению практических задач. Кроме этого, идеи математического моделирования позволяют показать, как задачи и их решение, возникающие в одной области математики, влияют на развитие других ее областей, то есть раскрывают межпредметные связи изучаемых дисциплин.

Таким образом, целенаправленное обучение математическому моделированию поможет сформировать не только целостную систему математических знаний студентов, но и обеспечит ее профессиональную направленность, которая предполагает отражение в содержании изучаемых математических

дисциплин профессионально значимого для будущего учителя учебного материала. При этом фундаментальность и профессиональная направленность будут выступать в единстве.

Изучение в комплексе теории и методики изучения материала по математическому моделированию позволит снять основное противоречие, которое возникает между традиционным получением методико-математических знаний и их дальнейшим применением в профессиональной деятельности: математические и методические знания студенты получают в ходе изучения различных предметных дисциплин в течение всего обучения, тогда как в практической деятельности их приходится использовать интегрировано.

Считаем также, что изучение метода математического моделирования будет способствовать формированию математической компетентности будущего учителя, которая выражается в наличии глубоких и прочных знаний по математике, готовности их использования в профессиональной, исследовательской и творческой деятельности [1]. Только такие учителя будут способны решить задачи, стоящие перед современным математическим образованием.

Библиографический список

1. Казачек Н.А. Математическая компетентность будущего учителя математики. Известия РГПУ им. А.И. Герцена 2010;121.
2. Королев М.Ю. Моделирование как метод научного познания. М.: Карпов Е.В., 2010.
3. Мышкис А.Д. Элементы теории математических моделей. М.: КомКнига, 2007.
4. Примерные программы по учебным предметам. Математика. М.: Просвещение, 2010. (стандарты второго поколения)
5. Примерные программы по учебным предметам. Начальная школа Ч.1. М.: Просвещение, 2010. 400с. (стандарты второго поколения)
6. Самарский А.А., Михайлов А.П. Математическое моделирование. Идеи. Методы. Примеры. М.: Физматлит, 2001.
7. Советов Б.Я., Яковлев С.А. Моделирование систем: Учеб. для вузов. М.: Высшая школа, 2007.
8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (направление подготовки 050100 - педагогическое образование) <http://минобрнауки.рф>
9. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования /Министерство образования и науки РФ. М.: Просвещение, 2011. (Стандарты второго поколения)
10. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования /Министерство образования и науки РФ. М.: Просвещение, 2011. (Стандарты второго поколения).

References

1. Cossack N.A. Mathematical competence of future teachers of mathematics. // News of Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, 2010. – 121 p.
2. Korolev M.Yu. Modeling as a method of scientific knowledge. – Moscow: Karpov E.V., 2010.
3. Myshkis A.D. Elements of the theory of mathematical models. M.: KomKniga, 2007.
4. Sample programs for school subjects. Mathematics. M: Prosvescheniye, 2010. (Standards of the second generation)
5. Sample programs for school subjects. Elementary School Part 1. M.: Prosvescheniye, 2010. – 400 p. (Standards of the second generation)
6. Samarskii A.A., Mikhailov A.P. Mathematical Modeling. Ideas. Methods. Examples. M.: Fizmatlit, 2001.
7. Sovetov B.Ya., Yakovlev S.A. Modeling of systems: Manual for universities. Moscow: Vysshaya Shkola, 2007.
8. Federal state educational standard of higher education (training direction 050100 – Teacher Education) <http://minobrnauki.rf>
9. Federal State Educational Standard primary education / Ministry of Education and Science. M: Prosvescheniye, 2011. (Standards of the second generation)
10. Federal state educational standard of general education / Ministry of Education and Science. M: Prosvescheniye, 2011. (Standards of the second generation)

М.В. ЯКУШЕВ

кандидат педагогических наук, доцент, докторант
кафедры немецкого языка Орловского государственного университета
E-mail: yamax@orel.ru

M.V. JAKUSCHEV

candidate of Pedagogy, associate professor, doctoral
student of Department of German Language, Orel State
University
E-mail: yamax@orel.ru

РАМОЧНЫЕ УСЛОВИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

THE FRAMEWORK CONDITIONS OF FOREIGN LANGUAGE EDUCATION

В статье рассматриваются особенности организации образовательного процесса в условиях модернизации системы образования в России. Уточняется понятие «рамочные условия образования», позволяющее классифицировать факторы, определяющие специфику иноязычного школьного образования. Дается краткая характеристика выделенных компонентов как системы ориентиров для формирования и реализации основной образовательной программы учебного заведения.

Ключевые слова: рамочные условия, парадигма, иноязычное образование, основная образовательная программа, цели и содержание образования, личностно-ориентированный подход.

The article considers the peculiarities of organization of the educational process in the conditions of modernization of the education system in Russia. It specifies the concept «framework conditions of education», which allows to classify the factors, defining the specifics of the foreign language education. The brief characteristics of the selected components as a system of guidelines for the formation and implementation of the basic educational program of the school is given.

Keywords: framework conditions, paradigm, foreign language education, the basic educational programme, the aims and content of education, personally-oriented approach.

Современная школа переживает непростой этап своего развития, который характеризуется сменой приоритетов и ценностных ориентиров, целевых установок в обучении и воспитании, серьезным пересмотром взаимоотношений личности и государства, содержания образования и модели взаимодействия участников образовательного процесса.

Эти изменения происходят не стихийно, а соответствуют переменам в обществе, отвечают на его запросы и отражают представления, сформированные в ходе многочисленных дискуссий на разных уровнях. Следует признать, что успешность проводимых преобразований зависит как минимум от двух условий – консолидированного понимания целей и задач, стоящих перед системой образования, а также их принятия и готовности проводить намеченные изменения. Иными словами, государственная политика в сфере образования должна отражать не только интересы общества в устойчивом социально-экономическом, духовном и культурном развитии, но и интересы отдельных граждан как потребителей образовательных услуг в собственном развитии.

В новом тысячелетии в России предприняты значительные усилия по разрешению проблем, накопившихся и обострившихся в сфере образования в период кризисного развития 1990-х годов, по развитию и реализации интеллектуального потенциала страны.

Представленный ниже материал построен как

характеристика **рамочных условий** существования, функционирования и развития иноязычного школьного образования в современной России и не претендует на детальный анализ компонентов этой системы. Сам термин «рамочные условия» пришел в русский язык из европейских языков (ср. нем. – *Rahmenbedingung*, англ. – *framework conditions*, фр. – *les conditions-cadres*). В области образования еще не дана однозначная трактовка данного понятия, хотя в таких профессиональных сферах, как экономика, социология, юриспруденция, его употребление можно назвать общепринятым и даже частотным. Рамочное соглашение в юриспруденции, например – документ, который определяет договорённость сторон о том, как будет происходить сотрудничество, устанавливает его принципы и регулирует наиболее существенные аспекты взаимодействия.

Важно отметить, что договоренности, зафиксированные в рамочном соглашении, не являются окончательными и детализированными, они могут быть видоизменены под влиянием меняющихся условий. В этой связи можно говорить о том, что Закон Российской Федерации „Об образовании“ как системообразующий законодательный акт носит рамочный характер и подразумевает принятие на его основе специализированных документов, призванных урегулировать все отношения в сфере образования.

Модернизация образовательной системы, являющейся традиционно достаточно консервативной, обу-

словлена, как правило, серьезной реструктуризацией в экономике, политике и социальной сфере. Поэтому система образования призвана, с одной стороны, сохранять и поддерживать культурные традиции и историческое наследие общества, а с другой – адаптироваться к меняющимся условиям, влекущим смену приоритетов, а иногда и ценностей, быть оплотом прогрессивных изменений на основе консолидации и общественного согласия. Рамочный характер условий и обеспечивает «самосохранение», мобильность и гибкость системы образования.

Под **рамочными условиями** в сфере образования мы будем понимать совокупность взаимосвязанных между собой внешних и внутренних факторов, отражающих потребности и состояние развития общества в конкретный исторический период, задающих вектор развития, определяющих целевые ориентиры в образовании и обуславливающих содержание обучения предмету, а также особенности организации образовательного процесса и специфику основной образовательной программы учебного заведения.

Мы исходим из того, что субъекты образовательного процесса (учащиеся, учителя, администрация учебного заведения, родители) находятся в определенных условиях и обстоятельствах, на их деятельность воздействуют многочисленные факторы и структуры, определяющие характер самой деятельности, модель поведения. Таким образом, понятие «рамочные условия» отражает актуальную ситуацию, намерения в достижении желаемых целей и подразумевает два вида условий: объективные (лежащие вне индивидов) условия функционирования и рамки, которые определяют и подвергают коррекции сами участники образовательного процесса личными или коллективными усилиями.

Среди факторов, детерминирующих цели и содержание образования: социальные, профессиональные, культурные требования общества, соответствие научным достижениям и прогрессивным подходам, учет возможностей обучающихся и потребностей личности в образовании и развитии. Ниже предпринята попытка их систематизации.

Схема. 1. Рамочные условия иноязычного школьного образования.

Как видно из представленной схемы, рамочные условия создают вполне определенный фон, очерчивают образовательное поле и характеризуют ситуацию, в которой работает учитель, задают ориентиры для формирования и реализации основной образовательной программы учебного заведения.

Четкое представление о рамочных условиях деятельности как обстоятельствах ее протекания является залогом успешности и адекватности планируемых действий, ибо лишь очертив контуры проекта, можно формулировать конкретные цели и содержание.

Итак, деление факторов на внешние – существующие объективно для всех вне зависимости от условий (типа школы, региона) работы учителя и внутренние – обусловленные временными, ситуативными, региональными характеристиками, является традиционным.

Считаем целесообразным указать на важность и влияние **внутренних факторов**, характеризующих образовательную среду, к которым можно отнести:

Перечисленные факторы отражают уникальные условия деятельности в каждом конкретном случае, определяют специфику образовательной программы учреждения и обеспечивают консенсусное регулирование вопросов взаимодействия субъектов образовательного процесса. Именно они вносят серьезные

внутренние условия

- позиция и поддержка региональных органов управления образованием, института усовершенствования учителей
- материально-техническая база школы
- социокультурная среда микрорайона и степень согласованности образовательной программы с социумом, ее востребованность
- базовый/профильный уровень изучения предмета
- наличие внеклассных/внешкольных мероприятий
- состав класса, количество обучающихся, их субъектная позиция, отношение к предмету, индивидуальные и коллективные психолого-педагогические характеристики
- индивидуальный опыт преподавания, уровень сформированности профессиональных компетенций учителя
- наличие стимулирующих факторов в работе учителя
- возможности повышения квалификации и привлечения зарубежных коллег

Схема. 2. Внутренние условия обучения.

коррективы в действия учителя. Вместе с тем, несмотря на важность и определяющий характер внутренних условий обучения, они не являются предметом нашего анализа в силу их уникальности, единичности и субъективности.

Внешние факторы отражают, по сути, три уровня формирования содержания обучения по предмету [9, с. 36; 14, с.10-13]:

- **Общественный уровень:** представления о составе и функциях передаваемого опыта, систематические, общественные, политические науки, культурология и антропология, исторические прерогативы;
- **Общепедагогический уровень:** дидактика, педагогика, общая теория обучения, психология развития школьника и т.д.;
- **Уровень предмета:** лингвистика, литературоведение, текстология, методика обучения иностранным языкам.

Исходя из этого представления, вся совокупность внешних условий, определяющих специфику современного иноязычного школьного образования, может быть отражена в следующей схеме:

Анализ данной схемы показывает, что развитие системы образования стимулируется множеством факторов, к которым, в частности, относятся:

1. общественные, политические, экономические изменения в обществе;

2. традиции и общественные представления об обучении / воспитании в стране;

3. общезначимые ценности, появление новых прерогатив, смена целей обучения;

4. директивные документы, предписания и программы;

5. преобладающие педагогические концепции, роль учителя и место предмета в обучении;

6. направления, пропагандируемые образовательными учреждениями и институтами;

7. развитие методики и смежных с ней наук, изменение требований к процессам обучения и учения, появление новых методов;

8. материально-техническое обеспечение учебного процесса и др.

Выделение в этой сложной системе отдельных компонентов – **метапредметного, предметного и парадигмы образования** – является достаточно условным, поскольку они носят взаимопроникающий и взаимоопределяющий характер. Вместе с тем, подобное видение позволяет очертить отдельные стороны образовательного процесса, которые регулируются каждым из них.

Метапредметные факторы являются основополагающими, поскольку задают стратегические ориентиры, регламентируют и регулируют деятельность учителя. Они первичны по отношению к другим компонентам. Приоритеты государственной политики в

внешние условия

метапредметные факторы

- **Легитимные условия** (общественные представления о школе и системе образования)
- **Институциональные условия** (нормативно-правовые акты, учрежденческие предписания, стандарты, программы, методика оценки педагогических работников и т.п.)
- **Материальные условия** (оплата труда педагогов, нагрузка преподавателей, обеспеченность образовательных учреждений современными техническими средствами, учебниками, дополнительной литературой и т.п.)

парадигма образования

- **Рефлексивные условия** (методологическая база, теоретические предпосылки, научные традиции и преобладающие дидактико-педагогические концепции)
- **Цели и преемственность** уровней образования, ценностные ориентиры
- **Совокупность** системообразующих принципов организации образовательного процесса
- **Требования к выпускникам**

предметные факторы

- **Конструктивные условия** (соображения, идеи, тенденции в области теории обучения иностранным языкам, языковой портфель и уровневый подход Совета Европы, средства оценивания)
- **Аналитические условия** (страноведческие, языковедческие, текстологические, культурологические и др. научные факторы)
- **Место иностранного языка** среди других предметов, представления общества о предмете, востребованность и роль иностранного языка

Схема. 3 Внешние условия обучения.

сфере образования сформулированы с учетом целей и задач, представленных в ряде официальных документов (см. ниже).

Обилие нормативных документов, фиксирующих цели и определяющих содержание школьного иноязычного образования, является не только стимулирующим, но зачастую и дезориентирующим, а потому демотивирующим фактором. Оно затрудняет восприятие и, как может показаться, ограничивает академическую свободу и возможность оправданных педагогических экспериментов, выбора методов и приемов обучения. Вместе с тем, учителю крайне необходимо ориентироваться в современных требованиях общества и государства, профессионального сообщества к уровню подготовки выпускника, ясно понимать, что стоит за декларацией целей и представлять себе возможности и пути их реализации.

Ключевым документом, устанавливающим приоритет образования в государственной политике, стратегию и основные направления его развития, явилась *«Национальная доктрина образования в Российской Федерации»*, принятая в 2000 году. Доктрина определяет цели воспитания и обучения, пути их достижения посредством государственной политики в области образования, ожидаемые результаты развития системы образования на период до 2025 года.

Основные положения «Национальной доктрины» стимулировали реализацию проекта «Разработка общей методологии, принципов, концептуальных основ, функций, структуры государственных образовательных стандартов общего образования второго поколения» (2005). В рамках проекта авторскими коллективами было подготовлено нормативное сопровождение стандартов нового поколения: *«Концепция Федеральных государственных образовательных стандартов общего образования» (2008)*, *«Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» (2009)*, *«Примерные программы по учебным предметам» (2010)*, *«Фундаментальное ядро содержания общего образования» (2011)*, *«Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Основная школа» (2011)*, появление которых, очевидно, можно назвать новой вехой в образовании, поскольку они закрепили ведущие идеи отечественного образования, озвучили социальный заказ общества, целевые установки, качества личности и ценности российского общества. Эти документы послужили методологической основой для разработки и реализации Федеральных государственных образовательных стандартов и примерных программ по учебным дисциплинам, которые, несомненно, должны стать ориентиром для составителей учебных программ и авторов учебников. Положения данных нормативных документов – своеобразное послание авторам учебников, которые должны стать ретранслятором идей и концепции формирования и развития личности.

Основополагающим документом мы считаем также *«Концепцию духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России»*. Именно она определяет национальный воспитательный идеал, цели, основные социально-педагогические условия и принципы организации духовно-нравственного развития и воспитания, формулирует базовые национальные ценности. Появление подобной концепции было ожидаемо и востребовано обществом, пережившим время смены ценностных ориентиров, нарушившей духовное единство народа, деформацию традиций, моральных норм и нравственных установок. Как справедливо указано в документе, «несмотря на установленные российским законодательством общественные нормы и приоритеты, у российских граждан в то же время не сложилась ясно выраженная система ценностных ориентиров, объединяющих россиян в единую историко-культурную и социальную общность» [8, с. 4].

Следовательно, в Концепции заложен аксиологический подход к целеполаганию и содержанию образования, весьма своевременно обозначена **стратегическая цель** современного отечественного образования и одна из приоритетных задач общества и государства – «воспитание, социально-педагогическая поддержка становления и развития высоконравственного, ответственного, творческого, инициативного, компетентного гражданина России» [8, с. 12].

Реализация обозначенного проекта подготовила почву для разработки Закона Российской Федерации «Об образовании», Государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы, Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013 - 2020 годы, «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», Федеральных государственных образовательных стандартов начального (основного и среднего) общего образования.

Определение «Фундаментального ядра содержания общего образования» – важная составная часть новой концепции стандартов общего образования, исходящей, в частности, из тезиса о необходимости разделения проблемы обобщенных требований к результатам образования и проблемы конкретного содержания общего среднего образования.

«Фундаментальное ядро содержания общего образования» – наиболее значимый, на наш взгляд, наполненный конкретикой базовый документ, необходимый для создания учебных планов, программ, учебно-методических материалов и пособий, ибо он определяет:

1. систему базовых национальных ценностей, характеризующих самосознание российского народа, приоритеты общественного и личностного развития, отношение человека к семье, обществу, государству, труду, смысл человеческой жизни;
2. систему основных понятий, относящихся к

областям знаний, представленным в средней школе;

3. систему ключевых задач, обеспечивающих формирование универсальных видов учебной деятельности, адекватных требованиям стандарта к результатам образования [13, с. 3].

Дальнейшую конкретизацию целей и содержания школьного образования мы находим в *Федеральных государственных образовательных стандартах*, в *«Примерной основной образовательной программе»* и на предметном уровне – в *«Примерной программе по иностранным языкам»*.

– Теоретическую основу всех вышеперечисленных документов составляют идеи, сформулированные ранее в отечественной педагогике: аксиологического, культурологического и системно-деятельностного подходов к формированию содержания образования и организации образовательного процесса [8, 11, 12, 13]. Эти положения раскрываются посредством поставленных перед школой задач: воспитание и развитие качеств личности, отвечающих требованиям информационного общества, инновационной экономики, задачам построения российского гражданского общества на основе принципов толерантности, диалога культур и уважения его многонационального, поликультурного и поликонфессионального состава;

– формирование соответствующей целям общего образования социальной среды развития обучающихся в системе образования, переход к стратегии социального проектирования и конструирования на основе разработки содержания и технологий образования;

– ориентация на достижение цели и основного результата образования – развитие на основе освоения универсальных учебных действий, познания и освоения мира личности обучающегося, его активной учебно-познавательной деятельности, формирование его готовности к саморазвитию и непрерывному образованию;

– признание решающей роли содержания образования, способов организации образовательной деятельности и учебного сотрудничества в достижении целей личностного и социального развития обучающихся;

– учёт индивидуальных возрастных, психологических и физиологических особенностей обучающихся, роли, значения видов деятельности и форм общения при построении образовательного процесса и определении образовательно-воспитательных целей и путей их достижения;

– разнообразие индивидуальных образовательных траекторий и индивидуального развития каждого обучающегося, в том числе одарённых детей, детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья [12, с. 6-8].

В современной педагогической науке весьма распространен термин **«парадигма образования»**, который предстает, на наш взгляд, в роли связующего звена между метапредметными и предметными

факторами. Под данным термином зачастую понимается совокупность всех факторов, определяющих состояние современного образовательного процесса и даже всей системы образования. Однако понятие «парадигма», введенное американским историком Т. Куном [10], представляет собой в методологии науки исходную концептуальную схему, модель постановки проблем и их решения, методов исследования, господствующих в течение определенного исторического периода в научном сообществе [3, с. 4908], или: парадигма – теория, принятая в качестве образца решения исследовательских задач [2, с. 569].

Педагогический словарь конкретизирует определение педагогической парадигмы как совокупности теоретических, методологических и иных установок, принятых научным педагогическим сообществом на каждом этапе развития педагогики, которыми руководствуются в качестве образца (модели, стандарта) при решении педагогических проблем [7, с. 104].

Н.В. Ефремичева, ссылаясь на основные положения Болонского процесса, определяет парадигму в образовании – как тип (модель) ориентации педагогической теории и практики, принятый в качестве господствующего в той или иной стране в тот или иной период времени [5, с. 238].

Как видно из приведенных определений, парадигма представляет собой не материальное, а нечто идеальное, как научная теория, воплощенная в системе понятий и категорий, отражающих действительность, совокупность ценностей, методов, подходов, принятых в научном сообществе в рамках устоявшейся научной традиции в определенный период времени.

Таким образом, речь идет о научных представлениях и определенной модели организации процесса, а не об институциональных условиях его протекания (управленческих и учрежденческих структурах, нормативных документах и регулятивах), хотя эти представления и зафиксированы в виде системообразующих принципов и определенного набора предписаний. В таком понимании парадигма синонимична терминам концепция / подход / модель обучения.

Исследователи отмечают, что смена парадигм представляет собой научную революцию. Как отмечает И.Л. Бим, реформирование школы напрямую связано с гуманизацией и гуманитаризацией образования – принципами, провозглашенными в 80-е годы и обозначившими окончательный переход со знаниево-центрированной на деятельностьную личностно-ориентированную парадигму образования и воспитания, нацеленную на формирование личности, способной к самореализации, творческому поиску и активному взаимодействию с другими, когда «в качестве самой большой ценности стала рассматриваться свободная, образованная, развитая личность, способная жить и творить в условиях постоянно меняющегося мира, быть конкурентоспособной, интегрироваться в мировое сообщество» [1, с. 4].

Для доминирующей в настоящее время

лично-ориентированной парадигмы образования и воспитания характерны следующие системообразующие принципы [4, с. 13]:

- гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности;
- общедоступность образования, адаптивность системы образования к уровням и особенностям развития и подготовки обучающихся;
- свобода и плюрализм в образовании;
- обеспечение самоопределения личности, создание условий для ее самореализации;
- воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье;
- формирование у обучающегося адекватной современному уровню знаний и ступени обучения картины мира;
- интеграция личности в национальную и мировую культуру;
- формирование человека и гражданина, интегрированного в современное ему общество и нацеленного на совершенствование этого общества.

Таким образом, суть подхода видится в учете возможностей, склонностей, интересов обучающихся, отказе от субъектно-объектных и выстраивании субъектно-субъектных отношений, основанных на обучении в сотрудничестве, взаимодействии и партнерстве, совместной работе в разных режимах (индивидуальном, фронтальном, групповом, парном, использование проектной методики), готовности прийти на помощь.

Деятельностный характер обучения, потенциальная гибкость и вариативность учебного процесса, стимулируют развитие творческих способностей и свойств, формирование конкурентоспособной, самостоятельно мыслящей личности, способной осуществлять не исполнительские, а творческие задачи, самостоятельно определять способ и ход их решения.

Нацеленность на активное взаимодействие с другими приводит к тому, что учащийся при лично-ориентированной парадигме выступает в качестве субъекта учения и включен в процесс целеполагания, выбора уровня обученности, содержания обучения, что всемерно способствует развитию и поддержанию мотивации и ценностных ориентаций школьников.

Положения лично-ориентированной парадигмы оказывают влияние на **предметные факторы**, отражающие специфику обучения иностранным языкам. И.Л. Бим уточняет системообразующие принципы лично-ориентированного подхода в иноязычном школьном образовании [1, с. 5-6]:

- природосообразность обучения;
- автономия школьников, реализация субъектной позиции в учении;
- дифференцированный и индивидуализированный подходы, обеспечение возможности создать собственную траекторию обучения;
- деятельностный характер обучения, его

коммуникативно-когнитивная направленность;

- социокультурная направленность, включение школьников в диалог культур;
- продуктивность обучения.

Выделенные принципы – есть отражение специфики предмета «иностранный язык», который, как известно, совмещает особенности предметов, главной функцией которых является передача системы научных знаний и предметов, функция которых заключается в обеспечении овладения определенными видами и способами деятельности. Таким образом, предмет «иностранный язык» благодаря своему содержанию и целям усвоения, органично сочетая перечисленные функции и проникая во все сферы жизнедеятельности, входит в третью группу предметов, формирующих определенное видение мира, эмоциональную сферу личности, ценностно-нормативную систему общества [6, с. 35-39].

Современная цель обучения – формирование иноязычной коммуникативной компетенции, структура которой с учетом специфики учебного предмета схематично представляется в следующем виде [1, с. 4]:

Схема 4. Структура иноязычной коммуникативной компетенции.

Очевидно, что несмотря на практическую направленность обучения иностранным языкам, предлагаемая трактовка интегративной цели обучения предмету смещает акцент на формирование социокультурной компетенции, составляющие которой пронизывают все другие компоненты и готовят обучающихся к диалогу культур, полноценному взаимодействию, жизни в мультикультурном сообществе.

Развитие методики обучения иностранным языкам сопряжено с появлением новых концепций в таких дисциплинах, как лингводидактика, лингвокультурология, страноведение, социо-, психолингвистика и др. Меняется место иностранного языка в учебном плане школы. Данный предмет включен в образовательную область «филология», а увеличение объема часов, отводимых на его изучение, влечет за собой пересмотр содержания обучения, потенциально позволяет вывести обучающихся на достойный уровень владения в соответствии с уровнями Совета Европы.

Таким образом, учет внешних и внутренних условий обучения, понимание их особенностей рассматриваются нами в качестве предпосылки успешной организации образовательного процесса в школе, формирования основной образовательной программы учебного заведения как нормативно-управленческого документа, адаптированного к региональным условиям и определяющего стратеги-

ческие приоритеты и специфику содержания образования, организационные и методические аспекты образовательного процесса в конкретной школе, миссию учебного заведения.

Автор статьи является сторонником рассматривания образовательного процесса как системы

взаимодействия его субъектов, протекающего в представленных выше рамочных условиях. В дальнейшем мы считаем целесообразным обратиться к обстоятельному анализу метапредметных и предметных факторов, конкретизации современной парадигмы иноязычного школьного образования.

Библиографический список

1. Бим И.Л. Модернизация структуры и содержания школьного языкового образования // Иностранные языки в школе. 2005. № 8. С. 2-6.
2. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов: 17 000 сл. М.: Издательство АСТ: Издательство Астрель: Русские словари, 2002. 960 с.
3. Большой толковый словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slovo.yaxy.ru/46.html>, свободный. (дата обращения: 04.03.2013).
4. Горлова Н.А. Личностно-деятельностный метод обучения иностранным языкам дошкольников, младших школьников и подростков. Теоретические основы: учебное пособие. М.: МГПУ, 2010. 248 с.
5. Ефремичева Н.В. Компетенции / компетентности в новой образовательной парадигме // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 3. С. 238-241.
6. Кишкель Е.Н. Совершенствование методики разработки учебника (на примере учебников по управлению для среднего профессионального образования): Дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2003. 222 с.
7. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь: Для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 176 с.
8. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Рос. акад. образования; А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков. М.: Просвещение, 2009. 24 с.
9. Краевский В.В. Дидактический подход к определению содержания учебных книг и их функций в воспитывающем и развивающем обучении. В сб.: ПШУ, Вып.13, М., 1983. С. 28-40.
10. Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
11. Национальная доктрина образования в Российской Федерации (утверждена постановлением Правительства РФ № 751 от 4 октября 2000 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ddut.tumos.gov.spb.ru/doc/d84.pdf>, свободный (дата обращения 10.02.2013).
12. Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Основная школа. Сост. Е. С. Савинов]. М.: Просвещение, 2011. 342 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=6400>, свободный (дата обращения: 18.01.2013).
13. Фундаментальное ядро содержания общего образования / Рос. акад. наук. Рос. акад. образования; под ред. В. В. Козлова, А. М. Кондакова. 4-е изд., дораб. М.: Просвещение, 2011. 79 с.
14. Neuner G., Hunfeld H. Methoden des fremdsprachlichen Deutschunterrichts. Eine Einführung. Fernstudieneinheit 4. Berlin, München, Leipzig, Wien, Zürich, New York: Langenscheidt, 1993. 184 S.

References

1. Bim I.L.. The modernization of the structure and the content of school linguistic education // Foreign languages in school. № 8, 2005. – Pp. 2-6.
2. The large illustrated dictionary of foreign words: 17 000 words. M.: Publishing house AST: Astrel Publishing house: Russian dictionaries, 2002. – 960 p.
3. Big dictionary [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.slovo.yaxy.ru/46.html>, free. (the date of the circulation: 04.03.2013).
4. Gorlova N.A.. The personal and activity method of foreign language training of preschool children, schoolchildren and teenagers. Theoretical bases: training manual. M.: MSPU, 2010. – 248 p.
5. Efremicheva N.V. Competence / competence in the new educational paradigm, // Scientific Notes of Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences. № 3, 2009. – Pp. 238-241.
6. Kishkel E.N. The improvement of the methodology for the development of the textbook (by the example of textbooks on the management for secondary vocational education): Dis. ... candidate of pedagogical sciences. Moscow, 2003.– 222 p.
7. Kodshaspirov G.M., Kodshaspirova A.J. Pedagogical dictionary: For stud. higher and average pedagogical educational establishments. M.: Publishing centre «Academy», 2001. – 176 p.
8. The concept of spiritual and moral development and education of a personality of the Russian citizen / Russian academic education; A.Ya. Danilyuk, A.M.. Kondakov, V. A.. Tishkov. M.: Education, 2009. – 24 p.
9. Kraevsky V.V. The didactic approach to the definition of the content of textbooks and their functions in educating and developing training.– In Coll.: PSU, №13, M., 1983.– Pp. 28-40.
10. Kuhn T. The structure of scientific revolutions. With the introductory article and additions 1969. M.: Progress, 1977. 300 p.

11. The national doctrine of education in the Russian Federation (adopted by the resolution of the Government of the Russian Federation № 751 dated October 4, 2000.) [Electronic resource]. Mode of access: <http://ddut.tumos.gov.spb.ru/doc/d84.pdf>, free (the date of the circulation 10.02.2013).
 12. The approximate basic educational program of the educational institution. Primary school / [framed by E. S. Savinov]. M.: Education, 2011. 342 p. [Electronic resource]. Mode of access: <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=6400free> (the date of circulation: 18.01.2013).
 13. The fundamental core of the content of General education / Russian academic Sciences, Russian academic education; under red. V.V. Kozlov, A. M. Kondakov. 4th ed. M.: Education, 2011. 79 p.
 14. *Neuner G., Hunfeld H.* The methods of foreign language teaching. An Introduction. Berlin, Munich, Leipzig, Vienna, Zurich, New York: Langenscheidt, 1993. 184 p. (in German)
-

УДК 159.923

UDC 159.923

В.О. КОЛЕСНИЧЕНКО

старший преподаватель кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы Орловского государственного университета
E-mail: svioletta71@yandex.ru

V.O. KOLESNICHENKO

senior Lecturer, Department of Theory and History of Social Pedagogy and Social Work, Orel State University
E-mail: svioletta71@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ ХАРАКТЕРА В САМОРЕАЛИЗАЦИИ И САМОРЕГУЛЯЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

THE SIGNIFICANCE OF THE NATURE INTO SELF-REALISATION AND SELF-REGULATION OF A CREATIVE PERSONALITY

В статье рассматриваются некоторые особенности самореализации и саморегуляции творческой личности. Предлагается анализ проблемы психологического сопровождения и преодоления проблем, связанных с реализацией креативности. Рассматривается взаимосвязь креативности («творческости») личности и ее самореализации в аспекте опосредованности ее акцентуациями характера. Показано, что наличие гипертимной акцентуации сопровождается высокой самореализацией личности, а тревожно-боязливая, педантичная, дистимная и аффективно-экзальтированная акцентуации связаны с низкой самореализацией.

Ключевые слова: самореализация, саморегуляция, творческая личность, креатив, акцентуации характера.

The article deals with some peculiarities of self-realization and self-regulation of a creative personality. The analysis of the problem of psychological support and overcome the problems associated with the implementation of creativity. Discusses the relationship of creativity personality and its self-realization in the aspect of indirectness of her accentuations character. It is shown that the presence of accentuation accompanied by high self-realization of a personality, and a fearful, pedantic, affective-exalted memory accentuation associated with low self-realization.

Keywords: self-realization, self-regulation, creative personality, creativity, accentuation of nature.

Одной из самых важных и востребованных человеческих деятельностей является творческая деятельность. Изучение реализации человеком своей творческой сущности, творческой самореализации, актуально, так как общество нуждается в личностях с творческими способностями, преобразующими мир, создающими его (В.Н. Дружинин, О.М. Разумникова, М.П. Челомбикская, Д.Б. Богоявленская, С.В. Дубровина, Т.О. Гордеева). С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, О.К. Тихомиров указывали, что при рассмотрении творческого потенциала личности, ее творческих способностей необходим целостный подход. Необходимо обращение к личностным характеристикам творческого индивида, которые, по нашему мнению, недостаточно изучены, в частности, к его характеру.

Еще Ф. Гальтон утверждал, что талант и характер исчерпывают гениальность. Характер – инструментальный уровень личности, принимающий к исполнению ее жизненные смыслы и реализующий их в человеческих поступках. Он определяет синтетические, комплексные свойства личности (С.Л. Рубинштейн, В.И. Моросанова). Характерологические особенности, описываемые исследователями личностных черт творческого челове-

ка, его поведения, творческого результата (А. Маслоу, Р. Кеттелл, Я.А. Пономарев, А.Н. Лук, А.А. Мелик-Пашаев, С.В. Сафонцева, Е.Л. Солдатова и др.), слишком разрозненны, неопределенны. Акцентуации характера могут быть приняты в качестве комплексов, обобщающих отдельные характеристики творческих личностей, указывающих на «места их наименьшего сопротивления». Изучая самореализацию личности в творчестве, мы рассматривали, какие особенности характера способствуют, какие препятствуют успешности «творческой судьбы» креатива (творческой личности) и как их можно учитывать. Так как, по С.А. Тетенову и И.С. Морозовой (2010), на самоактуализацию (мы, вместе с А. Маслоу, самореализацию отождествляем с самоактуализацией) личности можно повлиять. Нашей задачей было внести свой вклад в разработку и анализ проблемы психологического сопровождения творческой личности и помощи ей в преодолении проблем, связанных с реализацией креативности.

Л.С.Выготский показал, что развитие человека идет путем овладения им с помощью психологических средств собственным поведением. Для овладения своими психическими процессами он использует средства, направленные внутрь себя. Такие

внутренние средства, по Я.А. Пономареву, один из показателей развития человека; это модель взаимодействия человека с окружающим – с продуктами труда, другими людьми и т.д. Уровень развития человека, как субъекта (активной, самостоятельной личности) обуславливает его индивидуальный паттерн саморегуляции.

На деятельность личности, ее социально-психологическую адаптацию влияют индивидуальные психофизиологические особенности. От свойств высшей нервной деятельности зависит интериоризация средовых воздействий. По В.Д. Небылицыну, Е.А. Климову, В.А. Толочек, сила нервной системы и др. ее особенности способны оказывать положительное или ограничивающее влияние на результативность деятельности. Подобные особенности могут затруднять реализацию способностей и могут быть связаны с наличием некоторых акцентуаций характера. Так, темперамент, обусловленный характеристиками нервной системы, является основой для формирования характера. Исходя из этого, необходимо изучение возможностей успешного выполнения творческой деятельности лицами с разными биологически обусловленными особенностями психики. Таким образом, изучение самоактуализации возможно не только на личностном, но и на индивидуальном уровне. Тогда можно поставить вопрос о предрасположенности человека к самоактуализации в силу его индивидуальных качеств. Логично предположить, что креативное поведение может быть обусловлено акцентуациями характера как индивидуально-типологическими особенностями личности.

В нашем исследовании было показано, что самореализация креатива может быть опосредована следующими акцентуациями характера: гипертимной, дистимной, педантичной, тревожно-боязливой, аффективно-экзальтированной. Для аффективности-экзальтированности характерны сила и выраженность эмоционального реагирования, легкий восторг от радостных событий и отчаяние от печальных, легкое воодушевление, способность глубоко и горячо отдаваться делу, неумение приспособиться к повседневности. Для гипертимности характерен высокий уровень активности и настроения, предприимчивость, множество идей. Педантичности свойственны инертность психических процессов, негибкость мышления и поведения, гиперответственность, сомнения, мнительность, долгое переживание неудач. Тревножно-боязливость – это отрицательные эмоции, страхи, нерешительность, сомнения, «самокопание», длительные рассуждения.

Самореализация возможна, когда человек познает и осознает свою природу, это позволит ему прилагать адекватные усилия к реализации способностей, своего личностного потенциала. С.В. Максимова указывала на то, что акцентуации характера могут быть психологическим барьером в творчестве. По П.Б. Ганнушкину, деятельность чувствительного и истощаемого в нервно-психическом смысле асте-

ника, например, малоэффективна; им трудно начать какое-то дело, они принимают решение, отступают, снова собираются с силами и т.д. (это возможно при дистимной и тревожно-боязливой акцентуациях). Особенности нервной системы являются «жесткими» образованиями, которые невозможно изменить, и их необходимо учитывать, приспосабливаясь к ним (Л.Б. Ермолаева-Томина). Например, осуществлять определенную подготовку к творческой работе, вносить изменения в ее процесс, осуществлять саморегуляцию психофизиологического состояния (Л.Г. Дикая, В.В. Семкин, В.И. Щедров, В.А. Толочек), соблюдать режим труда и отдыха, то есть осуществлять психорегуляцию творческой деятельности (А.Л. Гройсман) и т.д.

Творческой личности важно уметь анализировать и регулировать свои психические состояния, развиваться личностно и адаптироваться к различным ситуациям. Поэтому наше исследование связано с проблемами индивидуального стиля деятельности (Е.А. Климов, В.А. Толочек), саморефлексии (по Я.А. Пономареву, рефлексия обслуживает механизм творчества) и саморегуляции творческого поведения (В.К. Зарецкий, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов, А.К. Осницкий, В.И. Моросанова, Е.А. Аронова). По нашему мнению, творческой личности, имея при определенном типе акцентуации важно учитывать свои характерологические особенности в поведении, творческой деятельности. Это она сможет осуществлять, определив, самостоятельно или с помощью психолога, черты характера (акцентуаций), которые могут способствовать творческой самореализации или затруднять ее, что будет являться психологической информацией (Г.С. Абрамова, 2005) и одновременно психологической помощью для нее. Так, дистимная акцентуация проявляется пассивностью и нерешительностью, тревожно-боязливость – мнительностью и страхами, педантичность – колебаниями и невозможностью принять решение. Напротив, гипертимность может дать творческой личности необходимую активность, стойкость в преодолении трудностей в работе. В работе над собой важно осознавать и принять то, что путь творческой самореализации требует тяжелого труда, самоуправления и самопринуждения, то есть значительных волевых усилий, самопознания, умения преодолевать внутренние и внешние препятствия.

Поэтому можно говорить о важности предоставления психологической помощи потенциально творческой личности (мы выделяем понятия актуально творческая личность и потенциально творческая личность, то есть проявляющая и не проявляющая творческую активность) в самореализации, умения помогать личности в реализации ее возможностей (В.А. Толочек, 2010), в развитии ее саморегуляции (А.К. Осницкий, 2007), в том числе, по нашему мнению, в решении проблем, обусловленных ее особенностями характера.

В эмпирической части исследования мы изуча-

ли взаимосвязь акцентуаций характера с креативностью и их возможное влияние на самореализацию личности. Исходя из характеристики определенного типа акцентуации, мы делали предположения о том, как она может влиять на поведение и самореализацию творческой личности. Затем эти предположения эмпирически проверяли. Нами выявлено, что аффективность-экзальтированность может опосредовать уменьшение самореализации креатива. Чем более выражена гипертимность, тем выше уровень самореализации личности; эта акцентуация может способствовать самореализации. Педантичность отрицательно связана с самореализацией: чем ярче у личности выражена педантичность, тем ниже уровень ее самореализации; чем выше уровень самореализации, тем менее характерна для личности педантичность. Тревожность-боязливость и дистимность также отрицательно связаны с самореализацией, то есть чем выше уровень тревожности-боязливости или дистимности личности, тем ниже уровень ее самореализации. И наоборот, чем выше уровень самореализации, тем менее свойственна личности дистимность и тревожно-боязливость.

Акцентуации характера обусловлены следующими факторами: 1) психофизиологическими (темпераментом и др.), 2) психологическими (мотивационно-потребностной и эмоционально-волевой сферами), 3) социальными (семьей, воспитанием и др.). Самореализация личности предполагает: 1) мотивационный, 2) процессуальный и 3) результативный аспекты. Необходима высокая мотивация, чтобы реализовать способности успешно. Человек, имеющий высокий уровень активности, эмоциональной напряженности (мы думаем, это соответствует гипертимной акцентуации характера) и устойчивости имеет больше шансов для самореализации (3). Существует проблема готовности личности к самореализации. Готовность к самореализации соответствует готовности к творчеству, так как существенный момент творчества – желание самореализоваться.

По Е.Ф. Коломиец, основой стратегии самореализации является саморегуляция, которая опосредуется личностной креативностью и самоотношением. По М.Е. Богоявленской, саморегуляция – необходимый компонент одаренности творческой личности, она обеспечивает овладение деятельностью. Дефект в саморегуляции может тормозить развитие и реализацию творческих способностей. Существует гармоничный и дисгармоничный типы развития одаренности. Гармоничную одаренность определяют высокие способности, внутренняя мотивация деятельности, упреждающий тип саморегуляции. Внутренняя мотивация – это исследовательская позиция личности, формирование которой происходит еще в детстве, через требования к ребенку, содержание, методы и технологии его образования. Гармоничная одаренность соответствует позиции субъекта деятельности, «выращиваемой» в учебно-познавательной деятельности. Для ее формирования

необходимо «погружение» детей в образовательный процесс и среду общения, поддерживающую ценность познания. Таким образом, среда может тормозить и развивать одаренность. «Дисгармоничная» одаренность может быть связана с нарушениями в развитии личности, с игнорированием проблем ее возрастного развития. Жизненные обстоятельства могут также нивелировать одаренность. Если волевая регуляция недостаточна, недостаточны резервы организма, то стимулированная в детстве одаренность может угаснуть при тяжелых жизненных обстоятельствах и превышающих силы нагрузках. Проблемы одаренных личностей могут быть следствием нарушений высших психических функций, несформированностью познавательной мотивации, неадекватной образовательной средой, нарушением детско-родительских отношений. (1)

Для сохранения одаренности может быть необходима коррекционная помощь. При наличии высоких способностей и при деформации одаренности возможно ее корректирование через становление позиции субъекта деятельности. Задачей психологического сопровождения будет перевод личности с «дисгармоничного» типа одаренности на «гармоничный», а потенциальной креативности – в актуальную. Психокоррекция требует формирования саморегуляции с учетом индивидуальных предпочтений, с попыткой гармонизации внешних факторов. Коррекционно-развивающая работа с личностью будет способствовать стабильности и развитию способностей, одаренности в целом. (1)

Важную роль в личностном развитии играет рефлексия. Исследователи рефлексии (Ф.Е. Василюк, М.И. Гинзбург, Н.И. Гуткина и др.) считают рефлексивное знание результатом осмысления жизнедеятельности. В.В. Знаков считает ее механизмом самопонимания и самопознания. Личностная рефлексия обеспечивает успешность самореализации (особенно женщин). Это активность, сформированность образа Я, гармоничное сочетание Я реального и Я идеального, самопринятие, удовлетворенность собой, сформированность приемов и способов рефлексии, навыков планирования деятельности. Личности необходимо осознание психологических механизмов, способствующих и препятствующих успешной реализации запланированного, умение осуществить самопомощь и самоподдержку. Н.Г. Шевченко составлена программа психологической помощи, способствующая успешной самореализации. Психологическая помощь по улучшению рефлексии достигается через реализацию следующих принципов: 1) принятие личности с ее достоинствами и недостатками; 2) понимание причин безуспешной самореализации; 3) использование диагностики, определение позитивных сторон личности; 4) учет индивидуально-личностных особенностей (интериоризация воздействий зависит от особенностей высшей нервной деятельности и обусловлена разными способностями); 5) опора на положительное в лич-

ности (с помощью позитивных сторон возможно частичное или полное преодоление безуспешной самореализации). Сформированная рефлексия становится детерминантой личностных изменений.

Процесс продуктивного мышления связан с личностными моментами познавательной деятельности. Инсайту (мгновенному обнаружению решения творческой задачи) предшествуют повышение эмоциональной активации мыслительного процесса и интенсификация рефлексии. Поскольку препятствием для развития творческого потенциала человека выступает его опыт, рефлексивные способности, развиваясь, обеспечивают обновление мышления, мировоззрения, ценностных ориентаций. Рефлексия – это переосмысление глубинных личностных структур, стереотипов, складывающихся в результате неразрешенности конфликтов в ходе жизни человека. Часто, выбрав социальную позицию, определенную роль, мы не пытаемся что-либо изменить. Происходит «омертвление» мыслительных процессов, способности рефлексировать, то есть переосмысливать то, что происходит с нами в жизни и на основе этого открывать для себя новое в саморазвитии и самосовершенствовании. Важно преодоление такого состояния психики, нужно «оживлять», придавать гибкость мыслительному процессу. Необходимо восстанавливать способность рефлексивно мыслить, то есть видеть мир и себя целостно и адекватно, ценить процессы, происходящие внутри нас и в окружающей среде. Необходимо осуществлять рефлексивный анализ сбоев, противоречий, препятствующих конструктивному решению проблем; осознавать психологические ошибки, допущенные в процессе преодоления проблемно-конфликтных ситуаций, которые способствовали их обострению, что приводило к нарастанию напряжения, создавало ощущение тупика. Таким образом, умение рефлексировать – переосмысливать опыт деятельности – главная предпосылка саморазвития, что положительно сказывается на результатах жизнедеятельности (С.Ю.Степанов, А.В.Растянников, 2011).

Дж. Рензули, говоря о проблеме одаренности, предлагает концепцию взаимодействия 1) высокой креативности; 2) высокой увлеченности задачей (мотивационный компонент); 3) интеллектуальных способностей, превышающих средний уровень. Развитие и актуализация способностей – аспект процесса самореализации. По Л.А. Коростылевой, самореализация предполагает гармоничное развитие аспектов личности приложением адекватных усилий для раскрытия индивидуальных и личностных потенциалов. Она *достигается* только тогда, когда имеется сильный побудительный мотив личностного роста. Самореализация включает следующие блоки: 1) «хочу» (аутентичность, эмоциональная сфера), 2) «надо» (саморегуляция и социальный запрос) и 3) ценностные ориентации.

Мотивацию поведения детерминируют тенденция к достижению желательного состояния и избега-

ние отрицательного состояния. От мотивации зависит, насколько активно человек использует ресурс компетентности и творческого мышления, что является показателем его самореализации. Внутренний стимул творческой активности – ориентация на успех, который регулирует творческую деятельность. Высокая мотивация к успеху сопровождается высокой креативностью личности. По Дж. Рензули, креативность – область пересечения трех структур: 1) компетентности (общие, специальные и методические знания), 2) умения творчески мыслить (гибкость в решении проблем) и 3) мотивации. Мотивация предполагает, что внутренняя заинтересованность и ориентация на успех ведут к творчеству скорее, чем внешний стимул.

По М. Зелигману (1997), оптимистическое и конструктивное мышление предшествуют целеполаганию и настойчивости. Композитор должен обладать талантом и страстно желать успеха, он должен поверить в то, что способен сочинять музыку. Иначе он не будет достаточно стараться и может слишком рано сдаться (эти свойства характерны для человека, имеющего дистимную и тревожно-боязливую акцентуации). Вера в ценность того, что ты делаешь, помогала достигшим успеха писателям выдержать и не сдаться перед отвержением издателей и других людей, не принимавших их. По Самыгину С.И. (2009), при тревожности «пропадает» целенаправленность деятельности. С низкой тревогой и настойчивостью и адаптивностью реакций на неудачу связана высокая самооффективность. Самооффективность, (по А. Бандуре), – это уверенность человека в своей способности осуществлять определенное поведение. Она влияет на качество выполнения сложных заданий (Т.О. Гордеева, 2006).

Творческая деятельность связана, как мы уже говорили, с внутренней мотивацией. Она поддерживает особую работоспособность креативных индивидов. Работоспособность и трудолюбие способствуют приобретению знаний в соответствующей области. Упорство и труд важны в достижении успешного результата. Хотя творческим личностям могут быть свойственны периоды отчаяния, но они должны обязательно сменяться настойчивостью и трудолюбием. Важнейшая мотивационно-личностная характеристика творческих личностей – эта вера в себя и свое предназначение. Она обеспечивает мотивацию творческой активности – ожидание успеха, поддерживающее выбор трудных задач, риск, конструктивное преодоление трудностей. Но определенная самоуверенность должна дополняться скромностью. По Д. Ландраму (1997), успех приходит к тому, кто, используя всю энергию, неуклонно движется к цели, черпая силы в вере в себя, и воплощает мечты независимо от обстоятельств.

Практическая деятельность креатива должна сопровождаться планированием, концентрацией и усилиями. Настойчивость в отношении целей, не соответствующих возможностям субъекта, не будет

способствовать достижению успешного результата. Настойчивость проявляется в интенсивности усилий, направленных на завершение деятельности. Готовы работать непрерывно и доводить начатое до конца люди с высокой мотивацией достижения. Особое упорство при достижении цели отмечается у всех людей, добившихся успеха и признания. Мотивация достижения личности связана с результативностью ее деятельности. Преобладание у человека мотивации достижения (над мотивацией избегания неудачи) – это ориентация на результат со следующими его характеристиками: трудностью, умеренным риском или вероятностью достижения ниже среднего, упорством, ответственностью за его достижение и контролем над результатом. По А.Ф. Джумагуловой, Е.Ф. Коломиец (2009), высокая мотивация избегания неудачи обуславливает низкую готовность к риску и, наоборот, низкая мотивация избегания неудачи связана с высокой готовностью к риску. Интересно, что человек тем меньше опасается неудачи, чем более спонтанно может выражать чувства и давать себе отчет в них. С самореализацией больше связаны мотивация избегания неудач (обратная зависимость) и готовность к риску, чем мотивация успеха. Это свидетельствует в пользу наших выводов относительно тревожно-боязливости.

Как поддержать мотивацию творческой деятельности? Условие проявления внутренней мотивации – поддержка стремления субъекта чувствовать себя ее инициатором. Эту мотивацию снижают факторы, подрывающие самооущение субъекта, что он действует по собственной инициативе и желанию, также контроль, жесткие сроки окончания деятельности, навязывание ее целей. Желанию заниматься творческой деятельностью способствуют положительная вербальная обратная связь, похвалы, награды, оценки, даваемые в соответствии с качеством работы, признающие компетентность и творческие достижения субъекта деятельности. Креативную результативность снижают следующие факторы: 1) ожидаемая оценка деятельности; 2) внешнее наблюдение во время работы; 3) ожидание вознаграждения; 4) ситуация соревнования; 5) ограничение выбора того, как можно выполнять работу.

Любому человеку может быть уготовано так много неудач, что без определенного самомнения он рискует никогда не достичь своих целей (Штернберг, 2000). Вера в свое предназначение, призвание – одна из важнейших характеристик творческих личностей, она дает силы для выбора сложных задач и трудных целей, стойкого реагирования на трудности. Уверенность в своем потенциале – фактор достижения успеха, питающий веру в свою способность справляться с трудной работой и настойчивость. Настойчивость является источником творческих достижений (2). Победное чувство и уверенность в успехе часто ведут его за собой (3. Фрейд). Для высоких достижений характерна высокая самооэффективность, вера в себя (Ландрам, Блум и др.). Важным

источником уверенности в себе выступает вера близких в ребенка и достижение трудных целей, которые являются источником самооэффективности.

Креативное самовыражение связано с физическим здоровьем. Самораскрытие способствует улучшению функционирования иммунной системы. Однако личностный склад, в частности нерегулируемая эмоциональность, оказывает негативные последствия на продолжительность жизни креатива. Настойчивость и эмоциональная увлеченность творческим процессом может приводить к перенапряжению, физическому и нервному истощению. Таким образом, чтобы интенсивное творчество не мешало психическому благополучию, необходимо сочетание творческой активности со способностью к рефлексии, саморегуляции (2). По Л.Г. Дикой, В.В. Семкину, В.И. Щедрову (1994), неблагоприятные психофизиологические состояния и недостатки саморегуляции ухудшают эффективность деятельности. Психическая саморегуляция – специфическая деятельность, индивидуальная для каждого человека. Сложившиеся регулятивные механизмы можно изменить, так как личность имеет большие компенсаторные возможности.

Таким образом, для творческой самореализации необходимы применение приемов саморегуляции и коррекция неоптимальных функциональных состояний. Психологическое состояние личности играет в структуре саморегуляции определяющую роль. Саморегуляцию состояния обеспечивают определенные психофизиологические механизмы. Ее индивидуальный стиль определяется соотношением когнитивного, эмоционального и регулятивного компонентов психической вариабельности личности. Оптимальность индивидуального стиля саморегуляции зависит от сбалансированности и согласованности 2-х механизмов: на физиологическом уровне – от стратегии взаимодействия с миром, энергетического обеспечения организма, особенностей реагирования и расходования энергии, на психологическом уровне – от баланса экстра/интровертированности. Оптимальность стиля влияет на психофизиологическое состояние человека, его поведение, работоспособность. Оптимальный стиль саморегуляции состояния складывается из совокупности природных свойств и сложившейся в течение жизни системы приемов и способов. Формирование и методика оценки индивидуального стиля саморегуляции рассматривается Л.Г. Дикой, В.В. Семкиным, В.И. Щедровым (1994).

Таким образом, мотивация творческой деятельности – система мотивов и ценностных ориентаций, инициирующих творчество, целей и намерений, направленных на их реализацию, способов реагирования на трудности и неудачи, возникающие в процессе творческой активности. Мы полагаем, что аффективность-экзальтированность, педантичность, дистимность и тревожно-боязливость, особенно в сочетании друг с другом, будут затруднять реали-

зацию творческой активности. Мотивация творческой деятельности связана, как мы уже говорили, с настойчивостью, способностью к саморегуляции, уверенностью в себе, верой в свою эффективность в достижении желаемого результата, с представлениями субъекта о стратегиях, способствующих достижению успеха, причинах успехов и неудач, роли усилий и способностей в этом процессе.

Можно выделить 4 фактора, оказывающих влияние на результаты творческой деятельности: 1) внутренние мотивы и ценности, лежащие в ее основе; 2) побуждающая ее внешняя мотивация; 3) особенности реализации творческих целей и намерений (использование стратегий планирования, мониторинга и оценивания), сфокусированность на задаче; готовность доделывать работу до конца, проявляющаяся в целеустремленности, упорстве, настойчивости (дистимность и педантичность личности, видимо, не будут этому способствовать) и трудолюбию; 4) уверенность, вера в свои способности, свой потенциал и успех, влияющие на особенности реагирования на неудачи (тревожно-боязливость, по-видимому, не будет способствовать успеху), трудности, возникающие в ходе творческой деятельности.

Таким образом, можно выделить три основные мотивационно-личностные характеристики, обеспечивающие «запуск» и *реализацию* творческой активности: 1) глубокий и интенсивный интерес к деятельности; 2) высокая настойчивость и готовность преодолевать препятствия на пути к цели; 3) уверенность в своей эффективности, вера в успех выбранной области деятельности. Для достижения успеха в творчестве важно иметь или выработать высокую толерантность к фрустрации, т.к. сложные проблемы включают неудачи при работе с ними. Природные и приобретенные способности должны быть подкреплены также скромностью, инициативностью, стремлением к совершенству и независимостью, желанием понять все до конца, готовностью к долгой концентрации, а выполняемая работа должна нравиться сама по себе. Творческая деятельность обладает мощным внутренним потенциалом привлекательности. Однако без напряжения и самопожертвования не могут родиться творения разума (А. Эйнштейн).

Если у человека удовлетворена потребность в автономии (при восприятии своего поведения как соответствующего собственным интересам и ценностям), внутренняя мотивация проявляется спонтанно. Поэтому внешние факторы не должны фрустрировать потребности в автономии и компетентности (склонность к овладению окружением и к эффективной деятельности в нем), принятии личности другими. Качество творческой деятельности ухудшается, когда снижается свобода личности, вводятся ограничения и контроль процесса выполнения задачи (Гордеева, 2011).

Существуют доказательства того, что креативность бывает связана с определенным уровнем психопатологии. Но творческие люди, даже демонстрирующие симптомы психических нарушений, обычно обладают компенсаторными характеристиками, позволяющими им контролировать и канализировать (перенаправлять, использовать) свои особенности в продуктивную активность. Креативная личность психологически «слабые» свои стороны часто превращает в оптимальное функционирование. В связи с этим преодоление проблем, связанных с реализацией креативности, даже в случае некоторых нарушений психики, возможно, на наш взгляд, с помощью психологического сопровождения творческой личности.

Таким образом, можно говорить о важности предоставления психологической помощи потенциально творческой личности в самореализации, умения помогать личности в реализации ее возможностей, в развитии ее саморегуляции, в том числе, в решении проблем, обусловленных ее особенностями характера. А умение рефлексировать – переосмысливать опыт деятельности – главная предпосылка дальнейшего саморазвития, что положительно скажется на результатах жизнедеятельности, в том числе и на самореализации творческой активности.

Из всего, сказанного выше, можно сделать следующие выводы: 1) акцентуации характера, по-видимому, играют определенную роль в самореализации и саморегуляции творческой личности; 2) преодоление проблем саморегуляции и самореализации креатива возможно с помощью его психологического сопровождения.

Библиографический список

1. Богоявленская М.Е. Психологические особенности гармоничного и дисгармоничного типов развития одаренности. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2008.
2. Гордеева Т.О. Мотивация творческой деятельности // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / Под ред. Д.В.Ушакова. М., 2011.
3. Джумагулова А.Ф., Коломиец Е.Ф. Единая система мотивации, самореализации и креативности в структуре личности. // Вестник СПб университета. Сер. 12. Вып.2. Часть 1, 2009.
4. Жихарева Е.В. Влияние типа акцентуации характера на проявление любознательности личности. Дисс. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2006.
5. Субъект и личность в психологии саморегуляции: сб. научн. трудов. Под ред. Моросановой В.И. М.-Ставрополь, 2007.
6. Семенов И.Н. Рефлексирующее сознание и интуитивно-творческий акт // Вопр. психол. 2011, №6.
7. Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам. Под ред. Д.В.Ушакова.

– М., 2011.

8. Ушаков Д.В. Психология интеллекта и одаренности. М., 2011.
9. Шевченко Н.Г. Личностная рефлексия как фактор успешной самореализации женщин зрелого возраста. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Сочи, 2007.
10. Штернберг Р. Интеллект, приносящий успех. Минск: Попурри, 2000.

References

1. Bogoyavlenskaya M.E. Psychological features of harmonious and disharmonious types of giftedness development. Author's summary. Thesis ... PhD. Moscow, 2008.
 2. Gordeeva T.O. Motivation for creativity // Creativity: biological basis for social and cultural phenomenon / Under editorship of D.V. Ushakov. Moscow, 2011.
 3. Dzhumagulova A.F., Kolomiets E.F. Unique system of motivation, self-realization and creativity in personality structure. // Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Edition 2. Part 1, 2009.
 4. Zhykhareva E.V. Effect of type-based accentuation of personality traits on personal curiosity. Thesis ... PhD. - Barnaul, 2006.
 5. Subject and personality in the psychology of self-regulation: edited volume / Under editorship of Morosanova V.I. Moscow - Stavropol, 2007.
 6. Semenov I.N. Reflexive consciousness and intuitive creative act // Psychology issues. 2011, № 6.
 7. Creativity: biological basis for social and cultural phenomenon / Under editorship of D.V. Ushakov. Moscow, 2011.
 8. Ushakov D.V. Psychology of intelligence and giftedness. Moscow, 2011.
 9. Shevchenko N.G. Personal reflexion as a factor in successful self-realization of middle-aged women. Author's summary. Thesis ... PhD. - Sochi, 2007.
 10. Sternberg R. Successful intelligence. Minsk: Pot-pourri, 2000.
-

УДК 159.923

UDC 159.923

И.В. НЕХОРОШЕВА

аспирант кафедры общей психологии и психологии
развития Университета Российской академии обра-
зования
E-mail: i-vl-n@mail.ru

I.V. NEKHOROSHEVA

postgraduate, University of the Russian Academy of Edu-
cation (Moscow), Department of General Psychology and
Developmental Psychology
E-mail: i-vl-n@mail.ru

ЦЕННОСТИ ЛЮДЕЙ С РАЗЛИЧНОЙ НАВРСТВЕННОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ

THE VALUES OF PEOPLE WITH DIFFERENT MORAL ORIENTATION

В статье рассматривается значимость ценностей для людей с положительной нравственной направленностью в сравнении с людьми с нейтральной и отрицательной нравственной направленностью. Обнаружены различия в оценках значимости 32 из 85 предложенных для оценки ценностей, среди которых ценности материального, личного и семейного благополучия, успеха, признания, уважения, свободы, защищенности, альтруистические ценности. Анализируются причины выявленных различий.

Ключевые слова: ценности, нравственная направленность личности, эгоизм, нравственные убеждения.

The article discusses the importance of values for people with a positive moral orientation, compared with people with a neutral or negative moral orientation. Differences in estimates of the significance of 32 of the 85 proposed for the estimation values were found, including, the values of material prosperity, personal and family well-being, success, respect, freedom and security, the altruistic values. The causes of the differences are analyzed.

Keywords: values, the moral orientation of the personality, egoism, moral convictions.

Введение

В психологии проведено немало исследований, в той или иной степени касающихся нравственной сферы личности. Изучается структура и содержание нравственной сферы личности, её динамика в зависимости от изменения социальных условий, развитие с возрастом, факторы, влияющие на нравственную сферу. Однако, область изучения психологических особенностей людей с различными нравственными качествами наименее проработана. До настоящего времени в изучении людей с различными нравственными качествами основной упор делался на отрицательный полюс, особенно на девиантное поведение. Одна из основных причин этого – высокая социальная значимость девиантного поведения, его сильное негативное влияние на всех членов общества. Но другой полюс – положительный – пока что остается без должного внимания современных исследователей, хотя изучение людей с положительными нравственными качествами, по мнению зарубежных и отечественных ученых, не менее значимо для общества. Например, А. Маслоу считал изучение лучших представителей человечества чрезвычайно важным для развития общества [7]. А. Л. Журавлев и А. Б. Купрейченко, посвятив целый раздел статьи актуальности исследования людей, которых можно было бы назвать «нравственной элитой» [2, с.209-215], подытоживают: «С большой долей уверенности можно утверждать, что предлагаемый... для рассмотрения вид элиты практически не исследован в современных социогуманитарных науках, в том числе в традиционных социальной

психологии и психологии личности и в становящейся отрасли – духовно-нравственной психологии (или психологии духовности или нравственности)» [2, с.215]. Настоящая работа – попытка восполнить недостаток эмпирических исследований в обозначенной области.

Выбор жизненных ценностей как предмета исследования обусловлен тем, что ценности являются одной из важнейших характеристик личности, связаны с потребностями и целями, определяют отношение личности к объектам и явлениям, влияют на её поведение. Изучение отношения к жизненным ценностям людей с различной нравственной направленностью позволит глубже понять особенности их поведения, мировоззрения, отношения к людям и общественным явлениям. Кроме того, данная тема особенно актуальна из-за наблюдающегося резкого снижения нравственного уровня общества. В связи с этим особый интерес представляет изучение ценностей тех людей, которые, несмотря на окружающие условия, все еще являются носителями относительно высоких нравственных качеств и могли бы на примере собственной жизни способствовать повышению нравственных устоев общества.

Область изучения ценностей и ценностных ориентаций личности также считается довольно хорошо исследованной. Например, за последние 20 лет выполнено более 870 диссертационных исследований по психологическим (>200), педагогическим (>500), социологическим (>170) наукам, в которых изучались ценности личности. Но несмотря на это, про-

ведено очень мало исследований, где изучались бы различия в значимости жизненных ценностей для людей, отличающихся уровнем нравственного развития. Целенаправленных глубоких исследований, посвященных данной теме, к сожалению не проводилось. Особенно мало работ, в которых была выделена группа лиц с положительными нравственными характеристиками. Наиболее близки к этой теме некоторые результаты исследований Л. В. Зубовой, Е. Р. Сагеевой, Д. В. Малюгина, Е. Ю. Стрижова, А. А. Хвостова, в которых сравнивались между собой группы лиц с положительными, средними и отрицательными нравственными качествами, а также правонарушители, обычные граждане, полицейские и нравственно надежные люди. В других работах были получены коэффициенты корреляции значимости ценностей с некоторыми нравственными характеристиками личности (Н. А. Журавлева, 2006, 2009; З. В. Садретдинова, 2008; Е. Ю. Стрижов, 2009, 2011), поэтому судить о ценностях людей с различными нравственными качествами по этим результатам можно лишь приблизительно, учитывая величину коэффициента корреляции.

Анализ работ названных выше авторов позволил сделать следующие обобщения. Для людей с положительными нравственными качествами, в сравнении с людьми с отрицательными нравственными качествами, более значимы: гармония отношений, жизнь человека, справедливость, дружба, истина, сохранение среды обитания, самоотдача, добро [10, с.19], доброта [6, с.75-76], для них важнее творческий труд и любимое дело [13, с.319]. С повышением уровня развития нравственных качеств повышается значимость самоопределения $r=0,18$, духовности $r=0,20$, социальной культуры $r=0,19$ [11, с.118]. С возрастанием значимости нравственных ценностей снижается значимость ценностей гедонизма ($r=-0,26$), власти ($r=-0,34$), ухудшается отношение к обману и мошенничеству ($r=-0,60$) [13, с.330]. Для людей с отрицательными нравственными качествами, в сравнении с противоположной группой, более значимы материальные блага [10, с.19; 4, с.126-127], особенно деньги [13, с. 319], сила [10, с.19; 4, с.131], свобода, личное благополучие, статус [10, с. 19], успех [15, с.470]. Для подростков этой группы в целом «сильнее преобладание потребительского отношения к жизни над активно преобразующим отношением» [4, с.127]. «Ценности альтруизма у мошенников в 10 раз ниже, чем средние значения этого показателя по выборке 2467 человек, ценности труда – в 5 раз» [13, с. 329]. С понижением уровня развития нравственных качеств повышается позитивное отношение к деньгам $r=0,34$, негативное отношение к труду $r=0,22$ [13, с.32]. Вместе со снижением ценности «честность» повышается «социальная смелость личности» [5, с.221-222].

Однако, в большинстве работ, упомянутых выше, сравнивались между собой группы лиц с противоположными нравственными характеристиками, из-за чего полученные результаты могли быть обусловле-

ны выраженными особенностями группы лиц с отрицательными нравственными характеристиками и девиантным поведением. Следовательно, судить о психологических особенностях нравственных людей по результатам этих исследований не совсем корректно. Можно лишь предположить, что для людей с положительной нравственной направленностью менее значимы ценности материальной сферы жизни, власти, успеха в обществе, гедонистические ценности и более значимы гуманистические ценности. Поэтому среди задач проведенного исследования была проверка этого предположения, а также поиск и выявление специфики отношения к другим ценностям и аспектам жизни. Кроме того, в исследовании была применена методика, охватывающая более широкий спектр жизненных ценностей, что позволило дополнить полученные ранее результаты.

Учитывая важность и недостаточную изученность проблемы, в 2011-2012 годах было проведено исследование по оценке значимости ценностей и аспектов жизни для людей, отличающихся нравственной направленностью. Под нравственной направленностью здесь понимается направленность личности в нравственной сфере. Ряд ученых (К.К. Платонов, А.Г. Маклаков) считают, что высшей формой выражения направленности личности являются её убеждения. Другие ученые рассматривают убеждения как основной компонент мировоззрения (Г.М. и М.Г. Штраксы, Б.М. Целковников), как ядро нравственного сознания (Л.Н. Антилогова), как стержень человеческой личности (С.М. Иншаков). Сама же направленность личности в нравственной сфере может быть эгоистической или гуманистической (Л.И. Божович), положительной или отрицательной (А.В. Зосимовский), следовательно, ось «эгоизм – альтруизм», «личное – групповое – общественное» можно рассматривать как центральную ось нравственной направленности. Поэтому в исследовании для оценки нравственной направленности применялись методики диагностики уровня сформированности нравственных убеждений и уровня эгоизма.

Методики и организация исследования

В исследовании применялись четыре методики: одна – для оценки значимости ценностей и три – для оценки нравственной направленности. Значимость жизненных ценностей изучалась с помощью методики «Интегральная оценка качества жизни» (ИОКЖ), разработанной в 2006 году Всероссийским научно-исследовательским институтом технической эстетики (Москва) совместно с ГОУ ВПО КГУ им. Некрасова (Кострома) [14]. Из методики использовались 6 заданий-вопросов (№ 6, 7, 8, 19, 23, 36), позволяющих оценить значимость для респондента 85 ценностей и аспектов жизни. Значимость каждой ценности предлагалось оценить по 5-балльной шкале, где цифра 5 означает максимальную значимость.

Нравственная направленность респондентов оценивалась с помощью шкалы диспозицион-

ного эгоизма [8] и двух ценностно-нормативных методик (ЦНМ) диагностики убеждений «Не присваивать чужое», «Не брать взятки», разработанных автором. Методики диагностики убеждений разработаны в соответствии с подходом и требованиями Г.Е. Залесского [3], предъявляемыми к таким методикам. Убеждения в недопустимости присваивать чужое и брать взятки были выбраны в связи с тем, что присвоение чужого и взяточничество являются наиболее актуальными проблемами для современного российского общества.

Всего было опрошено в Москве и Московской области 212 человек в возрасте от 18 до 79 лет, средний возраст 31 год. Почти все опрошенные имеют высшее образование или учатся в вузах. Опрошенные пенсионного возраста практически все работают.

Из 212 респондентов, опрошенных с помощью методик ЦНМ «Не присваивать чужое», «Не брать взятки» и шкалы эгоизма, была выделена группа лиц «Нр+» с выраженной положительной нравственной направленностью. В эту группу были отнесены респонденты, обладающие одновременно тремя характеристиками: уровнем развития нравственного убеждения «Не присваивать чужое» выше среднего; уровнем развития нравственного убеждения «Не брать взятки» выше среднего; низким уровнем эгоизма (30 баллов и ниже). Всего к группе «Нр+» были отнесены 27 человек в возрасте от 20 до 79 лет, средний возраст 39 лет, из них 14 мужчин и 13 женщин. Все остальные респонденты составили группу «Нр0-» (сокращенно от «Нравственность, ноль, минус») с нейтральной или отрицательной нравственной направленностью, всего 185 человек в возрасте от 18 до 66 лет, средний возраст 30 лет. Поскольку эта группа была значимо моложе группы «Нр+» и не сбалансирована по полу, то группы «Нр+» и «Нр0-» были уравнены по полу и возрасту. После уравнивания в группе «Нр0-» осталось 93 человека, средний возраст 37 лет, приблизительно поровну мужчин и женщин.

Результаты исследования и их обсуждение

Для выявления особенностей отношения к жизненным ценностям людей с положительной нравственной направленностью в сравнении с людьми с нейтральной и отрицательной нравственной направленностью две сформированные группы «Нр+» и «Нр0-» сравнивались между собой по критерию Манна-Уитни. В результате были найдены отличия по 32 ценностям, которые для удобства рассмотрения были объединены в 7 групп (табл. 1).

Рассмотрим результаты исследований по каждой группе ценностей.

Альтруистические ценности. Первые две ценности, представленные в таблице 1, как и следовало ожидать, более значимы для людей с положительной нравственной направленностью. То есть, для них гораздо более значимы интересы общества и судьба других людей, чем для группы «Нр0-».

Ценности собственного благополучия, семьи и

детей. Общечеловеческие ценности, такие как «здоровье», «семья», «здоровье и благополучие детей», являются самыми значимыми для обеих групп. Это характерно для всех людей в целом, что показано во многих исследованиях. Однако «прочная семья», «крепкое здоровье», «здоровье и благополучие детей», немного менее значимы для людей с положительной нравственной направленностью. Эти данные заслуживают более внимательного рассмотрения, так как несколько расходятся с общепринятой точкой зрения, что семья, дети, здоровье одинаково высоко значимы для всех людей.

Меньшую значимость «прочной семьи» и «здоровья и благополучия детей» для людей группы «Нр+» можно объяснить несколькими причинами. Возможно, одна из причин заключается в особенностях отбора в группу «Нр+». В эту группу отбирались люди, которые не хотели бы присваивать чужое и брать взятки, иногда даже ради своей семьи и благополучия своих детей. Соответствующие условия были специально заложены в методики ЦНМ «Не присваивать чужое», «Не брать взятки», поскольку получение взятки и подобные правонарушения часто объясняются формулировками «ради семьи», «детей учить надо», «детям жить негде» и т.п. Кроме того, ближайшее семейное окружение может просто использовать людей с положительными нравственными качествами, постоянно перекалывая на них свои обязанности и заботы, пользуясь их добротой, самоотдачей и часто неспособностью сказать «нет». Например, О.В. Бондарева, изучавшая влияние эгоизма на удовлетворенность браком, показала, что супруги, проявляющие высокий уровень эгоизма, чаще склонны использовать пространство супружеских отношений в качестве реализации лишь собственных потребностей без учета интересов и желаний своего супруга. А супруг с низким уровнем эгоизма не всегда может заявлять о своих желаниях и потребностях, тем самым, переживая неудовлетворенность, состояние психологического дискомфорта [1].

Таким образом, высокая значимость семьи для человека далеко не всегда является признаком его положительных нравственных качеств, не дает информации о том, существует ли он для семьи или семья существует для удовлетворения его потребностей. В обоих случаях семья может быть важна для человека, но за этой значимостью могут скрываться противоположные нравственные мотивы.

Ценность «крепкое здоровье» менее значима для людей с положительными нравственными качествами. Это может объясняться тем, что они в большей степени готовы жертвовать своим здоровьем ради чего-то более важного.

Ценности материальной сферы жизни более значимы для людей с отрицательной и нейтральной нравственной направленностью, причем уровень достоверности отличий между группами довольно высок ($p < 0,01 \dots 0,0001$). Полученный результат согласуется с исследованиями Е.Р. Сагеевой [10], Л.В. Зубовой [4],

Таблица 1.

Отличия в уровне значимости ценностей между группами Нр+ и Нр0–			
Ценности (в скобках № вопроса. № подпункта ИОКЖ)	Средние значения для групп:		p-level
	Нр+	Нр0–	
<i>Альтруистические ценности</i>			
помогать другим людям, быть милосердным и великодушным, жертвовать своими интересами ради интересов других людей (7.4)	4,3*	3,5	0,001
принятие общества, согласие с социальными нормами, самоконтроль поведения, интерес к судьбе общества (19.9)	4,3	3,6	0,001
<i>Ценности собственного благополучия, семьи и детей</i>			
здоровье (6.1)	4,7	4,7	-
семья (6.18)	4,7	4,8	-
здоровье и благополучие детей (36.3)	4,6	4,9	0,021
крепкое здоровье (36.5)	4,4	4,7	0,007
прочная семья (36.11)	4,3	4,8	0,007
интересная работа (36.4)	4,2	4,6	0,036
сила (здоровье, статус, власть) (19.1)	3,6	4,3	0,009
хорошая еда (36.7)	3,3	4,0	0,014
<i>Ценности материальной сферы жизни</i>			
быть материально обеспеченным человеком, уметь зарабатывать и тратить деньги на полезные для себя и своих близких вещи (7.2)	3,6	4,5	0,000
материальное благополучие (8.12)	3,5	4,3	0,000
материальная заинтересованность (36.6)	3,1	4,2	0,000
материальная обеспеченность (6.13)	3,3	4,0	0,004
собственность (6.12)	2,7	3,3	0,006
богатство (6.6)	2,3	3,2	0,001
возможность заниматься своим бизнесом (36.2)	2,9	3,9	0,001
<i>Ценности положительного самоотношения, успеха, признания, уважения</i>			
уверенность в себе (6.17)	4,0	4,6	0,001
чувство собственного достоинства (8.15)	4,0	4,4	0,013
достижения (личный успех, развитие способностей) (19.2)	4,0	4,5	0,023
иметь уважение и признание со стороны других людей; важно, чтобы люди прислушивались к тебе (7.7)	3,0	3,8	0,005
успех, общественное признание (36.10)	3,0	3,8	0,001
быть лидером, руководителем (7.8)	2,3	3,2	0,001
<i>Ценности свободы</i>			
свобода (6.8)	4,2	4,4	-
чувство личной свободы (23.1)	4,2	4,7	0,010
быть хозяином собственной жизни (23.7)	4,0	4,7	0,039
возможность жить, как тебе хочется (23.10)	3,5	4,1	0,029
социальная мобильность человека, возможность перехода с одной ступеньки социальной лестницы на другую (23.8)	3,9	4,3	0,043
наличие свободного времени для отдыха (8.8)	3,4	4,1	0,015
<i>Гедонистические ценности</i>			
наслаждения - стремление к радостным событиям, к получению удовольствий, к счастливой жизни (19.3)	2,7	3,7	0,000
иметь возможность тратить свое время и деньги на удовольствие и отдых (7.1)	2,7	3,5	0,010
развлечения (6.15)	2,4	3,0	0,015
<i>Ценности защищенности</i>			
правовая защищённость (8.10)	4,2	4,6	0,012
уверенность в завтрашнем дне (8.16)	4,0	4,4	0,048
социальная защита со стороны государства (36.9)	3,8	4,3	0,006
* Прим. Жирным шрифтом выделены 10 наиболее значимых ценностей для каждой из групп.			

* Прим. Жирным шрифтом выделены 10 наиболее значимых ценностей для каждой из групп.

Е.Ю. Стрижова [13], которые показали, что для людей с отрицательными нравственными характеристиками существенно более значимы материальные блага. Поэтому отношение к материальным благам может быть одним из основных психодиагностических при-

знаков нравственного уровня человека.

Ценности положительного самоотношения, успеха, признания, уважения. Ценности «уверенность в себе» и «чувство собственного достоинства», которые были условно объединены в термин

«положительное самоотношение», менее значимы для людей с положительной нравственной направленностью, хотя значимость этих ценностей нельзя назвать низкой (4 балла из 5). Выявленные различия между группами «Нр0–» и «Нр+» скорее обусловлены очень высокой значимостью этих ценностей для группы «Нр0–», возможно за счет людей с низкими нравственными качествами. Это предположение основывается на результатах исследований других авторов, установивших связь нравственных качеств с самоотношением. Например, исследования Г.П. Реди показали, что для учащихся с потребительскими смысложизненными убеждениями характерен завышенный уровень самоотношения, очень высокая аутосимпатия, а учащимся с созидательными смысложизненными убеждениями свойственен средний (адекватный) уровень самоотношения и аутосимпатии, все различия статистически значимы [9, с.110-111]. Известно также, что с ростом эгоизма растет самоуважение личности [8, с.35].

Значимость успеха, признания, уважения, лидерства также ниже для людей группы «Нр+». Значит, они в меньшей степени стремятся быть лидерами, руководителями и испытывают меньшую потребность в уважении, признании. Одной из причин может являться незавышенная, адекватная значимость собственного «я» у людей с положительными нравственными качествами и, как следствие, отсутствие потребности в повышении значимости собственной личности в глазах других людей.

В целом, вполне вероятно наличие в психологии личности следующей логической цепочки. Чем ниже уровень нравственного развития, тем больше замкнутость на узколичных интересах, значимость

собственной личности, а также больше преобладание материальных ценностей над духовными. Далее, чем значимее для человека его собственное «Я», тем выше самоуважение, потребность в уважении, признании, тем больше человек пытается добиться уважения и признания за счет лидерства, руководства, личного успеха, превосходства в уровне материального благополучия. Два последних звена этой цепочки было решено проверить, поскольку наличие других звеньев подтверждается вышеупомянутыми исследованиями К. Муздыбаева и Г.П. Реди. Для этого были подсчитаны коэффициенты корреляции между значимостью ценностей «уверенность в себе», «чувство собственного достоинства» и значимостью ценностей признания, уважения, успеха (табл. 2).

Из таблицы 2 видно, что чем выше значимость для личности уверенности в себе и чувства собственного достоинства, тем выше значимость признания, уважения и успеха.

Далее были подсчитаны коэффициенты корреляции между теми же самыми ценностями признания, уважения, успеха и ценностями внешних достижений и материальной обеспеченности (табл. 3).

Как видно из таблицы 3, чем более важны для личности успех, уважение и признание, тем более значимо быть лидером, руководителем, быть материально обеспеченным человеком и заниматься своим бизнесом.

Таким образом, приведенные коэффициенты корреляции подтверждают, что меньшая значимость успеха, признания, возможности быть лидером, руководителем для людей с положительными нравственными качествами может быть обусловлена меньшей потребностью в уважении и признании,

Таблица 2.

Связь значимости положительного самоотношения со значимостью уважения, признания (коэф. корр. по Спирмену, N=212)		
	уверенность в себе (6.17)	чувство собственного достоинства (8.15)
признание(6.4)	0,31	0,32
иметь уважение и признание со стороны других людей; важно, чтобы люди прислушивались к тебе (7.7)	0,33	0,41
успех, общественное признание (36.10)	0,28	0,39
Прим. Все коэф. корр. значимы на уровне $p < 0,001$		

Таблица 3.

Связь значимости уважения, признания со значимостью внешних достижений и материальной обеспеченности (коэф. корр. по Спирмену, N=212)			
	признание (6.4)	иметь уважение и признание... (7.7)	успех, общественное признание (36.10)
быть лидером, руководителем (7.8)	0,46	0,61	0,35
достижения (личный успех, развитие способностей) (19.2)	0,44	0,45	0,48
возможность заниматься своим бизнесом (36.2)	0,29	0,29	0,36
быть материально обеспеченным человеком... (7.2)	0,24	0,45	0,37
богатство (6.6)	0,30	0,32	0,32
собственность(6.12)	0,30	0,39	0,33
материальная заинтересованность (36.6)	0,25	0,36	0,43
Прим. Все коэф. корр. значимы на уровне $p < 0,001$			

что в свою очередь обусловлено адекватной, независимой значимостью собственного «я». И наоборот, чем значимее для человека его собственное «я», тем больше потребность в уважении и признании, соответственно, тем сильнее стремление получить уважение и общественное признание путем повышения материальной обеспеченности, лидерства, руководства и достижений в других сферах жизни.

К сожалению, именно ценности успеха, признания, достижений, лидерства, материальной обеспеченности сейчас активно пропагандируются через средства массовой информации как за рубежом, так и в российском обществе. Однако, учитывая, что отмеченные ценности обратно взаимосвязаны с нравственными ценностями [13, с. 330], СМИ косвенно стимулируют рост негативных нравственных качеств. Чрезмерное стимулирование родителями и педагогами в подрастающем поколении мотивов достижения высокого общественного положения, успеха, материальной обеспеченности может привести к нарушению молодежью многих нравственных норм на пути к достижению этих целей. В результате подобного воспитания «молодежь считает обман государства и коррупцию нормой поведения. 27% семнадцатилетних молодых людей полагают, что добывание денег противозаконным путем так же нормально, как и зарабатывание их. К взяткам как источнику дохода спокойно относятся 26% представителей студенчества» [12, с.5].

Ценности свободы. При анализе значимости ценности, сформулированной как «свобода» вообще, различий между группами не обнаружено. То есть «свобода» в максимально обобщенной формулировке значима для всех людей, однако каждый субъект вкладывает свой смысл в понимание свободы. Об этом свидетельствуют полученные различия между группами при конкретизации формулировок. «Чувство личной свободы», «быть хозяином собственной жизни», «возможность жить, как тебе хочется» менее значимы для людей группы «Нр+». Получается, что личность с относительно высоким уровнем нравственного развития в большей степени готова пойти на некоторые ограничения и самоограничения свободы своей личной жизни. Такая позиция при современном состоянии российского общества является более полезной для общества, поскольку именно «отсутствие культуры внутреннего самоконтроля», «упразднение институтов контроля внешнего» и понимание свободы как «вседозволенности» привело, по мнению А.В. Юревича, «к крайне негативным социальным последствиям» [16, с.305, 312].

Гедонистические ценности для большинства опрошенных не имеют слишком большого значения, что скорее всего объясняется спецификой выборки, которая состоит в основном из людей с высшим образованием и студентов вузов. Однако эти ценности еще менее значимы для людей с положительной нравственной направленностью. То есть само наличие у личности положительной нравственной на-

правленности отодвигает гедонистические ценности на еще более далекий план.

Ценности защищенности: «правовая защищенность», «социальная защита со стороны государства» и «уверенность в завтрашнем дне» более значимы для людей с нейтральной и отрицательной нравственной направленностью. Полученный результат может быть связан с тем, что люди с положительной нравственной направленностью привыкли не надеяться на помощь со стороны и рассчитывают прежде всего на себя.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что у людей с положительной нравственной направленностью оценки значимости многих ценностей отличаются от оценок людей с нейтральной и отрицательной нравственной направленностью. Из 85 ценностей по 32 обнаружены достоверные отличия. Как и предполагалось, для людей с положительной нравственной направленностью менее значимы ценности материальной сферы жизни, власти, общественного признания, возможности быть лидером или руководителем, гедонистические ценности и более значимы гуманистические ценности. Кроме того, для них в меньшей степени значимы ценности крепкого здоровья, прочной семьи, уверенности в себе и чувства собственного достоинства, чувства личной свободы и возможности «жить, как тебе хочется», правовой защищенности, социальной защиты со стороны государства. В целом, основные отличия оценок людей с положительной нравственной направленностью от всех остальных опрошенных респондентов проявляются в пониженной значимости ценностей, связанных с собственным «эго», и в повышенной значимости ценностей, связанных с интересами общества и помощью другим людям.

Исследование также показало, что можно выстраивать методики диагностики нравственной направленности личности по косвенным признакам, таким как ценности личности, что будет немаловажным при приеме на работу. Принятие на работу людей с положительными нравственными качествами принесет больше пользы работодателю, обществу, государству. Во-первых, потому что эти люди хотят быть полезными обществу, они проявляют интерес к судьбе общества, для них более важно помогать другим людям (см. табл. 1). Во-вторых, для них менее значимо материальное благополучие (см. табл.1), и принятие таких людей на ответственные должности может в большей степени гарантировать то, что человек не будет использовать свое положение в корыстных целях. В-третьих, для них гораздо менее приемлемо нарушение нравственных и правовых норм [8, с.32; 13, с. 330].

В заключение хотелось бы отметить, что результаты проведенного исследования также будут полезны в воспитательной работе при формировании в подрастающем поколении ценностей, характерных для людей с положительной нравственной направленностью.

Библиографический список

1. Бондарева О.В. Особенности проявления эгоистической направленности личности в пространстве супружеских отношений. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2009.
2. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Нравственная элита в современном российском обществе: социально-психологический аспект // Психология нравственности. Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во ИП РАН, 2010. С. 209–236.
3. Залесский Г.Е., Редькина Е. Б. Психодиагностика убеждений и ориентаций личности: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.
4. Зубова Л.В. Психологические особенности ценностных ориентаций подростков с различной направленностью личности. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1997.
5. Макропсихология современного российского общества. Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во ИП РАН, 2009.
6. Малюгин Д.В. Психологические детерминанты морального выбора. Дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
7. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Альпина Нон-фикшн, 2011.
8. Муздыбаев К. Эгоизм личности // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 2. С. 27–39.
9. Редя Г.П. Влияние характера социальной ориентировки на развитие самосознания учащихся. Дис. ... канд. психол. наук. М., 1993.
10. Сегеева Е.Р. Ценностная направленность в континууме «Я - не Я» и ее связь с социально-психологическими характеристиками личности. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2009.
11. Садретдинова З. В. Характеристики нравственной и ценностно-смысловой сфер личности. Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2008.
12. Семикин Г.И. Организация антинаркотической профилактической работы со студенческой молодежью в вузах. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2003.
13. Стрижов Е.Ю. Нравственно-правовая надежность личности: социально-психологические аспекты: монография. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009.
14. Фетискин Н.П., Кулайкин В.И., Миронова Т.И. Психодиагностика качества жизни в российской ментальности: научно-методическое пособие. Москва-Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006.
15. Хвостов А.А. Структура и детерминанты морального сознания личности. Дис. ... докт. психол. наук. М., 2005.
16. Юревич А.В. Феномен свободы в современной России // Психология нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во ИП РАН, 2010. С. 301–317.

References

1. Bondareva O.V. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology). Krasnodar, 2009. (in Russian)
2. Zhuravlev A.L., Kupreychenko A.B. In: Psikhologiya npravstvennosti. Moscow: Publishing house "Institute of psychology Russian academy of sciences", 2010. pp. 209-236. (in Russian)
3. Zalesskiy G.Ye., Redkina Ye.B. Psikhodiagnostika ubezhdeniy i oriyentatsiy lichnosti. Moscow: Moscow University Press, 1996. (in Russian)
4. Zubova L.V. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology). Moscow, 1997. (in Russian)
5. Makropsikhologiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva. Moscow: Publishing house "Institute of psychology Russian academy of sciences", 2009. (in Russian)
6. Malyugin D.V. PhD dissertation (Psychology). Moscow, 2007. (in Russian)
7. Maslow A. Novyye rubezhi chelovecheskoy prirody. Moscow: Alpina non-fiction, 2011. (in Russian)
8. Muzdybaev K. Egoizm lichnosti // Psikhologicheskii zhurnal, 2000, 21(2). pp. 27-39. (in Russian)
9. Redya G.P. PhD dissertation (Psychology). Moscow, 1993. (in Russian)
10. Sageyeva Ye.R. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology). Kazan, 2009. (in Russian)
11. Sadretdinova Z.V. PhD dissertation (Psychology). St. Petersburg, 2008. (in Russian)
12. Semikin G.I. Organizatsiya antinarkoticheskoy profilakticheskoy raboty so studencheskoy molodezhyu v VUZakh. Moscow: Publishing House of the Bauman Moscow State Technical University, 2003. (in Russian)
13. Strizhov Ye.Yu. Npravstvenno-pravovaya nadezhnost lichnosti: sotsialno-psikhologicheskiye aspekty. Tambov: Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2009. (in Russian)
14. Fetiskin N.P., Kulaykin V.I., Mironova T.I. Psikhodiagnostika kachestva zhizni v rossiyskoy mentalnosti. Moscow-Kostroma: Nekrasov Kostroma State University, 2006. (in Russian)
15. Khvostov A.A. PhD dissertation (Psychology). Moscow, 2005. (in Russian)
16. Yurevich A.V. In: Psikhologiya npravstvennosti. Moscow: Publishing house "Institute of psychology Russian academy of sciences", 2010. pp. 301-317. (in Russian)

УДК 159.922.7

UDC 159.922.7

А.Г. САМОХВАЛОВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной психологии Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова
E-mail: samohvalova@kmtn.ru

A.G. SAMOKHVALOVA

candidate of pedagogical sciences, Associate Professor, doctoral student, Associate Professor of Social Psychology GOU VPO «Kostroma State University named after N.A. Nekrasov»
E-mail: samohvalova@kmtn.ru

ГЕНЕЗИС ЗАТРУДНЕННОГО ОБЩЕНИЯ В ДЕТСКОМ ВОЗРАСТЕ*

GENESIS OF COMMUNICATION DIFFICULTY IN CHILDREN

Статья посвящена проблеме затрудненного общения субъекта на детских этапах онтогенеза. Рассмотрена сущность и критерии затрудненного общения, классификация коммуникативных трудностей ребенка. На базе обобщения эмпирических данных лонгитюдного исследования коммуникативного развития детей, проводимого на протяжении девяти лет, выявлена возрастная динамика, сензитивные, критические периоды и закономерности затрудненного общения. Описаны специфические коммуникативные трудности дошкольников, младших школьников, подростков; половые различия затрудненного общения; основные формы деструктивного коммуникативного поведения.

Ключевые слова: затрудненное общение, критерии, субъект общения, коммуникативные трудности, закономерности коммуникативного развития, возрастная динамика, сензитивные периоды.

The article deals with the complicated subject of communication in children's stages of ontogeny. The essence and the criteria of difficulty of communication, the classification of communication difficulties the child. Based on the generalization of empirical data from a longitudinal study of the communicative development of children, held for nine years, revealed age dynamics, sensitivity, critical periods and patterns of communication difficulty. Describes the specific communicative difficulties preschoolers, primary school children, adolescents, sex differences hindered communication, the main forms of destructive communicative behavior.

Keywords: difficulty communicating, criteria, subject of communication, communication difficulties, patterns of communication, developmental dynamics, the sensitive periods.

Актуальность исследования

Общение – это важнейшее естественное условие социального развития ребенка; доминирующий фактор развития человека как субъекта собственной жизни; специфическая среда, в которой происходит самопознание, самопонимание, самоактуализация и самосовершенствование, а также познание и понимание других людей. Однако огромное количество современных российских детей и подростков воспринимают ситуации межличностного общения как напряженные, стрессовые, трудные, требующие серьезных преодолений и усилий; у многих возникает страх установления близких отношений, потребность максимально сократить непосредственные коммуникативные контакты, компенсировать их Интернет-общением, игровой активностью, аддиктивным поведением. Меняется и культура общения: современные дети разговаривают друг с другом sms-языком, используя стереотипные, шаблонные, короткие фразы; не умеют и не стремятся выражать свои эмоции в коммуникациях; не пытаются адаптировать собственные коммуникативные намерения к харак-

теристикам личности партнера; общение становится не самоцелью, благодаря которой происходит духовное становление ребенка, а средством достижения актуальных, чаще всего прагматических или манипулятивных целей.

К настоящему времени в социальной психологии уже накоплен богатый материал, в котором исследуется проблема затрудненного общения взрослой личности, выявляются типологии коммуникативных трудностей, критерии и структура затрудненного общения (Е.В. Цуканова, А.А. Бодалев, Г.А. Ковалев, В.Н. Куницына, В.А. Лабунская, Ю.А. Менджерицкая, Е.В. Залюбовская, Т.А. Аржакаева, Е.Г. Сомова и др.). Вместе с тем нельзя не учитывать, что механизмы затрудненного общения формируются на ранних этапах онтогенеза, и во взрослую жизнь человек приходит уже с «багажом», состоящим из детского коммуникативного опыта. Если этот опыт в основном негативный, то построить эффективные коммуникативные контакты и проявить в них компетентность взрослому человеку бывает крайне сложно.

Однако в современной психологии не исследо-

*Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 13-16-44001 а(р) «Затрудненное общение ребенка: механизмы, функции, генезис».

вана специфика затрудненного общения на детских этапах онтогенеза, его возрастная динамика и закономерности развития, сензитивные и критические периоды в возникновении определенных коммуникативных трудностей субъекта. С целью решения этих актуальных задач было спланировано и реализовано лонгитюдное исследование детского затрудненного общения.

Понятие и критерии детского затрудненного общения

Рассматривая психологическую сущность затрудненного общения, мы опираемся на идеи Б.Д. Парыгина о наличии *психологического барьера*, который понимается как устойчивая установка, психологический настрой личности, процессы, свойства, состояния человека, которые «консервируют» скрытый эмоционально-интеллектуальный потенциал его активности [1].

В.Н. Куницына также подчеркивает, что феномен затрудненного общения – это, прежде всего, явление, представленное в сознании и переживании партнеров [2]. Такая трактовка указывает на *внутренний источник трудностей общения* – устойчивые личностные образования, которые при определенных обстоятельствах могут приводить к нарушениям в общении.

Вместе с этим способом интерпретации общения как затрудненного используется оценка выраженности затруднений в зависимости от их воздействия на результаты общения. *Объективную составляющую затрудненного общения* охарактеризовали А.А. Бодалев и Г.А. Ковалев, подчеркивая, что следствием субъективных трудностей является объективная картина нарушений общения – недостижение цели, неудовлетворение мотива, неполучение желаемого результата и т. д. [3].

В.А. Лабунская также рассматривает затрудненное общение не только как субъективное явление, но и как *явление объективное*, представленное в несоответствии цели и результата, выбранной модели общения и реально протекающего процесса [4].

Синтез данных подходов позволяет нам рассматривать *детское затрудненное общение* как процесс нарушенного межличностного взаимодействия, препятствующий эффективному решению задач общения, сопряженный с возникновением субъективных переживаний, непониманием партнерами друг друга, негативными изменениями в межличностных отношениях, актуализацией деструктивных моделей взаимодействия.

Рассматривая критерии затрудненного общения, мы основываемся на том, что данный феномен сложно *детерминирован* несколькими группами факторов: особенностями личности ребенка, характером коммуникативной ситуации, спецификой социального взаимодействия и взаимоотношений субъекта. Следовательно, можно говорить о существовании *субъективных и объективных критериев затрудненного общения*.

Субъективные критерии отражают особенности субъективного восприятия и переживания коммуникативной ситуации ребенком как затрудненной. Так, *мотивационный критерий* отражает отсутствие мотивации и позитивной направленности общения с каким-либо партнером, наличие деструктивных коммуникативных установок у ребенка. *Когнитивный критерий* отражает субъективные трудности понимания, целеполагания, планирования, прогнозирования коммуникативных действий. *Эмоциональный критерий* отражает негативные внутренние переживания ребенка по отношению к себе (гелатофобия, страх буллинга, негативной оценки и др.), к партнерам по общению (злость, зависть, враждебность и др.) или к коммуникативной ситуации в целом (тревожность, стрессовые состояния и др.). *Динамический критерий* отражает коммуникативную неадекватность и некомпетентность субъекта в реально протекающей, изменяющейся ситуации общения.

Объективные критерии отражают неэффективность коммуникативных действий ребенка в ситуации общения, деструктивность социального взаимодействия и взаимоотношений субъекта с партнерами. Так, *ситуационный критерий* указывает на то, что коммуникативные притязания субъекта не были реализованы в конкретной ситуации общения, его цели не были достигнуты. *Интеракционный критерий* указывает на то, что ребенок, сам не испытывает коммуникативных трудностей, но затрудняет общение для своих партнеров, следствием чего становится ухудшение взаимоотношений с ними, рассогласование, деструкция межличностного взаимодействия, непонимание.

В различных коммуникативных ситуациях у ребенка могут актуализироваться *вариативные показатели затрудненности*, количество и качество которых будут определять *индивидуальный рисунок затрудненного общения* в конкретной социальной ситуации.

Важнейшим атрибутом затрудненного общения является возникновение у ребенка *коммуникативных трудностей* – различной силы и степени выраженности объективных или субъективно переживаемых препятствий коммуникации, нарушающих внутреннее равновесие субъекта (ов) общения, усложняющих межличностные отношения, требующих от партнеров внутренних усилий, направленных на их преодоление.

В *классификации коммуникативных трудностей* мы выделяем четыре уровня. К *базовым коммуникативным трудностям* можно отнести трудности эмпатии, вступления в контакт, трудности, связанные с детским эгоцентризмом, с отсутствием положительной установки на другого человека, с неадекватной самооценкой ребенка, с повышенной эмоционально-личностной зависимостью от партнеров по общению. К *содержательным коммуникативным трудностям* ребенка относятся трудности, связанные с недостатком коммуникативных знаний,

трудности прогнозирования, планирования, самоконтроля, перестройки коммуникативной программы. *Инструментальные коммуникативные трудности* проявляются в неумении ребенка эффективно реализовывать на практике намеченные программы коммуникативных действий. Это вербальные, невербальные, просодические, экстралингвистические трудности, трудности построения диалога. К *рефлексивным коммуникативным трудностям* относятся трудности самоанализа, самонаблюдения, самовыражения, самоизменения.

Методика исследования

Участники и процедура исследования: в лонгитудном исследовании принимали участие 24 ребенка: 12 девочек и 12 мальчиков. Все дети одного возраста, физически и психически здоровые, русские, из полных семей, посещающие детские дошкольные учреждения и школы г. Костромы. Изучение затрудненного общения проводилось на протяжении 9 лет (на дошкольном, младшем школьном и подростковом этапах онтогенеза) со следующей периодичностью: 1 замер – 5 лет; 2 замер – 7 лет; 3 замер – 9 лет; 4 замер – 11 лет; 5 замер – 13 лет.

Методы исследования: включенное и стороннее наблюдение за коммуникативной деятельностью детей, беседы с детьми, педагогами, родителями; метод экспертной оценки коммуникативного развития ребенка А.Г. Самохваловой; методика диагностики неконструктивного поведения детей М.Э. Вайнера; проективная методика «Метаморфозы» Н.Я. Семаго, М.М. Семаго [5].

Статистическая обработка эмпирических данных проводилась с использованием контент-анализа детских высказываний, объясняющих возможные причины затрудненного общения и субъективные переживания ребенка; описательной статистики, отражающей выраженность параметров затрудненного общения в выборке на каждом возрастном этапе; критериев χ^2 Фридмана и Q Кохрана, выявляющих возрастные различия затрудненного общения и частоту актуализации коммуникативных трудностей на разных этапах детского онтогенеза; регрессионного анализа, обнаруживающего влияние индивидуальных коммуникативных качеств ребенка на возникновение коммуникативных трудностей; U-критерия Манна-Уитни, определяющего половые различия коммуникативных трудностей детей; корреляционного анализа Спирмена, отражающего возрастную динамику взаимосвязей затрудненного общения с формами неконструктивного коммуникативного поведения детей.

Результаты лонгитудного исследования

Анализ многочисленных эмпирических данных лонгитудного исследования позволил выявить основные **закономерности коммуникативного развития ребенка и генезис затрудненного общения.**

1. Все коммуникативные качества ребенка,

обуславливающие возникновение коммуникативных трудностей, являются *динамическими образованиями*, которые претерпевают разнообразные возрастные изменения:

- максимально бурные преобразования выявлены по таким показателям коммуникативного развития, как отзывчивость, миролюбивость, готовность принимать и оказывать помощь, эмпатийность, умение планировать общение, инициативность, самоанализ общения (отрицательная динамика от дошкольного к подростковому возрасту).

- более устойчивыми коммуникативными качествами ребенка являются: коммуникативная адекватность, умение урегулировать конфликт, умение убеждать, признавать и исправлять ошибки в общении.

2. В периоды *возрастных кризисов* происходят резкие полярные скачки в развитии коммуникативных качеств субъекта общения:

- в периоды кризисов 7 и 13 лет *значимо повышается* уровень развития таких коммуникативных качеств, как умение планировать общение, самоконтроль, умение убеждать, детально анализировать общение; *резко снижается* контактность, отзывчивость, умение сотрудничать, готовность принимать и оказывать помощь, коммуникативная адекватность, инициативность, миролюбивость, адекватность в использовании коммуникативных средств, умение признавать ошибки в общении.

- такие параметры коммуникативного развития, как эмпатийность, умение урегулировать конфликт, умение исправлять собственные ошибки общения, в период *кризиса 7 лет интенсивно развиваются*, а в период *кризиса 13 лет* уровень развития этих качеств *значимо снижается*.

Следовательно, кризисные периоды возрастного развития всегда сопровождаются резкими изменениями качественных характеристик общения, быстро адаптироваться к этим переменам ребенок не может, что неизбежно вызывает у него ярко выраженные *коммуникативные трудности*.

3. Существуют *сензитивные периоды* для возникновения и актуализации коммуникативных трудностей различных уровней:

- в *дошкольном возрасте*, в основном, появляются *содержательные коммуникативные трудности* (трудности коммуникативного планирования, коммуникативная неадекватность) и *рефлексивные трудности*, связанные с низким уровнем развития самоанализа и самоконтроля в общении (трудности самонаблюдения, самоизменения, самовыражения);

- *младший школьный возраст* сензитивен для возникновения *инструментальных коммуникативных трудностей* (вербальных, невербальных, просодических, экстралингвистических); ребенок, потеряв детскую непосредственность и спонтанность, но, еще не приобретя подростковую независимость и автономность, испытывает серьезные трудности в выборе стратегий и средств коммуникативного по-

ведения; у него возникают барьеры при построении диалога, ему трудно удерживать ведущую позицию в общении и распределять внимание между процессами слушания, говорения и самоконтроля:

- в *подростковом возрасте* актуализируются, в основном, *базовые коммуникативные трудности*, связанные со снижением контактности, отзывчивости, миролюбивости, доброжелательности (возникают трудности эмпатии, вступления в контакт, ведения конструктивного диалога, трудности, связанные с проявлением эгоцентризма и агрессивности).

4. Наиболее *благоприятным периодом* для эффективного коммуникативного развития ребенка и преодоления актуальных коммуникативных трудностей является *младший школьный возраст*. Это этап эволюционного, планомерного, прогрессивного развития всех коммуникативных качеств субъекта общения (уровень развития всех коммуникативных параметров на этом возрастном этапе значительно повышается). Однако в связи с этим у детей зачастую возникают трудности, связанные с коммуникативными перегрузками, с их гиперчувствительностью и гиперответственностью, со стремлением всегда «быть и казаться правильным» в ситуациях коммуникативного контакта.

5. В *дошкольном возрасте* процессы коммуникативного развития наиболее *индивидуальны*: ярко проявляется коммуникативная непосредственность, резко различаются механизмы и формы затрудненного общения у разных детей, паттерны их поведения в ситуациях затрудненного общения, характер самоактуализации (описательная статистика показала, что в дошкольном возрасте зафиксирован самый большой разброс эмпирических показателей по всем параметрам коммуникативного развития). На последующих возрастных этапах выраженность показателей становится более гомогенной, следовательно, коммуникативное развитие и характер затрудненного общения детей приобретает *более общие, типичные черты*.

6. *Подростковый возраст* является самым сложным, насыщенным, *противоречивым* этапом коммуникативного развития: высокая потребность в групповом общении фрустрируется снижением уровня развития контактности, отзывчивости, умения сотрудничать; стремление к установлению близких межличностных отношений осложняется низким уровнем развития эмпатии, миролюбия, неготовностью оказывать и принимать помощь; мотивы спонтанного, независимого, свободного общения блокируются повышением уровня развития коммуникативного планирования, самоконтроля в общении и самоанализа. Переживание этих противоречий, с одной стороны, *создает многообразные коммуникативные трудности* у подростков; с другой стороны – является *движущей силой коммуникативного развития*.

7. Дети всех возрастных категорий в той или иной степени склонны к деструктивному общению, однако на каждом возрастном этапе наиболее ярко актуализируются определенные *формы неконструктивного поведения*:

- в *дошкольном возрасте* преобладает импульсивное и недисциплинированное поведение, вызывающее трудности эмпатии, взаимопонимания, коммуникативного планирования, самоконтроля и самонаблюдения;

- в *младшем школьном возрасте* дети значительно реже прибегают к неконструктивному поведению; однако склонны к конформизму. Они пытаются замаскировать, скрыть деструктивные переживания, демонстрировать социально-одобряемое коммуникативное поведение, что сопровождается трудностями самопонимания, самовыражения, трудностями, связанными с повышенной эмоционально-личностной зависимостью от партнеров по общению;

- в *подростковом возрасте* значимо выше проявление агрессивного и протестного поведения, что сопровождается упрямством, враждебностью, негативизмом в общении, неприятием иных точек зрения, трудностями понимания, эмпатии, построения конструктивного диалога, самоизменения;

- в *период подросткового кризиса* наблюдается разделение выборки на две группы: те, у кого кризис протекает по пути «независимости», склонны к проявлению агрессивного, демонстративного и протестного поведения; те, у кого кризис протекает по пути «зависимости», склонны к конформизму, импульсивности, инфантильным формам коммуникативного поведения (чаще недисциплинированного);

- на ранних этапах детского развития неконструктивные формы поведения играют преимущественно *защитную роль*, ограждая ребенка от травмирующих переживаний в ситуации общения и сохраняя позитивный Я-образ. Однако, мнимая эффективность, действенность неконструктивных форм общения зачастую приводит к тому, что постепенно они *закрепляются и становятся индивидуальными паттернами коммуникативного поведения*, создавая новые, многообразные, устойчивые коммуникативные трудности ребенку и его партнерам по общению.

8. Существуют некоторые *половые различия затрудненного общения* детей на разных этапах онтогенеза:

- мальчики чаще испытывают трудности эмпатии, урегулирования конфликта, склонны к недисциплинированности (дошкольный возраст), не верят в собственные возможности, переживают фрустрацию коммуникативных потребностей (младший школьный возраст); более открыто, ярко проявляют враждебность (в период кризиса 13 лет).

Девочки чаще испытывают трудности, связанные с эгоцентризмом, демонстративностью (дошкольный и младший школьный периоды развития).

Однако значимых половых различий затрудненного общения детей на разных этапах онтогенеза выявлено в целом очень мало, следовательно, можно признать *доминирование общевозрастных закономерностей* коммуникативного развития детей и динамики затрудненного общения.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что механизмы затрудненного общения начинают формироваться на детских этапах онтогенеза. Каждый возрастной период является сензитивным для актуализации определенных коммуникативных трудностей. Пик возникновения разноуровневых коммуникативных трудностей приходится на кризисные периоды возрастного развития. Если в дошкольном возрасте причины и формы затрудненного общения редко осознаются ребенком, более ситуативны, менее устойчивы, то в подростковом возрасте коммуни-

кативные трудности лучше рефлексированы, более устойчивы и доставляют ребенку больше деструктивных переживаний.

Новизна исследования заключается в том, что возрастная динамика, сензитивные, критические периоды и закономерности развития затрудненного общения выявлены не только с использованием срезовых методов, но и на базе анализа и интерпретации результатов лонгитюдного исследования коммуникативного развития 24 детей, проводимого на протяжении девяти лет.

Библиографический список

1. *Бодалев А.А.* Психологические трудности общения и их преодоление. Педагогика. 1992. № 5-6. С. 25-32.
2. *Куницына В.Н.* Трудности межличностного общения : дис. ... докт. психол. наук. СПб., 1991. 358 с.
3. *Лабунская В.А.* Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция. / В.А. Лабунская, Ю.А. Менджерицкая, Е.Д. Бреус. М.: Академия, 2001. 288 с.
4. *Парыгин Б.Д.* Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб.: ГУП, 2003. 616 с.
5. *Самохвалова А.Г.* Коммуникативные трудности ребенка: проблемы, диагностика, коррекция. СПб.: Речь, 2011. 432 с.

References

1. *Bodalev A.A.* Psikhologicheskie trudnosti obshcheniya i ikh preodolenie. Pedagogika. – 1992. – № 5-6. – S. 25-32.
 2. *Kunitsyna V.N.* Trudnosti mezhlichnostnogo obshcheniya [Tekst] : dis. ... dokt. psikholog. nauk / V.N. Kunitsina. – SPb., 1991. – 358 p.
 3. *Labunskaya V.A.* Psikhologiya zatrudnennogo obshcheniya: Teoriya. Metody. Diagnostika. Korrektsiya / V.A. Labunskaya, Yu.A. Mendzheritskaya, E.D. Breus. – M.: Akademiya, 2001. – 288 p.
 4. *Parygin B.D.* Sotsial'naya psikhologiya. Problemy metodologii, istorii i teorii. SPb.: GUP, 2003. – 616 p.
 5. *Samokhvalova A.G.* Kommunikativnye trudnosti rebenka: problemy, diagnostika, korrektsiya. SPb.: Rech', 2011. – 432 p.
-

УДК 159.9В (075.8)

UDK 159.9В (075.8)

Л.А. СТАХНЕВА

доктор психологических наук, профессор кафедры
общей и возрастной психологии Орловского государ-
ственного университета
E-mail: Stahneva@inbox.ru

L.A. STAHNEVA

doctor of psychological sciences, professor of chair of the
general and age psychology of the Orel State University.
E-mail: Stahneva@inbox.ru

**ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПРЕДМЕТА СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ
ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОГО ТИПА РАЦИОНАЛЬНОСТИ**

**APPROACHES TO THE UNDERSTANDING OF THE SUBJECT OF MODERN PSYCHOLOGY
IN THE CONTEXT OF POST-NON-CLASSICAL TYPE OF RATIONALITY**

В статье представлен анализ современной методологической ситуации, особенности проявления методологического кризиса и пути его преодоления. Рассматриваются основные подходы к разработке концепции предмета современной психологической науки в контексте постнеклассического типа рациональности.

Ключевые слова: кризис, методология, наука, предмет психологии, душа, субъект, психика, тип рациональности.

The article contains analysis of modern methodological situation, the manifestations of the methodological crisis and ways of its overcoming, reviews the main approaches to the development of the concept of the subject of modern psychological science in the context of post-non-classical type of rationality

Key words: methodology, crisis, science, the subject of psychology, soul, subject, human psyche, type of rationality.

Современная отечественная психология переживает острый и глубоко противоречивый этап своего развития. Кризис отечественной психологии конца XX – начала XXI столетия проявился в отсутствии единой, общепсихологической теории, дефиците устойчивого знания; углубляющемся расколе между исследовательской и практической психологией; конкуренцией со стороны паранауки, возникновение пограничных (между наукой и не-наукой) систем знания. Границы между научной психологией и системой знаний, которые еще недавно считались несовместимыми с наукой, не являются непроницаемыми. Антирационалистические тенденции проявляются в разработке научно-религиозных систем знания (христианская психология), легализации парapsихологии, обращение к душе в качестве объекта научного познания. В целом кризис психологии носит системный характер, имея в своей основе три ключевых фактора: общий кризис рационализма; функциональный кризис науки; кризис естественнонаучной и традиционной – позитивистской – модели научного познания. Все три составляющие кризиса имеют социальные корни. По определению А.В. Юревича (1999), современный методологический кризис – это когнитивный кризис (кризис психологии знания и традиционных способов его получения), связанный с представлением о том, как следует изучать и объяснять психологическую реальность.

При изменении социокультурной среды, в которой сформировалась научная теория, подвергается критическому анализу и система ее философских

оснований. Кризис показал несостоятельность марксистской теории как единой общепсихологической методологии, а также ограниченность объективно-ориентированного подхода, при котором общий акцент делается на изучение человека как объекта общественного развития, а генезис поведения активности связывается главным образом с внешними, социальными факторами. При безусловном наличии в отечественной психологии серьезных достижений в области исследования личности и деятельности субъективные и субъектные аспекты психики остаются в рамках материалистического подхода малоизученными.

Преодоление кризиса современной психологии связано с тенденцией к построению интегративного подхода к постижению человека, соединяющего достоинства естественнонаучной и гуманитарной методологии. Таким подходом становится постнеклассический тип рациональности, наиболее адекватный современности. Постнеклассический тип рациональности представляет парадигму синтезов, системный плюрализм, множественность интерпретаций. Постнеклассический тип рациональности характеризуется возрастанием роли субъекта в процессе познания. По этому поводу В.С. Степин (2000) пишет, что постнеклассическая психология не строго рационалистична; ее методология легализует эмоциональную вовлеченность в познавательный процесс, а ее этика предписывает стремиться не к открытию любой истины, какой бы та ни была, а к получению только такого знания, которое пойдет на пользу че-

ловечеству. Т.В. Корнилова и С.Д. Смирнов (2008) отмечают, что для неклассической парадигмы важнейшим завоеванием стало признание учета субъективности наблюдателя и невозможности изучения свойств объекта вне заимствования свойств субъекта и объекта.

Принципиальным отличием постнеклассической науки от неклассической является ее чувствительность к контекстам, повышенная рефлексивность, учитывающая соотнесенность получаемых знаний о мире не только с особенностями деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. С организационной стороны постнеклассическая наука характеризуется ростом междисциплинарных исследований, поскольку ее объекты представляют сложные саморазвивающиеся системы. Последнее связано с тем, что особую роль в постнеклассической науке играет гуманитарная составляющая и влияние культуры. Предметом междисциплинарных исследований являются сложные системные объекты, изучаемые в отдельных науках фрагментарно; открытые и саморазвивающиеся системы. Постнеклассический тип рациональности ориентирует на целостный подход к изучению человека, смещение интересов от универсальных законов к уникальным событиям, от эмпирических фактов – к поиску смыслов; расширение представлений о содержании активности как факторе детерминации психики.

Важнейшим фактором интеграции стало развитие психологической практики во второй половине XX в., становление психологии как профессии. Путь, по которому идет сейчас интеграция мировой науки, – это путь развития коммуникации между школами, взаимного знания теорий и понимания их взаимоотношений и зон применимости. Интеграция различных методологий, включение ценностного контекста в познание способствует целостному подходу к изучению человека, смещению интереса от универсальных законов к уникальным событиям; от эмпирических фактов – к поиску смыслов. Наблюдается распространение общеметодологического принципа гуманитарных наук о множественности теоретического знания и методологий в рамках одной и той же науки. Поэтому наряду с естественнонаучными методами познания все большее значение приобретают социогуманитарные. Методология современной российской психологии отличается двумя ярко выраженными тенденциями – гуманизма и онтологизма.

В связи с уменьшением идеологического давления и контроля в науке, распространением демократических ориентаций в обществе, методологическим кризисом психологии, переходом к постнеклассической парадигме наметился процесс пересмотра исходных методологических и теоретических принципов, категорий, понятий психологической науки. Вопрос о том, какой должна быть методология современной психологии, является одним из ключевых, поэтому дискуссии ведутся по поводу таких методологических проблем, как проблема единой

теории, предмета психологии, научных парадигм, статуса психологии как науки.

Одной из методологических проблем современной психологической науки является проблема предмета психологии. Психология характеризуется не только наличием разногласий по поводу своего предмета, но и крайней раздробленностью в своих теоретических и методологических подходах. За всю историю развития психологических знаний известны три определения предмета психологии: как науки о душе, о сознании и поведении. Ориентация на естествознание отразилась в понимании научности в психологии и в подходе к определению ее предмета. Сложности определения предмета психологии связаны со спецификой психологии как науки, последняя классифицируется и как биологическая, и как медицинская, и как поведенческая, и как социальная науки. Предмет психологии – «невидимые» внутренние теоретические конструкты, которые проявляют себя в поведении. Психологическое знание представляет сложную гуманистическую систему. И. Кант скептически относился к возможности психологии стать самостоятельной наукой, поскольку считал, что математика неприемлема к явлениям внутреннего мира человека, в психологии нет средств для реального анализа сознания, поэтому она не может существовать как наука. Внедрение в психологию метода эксперимента, заимствованного из естествознания, стало основой для разработки научных критериев достоверности психологического знания. Вместе с тем психология в силу специфики своего предмета не может соответствовать строгим критериям проверяемости, детерминизма, кумулятивности, которые предъявляются к подлинно научному знанию.

В 70-е годы прошлого столетия на страницах журнала «Вопросы психологии» велись дискуссии о предмете психологии как самостоятельной научной дисциплине. Необходимо было соотнести предмет психологической науки не только с предметами таких наук, как физиология, логика, кибернетика, но и с его трактовками в других психологических школах. В итоге обсуждений было подчеркнуто, что предметом психологии является психика, понимаемая как свойство высокоорганизованной материи, в многообразии механизмов формирования и развития психических явлений, а также в совокупности ее закономерных связей, взаимодействий и опосредований, выявляющихся в отражающей и регулирующей функциях.

Необходимость пересмотра концепции предмета психологии в начале XXI столетия вызвана методологическим кризисом психологии, кризисом парадигм, сменой типов рациональности и задачами, связанными с интеграцией направлений и школ в структуре единой мультипарадигмальной науки, а также сохранением психологии статуса и сущности науки, что требует размежевания с вненаучными формами психологического познания. Критерием прогресса развития современной психологии явля-

ется принятие множественности методологических позиций, множественности объяснений: объяснений, апеллирующих к метафизике и построенных на основе научного метода. Психология пришла к необходимости сочетания научного анализа с пониманием. Другим не менее важным критерием прогресса является явное стремление к рефлексии основ психологии. Наблюдается разнообразие новых интерпретационных подходов к пониманию предмета психологии.

Одной из тенденций развития современной психологии является стирание границ между психологической наукой и другими способами психологического познания (искусство, религия), размывание границ научного и ненаучного психологического познания, отход от традиционной причинной психологии, поскольку она утратила «духовное человеческое в человеке». Разработка в конце XX столетия нового направления – духовной психологии (Б.С. Братусь, В.П. Зинченко, Ф.Е. Василюк и др.) представляет особую форму знания о становлении субъективного духа человека в пределах его индивидуальной жизни. Представители данного направления считают, что узко психологический взгляд на человека является ограниченным, поскольку его внутренний мир рассматривается как набор индивидуально-своеобразных свойств и качеств личности. Изучение же форм духовного бытия позволяет выявить природу психического.

Авторы учебного пособия «Начала христианской психологии» определяют предмет и задачи христиански ориентированной психологии как «целостное живое знание о генезисе греховных страстей и пастырское искусство врачевания человеческих душ». Они полагают, что способы религиозного познания только кажутся ненаучными, на самом деле истинное познание души человека возможно только через религию. Христианская ориентация на трансцендентное начало в человеке задает иную иерархию ценностей: на первый план выдвигается дух, и остальные составляющие человека рассматриваются в зависимости от духа. Рассмотрение души в качестве предмета психологии проявляется в отрицании оппозиции религии и науки в познании психической реальности. На рубеже веков данное направление приобрело особую актуальность в связи с поиском духовного возрождения в России.

Гуманистические тенденции в отечественной психологии, обращение к изучению субъективных и субъектных аспектов психической деятельности человека, активности, мышлению как факторов самодетерминации развития связаны с разработкой субъектного подхода, который представляет постнеклассическое направление в психологии, для которого характерно соединение разнообразных парадигм и методологических подходов. Авторы субъектного подхода (К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, Л.И. Анцыферова и др.) полагают, что категория «субъект» в ситуации методологического

кризиса современной психологии может выступить основой интеграции психологической науки, поскольку эта категория задает новый подход к пониманию предмета психологии – предметом становится субъект в непрерывном процессе функционирования и развития психики. Перемещение акцента на субъект позволяет сместить исследования с отдельных психических явлений на более высокий уровень – целостное изучение человека.

Обращение к разработке философского понятия субъекта как психологической категории было обусловлено рядом причин: изменившейся социальной ситуацией и потребностью в разработке новой системы ценностей, позволяющей личности в новых социальных условиях развивать жизненно важные способности; методологическим кризисом психологии и необходимостью разработки нового методологического подхода, позволяющего преодолеть недостатки психологии советского периода. Гуманистическая направленность субъектного подхода заключается в том, что он требует обратить внимание на самого человека, его сущностные силы, на его целостность, на индивидуальный смысл жизни, на самореализацию человеком своих сил и способностей. В субъектном подходе разрабатывается представление об активной роли самого человека в процессе жизнедеятельности. Новый подход к пониманию природы человека, детерминации его развития нашли отражение и в новой проблематике, и в новом подходе к пониманию «старых» проблем: соотношения биологического и социального, сознательного и бессознательного, детерминации психического развития.

В.А. Татенко (1996) предлагают модель психологической науки, основанной на переструктурировании разделов психологии в соответствии с новым пониманием ее предмета: от определения «психология – наука о психике, психическом», к «психология – наука о человеке как субъекте психики, психической активности». Исследователь выдвинул ряд критериев к определению предмета психологии: он должен описывать качественное своеобразие психического, «позволяющего отличать психическое от всего другого» (критерий, позволяющий обозначить границы психологии с другими науками); он должен воплощать в себе изначальное единство психики, то есть не может быть простым перечислением наиболее важных явлений, состояний и так далее; в его основании должна лежать «специфика психологического образования, сущностно задающего психике «качественное своеобразие», «изначальное единство», целостность и интегративность в ходе ее функционирования и развития / 1996, с. 317/.

Интеграция психологического знания представляет одну из важнейших задач, стоящих перед современной психологией. И.А. Мироненко (2006) считает, что разработка концепции предмета психологической науки должна идти в направлении осмысления и уточнения феноменологии психической реаль-

ности, поскольку одним из показателей кризисного состояния современной психологии является недостаточность глубины теоретико-методологического рассмотрения природы психического и способов его объективного изучения, несоответствие существующих подходов потребностям развития науки и практики. Определение предмета может быть только эмпирическое, отражающее феноменологию предмета исследования, объединяющее различные по теоретическому осмыслению школы. Кроме того, предмет психологии должен быть достаточно широким и не должен основываться на постулатах, принятых в одной из школ и для других неприемлемых.

В.В. Козлов рассматривает интегративную методологию и интегративную психологию как «надпсихологию», способную соединить все уровни и аспекты функционирования психического. Как один из авторов интегративной психологии, он определяет ее предмет как «постижение природы человека через синтез различных традиций, логик». Необходимость создания интегративной психологии он видит в ее целевой направленности: кроме объяснительной и концептуальной, достаточно прагматичную – «изменить структуры и формы сознания человека, обретающего в результате способность мыслить, рефлексировать и действовать адекватно в соответствующей социокультурной среде» [7, с.143]. Подобная позиция исследователя в понимании предмета психологии, на наш взгляд, чревата эклектичностью, а прагматичная направленность психологии может быть сведена к

искусному манипулированию массовым и индивидуальным сознанием.

Обобщая сказанное, выделим ряд особенностей, связанных с подходами к пониманию предмета современной психологии. В психологической науке сегодня прослеживается тенденция ухода от естественнонаучного монизма к монизму гуманитарно-научному. Поиск новой методологии предполагает перестройку самой классической науки, переосмысление критериев научности и ненаучности, расширение общеметодологического принципа гуманитарных наук о множественности теоретического знания и методологий в рамках одной и той же науки. Психология, как и другие науки, эволюционировала к постнеклассической парадигме, которая включает не только новые способы осмысления мира, но и рефлекссию над основаниями рациональных типов познания. Формируется тенденция к построению интегративного подхода к постижению человека, соединяющего достоинства естественнонаучной и гуманитарной парадигмы и в связи с этим переосмысление предмета и методов психологической науки. Основное изменение предмета психологии выражается в смещении акцента исследований с психических явлений на более высокий уровень – на целостное изучение человека, закономерностей формирования вершинных процессов человеческой психологии – духовности, нравственности, свободы, гуманизма.

Библиографический список

1. Юревич А.В. Системный кризис психологии//Вопросы психологии. 1999. № 2. С.3-11.
2. Степин В.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М., 2000.
3. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. СПб, 2008.
4. Начала христианской психологии: Учебное пособие для вузов/Б.С. Братусь, В.А. Воейков, С.Л. Воробьев и др. М., 1995.
5. Татенко В.А. Психология в субъектном измерении: Монография. Киев, 1996.
6. Мироненко И.А. О концепции предмета психологической науки//Методология и история психологии. 2006. Том 1. выпуск 1. С.160-173.
7. Козлов В.В. Интегративная психология – возврат к предмету психологии//Методология и история психологии. 2006. Том 1. выпуск 1. С.132-146.

References

1. Yurevich A.V. A Systemic crisis of psychology // The questions of psychology. - 1999. - № 2. – P.3-11.
2. Stepin V.S. A theoretical knowledge: Structure, historical evolution. M.,2000.
3. Kornilova T.V., Smirnov S.D. Methodological foundations of psychology. - St. Petersburg, 2008.
4. Beginnings of Christian psychology: The manual for higher education institutions / B.S.Bratus, V.A. Voeikov, S.L. Vorobyev, etc. - M., 1995.
5. Tatenko V.A. Psychology in the subject of measurment: Monograph.- Kiev, 1996.
6. Mironenko I.A. About the concept of the subject of psychological science //Methodology and History of Psychology, 2006. - Volume 1. Issue 1.- P.160-173.
7. Kozlov V.V. The integrative psychology - A return to the subject of psychology // Methodology and History of Psychology, 2006. – Volume 1. Issue 1. - P.132-146.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Общие правила. Статья объемом 4-15 страниц формата А-4 должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.rtf шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через один интервал без переносов. Параметры документа: верхнее поле – 25мм, нижнее – 25 мм, правое – 25 мм, левое – 25 мм. Нумерация страниц проставляется от центра, внизу страницы.

В начале статьи указывается **универсальная десятичная классификация (УДК)**, имя, отчество и фамилия автора (авторов), название статьи, аннотация (40-50 слов), ключевые слова (5-6). Вся информация предоставляется **на русском и английском языках**. Сведения об авторе (авторах) – ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, электронный адрес и контактный телефон (без сокращений) помещаются в начале статьи после фамилии автора (авторов). К статье в обязательном порядке должна прилагаться электронная версия, идентичная печатной одним файлом на диске CD или DVD (CD-R, CD-RW, DVD-R, DVD-RW).

Формулы помещаются в текст с использованием формульного редактора Microsoft Equation (Вставка – Объект – Создание – Microsoft Equation). Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка – Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием программы Microsoft Excel (Вставка – Объект – Создание – Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры – Цвета и линии – Цвет – Способы заливки – Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg, должны иметь разрешение не менее 300 dpi и прилагаться отдельными файлами.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая

запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.0.5-2008. В списке все работы перечисляются по алфавитному принципу: сначала отечественные авторы (или зарубежные, опубликованные на русском языке), затем – зарубежные. При упоминании отдельных фамилий авторов в тексте им должны предшествовать инициалы (фамилии иностранных авторов при этом приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи библиографические ссылки даются арабскими цифрами в квадратных скобках.

Порядок составления списка: а) автор(ы) книги или статьи; б) название книги или статьи; в) выходные данные. При авторском коллективе до 4-х человек включительно упоминаются все авторы (с инициалами после фамилий), при больших авторских коллективах упоминаются три первых автора и добавляется «и др.» (в иностранной литературе «et al»). Если в качестве авторов книг выступают их редакторы или составители, после фамилии последнего из них в скобках следует ставить «ред.» (в иностранных ссылках «ed.»).

В библиографическом описании книги (после ее названия) приводятся город (где она издана), после двоеточия – название издательства, после запятой – год издания. Если ссылка дается на главу из книги, сначала упоминаются авторы и название главы, после точки – с заглавной буквы ставится «В кн.»: («In») и фамилия(и) автора(ов) или редактора(ов), затем название книги и ее выходные данные.

В библиографическом описании статьи из журнала (после ее названия) приводятся название журнала и год издания (между ними знак препинания не ставится), затем после точки с запятой – номер отечественного журнала (для иностранных журналов номер тома), после двоеточия помещаются цифры первой и последней (через тире) страниц.

Примеры библиографического описания источников:

Книги

1. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971.
2. Базыма Б.А. Психология цвета: теория и практика. М.: Речь, 2005. С. 20-24.
3. Ильин И.А. Учение о правосознании. В кн.: Ю.Т. Лисица (ред.) Родина и мы. Смоленск: Посох. 1995: 355-364.
4. Harding A.E. The hereditary ataxias and related disorders. Edinburgh: Churchill Livingstone, 1984
5. Goldman S.M., Tanner C. Etiology of Parkinson's disease. In: Jankovic J., Tolosa E. (eds.) Parkinson's disease and movement disorders. 3d ed. Baltimore: Williams & Wilkins, 1998: 133-158.

Журналы

6. Еришов В.Ф., Курамина Н.В. Российские образовательные учреждения за рубежом: опыт 1920-1930 годов. Исторические записки 2004; 7:198-222.
7. Block W., Karitzky J., Traber F. et al. Proton magnetic resonance spectroscopy of the primary motor cortex in patients with motor neuron disease. Arch. Neurol. 1998; 55: 931-936.

Электронные публикации и базы данных

8. Shulman L.M., Gruder-Baldini A.L., Anderson K.E. et al. The evolution of disability in Parkinson's disease. Mov. Disord. 2008: epub ahead.
9. <http://www.globalreach.com/> *

В конце статьи обязательно должна быть надпись **статья публикуется впервые**, ставится дата и подпись автора (авторов). Подпись автора сканируется, сохраняется в формате *.tif или *.jpg и вставляется в файл.

За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы). Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Статьи лиц, не имеющих ученой степени, заверяются также их научными руководителями.

Редколлегия оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. Статьи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями, возвращаются авторам без рассмотрения.

*Библиографический список также переводится на английский язык (**References**)

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, ректор Орловского государственного университета, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член Международной академии информатизации, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

БЕЛЕВИТИНА Т.М. – ответственный редактор журнала «Ученые записки Орловского государственного университета»;

ДУДИНА Е.Ф. – (ученый секретарь редакционной коллегии) – кандидат филологических наук, руководитель научного отдела Орловского государственного университета;

АЛЕСАНДРОВА А.П. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Орловского государственного университета;

АЛЕКСЕЕВ А.П. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин философского факультета Московского государственного университета;

ЗАЙЧЕНКОВА М.С. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка как иностранного, председатель докторского диссертационного совета по русскому языку и методике его преподавания Орловского государственного университета, Заслуженный деятель науки Российской Федерации;

ИВАНОВ А.Е. – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, руководитель НИИ филологии Орловского государственного университета;

ИСАЕВА Н.И. – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Белгородского государственного университета;

КАПУСТИН А.Я. – доктор юридических наук, профессор, руководитель центра сравнительно-правовых исследований института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российского отделения Ассоциации международного права;

КОЛЕСНИКОВА А.Ф. – доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры почвоведения и прикладной биологии, руководитель НИИ естественных наук Орловского государственного университета, заслуженный деятель науки РСФСР, действительный член Международной Российской экологической академии;

ЛЬВОВА С.И. – доктор педагогических наук, профессор, зав. лабораторией обучения русскому (родному) языку Института содержания и методов обучения Российской академии образования;

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ОСКОТСКАЯ Э.Р. – доктор химических наук, профессор, зав. кафедрой химии Орловского государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПАХАРЬ Л.И. – доктор философских наук, профессор Орловского государственного университета; академик Академии социальных наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ПИВЕНЬ В.Ф. – доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической физики и математического моделирования Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

РЕПИН О.А. – доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой Самарского экономического университета;

СЕДОВ Е.Н. – доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик Российской академии сельскохозяйственных наук, заслуженный деятель науки РФ, зав. отделом селекции семечковых культур ВНИИСПК;

СЕРЕГИНА Т.В. – кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, руководитель НИИ проблем провинциальной культуры Орловского государственного университета;

ТЕР-МИНАСОВА С.Г. – доктор филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета, почетный доктор Бирмингемского и Нью-Йоркского университетов;

ТЫРТЫШНИКОВ Е.Е. – доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель директора Института вычислительной математики Российской академии наук.

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой общей педагогики Орловского государственного университета; действительный член Международной педагогической академии;

ШАБАНОВ Н.К. – доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания изобразительного искусства Курского государственного университета, член Союза дизайнеров России, член международной ассоциации изобразительных искусств им. И.А. Пюнеско.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, ректор Орловского государственного университета, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член Международной академии информатизации; заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

БЕЛЕВИТИНА Т.М. – ответственный редактор журнала «Ученые записки Орловского государственного университета»;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии) – кандидат филологических наук, руководитель научного отдела Орловского государственного университета;

АНТОНОВА М.В. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы XI-XIX веков Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

АРОНОВА С.А. – доктор экономических наук, доцент, декан факультета экономики и управления Орловского государственного университета;

БАХВАЛОВА Т.В. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Орловского государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ГЕЛЛА Т.Н. – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, зав. кафедрой всеобщей истории Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, директор НИИ филологии Орловского государственного университета;

КРЮЧКОВА Т.Б. – доктор филологических наук, профессор, зам. руководителя научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН;

ЛИТВИН Ф.А. – доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный деятель науки РСФСР;

МАРКОВИЧЕВА Е.В. – доктор юридических наук, доцент Орловского государственного университета;

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

МИХАЛЬЧЕНКО В.Ю. – доктор филологических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук и Российской академии лингвистических наук, руководитель научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

НАЗАРОВА Г.Ф. – кандидат философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета;

НИКИФОРОВ В.А. – доктор юридических наук, зав. кафедрой международного и международного частного права Орловского государственного университета, директор НИИ правовых проблем Орловского государственного университета;

НОВИКОВ С.Н. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой декоративно-прикладного искусства и технической графики Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ОБРАЗЦОВ П.И. – доктор педагогических наук, профессор, декан факультета дополнительного профессионального образования и повышения квалификации, зав. кафедрой непрерывного образования и новых образовательных технологий Орловского государственного университета;

РЫМШИНА Т.А. – кандидат искусствоведческих наук, доцент кафедры дизайна Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

СЕРЕГИНА Т.В. – кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, директор НИИ проблем провинциальной культуры Орловского государственного университета;

ТЮРИКОВА Г.Н. – кандидат педагогических наук, профессор кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы, декан социального факультета Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой общей педагогики Орловского государственного университета, действительный член Международной педагогической академии.

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СЕРИЯ «ГУМАНИТАРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ»**

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФФС 77-29955 от 17.10.2007
Включен в каталог «Издания органов НТИ» ОАО Агентство «Роспечать»
(почтовый индекс: 66005)

Ответственный редактор: Белевитина Т.М.
Составители: Кирсанов М.А., Руднева У.П.
Компьютерная верстка: Корявкина О.С.
Дизайн обложки: Никифоров А.В.
Корректурa: Рыбкина О.А.

Подписано в печать 20.04.2013 г. Формат 60x80 1/8
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объем 47,3 усл. п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 20
Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфической базе редакционно-издательского отдела
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»
302026, г. Орел ул. Комсомольская, 95
Тел./факс (4862) 74-09-30